

ЖУРНАЛЪ

МИНИСТЕРСТВА

НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ.

ЧАСТЬ СІ.

САНКТПЕТЕРБУРГъ.

Въ типографії ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.

1859.

I.

ДѢЙСТВІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВА.

ВЫСОЧАЙШІЯ ПОВЕЛІННІЯ

за ноіябрь 1858 года.

---

35. (3 ноября) *О дозволении принимать в пансионъ состоящихъ при Ришельевскомъ лицѣ гимназіи дѣтей иностраннцевъ.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволить: въ пансионъ состоящихъ при Ришельевскомъ лицѣ гимназіи принимать дѣтей иностраннцевъ.

36. (3 ноября) *О назначении разъездныхъ денегъ директору Ришельевского лицѣя.*

Государь Императоръ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволить: директору Ришельевского лицѣя производить разъездныя деньги, по 204 р. съ въ годъ, изъ экономической суммы лицѣя.

37. (15 ноября) *Объ упраздненіи главнаго педагогического института и объ устройствѣ въ замѣнѣ онаго педагогическихъ курсовъ.*

Главное правленіе училищъ, въ засѣданіи 31 октября 1858 года, по разсмотрѣніи дѣла о преобразованіи главнаго педагогическаго института, въ разрѣшеніе основныхъ вопросовъ, относительно тѣхъ недостатковъ, которые замѣчаются въ настоящихъ способахъ образованія педагоговъ, опредѣлило: упразднить главный педагогическій институтъ, устроить, въ замѣнѣ онаго, особые педагогическіе курсы, въ которые принимать молодыхъ людей, окончившихъ уже курсъ въ университетѣ. Педагогическіе курсы, соединяя факультетское образованіе съ специальнymъ и практическимъ, будуть продолжаться два года, и должны быть заведеніями открытыми; а для большаго развитія и распространенія педагогическаго образованія, допускать въ сіи курсы, кромѣ стипендіатовъ, и вольныхъ слушателей, на одинаковыхъ основаніяхъ въ-отношениі условій приема, но съ тѣмъ, что стипендіаты, по окончанію своего образованія, обязываются прослужить по учебной части вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія не менѣе шести лѣтъ, а вольные слушатели не подлежать этой обязанности. Какъ стипендіатамъ, такъ и вольнымъ слушателямъ, время пребыванія въ педагогическихъ курсахъ зачитывается въ действительную службу, но послѣднимъ въ такомъ лишь случаѣ, если они, по выходѣ изъ педагогическихъ курсовъ, поступятъ въ учебную службу. Наконецъ какъ существующіе при университетахъ педагогическіе институты равномѣрно требуютъ улучшений, то педагогическіе курсы учредить во всѣхъ городахъ, гдѣ есть университеты; доколѣ-же сказанные институты не будутъ окончательно преобразованы, сохранить на казеннокоштныхъ студентахъ оныхъ обязанность поступать въ учебную службу, по распоряженію начальства, для выслуги установленного срока.

На статьѣ журнала о семъ главнаго правленія училищъ, которая была представлена на Высочайшкѣ Его Импера-

ТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА УТВЕРЖДЕНИЕ, ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ НАПИСАТЬ СОИЗВОЛЕНЬ: «Исполнить».

38. (15 ноября) *Объ учреждениі при Устьсысольскомъ женскомъ училищѣ должности почетнаго блюстителя.*

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайше повелѣть соизволенъ: при Устьсысольскомъ женскомъ училищѣ учредить должностъ почетнаго блюстителя, преимущественно изъ купеческаго сословія, съ обязанностями и правами, присвоенными этому званію Высочайше утвержденнымъ 1 ноября 1839 года «Положеніемъ о городскихъ начальныx училищахъ въ Москвѣ», и съ предоставлениемъ Вологодскому градо-данскоому губернатору утверждения въ семъ званіи лицъ, избираемыхъ училищнымъ начальствомъ, съ согласіемъ градскаго общества, съ тѣмъ однакожъ, чтобы на первый разъ званіе это предоставлено было Устьсысольскому купцу Латкину.

39. (17 ноября) *Объ учреждениі въ Поневѣжскомъ уѣзде должности втораго почетнаго смотрителя училищъ.*

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть изволилъ: Ковенской губерніи, въ Поневѣжскомъ уѣздѣ имѣть втораго почетнаго смотрителя училищъ, на общемъ основаніи, съ правами и преимуществами, званію сему присвоенными, съ подчиненіемъ его надзору учрежденныхъ въ мѣстечкѣ Іоганшикеляхъ, Поневѣжского уѣзда, на счетъ фундуша помѣщика Карпя, приходскаго училища и госпитала.

40. (17 ноября) *О возведеніи класса должности и жалованья архитектора Виленскаго учебнаго округа.*

ГОСУДАРЬ ИМПЕРАТОРЪ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, Высочайше повелѣть изволилъ: архитектору Виленскаго учебнаго округа производить

по сей должности жалованья 1,000 р. и на наемъ чертежника и чертежные материалы 250 р., всего по 1,250 руб. въ годъ, съ отнесенiemъ изъ нихъ 571 р. 84 коп. на средства округа, а осталыхъ — по недѣлнію ли въ управлениі округа, ли въ министерствѣ народнаго просвѣщенія источниковъ, на которые могъ-быть отнесенъ этотъ расходъ, на счетъ суммъ государственного казначейства.

41. (25 ноября) *O порученіи инженеру-подполковнику Стуарту преподаванія строительного искусства въ Варшавской художественной школѣ.*

По всеподданнейшему докладу министра народнаго просвѣщенія, вслѣдствіе отношенія намѣстника Царства Польскаго, Государь Императоръ Высочайше соизволилъ на порученіе члену правленія XIII округа путей сообщенія, инженеру-подполковнику Стуарту преподаванія строительного искусства въ Варшавской художественной школѣ, съ оставленіемъ его въ настоящей должности и съ производствомъ содержания по объемъ должностямъ.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

ВО МНИСТЕРСТВУ НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

Слѣдующіе

ПРИКАЗЫ:

№ 3.

17 ноября 1858 года,

Въ Парскомъ Селъ.

ПРЕДЛАГАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:

Члену главнаго правленія училищъ, тайному совѣтнику *Адеркасу* — по болѣзни, до мая мѣсяца 1859 года.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Почетный емотритель училищъ Бобруйскаго уѣзда, поручикъ *Кельческій* — по болѣзни, въ Германію, Австрію, Швейцарію, Францію, Испанію, Италию, Грецію, Турцію и Египетъ, на честь мѣсяцевъ.

№ 4.

25 ноября 1858 года,

Въ С. Петербургъ.

ПРИЧИНАЛСЯ КЪ МНИСТЕРСТВУ:

Уволенный изъ воинской службы съ чиномъ статского советника, бывшій полковникъ по полевой пѣшій артиллеріи *Щебальскій*.

Государь ИМПЕРАТОРЪ объявляетъ Монаршкѣ благоволеніе почетному попечителю Рязанской гимназіи, действительному статскому совѣтнику *Рюмину*, за пожертвованіе для Рязанскаго Мариинскаго женскаго училища каменнаго двухъ-этажнаго дома.

Подпись: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевский.*

МИНИСТЕРСКИЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ

ЗА НОЯВРЬ 1858 ГОДА.

22. (14 ноября)

ПОЛОЖЕНИЕ

О ПАНСИОНѦ ТАГАНРОГСКОЙ ГИМНАЗІИ СЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНЫМЪ ПРИ НЕМЪ ОТДѢЛЕНІЕМЪ.

(Утверждено министромъ народнаго просвещенія)

Цѣль, основы и составъ.

1) Для облегченія живущимъ въ Таганрогѣ и иногороднимъ лицамъ способовъ къ приличному воспитанію и образованію дѣтей ихъ, 24 сентября 1858 г. открыть при Таганрогской гимназіи пансіонъ съ приготовительнымъ отдѣленіемъ на тридцать своекоштныхъ пансіонеровъ, устроенный на основаніи Высочайше утвержденного 8 декабря 1828 г. устава учебныхъ заведеній.

2) Въ случаѣ надобности, число пансіонеровъ можетъ быть увеличено, смотря по удобствамъ помѣщенія въ домѣ гимназіи.

3) Какъ въ пансіонѣ, такъ и въ приготовительное отдѣление принимаются дѣти дворянъ, чиновниковъ, священнослужителей, почетныхъ гражданъ, купцовъ первыхъ двухъ гильдій и иностранцевъ (*).

(*) О дозволеніи принимать въ сіе заведеніе дѣтей почетныхъ гражданъ, купцовъ первыхъ двухъ гильдій и иностранцевъ, по положенію главнаго правленія училищъ, Высочайшее разрѣшеніе посыпало въ 8 день ноября 1858 года.

4) Въ пансіонъ могутъ поступать дѣти не моложе 10 лѣтъ, съ такими приготовительными свѣдѣніями, которыя необходимы для поступленія въ одинъ изъ гимназическихъ классовъ. Воспитанники пансіона обучаются въ гимназії, виѣстъ съ другими учениками, всѣмъ положеннымъ предметамъ, полный курсъ коихъ раздѣляется на 7 классовъ, съ назначеніемъ для каждого класса во одному году. Въ свободное отъ ученія въ классахъ время воспитанники, по-мѣрѣ возможности, обучаются танцованию, гимнастикѣ, пѣнію и музыкѣ. Виѣ классовъ воспитанники находятся подъ осѣбеннымъ надзоромъ и попеченіемъ начальства пансіона, которое принимаетъ всѣ возможныя мѣры къ успѣшнѣйшему ученію ихъ, съ практическимъ употребленіемъ иностраннѣхъ языковъ.

4) Въ приготовительное отдѣленіе пансіона поступаютъ дѣти отъ 9- до 11-лѣтняго возраста. Они обучаются въ отдѣленіи чтенію и письму на Русскомъ, Французскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ и первымъ правиламъ ариѳметики. Курсъ ученія въ отдѣленіи продолжается отъ одного года до двухъ лѣтъ.

6) Для занятія воспитанниковъ виѣ классовъ, пансіонъ имѣть особыя, собственно ему принадлежаща учебныя пособія: глобусы, географическія карты, историческія таблицы, словари и другія книги.

7) Пища, одежда, бѣлье, книги и вообще все нужное для приличного содержанія воспитанниковъ и употребленія при учебныхъ занятіяхъ ихъ, доставляется имъ отъ пансіона.

9) Главный надзоръ и попеченіе о благосостояніи пансіона ввѣряется почетному попечителю гимназіи.

9) Директоръ гимназіи есть виѣстъ и директоръ пансіона. Должность его помощника исправляетъ инспекторъ. Сверхъ-того при пансіонѣ состоятъ комнатные надзиратели, экономъ, врачъ, учителя приготовительного отдѣленія, учителя искусствъ, кастелянша съ прачками и опредѣленное число нижнимъ служителей.

о принятии воспитанниковъ.

10) Лица, желающія помѣстить дѣтей въ пансіонъ или приготовительное отдѣленіе онаго, относятся о томъ къ директору.

11) Для принятія воспитанника въ пансіонъ требуются свидѣтельства о рожденіи и о томъ, что онъ имѣть естественную или прививную осину. Сверхъ-сего, если желающій помѣстить воспитанника не имѣть постояннаго пребыванія въ Таганрогѣ, то представляетъ письменное обязательство извѣстнаго изъ живущихъ въ семъ городѣ лица, что, въ случаѣ увольненія изъ пансіона, воспитанникъ будетъ принять къ нему въ домъ.

12) За содержаніе воспитанника въ пансіонѣ, равно-какъ и въ приготовительномъ онаго отдѣленіи платится по 286 руб. сер. въ годъ, и, сверхъ-того, при поступлениі, вносится, единовременно, на первое обзаведеніе, 50 руб. сер. Если вслѣдствія времени откроется возможность къ уменьшенію сей платы, то начальство пансіона должно представить о семъ на разрѣшеніе высшаго начальства. Плата вносится за годъ или, по крайней-мѣрѣ, за полгода впередъ. Имогорѣдые прсыдаются оную по почтѣ на имя директора.

13) Если по какимъ-либо уважительнымъ причинамъ воспитанникъ будетъ принять въ пансіонъ не въ началѣ учебнаго года, то съ такового взимается плата по разсчету, полагая ону съ 1 числа того мѣсяца, въ которомъ воспитанникъ поступилъ въ заведеніе, до втораго полугодичнаго срока.

14) Если чрезъ мѣсяцъ послѣ назначенаго срока сумма, слѣдующая на содержаніе воспитанника, не будетъ доставлена, то онъ отсылается къ родителямъ или къ тому лицу, которое обязалось принять его къ себѣ въ домъ, а употребленная на содержаніе его сумма взыскивается по разсчету за то время, которое оставался къ пансіонѣ.

15) Сумма, внесенная на содержаніе воспитанника, остается собственностью пансіона, хотя-бы воспитанникъ выбылъ изъ онаго до истечения времени, за которое сумма внесена.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ВРЕМЕНИ ЗАНЯТИЙ.

16) Время и занятія воспитанниковъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ: въ 6 часовъ утра воспитанники встаютъ и къ $6\frac{1}{2}$ оканчиваютъ утреннюю молитву. Время отъ $6\frac{1}{2}$ до 9 часовъ опредѣляется на завтракъ и приготовленіе къ классамъ. Отъ 9 до $2\frac{1}{2}$ часовъ—ученіе въ классахъ, съ получасовымъ отдыхомъ отъ $11\frac{1}{2}$ до 12 часовъ. Отъ $2\frac{1}{2}$ до 4 часовъ—обѣдъ, отдыхъ и гимнастическая упражненія.

Отъ 4 до 6 часовъ—приготовленіе къ урокамъ слѣдующаго дnia.

Отъ 6 до $6\frac{1}{2}$ часовъ — вечерній чай.

Отъ $6\frac{1}{2}$ до 8 часовъ—продолженіе приготовленія классныхъ уроковъ, или упражненія въ музыкѣ, танцахъ, а также практика въ иностраннныхъ языкахъ.

Отъ 8 до 9 часовъ—ужинъ и вечерная молитва, послѣ которой воспитанники отходятъ ко сну.

Распредѣленіе времени и занятій воспитанниковъ приготовительного отдѣленія предоставляетъ начальству пансиона съ утвержденіемъ попечителя Одесскаго учебнаго округа.

17) Молитвы какъ утреннія и вечернія, такъ предъ столомъ и послѣ стола воспитанники читаютъ по-очереди, или по назначению инспектора, который наблюдаетъ, чтобы все слушали оныя со вниманіемъ и целились съ благоговѣніемъ.

18) Въ воскресные и праздничные дни воспитанники, въ сопровожденіи надзирателя, отправляются въ церковь для слушанія божественной литургіи, предъ началомъ которой священникъ-законоучитель объясняетъ имъ содержаніе Евангелія и Апостольскихъ дѣяній, или Посланий того дня. Послѣбѣденное время назначается для прогулокъ и приличныхъ забавъ, подъ наблюдениемъ дежурнаго надзирателя.

19) Въ свободные отъ ученія дни благоправные и прилежащіе воспитанники могутъ быть отпускаемы въ дома своихъ родителей и родственниковъ или тѣхъ лицъ, коимъ они вѣре-

ны, но неиначе, какъ по особому каждый разъ приглашенію и въ сопровождѣніи присылаемыхъ за ними надежныхъ людей. Воспитанники отпускаются поутру и возвращаются вечеромъ; имъ позволяетъ и ночевать въ пансіона, когда бываетъ нѣсколько праздничныхъ дней сряду.

20) При отпускѣ изъ пансіона каждый воспитанникъ получаетъ отъ инспектора билетъ, съ точнымъ означеніемъ въ оному времени отпуска. Лицо, пригласившее къ себѣ воспитанника, отмѣчается на семь билетъ, когда воспитанникъ обратно отправленъ въ пансіонъ. Билеты возвращаются инспектору самими воспитанниками.

О ПРАВАХЪ ПОСЫЩЕНІЯ И ВЗЫСКАНІЯ.

21) Относительно поощренія воспитанниковъ пансіона, также исправленія и наказанія проступившихъ въ чёмъ-либо, употребляются тѣ-же самыя мѣры, какія опредѣлены уставомъ учебныхъ заведеній для учениковъ гимназій. Строгія взысканія или наказанія допускаются съ крайнею осмотрительностію и не иначе, какъ съ разрѣшенія директора, а въ случаяхъ важныхъ, по опредѣленію совѣта гимназіи.

ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ДИРЕКТОРА И ИНСПЕКТОРА.

22) Директоръ и инспекторъ гимназіи пользуется изъ суммъ пансіона дополнительнымъ жалованьемъ, первый по 10 руб., а послѣдній по 8 руб. въ годъ отъ воспитанника. Таковое дополнительное жалованье производится директору и инспектору только тогда, когда въ пансіонѣ будетъ полный комплектъ пансіонеровъ (30), при меньшемъ-же числѣ они вовсе не получаютъ сего жалованья. Инспекторъ живеть въ домѣ, где помѣщается пансіонъ.

23) Всѣ ближайшія распоряженія по пансіону и въ-особенности по части учебной зависятъ отъ директора.

24) Директоръ принимаетъ и увольняетъ всѣхъ исправляющихъ въ пансіонѣ какую-либо должность, выдаетъ нужные

на расходъ суммы, повѣряеть счеты, но однакоже обо всемъ сносится съ почетнымъ попечителемъ.

25) Непосредственное хозяйство въ пансионѣ ввѣряется инспектору и на его отвѣтственности, но подъ надзоромъ директора.

26) Инспекторъ заготавливаетъ самъ или чрезъ эконома всѣ мелочныя потребности для пансиона, приготовление же одежды, поставка съѣстныхъ припасовъ, учебныхъ пособій и прочихъ вещей въ большомъ количествѣ производится чрезъ подрядъ, а въ случаѣ невыгодности состоявшихся на торгахъ цѣнъ, хозяйственнымъ способомъ, съ разрѣшенія начальства, на основаніи постановленныхъ по сему предмету правилъ.

27) Инспекторъ имѣть шнуровую за подписаниемъ и печатью директора книгу, для записыванія прихода и расхода отпускаемой въ его распоряженіе суммы пансиона. Книга сія ведется и отчеты въ ввѣренныхъ инспектору суммахъ представляются, разсматриваются и повѣряются цорядкомъ, опредѣленнымъ Св. Зак. (изд. 1857 г.) т. VIII, въ приложениі къ ст. 18 Счетамъ уст. мин. нар. просе.

28) Въ завѣдываніи инспектора находятся всѣ принадлежащія пансиону учебныя пособія. Онъ избираетъ книги для чтенія воспитанниковъ, наблюдаетъ за ихъ выходомъ изъ пансиона и возвращеніемъ, наблюдаетъ также за выборомъ пищи и находится съ ними во время завтрака, обѣда и ужина. Особенное попеченіе онъ обязанъ прилагать о воспитанникахъ больныхъ. Вообще ему поручается сохраненіе въ пансионѣ порядка во всѣхъ отношеніяхъ.

о КОМНАТНЫХЪ НАДЗИРАТЕЛЯХЪ.

29) Комнатные надзиратели суть помощники инспектора по части наблюденія за воспитанниками. Они опредѣляются и увольняются директоромъ, однакоже неиначе какъ съ согласія почетнаго попечителя и утвержденія попечителя Одесскаго учебнаго округа.

30) На каждыхъ 1-5 воспитанниковъ назначается по одному комнатному надзирателю.

31) Въ надзиратели избираются образованные и благонадежные люди, преимущественно изъ знающихъ Французскій и Нѣмецкій языки, могущіе хорошо наблюдать за учебными занятіями и нравственностью воспитанниковъ и вообще способные къ отираженію таковыхъ обязанностей.

32) Надзиратели обязаны имѣть бдительный и неослабный надзоръ за воспитанниками; въ свободное отъ классовъ время быть при нихъ безотлучно, имѣя съ ними общий столъ и ночуя поочереди въ однѣхъ съ ними комнатахъ; ходить съ ними также поочереди въ классы; ежедневно имѣть свѣдѣнія обо всемъ выслушанномъ въ классахъ воспитанниками; руководя ихъ въ приготовленіи классныхъ уроковъ и наблюдая, чтобы они приготовляли заданное имъ и повторяли выученное, а въ свободное время занимая ихъ чтеніемъ выбранныхъ инспекторомъ сочиненій и заставляя дѣлать переводы или извлечения изъ читанного; наблюдать за воспитанниками и во время разговоровъ ихъ между-собою замѣтать и поправлять дѣлаемыя ими ошибки противъ языка, привычкъ или вкуса; всякое утро словесно доносить инспектору о состояніи пансиона, о необыкновенныхъ же происшествіяхъ уведомлять его немедленно, для донесенія буде нужно и директору; ежедневно вести журналъ обь успѣхахъ и о поступкахъ воспитанниковъ, замѣтая отличительныя черты ихъ характера, а также, къ чему они имѣютъ наиболѣе склонности, въ какіе проступки чаше впадаютъ, въ какихъ пособіяхъ имѣютъ особенную надобность и проч.; наблюдать, чтобы воспитанники не читали неодобримыхъ инспекторомъ книгъ и вообще не позволяли себѣ ничего, неприличнаго благороднаго и благовоспитаннаго юношамъ.

33) Надзиратели и самъ инспекторъ въ обращеніи съ воспитанниками должны стараться и поступками своими и разговорами вкоренять въ сердца ихъ любовь къ наукамъ и уваженіе къ правиламъ вѣры, нравственности и чести.

34) Они должны быть снискходительны къ проступкамъ легкимъ, свойственнымъ дѣтскому или юношескому возрасту, но тверды въ важныхъ случаяхъ.

ОБЪ УЧИТЕЛЯХЪ ИМУСТЬ ВЪ ПРИГОТОВИТЕЛЬНОМЪ ОТДѢЛЕНИИ.

35) Учителя музыки, пѣнія, танцованія и гимнастики не считаются въ государственной службѣ, и, кроме опредѣленной за обученіе платы, не пользуются никакими преимуществами. Плата производится имъ изъ общихъ суммъ пансіона, кроме учителя музыки, которому производится жалованье изъ суммы, особо вносимой на этотъ предметъ пансіонерами.

Учителя приготовительного отдѣленія не пользуются по сейму званію никакими служебными правами и преимуществами, а получаютъ только за труды свои опредѣленное вознагражденіе, въ видѣ платы.

ОБЪ ЭКОНОМѢ.

36) Экономъ опредѣляется и увольняется директоромъ, съ утвержденіемъ попечителя учебнаго округа и согласія почетнаго попечителя гимназіи. Подъ надзоромъ инспектора онъ имѣетъ въ своемъ завѣдываніи и храненіи привадлежащія пансіону вещи, которые сдаются ему и принимаются по описямъ.

37) На эконома возлагается обязанность принимать и выдавать продовольственные припасы, наблюдать за исправностью и поведеніемъ служителей пансіона, за своевременнымъ и надлежашимъ приготовленіемъ завтрака, обѣда и ужина для воспитанниковъ, за отопленіемъ, освѣщеніемъ и опрятностю пансіона, исправностью бани и прачечной и вообще за всѣми до хозяйственной части касающимися предметами. При покупкѣ и приемѣ дровъ, угляевъ и другихъ материаловъ, при производствѣ починокъ и передѣлокъ, онъ есть помощникъ инспектора и исполняетъ всѣ его распоряженія.

о хозяйственных разборахъ въ пансионѣ.

38) Принадлежащія пансиону суммы хранятся вмѣстѣ съ суммами гимназій, но по счетамъ не смѣшиваются съ ними. Счетоводство, отчетность и ревизія оныхъ производятся, на основаніи Св. зак. (изд. 1857 г.) т. VIII. Счетнаго устава министерства народнаго просвѣщенія.

39) Одежда воспитанниковъ имѣеть общую форму съ одѣждою учениковъ гимназій; но при домашніхъ занятіяхъ, вмѣсто сюртуковъ, допускаются темнозеленаго сукна съ краснымъ воротникомъ куртки, и въ лѣтнее время куртки и панталоны изъ легкой матеріи,

40) Бѣлье какъ на воспитанникахъ, такъ и столовое перемѣняется по два раза, а постельное одинъ разъ въ недѣлю. При пансионѣ должна быть устроена баня.

41) Пища приготавливается здоровая и въ достаточномъ количествѣ, но безъ излишества: обѣдъ изъ трехъ блюдъ, а ужинъ изъ двухъ. По воскресеньямъ и праздникамъ за обѣдомъ прибавляется еще одно блюдо. Къ ежедневному завтраку и полднику подаются: въ зимнее время — чай, а въ лѣтнее — молоко съ бѣлымъ хлѣбомъ.

42) При пансионѣ учреждается больница для воспитанниковъ, родители коихъ не могутъ взять ихъ для пользованія къ себѣ въ домъ. Въ помощь врачу пансиона содержится при больнице особый фельдшеръ.

Подпись: Директоръ департамента народнаго просвѣщенія

П. Гавскій.

**ПРИКАЗЫ
МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ**

№ 5.

6 ноября 1858 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Изъ отставныхъ — коллежскій асессоръ *Тучковъ*.

ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій секретарь баронъ *Корфъ* — почетнымъ смотрителемъ Псковскаго уѣзднаго училища.

УТВЕРЖДАЕТСЯ ПО ВЫБОРУ:

Изъ отставныхъ, корнетъ *Себряковъ* — почетнымъ смотрителемъ Устьмедведицкаго окружнаго училища.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Почетный смотритель Сергачскаго уѣзднаго училища, надворный советникъ *Классенъ* — согласно прошению, по болѣзни.

Почетный смотритель Новочеркасскаго окружнаго училища, отставной штабсъ-ротмистръ *Курнаковъ* — по болѣзни.

ИСКЛЮЧАЕТСЯ ИЗЪ СПИСКА:

Умершій ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета, статский советникъ *Валицкий*.

№ 6.

19 ноября 1858 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета по кафедрѣ гражданскихъ законовъ, надворный советникъ *Пахманъ*.

ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ:

Дѣйствительный студентъ Императорскаго Московскаго университета *Хомяковъ* — почетныи смотрителемъ Бронницкаго уѣзднаго училища.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Инспекторъ Московской первой гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Копосовъ* — директоромъ Московской четвертой гимназіи.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Экстраординарные профессоры Императорскаго Харьковскаго университета: статскій совѣтникъ *Смирновъ* и надворный совѣтникъ Пётръ *Лавровскій* — ординарными профессорами того-же университета по занимаемымъ ини каѳедрамъ: первымъ — судебной медицины, а послѣднимъ — Славянскихъ народній (съ 29 октября 1858 г.).

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Козловъ* — ординарнымъ профессоромъ того-же университета по занимаемой имъ каѳедрѣ акушерства.

Исправляющій должность профессора Ришельевскаго лицея, магистръ *Максимовъ* — профессоромъ лицея по занимаемой имъ каѳедрѣ Рийскаго законовѣданія и международнаго права, со дnia допущенія къ исправленію этой должности, съ 20 декабря 1857 года.

ПРИВОДЯТСЯ:

Почетный смотритель Соликамскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Костаревъ* — къ таковой-же должности въ Чердынское уѣздное училище.

УЗЫВАЮТСЯ:

Директоръ Московской четвертой гимназіи, статскій совѣтникъ баронъ *Рейхель* — согласно прошенію, по болѣзни, отъ службы.

Членъ ученаго комитета главнаго правленія училищъ, надворный совѣтникъ *Вышеградскій* — по прошенію, отъ настоящей должности.

№ 7.

27 ноября 1858 года.

ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ:

Действительный студентъ Императорскаго Московскаго университета *Хомяковъ* — почетнымъ смотрителемъ Московскаго втораго уѣзднаго училища.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Деканами факультетовъ Императорскаго Дерптскаго университета, ординарные профессоры, статскіе совѣтники: *Куртицъ* — Богословскаго, *фонъ-Руммель* — юридическаго, *Пецольдъ* — физико-математическаго, *Бухгеймъ* — медицинскаго и *Штромъ-мель* — историко-филологическаго, всѣ на четыре года, съ 1 января 1859 года.

Изъ отставныхъ, ротмистръ *Молляковъ* — по выборамъ, почетнымъ смотрителемъ Новочеркасскаго окружнаго училища.

ПРИНЯТОЕ:

Экстраординарный профессоръ главнаго педагогическаго института, надворный совѣтникъ *Лаэросскій* — въ Императорскій Харьковскій университетъ, ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ Русской словесности.

УВОЛЬНЕНИЕ:

Экстраординарный профессоръ Польскаго языка при главномъ педагогическомъ институтѣ, надворный совѣтникъ *Дубровскій* — отъ сей должности, по случаю закрытия каѳедры.

Подписанъ: Министръ народнаго просвѣщенія *Е. Ковалевскій*.

Министръ народнаго просвѣщенія, тайный совѣтникъ Ковалевскій принялъ званіе почетнаго члена Императорскаго Казанскаго университета (26 ноября).

УТВЕРЖДЕНИЯ:

По Императорскому Казанскому университету.

Професоръ Парижской медицинской школы Адольфъ Вюрц—въ званіи почетнаго члена (13 ноября).

По Императорскому Московскому Обществу исторіи и древностей Российскихъ.

Попечитель Московскаго учебнаго округа, гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества, тайный совѣтникъ Бахметьев—вице-президентомъ (3 ноября).

По Казанскому учебному округу.

Состоящій въ привилегіи Астраханскій армянинъ Григорій Казачковъ — почетныи благотворителемъ Астраханскаго Армянского Агабабовскаго училища (26 ноября).

Ординарный профессоръ церковной исторіи и богословской литературы въ Дерптскомъ университѣтѣ, статскій совѣтникъ Куртизъ перемѣщенъ на каѳедру экзегетики и восточныхъ языковъ, съ 1 января 1859 года (27 ноября).

Объявлены признательность министерства народнаго просвѣщенія.

Моршанскуму градскому главѣ, 1-ї гильдіи купцу Андрею Платинику — за усердіе его къ пользованію Моршанскаго уѣзднаго училища (6 ноября); почетному смотрителю Донецкаго окружнаго училища, есаулу Поллякову — за изъявленную имъ готовность содер-жать на свой счетъ двухъ бѣдныхъ учениковъ Новочеркасской гимназіи (19 ноября).

О КНИГАХЪ,

одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Livre de lecture et de traductions du fran ais en russe,
сост. Данилевскимъ.

Въ засѣданіи ученаго комитета главнаго правленія училищъ, 21 ноября 1858 года, слушано мнѣніе одного изъ членовъ о составленной надворнымъ советникомъ *Данилевскимъ* книжѣ, подъ заглавиемъ: «*Livre de lecture et de traductions du fran ais en Russe, suivi d' exercices de m moire, avec un vocabulaire. Cours moyen*», которая, по приказанію министра народнаго просвѣщенія, передана была на разсмотрѣніе ученаго комитета для рѣшенія, заслуживаетъ ли она быть принятою, согласно желанію составителя, въ числѣ учебныхъ пособій для среднихъ классовъ гимназій. По отзыву рецензента, выборъ статей въ сборникѣ г. Данилевскаго сдѣланъ со вкусомъ, въ расположении ихъ соблюдена постепенность, содержаніе ихъ занимательно и приспособлено къ понятіямъ юныхъ умовъ, наконецъ присоединенный къ книжѣ словарь обработанъ упцельно и разрѣшаетъ всмое недоумѣніе читателя и переводчика, а потому книга эта съ пользою можетъ быть введена въ числѣ учебныхъ пособій. Обращаясь за тѣмъ къ разрѣшенію вопроса о томъ, для которыхъ именно классовъ гимназій книга г. Данилевскаго наиболѣе полезна, рецензентъ замѣтилъ, что, безъ особыхъ побудительныхъ причинъ, не должно обременять родителей учениковъ покупкою новыхъ учебныхъ книгъ, которыя теперь и безъ того уже стоятъ втрое дороже чѣмъ пятнадцать лѣтъ тому назадъ. Руководство Марго, употребляемое нынѣ въ мазинкѣ классахъ

гимназій, также содержать въ себѣ сборникъ Французскихъ статей въ прозѣ и въ стихахъ съ краткимъ словаремъ, и служить ученикамъ для чтенія и переводовъ въ четвертомъ и пятомъ классахъ. Въ сущности книга г. Данилевскаго сходна со второю половиною сборника Марго. Посему можно пред-оставить на выборъ училищного начальства употреблять въ среднихъ классахъ гимназій тотъ или другой изъ сихъ двухъ сборниковъ. За то книга г. Данилевскаго съ большею пользою можетъ быть употребляема въ высшихъ классахъ гимназій, въ-особенности-же не столичныхъ. Находящаяся нынѣ въ употреблении въ сихъ классахъ Французская христоматія Трико есть безспорно прекрасное собрание классическихъ, образцовыхъ статей изъ всѣхъ областей Французской литературы; но чтобы читать ее съ пользою и умѣть оцѣнить достоинства и красоты ея содержанія, для этого надобно уже въ значительной степени владѣть Французскимъ языккомъ, и имѣть болѣе развитой и зрѣлый умъ, нежели насколько это бываетъ большою частию у учениковъ гимназій. Въ гимназіяхъ обѣихъ столицъ, по известнымъ мѣстнымъ причинамъ, еще найдутся ученики, довольно успѣвшіе во Французскомъ языкѣ, чтобы съ ними читать и разбирать образцовые статьи христоматіи Трико; въ прочикъ-же гимназіяхъ, где все знаніе Французского языка почерпается изъ двухъ или трехъ еженедѣльныхъ уроковъ, безъ всякой домашней практики и безъ чтенія книгъ, писанныхъ на этомъ языке, чтеніе и переводъ языка христоматіи Трико есть задача, далеко превосходящая силы учениковъ. Къ сему должно присоединить, что къ означенной христоматіи Трико не присоединено словаря, — что крайне затрудняетъ ея употребленіе. Да и сами учителя затрудняются перево-домъ этихъ образцовыхъ статей христоматіи Трико, которыхъ труднѣе переводить на другой языкъ, чѣмъ онъ польше изображаютъ характеръ, духъ и образъ мыслей, свойственный Французскому народу. Основываясь на вышепомянутомъ, учный комитетъ опредѣлилъ, что книга г. Дани-

левскаго вполнѣ заслуживаетъ быть введенною въ число учебныхъ способовъ при преподаваніи Французскаго языка преимущественно въ четвертомъ и пятомъ классахъ гимназій, наравиъ съ упомянутымъ выше руководствомъ Марго, съ тѣмъ, чтобы выборъ того или другаго изъ сихъ руководствъ предоставленъ быть усмотрѣнію педагогическихъ со-вѣтовъ гимназій; но что, сверхъ-того, книга г. Данилевскаго съ большою пользою можетъ быть употребляема и въ высшихъ классахъ тѣхъ гимназій, въ которыхъ, по недостаточнымъ успѣхамъ учениковъ во Французскомъ языкѣ, чтеніе и переводъ христоматіи г. Трико окажется затруднительнымъ. На заглавномъ листѣ книги г. Данилевскаго комитетъ полагалъ разрѣшить напечатать: *одобрена министерствомъ народного просвещенія къ употребленію въ гимназіяхъ.*

Министръ народного просвѣщенія одобрилъ заключеніе ученаго комитета и приказалъ выписку изъ журнала засѣданія онаго напечатать въ журналѣ министерства для свѣдѣнія учебныхъ заведеній.

Цѣна книгѣ г. Данилевскаго 65 к. с. за экз.; съ требованіемъ оной надлежитъ обращаться къ составителю (*).

Міръ Божій, сост. Разинъ.

Коллежскій ассесоръ Разинъ издалъ въ свѣтъ книгу, подъ заглавiemъ: «Міръ Божій». Министръ народного просвѣщенія, признавая полезнымъ имѣть книгу сю въ библіотекахъ учебныхъ заведеній, предоставилъ начальствамъ сихъ заведеній выписывать оную, по мѣрѣ средствъ каждого заведенія.

(*) Адресъ его: въ С. Петербургѣ, на Васильевскомъ острову, по 6-й линіи, въ д. Бенардаки.

По приказанию министра народного просвещения дается знать учебнымъ заведеніямъ, что допущенная въ 1855 году къ употребленію въ видѣ пособія «Книга для переводовъ съ Русскаго на Нѣмецкій, Французскій и Аглійскій языки съ словаремъ при ней», составленная Ульяновымъ и Студитскимъ, отпечатана нынѣ вторымъ изданіемъ. Цѣна сей книги прежняя, 88-коп. сер., и за получениемъ оной учебныхъ заведенія имѣютъ обращаться съ требованіями въ департаментъ народнаго просвещенія.

ВЫСОЧАЙШИЯ ПОВЕДЬНИЯ

ЗА ДЕКАБРЬ 1858 ГОДА.

42. (29 декабря) *Объ открытии при лѣсномъ и межевомъ институтѣ и Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ специальныхъ курсовъ лѣсоводства для студентовъ университетовъ.*

По всеподданнейшему докладу министра государственныхъ имуществъ, послѣдовало Высочайшее соизволеніе на открытие при лѣсномъ и межевомъ институтѣ и Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ специальныхъ курсовъ лѣсоводства, для студентовъ университетовъ, согласно съ составленнымъ для сего нижеслѣдующимъ Положеніемъ, которое также удостоено Высочайшаго одобренія.

43. (29 декабря).

На подлинномъ написано:

«Удостоено Высочайшаго одобренія 29 декабря 1858 года».
Подпись: Министръ государственныхъ имуществъ *M. Муравьевъ.*

С. Петербургъ.

ПОЛОЖЕНИЕ

о специальномъ курсѣ лѣсоводства для студентовъ, окончившихъ университетскій курсъ по отдѣленію естественныхъ наукъ.

1) Специальный курсъ лѣсоводства открывается для доставленія молодымъ людямъ, кончившимъ курсъ въ университетахъ по отдѣленію естественныхъ наукъ, способовъ приготовиться къ службѣ по лѣсному управлению.

2) Къ означеному курсу допускаются вольноприходящіе и стипендіаты; число первыхъ не ограничено, а послѣднихъ во-лагается 20.

Примѣчаніе. Въ стипендіаты изъ желающихъ назначаются сначала имѣющіе кандидатскую степень, а потомъ дѣйстви-тельный студенты, по усмотрѣнію начальства.

3) Спеціальный курсъ лѣсоводства раздѣляется на теоре-тическій и практическій.

4) Въ теоретическомъ спеціальномъ курсѣ, открываемомъ ежегодно при лѣсномъ и межевомъ институтѣ, съ 15 августа по 15 апрѣля, преподаются, по особо утверждаемому мини-стромъ государственныхъ имуществъ расписанію, слѣдующіе предметы: низшая геодезія (топографія), накладка и черченіе плановъ, общее законовѣдѣніе, лѣсные законы и правила управ-ленія казенными лѣсами, лѣсоводство и лѣсоохраніе, таксація и лѣсоустройство, лѣсная технологія, общая исторія государ-ственного лѣсного хозяйства, главныя основанія политической экономіи.

5) По окончаніи теоретического курса, какъ стипендіаты, такъ и вольноприходящіе, поступаютъ на практику въ Лисинское учебное лѣсничество на 8 мѣсяцевъ, съ 15 апрѣля по 15 де-кабря, для упражненія въ съемкѣ, нивелировкѣ, таксаціи, лѣ-соустройствѣ и вообще въ лѣсныхъ работахъ.

6) По окончаніи практическихъ занятій, именно въ декабрѣ мѣсяцѣ, стипендіаты и вольноприходящіе подвергаются экза-мену, и затѣмъ производятся, сообразно оказаннымъ успѣ-хамъ, въ прапорщики и подпоручики, а самые отличные по по-знаніямъ, способностямъ и въ практическомъ изученіи лѣсного дѣла — въ поручики корпуса лѣсничихъ; успѣвшіе же менѣе въ лѣсныхъ наукахъ остаются при правахъ, пріобрѣтенныхъ въ университетѣ, и получаютъ соотвѣтственный ихъ ученой степени или званію гражданскій чинъ.

7) По окончаніи экзамена, стипендіаты и вольноприходящіе, какъ произведенные въ военное, такъ и веренгированные въ

гражданские чины, распредѣляются, по усмотрѣнію начальства, на службу по лѣсному вѣдомству, въ которомъ стипендіаты обязаны прослужить не менѣе трехъ лѣтъ.

8) На необходимыя по настоящему предмету издержки, именно:

- а) На чтеніе лекцій въ теоретическомъ курсѣ
в продолженіе 8 мѣсяцевъ. . . . . 2,000 руб.
- б) За практическія упражненія студентовъ въ Ли-
синѣ. . . . . 1,200 »
- в) На инструменты, канцелярскіе и непредвидимые
расходы. . . . . 400 »
- г) На 20 стипендій, по 300 руб. въ годъ, а за 16
мѣсяцевъ 400 руб. на каждую . . . . . 8,000 »

Всего 11,600 р. отпускаются изъ прибыльного капитала отъ устроенныхъ лѣсныхъ дачъ.

9) Отчетность въ сей суммѣ должна быть ведена особо, безъ смыщенія съ таковою-же отчетностью въ другихъ суммахъ лѣсного и межеваго института и Лисинскаго лѣсничества.

Подпись: Министръ государственныхъ имуществъ
М. Муравьевъ.

44. (24 декабря) Объ усиленіи способовъ внутренней цензуры.

По причинѣ усилившейся въ послѣднее время у насъ литературной дѣятельности, министръ народнаго просвѣщенія имѣлъ счастіе испрашивать Высочайшее созволеніе на принесеніе въ исполненіе слѣдующаго: 1) Для усиленія способовъ внутренней цензуры, по случаю значительного умноженія по времененныхъ наданій, прибавить въ С. Петербургскомъ и Московскому цензурнымъ комитетахъ, къ настоящему штатному числу цензоровъ, въ первомъ — двухъ, а въ послѣднемъ — одного, съ производствомъ имъ равнаго съ прочими цензорами сихъ комитетовъ содержанія, а именно: цензорамъ С. Петербургскаго цензурнаго комитета жалованья по 1,500 руб. и столовыхъ по 1,500 руб., а всего по 3,000 руб. въ годъ каж-

дому; ценсору же Московского ценсурного комитета жалованья 1,250 руб. и столовыхъ 1,250 руб., а всего 2,500 руб. въ годъ. 2) При главномъ управлениі ценсуры прибавить къ настоящему числу чиновниковъ особыхъ порученій VI-го класса еще одного такого-же чиновника, съ жалованьемъ по 1,250 рублей и столовыми по 1,250 руб. въ годъ. 3) Всѣмъ прибавленнымъ такимъ образомъ ценсорамъ и чиновнику особыхъ порученій предоставить тѣ-же служебныя права, какія присвоены штатнымъ чинамъ сихъ званій. 4) На прибавку въ канцелярія министра народнаго просвѣщенія одного канцелярскаго чиновника, съ жалованьемъ по усмотрѣнію министра, и на сверхштатные канцелярскіе расходы отпускать по 1,000 руб. въ годъ. 5) Всѣ вышеписанные суммы, въ сложности по 12,000 руб. сер. въ годъ, производить изъ государственного казначейства. На всеподданѣйшемъ о семъ докладѣ Его Императорскому Величеству соизволилъ положить Высочайшую резолюцію: «Исполнить».

45. (24 декабря) О введении преподавания естественныхъ наукъ въ Новочеркасской гимназіи и прибавки штатнаго учителя въ Новочеркасское приходское училище.

Государь Императоръ, по положенію военнаго совѣта, Высочайше повелѣть изволилъ:

1) Ввести въ Новочеркасской гимназіи преподаваніе естественныхъ наукъ, преимущественно къ мѣстности края, съ назначеніемъ для сего особаго старшаго учителя, съ жалованьемъ по 398 р. 25 коп. сер. въ годъ.

2) Въ Новочеркасскомъ приходскомъ училищѣ прибавить другаго штатнаго учителя, съ жалованьемъ по 100 р. сер. въ годъ.

3) Вновь учреждаемымъ должностямъ: учителя естественныхъ наукъ въ Новочеркасской гимназіи и учителя въ Новочеркасскомъ приходскомъ училищѣ, по производству въ чинъ и получению пенсій, а въ-случаѣ назначенія на сіи должности

лицъ не войскового происхождения, также по классамъ должностей и мундирамъ, присвоить всѣ права и преимущества, какими въ Донскомъ войскѣ пользуются другіе училищные чиновники соотвѣтствующихъ должностей.

4) На составленіе упомянутаго оклада жалованья для учителя естественныхъ наукъ въ Новочеркасской гимназіи 393 р. 25 коп. сер. въ годъ, обратить 85 руб. 7-5 к., назначенные по штату за преподаваніе порядка и формъ судопроизводства и оставшіеся свободными по-случаю опредѣленія въ гимназію особаго учителя законовѣданія; остальные-же затѣмъ 307 руб. 50 коп. отпускать изъ войсковыхъ суммъ; а издержку на жалованье другому учителю Новочеркасского приходского училища, 100 руб. сереб. въ годъ, отнести на счетъ экономического училищаго капитала.

5) Должности старшаго учителя естественныхъ наукъ въ Новочеркасской гимназіи и другаго учителя Новочеркасского приходского училища включить въ составляемый вновь штатъ военнаго и гражданскаго управления войска Донскаго.

По ходатайству министра народнаго просвѣщенія, всемилостивѣйше повелѣно: директору канцеляріи вѣреннаго ему министерства, дѣйствительному статскому совѣтнику *Берте*, производить, вмѣсто аренды, изъ государственного казначейства, по тысячѣ руб. сер. ежегодно, въ-течение двѣнадцати лѣтъ (29 декабря).

МИНИСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ

ЗА ДЕКАБРЬ 1858 ГОДА.

---

23. (12 декабря) О наблюдении за занятиями врачей, допущенных к слушанию университетских лекций в медицинском факультете.

По распоряжению медицинского департамента военного министерства, военные врачи прикомандированы къ военнымъ госпиталямъ въ Москвѣ, Кіевѣ и Казани, какъ для усовершенствованія ихъ врачебныхъ знаній чрезъ посещеніе лекцій въ находящихся тамъ университетахъ, такъ и для держанія въ оныхъ экзамена на высшія ученые медицинскія степени.

Дабы мѣра эта не была бесполезною или не служила вреднымъ средствомъ къ уклоненію сказанныхъ врачей отъ служебныхъ занятій ихъ въ тѣхъ мѣстахъ военно-медицинского вѣдомства, гдѣ они числятся на дѣйствительной службѣ, признается необходимымъ учредить за дѣйствительностю научныхъ занятій ихъ постоянное наблюденіе слѣдующимъ образомъ:

Военные врачи, прикомандированные къ военнымъ госпиталямъ: Московскому, Кіевскому и Казанскому, для научныхъ занятій въ тамошнихъ университетахъ, держанія экзамена на высшія ученено-медицинскія степени и написанія диссертаций, обязаны, по прибытии на мѣсто, явиться къ декану медицинскаго факультета и объявлять ему, какими частями медицины они особенно желаютъ заниматься. По извѣщеніи о томъ дека-

номъ профессоровъ тѣхъ частей медицины или естественныхъ наукъ, эти послѣдніе имѣютъ слѣдить за занятіями прикомандированныхъ врачей, донося ежемѣсячно совѣту университета о томъ, дѣйствительно ли занимается прикомандированный врачъ избранными предметами. Въ-случаѣ неусерднаго занятія кого-либо изъ этихъ врачей въ-течение мѣсяца и неодобрительного отзыва о немъ въ-течение двухъ мѣсяцевъ, совѣтъ университета извѣщаетъ о томъ медицинскій департаментъ военнаго министерства, для отправленія такихъ врачей къ штатнымъ мѣстамъ служенія ихъ.

Всѣдѣствіе отмеченія о семъ военнаго министра и имѣя въ виду, что 27 марта 1857 года предложено уже допускать военныхъ врачей къ слушанію университетскихъ лекцій по медицинскому факультету, министръ народнаго просвѣщенія сдавалъ распоряженіе о предложеніи къ исполненію совѣтамъ университетовъ Московскаго, Казанскаго и св. Владимира вышеизложенные правила относительно военныхъ врачей, которые будутъ прикомандированы къ военнымъ госпиталямъ съ изысканною цѣллю и о которыхъ медицинскимъ начальствомъ будетъ сообщено тѣмъ университетамъ.

24. (12 декабря) Циркулярное предложеніе о вознагражденіи учителей за исправленіе вакантныхъ должностей полными окладами жалованья по ихъ должностямъ.

При введеніи въ учебныхъ округахъ дѣйствующихъ нынѣ штатовъ; Высочайше утвержденныхъ 8 декабря 1828 г., министерство народнаго просвѣщенія, имѣя въ виду съ одной стороны могущую иногда встрѣтиться необходимость въ порученіи одному лицу двухъ учительскихъ должностей, а съ другой — что по тѣмъ штатамъ допущены были значительные противъ прежнихъ штатовъ прибавки, предложило къ руководству учебнымъ начальствамъ вознаграждать такихъ лицъ за посторонніе труды половинымъ окладомъ жалованья по вакант-

ному мѣсту, съ тѣмъ, чтобы на сіе каждый разъ испрашивася
мо было разрѣшеніе министерства.

Принимая во вниманіе, во-1-хъ, что такая мѣра вознаграждения за занятіе по вакантнымъ должностямъ не всегда соотвѣтствуетъ трудамъ, употребляемымъ на преподаваніе учительями постороннихъ предметовъ; во-2-хъ, что въ настоящее время, при возвысившейся цѣнности на всѣ предметы, оклады 1828 г. оказываются иногда крайне ограниченными, и въ-3-хъ, что Высочайше утвержденнымъ 3 января 1817 г. до-кладомъ исправлявшаго должность министра народнаго просвѣщенія, коимъ допускается соединеніе преподавательскихъ должностей, предоставлено министерству, при такомъ соединеніи должностей, давать полные оклады по разнымъ мѣстамъ или части оныхъ, — я нахожу справедливымъ, въ видахъ соразмѣриаго вознаграждения особыхъ трудовъ преподавателей, допускать, съ особаго каждый разъ разрѣшенія министерства народнаго просвѣщенія, учителямъ гимназій, дворянскихъ институтовъ и училищъ уѣздныхъ и приходскихъ выдачу, за исправленіе вакантныхъ учительскихъ-же должностей, *полного жалованья* по вакантнымъ мѣстамъ или части онаго, независимо отъ содержанія, коимъ они пользуются по настоящимъ своимъ должностямъ, смотря по количеству труда, величинѣ окладовъ и способностямъ преподавателей.

Сообщая о семъ къ надлежащему руководству по учебнымъ округамъ, считаю нужнымъ присовокупить, что соединеніе учительскихъ должностей должно, какъ и нынѣ, имѣть мѣсто въ крайнихъ только случаяхъ, и то временно.

Подпись: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

25. (12 декабря) *Объ увеличеніи содержанія хранителя музея Императорскаго Московскаго университета.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представленіи попечителя Московскаго учебнаго округа, и на основаніи Высочайше утвержденнаго 9 июня 1837 г. положенія комитета министровъ,

министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ хранителю музея Московскаго университета, вмѣсто получаемыхъ имъ нынѣ жалованья по 571 р. 89 к. и квартирныхъ денегъ по 125 р. с. въ годъ, производить содержаніе наравнѣ съ экстраординарнымъ профессоромъ Московскаго университета, изъ экономической университетской суммы.

26. (20 декабря) *Циркулярное предложеніе о сообщеніи въ придворную Его Императорскаго Величества контору свѣдѣній о перемѣнахъ по службѣ чиновниковъ, имѣющихъ званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ.*

Св. зак. т. З *Уст. о служ. по опред. отъ прав. ст. 1438* (изд. 1857 г.) вмѣнено въ обязанность всѣмъ начальствующимъ лицамъ немедленно доставлять въ придворную Его Императорскаго Величества контору свѣдѣнія о всѣхъ перемѣнахъ, происходящихъ по службѣ чиновниковъ, которые носятъ званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ Высочайшаго Двора.

Министръ Императорскаго Двора сообщилъ, что та-ковыя свѣдѣнія часто не доставляются въ контору и что даже въ отдаваемыхъ приказахъ лица, состоящія въ придворныхъ званіяхъ, не именуются симъ званіемъ и означаются лишь ихъ чины и должности, отчего происходятъ ошибочные показанія и въ придворномъ календарѣ. Посему генералъ-адъютантъ графъ *Адлербергъ* просить подтвердить кому слѣдуетъ о своевременному доставленіи въ придворную контору сказанныхъ свѣдѣній, на основаніи вышеозначенного закона.

О семъ сообщая, покорнейше прошу начальниковъ окружовъ свѣдѣнія о всѣхъ перемѣнахъ по службѣ чиновниковъ, имѣющихъ званія камергеровъ и камеръ-юнкеровъ Высочайшаго Двора, доставлять своевременно прямо отъ себя въ придворную контору.

Подписанъ: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

**ПРИКАЗЫ
МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ**

№ 8.

12 декабря 1858 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ К МИНИСТЕРСТВУ:

Чиновникъ особыхъ порученій при С. Петербургскомъ гражданскомъ губернаторѣ, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорскаго Величества, надворный советникъ *Балтышъ-Каменскій*.

Цензоръ Московскаго ценсурнаго комитета, надворный советникъ *фонъ-Крузе*, съ увольненiemъ отъ настоящей должности.

Почетный смотритель Витебскаго ~~уезднаго~~ училища, коллежский регистраторъ *Быковскій*, съ увольненiemъ отъ настоящей должности.

ОПРЕДѢЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежскій секретарь *Родзянико* — почетнымъ смотрителемъ Роменскаго дворянскаго уѣзднаго училища.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Почетный смотритель Царскосельскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Куриленковъ*, по прошенію.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТИСКЪ:

Экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, статскій советникъ *Жельзновъ*, по 16 марта 1859 года.

Старшій помощникъ столоначальника департамента народнаго просвѣщенія, коллежскій асессоръ *Греесъ*, на 29 дней.

ПРОДОЛЖАЮТСЯ СРОКЪ ОТИСКА:

Почетному попечителю Костромской гимназіи, артиллеріи подпоручику *Григорову* — на два мѣсяца, по 5 января 1859 года.

УЧИЛИЩА ИСКЛЮЧАЮТСЯ ИЗЪ ЕНИСЕЙСКА:

Членъ главнаго правленія училищъ, потомственныи почетный попечитель Демидовскаго лицея, въ званіи камергера Двора Его Императорскаго Величества, действительный статскій советникъ Демидовъ.

Почетный смотритель Елецкаго уѣзднаго училища, титулярный советникъ Стаколовичъ.

Чиновникъ состоящей при департаментѣ народнаго просвѣщенія археографической комиссіи, титулярный советникъ Энгельманъ.

№ 9.

17 декабря 1858 года.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Причисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, надворный советникъ Пахманъ — ординарнымъ профессоромъ Императорскаго Харьковскаго университета по каѳедрѣ законовъ государственного благоустройства и благочинія.

ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ:

Изъ отставныхъ, надворный советникъ Кіяновскій — почетнымъ смотрителемъ Енисейскаго уѣзднаго училища.

Изъ отставныхъ, титулярный советникъ Котеловъ — почетнымъ смотрителемъ Чебоксарскаго уѣзднаго училища.

Уволенный изъ корпуса лѣсничихъ, поручикъ Климовъ — почетнымъ смотрителемъ Орловскаго (Вятской губерніи) уѣзднаго училища.

Кандидатъ Императорскаго Харьковскаго университета Булацель — почетнымъ смотрителемъ Дмитріево-Сланскаго уѣзднаго училища.

ПРОИЗВЕДЕНИЯ:

Указомъ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩЕГО СЕНАТА 10 ДЕКАБРЯ 1858 ГОДА ЗА
ВЫСЛУГУ ИАТЬ СО СТАРИЧИНОСТЬЮ:

По департаменту народного просвещенія.

Въ надворные советники — столоначальникъ, коллежскій асессоръ Николай Котовъ, съ 9 іюня 1858 г.

Въ титуларные советники — старшій помощникъ столоначальника, коллежскій секретарь Александръ Спасскій, со 2 октября 1858 г.

По вѣдомству министерства народного просвещенія.

Въ коллежскіе советники — надворные совѣтники: чиновникъ особыхъ поручений VI класса при министрѣ Александръ Назимовъ, со 2 іюня, и ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета Александръ Бутлеровъ, съ 14 іюля 1858 г.

Въ надворные советники — почетный смотритель Ржевскаго уѣзднаго училища, коллежскій асессоръ Степанъ Квашнинъ-Самаринъ, съ 28 іюня 1858 г.

Въ коллежскіе асессоры — титуларные совѣтники: почетный смотритель Тульскаго уѣзднаго училища Михаилъ Дементьевъ, съ 1 мая 1858 г., и исправляющій должность библіотекаря Императорскаго Московскаго университета Дмитрій Штейнбергъ, съ 9 декабря 1856 г.

Въ титуларные советники — коллежскіе секретари: почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: Петровскаго — Алексѣй Лупанинъ, съ 29 сентября 1855, Глазовскаго — Иванъ Детцель, съ 29 іюля 1858, Романово-Борисоглѣбскаго — Николай Скульскій, съ 13 декабря 1855, Епифанскаго — князь Владиміръ Черкаскій, съ 30 мая 1858, и Владимірскаго — бывшій почетный смотритель, нынѣ въ отставкѣ, Иванъ Зубковъ, съ 12 января 1858 года.

Въ коллежскіе секретари — почетный смотритель Гжатскаго уѣзднаго училища, губернскій секретарь князь Василій Горчаковъ, съ 6 ноября 1857 года.

По сему производству въ чины предписывается сдѣлать надлежащее распоряженіе согласно § 94 и слѣд. ст. III тома Св. Зак. Устава о службѣ по опред. отм. прав. (над. 1857 г.).

УВОЛЬНЯЕТСЯ:

Почетный смотритель Енисейского уездного училища, коллежский асессоръ *Барковъ* — отъ сей должности, за неявкою къ оной.

—
№ 10.

24 декабря 1858 года.

ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ:

Изъ отставныхъ, коллежский регистраторъ *Коваленковъ* — почетнымъ смотрителемъ Царицынского уездного училища.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Исправляющій должность директора училищъ Тамбовской губерніи, статский советникъ *Бернгардъ* — въ настоящей должности.

Экстраординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, коллежский советникъ *Буличъ* — ординарнымъ профессоромъ того-же университета по занимаемой имъ кафедрѣ Русской словесности.

НАЗНАЧАЕТСЯ:

Старшій учитель второй Казанской гимназіи, докторъ философіи и древней филологии, коллежский советникъ *Шарбе* — экстраординарнымъ профессоромъ въ Императорскій Казанскій университетъ, по кафедрѣ Греческой словесности и древностей, съ увольнениемъ отъ настоящей должности.

Состоящий въ военно-медицинскомъ вѣдомствѣ, докторъ медицины, надворный советникъ *Гирштадтъ* — преподавателемъ въ Императорскую и Царскую Варшавскую медико-хирургическую академію по кафедрѣ теоретической хирургіи, съ оставленіемъ и въ означенномъ вѣдомствѣ (18 декабря 1858 г.).

УВОЛНЯЕТСЯ ОТ СЛУЖБЫ:

Почетный смотритель Лихвинского уѣзднаго училища, титулярный советникъ князь *Грузинскій*, по прошенію.

Подпись: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

УТВЕРЖДЕНІЕ:

По Дерптскому ветеринарному училищу.

Почетными членами:

Членъ медицинскаго совѣта министерства внутреннихъ дѣлъ, докторъ *Всеволодовъ*; профессоръ ветеринарной медицины при Бернскому университету *Анкеръ*; директоръ Берлинскаго ветеринарнаго училища, докторъ *Гурльть*; директоръ Стутгартскаго ветеринарнаго училища, докторъ *Герингъ*; бывшій профессоръ Константинопольскаго ветеринарнаго училища, докторъ *Нерартъ*; бывшій директоръ Мюнхенскаго ветеринарнаго училища докторъ *Швабъ*, и бывшій профессоръ Вѣнскаго ветеринарнаго института *Фейтъ* (31 декабря).

О ЖУРНАЛЕ,

одобренномъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ министерства народнаго просвѣщенія.

Подсѣжникъ, журналъ для дѣтскаго чтенія, издаваемый *В. Майковымъ*.

Министръ народнаго просвѣщенія, признавая издаваемый г. Майковымъ журналъ, подъ названіемъ «Подсѣжникъ», назначаемый для дѣтскаго и юношескаго возраста, по роду и достоинству помѣщаемыхъ въ немъ статей, весьма полезныиимѣть въ библіотекахъ учебныхъ заведеній, разрѣшилъ начальствамъ оныхъ подписываться на сей журналъ по-мѣрѣ денежнѣхъ способовъ заведеній; желающіе подписатьсь на сей журналъ обращаются къ редактору *В. Н. Майкову*, живущему въ С. Петербургѣ, на Лиговкѣ, въ домѣ купца Эуева. Цѣна журнала съ пересылкою 6 руб. сер., которые могутъ быть уплачиваены въ-течение года.

ВЫСОЧАЙШИЯ ПОВЕЛЕНІЯ

ЗА ЯНВАРЬ 1858 ГОДА.

1. (6 января) Объ определеніи врачей при женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.

Комитетъ гг. министровъ, выпискою изъ журналовъ своихъ, 23 декабря 1858 и 6 января сего года, сообщилъ министру народнаго просвѣщенія, что Государь ИМПЕРАТОРЪ, по положенію комитета, Высочайше соизволилъ: дозволить министерству народнаго просвѣщенія разрѣшать, по представленимъ мѣстныхъ училищныхъ начальствъ и въ случаѣ дѣйствительной надобности, определеніе при женскихъ училищахъ министерства особыхъ врачей безъ жалованья, но съ правами, предоставленными врачамъ, состоящимъ при гимназіяхъ и уѣзденыхъ училищахъ.

2. (17 января) О наименованіи Осташковскихъ приходскихъ училищъ «Воронинскими».

По всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія объ изъявленномъ надворнымъ совѣтникомъ Воронинымъ желаніи жертвовать постоянно на содержаніе и улучшеніе трехъ Осташковскихъ приходскихъ училищъ по 1,400 р. с. въ годъ, Государь ИМПЕРАТОРЪ, во всемилостивѣйшемъ вниманіи къ похвальному стремленію Воронина къ пользамъ народнаго образования, Высочайше повелѣть соизволилъ: Осташковскимъ приходскимъ училищамъ присвоить наименование «Во-

ронинскихъ», доколѣ жертвователемъ будеть вносима опредѣленная на содержаніе ихъ сумма.

Высочайшия грамоты.

I.

Нашему дѣйствительному статскому совѣтнику, ординарному академику Императорской академіи наукъ Александру Востокову.

Во вниманіе къ ревностной службѣ вашей и полезнымъ ученымъ трудамъ, всемилостивѣйше пожаловали Мы вѣсъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего св. Анны первой степени, коего знаки при семъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонныи.

II.

Нашему дѣйствительному статскому совѣтнику, ординарному академику Императорской академіи наукъ Виктору Буняковскому.

Въ награду отлично-усердной службы вашей и особыхъ трудовъ, всемилостивѣйше пожаловали Мы вѣсъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего св. Анны первой степени, коего знаки, при семъ препровождая, понелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашею благосклонныи.

III.

Нашему дѣйствительному статскому совѣтнику, заслуженному ординарному профессору С.-Петербургскаго университета Василию Шнейдеру.

Во вниманіе къ долговременной ревностной службѣ и отличнымъ трудамъ вашимъ, всемилостивѣйше пожаловали Мы вѣсъ кавалеромъ Императорскаго ордена Нашего св. Анны первой

степени, коего знаки, при сеmъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорскою милостію Нашкою благосклонны.

IV.

Нашему дѣйствительному статскому совѣтнику, заслуженному ординарному профессору С.-Петербургскаго университета Адаму Фишеру.

Въ воздаяніе отлично-ревностной и полезной службы вашей, всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашкѣ св. Станислава первой степени, коего знаки при сеmъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорской и Царской милостію Нашкою благосклонны.

V.

Нашему дѣйствительному статскому совѣтнику, чиновнику особыхъ порученій при министрѣ народнаго просвѣщенія Остапу Нечасову.

Во вниманіе къ долговременной ревностной службѣ вашей и отличнымъ трудамъ, понесеннымъ вами при исполненіи возложенныхъ на васъ порученій, всемилостивѣйше пожаловали Мы васъ кавалеромъ Императорскаго и Царскаго ордена Нашкѣ св. Станислава первой степени, коего знаки при сеmъ препровождая, повелѣваемъ вамъ возложить на себя и носить по установленію. Пребываемъ къ вамъ Императорской и Царской милостію Нашкою благосклонны.

На подлинныхъ Собственности Его Императорскаго Величества рукою подписано:

«АЛЕКСАНДРЪ».

Въ С.-Петербургѣ,
августа 1 дnia 1859 г.

ИЗДАНИЯ:

а) Орденами.

Св. Анны 2-й степени: Деканъ и ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Калмыковъ*; ординарный академикъ Императорской академіи наукъ, статскій совѣтникъ *Бетлингъ*; чиновникъ особыхъ порученій при попечителѣ Московскаго учебнаго округа, надворный совѣтникъ, въ званіи камер-юнкера *Арсеньевъ* (2 января).

Св. Анны 3-й степени: Почетный попечитель Тульской гимназии, подпоручикъ *Рымскій-Корсаковъ* (2 января).

Св. Станислава 2-й степени, Императорскою короною украшенными: Ординарный профессоръ Императорскаго Казанскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Елагичъ*; статскіе совѣтники: директоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища *Галицкій*; директоры Московскихъ гимназій: второй — *Асилоговъ*, третьей реальнай — *Григоцовъ*; директоры училищъ губерній: Воронежской — *Карпинскій*, Курляндской — *Бѣлая* и Пермской — *Грачінскій*; деканъ и ординарный профессоръ Императорскаго университета св. Владимира *Кеслеръ*; ординарные профессоры: Императорскаго Харьковскаго университета — *Палюмбецкій* и главнаго педагогическаго института — *Блюзъ* и исправляющій должностъ ординарного профессора Императорскаго Казанскаго университета, коллежскій совѣтникъ *Громоровъ* (2 января).

Св. Станислава 2-й степени: Цензоръ Виленскаго цензурнаго комитета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кукольникъ*; статскіе совѣтники: директоръ Дерптскаго ветеринарнаго училища *Унтербергеръ*; чиновникъ особыхъ порученій при главномъ управлѣніи цензуры *Волковъ*; деканъ и ординарный профессоръ Императорскаго Харьковскаго университета *Станиславскій*; ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета *Кракицфельдъ*; профессоръ Ришельевскаго лицея *Лукьянцовъ*; старшій цензоръ комитета цензуры иностраннай *Берте*; коллежскіе совѣтники: старшій столоначальникъ департамента народнаго просвѣщенія *Рагумихинъ*, и профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища *Острожскій* (2 января).

Св. Станислава 3-й степени: Старший учитель Московской первой гимназии, коллежский советникъ *Смирновъ*; библиотекарь Императорского университета св. Владимира, надворный советникъ *Красовскій*; коллежские асессоры: архитекторъ Московского учебного округа *Дмитриевъ*, и штатный смотритель Осташковского уѣзднаго училища *Лукинъ* (2 января).

б) Бриліантовыми перстнемъ, съ зелеными изображеніемъ Высочайшаго имени.

Инспекторъ студентовъ Императорского С. Петербургского университета, статский советникъ *Фишумъ-фонъ-Экстедтъ* (6 января).

в) Приводочнымъ жалованьемъ по 400 р. въ годъ.

Советникъ министерства правленія Императорской академіи наукъ, коллежский советникъ *Каратыгинъ* (6 января).

г) Серебряною медалью, для ношения на шею, на Станиславской лентѣ.

Членъ Хотинской Ерейской училищной комиссіи, Кишиневскій 3-й гильдіи купецъ *Шая Юфа*; попечители Херсонской Ерейской талмудъ-торы: Херсонскій 3-й гильдіи купецъ Соломонъ *Гримбергъ* и купеческий сынъ Соломонъ *Фельдманъ* (6 января).

д) Обыкновенными подарками.

По канцелярии министра народнаго просвещенія.

Чиновникъ особыхъ поручений VI класса при министрѣ народнаго просвещенія и исправляющій должность секретаря канцелярии министра, статский советникъ *Обертъ*; старший секретарь, коллежский советникъ *Никеевичъ*; секретарь, надворный советникъ *Добровольскій* (6 января).

По департаменту народного просвещения.

Статские советники: правитель канцелярии *Ошметковъ*; начальникъ отдѣленія *Косинскій*; коллежские советники: старшіе столоначальники: *Лебебуръ* и *Проневскій* 1-й; старший помощникъ редактора журнала министерства народнаго просвѣщенія *Галанинъ*; надворные советники: начальникъ отдѣленія *Пещуровъ*, экзекуторъ *Куртъ*, бухгалтеры и контролеры: *Чеховъ* и *Проневскій* 2-й; коллежские ассесоры: казначей — *Башиловъ*, книгохранитель — *Азимовъ*, столоначальникъ — *Комаровъ*, помощникъ бухгалтера и контролера *Ивановъ*; титулярные советники: столоначальникъ *Бутузовъ* и исправляющій должностію столоначальника *Березинъ* (б. января).

По учебнымъ округамъ:

С. Петербургскому: Врачъ при благородномъ пансионѣ Новгородской гимназіи, статский советникъ *Еропеусъ*; коллежские советники: инспекторы С. Петербургскаго гимназій: первой — *Бардовскій*, второй — *Пернеръ*; надворные советники: пятой — *Большевъ*; синдикъ С. Петербургскаго университета *Кириловъ*; библиотекарь С. Петербургскаго университета *Бюшъ*; коллежские ассесоры: секретарь правленія С. Петербургскаго университета *Умновъ*; старшіе учителя гимназій: первой С. Петербургской — *Лыткинъ*, второй С. Петербургской — *Зонинъ* и *Стражовъ*, третьей С. Петербургской — *Стоюнина*, Динабургской — *Андреяновъ* и *Клюкінъ*; старшій комнатный надзиратель при пансионѣ и учитель чистописанія второй С.-Петербургской гимназіи *Кримеръ*; младшій учитель и исправляющій должностію комнатнаго надзирателя пансиона при Псковской гимназіи *Васильевъ*; младшій учитель и исправляющій должностію комнатнаго надзирателя при той же гимназіи *Массонъ*; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Оршинскаго дворянскаго — *Бабичевъ*, Витебскаго — *Лешко*, Новосильскаго — *Стражовъ*, Сольвычегодскаго — *Титовъ*; учитель Кадниковскаго уѣзднаго училища *Дьячковъ*; титулярные советники: помощникъ инспектора студентовъ С.-Петербургскаго университета *Озерскій*; младшій учитель Архангельской гимназіи *Казель*; штатный смотритель Кириловскаго уѣзднаго училища *Ниловичъ-Урбановичъ*; учитель Сольвычегодскаго уѣзднаго училища *Федосьевъ*; состоящіе въ IX классѣ: старшіе учители гимназій: Витебской —

Брамсонъ, Архангельской — *Бѣлинскій*; коллежские секретари: Архангельской — *Галькоевъ*; учителя уѣздныхъ училищъ: Великоустюжскаго — *Горбунковъ*, Холмскаго — *Красильниковъ*; письмоводитель Вологодской дирекціи училищъ *Поліевѣтъ*; состоящий въ X классѣ, члѣдшій учитель и комнатный надзиратель первой С.-Петербургской гимназіи *Крестинъ*; губернские секретари: бухгалтеръ Псковской дирекціи училищъ *Анубріеевъ*, экономъ благородного пансиона Новгородской гимназіи *Ивановъ*, надзиратель за приходящими учениками Архангельской гимназіи *Шубный*; состоящіе въ XII классѣ: комнатный надзиратель при пансионѣ второй С.-Петербургской гимназіи *Эхталь*, учитель Псковской гимназіи *Жуковъ*; учителя уѣздныхъ училищъ: Псковскаго — *Слободинъ* и *Григорьевъ*, Великолуцкаго — *Островскій*, Новоржевскаго — *Лукашевичъ*; не имѣющій чина, письмоводитель Динабургской гимназіи *Василевскій* (6 января).

Московскому: Коллежские совѣтники: инспекторъ Московской третьей реальной гимназіи *Александровъ*, старшій учитель той-же гимназіи *Лекторскій*; коллежские асессоры: штатный смотритель Зарайскихъ училищъ *Дильпростъ*; старшій учитель второй Московской гимназіи *Оранскій*; учителя уѣздныхъ училищъ: Ржевскаго — *Соколовъ*, Перемышльскаго — *Черницкій*, Мещовскаго — *Андреевъ*; старшій надзиратель и учитель Московской четвертой гимназіи *Будь-Добрый*; учителя уѣздныхъ училищъ: Новоторжскаго — *Троицкій*, Карчевскаго — *Безсоновъ*, Кашинскаго — *Колокольевъ*, Костромскаго — *Николаевъ*, Ряжскаго — *Муромцевъ*; коллежские секретари: Рязанскаго — *Андреевъ* и *Лининскій*, Чухломскаго — *Крассовскій* и *Филомавитскій*, Ряжскаго — состоящій въ XII классѣ *Барановскій*; Рыненбургскаго — коллежскій регистраторъ *Орловъ* (6 января).

Казанскому: Старшіе учителя гимназій, коллежские совѣтники: первой Казанской — *Кротковъ* и *Углинскій*, Симбирской — дворянский совѣтникъ *Пановъ*; коллежские асессоры: столоначальникъ канцеляріи попечителя округа *Кучинъ*; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Чистопольскаго — *Ларіоновъ* и Спасскаго — *Симоньевскій*; учитель Спасскаго уѣзднаго училища *Симоньевскій*; титуларные совѣтники: старшіе учителя гимназій: Саратовской — *Волкова*, Оренбургской — *Павловскій*, Пензенскаго дворянскаго института — *Пановъ*; учитель Царевококшайскаго уѣзднаго училища *Смыльевстрѣвъ*; состоящіе въ IX классѣ: старшіе учителя: Пермской

гимназія — *Фирсовъ*, Пензинскаго дворянскаго института — *Ульяновъ* (6 января).

Харьковскому: Инспекторъ Орловской гимназіи, надворный советникъ *Гриценковъ*; помощникъ инспектора студентовъ Харьковскаго университета, коллежскій асессоръ *Засядко* (6 января).

Кievскому: Коллежскіе совѣтники: инспекторъ Волынскай гимназіи *Домарадскій*, лекторъ университета св. Владимира *Краузе*; старшій учитель Новгородской гимназіи *Терновскій*; надворные совѣтники: адъюнктъ университета св. Владимира *Линниченко*, инспекторъ Немировской гимназіи *Дельсаль*; коллежскіе асессоры: смотритель и преподаватель Каменецкаго казеннаго Еврейскаго училища 2 разряда *Гріельскій*, помощникъ библиотекаря университета св. Владимира *Козловскій*, учитель Нѣжинскаго уѣзднаго училища *Аменецкій*, старшій учитель Полтавской гимназіи *Самусь*; штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Золотопольскаго — *Ильяшевичъ* и Лубенскаго — *Тирютинъ*; младшій учитель первой Киевской гимназіи и старшій комнатный надзиратель при той-же гимназіи *Макинскій*; старшій учитель Каменецъ-Подольской гимназіи *Малавскій*; состоящій въ VIII классѣ помощникъ директора акушерской клиники университета св. Владимира, докторъ медицины *Лазаревичъ*; титуларные совѣтники: старшій учитель Киевской первой гимназіи *Должиковъ*; бухгалтеръ университета св. Владимира *Сомилавскій*; смотритель и учитель Ковенскаго казеннаго Еврейскаго училища первого разряда *Климовскій*; состоящій въ IX классѣ старшій учитель Нѣжинской гимназіи *Цханавецкій*; коллежскіе секретари: учитель рисованія Киевской первой гимназіи *Бѣллеевъ*, надзиратель за училищами Киевской второй гимназіи *Козловскій*, учитель математики Новогрудского уѣзднаго училища *Котляревъ*, бухгалтеръ дирекціи училищъ Волынскай губерніи *Жуковскій*; состоящій въ X классѣ младшій учитель Нѣжинской гимназіи и надзиратель пансіона лицея князя Безбородко *Штейнъ*; губернскіе секретари: учитель рисованія и чистописанія Черноостровскаго уѣзднаго дворянскаго училища *Кримідія*, надзиратель за приходящими учениками Немировской гимназіи *Корсунь*, письмоводитель Немировской гимназіи *Ходаковскій*, канцелярскій чиновникъ совѣта университета св. Владимира *Иржикиевичъ*; состоящіе въ XII классѣ: учитель Русскаго языка Черноостровскаго уѣзднаго училища *Соколовъ*, учитель исторіи и географіи Лохвицкаго уѣзднаго училища *Охрицкій*; состоящій въ XIV

классъ учитель рисованія и чистописанія Кіевскаго уѣзднаго училища Ямченко; не имѣющіе чина: письмоводитель Кіевской первой гимназіи Дубиневичъ; канцелярские служители гимназій: Немировской — Туцевичъ в Нѣжинской — Прокоповичъ; учитель Еврейскихъ предметовъ Житомирскаго раввинскаго училища Бакштъ (6 января).

Одесскому: Коллежскіе совѣтники: инспекторъ Симферопольской гимназіи Тихомировъ; старшій учителъ той-же гимназіи Тира-ніакъ; младшій учителъ Кишиневской гимназіи, надворный совѣтникъ Чернявскій; коллежскіе асессоры, штатные смотрители уѣздныхъ училищъ: Аккерманскаго — Клименко, Бендерскаго — Кульчицкій; старшій учителъ Кишиневской гимназіи Титаренко; учителъ Евпаторійскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь Бабрицкій; надзиратель за приходящими учениками Кишиневской гимназіи, коллежскій регистраторъ Кошевскій; надзиратель пансіона при той-же гимназіи Даудерштедтъ; законоучитель Сорокскаго уѣзднаго училища протоіерей Петрицкій (6 января).

Дерптскому: Ординарный профессоръ, статскій совѣтникъ Бухгеймъ; коллежскіе совѣтники: бывшій лекторъ Павловскій и старшій учителъ Митавской гимназіи Блазе; ученый аптекарь Дерптскаго ветеринарного училища, надворный совѣтникъ Клеверь; старшій учителъ Митавской гимназіи, коллежскій асессоръ Наукарь (6 января).

По Императорской академіи наукъ.

Коллежскіе асессоры: бухгалтеръ и контролеръ комитета правленія Курдиновскій и архитекторъ Кирilloвъ (6 января).

По главному педагогическому институту.

Коллежскіе асессоры: совѣтникъ правленія Данилевскій, врачъ Кребель и секретарь правленія Яковлевъ (6 января).

е) Возведеніе въ личное почетное гражданство.

Членъ Подольской губернской Еврейской училищной комиссіи, купецъ 2-й гильдіи Мордко Левинзонъ (6 января).

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО

ВЪ ПРИСУТСТВІИ СВОЕМЪ

ВЪ С. ПЕТЕРБУРГѢ,

СОИЗВОЛИЛЪ ОТДАТЬ

НО МІНІСТЕРСТВУ НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ

СЛЕДУЮЩЕ

ПРИКАЗЫ:

№ 1.

6 января 1859 года,

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Членъ Эстляндскаго дворянскаго депутатскаго собрания, бывшій губернскій предводитель, въ званиі камергера Двора Его Императорскаго Величества, баронъ *Унгернъ-Штернбергъ* — почетнымъ попечителемъ Ревельской гимназіи, на трехлѣтіе.

ПРОИЗВОДЯТСЯ ЗА ОТЛИЧІЕ:

Всѣ дѣйствительные статскіе советники — статскіе совѣтники: ординарный академикъ Императорской академіи наукъ *Абиль*; ординарные профессоры Императорскихъ университетовъ: Харьковскаго — деканъ *Рославскій-Петровскій* въ С. Петербургскаго — *Савичъ*, и экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ *Струве*.

Всѣ статскіе советники — экстраординарный академикъ Императорской академіи наукъ, коллежскій совѣтникъ *Шифнеръ*.

Всѣ коллежскіе советники — надворные совѣтники: директоръ училищъ Смоленской губерніи *Шестаковъ* (съ 30 июня

1858 г.) и почетный попечитель Ярославской гимназіи *Михалковъ* (съ 31 декабря 1858 г.).

Въ коллежскіе ассесоры — титулярные советники: правитель канцеляріи попечителя Московскаго учебнаго округа, *Соболевъ* (съ 9 декабря 1858 г.); департамента народнаго просвѣщенія: столоначальникъ *Воющинъ* (съ 24 декабря 1857 г.) и старшій помощникъ столоначальника *Перевощикова* (съ 9 июня 1858 г.).

Въ титулярные советники — коллежские секретари: почетный попечитель Смоленской гимназіи *Энгельгардъ*; почетные смотрители уѣздныхъ училищъ: С. Петербургскаго Андреевскаго — *Бенордаки* (съ 29 ноября 1858 г.) и Прилукскаго — *Троцына* (съ 4 января 1858 г.).

*Въ губернскіе секретари — помощникъ столоначальника канцеляріи попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, коллежскій регистраторъ *Косоговскій** (съ 1 декабря 1857 г.).

Государь Императоръ, согласно удостоенію комитета министровъ, объявляетъ Монаршее благоволеніе, за отлично-усердную и ревностную службу: директору училищъ Ковенской губерніи, статскому советнику *Васильеву*; инспекторамъ гимназій: Пермской — коллежскому советнику *Крупенину*, Екатеринославской — надворному советнику *Петрову* и почетному смотрителю училищъ Бобруйскаго уѣзда, поручику *Кельчевскому*.

Государь Императоръ, согласно удостоенію Сибирскаго комитета, объявляетъ Монаршее благоволеніе директору училищъ Тобольской губерніи, статскому советнику *Ершову*, за отлично-усердную его службу.

№ 2.

17 января 1859 года.

КОМАНДИРУЮТСЯ ЗА ГРАНИЦУ СЪ УЧЕНОЮ ЦѢЛЮ:

Статскіе совѣтники: ординарные профессоры Императорскаго университета св. Владимира, по каѳедрамъ: теоретической хирургіи — *Гюббенеть*, физиологической анатоміи — *Вальтеръ* и исправляющей должность ординарного профессора сего-же университета по каѳедрѣ физики *Талызинъ*; Гюббенеть — на пять, Вальтеръ — на четыре и Талызинъ — на три мѣсяца.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ ЗА ГРАНИЦУ:

Почетный смотритель С. Петербургскаго Андреевскаго уѣзднаго училища, титулярный совѣтникъ *Бенардаки* — въ Германію и Францію, на три мѣсяца, по болѣзни.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА ЗА ГРАНИЦЕЮ:

Канцелярскому чиновнику канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, коллежскому секретарю *Зерену* — на одинъ мѣсяцъ.

УВОЛЬНЯЕТСЯ:

Попечитель Московскаго учебнаго округа, гофмейстеръ Двора Его Императорскаго Величества *Бахметевъ* — согласно прошенію его, по разстроенному здоровью, отъ должности попечителя, съ оставленіемъ въ званіи гофмейстера.

№ 3.

17 января 1859 года.

УВОЛЬНЯЕТСЯ:

Помощникъ попечителя Московскаго учебнаго округа и членъ по искусственной части комиссіи о построеніи въ

Москвѣ храма во имя Христа Спасителя, въ званіи камеръ-
юнкера, статскій совѣтникъ графъ Уваровъ — отъ службы по
министерству народнаго просвѣщенія, согласно прошенію,
съ оставленіемъ въ званіи камеръ-юнкера.

Подпись: *Министръ народнаго просвѣщенія Е. Ковалевскій.*

— 11 —

МИНІСТЕРСКІЯ РАСПОРЯЖЕНИЯ

за ЯНВАРЬ 1859 ГОДА.

1. (14 января) *Объ учреждениі стипендіі для одного изъ студентовъ Императорскаго Дерптскаго университета.*

По представлению попечителя Дерптскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на приведеніе въ исполненіе предположенія Нарвскаго магистратата объ учрежденіи изъ капитала, составленнаго добровольными приношеніями проживающими въ г. Нарвѣ бывшихъ воспитанниковъ Императорскаго Дерптскаго университета, по случаю 50-лѣтняго юбилея онаго, стипендіі для одного изъ студентовъ сего университета, на основаніи составленнаго для того Нарвскимъ магистратомъ положенія.

2. (16 января) *О раздѣленіи 3-го класса пятой С. Петербургской гимназіи на два отдѣленія и объ опредѣленіи сверхштатнаго старшаго учителя исторіи.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представлении попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на раздѣленіе 3-го класса пятой С. Петербургской гимназіи на два отдѣленія, и, на основаніи Высочайше утвержденнаго 27 апрѣля 1837 года положенія комитета министровъ, разрѣшилъ имѣть при сказанной гимназіи сверхштатнаго старшаго учителя исторіи, безъ жалованья, но съ правами государственной службы.

3. (16 января) *Объ учреждении при восточномъ факультете Императорскаго С. Петербургскаго университета Санскрито-Персидскаго отдѣленія.*

По уваженіямъ, изложеннымъ въ представлениі попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія разрѣшилъ учредить при факультетѣ восточныхъ языковъ Императорскаго С. Петербургскаго университета шестое отдѣленіе — Санскрито-Персидское, назначивъ въ немъ главными предметами Санскритскій и Персидскій языки съ ихъ литературами, и дополнительными — Русскій и Французскій языки и Русскую исторію.

4. (28 января) *Объ определеніи сверхштатныхъ учителей въ Дерптскую гимназію.*

По представлению попечителя Дерптскаго учебнаго округа, министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на определеніе въ Дерптскую гимназію, по случаю открытия при оной параллельныхъ классовъ, до четырехъ сверхштатныхъ учителей: одного старшаго и трехъ младшихъ, на основаніяхъ, изложенныхъ Св. Зак. (изд. 1857 г.) т. 3 Уст. о служ. по опред. отв. прав. въ ст. 783, съ производствомъ имъ жалованья въ размѣрѣ, определенномъ штатомъ гимназій изъ собираемой за ученіе въ означенныхъ классахъ суммы.

5. (28 января) *О новомъ устройствѣ въ Императорскомъ Харьковскомъ университете каѳедры врачебнаю веществословія.*

По представлению попечителя Харьковскаго учебнаго округа, находя вполнѣ уважительными изложенные въ ономъ соображенія о новомъ устройствѣ въ Харьковскомъ университѣтѣ каѳедры врачебного веществословія такимъ образомъ, чтобы, оставивъ въ составѣ сей каѳедры фармацію, поручить отдельное преподаваніе ея споспѣшномумагистру фармаціи, министръ народнаго просвѣщенія изъявилъ согласіе на эту мѣру.

ПРИКАЗЫ

МИНИСТРА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ

№ 1.

1 января 1859 года.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Штатный чиновникъ особыхъ порученій при главномъ управлениі цензуры и библиотекарь департамента народнаго просвѣщенія, статскій совѣтникъ графъ Комаровскій — на учрежденную, по Высочайше утвержденному 24 декабря 1858 года докладу моему, должность чиновника особыхъ порученій при главномъ управлениі цензуры, съ оставленiemъ временно библиотекаремъ департамента народнаго просвѣщенія.

Старшій секретарь канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, коллежскій совѣтникъ Янкевичъ — штатнымъ чиновникомъ особыхъ порученій при главномъ управлениі цензуры, съ порученiemъ ему временно исправленія и настоящей должностіи старшаго секретаря, безъ жалованья по сей послѣдней.

Исправляющій должностіе Чериковскаго городового врача, лекарь Шнейдеръ — врачемъ при училищахъ Чериковскаго уѣзда, безъ жалованья, но съ правами службы и съ оставлениемъ въ настоящей должностіи.

ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ:

Уволенный изъ военной службы, съ чиномъ поручика, Благазимъ — почетнымъ смотрителемъ С. Петербургскаго Рождественскаго уѣзднаго училища.

Дѣйствительный студентъ Императорскаго Харьковскаго университета Бугацель — почетнымъ смотрителемъ Бирюченскаго уѣзднаго училища.

УТВЕРЖДАЮТСЯ:

Ординарные профессоры Императорского Дерптского университета: коллежский советник *Мейковъ*, действительный статский советник *Клаусъ*, статские советники: *Тобинъ, фонъ-Саксонъ и Миндингъ*, надворные советники: *Циглеръ и Бульмерингъ* — первый председателемъ, а последне заседателями апелляционного и ревизионного суда сего университета, на 1859 годъ.

Штатный частный преподаватель Императорского Дерптского университета, надворный советник *фонъ-Энгельгардтъ* — экстраординарнымъ профессоромъ сего университета по кафедрѣ церковной истории и богословской литературы.

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Товарищъ председателя Нижегородской палаты уголовного суда, коллежский асессор *Буксгевденъ* — почетнымъ смотрителемъ Нижегородского уѣзданого училища.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ ПО ПРОШЕНИЯМЪ:

Инспекторъ студентовъ Императорского Харьковского университета, въ званіи камеръ-юнкера Двора Его Императорского Величества, коллежский советник *Стороженко*.

Причисленный къ министерству народного просвѣщенія, надворный советник *фонъ-Крузе*.

Почетный смотритель Бирюченского уѣзданого училища, отставной капитанъ-лейтенантъ *Коростовцевъ*.

УВОЛЬНЯЕТСЯ ВЪ ОТПУСКЪ:

Чиновникъ особыхъ поручений при департаментѣ народного просвѣщенія, титулярный советникъ *Поливановъ*, на 29 дней.

ОВЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНОГО ПРОСВѢЩЕНИЯ:

Титулярному советнику и временному 1-го гильдіи купцу Ивану *Панову* — за изъявленное имъ желаніе жертвовать въ Честъ Св. Отц. І.

пользу Тверскаго Маріинскаго женскаго училища по 1000 руб. въ годъ, въ-течение трехъ лѣтъ, и сверхъ-того содержать на свой счетъ въ означенномъ училищѣ, въ-течение семилѣтняго курса, пять бѣдныхъ дѣвицъ, съ платою за каждую по 35 руб. въ годъ.

ИСКЛЮЧАЕТСЯ ИЗЪ СПИСКА:

Умершій директоръ Пензинскаго дворянскаго института, коллежскій совѣтникъ *Цилли*.

№ 2.

19 января 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Отставной капитанъ лейбъ-гвардіи Литовскаго полка *Шульманъ*.

УТВЕРЖДАЕТСЯ:

Директоръ и профессоръ Харьковскаго ветеринарнаго училища, статскій совѣтникъ *Галицкій* — директоромъ сего училища, на новое четырехлѣтіе.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Старшій учитель 3-й С. Петербургской гимназіи, коллежскій совѣтникъ *Лемоніусъ* — директоромъ сей гимназіи, съ увольненiemъ отъ учительской должности какъ въ гимназіи, такъ и въ училищѣ при евангелическо-лютеранской церкви св. Аны.

Учитель живописи Варшавской художественной школы, коллежскій совѣтникъ *Каневскій* — директоромъ оной (съ 12 января 1859 г.).

Ирбитскій городовой врачъ, титуллярный совѣтникъ *Ешикскій* — почетнымъ смотрителемъ Ирбитскаго уѣздааго училища, съ оставленiemъ въ настоящей должности.

Съ Высочайшаго Его Императорскаго Величества соизволенія объявляется признательность начальства за отлично-усердную службу.

Старшему учителю первой Харьковской гимназіи, коллежскому советнику *Назаревскому*; коллежскимъ ассессорамъ, врачамъ при уѣздныхъ училищахъ: Задонскомъ — *Коллеру*, Дмитровскомъ — *Герольду*; штатнымъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ: Харьковскаго — *Левандовскому*, Балковскаго — *Рахманову*, Изюмскаго — *Запорину*, Сумскаго — *Алдрееву*; учителю Путывльскаго уѣздного училища *Блюму*; титулярнымъ советникамъ: лектору Императорскаго Харьковскаго университета *Феррарини*, старшему учителю Орловской гимназіи *Азарьевичу*; учителямъ уѣздныхъ училищъ: Курскаго — коллежскому секретарю *Ерохину*, губернскому секретарю: Курскаго — *Острогскому* и Льговскаго — *Шитковскому*.

Объявляется признательность министерства народнаго просвѣщенія за отлично-усердную и ревностную службу служащимъ въ учебныхъ округахъ:

С. Петербургскому: бывшему врачу при Олонецкой гимназіи, статскому советнику *Дашкевичу* и почетному смотрителю училищъ Рогачевскаго уѣзда, инженеръ-подпоручику *Монкевичу*.

Московскому: титулярнымъ советникамъ, старшимъ учителямъ гимназій: Рязанской — *Павлову* и Тульской — *Михайловскому*.

Харьковскому: надзирателю за приходящими учениками Орловской гимназіи, губернскому секретарю *Жильберту*.

Одесскому: блюстителямъ казенныхъ Еврейскихъ училищъ первого разряда: Екатеринославскому 1 гильдіи купцу *Кранцфельду* и Павлоградскому 3 гильдіи купеческому сыну *Рудаеву*.

Виленскому: коллежскимъ совѣтникамъ: старшимъ учите-
лямъ Виленского дворянскаго института *Здановичу* и *Гладко-
му*; надворнымъ совѣтникамъ: младшему учителю того-же ин-
ститута *Монюшко*, врачу при Минскомъ дворянскомъ училищѣ
Любичанковскому; старшимъ учителямъ Виленского дворянска-
го института: титулярному совѣтнику *Пржыбыльскому* и состо-
ящему въ IX классѣ *Изюмову*; смотрителю Виленского казеннаго
Еврейскаго училища 2 разряда, коллежскому секретарю *Игна-
товичу*; младшему учителю Виленского дворянскаго института,
состоящему въ X классѣ *Регаме*; надзирателю за приходящими
учениками Виленской губернскай гимназіи, губернскому секре-
тарю *Кривобольскому-Кривобокову*; коллежскимъ регистрато-
рамъ: младшему учителю Виленского дворянскаго института
Цильяксу, учителю Мѣлецицкаго приходскаго училища *Остр-
жинецу*, учителю Волковыскаго приходскаго училища, состо-
ящему въ XIV классѣ *Брайбишу*; законоучителямъ православ-
наго исповѣданія: Дрогичинскаго уѣзднаго дворянскаго учили-
ща—протоіерею *Барановскому*; приходскихъ училищъ: Мѣ-
лецицкаго — священнику *Харламповичу*, Клещельскаго —
священнику *Гацкевичу*; законоучителю евангелическо-рефор-
матскаго исповѣданія Изабелинскаго приходскаго училища, ви-
це-суперъ-интенденту, пастору *Мандзельсовскому*, и законо-
учителямъ Римскокатолическаго исповѣданія приходскихъ учи-
лищъ, ксендзамъ: Семятицкаго — *Богушевскому*, Мѣлецицка-
го — *Чернявскому* и Кобринскаго — *Сорочинскому*.

Почетному смотрителю Дорогобужскаго уѣзднаго училища,
коллежскому регистратору *Кузьмину*, за сдѣланное имъ въ
пользу сего училища пожертвованіе.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ОТЪ СЛУЖБЫ:

Директоръ З-й С. Петербургской гимназіи, дѣйствительный
статскій совѣтникъ *Буссе*—по прошенію, съ мундиромъ, дол-
жности присвоеннымъ.

Почетный смотритель Чухломского уѣзднаго училища, титулярный советникъ *Димитриевъ* — согласно прошенію.

Почетный смотритель Угличскаго уѣзднаго училища, коллежскій регистраторъ *Лубровинъ* — за неисполненіе даннаго имъ обязательства ежегоднаго пожертвованія въ пользу училища.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ СРОКЪ ОТПУСКА:

Почетному смотрителю Ахтырскаго уѣзднаго училища, коллежскому секретарю *Ковалевскому* — по 4 февраля 1859 года.

№ 3.

23 января 1859 года.

ПРИЧИСЛЯЕТСЯ КЪ МИНИСТЕРСТВУ:

Уволенный изъ военнаго вѣдомства, для опредѣленія къ статскому дѣламъ, съ чиномъ коллежскаго асессора *Красовскій* — съ откомандированіемъ въ распоряженіе попечителя Московскаго учебнаго округа.

ОПРЕДѢЛЯЮТСЯ:

Изъ отставныхъ, статскій советникъ *Драшусовъ* — цензоромъ въ Московскій цензурный комитетъ.

Докторъ медицины Парижскаго медицинскаго факультета *Гиршфельдъ* и докторъ медицины и хирургіи Берлинскаго университета *Выслоцкій* — въ Императорскую и Царскую Варшавскую медико-хирургическую академію, первый — ординарнымъ профессоромъ анатоміи, а другой — экстраординарнымъ профессоромъ патологіи и патологической анатоміи (21 января 1859 г.).

Вольнопрактикующій врачъ, титулярный советникъ *Зеленскій* — врачомъ при Костромскомъ женскомъ училищѣ.

ПЕРЕВОДИТСЯ:

Столоначальникъ Московскаго главнаго архива министерства иностранныхъ дѣлъ, коллежскій асессоръ *Наумовъ* — цензоромъ въ Московскій цензурный комитетъ.

УВОЛЬНЯЮТСЯ ПО ПРОШЕНИЯМЪ:

Ординарный профессоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, дѣйствительный статскій совѣтникъ *Кагемъ-Бекъ* — отъ должности декана факультета восточныхъ языковъ.

Почетный смотритель Саратовскаго уѣзднаго училища, коллежскій асессоръ *Сльпцовъ* — отъ настоящей должности.

ОБЪЯВЛЯЕТСЯ ПРИЗНАТЕЛЬНОСТЬ МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНИЯ:

Градскому главѣ г. Кузнецка, Саратовской губерніи, 3-й гильдіи купеческому сыну *Преснякову* — за пожертвованный имъ деревянный домъ въ пользу открываемаго въ г. Кузнецкѣ женскаго приходскаго училища.

№ 4.

30 января 1859 года.

НАЗНАЧАЮТСЯ:

Чиновникъ особыхъ поручений при министрѣ народнаго просвѣщенія и исправляющій должностіе старшаго секретаря канцеляріи ministra, статскій совѣтникъ *Обертъ* — цензоромъ въ С. Петербургскій цензурный комитетъ, съ увольненіемъ отъ занимаемыхъ имъ должностей.

Секретарь канцеляріи ministra народнаго просвѣщенія, надворный совѣтникъ *Добровольскій* — старшимъ секретаремъ канцеляріи.

Помощникъ секретаря канцеляріи министра народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Брадке* — секретаремъ канцеляріи.

Присчисленный къ министерству народнаго просвѣщенія, титулярный совѣтникъ *Беккеръ* — помощникомъ секретаря канцеляріи министра.

Адъюнкти Императорскаго Харьковскаго университета, статскийсовѣтникъ *Рындowski* — экстраординарнымъ профессоромъ того-же университета по каѳедрѣ врачебнаго веществословія.

Инспекторъ Виленскаго дворянскаго института, коллежскій совѣтникъ *Чашкицкій* — исправляющимъ должность директора Новогрудской гимназіи.

Старшій учитель Астраханской гимназіи *Вейдеманъ* — исправляющимъ должность профессора Демидовскаго лицея, по каѳедрѣ естественныхъ наукъ.

ПЕРЕВОДЯТСЯ:

Почетный смотритель Козловскаго уѣзднаго училища, коллежскій ассессоръ *Нероковъ* — къ таковой-же должности въ Моршанско уѣздное училище.

Служащій въ канцеляріи военнаго министерства, титулярный совѣтникъ *Полонскій* — въ канцелярію министра народнаго просвѣщенія старшимъ секретаремъ.

УВОЛЬНЯЮТСЯ:

Ординарный профессоръ С. Петербургскаго университета и главнаго педагогическаго института, действительный статскийсовѣтникъ *Куторга* — отъ должности профессора главнаго педагогическаго института, по прошенію.

Чиновникъ особыхъ поручений при главномъ управлениі цензуры, коллежскій совѣтникъ *Инакевичъ* — отъ порученного ему временно исправленія должности старшаго секретаря канцеляріи министра народнаго просвѣщенія.

Исправляющій должность директора Новогрудской гимназіи, надворный советникъ *Лебедевъ* — отъ службы, по прошению, съ мундиромъ, присвоеннымъ должности.

Почетный смотритель Моршанского уѣзднаго училища, титулярный советникъ *Чулковъ* — отъ службы, по прошению.

Почетный смотритель Казавскаго уѣзднаго училища, коллежскій секретарь *Износовъ* — отъ настоящей должности, по прошению.

Подпись: *Министръ народнаго просвещенія Е. Ковалевскій.*

УТВЕРЖДЕНИЕ:

По Императорскому Харьковскому университету.

Статскій советникъ *Гордъенковъ* — въ звании почетнаго члена (4 января).

II.

СЛОВЕСНОСТЬ, НАУКИ И ХУДОЖЕСТВА.

ЭДИПЪ ВЪ КОЛОНѢ.

Мыслью Софокла въ его трагедіи: «Эдипъ въ Колонѣ» было представить примиреніе съ богами человѣка, выкупившаго невольный грѣхъ свой тяжкими страданіями. Эриніи (Фуріи), преслѣдующія злѣ изъ-рода-въ-родъ, являются Евменидами, благодушными богинями, подобно тому, какъ въ Орестѣ Эсхила. Но ихъ побѣждаетъ не могущество Аейны, дѣйствующей въ защиту новыхъ благихъ началь: *собственное* милосердіе преклоняетъ ихъ на сторону Эдипа. Самое проклятие, тяготѣющее надъ сыновьями героя, является скорѣе слѣдствиемъ справедливаго отцовскаго гнѣва, чѣмъ предреченной богами кары. *Собственный ераждебный духъ* внушаетъ Этеоклу и Полинику злую распрю: Антигона, какъ невинная, по словамъ Полиника, не заслуживаетъ несчастія. Въ-заключеніе трагедіи всѣмъ добрымъ обѣщана добрая доля. Изъ всего этого мы видимъ, что дѣйствіе драмы развивается совершенно свободно отъ идеи судьбы, которая высказалась единственно въ томъ, что проклятие, тяготѣющее надъ родомъ, должно быть искуплено мно-гими жертвами.

Эдипъ настоящей трагедіи совершенно противуположенъ Эдипу-царю. Изъ начала драмы: «Эдипъ-царь» мы видимъ его на высшей степени величія и силы; но властелинъ падаетъ, увлеченный своею гордыней, и тѣмъ оправдываетъ изреченіе: «Назови себя тогда только счастливымъ, когда безъ напасти проведешь послѣдній день жизни». Здѣсь-же находимъ его хильмъ, слѣпымъ старикомъ, который, скитаясь въ рушишь, выпрашиваетъ хлѣба на чужбинѣ. Но за то какая противуположность и въ обстановкѣ! Тамъ слышны вокругъ дворца вошли умирающаго народа; здѣсь раскрывается чудная картина: кругомъ зеленѣютъ лавръ, олива и виноградъ; щебечутъ соловьи; вдали виднѣютъ Аѳинны и за ними лазурь моря. Тамъ царь, ослѣпленный властью, не предчувствуетъ своего паденія въ борьбѣ съ рокомъ; здѣсь рокъ уже не грозитъ: милостивые боги готовятъ счастливый конецъ страдальцу, и, не смотря на свою бѣдность и слѣпоту, онъ полонъ бодрой надежды, онъ ясно видитъ грядущее.

Между событиями обѣихъ драмъ должно предполагать большой періодъ времени; самыя эти события представлены у Софокла иначе, чѣмъ у другихъ поэтовъ. По Эсхилу (см. трагедію: «Семь противъ Фивъ»), Эдипъ не былъ изгнанъ дѣтьми: онъ спокойно остается до смерти царемъ, и уже много времени спустя послѣ его кончины, бѣдствіе застигаетъ сыновей, какъ наследственная кара надъ цѣлымъ родомъ.

Согласно болѣе древнему преданию, сыновья заслужили проклятие отца за непочтительное съ нимъ обхожденіе. Въ трагедіи Еврипида «Фениксы», сыновья заключаютъ Эдипа въ узы, и онъ за это ихъ проклинаетъ. Трагедія Софокла: «Эдипъ-царь» оканчивается тѣмъ, что герой, выкололъ себѣ глаза, призываетъ дѣтей и вручаетъ какъ ихъ, такъ и царство, попеченію Креона. Изъ драмы «Эдипъ въ Колонѣ» видно, что Софокль, согласно своей цѣли, предположилъ въ промежуткѣ между этими событиемъ и прибытиемъ своего героя въ Колонѣ, слѣдующія обстоятельства.

Креонъ царствует. Эдипъ, желавшій сначала быть изгнаннымъ, согласно изречению оракула: «Изгнать или умертвить убіцу Лая», спокойно остается въ дому, пока не вырастаютъ его дѣти; и боги не гибаются на это неточное соблюденіе изъ воли. Лишивъ себя зреяня и отказавшись отъ власти, Эдипъ, конечно, сдѣлалъ болѣе для удовлетворенія истинныхъ богинь, чѣмъ могъ предписать какой-бы то ни было оракулъ. Великодушіе, неслыханная энергія воли и глубокое раскаяніе павшаго царя должны были наконецъ умилостивить Аполлона. Между тѣмъ Креонъ, сначала благородный мужъ, уважавшій несчастіе Эдипа, подъ конецъ становится безпощаднымъ и самовластнымъ. Присутствіе прежняго царя кажется ему помѣхой въ честолюбивыхъ замыслахъ. Уже долгое время спустя, въ согласіи съ сыновьями Эдипа, изгоняетъ онъ его изъ царства, не спросивъ вновь оракула въ такомъ важномъ дѣлѣ.

Безпомощнаго старца сопровождаетъ въ изгнаніе одна только дочь, Антигона; Исмена, также вѣрная отцу, остается въ дому, чтобы наблюдать дѣла и, тайкомъ отъ Кадмейцевъ, извѣщать Эдипа обо всемъ, до него касающемся.

Вскорѣ обнаружилась воля боговъ. Этеокль и Полиникъ начали междуусобіе. Креонъ, державшій сторону Этеокла, вопросивъ оракулъ, неожиданно узнаетъ, что вся судьба Кадмейцевъ зависитъ отъ изгнанного ими Эдипа: тому побѣда и сила, чью сторону онъ приметъ. Такимъ образомъ обѣ стороны желають теперь изъ личныхъ выгодъ привлечь къ себѣ вѣчастнаго слѣпца.

Эдипъ, еще ничего не знавшій обѣ этомъ послѣднемъ оракулѣ, но уже увѣренный въ помощь боговъ, проходитъ съ дочерью въ Колонъ, — чѣмъ и начинается трагедія. Софокль очень искусно пользуется здѣсь народными преданіями Аттики, чтобы возвеличить мѣсто своего рожденія, Колонъ, и свое отчество, Аѳины. Непозѣство, когда сказаніе обѣ Эдипѣ занесено было изъ Фива въ Аттику; во Фиванскаго героя Аѳенинѣ

чили наравнѣ съ другими туземными богами. Между Акрополисомъ и Ареопагомъ находились святилище Евменидъ, изваянія подземныхъ боговъ и вмѣстѣ памятникъ Эдипа. Но для насть важнѣе поклоненіе Эдипу въ мѣстечкѣ, называвшемся по имени своего героя «Коннымъ Колономъ» (Κολωνὸς Ἐπικός). Мѣстечко это лежало въ разстояніи получасовойѣзды отъ Аеинъ, по дорогѣ въ Оивы черезъ Оилы. Скала, на которой оно находилось, теперь пуста и безлюдна; но видъ съ нея по-прежнему простирается на Аеины и Пирей, на море съ островомъ Эгинаю, до самыхъ береговъ Арголиды. Главными богами въ Колонѣ были Конный Посейдонъ и Конная Аеина. Кромѣ-то-го непроницаемая роща Евменидъ покрывала скалы, называвшіяся *мѣдными путями* (Χαλκόποις ὁδός). Одна изъ пропа-стей на этомъ пути вела, по преданію, въ подземное царство, и тутъ спускались Фезей съ Периеоемъ, чтобы вывести изъ Аида Коре (Прозерпину). Недалеко отъ Колона лежало и мѣстечко: «Академія» съ его святилищами и статуями Аеины Моріи, Промеоіи и Гефеста. Такимъ образомъ самый Колонъ и его окрестности соотвѣтствовали тому религіозному характеру, которымъ проникнута драма: святилище Евменидъ принимаетъ Эдипа, и подземные боги чудеснымъ образомъ низводятъ его въ Аидъ. Но кромѣ религіозной мысли примиренія съ богами, Софоклъ ясно выражаетъ мысль политическую. Въ лицѣ Фе-зезя ставить онъ Аеинянамъ образецъ старинной ихъ доблести. Гостепріімство, правосудіе, обходительность и мягкость ха-рактера (*εὐεύχεια*), и въ-особенности благочестіе — вотъ ка-чества, которые составляли силу Аеинской республики — и Софоклъ явно опасается, чтобъ эта сила не была утрачена его соотечественниками въ ихъ новыхъ властолюбивыхъ замыслахъ. Властолюбіе, какъ въ драмѣ Эдипъ царь, такъ и въ на-стоящей трагедіи, жестоко казнено поэтомъ. Намеки на совре-менное Софоклу состояніе вещей встрѣчаются въ разныхъ мѣ-стахъ драмы; но поэтъ не имѣлъ въ виду исключительной цѣ-ли давать урокъ современникамъ. Пользуясь народными преда-

ніями, онъ не думалъ видоизмѣнить ихъ по требованію обстоятельствъ, а следовалъ строгимъ требованиямъ художественной истины. Такъ выставляеть онъ старинный союзъ между Аенянами и Фиванцами, тогда-какъ въ его время оба народа находились во враждебныхъ отношеніяхъ. Софоклъ дасть только предчувствовать эту вражду, и, согласно народному преданію, могила Эдипа становится у него залогомъ побѣды надъ врагами. Въ этомъ отношеніи рѣдкій поэтъ имѣлъ выгоду, изображая общественное, быть вполнѣ общественнымъ и народнымъ. Эстетически развитой умъ Аенянъ, преобразуя все въ идею, чуждался мелкихъ, раздробленныхъ фактовъ жизни.

Трагедія «Эдипъ въ Колонѣ», какъ сказали мы, носить религіозный характеръ. Въ ней развивается нравственная идея возмездія человѣку по дѣламъ его. Въ ней нѣтъ драматической завязки, происходящей отъ страстной, дѣятельной личности героя, какъ въ другихъ драмахъ Софокла, и въ этомъ главный ея недостатокъ съ нашей точки зрѣнія. Завязка не столько заключается въ лицѣ героя, сколько въ немъ: въ тѣхъ обстоятельствахъ, въ которыхъ онъ поставленъ. То стариkъ, ищущій покоя: онъ просить не на долгій срокъ пристанища у людей, а у боговъ мирной смерти. Во все времена дѣйствія онъ даже почти не перемѣняетъ мѣста, и Софоклъ съ намѣреніемъ увеличиваетъ его хилость и неподвижность, чтобы представить тѣмъ необычайное чудное его прозрѣніе въ концѣ драмы. Но обстоятельства таковы, что этотъ несчастный стариkъ сосредоточиваетъ около себя все дѣйствіе трагедіи: его ужасается хоръ; за него страдаетъ и молитъ Антигона; его искать приходятъ Исмена, Креонъ и Полиникъ; ему обязанъ Фезей новымъ своимъ могуществомъ. Надо удивляться, съ какимъ искусствомъ изъ одного и того-же положенія Эдипа Софоклъ строить самыя разнообразныя сцены. Дѣло въ томъ, что Эдипъ, до послѣдней минуты жизни преслѣдуемый горемъ, долженъ наконецъ найти счастливый конецъ, какъ нашелъ вѣрный пріютъ у Аенянъ: трепетное ожиданіе этого конца съ одной

стороны, а съ другой — тайные силы боговъ, все явственнѣе принимающихъ участіе въ судьбѣ Эдипа, даютъ основаніе борьбѣ, которая связываетъ всѣ части драмы. Герой въ послѣдній разъ очищаетъ свою совѣсть предъ лицемъ боговъ и людей: зрителъ видѣть тяжкое его бѣдствіе, его глубокое горе при мысли о невольно содѣянномъ злѣ, — и ждетъ справедливаго воздаянія. И самъ Эдипъ, увѣренный въ благости Аполлона и нѣкогда преслѣдовавшихъ его Ериній, смѣю можетъ оправдываться на этомъ послѣднемъ судѣ передъ смертью, смѣю можетъ предсказывать добро людямъ, его принялшимъ. Необходимость подобныхъ оправданій и прорицаній, представляющихъ въ новомъ свѣтѣ лицо гонимаго дотолѣ скитальца, была причиной того характера, который приняла драма: въ ней больше рѣчей, чѣмъ дѣйствія; въ ней дѣйствіе основано не столько на борьбѣ въ самомъ Эдипѣ, сколько на борьбѣ за Эдипа. Главные моменты этого дѣйствія состоять въ слѣдующемъ:

- 1) Эдипъ молить у жителей Колона пристанища и дозволенія остаться близъ рощи Евменидъ.
- 2) Эдипъ узнаетъ отъ Исмены о новой милости къ нему боговъ и проклинаетъ дѣтей, его изгнавшихъ. Тутъ-же совершаеть онъ очистительную жертву Евменидамъ.
- 3) Эдипъ вторично (послѣ первыхъ сценъ въ Колонѣ), признаваясь въ своихъ проступкахъ, оправдываетъ себя передъ хоромъ, и, въ сценѣ съ Фезеемъ, предсказываетъ Аениянамъ побѣду надъ врагами, если окажутъ ему защиту.
- 4) Эдипъ уличаетъ во лжи Креона, пришедшаго съ цѣллю захватить его и дочерей, и предсказываетъ бѣдствія Фивамъ.
- 5) Новыя оправданія Эдипа предъ лицомъ Креона и Фезея.
- 6) Благодарность Эдипа Фезею за возвращеніе дочерей. Извѣстіе о появленіи Полиника.
- 7) Сцена съ Полиникомъ. Эдипъ проклинаетъ сына, возвѣщаѧ гибель ему и его брату.

8) Эдипъ, уже извѣщеній о своей близкой кончинѣ, вновь предсказываетъ счастливую долю Фезею и Аениамъ.

9) Рассказъ о чудесной смерти Эдипа и плачъ Антигоны и Исмены.

Такъ просто содержаніе трагедіи. Не смотря на это, какъ сказали мы, сцены отличаются все новымъ разнообразiemъ, хотя происходятъ изъ того-же положенія Эдипа, какъ бѣдного, ищущаго защиты, странника и какъ возвеличенаго богами страдальца. Разнообразіе дѣйствію придаютъ, во-первыхъ, противоположныя чувства отца въ-отношеніи къ сыновьямъ и дочерямъ, а во-вторыхъ, прекрасно - изображеніе характеры: Антигоны, Исмены, Фезея, Креона и Полиника. Сцены Эдипа съ дѣтьми особенно драматичны, хотя не въ нихъ лежитъ главное основаніе драмы.

Изо всего предыдущаго можно сдѣлать слѣдующія общія заключенія о трагедіи:

1) Въ ней совершенно уничтожается сила рока оправданіемъ и возвышениемъ человѣка, на которомъ лежитъ бремя наслѣдственной кары. Въ этомъ отношеніи болѣе всѣхъ драмъ Софокла приближается она къ христіанскому воззрѣнію на жизнь, запечатленная идею свободной воли.

2) Драматизмъ положенія, что касается главнаго дѣйствующаго лица, преобладаетъ въ ней надъ драматизмомъ характера. Эдипъ, напримѣръ, не можетъ стать въ параллель короля Лиру, потому-что любовь или ненависть къ дѣтямъ составляютъ только прекрасные эпизоды дѣйствія. Основанная на исключительно нравственномъ начальѣ, настоящая трагедія Софокла уступаетъ въ силѣ драматической завязкѣ и собственнымъ драмамъ поэта, особенно «Эдипу-царю» и «Антигонѣ».

3) Она имѣеть близкое отношеніе къ Аениской жизни, выставляя, рядомъ съ религіозными вѣрованіями, идеальные черты народнаго Аениского характера.

Всѣ подробности драмы, также какъ связь сценъ и хоровъ, мы объяснимъ въ примѣчаніяхъ. Здѣсь остается намъ только

указать время, въ какое она написана. Ужъ изъ самаго характера драмы Софокла легко заключить, что она сочинена имъ въ преклонныхъ лѣтахъ. Глубина ея религіозной идеи, старческій образъ Эдипа, съ такою любовью въ ней обрисованный, тонъ спокойствія, разлитый по всѣмъ частямъ, ясно свидѣтельствуютъ о позднемъ ея появлѣніи. Древнія извѣстія всѣ согласны въ томъ, что драма написана незадолго передъ смертью Софокла; а въ первый разъ на сцену поставилъ ее внука поэта, сына Аристона, въ 401 году до Р. Х. (пять лѣтъ спустя послѣ смерти автора). Всѣмъ извѣстно преданіе, повторенное Цицерономъ, Плутархомъ и Апулеемъ, будто Софокль на старости лѣтъ принужденъ былъ судиться съ дѣтьми, обвинявшими его въ слабоуміи съ цѣллю захватить въ свои руки имѣніе. Нѣкоторые обвинителемъ ставятъ только старшаго сына, Іофона. Исторія разсказываетъ, будто поэтъ, въ доказательство своего здравомыслія, прочелъ передъ судьями отрывки изъ драмы: «Эдипъ въ Колонѣ». Другіе готовы утверждать, что и драму написалъ Софокль съ цѣллю выставить неблагодарность дѣтей своихъ. Всего вѣроятнѣе, что дѣло было на-оборотъ, т. е. само содержаніе драмы дало поводъ къ этой выдумкѣ, несообразной ни съ характеромъ Софокла, ни съ древнѣйшими извѣстіями о его дѣтихъ. Іофонъ напротивъ пользовался особенностью любовью поэта, который исправлялъ сочиняемыя имъ драмы. Аристофанъ въ комедіи: «Лягушки», осмѣшивая Іофона, говоритъ, что онъ убираетъ себя чужими перьями: въ одной изъ сценъ богъ Діонизій ни за что не хочетъ приводить съ того свѣта Софокла, желая посмотретьъ, какъ справится безъ него сынъ со своими драмами. Есть и другія доказательства, что сказка о ссорѣ съ дѣтьми принадлежитъ къ числу обыкновенныхъ украшеній біографіи. По преданію современниковъ, Софокль кончилъ жизнь свою счастливо, не претерпѣвъ ни малѣйшаго горя.

При переводе настоящей трагедии старался я, сколько позволяло духъ Русского языка, сохранить не только всѣ образы выраженія подлинника, но и характеръ Греческой рѣчи. Читателя не должно, напримѣръ, удивлять такого рода сравненіе:

«Видиши са́мъ,
Какъ порицанья пра́мо въ цѣль стремятся».

Сравненіе взято отъ бѣга коней, порывающихся къ назначеннй метѣ. Грекъ ни въ чёмъ не могъ такъ живо представить быстраго решенія судьбы, какъ въ состязаніяхъ игръ, гдѣ каждый наперерывъ стремился къ одной цѣли. Замѣнивъ это выраженіе какимъ-нибудь Русскимъ (отъ рока не уйдешь, суженаго конемъ не обѣдешь, рокъ ищетъ головы твоей и проч.), я, можетъ быть, выразилъ бы точный смыслъ и духъ подлинника. Впрочемъ, въ двухъ, въ трехъ мѣстахъ инѣ казалось совсѣмъ невозможнымъ передать метафору подлинника: такія мѣста объяснены въ примѣчаніяхъ.

Большія трудности представлялись мнѣ во-отношениіи Греческой рѣчи. Греческий языкъ, воспитанный жаждымъ, общественнымъ краснорѣчіемъ и строгою логикою мысли, кроме своей необыкновенной точности, представляетъ такія тонкости въ оборотахъ и такое синтаксическое разнообразіе въ развитіи періодовъ, что всего передать невозможно въ самомъ точномъ переложеніи. Особенно длинныя рѣчи Эпіда и Креона могутъ служить образцемъ Аѳинской діалектики. Заботясь объ удобопонятности и легкости, я принужденъ былъ иногда раздѣлять слишкомъ связную рѣчь, замѣняя придаточные предложения главными; но читателю, ищущему исключительно легкости, все-таки можетъ показаться утомительной періодическая длиннота нѣкоторыхъ фразъ. Въ этомъ отношеніи держался я середины, дѣлая уступку Русскому языку настолько, чтобы не сгладить характера подлинника. Я полагаю, что переводъ съ древнихъ языковъ никогда не можетъ служить предметомъ

для легкаго чтенія. По этой причинѣ не стыснялся я также не стрить текстъ примѣчаніями и ссылками. При небольшихъ пѣсахъ ихъ очень легко можетъ замѣнить краткое вступленіе въ большой трагедіи, и особенно въ Греческихъ хорахъ, гдѣ не знакомому съ классической древностью часто нельзя понять и двухъ стиховъ сряду, трудно избѣгнуть подстрочныхъ примѣчаній.

ПРОЛОГЪ (1).

ЭДИПЪ.

Дитя слѣпаго старца, Антиона!
Въ какой мы край праши? Какіе люди
Здѣсь обитають? Кто убогимъ даромъ
Почтятъ сегодня странника Эдипа (2)?
Онь мало просить; менѣе чѣмъ просить
Готовъ принять: съ меня довольно будетъ.
Терпѣть меня страданья пріучили
И долгій вѣкъ, и мужество души.
Но стой, дитя: найди мнѣ, гдѣ-бы сѣсть,
Въ доступномъ мѣстѣ иль въ священной рощѣ (3).

(1) Прологъ, первая часть трагедіи, продолжается до появления хора. Сцена представляетъ: вправо — видъ на Аѳинскій Акрополисъ, а ближе къ зрителямъ — святилище Промееса; прямо — дикая и скрытая мѣстность, часть мѣднаго пути, и роща Евменидъ; влево — дорога въ Фивы. Эдипъ, дряхлый старикъ, въ ветхомъ, грязномъ рубицѣ, со всклокочеными волосами на головѣ, идетъ по дорогѣ изъ Фивъ, опираясь съ одной стороны на трость, а съ другой на руку Антиона. Лице, покрытое морщинами, выражаетъ усталость, болѣзнь и вмѣстѣ преданность судьбѣ. Софоклъ имѣлъ цѣлью представить здѣсь въ самомъ жалкомъ видѣ Эдипа, чтобы тѣмъ болѣе поражало нравственное его могущество.

(2) Эдипъ съ намѣреніемъ говорить о себѣ въ третьемъ лицѣ, выражая тѣмъ ужасъ, возбуждаемый однимъ его именемъ.

(3) Мѣста доступныя — въ противоположность священной рощѣ, куда нельзѧ было вступать. Эдипъ упоминаетъ о священной рощѣ, еще не предчувствуя ея близости; онъ занятъ одной только мыслью: найти маконецъ общаданное оракуломъ убѣжище въ святилищѣ Евменидъ.

Я отдохну, пока не разузнаемъ,
Куда пришли. Что жители прикажутъ,
То и должны мы, чужеземцы, дѣлать.

АНТИГОНА.

Эдипъ, отецъ несчастны! Кажуть близки
На гласть твѣ башни, кроющія городъ,
А здѣсь сватое мѣсто: это ясно.
Кругомъ олива, лавръ и виноградъ,
И цѣльмы роемъ въ чащѣ соловья
Шебечутъ сладко (4). Здѣсь склонись колѣномъ,
На этомъ дакомъ камнѣ: большій путь,
Чѣмъ старику подъ-сиу, ты прошелъ.

ЭДИПЪ.

Такъ посади и охранай слѣпца.

АНТИГОНА.

Научена я временемъ, что дѣлать.

ЭДИПЪ.

Ты не узнала, гдѣ мы?

АНТИГОНА.

То Аеины;

А что за мѣсто здѣсь, еще не знаю.

ЭДИПЪ.

Прохожій вѣдь сказалъ ужъ намъ обѣ этомъ.

АНТИГОНА.

Пойти спросить мнѣ, что за мѣсто здѣсь?

ЭДИПЪ.

Да, дочь — и есть-ли жители, узнай (5).

(4) Олива, лавръ и виноградъ были деревья, посвященные Афинѣ, Аполлону и Дионисію; Антигона заключаетъ также о святости мѣста по частому пѣнью соловьевъ, которые любятъ мѣста уединенія.

(5) Вопросъ о мѣстѣ и о жителяхъ потому повторяется еще мѣсяцами разъ, потому-что Эдипу всего замкнѣе съ точностью знать, гдѣ найдеть сиѣ прють, и какіе люди, по общашію оракула, будутъ имъ благодѣтельствовани.

Антигона.

Конечно, есть: мнѣ и ходить не надо.
Вотъ, близко къ намъ какой-то человѣкъ.

Эдипъ. -

Откуда вдругъ? Или сюда спѣшить онъ?

Антигона.

Вотъ, онъ ужъ здѣсь. Что слѣдуетъ сказать,
Самъ говорить ты можешь.

Эдипъ.

Чужеземецъ!

Отъ ней я слышу (видѣть за меня
И за себѣ она), что, къ-счастью, ты
Явился намъ — желаемъ мы узнать....

Чужеземецъ. :)

Сперва сойди отсюда... послѣ спросишь:
Вступилъ ты въ недозволенное мѣсто.

Эдипъ.

Какое-жъ мѣсто здѣсь? какого бога?

Чужеземецъ.

Святыня, недоступная для смертныхъ,
Оно богинь ужасныхъ достоянья,
Земли и Мрака дочерей.

Эдипъ.

Чье имя

Мнѣ призывать священное въ молитвѣ?

Чужеземецъ.

«Всевидящіе Евмениды»: такъ
Ихъ называлъ-бы живущій здѣсь народъ;
Но у другихъ другой на то обычай (6).

(6) Фуріи, по Феогоніи Гезіода, произошли отъ каплей крови Урана, умерщвленного сыномъ Крономъ, и потому преслѣдовали за пролитую родственную кровь. Происхожденіе отъ Земли и Мрака даетъ имъ только Софокль, основываясь, вѣроятно, на народномъ преданії. Эдипъ, какъ чужеземецъ, не знаетъ этого происхожденія. Евменидами (благодушными) они стали называться у Аенинъ послѣ принятія ихъ въ городъ богинею Аенино

ЭДИПЪ.

Къ нимъ припаду, да милостиво примутъ —
И не сойти ужъ съ этого мнѣ мѣста.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Что-жъ это значитъ?

ЭДИПЪ.

Таково рѣшеніе

Моей судьбы.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

И я тебя не смѣю
Безъ воли гражданъ гнать: пускай они
Рѣшать, чтѣдѣлать. (Хочетъ идти).

ЭДИПЪ.

Именемъ боговъ

Молю: не презри бѣднаго скитальца;
Скажи, о чемъ прошу.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Уважу просьбу,
Лишь объясни.

ЭДИПЪ.

Какое-жъ это мѣсто,
Куда пришли мы?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Все, что знаю самъ,
И ты узнаешь отъ меня: кругомъ
Страна святая здѣсь; владѣютъ ею
Великій Посейдонъ и огненосецъ
Богъ Промеей—Титанъ; а гдѣ ступилъ ты,
Зовутъ землею иѣднаго пути.
Аeinъ опорой. Ближнія-же села
Гордятся этимъ всадникомъ Колономъ,

во время суда надъ Орестомъ (см. Евмениды Эсхила). Другія названія фурій были: Ериніи, Керы, Семіны, и проч. (Ἐρινύες, Κῆρες, Σεμίναι Ἄρας). Такъ называлъ-бы ихъ адѣшній народъ. Народъ вообще избѣгалъ произно-
сить название фурій.

Какъ ихъ вождемъ. По имени его
Всѣ жители одно название носятъ.
И это такъ на дѣлѣ, другъ, не столько
Въ рассказахъ читимо, какъ союзомъ гражданъ (7).

ЭДИПЪ.

Живутъ здѣсь, значитъ, люди?

ЧУЖЕЗЕМЦЪ.

Какъ-же! вотъ,
Имъ этотъ самый богъ и дасть название (8).

ЭДИПЪ.

Кто-жъ ими править? Или судъ народный?

ЧУЖЕЗЕМЦЪ.

Здѣсь тотъ-же, что и въ городѣ, правитель.

ЭДИПЪ.

Кто-жъ онъ, что судь и власть въ рукахъ имѣеть?

(7) Мы уже упоминали въ предисловіи о богахъ, почитаемыхъ въ Колонѣ. Промеесей, сынъ Япета и Климены (по Эсхилу — Фемиды), какъ символъ огня, здѣсь поставленъ рядомъ съ Посейдономъ (Нептуномъ), богомъ влажной стихіи. Ему поклонялись Аенискіе гончары; его изображали съ факеломъ въ правой руцѣ, какъ учредителя бѣговъ съ факелами, которые совершались отъ святилища его въ Академіи черезъ Керамику въ городѣ. О значеніи Промеесея, какъ бога огня, см. траг. Эсхила: «Промеесей».

Мѣдными путями названы скалы, вѣроятно, отъ мѣдныхъ ступеней, устроенныхъ къ пропасти, гдѣ, по народнымъ сказаніямъ, былъ спускъ въ Аидъ. По Гомеру, въ Тартаръ вели желѣзныя двери съ мѣдными порогами (Ил. 8, 15). Сѣверная часть города стояла на продолженіи тѣхъ-же высотъ, а потому и земля мѣдного пути названа опорою Аенинъ.

Гордится отцомъ есадникомъ Колономъ. Туземецъ указываетъ при этомъ на конную статую Колона, находившуюся на сценѣ. Колонъ бысть одинъ изъ ста Аттическихъ героевъ, по имени которыхъ называлы демы: ему поклонялись Колоніаты, какъ начальнику своего племени. Коммей Колонъ, въ отличіе отъ площаднаго (*άγοριος*), бывшаго въ городѣ. Старинныя преданія молчатъ о Колонѣ; но любовь къ родинѣ освятила для жителей и для самого Софокла, Колонскаго уроженца, его имя, потому они я чутъ его не всѣмъ-тайствѣ поэтическихъ разсказовъ; а по дружелюбью съ имъ союзу (τῆς ουνουσίας).

(8) Въ подлинникахъ: тобдѣ тобѣ Этой ўѣкычюю (насаждіе имъ этого бoga). Богомъ по-преимуществу назывался герой, родоначальникъ племени.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Феозей, сынъ прежде бывшаго Эгейя (9).

ЭДИПЪ.

Такъ не пойдетъ-ли кто изъ васъ къ нему?

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Зачѣмъ? просить сюда или что замолвить?

ЭДИПЪ.

Что онъ за помощь малую, большую
Себѣ получить выгоду.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Но въ чемъ-же

Доставить помощь человѣкъ слѣпой?

ЭДИПЪ.

Что скажемъ, ясно будетъ все, какъ день.

ЧУЖЕЗЕМЕЦЪ.

Вотъ какъ устроимъ дѣло, другъ... ты честенъ,
Мнѣ кажется, хоть и гонимъ судьбою...
Останься, гдѣ явился; между-тѣмъ
Пойду скажу объ этомъ я не въ городъ,
А здѣсь живущимъ: разрѣшать они,
Уйти тебѣ, или оставаться должно (10).

ЭДИПЪ (Антимонъ).

Дитя, скажи: ушелъ нашъ чужеземецъ?

(9) Вопросъ Эдипа касательно народнаго правленія въ Аттицѣ здѣсь не уместенъ, потому-что такого правленія въ героическія времена не было никакъ въ Греціи; но Софоклъ вообще допускаетъ здѣсь много подробностей о Колонѣ и о Феозѣ, имѣя въ мысляхъ, вмѣстѣ съ прославленіемъ Колона, великое событие: соединеніе всѣхъ Аттическихъ родовъ подъ одною властью Аенітъ.

(10) Софоклъ приписываетъ это рѣшеніе чужеземцу, чтобы дать случай къ появлению хора, который состоитъ изъ туземныхъ жителей. До города было довольно далеко, и Феозей не могъ скоро явиться; между-тѣмъ такого события, какъ приходъ слѣпаго старика съ мольбою къ недоступной рощѣ Евменій, нельзя было оставить безъ вниманія. Сцены до появления Феозея вполнѣ объясняютъ то положеніе Эдипа, о которомъ говорили мы въ предисловіи.

АНТИГОНА.

Ушелъ. О всемъ ты можешь говорить,
Отецъ, спокойно: я съ тобой одна.

ЭДИПЪ.

О грозныя, блаженныя богини! (11)
Ужъ если въ этой я странѣ у первыхъ,
У вѣсъ пріютъ нашелъ, то безотвѣтны
Не будьте мнѣ и Фебу. Прорицая
Мнѣ много бѣдствій въ жизни, этотъ самый
Чрезъ долгій срокъ онъ обѣщаѣ конецъ:
Приду въ страну послѣднюю, гдѣ мѣсто
Святыхъ богинь пристанищемъ мнѣ будетъ (12);
Тамъ я окончу бѣдственную жизнь,
Меня привявшимъ выгоду доставивъ
И горе тѣмъ, которые отвергли,
И Зевсъ мнѣ явно возвѣститъ объ этомъ
Землетрясеньемъ, молніей или громомъ.
Теперь я вижу: на моемъ пути
Нелживой вапней птицею ведомый (13),
Пришелъ я въ эту рощу. Никогда бы
Не могъ иначе, трезвый самъ, вѣсъ трезвыхъ (14)
Я встрѣтить, и на этомъ дикомъ камнѣ
Въ священномъ мѣстѣ сѣсть. Богини! дайте-жъ,
По слову Аполлона, мнѣ предѣль,

(11) Въ подлин. ὁ πότισαι δεινῶτες (о чтимыя грозноликия): съ этими словами Эдипъ обращается къ Эвменидамъ.

(12) Въ подлин. σεμένῳ θεῷ (святочтимъ боговъ). Σεμένος, равно-какъ и прежде πότισος, означало: «святой, почтенный, блаженный», и было общимъ эпитетомъ боговъ. Но кроме того Σεμέναι составляло собственное название Евменидъ. Оракуль, какъ и всегда, выразился здѣсь съ намѣреніемъ неопределеннostью, чтобы тѣмъ неожиданнѣе въ чтимыхъ имъ богахъ Эдипъ могъ найти Эвменидъ. Софокль относить оракуль этотъ къ тому времени, какъ Эдипъ самъ ходилъ въ Дельфи спрашивать объ отцѣ. Въ трагедіи «Эдипъ-царь» мы находимъ только, что Аполлонъ возвѣстилъ Эдипу ужасные бѣдствія.

(13) Ήλαγησις олицетворяется ведомымъ сказано здѣсь въ переносномъ смыслѣ. Эдипъ хочетъ сказать: «Вы дали мнѣ вѣрное знаменіе моего избавленія: отъ бѣдъ тѣмъ, что привели въ западу рощу».

(14) Евмениды были θεοὶ θεῶν, т. е. богини, не принимающія вины во время жертвы. Какъ совершались имъ віянья, увидимъ послѣ подробно.

Иль измѣненіе жизни... или, можетъ,
 Еще страдаю я мало, вѣчный рабъ
 Невыносимыхъ смертному страданій?
 Тьмы первобытной сладостныя дѣти! (15)
 Усыпьте вы меня; услышь и ты.
 Носящій имя славное Паллады,
 Ты, городъ, читимый выше всѣхъ, Аѳини!
 Ужъ я теперь не тотъ, что прежде: скажитесь
 Надъ этой бѣдной тѣни Эдипа!

АНТИГОНА.

Умолкни. Вотъ ужъ лѣтъ преклонныхъ люди
 Идутъ смотрѣть, гдѣ ты сидишь.

ЭДИПЪ.

Молчу.

А ты укрой меня покуда въ лѣсъ:
 Узнаю, что-то скажутъ; лишь развѣдавъ,
 За дѣло можно хорошо приняться.

ПЕРВЫЙ ЭПЕЙЗОДІОНЪ (16).

ХОРЪ.

СТРОФА 1.

Смотри, кто такой? гдѣ онъ скрылся?
 Куда вдругъ съ этого мѣста исчезъ

(15) Въ подлинн. ул. иск.: (сладостныя). Такъ обращается Эдипъ съ любовью къ богинямъ, которыя обыкновенно назывались зорьными (бифореи). И здѣсь, какъ во многихъ другихъ мѣстахъ, хвалу Аѳинѣ Софоклъ искусно соединяетъ съ хвалою Колона.

(16) Въ прологѣ была обозначена завязка драмы, и зритель уже находится въ неспокойномъ ожиданіи того, какъ туземцы примутъ Эдипа, узнавши его имя, и какъ исполнится воля боговъ, которую возвѣстялъ землетрясеніе, громъ и молнія. Теперь слѣдуетъ вторая часть драмы: первый спейзодіонъ. Его можно назвать первымъ дѣйствіемъ, если прологъ принять за вступленіе (приготовленіе къ дѣйствію). Тутъ уже разыгрывается борьба, касающаяся принятія Эдипа подъ покровительство Евменидъ и подъ защиту Аѳенинъ, между-тѣмъ-какъ явленіе Испеки даѣтъ начало новой борьбѣ, заставляя выжидатъ Креона и потомъ Полиника. Первый спейзодіонъ заключаетъ такимъ образомъ всѣ сцены: съ хоромъ, съ Испекой, съ Феаземъ, до самой хвалобной пѣсни Аттикѣ и до появленія Креона. Хоръ принимаетъ здѣсь самое жи-

Изо всѣхъ людей самый дерзкій?
 Разузнай, разыщи,
 Все кругомъ разгляди....
 То скиталецъ, скиталецъ, старикъ чужеземный:
 Никогда-бъ не взошелъ онъ иначе
 Въ недоступную рощу неистовыхъ дѣвъ,
 Которыхъ не смѣемъ назвать;
 Не взирая мы мимо проходимъ,
 Безъ звука, безъ словъ раскрывая уста
 Въ благотворной молитвѣ (17);
 А теперь, безо всякой боязни
 Здѣсь, я слышу, ужъ кто-то сокрылся;
 Глядя въ рощѣ повсюду,
 Все его не могу отыскать.

Эдипъ (показываясь).

Вотъ я здѣсь. По пословицѣ, голосомъ вижу (18).

ХОРЪ.

Увы! страхъ видѣть, страхъ слышать!

вое участіе въ дѣйствіи. Уже прежде представилось столкновеніе двухъ обстоятельствъ: Эдипъ долженъ найти убѣжище въ рощѣ Евменидѣ, а жители не дозволяютъ ему вступить въ запрещенное мѣсто. Дѣйствительно, хоръ, состоящій изъ старѣйшинъ Колонского народа, приведенныхъ однимъ изъ жителей, спѣшить теперь на сцену и выражаетъ свой ужасъ сначала при извѣстіи о пришельцахъ, укрывшемся въ недоступной рощѣ, а потомъ при самомъ видѣ этого пришельца. Такъ умѣеть Софоклъ и хоръ, лице вообще не драматическое, употребить для своихъ художественныхъ цѣлей. Здѣсь, до оправдательной рѣчи Эдипа, продолжается такъ-называемой коммадинческии щесы, состоящая въ живыхъ, отрывистыхъ рѣчахъ хора, разговаривающаго съ Эдипомъ и Антигоной. Въ ней двѣ строфы и антистрофы. Хоръ (изброчно, не бѣлье 15 человѣкъ) является на сцену изъ боковыхъ дверей, и не вдругъ, а отдельными группами, какъ слѣдуетъ людямъ, болѣющимъ однѣ за другими въ тревогѣ. На каждое лицо выпадаетъ по нѣсколько стиховъ. Такъ первый говорить: «Смотри, кто такой? гдѣ онъ скрылся?» и проч.— второй: «Разузнай, разыщи, все кругомъ разгляди» — третій произносить остальное, и т. д.

(17) Перодъ святынио другихъ боговъ громко произносили молитву; но, проходя мимо рощи Евменидѣ, едва дозволялось раскрывать уста въ благоговійной трепетѣ. Даѣше, при жертвооприношениі Эдипа, хоръ подробно объяснялъ, какъ должно молиться Евменидамъ.

(18) Аѳинская пословица, означавшая: узнавать людей по голосу.

ЭДИПЪ.

Умоляю, не зрите во мнѣ святотатства.

ХОРЪ.

Зевсъ Заступникъ! Кто-бы такой этотъ старецъ?

ЭДИПЪ.

Конечно, не первый на свѣтѣ счастливецъ,
О блюстители ѿдѣшней земли!

Смотрите: иначе блуждали-бы такъ
При помоши зрѣнья чужаго?
Въ слабой трости опоры
Искать-ли-бы крѣпкому тѣломъ? (19).

ХОРЪ.

Увы! со слѣпыми очами
Ты, какъ видно, рожденъ.... по тебѣ заключу:
Кто несчастенъ, всегда долговѣченъ (2).

Но отъ новаго зла

Я тебя уклоню.

Ты далеко, далеко зашелъ: попадешь ты
Въ этотъ доль молчаливый, заросшій травою,
Гдѣ сливаются сладкія воды
Отовсюду бѣгущихъ, обильныхъ ручьевъ.
Берегись-же, злосчастный пришлецъ!
Отойди, удались поскорѣе.... (21).
Въ отдаленіи нельзѧ говорить....
Что-же? Слышишь меня, горемычный скиталецъ?
Если хочешь ты слово намъ молвить,

(19) Въ подлин. неясное мѣсто: κατὶ σμικροῖς μέγας ὄφρων. (И шель-ли-бы, большой, на маломъ: съ помощью малаго или для малаго?). Германъ объясняетъ это мѣсто слѣдующимъ образомъ: «Мнѣ, будучи великимъ и сильнымъ, приходитъ-ли-бы сюда за малымъ даромъ?» Шнейдеринъ, напротивъ, переводить: «Сильный, сталь-ли-бы и отпрытъся на слабую трость въ пути моемъ?»

(20) Въ подлин. δυσαίων μαχραιῶν. — Пословица, гдѣ первое выражение (несчастный) рифмуется со вторымъ (долговѣчный). Такое зозвучіе въ Греческихъ пословицахъ очень не рѣдко; напр. τάδες μαζός (мука-наука).

(21) Хоръ заботится болѣе всего о томъ, чтобы Эдипъ вышелъ изъ священной рощи. Какъ будто выражая участіе, представляеть онъ ему общность участи въ одну изъ горныхъ ложбинъ; самъ не останавливается вступить въ рощу, онъ зоветъ его къ себѣ ближе, какъ будто для переговора.

То сяди съ недоступнаго мѣста.
Гдѣ закономъ дозволено всѣмъ,
Говори ты; но прежде сойди.

ЭДИПЪ (Антигонъ).

Что-жъ начать намъ, дята?

АНТИГОНА.

Надо гражданъ желанье исполнить, отецъ:
Въ чемъ должно, уступить и послушать.

ЭДИПЪ.

Возьми-жъ меня за руку.

АНТИГОНА.

Вотъ, ужъ держу.

ЭДИПЪ.

Чужеземцы, не дайте въ обиду:
Довѣрясь вамъ, съ мѣста скожу.

ХОРЪ.

СТРОФА 2.

Вѣрь, стариkъ, что никто противъ воли твоей
Не изгонитъ тебя изъ страны.

ЭДИПЪ.

Довольно?

ХОРЪ.

Иди еще дальше.

ЭДИПЪ.

Еще?

ХОРЪ.

Проведи-же, дѣвица, впередъ.
Ты вѣдь видашь, куда.

АНТИГОНА.

Слѣдуй слѣпою стопой, слѣдуй за мною, отецъ!

ХОРЪ.

Несчастный! На чужой землѣ.
Чужой, имѣй рѣшиность презирать,

Что ненавидать и граждане,
А то, что любить, уважать.

ХОРЪ.

Веди-жъ теперь меня, дитя,
Туда, гдѣ, честно поступая, можемъ
Мы говорить и съшанными быть;
Не будемъ съ невозможностью бороться.

ХОРЪ.

АНТИСТРОФА 2.

Здѣсь. За этотъ вотъ камень, что противъ меня, не ступишь
ногой.

ЭДИПЪ.

Такъ-ли?

ХОРЪ.

Довольно, ты слышишь.

ЭДИПЪ.

Дозволите сѣсть?

ХОРЪ.

Камень съ боку:
Осторожно согнувшись, на край опустись.

АНТИГОНА.

Отецъ, мое это дѣло:
Тихонько ногу съ ногой уложи.

ЭДИПЪ.

О горе мнѣ, горе!

АНТИГОНА.

Къ рукѣ моей дружней приникни
Старческимъ тѣломъ твоимъ.

ЭДИПЪ.

О бѣдствіе злое!

ХОРЪ.

Теперь, исполнивъ нашу волю,
Скажи, несчастный, кто изъ смертныхъ
Тебя родилъ и кто ты самъ,
Скиталецъ бѣдный? Гдѣ твоя отчизна?

ЭДИПЪ.

Чужеземцы! Изгнаниникъ предъ вами... но иѣтъ!..

ХОРЪ.

Что-жъ это, скрываешь ты, старецъ?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ, нѣтъ! ужъ не спрашивай, кто я,
Молю, не выпытывай больше.

ХОРЪ.

Отчего-же?

ЭДИПЪ.

Родъ мой жалокъ.

ХОРЪ.

Скажи

ЭДИПЪ.

Что мнѣ дѣлать, дитя?

ХОРЪ.

Чьихъ, скажи ты, пришледъ, по отцу?

ЭДИПЪ.

Горе! горе, дитя! Какъ рѣшиться?

АНТИГОНА.

Говори: уже крайность велить.

ЭДИПЪ.

Все открою: ужъ скрыть невозможно.

ХОРЪ.

Долго медлите.... Что-жъ? поскорѣе....

ЭДИПЪ.

Кто-нибудь замъ извѣстенъ иль Лаева дому?

ХОРЪ.

О ужасъ!

ЭДИПЪ.

Лабдакидова рода?

ХОРЬ.

Зевесъ!

Эдипъ.

Несчастливый Эдипъ....

ХОРЬ.

Это ты?

Эдипъ.

Не страшитесь напрасно того, что сказацъ.

ХОРЬ.

О горе! горе, несчастныи!

Эдипъ.

Моя дочь! что такое случилось?

ХОРЬ.

Уходите вы прочь изъ земли.

Эдипъ.

А гдѣ-же твое обѣщанье?

ХОРЬ.

Мы не вызовемъ кары судьбы,
 Зломъ за зло воздавая: обманъ,
 За который и платить обманомъ,
 Намъ приноситъ не радость, а горе (22).
 Удалися ты сейчасъ-же отсюда, бѣги
 Безъ оглядки изъ нашей земли,

Чтобы нашимъ гражданамъ еще
 Не прибавить заботы.

АНТИГОНА.

Чужеземцы, хранящіе стыдъ!
 Если этого старца, отца моего,
 Ужъ не можете виду снести
 Но одной лишь молвѣ о невольникахъ поступкахъ
 Чужеземцы! пропуши:
 Хоть надъ мною несчастно скажальесь!

(22) Хорь считаетъ обманомъ, что Эдипъ, не сказавъ своего имени, ввязалъ съ него хитростью обѣщаніе не выгнать изъ земли.

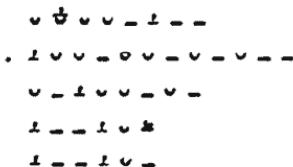
За отца одного я молю,
 Молю, не слышим взирая очами
 Въ очи твои; но съ любовью, какъ дочь,
 Какъ отъ крови рожденная вашей.
 Сострадательны къ бѣдному будьте:
 Вся надежда несчастныхъ на васъ,
 Какъ на бога. Услыште,
 Удѣлите нежданную ипостась.
 Всѣмъ, что ищутъ тебѣ твоего:
 Супруга, дитя, сокровище, богъ —
 Умоляю... Взгляни: не найдешь
 Никого изъ людей, кто бы въ-сихъ снести,
 Если къ гибели богъ повлечеть.

ХОРЪ.

Вѣрь, дочь Эдипа, мы равно жалѣемъ
 И о твоемъ, и о его несчастьи;
 Но, трепеща боговъ, сказать не можемъ
 Другаго, кромѣ сказанного нами (23).

(23) Здѣсь оканчивается первая комматическая пѣснь, писанная то анатомствомъ и дактилизмъ, то смѣшаннымъ хорическими размѣромъ, которому съ точностью подражать въ Русскомъ нѣть никакой возможности.

Вотъ хоть начало первой строфы:

Софокль въ этихъ сценахъ имѣлъ цѣлью представить жалкое положеніе Эдипа. Несчастный странникъ тѣмъ самымъ, что долго не выходитъ изъ рощи, вынуждаетъ у хора дозвolenіе остаться въ землѣ: боязливые старцы согласны на все, чтобы только не коснулась ихъ бѣда за нарушеніе святыни. Но молва о бѣдствіяхъ Лабдакидовъ уже распространилась повсюду, и хоръ, который чувствовалъ сущѣйный страхъ при одномъ видѣ слѣпаго скиталяца, теперь объять новыя ужасомъ, услышавъ его имя. Даже трогательны мольбы Альтигоны не могутъ побѣдить этого ужаса. Опасенія Эдипа, чтобы не зряли въ немъ святотатца, были справедливы, и гонимый старецъ въ слѣдующей за тѣмъ рѣчи очень искусно обращаетъ обвинительные слова хора противъ него-же самого. Онъ внушаетъ ему сомнѣніе на счетъ того, будетъ ли дѣйствительно благочестіе изгнать невиннаго страдальца. Тогда новый внезапный страхъ совершилъ преступленіе чрезъ это самое изгнаніе овладѣваетъ

ЭДИПЪ.

Что жъ пользы, въ мнѣнии, въ той молвѣ прекрасной,
 Напрасно всюду разносимой, будто
 Аѳинны больше всѣхъ благочестивы,
 И странника, постигнутаго зломъ,
 Однѣ спасутъ, однѣ въ защиту примутъ?
 Со мною такъ-ли поступили вы?
 Всѣхъ уйти отъ этихъ мѣстъ, потомъ
 Изгнать хотите, только одного
 Бояся имени!... Не тѣло это
 И не дѣла мои, конечно, страшны:
 Моя дѣла я выстрадалъ скорѣе,
 Чѣмъ совершилъ, ужъ если вспоминать
 Объ матери моей и объ отцѣ
 Что и пугаетъ васъ во мнѣ: я твердо
 Увѣренъ въ этомъ. Какъ-же отъ природы
 Дурнымъ назвать меня, когда я только
 Зломъ воздавалъ за зло (24)... и будь сознанье
 Въ моихъ дѣлахъ, все-жъ не бытъ-бы я злымъ.
 Но ничего не вѣдая, дошелъ я,
 Ужъ до чего дошелъ (25), и знали только,
 Что гибну, тѣ, отъ коихъ я терпѣль.
 Вотъ почему, богачи, чужеземцы,
 Молю васъ: какъ сойти вѣдѣли, дайте
 Мнѣ и пріютъ. Иль чтить боговъ хотите,
 И послѣ на во что боговъ не ставить?
 Глядѣть и на людей благочестивыхъ,
 Глядѣть они и на безбожныхъ.... могъ-ли

хоромъ, и онъ соглашается дождаться решения Фееза. Къ тому-же способствуетъ увѣренность, съ которойю Эдипъ говоритъ о правотѣ своей, и лестная его похвала благочестію и гостепріимству Аѳинянъ. Вообще въ характерѣ Эдипа съ опытностью старца соединяется тонкая діалектика ума, свойственная не столько фивянамъ, сколько Аѳинскому народу.

(24) Эдипъ намекаетъ здѣсь на слова хора объ обманѣ.

(25) Буквальный переводъ съ подлинника: ἵκοιτυ γ' ἵκοιτυ. Такая игра словъ очень часто встрѣчается въ Греческомъ, и мы считали себя не изрѣвѣ отступать отъ нея, гдѣ этого сколько-нибудь позволяла духъ Русскаго языка. Эдипу горько припомнить свои бѣдствія, и онъ говорить объ нихъ общими словами. Это особенно кстати здѣсь, передъ лицемъ слишкомъ боязливаго и впечатлѣтнаго хора.

Когда преступный ихъ избѣгнуть взора?
 Не помрачай же ты Аенинъ счастливыхъ,
 Служа худымъ дѣламъ; но какъ ужъ принялъ
 Молящаго съ довѣрѣмъ къ тебѣ,
 Спаси меня и защити; при видѣ
 Моей главы, невыносимой зрѣнью,
 Не оскорби меня. Я святъ и чистъ
 Являюсь къ вами, и прибыль обѣщаю
 Гражданамъ здѣшнимъ. Вотъ, когда придетъ
 Тотъ господинъ, который вами править,
 Услышить и узнать все: между тѣмъ,
 Покуда нѣть его, исполни слово.

ХОРЪ.

Намъ, старецъ, доводы твои вселяютъ
 Благоговѣйный трепетъ; не пустыя
 Ты произнесъ слова: доволенъ буду,
 Какъ царь земли разсмотрить это дѣло.

ЭДИПЪ.

Но гдѣ-жъ правитель этотъ, чужеземцы!

ХОРЪ.

Живеть въ отцовскомъ городѣ своемъ;
 За нимъ пошелъ тотъ самый человѣкъ,
 Что и меня сюда привелъ.

ЭДИПЪ.

И будто
 Онъ будетъ столь внимателенъ къ слѣпцу,
 Заботливъ такъ, что даже самъ придетъ?

ХОРЪ.

Конечно, такъ-какъ знаетъ твое имя (26).

(26) Путникъ, привавшій хоръ и потому посланный въ городъ, могъ только извѣстить, что явился слѣпой старикъ, потому-что не слышалъ имени Эдипа. Хоръ даѣтъ полагасть, что Озевъ можетъ узнать объ этомъ дѣлѣ отъ другихъ путниковъ. Въ такихъ отношеніяхъ къ царю выражается патріархальная простота нравовъ въ героическомъ вѣкѣ, а большая добрая, между Колономъ и Аенинами, по которой мнено расходятся вѣсты, напекаетъ уже на современную Софоклу населенность мѣста.

ЭДИПЪ.

Но кто-жъ его объ этомъ извѣстить?

ХОРЪ.

Большая здѣсь дорога: много разныхъ
Вѣстей разносять путники; повѣрь,
Отъ нихъ узнавъ, придетъ онъ. О тебѣ,
Старикъ, молва звучить повсюду, такъ что,
И еслибъ медлилъ, поспѣшить сюда,
Твое услышавъ имя?

ЭДИПЪ.

О пускай-же

Идетъ на счастье граду своему
И мнѣ... Кто-жъ, добрый, недругомъ себѣ?

АНТИГОНА.

Зевсъ! что подумать мнѣ, отецъ? Нѣтъ сложъ! .

ЭДИПЪ.

Что-жъ это, Антигона, другъ?

АНТИГОНА.

Вотъ, ~~мнѣ~~:

На Сицилійской лошади сюда
Къ намъ єдетъ женщина: ея лице
Широкія поля Фессалійской шляпы
Отъ солнца кроютъ (27). Что сказать? Неужли
Ошиблась я?... Она иль не она?
И да, и нѣтъ, и, что сказать, не знаю...
Ахъ скоро-ли? Она! сомнѣнья нѣтъ...
Вотъ, подѣважая, радостнымъ меня
Ласкаетъ взоромъ... Да! не кто другой:
То милая сестра моя, Испена.

(27) Въ подлин. *Αἰταία πῶλος ο Θεσσαλίης κονῦ* (конь съ Этны и Фессалійской шляпой). Сицилійские кони славились въ Греціи по причинѣ многихъ побѣдъ, одержанныхъ на играхъ. Фессалійскія шляпы были родъ широкопольныхъ шляпъ, какія носили путешественники и пастухи. По причинѣ полей, закрывавшихъ лицо, Антигона и не вдругъ можетъ узнать єдущей женщины. Коня, разумѣется, не является на сценѣ: надо предположить, что онъ оставленъ на рукахъ слуги.

ЭДИПЪ.

Что говоришь, дитя?

АНТИГОНА.

Вотъ дочь твоя,

Моя сестра: по голосу сейчасъ
Ее узнаешь.

ИСМЕНА.

О сладчайшихъ два
Названья миѣ, отецъ мой и сестра!
Съ трудомъ нашла я васъ, теперь отъ слезъ
Съ трудомъ васъ вижу.

ЭДИПЪ.

Ты пришла, дитя?

ИСМЕНА.

Отецъ, отецъ злосчастный!

ЭДИПЪ.

Дочь, ты здѣсь?

ИСМЕНА.

И не безъ горя...

ЭДИПЪ.

Прикоснись ко миѣ

ИСМЕНА.

Обоихъ вмѣстѣ обниму.

ЭДИПЪ.

О дочь

Единой крови!

ИСМЕНА.

Горестная жизнь (28)...

ЭДИПЪ.

Моя и этой дѣвы?

(28) Въ подл. ѿ бусаѣлъ трафаѣ. Трафаѣ здѣсь поставлено во множествѣ. числѣ; оно означаетъ «образъ жизни и вмѣстѣ воспитаніе», такъ-что Исмена дѣлаетъ намекъ на общее ихъ несчастное происхожденіе.

ИСМЕНА.

И моя,

Въ несчастья третьей!

ЭДИПЪ.

Что же привело

Тебя, дитя?

ИСМЕНА.

Забота объ отцѣ.

ЭДИПЪ.

Меня желала видѣть?

ИСМЕНА.

И пришла,

Какъ вѣстница, съ однимъ слугою вѣрнымъ.

ЭДИПЪ.

А гдѣ-же братья взрослые? Чѣдъ съ ними?

ИСМЕНА.

Пусть гдѣ ни будутъ! Чѣдъ у нихъ теперь,
Подумать страхъ...

• ЭДИПЪ.

О, какъ во всемъ подобны

Характеръ ихъ и этотъ образъ жизни
 Обычайъ Египта. Тамъ мужчины
 Сидять въ домахъ и ткутъ, а жены, сестры
 Всегда въ дома добываютъ хлѣбъ (29).
 Изъ васъ, дѣтей моихъ, кому-бы должно
 Принять весь трудъ: тѣ за стѣной, какъ дѣвы,
 Себѣ живутъ, а вмѣсто ихъ со мной
 Вы бѣдствія несете черезъ силу.
 Она вотъ только подросла и тѣломъ
 Окружила, ужъ слѣпца, бѣдняжка, водить,
 Со мной скитаюсь; и блуждаетъ часто
 Безъ обуви, безъ пищи въ дикихъ дебряхъ,
 Злосчастная, терпя и дождь ненастный,

(29) Эдипъ не знаетъ еще о распѣ сыновей, и полагаетъ, что они живутъ праздными въ дому, по обычая Египтянъ, о которомъ говорить въ Геродотъ (2, 85).

И солнца зной: и мало о себѣ
 У ней заботы, быль-бы свѣтъ-отецъ
 И ты, дитя пришла ко мнѣ и прежде,
 Неся извѣстье тайно отъ Кадмейцевъ
 О всѣхъ, произнесенныхъ обо мнѣ,
 Оракулахъ (30), и вѣрнымъ стражемъ стала
 Изгнанику отцу — и нынѣ вновь
 О чѣмъ-то вѣсть, Исмена, мнѣ приносишь.
 Что изъ дому тебя призвало? Ты
 Пришла не даромъ, твердо въ томъ увѣренъ:
 Чего-нибудь ужъ страшнаго я жду.

ИСМЕНА.

Что претерпѣла мукъ, отецъ, ища,
 Гдѣ промышляешь ты свой хлѣбъ насущный,
 Разсказывать не буду: не хочу я
 Страдать вторично, говоря объ этомъ.
 Какое-жъ зло несчастныхъ сыновей
 Твоихъ постигло нынѣ, вѣзвѣстить
 Пришла объ этомъ. Прежде между ними
 Соревнованье было, чтобы Креону
 Оставить тронъ и не пятнать отчизны.
 Ту гибель рода древняго, какая
 Висѣла надъ твоимъ несчастнымъ домомъ,
 Они разумно п мнили: а нынѣ
 Какой-то богъ, иль ихъ преступный умъ
 Внушилъ втройнѣй несчастнѣй злую ревность:
 Власть царскую себѣ присвоивъ, править..
 И Полиника, старшаго рожденъемъ,
 Годами юный, младшій братъ престола
 Лишилъ, и изъ отчизны изгналъ; тотъ-же,
 Какъ разошлась у насть моюза, бѣжалъ
 Въ пригорный Аргостъ (31), новое родство

(30) Объ этихъ оракулахъ никогда не говорится. Софоклъ, удоминяя часто обѣ оракулахъ, хочетъ только показать, какое участіе принимаютъ боги въ судьбѣ Эдипа.

(31) Въ педа, тѣ мѣсто Аргосъ (углубленный Аргостъ). Такъ назывался Пеласгійскій Аргостъ въ Пелопонесѣ, въ отмачіе отъ другікъ, потому-что лежащій въ углубленіи между горами, и только къ югу былъ открытъ со сто-

Себѣ нашелъ и бранную дружину,
Чтобъ Аргостъ или Кадмейцевъ землю взять,
Возыситься побѣдой или славой.
И это не слова одни, отецъ,
А страшныя дѣла. Не знаю, гдѣ
Твоимъ бѣдамъ конецъ положать боги.

ЭПИДЪ.

Есть, значитъ, у тебя надежда: боги
Когда-нибудь да взглянутъ на меня,
И отъ бѣды избавять.

ИСМЕНА.

Такъ, отецъ,
По вынѣшнимъ оракуламъ сужу.

ЭДИПЪ.

Какимъ-же? Что изречено богами?

ИСМЕНА.

Живаго или мертваго тебя
Желать когда-то люди той земли
Для своего спасенія будуть (32).

ЭПИДЪ.

Чѣд-же
Иметь пользы отъ такого человека?

роны моря. Изъ двухъ братьевъ у Эсхила изгнаннымъ является младший; но Софоклъ называетъ старшимъ Полиника, чтобы тѣмъ явственнѣе представить нарушеніе родственныхъ связей между сыновьями Эдипа. Полиникъ, какъ самъ послѣ разсказываетъ, пришедъ въ Аргостъ, становится зятемъ царю Адрасту. У Эсхила (Семь противъ Оивъ) мы видимъ его также чрезвычайно озлобленнымъ и высокомѣрнымъ.

(32) Этотъ новый оракулъ, болѣе опредѣленный, служитъ дополненіемъ къ тому, о которомъ упоминаетъ самъ Эдипъ въ началь драмы. Онъ уже имѣть прямое отношеніе къ самимъ Кадмейцамъ (Оиванцамъ); но неясность выражения (Въ тебѣ лежитъ ихъ сила) способствовала тому, что Креонъ принялъ его чисто вѣршины образомъ: овладѣвъ насилиемъ Эдипомъ, думать онъ оказать услугу родинѣ. Эдипъ, съ нетерпѣніемъ ожидавшій окончательнаго решения судьбы своей, подробно разспрашивавшій обо всемъ, какъ будто бы ничего не зналъ; въ сущности Аполлонъ извѣщаетъ его только объ исполненіи того, что обѣщалъ прежде.

ИСМЕНА.

Въ тебѣ, какъ слышно, сила ихъ лежитъ.

ЭПИДЪ.

Какъ ужъ меня не будетъ, лишь и буду
Полезнымъ я.

ИСМЕНА.

Губили прежде, нынѣ
Тебя возносить боги (33).

ЭДИПЪ.

Жалко думать:
Кто юнымъ падъ, на старости поднялся.

ИСМЕНА.

Однако знай: за этимъ вотъ Креонъ
Придетъ въ недолгомъ времени.

ЭДИПЪ.

Что дѣлать
Онъ хочетъ, дочь, скажи мнѣ.

ИСМЕНА.

На границѣ
Земли Кадмейской помѣстять тебя,
Чтобы имѣть въ рукахъ, а въ землю все-же
Ты не войдешь.

ЭДИПЪ.

И что за польза имѣть,
Когда лежать я буду вѣкъ.

(33) Эдипъ подъ силою разумѣеть болѣе физическую силу; Испена-же объясняетъ, какъ надо понимать изреченіе боговъ. Весь послѣдующій разговоръ отличается двусмысленностью и неопределѣленностью выражений, совершенно въ духѣ изречений оракула. Уловка Креона состоять въ томъ, чтобы схватить Эдипа еще живаго, и, поселивъ его близъ Оивъ, послѣ смерти героя воспользоваться благословеніемъ, происходящимъ отъ его могилы. Властелинъ Оивъ думаетъ такимъ образомъ, извлекши всю пользу изъ нового положенія Эдипа, избѣгнутъ и опасности, какая, сообразно съ первымъ оракуломъ объ убийцѣ Лая, могла произойти отъ присутствія его въ родномъ городѣ. Софокъ, какъ въ этомъ случаѣ, такъ и во многихъ другихъ избѣгаетъ трагедіи, имѣть мысль показать, до какихъ наѣпыхъ крайностей доводить одно формальное исполненіе обряда.

ИСМЕНА.

Печальна

Для нихъ твоя могила на чужбинѣ.

Эдипъ.

И безъ боговъ понять-бы это всякий
Разсудкомъ могъ.

ИСМЕНА.

По этому тебя

И положить близъ ихъ земли хотять,
Не по твоей лишь волѣ.

Эдипъ.

И покроютъ

Меня Оиванскимъ прахомъ?

ИСМЕНА.

Нѣть, того

Родная кровь, отецъ, не дозволяетъ (34).

Эдипъ.

То мною никогда имъ не владѣть.

ИСМЕНА.

И будетъ тяжко нѣкогда Кадмейцамъ.

Эдипъ.

Дитя! какая-жъ этому причина?

ИСМЕНА.

Твой гнѣвъ, какъ стануть у твоей могилы.

Эдипъ.

Чтѣ говоришь, ты отъ кого-нибудь
Слыхала, дочь?

ИСМЕНА.

Слыхала отъ людей,
Дельфійскую святыню вопрошавшихъ.

(34) Т. е. кровь отца, пролитая тобою. Эдипъ согласился-бы возвратиться, если бы нашелъ хотя могилу на родинѣ; но лицемѣрный Креонъ и этого лишилъ его.

ЭДИПЪ.

И точно это Фебъ сказалъ о мнѣ?

ИСМЕНА.

Такъ говорять прѣхавшіе въ Оивы.

ЭДИПЪ.

А слышалъ кто изъ сыновей объ этомъ?

ИСМЕНА.

Тотъ и другой, и вѣдаютъ отлично.

ЭДИПЪ.

Негодные! и знаяши это, царство
Желанью быть со мною предпочли?

ИСМЕНА.

Хоть грустно слышать, но сказать должна я.

ЭДИПЪ.

Пускай-же, волею боговъ, не стухнетъ
Вражда, опредѣленная имъ рокомъ,
И пусть во мнѣ лежитъ рѣшенье распри,
Въ которой другъ на друга ополчился, —
Чтобы ни тотъ, кто скіптръ и тронъ имѣть,
На тронѣ не остался, ни бѣжавшій
Когда-нибудь обратно не пришелъ.
Родитель такъ безчестно изъ отчизны
У нихъ быть изгоянѣть: удержать,
Иль защитить не думали они;
Снесли, чтобы высланъ бытъ я изъ земли
И возвѣщенъ изгнаникомъ. Ты скажешь,
Что по желанью моему тогда
Мнѣ городъ это присудилъ законно...
О вѣты! въ тотъ самый день, когда еще
Душа кипѣла, и всѣго-бы слаще
Была мнѣ смерть, побитому камнями,
Никто въ желанья этомъ мнѣ услуги
Не оказалъ; а послѣ ужъ, какъ вся
Затихла боль, и я узналъ, что гнѣвъ,
Меня увлекшій, большие чѣмъ сперва
Проступки бытъ карателемъ моимъ —

Тогда, ужъ поздно, силой изгоняютъ
 Меня граждане изъ родной земли!
 А тѣ, что усугубить могли-бѣ отцу,
 Родныя дѣти, не хотѣли даже
 Сказать двухъ словъ въ защиту: въ ихъ глазахъ
 Бѣжалъ изгнанникъ и ницѣмъ я!
 Вы дѣвушки; но сколько вашихъ силь
 Достало, все отъ васъ имѣю: хлѣбъ,
 Кровь на землѣ и дѣтскую заботу.
 Они-жъ, забывъ родителя, рѣшаютъ
 О тронахъ, да о власти надъ землею.
 Но не найдутъ помощника во мнѣ;
 Не будетъ никогда имъ въ пользу этотъ
 Кадмейскій скіптръ: увѣренъ я, какъ слышу
 Оракулъ новый и припоминаю
 Себѣ реченья старыя, когда-то
 Свершенныя мнѣ Фебомъ. Пусть Креона
 За мною плють, или кого другаго
 Изъ сильныхъ въ градѣ: если, чужеземцы,
 И вы дадите помочь кромѣ этихъ,
 Священныхъ вамъ, отеческихъ богинь,
 То будетъ граду вашему великій
 Зашитникъ, а врагамъ моимъ напасть.

ХОРЪ.

И ты, Эдипъ, и дочери твои
 Достойны состраданья. Если этой
 Земли спасителемъ себя ужъ назвалъ,
 Хочу тебѣ полезный дать совѣтъ.

ЭДИПЪ.

О другъ! исполню все теперь охотно.

ХОРЪ.

Сверши теперь чистительную жертву
 Богинямъ, къ коимъ ты сперва пришелъ,
 Которыхъ землю попираль (35).

(35) Послѣ того, какъ хоръ согласился предоставить дѣло рѣшенію царя, сцена съ Исменой, исполненіе жертвы и новая коммадическая пѣснь развлекаютъ вниманіе зрителей до прахода Фаезея. Необходимость этихъ сценъ объяснить не трудно. Явленіе Исмены мгновенно возвеличиваетъ Эдипа въ

ЭДИПЪ.

Какъ сдѣлать,

Наставьте, чужеземцы.

ХОРЪ.

Почерпни

Сперва изъ вѣчнольющаго ключа
Воды священной чистыми руками.

ЭДИПЪ.

Что-жъ дѣлать, какъ несмѣшанной я эток
Достану влаги?

ХОРЪ.

Есть въ лѣсу кувшины,

Искуснымы мужемъ сдѣланные: въ нихъ
Обвей головки и двойныя ручки (36).

ЭДИПЪ.

Вѣтвями, нитями, иль чѣмъ другимъ?

ХОРЪ.

Младой овцы вновь срѣзанной волною.

глазахъ хора: известіемъ объ оракулѣ подтверждаются слова слѣпаго пра-
шельца, котораго хоръ считалъ лживымъ. Къ ожиданію Фезея присоеди-
няется ожиданіе новыхъ столкновеній въ драмѣ. Старѣйшины Колонскіе тѣ-
перь сами совѣтуютъ принести жертву богинямъ: хотя въ этомъ выражается
еще прежній страхъ, чтобы богини не покарали за нарушение святыни; но,
предоставляя исполненіе жертвы Эдипу, они оказываются уже довѣріе къ
его чистотѣ нравственной. Что касается Эдипа, эта жертва необходима, какъ
свидѣтельство полнаго его примиренія съ подземными богинями. Въ комма-
тической пѣсни, которая за тѣмъ слѣдуетъ, Эдипъ вновь долженъ очистить
свою совѣсть сознаніемъ преступленій. Хоръ какъ будто изъ любопытства
спрашиваетъ его о сдѣланныхъ; но это горестное сознаніе очень кстати въ
то время, когда совершается чистительная жертва. Такимъ образомъ къ
приходу Фезея становится вполнѣ яснымъ, о чѣмъ еще можетъ Эдипъ про-
сить царя и на какомъ основаніи давать свои обѣщанія. Теперь вполнѣ
оправдывается то, что въ самомъ началѣ Эдипъ сказалъ хору: «я чистъ и
святъ являюсь къ вамъ.»

(36) Для очищеній всегда употреблялась текучая вода. Глиняные кувши-
ны для разнаго употребленія во время жертвъ должны были находиться въ
святилищѣ Евменіи подъ надзоромъ одного изъ служителей храма. Ручки
ихъ назывались арфистобою (обоюдны), потому-что придѣланы были съ той и
другой стороны.

ЭДИПЪ.

Такъ. Что-же дальше долженъ я исполнить?

ХОРЪ.

Лить возліянья, обратясь къ востоку.

ЭДИПЪ.

Кувшинами, о коихъ ты сказаъ.

ХОРЪ.

Да, трижды, и послѣдній весь.

ЭДИПЪ.

Но чѣмъ

Его наполни, объясни и это.

ХОРЪ.

Водою, медомъ, только безъ вина.

ЭДИПЪ.

Когда-же темнолистная земля

Все это приметъ?

ХОРЪ.

Трижды девять вѣтокъ

Оливныхъ положивъ изъ рукъ обѣихъ,

Произнеси молитву (37).

ЭДИПЪ.

Слышать я

Хочу, какую: въ этомъ вся и сила.

ХОРЪ.

«Зовемъ васъ благодушными (38): примите-жъ

Молящаго защиты благодушно». —

Ты самъ проси, иль за тебя другой,

Чуть внятно говоря, безъ восклицаній.

(37) Олива вообще употреблялась въ примирительныхъ жертвахъ. Молоко, медъ и оливковое масло приносились также въ жертву тѣямъ. На томъ мѣстѣ, гдѣ совершиено возліяние, нужно было, по указанію хора, положить изъ обѣихъ рукъ по три раза девять вѣтокъ.

(38) Греческое название «Евмениды» значитъ по-Русски: благодушныя. Молитва имъ исполнялась тихо: отъ того и фамилія жрецовъ, имъ служившихъ, называлась Иесу(да): (безмолвные).

Потомъ уйди, не обращаясь. Вотъ,
Когда ты это сдѣлаешь, то смѣло
Я помогу тебѣ: иначе, странникъ,
Я за тебя страшусь.

ЭДИПЪ.

СЛЫХАЛИ, ДѢТИ,
Что намъ туземцы говорять?

АНТИГОНА.

СЛЫХАЛИ.

Устрой-же все, какъ слѣдуетъ, теперь.

ЭДИПЪ.

Я самъ идти не въ-силахъ; зло двойное
Во мнѣ: я слабъ и сѣпъ; одна изъ васъ
Пускай пойдетъ и сдѣлаетъ. Надѣюсь,
Исполнить это и одной души
Довольно вмѣсто тысячи, когда
Благія мысли въ ней. Скорѣе-жъ къ дѣлу.
Прошу, меня однимъ не оставляйте:
Такой больной старикъ, какъ я, и съ мѣста
Не двинется, оставшись безъ вожда.

ИСМЕНА.

Пойду, исполню я. Хочу лишь знать,
Гдѣ это мѣсто мнѣ найти?

ХОРЪ.

Вонъ тамъ,
При выходѣ изъ лѣсу, чужеземка;
А если нужно будетъ что-нибудь,
То житель нашъ разскажетъ (39).

ИСМЕНА.

Ужъ иду я.
Ты-жъ, Антигона, оставайся здѣсь

(39) Эдипъ рѣшилъ, что все дѣло не въ торжественности обряда, а въ искренности чувства, съ которымъ обрядъ совершается. Исмена, по словамъ хора, должна исполнить его — тоукіїзак албоус (въ направлении изъ лѣсу) т. е. обратясь лицемъ къ хору. Уходить Исмена, какъ увидимъ, необходимъ для сдѣдующаго дѣйствія.

Стеречь отца: кто для родившихъ поднялъ
И трудъ, не долженъ помнить о трудѣ.

ХОРЪ.

Прашецъ, хоть и горько давно ужъ почившее зло про-
буждать,
Но все-же хотѣлъ-бы узнать.

ЭДИПЪ.

О чемъ-же?

ХОРЪ.

Объ этомъ, постигшемъ тебя
Безвыходно-жалостномъ горѣ.

ЭДИПЪ.

Гостепріимства ради твоего
Не раскрывай моихъ позорныхъ мукъ.

ХОРЪ.

Хочу вѣчно слышаную всюду
Молву, чужеземецъ, повѣрить.

ЭДИПЪ.

Увы!

ХОРЪ.

Склонись, умоляю.

ЭДИПЪ.

О горе!

ХОРЪ.

Послушай, и сдѣлаю, что ни попросишь.

ЭДИПЪ.

АНТИСТРОФА 1.

Я зло, чужеземцы, понесъ — видѣть бѣгъ, что понесъ про-
тивъ воли:

И самъ не виновенъ ни въ чемъ.

ХОРЪ.

То какъ-же?

ЭДИПЪ.

Я не зналъ ничего: меня городъ
Змымъ бракомъ связалъ на бѣду.

ХОРЬ.

Правда-ль это? постыдное ложе
Ты съ матерью, слышу, дѣлишь?

ЭДИПЪ.

Увы! мнѣ смерть это слышать.
Этихъ двое моихъ...

ХОРЬ.

Что такое?

ЭДИПЪ.

Этихъ бѣдственныхыхъ двое дѣтей...

ХОРЬ.

О Зевесь!

ЭДИПЪ.

Родились отъ единой утробы со мною.

ХОРЬ.

СТРОФА 2.

Онѣ отъ тебя родились?

ЭДИПЪ.

Онѣ же и сестры отцу.

ХОРЬ.

Увы!

ЭПИДЪ.

О сплетенье безчисленныхъ бѣдствій!

ХОРЬ.

Ты стерпѣль.

ЭДИПЪ.

Я стерпѣль неисходное горе.

ХОРЬ.

И сдѣлалъ...

ЭДИПЪ.

Не сдѣлалъ...

ХОРЬ.

То какъ-же?

ЭДИПЪ.

Я принялъ

Дарь, какого не думалъ, несчастный,
Никогда заслужить отъ гражданинъ (40).

ХОРЪ.

АНТИСТРОФА 2.

Да, злосчастный, вполнѣ... ты убилъ...

ЭДИПЪ.

Что-жъ это? что-жъ хочешь узнать?

ХОРЪ.

Отца?

ЭДИПЪ.

О мука! еще за ударомъ ударъ!

ХОРЪ.

Умертвилъ....

ЭДИПЪ.

Умертвилъ; но и мнѣ есть немного....

ХОРЪ.

Чего-жъ?

ЭДИПЪ.

Оправданья.

(40) Коммадическая пѣснь всегда отличается живымъ лирическимъ движениемъ. Отъ того въ ней часто встрѣчается игра словъ, недосказанность и перерывы въ рѣчи. Здѣсь возленіе чувства видимъ мы и въ хорѣ и въ Эдипѣ: оба они поочередно ужасаются дѣлъ, о которыхъ идетъ рѣчь. Эдипъ неохотно, въ общихъ словахъ, пересказываетъ свое бѣдствіе: хоръ, хотя и нетерпѣливо желаетъ все узнать, едва смѣять спрашиватъ. Оба, какъ будто, страждатъ понимать, чтѣ слышали одинъ отъ другаго. «И сдѣлалъ?... (въ подл. Ерефас... оѣхъ Ерефа и проч). т. е. ты «сдѣлалъ страшное преступленіе» хотѣть сказать хоръ. Но Эдипъ, оправдывая себя, прерываетъ его: «Я не сдѣлалъ, а принялъ въ дарь отъ города.» Эдипъ, когда первый разъ пришелъ въ Оивы, то, одолѣвъ Сфинкса, за свой подвигъ избранъ гражданиномъ царемъ и получить отъ города себѣ въ жены Іокасту, вдову убитаго царя Лая, вслѣ не знать, что она мать его. Убийство отца случилось также по незнанью. Эдипъ на дорогѣ въ Дельфы, куда именно ходилъ, чтобы узнать, кто его отецъ, встрѣтился съ Лаемъ, Ѳавашинъ въ колесницахъ. Возница царя хлопнула бичемъ шедшаго пѣшкомъ Эдипа. Такъ завязался споръ, инициированный слѣдствиемъ убийство (см. трагедию: «Эдипъ-царь»).

ХОРЬ.

Какого?

ЭДИПЪ.

Скажу:

Умертвилъ, погубилъ я, захваченъ бѣдой,
И чистъ предъ закономъ, затѣмъ,
Что на это я шелъ по незнанью.

ХОРЬ.

А вотъ и царь Феzeй, Эгей сынъ,
Явился здѣсь по зову твоему (41).

ФЕZEЙ.

О гибели очей твоихъ кровавой
Ужъ прежде ото многихъ слыша, могъ-бы
Узнать тебя, сынъ Лая; нынѣ тоже
Дорогой слыша, узнаю вполнѣ.
Твоя одежда, твой печальный видъ
Мнѣ ясно говорять, что это ты;
И сострадая о тебѣ, хочу
Спросить, бѣднякъ Эдипъ, какую помошь
Я или городъ могутъ оказать
Тебѣ и бѣдной спутницѣ твоей.
Скажу — и нѣть столь тяжкаго труда,
Въ которомъ отказать-бы. Самъ не меньше
Я перенесъ, какъ выросталъ въ чужбинѣ,

(41) Давно ожиданное явленіе Феzeя прекрасно заканчиваетъ первый эпизодъ. Эдипъ, какъ обладающій высшою силуо, представляется наконецъ въ возвышенномъ образѣ прорицателя. Въ характерѣ Феzeя Софокль изобразилъ идеальную истинную благочестія и той человѣчности, которую такъ справедливо славились Аенины. Между-тѣмъ-какъ хоръ только послѣ многихъ доказовъ, до конца не будучи въ силахъ побѣдить въ себѣ суевѣрного страха, дозволяетъ оставаться Эдипу въ землѣ, Феzeй съ первой минуты готовъ всѣмъ жертвовать для несчастнаго странника. Онъ не спрашивается, прогибаются или нѣть богини Евмениды, будеть польза или вредъ отъ присутствія Эдипа: для его благороднаго поступка довольно знать, что Эдипъ такой же человѣкъ, какъ онъ, и кромѣ-того терпить бѣдствіе. Еще разительнѣе противуположность съ Креономъ, который хочетъ исполнить оракулъ, засадивъ Эдипа на границѣ Оивъ. Въ сценѣ съ Феzeемъ развивается также мысль о борьбѣ Аенинъ съ Оивами, о которой въ первый разъ зрителъ заключаетъ изъ рассказа Исмены.

И врядъ-ли кто на голову свою
Межъ иноземцевъ столько принять бѣдъ (42).
То странника, подобнаго тебѣ,
Не допущу погибнуть..., человѣкъ я
И знаю самъ, что завтрашимъ я днемъ
Ничуть не больше твоего владѣю.

ЭДИПЪ.

Фезей! въ словахъ немногихъ все сказать
Твое мнѣ дозволяетъ благородство.
Кто я, кто мой отецъ, и изъ какой
Земли пришелъ я, ты ужъ это знаешь: .
Одно осталось только объяснить,
Въ чемъ я нуждаюсь, — и конецъ разсказу.

ФЕЗЕЙ.

Вотъ это объясни теперь, чтобъ зналъ я.

ЭДИПЪ.

Тебѣ я въ даръ несчастное мое
Вручаю тѣло, жалкое на видъ,
Но больше пользы въ немъ, чѣмъ красоты (43).

ФЕЗЕЙ.

Какую-жъ пользу хвалиться принесть?

ЭДИПЪ.

Нѣтъ! не теперь, со временемъ узнаешь.

ФЕЗЕЙ.

Когда-же даръ твой объяснится мнѣ?

ЭДИПЪ.

Когда умру, и ты меня скоронишь.

(42) Фезей, сынъ Эоры, воспитывался въ Трезенѣ у дѣда своего Питея. Проходя чрезъ Исеемъ въ Аѳины, гдѣ отыскивалъ отца своего Эгоя, онъ много перенесъ бѣдъ, сражаясь съ разбойниками и разными чудовищами. Подвиги его славились не менѣе подвиговъ Геркулеса. Св. Плутарха Жизнеописаніе Фезея.

(43) Идея представить нравственно-могучимъ человѣка, физически безобразнаго, совершение новая. У Грековъ обыкновенно понятие о красотѣ внутренней соединялось съ понятіемъ о красотѣ вѣшней. Извѣстна ихъ наложница (прекраснодобро).

ФЕЗЕЙ.

Последний просишь долгъ тебѣ отдать,
А что еще при жизни, ты забылъ,
Или совсѣмъ не цѣнишь?

ЭДИПЪ.

Что при жизни,
Все клонится къ тому-же.

ФЕЗЕЙ.

Не большой-же
Ты просишь милости.

ЭДИПЪ.

Смотри однако....
Да, тутъ борьба не малая.

ФЕЗЕЙ.

Какая?
Между твоими, думаешь, и мною?...

ЭДИПЪ.

Перевести къ себѣ меня насильно
Они желаютъ.

ФЕЗЕЙ.

Если ужъ желаютъ.
То и тебѣ не сѣдуетъ бѣжать.

ЭДИПЪ.

Но, какъ хотѣлъ я самъ, не дали воли.

ФЕЗЕЙ.

Безумецъ! гибнъ въ несчастьи бесполезенъ.

ЭДИПЪ.

Узнай сперва, а тамъ увѣщевай.

ФЕЗЕЙ.

Скажи: не знаяши дѣла, я не долженъ
И толковать.

ЭДИПЪ.

Бѣдъ страшныхъ безъ числа
Я прѣтерпѣлъ, Фезей!

ОЕЗЕЙ.

Упоминаніе

О старомъ бѣдствіи въ роду?

ЭДИПЪ.

О иѣтѣ!

Всѣ Эллины давно обѣ этомъ знаютъ.

ОЕЗЕЙ.

Что-жъ могъ-бы сверхъ понятій человѣка
Ты перенестъ?

ЭДИПЪ.

Со мною было такъ.

Родными сыновьями изъ земли
Я взгнанъ, а вернуться никогда ужъ,
Отцеубийцъ, мнѣ нельзя.

ОЕЗЕЙ.

То какъ-же

Шлють за тобой, чтобы жилъ ты внѣ земли?

ЭДИПЪ.

Святое слово понуждаетъ ихъ.

ОЕЗЕЙ.

Какимъ-же зломъ оракулъ имъ грозитъ?

ЭДИПЪ.

Что ихъ судьба на этой пасть земль.

ОЕЗЕЙ.

Но какъ случится ихъ вражда со мною?

ЭДИПЪ.

О другъ мой, сынъ Эгея! Лишь богамъ
 Вовѣкъ невѣдома ни смерть, ни старость.
 Все прочее уничтожаетъ время
 Всевластное: земная гибнетъ сила
 И сила тѣла; умираетъ вѣра,
 Растетъ нѣвѣрность — и ни въ дружныхъ людяхъ
 Ни въ городахъ взаимно межъ собою
 Не остается тотъ-же духъ любви.
 Однимъ ужъ нынѣ, для другихъ позднѣе

Что было сладкимъ — горько и опять
 Пріятныимъ станетъ. Это Фивы нынѣ
 Съ тобой въ согласии лучшемъ пребывасть :
 Но вотъ пройдетъ безчисленное время,
 Родивъ безчисленно ночей и дней,
 И нынѣшній союзъ согласный будетъ.
 Копьемъ разорванъ по причинѣ малой;
 И тутъ почившій, погребенный трупъ мой
 Холодный теплой крови ихъ напьется ,
 Когда Зевесь еще Зевесь, и Фебъ
 Зевесовъ сынъ не лживъ (44). Но говорить
 О сокровенныхъ тайнахъ непріятво;
 На томъ, съ чего я началъ, и стою:
 Будь только вѣренъ данному инѣ слову,
 И, если не обмануть я богами ,
 Не скажешь, что Эдипа бесполезно
 Ты принялъ поселенцемъ этихъ иѣсть.

ХОРЪ.

Царь, этотъ человѣкъ уже давно
 Такія и подобныя даетъ
 Намъ обѣщанья.

ЭДИПЪ.

Кто-жъ отвергнуть могъ-бы
 Такого человѣка добродушнѣ?
 Во-первыхъ, съ нимъ гостепріимный напѣ
 Очагъ всегда былъ общимъ (45), а потомъ,
 Пришедъ на поклоненіе богинямъ,
 Землѣ и инѣ немалый даръ несеть онъ.
 Все это свято чти, не откажусь
 Отъ дружбы съ нимъ, и посели средь гражданъ.

(44) Это порицаніе о враждѣ Аѳенинъ съ Фиванцами имѣть отношеніе къ современнымъ Софоклу обстоятельствамъ. Особенно во время Пелопонесской войны разрушились всѣ прежние дружелюбныя связи въ Греческихъ государствахъ, и никогда не были такъ зыбки вѣрность и сила человѣческая.

(45) Здѣсь только намекъ на старинную дружбу Аѳенинъ съ Фиванцами, семейства Эгидовъ съ Лабакидами. Самъ-же Эдипъ, выросши на чужбинѣ, ничего не зналъ объ этой дружбѣ, какъ видно изъ начала драмы, гдѣ онъ спрашивается, кто правитъ въ Аѳинахъ.

Коль чужеземцу илю здѣсь оставаться,
Всю тебѣ его хранить, а, если
Идти со мной угодно... отдаю,
Эдипъ, тебѣ на выборъ это. Такъ
Исполнить все надѣюсь.

ЭДИПЪ.

О Зевесъ!

Дай въ жизни всякихъ благъ подобнымъ людямъ....

ЕВЗЕЙ.

То какъ рѣшился? въ домъ со мной пойдешь?

ЭДИПЪ.

Когда-бъ я могъ.... Но это мѣсто....

ЕВЗЕЙ.

Что-же
Здѣсь хочешь дѣлать? Не противлюсь я....

ЭДИПЪ.

Здѣсь побѣжду людей, меня изгнавшихъ.

ЕВЗЕЙ.

То намъ великій даръ твоей пріязни.

ЭДИПЪ.

Но до конца будь твердъ и вѣренъ въ словѣ.

ЕВЗЕЙ.

Довѣрься смѣю мнѣ: ужъ я не выдамъ.

ЭДИПЪ.

Какъ лживыхъ, клятвой не свяжу тебя.

ЕВЗЕЙ.

Имѣль-бы все-жъ не больше, чѣмъ по слову.

ЭДИПЪ.

То какъ намѣренъ сдѣлать?

ЕВЗЕЙ.

Что всего

Тебѣ страшнѣе?

ЭДИПЪ.

Люди тѣ придутъ.

... ЕЗЕЙ.

Объ этомъ вотъ они заботу примиутъ.

ЭДИТЬ.

Смотри, когда оставишь....

... ЕЗЕЙ.

Что мнѣ дѣлать,

Ужъ не учи.

ЭДИТЬ.

Страшась, учить я долженъ.

... ЕЗЕЙ.

Мое безстрашно сердце.

ЭДИТЬ.

Ты не знаешь,

Какихъ угрозъ....

... ЕЗЕЙ.

Я знаю, что тебя

Никто отсюда увезти безъ воли

Моей не можетъ. Многие и многимъ

Грозили много по пустому въ гнѣвѣ;

Когда-жъ вернулся умъ, прошли угрозы.

Они о томъ, какъ увезти тебя,

Пожалуй, въ дерзости и страхъ что скажутъ;

Но знаю: путь сюда не близокъ имъ,

Не такъ покажется удобенъ! Могъ-бы

Ты смѣлы быть и безъ моей защиты,

Коль Фебъ тебя послалъ сюда; но знай:

Хотъ я уйду, тебя отъ всѣхъ обидъ

Одно мое ужъ имя охранить.

ПАРОДЪ (46).

ХОРЪ.

СТРОФА 1.

Этой богатой конями страны

Ты въ лучшее мѣсто пришелъ, чужеземецъ,

(46) Пародомъ (пародос) вообще называется первая, вступительная пѣснь хора. Настоящій пародъ имѣть характеръ стихомона, т. е. пѣсни, которую,

Въ бѣлый Колонъ, гдѣ больше всего
 Сладкозвучный поетъ соловей
 Въ глубинѣ цвѣтушихъ долинъ.
 Любить онъ темную зелень плюща
 И эту, лишь богу доступную,
 Плодами обильную чашу,
 Чуждую солнцу и зимнимъ вѣтрамъ,
 Гдѣ всегда Діонизій неистовый ходить
 Въ хорѣ нимфъ-богинь, кормилицъ своики (47).

АНТИСТРОФА 1.

Во всѣ дни на своемъ поднебесномъ стеблѣ
 Разцвѣтаетъ прекрасно-кудрявый нарцисъ,

дотолѣ разсѣянный по сценѣ, хоръ поетъ, собравшись, царенецъ въ фрѣстры и установившись на одномъ мѣстѣ. Этимъ отдаивается настоящая пѣснь по формѣ отъ прежнихъ комматическихъ пѣсней, которыхъ въ строгомъ смыслѣ также можно-бы назвать пародами. Но тутъ отличие не въ одной формѣ. Хоръ, прежде участвовавшій въ дѣйствіи, теперь получаетъ свое истинное назначеніе—быть связующими звеномъ между частями драмы и выражать чувства, естественно возникающія изъ драматическихъ стоянковъ. Онъ воспѣваетъ хвалебную пѣснь Колону и Аттику. Такая хвала имѣть смыслъ послѣ того, какъ труемцы въ лицѣ Фезея оказали столько велико-ужинаго участія въ гонимому страданію. Мѣсто, гдѣ, послѣ столькихъ страданій, Эдипъ находитъ себѣ вѣрный пріютъ и исполненіе надеждъ, о которомъ имѣла Евменидъ, должно показаться вдвойнѣ прекраснымъ и ему и сочувствующимъ зрителямъ. Но оно было прекрасно и безъ этихъ обстоятельствъ. Хоръ, восхваляя его красоту, богатство и силу, внушиаетъ Эдипу еще болѣе довѣрія къ Аѳенинамъ: зритель начинаетъ догадываться, что Креону не устоять-бы въ борбѣ и безъ неблагопріятнаго для него оракула. Кроме-того, хвала Аттику, помимо ея близкаго отношенія къ драмѣ, должна была возбуждать живой патріотическій восторгъ на Аѳинскомъ театрѣ.

(47) Хоръ начинаетъ хвалу, упоминая о коняхъ, и, какъ увидимъ, тѣмъ же оканчиваетъ. Имѣть хорошихъ коней считалось въ Греціи однимъ изъ первыхъ богатствъ, какъ по причинѣ ихъ рѣдкости, такъ и по значенію, какое они имѣли на играхъ. Подъ страною здѣсь разумѣется Аттика. Колонъ названъ *белымъ*, по причинѣ известковыхъ и меловыхъ скалъ. «Лишь богу доступною: подъ бегомъ здѣсь разумѣется Діонизій (Бахусъ), котораго звали плющеноснымъ (*хиссофѣрос*). Кроме плюща и винограда, подъ его покровительствомъ находились вообще всѣ плодовыя деревья. Первая хвала изъ боговъ предназначена Діонизію, какъ богу тѣхъ празднествъ, на которыхъ разыгрывалась драма: самъ хоръ обыкновенно являлся въ вѣнкахъ изъ плюща. Бахусъ ходить въ сопровожденіи нимфъ Низы, его воспитавшихъ: онъ названы бегинями, потому-что алтари ихъ находились во многихъ иѣстахъ Греціи.

Украшенье когда-то великихъ богинь,
И златомъ блестящій шафранъ.
И Кефисса потоковъ ручви
Здѣсь не сякнуть, безсонно кочуя;
Но, мгновенно рождаясь, все вновь
На широкое лено полей
Льются чистой, обильной влагой.
Хоры музъ, Афродита съ златыми вожжами
Также этотъ не презрѣли край (48).

СТРОФА 2.

Есть растенье, какого ни Азія,
Ни великій, Дорійскій островъ Пелопса,
Я не слыхалъ, чтобы рождали.
Насажденное, самородное,
Грозное вражескимъ копьямъ!
Обильно цвѣтеть оно въ нашей странѣ:
Плодотворный стебель блестящей оливы.
Его ни юный лѣтами, ни старецъ
Не уничтожитъ губящей рукой:
Его вѣчно-видящій взоръ
Зевеса Морія блюдетъ,
И свѣтлоокой Аенины (49).

(48) Упомянувъ о растеніяхъ, священныхъ Вахусу, хоръ переходитъ къ цвѣтамъ, которые были украшениемъ великихъ богинь Елевсинскихъ: Ди-митры (Цереры) и дочери ея, Персефоны. Поклоненіе Діонизію въ Елевсинскихъ таинствахъ соединялось съ поклоненіемъ Ди-митры. Кромѣ - того вблизи Колона находился и священный путь, ведшій въ Елевсію; тутъ, на Кефисѣ, была похищена Плутономъ и дочь Цереры. (См. Гомеровъ гимнъ Церерѣ). Хвала музамъ (которыхъ алтарь находился въ Академіи) и Афродите (Венерѣ), какъ любимымъ богинымъ поэта, заключаетъ первую антистрофу.

«На стебель подибесномъ.» Нарцисъ и шафранъ съ ранней весны до поздней осени растутъ на вершинѣ скалъ, окружающихъ долину Кефисса. «Прекраснокудрявый нарцисъ.» Въ поди. прекрасногрозный (халліфетрос); цвѣты нарцисса, подобные гроаздьямъ, часто у древнихъ поэтовъ сравнивались съ кудрями. По преданию, со временемъ похищія Персефоны, богини уже носили не цвѣты, а вѣнки изъ колосьевъ. Воду Кефисса до-сихъ-поръ маленькими ручьями разводятъ во всѣ стороны для орошения полей. Афродита, по сказанію древнихъ, єздила въ золотой колесницѣ, запряженной конями, голубками и воробышками, отъ этого она названа: дриссінос (золотовозжая).

(49) Во 2-ой строфи прославляется олива—дерево, посвященное Аениѣ. Софокль полагаетъ, что нигдѣ, ни въ Азіи, ни въ Европѣ нѣть такого чуд-

АНТИСТРОФА 2.

И еще о другой, о первѣйшей красѣ
Нашей родины должно сказать:
То даръ великаго бoga,
Высокая слава страны;
Кони лучшей породы и сила морская.
О Крона сынъ! Ты далъ ей, ты,
Царь Посейдонъ, эту славу:
Среди здѣшнихъ полей, чтобы коней укрощать,
Ты впервые создалъ узду.
А прекрасно-веселый, чудесный корабль,
Повинуясь рукамъ, черезъ море летитъ,
Нерендиъ безчисленныхъ спутникъ (50).

наго растенія. Прѣданіе говоритьъ, что Аѳина, во время спора съ Посейдономъ о владѣніи землею, посадила первую оливу въ Акрополис; отъ нея произошла вторая въ Академіи. Вся долина Кеописса и мѣстечко Академія усажены были священными оливами Мориѣми, находившимися подъ особеннымъ наблюденіемъ ареопага. Эти деревья, какъ извѣстно, распространяются чрезвычайно легко посредствомъ отростковъ. Разсказываютъ, что древнія оливы Акрополиса, будучи сожжена во время Персидской войны, на другой-же день дала свѣжую вѣтку въ локоть длиною. (Герод., 8, 55). Въ этомъ смыслѣ растеніе и названо самороднымъ, плодотворнымъ (Въ подл. *καρπόφος*; питающаѧ, дѣтей). «Его на юный лѣтами, ни старецъ». Подъ юнымъ можно разумѣть Ксеркса, который не въ-силахъ былъ уничтожить древніе оливы Акрополиса; старецъ-же есть Архидамъ, нѣсколько разъ въ начаѣ Пелопонезской войны опустошившій Аттику, но не тронувшій священаго дерева Аѳинъ. Зевесь, какъ покровитель оливъ, назывался Мориѣмъ, и имѣлъ свой алтарь въ Академіи. Аѳина Мориѣ названа *γλυκότες* (блестящая). Эпитетъ *γλυκός* (блестящій) употребленъ также при описаніи оливы.

(50) Наравѣть съ Аѳиною въ Аттицѣ поклонялись Посейдону (Нептуну), который даровалъ Аѳинянамъ коней и владычество надъ моремъ. Мы уже упоминали, какъ высоко цѣнились въ Греціи хорошия кони и умѣнье ходить за конями; поэтому и города очень часто назывались *εὖκτοι* (имѣющіе лучшіхъ коней), *εὐπέλοι* (имѣющіе лучшихъ жеребцовъ). Тѣ-же эпитеты при надлежали и знатнымъ родамъ. Посейдону обыкновенно приписывается только создание коней, а ихъ укрощеніе — Аѳинѣ или сыну Посейдона, Ерихтонію. «Повинуясь рукамъ, черезъ море летитъ». Буквально съ подлин. должно-бы перевести: «Согласуясь съ ударами рука, прыгаетъ по морю, въ сопровождении стоногихъ Нерендиъ». Здѣсь явно сравненіе съ пляскою. Все, сказанное въ настоящемъ хорѣ, относится и къ Колону (конный Колонъ; конная Аѳина, конный Посейдонъ) и къ цѣлой Аттицѣ.

ВТОРОЙ ЭПЕЙЗОДОНЪ (51).

АНТИГОНА.

Хвалою многой чтимая земля,
Теперь яви намъ этой славы блескъ.

ЭДИПЪ.

Датя, что вновь случилось?

АНТИГОНА.

Вотъ, отецъ,
Креонъ подходитъ близко не безъ стражи.

ЭДИПЪ.

О дорогie старцы! Лишь отъ васъ
Теперь я жду конца моимъ несчастьямъ.

ХОРЪ.

Надѣйся смило: хоть и старецъ я,
Но не старѣть сила сей земли.

КРЕОНЪ.

Граждане благородные страны!
Въ глазахъ у васъ какой-то страхъ внезапный
Отъ моего прихода; но не бойтесь,
И не скажите мнѣ худаго слова.
Пришелъ не съ тѣмъ я, чтобы насилье дѣлать:
Я старъ и знаю, какъ могучъ вашъ городъ,
Во всей Элладѣ первый. Прибылъ я,
Въ такихъ лѣтахъ, за этимъ человѣкомъ;
Чтобъ убѣдить его идти со мною

(51) Второй эпейзодонъ изображаетъ борьбу Эдипа съ Креономъ, Аенінъ съ Фиванцами, — борьбу, которой уже ожидаетъ зритель послѣ разсказа Ислены. Въ немъ слѣдующія части: состязаніе Эдипа съ Креономъ предъ лицемъ хора; борьба за Эдипа, въ которой принимаетъ участіе хоръ; новое состязаніе Эдипа съ Креономъ предъ лицемъ Фезея. Всѣ эти сцены естественно вытекаютъ изъ того положенія Эдипа, которое уже подготовлено предыдущимъ дѣйствіемъ: Эдипъ, оправданный богами, рѣшительнѣе прежнѣго высказываетъ свою невинность и уличаетъ виновныхъ. Съ другой стороны, разыгрывается драма, служащая къ возвеличенію Аенінъ и Колона, славнаго конями. Хоръ является въ ней лицемъ болѣе страдательнымъ; за то какъ прекрасно выставлены коварныій, лицемѣрный характеръ Креона и идеальное благородство Фезея.

Въ Кадмейцевъ землю, посланъ не одиимиъ я,
 А общею волей гражданъ, такъ-какъ мнѣ
 Пришлось всѣхъ больше по родству страдать
 За бѣдствія его. Эдипъ несчастный!
 Меня послушай, возвратись домой!
 Зоветь тебя Кадмейскій весь народъ
 По праву, и всѣхъ больше я — тѣмъ больше,
 Что бытъ-бы самымъ гнуснымъ человѣкомъ,
 Когда-бы о твоихъ несчастьяхъ, старецъ,
 Не сострадалъ я, видя, какъ бѣдняга,
 Въ чужбинѣ, вѣчнымъ странникомъ, безъ хлѣба.
 Съ прислужницей одною бродишь ты.
 Несчастный, я не думалъ никогда,
 Что, жалкая, до этого позора
 Она дойдетъ, и милостыней станетъ
 Питать тебя, слѣпаго, въ этихъ гѣтамъ,
 Безбрачной, жертва первому пришельцу.
 Да, въ горькомъ срамѣ, бѣдный, поносилъ я
 Тебя, себя и весь нацпъ родъ; но скрыть
 Того, что всѣмъ извѣстно, невозможно.
 О для отеческихъ боговъ, Эдипъ!
 Ты этотъ срамъ теперь сокрой, меня
 Послушавъ; согласись вернуться въ городъ,
 Въ твой домъ отцовскій, дружеское слово
 Сказавши этимъ гражданамъ: они
 Того достойны — роднаа однако,
 Питавшая тебя когда-то, больше
 Должна быть чтима.

ЭДИПЪ.

О на все отважный!

Изо всего умѣющій спастi
 Подобье правды, что затѣялъ снова?
 Меня ты снова хочешь тѣмъ словить,
 Чѣмъ быть словленнымъ мнѣ всего прискорбнѣй (52).

(52) Мы принуждены были сохранить въ переводе этотъ оборотъ мысли подлинника. Эдипъ намекаетъ на пріязнь и ласку родныхъ, которою Креонъ думаетъ прельстить его. Читатель видить безъ труда, какъ во всемъ были живы слова Креона.

Сперва, когда домашнимъ этишь горечь,
Страдаъ я, и приятно было-бы мнъ
Идти въ изгнанье, милость оказать
Ты не хотѣлъ желавшему; а послѣ,
Какъ гиѣвомъ я пресытился, и сладко
Мнъ было жить въ дому — тогда изгнанъ,
Извѣргъ меня... и это-же родство
Тогда тебя не трунуло несколько.
А нынѣ вновь, какъ видишъ, городъ здѣшний
И весь народъ со мною друженъ, вырвать
У нихъ меня пытаешь, жесткій сердцемъ,
Хотъ мягокъ на словахъ (58). И что за радость
Любить насильно? Еслибъ кто въ твоей
Умильной просьбѣ не далъ ничего,
Не захотѣлъ-бы и помочь; а послѣ
Принесъ-бы все, когда ужъ исполнимъ
Душа доволна и не въ милость милость,
Пустая, право, то была-бы утѣха!
Межъ тѣмъ и ты не то-же-ль мнъ приносишь:
Добро словами, а и дѣла зло.
Скажу и имъ, чтобы уничтожить тебя!
Пришелъ меня ты не домой вести,
А на границѣ посыпать, чтобы городъ
Отъ этой вотъ земли обезопасить.
Но не дождешься этого — а будетъ,
Что въ той странѣ навѣки посыпятся
Мой иститель-духъ и сыновьямъ моимъ
Моей земли достанется не больше,
Чѣмъ сколько нужно мертвымъ! Что? Не лучше-ль
Я твоего дѣла Фиванцевъ знаю?
О лучше, чѣмъ вѣришь тѣ, отъ коихъ
Я слышалъ: Фебъ и Зевсъ, его отецъ!
А ты пришелъ сюда языкъ лукавый
Свой изопрѣть; но рѣчь твоя скорѣе
Тебѣ на гибель, чѣмъ въ спасенье: знаю,
Что въ этомъ мнѣ тебя не убѣдить;
Уди-жъ, и здѣсь наскъ жить оставь: не худо
Мы проживемъ и такъ, когда довольны.

(58) Въ подл. склонялъ малыхъ лѣтъ (говоря съ мягкостью жесткое).

КРЕОНЬ.

Не думаешь-ли ты, что этой рѣчью
Ужъ больше мнѣ вредишь, чѣмъ самъ себѣ?

ЭДИПЪ.

Всего мнѣ слаще, если ни меня
Не убѣдишь ни въ чемъ ты, ни вотъ ихъ!

КРЕОНЬ.

Тебѣ, несчастный, кажется и время
Ума не дало: старость ты позоришь.

ЭДИПЪ.

Ты языкомъ гораздъ; но никого
Я не видалъ правдивымъ, кто красно
Изо всего сплетаетъ рѣчь.

КРЕОНЬ.

Иное

Кто много говоритъ, иное — кстати.

ЭДИПЪ.

Вотъ, ты такъ мало говоришь и кстати!

КРЕОНЬ.

Не для того лишь, кто съ твоимъ разсудкомъ.

ЭДИПЪ.

Уйди, отъ ихъ вотъ имени скажу:
Не сторожи, не осаждай меня (54)
Въ моемъ пріюте мирномъ.

КРЕОНЬ.

Не тебѣ,
А ихъ беру въ свидѣтели: за рѣчи,
Какими отвѣчаешь ты друзьямъ,
Какъ попадешься въ руки...

ЭДИПЪ.

Кто жъ-бы смѣлъ

Меня при ихъ защитѣ взять насилию?

(54) По буквальному переводу: «Не сторожи меня, осаждая тамъ, гдѣ итѣ
суждено жить». Эдипъ глаголъ *брормѣт*, который означаетъ осаду гавани:
Эдипъ сравниваетъ пріютъ свой съ гаванью.

КРЕОНЪ.

И безъ того ты будешь горевать.

ЭДИПЪ.

Что хочешь дѣлать, этимъ мнѣ грозя?

КРЕОНЪ.

Изъ дочерей твоихъ одну сейчасъ,
Схвативъ, отправялъ: уведу и эту.

ЭДИПЪ.

О горе мнѣ!

КРЕОНЪ.

Вздохнешь побольше скоро

ЭДИПЪ.

Дочь у тебя моя?

КРЕОНЪ.

Постой немножко,

И эта будеть.

ЭДИПЪ.

Что-же, чужеземцы?

Измѣните? Не мыслите изгнать

Вы этого безбожника? (55)

ХОРЪ.

Пришлиецъ!

Уди сейчасъ... неправо поступиъ ты

И прежде, и теперьтвориши неправду.

КРЕОНЪ.

Ужъ время вами вести ее насилино,

Коль не пойдетъ сама.

АНТИГОНА.

О горе бѣдной!

Куда бѣжать? Кто изъ боговъ и смертныхъ

Зашиту дастъ?

(55) Эдипъ напоминаетъ хору, какъ хотѣлъ онъ изгнать его самого, счи-
тая безбожникомъ. Исмена вала, какъ должно полагать, во время соверше-
ния жертвы Евменидамъ; слѣд. Эдипъ имѣлъ двойное право назвать Креона
безбожникомъ.

ХОРЪ.

Что дѣлаешь, пришлецъ?

КРЕОНЪ.

Его не трогалъ я, беру мою (56).

ЭДИПЪ.

Властители земли!

ХОРЪ.

Ты поступаешь,

Пришлецъ, несправедливо?

КРЕОНЪ.

Справедливо.

ХОРЪ.

Какъ справедливо?

КРЕОНЪ.

Уважу моихъ.

ЭДИПЪ.

СТРОФА.

О городъ!

ХОРЪ (57).

Что вздумалъ, пришлецъ! Не отпустишь?

Такъ скоро дойдетъ и до рукъ....

КРЕОНЪ.

Берегись.

ХОРЪ.

Нѣтъ! Тебя не пущу я, пока не оставишь.

(56) Креонъ называеть Антигону своею, потому-что, какъ братъ Іокасты, послѣ несчастія Эдипа, онъ одинъ остался главою семейства.

(57) Часть хора передъ этими выходить изъ оркестра на сцену и становятся съ угрозою противъ Креона. Самый размѣръ въ подобныхъ мѣстахъ изъ обыкновеннаго (иамбического) переходить въ другой, болѣе живой, какъ напримѣръ: *одинъ одинъ одинъ одинъ*. Предлагаемъ подражаніе: «Пришлецъ! что ты? Пустишь?... Нѣтъ? Такъ вѣдь скоро и до рукъ дойдѣть!»

КРЕОНЪ.

Бороться будешь съ городомъ, меня
Обидѣвъ (58).

ЭДИПЪ.

Не предсказывалъ-ли я?

ХОРЪ.

Сейчасъ пусти изъ рукъ дѣвицу эту.

КРЕОНЪ.

Приказывай тому, надѣ кѣмъ ты властенъ.

ХОРЪ.

Тебѣ я говорю,пусти...

КРЕОНЪ.

Тебѣ

Вѣдь я сказалъ: въ дорогу отправляйся (59).

ХОРЪ.

Сюда поскорѣе, туземцы! сюда!

Нашъ городъ, нашъ городъ насилие терпятъ!

Сюда, приходите ко мнѣ.

АНТИГОНА.

Меня влекутъ несчастную, влекутъ....

О чужеземцы!

ЭДИПЪ.

Гдѣ ты, дочь моя?

АНТИГОНА.

Меня уводятъ силой.

ЭДИПЪ.

Руку, дочь,

Мнѣ протяни.

АНТИГОНА.

Ужъ не могу я больше,

(58) Креонъ грозить войною съ Оивами.

(59) Съ этими словами Креонъ обращается къ Антигонѣ. Позаждаемый хоромъ, онъ зовитъ ей скорѣе уйти. Стеченье именемъ «тебѣ» взято съ подлинника.

КРЕОНЬ.

Ведите же.

ЭДИПЪ.

Несчастный я, несчастный!

(Антигону уводятъ)

КРЕОНЬ.

Не будетъ этотъ посохъ ужъ опорой
 Тебѣ въ пути; во такъ-какъ побѣдить
 Желаешь ты отчизну и друзей,
 Для коихъ это дѣлаю, хоть царь я,
 То побѣждай. Со временемъ узнаешьъ,
 (Увѣренъ въ этомъ), что и нынѣ ты
 Себѣ добра не сдѣлалъ, да и прежде,
 Не слушая друзей, подластный гнѣву,
 Который былъ всегда тебѣ въ погибель (60).

(Хочетъ идти).

ХОРЪ.

Куда, пришлецъ? постой.

КРЕОНЬ.

Меня не трогать.

ХОРЪ.

Ихъ возврати, а то не отпущу.

КРЕОНЬ.

И больше скоро городу заплатишь
 Ты выкупъ: ихъ беру я не однихъ..

ХОРЪ.

Что вздумаешь снова?

КРЕОНЬ.

• Вотъ, его веду я.

ХОРЪ.

Страхъ слышать!

(60) Такъ и въ трагедіи «Антигона», въ своихъ личныхъ этикастическихъ рѣшеніяхъ, Креонъ представляетъ себя служителемъ государства. Прежняя строптивость Эдипа раскрывается въ трагедіи: «Эдипъ-царь», гдѣ онъ, полуничъ неблагопріятный для себя оракулъ, обвинялъ и Креона и жрецовъ въ подкупе. Но съ-тѣхъ-поръ обстоятельства измѣнились.

КРЕОНЪ.

Это сдѣлать ужъ не трудно,
Не помѣшаль-бы только царь земли.

ЭДИПЪ.

Безстыдный! Смѣешь и меня коснуться? (61)

КРЕОНЪ.

Велю молчать.

ЭДИПЪ.

О пусть меня безгласнымъ
Не дѣлаютъ еще богини эти
Для одного проклятья! Негодай!
Послѣдній бѣдный глазъ, замѣну прежнихъ
Очей, ты вырвалъ силой у меня.
За то тебѣ и роду твоему
Богъ Гѣліость всевидящій да дастъ
Подобно мнѣ на старости прожить (62).

КРЕОНЪ.

Туземцы! видите вы это?

ЭДИПЪ.

Видѣть

Обоихъ настѣ, и понимаютъ ясно,
Что, пострадавъ на дѣлѣ отъ тебя,
Словами защищаюсь.

КРЕОНЪ.

Не стерплю ужъ:

Хоть я одинъ и старъ, но уведу.

(61) Въ подлиннѣ *ἀφέγμ' ἀναδέες* (безстыдный твой голосъ). Такъ выражается слѣпецъ вмѣсто того, какъ сказали-бы зрячій: «безстыдніе твои глаза!» Креонъ говорить хору о выкупѣ, зная, что ему поручено беречь Эдипа. Здѣсь вполнѣ высказываются лживость и слабость характера Креона. Думая сначала взять однѣхъ дочерей, онъ въ увлеченіи гиѣва забываетъ всякое благородство и одинъ, безъ стражи (которая ушла съ Антигономъ), хочетъ увести Эдипа.

(62) Богъ Гѣліость означаетъ солнце. Эдипъ рѣшается произнести проклятие, моля Евменій не сдѣлать его безгласнымъ: потому-что имя этихъ богинь должно было произносить осторожно и съ благими мыслями (*εὐφήμια*). Подъ послѣднимъ бѣднымъ глазомъ Эдипъ разумѣеть Антигону.

ЭДИПЪ.

АНТИСТРОФА.

О горе мое!

ХОРЪ.

Какую-жъ отвагу ты долженъ имѣть, чужеземецъ,
Когда ужъ надѣешься это исполнить?

КРЕОНЪ.

Надѣюсь.

ХОРЪ.

То эти Аѳинны
Ужъ городомъ я не считаю.

КРЕОНЪ.

И слабый въ дѣлѣ правомъ верхъ возьметъ
Надѣю силой.

ЭДИПЪ.

Слыхали, что сказалъ онъ?

ХОРЪ.

Ему не сдѣлать этого.

КРЕОНЪ.

Зевесь

То лучше знаетъ.

ХОРЪ.

Не обида-ль это?

КРЕОНЪ.

Обида, яо ее снести ты можешь.

ХОРЪ.

Народъ, весь народъ! О правители края!

Придите скорѣе, придите:

Все дальше уводятъ они!

ЕЗЕЙ.

Что за крики? Что случилось? Ужасъ вашъ помѣхой былъ,
Какъ заступнику Колона, богу моря, я быковъ
Закалая на жертву. Все мнѣ объясните, чтобы знать,
Отчего сюда долженъ противъ воли я спѣшить (63).

(63) Езей не вдалекъ приносилъ жертву Конному Посейдону, въ собраний цѣлаго народа. Услышавъ крика хора, онъ рѣшается даже покинуть

ЭДИПЪ.

Другъ! узнаю твой голосъ: пострадалъ я
Отъ человѣка этого жестоко.

ЕВЗЕЙ.

Въ чемъ, объясни — кто оскорбилъ тебя?

ЭДИПЪ.

Креонъ, его здѣсь видиши, у меня
Двоихъ единственныхъ дѣтей похитилъ.

ЕВЗЕЙ.

Возможно ли?

ЭДИПЪ.

Что претерпѣлъ, ты слышалъ.

ЕВЗЕЙ.

Скорѣе, слуги, къ жертвенному! весь
Народъ понудьте, конныхъ и неконныхъ.
Оставивъ жертву, пусть несутся вскачь
Туда, гдѣ двѣ спадаются дороги (64).
Не упустить дѣвицъ, чтобъ, взятый силой,
Посмѣшишемъ я не былъ чужеземцу.
Скорѣй идите, какъ сказалъ — а этотъ,
Когда-бъ, какъ стоитъ, гнѣва я послушалъ,
Не вышелъ-бы изъ рукъ моихъ безвредно!
Но не другое примѣнимъ къ нему,
А ужъ какіе самъ принесь законы:
Не выйдешь изъ земли моей, пока
Ихъ на глаза ко мнѣ не приведешь.

жертву, чтобы исполнить данное слово; онъ даже велѣтъ всему народу спѣшить на коняхъ отъ алтаря въ погоню за Фиванцами, увлекшими дочерей Эдипа — и такъ оправдывается воспѣтая предыдущимъ хоромъ слава Конного Колона. Софоклъ стѣ наѣремпѣть представилъ Евзеза приносящимъ жертву, чтобы показать, какая разница между благочестіемъ на словахъ и благочестіемъ на дѣлѣ. Лучшей жертвы Конному Посѣдому, конечно, и не могло быть, какъ спасеніе невинно пострадавшихъ. Метръ въ стихахъ, которые говорить послѣднію идущій Евзезу, отличается особенной живостью. Это трохахаїческий тетраметръ:

— | — | — | — | — | — | — | — | — | —

(64) Т.-е. дороги въ Бѣотію. Въ послѣдующемъ хорѣ мѣстность описана подробнѣе.

Ты недостойно поступил со мною,
 И что до тѣхъ, отъ коихъ ты родился,
 И до твоей земли: пришедши въ городъ,
 Гдѣ справедливость чутъ и по закону —
 Рѣшаютъ все, презрѣвъ права страны —
 Напаљъ, взялъ силой и увелъ, что вадуналъ
 Считалъ ты вѣрно городъ мой безлюдныиъ
 Иль рабскими, а меня совсѣмъ ничтожныиъ?
 Но Фивы все-жъ не злымъ тебя израстили:
 Они питать людей несправедливыхъ
 Не станутъ, и тебя не похвалили-бъ,
 Узнавши, какъ мое ты покищаешь
 И божеское, думая насилию
 Несчастнаго молельщика улечь.
 И я-бы, какъ въ твою страну пришелъ,
 Хотя-бы имѣлъ все право за собою,
 Безъ вѣдома правителя, какой-бы
 Онъ ни былъ, ничего-бы не взялъ силой;
 Я знаю, какъ съ гражданами должно
 Вести себя пришельцу. Ты-же самъ
 Позоришь городъ свой, какъ недостойный;
 Состарѣвшись, и умъ ты потерялъ.
 Сказалъ ужъ прежде, повторяю вновь:
 Доставь сюда дѣвицъ сю минуту,
 Когда не хочешь противъ воли быть
 Земли вотъ этой жителемъ; какъ мыслю,
 Такъ и словами говорю тебѣ.

ХОРЪ.

Вотъ чужеземецъ, до чего дошелъ ты:
 Хоть честенъ родомъ, а на дѣлѣ злой.

КРЮОНЪ.

Эгей сыны! Твой городъ ни безлюдныиъ,
 Ни правъ лишенныиъ, по твоимъ словамъ,
 Я не считалъ, какъ это дѣлалъ. Минъ я,
 Что не придетъ Аѳинамъ вдругъ такой
 Любви къ роднымъ моимъ, чтобъ противъ воли
 Моей держать ихъ; зналъ, что человѣка
 Преступнаго, убившаго отца,
 И съ матерью родной въ нечистомъ бракѣ

Открытали, не приняли-бъ они.
 Ареопагъ земли ихъ столь разумныиъ
 Всегда я зналъ, что въ городѣ своемъ
 Подобныиъ жить скитальцамъ не дозволитъ.
 Увѣренъ въ этомъ, бралъ мою добычу.
 Но и того не сдѣлали-бы, когда-бъ
 Проклятій горькихъ не изрекъ онъ мнѣ
 И роду моему: воздать за это
 Ему хотѣть я, потому-что гнѣвъ,
 Со смертью только гибнетъ, не старѣя —
 Умершихъ-же ничѣмъ не потревожишь.
 То дѣлай, что угодно. Хоть и правъ я;
 Но все-жъ одинъ — и потому безсиленъ;
 Однако какъ ни слабъ, а за дѣла
 Тебѣ воздать обратно постараемся.

ЭДИПЪ.

Безстыдникъ дерзкій! думаешь пятнать,
 Меня ты, старца, этимъ, иль себя?
 Убийство, бракъ и бѣдствія другія
 Не удержался не назвать ты, — въ чемъ
 Невольнымъ быль орудьемъ я, несчастный.
 Но такъ хотѣли боги, уже видно
 Давно на родъ нашъ гибѣвныe; меня-же
 Ты не найдешь чѣмъ похулить за грѣхъ,
 Которымъ на себя и на своихъ
 Навлекъ бѣду я. Самъ ты разсуди:
 Какъ отъ боговъ пришелъ отцу оракулъ
 Чрезъ сына пастъ, то можно-ль справедливо
 За это упрекать меня, который
 Тогда еще ни зарожденъ отцемъ,
 Ни зачатъ не былъ матерью? Но если
 Мнѣ суждено родиться, какъ родился,
 Пессориться съ отцемъ и умертвить,
 Совсѣмъ не зная, противъ кого и что
 Я дѣлаю, — какъ невольный этотъ можешь
 Проступокъ ты по совѣсти хулять?
 И также ты не постыдился, жалкій,
 Меня принудить, чтобы сказалъ я все
 О бракѣ съ матерью, съ твоей сестрою.

Не умолчу, когда ужъ твой безбожный
 Языкъ объ этомъ началъ... Родила,
 О горе! родила она меня,
 Незнавшая незнавшаго, и послѣ,
 Сама родная мать, мнѣ на позоръ
 Дѣтей вскориши! Но одно я знаю:
 Меня ты и ее по доброй волѣ
 Теперь поносишь этимъ такъ безстыдно;
 А я на ней женился противъ воли
 И говорю объ этомъ противъ воли.
 Но не найдеть меня никто преступнымъ
 Ни въ этомъ бракѣ, ни въ отцовской смерти,
 Которую ты все въ попрекъ мнѣ ставиши.
 Отвѣтъ мнѣ только: еслибъ кто тебя,
 Правдиваго, хотѣлъ, напавши вдругъ,
 Вотъ здѣсь убить, расправливать ты сталъ-бы:
 Отецъ твой это? или истигъ скорѣ?
 Я полагаю, если жизнь мила,
 То истигъ-бы, и не спрашивалъ о правдѣ.
 Въ такое-жъ точно всамъ и я несчастье,-
 Богами ужъ ведомый: духъ отца,
 Будь живъ онъ, въ этомъ, думаю, не сталъ-бы
 Противорѣчить мнѣ. Но, хоть неправъ,
 Ты все себѣ дозволишь говорить,
 Что можно и чего нельзя — и вотъ,
 Меня поносишь этимъ передъ ними.
 Польстить умѣль ты имени Фезея,
 Аeinамъ, какъ устроены искусно; —
 Похвалъ тутъ много, но одну забылъ:
 Что изо всѣхъ земель благочестивыхъ
 Всѣхъ лучше эта чтить боговъ умѣеть!
 У ней меня, молящагося старца
 Похитить хочешь, дочерей отнявъ.
 Вотъ почему съ мольбой къ богинямъ этимъ
 Я преклоняюсь вновь: зову, прошу
 Защиты и подпоры, чтобы узналъ ты,
 Какіе люди сторожатъ здѣсь городъ.

ХОРЪ.

Царь! честенъ этотъ странникъ; но несчастья
 Его жестоки, и возмездья стоять.

ЕЗЕКІЙ.

Рѣчей довольно. Хищники спѣшать;
Мы же терпимъ, — и ни съ мѣста.

КРЕОНЪ.

Что же дѣлать
Мнѣ, человѣку темному, прикажешь?

ЕЗЕКІЙ.

Туда намъ путь укажешь: за тобою
Иду я. Когда ты въ здѣшнемъ мѣстѣ
Укрылъ дѣвицѣ, ихъ самъ доставишь мнѣ;
Когда же похитители бѣжалцѣ,
То нечего трудиться: имъ во сгѣдѣ
Спѣшать другіе, отъ которыхъ вѣрно
Имъ боги не дадутъ уйти счастливо.
Впередъ же! Знай, что взялъ теперь свое:
Другому ставить сѣти, самъ попался, —
И не спасешь того, что пріобрѣлъ
Неправеднымъ обманомъ (71). Въ этомъ дѣлѣ
Другихъ на помощь также не зови.
Я зналъ, что не одинъ, не безъ прикрытия
Ты смѣлъ такую дерзость предпринять;
На что-нибудь да полагался дѣлать.
Мой долгъ предвидѣть все, и не дозволить,
Чтобъ одного слабѣе человѣка
Былъ этотъ городъ.

ХОРЪ.

Понялъ? Иль напрасно
Тебѣ теперь обѣ этомъ говорили
И прежде, какъ еще задумалъ это.

КРЕОНЪ.

Здѣсь осуждать ни въ чемъ тебя не буду,
А дома мы разсудимъ все, какъ сдѣлать.

ЕЗЕКІЙ.

Грозить дорогой можешь. Ты Эдипъ,
Спокойно здѣсь останься. Будь уверень,

(71) Взялъ теперь свое. Въ подл. *бѣнъ бѣсъ* (взять, и самъ взять) — выраженіе, подобное Латинскому: *carta praeda capti praedones*. Оно имѣть смыслъ нашей пословицы: «Каково посыпешь, таково и пожиши».

Что я умру, а дѣла не покину,
Пока не возврату тебѣ дѣтей.

ЭДИПЪ.

О счастливъ будь за это благородство
И должную заботу обо мнѣ.

(Фезей съ Креономъ уходитъ).

ПЕРВЫЙ СТАЗИМОНЪ (72).

ХОРЪ.

СТРОФА 1.

Желааль-бы я быть, гдѣ могучихъ мужей
Скоро къ битвѣ сведетъ иѣдиозвучный Аресь,
На Пиѳейскомъ иль Факельномъ берегѣ;
Тамъ священные тайны для смертныхъ хранять
Честныя богини — и посать
Евмолпиды, служители икъ,
Ключъ золотой на устахъ.
Надѣюсь, что тамъ, напавъ на враговъ,
Наши горцы, въ удачномъ сраженьи,
Захватить обѣихъ безбрачныхъ сестеръ,
Въ этой еще сторонѣ (78).

(72) Первый стазимонъ выражаетъ чувства, которыя возбуждены предыдущимъ дѣйствиемъ, и даетъ предчувствовать его развязку. Хоръ переносится воображеніемъ на то мѣсто, гдѣ должны сойтись Аѳинянѣ съ Оиванцами, и молитъ боговъ о счастливомъ окончаніи битвы.

(78) Хоръ полагаетъ, что Аресь (Марсъ, богъ войны) сведетъ туземцевъ съ Оиванцами на Пиѳейскомъ иль Факельномъ берегѣ. Фезей послалъ свою дружину туда, гдѣ дорога, ведущая изъ Колона на сѣверозападъ въ Оивы, соединяется со священною Елевзинскою. На этой дорогѣ хоръ означаетъ два мѣста. Пиѳейскій берегъ былъ при храмѣ Пиѳейскаго Аполлона, у Ории, въ проходѣ горы Пойкилонъ (часть горъ Эгала). Чрезъ этотъ проходъ вела дорога въ Віетію и въ Елевзісъ, въ то время принадлежавшій еще Мегарѣ. Елевзинскій-же берегъ шелъ дальше на западъ. Онъ названъ Факельнымъ отъ начальныхъ обрядовъ, которые совершались при свѣтѣ факеловъ въ честь богинь Димитры и Персефони (въ подн. тѣстца, честимиа). Жрецы этихъ богинь, происходившіе отъ древней фамилии Евмолпидовъ (Евмолпъ, какъ называются, былъ основателемъ таинствъ) обязаны были хранить глубокое молчаніе обо всемъ, что знали. Символомъ этого молчанія служилъ ключъ на

АНТИСТРОФА 1.

Иль ужъ прохада, на западъ оть сиѣжныхъ вершинъ,
 Со стороны Эотійскихъ луговъ,
 Оиванцы достигнуть успѣли,
 Другъ передъ другомъ спѣша на коняхъ
 И быстроколесныхъ повозкахъ.
 Будуть пойманы. Мощенъ туземный Аресъ,
 Могуча дружина Фезейцевъ:
 У всѣхъ ихъ блестятъ удила —
 Всѣ несутся впередъ, опустивши поводья коней;
 Служать конной Аениѣ они
 И богу морскому, земледержателю,
 Реи милому сыну (74).

СТРОФА 2.

Настигли они, или нѣтъ?
 Говорить мнѣ вѣщее сердце,
 Что скоро избавятъ страдалицу бѣдную,
 Отъ родныхъ потерпѣвшую тяжкое горе (75).

устахъ (вѣроятно, отпечатанный знакъ). Софоклъ, какъ посвященный въ Елевзинскія таинства, не пропускаетъ адѣсь случая упомянуть объ нихъ.

«Наши горы, въ удачномъ сраженіи и проч.» — По буквальному переводу: «Думаю, что здѣсь житель горъ, возбуждающій сраженіе (εὐρέας), скоро настигнетъ (ἔπιξεν) собственное значить: вѣшать) въ достаточной битвѣ двоихъ дѣвственныхъ сестеръ».

(74) Горъ назначаетъ третью, болѣе далекое мѣсто, гдѣ могутъ сойтись непріятели. Эотійский край (Οἰτής χωρός) названъ отъ демоса Οἴτη, лежавшаго въ плодоносной Фріазійской равнинѣ, на отлогостяхъ Эгалеа. Эти горы, составлявшія границу между равниною Кефисса и Фріазійскою, необходимо было перейти на дорогѣ изъ Аттики въ Біотію. Оиванцы могли такимъ-образомъ избрать двѣ дороги: или чрезъ Елевтере къ Киерону, избрать на сѣверозападъ отъ Колона священный путь Елевзинскій; или отправиться чрезъ Филы въ Етеонъ. Въ послѣднемъ случаѣ, пропшедъ Пойкилонъ, следовало имъ обратиться къ сѣверовостоку отъ Піеійского берега и идти по Фріазійскому полю къ востоку отъ Оїз (Οἴς).

«Другъ передъ другомъ спѣша и проч.» По буквальному переводу: «Бѣжка съ помощью жеребцовъ и быстроколесничного состязанія (βιφαρμάτος ἀρᾶλας). Оивы въ древности особенно знамениты были своими колесницами; отъ того и назывались: прекрасноколесничные, (εὐφαρμάτοι), златоколесничные (χρυσαρμάτοι), богатоколесничные (πολυάρματοι).

(75) Здѣсь горъ разумѣеться Антигону, при похищеніи которой присутствовалъ.

Рѣшить-же сегодня Зевесь, рѣшить что-нибудь.
 Я пророчу счастливую битву...
 О еслибы могъ быстролетный, какъ вѣтеръ, голубкій
     Къ облакамъ воздушнымъ подняться
     И окинуть взоромъ сраженье!

АНТИСТРОФА 8.

Зевесь, властитель боговъ!
 Всевидецъ, правителямъ нашей земли
     Силой побѣдною дай
 Предпріятье счастливо окончить!
 И ты, непорочная дѣва, Паллада Аенина, —
     Молю и тебя, ловецъ Аполлонъ,
     И твою сестру, быстроногихъ,
     Разнопестрыхъ сопутницу ланей, —
     Явите двойную защиту
     Этой землѣ и гражданамъ (76)!

ТРЕТЬИЙ ЭПЕЙЗОДІОНЪ (77).

Пришелъ скитаецъ! вотъ мое гаданье
 Исполнилось неложно: ужъ сюда
 Въ сопровожденьи слугъ спѣшать дѣвицы.

ЭДИПЪ.

Гдѣ? гдѣ? Что говоришь? Что это значитъ?

АНТИГОНА.

Отецъ! Отецъ! О, еслибы дали боги,
 Чтобъ лучшаго на свѣтѣ человѣка,
 Который насъ привелъ, ты могъ увидѣть!

(76) Хоръ взыываетъ ко всѣмъ главнѣйшимъ богамъ Греціи: Зевесу, Аенину, Аполлону и Артемидѣ (Діанѣ). Послѣднія два божества призываются онъ, какъ покровителей охоты, потому что дѣло идетъ о поимкѣ бѣглецовъ.

(77) Третій эпейзодіонъ служитъ переходною сценою. Въ неї заключается развязка предыдущаго дѣйствія и приготовленіе новой борьбы въ чувствахъ Эдипа, какъ отца. Съ одной стороны Фезея возвращается ему дочерей; съ другой Эдипъ получаетъ извѣстіе о явленіи Полиника. Здѣсь въ новомъ прекрасномъ свѣтѣ является великолѣпный характеръ Фезея и Антигоны, повсюду оправдывающей тѣ слова, которыхъ приписывается ей Софоклъ въ драмѣ Антигона:

Я рождена не для вражды взаимной,
 А для любви.

ЭДИПЪ.

Дитя, ты здѣсь?

АНТИГОНА.

Вотъ, насть рука Феоза
И добрыхъ спусниковъ его спасла (78).

ЭДИПЪ.

Къ отцу придите, дѣти, и обнять вѣсъ,
Совѣтъ нежданныхъ, дайте.

АНТИГОНА.

Простишь ты,
Что ужъ твое — самимъ желанный даръ (79).

ЭДИПЪ.

О гдѣ-же, гдѣ вы?

АНТИГОНА.

Вотъ, мы подлѣ обѣ.

ЭДИПЪ.

О дорогія!

АНТИГОНА.

Въ дѣтяхъ все любезно
Родителю.

ЭДИПЪ.

Одна моя подпора.

АНТИГОНА.

Да, жалкая несчастнаго подпора.

ЭДИПЪ.

Вы, милыя, со мной, — и я не самый
Еще несчастный, если на глазахъ
У васъ умру! О дѣти! Съ двухъ сторонъ
Къ родителю проникнувъ, отдохните
По одинокомъ, горестномъ блужданья;
Что было, миѣ пократче расскажите:
Рѣчь малая прилична въ ваши лѣта.

(78) Имена остаются именами лицемъ во время всей этой сцены. О Феозѣ здѣсь сказано гиперболически: онъ самъ не участвовалъ въ битвѣ.

(79) По буквальному переводу: Простишь то, чего получишь, потому что
миłość соединена съ желаніемъ (σῶφ γὰρ ἡ χάρις).

АНТИГОНА.

Вотъ, кто насъ спасъ. Пусть отъ него услышимъ.
Тебѣ и мнѣ разскать коротокъ будѣтъ.

ЭДИПЪ.

О чужеземецъ! Не давись, что сталъ я
Излишне такъ болтливъ, сверхъ ожиданья
Дѣтей нашедъ. Никто не могъ-бы, знаю,
Мнѣ радости такой чрезъ нихъ доставить.
Ты, не другой кто, спасъ ихъ, и тебѣ,
Для самого и для твоей земли,
Пускай дадутъ, чего желаю, боги.
У вѣсъ однажды изъ всѣхъ людей на свѣтѣ
Нашелъ я благочестье, добродушье
И правдолюбье — это испытавъ,
Словами только воздаю за дѣло.
Все, что имѣю, не черезъ другаго,
А чрезъ тебя имѣю. Дай-же мнѣ
Руки коснуться правой, и твою
Главу поцаловать, когда возможно.
Но что сказалъ я? Какъ, несчастный, могъ-бы
Дотронуться до мужа, на которому
Пятна порока не было? И самъ
Не сдѣлаю, и сдѣлать не дозволю.
Пускай лишь тѣ изъ смертныхъ, что ужъ горемъ
Испытаны, со мной страдаютъ вмѣстѣ.
Тебѣ-же привѣтъ мой издали; правдиво
И впредь о мнѣ заботиться, какъ донъинѣ.

ЕКАЕЙ.

Не дивно было-бы мнѣ, когда-бы и больше
Ты насказалъ въ восторгѣ отъ дѣтей;
И еслибъ рѣчь ихъ предпочелъ моей,
Нисколько въ этомъ нѣть обиды мнѣ.
Мы ищемъ не словами жизнь прославить,
А на дѣлахъ — и это доказать:
Не обманулы тебя, старикъ, въ чемъ мылся.
Онѣ стоять живыя предъ тобою
И безопасны отъ грозившихъ бѣдъ.
Зачѣмъ о томъ, какъ выиграна битва,

Напрасно хвастать мнѣ: и безъ меня
Отъ нихъ узнаешь; во какая вѣсть,
Сейчасъ, какъ шелъ сюда, меня достигла,
Ты въ это вникни; хоть сказать недолго,
Но есть, чему удивиться: человѣку-жъ
Не слѣдуетъничѣмъ пренебрегать (80).

ЭДИПЪ.

Что-жъ это, сынъ Эгей? объясни мнѣ.
Совсѣмъ не знаю, чтобы могъ ты слышать.

ФЕЗЕЙ.

Къ намъ, говорять, какой-то человѣкъ,
Не изъ твоихъ согражданъ, но родной,
Какъ не было меня, пришелъ зачѣмъ-то,
И сѣсть, гдѣ я святыню совершаю,
У жертвеника бога Посейдона.

ЭДИПЪ.

Откуда-же? Чего тутъ просить онъ.

ФЕЗЕЙ.

Одно я знаю: съ краткой и неважной
Къ тебѣ онъ просьбой, какъ сказали мнѣ.

ЭДИПЪ.

Какой? Немаловажно это мѣсто

ФЕЗЕЙ.

Съ тобою онъ желаетъ перемолвить
И вновь идти отсюда безопасно.

ЭДИПЪ.

Кто-жъ могъ-бы сѣсть съ мольбой на это мѣсто?

ФЕЗЕЙ.

Припомни, нѣть-ли у тебя кого
Родныхъ въ Аргосѣ, кто-бы въ томъ нуждался?

(80) Антигона не хочетъ рассказывать о битвѣ, представляя это Феzeю; Фeзей отказывается отъ этого изъ скромности. Такимъ искусственнымъ оборотомъ дѣло пользуется Софокль, чтобы избѣгнуть длиннаго разсказа, который въ настоящемъ случаѣ замедлилъ бы дѣйствіе. О Креонѣ мы болѣе ничего не знаемъ: онъ уже не является, какъ лицо, болѣе не нужное для драмы.

ЭДИПЪ.

О другъ! довольно....

ЕЗЕЙ.

Что съ тобой?

ЭДИПЪ.

Прошу,

Не умоляй меня

ЕЗЕЙ.

О чемъ, скажи.

ЭДИПЪ.

Отъ нихъ узналъ я, кто проситель этотъ.

ЕЗЕЙ.

Кто-жъ онъ, хулы, какъ видно, ужъ достойный?

ЭДИПЪ.

Царь, мой презрѣнныи сынъ! И все на свѣтѣ
Я снесъ-бы, чтобъ рѣчей его не слышать.

ЕЗЕЙ.

Такъ что-жъ? Не слушай, и, чего не хочешь,
Не дѣлай.... отчего-жъ тебѣ такъ горько?

ЭДИПЪ.

Царь, этотъ слухъ отцу невыносимъ,
И уступить меня не понуждай.

ЕЗЕЯ.

Однако, если требуетъ того
Ужъ положеніе странника, не должно-ль
Тебѣ исполнить изъ почтенья къ богу?

АНТИГОНА.

Отецъ! послѣдуй мнѣ, хоть молода я
Давать совсѣмъ. Пусть этотъ человѣкъ
Своей души желаніе исполнить
И то, чего просилъ, отъ бога приметъ.
Даруй и намъ, чтобъ братъ пришелъ. Повѣрь:
Не вынудить насильно у тебя
На то согласія, что тебѣ не въ пользу,
А слушать, что онъ скажеть, не бѣда.

Изъ словъ ужъ видѣнъ замыселъ худой.
 Его родилъ ты; будь безбожный самый
 И злой съ тобой, отецъ, его проступокъ,
 Все-жъ ты не долженъ аломъ ему платить;
 Дозволь. И у другихъ есть злыя дѣти,
 Есть быстрый гнѣвъ; но, внявъ умальному прошбамъ
 Друзей, легко смягчаются душою.
 Ты вспомни только, что стерпѣлъ несчастій
 При матери и при отцѣ, — не тѣ,
 Что нынѣ терпишь: вспомнивъ-же, конечно,
 Увѣрившись, какой дурной конецъ
 Бываетъ отъ дурнаго гнѣва. Въ этомъ
 Не малымъ доказательствомъ тебѣ
 Твоихъ очей потерянное зрѣніе (81).
 То уступи намъ. Не годится долго
 Молить тому, чья просьба справедлива,
 Не будь такимъ, что, самъ познавъ добро,
 Потомъ добромъ воздать ужъ не умѣешь.

ЭДИПЪ.

Дитя, какъ мнѣ ни тяжко, вамъ обоимъ
 Я долженъ эту оказать услугу.
 Ужъ будь, какъ вамъ угодно. Чтобы только,
 Когда придется сюда онъ, чужеземецъ,
 Никто не овладѣлъ насильно мною.

ОВЗЕЙ.

Разъ это слышалъ, и не нужно больше;
 Старикъ, я хвастать не люблю; ты цѣлъ
 Пока еще хранять мнѣ боги жизни.

ВТОРОЙ СТАЗИМОНЪ (82).

ХОРЪ.

СТРОФА.

Кто желаетъ прожить на вѣку своемъ дольше другихъ,
 Позабывъ объ умѣренной долѣ,

(81) Антигона намекаетъ на излишнюю горячность, съ которойю Эдипъ выковыль себѣ глаза, узнавъ, что онъ убийца отца и супругъ собственной матери (см. траг. Эдипъ царь).

(82) Въ концѣ предыдущей сцены Эдипъ, уже напуганный прежде приходомъ Креона, выразилъ опасеніе, чтобы и Полиникъ не имѣлъ какого-

Тотъ, по моему, явно умомъ помраченъ.

Долголѣтъ различныи путемъ .

Все приводитъ насъ ближе къ печали,

А утѣхи нигдѣ не найти

Тотъ, кому довелось получить

Вожделѣнную большую долю.

А помощница въ бѣдствіи, равная всѣмъ,

Безъ лиры, безъ хоровъ, безъ свадебныхъ пѣсень,

Появляется Мойра Аида,

Смерть наконецы! (83)

АНТИСТРОФА.

Самый счастливый жребій — совсѣмъ не родиться.

Послѣ этого лучшая доля:

Появиться на свѣтѣ — и туда-же, откуда пришелъ,

Возвратиться, какъ можно скорѣе!

А придетъ безразсудная юность

Съ легкомысліемъ своимъ, то какія

Многотрудныи муки ей чужды!

Тутъ убийства и распри съ враждою, и битвы, и зависть!

Подъ конецъ-же, досадная всѣмъ, безъ друзей

И безъ силъ настигаетъ тебя

Нелюдимая старость, гдѣ собраны всѣ,

Что ни есть только бѣдствій на свѣтѣ.

ЭПОДЬ.

Въ ней и этотъ несчастный, какъ я,

Отовсюду крушашъ, будто сѣверный берегъ

вибудь противъ него злого умысла. Зритель, зная дурной нравъ сыновей, готовъ опасаться того-же. Явленіе Полиника такъ быстро сгѣдуетъ за первую бѣду, грозившую Эдипу въ Колонѣ, что хоръ не можетъ надивиться стечению обстоятельствъ, по наружности вовсе неблагопріятныхъ для несчастного старца Софокль сть намѣренiemъ далъ обстоятельствамъ, окружающимъ Эдипа, этотъ наружный видъ несчастія, чтобы тѣмъ ярче выставить счастливый конецъ дней его. Хоръ, самъ уже обремененный лѣтами, естественно воспѣваетъ теперь бѣдствія старчества, какъ и вообще бѣдствія жизни человѣческой. Второй стазисъ заключаетъ въ себѣ самыя безотрадныи мысли; но отѣтъ на нихъ въ концѣ драмы.

(88) Софокль сть намѣренiemъ ставитъ слова: «Смерть наконецы» (Σαντος ἀς τελείτε) въ концѣ предложенія, чтобы тѣмъ поразительнѣе раскрыть его безотрадную мысль. Смерть названа Мойрой Аидой. Мойра есть богиня судьбы (Парка); Мойра Аида — смертная участь.

Подъ ударами вѣтра и волнъ.
 Такъ его сокрушили совсѣмъ
 Злые бѣдствія, вѣчные спутники,
 Набѣгая, подобно волнамъ,
 Отъ заката одинъ, а другія съ востока,
 Отъ полуденныхъ солнца лучей
 Отъ Рибеевъ полночныхъ! (84)

ЧЕТВЕРТЫЙ ЭПЕЙЗОДІОНЪ (85).

АНТИГОНА.

Вотъ, кажется, идетъ къ намъ чужеземецъ;
 Съ нимъ никого, отецъ — и слезы льются
 Изъ глазъ его ручьемъ.

(84) «Отъ Рибеевъ полночныхъ» (въ подл.очныхъ) значить съ сѣвера. Рибейскія горы предполагались въ сѣверной части Скиеи: они были покрыты лѣсами и вѣчной тьмою.

(85) Четвертый эпейзодіонъ развиваетъ окончательно отношенія Эдипа къ дѣтямъ — второй актъ борьбы, послѣ которой уже должна рѣшиться судьба его. Въ сценѣ съ Креономъ Эдипъ возвеличенъ, какъ гражданинъ Фивъ; въ настоящихъ сценахъ, кромѣ-того, онъ является въ полномъ могуществѣ отцовской власти. Со временеми явления Ислены, постоянно въ драмѣ возбуждаемъ бытъ вопросъ о судьбѣ сыновей Эдипа, такъ безчестно поступившихъ съ отцемъ. Теперь рѣшается ихъ участъ. Отношенія Эдипа къ дѣтямъ составляютъ, такъ сказать, новую драму, которая входить въ составъ главнаго дѣйствія, какъ одинъ изъ его моментовъ. Эта второстепенная драма имѣть одну мысль съ главною:

А) Воздаяніе добрымъ за добро, но не вѣшайми благами, а примиреніемъ съ совѣтствомъ.

Б) Кара эгоизма и властолюбія.

Полиникъ возбуждаетъ наше сочувствіе, какъ доблестный вождь и человѣкъ несчастный. Узнавъ объ изреченияхъ оракуловъ, онъ смиренно приходитъ просить помощи у отца; онъ, хотя и поздно, но искренно желаетъ загладить вину. Но эти сожалѣнія и желанія, кажется, не слишкомъ прочны. Во всякомъ случаѣ, они занимаютъ второе мѣсто. Побудительной причиной прихода Полиника все-таки служатъ ненависть къ брату, жажды мести и власти. Моля отца простить ему, онъ не иначе согласенъ исправить зло, какъ достигнувъ престола съ помощью Эдипа. Онъ не отказывается отъ властолюбивыхъ замысловъ и тогда, когда отецъ его проклинаетъ. Полиникъ, безъ сомнѣнія, отчасти оправданъ тѣмъ, что не можетъ измѣнить друзьямъ, не можетъ оставить дѣла, когда его союзники, Аргивцы, уже осадили Фивы. Онъ доблестно покоряется горькой своей участіи. Но нельзя винить и Эдипа въ жестокосердіи. Ему ненавистна самая мысль о власти, за которую понесъ онъ

ЭДИПЪ.

Кто жъ это?

АНТИГОНА.

Тотъ,

О комъ ужъ прежде говорили мы:
Здѣсь Полиникъ стоитъ передъ тобою.

ПОЛИНИКЪ.

Увы, что дѣлать? Горести мои
Оплакать прежде, сестры, иль несчастье,
Въ какомъ я вижу старика отца?
Здѣсь на чужбинѣ онъ заброшенъ съ вами
Въ такой одеждѣ, на которой слипся
Кусками старый прахъ, и старцу тѣло
Сурово колетъ; а на головѣ,
Лишеннай зрѣнья, развѣваетъ вѣтеръ
Не тронутые гребнемъ волоса.
Какъ видно, ужъ такой-же точно хлѣбъ
Вымаливаетъ, бѣдный.... Ахъ! прошалъ я;
Объ этомъ слишкомъ поздно узнаю.
Да, самыи злымъ, свидѣтельствую самъ,
Троимъ кормильцемъ сыромъ оказался;
А что со мною, узнаешь отъ меня-же.
Во всѣхъ дѣлахъ съ Зевесомъ предсѣдаешь
На тронѣ Милость, и тебѣ, отецъ,
Пусть предстоить она. Въ чёмъ погрѣшилъ,
Загладить можно: погрѣшить-же большие
Ужъ невозможно.... Что жъ безмолвенъ ты?
Отецъ! промолви слово.... не отрицай....
Не отвѣчаешь ничего? Съ презрѣнiemъ
Безъ рѣчи отошлешь меня, и гибва
Не выскажешь? О сестры, дѣти
Его родныя! вы хоть испытайтѣ

столько проклятий. Сколько жертвъ стоило ему загладить и невольный
грѣхъ, а неблагодарный сынъ думаетъ минутнымъ раскаянiemъ исправить
сознательное совершенное преступленіе, да еще собою при этомъ свои
личные выгоды! Въ Антигонѣ одна чистѣйшая любовь, въ Полиникѣ надо
всѣмъ преобладаетъ чувство мщенія. «Возможно ли мнѣ, какъ трусу, отсту-
пить?» говорить онъ. «Старшій въ родѣ, я буду посыпѣющимъ брату.

Отца неговорливый и упорный
 Языкъ подвигнуть, чтобы такъ съ безчестьемъ
 Меня, пришедшаго подъ кровомъ бога,
 Не отпускалъ, и слова не отвѣтилъ!

Антигона.

Скажи, несчастный, самъ, зачѣмъ пришелъ:
 Въ обильной рѣчи можно приласкать
 Иль прогнѣвить, иль тронуть чѣмъ-нибудь,
 Такъ, что дается голось и безгласнымъ.

Полиникъ.

Скажу я все: прекрасенъ твой совѣтъ.
 Но прежде призову себѣ на помощь
 Того-же бога, чью святыню мнѣ
 Велѣлъ оставить царь земли, дозволивъ,
 При безопасномъ выходѣ, и слушать
 И говорить. Желаю получить
 Того-же, чужеземцы, и отъ васъ,
 И отъ моихъ сестеръ, и отъ отца.
 Скажу теперь, отецъ, зачѣмъ пришелъ.
 Я изгнанъ изъ отеческой земли
 За то, что на твоемъ престолѣ царскомъ
 Хотѣлъ по праву сѣсть, какъ старший въ родѣ.
 Рожденъемъ младшій, Етеокіъ, за это
 Изгналъ меня, ни побѣдивъ умомъ,
 Ни испытавъ на дѣлѣ силъ; а гражданъ
 Онъ убѣдилъ — и болѣе всего
 Тому виной твоихъ Ериній ставлю,
 Какъ и отъ вѣщихъ послѣ я узналъ (86).
 Когда-жъ пришелъ въ Дорический Аргосъ,
 То, зятемъ ставъ Адрасту, пріобрѣлъ я
 Союзниковъ себѣ изъ самыхъ первыхъ
 И самыхъ храбрыхъ на землѣ Апійской,
 Чтобъ, противъ Ѹивъ семиотрядный полкъ

(86) Полиникъ могъ узнать это отъ прорацателя Амфіара, который находился съ нимъ въ войскѣ. «Твоихъ Ериній» значить «богинь мщенья (фурій), преслѣдующихъ нашъ родъ за твои преступленія». Мы уже видѣли, что несчастію сыновей Софокль указываетъ другую причину. Полиникъ здѣсь, хоть и не прямо, обвиняетъ отца.

Собравши съ ними, честно умереть,
 Иль изъ земли изгнать зачавшихъ дѣю (87).
 Такъ было. А зачѣмъ теперь я здѣсь?
 Къ тебѣ, отецъ, я съ униженной просьбой
 Самъ за себя и за моихъ друзей.
 Семь строевъ ихъ, семь копій окружили
 Теперь со всѣхъ сторонъ равнину Оивъ.
 Амфіарай, копьеметатель, первый,
 Какъ мужествомъ, такъ вѣщимъ знаньемъ птицъ;
 Второй Этолъ, Энея сынъ, Тидей,
 А третій Етеокълъ, Аргивецъ родомъ.
 Четвертаго послалъ Гиппомедонта
 Отецъ Талай, а пятый Капаней
 Подрыть весь городъ хвалится и сжечь.
 Шестой Пареенопей Аркасъ, названный
 Отъ матери, хранившей долго дѣвство,
 Сынъ вѣрный Атаманты (88). Я-же, твой —
 Когда-жъ не твой, то злымъ рожденный рокомъ;
 Но именуемый твоимъ — веду
 Безстрашное Аргивянъ войско къ Оивамъ,
 Тебя, отецъ, мы этими дѣтьми,
 Твоя душою всѣ усердно молимъ:
 Оставь свой гнѣвъ тяжелый на меня;
 Спѣшу я брату отомстить, который
 Изгналъ меня и родины лишилъ.
 Чью сторону ты примешь, если вѣрить
 Боговъ реченью, съ тѣмъ и сила будетъ.
 Отечества ручьями и богами
 Теперь я умоляю: мнѣ послѣдуй;
 Склонись... мы напиѣ, мы на чужбинѣ;
 Въ чужой землѣ и ты: тебѣ и мнѣ

(87) Землю Апійскую назвали Иделопонезъ и въ-особенности Аргонида, по сыну Аполлона, врачу и прорицателю Апію. Подробности похода «Семи противъ Оивъ» смотри у Эсхила. «Семиотрядный полкъ» по причинѣ семи Оивянскихъ воротъ. Далѣе сказано: «Семь строевъ ихъ, семь копій». Копье было исключительной принадлежностью военачальника, склонительно «семь копій» означаетъ: «семь предводителей».

(88) Пареенопей (*παρεένοπαιος*) въ переводе означаетъ: сынъ дѣвы. Такъ называть отъ потому, что во всемъ подобенъ былъ Атамантѣ, никогда мужественной, никому недоступной дѣвы.

Досталось жить изъ милости другихъ —
 Одна и та-же доля; а надъ нами
 Обоими, о горе мнѣ! въ дому, .
 Смѣяся, величается властитель.
 Его, когда со мной въ согласии будешь,
 Я мигомъ уничтожу безъ труда.
 Такъ, возвративъ тебя, въ дому твоемъ
 Я утвержу и утверждауся самъ;
 Его извергнувъ силой. Этимъ хвастать
 Могу, когда одно со мной желаешь;
 Но безъ тебя я и спастись не въ-силахъ (89).

ХОРЪ.

Пославшему въ угоду отпусти

(89) Не смотря на трогательныя просьбы Антигоны, на осторожность, съ которой она представляеть Полиника отцу, не смѣя даже произнести его имени, не смотря на видимое раскаяніе сына, его обращеніе къ богу Посейдону и посредничество Феозас, великодушно принимающаго всякаго пришельца — не смотря на все это, рѣчь Полиника не можетъ понравиться Эдипу:

А. Отецъ непрѣятно обмануть. Пришедъ повидимому съ раскаяніемъ, Полиникъ объявляетъ свою эгоистичную цѣль, о которой Эдипъ уже знаетъ изъ рассказа Ислены: сыть такимъ-образомъ мгновенно становится въ глазахъ отца на одну степень съ Креономъ, который передъ тѣмъ такъ глубоко оскорбилъ несчастнаго старца.

В. Полиникъ неудачно напоминаетъ Эдипу о его Ериніяхъ, о тѣхъ скорбныхъ дѣлахъ, которыхъ воспоминаніе, въ сценѣ съ хоромъ, приводило Эдипа въ такое отчаяніе.

С. Полиникъ некстати съ какою-то торжественностию описываетъ Аргивское войско, какъ будто желая пѣнить Эдипа этимъ могуществомъ силы, которое уже совершило опустынѣо старцу, мыслящему только о своей кончинѣ.

Д. Полиникъ непрѣязненнымъ образомъ выѣшиваетъ Эдипа въ свои личные интересы, заставляя его сочувствовать своей ненависти къ брату, какъ будто самъ онъ не участвовалъ въ изгнаніи отца. Старшинство, которое онъ безпрестанно выставляеть на видъ, должно еще болѣе оскорблять Эдипа, напоминая о большей виновности Полиника въ-сравненіи съ братомъ. Между-тѣмъ въ словахъ его, гдѣ онъ сравниваетъ свою долю съ отцовскою, явное лицемѣріе: Полиникъ нашелъ на чужбинѣ и родныхъ, и друзей, и бранную дружину, которую самъ передъ тѣмъ хвалился; Эдипъ-же съ трудомъ вымаливаетъ себѣ могилу.

Принявъ все это во вниманіе и вмѣстѣ то раздраженіе, въ которомъ еще находился Эдипъ послѣ ухода Креона, мы не увидимся илишней рѣзкости его отвѣта.

Ты человѣка этого, Эдипъ,
Сказавъ ему, что слѣдуетъ сказать.

ЭДИПЪ.

Граждане! еслибъ не послалъ ко мнѣ
Его Фезей, страны правитель вашей,
Выѣнная въ долгъ, чтобъ я ему отвѣтилъ,
Ему не знать-бы вѣщихъ словъ моихъ.
Теперь-же удостоенъ — и уйтъ,
Такое слышавъ отъ меня, что въ жизни
Ужъ вѣрно не порадуетъ его.
Негодный! самъ, имѣя скіптръ и тронъ,
Все, что твой братъ теперь имѣть въ Фивахъ,
Меня ты, своего отца, изгналъ,
И былъ виной, что я лишенъ отчизны,
И что ношу одежду, видъ которой
Теперь тебя ужъ трогаетъ до слезъ,
Какъ самъ попалъ въ одну бѣду со мною.
Не плакать, а сносить мнѣ это должно,
Какъ ни жиль-бы, тебя убийцу помни:
Ты ввергъ меня въ несчастья эти, ты
Изгналъ меня.... черезъ тебя, скитаясь,
Насущнаго выпрашиваю хлѣба.
Когда-бы не дала судьба мнѣ этихъ
Кормилицъ-дочерей, ужъ мнѣ-бы вѣрно
Пришлось, на долю отъ тебя, погинуть.
Теперь онѣ отъ бѣдъ меня спасаютъ,
Онѣ мои кормилицы, онѣ
Страдать со мной — не женщины, мужчины.
А вы родились, вѣрно, отъ другаго,
Не отъ меня.... Вотъ, почему и демонъ,
Хотя не такъ, какъ это скоро будетъ,
А на тебя взираетъ, если только
Отряды эти двинулись на Фивы.
Вамъ не разрушить города вовѣки.
Скорѣй, запятнанъ кровью, ты падешь,
И братъ твой вмѣстѣ. Произнесъ и прежде
Я противъ васъ такія-же проклятья,
И нынѣ ихъ зову къ себѣ на помощь,
Чтобъ знали вы, какъ должно чтить родившихъ,

И чтобъ себѣ не ставили въ безчестье,
 Что у такихъ у васъ отецъ слѣпой....
 Вѣдь этого не сдѣлали онѣ,
 А потому убѣжище твое
 И тронъ твой подъ проклятьемъ, если только,
 Издревле міру явленная, Правда
 Законамъ древнимъ Зевса предсѣдѣть.
 Сгинь съ глазъ моихъ, презрѣнныи негодяй!
 Я не отецъ тебѣ; неси проклятия,
 Какія призывалъ на главу твою
 Чтобъ ни отчизны не взялъ ты копьемъ,
 Ни возвратился въ Аргосъ междугорный,
 Но умеръ отъ родной руки, убивъ
 Того, кѣмъ изгнанъ. Такъ я проклинаю
 И ненавистный мракъ зову отцовскій,
 Мракъ Тартара тебя улечь: зову
 И этихъ я богинь; зову Арѣса,
 Возжегшаго межъ вами злую распирю.
 Ты слышать все... Иди и возвѣсти
 Твоимъ друзьямъ въ бою и всѣмъ Кадмейцамъ,
 Чтѣ дѣтамъ въ даръ опредѣлиль Эдипъ (90).

ХОРЪ.

Не радуюсь съ тобою, Полиникъ,
 Что путь предпринялъ этотъ: уходи-же
 Скорѣе прочь.

ПОЛИНИКЪ.

О неудачный путь!
 Друзья, несчастье! Этого-ль конца,
 Изъ Аргоса въ дорогу снаряжаясь,

(90) Въ этой рѣчи Эдипъ призываетъ, чтобы покарать сыновей: демона-истителя; отцовскія проклятия, которымъ въ подл. олицетворены, какъ особы сильы: Араѣ; богиню правосудія, Діке (Дікѣ), засѣдающую на престолѣ рядомъ съ Зевсомъ; мракъ Тартара (Крефос, Еребъ), богинь Евменидъ и Ареса (Марса). Эта суровость отца соотвѣтствовала строгости Аѳинскихъ законовъ, касающихся отношений дѣтей къ родителямъ. По законамъ Солона, дѣти, отказывавшія родителямъ въ пропитаніи, лишенія были всѣхъ правъ гражданства. Евріпидъ (Антіопа, 46) называетъ три главныхъ добродѣтели: «Почитать боговъ, родителей и общіе законы Еллады» (Θεоўς τε πιστὰ τοῖς τε φίσαντας γους ή Νέρδης τε κοινὸν ή Ελλάδες).

Мы ждали, что ни спутникамъ сказать,
Ни отступить нельзя; но ужъ безмолвно
На встрѣчу рока долженъ я идти.
Родныя сестры! Васъ молю — отца
Вы слышали жестокія проклятья;
Богами заклинаю васъ, ужъ если
Все сбудется реченное отцемъ
И кто изъ васъ на родину вернется,
О нѣтъ! тогда не презирите меня:
Въ могилѣ скройте и обрядъ свершите.
И къ нынѣшней хвалѣ, что вы отцу
Въ бѣдахъ подпорой, за услугу мнѣ
Еще хвала, не меньшая вамъ будетъ.

АНТИГОНА.

Меня послушай, Полиникъ, молю.

ПОЛИНИКЪ.

Въ чёмъ, Антигона милая, скажи.

АНТИГОНА.

Скорѣе съ войскомъ въ Аргосъ воротись:
И самого себя, и городъ сгубишь.

ПОЛИНИКЪ.

Ужъ поздно. Какъ-же вдругъ вернуть-бы могъ
Я это войско, струсивъ безъ причины?

АНТИГОНА.

Что снова, другъ, даешь ты волю гнѣву?
Что пользы родину тебѣ разрушать?

ПОЛИНИКЪ.

Бѣжать постыдно. Старшій въ родѣ, брату
Посиѣшемъ я буду.

АНТИГОНА.

Видишь самъ,
Какъ прорицанья прямо въ цѣль стремятся,
Грозя вамъ смерть взаимную обомъ.

ПОЛИНИКЪ.

Пускай ихъ. Намъ-же отступать нельзя.

Антигона.

О горе! Кто-жъ дерзнулъ-бы за тобою
Идти во сльдь, узнавъ, что предсказалъ онъ?

Полиникъ.

Печального не скажемъ: добрый вождь
Не страхъ вселять, а ободрять обязанъ.

Антигона.

Братъ! и на это ты совсѣмъ рѣшился?

Полиникъ.

Меня ужъ не удерживай. Иду,
Хоть знаю, горекъ, гибеленъ мой путь
Отца рѣшеньемъ и его Ериній.
А вамъ пускай всѣхъ благъ даруетъ Зевсъ,
Когда добро умерщму свершите;
Живой-же съ вами я въ послѣдній разъ.
Довольно ужъ. Прощайте. Больше намъ
Очами въ очи не взглянуть.

Антигона.

О горе!

Полиникъ.

Не плачь о мнѣ.

Антигона.

Какъ о тебѣ не плакать,
Когда на гибель явную стремишься,
Мой милый братъ!

Полиникъ.

Коль суждено, умру.

Антигона.

О нѣтъ! меня послушай.

Полиникъ.

Въ чемъ не должно,
Не убѣждай.

Антигона.

Навѣкъ несчастной буду,
Тебя лишившись.

ПОЛИНИКЪ.

Въ волѣ бoga все:

Такъ иль иначе будетъ. Не молю
Боговъ, чтобы васъ несчастье не коснулось;
Всѣ скажутъ: вы того не заслужили. (*Уходить*).

ПЯТЫЙ ЭПЕЙЗОДІОНЪ (91).

ХОРЪ.

СТРОФА 1.

Вотъ ужъ ждеть меня новое сноva
Отъ слѣшаго пришельца тяжелое горе,
Если рокъ не назначить конца.
Не скажу, чтобы какое рѣшенье боговъ
Было тщетно; взираетъ,
Взираетъ и время на это всегда:
Совершаетъ не скоро одно,
А другое, и дна не пройдетъ, какъ раскроетъ.
О Зевесь! грянулъ воздухъ.

(91) Послѣ четвертаго эпейзодіона долженъ-бы слѣдовати новый стазисъ; но Софоклъ, спѣша къ развязкѣ дѣйствія, замыляетъ его комматическою пѣснью. Тяжкія проклятія, произнесенные Эдипомъ передъ рощею Евменидъ и противъ пришельца, молившаго защиты у бoga Посейдона, естественно должны были смущать благочестивыхъ старцевъ Колона. Хоръ, послѣ отказа Эдипа, могъ также предполагать новые непріятныя столкновенія съ Фивами или даже съ Аргосомъ. Поэтому онъ опасается нового горя; но надѣется, что скоро со смертью Эдипа прекратятся всѣ его беспокойства, а что Эдипъ умретъ, въ томъ ему порукой предсказаніе оракула. Среди этихъ размышленій, хоръ вдругъ пораженъ тяжелымъ раскатомъ грома. Онъ ничего не зналъ объ извѣщеніи, обѣщанномъ Эдипу богами, и готовъ думать по прежнему, что боги выражаютъ свой гнѣвъ за нарушение святыни. Этотъ страхъ хора съ одной стороны, а съ другой — чудное преображеніе Эдипа, вдругъ таинственно прозрѣвшаго, должны были сильно сковывать вниманіе зрителей.

Пятый эпейзодіонъ составляетъ уже переходъ къ окончательной развязкѣ. Послѣдняя торжественная рѣчь Эдипа и его торжественное удаленіе со сцены подъ незримымъ руководствомъ боговъ, Персефони и Гермеса, въ сущности уже заканчиваютъ драму: въ-отношениіи къ Эдипу, исполняется возвеличивающій его оракулъ боговъ; въ-отношениіи къ Фезею, совершается освященіе края, обѣщанное пришельцемъ. Но оставалось и то и другое разить еще подробнѣе въ дѣйствіи. Этую цѣль имѣть послѣдняя часть драмы, Екзодъ (*Еѣодос*).

Эдипъ.

О дѣти, дѣти! Кто здѣсь могъ привать-бы
Ко мнѣ изъ смертныхъ лучшаго, Фезея.

Антигона.

Что вдругъ за мысль пришла тебѣ, отець?

Эдипъ.

Крылатый Зевсовъ огнь меня сейчасъ
Сведетъ въ Аидъ; пошли же скорѣе.

Хоръ.

Строфа 1.

Смотри: разразился могучій неслыханный
Громъ Зевесовыхъ стрѣль!
Дыбомъ волосъ отъ ужаса всталъ,
Сжалось сердце... Небесная молнія
Вновь пылаетъ! Какой-же конецъ низведеть?
Трепещу... не ударить напрасно,
Безъ бѣды не пройдетъ... О великий зеиръ! О Зевесы!

Эдипъ.

Приходитъ, дѣти, предреченный богомъ,
Конецъ мнѣ жизни — я отмыты мѣть.

Антигона.

Какъ можешь знать? Откуда заключаешь?

Эдипъ.

Я знаю вѣрю... Но скорѣй, скорѣе
Пусть приведутъ ко мнѣ царя земли.

Хоръ.

Строфа 2.

Вотъ, вотъ опять грозить намъ отовсюду
Пронзительный ударъ грозы.

О милость, милость, демонъ!
Коль мрачнаго чего-нибудь
Родной землѣ готовишь.
Пусть лучшей участи дождусь,
Пусть, на преступнаго взирая,
Невыгоднаго дару не приму....
О царь Зевесь! Къ тебѣ взываю.

ЭДИПЪ.

Гдѣ-жъ? близокъ онъ? Меня живымъ еще
И въ памяти заставетъ-ли онъ, дѣти?

АНТИГОНА.

Что-жъ хочешь ты его душѣ дозвѣрить?

ЭДИПЪ.

За все добро, испытанное мною,
Какъ обѣщаѣ ужъ, подъ конецъ кочу
Я благодарныиѣ быть ему на дѣлѣ.

ХОРЪ.

АНТИСТРОФА 2.

Сюда, сюда скорѣй, мой другъ!
Хотя бы въ далекомъ ущельи
Ты богу морей, Посейдону,
На жертву быковъ приносилъ,
Приди: справедливую хотеть пришаецъ
За добро оказать благодарность
Тебѣ и друзьямъ и гражданамъ.
Скорѣе-же, царь, поспѣши (92).

ЕДЗКИЙ.

Что здѣсь за шумъ у васъ? Я слышала мено
И голосъ вашъ, я крики чужеземца.
Зевесовъ громъ, иль бурный градъ и ливень
Тому причиной? Правда, что всего
Отъ бога можно ждать въ такую бурю.

(92) Призываю Феодора, хоръ предполагаетъ, что онъ еще приноситъ жертву богу Посейдону. Такое предположеніе очень естественно. Публичная жертва, состоявшая въ закладіи быковъ, не могла совершиться очень скоро. Между-тѣмъ Феодоръ былъ отвлеченъ отъ своего священнаго дѣла сначала явленіемъ Креона, а потомъ Полиникса. Извѣстивъ Эдипа о Полиниксѣ, Феодоръ уходить опять заняться своимъ дѣломъ. Этакъ очень естественно объясняетъ Софоклъ частый уходъ Феодора со сцены, а вѣсть съ тѣмъ даетъ случай сосредоточиться дѣйствію около святыни Посейдона, избранной имъ не безъ намѣренія, какъ такой, въ которой соединялась слава Колона и слава цѣлой Аттики. Такъ Софоклъ вездѣ умѣетъ избѣжать лишнихъ сценъ и въ художественномъ построеніи драмы однинъ и тѣмъ-же средствомъ достигнуть иѣдольскихъ цѣлей.

ЭДИПЪ.

Царь, ты явился жданный. За приходъ твой
Пускай тебѣ даруютъ боги счастья.

ЕЗЕЙ.

Что сталось вновь, сынъ Лая?

ЭДИПЪ.

Близокъ часъ мой

И умереть хочу, не обманувъ
Тебя и гражданъ въ томъ, что обѣщалъ.

ЕЗЕЙ.

Какой-же знакъ твоей кончины близкой?

ЭДИПЪ.

Мнѣ боги сами вѣстники того:
Ихъ знаменья ни въ чёмъ непогрѣшимы.

ЕЗЕЙ.

Но какъ тебѣ раскрылось это, старецъ?

ЭДИПЪ.

Въ ударахъ долгихъ, непрестанныхъ грома,
Въ блиставшихъ отъ руки непобѣдимой
Столь многихъ стрѣлахъ.

ЕЗЕЙ.

Вѣрю я тебѣ.

Ты провѣщаешь много, и, какъ видно,
Не лживо. Что-жъ мнѣ дѣлать, объясни.

ЭДИПЪ.

Эгей сынъ! скажу тебѣ, что дастся
И вѣкъ съ твоей землей пребудетъ цѣло.
То мѣсто, гдѣ мнѣ должно умереть,
Самъ безъ руки вождя найду я скоро.
И никому не говори вовѣки
Ни гдѣ оно сокрыто, ни въ какомъ
Краю земли лежитъ, чтобъ вмѣсто многихъ
Щитовъ и войскъ наемныхъ было вѣчно

Оно тебѣ защитой отъ сосѣдей (93).
 А то, чего, ужъ свѣзанныя тайной,
 Не вымолвить уста, узнаешь самъ,
 Когда пойдешъ за мной одинъ: того
 Ни гражданамъ я этимъ не открою,
 Ни дочеримъ моимъ, хоть ихъ люблю.
 А ты храни всю жизнь, и лишь предъ смертью
 Старѣшему изъ сыновей скажи:
 И онъ пускай наслѣднику откроетъ.
 Такъ будеть городъ твой неодолимъ
 Для сѣянныхъ людей (94). Межъ городами
 Иной, хоть и устроенъ хороощо,
 Легко къ неправдѣ клонится; но боги,
 Хоть и не скоро, узрять человѣка,
 Что впасть въ безумство, презрѣвши святыню (95).
 Того, Эгей сынъ, не потерпи.
 Но знающаго нечего учить....
 Идемъ ужъ къ мѣсту: явленное богомъ
 Мнѣ такъ велить, и болѣе не медлю.
 О дѣти! слѣдуйте за мной: теперь
 Я вамъ вождемъ, какъ были вы отцу.
 Идите, я ко мнѣ не прикасайтесь....
 Я самъ найду священную могилу,
 Гдѣ суждено мнѣ погребеннымъ быть.
 Сюда.... вотъ такъ... сюда за мной! сюда
 Меня ведетъ подземная богиня
 И душъ вожатай, Гермесъ. О незримый
 Свѣтъ солнца, бывшій нѣкогда моимъ!
 Въ послѣдній разъ мое объемлемъ тѣло.
 Ужъ я вду сокрыть навѣки жизнь
 Въ обители Аида. Милый другъ мой!

(93) Этой таинственностью Софоклъ освящаетъ мѣсто. Можетъ быть, такъ въ его время уже было неизвѣстно, гдѣ настоящая могила Эдипа, и онъ пользуется самой неизвѣстностью, какъ средствомъ возвысить значеніе святыни.

(94) Подъ сѣянными людьми разумѣются Фаванцы, происшедшіе отъ зубовъ дракона, посѣянныхъ Кадмомъ.

(95) Явный урокъ Аенинамъ, современнымъ Софоклу—урокъ, имѣющій тѣмъ больше силы, что Эдипъ говорить это передъ смертью, какъ одаренный высшимъ могуществомъ.

Ты самъ, твоя страна и слуги, будьте
Во всѣхъ дѣлахъ счастливы и блаженны,
И въ счастьи помните о мнѣ умершемъ.

ТРЕТЬИЙ СТАЗИМОНЬ (96).

ХОРЪ.

СТРОФА.

Если смѣю богинѣ подземной
И тебѣ, царь тѣней, покланяться съ мольбой,
Эдоней! Эдоней! умоляю.
Не прискорбной, не трудною смертью
Пусть сойдетъ чужеземецъ
Къ скрывающей всѣхъ обители мертвыхъ,
Въ домъ подземный, Стагійскій.
Послѣ многихъ, безвинно имъ принятыхъ мукъ,
Демонъ вновь справедливо его возвеличилъ.

АНТИСТРОФА.

О богини подземныя!
Этотъ звѣрь неприступный и грозный,
Что у вратъ, всѣмъ открытыхъ, лежитъ,
И ворчитъ изъ пещеры, по старой молвѣ,
Стражъ Аида безмѣрно могучій.
Умоляю, о Тартара сынъ и Земля!
Пусть откроетъ свободный онъ путь
Чужеземцу, въ равнину подземную мертвыхъ влекомому....
Тебя, что навѣкъ усыпляешь, зову.

(96) Третій стазимонъ заключаетъ въ себѣ молитву, соотвѣтственную предыдущему дѣйствію. Хоръ обращается здѣсь къ Персефонѣ и ея супругу Эдонею (Плутону), моля дать мирный конецъ Эдипу. Онъ также просить подземныхъ богинь (Ериній) и бога смерти (Өічатое) устраниТЬ Цербера, чудовище, лежащее у вратъ Аида, чтобы Эдипъ могъ имѣть свободный доступъ. Таковы чувственныя понятія народа о другомъ мірѣ. Пусть читатель сравниТЬ съ этимъ представлѣніемъ слѣдующее за тѣмъ описание таинственнаго сопственія Эдипа въ Аидѣ, принадлежащее собственно Софоклу.

ЕКЗОДЪ (97).

ВѢСТНИКЪ.

Граждане: въ двухъ словахъ сказать-бы могъ:
 «Эдипъ погибъ». Но что произошло,
 Того нельзя столь кратко и столь просто,
 Какъ было все на дѣлѣ передать.

ХОРЪ.

Погибъ, несчастный?

ВѢСТНИКЪ.

Знай: навѣки онъ

Оставилъ жизнь.

ХОРЪ.

Легко? безъ муки, бѣдны?

ВѢСТНИКЪ.

Вотъ это и достойно удивленья,
 Былъ очевидцемъ ты, какъ онъ отсюда,
 Не требуя совѣтъ себѣ вождя,
 Но самъ наимъ всѣмъ вожатымъ пошелъ.
 Когда-же прибылъ онъ къ крутыму спуску,
 Что отъ земли ступенями изъ мѣди
 Скрыпленъ, остановился на одной
 Изъ многихъ расходившихся дорогъ,
 Близъ вогнутаго кратера, гдѣ вѣчно
 Храниться будетъ память о союзѣ
 Феозе съ Периоемъ. Посрединѣ

(97) Екзодъ, послѣдняя часть трагедіи, состоитъ изъ двухъ частей: раз-
скала вѣстника и обычного плача (օմευτ) дочерей Эдипа объ умершемъ.

Вѣстникъ — лице, обыкновенное въ Греческихъ драмахъ. Не имѣя опре-
дѣленнаго характера, свойственнаго дѣйствующимъ лицамъ, онъ служить
только къ тому, чтобы въ краснорѣчивомъ разсказѣ изложитъ случившееся
за сценою. Греки вообще избѣгали изображенія смерти на сценѣ. Софокль,
заботясь болѣе всего о художественной простотѣ дѣйствія, не желаетъ так-
же, подобно Эсхилу, выводить на сцену чудеснаго, какъ слѣдовало-бы въ на-
стоящемъ случаѣ, при кончинѣ Эдипа. Плачъ составлять коммѣтическую
пѣснь между коромъ, Антигою, Именой и Феозеемъ. Такое лирическое
окончаніе находимъ во всѣхъ вообще Греческихъ драмахъ: въ плачѣ сосре-
доточиваются чувства, выражаютъ идею цѣлой трагедіи. Софокль и тутъ
умѣеть внести живой элементъ дѣйствія.

Межь нимъ и Форикейскою скалой,
Гробницей каменной и дикой грушей,
Онъ съяль и сняль нечистыя одежды (98).
Потомъ призвалъ дѣтей, и приказалъ
Отколь-нибудь принести для омовенья
И возліяній ключевой воды.
Пошедъ на возвышенье плодотворной
Димитры, вмигъ исполнили онъ
Отца велѣнья. Слѣдуя закону,
Онъ его омыли и одѣли (99).
Когда-же все свершилось, какъ желаъ онъ,
И быль вполнѣ оконченъ весь обрядъ,
Ударилъ Зевсъ подземный (100). Ужасъ вдругъ
Окаменилъ дѣвицъ.... И, на колѣна
Упавъ къ отцу, рыдаютъ безъ конца:
Неудержимый плачъ имъ грудь вздымаетъ.
А онъ, внезапно слыша звукъ печальный,
Обнявъ руками ихъ, сказалъ: «О дѣти!
Въ сей день у васъ отца не будетъ больше.
Погибло все мое; ужъ обо мнѣ
Вамъ не имѣть мучительной заботы.
Я знаю, какъ намъ тяжко было, дѣти.
Пускай-же будуть всѣ течерь страданья

(98) Мѣстность мѣднаго пути, означенную вѣстникомъ, надо предполагать за сценой вправо по направлению къ Аединамъ. Описание довольно неопределено. Большой мѣдный кратеръ (чаша), вѣроятно, былъ утверждены въ одной изъ ложбинъ на томъ мѣстѣ, где, по преданию, безъ вѣстѣ съ сыномъ Зевса, царемъ Лапиевъ, Перивоеемъ, сходилъ въ Аидъ, чтобы вывести изъ царства тьмы Прозерпину: оба были скованы въ Аидѣ, пока Геркулесъ не освободилъ ихъ. Фезей и во многихъ другихъ похожденіяхъ является въ союзѣ съ Перивоеемъ. Память объ этомъ союзѣ (въ подл. сундѣтата договорная надпись), вѣроятно, была вырезана на кратерѣ. Прочіе предметы совершенно неизвѣстны. О грушѣ можно сказать, что старые деревья вообще напоминали какія-нибудь замѣчательныя события (въ подл. хойлѣ ἀχέρον, пустая, дуплистая груша).

(99) Вѣроятно, по близости находился храмъ Димитры (*Διμήτρης Χλόης*), богини цветущихъ луговъ, которой противуложна была Димитра Еринисъ (*Ερινύς*), богиня зимняго неистыни. Дочери совершаются надъ Эдипомъ обрядъ, который и у насъ исполняется надъ мертвыми.

(100) Здѣсь только сравненіе могущества подземного владыки съ могуществомъ Зевса.

Однимъ лишь этимъ словомъ смягчены:
 Никто въасъ столько не любилъ, какъ я;
 Ужъ безъ меня остатокъ дней свершите».
 Такъ дѣтамъ говорилъ Эдипъ, и громко,
 Въ рукахъ другъ друга лежа, всѣ рыдали.
 Но конченъ плачь, не слышно больше криковъ
 Настала тишина — и вдругъ къ нему
 Взываешь чей-то голосъ, такъ-что въ страхѣ
 У всѣхъ поднялись дыбомъ волоса.
 Звалъ богъ его различно, много разъ:
 Эдипъ! Эдипъ! Что не идешь? И такъ
 Ты долго медлилъ. Бога гласъ познавъ,
 Онъ требуетъ царя земли, Фезея;
 Когда-же тотъ приблизился, сказалъ онъ:
 О другъ мой! Въ прочной вѣрности твоей
 И дѣтамъ дай поруку; вы-же, дѣти,
 Ему клянитесь. Обѣцай, что ихъ
 Ты никогда не выдашь добровольно,
 И, что въ благихъ мысляхъ сочтешь полезнымъ,
 Все сдѣлать позаботишься для нихъ».
 Какъ благородный мужъ, безъ всякихъ волей
 Онъ чужеземцу въ этомъ поклялся.
 Какъ это сдѣлать, тотчасъ-же Эдипъ,
 Обнявъ дѣтей ужъ слабыми руками,
 Сказалъ: «О дѣти! должно все снести,
 Какъ благородство требуетъ. Уйдите
 Отъ этихъ мѣсть: ни видѣть не желайте,
 Чего нельзя; ни слышать разговоръ нашъ.
 Скорѣй, скорѣй отсюда! Лишь Фезею
 Прилично знать о томъ, что совершится».
 Услышавъ рѣчь такую, всѣ мы, вмѣстѣ
 Съ дѣвицами, рыдая, удалились.
 Когда-жъ ушли, и нѣсколько спустя
 Мы обернулись, ужъ пропалъ напѣ странникъ!
 Нигдѣ его не видно было; царь-же
 Стоялъ, рукою очи заслонивъ,
 Какъ-будто страшный, нестерпимый зрѣнію,
 Ему явился призракъ; а потомъ,
 Спустя минуту, видимъ: совершаеть
 Землѣ онъ и отцу боговъ, Олимпу,

Одну молитву виѣстѣ (101). Но какою
Погибъ пришелецъ смертью, ужъ никто
Не скажеть, кромѣ самого Фезея.
Ни огненосною стрѣлою бога
Убить онъ не былъ; ни морскою бурей,
Что поднялась въ то время, увлечень.
Но, можетъ быть, какой боговъ посланникъ,
Иль принало, раскрывшись дружелюбно,
Земное нѣдро темное его.
Объ немъ не должно плакать. Безъ страданій
Онъ кончилъ жизнь, изъ смертныхъ самый дивный.
Кто-жъ думаетъ, что говорю безъ смысла,
Того я въ смыслѣ убѣждать не стану.

ХОРЪ.

Но гдѣ-жъ девицы, въ изъ нашихъ тѣ,
Что привели ихъ?

ВѢСТИНИКЪ.

Здѣсь недалеко.

Онъ сюда спѣшать: ужъ можно звуки
Ихъ громкихъ воплей ясно различать.

АНТИГОНА.

СТРОФА 1.

О горе! не такъ, чтобы разъ, а другой уже нѣть,
Суждено, суждено намъ несчастнымъ оплакивать
Кровь отца, въ насы живущую съ памятью бѣдствій.
Съ нимъ и прежде немало встрѣчалось намъ бѣдъ,
И въ концѣ разскказать-бы могла чудеса
Мы о томъ, что стерпѣли, что видѣли.

ХОРЪ.

Что-же это?

АНТИГОНА.

Друзья, догадаетесь сами.

ХОРЪ.

Онъ умеръ.

(101) Подъ Олимпомъ здѣсь разумѣется Уранъ (ѹрәнъс, небо).

АНТИГОНА.

Нельзя и желать лучшей смерти.
 Что-жъ? Ни Арестъ, ни волны его не сгубили,
 Но безвѣстно какою судьбой
 Онъ захвачењъ въ незримыя нѣдра земли.
 О горе мнѣ! Гибельной тьмою
 Очи подериулись. Какъ намъ теперь
 Жизни тяжелое бремя нести,
 Въ дальнихъ блуждая земляхъ, по пучинамъ морскимъ?

ИСМЕНА.

СТРОФА 2.

Не знаю. Аидъ кровожадный
 Пусть влечеть и меня горемычную,
 Чтобы вмѣстѣ со старымъ отцемъ умереть.
 Не на радость мнѣ болѣе жизнь.

ХОРЪ.

О добрыя двое дѣтей!
 Не скорбите ужъ слишкомъ о томъ,
 Что назначено къ лучшему богомъ.
 Сами вы не на худшую долю пришли.

АНТИГОНА.

Такъ могло-же тутъ быть и къ несчастію влеченье,
 И ничѣмъ ужъ не малое — инымъ,
 Какъ держала его я въ рукахахъ.
 Отецъ мой! О иныхъ! Подземною тьмою
 Навѣки одѣтый! тому никогда не бывать,
 Чтобъ тебя не любила, и съ нею не будетъ того.

ХОРЪ.

Совершилъ онъ....

АНТИГОНА.

Совершилъ, чего желалъ.

ХОРЪ.

Чего-жъ?

АНТИГОНА.

Гдѣ хотѣлъ, на чужбинѣ и умеръ!
 Вѣчною сѣнью покрыто

Подземное ложе твое!
 Не оплаканъ ты въ горѣ своемъ не остался.
 Отецъ! Изъ этихъ очей
 За тебя льются слезы.... О горе!
 Какъ заглушить мнѣ тоску по тебѣ?
 Безъ меня одинокъ, такъ и умеръ!

ИСМЕНА.

АНТИСТРОФА 2.

О несчастье! Какая судьба безнадежная,
 Одинокую, ждеть меня нынѣ
 И тебя, моя милая? Обѣ отца мы лишились.

ХОРЪ.

Но такъ-какъ онъ счастливо жизнь свою кончилъ,
 То, милыя, плачь вашъ оставьте:
 Никто не избавленъ отъ бѣдъ.

АНТИГОНА.

СТРОФА 3.

Сестра, идемъ отсюда.

ИСМЕНА.

Что-же мы начнемъ?

АНТИГОНА.

Желаю страстно я.

ИСМЕНА.

Чего?

АНТИГОНА.

Земли святыни видѣть.

ИСМЕНА.

Чью?

АНТИГОНА.

О горе мнѣ!.. отца могилу.

ИСМЕНА.

Но развѣ можно? развѣ ты не знаешь?

АНТИГОНА.

Что за упрекъ?

ИСМЕНА.

И также вспомни....

АНТИГОНА.

Что такое снова?

ИСМЕНА.

Непогребенный, умерь
Буди сеть это ножи.

АНТИГОНА.

Веди — и тамъ-же умертви меня.

ИСМЕНА.

О бѣдная! Гдѣ-жь безпріютной
И вновь одинокой теперь
Влачить миѣ печальную жизнь?

ХОРЬ.

АНТИСТРОФА 8.

Любезныя, не бойтесь ничего.

АНТИГОНА.

Куда-жь бѣжать?

ХОРЬ.

И прежде вы набѣгли.

АНТИГОНА.

Чего?

ХОРЬ.

Конца худаго въ вашемъ дѣлѣ.

АНТИГОНА.

Я думаю....

ХОРЬ.

Что вздумала еще?

АНТИГОНА.

Какъ намъ домой вернуться?
Не вижу средствъ.

ХОРЬ.

Объ этомъ не заботься.

Антигона.

На сердцѣ тяжко....

Хоръ.

Было такъ и прежде.

Антигона.

Безнадежное было горе,
А нынѣ стало безграничнымъ.

Хоръ.

Досталось вамъ на долю море золъ.

Антигона.

Да, да.

Хоръ.

И я согласенъ въ этомъ.

Антигона.

О горе! куда мнѣ прибѣгнуть, Зевесъ?
Какую еще мнѣ надежду
Могъ демонъ послать-бы теперь?

Орест.

Ужъ кончите, дѣти, вашъ плачъ:
Гдѣ общее благо даровано богомъ,
Скорбѣть тамъ не должно.... страммитесь грѣха (102).

Антигона.

Мы молимъ тебя, сынъ Эгейя.

Орест.

Что нужно вамъ, дѣти, скажите?

Антигона.

Мы сами хотѣли-бы видѣть
Могилу роднаго отца.

Орест.

Но быть тамъ никто не посмѣеть.

Антигона.

Аeinъ властелинъ! что сказаиъ ты?

(102) Въ подл. «ѣмезис тара», — потому-что за это ждеть гибель, неминуемость богоубийства. Нѣмезис употребляется и какъ собственное название богини Немезиды.

ЕКАЕЙ.

О дѣти! онъ мнѣ запретилъ
И къ этимъ мѣстамъ приближаться,
И слово промолвить кому изъ людей
У прюта святаго, гдѣ скрылся.
И если я это исполню,
Сказаль, что земля моя будетъ
Навѣкъ безопасна отъ золь.
Внимали намъ демонъ и Клятва,
Всеслышашій Зевсовъ слуга (103).

АНТИГОНА.

Довольно того, что ему
Такъ было угодно. Отправь-же насть въ древнія Фивы:
Какъ-нибудь остановимъ, быть можетъ,
Мы братъямъ грозящую смерть.

ЕКАЕЙ.

И это исполню, и все,
Что сдѣлать могу въ вашу пользу,
И въ угоду тому, кто недавно къ тѣнямъ отошелъ,
Ни жалѣя труда, я обязанъ исполнить.

ХОРЪ.

Успокойтесь-же; больше
Вамъ плакать не слѣдъ:
Я порукой, что все совершится (104).

Перевелъ съ Греч. В. БЕДНОВЪ.

(103) Въ подл. ὁ πάγιος ἀέων Διὸς "Ορκος" — всеслышашій Зевсовъ Горкосъ. Горкосъ (олицетвореніе клятвъ, въ Греч. муж. рода) былъ служитель Зевса, карающій за нарушеніе клятвы.

(104) Въ этой заключительной сценѣ дѣйствіе настоящей трагедіи связано съ дѣйствіемъ драмы: «Антигона», которая однако написана гораздо прежде. Антигона просить отправить ее и сестру ея въ Фивы, гдѣ, какъ известно, предстоялъ ей новый подвигъ — любви къ брату. Она исполняетъ просьбу Полиника — совершить погребальный обрядъ надъ его трупомъ. На эту просьбу, впрочемъ, нѣтъ ни малѣйшаго намека въ драмѣ: «Антигона». Тамъ герояния, какъ и вѣдѣ, является съ полной самостоятельностью характера, и ея подвигъ есть слѣдствіе глубокаго убѣжденія.

Но главная мысль этой послѣдней комматической пѣсни та-же, что и цѣлой трагедіи. Не смотря на горький плачъ дочерей Эдиша, въ ней высказы-

вается свѣтлая, отрадная мысль, что смерть есть благо. Ее выражаетъ и Атигона, говоря: «Нельзя и желать лучшей смерти. Но велиходушная дочь Эдипа подавлена собственнымъ горемъ: несчастіе, легкое при жизни отца, теперь для нея невыносимо. Сказанная нами мысль не разъ выражается въ словахъ хора и Фезея. Хоръ говорить:

«Не скорбите ужъ слишкомъ о томъ,
Что назначено къ лучшему богомъ».

Далѣе:

«Такъ-какъ онъ счастливо жизнь свою кончилъ,
То, милые, плачь вашъ оставьте».

Фезей уже прямо называетъ грѣхомъ противъ боговъ — скорбѣть о томъ, изъ чего происходитъ для всѣхъ: для умершихъ и живыхъ — явное благо. И трагедія оканчивается успокоительными словами хора, что все будетъ исполнено по желанію Атигоны и Исмены. Эдипъ, страдалецъ, преслѣдуемый богами, которого люди страшились, какъ прокаженнаго, при смерти своей достигаетъ завидной участіи: даровать счастіе тѣмъ, кто оказалъ ему дружелюбіе.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

(Изъ лекций покойного профессора Казанского университета
Д. И. Шимса).

§ 1.

Въ области юридическихъ отношеній право собственности является необходимостію и въ гражданскомъ правѣ занимаетъ первое мѣсто. Были и есть писатели, утверждающіе, что въ нѣкоторыхъ обществахъ юридический бытъ устанавливается безъ права собственности. Но это несправедливо: право собственности иногда скрыто, существуетъ въ грубыхъ формахъ, но тѣмъ не менѣе оно всегда и вездѣ существуетъ. И эта необходимость существования права собственности не исключаетъ со-бою творчества, признаваемаго за юридическимъ бытомъ: господство человѣка надъ вещью, необходимое для удовлетворенія его потребностей, — господство, принимаемое на первый разъ правомъ собственности, служить лишь одною изъ исходныхъ точекъ для того творчества, которое мы приписываемъ юридическому быту, подобно тому, какъ личность составляетъ то понятіе, изъ котораго исходятъ и къ которому возвращаются всѣ юридическія опредѣленія. Но какъ опредѣлить право собственности, въ какомъ объемѣ допустить его, какія составныя части придать ему, какъ установить между этими частями взаимныя отношенія? все это обширное поприще предоставляется творчеству юридического быта. И дѣйствительно, законъ и обычай въ различныхъ гражданскихъ обществахъ различно

устанавливают право собственности. Но въ каждомъ обществѣ право собственности пользуется особымъ уваженіемъ: его называютъ священнымъ, неприкосновеннымъ и т. п. Даже такія гражданскія общества, которые не слишкомъ дорожатъ правами своихъ членовъ, все-таки провозглашаютъ неприкосновенность права собственности. Это происходитъ отъ того, что господство человѣка надъ вещью необходимо для удовлетворенія его потребностей, а желаніе удовлетворять имъ до того свойственно человѣку, что онъ въ высшей степени дорожить служащими къ тому средствами. Существованіе потребностей, необходимость ихъ удовлетворенія сознается одинаково во всѣхъ обществахъ, и вотъ почему право собственности вездѣ признается особенно важнымъ, считается неприкосновеннымъ. Но, кромѣ-того, право собственности и потому заслуживаетъ внимательнаго изученія, что оно можетъ замѣнять другія имущественные права, тогда-какъ само право собственности вполнѣ замѣнить другими имущественными правами невозможно.

Съ первого взгляда право собственности представляется намъ господствомъ лица надъ вещью. Но не всякое господство лица надъ вещью есть право собственности. Прежде всего, господство можетъ быть случайное: фактически оно существуетъ, но не признается законнымъ, не признается правомъ собственности. И такъ, нужно дополнить понятіе о правѣ собственности, сказать, что оно есть господство законное. Но и всякое вещное право представляетъ законное господство лица надъ вещью. Напр. я предоставляю законнымъ образомъ А какую-либо вещь въ пользованіе: тѣмъ самымъ А приобрѣтаетъ господство надъ вещью, господство законное, по которому все-таки не будетъ правомъ собственности, а только правомъ пользованія; если сравнимъ оба эти права, то окажется, что право собственности шире, поляче права пользованія. И тотъ-же результатъ получимъ отъ сравненія права собственности со всякимъ другимъ вещнымъ правомъ. Но если таковъ результатъ сравненія права собственности съ другими вещными правами,

то близка мысль, что, по самому существу своему, право собственности выигрывает предъ другими вещными правами, и эта наибольшая полнота его должна быть внесена въ самое понятие о правѣ собственности. И въ-самомъ-дѣлѣ, верѣдко, даже обыкновенно опредѣляютъ право собственности, какъ безусловное, неограниченное, полное господство лица надъ вещью. Но такое опредѣленіе расходится съ дѣйствительностю: если разматривать право собственности, какъ оно существуетъ въ дѣйствительности, то оказывается, что оно существуетъ и безъ такой безусловности, неограниченности и полноты, оказывается, что никогда неѣтъ неограниченного права собственности и даже неудобомыслимо неограниченное юридическое господство лица надъ вещью, потому-что право есть понятіе мѣры ограничения свободы, такъ-что понятіе объ ограничения лежитъ въ самомъ понятіи о правѣ, а право собственности есть только видъ права, слѣдов. и на немъ долженъ отразиться и дѣйствительно отражается характеръ ограниченности: Такъ, право собственности весьма нерѣдко ограничивается относительно пользованія, распоряженія, а между-тѣмъ хозяинъ вещи тѣмъ не менѣе считается ея собственникомъ. Одно то, что многіе виды осуществленія права собственности устраются тѣмъ, что они были бы въ то-же время нарушеніемъ права собственности другихъ лицъ, уже представляло-бы намъ право собственности ограниченнымъ. Но, кромѣ-того, каждый юридический быть знаетъ много ограничений, независящихъ отъ нарушенія чужаго права, такъ-что и безъ этихъ ограничений ничье право не нарушалосьбы. Это сознаютъ всѣ. И даже тѣ юристы, которые признаютъ право собственности полнымъ, неограниченнымъ и безусловнымъ господствомъ лица надъ вещью, не могутъ упустить изъ виду его ограничений, и потому называютъ право собственности полнымъ господствомъ лица надъ вещью въ тѣхъ предѣлахъ, въ которыхъ установлено это право въ юридическомъ быту. Но очевидно, что такое опредѣленіе противорѣчитъ себѣ: оно считаетъ право собственности полнымъ и неограниченнымъ

господствомъ лица надъ вещью, а между-тѣмъ говорить, что это неограниченное господство въ извѣстныхъ предѣлахъ. Возвращаясь къ нашему сравненію права собственности съ другими вещными правами, мы видимъ, что характеристика права собственности заключается не въ полномъ господствѣ лица надъ вещью, а въ томъ, что господство собственника надъ вещью полно всякаго другаго господства. И право собственности можно опредѣлить такъ: оно есть полнѣйшее сравнительно съ другими правами господство лица надъ вещью, признаваемое юридическими опредѣленіями. Но такое опредѣленіе только относительное, изъ него не видно еще содержанія права собственности, тогда-какъ именно содержаніе и даетъ опредѣленіе предмету. Слѣдуетъ поэтому обратить вниманіе на всѣ существенные опредѣленія юридического быта, относящіяся къ праву собственности, и тогда должно оказаться, что *право собственности есть господство лица надъ вещью, въ силу котораго лицо можетъ владѣть, пользоваться и распоряжаться ею.*

Въ нашемъ законодательствѣ понятіе о правѣ собственности установилось только въ новѣйшее время, законодательною дѣятельностью императрицы Екатерины II. Понятіе о правѣ собственности обыкновенно развивается изъ владѣнія. Первоначально понятіе о юридическомъ господствѣ надъ вещью свя-зывается съ господствомъ фактическимъ: безъ фактического господства не признается господство юридическое, а когда есть фактическое господство, то допускается и юридическое. Это объясняется тѣмъ, что въ мало-развѣтомъ юридическомъ быту гражданамъ недоступны отвлеченные понятія, для нихъ нужна материальная основа, осознательный остовъ, а когда нѣтъ его, то и отвлеченные понятія не имѣютъ хода. Такъ, и нашъ древній юридический бытъ ухватился за фактическую сторону права собственности, представляющуюся во владѣніи, и смѣши-валъ владѣніе съ правомъ собственности. Поэтому-то и доны-нѣ слово «владѣть» значить у насъ иногда то-же, что «быть собственникомъ», и донынѣ владѣніе смѣшивается съ собственно-

стю, и донынѣ *съчное и потомственное владѣніе* означаетъ *право собственности* (1). Конечно, право собственности постоянно существуетъ въ юридическомъ быту, потому-что юридический бытъ неудобомыслимъ безъ господства надъ вещью, а который-либо видъ господства оказывается-же господствомъ полнѣйшимъ; но въ законодательствѣ право собственности получаетъ себѣ опредѣленіе только уже при значительномъ успѣхѣ въ развитіи юридическихъ понятій. Въ нашемъ законодательствѣ право собственности опредѣляется такъ: «кто, бывъ первымъ пріобрѣтателемъ имущества, по законному укрѣплѣнію его въ частную привадлежность, получилъ власть, въ порядке, гражданскими законами установленномъ, исключительно и независимо отъ лица посторонняго владѣть, пользоваться и распоряжать онимъ вѣчно и потомственno доколѣ не передастъ другому, или кому власть сія отъ первого пріобрѣтателя дошла непосредственно или чрезъ послѣдующія законныя передачи и укрѣпленія: тотъ имѣеть на сіе имущество *право собственности*» (2). Но замѣтимъ, что понятій, выражаемыхъ въ этомъ опредѣлениі, должно держаться съ нѣкоторою осторожностю: Такъ, право собственности, по опредѣленію законодательства, характеризуется независимостію и исключительностію собственника во владѣніи, пользованіи и распоряженіи вещью. Но мы на каждомъ шагу встрѣчаемся съ ограниченіями собственника относительно пользованія собственностью, существуетъ цѣлая система опредѣлений о правѣ участія въ чужомъ имуществѣ, собственникъ ограничивается нерѣдко относительно распоряженія вещью, но тѣмъ не менѣе право собственности признается за нимъ. Равнымъ образомъ вѣчность и потомственность, по опредѣленію законодательства, характеризуютъ право собственности, но оно можетъ быть и временными.

(1) Св. зак. гр. ст. 888, примѣч.

(2) Тамъ-же.

§ 2.

Каждое право можетъ быть разбито на составные части, составляющія его содержаніе. Содержаніе права собственности обыкновенно опредѣляется такъ: вслѣдствіе своего права господства надъ вещью, лицо можетъ поставить себя въ фактическое отношеніе къ вещи, владѣть ею; лицо можетъ подчинять вещь, составляющую его собственность, своимъ потребностямъ, удовлетворять имъ, пользоваться вещью безъ прямаго разрушенія самой вещи; наконецъ, лицо можетъ прекратить самое право собственности на вещь или такимъ образомъ, что и никакое другое лицо не будетъ господствовать надъ нею, уничтожить вещь, или такимъ, что господство перейдетъ къ другому лицу,—словомъ, какъ говорится, лицо можетъ распоряжать вещью. Къ владѣнію, пользованію и распоряженію, въ самомъ дѣлѣ, могутъ быть подведены всѣ возможныя дѣйствія собственника относительно вещи, такъ-что самое право собственности можно опредѣлить совокупностю *права владѣнія, права пользованія и права распоряженія*. Но иногда допускаютъ еще четвертое право въ смыслѣ составной части права собственности—*право охраненія собственности*. Собственникъ дѣйствительно можетъ отыскивать свою вещь, въ чьихъ-бы рукахъ она ни находилась; относительно недвижимаго имущества по нашему законодательству существуютъ даже вѣкоторыя особенности въ судопроизводствѣ; но тѣмъ не менѣе право судебнай защиты не составляетъ какого-либо особынаго права, составной части права собственности: ибо право судебнай защиты сопутствуетъ всякому праву, оно входитъ въ составъ самого понятія о правѣ — право безъ права судебнай защиты не право, здѣсь вѣтъ права.

Обратимся къ разсмотрѣнію составныхъ частей права собственности въ-отдельности.

§ 3.

ПРАВО ВЛАДЕНІЯ.

Сказано, что, вслѣдствіе права собственности, лицо можетъ состоять въ непосредственномъ фактическомъ отношеніи къ вещи, владѣть ею. Но и несобственникъ можетъ находиться въ фактическомъ отношеніи къ вещи. Напр. собственникъ предоставляетъ пользованіе вещью другому лицу и съ тѣмъ вмѣстѣ передаетъ ему владѣніе, такъ-что стороннее лицо становится въ фактическое отношеніе къ вещи: это стороннее лицо владѣеть также по праву, только не по праву собственности, а по праву, производному отъ него. Но фактическое отношеніе лица къ вещи можетъ возникнуть независимо отъ вопроса о правѣ его на владѣніе, оно можетъ быть даже нарушеніемъ права. Напр. воръ похищаетъ вещь: онъ владѣеть ею, но это владѣніе нарушаетъ право лица, у котораго вещь похищена. Еслибы такое владѣніе, независимое отъ права, всегда оставалось на степени факта, то оно было-бы чуждо области права и не имѣло-бы мѣста въ наукѣ гражданскаго права, потому что наука права не занимается собственно фактами. Во многихъ случаяхъ дѣйствительно владѣніе остается фактомъ и тогда не обращаетъ на себя вниманія науки права. Такъ, очень часто владѣніе бываетъ временное, мгновенное и, кроме фактического отношенія лица къ вещи, не представляетъ болѣе ничего. Напр. лицо беретъ въ руки вещь и разсматриваетъ ее. Но въ иныхъ случаяхъ фактическое отношеніе лица къ вещи связывается съ извѣстными юридическими послѣдовательностями, почему и обращаетъ на себя вниманіе науки гражданскаго права. Напр. владѣніе вещью при извѣстныхъ условіяхъ даетъ надъ нею право собственности (3); или владѣніе движимою вещью даетъ мѣсто предположенію права собственности за владѣль-

(3) Св. авк. гр. ст. 451.

цемъ (4); связываются известныя выгоды съ владѣніемъ добросовѣстнымъ, которое иѣкоторымъ образомъ даже конкурируетъ съ правомъ (5) и т. д. Такое владѣніе, связанное съ юридическими послѣдствіями, называется *юридическимъ*, но только юридическое въ этомъ случаѣ не значитъ то-же, что законное: и недобросовѣстное владѣніе, слѣдов. незаконное есть юридическое, какъ-скоро съ нимъ связываются известныя юридическія послѣдствія. Въ отличіе отъ этого юридического владѣнія, фактическое отношеніе лица къ вещи, не связанное ни съ какими юридическими послѣдствіями, называется владѣніемъ *съственникъмъ* или *удержаніемъ* (*detentio*). Разсмотримъ-же существо юридического владѣнія и тѣ условія, при которыхъ фактическое отношеніе лица къ вещи сопровождается юридическими послѣдствіями (6).

§ 4.

Юридические моменты, представляющіеся въ томъ фактическомъ отношеніи лица къ вещи, которое мы назвали юриди-

(4) Тамъ-же, ст. 452.

(5) Тамъ-же, ст. 526, 527.

(6) Замѣтимъ, что юристы несогласны на счетъ систематики юридического владѣнія (въ смыслѣ владѣнія юридического независимо отъ права) въ наукѣ гражданскаго права и ииотіе осуждаютъ изложеніе ученія о юридическомъ владѣніи по поводу права собственности. Такъ *Пузта*, принимая владѣніе за *право личности*, излагаетъ ученіе о немъ въ ученіи о правахъ личности. *Гамс* излагаетъ ученіе о владѣніи въ ученіи о *вещахъ правахъ*. Многіе другіе юристы помѣщаютъ ученіе о владѣніи въ такъ-называемой *общей части* гражданскаго права. По нашему мнѣнію, ученіе о владѣніи не находить себѣ мѣста въ ученія о *правѣ собственности*, потому-что, если наукѣ и приходится иногда излагать о фактахъ по ихъ связи съ юридическими послѣдствіями, то всего удобнѣе, конечно, излагать о такихъ фактахъ тамъ, где фактическія понятія приходится отличать отъ понятій чисто-юридическихъ. О владѣніи-правѣ, иѣть сомнѣнія, нужно говорить по поводу ученія о правѣ собственности, потому-что владѣніе-право составляетъ часть права собственности. Но владѣніе-право указываетъ на понятіе о владѣніи-фактѣ, и такъ-какъ фактъ этотъ при известныхъ условіяхъ связывается съ юридическими послѣдствіями, то, говоря о фактѣ, слѣдуетъ изложить и его юридическое значеніе.

ческимъ владѣніемъ, подали новодѣ къ замѣчательному спору въ учени о владѣніи, къ установлению двухъ различныхъ теорій владѣнія. Одна теорія признаетъ владѣніе правомъ: полагаетъ, что недостаточно характеризовать владѣніе, фактическимъ отношеніемъ лица къ вещи, а должно присовокупить, что это фактическое отношеніе лица къ вещи, пока не будетъ признано нарушениемъ чьего-либо права, само составляетъ право. Защитники этой теоріи указываютъ въ-особенности на то, что владѣніе охраняется, въ частности указываютъ на Римское право, на существующіе въ немъ интердикты по владѣнію, *interdicta adipiscendae possessionis* и *interdicta recuperandae possessionis*. Но, соглашаясь между собою въ воззрѣніи на владѣніе, какъ на право, главные поборники теоріи, Гансъ и Пухта, расходятся въ опредѣленіи характера этого права. Гансъ, признавая владѣніе правомъ, сближаетъ его съ правомъ собственности, только находить, что во владѣніи вѣтъ того законного господства, которое признается въ собственности, и потому полагаетъ, что владѣніе, будучи господствомъ лица надъ вещью, есть особый видъ вещ资料права (7). Пухта, напротивъ, признаетъ владѣніе правомъ личности: потому, говорить онъ, охраняется владѣніе, что лицо поставляетъ себя въ фактическое отношеніе къ вещи, а таково уваженіе къ личности, что и незаконное отношеніе лица къ вещи охраняется общественною властію (8). Право владѣть, по мнѣнію Пухты, есть такое-же право личности, какъ право ходить, сидѣть, жениться и т. д., словомъ, это одно изъ тѣхъ правъ, которыхъ не не имѣютъ объекта. Другая теорія, главнымъ поборникомъ которой является Савинъ, и юридическое владѣніе, фактическое отношеніе лица къ вещи, связанное съ известными юридическими последствіями, признаетъ не болѣе какъ фактъ, а не правомъ (9). Савинъ основывается на томъ, что понятіемъ

(7) *Gans*, Ueber die Grundlage des Rechts des Besitzes. Berlin 1839.

(8) *Puhtha*, Cursus der Institut. (Leipzig 1854), § 224.

(9) *Savigny*, Das Recht des Besitzes (Giessen 1837), I Abtheil.

объ охраненія не исчерпывается понятіе о правѣ, и если владѣніе охраняется, то оно и охраняется только какъ фактъ. Останавливая вниманіе свое въ-особенности на Римскомъ правѣ, Савинъ находитъ, что интердикты по владѣнію только препятствуютъ самоуправству: цѣль ихъ—скорѣйшее прекращеніе самоуправства, нарушающаго владѣніе. При судопроизводствѣ по интердиктамъ не обращается вниманія на право, а только на фактъ владѣнія, и по этому факту разрѣшается столкновеніе, а потому и рѣшеніе по интердикту касается только самого владѣнія и не устраиваетъ иска о правѣ. Этую послѣднюю теорію владѣнія можно считать нынѣ господствующею: въ настоящее время уже найдется немногихъ юристовъ, которые будуть признавать владѣніе правомъ. Обращаясь къ отечественному законодательству, мы не видимъ никакой надобности отступать отъ воззрѣнія на владѣніе, какъ на фактъ, находимъ напротивъ, что воззрѣніе это какъ нельзя лучше подходитъ къ нашему законодательству. Правда, и наше законодательство опредѣляетъ, что владѣніе охраняется отъ насилия и самоуправства: въ случаѣ нарушенія владѣнія, лицу представляется въ-течение десятинедѣльного срока обратиться къ полиції съ просьбою о восстановленіи владѣнія и полиція восстанавливаетъ его совершенно независимо отъ вопроса о правѣ, который разрѣшается судомъ (10). Но въ этомъ еще вѣть повода отступить отъ воззрѣнія на владѣніе, какъ на фактъ, и признать его правомъ. Для того, чтобы фактическое отношеніе обратилось въ право, нужно, чтобы владѣніе охранялось не только отъ насилия и самоуправства, а отъ всякаго притязанія на вещь; но такого охраненія законодательство не предоставляетъ владѣнію и слѣдов. не даетъ ему существенного условія права. Правда, и владѣніе незаконное охраняется отъ насилия и самоуправства (11); но это не значитъ, что владѣніе охраняется, какъ право, а значитъ только, что владѣлецъ охра-

(10) Св. зак. гр. ст. 2038.

(11) Тамъ-же, ст. 450.

няется отъ насилия и самоуправства: владѣніе можетъ служить поводомъ къ насилию и самоуправству, точно такъ-же, какъ насилие и самоуправство могутъ быть направлены на лицо и независимо отъ владѣнія, и вотъ законодательство охраняетъ отъ нихъ, по поводу-ли владѣнія или по другому какому поводу встрѣтятся они, такъ-что охраняется собственно лицо владѣльца, человѣкъ, а не самое владѣніе. Всякое владѣніе, не вытекающее изъ права собственности, есть фактъ, чо юридическая наследствія, связанныя съ владѣніемъ, въ различныхъ случаяхъ бываютъ различны, такъ-что во владѣніи можно различать несолько видовъ. На основаніи нашего законодательства, можно различать владѣніе давностное, владѣніе добросовѣстное и владѣніе незаконное (12). *Владѣніе давностное* то, которое влечеть за собою приобрѣтеніе права собственности по давности. *Владѣніе добросовѣстное*, которое основывается на искреннемъ, хотя и ложномъ представлѣніи владѣльца о правѣ владѣнія. Владѣніе это называется также *законнымъ*, но такъ-какъ оно все-таки не есть право, то лучше называть его именно добросовѣстнымъ (*bonae fidei possessio*). *Владѣніе незаконное*, въ противоположность добросовѣстному, владѣніе сознательно-незаконное, нарушающее чье-либо право. Владѣніе незаконное законодательство различаетъ на владѣніе *самовольное*, *насильственное* и *подложное* (13). Самовольнымъ называется владѣніе, неоснованное на правѣ, нарушающее притомъ право другаго лица, но безъ насилия. Владѣніе насильственное также самовольное, но соединенное съ примѣнениемъ насильственныхъ мѣръ. Равнымъ образомъ и владѣніе подложное характеризуется самовольнымъ, при которомъ употребленъ подлогъ для приобрѣтенія или продолженія владѣнія. Должно сказать однако, что различие видовъ незаконного владѣнія не имѣть значенія по отношению къ самому владѣнію: различия преступ-

(12) Тамъ-же, ср. ст. 440, 451, 526.

(13) Тамъ-же, ст. 443—448.

ления могутъ быть соединены съ незаконнымъ владѣніемъ, различная отвѣтственность наступаетъ за различныя преступленія, но гражданскія послѣдствія незаконнаго владѣнія одинаковы, будеъ-ли это владѣніе самовольнымъ, насильственнымъ или подложнымъ.

Какъ фактическое отношеніе лица къ вещи, владѣніе не находитъ себѣ опредѣленія въ положительномъ законодательствѣ, которое предполагаетъ фактъ владѣнія, какъ иѣчто общезвестное. Однакожъ только внимательное изученіе этого факта приводить къ уясненію его свойства и принадлежностей. Оказывается, что юридическое владѣніе слагается изъ двухъ дѣятелей: *матеріального или внешн资料 и духовного или внутренн资料*. Внѣшній дѣятель состоитъ въ материальной связи лица съ вещью. Знаменательно выражается эта связь Латинскимъ именемъ владѣнія—*possessio*, производнымъ отъ *sedere*. Точно также и наше слово «сидѣть» въ древнемъ юридическомъ языке нерѣдко употребляется въ смыслѣ владѣть, находиться въ материальномъ соприкосновеніи съ вещью. Подобный же смыслъ выражаетъ собою и самое слово «владѣть», или только спра-ведливое мнѣнія Морошкина, что слово «владѣть», старинное «*володѣти*», происходитъ отъ «*волю дѣлти*», что значитъ оби-руживать волю, т.-е. находиться въ такомъ отношеніи къ пред-мету, которое даєтъ возможность проявить свою волю относи-тельно предмета (14). Но эту материальную связь лица съ ве-щью, какъ дѣятеля владѣнія, не должно представлять себѣ еже-минутно существующео: если напр. лицо владѣеть поземель-нымъ участкомъ, то не требуется, чтобы владѣлецъ постоянно сидѣлъ на немъ, а достаточно одной возможности для владѣль-ца во всякое время поставить себя въ фактическое отношеніе къ владѣемой вещи, такъ-что внѣшнаго дѣятеля владѣнія соб-ственно должно понимать не какъ постоянную материальную

(14) Морошкинъ, *Рассужденіе о владѣніи по началамъ Росс. законодательства* (Москва 1897), стр. 77.

связь владельца съ вещью, а какъ постоянную возможность такой материальной связи. Должно обращать вниманіе на свойства вещи, подлежащей владѣнію, и если, по существу вещи, нѣтъ надобности въ ея постоянномъ держаніи (а это можно сказать о всякой вещи), то для признанія владѣнія продолжающимся вполнѣ достаточно одной возможности материального соприкосновенія съ вещью, достаточно, чтобы вещь была напр. за ключемъ владельца, въ его домѣ, или даже только въ его завѣдываніи, такъ-что непосредственное материальное обладаніе вещью существенно только для приобрѣтенія владѣнія, для его начала. Внутренній, духовный дѣятель владѣнія состоять въ сознаніи господства надъ вещью, въ намѣреніи лица распоряжать его, какъ своею. Присутствіемъ этого дѣятеля именно и характеризуется юридическое владѣніе въ отличіе отъ владѣнія естественного, въ которомъ нѣтъ сознанія господства, а одинъ только корпусъ, тѣло владѣнія. Нѣтъ надобности въ сознаніи права, хотя и сознаніе права можетъ входить въ составъ духовнаго дѣятеля владѣнія, напр. владѣніе добросовѣстное именно основывается на сознаніи права, хотя и ложномъ. Но изъ этого еще не слѣдуетъ, что юридическое владѣніе не существуетъ безъ сознанія права: напр. владѣніе незаконное чуждо сознанія права и все-таки владѣніе юридическое. Римское право называетъ духовную сторону владѣнія *animus gen sibi habendi*, и нерѣдко понимаютъ это выраженіе въ томъ смыслѣ, будто владѣлецъ долженъ питать въ себѣ сознаніе права, притомъ права собственности. Такъ думаетъ напр. *Неволина* (15). Но *animus gen sibi habendi* не означаетъ сознанія права, а только сознаніе господства, намѣреніе распоряжать вещью, какъ своею. Тѣмъ не менѣе нашему законодательству можно приписать требование отъ владельца сознанія права: даже для обращенія владѣнія въ право собственности по давности наше законодательство не требуетъ, чтобы владѣлецъ руковод-

(15) *Неволина*, Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 109.

ствовался во владѣніи сознаніемъ права, а требуетъ только, чтобы лицо владѣло въ видѣ собственности (16). Сознаніе господства надъ вещью, конечно, должно выразиться какимъ-либо дѣйствиемъ владѣльца, которое-бы ясно обнаруживало его намѣреніе владѣть вещью, какъ своею. Но какъ относительно вышеаго дѣятеля владѣнія мы сказали, что нѣтъ надобности въ постоянномъ непосредственномъ обладаніи вещью, точно такъ-же должно сказать, что нѣтъ надобности въ ежеминутномъ сознаніи владѣльца относительно его господства надъ вещью, въ ежеминутномъ проявленіи сознанія, а достаточно лишь, чтобы владѣлецъ разъ выразилъ это сознаніе и оно постоянно предполагается въ немъ, пока не наступятъ обстоятельства, исключающія такое предположеніе, напр. лицо объявить, что не хочетъ болѣе владѣть вещью. Только при совокупномъ существованіи материального и духовнаго дѣятелей владѣнія представляется юридическое владѣніе: присутствіе одного фактическаго отношенія, одной наружной стороны юридического владѣнія производить владѣніе естественное; присутствіе одного духовнаго дѣятеля безъ фактическаго отношенія къ вещи не имѣть никакого значенія. Поэтому, кто не способенъ проявить ту или другую сторону владѣнія, не способенъ и къ юридическому владѣнію. Такъ материальное соприкосновеніе съ вещью возможно только для физического лица, юридическое-же лицо, будучи понятіемъ, не способно къ такому соприкосновенію и слѣдов. непосредственно не способно къ юридическому владѣнію. Нѣкоторые юристы на этомъ основаніи дѣйствительно отвергаютъ возможность владѣнія для юридического лица. Но если вся дѣятельность юридического лица совершаются чрезъ представителей, то отчего-же не допустить для него и владѣніе чрезъ представителя? Нужно только, чтобы представителю было присуще сознаніе возможности распоряжать вещью не какъ своею, а какъ вещью юридического лица:

(16) Св. зак. гр. ст. 451.

представитель долженъ читать въ себѣ не *animus rem sibi habendi*, а *animus rem personae morali habendi* (17). Съ другой стороны, кто неспособенъ къ сознанію самостоятельного распоряженія вещю или вообще къ гражданской дѣятельности, тотъ неспособенъ приобрѣтать и владѣніе. Такъ, безумные, несовершеннолѣтние и т. п. неспособны къ владѣнію, но только къ его приобрѣтенію: ибо если владѣніе началось, то оно можетъ продолжаться и при одномъ фактическомъ отношеніи лица къ вещи, безъ сознанія господства. Поэтому напр. давнинное владѣніе, начатое лицомъ совершенолѣтнимъ, продолжается и лицомъ малолѣтнимъ, неспособнымъ къ сознанію возможности распоряжать вещью, какъ своею. Точно также, если лицо приобрѣтаетъ владѣніе и впослѣдствіи лишается разсудка, то юридическое владѣніе его тѣмъ не менѣе продолжается.

Относительно вещи, подлежащей юридическому владѣнію, прежде всего должно сказать, что это вещь физическая, спо-

(17) Замѣтимъ однако, что относительно этого вопроса убѣжденіе профессора было не всегда таково, какое привели мы въ текстѣ: оно принадлежитъ только послѣднему времени, въ курсахъ же прежнихъ лѣтъ профессоръ склонялся къ мнѣнію тѣхъ юристовъ, которые отвергаютъ владѣніе для юридического лица. Мы примирили въ текстѣ послѣднее убѣжденіе профессора, не потому впрочемъ, что оно послѣднее, а потому, что оно отвѣчаетъ дѣйствительности. Строго держась юридическихъ принциповъ, конечно, отказать должно юридическому лицу въ способности къ владѣнію, ибо a priori нельзѧ признать, чтобъ юридическое лицо могло владѣть чрезъ представителя: созданное законодательствомъ, юридическое лицо отъ законодательства получаетъ и органъ для своей дѣятельности, самая дѣятельность определена законами, такъ-что только то дѣйствіе представителя и считается дѣйствіемъ юридического лица, которое не выходитъ изъ указанныхъ предѣловъ. Вся дѣятельность юридического лица ограничивается, такимъ-образомъ, общностью права, значитъ область факта совершенно чужда юридическому лицу. Но дѣйствительность рѣшительно противорѣчитъ такому воззрѣнію, отступаетъ отъ строгости юридическихъ началь: въ дѣйствительности нерѣдко идетъ дѣло о владѣніи казны, монастыря, городского, сельского общества, словомъ, о владѣніи юридического лица. И наукѣ приходится поэтому отступить отъ строгой послѣдовательности выводовъ. Задача науки—не уклоняться отъ явлений дѣйствительности, а сознавать эти явленія въ ихъ существѣ.

себная подлежать фактическому господству. Но не всякая физическая вещь можетъ подлежать юридическому владѣнію: относительно иѣкоторыхъ вещей законодательство опредѣляетъ, что владѣніе имъ не даетъ всѣхъ послѣдствій юридического владѣнія. Напр. владѣніе свободнымъ человѣкомъ, хотя бы это было владѣніе спокойное, непрерывное, бесспорное, продолжалось болѣе десяти лѣтъ, словомъ такое владѣніе, которое отвѣчало-бы всѣмъ условіямъ для приобрѣтенія права собственности по давности, все-таки не приведетъ къ праву собственности (18). И такъ, должно сказать, что юридическое владѣніе возможно только относительно такой вещи, относительно которой для юридического владѣльца возможно сознаніе самостоятельного распоряженія. Иногда владѣніе касается только части вещи: сознаніе возможности распоряжать вещью, какъ своею, относится къ какой-либо части, а фактическое господство существуетъ надъ вещью въ цѣлости. Какое значеніе такого владѣнія? Оно различно, смотря по значенію части, къ которой относится владѣніе. Если эта часть такова, что и сама-по-себѣ можетъ притязать на значеніе цѣлаго, а не теряется въ цѣлостности вещи, т.-е. возможность допустить юридическое владѣніе относительно такой части: напр. идеть рѣчь о картинѣ, обѣланной въ раму; картина и рама — такія части вещи, что каждая изъ нихъ можетъ быть рассматриваема, какъ иѣчто самостоятельное, и поэтому какъ относительно картины, такъ относительно и рамы можетъ быть допущено сознаніе господства надъ цѣльмъ. Но если часть не имѣть самостоятельного значенія, а сливаются съ цѣльмъ, то не допускается и сознаніе отдельного господства надъ частію. Напр. идеть рѣчь о мебели, обитой какою-либо матеріею: странно было-бы допустить сознаніе отдельного господства надъ матеріею. Такимъ образомъ относительно владѣнія частію вещи должно сказать, что въ одномъ случаѣ юридическое владѣнія частію имѣть смыслъ, въ

(18) Тамъ-же, стр. 478.

другомъ не имѣть никакого значенія. Этому не противорѣчить совокупное владѣніе многихъ лицъ одною и тою-же вещью, когда многія лица состоять въ фактическомъ отношеніи къ вещи, но только въ совокупности сознаютъ возможность распоряжать вещью, какъ своею, а въ отдѣльности сознаніе каждого изъ нихъ не относится ко всей вещи. Возражаютъ, правда, что при такомъ общемъ владѣніи каждое отдѣльное лицо владѣть лишь долею, а доля есть нечто отвлеченное, тогда-какъ владѣніе предполагаетъ материальное соприкосновеніе лица съ вещью. Но должно сказать, что при общемъ владѣніи материальное соприкосновеніе относится и къ той части, которая составляетъ долю владѣнія, потому-что цѣлое обнимаетъ и части, и слѣдов. Иѣть препятствія допустить общее юридическое владѣніе. Еслибы даже мы и стали отрицать его, то дѣйствительность опровергла бы нась, потому-что фактъ общаго владѣнія существуетъ въ дѣйствительности.

Владѣніе прекращается. Если присутствіе материальнаго и духовнаго дѣятелей юридического владѣнія необходимо для его приобрѣтенія, то, какъ уже и было сказано, продолженіе владѣнія не требуетъ ихъ постояннаго присутствія: иѣть надобности, чтобы лицо постоянно пребывало въ материальной связи съ вещью, а достаточно, если есть возможность во всякое время восстановить эту связь; иѣть надобности, да и невозможно это, чтобы лицо ежеминутно питало въ себѣ сознаніе господства надъ вещью и высказывало это сознаніе, а достаточно, если на первый разъ лицо выразить намѣреніе распоряжать вещью, какъ своею, а потомъ уже это намѣреніе предполагается. Поэтому для прекращенія владѣнія требуется не отсутствіе одного изъ дѣятелей юридического владѣнія, а присутствіе противоположнаго. Итакъ, относительно материальнаго дѣятеля нужно, чтобы лицо въ данный моментъ не имѣло возможности по своему желанію поставить себя въ фактическое отношеніе къ вещи. Напр. другое лицо захватило вещь, не признавая надъ нею господства прежняго владѣльца: для ис-

го уже не быть юридической возможности проявить материальное господство надъ вещью, и владѣніе прекращается. Или напр. лицо теряетъ вещь, состоящую въ его юридическомъ владѣніи: материальная связь его съ вещью прекращается и въ данный моментъ не быть возможности для владѣльца возстановить эту связь, и юридическое владѣніе прекращается. Точно также относительно духовнаго дѣятеля владѣнія требуется сознаніе невозможности господствовать, противоположное намѣренію распоряжать вещью, какъ своею; напр. лицо владѣть вещью и впослѣдствіи принимаетъ эту вещь въ залогъ отъ другаго лица, которое указываетъ на нее, какъ на свою собственность, и представляетъ ее залогомъ: принятие вещи въ залогъ влечетъ за собою сознаніе невозможности распоряжать вещью, какъ своею, и съ тѣмъ вмѣстѣ прекращеніе юридического владѣнія. Такимъ образомъ согласие владѣльца на принятие вещи въ залогъ въ данномъ случаѣ есть выраженіе его отреченія отъ владѣнія. Но владѣлецъ можетъ и просто отказаться отъ господства надъ вещью, не призываю надъ нею господства другаго лица: такое отреченіе отъ владѣнія уподобляется отреченію отъ права. Мы не признаемъ владѣнія правомъ, а опредѣляемъ его лишь фактическимъ отношеніемъ къ вещи. Поэтому не быть надобности относить къ владѣнію всѣ тѣ понятія, которыя входятъ въ составъ права; но вмѣстѣ съ тѣмъ владѣніе и не исключаетъ всѣхъ тѣхъ понятій, которыя входятъ въ составъ права. Такъ, въ составъ понятія о правѣ входитъ возможность отреченій, отреченіе возможно и для владѣнія, хотя владѣлецъ отрекается не отъ права, а только отъ фактическаго господства надъ вещью. Въ-особенности важно отреченіе относительно владѣнія въ томъ случаѣ, когда фактическое господство лица надъ вещью, какъ въ нашемъ примѣрѣ, продолжается. Но, конечно, отреченіе должно выражаться какимъ-либо наружнымъ актомъ, ибо сознаніе невозможности распоряжать вещью, какъ своею, пока остается только сознаніемъ, внутреннимъ актомъ владѣльца, не подлежитъ области права и его опредѣле-

ніямъ. Напр. А владѣть вещью и его владѣніе можно признать юридическимъ; но, по истечении иѣкотораго времени, А соглашается принять эту вещь въ залогъ: очевидно, владѣніе прекращается отречениемъ. Или владѣлецъ объявляетъ, что онъ не считаетъ болѣе вещи, состоящей въ его юридическомъ владѣніи своею, а вещью другого лица, и продолжаетъ владѣть ею, напр. въ намѣреніи сохранить вещь до прибытія этого другаго лица, находящагося въ настоящее время въ отсутствіи. Но точно также сознаніе господства надъ вещью можетъ замѣниться правомъ, лицо можетъ пріобрѣсти право на вещь, состоящую въ его юридическомъ владѣніи: тогда юридическое владѣніе прекращается и на мѣсто владѣнія факта наступаетъ владѣніе-право. Юридическое владѣніе прекратившееся можетъ впослѣдствіи возстановиться. Но спрашивается, можно ли это возстановившееся юридическое владѣніе считать продолженіемъ прежняго? По строгости юридическихъ понятій, кажется, нельзя считать возстановившееся юридическое владѣніе продолженіемъ прежняго, тѣмъ болѣе, что если владѣніе прекращается, по нѣтъ ручательства, что оно возстановится, таѣтъ что возстановленіе владѣнія есть нѣчто случайное. Поэтому, если давностное владѣніе прекратится и потомъ снова будетъ возстановлено, то срокъ давностный для пріобрѣтенія права собственности по вещи должно считать со-времени возстановленія владѣнія, а не со-времени его первого пріобрѣтенія. Въ дѣйствительности это понимается иначе. Въ дѣйствительности обращается вниманіе на срокъ между прежнимъ владѣніемъ и возстановившимся: если срокъ незначителенъ, то новое юридическое владѣніе признается за продолженіе стараго, а при значительномъ промежуткѣ этого не признается. Но каковъ этотъ срокъ, опредѣлить рѣшительно нельзя. Такое пониманіе дѣйствительности происходитъ, кажется, отъ того, что отсутствие момента владѣнія считается тождественнымъ съ присутствиемъ момента противоположнаго. Но это несправедливо.

§ 5.

Въ дополнение къ сказанному о владѣніи должно обратить еще вниманіе на *владѣніе правами*, о которомъ нерѣдко идетъ дѣло въ дѣйствительности. Еслибы владѣніе правами означало лишь принадлежность ихъ извѣстному лицу или осуществленіе правъ со стороны ихъ субъекта, то это было бы только слово безъ особаго самостоятельнаго значенія и не следовало бы обращать вниманія на владѣніе правами. Но дѣло въ томъ, что нѣкоторыя явленія юридического быта указываютъ на готовность дѣйствительности допустить фактическое отношеніе лица къ праву, точно такъ-же, какъ существуетъ фактическое отношеніе лица къ вещи. Напр. нерѣдко встречается, что лицо, не имѣя на это права, вѣзжаетъ въ чужой лѣсъ и пользуется его произведеніями: если въ-течение продолжительнаго времени существуетъ это пользованіе, то въ дѣйствительности является готовность признать за лицомъ право вѣзда именно на основаніи продолжительного осуществленія фактически того, что составляетъ содержаніе права, подобно тому, какъ владѣніе вещью, удовлетворяюще извѣстнымъ условіямъ, обращается въ право собственности. Но фактическое пользованіе тѣмъ, что составляетъ содержаніе права вѣзда въ черный лѣсъ, нельзя признать юридическимъ владѣніемъ лѣса и поземельнаго участка, на которомъ онъ растетъ: для этого нѣтъ господства надъ вещью, ибо фактическое отношеніе состоять только въ томъ, что лицо отъ времени-до-времени вѣзжаетъ въ лѣсъ и пользуется его произведеніями; нѣтъ и сознанія самостоятельного господства надъ вещью, ибо лицо не считаетъ себя хозяиномъ поземельнаго участка и растущаго на немъ лѣса, напротивъ именно сознаетъ, что вѣзжа еъ въ чужой лѣсъ, но вмѣстѣ сознаетъ, что ему принадлежитъ возможность пользоваться этимъ лѣсомъ. Фактическое господство лица относится, такимъ образомъ, къ праву на чужую вещь, а не къ самой вещи. Фактическое господство это сходно съ владѣніемъ въ

тому, что то и другое представляют фактическое отношение лица къ вещи, но при владѣніи существует сознаніе самостоятельного распоряженія всею вещью, а при рассматриваемомъ фактическомъ господствѣ только одною стороныю вещи. Это то господство надъ одною стороныю вещи, а не надъ вещью въ цѣломъ ея составѣ, господство независимое отъ права, фактическое, и называется *владѣніе права на чужую вещь*, съ которыемъ это владѣніе совпадаетъ по своему содержанію. Римское право называетъ это владѣніе правомъ *quasi possessio* — какъ-бы владѣніе; отношение близкое къ владѣнію, аналогическое съ владѣніемъ. Подъ именемъ квазипроприетатъ известно владѣніе правомъ и на юридическомъ языке здпадной Европы. Но въ чёмъ состоитъ это владѣніе правомъ, какія свойства его, принадлежности, наше законодательство не опредѣляетъ. Изъ существа же юридического владѣнія вытекаетъ только, что сознаніе самостоятельного распоряженія можетъ простираться или на всю вещь или на часть ея. И поэтому, если ироиѣ настоящаго владѣнія, владѣнія вещью сполна, допускается еще владѣніе одною стороною вещи, называемое владѣніемъ правомъ, то всѣ выводы, допускаемые для первого, распространяются и на второе, насколько такое умѣстно по самому существу юридического отношения. Мы сказали уже, что ученіе о владѣніи случайно занимаетъ мѣсто въ ученіяхъ о правѣ собственности, потому только, что право владѣнія есть составная часть права собственности, а кроме владѣнія-права существуетъ еще владѣніе-фактъ. Рассмотрѣвъ этотъ фактъ, обратимся-же къ владѣнію-праву.

§ 6.

Владѣніе, какъ составная часть права собственности, также состоитъ въ материальномъ отношеніи лица къ вещи (19), но

(19) Св. зак. гр. ст. 436.

съ тою разницею, что это материальное отношение представляет собою осуществление права собственности, и все равно, будеть-ли оно соответствовать условиям юридического владения или нетъ, оно все-таки остается правомъ, тогда-какъ владѣніе-фактъ только въ такомъ случаѣ и обращаеть на себя влияніе науки права, когда оно представляетъ собою осуществление права, не принадлежащаго владѣльцу, только юридическое владѣніе находитъ себѣ мѣсто въ наукѣ о правахъ. Напр. иногда собственникъ не имѣетъ самостоятельного распоряженія вещью, но тѣмъ не менѣе его фактическое отношение къ вещи представляется осуществленіемъ права собственности, его владѣніе — владѣніе-право, тогда-какъ, если лицо владѣть вещью не по праву и не имѣть сознанія самостоятельного распоряженія вещью, то его фактическое отношение къ ней чуждо области права. Для собственника владѣніе получаетъ званіе преимущественно чрезъ пользованіе. Но владѣніе имѣть и свое самостоятельное званіе: оно есть какъ-бы вѣстникъ права собственности и большою частію посредствомъ владѣнія собственникъ получаетъ толькъ вѣсь, который даетъ ему право собственности, такъ-что право владѣнія имѣть званийе вліяніе на ходъ дѣлъ въ юридическомъ быту независимо отъ осуществления другихъ правъ, входящихъ въ составъ права собственности. Напр., обратимъ вниманіе на кредитъ, которымъ пользуется богатый человѣкъ: кредитъ обусловливается состоятельностью лица, но главнымъ образомъ владѣніемъ, которое рождаетъ предположеніе о правѣ собственности лица, владѣющаго имуществомъ, и придаетъ ему значеніе. Кромѣ того, владѣніе, какъ составная часть права собственности, имѣть еще то самостоятельное значеніе, что во многихъ случаяхъ владѣніемъ начинается право собственности: по нашему законодательству, передача составляетъ одинъ изъ важѣйшихъ способовъ перехода права собственности, но передача есть не что иное, какъ начало владѣнія для собственника. Владѣніе-право можетъ быть осуществляемо самимъ собственникомъ

или другимъ лицомъ въ качествѣ его представителя. Но это владѣніе чрезъ представителя не имѣть никакого самостоятельнаго значенія, а есть какъ-бы владѣніе самаго собственника. Другое дѣло, если право владѣнія передается стороннему лицу, не имѣющему характера представительства: тогда это право владѣнія получаетъ самостоятельное значеніе, хотя и производится отъ права собственности (20). А такая уступка права владѣнія нерѣдко встречается въ дѣйствительности, напр. при отдачѣ имущества въ залогъ, при предоставлѣніи пользованія вещью стороннему лицу и т. п. Въ большей части случаевъ однако право владѣнія, пріобрѣтаемое стороннимъ лицомъ, бываетъ только спутникомъ другаго права, пріобрѣтаемаго стороннимъ лицомъ относительно вещи собственника, вбо для сторонняго лица право владѣнія само-по- себѣ развѣ только по исключеніи можетъ имѣть интересъ. Такъ, залогоприниматель пріобрѣтаетъ право залога относительно вещи и владѣетъ ею по праву, но не владѣніе составляетъ главное, существенное содержаніе права залога (21). Точно также лицо, пріобрѣтающее право пользованія вещью, если пріобрѣтаетъ съ тѣмъ имѣстъ въ право владѣнія, то пріобрѣтаетъ его лишь потому, и только потому интересуется имъ, что самое пользованіе вещью во многихъ случаяхъ обусловливается господствомъ надъ нею, владѣніемъ. Право владѣнія можетъ прекратиться. Въ особенности обращаетъ на себя вниманіе случай прекращенія его посредствомъ отреченія: обыкновенно отреченіе отъ права владѣнія находится въ-связи съ отреченіемъ отъ права собственности; но неѣтъ надобности, чтобы отреченіе, касающееся владѣнія, касалось и другихъ частей права собственности, а собственникъ можетъ отречься только отъ права владѣнія. И тѣмъ легче можно допустить такой случай, что, отрекаясь отъ права владѣнія, но оставляя за собою право пользованія, лицо, вслѣдствіе своего права пользованія, пріобрѣтаетъ право собствен-

(20) Тамъ-же, ст. 436.

(21) Тамъ-же, ср. ст. 1407, 2073, 2074.

ности на плоды вещи (см. ниже), а въ этомъ-то правъ собственности на плоды, можетъ быть, и сосредоточивается весь интересъ права собственности на вещь.

§ 7.

ПРАВО ПОЛЬЗОВАНИЯ.

Право пользованія,—вторая составная часть права собственности, заключается въ употреблении вещи для удовлетворенія какихъ-либо потребностей (22). Все равно, сама-ли вещь непосредственно служить для удовлетворенія потребностей, или она даетъ произведенія, которые служить для этой цѣли, употребление вещи будетъ осуществленіемъ права пользованія. Равнымъ образомъ все равно, будетъ-ли собственникъ непосредственно употреблять произведенія вещи для удовлетворенія своихъ потребностей, или онъ распорядится произведеніями иначе, въ-силу своего права собственности на нихъ, все-таки относительно вещи, дающей произведенія, это будетъ правомъ пользованія. Такъ, кто сѣть хлѣбъ на землѣ, тотъ пользуется землею, хотя земля непосредственно и не служить къ удовлетворенію его потребностей; самъ-ли хозяинъ потребить родившійся хлѣбъ, или онъ продастъ его и получить деньги, по-отношению къ землѣ это будетъ осуществленіемъ права пользованія. Должно сказать, что право пользованія самая существенная составная часть права собственности; пользованіе—самое естественное его проявленіе, ибо самое существо всѣхъ имущественныхъ правъ заключается въ томъ, что вещь служить человѣческимъ потребностямъ, а право пользованія именно и ведеть къ тому, это его содержаніе. Не каждое однако употребление вещи для удовлетворенія потребностей входить въ содержаніе права пользованія: иное употребление вещи таково, что вещь уничтожается, но уничтоженіе вещи, по нашему опре-

(22) Св. зак. гр. ст. 892, 898.

дѣленію, составляетъ содержаніе права распоряженія, а не права пользованія. Поэтому только тѣ способы удовлетворенія потребностей вещью, которые не соединяются съ ея уничтоженіемъ, входятъ въ составъ права пользованія. Собственникъ самъ пользуется вещью или предоставляетъ пользованіе стороннему лицу, и такимъ образомъ право пользованія иногда выдѣляется изъ права собственности (23). При этомъ-то выдѣляется и получаетъ практическое значеніе различіе между пользованіемъ вещью непосредственнымъ и пользованіемъ посредствомъ употребленія ея плодовъ,— различіе, не имѣющее практическаго значенія, пока право пользованія соединено съ правомъ собственности, ибо ipso jure собственнику принадлежать всѣ произведенія вещи, плоды ея. Если вещь сама-по-себѣ, непосредственно служитъ удовлетворенію потребностей, то лицо, имѣющее право пользованія по вещи, только и можетъ употреблять ее сообразно ея назначенія, не имѣя никакого права на произведенія вещи, развѣ это именно ему предоставлено собственникомъ. Такъ лицо, которому предоставлено право пользованія лошадью, не имѣть права на приплодъ лошади. Но если пользованіе вещью только и можетъ состоять въ употребленіи плодовъ ея, тогда-какъ непосредственно вещь не служить удовлетворенію потребностей, то лицо, имѣющее право пользованія, въ-правѣ пользоваться ея плодами, и именно пріобрѣтаетъ надъ ними право собственности по отдѣленіи ихъ отъ вещи (24). Такъ лицо, которому предоставлено право пользованія фруктовымъ садомъ, пріобрѣтаетъ право собственности на плоды по снятіи ихъ съ деревьевъ. Но бываютъ плоды гражданскіе — доходы: вмѣсто-того, чтобы самому пользоваться вещью, лицо предоставляетъ пользованіе другому за известное вознагражденіе, которое и составляетъ гражданскій плодъ. Но право пользованія, даже и въ этомъ случаѣ, когда даетъ поль-

(23) Тамъ-же, ст. 436, 437, 458, 464.

(24) См. § 22.

зователю право на плоды вещь, даетъ право только на естественные плоды, а не на плоды гражданскіе. Поэтому пользователь не въ-правѣ пользоваться вещью посредствомъ гражданскаго плода, не можетъ извлекать изъ нея дохода. Если самъ собственникъ уступаетъ пользованіе вещью за извѣстное вознагражденіе, то онъ осуществляетъ тѣмъ свое право, но не право пользованія, а право распоряженія. Слѣдовательно, когда собственникъ предоставилъ стороннему лицу только право пользованія, а не предоставилъ сверхъ-того и права распоряженія, то лицо это не въ-правѣ извлекать доходъ, а въ-правѣ только самъ употреблять вещь, собирать ея естественные плоды. Но естественные плоды принадлежать пользователю на правѣ собственности, и онъ можетъ распорядиться ими во всемъ пространствѣ этого права, слѣдовательно и подвергнуть отчужденію и такимъ образомъ (и только такимъ) обратить естественный плодъ въ гражданскій. Право пользованія, выдѣляемое изъ права собственности, въ большей части случаевъ соединяется съ правомъ владѣнія, такъ-что, предоставляя стороннему лицу пользованіе вещью, собственникъ обыкновенно предоставляетъ ему и владѣніе. Однако право пользованія можетъ быть предоставлено и безъ права владѣнія, въ-особенности тогда, когда пользованіе вещью состоить въ употребленіи ея плодовъ. Но если пользованіе вещью по самому существу ея только и можетъ состоять въ непосредственномъ употребленіи вещи, то лицо, пріобрѣвшее право пользованія, въ-правѣ требовать отъ собственника, чтобы онъ предоставилъ ему и владѣніе вещью, въ-правѣ требовать ея выдачи.

§ 8.

ПРАВО РАСПОРЯЖЕНИЯ.

Право распоряженія заключается въ правѣ прекращенія и разъединенія самого права собственности, разъединенія навсе-

гда или на известное время (25). Следовательно по праву распоряжения собственникъ можетъ уничтожить вещь, подвергнуть ее отчуждению, заключать различные сдѣлки относительно вещи, и такимъ образомъ, сверхъ естественныхъ произведений вещи, естественныхъ плодовъ, извлекать изъ нея и гражданские плоды, доходы. Право распоряжения поэтому составляетъ нальбы вѣнецъ права собственности: въ распоряжении представляется наибольшее напряженіе права собственности,—напряженіе, которое можетъ стоять жизни самому праву собственности, и, конечно, право, предоставляющее лицу возможность уничтожить вещь, сильнѣе того права, по которому лицо можетъ лишь подчинить вещь своему фактическому господству или употреблять ее на удовлетвореніе своихъ потребностей. Даже тотъ способъ пользованія вещью, который предполагаетъ ея уничтоженіе, мы отнесли уже къ праву распоряженія. Однако, если сама вещь не уничтожается, а только отъ употребленія измѣняется видъ ея, то нѣть собственно распоряженія относительно вещи, а представляется пользованіе, развѣ превращеніе вещи, измѣненіе вида ея таково, что она поступаетъ совершенно въ другой разрядъ вещей. Но разумѣется, что здѣсь довольно трудно провести опредѣленную границу между случаями, гдѣ проявляется право пользованія, и случаями, гдѣ проявляется право распоряженія. Болѣе другихъ основательна попытка опредѣлить эту границу такимъ образомъ: если есть возможность обратить вещь къ прежнему виду, то въ употребленіи вещи проявляется только право пользованія; если-же вѣсть, вещь безвозвратно перешла въ другой разрядъ, то проявляется право распоряженія. Въ практическомъ отношеніи иногда очень важно опредѣлить, какое именно право проявляется въ данномъ случаѣ: право ли пользованія или право распоряженія; въ-особенности это важно въ ограниченіяхъ, допускаемыхъ или опредѣляемыхъ для права собственности. Наприм. у

(25) Св. зак. гр. ст. 459.

должника описано имущество, но по смыслу кредиторъ предоставляетъ должнику или его родственникамъ пользоваться имуществомъ, не предоставляя однако распоряженія: если должникъ будетъ пользоваться имуществомъ такъ, что оно не измѣнитъ своего вида, по-крайней-мѣрѣ невозвратно, то должникъ не выйдетъ изъ своего права; но если будетъ *распоряжать* вещью, то тѣмъ нарушить право вѣрителя и подвергнетъ ся ответственности. Право владѣнія и право пользованія, какъ мы видѣли, можно выдѣлить изъ права собственности и предоставить стороннему лицу. Справивается, имѣеть-ли мѣсто выдѣль относительно права распоряженія? Намъ кажется, что должно отринуть возможность такого выдѣла: право распоряженія вещью такъ тѣсно связано съ существомъ права собственности, что безъ прекращенія его самого выдѣль права распоряженія неудобомыслимъ. По исключению встрѣчаются, правда, случаи, что право распоряженія выдѣляется изъ права собственности и переходитъ къ другому лицу, однако нормальное состояніе юридического быта то, что право распоряженія остается за собственникомъ, хотя-бы у него не было ни владѣнія, ни пользованія. И въ самомъ дѣлѣ, если изъ права собственности выдѣляется право владѣнія или право пользованія, то у собственника остается право распоряженія, и оно знаменуетъ право собственности. Но если выдѣлить право распоряженія, то выдѣль его можетъ повлечь за собою выдѣль и права владѣнія и права пользованія, такъ-что у собственника ничего не останется отъ его права собственности: стороннее лицо, которому будетъ предоставлено право распоряженія, въ силу своего права, пожалуй, и уничтожить вещь, и подвергнуть ее отчужденію, словомъ, разрушить право собственности. Но положительное законодательство, повидимому, противорѣчить нашему мнѣнію относительно выдѣла права распоряженія изъ права собственности: законодательство наше говоритъ о правѣ распоряженія, отдѣльномъ отъ права соб-

ственности, т. е. выдѣленномъ изъ него (26). Но законодательство говорить о выдѣль права распоряженія не въ томъ смыслѣ, что это право предоставляется стороннему лицу, а законодательству предоставляется выдѣль права распоряженія тамъ, где собственно нѣть его выдѣла. Дѣло въ томъ, что законодательство видитъ выдѣль права распоряженія въ дачѣ довѣренностіи на отчужденіе вещи (27); но повѣренный есть только представитель довѣрителя, такъ-что каждое дѣйствие повѣренного должно считать дѣйствиемъ самого довѣрителя, и слѣдовательно дачею довѣренностіи никакого выдѣла изъ права не дѣлается. Въ частности, законодательство, вѣрное своему взгляду, запрещаетъ выдачу довѣренностіи на отчужденіе населенного имѣнія лицу, неимѣющему правъ потомственнаго дворянства (28). Но это опредѣленіе объясняется исторически. Извѣстно, что, по нашему законодательству, приобрѣтеніе права собственности на нѣкоторые предметы обусловливается извѣстнымъ сословіемъ лица. Такъ, только потомственные дворяне могутъ приобрѣтать право собственности на населенные имѣнія (29). Но по выгодамъ, связаннымъ съ правомъ собственности на населенные имѣнія, естественно, что и для лицъ другихъ сословій есть искушеніе приобрѣсти такія имущества. Дѣйствительно, въ нашемъ юридическомъ быту встрѣчаются разныя попытки обойти запрещеніе законодательства, а извѣстно, что личный интересъ дѣлаетъ людей весьма изобрѣтательными. И вотъ въ-особенности часто прежняя практика прибѣгала къ такой хитрости: лицо, желающее пользоваться выгодами права собственности на населенное имѣніе, за извѣстное вознагражденіе, равняющееся стоимости имѣнія, получало отъ собственника довѣренностію на управление тѣмъ имѣніемъ со всеми вотчинными правами, такъ-что по своему

(26) Тамъ-же, разд. II, гл. 2, отдѣл. 4.

(27) Тамъ-же, ст. 460.

(28) Тамъ-же, ст. 1988.

(29) Неволина, Ист. Росс. гр. зам. III, стр. 223.

усмотрѣнію могло подвергнуть имѣніе и отчужденію, а между-
тѣмъ довѣренный обеспечивалъ себя противъ уничтоженія до-
вѣренности со стороны довѣрителя, и такимъ образомъ полу-
чать возможность фактически располагать населеннымъ имѣ-
ніемъ или крѣпостными людьми, какъ своею собственностью (29).
При такихъ явленіяхъ законодательство, конечно, легко могло
найти на мысль, что дача довѣренности на отчужденіе права
собственности составляетъ выдѣлъ изъ него права распоря-
женія, и вотъ относительно права собственности на населенный
имѣнія запретило такой выдѣлъ лицамъ, не имѣющимъ правъ
потомственнаго дворянства. Но все-таки довѣренность устано-
вляется лишь договоромъ представительства и дѣйствіе повѣ-
ренного должно считать дѣйствіемъ самого довѣрителя, такъ-
что выдѣла права распоряженія выдачею довѣренности, соб-
ственно, не дѣлается, а только представляется возможность
фактически осуществлять то, къ чему-бы могло вести право
распоряженія, выдѣленное изъ права собственности.

§ 9.

ОГРАНИЧЕНИЯ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.

Уже изъ самаго опредѣленія права собственности, сдѣлан-
наго нами, видно, что оно подлежитъ различнымъ ограниченіямъ,
сопровождающимъ всякое право собственности на известные
предметы, такъ-что право собственности на эти предметы толь-
ко и существуетъ въ предѣлахъ, установленныхъ ограниче-
ніями, внутри ихъ (30). Эти-то ограниченія и мѣшаютъ намъ
принять обыкновенное опредѣленіе права собственности, какъ
полнаго господства лица надъ вещью. Разнообразны ограниче-
нія, существующія для права собственности, по различнымъ
соображеніямъ установлены они. Но при всемъ ихъ разнооб-

(30) Въ нашемъ законодательствѣ эти ограниченія называются *правами участия* въ пользованіи и выгодахъ чужаго имущества.

разій все ограничіння права собственности им'яють і общія характеристическія черты, отличаюція ихъ отъ ограниченийъ другихъ правъ и отъ другихъ ограниченийъ права собственности. Эти общія черты по нашему иннію слѣдующія: 1) ограничіння эти законныя, а не установлены актомъ самого собственника, такъ-что право собственности на тѣ предметы, которыхъ касаются ограничіння, не существуетъ въ большемъ объемѣ, между-тѣмъ-какъ выдѣль той или другой части изъ права собственности актомъ самого собственника не представляется собственно ограничениемъ права собственности, а только осуществлениемъ его, проявленіемъ права распоряженія. Въ юридическомъ смыслѣ вообще нельзя говорить объ ограничінніи самого себя, ибо каждое такое ограничінніе будетъ осуществлениемъ права. 2) Если ограничіння, существующія для права собственности, такъ или иначе уничтожатся; то объемъ права собственности расширяется, чего не бываетъ съ другими вещными правами. Если наприм. право собственности на поземельный участокъ ограничено установленнымъ чрезъ него проездомъ, а вслѣдствія проездъ прекратится, то право собственности расширяется. Но если напр. существует право пользованія относительно чужаго поземельного участка, то, единожды установленное въ известномъ объемѣ, оно и остается навсегда одинаковымъ. Это свойство права собственности расширяться по мѣрѣ устраненія ограничений можно назвать упругостію права собственности. 3) Ограничіння не устанавливаются права на чужую вещь, потому-что право на чужую вещь есть уже выдѣль изъ права собственности, а ограничіння составляютъ предѣль его. Ограничіння устанавливаются для стороннихъ лицъ только право на совершение известныхъ дѣйствій, которые не считаются нарушеніями права собственности. 4) Равнымъ образомъ ограничіння права собственности не устанавливаются для стороннихъ лицъ права на чужое дѣйствіе: собственникъ, вслѣдствіе ограничіння права собственности, лишается возможности совершить то или другое дѣйствіе отно-

сительно вещи, тогда-какъ безъ ограничения онъ по праву собственности могъ-бы совершить это дѣйствие; или собственикъ, вслѣдствіе ограничения права собственности, обязывается допустить то или другое дѣйствие относительно вещи со-стороны другого лица, тогда-какъ безъ ограничения права онъ могъ-бы и не допускать такого дѣйствія; но никогда собственикъ, вслѣдствіе ограничения права собственности, не обязывается совершить какое-либо положительное дѣйствие. Если и налагаются нерѣдко на собственника разныя обязательства, то они должны быть рассматриваемы независимо отъ права собственности, какъ законныя обязательства, лежащія на лицѣ собственника, во не какъ ограничения права собственности. Наконецъ (31), всѣ ограничения права собственности правами участія касаются исключительно недвижимыхъ имуществъ.

Право участія, допускаемое законодательствомъ въ смыслѣ ограничения права собственности, раздѣляется на *общее и частное*, или, какъ говорится, на *право участія общаго и право участія частнаго* (32). Право участія общаго установлено въ пользу всѣхъ и каждого, а право участія частнаго—лишь въ пользу нѣкоторыхъ, извѣстныхъ лицъ. *Право участія общаго* установлено по соображенію, что каждое имущество въ государствѣ, хотя и предоставляется исключительному господству одного лица, все-таки можетъ и должно служить цѣлямъ государства, и какъ цѣли и интересы государства выше интересовъ отдельныхъ лицъ, то права ихъ на имущество могутъ быть ограничены, насколько того требуютъ общественные интересы. Въ особенности это примѣняется къ праву поземельной собственности. Самое понятіе о государствѣ предполагаетъ опредѣленную территорію, безъ которой общество существуетъ лишь въ видѣ кочующей орды. Но что такое территоія, какъ не совокупность поземельныхъ участковъ, входящихъ въ составъ государства? И такъ въ каждомъ поземельномъ участкѣ двѣ

(31) Св. зак. гр. ст. 401.

(32) Тамъ-же, ст. 402.

стороны: одна подлежит господству частного лица, другая составляет часть всей территории государства. И одна сторона ограничивается другою: вслѣдствіе того, что поземельный участокъ принадлежитъ одному лицу, государство объявляетъ его неприкосновеннымъ для другихъ лицъ; но вслѣдствіе того, что поземельный участокъ есть составная часть государственной территории, самое господство наъ участкомъ ограничивается. Другое соображеніе при установлении права участія общаго то, что безъ права пользованія известными удобствами и средствами тамъ, где лицо ихъ находится, оно было бы иногда поставлено въ самое затруднительное положеніе. По этимъ-то соображеніямъ наше законодательство постановляетъ слѣдующія права участія общаго, какъ ограничения права собственности: 1) собственникъ поземельного участка, чрезъ который пролегаетъ дорога, не въ-правѣ препятствовать свободному проходу, провозу и проѣзду по дорогѣ, вслѣдствіе того обязанъ воздерживаться отъ запахиванія дороги, копанія по ней ямъ и вообще отъ всего того, что можетъ препятствовать свободному проходу, провозу и проѣзду по дорогѣ (32). Интересъ государства требуетъ, чтобы сообщенія были возможны между всѣми частями территории, свобода движенія была установлена для всѣхъ гражданъ, а для этого необходимы пути сообщенія и съ тѣмъ вмѣстѣ различныя ограниченія права собственности въ интересахъ сообщеній между различными местностями. Но не во всѣхъ случаяхъ право участія каждого въ пользованіи дорогою представляется ограничениемъ права собственности. Нѣкоторыя дороги, напр. большия тракты, губернскія дороги и др. считаются собственностью государства (33), и вотъ относительно этихъ дорогъ право общаго участія не представляется ограничениемъ права собственности: собственникъ прилежащаго поземельного участка не ограничивается въ правѣ собственности, потому-что не его соб-

(32) Тамъ-же, ст. 874.

ственностию пользуются проходящие и проезжающие, а собственностью государства; но государство также не ограничивается въ правѣ собственности, ибо само оно предоставляетъ пользоваться своими дорогами всѣмъ и каждому. Дѣйствительно, ограничение представляется только относительно малыхъ, сельскихъ дорогъ, называемыхъ юристами западной Европы *семинальными* (*chemins vicinaux*): дороги эти частныя, онѣ составляютъ собственность хозяина поземельного участка, чрезъ который прелегаютъ, но тѣмъ не менѣе каждое лицо имѣть по нимъ право прохода, провоза и проѣзда. 2) Владѣлецъ поземельного участка, прилегающаго къ судоходной рѣкѣ, не въ-правѣ препятствовать свободному плаванію по рѣкѣ: поэтому запрещается ему строить на судоходной рѣкѣ мельницы, плотины, заколы или другіе перегороды, отъ которыхъ рѣки за сориваются и къ судовому ходу дѣлаются неудобными; на малыхъ рѣкахъ прибрежные владѣльцы не въ-правѣ строить мостовъ на козлахъ, жердахъ и слабыхъ сваяхъ, а могутъ строить только постоянные мосты, которые не препятствуютъ сплаву дровъ и бревенъ, или содержать разводные живые мости или перевозные платы (34). Но относительно большинства судоходныхъ рѣкъ должно сказать то-же самое, что сказано и о большихъ дорогахъ: рѣки эти считаются собственностью государства. Такимъ образомъ, только ограничения прибрежныхъ владѣльцевъ относительно пользованія малыми рѣками дѣйствительно представляются ограничениями права собственности. 3) Хозяинъ поземельного участка, чрезъ который пролегаетъ дорога, не въ-правѣ залирать луга свое отъ 1 сентября до днѣ св. Троицы на пространствѣ версты или полуверсты по обѣимъ сторонамъ дороги (смотря потому, къ какой дорогѣ привлѣгается дача, большой или проселочной) въ не въ-правѣ препятствовать пользоваться въ своей дачѣ прогоняемому скоту подложнымъ кормомъ (35). Постановленіе это основано на осо-

(34) Тамъ-же, ст. 406, 408.

(35) Тамъ-же, ст. 403, 404.

быхъ отнешеніяхъ, существующихъ въ нашемъ отечествѣ: народное продовольствие составляетъ одну изъ существенныхъ заботъ правительства, между тѣмъ для продовольствія нѣкоторыхъ мѣстностей требуется прогонъ скота изъ очень отдѣленныхъ губерній, и еслибы кормъ для прогоняемаго скота получать посредствомъ покупки, то намѣстъ потребленія скотъ обошелся бы чрезвычайно дорого, а отъ этого затруднились бы и продовольствие жителей. Кроме-того, по малому числу городовъ и рынковъ въ нашемъ отечествѣ, даже при готовности покупать кормъ для прогоняемаго скота, хозяева его затруднялись бы въ приобрѣтеніи корма: имъ или вовсе не-гдѣ было-бы купить его, или хозяева корма стали-бы требовать за него огромныя цѣны. Вслѣдствіе этого-то у насть до-сихъ-поръ существуетъ постановленіе, по которому хозяева поземельныхъ участковъ, прилежащихъ къ дорогамъ, обязаны дозволить пользованіе подножнымъ кормомъ для прогоняемаго скота. Разумѣется, сначала это право участія установилось обычаемъ, ибо по недороговизнѣ поземельной собственности въ прежнее время это пользованіе подножнымъ кормомъ считалось столь незначительнымъ, что оно не заслуживало и вниманія хозяевъ поземельныхъ участковъ. Впослѣдствіи, когда поземельная собственность получила большую цѣнность, естественно возникъ вопросъ о запрещеніи такого пользованія и вотъ тутъ-то представилось указанное соображеніе, на основаніи которого законодательство опредѣлило ограниченіе, хотя въ настоящее время оно можетъ быть и очень чувствительно. Впрочемъ, въ то время, которое особенно важно для хозяина луговъ (отъ Троицына дня до 1 сентября), права участія въ пользованіи лугами не существуетъ. 4) Хозяинъ поземельного участка, прилегающаго къ судоходной рекѣ или озеру, рыболовство въ которомъ не принадлежитъ ему, на пространствѣ десяти сажень обязанъ допускать проходъ и проездъ людимъ, занимающимся подъемомъ рѣчныхъ судовъ, дозволять баркамъ и другимъ судамъ останавливаться у береговъ, причаливать къ ямъ и вы-

гружать свои товары безъ всякой платы, пользоваться подъюнымъ кормомъ на пространствѣ бичевника, ловцамъ рыбы имѣть пристанище и осушивать снасти, вообще не препятствовать употреблению бичевника и не повреждать его (36). Такое ограничение постановлено по тому соображенію, что въ нашемъ отечествѣ весьма употребительно судоходство бичевою тягою, производимою частію людьми, частію животными, особенно лошадьми, между тѣмъ цѣна за провозъ товаровъ такъ низка, что нѣтъ возможности судовщикамъ издерживать что-либо на прокормленіе лошадей, употребляемыхъ для бичевой тяги. При томъ-же было-бы затруднительно вступать каждый разъ въ договоръ относительно подночного корма и права остановки у берега: прибрежные хозяева могли-бы воспользоваться нуждою судовщиковъ и рыболовцевъ и стѣснить ихъ, какъ въ случаѣ надобности въ подночномъ кормѣ, такъ и въ случаѣ надобности остановки у берега, для починки-ли судна, для выгрузки-ли товаровъ, или для осушки снастей. Но дѣло въ томъ, что пространство берега судоходной рѣки, отводимое для бичевника, вмѣстѣ съ рѣкою, равно-какъ и большія озера съ ихъ берегами считаются имуществомъ государственнымъ (37), следовательно рассматриваемое опредѣленіе законодательства, по-отношенію къ собственникамъ поземельныхъ участковъ, прилежащихъ къ судоходнымъ рѣкамъ и большими озерамъ, ограниченія частной собственности не представляеть, а представляется ограничение права собственности только для хозяевъ малыхъ рѣкъ и озеръ и прилежащихъ къ нимъ поземельныхъ участковъ.

§ 10.

Ограничения права собственности правами участка частично установлены преимущественно въ пользу соседей недвижимости

(36) Тамъ-же, ст. 405, 406, 409.

(37) Тамъ-же, ст. 874.

мыхъ имуществъ, какъ поземельныхъ, такъ и строеній. Ограничія эти установлены частію по тому соображенію, что иногда собственикъ недвижимаго участка не иначе можетъ извлекать изъ него пользу, осуществить свое право собственности, какъ съ ограничениемъ права собственности своего сосѣда. Такъ 1) если дача окружена другими поземельными участками и нѣтъ возможности пробраться въ дачу, какъ только чрезъ чужіе участки, равнымъ-образомъ, если въ дачѣ нѣтъ воды, то хозяева сосѣднихъ поземельныхъ участковъ обязаны дозволять проходить, проѣздъ и прогонъ скота на водопой чрезъ свои дачи (38); 2) хозяинъ поземельного участка не въ-правѣ поднимать запрудами рѣчную воду, какъ-скоро этимъ останавливается ходъ мельницы, устроенной сосѣдомъ (39). Или ограниченія права собственности правами участія частнаго установлены по тому соображенію, что иные виды осуществленія права собственности были-бы нарушеніемъ права собственностисосѣда. Поэтому: 1) хозяинъ поземельного участка, прилежащаго къ рѣкѣ, не въ-правѣ поднимать воду ея и тѣмъ производить затопленіе сосѣднихъ поземельныхъ участковъ (40); 2) собственикъ прабрежнаго поземельного участка не въ-правѣ прымыкать плотину къ противоположному берегу рѣки, принадлежащему другому лицу (41); 3) домохозяинъ не въ-правѣ устроить скатъ крыши на дворъ сосѣда, 4) лить воду, сметать соръ, на дворъ его; 5) не въ-правѣ пристроивать поварню къ стѣнѣ сосѣда и 6) дѣлать оина на его дворъ въ стѣнѣ, находящейся на самой межѣ (42). Но поднимать рѣчную воду и тѣмъ затоплятьсосѣдніе луга, прымыкать плотину къ чужому берегу, дѣлать скатъ кровли на дворъ сосѣда и тѣмъ давать туда направление дождевой водѣ, сметать соръ, лить воду на дворъ сосѣда—все это значитъ нарушать право собственности другого лица. При-

(38) Св. зак. гр. ст. 416, 419.

(39) Тамъ-же, ст. 410, п. 1.

(40) Тамъ-же.

(41) Тамъ-же, п. 2.

(42) Тамъ-же, ст. 413, 414, 415

стройка зданія къ стѣнѣ сосѣда, говоря вообще, не считается нарушениемъ права собственности, хотя и независимо отъ воли сосѣда происходитъ приносовеніе къ его вещи; но если прикасающееся строеніе угрожаетъ какою-либо опасностю, то законодательство считаетъ нужнымъ ограничить строителемъ и вотъ запрещаетъ пристраиватъ поварню къ стѣнамъ сосѣда, какъ строеніе, угрожающее опасностю отъ огня. Несколько страннымъ кажется ограничение относительно оконъ. Казалось бы, домохозяинъ, пробивая окна въ стѣнѣ своего дома, находящейся на межѣ, осуществляетъ только свое право собственности и не нарушаетъ права собственностисосѣда, подобно тому, какъ представляется такое нарушение напр. при слияни воды изъ чужой дворъ. Но запрещеніе относительно оконъ имѣть практическое значеніе: каждому домохозяину болѣе или менѣе непріятно, если совершиенно независимо отъ его воли сосѣдъ пустить окна на его дворъ. Конечно, сосѣдъ можетъ избавиться отъ такой непріятности: онъ по своему праву собственности можетъ вывести какое-либо зданіе или стѣну у самаго окна. Но законодательство считаетъ возможнымъ прямо ограничить право собственности домохозяина, запретить ему пускать окна на дворъ сосѣда. Однакожъ запрещеніе это только и касается оконъ въ стѣнѣ, находящейся на самой межѣ, а по ею сторону межи домохозяинъ въ-правѣ вывести какое угодно строение и сдѣлать окна, изъ которыхъ видно на дворъ сосѣда: законодательство считаетъ неумѣстнымъ ограничивать даѣше право собственности, но сосѣдъ также въ-правѣ вывести стѣну на самой межѣ и тѣмъ совершенно отѣлить и закрыть свой домъ отъ сосѣдняго (43). Разумѣется, особое со-

(43) При такомъ пространствѣ ограничения относительно оконъ, легко допустить предположеніе, что ограничение это, кроме своего практическаго значенія, установлено еще подъ вліяніемъ Римскихъ юридическихъ понятій, по которымъ хозяинъ мѣста есть также хозяинъ воздушного столба, вызывающагося надъ мѣстомъ, и потому существованіе окна въ стѣнѣ, находящейся на самой межѣ, и пользованіе воздухомъ представляются нарушениемъ права собственности сосѣда, но иѣтъ такого нарушенія, когда зданіе наход-

гашеніе, особый договоръ между соѣдами, надлежащимъ об-разомъ совершенный, можетъ устранить то или другое закон-ное ограничение права собственности и право частнаго участія. Но если такого соглашенія неѣтъ, то каждый собственникъ смежнаго недвижимаго имущества осуществляетъ право частнаго участія: перемѣна въ лицѣ собственника того или другаго соѣдняго имущества не имѣеть вліянія на право частнаго участія. Въ видахъ безопасности отъ огня, законодательство постановляетъ и иѣкоторыя другія ограничения въ устройствѣ и содержаніи домовъ (44), но ограничения эти и правила не представляются правами участія и потому не относятся къ нашему предмету.

§ 11.

Независимо отъ этихъ ограничений, сопровождающихъ каждое право собственности на тѣ предметы, которыхъ касаются ограничения, такъ-что право собственности только и существуетъ въ предѣлахъ установленныхъ ограничений, независимо, говорю, отъ нихъ, право собственности и внутри своихъ предѣловъ иногда ограничивается по различнымъ основаніямъ, лежащимъ или въ личности отдельнаго субъекта права собственности, или въ обстоятельствахъ постороннихъ относительно личности субъекта. Ограничение можетъ касаться каждой изъ составныхъ частей права собственности — владѣнія, пользованія и распоряженія, и притомъ можетъ касаться или одной только составной части права собственности, или распространяться и на другія части. Разсмотримъ эти ограничения относительно каждой составной части права собственности въ отдельности.

Ограничение права собственности относительно владѣнія, безъ ограничения пользованія и распоряженія представляется

дится не на самой межѣ, ибо воздушный столбъ въ этомъ случаѣ составляетъ уже собственность домохозяина (Dig. L. 48, ч. 27).

(44) Уст. строит. разд. VI.

при учреждении опеки надъ населеннымъ имѣніемъ съ устранимъ собственника отъ всякаго прикосновенія къ нему. Такъ, по нашему законодательству, собственникъ населенного имѣнія, отступившій отъ православнаго вѣроисповѣданія, не имѣть права въѣзда въ имѣніе (45). Равнымъ образомъ запрещается въѣздъ въ населенное имѣніе собственнику, жестоко обращающемуся съ крестьянскими людьми (46). Въ обоихъ этихъ случаяхъ учреждается опека и владѣть за собственника опекунъ, который является и представителемъ государства и представителемъ опекаемаго. Но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ законодательство не трогаетъ ни права пользованія — собственникъ пользуется доходами, получаемыми отъ имѣнія, ни права распоряженія — собственникъ въ-правъ продать имѣніе и правительство даже охотно принимаетъ готовность къ отчужденію, а законодательство не допускаетъ только владѣнія. Иногда съ ограниченіемъ владѣнія соединяется и ограниченіе пользованія, такъ-что лицо не только не владѣеть имуществомъ, но и не пользуется имъ или совершенно, или по-крайней-мѣрѣ пользуется не въ полномъ объемѣ, а только часть доходовъ, доставляемыхъ имуществомъ, идетъ на удовлетвореніе потребностей собственника. Такъ, ограничения относительно владѣнія и пользованія представляются по нашему законодательству при учреждении опеки надъ имуществомъ расточителя (47), несовершеннолѣтнаго, умалишенного (48); при просрочки по закладной крѣпости, когда залогоприниматель вводится во владѣніе заложеннымъ недвижимыхъ имуществомъ и пользуется его доходами до продажи или до расчета съ залогодателемъ (49); при закладѣ движимаго имущества, которое обыкновенно хранится въ рукахъ залогопринимателя (50); нако-

(45) Св. уст. о предупр. и пресѣч. преступл. ст. 49.

(46) Тамъ-же, ст. 862.

(47) Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 215.

(48) Св. зак. гр. ст. 268, 347.

(49) Тамъ-же, ст. 2052.

(50) Тамъ-же, ст. 1407.

ицъ, ограничение относительно владѣнія и пользованія представляется въ томъ случаѣ, когда право собственности на имущество бездѣтно-умершаго лица переходитъ по праву наследованія къ его родственникамъ въ боковой линіи, но владѣніе и пользованіе нѣкогда принадлежитъ родителямъ бездѣтно-умершаго (51). Но какъ владѣніе можетъ быть ограничено безъ ограничения пользованія и распоряженія, такъ и относительно пользованія представляются случаи, въ которыхъ собственникъ ограничивается относительно пользованія, не будучи ограничеванъ относительно владѣнія. Такъ, при отдаче имущества въ залогъ, оно можетъ быть обписано, запечатано и оставлено на храненіе у самого залогодателя: владѣніе заложенною вещью для него не ограничивается, но существуетъ ограничение относительно пользованія и распоряженія. Въ болѣйшей части случаевъ однако съ ограничениемъ пользованія соединяется и ограничение владѣнія.

§ 12.

Право собственности ограничивается относительно распоряженія. Или это ограничение соединяется съ ограничениемъ другихъ частей права собственности: такъ, при учрежденіи опеки надъ имѣніемъ малолѣтнаго, умалишеннаго, расточителя права собственности ограничивается не только относительно распоряженія, но и относительно другихъ составныхъ своихъ частей. Или ограничение права собственности только и касается распоряженія: такъ при наложеніи запрещенія на имущество. Въ иныхъ случаяхъ право собственности и существуетъ неиначе, какъ съ ограничениемъ относительно распоряженія. Напр. право собственности на такъ-называемыя заповѣдныя имѣнія: лицо, праву собственности котораго подлежитъ заповѣдное имѣніе, владѣеть имъ, пользуется, но не въ-правѣ подвергнуть его отчужденію и залогу (который также можетъ ве-

(51) Тамъ-же, ст. 960.

сти къ отчужденію), съѣдовательно ограничивается въ распоряженіи (52). Таковы *майораты* (53). Самый важный случай ограничения права собственности относительно распоряженія представляется при наложеніи *запрещенія* на имущество, по отношению къ имуществу движимому частно называемаго *арестомъ*. Подъ *запрещеніемъ* разумѣется ограниченіе собственника въ совершеніи какого-либо акта отчужденія относительно его имущества, такъ-что запрещеніе обнимаетъ собою не все распоряженіе, а только важнѣйшій видъ его. По буквальному выражению законодательства, наложенное запрещеніе ограничивается, правда, собственника только въ совершеніи купли, продажи и залога относительно недвижимаго имущества; законодательство выражается: «*запрещение въ письмъ купчихъ и закладнъхъ крѣпостей*» (54). Но практика понимаетъ это опредѣленіе распространительно, толкуетъ такъ, что запрещеніе въ письмѣ купчихъ крѣпостей обнимаетъ всѣ акты отчужденія. Практика

(52) Св. зак. гр. армк. къ ст. 863 (по прод. VI) т. 38, 42.

(53) Но съ этимъ правомъ собственности, ограниченнымъ относительно распоряженія, не должно смѣшивать сходнаго съ нимъ по содержанию такъ-называемаго *наследствомъ*. Такъ, напр. законодательство предоставляетъ родителямъ пожизненное владѣніе благоприобрѣтеннымъ имуществомъ безпотомственно умершихъ дѣтей; или иногда, по исключенію, верховная власть предоставляетъ переживающему супругу пожизненное владѣніе имуществомъ другаго супруга. Въ обоихъ случаяхъ пожизненное владѣніе обнимаетъ право владѣнія и право пользованія, безъ права распоряженія. Но все-таки пожизненнаго владѣльца нельзя считать собственникомъ имущества, который онъ владѣть и пользуется,—собственникомъ, ограниченнымъ распоряженіемъ: собственникъ—наследникъ умершаго лица, безпотомственнаго дитя или супруга. Практическая сторона такого признанія права собственности за наследникомъ заключается въ томъ, что наследникъ, будучи собственникомъ имущества, подлежащаго пожизненному владѣнію другаго лица, ограниченнымъ во время жизни его во владѣніи и пользованіи, можетъ распорядиться имуществомъ, разумѣется, безъ всякаго ущерба пожизненному владѣльцу,—тогда-какъ, еслибы пожизненнаго владѣльца считать собственникомъ, ограниченнымъ въ распоряженіи, за прямымъ-же наследникомъ признавать лишь право на приобрѣтеніе права собственности на имущество по смерти пожизненнаго владѣльца, то всякаго распоряженіе наследника относительно имущества, сдѣланное при жизни пожизненнаго владѣльца, должно-бы признать недѣйствительнымъ.

(54) Св. зак. гр. ст. 626.

въ этомъ случаѣ совершенно единодушна: ни одно присутстви-
е мѣсто, совершающее крѣпостные акты, не совершить
напр. *договорной залоги* на вѣніе, состоящее подъ запре-
щениемъ. И должно сказать, что такое толкованіе совершенно со-
образно цѣли законодательства, съ которою налагается запре-
щеніе: цѣль эта, говоря вообще, обезпеченіе взысканія, кото-
рое можетъ настѣнъ на собственника; но понятво, что она не бы-
ла-бы достигнута, еслибы собственникъ, ограниченный въ про-
дажѣ вѣнія, считался въ-правѣ подвергнуть его дарственному
отчужденію, которое притомъ способно прикрывать собою и
отчужденіе возмездное, продажу. Если-же законодательство го-
ворить только о запрещеніи въ письмѣ купчихъ крѣпостей, не
упоминая о другихъ актахъ отчужденія, потому - что отчужде-
ніе имуществъ производится всего чаще возмездно и притомъ
именно по договору купли-продажи, совершающему посред-
ствомъ написанія купчей крѣпости. Отдача имущества въ за-
логъ не составляетъ акта отчужденія; но такъ-какъ залогъ мо-
жетъ вести къ отчужденію имущества продажею (при неиспра-
вности залогодателя) (55) и древніе источники нашего права
безпрестанно объясняютъ залогъ съ продажею (56), то зако-
нодательство распространяетъ запрещеніе и на совершение за-
кладной крѣпости. Поэтому мы въ-правѣ, кажется, характери-
зоввать запрещеніе, какъ ограниченіе собственника только въ
совершении акта отчужденія относительно его имущества. То-
же самое составляетъ существо *ареста*; но онъ имѣть и иные
которые особенности. Отчужденіе недвижимаго имущества по-
нашему законодательству совершается посредствомъ написанія
крѣпостнаго акта, а его нельзя написать при существованіи
запрещенія; поэтому нѣтъ затрудненія оставить недвижимое
имущество въ рукахъ собственника, хотя на имущество это и
валожено запрещеніе. Но что касается до движимаго имуще-
ства, то хотя юридически и нельзя подвергнуть его отчужде-

(55) Тамъ-же, ст. 2061, 2073, 2074.

(56) Медера, Древн. Русс. право залога. Казань, 1855, стр. 6, 7.

нію при существованиі запрещенія — актъ отчужденія юридически-ничтоженъ, — но такъ-какъ для отчужденія движимаго имущества не требуется совершениі крѣпостнаго акта и съдов. фактически оно можетъ быть отчуждено, передано отъ собственника въ руки другого лица, и трудно добраться, къ кому оно перешло, и далѣе, такъ-какъ движимое имущество легко можетъ быть скрыто или подвергнуто уничтоженію, то съ ограничениемъ права отчужденія относительно движимаго имущества самое имущество обыкновенно описывается, запечатывается и отбирается отъ собственника (57). Такимъ-образомъ арестъ, кроме ограничения собственника въ отчужденіи, лишаетъ его и владѣнія и пользованія, и только по особому соглашенію интересента имущество, подвергшееся аресту, можетъ быть оставлено въ рукахъ самого собственника. Запрещеніе представляется двоякимъ: общимъ и частнымъ или специальнымъ. Общее запрещеніе обнимаетъ все имущество лица не только настоящее, но и будущее, не только известное настоящее, но и неизвестное; словомъ, когда-бы и гдѣ-бы ни оказалось у лица имущество, какъ-скоро оно явится, считается подлежащимъ запрещенію. Такому общему запрещенію подвергается напр. имущество несостоятельного должника (58), имущество расточителя (59) и т. п. Частное запрещеніе относится къ известному какому-либо имуществу лица: напр. налагается запрещеніе на такое-то населенное имѣніе лица, находящееся въ такой-то губерніи, въ такомъ-то уѣздѣ, состоящее изъ такого-то числа ревизскихъ душъ. Но это частное запрещеніе представляется опять двоякимъ: или оно обнимаетъ известное имущество въ цѣлости, или только часть его, опредѣляемую количествомъ (60). Положимъ, лицу принадлежитъ недвижимое населенное имѣніе, состоящее изъ 500 ревизскихъ душъ и 2000

(57) Св. зак. гр. ст. 1407, 3806.

(58) Св. уст. торг. ст. 1716—1722. Св. зак. гр. 2079—2081.

(59) Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 214.

(60) Св. зак. гр. ст. 3776, 3777.

десятинъ земли; половину этого имѣнія лицо предоставляетъ въ залогъ напр. по пятейнымъ откупамъ; вслѣдствіе того на 250 душъ и 1000 десятинъ земли имѣнія налагается запрещеніе; но при этомъ не исчисляется, какіе именно крестьяне и какія десятины земли поступаютъ въ залогъ, а указывается только чи-сло душъ и десятинъ земли, подлежащихъ запрещенію. Въ такомъ случаѣ, и собственникъ ограничивается въ отчужденіи лишь той части своего имущества, на какую простирается запрещеніе, а часть излишняя остается въ свободномъ его распоряженіи. Такъ, въ нашемъ прымѣрѣ, лицо въ-правѣ продать 50, 100 до 250 душъ и 1000 десятинъ земли, потому-что эта часть имѣнія свободна отъ запрещенія.

По различнымъ поводамъ налагается запрещеніе на недвижимое имущество, запрещеніе въ тѣсномъ смыслѣ. Иногда оно налагается при участіи воли самого собственника, иногда независимо отъ его воли, по опредѣленію какого-либо присутственного мѣста. При участіи воли собственника налагается запрещеніе на имущество, когда собственникъ распоряжается имъ для обеспеченія обязательства, представляетъ свое имущество въ залогъ (61). Иногда уже при одномъ только приготовленіи имущества въ залогъ оно подвергается запрещенію. Такъ, при заключеніи какого-либо договора частнымъ лицомъ съ казною, подряда, поставки, займа и т. п., недвижимое имущество неиначе принимается въ залогъ для обеспеченія обязательства, какъ съ засвѣтельствованіемъ подлежащаго присутственного мѣста о наличии имущества и его свободности (62). Но отъ выдачи собственнику такого свидѣтельства до представленія имущества въ залогъ можетъ истечь значительное пространство времени, въ которое собственникъ, пожалуй, успѣеть подвергнуть свое имущество и отчужденію: поэтому при самой выдачѣ свидѣтельства на имущество уже налагает-

(61) Тамъ-же, ст. 1388.

(62) Тамъ-же, ст. 1351, 1369.

ся запрещение, такъ-что договоръ съ казною еще и не заключенъ, нѣтъ обязательства, которое-бы обеспечивало имущество, а запрещение на имущество уже наложено. Независимо отъ воли собственника, по определенію какого-либо пристава, налагается запрещение или на основаніи прямаго определенія законодательства, или по собственному усмотрѣнію пристава, наимущества. По прямому определенію законодательства, налагается напр. запрещение на имущество несостоятельнаго должника (63), расточителя (64); на имущество, переходящее по духовному завѣщанію, если по вводѣ уже наследника во владѣніе завѣщаннымъ недвижимымъ имуществомъ будетъ предъявленъ споръ противъ духовнаго завѣщанія (65) и т. д. Но такъ-какъ запрещение не составляетъ большаго ущерба для собственника, потому-что право собственности осуществляется преимущественно безъ отчужденія, — отчужденіе ведетъ уже къ прекращенію самого права собственности; то, и независимо отъ прямыхъ указаний законодательства, приставы, судебныя мѣста, въ случаѣ тяжбы о недвижимомъ имуществѣ, охотно соглашаются на просьбы истцевъ о наложеніи запрещенія на имущество, о которомъ идетъ тяжба, и наложеніи запрещенія. Особенно въ дѣлахъ по претензіямъ казны на частномъ лицѣ приставы мѣста, чтобы отклонить отъ себя всякую ответственность, бываютъ очень проворны на наложение запрещенія, такъ-что законодательство нашло даже нужнымъ ограничить такой произволъ и постановило, что нельзя налагать запрещенія на имущество лица по одной только возможности взысканія, одному ожиданію, а только при дѣйствительномъ нарушеніи лицомъ чьихъ-либо правъ или, по крайней-мѣре, при большой вѣроятности нарушенія, и следовательно вѣроятности взысканія, на имущество лица можно налагать

(63) Учр. и уст. торгов. ст. 1720. Св. зак. гр. ст. 2079—2081.

(64) Уст. о пред. и пресѣч. прест. ст. 214.

(65) Св. зак. гр. ст. 917.

запрещение (66). Но ни въ какомъ случаѣ не налагается запрещеніе на имущество тѣхъ лицъ, которымъ своихъ обязательствъ имуществомъ не обезпечиваются и съ которыхъ взысканія не производится посредствомъ продажи ихъ имуществъ. Такъ имущества казны и яѣкоторыхъ другихъ юридическихъ лицъ не подвергаются запрещенію.

Что касается до самого процесса наложенія запрещенія, то, будучи актомъ власти исполнительной, наложеніе запрещенія должно входить въ кругъ вѣдомства губернскаго правленія, а какъ цѣль наложенія запрещенія—предупрежденіе актовъ отчужденія по недвижимому имуществу, совершаемыхъ въ судебныхъ мѣстахъ, палатахъ гражданскаго суда и уѣздныхъ судахъ, то эти мѣста должны быть уведомлены о наложеніи запрещенія. Итакъ, въ каждомъ отдельномъ случаѣ, когда слѣдуетъ наложить запрещеніе на недвижимое имущество, губернское правленіе той губерніи, где находится имущество, должно-бы сдѣлать постановленіе о наложеніи запрещенія и уведомить о томъ гражданскую палату и уѣздные суды своей губерніи. Но извѣщенія судебныхъ мѣстъ одной губерніи оказалось-бы недостаточно для той цѣли, съ которой налагается запрещеніе на имущество: ибо законодательство находитъ затруднительнымъ для собственниковъ ограниченіе въ выборѣ судебныхъ присутственныхъ мѣстъ для совершеннія актовъ отчужденія и залоговыхъ крѣпостей по недвижимымъ имуществамъ и предоставляетъ совершать эти акты повсемѣстно, и не въ одной только губерніи, где находится имущество. Изъ этого не слѣдовало-бы еще большихъ неудобствъ, не слѣдовало-бы губернскому правленію, которое распоряжается о наложеніи запрещенія, уведомлять о немъ всѣ судебныя мѣста имперіи, совершающія крѣпостные акты, а было-бы достаточно, еслибы въ законодательствѣ существовало постановленіе, что судебнное мѣсто прежде совершения крѣпостнаго акта по имуще-

(66) Тамъ-же, ст. 3775.

ству, находящемуся въ другой губерніи, должно сдѣлать запросъ о свободности имущества у губернского правленія или судебныхъ мѣстъ, вѣдающихъ крѣпостныя дѣла той губерніи, въ которой находится имущество. Но такого постановленія не быть: законодательство, можетъ быть, имѣть въ виду, что запросъ о свободности имѣнія повлекъ-бы за собою значительную медлительность въ совершениі крѣпостныхъ актовъ, а это тягостно для лицъ, совершающихъ акты. Кроме-того желательна извѣстная гласность запрещеній, налагаемыхъ на имѣнія, желательно, чтобы не только присутственныя мѣста, совершающія крѣпостные акты, знали о запрещеніи, но чтобы знать о немъ и всякий, кто пожелаетъ, кто можетъ интересоваться этимъ. Поэтому-то законодательство избираетъ иной путь для наложения запрещеній, — путь, требующій болѣе труда, болѣе переписки, нежели тотъ, который изложенъ нами и который могъ-бы существовать. По опредѣлению законодательства, запрещеніе налагается повсемѣстнымъ объявленіемъ о немъ посредствомъ припечатанія въ Сенатскіхъ вѣдомостяхъ (67); запрещеніе на имущество считается наложеннымъ, коль-скоро въ Объявленіяхъ, издаваемыхъ при Сенатскихъ вѣдомостяхъ, Петербургскихъ и Московскихъ, является статья о запрещеніи. Объявленія эти разсыпаются ежедѣльно во всѣ присутственныя мѣста, совершающія крѣпостные акты, а по истеченіи мѣсяца Сенатская типографія печатаютъ алфавитъ состоявшихся запрещеній по фамиліямъ лицъ, на имущество которыхъ они наложены, и также разсыпаютъ его въ присутственныя мѣста, совершающія крѣпостные акты. Подобный-же алфавитъ составляется по истеченіи года. Но для присутственныхъ мѣстъ обязательенъ не алфавитъ, а самое объявление о запрещеніи, такъ-что если напр. въ алфавитѣ будетъ пропущена какая-либо запретительная статья, припечатанная въ объявленіяхъ, то присутственное мѣсто все-таки подвергается отвѣтственности,

(67) Тамъ-же, ст. 3773—3794.

если совершилъ актъ отчужденія или закладную крѣпость относительно имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ. Присутственное мѣсто, распоряжающееся о наложеніи запрещенія на имущество по собственному-ли усмотрѣнію, или по просьбѣ частнаго лица (большею частію мѣсто судебнное, какъ разбирающее тяжбы и совершающее закладныя крѣпости), составляетъ **объявление о наложеніи запрещенія**: въ объявлениіи прописывается званіе, имя, отчество и фамилія лица, на имущество которого налагается запрещеніе, подробно описывается самое имущество, подвергающееся запрещенію (если это земля, то означается, въ какой губерніи и уѣздѣ она находится, какъ называется, въ какомъ количествѣ десятинъ заключается, какимъ количествомъ душъ населена; если это домъ, то означается городъ, въ которомъ онъ стоитъ, и положеніе его въ городѣ, въ какой части города, на какой улицѣ, подъ какимъ номеромъ, каменный или деревянный) и наконецъ изъясняется поводъ, по которому налагается запрещеніе (68). Составленное такимъ-образомъ въ двухъ экземплярахъ объявление препровождается въ губернское правленіе, а губернское правленіе отсыаетъ его въ сенатскія типографіи, одинъ экземпляръ въ С. Петербургскую, другой въ Московскую, для припечатанія въ издаваемыхъ при сенатскихъ вѣдомостяхъ объявленияхъ, въ особомъ отдѣлѣ ихъ, известномъ подъ названіемъ **запретительныхъ статей**. Но печатаніе объявлений сопряжено также съ задержками, которые, по опредѣленію законодательства, падаютъ на счетъ собственниковъ имуществъ или тѣхъ лицъ, которыхъ просятъ о наложеніи запрещенія на чужое имущество. Требуется поэтому, чтобы каждое присутственное мѣсто, распоряжающееся о наложеніи запрещенія, представило и деньги для припечатанія объявленія. За каждую запретительную статью полагается 75 коп. сер., следовательно на двѣ статьи, одну въ Петербургскихъ и другую въ Московскихъ сенатскихъ объявленіяхъ,

(68) Тамъ-же, ст. 3778.

приходится 1 р. 50 коп. сереб. (69). Но такъ-какъ имѣется въ виду, что за наложеніемъ запрещенія когда-либо послѣдуетъ снятіе его, о которомъ также дѣлается объявление въ сенатскихъ вѣдомостяхъ, то обыкновенно при самомъ наложении запрещенія взыскиваются деньги и за будущее объявление о снятіи запрещенія. За это объявление платится также по 75 коп. сер., такъ-что всего взыскивается 3 руб. сер. и 3 коп. на пересыпку ихъ по почтѣ, страховыхъ. Деньги эти присутственное мѣсто, распоряжающееся о наложеніи запрещенія, прямо отъ себя посыпаетъ въ сенатскія типографіи, при увѣдомленіи, за какимъ № отправлено объявление о запрещеніи въ губернское правленіе, а губернское правленіе увѣдомляется о времени отсылки денегъ въ сенатскія типографіи. Итакъ, по напечатаніи объявленія о наложеніи запрещенія на имущество, вѣтъ возможности совершить относительно его актъ отчужденія или залога и слѣдов. цѣль запрещенія напечатаніемъ о его наложении въ сенатскихъ объявленіяхъ достигается. Въ самомъ процессѣ представляется только тотъ недостатокъ, что между распоряженіемъ о наложеніи запрещенія и появлениемъ запретительной статьи въ сенатскихъ объявленіяхъ проходитъ нѣкоторое, иногда довольно значительное пространство времени, въ которое собственникъ имущества, не ограниченный въ выборѣ мѣста для совершения крѣпостного акта, успѣть, пожалуй, совершить относительно имущества тотъ или другой актъ, устранимый запрещеніемъ. Но опасность эта отклоняется тѣмъ, что присутственныя мѣста, къ которымъ обращаются съ просьбою о совершении крѣпостныхъ актовъ относительно имуществъ, находящихся въ другомъ уѣздѣ, или другой губерніи, если несогда, то обыкновенно, или по крайней мѣрѣ въ сомнительныхъ случаяхъ дѣлаются запросъ у присутственныхъ мѣстъ того уѣзда или той губерніи, где находится имѣніе, не наложено-ли на него запрещеніе, или вообще вѣтъ-ли препятствій къ совершенію предполагаемаго акта (хотя за-

(69) Тамъ-же, и. 5 (Прод. VI), ст. 8779.

прось такой и не обязательен) и въ случаѣ неблагопріятнаго для собственника отвѣта отказываютъ въ его совершениі.

И такъ, если на имущество наложено запрещеніе, то вѣтъ возможности совершить относительно его актъ отчужденія или закладную крѣпость. Собственникъ ограничивается такимъ образомъ въ важнѣйшей части права распоряженія. Но право владѣнія и право пользованія остаются за нимъ и могутъ быть выдѣлены, раздѣлены съ другимъ лицомъ, только не въ-ущербъ тѣмъ правамъ, которыя приобрѣтены по поводу, вызвавшему самое запрещеніе. Наприм. имущество представлено въ залогъ и вслѣдствіе этого наложено запрещеніе: владѣніе и пользованіе остаются за собственникомъ и онъ въ-правѣ предоставить напр. пользованіе другому лицу, но въ такомъ видѣ, чтобы, въ случаѣ продажи заложеннаго имущества съ публичнаго торга, покупщикъ не былъ лишенъ этого выдѣленнаго пользованія, а получиль-бы имущество безъ всякихъ ограниченій, наступившихъ по наложеніи запрещенія. Только съ такимъ условіемъ можно передать владѣніе и пользованіе по имуществу, состоящему подъ запрещеніемъ. Но съ такимъ условіемъ можно допустить и самое отчужденіе права собственности на имущество, состоящее подъ запрещеніемъ. Дѣйствительно, при запрещеніи по поводу залога отчужденіе имущества допускается иногда, по исключенію, но съ тѣмъ именно условиемъ, чтобы запрещеніе продолжалось и по приобрѣтеніи имущества другимъ лицомъ. Для объясненія возьмемъ конкретный случай. Допустимъ, что лицо заключило заемъ подъ залогъ своего недвижимаго имущества, на которое вслѣдствіе этого наложено запрещеніе, и собственникъ не въ-правѣ подвергнуть его отчужденію. Но является лицо, желающее приобрѣсти имущество: если заемодавецъ, которому заложено имущество, изъявляетъ согласіе на отчужденіе, то оно и совершается, и на мѣсто

(70) Нѣкоторыя присутственныя мѣста, впрочемъ, взыскиваютъ только 1 руб 50 коп. и $1\frac{1}{2}$ коп. на пересылку, имѣя въ виду, что при снятіи запрещенія на припечатаніе разрѣшительной статьи можно взыскать и послѣ.

прежняго собственника, залогодателя, является новый. При этомъ или запрещеніе остается на имуществѣ, или выѣстѣ съ отчужденіемъ слагается и запрещеніе. Если запрещеніе остается на имуществѣ, то значеніе его то, что новый хозяинъ содѣлывается должникомъ залогодавца на мѣсто прежняго хозяина, следов. недвижимое имущество переходитъ съ переводомъ долга; или значеніе остающагося запрещенія то, что хозяинъ недвижимаго имущества остается должникомъ, а новый собственникъ является лишь залогодателемъ задолжника (71), который до отчужденія имущества обезпечивалъ долгъ своимъ состояніемъ. То или другое значеніе остающагося запрещенія зависитъ отъ ближайшаго опредѣленія участующихъ лицъ. Если-же съ отчужденіемъ имущества слагается наложенное на него запрещеніе, то это значитъ, что залогодавецъ отказывается отъ права залога. Но обыкновенно заложенное имущество отчуждается съ переводомъ долга на нового хозяина: долгъ какъ будто неразрывно связывается съ имуществомъ, служащимъ къ его обезпеченію. Такъ напр. опекунскіе совѣты, которымъ всего чаще закладываются имущества, обыкновенно соглашаются на отчужденіе заложенного имущества съ переводомъ долга (72). Можно сказать, впрочемъ, что только повидимому совершается отчужденіе недвижимаго имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ; собственно-же, когда совершается отчужденіе такого недвижимаго имущества, запрещеніе прекращается и налагается снова: если залогодавецъ согласенъ на отчужденіе заложенного имущества съ переводомъ долга, то, значитъ, нѣть препятствія къ отчужденію имущества, такъ-что въ самый моментъ отчужденія запрещеніе не существуетъ, но такъ-какъ существуетъ поводъ къ запрещенію, то въ самый моментъ приобрѣтенія имущества запрещеніе налагается, только что по-необходимости снова наложить его

(71) Имущество можетъ быть представлено въ залогъ и для обезпечения чужаго долга (Св. зак. гр. ст. 1855—1858, 1867).

(72) Св. зак. гр. ст. 1148.

всегда заснятіемъ не считается нужнымъ соблюдать всѣ формальности, связанныя съ наложеніемъ запрещенія на имущество и его разрѣшеніемъ. Независимо отъ этого отчужденія, допускаемаго по исключенію, измѣненіе въ лицѣ собственника недвижимаго имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ, можетъ произойти и другимъ путемъ. Напр. имущество можетъ перейти къ другому лицу по праву наслѣдованія. По такому переходу имя собственника имущества уже не будетъ совпадать съ именемъ, значущимъ въ запретительной статьѣ, и новый собственникъ имѣть возможность совершить актъ отчужденія относительно имущества. Приходится поэтому принять особую мѣру съ цѣлью предупрежденія такого отчужденія. Мѣра состоить въ томъ, что составляется новая запретительная статья на имущество по имени нового собственника и обыкновеннымъ порядкомъ припечатывается въ сенатскихъ объявленіяхъ (73). И этой мѣры совершенно достаточно: цѣль ея достигается вполнѣ, потому что всякий переходъ недвижимаго имущества отъ одного лица къ другому, по какому-бы поводу онъ ни совершался, происходит при участіи общественной власти, которая слѣдовъ всегда знать объ измѣненіи лица собственника имущества, состоящаго подъ запрещеніемъ, и можетъ распорядиться о напечатаніи новой запретительной статьи. Равнымъ образомъ, дѣлается измѣненіе въ запретительной статьѣ и въ случаѣ измѣненія въ самомъ основаніи, по которому наложено запрещеніе (74). Напр. лицо обеспечило обязательство населеннымъ имѣніемъ въ 1000 душъ, но обязательство вполовину исполнено, такъ что для обеспеченія достаточно уже половины задолженнаго имѣнія: тогда является новая запретительная статья, въ которой значится, что на 500 душъ такого-то имѣнія (а не на все имѣніе, какъ прежде) наложено запрещеніе.

Какъ-скоро исчезаетъ поводъ, по которому на имущество наложено запрещеніе, оно снимается. Это снятие запрещенія

(73) Св. зак. гр. ст. 3798, 3794.

(74) Тамъ-же, ср. ст. 1551, 3789, 3793, 3794.

называется *разрешением*. Но разрешение происходит не само собою, а подобно тому, какъ наложеніе запрещенія совершається напечатаніемъ въ сенатскихъ объявленіяхъ запретительной статьи: оно снимается по распоряженію присутственного мѣста, наложившаго запрещеніе, напечатаніемъ *статьи разрешительной*. Процедура при разрешеніи совершенно такая-же, какъ при наложеніи запрещенія, только-что въ разрешительной статьѣ не описывается подробно имущество, разрешаемое отъ запрещенія, а дѣлается лишь указание на нумеръ запретительной статьи. Разрешительные статьи разсыпаются во всѣ присутственные мѣста, совершающія крѣпостные акты, и переплетаются въ особую книгу, называемую *разрешителем*; къ статьямъ составляются въ сенатскихъ типографіяхъ указатели и также разсыпаются въ присутственные мѣста (75). Такимъ образомъ, если представится надобность узнать, не состоитъ-ли такое-то недвижимое имущество подъ запрещеніемъ, то стоитъ только справиться въ запретительныхъ статьяхъ и, если въ нихъ есть объявление о запрещеніи, замѣтить нумеръ запретительной статьи и справиться въ разрешительныхъ статьяхъ, не послѣдовало-ли снятіе запрещенія.

Что касается до запрещенія движимаго имущества, — *ареста* то поводы для наложенія его тѣ-же, что и для наложенія запрещенія. Но способъ наложенія ареста болѣе простъ: арестуемое имущество описывается (къ описи присоединяется иногда оцѣнка), опечатывается (или каждая вещь отдельно, или всѣ вещи въ-совокупности запаковываются, или печать прилагается къ помѣщенію, где находятся арестуемыя вещи, къ дому или лавкѣ) и отбирается отъ собственника (76). Но такъ-какъ при этомъ порядкѣ ареста, установленномъ законодательствомъ, собственникъ арестуемаго имущества лишается и владѣнія и пользованія имъ, между-тѣмъ-какъ запрещеніе по существу своему имѣеть цѣлью только устранить отчужденіе или

(75) Тамъ-же ст. 3795—3802.

(76) Тамъ-же, ст. 3800.

уничтожение имущества, отбирается же оно лишь по свойству движимого имущества, способного к скрытию, уничтожению и отчуждению без ведома общественной власти: то въ практикѣ не всегда опечатывается и не всегда отбирается отъ хозяина арестуемое имущество, а нерѣдко оказываются довѣrie собственнику, что онъ не уничтожить, не скроеть, не подвергнуть отчуждению арестованное имущество и оставляютъ его въ рукахъ хозяина. Или стараются согласить опредѣленіе законодательства съ существомъ запрещенія такій образомъ, что отобранное у собственника имущество отдаются на руки лицу, находящемуся при собственникѣ, напр. женѣ его: тогда вещь остается въ домѣ и собственникъ не лишается пользованія ею (77). Арестъ снимается, какъ-скоро исчезаетъ поводъ, по которому онъ наложенъ: печати сламываются и имущество по описи возвращается собственнику (78). Но если имущество не было опечатано или отобрано отъ собственника, то ему возвращается только актъ обязательства, или объявляется, что онъ въ-правѣ произвести отчужденіе бывшаго въ арестѣ имущества, и тогда отчужденіе не влечетъ уже за собою тѣхъ послѣдствій, какія влекло-бы оно при существованіи ареста. Арестъ или производится по распоряженію присутственного мѣста, полицейского или судебнаго, по собственному его усмотрѣнію, или по просьбѣ частнаго лица (79), или происходит при участіи маклера (80), или совершается совершенно независимо отъ участія общественной власти (81). Но и въ первомъ случаѣ обѣ арестѣ обыкновенно не дѣлается никакой

(77) Когда запрещеніе или, что чаще бываетъ, арестъ соединяется съ устраниеніемъ собственника отъ самаго владѣнія имуществомъ, то запрещеніе и арестъ называются также *секвестромъ*.

(78) Тамъ-же, ср. ст. 1412.

(79) Тамъ-же, ст. 3807.

(80) Тамъ-же, ст. 1409.

(81) Но тогда онъ не имѣть предъ закономъ того значенія, какое имѣть арестъ, налагаемый при участіи общественной власти. Св. зак. ср. ст. 1410, 1411.

публикациі, а только въ некоторыхъ случаяхъ по особому распоряженію.

Мы разсмотрѣли, такимъ образомъ, ограничія относительные каждой составной части права собственности. Отюда можно усмотретьъ, что на дѣлѣ собственикъ можетъ быть чуждымъ всякаго господства надъ вещью, составляющею его собственность, хотя все-таки онъ пребываетъ и считается собственникомъ; за нимъ остается, какъ говорили Римскіе юристы, *злое право собственности*—*vidum jus dominii* (82). Мы видѣли, что собственикъ не можетъ выдѣлить изъ права собственности всѣ составные части, потому-что этимъ уничтождосьбы самое право собственности; но собственикъ можетъ выдѣлить ту или другую составную часть и быть ограниченнымъ относительно оставшейся составной части. Напр. собственикъ майората, ограниченный относительно распоряженія, можетъ предоставить другому лицу владѣніе и пользованіе; или напр. владѣніе и пользованіе могутъ быть предоставлены стороннему лицу, когда имущество состоитъ подъ запрещеніемъ. Равнымъ образомъ, ограниченіе можетъ обнимать всѣ составные части права собственности—владѣніе, пользованіе и распоряженіе, напр. при существованіи опеки надъ умалишеннymi, малолѣтними. Выдѣлъ всѣхъ составныхъ частей права собственности неудобомыслимъ, но ограничение всѣхъ составныхъ частей возможно и иногда представляется въ дѣйствительности.

(Окончаніе въ слѣдующей книжкѣ).

(82) *Puebla*, Cursus d. Institut. II, § 236.

ПРАВО СОБСТВЕННОСТИ ПО РУССКОМУ ПРАВУ.

(Изъ лекций покойного профессора Казанского университета
Д. И. Шеира).

(Окончание).

§ 13.

Виды права собственности.

Право собственности представляется по нашему законодательству въ различныхъ видахъ: въ видѣ права собственности *полного* и *неполного*, *отдельного* и *общаго*. Дѣленіе права собственности на полное и неполное основывается на возможности разъединенія права собственности, выдѣла изъ него иныхъ составныхъ его частей, владѣнія и пользованія и способности его подлежать известнымъ ограниченіямъ. Такимъ образомъ, подъ *правомъ собственности полнымъ* законодательство разумѣеть соединеніе въ лицѣ собственника владѣнія, пользованія и распоряженія (83), а подъ *правомъ собственности неполнымъ*—право собственности, остающееся за выдѣломъ владѣнія или пользованія, или за ограниченіемъ распоряженія (84). Въ практикѣ нашей называется иногда неполнымъ правомъ собственности самый выдѣлъ той или другой составной части права собственности; напр. если лицу принадлежитъ право вла-

(83) Св. зак. гр. ст. 391.

(84) Тамъ-же, ст. 400.

дѣнія и пользованія вещью, то говорять иногда, что лицу этому принадлежитъ по вещи неполное право собственности. Но это несправедливо: право владѣнія и пользованія развѣ въ томъ только смыслъ можно назвать неполнымъ правомъ собственности, что владѣніе и пользованіе составляютъ части права собственности; но все-таки право владѣнія и право пользованія не составляютъ еще права собственности, и единственнымъ собственникомъ вещи представляется ея хозяинъ, но только его право собственности не существуетъ для него во всемъ своемъ пространствѣ, а представляется *неполнымъ*. Тѣмъ болѣе мы должны отвергнуть это встрѣчающееся иногда въ практикѣ признаніе неполного права собственности за лицомъ, которому принадлежитъ право владѣнія и пользованія вещью, что и дѣленіе собственности по позднѣйшему Римскому праву на *dominium directum* и *utile*, — дѣленіе, соотвѣтствующее нашему дѣленію права собственности на полное и неполное (въ томъ смыслѣ, какъ его понимаетъ иногда практика), новѣйшему юриспруденцію отвергнуто (85): право собственности, будучи по существу своему полнѣйшимъ господствомъ лица надъ вещью, не допускаетъ такого раздѣленія, будто когда одно лицо господствуетъ надъ вещью, въ то-же самое время можетъ господствовать и другое лицо, а если это другое лицо и господствуетъ въ извѣстной мѣрѣ надъ вещью, то его господство именно представляется выдѣломъ изъ права собственности, но не правомъ собственности. Право собственности представляется *отдельнымъ*, когда принадлежитъ одному лицу, и *общимъ*, когда принадлежитъ несколькимъ лицамъ (86). Но не во всѣхъ случаяхъ, когда представляется отношеніе двухъ или болѣе лицъ къ вещи, представляется общее право собственности. Такъ, право собственности *юридического лица*, *совокупности лицъ*, представляется *отдельнымъ*, а не *общимъ*, ябо хотя дерманте-

(85) *Ruota*, Cursus d. Institut. II, § 243 note 8.

(86) Св. зак. гр. ст. 461.

лями юридического лица, совокупности лицъ, является множество лицъ, но субъектомъ права собственности по вещи, принадлежащей юридическому лицу, является одно лицо—это юридическое лицо, отдельные же члены совокупности не считаются собственниками вещи. Равнымъ образомъ, нѣть общей собственности, когда вещь состоитъ изъ нѣсколькихъ частей и каждая изъ нихъ имѣеть своего собственника, потому-что какъ-скоро материальная часть каждого собственника можетъ быть опредѣлена, то уже нѣть общей собственности, а представляется совокупность отдельныхъ собственостей. Напр. одному лицу принадлежитъ картина, другому рама картины; одному лицу принадлежитъ алмазъ, другому оправа алмаза; одинъ ключекъ поземельной дачи, состоящей изъ множества отдельныхъ участковъ, принадлежитъ одному лицу, другой другому и т. д.; ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ нѣть общей собственности, потому-что каждая часть имѣеть своего особаго собственника и только не опредѣляется каждая часть отдельно, а для обозначенія всѣхъ частей употребляется одно сокращательное имя; вмѣсто того, чтобы сказать: картина и рама, перстень и алмазъ, говорять: картина, перстень; вмѣсто того, чтобы сказать: поземельные участки такихъ-то лицъ, говорятъ: такая-то поземельная дача. Точно также нѣть общей собственности, когда нѣсколько лицъ сообща владѣютъ и пользуются вещью, а право собственности надъ нею принадлежитъ одному лицу. Напр. селенія казенныхъ крестьянъ владѣютъ и пользуются сообща отведенною имъ землею, но право собственности на эту землю принадлежитъ государству на правѣ отдельной собственности. Или напр. въ семействѣ: имуществомъ пользуется все семейство, но право собственности по имуществу, въ цѣломъ его составѣ или по отдельнымъ вещамъ, принадлежитъ обыкновенно одному которому-либо члену семейства, всего чаще главѣ его. Для содержанія общей собственности остается, такимъ образомъ, слѣдующее понятіе: нѣсколько лица представляются субъектами одного и того-же

права собственности, такъ-что каждому принадлежитъ идеальная доля вещи, материальная же часть каждого со хозяиномъ не можетъ быть определена. Право общей собственности предполагаетъ материальную нераздѣльность вещи, не въ томъ смыслѣ, чтобы вещь не могла подлежать раздѣлу, а въ томъ, что она не подвергается раздѣлу; поэтому-то общее право собственности и называется Римскими юристами *dominium plenum pro indiviso*. Въ каждой материальной частичкѣ вещи, подлежащей общему праву собственности, стекается право собственности всѣхъ со хозяевъ; но если въ каждомъ атомѣ каждому со хозяину принадлежить известная идеальная доля, то эта доля принадлежить хозяину, и въ цѣлой вещи, и такимъ образомъ лицу, имѣющему право собственности по вещи общее съ другими лицами, *pro indiviso* можетъ привадлежать половина, треть, четверть вещи, словомъ, ея идеальная доля, но нельзя указать, которая именно часть вещи принадлежить ему. Доли общихъ собственниковъ по вещи могутъ быть одинаковы, но могутъ быть и неодинаковы; напр. одному лицу можетъ принадлежать половина вещи и другому половина; одному треть, другому треть и третьему треть; но можетъ быть и такъ, что одному лицу принадлежать двѣ трети вещи, а другому одна треть; одному лицу принадлежать половина вещи, другому четверть, третьему четверть, и т. д. Что касается до существа общаго права собственности, то оно заключается въ томъ-же, въ чёмъ состоитъ и отдельное право собственности. Но такъ-какъ при общей собственности не одинъ субъектъ права, какъ при отдельной собственности, а иѣсколько, то это развитіе отражается и въ самомъ правѣ общей собственности, именно: осуществленіе общаго права собственности предполагаетъ участіе всѣхъ со хозяевъ, всѣ они владѣютъ, пользуются и распоряжаются вещью соразмѣрио долѣ каждого со хозяина. Но такъ-какъ отдельные со стороны каждого со хозяина владѣніе, пользованіе, а отчасти и распоряженіе долею имущества, со-ставляющаго общую собственность иѣсколькоихъ лицъ, невоз-

можно, то осуществление права собственности по такому имуществу предполагает участие всѣхъ союзевъ, и притомъ требуетъ дѣйствія единогласнаго, а не по большинству голосовъ, котораго при общей собственности нельзѧ допустить, ибо каждый союзянъ есть субъектъ права и всякое дѣйствіе относительно его доли въ общей собственности безъ его согласія было-бы нарушениемъ его права. Это общее участіе союзевъ въ завѣдываніи ихъ общимъ имуществомъ проявляются или въ томъ, что всѣ они по общему между собою согласію управляютъ имуществомъ, или предоставляютъ управление одному лицу, доходы-же, доставляемые имуществомъ, дѣлятся между всѣми союзевами соразмѣрно долѣ каждого изъ нихъ (87). Осуществленіе права распоряженія долею во многихъ случаяхъ возможно и отдельно для каждого собственника, независимо отъ осуществленія права распоряженія со-стороны союзевъ. Такъ, каждый союзянъ въ-правѣ подвергнуть свою долю отчужденію, или употребить ее на обеспеченіе обязательства, представить въ залогъ. Но и при такомъ осуществленіи права на долю имущества, составляющаго общую собственность многихъ лицъ, представляется известное ограниченіе союзяна. Такъ, въ случаѣ отчужденія доли имущества со-стороны одного изъ союзевъ, законодательство предоставляетъ другимъ союзевамъ *право преимущественной покупки* (*jus praecognitionis*), т. е. другое союзево, всѣ вмѣстѣ или и одинъ изъ нихъ, въ-правѣ представить отчуждающему свою долю собственнику продажную цѣну вещи, или плату за нее по оцѣнкѣ и приобрѣсти его долю въ свою собственность (88). Понятно, что такое право преимущественной покупки установлено по соображенію, что между союзевами должно быть согласіе, единодушіе въ осуществленіи права собственности, между-тѣмъ путемъ отчужденія доли, можетъ быть, наявъжется беспокойный, своеобразный товарищъ по праву соб-

(87) Тамъ-же, ст. 463—465, 472.

(88) Тамъ-же, ст. 466, 467, 473.

ственности. Равнымъ образомъ, существуетъ для сохозяевъ право предпочтительного залогопринимательства (89), по тому соображенію, что отдачею въ залогъ можно обойти предпочтительное владѣніе сохозяевъ: стоять только одному сохозяину заложить свою долю и не выкупить въ срокъ, тогда она будетъ продана съ публичнаго торга, а при залогѣ недвижимаго имѣнія залогоприниматель, въ-случаѣ неисправности залогодателя, вводится во владѣніе залогомъ впредь до продажи и продажа все-таки должна наступить въ-случаѣ неисправности залогодателя (90). Стѣснительно при этихъ ограниченіяхъ для сохозяина только то, что, какъ залогодатель, онъ можетъ иногда болѣе получать отъ сторонняго залогопринимателя, нежели отъ сохозяевъ; но таково свойство общаго права собственности, что при осуществлѣніи его должно принимать во вниманіе и права сохозяевъ. Притомъ-же, если права сторонняго лица принимаются въ соображеніе при осуществлѣніи отдѣльнаго и полнаго права собственности, которое подвергается поэтому различнымъ ограниченіямъ, то тѣмъ умѣстнѣе, конечно, ограничения относительно общаго права собственности.

Скажемъ, наконецъ, о прекращеніи общаго права собственности, т.-е. о прекращеніи общности права собственности безъ прекращенія самаго права собственности. Въ этомъ смыслѣ общее право собственности прекращается: 1) выбытиемъ сохозяевъ до одного незыбывающаго, 2) раздѣломъ всицъ между сохозяевами. 1) Что касается до выбытия сохозяевъ, то понятно, что, при существованіи общаго права собственности, каждый изъ сохозяевъ, если онъ не ограниченъ какимъ-либо обязательствомъ, въ-правѣ выйти изъ общества: онъ можетъ продать, уступить свою долю одному изъ сохозяевъ, или стороннему лицу, не принадлежащему къ числу сохозяевъ, или наконецъ сохозяевамъ въ совокупности, если они не согласятся предоставить его до-

(89) Тамъ-же, ст. 473.

(90) Тамъ-же, ст. 2073, 2074, 2052, 2061.

ю стороннему лицу (91). 2) Независимо отъ выбытія, каждый союзникъ въ-правѣ требовать, чтобы общая вещь была раздѣлена на части, требовать *раздѣла*. Но относительно этого способа прекращенія права собственности имѣеть рѣшительное значение дѣленіе вещей на *раздѣльныя* и *нераздѣльныя*: только первыя подлежать раздѣлу, относительно же вещей нераздѣльныхъ раздѣлъ въ смыслѣ способа прекращенія общаго права собственности безъ прекращенія самого права собственности не имѣеть мѣста (92). Такъ, если крѣпостное семейство принадлежитъ, какъ общая собственность, нѣсколькимъ лицамъ, то союзникъ не въ-правѣ требовать раздѣла семейства, потому-что крѣпостное семейство принадлежитъ къ имуществамъ нераздѣльнымъ (93). Точно также, если имущество такого рода, что совокупность частей его по цѣнности составляетъ имущество меньшее того, которое представляется при цѣлостности, нераздѣльности имущества, то отдельный союзникъ также не въ-правѣ требовать выдѣла (94): напр. если зеркало принадлежитъ нѣсколькимъ лицамъ сообща, то отдельный союзникъ можетъ требовать части зеркала, потому-что части зеркала въ совокупности цѣнностю своею не равняются цѣнности зеркала въ цѣлости. Въ тѣхъ случаяхъ, когда имущество можетъ быть раздѣлено материально и требуется раздѣлъ, имущество дѣйствительно раздробляется на части такъ, чтобы каждая часть соответствовала долѣ собственника: собственникъ половины или трети имѣеть право на половину или треть вещи. Но и при

(91) Тамъ-же, ст. 466, 467, 473.

(92) Наше законодательство придаетъ такое важное значение дѣленію вещей на *раздѣльныя* и *нераздѣльныя*, что все изложеніе обѣ общемъ правѣ собственности общемъ дѣлить на два отѣза: въ одному говорить о правѣ собственности общемъ въ имуществахъ нераздѣльныхъ, въ другому—о правѣ собственности общемъ въ имуществахъ раздѣльныхъ. Но дѣленіе это проявляетъ свое значеніе только при прекращеніи общаго права собственности, а пока оно существуетъ, все равно — раздѣльно имущество, подлежащее общему праву собственности нѣсколькихъ лицъ, или *нераздѣльно*.

(93) Св. зак. гр. ст. 361—363, 1093.

(94) Тамъ-же, ст. 1090—1092.

втомъ материальномъ раздѣлениі имущества раздѣление вещи производится пропорционально долямъ въ общемъ правѣ собственности не въ-отношениі къ самой вещи, а въ-отношениі къ ея цѣнности, такъ-что всегда должно обращать вниманіе на цѣнность вещи (95). Напр. двумъ лицамъ принадлежитъ поземельный участокъ, стоющій 1000 рублей, каждому лицу принадлежитъ половина: при раздѣлѣ участка заботятся не столько о томъ, чтобы каждому лицу досталось равное количество десятина земли, а чтобы каждая изъ двухъ частей равнялась половинѣ цѣнности поземельного участка, и потому обращается вниманіе не на одно количество земли, а также на количество и удобство каждого поземельного участка. Если съ правомъ собственности по имуществу, подлежащему раздѣлу, соединяются какія-либо повинности, тягости, то и онѣ также распредѣляются между сохозяевами по соразмѣрности. Раздѣлъ производится или по-взаимному согласію сохозяевъ, или при участії суда, и потому раздѣляется на добровольный или полюбовный и судебный (96). При раздѣлѣ полюбовномъ нѣть необходимости соблюдать изложенные правила раздѣла, кроме только законныхъ опредѣленій о нераздѣльности нѣкоторыхъ имуществъ, хотя впрочемъ успѣшного раздѣла, справедливаго только и можно ожидать при приложеніи указанныхъ правилъ. Но правила эти непремѣнно приходится прилагать, когда сохозяева не могутъ условиться относительно раздѣла, или нѣкоторые изъ сохозяевъ уклоняются отъ раздѣла и вслѣдствіе этого судъ, по просьбѣ всѣхъ сохозяевъ или одного изъ нихъ, вступается въ раздѣлъ и производить его независимо отъ воли участниковъ (97). О раздѣлѣ составляется особый актъ, называемый раздѣльной записью. Когда раздѣлъ касается недвижимаго имущества, актъ этотъ свидѣтельствуется у крѣпостныхъ дѣль, а если раздѣлъ касается имущества—у маклера, или совершаест-

(95) Тамъ-же, ст. 1088, 1090.

(96) Тамъ-же, ст. 1081.

(97) Тамъ-же, ст. 1083, 1084.

ся домашнимъ порядкомъ (98). Близко подходитъ къ раздѣлу, но не должно смѣшивать съ нимъ полную или неполную уступку права въ общей собственности со-стороны одного сохозяина другому за известное вознаграждение. Этотъ случай уступки права тѣмъ болѣе подходитъ къ раздѣлу, что нерѣдко бываетъ въ-связи съ раздѣломъ. Напр. дѣлится недвижимое имущество; положимъ два дома подлежать раздѣлу — одинъ домъ втрое большей цѣнности, нежели другой; каждому изъ сохозяевъ слѣдуетъ половина: если каждому изъ сохозяевъ достается по дому, то, значитъ, пріобрѣтателю меньшаго по цѣнности дома нужно додать что-либо, чтобы части были уравнены. Если имѣть въ виду строгую последовательность права, то слѣдуетъ сказать, что пріобрѣтатель меньшаго по цѣнности дома въ отдельную собственность все-таки остается еще общимъ собственникомъ по дому большей цѣнности, только уже относительно меньшей доли, и именно доля его составляетъ четверть, тогда-какъ до пріобрѣтения въ отдельную собственность дома меньшей цѣнности она состояла въ половинѣ, ибо четверть цѣнности всего общаго имущества пріобрѣтатель меньшаго по цѣнности дома получилъ уже въ цѣнности этого дома: эту-то недостающую четверть цѣнности и нужно свести при раздѣлѣ къ известной долѣ въ-отношениі къ цѣнности большаго по цѣнѣ дома, составляющаго три четверти цѣнности всего общаго имущества. Но въ дѣйствительности, если имѣютъ въ виду раздѣлъ общей собственности, разрѣшеніе ея въ собственности отдельныхъ, то болѣею частю относительно недостающей доли дѣлается особое условіе объ уступкѣ права, и само законодательство установляетъ иногда такую уступку обязательную, когда нѣть возможности материально раздрѣбить вещь или ко-

(98) Таъ-же, ст. 1105—1109. Наше законодательство постановляетъ осо-бо о раздѣлѣ общаго права собственности и особо о раздѣлѣ наслѣдства. Но, постановляя о раздѣлѣ наслѣдства, законодательство повторяетъ себя, отчасти-же опредѣленія, касающіяся раздѣла наслѣдства, относятся и къ раздѣлу права собственности.

гда такое раздробление было бы слишком невыгодно (99). Отъ этого нерѣдко случается, что въ составъ раздѣльного акта входитъ сдѣлка о правѣ, непосредственно некасающемся общей собственности. Такъ въ нашемъ примѣрѣ приобрѣтатель меньшаго по цѣнности дома получаетъ вознагражденіе за отходящую отъ него долю въ домѣ большей цѣнности известную сумму денегъ. Но точно также онъ можетъ получить въ вознагражденіе и другое имущество приобрѣтателя дома большей цѣнности, напр. поземельный участокъ его, или домъ, принадлежащій ему, въ отдельную собственность, такъ-что есть возможность путемъ раздѣла заключить и другую какую-либо сдѣлку, собственно къ раздѣлу неотносящуюся, а можно сказать только, что посторонняя сдѣлка въ раздѣльномъ актѣ всегда сводится къ уступкѣ доли въ общемъ правѣ собственности. Равнымъ образомъ не можетъ быть рѣчи о прекращеніи общаго права собственности раздѣломъ тамъ, где нѣть настоящаго общаго права собственности, а если и говорить иногда о раздѣлѣ въ такомъ случаѣ, то не должно понимать этого раздѣла въ строгомъ юридическомъ смыслѣ, въ смыслѣ разрѣшенія общей собственности въ собственности отдельныхъ. Такъ, говорить о раздѣлѣ при прекращеніи чрезполосности, но истинаго раздѣла тутъ нѣть, а есть только отводъ поземельныхъ участковъ, принадлежащихъ одному и тому-же лицу, къ однимъ мѣстамъ. При существованіи чрезполосицы у одного и того-же лица оказываются участки въ разныхъ мѣстахъ, что очень невыгодно для хозяйства, а вмѣсть съ тѣмъ и для общества. Чтобы прекратить это состояніе, дача, въ которой оказывается чрезполосица, раздѣляется на известное число отдельныхъ участковъ, такъ-чтобы пространство земли въ дачѣ, принадлежащее одному лицу, было въ одномъ мѣстѣ. При этомъ происходитъ обменъ участковъ: участки, принадлежавшіе одному лицу, отходятъ къ другому и наоборотъ (100); но раздѣ-

(99) Тамъ-же, ст. 1090.

(100) Тамъ-же, ст. 469, 470, 118 б.

ла, т.-е. обращения общей собственности въ собственности отдельныхъ тутъ вовсе неѣть.

§ 14.

ПРИОБРЕТЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.

Общія условія пріобрѣтенія правъ имѣютъ значеніе и для права собственности; но существуютъ еще и особыя условія для пріобрѣтенія этого права. Такъ, законодательство дѣлаетъ ограничія относительно лицъ, пріобрѣтающихъ право собственности, — ограниченія, находящіяся впрочемъ въ связи съ самыми вещами пріобрѣтеными: законодательство постановляетъ, что населенныя имущество могутъ быть пріобрѣтаемы въ собственность только потомственными дворянами (101), а лавки исключительно лицами городского сословія (102). Первое постановленіе, о населенныхъ имуществахъ, развилось исторически изъ того правила древняго нашего права и государственного устройства, на основаніи котораго государственный земли раздавались служилымъ людямъ съ правомъ селить на нихъ свободныхъ крестьянъ на особыхъ, заключаемыхъ съ ними условіяхъ; впослѣдствіи крестьяне были объявлены крѣпкими къ землѣ, а служилые люди древняго времени образовали сословіе потомственаго дворянства. Второе постановленіе, о лавкахъ, основывается преимущественно на соображеніи казеннаго интереса; оно явилось въ нашемъ законодательствѣ въ то время, когда дома развѣ по исключенію составляли собственность при-

(101) Св. зак. о сост. ст. 204.

(102) До послѣдняго времени запрещалось также мѣщанамъ пріобрѣтать въ столицахъ дома цѣною выше 7500 р.: законодательство хотѣло тѣмъ по-будить мѣщанъ ко вступленію въ гильдіи, что сопряжено съ платою гильдейскаго пошлины и сѣдов. съ доходомъ для казны Но въ недавнее время законодательство отмѣнило это ограниченіе, принявши въ соображеніе, что дома сами по себѣ обложены известными понижениями и сѣдов. неѣть надобности побуждать мѣщанъ ко вступленію въ гильдіи для пріобрѣтенія домовъ значительной цѣнности (Св. зак. о сост. ст. 566. Прод. XVI).

быльную, доставляющую доходъ, обыкновенно же не приносили дохода , а служили только для удовлетворенія собственной потребности хозяина въ жилищѣ ; но другое дѣло лавки : онѣ всегда приносили доходъ и поэтому было желательно , чтобъ лицо , имѣющее лавки , принадлежало къ городскому сословію , такъ-какъ принадлежность лица къ городскому сословію со-ставляетъ доходъ для государства . Но , кажется , было еще для этого опредѣленія и другое основаніе : императрица Екатерина II , которая именно и признала лавки исключительно собственностью городского сословія (103) , желала тѣмъ предоставить ему нечто исключительное , подобно тому , какъ потомственному дворянству предоставлено было исключительное право на приобрѣтеніе населенныхъ имуществъ . Значеніе этихъ ограничений то , что право собственности не считается приобрѣтеннымъ , если приобрѣтается вопреки существующимъ ограниченіямъ , а по-прежнему числится за тѣмъ лицомъ , которому принадлежало . Исключение представляютъ только крѣпостные люди , приобрѣтаемые съ землею или безъ земли : слѣдствіемъ отчужденія ихъ лицу , неимѣющему права владѣть ими , является свобода крѣпостныхъ людей (104) .

§ 15.

Но обратимся къ самому приобрѣтенію права собствености . Какъ и всякое право , право собственности имѣетъ определенное начало . Тѣ пути , которыми открывается это начало , которыми приобрѣтается право собственности , называется способами его приобрѣтенія . Внимательное разсмотрѣніе ихъ для юриста особенно важно , потому-что легко смѣшать способы

(103) Но подъ лавками законодательство здѣсь разумѣеть лишь особы строенія , назначенныя исключительно для помѣщенія и продажи товаровъ , и если лавка устроена при домѣ , то она можетъ быть собственностью и лица не городского сословія .

(104) Св. зак. гр. ст. 1167.

пріобрѣтенія права собственности съ способами пріобрѣтенія другихъ правъ, что и бываетъ нерѣдко въ дѣйствительности— принимается за способъ пріобрѣтенія права собственности то, что само собою не даетъ права собственности. Напр. договоры признаются иногда способами пріобрѣтенія права собственности, въ-особенности куплѣ-продажѣ нерѣдко придаютъ такое значеніе,— тогда-какъ по существу своему и по смыслу законодательства куплі-продажа вовсе не способъ пріобрѣтенія права собственности, и, заключивъ договоръ купли-продажи, покупщикъ еще не въ-правѣ считать себя собственникомъ вещи. Но въ дѣйствительности многіе не даютъ себѣ отчета въ юридическихъ явленіяхъ, не привыкли анализировать ихъ, и замѣчая, что, вслѣдствіе купли-продажи, пріобрѣтается право собственности, заключаютъ, что оно именно пріобрѣтается куплею-продажею. Разумѣется, послѣдствія смѣшанія способъ пріобрѣтениемъ права собственности съ способами пріобрѣтенія другихъ правъ довольно значительны: нерѣдко случается, что именно вслѣдствіе такого смѣшанія процессъ получаетъ ложное направление и ложное значеніе. Бываетъ напр., что покупщикъ, не получая купленной имъ вещи, открываетъ противъ продавца искъ о правѣ собственности, тогда-какъ покупщикъ въ-правѣ требовать отъ продавца только вознагражденія за убытки, понесенные имъ отъ несоблюденія договора, но не самую вещь, находящуюся въ рукахъ продавца. Итакъ, есть юридическая отношенія, слѣдствиемъ которыхъ обыкновенно бываетъ пріобрѣтеніе права собственности; но эти юридические отношенія должно отличать отъ тѣхъ, которые непосредственно порождаютъ право собственности и представляются способами его пріобрѣтенія. Они подлежатъ различнымъ классификаціямъ. Положительное законодательство въ основание своей классификаціи полагаетъ понятіе о возмождіи и дѣлить способы правъ на *безмездные и возмождные* (105). Въ понятіи о

(105) Классификація Свода законовъ не относится, правила, исключительно къ праву собственности, а обнимаетъ способы пріобрѣтенія имущества.

возмездії есть юридическая сторона, но для приобрѣтенія права собственности это понятіе не существенно: если даже и допустить, что право собственности приобрѣтается возмездно или безмездно, то окажется, что и при отсутствіи возмездія, съдущаго за приобрѣтеніе права собственности, оно приобрѣтается или не приобрѣтается. Если право собственности приобрѣтается, то значитъ оно приобрѣтается не смотря на отсутствіе возмездія; если право собственности не приобрѣтается при отсутствіи возмездія, то, значитъ, нѣть способа приобрѣтенія права собственности. Итакъ, понятіе о возмѣздії не можетъ служить основаніемъ дѣленія способовъ приобрѣтенія права собственности. Въ учебникахъ гражданскаго права встрѣчаются другія основанія классификаціи способовъ приобрѣтенія права собственности. Самая обыкновенная классификація ихъ — дѣлкіе на *непосредственные* или *переобразные* и *посредственные* или *производные*. Первоначальными или непосредственными способами считаются тѣ, которыми устанавливается право собственности по вещи, прежде несуществовавшей или несоставлявшей чьей-либо собственности; непосредственными же или производными считаются тѣ способы, которыми приобрѣтается право собственности по вещи, состоящей въ чьей-либо собственности въ притомъ въ самый моментъ, предшествовавший приобрѣтенію, такъ-что право собственности не возникаетъ вновь, а только переходитъ отъ одного лица къ другому. Такая классификація встрѣчается между-прочимъ въ сочиненіи Краммѣльда «Начертаніе Россійскаго гражданскаго права въ историческомъ его развитіи». По учению автора, къ первоначальнымъ способамъ приобрѣтенія права собственности принадлежать: *находка*, *ловля*, *добыча*, *давность* и *приращеніе*, всѣ-же другіе способы принадлежать къ производнымъ (106). Но скажемъ прежде всего, что раздѣленіе способовъ приобрѣтенія права

иныхъ правъ вообще, одинакожъ главнымъ образомъ имѣть въ виду право собственности и способа его приобрѣтенія (см. Оглавл. III кн. Св. зак. граж.).

(106) Краммѣльдъ, Начерт. Росс. гр. права. С. Пб. 1848, стр. 96, 98.

собственности на первообразные и производные не имѣть никакого практическаго интереса: съ понятіемъ о первоначальномъ или производномъ приобрѣтеніи права собственности наше право не связываетъ никакихъ юридическихъ опредѣлений. Самое раздѣленіе оказывается поэтому празднымъ, излишнимъ, а въ учебникѣ даже вреднымъ, потому что различіе въ юридическихъ понятияхъ всегда даетъ поводъ думать о различіи въ юридическихъ опредѣленіяхъ, а если этого неѣтъ, то различіе ведетъ только къ ошибочному представлению. Но кроме-того, раздѣленіе способовъ приобрѣтенія права собственности на первообразные и производные не выдерживаетъ критики: исходная точка раздѣленія невѣрна, ибо въ нашемъ юридическомъ быту неѣть вещей, никому не принадлежащихъ, а если они, хотя и существуютъ въ мірѣ, то совершенно чужды юридическимъ опредѣленіямъ, таковы напр. планеты, или онѣ до известнаго времени вовсе не существуютъ (И слѣдов. странно говорить о нихъ, какъ никому непринадлежащихъ), но въ самый моментъ появленія въ мірѣ становятся уже чьи-либо собственностью, таковы напр. новорожденныя животныя. Оказывается такимъ-образомъ, что первоначальныхъ способовъ приобрѣтенія права собственности въ нашемъ юридическомъ быту вовсе неѣть: вещь, существующая въ юридическомъ быту, всегда состоять въ чьей-либо собственности; если вещь не подлежитъ чьему праву собственности, то она вовсе не подлежитъ юридическимъ опредѣленіямъ.

§ 16.

Разсматривая въ отдельности тѣ способы приобрѣтенія права собственности, которые г. Краухфельдъ считаетъ первообразными, мы действительно убѣждаемся въ настоятельности его классификаціи, въ невѣрности мысли, будто есть такие способы, которыми приобрѣтается право собственности на вещи, прежде никому не принадлежащія. Такъ, находку нельзя счи-

тать первоначальнымъ способомъ пріобрѣтенія права собственности. О находкѣ въ нашемъ законодательствѣ постановляется, что находчикъ обязанъ представить найденную вещь ближайшему мѣсту, которое объявляетъ о ней во всеобщее вѣдѣніе или чрезъ вѣдомости, или чрезъ особы повѣстки, или чрезъ глашатая (107), и дающе постановляется, что если въ-течение извѣстнаго срока явится хозяинъ вещи и докажетъ, что она дѣйствительно принадлежитъ ему, то вещь отдается потерявшему, но онъ въ видѣ вознагражденія находчика обязанъ уплатить ему треть цѣны вещи; если-же лицо, потерявшее вещь, не явится въ опредѣленный срокъ, несмотря на сдѣланное объявление, или явившись не докажетъ, что вещь дѣйствительно принадлежитъ ему, то она обращается въ собственность находчика (108). Въ этомъ опредѣленіи законодательства не только нѣтъ никакого указанія на пріобрѣтеніе находкою вещи, никому не принадлежавшей, напротивъ именно указывается, что пріобрѣтается вещь, принадлежавшая другому лицу: требуя объявленія о находкѣ и распоряженія полиціи объ отысканіи потерявшего лица, законодательство именно выскаживаетъ, что оно не признаетъ потерю прекращенiemъ права собственности и найденную вещь не считаетъ за находчикомъ. И въ-самомъ-дѣлѣ, нѣтъ необходимости съ потерю вещи связывать прекращеніе права собственности по этой вещи, ибо съ петерю со-прягается только затрудненіе въ осуществлѣніи права собственности, но не устраивается всякая возможность осуществлѣнія этого права: не признается-же право собственности прекратившимся, если вещь затеряна въ домѣ самого хозяина. Равнымъ образомъ, если законодательство устанавливаетъ право на вознагражденіе за находку, то этимъ выскаживается, что оно не признаетъ находчика за собственника, иначе вещь должна была оставаться въ его рукахъ. Правда, въ-случаѣ неявки лица

(107) Въ-нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существуетъ обычай выставлять найденную вещь у входа въ полицейское мѣсто.

(108) См. зак. гр. ст. 456, 457,

потерявшаго или непредставления съ его стороны доказательствъ о принадлежности вещи находчикъ получаетъ ее въ собственность, но до послѣдняго момента срока явки вещь считается собственностью потерявшаго, такъ-что право собственности переходитъ къ находчику отъ хозяина потерянной вещи. Г. Краухфельдъ увлекся, кажется, тѣмъ, что въ большей части случаевъ о находкѣ не объявляется полиціи и не дѣлается розыскъ о ея хозяинѣ, а всего чаще она просто остается у находчика. Но всего чаще теряются вещи малоцѣнныя, и если нерѣдко встрѣчается, что въ-случаѣ кражи вещи хозяинъ ея отступается отъ розыска, то тѣмъ естественнѣе это при потерѣ вещи, въ-особенности при ея незначительной цѣнности. Но и въ этомъ случаѣ находка содѣлывается какъ-бы собственностью находчика не потому, что онъ нашелъ ее, а потому, что владѣлецъ-находчикъ не собственникъ, никто не спориваетъ его предполагаемаго права собственности (109). Юристы наши, кажется, увлекаются еще Римскимъ правомъ, въ которомъ *оссиратіо* (завладѣніе вещью безхозяйною) является способомъ пріобрѣтенія права собственности (110): полагаютъ, что если Римское право допускаетъ такое состояніе вещи, въ которомъ она не принадлежать никому, то и въ нашемъ юридическомъ быту можно найти такое состояніе, и вотъ принимаютъ, что вещь потерянная не принадлежить никому, найденная-же становится собственностью находчика, что находка, такимъ-образомъ, есть способъ пріобрѣтенія права собственности и при томъ первообразный. Но въ нашемъ юридическомъ быту нѣтъ вещей безхозяйныхъ, такъ-какъ по ст. 374 *Свода гражд. законовъ* вещи, непринадлежащія никому въ-особенности, принадлежать государству. Въ древнемъ юридическомъ быту, конечно, и у насъ были вещи безхозяйныя; но съ той поры, какъ установилось это правило, юридическія опредѣленія обнимаютъ весь міръ вещей, находящихся на территории Русскаго госуд-

(109) Тамъ-же, ст. 452.

(110) *Dig. L. 41. t. 1, 2—6.*

дарства, и несть такой вещь, которая бы способна была подлежать юридическим определениям и не составляла чьей-либо собственности. Напрасно указывают на находку клада, какъ на доказательство, что и у насъ есть вещи безхозяйныя, первые приобрѣтаемыя: водъ кладомъ разумѣется имущество, когда-то закопанное въ землю; но по нашему законодательству собственникъ земли есть и собственникъ клада, находчикъ же его получаетъ только вознаграждение, съдов. кладъ считается частю земли и находка не представляется первоначальнымъ способомъ приобрѣтенія права собственности. — Ловля дикихъ животныхъ (111) и рыбы, по нашему законодательству, ведеть къ приобрѣтенію права собственности на пойманнаго звѣра и заловленную рыбу, точно также, какъ и охота за птицею ведеть къ праву собственности на убитую птицу (112); но ловля и охота не представляются въ нашемъ юридическомъ быту первообразными способами приобрѣтенія права собственности. Дѣло въ томъ, что право собственности на поземельный участокъ, по определенію нашего законодательства, обнимаетъ все находящееся въ нѣдрахъ земли и на ея поверхности, и на этомъ основаніи собственникъ леснаго поземельного участка есть также собственникъ животныхъ, живущихъ на немъ, собственникъ рѣки, озера или пруда есть также собственникъ и рыбы, которая водится въ водѣ. Дикия животные, какъ птицы и рыбы, рассматриваются, какъ принадлежности поземельного участка. Итакъ, если собственникъ самъ производить охоту за животными, находящимися на его землѣ, или ловлю рыбы, находящейся въ его водѣ, то онъ не приобрѣтаетъ права собственности на пойманное животное, а только осуществляетъ его. Что собственникъ не во всякое мгновеніе господствуетъ надъ животнымъ,

(111) Въ юридическомъ отношеніи дикое животное характеризуется свободою перехода съ места на место: хотя и дикие звѣри обыкновенно иметь свои больше или менѣе постоянныя логовища, берлоги, норы, но тѣль не менѣе, такъ-сказать, юридическое ихъ жительство не связано съ определеннымъ мѣстомъ.

(112) Св. зак. гр. спр. ст. 392, 521 (Прод. XV) п. 64.

находящимся на его поземельномъ участкѣ, что собственникъ, быть-можеть, и не знаетъ о его существованіи, это происходить отъ самого свойства принадлежности; но яѣть сомнѣнія, что всѣ животныя, находящіяся на поземельномъ участкѣ, составляютъ принадлежность участка и подлежать праву собственности его хозяина. И еслибы ловля представлялась только въ такомъ видѣ, то не вздумали-бы считать ее самостоятельнымъ и притомъ непосредственнымъ, первообразнымъ способомъ приобрѣтенія права собственности. Но приверженцы такого воззрѣнія на юридическую природу ловли увлекаются тѣмъ, что ловля (въ-особенности охота) нерѣдко производится на чужомъ поземельномъ участкѣ и ловецъ становится собственникомъ заловленного животнаго, и вотъ представляютъ себѣ, что животное, добываемое охотою или ловлею, до поимки никому не принадлежитъ и впервые становится собственностью ловца. Ловецъ дѣйствительно становится собственникомъ животнаго, заловленнаго на чужомъ поземельномъ участкѣ, но не потому, чтобы ловля была способомъ приобрѣтенія права собственности по вещи, никому не принадлежащей, а по другимъ основаніямъ. При ловлѣ могутъ имѣть мѣсто два случая: или она производится съ созволенія собственника поземельного участка, или безъ его созволенія. Въ первомъ случаѣ, когда ловля производится съ согласія собственника, это согласіе обнимаетъ и предоставление ловцу права собственности на пойманное животное, слѣдов. вѣдь, очевидно, переходъ права собственности, а не первоначальное его приобрѣтеніе. Во-второмъ случаѣ, когда ловля производится безъ согласія собственника поземельного участка, должно различать также два случая: или ловля производится безъ согласія хозяина потому, что согласія не было спрошено, или она производится вопреки его несогласію. Въ-первомъ случаѣ ловецъ вовсе не становится собственникомъ пойманного животнаго, а только незаконнымъ его владельцемъ, и только предполагается собственникомъ, какъ владелецъ движимаго имущества, пока настоящій собственникъ

животнаго, хозяинъ поземельного участка, не докажетъ противнаго (113). Но обыкновенно право собственности надъ дикимъ животнымъ, звѣремъ или птицею, не представляетъ значительного интереса, поэтому не возникаетъ обыкновенно спора о правѣ собственности ловца и фактически владѣніе его представляется равносильнымъ собственности. Можно сказать даже, что именно по отсутствию значительного интереса въ ловлѣ и охотѣ и представляется въ большей части случаевъ отсутствие согласія землевладѣльца: потому не испрашивается его согласія, что нѣть сомнѣнія въ немъ, и поэтому-то у насъ отсутствіе прямаго запрещенія ловли и охоты со стороны хозяина поземельного участка обыкновенно считается равнозначущимъ дозволенію. Но когда ловля, или охота производится вопреки явному несогласію землевладѣльца, она составляетъ прямое нарушеніе его права собственности и, законно-доказанное, это нарушеніе повлечетъ за собою всѣ тѣ-же послѣдствія, какъ и нарушеніе всякаго другаго права собственности. Итакъ, во всѣхъ случаяхъ ловли: во-первыхъ, есть хозяинъ животнаго; нѣть мгновенія, когда-бы дикое животное было вещью безхозайною; во-вторыхъ, ловецъ приобрѣтаетъ право собственности надъ животнымъ или на основаніи какой-нибудь сдѣлки съ хозяиномъ поземельного участка, или на основаніи предполагаемаго отреченія его отъ преслѣдованія своего права собственности. Мысль, будто дикое животное есть вещь безхозайная, основывается на томъ, что дикое животное мѣняетъ

(113) Замѣтимъ однако, что въ настоящее время наши землевладѣльцы, говоря вообще, почти никакъ не дорожатъ правомъ охоты и не вступаются, когда охота производится стороннимъ лицомъ безъ ихъ разрѣшенія, а охраняютъ лишь право ловли рыбы въ водахъ своихъ. Только тамъ, где звѣри или птицы имѣютъ особую экономическую цѣнность, встрѣчаются случаи ограниченія права охоты, напр. въ окрестностяхъ столицъ. Но за то въ этихъ мѣстахъ устанавливается даже особое обычное право относительно преслѣдованія самовольной охоты: по обычаю, землевладѣлецъ считается въ-правѣ прымкнуть себѣ ружье охотника и его собаку (не говоря уже о самой добыче), охотникъ-же считается въ-правѣ представить выкупъ за эти вещи и требовать ихъ обратно.

свое мѣстожительство и нѣть возможности услѣдить за нимъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ нѣть возможности услѣдить и за правомъ собственности по животному. Но это воззрѣніе ошибочно. Еслі юридический быть допускаетъ понятіе о безхозяйныхъ вещахъ, то дикое животное, пожалуй, можно считать безхозяйнымъ, на томъ основаніи, что юридическое отношеніе хозяина лѣса къ животному, находящемуся въ немъ, чуждо сознанія хозяина. Но если юридический быть отвергаетъ понятіе о безхозяйныхъ вещахъ, то какъ-бы ни было затруднительно опредѣленіе права собственности, оно можетъ и должно быть опредѣлено. Въ большей части случаевъ, конечно, юридическая отношенія собственника поземельного участка къ животнымъ, находящимся на немъ, останутся безъ опредѣленій; но когда представляется интересъ опредѣлить ихъ, они должны быть опредѣлены по соображенію собственности того поземельного участка, на которомъ находятся животныя. Справедливо, что звѣрь, быть можетъ, безпрестанно переходитъ съ одного поземельного участка на другой, птица перелѣтаетъ съ одного мѣста на другое, но за этой безпрестанной перемѣной пребыванія слѣдуетъ только безпрестанская перемѣна права собственности относительно звѣра и птицы, а не безхозяйность ихъ. Поэтому-то и называются дикія животныя *собственностью переходящую* (*proprieté ambulante*). По мнѣнію некоторыхъ юристовъ, это особый видъ права собственности. Намъ же кажется, что нѣть надобности признавать здѣсь и особыаго вида права собственности: потому-что особенность, представляющаяся въ правѣ собственности по дикому животному или птицѣ, не такого свойства, чтобы была въ-состояніи произвести особый видъ права собственности. Особенность состоить въ безпрестанномъ прекращеніи одного права собственности и возникновеніи другаго; но природа права собственности опредѣляется не временемъ его продолженія, а существомъ самого права: господство А надъ вещью одинаково, будеть-ли оно продолжаться 10 минутъ или столѣтіе; съ юри-

дической точки зре́ния это все равно. Военная добыча, имущество, захваченное у неприятеля на сухи́, добыча въ тесноте смысла́, или на водѣ́, призъ, также неправильно принимаются за первоначальный способъ пріобрѣтения права собственности. Извѣстно, что, при непріязненныхъ отношеніяхъ двухъ государства́, лицамъ, принадлежащимъ къ войску или и непринадлежащимъ къ нему, какъ напр. арматорамъ, предоставляется при некоторыхъ условіяхъ захватывать имущество непріятеля, которое и становится собственностью или лица, захватившаго имущество, или государства, которому принадлежитъ это лицо. Такое правило, общее всѣмъ законодательствамъ, существуетъ и у насъ (114): военная добыча, такимъ образомъ, и въ нашемъ юридическомъ быту представляется способомъ пріобрѣтения права собственности, но не первообразнымъ. Юристы, принимающіе военную добычу за первоначальный способъ пріобрѣтения права собственности, полагаютъ, будто во время войны между двумя государствами каждая изъ воюющихъ сторонъ признаетъ непріятеля неимѣющимъ никакихъ правъ и поэтому каждую вещь, находящуюся у непріятеля, рассматриваетъ какъ безхозяйную, а какъ безхозяйная, она содѣлывается собственностью первого захватившаго. Военная добыча такимъ образомъ, по воззрѣнію этихъ юристовъ, составляетъ видъ *захвады*, *occupatio*, и отличается отъ него только тѣмъ, что при завладѣніи дѣйствительно неѣтъ хозяина вещи, а при добычѣ есть хозяинъ вещи, но его право собственности не признается. Но это воззрѣніе невѣрно въ приложеніи къ современному общественному быту. По античному взгляду, непріятель дѣйствительно не имѣеть правъ и вещи, находящіяся у непріятеля, юридически не числятся за нимъ, а рассматриваются какъ *res nullius* и становятся собственностью первого оккупанта. И сообразно этому античному, Греческому и Римскому, взгляду военная добыча, дѣйствительно, представляется

(114) См. зак. гр. прилозм. къ ст. 378.

первообразнымъ способомъ пріобрѣтенія права собственности. Но далеко отъ античнаго взгляда современное возврѣніе на международныя непріятельскія отношенія: христіанскому воззрѣнію чуждо отрицаніе права за непріятелемъ, ихотя учрежденіе добычи удерживается и въ настоящее время, однакожь взглядъ на ея значеніе измѣнился. Въ настоящее время добыча допускается только по-необходимости, какъ одно изъ средствъ лишить непріятеля способовъ къ продолженію войны, тѣмъ болѣе, что предметы добычи сами собою состоять главнымъ образомъ въ вещахъ, которыми ведется борьба. Но если законодательство допускаетъ добычу, то это не значитъ еще, что оно не признаетъ права собственности непріятеля, а значитъ только, что право собственности непріятеля по вещамъ, отнятымъ у него, прекращается. Точно также, какъ общество требуетъ отъ каждого своего члена, чтобы онъ въ случаѣ надобности отказался отъ какого-либо интереса, права, чтобы онъ на общую пользу принесъ свое достояніе, точно также общество допускаетъ, что непріятеля, приносящаго вредъ государству, можно лишить извѣстныхъ вещей и тѣмъ, быть можетъ, подготовить прекращеніе самой войны. Такимъ образомъ, при добычѣ, по нашему мнѣнію, представляется прекращеніе права собственности непріятеля и возникновеніе права собственности для другаго лица, или для государства воюющаго, или для лица, захватившаго добычу, и самая добыча поэтому, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности, представляется способомъ пріобрѣтенія производнымъ, а не первообразнымъ. Давность считается первоначальнымъ способомъ пріобрѣтенія права собственности на томъ основаніи, будто въ давности выражается отреченіе собственника отъ вещи, будто потому пріобрѣтается давностю право собственности по вещи, что она безхойная и вслѣдствіе того содѣлывается собственностью оккупанта. Но это возврѣніе совершенно должно въ противорѣчить дѣйствительности. Для того, чтобы давность можно было признать первоначальнымъ способомъ пріобрѣте-

ния права собственности, нужно, чтобы между прекращениемъ права собственности хозяина вещи и приобрѣтенiemъ этого права состороны давностнаго владѣльца существовалъ такой промежутокъ времени, въ который-бы вещь никому не принадлежала. Но токого промежутка нѣть, а до послѣдняго момента давностнаго срока вещь, состоящая въ давностномъ владѣніи, считается собственностью ея хозяина (115). Слѣдов. и давность представляется производнымъ способомъ приобрѣтенія права собственности: и при давности право собственности по вещи отъ одного лица собственника переходитъ къ другому лицу—давностному владѣльцу, точно также, какъ переходить право собственности отъ одного лица къ другому на основаніи какой-либо сдѣлки. Наконецъ, *приращеніе* выдается за первообразный способъ приобрѣтенія права собственности. Но не справедливо: по приращенію дѣйствительно иногда приобрѣтается право собственности по вещи, которая прежде никому не принадлежала, но не принадлежала или потому, что ея вовсе не было, или хотя она и существовала, но была вѣкъ круга юридическихъ опредѣленій. Напр. по приращенію хозяинъ животнаго становится собственникомъ приплода: здѣсь право собственности приобрѣтается впервые, но не по безхозайнной вещи, а по такой, которая до того времени, какъ она стала собственностью, вовсе не существовала, по крайней мѣрѣ самостотельно. Или напр. по приращенію прибрежный поземельный владѣлецъ приобрѣтаетъ право собственности на поземельный участокъ, образовавшійся отъ напывшаго песку, отъ напоса илу: и здѣсь право собственности возникаетъ впервые, до возникновенія-же поземельного участка его вовсе не было, а были только отдельныя земляные частицы, но окѣ вѣкъ юридическихъ опредѣленій, по-крайней-мѣрѣ нѣть никакого интереса въ юридическомъ опредѣленіи отдельныхъ земляныхъ частійъ. И такъ, ни одинъ изъ указываемыхъ первообразныхъ

(115) Тамъ-же, ср. ст. 475, 479, 1026.

способовъ пріобрѣтенія права собственности не выдерживаетъ критического разсмотрѣнія, и мы отвергаемъ самое раздѣленіе способовъ пріобрѣтенія права собственности на первообразные и производные.

§ 17.

Раздѣляютъ также способы пріобрѣтенія права собственности, принимая за основаніе волю лицъ, прикосновенныхъ къ пріобрѣтенію, и находятъ, что въ иныхъ случаяхъ право собственности пріобрѣтается по волѣ интересентовъ, въ иныхъ независимо отъ ихъ воли, въ иныхъ наконецъ по стечению воли интересентовъ и другихъ обстоятельствъ. Находятъ именно, что право собственности пріобрѣтается по волѣ интересентовъ, когда пріобрѣтается вслѣдствіе какой-либо сдѣлки, напр. даренія, духовнаго завѣщанія и т. п. Или право собственности пріобрѣтается на основаніи закона, независимо отъ воли интересентовъ, напр. въ случаѣ приращенія: законъ признаетъ приращеніе собственностью хозяина вещи, къ которой дѣлается приращеніе, и воля хозяина совершенно безразлична. Или, наконецъ, право собственности пріобрѣтается на основаніи совокупного дѣйствія воли интересентовъ и закона, напр. при законномъ наслѣдованіи: законъ опредѣляетъ порядокъ наслѣдованія, но наследникъ можетъ и отказаться отъ пріобрѣтенія права собственности на основаніи принадлежащаго ему права наслѣдованія. Но и это дѣленіе способовъ пріобрѣтенія права собственности несостоятельно: прежде всего должно сказать, что это дѣленіе обнимаетъ не один способъ пріобрѣтенія права собственности, а также и способы пріобрѣтенія всѣхъ другихъ имущественныхъ правъ, напр. по духовному завѣщанію, по законному наслѣдованію пріобрѣтается не только право собственности, но пріобрѣтаются самыя разнородныя имущественные права; далѣе, должно замѣтить, что пріобрѣтеніе права собственности по волѣ интересентовъ должно найти себѣ основаніе въ законѣ или обычай,

иначе ихъ воля не будетъ уважена, такъ-что, можно сказать, всякое приобрѣтеніе права собственности по волѣ интересовъ есть приобрѣтеніе по закону или обычю; наконецъ, это раздѣленіе не имѣть никакого практическаго значенія и для системы права отъ него нѣтъ никакой пользы.

Практическое различіе способовъ приобрѣтенія права собственности, намъ кажется, заключается въ томъ, что однимъ способамъ присуще владѣніе, такъ-что нѣтъ и приобрѣтенія права собственности, если приобрѣтатель не вступаетъ во владѣніе вещью; другими-же способами право собственности приобрѣтается независимо отъ владѣнія, такъ-что лицо можно признать собственникомъ вещи, хотя-бы оно къ ней и не прикасалось. На этомъ основаніи способы приобрѣтенія права собственности можно раздѣлить на способы, требующіе посредства владѣнія, и способы, независящіе отъ владѣнія. Этого дѣленія мы будемъ держаться. Но замѣтимъ, что вопросъ о классификаціи способовъ приобрѣтенія права собственности пользуется незаслуженнымъ значеніемъ въ системѣ права, потому что въ науки права существенно опредѣлить каждый способъ приобрѣтенія права собственности, но несколько не существенно обозначать общія черты нѣсколькихъ способовъ приобрѣтенія, несущественно потому, что нельзя остановиться на этихъ общихъ чертахъ, а приходится опредѣлять каждый способъ въ точности, и потому все равно, въ какомъ-бы порядкѣ ни опредѣлять ихъ. Развумѣется, основное правило всякой системы — однородное соединять вмѣстѣ; но въ самыхъ разнообразныхъ юридическихъ учрежденіяхъ всегда найдется что-нибудь общее, подъ которое подходятъ они; поэтому чрезвычайно трудно избрать то общее, подъ которое именно подвести известныя учрежденія, и лучше всего избирать то общее, которое имѣть практическую цѣль, хотя и нельзя сказать, чтобы можно было довольствоваться указаніемъ практическихъ чертъ.

§ 18.

Способы пріобретения права собственности при посредстве владения.

Сюда относятся: передача, давность и соиниал добыча.

Передачою называется актъ, по которому вещь изъ владѣнія одного лица переходитъ во владѣніе другаго, пріобрѣтающаго на ю право собственности. Это послѣднее условіе существенно для передачи, какъ способа пріобрѣтенія права собственности, потому что передача сама по себѣ возможна и не какъ способъ пріобрѣтенія права собственности: напр. передается вещь для пользованія, передается залогопринимателю, передается какъ поклажа, и т. п., но ни въ одномъ изъ этихъ случаевъ передача не представляется способомъ пріобрѣтенія права собственности. При передачѣ въ смыслѣ способа пріобрѣтенія права собственности представляются: 1) лицо, передающее право собственности; 2) лицо, пріобрѣтающее это право; 3) законное основаніе (*justus titulus*), по которому передача составляетъ переходъ права собственности, и 4) самыи актъ передачи, состоящей въ переходѣ владѣнія отъ одного лица къ другому. Относительно лицъ, встрѣчающихся при передачѣ, мы не можемъ сказать ничего особеннаго, нового, а должны повторить только, что субъективныи условія дѣйствительности сдѣлки имѣютъ значеніе и для дѣйствительности передачи: лицо передающее должно быть въ-правѣ совершить отчужденіе, передать право собственности; лицо пріобрѣтающее должно быть способно къ пріобрѣтенію не только имущественныхъ правъ вообще, но и права собственности на данную вещь въ-особенности. Намъ слѣдуетъ поэтому остановиться лишь на законномъ основаніи и актѣ передачи. Передача права собственности всегда исходить изъ какой-либо сдѣлки ии, общѣ, изъ какого-либо юридического отношения. Большею частью эта сдѣлка существуетъ до передачи, но иногда совпадаетъ съ нею. Напр. когда совершается купля-продажа на не-

движимое имущество, то сделка существует задолго до передачи имущества; но когда одно лицо дает другому милостыню, то сделка (дарение) совпадает съ передачею. Эта-то сделка или, общѣ, юридическое отношеніе, на основаніи которого переходитъ право собственности, и есть *законное основаніе* передачи. У насъ оно нерѣдко принимается даже за самый способъ приобрѣтенія права собственности, но несправедливо: законное основаніе передачи устанавливаетъ лишь право на передчу, а передача уже составляетъ способъ приобрѣтенія самого права собственности. Напр. совершена купля-продажа: покупщикъ въ-правѣ требовать только передачи себѣ купленной вещи, но до передачи не имѣть еще надъ нею права собственности. Тѣмъ не менѣе законное основаніе передачи существенно для ея дѣйствительности: недостаточно намѣренія лицъ, участвующихъ въ перечѣ, одного—передать право собственности, другаго—приобрѣсти его; недостаточно также и перехода самаго владѣнія; необходимо еще и законное основаніе для того, чтобы передача составляла переходъ права собственности, такъ-что тамъ, где нѣтъ этого основанія, нѣтъ и перехода права собственности. Напр. я передаю вещь лицу А, имѣя въ виду, что дарю ему эту вещь, такъ-что мнѣ *дареніе* представляется законнымъ основаніемъ передачи; но лицо А имѣть въ виду, что приобрѣтаетъ право собственности по мѣнѣ, такъ-что по его понятію *дареніе* составляетъ законное основаніе передачи: въ такомъ случаѣ право собственности не переходитъ съ передачею, ибо дареніе въ-мина, подобно другимъ договорамъ, существенно предполагаютъ взаимное соглашеніе контрагентовъ, а какъ такого соглашенія нѣтъ, то нѣтъ ни даренія, потому-что А не изъявляетъ согласія на принятие дара, нѣтъ ни мѣны, потому-что я дарю, а не заключаю договоръ мѣны, нѣтъ слѣдов. и законного основанія для перехода права собственности. Конечно, можно сказать, что и дареніе и мѣна представляютъ въ нашемъ примѣрѣ то общее, что имѣютъ въ виду установить переходъ права собственности, но сделка есть нѣчто единое, цѣльное,

нераздѣльное, нельзя изъ нея взять одну часть, а другую оставить, и нельзя поэтому признать, что право собственности все-таки переходитъ на томъ основаніи, что хотя интересенты имѣютъ въ виду разныя сдѣлки, но сходятся въ томъ, чтобы перешло право собственности, а должно сказать, что хотя передача и совершаются, но право собственности не переходитъ.

Обращаясь къ самому *акту* передачи, состоящему въ переходѣ владѣнія вещью изъ рукъ одного лица въ руки другаго, мы находимъ, что въ иныхъ случаяхъ этотъ актъ дѣйствительно совершается, въ иныхъ-же нѣть, а только подразумѣвается. И случаевъ послѣдняго рода встрѣчается немало въ практической жизни: очень часто вещь на-самомъ-дѣлѣ не передается пріобрѣтателю, а право собственности все-таки считается пріобрѣтеннымъ, отошедшемъ отъ прежняго хозяина и именно по передачѣ. Такая *подразумѣваемая* передача представляется, во-первыхъ, въ тѣхъ случаяхъ, когда передача составляетъ до такой степени непосредственное, необходимое послѣдствіе сдѣлки, на основаніи которой должна произойти передача, что она, какъ слѣдствіе, подразумѣвается сама собою, хотя-бы и не была совершена на самомъ дѣлѣ. Напр. такие случаи встрѣчаются при покупкѣ движимаго имущества: очень нерѣдко бываетъ, что заключается договоръ купли-продажи, покупщикъ уплачиваетъ продажную цѣну, но купленная вещь остается пока въ рукахъ продавца, а все-таки считается уже собственностью покупателя. Передача здѣсь подразумѣвается, и если искать наружнаго знака, выражавшаго ее, то развѣ заключается онъ въ томъ, что проданная вещь запаковывается, или по-крайней-мѣрѣ выдѣляется изъ массы другихъ товаровъ; но и это невсегда бываетъ. Во-вторыхъ, случаи подразумѣваемой передачи представляются тогда, когда пріобрѣтателю права собственности передается не самая вещь, а знакъ ея, представитель. Напр. въ торговомъ быту передача фактуры (вѣдомости о товарѣ) замѣняетъ передачу самого товара: купецъ, получившій фактуру, распоряжается означеннымъ въ

ней товаромъ, какъ своею собственностию, хота-бы товаръ и не былъ еще въ его рукахъ. Или напр. въ торговомъ быту нерѣдко бываетъ, что передается не самый товаръ, а ключъ отъ анбара или, вообще, помѣщенія, въ которомъ находится товаръ, и передача ключа считается передачею самого товара. Такая передача знака вмѣсто передачи самой вещи есть остатокъ древней символической передачи, которая въ-особенностіи имѣла мѣсто относительно имуществъ недвижимыхъ; напр. въ нашемъ древнемъ юридическомъ быту передача глыбы земли считалась передачею поземельного участка (116). Настоящее время, разумѣется, неблагопріятно для символовъ, они все болѣе и болѣе вытѣсняются; но если символъ соотвѣтствуетъ существу дѣла, то очень естественно удержаться ему и въ настоящее время; такъ напр. передачѣ ключа отъ помѣщенія проданного товара естественно замѣнить собою передачу самого товара. Наконецъ, къ случаю подразумѣваемой передачи должно отнести тѣ случаи, когда передача вещи излишня, потому-что вещь уже находится въ рукахъ пріобрѣтателя, такъ-какъ вещь можетъ находиться въ рукахъ и такого лица, которое не имѣть надъ нею права собственности. Напр. вещь передается, какъ закладъ, а впослѣдствіи залогоприниматель пріобрѣтаетъ надъ нею право собственности: такъ-какъ вещь уже находится въ рукахъ пріобрѣтателя, то было-бы пустою формальностію взять ее обратно отъ залогопринимателя и по-томъ снова предать ему, какъ пріобрѣтателю права собственности (117). Эта-то случаи подразумѣваемой передачи въ-особенности и внушаютъ нерѣдко мысль, что право собственности пріобрѣтается независимо отъ передачи, на основаніи самой сдѣлки; но это несправедливо, какъ увидимъ впослѣдствіи, а именно передача устанавливаетъ переходъ права собственности,

(116) Ср. вироченіе *Некоими*. Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 44, 116, 117.

(117) Въ Римскомъ правѣ такая передача называется *brevi manutraditio* (передача короткою рукою), а изъ Римскаго права это выраженіе перешло и въ юридическій языкъ новыхъ западныхъ народовъ.

только-что несогда она совершается на дѣлѣ, а во многихъ случаиахъ лишь подразумѣвается. Дѣйствительное совершение акта передачи въ нашемъ юридическомъ быту неодинаково, но различается по роду имуществъ, относительно которыхъ совершается актъ: иначе совершается передача имуществъ недвижимыхъ, иначе имуществъ движимыхъ; въ томъ и другомъ случаѣ существенно передача остается переходомъ владѣнія. Передача имущества недвижимаго состоитъ въ томъ, что лицо, приобрѣтающее право собственности, поставляется въ возможность владѣть имуществомъ: самую вещь нельзя передать въ его руки, она остается недвижимою, но лицо придвигается къ вещи, тогда-какъ лицо, передающее право собственности, отдѣляется отъ нея. Очень удачно поэтому передача недвижимаго имущества называется *вводъ во владѣніе*. По важности, которую приписываетъ законодательство недвижимому имуществу, передача его (вводъ во владѣніе) совершается у насъ при участіи общественной власти или, лучше сказать, ею самою. Актъ совершается такимъ образомъ (118): лицо, приобрѣвшее право на передачу известнаго недвижимаго имущества, обращается къ подлежащему судебному мѣсту низшей инстанціи (уѣздному суду или городовому магистрату, смотря по тому, находится имущество въ уѣздѣ, или въ городѣ) и просить о вводѣ во владѣніе. Судебное мѣсто рассматриваетъ, имѣетъ ли лицо законное основаніе на передачу недвижимаго имущества, и если находить, что законное основаніе существуетъ, дѣлаетъ постановление о вводѣ во владѣніе и предписываетъ произвести его подлежащему полицейскому мѣсту (земскому суду, если имущество находится въ уѣздѣ, или городской полицеї, если оно въ городѣ). На основаніи такого предписанія, полицейскій чиновникъ въ извѣстное время является къ тому недвижимому имуществу, относительно котораго долженъ быть произведенъ вводъ во владѣніе, сюда-же являются звѣзговре-

(118) Св. зак. гр. ст. 751—755.

менно приглашенные: прежній хозяинъ имущества (иогда впрочемъ онъ и не приглашается), новый пріобрѣтатель и нѣсколько свидѣтелей изъ сосѣдей имущества, принадлежащихъ къ сословію лица, вводимаго во владѣніе, и въ присутствіи этихъ лицъ полицейскій чиновникъ совершаеть письменный актъ о вводѣ во владѣніе, такъ-называемый *вводный листъ*, въ которомъ означается, что такое-то лицо вводится во владѣніе такихъ-то недвижимыемъ имуществомъ; листъ этотъ подписывается полицейскимъ чиновникомъ, производящимъ вводъ, и свидѣтелями и предъявляется тому судебному мѣсту, по распоряженію котораго совершился вводъ во владѣніе (119). При вводѣ во владѣніе имуществомъ населеннымъ созываются также крестьяне и дворовые люди, принадлежащіе къ имѣнію, и полицейскій чиновникъ внушаетъ имъ послушаніе новому собственнику. Такое внущеніе ведетъ начало свое отъ того времени, когда лица, поселенные на землѣ, не считались собственностью ея владельца, и могъ обязывать ихъ къ послушанію только особый актъ со-стороны правительства, который и повторялся при каждой перемѣрѣ землевладѣльца, а отъ этого и письменный актъ о вводѣ во владѣніе, вынѣшній вводный листъ, на древнемъ юридическомъ языкѣ назывался *послушаною грамотою* (120). Въ настоящее время отношения крестьянъ къ поземельному собственнику не тѣ, какія были прежде, и обязанность повиноваться вытекаетъ для нихъ изъ крѣпостного права, принадлежащаго помѣщику; но и въ настоящее время законодательство предписываетъ полицейскому чиновнику внушать крестьянамъ и дворовымъ людямъ, принадлежащимъ къ имѣнію, быть въ послушаніи ихъ собственника (121). Самое участіе правительства при передачѣ недвижимыхъ имуществъ, быть можетъ, проявлялось сначала только относительно иму-

(119) Свидѣтели, впрочемъ, принимаются болѣе частію только при вводѣ во владѣніе имуществами населенными.

(120) *Неволина*, Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 174.

(121) Св. зак. гр. ст. 766.

ществъ населенныхъ (122); но по важности, какую постоянно придавало наше законодательство вообще недвижимымъ имуществамъ, участіе правительства при передачѣ ихъ изъ руки въ руки впослѣдствіи распространялось также и на земли ненаселенные и на недвижимыя имущества городскія, зданія. Должно сказать однако, что, по историческому происхожденію цѣлаго учрежденія, по связи его первоначально только съ имуществами населенными, въ нашемъ юридическомъ быту образовалось воззрѣніе, будто вводъ во владѣніе особенно существенъ только относительно населенныхъ имѣній, такъ-что во многихъ мѣстностяхъ нашего отечества относительно имуществъ городскихъ вводъ во владѣніе по обычаю не совершается, да и по-отношению къ землямъ ненаселеннымъ весь актъ ввода во владѣніе во многихъ случаяхъ заключается лишь въ написаніи вводнаго листа.

Независимо отъ ввода во владѣніе, законодательство упоминаетъ еще объ отказѣ, какъ учрежденій, которымъ дополняется передача недвижимаго имущества. Законодательство опредѣляетъ именно, что по вводѣ во владѣніе судебное мѣсто, по распоряженію котораго онъ произведенъ, выставляетъ на дверяхъ своихъ объявление о вводѣ, приглашая тѣмъ лицъ, имѣющихъ на то право, въ-течение двухъ лѣтъ, предъявить споръ противъ нового собственника, по истечении же двухлѣтнаго срока дѣлаетъ распоряженіе объ отказѣ, точно также, какъ дѣлаетъ распоряженіе о вводѣ во владѣніе, т.-е. предписываетъ объ отказѣ подлежащему полицейскому мѣсту, члены котораго въ самомъ недвижимомъ имуществѣ совершаютъ актъ объ отказѣ, и затѣмъ уже, по опредѣленію законодательства, всякий споръ о пріобрѣтенномъ правѣ собственности устраивается (123). На дѣлѣ однако же выходитъ, что отказъ не устраиваетъ спора по пріобрѣтенному праву собственности, по тому-что сверхъ давности, представляющейся при отказѣ, на-

(122) Тамъ-же, см. примѣч.

(123) Тамъ-же, ст. 756—759.

ше законодательство устанавливает еще давность десятилетнюю (124) и только истечеіе срока этой давности, при известныхъ условіяхъ, действительно устраниетъ споръ объ имущественныхъ правахъ вообще, и въ-частности о правѣ собственности. Такимъ образомъ, отказъ не представляетъ непосредственного практическаго значенія, и этимъ объясняется, почему во многихъ судебныхъ мѣстахъ довольствуются одинъ вводомъ во владѣніе, отказа-же обыкновенно не дѣлается, развѣ по особому настоянию собственниковъ; но и сами собственники только въ рѣдкихъ случаяхъ прибѣгаютъ къ судебному мѣсту съ просьбою объ отказѣ. Довольно любопытно поэтому изслѣдоватъ, почему-же существуетъ въ нашемъ законодательствѣ учрежденіе отказа, откуда явилось оно? Оно дошло до насъ изъ древнаго права, которое разумѣло подъ отказомъ актъ, предоставлявшій недвижимое имущество власти лица, уже владѣвшаго имъ фактически, безъ права или и по праву, но не по праву собственности. Такъ, обыкновенно совершался отказъ тогда, когда помѣстие по смерти отца справлялось за его дѣтьми, продолжавшими между-тѣмъ владѣть имъ (125), или когда помѣстие лица обращалось ему въ вотчину (126). Слѣдов. отказъ въ древнемъ Русскомъ правѣ имѣлъ значеніе, если не тождественное, то близкое къ нынѣшнему вводу во владѣніе. Но когда помѣстья слились съ вотчинами (127), отказъ уже не могъ имѣть мѣста и оказался лишнимъ, какъ и принимавшая его современная юридическая практика. Между-тѣмъ законодательство все-таки хотѣло сохранить учрежденіе отказа, и вотъ, подмѣтивъ въ немъ ту сторону, что отказъ относится къ владѣнію уже готовому, оно придало ему значеніе акта, которымъ окончательно укрепляется за лицомъ право

(124) Тамъ-же, ст. 479.

(125) *Неволина*, Ист. Росс. гр. зак. II, стр. 242, III, стр. 368.

(126) Ср. впрочемъ *Неволина*, II, стр. 174.

(127) Что, какъ известно, произошло вслѣдствіе указа о единовласії (*Неволина*. II, стр. 255).

собственности пріобрѣтенному имуществу и устраниется всякий споръ о правѣ. На дѣлѣ однако, какъ мы и сказали уже, споръ, и при томъ успешный споръ о правѣ собственности, возможенъ и по совершеннія отказа, и если случается иногда въ судебной практикѣ, что выводится на сцену отказъ, какъ актъ, устраниющій всякий споръ о правѣ собственности лица на его недвижимое имущество, то это дѣлается всегда по вліянію какого-нибудь юриста-крючка, который думаетъ извлечь пользу для себя или для отставаемой имъ стороны изъ существованія учрежденія въ законодательствѣ; но такая посылка въ нашей практикѣ считается наглою недобросовѣстностю и рѣдко бываетъ удачна.

По-отношению къ движимому имуществу, передача называется *врученіемъ* и совершается безъ всякаго участія общественной власти, одними лицами, прикосновенными къ сдѣлкѣ, на основаніи которой происходит пріобрѣтеніе права собственности (128). Актъ врученія очень простъ: онъ заключается лишь въ томъ, что вещь изъ рукъ лица, отчуждающаго право собственности, передается въ руки лица, пріобрѣтающаго это право по вещи.

Какъ способъ пріобрѣтенія права собственности, передача имѣетъ обширное примѣненіе въ нашемъ юридическомъ быту: пожалованіе, дареніе, духовное завѣщаніе, купля-продажа и вообще все тѣ сдѣлки, которыя клонятся къ установленію перехода права собственности отъ одного лица къ другому, а также и другие способы пріобрѣтенія имущественныхъ правъ, какъ-скоро они ведутъ къ пріобрѣтенію права собственности, напр. наследованіе по закону, сопровождаются передачею. Не спрашивается, почему-же передача существенна для пріобрѣтенія права собственности, для чего это посредствующее звѣно между сдѣлкою, ведущую къ пріобрѣтенію права собственности, и самимъ пріобрѣтеніемъ его? Мы видѣли, что во мнo-

(128) Св. зак. гр. см. напр. ст. 816, 1140.

гихъ случаихъ передача только подразумѣвается. Почему-же, спрашивается, не сводить приобрѣтенія права собственности къ сдѣлкѣ, на основаніи которой происходитъ передача, а именно къ передачѣ и притомъ иногда только подразумѣваемой? Нѣкоторые юристы, дѣйствительно, принимаютъ, что право собственности приобрѣтается независимо оть передачи, на основаніи самой сдѣлки о переходѣ права собственности, и находятъ, что передача — одна формальность, которая, если въ прежнее время и считалась существенною при нѣкоторыхъ сдѣлкахъ, то потому только, что въ прежнее время вообще болѣе дорожали формальностію, нежели дорожать ею нынѣ. Но если обратить вниманіе на то, что передача составляетъ переходъ владѣнія, а владѣніе — существенная составная часть самого права собственности и предполагаетъ передачу одною сдѣлкою, лицо-же, приобрѣтающее на основаніи ея право на передачу вещи, еще не становится владѣльцемъ, — если обратить, говорю, вниманіе на это, то должно согласиться, что передача болѣе, чѣмъ одна простая формальность, а именно — основаніе приобрѣтенія права собственности. Въ-особенности таково ея значеніе въ нашемъ юридическомъ быту. Нѣть, правда, существенной необходимости требовать акта передачи для приобрѣтенія права собственности, а можно связать это приобрѣтеніе съ самою сдѣлкою, на основаніи которой происходитъ передача. Такъ, дѣйствительно, и поступаетъ современное Французское законодательство, постановляя напр., что по совершенніи купли-продажи право собственности на вещь переходитъ къ покупщику независимо оть передачи, на основаніи уже договора (129). Но и въ наше законодательство не постановляетъ этого, а именно сводить приобрѣтеніе права собственности къ передачѣ; ни юридическое воззрѣніе нашего общества не требуетъ, чтобы самой сдѣлкѣ предоставлена была сила передавать право собственности, напротивъ, въ общественномъ сознаніи считается

(129) *Troplong, Le droit civil expliqué suiv. l'ordre des art. du code: de la Vente.* 3-me éd. Paris, 1837. I, стр. 5—12.

необходимымъ для приобрѣтенія права собственности по вещи приемъ ея, сдача, а это и есть ни что иное, какъ передача. Но, кроме-того, значеніе, придаваемое передачѣ законодательствомъ, и согласное съ нимъ общественное воззрѣніе на нее объясняются исторически. Извѣстно, что въ неразвитомъ юридическомъ быту право собственности смѣшивается обыкновенно съ владѣніемъ и безъ владѣнія не понимается: поэтому существенно, чтобы вещь поступила во владѣніе лица, и только тогда лицо считается собственникомъ, хозяиномъ. Такое воззрѣніе было присуще и нашему древнему юридическому быту; следы его сохранились донынѣ, и вотъ между прочимъ въ воззрѣнія на передачу, какъ существенное дополненіе къ сдѣлкѣ о переходѣ права собственности или, лучше сказать, какъ на способъ его приобрѣтенія.

§ 19.

Другой способъ приобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія — давность. Она, какъ извѣстно, не есть учрежденіе единичное, но ея существо, ея свойства различны, смотря по тому, о какихъ правахъ идетъ рѣчь. Мы рассматриваемъ давность, какъ способъ приобрѣтенія права собственности. По опредѣленію нашего законодательства, бесспорное, спокойное и непрерывное владѣніе вещью въ видѣ собственности въ теченіе десяти лѣтъ обращается въ право собственности (130). Отсюда съ первого взгляда видно, что въ давности именно владѣніе есть тотъ путь, который ведеть къ приобрѣтенію права собственности, а самое владѣніе это называется *владѣніемъ давностымъ*. Какая-же принадлежности давностнаго владѣнія? Въ опредѣленіи законодательства, устанавливающемъ свойства владѣнія, которое ведеть къ приобрѣтенію права собственности по вещи, подлежащей владѣнію, оно характеризуется прежде

(130) Св. зак. гр. ст. 451.

всего какъ *бесспорное*, *спокойное* и *непрерывное*. Подъ владѣніемъ *бесспорнымъ* разумѣется владѣніе, неоспариваемое искоемъ (131). Слѣдов. не всякий споръ противъ владѣнія лишаетъ его возможности доставить по давности права собственности по вещи, а только такой споръ, который имѣть значеніе иска, т.-е. такой, который предъявленъ лицомъ, имѣющимъ право винить искуправъ собственности по вещи, и предъявленъ при томъ надлежащему судебному мѣсту. Итакъ, понятіе о бесспорности давностнаго владѣнія—понятіе опредѣленное, юридическое и болѣе или менѣе тѣсное. Трудно опредѣлить, что разумѣеться законодательство подъ владѣніемъ *спокойнаго*. Можно разумѣть подъ нимъ спокойствіе фактическое. Но неужели всякое нарушеніе спокойствія владѣльца, всякая тревога обращаетъ давностнное владѣніе въ бесспорное, разрушааетъ его? Едва-ли таково значеніе спокойнаго владѣнія, характеризующаго владѣніе давностнное: въ самоиѣ законодательствѣ нѣтъ указанія на то, чтобы каждая фактическая тревога давностнаго владѣльца разрушала его владѣніе, а независимо отъ прямаго указанія законодательства, а рѣги, такого значенія спокойному владѣнію придать нельзя. Можно думать, что владѣніе спокойное значить то-же, что бесспорное: законодательство наше не отличается строгою точностью рѣчи, оно не даетъ себѣ отчета въ каждомъ словѣ, имъ употребляемомъ, и поэтому, если слово «спокойное» поставлено рядомъ съ словами «бесспорное и непрерывное», то не слѣдуетъ еще, чтобы каждое изъ этихъ словъ имѣло свой опредѣленный смыслъ. И, наимѣ кащется, можно прянуть, что спокойствіе владѣнія значить его бесспорность. Если-же настаивать на самостоятельномъ значеніи спокойнаго владѣнія, то должно придать ему такой смыслъ: законодательство, допуская приобрѣтеніе права собственности по давности, все-таки не имѣть въ виду сдѣлать давность способомъ слишкомъ легкимъ, удобнымъ и

(131) Тамъ-же, ст. 476, 477.

вотъ находи, что понятіе о безспорномъ владѣніи слишкомъ тѣсно, слишкомъ расширяло-бы значеніе давности, требуетъ, чтобы давностное владѣніе было не только безспорное, но и спокойное, т.-е. чтобы не было и такихъ нападковъ на владѣніе, которые фактически представляются споромъ, хотя и не составляютъ спора въ юридическомъ смыслѣ. Понимая спокойное владѣніе въ такомъ смыслѣ, должно сказать, что и споръ, предъявленный противъ давностного владѣльца не собственникомъ, но съ его согласія, или споръ со стороны собственника, но предъявленный не надлежащему судебному мѣсту, или даже и простое заявление собственника полиціи о неправильномъ владѣніи давностного владѣльца, уже лишаютъ владѣніе свойства владѣнія спокойного и тѣмъ разрушаютъ давностное владѣніе. Требуется также для давностного владѣнія, чтобы оно было непрерывное (132). Это значитъ, чтобы владѣніе было постоянное, чтобы въ-течение всего давностного срока лицо не переставало владѣть вещью, но, разумѣется, владѣть въ смыслѣ юридическомъ, юридическое-же владѣніе, какъ известно, не предполагаетъ ежеминутнаго фактическаго отношенія владѣльца къ вещи, подлежащей его владѣнію. Непрерывность такимъ образомъ, какъ принадлежность давностного владѣнія, требуется, чтобы давностный владѣлецъ въ-течение всего давностного срока не переставалъ состоять въ юридическомъ владѣніи вещью, чтобы оно не прекращалось для него и не начиналось для другаго лица, будеть-ли то стороннее лицо или самъ собственникъ вещи (133). Но очевидно, что непрерывность, какъ принадлежность давностного владѣнія, не исключаетъ предоставления владѣнія со стороны давностного владѣльца другому лицу. Положимъ, лицо отдаетъ въ наемъ поземельный участокъ, состоящій въ его давностномъ владѣніи: поземельный участокъ по-

(132) Тамъ-же, ст. 451.

(133) Владѣніе собственника, конечно, не будетъ владѣніемъ фактическимъ, а владѣніемъ по праву собственности, но тѣмъ не менѣе и владѣніе собственника прекращаетъ юридическое владѣніе давностного владѣльца.

ступает во владение панимателя, но тѣмъ не менѣе числится за юридическимъ владѣльцемъ, и давностное владѣніе его не прерывается. Мало того, непрерывность давностнаго владѣнія не исключаетъ даже перемѣны въ лицѣ владѣльца: въ известныхъ случаяхъ допускается такъ-называемая преемственность давностнаго владѣнія, т.-е. лицо владѣльца хотя измѣняется, но владѣніе считается тѣмъ-же, а не новымъ, такъ-что послѣдній давностній владѣлецъ вещь приобрѣтаетъ на нее право собственности по давности, не проявляясь въ-течение полнаго давностнаго срока. Такая преемственность владѣнія допускается именно тогда, когда новый владѣлецъ приобрѣтаетъ владѣніе отъ прежняго на основаніи какого-либо юридического отношенія, такъ-что новый владѣлецъ становится юридическимъ преемникомъ прежняго или *titulo universalis* или *titulo singulari*, т.-е. новый владѣлецъ или потому является юридическимъ преемникомъ предшественника, что вступаетъ во всѣ его юридическія отношенія, или потому, что встрѣчается въ его юридическихъ отношеніяхъ только по давному владѣнію. Итакъ, наследникъ давностнаго владѣльца, лицо, приобрѣвшее вещь, подлежащую давностному владѣнію, по отчужденію, продолжаетъ владѣніе своихъ предшественниковъ: и въ томъ и другомъ случаѣ владѣніе остается единимъ, непрерывнымъ и потому не перестаетъ быть давностнімъ. Повидимому, въ этомъ преемствѣ владѣнія представляется аномалия, ибо преемственность, какъ понятіе юридическое, относится къ правамъ, а мы имѣемъ въ виду не право владѣнія, а владѣніе, какъ состояніе фактическое. Если напр. лицо, не будучи собственникомъ вещи, подлежащей его давностному владѣнію, отчуждаетъ ее, какъ свою собственность, то все-таки не передаетъ права собственности и въ юридическомъ смыслѣ *nihil agit*. Но тѣмъ не менѣе должно сказать, что при такой передачѣ фактическое отношеніе одного лица переходить къ другому и этому фактическому отношенію въ его движеніи сопутствуетъ мысль о правѣ, — мысль ложная, тѣмъ не менѣе однако дѣйствительная. Но по-

втория, что преемственность давностного владѣнія допускается не безусловно, не во всѣхъ случаяхъ, когда вещь, подлежащая давностному владѣнію, переходитъ отъ одного лица къ другому, а только тогда, когда переходу сопутствуетъ сознаніе, что переходитъ именно то, что принадлежало предшественнику, ибо только тогда преемникъ совершенно вступаетъ въ данное юридическое сознаніе своего предшественника. Поэтому напр. лицо, которое занимаетъ поземельный участокъ, состоящий въ чьемъ-либо давностномъ владѣніи, не становится преемникомъ давностного владѣльца, ибо юридическое сознаніе пріобрѣтателя участка по наиму иное, нежели юридическое сознаніе отдавателя. Подтверждениемъ этому служитъ дальнѣйшая принадлежность давностного владѣнія, которое, по определению законодательства, должно быть также владѣніемъ «*съ видомъ собственности*» (134). Но что значитъ владѣніе въ видѣ собственности? — это понимаютъ различно. Одни, напр. понимаютъ выраженіе законодательства въ томъ смыслѣ, будто давностный владѣлецъ долженъ питать въ себѣ сознаніе о правѣ собственности по владѣемой вещи, и на этомъ основаніи принимаютъ добросовѣстность (*bona fides*), какъ принадлежность давностного владѣнія по нашему праву, и притомъ принадлежность, необходимую не только для начала владѣнія, какъ по Римскому праву — *mala fides superveniens non poset* (135), но и во все продолженіе давностного срока, какъ опредѣляетъ каноническое право (136). На такую мысль о тождественности условія владѣнія *съ видомъ собственности* съ добросовѣстностью владѣнія наводить прежде всего сближеніе нашего права съ другими правами, напр. съ Римскимъ и каноническимъ, которыя полагаютъ добросовѣстность однимъ изъ существенныхъ условій давностного владѣнія, т.-е. такого владѣнія, которое ведеть къ пріобрѣтенію права собственности. Но и независи-

(134) Св. зак. гр. ст. 451.

(135) Dig. L. 41, t. 3, fr. 43 pr.

(136) *Stadtm., System d. heut. römisch. Rechts*, V; стр. 327 — 362.

но отъ такого сближенія, пріобрѣтеніе права собственности со стороны недобросовѣстнаго владѣльца кажется нѣсколько предосудительнымъ для общественнаго быта: это значи-бы, полагаютъ, увѣнчать успѣхомъ недобросовѣстность. И вотъ, не находя въ законодательствѣ прямаго указанія на добросовѣстность, какъ принадлежность давностнаго владѣнія, желаютъ видѣть это указаніе въ томъ условіи законодательства, чтобы владѣніе давностное было владѣніемъ *въ видѣ собственности*. Но противъ этого можно возразить, что понятіе добросовѣстности обширное: можно владѣть добросовѣстно, по праву, напр. по найму, по залогу или иначе, и все-таки не считать себя собственикомъ. Можно сказать также, что если и недобросовѣстный владѣлецъ имѣть возможность сдѣлаться собственикомъ по давности, то изъ этого не слѣдуетъ еще, что добросовѣстность вознаграждается со стороны законодательства, а тогда представляется только одинъ изъ нерѣдкихъ случаевъ, что недобросовѣстность имѣть успѣхъ. Другое дѣло, еслибы законодательство полагало недобросовѣстность условiemъ давностнаго владѣнія; но выходитъ только, если не принимать выражение законодательства *«въ видѣ собственности»* за требование добросовѣстности, что недобросовѣстность не составляетъ препятствія для пріобрѣтенія права собственности по давности, а это еще далеко не то, чтобы недобросовѣстность вознаграждалась со стороны законодательства. Другіе понимаютъ владѣніе *въ видѣ собственности*, какъ условіе давностнаго владѣнія, въ томъ смыслѣ, будто давностній владѣлецъ долженъ считаться собственикомъ владѣемой вещи во мнѣніи другихъ лицъ, хотя бы на-самомъ-дѣлѣ и не быть ея собственикомъ и даже самъ не считать себя за собственника. Слова: «*владѣніе въ видѣ собственности*», дѣйствительно, такъ общи, что можно понимать ихъ и въ этомъ смыслѣ. Наконецъ рассматриваемую принадлежность давностнаго владѣнія понимаютъ такъ, будто давностній владѣлецъ долженъ дѣйствовать, какъ собственникъ, все равно, считаетъ-ли онъ себя собственикомъ владѣ-

емой вещи, считаютъ ли его другое за собственника, или неѣть, только чтобы давностное владѣніе представляло всю видимость права собственности; итакъ, пусть давностный владѣлецъ владѣеть вещью подъ известными условіями—владѣніе фактическое по наружному правленію не отличается отъ владѣнія права; пусть владѣлецъ пользуется вещью—естественное послѣдствіе владѣнія; пусть онъ распоряжается вещью, насколько распоряжается и собственникъ, воздерживающійся отъ уничтоженія и отчужденія вещи. Всѣ эти воззрѣнія на значеніе *вида собственности* при давностиъ владѣнія встрѣчаются въ нашей практикѣ. Понятно, что когда возникаетъ споръ о правѣ собственности и владѣлецъ основываетъ свое право на давности, тогда онъ для охраненія своего права отстаетъ тѣль смыслъ выраженія *«въ видѣ собственности»*, который наиболѣе ему благопріятенъ. Но судебныя мѣста, решая споръ о правѣ собственности, основывающемся на давности, сколько намъ известно, большую частію имѣютъ въ виду только давностный срокъ и мало обращаютъ вниманія на принадлежность давностнаго владѣнія, какъ владѣнія въ видѣ собственности. Наиболѣе соотвѣтственно воззрѣнію практики будетъ поэтому такое толкованіе выраженія *«въ видѣ собственности»*, которое ближе всего подходитъ къ условію о срокѣ, т.-е. которое наименѣе стѣсняетъ практическое решеніе спора въ пользу давностнаго владѣнія. Тогда требование законодательства, чтобы давностное владѣніе было владѣніемъ въ видѣ собственности, должно быть изъясняемо въ смыслѣ осуществленія права собственности независимо отъ сознанія самого владѣльца и сознанія другихъ лицъ. И такимъ образомъ, если давностный владѣлецъ поступаетъ какъ собственникъ, то хотя бы онъ и не считалъ себя собственникомъ, хотя бы и другие не принимали его за собственника, одинакожъ владѣніе его можетъ быть признано давностнымъ, какъ-скоро оно соотвѣтствуетъ другимъ условіямъ давностнаго владѣнія. Выраженіе: «*въ видѣ собственности*» вполнѣ допускаетъ это толкованіе и можно сказать даже, что оно всего болѣе подходитъ къ

буквальному смыслу закона (137). Последняя принадлежность давности, какъ способа приобрѣтенія права собственности — давностній срокъ, по опредѣленію нашего законодательства, десятилѣтній (138). Принадлежность эта, какъ уже сказано, по возрѣнію нашей практики, самая существенная, такъ-что практика мало обращаетъ вниманія на другія принадлежности давностнаго владѣнія, а главнымъ образомъ только на истеченіе или не истеченіе десятилѣтнаго срока давностнаго владѣнія (139). Когда лицо ссылается на давность, какъ основаніе своего права собственности, и доказываетъ, что владѣніе его продолжалось болѣе десяти лѣтъ, судебныя мѣста обыкновенно довольствуются этимъ и не требуютъ доказательствъ безспорности, непрерывности владѣнія и т. д., такъ-что если противная сторона укажетъ на перерывъ давностнаго владѣнія, то судебнѣе мѣсто потребуетъ, вожалуй, доказательствъ не отъ того лица, которое ссылается на давность, а отъ того, которое отвергаетъ ее, хотя должно быть наоборотъ: лицо, утверждающее за собою право собственности на основаніи давности, должно доказать, что вещь дѣйствительно состояла въ его владѣніи въ-течение давностнаго срока и что владѣніе его соотвѣтствовало всѣмъ условіямъ давностнаго владѣнія. Но въ нашей практикѣ нерѣдко даже разумѣютъ подъ давностю именно давностній срокъ, говорятъ напр. «прошла давность, прошли

(137) Намъ кажется, владѣніе вещью въ видѣ собственности, какъ ученіе давностнаго владѣнія, есть ни что иное, какъ только требованіе законодательства, чтобы владѣніе было юридическое, т.-е. такое, которому присуще намѣреніе владѣнца распоряжать вещью, какъ своею, такъ-что выраженіе *est simbъ собственности* соотвѣтствуетъ выраженію *cautus rem sibi habendi*. И дѣйствительно, еслибы не было условія, что владѣніе давносткое должно быть владѣніемъ *est simbъ собственности*, то и естественное владѣніе, *detentio*, подходило бы подъ условія давностнаго владѣнія, таъ-какъ и оно можетъ продолжаться безспорно, спокойно и непрерывно въ-течение десяти лѣтъ.

Изд.

(138) Св. зак. гр. ст. 479.

(139) Точно также, если идетъ рѣчь о давности иска, наша практика главнымъ образомъ имѣеть въ виду десятилѣтній срокъ осуществленія права иска и мало обращаетъ вниманія на другія принадлежности учрежденія.

день, три давности и т. п.; все эти выражения указывают только на срокъ. Течение давностнаго срока начинается отъ начала владѣнія и продолжается, говоря вообще, непрерывно, т.-е. въ счетъ давностнаго срока входитъ все время, все дни продолжающагося давностнаго владѣнія, такъ-что если владѣніе переходитъ въ руки наследника владѣльца, то въ счетъ давностнаго срока включаются и все время такъ-называемаго лежачаго наследства (*hereditas jacens*), ибо смертию владѣльца не прерывается давностное владѣніе, а переходитъ преемственno къ его наследнику. Въ одноть только случаѣ теченіе давностнаго срока прерывается — это тогда, когда собственнокомъ вещи, подлежащей давностному владѣнію, является лицо несовершеннолѣтнее: тогда, по опредѣленію законодательства, на все время несовершеннолѣтія собственника теченіе давностнаго срока прерывается, но съ наступлениемъ совершенолѣтія собственника оно продолжается, такъ-что давностному владѣльцу зачитается время владѣнія при юридическомъ предшественникѣ настоящаго собственника (140). Такимъ-образомъ положимъ, лицо владѣеть вещью съ условіями давностнаго владѣнія въ-течение пяти лѣтъ, потомъ собственникъ вещи умираетъ и наследникомъ его является лицо несовершеннолѣтнее; все время несовершеннолѣтія въ счетъ давностнаго срока не входитъ, и давностный владѣлецъ для приобрѣтенія права собственности по вещи долженъ владѣть ею еще пять лѣтъ современія наступленія совершенолѣтія собственника. Такое опредѣленіе законодательства о перерывѣ теченія давностнаго срока на время несовершеннолѣтія собственника постановлено по особому уваженію къ интересамъ малолѣтнихъ, тогда-какъ можно-бы обойдтисъ и безъ него, по-крайней-мѣрѣ оно не требуется существомъ юридического положенія несовершеннолѣтняго. Онъ имѣеть представителя въ опекунѣ, который обязанъ охранять его права и отвѣчаетъ предъ нимъ за все убытки,

(140) Св. зак. гр. ст. 479 (Прод. VI).

произшедшіе по его (опекуна) нерадѣнію: опекунъ обязанъ не-
жду прочимъ прерывать теченіе давностнаго срока; если-же
онъ доведеть до того, что давностній владѣлецъ успѣхъ
пріобрѣсти право собственности по вещи опекаемаго, то ста-
новится обязаннымъ вознаградить его за убытки. Но законо-
дательство имѣть въ виду, что опекунъ легко можетъ не
знать, что какая-либо вещь, принадлежавшая юридическому
предшественнику опекаемаго, состоить въ давностномъ владѣ-
ніи сторонняго лица, между-тѣмъ неизвѣданные факта съ юриди-
ческой точки зреиня изваниются, и поэтому было-бы несправед-
ливо подвергнуть опекуна отвѣтственности. Но когда давност-
ное владѣніе прекращается и потомъ снова возстаповляется,
то время прежняго владѣнія не входитъ въ счетъ давностнаго
срока, а владѣніе разсматривается, какъ новое, и для доставле-
нія давностному владѣльцу права собственности по вещи дол-
жно продолжаться со всѣми условіями давностнаго владѣнія
въ-течениe полнаго десятилѣтнаго давностнаго срока. Можетъ
однако возникнуть вопросъ о времени, съ котораго должно
считать начало давностнаго срока новому владѣнію. Разрѣше-
ніе вопроса зависитъ отъ способа прекращенія прежняго дав-
ностнаго владѣнія. Оно можетъ прекратиться или потому, что
дѣлается спорнымъ, или потому, что прерывается: въ первомъ
случаѣ начало нового давностнаго срока должно считать съ на-
чала срока для давности иска; во второмъ — со времени нового
пріобрѣтенія вещи въ давностное владѣніе.

Кромѣ указанныхъ принадлежностей, исключительно свой-
ственныхъ давности, какъ способу пріобрѣтенія права соб-
ственности, давностное владѣніе, будучи владѣніемъ юридиче-
скимъ, должно соответствовать также всѣмъ условіямъ юриди-
ческаго владѣнія, какъ субъективнымъ, касающимся лица вла-
дѣльца, такъ и объективнымъ, касающимся вещи, подлежащей
владѣнію. Но въ-особенности при давности относительно лица
представляется лишь вопросъ о томъ, могутъ-ли пріобрѣтать
право собственности по давности лица юридическая? Однако,

очевидно, вопросъ этот сводится къ вопросу о способности юридического лица къ юридическому владѣнію, ибо если можно признать за юридическимъ лицомъ способность къ юридическому владѣнію, то должно признать за нимъ и способность къ пріобрѣтенію права собственности по давности, въ противномъ случаѣ — наоборотъ. По соображенію нашей дѣйствительности мы признали за юридическимъ лицомъ способность къ юридическому владѣнію, разумѣется, чрезъ представителя, съ тѣмъ вмѣстѣ должны признать и способность къ пріобрѣтенію права собственности по давности. И въ-самомъ-дѣлѣ, наши городскія и сельскія общества, монастыри въ процессахъ нерѣдко указываютъ на давность, какъ на способъ пріобрѣтенія ими права собственности по вещи, и оно признается за ними на тѣхъ-же основаніяхъ, на какихъ признается пріобрѣтеніе права собственности по давности *личами физическими*. Относительно вещи, подлежащей давностному владѣнію, вообще замѣтимъ, что вещь должна быть способна подлежать праву собственности. Не всѣ вещи, какъ известно, имѣютъ такую способность. Но кромѣ-того, законодательство въ-особенности указываетъ на нѣкоторыя вещи, какъ не подлежащія давности, только-что при этомъ законодательство указываетъ и на такія вещи, которыхъ не только не могутъ подлежать давности, по исключенію, но къ которымъ вообще не примѣняется даже понятіе о правѣ собственности. Напр. законодательство указываетъ на свободныхъ людей и постановляетъ, что они не могутъ быть обращены въ крѣпостныхъ по давности владѣнія (141): но свободные люди никакимъ способомъ не могутъ сдѣлаться предметомъ права собственности. Постановленіе законодательства, впрочемъ, вызвано дѣйствительной жизнью. Въ дѣйствительности нерѣдко встречаются искушенія принять понятіе о правѣ собственности и къ свободѣ людей, нерѣдко встречаются случаи, что свободные люди фактически со-

(141) Тамъ-же, ст. 478.

стоять въ чьемъ-либо владѣніи наравнѣ съ крѣпостными людьми и вноскѣствіи уравниваются съ ними или по-крайней-мѣрѣ дѣлаются попытки уравнять ихъ и юридически. Такіе-то случаи и побудили законодательство въ-особенности указать, что свободные люди не приобрѣтаются въ крѣпостное право я по давности (142). Еще указываетъ законодательство на *межи генерального межеванія*, какъ на предметы, не подлежащіе давности (143). Что значитъ это опредѣленіе законодательства? *Межа* составляетъ идеальную линію, разграничитывающую два поземельные участка; *межою* называется также знакъ, обозначающій эту границу, направление линіи. Что касается до гра- ни, самой линіи идеальной, то, конечно, понятіе о давности не примѣняется къ ней: идеальная линія не вещь. Что-же касает- ся до межи въ смыслѣ знака, то она составляетъ или государственную, или частную собственность: но ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ неѣть основанія, почему-бы не допустить къ межевому знаку примѣненіе давности, развѣ только именно можно указать на это опредѣленіе законодательства, что межевые знаки не подлежать давности. Но случаѣ завладѣнія межевымъ знакомъ, конечно, весьма рѣдки, ибо самое завладѣніе пред- ставляетъ слишкомъ мало интереса, и едва-ли законодательство имѣеть въ виду это завладѣніе, а смыслъ постановленія заклю- чается, кажется, въ слѣдующемъ. При производствѣ генераль- наго межеванія, какъ и межеванія специального, дачи обводятъся межею, которая означается на межевомъ планѣ и въ меже- вой книжѣ, и вотъ законодательство постановляетъ, что если землевладѣльцу будетъ считать межею поземельного участка не межу, установленную по генеральному межеванию, а другую черту, и вслѣдствіе того будетъ владѣть поземельнымъ участкомъ, ему не принадлежащимъ, то хотя-бы съ этимъ владѣніемъ были соединены всѣ условія давностнаго владѣнія, мѣка гене-

(142) Въ-особенности указываетъ законодательство на вольноотпущен- ныхъ, военноопѣнныхъ, выходцевъ изъ-за границы и бѣглыхъ.

(143) Св. зак. гр. ст. 478 (Прод. VI).

рального межевания все-таки не называется, по давности не переходить. Это не значитъ, что поземельный участокъ, лежащий за чертою генерального межевания, не можетъ быть приобрѣтенъ по давности: если оно вызываются всѣ условия давностнаго владѣнія относительно этого участка, то онъ можетъ быть приобрѣтенъ въ собственность по давности, точно таинъ же, какъ можетъ быть приобрѣтенъ въ собственность во передачѣ (напр., на основаніи купли-продажи, даренія и т. д.), только что границы дачи по генеральному межеванию не измѣняются. Практика налла, на основаніи опредѣленія о неподлежащности межи генерального межевания давности, иногда хотѣть, правда, совершенно устранить давность относительно поземельныхъ участковъ за межею, но это неосновательно: мысль законодательницы была та, чтобы, по затруднительности генерального межевания, устроить измѣненіе его межи; но этимъ не устраивается приобрѣтеніе его въ собственность другими способами. Итакъ, еслибы лицо стало утверждать, что поземельный участокъ составляетъ его собственность потому, что лицо постоянно считало границу этого участка межею своей сосѣдней дачи по генеральному межеванию, тогда-какъ межа эта ближе, то въ этомъ только основаніи поземельный участокъ за межею нельзя признать собственностью лица, ибо межи генерального межевания не подлежатъ давности; но если владѣніе поземельнымъ участкомъ, находящимся за чертою генерального межевания, представляетъ всѣ условия давностнаго владѣнія, то и поземельный участокъ приобрѣтается въ собственность по давности.

Если всѣ условия давностнаго владѣнія на лицо, то, по истечении десятилѣтнаго срока, право собственности по вещи, подлежащей давностному владѣнію, приобрѣтается само собою. Но обыкновенно приобрѣтеніе права собственности по давности не обнаруживается немедленно: въ дѣйствительности, если приобрѣтается право собственности по давности, то оно не укрѣпляется даже и тогда, когда касается имущества недвижимо-

маго, а лицо по-прежнему продолжаетъ владѣть, пользоваться и распоряжаться вещью, какъ и до истечения давностнаго срока, и только вслѣдствіе какого-либо столкновенія съ общественою властію, когда ей приходится дать какое-либо постановленіе о вещи, напр. по-случаю отчужденія недвижимаго имущества со-стороны давностнаго владѣльца, или по-случаю спора о его правѣ собственности со-стороны прежнаго хозяина, право собственности признается приобрѣтеннымъ по давности. Такъ обыкновенно бываетъ. Но можетъ быть и иначе, особенно по-отношению къ имуществу недвижимому, во которому право собственности въ другихъ случаяхъ всегда укрѣпляется, тогда-какъ право собственности по движимому имуществу не нуждается въ укрѣпленіи. Лицо, приобрѣвшее по давности право собственности на движимое имущество, можетъ обратиться къ надлежащему судебному мѣсту, представить доказательства, что все условия давностнаго владѣнія въ данномъ случаѣ соблюдены, и просить признанія за нимъ права собственности, акта о приобрѣтеніи имущества. Но таиная просьба давностнаго владѣльца поведетъ его къ процессу съ прежнимъ собственникомъ, котораго, конечно, судебное мѣсто должно увѣдомить о притязаніи давностнаго владѣльца, должно спросить, не имѣть-ли собственникъ привести какихъ-либо опровергній противъ доказательствъ давностнаго владѣльца. Понятно, что давностній владѣлецъ, совершенно свободно и безпрепятственно распоряжающій вещью, развѣ по исключенію захочеть наизвать себѣ безъ надобности тѣ неудобства и непріятности, которыя сопровождаются каждый процессъ. Поэтому-то и бываетъ, какъ уже сказано, что только по особымъ каки-либо обстоятельствамъ закодитъ дѣло о признаніи приобрѣтенія права собственности по давности со стороны общественной власти.

§ 20.

Способомъ приобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія представляется также добыча, подъ которой раз-

умѣется отнять вещей у непріятеля съ соблюдениемъ извѣстныхъ правъ, прымыхъ въ международномъ правѣ и установленныхъ въ положительномъ законодательствѣ (144). Добыча называется также и самыи вещи, отнятые у непріятеля. Обыкновенно учение о добычѣ вносится въ область международного права, на томъ основаніи, что право войны составляетъ существенную составную часть этого предмета, а право войны опредѣляеть между-прочимъ и права воюющаго на имущество, захваченное у противника. Но такъ-какъ добыча представляется способомъ приобрѣтенія права собственности, то существо ея должно быть разсмотрѣно также и въ гражданскомъ правѣ. Намъ приходится поэтому обратить вниманіе на лица, которымъ захватываются добыча, на вещи, подлежащія захвату, на лица, у которыхъ отнимаются вещи, и наконецъ, еще на искогорыи условія, отъ соблюденія которыхъ зависитъ правомѣрность добычи и ея дѣйствительность, какъ способа приобрѣтенія права собственности. Что касается до лицъ, которымъ предоставляется приобрѣтать добычу, то законодательство наше, согласно началамъ международного права, предоставляетъ право приобрѣтенія добычи членамъ войска (145). Но ведь членами войска разумѣются не всѣ лица, извѣстныя въ международномъ правѣ подъ именемъ комбатантовъ, т.-е. лица, снабженныя оружиемъ и принимающія непосредственное участіе въ войнѣ (146). Такъ, ни врачи, ни аудиторы, ни комиссариатскіе чиновники и т. д. не считаются субъектами добычи, т.-е. не могутъ захватывать вещи непріятеля и приобрѣтать надъ ними право собственности. Но по особому распоряженію общественной власти, или по ея полномочію, и не комбатанты получаютъ иногда право приобрѣтать добычу. Такъ, когда всѣ граждане призываются къ участію въ войнѣ, то всѣмъ имъ

(144) Добыча морская, т.-е. приобрѣтаемая въ морской войнѣ, называется также *прахомъ*.

(145) Св. вак. гр. прмл. къ ст. 878, п. 2, 5, 16, 17.

(146) *Heffter, Das Europ. Völkerrecht* (Berlin, 1844), стр. 211—213.

предоставляется право приобретать добычу. Или, что чаще бываетъ, всѣ граждане не привлекаются къ участію въ войнѣ, а только некоторымъ лицамъ, принадлежащимъ къ войску, дозволяется принимать въ ней участіе, которое преимущественно и выражается имѣнію въ закватъ имущества непріятеля (147). Напр. во время морской войны нерѣдко предоставляется частнымъ лицамъ снаряжать суда и захватывать непріятельские корабли, какъ военные, такъ и частные (148). Предметъ добычи составляютъ только вещи движимыя, недвижимыя же не подлежатъ добычѣ, а *захватываються* и обсуживаются иначе (149). Добыча, такимъ образомъ, состоять преимущественно въ оружіи, штатѣ, деньгахъ и т. п., добыча-призъ — въ корабль и вещахъ, находящихся на немъ, въ особенности въ товарахъ. Но для понятія добычи существенно только, чтобы вещь была *захвачена* у непріятеля, а неѣть надобности, чтобы вещь была *собственностью* непріятеля: не только вещи государства нейтрального, находящихся у непріятеля, но и вещи, принадлежавшія прежде тому самому государству, которое производить закватъ, не отнятые у него противною воюющей стороною, могутъ составлять предметъ добычи, только что относительно послѣднихъ требуется истеченіе извѣстнаго (суточнаго) срока накажденія вещей въ рукахъ непріятеля для того, чтобы вещи эти могли быть признаны добычею, а не собственностью ихъ прежнаго хозяина (150). Что касается до лицъ; у которыхъ предоставляется захватывать добычу, то слѣдовало бы дозволять захватъ ея только у комбатантовъ (151), подобно тому, какъ комбатантъ только предоставляетъся захватывать добычу; вскую же вещь, отнятую у не комбатанта, не должно бы признавать за-

(147) Тамъ-же, стр. 227, 228, 232.

(148) Такія лица называются *арматорами* или *каперами*.

(149) Св. зак. гр. прмл. къ ст. 378, п. 2, 8. *Neffler*. стр. 220, 221, 907—910.

(150) Св. зак. гр. прмл. къ ст. 378, п. 3, 10.

(151) Конечно, также и у всѣхъ тѣхъ, на которыхъ распространяется по-
нятіе комбатантовъ, хотя они собственно и не принадлежать къ войску,
имѣнію у арматоровъ.

коюю добычею. Но правило это до сихъ-поръ еще не получило всеобщаго признанія въ международной практикѣ, и обыкновенно въ положительныхъ законодательствахъ отдельныхъ Европейскихъ государствъ, а также и въ нашемъ законодательствѣ понятіе добычи не принимается такъ тѣсно. Оно не ограничивается вещами, находящимися въ рукахъ комбатантовъ, но обнимаетъ всѣ вещи, находящіяся при войскѣ, въ лагерѣ или крѣпости. Оно распространяется, дающе, не только на вещи, отнятые у войска, но и на все имущество правительства, отнятое у непріятеля; напр. если войско вступаетъ въ непріятельский городъ и захватываетъ тамъ казенные суммы, то эти суммы считаются добычею (152). Наконецъ, иногда понятіе добычи распространяется на все движимое имущество непріятеля, или по-крайней-мѣрѣ на все имущество, находящееся въ извѣстномъ городѣ: тогда дозволяется захватывать добычу у каждого лица, принадлежащаго воюющей державѣ, или по-крайней-мѣрѣ, и это чаще бываетъ, у каждого лица, живущаго въ извѣстномъ городѣ (153). Въ-особенности при морской войнѣ понятіе добычи очень распространено: тогда-какъ при войнѣ сухопутной отнятіе вещей у частныхъ лицъ, не принадлежащихъ къ войску, считается непозволительнымъ и разрѣшается только въ рѣдкихъ случаяхъ, при войнѣ морской обыкновенно дозволяется захватъ купеческихъ кораблей непріятеля. Но при извѣстныхъ условіяхъ вещи захватываются также и у нейтрального и признаются законною добычею: именно, когда нейтральный совершає какое-либо дѣйствіе, которое считается нарушениемъ нейтралитета, напр. когда провозить контрабанду, когда старается проникнуть въ непріятельскую крѣпость

(152) Но здѣсь понятіе о добычѣ переходитъ уже въ понятіе о завоеваніи: если войско вступаетъ въ непріятельский городъ и ему представляется возможность захватить казну, то этотъ захватъ соединяется болѣею частію съ завоеваніемъ самаго города и уже вслѣдствіе завоеванія города переходить къ непріятельскому правительству (*Heffter, Das Europ. Völkerrecht*, стр. 220, 221).

(153) *Heffter*, стр. 221 — 223.

или гавань, состоящую въ блокадѣ, и т. п. (154). Нейтральный, нарушающій нейтралитетъ, разсматривается, какъ непріятель. Наконецъ, законодательство устанавливаетъ еще нѣкоторыя принадлежности относительно самого приобрѣтенія добычи. Такъ, по самому существу добычи, какъ способа приобрѣтенія права собственности по вещи непріятеля, требуется фактическій переходъ вещи изъ рукъ непріятеля въ руки комбатанта (155), требуется захватъ; почему и самая добыча называется также *захватомъ*. Это-то условіе и характеризуетъ именно добычу, какъ способъ приобрѣтенія права собственности при посредствѣ владѣнія. Но одного захвата нѣкоторыя законодательства не считаютъ достаточнымъ для приобрѣтенія права собственности по захваченной вещи, а требуютъ еще, чтобы въ-течение известного времени вещь находилась въ рукахъ захватившаго, только-что условіе это въ различныхъ положительныхъ законодательствахъ опредѣляется неодинаково: иные законодательства требуютъ, чтобы вещь была привнесена въ безопасное место, другія, чтобы въ-течение известного времени (обыкновенно одинъ сутокъ) она только была въ рукахъ захватившаго (156). Въ нѣкоторыхъ случаяхъ требуется даже признаніе законности добычи со стороны общественной власти, и тогда только она становится собственностью захватившаго. Такъ, корабль, захваченный у непріятеля, признается при этомъ въ становитсѧ собственностью захватившаго иначе, какъ по опредѣленію призового суда, предварительно исследовавшаго законность захвата (157). Это послѣднее условіе соблюдается и у насъ, тогда-какъ о времени владѣнія захваченою вещью наше законодательство ничего не постановляетъ, а требуетъ только захвата. Наконецъ, указываются еще нѣкоторыя какъ-бы дополнительныя обстоятельства, при которыхъ захваченная

(154) Тамъ-же, стр. 252—282. Св. зак. гр. прмл. къ ст. 378, п. 10, 3.

(155) Св. зак. гр. прмл. къ ст. 378, п. 2, 5.

(156) *Noeffter, das Europ. V.-recht*, стр. 280, note 8, 4.

(157) Тамъ-же, ст. 288.

вещь становится добычей: вещь должна быть отнята вооруженным рукою или дозволеною воиновою хитростью, должна быть отнята у человека вооруженного, имеющего возможность защищаться, поэтому не отнимается добыча у пленного и раненного и т. д. (158).

Добыча, соответствующая установленным принадлежностям, составляет или собственность лица захватившего, или собственность государства, которому принадлежит это лицо, такъ-что добыча представляется способомъ приобрѣтения права собственности какъ для частного лица, такъ и для государства. Иные полагаютъ даже, что во вскомъ случаѣ добыча есть собственность государства, потому-что отдельное лицо, завладѣвшее добычей, есть ни что иное, какъ только орудіе государства. И действительно, въ наше время война представляется отношениемъ между государствами, отдельный же гражданинъ воюющихъ державъ непосредственно не состоять между собою и въ какихъ враждебныхъ отношеніяхъ, а принимаютъ участіе въ войнѣ только какъ орудія правительства и только въ этомъ качествѣ прикосновенныи праву войны. Да же, самое основаніе добычи въ наше время не то, что непріятель считается чудищемъ всякихъ мравъ, какъ было въ древнее время, а добыча допускается въ томъ смыслѣ, что захватомъ вещей непріятель лишается средствъ къ веденію войны и тѣмъ облегчается разрешеніе спорного вопроса. Наконецъ, не смотря на то, что законодательство даетъ определеніе о добычи, правительству (начальнику арміи или отряду) въ каждомъ отдельномъ случаѣ предоставляется разрѣшать или не разрѣшать захватъ добычи. Оказывается такимъ образомъ, что взглядъ на добычу, какъ на собственность государства, болѣе соответствуетъ современному воззрѣнію на войну. Отъ государства, конечно, зависить уже удержать добычу въ своей собственности, или предоставить ее тѣмъ лицамъ, которыхъ ею завладѣли, и въ

(158) Св. зак. гр. прмл. къ ст. 878, п. 5, 6, 12.

большей части случаетъ, разумѣется, государство смотреть бо-
льше благоразумнымъ предоставить добычу захватившимъ ее
лицамъ, чтобы поощрить тѣмъ военные подвиги. Определенія
нашего законодательства о добычѣ сообразны этому: оно во-
обще называетъ добычу имуществомъ государственнымъ (159),
слѣдов. признаетъ ее собственностью государства; но только
немногіе предметы удерживаетъ государство за собою, боль-
шею-же частію добыча предоставляется въ собственность ли-
ца захватившаго. Такъ, только военные припасы и снаряды и
деньги, захваченные въ непріятельскихъ казначействахъ и об-
щественныхъ заведеніяхъ, остаются собственностью государ-
ства, всѣ-же прочія вещи предоставляются въ собственность
лица захватившаго (160). Еще менѣе присвоиваетъ себѣ го-
сударство въ морской войнѣ: всѣ призы почтятся добычею
тѣхъ лицъ, которыхъ ими завладѣли. Адмиралтейству предста-
вляется, правда, взять въ свое распоряженіе каждый захвачен-
ный корабль съ его снастями и находящимися на немъ воен-
ными снарядами и припасами, но неиначе какъ за вознагражде-
ніе, сообразное стоимости захваченного корабля и находящихъ-
ся на немъ воинскихъ снарядовъ и припасовъ (161). Добы-
ча, особенно морская, захватывается обыкновенно несколькими
лицами: въ тѣхъ случаяхъ, когда она предоставляется въ соб-
ственность частныхъ лицъ, захватившихъ добычу, она дѣ-
лается сначала въ общую собственность и потомъ раздѣ-
ляется между хозяевами, по особо установленнымъ на то пра-
вишамъ, соразмѣрно аваню (рангу) лицъ, участвовавшихъ въ
захватѣ добычи (162).

§ 21.

Въ Римскомъ правѣ способомъ пріобрѣтенія права соб-
ственности при посредствѣ владѣнія представляется еще спо-

(159) Св. зак. гр. ст. 378.

(160) Тамъ-же, прим. къ ст. 378, п. 7.

(161) Тамъ-же, п. 18, 14.

(162) Тамъ-же, п. 18.

спецификація (specificatio): при известныхъ условияхъ вещь становится собственностью лица, которое перерабатываетъ ее, изменяетъ ея форму, такъ-что съ изготовлениемъ издѣлія связывается переходъ права собственности и следовательно изготовление, спецификація становится способомъ его приобрѣтѣнія. Именно, въ Юстиниановемъ законодательствѣ встречается такое опредѣленіе: когда лицо изъ чужаго материала приготовить какое-либо издѣліе, вещь, то если вещь эта можетъ быть обращена въ прежнюю форму, она составляетъ собственность хозяина материала, а если прежнюю форму вещи нельзя восстановить, то специфікантъ становится ея собственникомъ и обязывается вознаградить хозяина материала за нарушение его права собственности (163). И поэому напр. серебряникъ, выдѣлавшій изъ чужаго серебра посуду, не приобрѣтаетъ права собственности на серебро и не становится хозяиномъ посуды, потому-что серебро, употребленное на посуду, можно перелить въ прежнюю форму, и собственникъ серебра становится собственникомъ посуды; а напр. портной, приготовившій одежду изъ чужаго сукна, становится хозяиномъ одежды, т. е. приобрѣтаетъ въ сущности право собственности, потому-что изрѣзанное сунно нельзя привести къ прежнему виду, только что портной обязывается вознаградить хозяина сукна. Такъ разрѣшилъ императоръ Юстинианъ знаменитый въ Римскомъ правѣ споръ между двумя школами относительно спецификаціи. Одна изъ этихъ школъ разсуждала, что форма, которую получаетъ материалъ, несущественна для определенія по материалу права собственности, ибо во всякомъ случаѣ материалъ имѣть какую-либо форму и господство надъ вещью означаетъ господство надъ материаломъ, а не надъ формою. Сообразно этому юристы, последователи этой школы, полагали, что если издѣліе изготовлено изъ чужаго материала, то право собственности и по издѣлію должно быть признано за хозяиномъ материала. Другая

(163) Inst. L. II, t. 2, § 25.

школа, напротивъ, разсуждала, что въ издѣліи существуетъ трудъ человѣческій, но трудъ прописывается именно въ формѣ, которая дается вещи. Напр. изъ сукна изготошена одежда: понятіе о материалѣ, изъ котораго сдѣлана одежда, дѣло второстепенное, а существенное то, что является одеждой—вещь, удовлетворяющая извѣстной человѣческой потребности. Поэтому юристы, послѣдователи другой школы, полагали, что собственникомъ издѣлія должно признаваться спецификантъ, автора издѣлія, только что онъ обязанъ вознаградить хозяина за лишение его собственности (164). Но рѣшеніе Юстиніана и замѣтыванное отъ него правило новѣйшаго Римскаго права чуждо строгой юридической послѣдовательности и материально-чесправедливо. Оно чуждо послѣдовательности права, потому-что хотя материалъ, употребленный на издѣліе, и испорченъ, но юридическое государство надъ материаломъ остается неприкоснѣннымъ. Возможность или невозможность обратить материалъ, употребленный на издѣліе, въ прежнюю форму—это обстоятельства совершившо случайныи, неимѣющія никакого значенія въ области права, и слѣдовательно не могутъ обусловливать юридическихъ опредѣлений, ибо только юридическое различие въ состояніи произвести различие въ юридическомъ разрѣшеніи данныхъ случаевъ. Материально-несправедливо рѣшеніе потому, что производить неравенство: въ одномъ случаѣ признается за спецификантомъ право собственности, а въ другомъ не признается, тогда-какъ данные, уловленія юридическихъ въ обоихъ случаяхъ одни и тѣ-же: въ одномъ случаѣ употребляется чужой материалъ и въ другомъ употребляется чужой материалъ, въ одномъ случаѣ прилагается трудъ и въ другомъ прилагается трудъ. Правда, въ одномъ случаѣ представляется возможность установить такой порядокъ, какъ будто бы спецификація не было, въ другомъ случаѣ вѣть этой возможности. Но что-же изъ этого слѣдуетъ? Отнюдь не то, что во второмъ случаѣ са-

(164) *Sajt.*, Inst. II, 79.

мое право собственности хозяина материала должно быть отвергнуто, не признано, напротивъ тогда-то въ-особенности и нужно отстоять право собственности, когда наосится ему такой сильный ударъ. Право собственности хозяина материала представляется только нарушеннымъ, а не прекратившимся, и какъ нарушение всякаго другаго права, нарушение права собственности хозяина материала даетъ ему право на вознаграждение со-стороны спецификанта за тѣ убытки, которые понесены имъ отъ самовольного употребленія материала на издѣліе, а если нѣтъ убытка, то нѣтъ и права на вознагражденіе. Оказывается такимъ образомъ, что, по строгой послѣдовательности права, спецификація не составляетъ способы приобрѣтенія права собственности, а можетъ вести къ нему только по особому опредѣленію законодательства, или по обычая. Но ни опредѣленія такого въ законодательствѣ, ни обычая нѣтъ у насъ, и поэтому мы, основываясь на юридическихъ началахъ, на самомъ понятіи о правѣ собственности, не признаемъ спецификацію способомъ его приобрѣтенія. Но слышится нѣрѣдко и противное мнѣніе, и даже некоторые юристы отстаиваютъ спецификацію, какъ способъ приобрѣтенія права собственности. Они пишутъ въ виду, что трудъ, искусство, какъ это и бываетъ дѣйствительно, нѣрѣдко берутъ перенѣсь надъ материаломъ, и поэтому должно отказать спецификанту въ правѣ собственности на произведеніе труда. Напр. изъ чужаго мрамора изваяно художественное произведеніе: кусокъ мрамора самъ по себѣ представляетъ незначительную цѣнность, но какъ статуя, онъ, можетъ быть, предметъ неоцѣнимый. Какъ-же, говорить, не обратить вниманіе на эту перенѣну, произведенную въ мраморѣ ваяніемъ, а сухо и холодно отзываться, что право собственности принадлежитъ хозяину мрамора? И вотъ юристы стараются найти какое-либо юридическое основаніе для признания права собственности за спецификантомъ и въ-особенности нѣрѣдко полагаютъ это основаніе въ оккупациі, утверждаютъ, что съ измѣненіемъ формы материала является новая

вещь, никому непринадлежащая; спецификация завладываеть этою вещью и чрезъ то содѣлывается ея собственникомъ. Но какъ ни похвально воздать должное труду, какъ ни обидно подчинить право художника праву хозяина материала, съ юридической точки зрѣнія все-таки должно сказать, что собственникъ материала остается собственникомъ его, какой-бы видъ имѣлъ материалъ. Много такихъ случаевъ, въ которыхъ строгая послѣдовательность права расходится съ соображеніями другаго рода, много такихъ случаевъ, въ которыхъ безусловное служеніе правдѣ требуетъ материальныхъ пожертвованій, равнодушія къ дарованіямъ: право сурово и различія, имѣющія значение въ области труда, вкуса, иногда совершенно ничтожны въ области права. Я не полагаю даже, чтобы для опредѣленія юридического значенія спецификаціи слѣдовало допустить *собственную справедливость*, отличную отъ строгой *юридической послѣдовательности*: и по естественной справедливости должно сказать, что хозяинъ материала также и хозяинъ надѣлія, изготавленного изъ материала. Еслибы хозяинъ материала вздумалъ извлекать какія-либо выгоды изъ случившейся съ материаломъ перемѣны, то справедливость требуетъ, конечно, дать вознагражденіе, когда хозяинъ материала не извлекаетъ выгодъ изъ спецификаціи.

§ 22.

Способы приватизации права собственности независимо отъ владения.

Сюда относятся: *пользованіе*, *приращеніе* и *смыщеніе*.

Право пользованія вещью, отдельное отъ права собственности, когда состоить преимущественно въ употреблении произведеній вещи, рождается для пользователя право собственности на эти произведенія: такъ, когда лицу предоставляется право пользованія землею, фруктовымъ садомъ, лицо приобрѣтаетъ

право собственности на произведение земли, на плоды сада (165). Такое приобретение права собственности на произведение вещи со стороны пользователя объясняется тем: право пользования состоит в употреблении плодовъ вещи, а плоды ея вещь потребляемая, потребление же предполагает право уничтожения вещи, но право уничтожения теснейшимъ образомъ связано съ правомъ собственности, следов. въ самомъ правѣ пользования заключается уже право собственности на плоды. Другое дѣло, когда лицу принадлежитъ право пользования по такой вещи, которая сама собою удовлетворяетъ какой-либо потребности, независимо отъ приносимыхъ ею плодовъ: тогда пользование не направляется къ приобретению права собственности на произведение вещи; такъ, право пользования животными, крѣпостными людьми не ведеть къ приобретению права собственности на ихъ проплодъ. Но и въ этомъ случаѣ законодательство, имѣя въ виду, что право пользования естественно ведеть къ праву собственности на произведение вещи, назначаетъ известный (годовой) срокъ, въ течение которого собственникъ вещи, предоставленной въ пользование, можетъ требовать отъ пользователя выдачи проплода (166). Только на проплодъ крѣпостной женщины не распространяется этотъ срокъ, и сколько бы времени она ни находилась въ пользованіи сторонняго лица, все-таки дѣти ея принадлежать ея господину (или господину ея мужа), ибо юридические отношения крѣпостныхъ людей опредѣляются не однимъ гражданскимъ правомъ, но и правомъ государства, правомъ состояній. Равнымъ образомъ, право пользования не ведеть къ приобретению права собственности

(165) Съ правомъ пользования соединяется и право владѣнія, но все-таки мы считаемъ пользованіе способомъ приобретенія права собственности безъ посредства владѣнія, ибо пользованіе возможно и безъ владѣнія. И даже тогда, когда пользованіе вещью, доставляющее право собственности на ея произведенія, соединяется съ владѣніемъ, все-таки не владѣніе даетъ это право собственности, а именно пользованіе, когда жаль напр. при давности именно владѣніе составляетъ основаніе приобретенія права собственности по вещи со стороны давностнаго владѣльца.

(166) Св. зах. гр. ст. 399.

на гражданские плоды: хотя и по нимъ пользователь приобрѣтаетъ иногда право собственности, но по передачѣ, а не по праву пользованія. Напр. лицу предоставлено право пользованія домомъ и лицо осуществляетъ свое право тѣмъ, что отдать домъ въ наймы: лицо получаетъ за то известную наемную плату и, конечно, становится собственникомъ денегъ, но не потому, что лицу предоставлено пользованіе домомъ, а по передачѣ ему денегъ отъ наемщика. Можетъ казаться, что и приобрѣтеніе права собственности на естественные произведенія вещи со стороны пользователя съдѣуетъ сходить къ передачѣ, ибо можно сказать, что какъ-скоро пользованіе вещью состоится въ употреблениіи ея произведеній, то собственникъ, предоставившая стороннему лицу пользованіе вещью, тѣмъ самымъ передаетъ ему право собственности на ея произведенія. Но дѣло въ томъ, что передача по самому существу своему можетъ имѣть мѣсто лишь въ-отношении къ вещамъ, уже существующимъ въ моментъ передачи, пользованіе-же нерѣдко ведеть къ приобрѣтенію права собственности по такимъ вещамъ, которыхъ еще не существуютъ въ моментъ установления права пользованія. Напр. раннею весною предоставляется фруктовый садъ въ пользованіе: осенью пользователь приобрѣтаетъ право собственности на плоды, но во время установленія права пользованія плодовъ еще нѣтъ. Спрашивается однако, съ какого-же момента пользователь приобрѣтаетъ право собственности на произведенія вещи? Пока плодъ соединенъ съ самою вещью, которая даетъ его, онъ составляетъ часть ея и, какъ часть, принадлежитъ собственнику вещи. Слѣдов. пользователь приобрѣтаетъ право собственности на плодъ только тогда, когда плодъ становится самостоятельной вещью. И такъ, моментъ отдѣленія плода отъ вещи, которая приносить его, есть моментъ приобрѣтенія права собственности на плодъ со стороны пользователя, все равно, произойдетъ ли это отдѣленіе само собою (напр. плодъ упадетъ съ дерева), или оно произойдетъ при участіи пользователя.

§ 23.

Межд^у различныи видами имущества, установленными нашимъ законодательствомъ, встрѣчается дѣленіе ихъ на главную и принадлежностную (167). Практическое значеніе этого дѣленія заключается въ томъ, что вещь принадлежностная обсуждается, какъ главная, судьба ея слѣдуетъ судьбѣ послѣдней. И такимъ образомъ, если вещь, принадлежащая известному собственнику, присоединяется къ другой вещи, принадлежащей другому собственнику, и получаетъ значение ея принадлежности, то собственникъ главной вещи, къ которой присоединяется другая, какъ принадлежность, приобрѣтаетъ право собственности надъ этой принадлежностью вещью, конечно, съ вознагражденіемъ ея хозяина, если только есть возможность опредѣлить какъ самое право собственности по присоединяющейся вещи, такъ и вознагражденіе за присоединеніе. Но, разумѣется, не каждое присоединеніе одной вещи къ другой, какъ принадлежности къ главной, ведетъ къ приобрѣтенію права собственности на принадлежность для хозяина главной вещи, а только такое присоединеніе, которое не можетъ быть тотчасъ-же уничтожено, которое, разъ совершившись, оставляетъ свой слѣдъ и не прекращается безъ известной перемѣны установленныхъ отношеній. Такъ нельзя признать приобрѣтенія права собственности, напр. когда птица будеъ посажена въ чужую клѣтку, ружье уложено въ чужой футляръ и т. п., ибо въ этихъ случаяхъ присоединеніе принадлежности можно немедленно уничтожить и не останется отъ него никакого слѣда. Но когда напр. чужое зеркало вставлено въ стѣну и нельзя его вынуть безъ поврежденія стѣны, то за хозяиномъ дома признается приобрѣтеніе права собственности на зеркало. Этотъ способъ приобрѣтенія права собственности называется присоединеніемъ. Обыкновенно различаются три вида присоединенія:

(167) Св. зак. гр. ст. 355—360.

и каждый видъ разсматривается отдельно: 1) приращение недвижимаго имущества къ недвижимому, 2) приращение движимаго имущества къ недвижимому и 3) приращение движимаго имущества къ движимому.

1) *Приращение недвижимаго имущества къ недвижимому.* Сюда относятся обыкновенно слѣдующіе случаи, хотя и не въ каждомъ изъ нихъ представляется приращеніе: а) *увеличение прибрежнаго поземельного участка отъ прымыянія земли* (alluvium): часть поземельного участка, составляющая приращеніе, образуется изъ множества различныхъ земляныхъ частицъ, изъ про-исхожденіе которыхъ указать трудно или даже невозможно. Частицы эти, конечно, существовали и прежде и, строго говоря, подлежали праву собственности какого-либо лица, но въ дѣйствительности вопросъ о правѣ собственности возникаетъ только тогда, когда отдельные земляные частицы образуютъ изъ себя сплошную массу, поземельный участокъ, и тогда право собственности приписывается собственнику той дачи, къ которой прирастаетъ поземельный участокъ, и приписывается независимо отъ всякаго завладѣнія, по приращенію (168). *Уве-личеніе прибрежнаго поземельного участка отъ обнаженія водного пространства:* вода измѣняетъ свое выѣщіе, напр. рѣка измѣняетъ русло, озеро отступаетъ отъ береговъ, дно водного пространства вслѣдствіе того обнажается и прибрежный поземельный участокъ увеличивается. Но если водное пространство составляетъ собственность прибрежнаго владѣльца, то приращеніе его дачи отъ обнаженія дна воды вовсе не представляетъ приобрѣтенія права собственности, ибо право собственности по прирастающему пространству существовало и прежде, но только пространство это было покрыто водою. Если водное пространство принадлежитъ другому лицу и происходитъ указанное явленіе, то также нельзя допустить, чтобы перемѣна въ помѣщеніи воды влекла за собою перемѣну въ:

(168) Тамъ-же, ст. 896.

правѣ собственности, по-крайней-мѣрѣ нѣть никакой необходимости признавать обнажающуюся землю собственностью прибрежного владѣльца по приращенію, развѣ по прямому указанию законодательства. Такъ, когда водное пространство, напр. судоходная рѣка принадлежитъ государству, то, по опредѣлению законодательства (169), обнажающееся дно пріобрѣтается прибрежнымъ собственникомъ по такъ-называемому *береговому праву* т. е. по приращенію: само государство отступается отъ права собственности на обнажающееся дно воды и не требуетъ себѣ за то никакого вознагражденія, потому-что государству для его цѣлей нужна самая масса воды, а не дно ея. Послѣ этого легко опредѣлить юридическія отношенія, возникающія съ перемѣнною теченія рѣки. Въ-особенности обращаетъ на себя вниманіе тотъ случай, когда рѣка составляетъ границу двухъ дачъ, принадлежащихъ различнымъ собственникамъ, такъ-что по одну сторону рѣки земля принадлежитъ одному лицу, а по другую другому. Тогда, если рѣка измѣняетъ теченіе, обращаетъ русло свое въ правую или въ лѣвую сторону, очевидно, она уже перестаетъ быть смежною и становится собственностью того прибрежнаго владѣльца, чрезъ дачу котораго пролагаетъ новое теченіе. Но для владѣльца противоположной дачи представляется обнаженіе берега: если рѣка принадлежала ему, то онъ становится собственникомъ обнаженного русла рѣки; если-же рѣка принадлежала другому собственнику, то дача первого только перестаетъ быть прибрежною. То-же самое должно сказать, когда рѣка несовершенно измѣняетъ теченіе, а только нѣсколько отходить отъ одного берега и вдается въ другой. Но чаще бываетъ, что если рѣка составляетъ границу двухъ дачъ, то между составляетъ линія, проходящая посрединѣ теченія рѣки: тогда, при перемѣнѣ теченія рѣки, обнажающееся дно до этой линіи признается собственностью прибрежнаго владѣльца (170). Спрашивается только, какой-же мо-

(169) Тамъ-же, ст. 397.

(170) Тамъ-же, ст. 396.

ментъ времени взять для определенія линіи, проходящей чрезъ средину рѣки, какъ границы между противоположными прибрежными дачами? Русло нашихъ рѣкъ измѣняется очень часто, а граница должна быть неизмѣнна. По производствѣ генеральнаго межеванія, межи его уставоено принимать на будущее время за неизмѣнное основаніе для определенія величины да-чи (171). Но если рѣка служила границею между двумя дачами, то при производствѣ генеральнаго межеванія не опредѣлялось прежнее теченіе рѣки, а принималось именно то теченіе, кото-рое имѣла рѣка въ то время, и линія, проходящая чрезъ сре-дину теченія, назначалась границею (172). Поэтому, если рѣка составляла границу между дачами при производствѣ генеральнаго межеванія, то моментъ производства генеральнаго межеванія и опредѣляетъ пограничную линію, т. е. линія, значущая-ся на планѣ генеральнаго межеванія, должна служить неизмѣнною границею. Но если при производствѣ генеральнаго межеванія рѣка не служила границею двухъ дачъ, а по обѣ стороны ея была дача одного собственника и раздѣлена только впослѣдствіи, при чемъ границею назначена рѣка, то для опре-дѣленія пограничной линіи должно взять то теченіе рѣки, кото-рое имѣла она при раздѣленіи поземельного участка. с) Къ при-брежному поземальному участку приспособъ полосы земли, отор-ванной силою воды отъ чужаго участка. Но при этомъ не про-исходитъ никакой перемѣны въ правѣ собственности, ибо есть возможнность усѣдить за движениемъ оторванной полосы земли и сохранить по ней право собственности. Еслибы напр. лодка, привязанная къ кораблю, силою вѣтра была оторвана отъ него и брошена на берегъ, то неѣтъ надобности признавать эту лодку собственностью прибрежнаго владѣльца и она все-таки остается собственностью хозяина корабля. То-же самое долж-но сказать и о поземельномъ участкѣ, оторванномъ отъ одной

(171) Тамъ-же, ст. 895, 478 (прод. УД).

(172) Иссолина, Истор. Росс. гр. зак. II, стр. 396.

дачи и приставиши къ другой: какъ-бы крѣпко ни присталъ этотъ участокъ къ чужой дачѣ, все-таки право собственности по нему признается неизмѣнившимся, пока оно не будетъ приобрѣто какимъ-либо другимъ способомъ, напр. давностю, что въ настоящемъ случаѣ въ-особенности легко. Само собою разумѣется, что не можетъ быть рѣчи объ отторженіи поземельного участка отъ дачи, къ которой онъ присталъ, и объ отводѣ его на прежнее мѣсто, но на новомъ мѣстѣ поземельный участокъ остается собственностью прежнаго хозяина. д) *Часть водного пространства мельчата и образуется островъ (islands pata).* Право собственности по такому острову опредѣляется правомъ собственности по водному пространству: если водное пространство принадлежитъ одному лицу, то лицо это и становится собственникомъ острова; если-же водное пространство числится за разными лицами, такъ-что линія, проходящая по срединѣ рѣки, составляетъ границу двухъ дачъ, то островъ привадлежитъ тому лицу, въ дачѣ которого онъ образовался; если-же онъ простирается въ той и другой половинѣ рѣки, то приобрѣтаются обоими собственниками прибрежныхъ дачъ, т.-е. каждый изъ нихъ приобрѣтаетъ ту часть острова, которая находится въ его половинѣ водного пространства (173). Но и въ одномъ изъ этихъ случаевъ право собственности не приобрѣтается по приращенію, а прибрежный владѣлецъ потому становится собственникомъ острова, что онъ и прежде былъ собственникомъ водного пространства. Другое дѣло, если образуется островъ не отъ обмелѣнія водного пространства, а отъ намыванія песку или илу, чтѣ также бываетъ: право собственности по такому острову опредѣляется точно также, какъ и въ первомъ случаѣ, но здѣсь оно приобрѣтается дѣйствительно по приращенію, ибо собственникъ прибрежной дачи до образования острова не былъ собственникомъ тѣхъ частейъ, изъ которыхъ состоялся островъ.

(173) Тамъ-же, ст. 305.

2) *Приращение движимого имущества к недвижимому имуществу* представляетъ три вида: а) *застроение* (inaedificatio), б) *насажденіе* (plantatio) и в) *засѣвъ* (satio). Всѣ эти виды представляютъ нѣкоторыя общія характеристическія черты: 1) собственникъ имущества прирастающаго не есть въ то-же время собственникъ имущества недвижимаго, къ которому прирастаетъ движимое: ибо, понятно, только при этомъ условіи можетъ быть рѣчь о застроеніи, насажденіи и засѣвѣ, какъ о случаяхъ приращенія, рассматриваемаго въ смыслѣ способа приобрѣтенія права собственности. 2) Во всѣхъ трехъ видахъ приращенія движимаго имущества къ недвижимому представлется также, что недвижимое имущество считается главнымъ, а движимое принадлежностнымъ, и потому, если приобрѣтается право собственности по приращенію, то приобрѣтается собственникомъ имущества недвижимаго. Наконецъ, 3) *застроение*, *насажденіе*, *засѣвъ* могутъ быть произведены собственникомъ мѣста, употребляющимъ чужое движимое имущество, или хозяиномъ строеваго материала, растеній, сѣмянъ на чужомъ поземельномъ участкѣ. Въ томъ и другомъ случаѣ застроеніе, насажденіе и засѣвъ могутъ быть произведены на основаніи какой-либо сдѣлки между собственникомъ недвижимаго имущества и собственникомъ движимаго, или независимо отъ сдѣлки. Мы будемъ разсматривать только послѣдній случай, ибо въ первомъ юридической отношенія между собственникомъ недвижимаго имущества и собственникомъ движимаго опредѣляются ихъ взаимнымъ соглашеніемъ. Итакъ, прежде всего скажемъ а) о *застроеніи*. Зданіе, воздвигнутое на землѣ, представляется имуществомъ недвижимымъ, но-самый материалъ, изъ котораго строится зданіе, представляется имуществомъ движимымъ: этотъ-то материалъ мы и имѣемъ въ виду, говоря о застроеніи, какъ способѣ приобрѣтенія права собственности по приращенію движимаго имущества къ недвижимому. Какъ уже сказано, при застроеніи могутъ встрѣтиться два случая: 1) *собственникъ мѣста строить зданіе изъ чужаго материала*. Должно сказать,

что собственникъ мѣста становится и собственникомъ зданія, не смотря на то, что оно возведене изъ чужаго материала; т.-е. собственникъ мѣста приобрѣтаетъ по приращенію право собственности на материалъ, ибо нѣтъ возможности немедленно разъединить материалъ съ мѣстомъ, такъ чтобы разъединеніе не оставило слѣдовъ (174), между-тѣмъ мѣсто, на которомъ воздвигнуто зданіе, дворъ, считается главнымъ имуществомъ, а строеніе, находящееся на немъ¹, — его принадлежностю — *superficies solo cedit* (175). Можетъ казаться страннымъ, что зданіе считается принадлежностю мѣста, на которомъ построено, тогда-какъ цѣнностю своею зданіе можетъ превосходить, и часто дѣйствительно превосходитъ цѣнность того клоука земли, на которомъ построено зданіе. Но тѣмъ не менѣе и по нашему и по другимъ законодательствамъ это такъ, что зданіе считается принадлежностью мѣста (176). Притомъ-же можно замѣтить, что въ юридическихъ отношеніяхъ отъ цѣны веща ничего не зависитъ: цѣна имѣеть только то вліяніе, что ею обусловливается юридический интересъ, такъ-что вещь, неимѣющая никакой цѣны, не подлежитъ юридическимъ опредѣленіямъ, по-крайней-мѣрѣ каждому имущественному праву существенно имѣть известную цѣну; но какъ-скоро цѣна, интересъ, существуетъ, то этого и довольно, и на величину цѣны не обращается вниманія. Такимъ образомъ и собственникъ мѣста, какъ главной вещи, становится собственникомъ материаловъ, употребленныхъ на постройку зданія, хотя-бы зданіе своею цѣнностью и далеко превышало цѣнность мѣста. Но размѣтется, что употребленіе чужаго материала составляетъ нарушеніе права собственности хозяина материала: поэтому, хозяинъ мѣста обязывается представить ему полное вознагражденіе за убытки и

(174) Мы имѣемъ въ виду именно такія строенія, которыхъ соединяются съ землею, на которой воздвигнуты, а не такія, которыхъ не прикрепляются къ землѣ и легко могутъ быть перенесены съ одного мѣста на другое, напр. срубы.

(175) *Dig. L. 41, t. 1, fr. 7 § 10.*

(176) Св. зак. гр. ст. 355—360.

вообще подвергается всѣмъ послѣдствіямъ, связаннымъ съ нарушениемъ правъ, только что все-таки онъ становится собственникомъ материала. 2) *Собственникъ материала застроеніе чужое мѣсто.* И въ этомъ случаѣ должно сказать, что хозяинъ мѣста приобрѣтаетъ по приращенію право собственности на сооруженное зданіе (177). Но собственникъ материала въ-правѣ требовать вознагражденія за постройку или снести строеніе. Спрашивается, какъ юридически оправдать это опредѣленіе? Если собственникъ мѣста по приращенію приобрѣтаетъ право собственности на строеніе, возведенное безъ его согласія, то, казалось-бы, онъ и пользуется строеніемъ по праву собственности, казалось-бы, что строитель уже не въ-правѣ требовать вознагражденія, или коснуться собственности хозяина мѣста, снести строеніе. Однакожь, если приращеніе есть способъ приобрѣтенія права собственности, то отсюда не слѣдуетъ еще, что оно должно быть безмезднымъ способомъ приобрѣтенія: напротивъ, если вещь, принадлежащая лицу, отходитъ въ собственность другого лица и не имѣется въ виду дарственного отчужденія, то, конечно, для лица, приобрѣтающаго право собственности по вещи, является обязательство вознаградить прежняго собственника. Но если собственникъ мѣста отказываетъ въ вознагражденіи, или не можетъ представить его, то собственникъ материала по-крайней-мѣрѣ въ-правѣ требовать обратно употребленный имъ материалъ, т.-е. снести строеніе: при отказѣ въ вознагражденіи хозяину материала только и остается снести самыи материалъ, такъ-что это право строителя уже заключается въ его правѣ на вознагражденіе со-стороны собственника мѣста. Только само собою разумѣется, что застроеніе чужаго мѣста составляетъ нарушение права собственности хозяина мѣста и можетъ нанести ему какія-либо убытки, и потому собственникъ материала, хотя и снести зданіе, все-таки обязывается вознаградить хозяина мѣста

(177) Тамъ-же, ст. 521 (прод. XV), п. 8, 14, 20.

за нанесенные ему убытки. 6) *Насаждение растений*. 1) *Собственник земли садит чужое растение*. Растение составляет приданчичность земли, на которой оно находится (178); то есть затруднение отнять растение от земли. Поэтому, хотя для хозяина места и возникает право собственности по растению, но такъ-какъ это приобрѣтие права собственности содиняется съ нарушениемъ права собственности хозяина на растеніе, то для него возникаетъ право требовать возвращенія своей собственности. Отсюда видно, что въ результатѣ все равно, признается ли растеніе собственностью землевладѣльца, или нетъ: и въ томъ и въ другомъ случаѣ онъ обязанъ возвратить чужое растеніе и кромѣ-того вознаградить собственника растенія за убытки, понесенные отъ нарушения его права собственности. Но если собственникъ растенія не требуетъ выдачи самого растенія, а только вознагражденія за нарушение права собственности, то приобрѣтие права собственности по приращенію проявляетъ свое дѣйствіе: собственникъ земли не въ-правѣ настаивать на томъ, чтобы собственникъ растенія взялъ свое растеніе обратно, а по требованію хозяина растенія обязывается вознаградить его, самъ-же приобрѣтаетъ право собственности по растенію. 2) *Собственникъ растения засаживаетъ чужую землю*. Для хозяина земли возникаетъ право собственности на растеніе по приращенію. Но хозяинъ растенія въ-правѣ требовать, чтобы ему дозволено было вынуть растеніе изъ земли, иначе, если это не будетъ дозволено, онъ имѣть право не вознагражденіе со-стороны хозяина земли, приобрѣтающаго растеніе по приращенію. Юридическая отношенія слѣдов. въ этомъ случаѣ опредѣляются такъ-же, какъ и при застроеніи чужаго места. е) *Засѣлье* представляетъ отношенія нѣсколько ясны, нежели какія представляются при застроеніи и насажденіи, ибо не можетъ быть рѣчи объ извлечении сѣмени изъ земли и эта невозможность оказываетъ влияніе на самыя юридическія опре-

(178) Тамъ-же, ст. 856.

дѣленія о засѣвѣ. Случай и при засѣвѣ тѣ-же: 1) *хозяинъ поля засѣваетъ чужое сѣмено.* Сѣмѧ, находящееся въ землѣ, рассматривается, какъ часть ея, и слѣдующій за посѣвомъ всходъ считается принадлежностью земли (179). Хозяинъ поля становится поэтому собственникомъ сѣмени по приращенію; но такъ-какъ онъ нарушаетъ право собственности хозяина сѣмени, то подвергается отвѣтственности за совершенное имъ дѣйствіе и обязывается вознаградить собственника сѣмени. 2) *Хозяинъ сѣмени засѣваетъ чужое поле.* Сѣмѧ и въ этомъ случаѣ становится во приращенію собственностью хозяина поля. Но хозяинъ сѣмени не въ-правѣ требовать возвращенія сѣмени, или дозволенія снять всходъ, ибо нѣть возможности выбрать сѣмѧ, брошенное въ землю, самый-же всходъ рассматривается, какъ принадлежность земли, безъ всякаго отношенія къ сѣмени, и притомъ всходъ не то, что сѣмѧ. Поэтому, хозяинъ сѣмени не въ-правѣ требовать и вознагражденія за сѣмѧ, такъ-что для него безвозвратно утрачивается всякое право. Относительно строенія и растенія мы признаемъ право на обладаніе материаломъ, но относительно посѣва нельзѧ допустить этого права. Напротивъ, если хозяинъ поля докажетъ, что отъ засѣва произошелъ ему убытокъ, то, приобрѣтая право собственности на сѣмѧ, онъ приобрѣтаетъ еще право на вознагражденіе за убытокъ. Итакъ, казалось-бы, отношенія одинаковы, связано-ли съ чужою землею строеніе, растеніе или сѣмѧ, а между-тѣмъ юридический выводъ въ послѣднемъ случаѣ представляеть осо-бенность.

3) *Приращеніе движимаго имущества къ движимому.* Случай, сюда относящійся, чрезвычайно разнообразны, но юридическое разрѣшеніе ихъ одинаково, и потому мы укажемъ только на са-мые главные. Прежде всего замѣтимъ, что не вездѣ, гдѣ соеди-няются движимыя вещи, принадлежащія разнымъ собствен-никамъ, представляется приращеніе: оно представляется толь-

(179) Тамъ-же.

ко тогда, когда одна вещь присоединяется къ другой въ качествѣ принадлежности; но нѣтъ приращенія, когда соединяются двѣ вещи и ни одна изъ нихъ не имѣеть для другой значенія принадлежности. Напр. соединяются зерна хлѣба, принадлежащія разнымъ лицамъ: здѣсь представляется приобрѣтеніе права собственности, но не по приращенію. Положеніе, по которому принадлежностная вещь слѣдуетъ главной и становится по приращенію собственностью хозяина главной вещи, имѣетъ примѣненіе и къ случаямъ приращенія движимаго имущества къ движимому. Но разнообразные случаи этого рода раздѣляются на два вида: а) *въ иныхъ случаяхъ принадлежность можно рассматривать, какъ самостоятельную вещь, и отдѣлить ее отъ главной*. Такіе случаи представляются, напр., когда картина отдѣливается въ чужую раму, ящикъ употребляется въ качествѣ футляра для другой вещи, въ ожерелье вставляется чужой драгоценный камень и т. д. Во всѣхъ этихъ случаяхъ хозяинъ главной вещи приобрѣтаетъ по приращенію право собственности на принадлежность: хозяинъ картины становится собственникомъ рамы, хозяинъ вещи, для которой ящикъ употребленъ въ качествѣ футляра, становится собственникомъ футляра, хозяинъ ожерелья—собственникомъ драгоценного камня. Но во всѣхъ этихъ случаяхъ, какъ и вообще во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда прирастающая принадлежность представляется отдельно самостоятельной вещью, есть возможность отдѣлить принадлежность отъ главной вещи, хозяинъ принадлежностной вещи въ-правѣ требовать выдачи ея отъ хозяина главной вещи и съ тѣмъ вмѣстѣ прекращенія для него права собственности по принадлежности, точно также, какъ при насажденіи хозяинъ растенія въ-правѣ требовать отдаленія растенія отъ земли. Такимъ образомъ, хотя приращеніе и составляетъ въ этихъ случаяхъ способъ приобрѣтенія права собственности, но способъ ненадежный, потому-что право это по требованію другаго лица можетъ прекратиться. б) *Въ другихъ случаяхъ приращение нельзя рассматривать, какъ самостоятельную материальную*

сещь, и нельзя отдельнять ее отъ чистой вещи. Между случаями этого вида въ-особенности обращаютъ на себя вниманіе использование чужой бумаги и употребление чужого холста для написания картины. Оба случаѣ разрѣшаются, впрочемъ, совершенно одинаково, ибо въ томъ и другомъ матеріалѣ, употребляемыѣ для самаго письма или картины (чернила, краски), по употреблѣнію совершенно ускользающе отъ юридическихъ опредѣлений, нерестаетъ быть самостоятельной матеріальною вещью. Отношенія юридическія въ этихъ случаяхъ обсуждаются также, какъ и при застѣвѣ чужаго поля. Да и самыя отношенія по существу своему тождественны, только-что разница между матеріаломъ исписанымъ, разрисованнымъ и матеріаломъ неисписанымъ, неразрисованнымъ еще болѣе рѣзка, нежели разница между полемъ застѣяннымъ и незастѣяннымъ: если къ цѣнности замѣя прибавить цѣнность застѣва (сѣмени и труда), то въ опредѣлится цѣнность застѣянаго поля; но клочокъ бумаги, лоскутъ холста, чернила, краски сами-по-себѣ почти ничего не стоять, бумага-же исписанная, холстъ, на которомъ нарисована картина, иногда неопѣнны. Тѣмъ не менѣе однако и въ-случаѣ письма на чужой бумагѣ, или рисования на чужомъ холстѣ должно сказать, что хозяинъ матеріала, какъ главной вещи, остается его хозяиномъ и послѣ написанія на него письма или картины, т.-е. пріобрѣтать письмо или картину по приращенію. Но по мазоцѣнности писчаго матеріала исписанная бумага большему частію имѣть значеніе не для хозяина бумаги, а для лица, исписавшаго ее, и точно также, если на холстѣ нарисована картина, то въ ней сосредоточивается весь интересъ, а самыи холстъ ничего не значить. И вотъ представляется искушеніе признать собственникомъ письма, или картины не хозяина матеріала, а автора письма, или живописца. Практика наша, дѣйствительно, склонна слѣдовать этому мнѣнію. Въ пользу его обыкновенно выставляютъ соображеніе, что значеніе вещи съ употребленіемъ ея можетъ совершенно измѣниться, и говорить, что напр. бумага или холстъ, пока они бѣлы, имѣ-

ють самостоятельное значение, и если на нихъ будуть какие-либо знаки, цифры и т. п., они сохраняютъ значение главного предмета, а чернила, краски — ихъ принадлежность; но когда написанные на бумагѣ чернильные знаки представляютъ письмо и бумага образуетъ рукопись, произведение умственного труда, или написанные на холстѣ краски образуютъ картину, то отношение измѣняется: написанное, нарисованное становится главнымъ, а бумага, холстъ, словомъ, материалъ становится принадлежностью, и поэтому авторъ письма становится собственникомъ бумаги, живописецъ — собственникомъ холста, только что они обязаны вознаградить собственниковъ материала. Но скажемъ, что отношение между вещами какъ главными, такъ и принадлежностными опредѣляется не содержаниемъ принадлежности, а прежде всего по соображению необходимости одной вещи для другой: та вещь, которая необходима для другой, считается главною, а эта другая — ея принадлежностью. Въ иномъ случаѣ, пожалуй, ни одна изъ соединяющихся вещей не представляется необходимою для другой: тогда вопросъ разрѣшается по другимъ соображеніямъ, но ближайшее соображеніе все-таки соображеніе необходимости одного предмета для другого. Материалъ необходимъ для письма и рисунка, но письмо и рисунокъ необходимы для материала, сг҃д. бумага, холстъ — главныя вещи, а написанное, нарисованное — принадлежности. Въ иныхъ случаяхъ такое отношение представляется слишкомъ рѣзко, но должно согласиться, что есть и такие случаи, гдѣ оно скрыто. Напр. есть чайные ящики съ очень дорогими рисунками; или напр. посуда бываетъ украшена рисунками, подносы, чашки бываютъ съ рисунками отличной работы; или напр. вазы бываютъ украшены рисунками первостепенныхъ художниковъ; или рисунками украшаются недвижимости, напр. стѣны, дома, церкви; есть фрески знаменитыхъ художниковъ, столь же драгоценныя, какъ и картины, или еще больше, и т. п. Во всѣхъ этихъ случаяхъ несомнѣнно, что материалъ, на которомъ сделаны рисунки, письмо — главная вещь, а написанное, рису-

ночь составляютъ принадлежность, не смотря на то, что иногда цѣняются чрезвычайно дорого. Но если въ этихъ случаяхъ принимается принадлежностное значение письма, рисунка, то нѣтъ никакого основанія отрицать такое-же принадлежностное значение ихъ и въ тѣхъ случаяхъ, когда бумага или холстъ существуютъ сами-по-себѣ, не имѣютъ такого опредѣленного назначенія, какъ обертка, ящикъ, посуда и т. д., потому-что какъ въ тѣхъ, такъ и въ другихъ случаяхъ начало одно и то-же: материалъ можетъ существовать безъ письма, рисунка, а письмо, рисунокъ не могутъ существовать безъ материала, слѣд. материалъ главное, а письмо, рисунокъ—принадлежности. Сообразно этому хозяинъ материала приобрѣтаетъ по приращенію право собственности на письмо и рисунокъ, и приобрѣтаетъ безвозвратно, ибо нѣть никакой физической возможности отдать письмо, картину отъ материала: можно, пожалуй, стереть письмо, картину, но это не значить отдать принадлежность, потому-что за отдѣленнымъ не сохранится значение письма, картины. Спрашивается, не имѣть-ли авторъ письма, или художникъ по-крайней-мѣрѣ права на вознагражденіе со-стороны хозяина материала? Но въ нашемъ законодательствѣ нѣть постановленія, на которомъ-бы можно было основать въ данномъ случаѣ право на вознагражденіе, нѣть и обычая, который-бы устанавливъ такое право. Мы не можемъ допустить даже, чтобы напр. живописецъ имѣлъ право на уничтоженіе картины: живописецъ, написавшій картину на чужомъ холстѣ, не въ-правѣ требовать, чтобы холстъ приведенъ быть въ такое-же положеніе, въ какомъ онъ былъ до употребленія на картину, не въ-правѣ потому, что требование это не имѣть для живописца никакого юридического интереса.

§ 24.

Наконецъ, способомъ приобрѣтенія права собственности безъ посредства владѣнія представляется *смѣщеніе* (*commixtio*,)

по отношению къ жидкостямъ называемое смѣшіемъ (confusio). Прежде всего замѣтимъ, что если мы заводимъ рѣчь о смѣшѣніи, какъ способъ пріобрѣтенія права собственности, то, подобно тому, какъ и при акцессіи, имѣемъ въ виду только такие случаи, когда соединяются, смыываются вещи, принадлежащія разнымъ лицамъ: если смѣшиваются вещи одного лица, то нѣтъ пріобрѣтенія права собственности, потому-что и до смѣшения тѣ и другія вещи уже принадлежали лицу. Но и при этомъ предположеніи не всѣ случаи смѣшанія представляютъ пріобрѣтеніе права собственности. Сюда не относятся: 1) случаи смѣшанія, не представляющіе никакого затрудненія для разборки смѣшавшихся предметовъ, потому-что смѣщеніе въ этихъ случаяхъ не что иное, какъ сопоставленіе предметовъ, принадлежащихъ различнымъ собственикамъ. Только тогда смѣщеніе представляетъ пріобрѣтеніе права собственности, когда разъединеніе смѣшавшихся тѣль невозможно, потому-ли, что нельзя распознать, кому именно принадлежитъ каждая изъ смѣшавшихся вещей въ отдельности, или потому, что нѣть физической возможности разъединить смѣшавшіяся вещи. Такъ, смѣщеніе денегъ представляетъ намъ случай, где разъединеніе само-по-себѣ возможно, но нельзя распознать, которая монета принадлежитъ одному лицу, которая другому, ибо на примѣты монетъ обыкновенно не обращается вниманія, притомъ-же у множества монетъ примѣты (чеканъ, годъ выбитія и т. п.) могутъ быть одинаковы. Смѣщеніе жидкостей представляеть намъ второй случай невозможности разъединенія по физической невозможности возстановить смѣшавшіяся жидкости въ прежнемъ видѣ. Къ случаямъ физической невозможности разъединенія должно отнести и всѣ тѣ случаи, когда разъединеніе хотя физически и возможно, но фактически считается невозможнымъ: другими словами, физическую невозможность разъединенія не должно понимать въ строгомъ смыслѣ, а должно принимать ее въ тогда, когда разъединеніе связано съ такимъ трудомъ, который не вознаграждается результатами и потому

въ действительности вовсе не предпринимается, а разъединение считается невозможнымъ. Напр. смѣшиваются хлѣбные зерна двухъ сортовъ: человѣкъ знающій можетъ отличить зерна и разобрать ихъ по сортамъ, но кто-же возьмется за такой трудъ, хотя онъ физически и возможенъ? 2) Смѣшаніе не представляется способомъ приобрѣтенія права собственности въ тѣхъ случаяхъ, когда производится съ согласіемъ собственниковъ, ибо тогда: или а) возникаетъ общее право собственности: каждый хозяинъ устанавливаетъ по своей вещи общее право собственности съ хозяиномъ другой вещи. Напр. А принадлежитъ рядъ зеренъ одного сорта, а В принадлежитъ рядъ зеренъ другого сорта; требуется смѣшать этихъ двухъ сортовъ, и А и В. соглашаются смѣшивать свои зерна. Или б) устанавливается право собственности въ пользу одного лица. Напр. А присыпаетъ свои зерна къ зернамъ В и предоставляетъ ему быть собственникомъ смѣси. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ смѣшаніе не представляется способомъ приобрѣтенія права собственности, а оно приобрѣтается передачею, въ первомъ случаѣ взаимною, во второмъ—одностороннею, между-тѣмъ мы рассматриваемъ смѣшаніе въ смыслѣ способа приобрѣтенія права собственности, и потому изъ массы случаевъ, въ которыхъ представляется приобрѣтеніе права собственности, должны выдѣлять только тѣ, въ которыхъ именно смѣшаніе ведеть къ приобрѣтенію этого права. Такимъ образомъ, смѣшаніе (въ общемъ значеніи этого слова, разумѣя подъ смѣшаніемъ также и слитіе) представляется способомъ приобрѣтенія права собственности только тогда, когда смѣшиваются вещи, принадлежащія разнымъ лицамъ, когда нѣть возможности разъединить смѣшившіяся тѣла и когда самое смѣшаніе происходитъ случайно, или по волѣ одного только хозяина. Спрашивается, какія юридическія отношенія возникаютъ вслѣдствіе смѣшанія? 1) При случайномъ смѣшаніи возникаетъ общее право собственности. Его происхожденіе объясняется такъ: собственно говоря, смѣшаніе не должно было производить никакой перемѣны въ правѣ собственности:

если напр. одному лицу принадлежало зерно *x*, то оно и по смышении принадлежать ему, а если зерно *у* принадлежало другому лицу, то отчего-же зерно это не принадлежит ему и по смышении; но дѣло въ томъ, что неизвѣстно, которому именно лицу принадлежать тотъ или другой изъ смышавшихся предметовъ въ отдельности, напр. которому хозяину принадлежало зерно *x*, которому *у*, и такъ-какъ эта неизвѣстность простирается на всѣ смышавшиеся предметы, то оказывается, что каждый изъ нихъ, быть можетъ, составляетъ собственность одного, или собственность другаго лица, потому и допускается, что каждый предметъ смыси есть собственность того и другаго лица вмѣстѣ; но таکъ-какъ собственность разныхъ лицъ удобомыслима только въ смыслѣ общей собственности, то и выходитъ, что въ данномъ случаѣ возникаетъ общее право собственности. 2) Когда смышеніе происходитъ по волѣ одного только или хозяина смышавшихся предметовъ, то, очевидно, оно составляетъ нарушение права собственности другаго хозяина, не взъявившаго согласія на смышеніе. Но спрашивается, прекращается ли право собственности этого другаго хозяина вслѣдствіе того, что вещи его смышиваются съ вещами, ему не принадлежащими? Нарушение права собственности не влечетъ за собою необходимо прекращенія самаго права: напр. собственникъ украденной вещи не перестаетъ быть ея собственникомъ. Поэтому, и при одностороннемъ смышении случайному, должно признать общее право собственности по смыси; но кроме-того при смышении одностороннемъ, таکъ-какъ оно составляетъ нарушение права собственности, для нарушителя является еще обвинительство вознаградить хозяина за всѣ убытки, какие произойдутъ для него отъ смышения. Въ обоихъ случаяхъ, такимъ образомъ, для хозяевъ смышавшихся предметовъ смышеніе рождаетъ общее право собственности по смыси. Но разумѣется, что при такомъ невольномъ возникновеніи общаго права собственности, какое представляется при смышении случайному и самовольно-одностороннемъ оно можетъ

быть немедленно прекращено посредствомъ раздѣла (180): по раздѣлу, опять установится отдельное право собственности, хотя и не по тѣмъ самыи предметамъ (напр. не по тѣмъ именно зернамъ), по которымъ существовало прежде. И такимъ образомъ, раздѣлъ представляеть удобный путь для исхода изъ общаго права собственности, установившагося вопреки желанію собственниковъ смѣшившихся предметовъ.

§ 25.

ПРИРАЩЕНИЕ ПРАВА СОБСТВЕННОСТИ.

Какъ и всякое право, право собственности *прекращается*. Спрашивается, какими способами оно прекращается? Прежде всего скажемъ, что оно прекращается всѣми тѣми способами, которыми и приобрѣтается: мы не допускаемъ существованія въ совершенномъ юридическомъ быту вещей безхозяйныхъ, следов. если приобрѣтается право собственности по вещи со стороны какого-либо лица, то въ то-же время для другого лица право собственности по этой вещи прекращается. Исключение представляетъ лишь тотъ случай, когда приобрѣтается право собственности по вещи, до того времени несуществовавшей, по-крайней-мѣрѣ несуществовавшей самостоятельно, а только въ качествѣ части другой вещи. Напр. хозяинъ животнаго приобрѣтаетъ право собственности на приплодъ: здѣсь представляется приобрѣтеніе права собственности для хозяина животнаго, но этому приобрѣтенію не соответствуетъ прекращеніе права собственности для другаго лица. Но это единственное исключение: во всѣхъ другихъ случаяхъ приобрѣтенія права собственности для какого-либо лица этому приобрѣтенію соответствуетъ прекращеніе права собственности для другаго лица. Всего нагляднѣе представляется это при передачѣ: лицо,

(180) Св. зак. гр. ст. 486.

которому передается вещь, становится собственникомъ, лицо передающее перестаетъ быть собственникомъ. Но есть также способы прекращенія права собственности, независящіе отъ приобрѣтенія вещи въ собственность другимъ лицомъ. Способы эти слѣдующіе: 1) *Право собственности прекращается съ уничтоженіемъ вещи*. Но одно измѣненіе вида вещи еще не ведеть къ прекращенію права собственности, и оно продолжаетъ существовать, хотя въ иномъ случаѣ и нельзя уже говорить о прежней вещи: собственникъ монеты остается собственникомъ и куска металла, происшедшаго отъ переплава монеты. Однакоже не должно понимать уничтоженія вещи, какъ способа прекращенія права собственности, и въ самомъ строгомъ смыслѣ: юридическое понятіе объ уничтоженіи вещи гораздо тѣснѣе понятія естественнаго. Естественное понятіе объ уничтоженіи тѣла чрезвычайно обширо и можно даже предложить вопросъ: уничтожается-ли дѣйствительно что-либо существующее, не есть-ли всякая смерть только измѣненіе существованія? Но въ юридическомъ смыслѣ мы говоримъ объ уничтоженіи вещи, о прекращеніи права собственности по уничтоженію вещи, когда вещь разлагается на части и при этомъ лишается всякой цѣнности, или по-крайней-мѣрѣ представляетъ самую ничтожную цѣнность, такъ-что въ дѣйствительности никогда не возникаетъ вопроса о правѣ собственности по такой разложившейся вещи. Напр. вещь сгораетъ, обращается въ пепель; право собственности на эту вещь считается прекратившимся, и въ дѣйствительности никогда не возникаетъ вопроса о правѣ собственности на пепель, какъ на предметъ, съ которымъ не связано никакого юридического интереса. 2) *Право собственности, какъ и всякое имущественное право, прекращается по отречению собственника*. Отреченіе это, конечно, должно соотвѣтствовать всѣмъ тѣмъ условіямъ, при которыхъ прекращается право по отречению, иначе оно недовольно сильно, чтобы произвести неизменную въ юридическихъ отношеніяхъ: одно фактическое отреченіе, одна *derelictio* еще не прекращаетъ права собствен-

ности. Но по нашему законодательству, вещь, никому въ-особенности не принадлежащая, считается государствомъ (181), слѣд. при отречении хозяина вещи отъ права собственности она не дѣлается вещью безхозяймою, а становится собственностью государства. Поэтому съ первого взгляда можетъ казаться страннымъ, что мы указываемъ на отречение, какъ на самостоятельный способъ прекращенія права собственности, какъ на такой способъ прекращенія права для одного лица, которому не соотвѣтствуетъ приобрѣтеніе для другаго лица. Можно возразить, что если напр. въ Римскомъ правѣ отреченіе представляется способомъ прекращенія права собственности, то тамъ оно дѣйствительно составляется самостоятельный способъ прекращенія этого права: ибо Римское право допускаетъ существованіе вещей безхозяйныхъ, и потому, если прекращается по отреченію одно право собственности по вещи, то непосредственно затѣмъ не возникаетъ другое, а это новое право собственности возникаетъ уже посредствомъ завладѣнія (*occupatio*) (182). И такимъ образомъ, внесение отреченія въ число самостоятельныхъ способовъ прекращенія права собственности можетъ показаться натяжкою, слѣдѣть подражаніемъ Римскому праву. Но такое обвиненіе едва-ли будетъ основательно. Дѣйствительно, если возможность отреченія составляетъ характеристическую черту каждого имущественного права, то мы не можемъ не признать ея и за правоъ собственности, играющемъ важнейшую роль въ имущественныхъ правахъ. Если-же мы примемъ, что возможность отреченія существуетъ и для права собственности, то наше положеніе не устраивается тѣмъ, что вещь, оставленная собственникомъ, дѣлается не безхозяйною, а собственностью государства: потому что такое обращеніе собственности частнаго лица въ собственность государства все-таки отличается отъ обращенія частной собственности въ государственную по передачѣ вещи. Кто от-

(181) Св. зак. гр. ст. 374.

(182) Риффа. Сага. 4. Inst. II, стр. 668, 684.

рекается отъ права собственности по вещи, тотъ не интересуется ея дальнѣйшою судьбою: точно также, какъ въ юридическомъ быту, состоящемъ подъ опредѣленіями Римскаго права, собственникъ, отрекающійся отъ вещи, не заботится о томъ, завладѣгъ ли кто ею, или нѣтъ, и кто завладѣетъ ею, физическое или юридическое лицо, частное лицо или государство; точно также и въ нашемъ юридическомъ быту собственникъ, отрекающійся отъ права собственности по вещи, при отреченіи не имѣть въ виду, чтобы она сдѣлалась собственностю государства. Конечно, можно сказать, что гражданинъ знаетъ, что въ нашемъ юридическомъ быту вѣтъ вещей безхозяйныхъ, а каждая вещь, никому въ-особенности не принадлежащая, принадлежитъ государству, и поэтому можно сказать, что въ отреченіи лица отъ его права собственности содержится умыселъ передать вещь государству. Но это будетъ несправедливо: лицо, отрекающееся отъ права собственности по вещи, можетъ, пожалуй, знать послѣдствія отреченія, но не ради этихъ послѣдствій лицо отрекается отъ права собственности, а для того только, чтобы прекратить право. Даѣте, нужно обратить вниманіе также на то, что хотя всякая вещь, никому въ-особенности не принадлежащая, считается собственностю государства, но только въ меньшей части случаевъ государство осуществляетъ свое право собственности, приобрѣтаемое по отчужденію доселѣщаго собственника, такъ-что во множествѣ случаевъ отреченіе отъ права собственности существуетъ, и все-таки государство не обращаетъ вниманія на приобрѣтаемое имъ чрезъ-то право собственности и фактически вещь находится въ такомъ-же положеніи, какъ и вещь безхозяйная. Наконецъ должно сказать, что есть вещи, которыя считаются иакъ-бы вѣтъ юридического быта, относительно которыхъ при извѣстномъ положеніи ихъ въ дѣйствительности не возникаетъ вопроса о правѣ собственности, хотя въ другомъ положеніи онѣ и подлежатъ этому праву: напр. птица въ клѣткѣ подлежать праву собственности извѣстнаго лица; но лицо отпу-

сказь птицу на воли, и право собственности прекращается, по отречению. Впоследствии, быть может, вещь, напр. птица, снова подвергается праву собственности какого-либо лица; но выбытия вещи изъ юридического быта достаточно для того, чтобы допустить отречение, какъ способъ чистаго прекращенія права собственности, а не переходъ его отъ одного лица къ другому. Или иногда предметъ остается въ юридическомъ быту, но перестаетъ подлежать праву собственности; напр. господинъ крѣпостнаго человѣка отпускаетъ его на волю: право собственности прекращается, по отречению (183). И такъ, отреченіе нельзя не признать самостоятельнымъ способомъ прекращенія права собственности, т.-е. такого прекращенія, которому не соответствуетъ приобрѣтеніе права со стороны другаго лица. Наконецъ 3) право собственности прекращается смертю лица, физическою или политическою. Правда, по смерти лица имущественныя права его переходятъ къ наследнику, переходятъ и право собственности, но наследникъ непосредственно приобрѣтаетъ только право наследованія, отдельные же права наследодателя приобрѣтаетъ онъ только вслѣдствіе признания его права наследованія со стороны судебнаго мѣста (184), а право собственности по вещамъ, принадлежавшимъ наследодателю, только по передачѣ ихъ наследнику душеприкащикомъ или общественною властію (185). И вотъ поэтому-то мы въ-правѣ считать смерть собственника способомъ прекращенія права собственности безъ соответствующаго приобрѣтенія его для другаго лица.

Изданіе А. КЕДЫЧА.

(183) Если подъ свободою разумѣть право собственности на самого себя, какъ и полагаютъ некоторые юристы, то выйдетъ, пожалуй, что при отпускѣ крѣпостнаго человѣка на волю иѣть отреченія, какъ способъ чистаго прекращенія права собственности, а право это только *переходиши* отъ господина къ самому крѣпостному человѣку. Но мы не допускаемъ такого взгляда на свободу, и потому отпущеніе крѣпостнаго человѣка на волю признаемъ отречениемъ отъ права собственности на него со стороны господина.

(184) Св. зак. гр. ст. 881, 1023—1048.

(185) Тамъ-же, ст. 916, 1067—1068.

К О Р О Л Ь   Л И Р Ъ (*).

(Изъ Гервинуса).

Король Лиръ не могъ быть написанъ ранѣе 1603 г., потому-что въ этомъ году появилась книга Гареснета *Discovery of popish imposters*,—книга, изъ которой Шекспиръ замѣстовала имена злыхъ духовъ, упоминаемыхъ Эдгаромъ въ его инимомъ сумасшествіи. Далѣе извѣстно, что Лиръ бытъ игралъ на спектакль Глоба въ 1606 г., следовательно онъ написанъ между этими двумя числами, одновременно съ Макбетомъ, что и объясняетъ хронологически нашъ переходъ къ нему. Вскорѣ послѣ его появленія вышли три изданія *in-quarto* впродолженіе одного 1608 г. Это служить доказательствомъ любви къ этой пїесѣ какъ тонкихъ знатоковъ и посѣтителей Шекспировой спектакли, такъ и той публики, которая восхищалась Титомъ и Тамерланомъ.

(*) Искусный и вѣрный анализъ великихъ произведений литературы есть, безъ сомнѣнія, лучшій способъ къ проясненію самыхъ важныхъ вопросовъ и основныхъ идей литературы. Съ этою цѣлью мы намѣрены представить въ нашемъ журнальномъ рядѣ подобныхъ анализовъ замѣчательнѣйшихъ произведеній Шекспира, замѣстуя ихъ изъ Гервинуса, одного изъ знаменитѣйшихъ современныхъ критиковъ Германіи. Имя Гервинуса извѣстно и у насъ; но мы не встрѣчали вигдѣ общирныхъ изъ него извлечений, которыя-бы могли какъ познакомить читателей съ его направленіемъ и методомъ, такъ и содѣствовать къ лучшему уразумѣнію произведеній, которыя онъ объясняетъ съ рѣдкимъ глубокомысліемъ и знаніемъ предмета. Мы надѣемся подобными извлечениями оказать услугу тѣмъ, которые лишены возможности и случая читать Гервинуса въ подлинникѣ и предлагаемъ имъ, на первый разъ, разборъ Лира.

Приложченіе редакціи.

Преданіе о королѣ Лирѣ и его дочеряхъ разсказаъ Готфридъ Монмудъ; онъ относитъ смерть Лира къ 800 до Р. Х. Еще до Шекспира это преданіе было изложено въ драматическомъ видѣ; въ Стивенса *Six old plays* и проч. напечатана въ первый разъ въ 1594 г. писца *The true chronicle history of King Lear and his three daughters*; она написана нѣсколько раньше. Только весьма немногія примѣты доказываютъ, что Шекспиръ употребилъ въ дѣло эту грубую и необработанную драму. Въ ней старый король предлагаетъ своимъ дочерямъ вопросъ о степени ихъ дѣтской любви, съ цѣлью родительски обмануть младшую dochь. Ожидая клятвъ и уѣреній въ любви, онъ хочетъ поймать ее на этикъ уѣреніяхъ и выдать замужъ, вопреки ея наклонности, за одного изъ Британскихъ королей. Обманутый въ своихъ ожиданіяхъ, онъ лишаетъ ее наслѣдства; она бѣгаются женой короля Французскаго, который въ видѣ странника прѣбываетъ въ Англію, где и находитъ ее. Слабаго старика короля сначала изгоняютъ изъ своего дома Гонтерилья, потомъ обѣ сестры снаряжаютъ убийцу, чтобы умертвить короля и его вѣрнаго Перилла (Кента у Шекспира); несчастные умоляютъ о жизни другъ за друга и убийца щадить обоникъ. Переодѣтые шкиперами, они бѣгутъ во Францію и встречаютъ Французскаго короля и Корделію. Лиръ побѣдно возвращается въ Англію, а его дочери и ихъ мужья изгоняются. Видно по многимъ романтическимъ чертамъ, что эта писца гораздо мягче Шекспировой; дѣйствіе къ ней происходитъ въ христіанскомъ вѣкѣ. Причины, побуждающія Гонтерилью изгнать слабаго духомъ, ничемъ невиноватаго отца, тѣ, что онъ ее укоряетъ всякий разъ, когда она заказываетъ себѣ новомодное платье или устраиваетъ пиръ. Онъ со слезами уходить отъ нее къ Реганѣ, которая его встречаетъ съ лестью на устахъ, преклоняетъ предъ нимъ колѣна, между-тѣмъ-какъ въ сердцѣ замышляетъ его смерть. Не должно ли казаться страннымъ, что Шекспиръ, во время гораздо большаго развитія сценическаго вкуса, раскрылъ предъ нами картину дѣтской неблагородной

годарности, несравненно ужаснѣе той, какую представилъ нашъ древній поэтъ, въ дни болѣе суровые?

Шекспиръ придалъ еще болѣе ужаса содержанію этой трагедіи тѣмъ, что раздвинулъ ея предѣлы. Овъ ввелъ въ предавіе о Лирѣ эпизодъ о Глостерѣ, заимствовавъ его изъ Сиднеевої Аркадіи (П, 10). Распаденіе втораго семейства, преслѣдованіе жестокосердаго сына противъ отца и брата и разгнѣваніаго отца противъ невиннаго сына, весьма похожи на несправедливости, оказанныя Лиромъ одной изъ его дочерей и на тѣ, которыя онъ терпѣть отъ двухъ другихъ. Этотъ эпизодъ, вполнѣ сходный съ главнымъ содержаніемъ, Шекспиръ тѣсно съ нимъ соединилъ, двойное дѣйствіе онъ слилъ въ одно, чѣмъ еще болѣе усилилъ драматизмъ. Находясь на службѣ у жестокихъ дочерей Лира и возбуждая ихъ любовь къ себѣ, незаконный сынъ Глостера служитъ поводомъ къ казни Корделія и къ смерти ея отца. Эти семейныя распри еще болѣе запутываются; злама дочери Лира составляютъ тайные замыслы къ соединенію его раздробленнаго государства, между тѣмъ-какъ извѣзъ имъ угрожаетъ Франція. Тайныя сношенія Англійской зна-ти съ Корделіемъ подаютъ поводъ къ жестокому ослѣпленію Глостера и къ смерти Корнwallia. Если эта піеса болѣе прочихъ трагедій Шекспира наполнена кровавыми и жестокими дѣлами, то по роду, формѣ и направленію въ ней ужаснаго, она еще болѣе отталкиваетъ. Ослѣпленіе Глостера *la scena*, самъ Колъриджъ, постоянный защитникъ Шекспира, назвалъ сценою, въ которой трагическое доведено до крайнихъ предѣловъ, а Колларъ даже въ Титѣ не находитъ ничего, столь сильно воз-буждающаго отвращеніе и сожалѣніе. Не только родъ смерти Корделія, но и самая смерть ее была найдена безполезной и жестокой. Въ одной Англійской балладѣ, гдѣ разсказано это-же самое промышленіе, Корделія умираетъ благородною смертью на полѣ браніи. Во время реставраціи эту піесу не могли вынести такою, какъ она есть. Тате и Колманъ передѣлали ее, оба ввели любовь Эдгара къ Корделію и дали трагедіи удовлетво-

рительную драматическую развязку. Джонсонъ в другіе одобрилъ это, и еще во время Гаррика король Лиръ появился на сцѣнѣ въ этомъ очищенномъ видѣ; умерщваніе налача Корделия и уничтоженіе этимъ его намѣренія Лиромъ, всегда были вознаграждаемы полнымъ успѣхомъ.

Не служить ли доказательствомъ грубости нравовъ того времени то, что Шекспиръ могъ написать такую піесу я то, что она пользовалась всеобщимъ одобрениемъ? И потому нельзя ли заключить, что Шекспиръ, не смотря на высоту, на какую мы его возводимъ, не могъ избѣгнуть общей заразы, или иаконецъ, что онъ хотѣлъ потворствовать грубымъ вкусамъ своего времени? Мы не выводимъ ни одного изъ этихъ заключеній. Что въ это время существовало многостороннее образованіе, это доказываетъ богатая литература. Что въ это образованіе проникали остатки невѣжества, это видно изъ различныхъ отраслей той-же литературы. Да и притомъ возможно ли назвать варварской цѣлую эпоху, если она произвела хотя одного человѣка, съ такимъ образованіемъ, какого достигъ Шекспиръ? Если первы были тогда здоровье, настроеніе духа и историческія происшествія драматичнѣ, жизнь человѣческая менѣе цѣнна, нежели теперь, то это еще никакъ не доказывается недостатка въ образованіи, но все это напротивъ покровительствуетъ драматической поэзіи. Трагедія процвѣтала всегда, вездѣ, гдѣ сами происшествія способствовали ея развитію. Время спокойное, чуждое волненію, никогда не произведетъ великихъ трагиковъ. А сколько ужаснаго и сколько кровавыхъ дѣлъ можно допустить въ трагедіи, это тоже зависитъ отъ настроенія духа народа. Мы, которые еще недавно допускали въ Германіи только одни вялые романы, теперь, благодаря междоусобнымъ войнамъ, достигли возможности переносить сильныя ощущенія драмы; можетъ быть, въ непродолжительномъ времени мы успѣемъ себя закалить противъ еще многихъ другихъ явлений жизни и литературы. За это нельзя будетъ однако обвинить цѣлую эпоху въ варварствѣ. Но нерѣдко случается, что вѣшняя про-

исшествія имѣютъ до того сильное вліяніе на нѣкоторыхъ людей, что заражаютъ ихъ своей дикостью и жестокостью. Не находился ли и Шекспиръ въ такомъ положеніи, когда онъ писалъ Лира? Настолько, скажемъ мы, насколько могъ-бы находиться въ такомъ положеніи самый образованный и самый чувствительный изъ пасъ, еслибы онъ задумалъ поэтически изобразить въ наши дни сильно возбужденныя страсти, заимствовавъ ихъ изъ прежнихъ дней. И это подтверждается еще тѣмъ, что никто не умѣлъ изобразить нѣжныя чувства, кротость, грусть, элегическое настроеніе души такъ, какъ изобразилъ ихъ Шекспиръ въ Ромео, Гамлетѣ, Цимбелинѣ. Но если Шекспиръ, по словамъ Кольриджа, довелъ въ Лирѣ трагическое до последней крайности, то не повторствовалъ-ли онъ грубому вкусу необразованной части общества, болѣе чѣмъ онъ могъ это сдѣлать, не унизяя достоинства искусства? Еслибы онъ уронилъ хотя сколько-нибудь искусство, то вполнѣ заслужилъ-бы этотъ упрекъ. Но развѣ мы не видѣли, какъ Шекспиръ, заимствую у народа его шутовскія карикатуры и пошлые дурачества, облагороживъ ихъ и возводы въ степень комедіи? Отчего-же не допустить, чтобы онъ могъ и ужасы, подобные тѣмъ, какіе находятся въ трагедіяхъ во вкусѣ Марлова; употребить въ дѣло съ нравственною цѣлью и изобразить ихъ такъ, чтобы изъ этого вышло настоящее произведеніе искусства? Развѣ могло ускользнуть отъ этого великаго ума, что поэтическій геній можетъ вполнѣ развернуться только въ изображеніи сильныхъ страстей, находя въ нихъ достаточную для себя пищу? Не безъ основанія-же древняя трагедія заимствовала содержаніе изъ давно-протекшаго времени героевъ и украшала избранныя натуры сверхъестественными силами. Всѣми признано, что Шекспиръ достигъ высшей степени искусства именно въ изображеніи страстями восплемененнаго человѣчества, какъ мы это видимъ въ Макбетѣ, Гамлетѣ и преимущественно въ Лирѣ! Какъ часто называли Лира прекрасѣйшимъ его произведеніемъ! Какъ удивлялся Шлегель «почти сверхъестествен-

ному полету гения» въ этомъ произведении, «гдѣ умъ теряется въ созерцаніи высокаго и глубокаго, и въ то-же время чувства вполнѣ овладѣваютъ сердцемъ». Такое и подобное этому удивленіе возникаетъ независимо отъ тягостнаго содержанія цѣлесы и часто вопреки ему; но это повело-бы наскъ къ новому вопросу: не эта-ли полнота содержанія именно и заслуживаетъ удивленіе своимъ необыкновеннымъ развитіемъ и сверхъестественными размѣрами, какихъ достигаютъ жестокія и безнравственные дѣла?

Цѣль трагедіи во всѣ времена была противуположна цѣлямъ эпоса. Эпическое стихотвореніе изображаетъ любимицевъ божовъ, —модей, подвиги которыхъ вполнѣ соответствуютъ благо-дѣтельнымъ видамъ Провидѣнія и которые служатъ оружію судьбы. Трагедія, напротивъ, изображаетъ людей въ разладѣ съ судьбою; гордыя, кичливыя, могучія ватуры стремятся переступить за черту божескихъ и человѣческихъ законовъ; задавать себѣ проблемы свыше своихъ силъ, и тѣмъ наавлекаютъ на себя гневъ божовъ. Мы называемъ здесь судьбой не ту слѣпую смы-ду, которая забавляется человѣкомъ, какъ игрушкой, годной только быть ея жертвой. Даже въ древнихъ настоящихъ трагедіяхъ судьба не играетъ этой роли, тѣмъ менѣе въ трагедіяхъ Шекспира. У него судьба есть не иное что, какъ собственная природа человѣка. Это видѣли мы въ Отелло, въ Гамлетѣ и въ Макбетѣ. Страсти этихъ людей составляютъ сами ткань своей судьбы. Чѣмъ болѣе они развиты, тѣмъ болѣе возбуждаютъ въ насъ участія; чѣмъ страшнѣе преступленіе, тѣмъ больши размѣръ получаетъ дѣйствіе, тѣмъ сильнѣе возникаетъ въ насъ ужасъ, тѣмъ трагичнѣе катастрофа. И чѣмъ, съ другой стороны, благороднѣе природныя дарования, служащія основаніемъ страсти, тѣмъ сильнѣшее впечатлѣніе производятъ заблужденія и тѣмъ глубже сожалѣніе. Величие, сила, пространство, глубина изображаемой страсти вездѣ должны быть соединены съ глубиной дѣйствія. Но такого рода соответствіе между дѣйствіемъ и изображаемымъ предметомъ можетъ про-

изойти только отъ столь-же соответствующаго въ полета поэтическаго гenia, отъ употреблений въ дѣло всѣхъ силъ души поэта. Слѣдовательно, вѣтъ ничего естественнѣе постепенного возрастанія автора въ изображеніи тѣхъ страшныхъ искушеній, мечтавій и наконецъ преступленій, какія овладѣваютъ благородными и возвышенными натурами въ родѣ Макбетовой. Въ Лирѣ это возрастаніе усиливается по-мѣрѣ того, какъ расширяются и раздвигаются предѣлы задуманной мысли. Въ Гамлетѣ, Макбетѣ, въ Отелло и Тимонѣ все дѣйствіе тѣснится около одного главнаго характера. Въ Лирѣ и Цимбелинѣ для дѣятельности Шекспира раскрывается болѣе обширное поприще. Въ тѣхъ трагедіяхъ изображаются преимущественно одна страсть и ея развитіе; въ Лирѣ и Цимбелинѣ изображены цѣлые вѣка и поколѣнія. Въ нихъ нельзя остановиться на одной отдельной личности; это не возможно въ Лирѣ, а тѣмъ болѣе въ Цимбелинѣ. Двойные, многочисленныя дѣйствія слиты въ одно; множество сильныхъ и одинаково привлекательныхъ характеровъ движутся предъ нами. Оттого дѣйствіе приобрѣтаетъ обширные разиѣры и скатую полноту. Стоитъ разсмотрѣть отдельно поступки и предприятия Кента и Освальда, чтобы увидѣться, сколько фактичности лежитъ даже во второстепенныхъ личностяхъ; но это въ такомъ связномъ порядке и такъ скрыто полною содержаніемъ, что при первомъ бѣгломъ разсмотрѣніи этого можно и не замѣтить. Эти двѣ піесы гораздо богаче дѣйствіемъ, нежели прочія сочиненія Шекспира; они приближаются скорое къ эпосу, нежели къ исторіи, и потому составляютъ полную противоположность древней драмѣ. Вслѣдствіе этого въ трагедіи, о которой мы говоримъ, мало сентенцій: самое дѣйствіе служить себѣ поясненіемъ, изъ чего слѣдуетъ, что разборъ фактovъ здѣсь также важенъ, какъ и психологическая разработка характера.

Обратите вниманіе на то, какъ постепенно переходитъ Шекспиръ отъ изображенія отдельныхъ личностей, сильно возбужденныхъ страстиами, къ тѣмъ высоко-трагическимъ характерамъ,

которые во множествѣ движутся предъ нами въ двухъ вышеупомянутыхъ піесахъ. Если мы бросимъ взглядъ назадъ на первыя, даже превосходѣйшія произведенія Шекспира, то увидимъ, что онъ изобразилъ въ Ромео прекрасную, сильную, но не мужскую страсть, въ Ричардѣ II — безсиліе. Его Ричардъ III хороши только въ общемъ, въ королѣ Иоаннѣ проявляется немного болѣе самостоятельности. Еслибы поэтъ началъ искать въ обществѣ и исторіи характеровъ, одаренныхъ сильной натурой, и изъ которыхъ могла-бы произрасти и роскошно развиться плодовитая страсть, требующая драматического изложенія, то онъ не нашелъ-бы ничего подобнаго ни въ образованномъ, ему современному вѣкѣ, ни въ близлежащихъ временахъ. Когда войны не выводятъ нась изъ колеи мирнаго существованія трагическія страсти исчезаютъ. Онъ скрываются тогда въ низшихъ слояхъ общества и разыгрываются въ судахъ; онъ имѣютъ чѣ-то отталкивающее. Подобное неестественное и принужденное положеніе, подобаю дикую страсть, разыгравшуюся въ мирное время, изобразилъ Шиллеръ въ своихъ Разбойникахъ. Шекспиръ захотѣлъ выполнить подобную же задачу въ Отелло. Онъ вывелъ предъ нами уроженца дикаго племени, брошенаго въ среду образованныхъ народовъ Европы. Но и тутъ этотъ полу-укрошенный дикарь, который причиняетъ зло образованному обществу, заслуживаетъ болѣе сожалѣнія, нежели членъ этого общества, утонченный злодѣй Яго. Въ Цезарѣ, напротивъ, Шекспиръ находитъ вѣкъ гораздо болѣе соотвѣтствующій трагическимъ соображеніямъ и понятіямъ. Геройскій духъ народа, давно исчезнувшаго съ лица земли, полуобразованное, въ высшей степени воинственное время, волнуемое междоусобіями и государственными переворотами — вотъ богатая почва для поэта. Оттого-то онъ и возвращался вновь дважды къ этому предмету, оттого-то и наполнены всѣ его піесы, писанныя послѣ Цезаря, указаніями и замѣками на Римлянъ и ихъ нравы. Но и этотъ вѣкъ однако былъ еще слишкомъ образованъ, чтобы можно было перенести въ

нега страсть во всей ея дикой неукротимости, во всей ея природной и необузданной силѣ. Въ Гамлетѣ и Макбетѣ Шекспиръ въ первый разъ сдѣлалъ искусное заимствованіе изъ преданій героическихъ временъ Галліи и Германии. Подобно этому и древніе, при всемъ своемъ образованіи, отыскивали трагическое миѳы во временахъ, предшествовавшихъ Троянской войнѣ. Ужасныя происшествія въ дѣлахъ Лая и Тантала были источникомъ, изъ котораго древняя трагедія почерпала свою драгоценную пищу. Она переносить насъ въ эти времена и заставляетъ восхищаться историческимъ тактомъ своихъ героеvъ; намъ нравится это, до-нельзя возвеличенное, человѣчество, эти стремительныя натуры, эти полубоги и Титаны. Мы находимъ естественнымъ и роскошное развитіе и сильное влечение страсти въ этихъ поколѣніяхъ. Безмѣрность въ нихъ ужаса не трогаетъ насъ, потому-что мы сознаемъ въ себѣ силу, которая намъ даетъ возможность переносить тяжелое бремя страданій. Мы не будемъ также заблуждаться, думая, что подобный родъ людей не болѣе какъ вымыселъ и что человѣческая натура, насколько мы ее знаемъ, не способна на что-либо подобное. Намъ известно изъ достовѣрныхъ исторій Меровингскихъ и Бургундскихъ династій, что такія времена и такие люди были, что семейные раздоры въ родѣ тѣхъ, какіе мы видимъ въ Лирѣ, происходили даже въ христіанскихъ поколѣніяхъ. Въ подобныхъ этихъ временахъ и ввѣль насъ Шекспиръ въ самой трагической изъ всѣхъ своихъ трагедій. И, можетъ быть, ни въ одной изъ нихъ не доказалъ онъ такъ осозательно все инстинктивное величие и всю оригинальность своего гenія, какъ въ этомъ отважнѣйшемъ и прекраснѣйшемъ произведениіи. Въ Макбете и Гамлетѣ онъ приводить публику сперва на границу этого міра, чтобы пріучить тонкій и образованный вкусъ ея къ жестокимъ нравамъ тѣхъ людей. Въ Гамлетѣ онъ изобразилъ человѣка, опередившаго суровое время, въ которое онъ живѣлъ, а въ Макбете—человѣка, закоснѣвшаго въ грубости и жестокости, не смотря на то, что пробылъ часть укрощенія и умягченія

ния нравовъ. Въ Лирѣ онъ заставляетъ насъ проникнуть въ самую среду этого времени и показываетъ намъ цѣлое поколѣніе, одержимое необуздаными страстями, проявляющимися во всѣхъ его движеніяхъ и дѣйствіяхъ. Чувственность управляетъ этими людьми, они не знаютъ голоса разсудка и совѣсти. Это же самое языческое поколѣніе изобразилъ Шекспиръ и въ Цимбелии, только въ менѣе отдаленномъ періодѣ. Въ противоположность Лиру онъ выставилъ намъ рѣдкихъ людей, въ которыхъ героическая понятія и нравственная энергія поборяютъ броженіе крови, свойственное тому времени. Значить, онъ съ намѣреніемъ представлялъ намъ въ Лирѣ такія плодовитыя и многостороннія страсти во всѣхъ ихъ видахъ и со всѣми ихъ отраслями. Слѣдовательно алодѣйства герцога Карнавальскаго, грубость и вспыльчивость Кента, дѣтскую неблагодарность и черствость сердца дочерей Лира, неестественный разрывъ кровныхъ связей, Шекспиръ не помѣстилъ бы безразлично въ какую-либо изъ своихъ трагедій. Ни въ какомъ другомъ его произведеніи нѣтъ столько безнравственныхъ людей, нарядка только встречаются у него такія отдѣльныя личности, какъ напр. Яго, Ричардъ.

«Время дѣлаетъ людей», говорить Эдмундъ, «мечу не подобаетъ жалость». — Таково было и мнѣніе поэта, и не только вѣ-отношеніи къ этому желѣзному вѣку, гдѣ динаміе страстей и преступленій достигаютъ гигантскихъ размѣровъ. Надобно, чтобы зритель при первомъ взглядѣ на сцену получалъ осознательное понятіе о вѣкѣ, въ которомъ происходитъ дѣйствіе. Такъ сказали, что Лиръ не имѣть необходимости въ костюмахъ; нельзя сказать ничего наѣнѣе. Намъ кажется, что если бы въ Лирѣ сцена представляла дворцы во вкусѣ рококо и еслибы актеры были одѣты въ блестящіе Испанскіе костюмы, то всякая иллюзія была-бы уничтожена, — тогда-какъ характеристическая, безъискусственная архитектура домовъ, дикая и пустынная мѣстность, грубость, соединенная съ восточной пышностью въ украшенияхъ и одеждахъ, даютъ намъ сейчасъ общее

понятие о месте и времени действия, равно-какъ о нравахъ действующихъ лицъ. Шекспиръ, во время которого не были известны эти декорационныя выгеды, самъ находилъ необходимымъ приглагать такимъ-образомъ зрителей и читателей. Такъ и въ Лирѣ Глостерѣ изображаетъ свое время, говоря: «любовь холодаеть, дружба расторгается, братъ идеть на брата, въ горахъ возникаютъ бунты, въ дворцахъ гнѣздится измѣна, въ селеніяхъ живеть несогласие, связь отца съ сыномъ разрушена; мой сынъ, прибавляетъ онъ, идеть противъ меня, король отвергаетъ свое дѣтище; идуть на насъ коварство съ несогласиемъ, измѣна и разрушительные беспорядки». И действительно, это главныя черты картины, которая развертывается предъ нами. Это вѣкъ язычества, оттого страсти и получаютъ такой ужасный характеръ. У Лира и Эдмуида природа играетъ главную роль; случай и сила одни управляютъ поступками. Лучшія личности не сознаютъ въ себѣ той силы воли, которая, посредствомъ нравственныхъ правилъ, обуздываетъ страсть; всѣ они привыкаютъ природѣ и закѣдамъ роковое влияніе на людей и ихъ поступки. Солнечный и лунный затмѣнія, по словамъ Глостера, поражаютъ страшные бичи народные. Честный и прямодушный Кентъ въ различіи, существующемъ между дочерьми Лира, видѣть доказательства того, что не воспитаніе и даже не наследственная кровь обраваютъ характеръ людей, а что склонныя звѣзды ими управляютъ. Самый жалѣй всѣхъ действующихъ лицъ, Эдмуильтъ, одинъ ясно мыслить и смыкается надѣять этимъ лоекимъ измѣнениемъ людскихъ перековъ. Это отъ того, что онъ сознаетъ въ себѣ внутреннюю силу воли, но онъ обращаетъ ее на безнравственные поступки. Давая полную волю своимъ страстямъ, слѣдя безъ малѣйшаго колебанія и безъ малѣйшаго угрызенія совѣсти внушеніямъ своего инстинкта и своимъ дурныхъ ваклюнностей, онъ дѣйствуетъ сообразно съ понятіями и нравами общества, къ которому принадлежитъ. Это---время, о которомъ Макбетъ сказалъ: если убийство удаляется, то это хорошо: Совѣсть никогда не про-

сыпается въ душахъ этихъ людей; ни прежде, ни послѣ, ни во время преступлія они не чувствуютъ раскаянія. Ни одна боязливая мысль о послѣдствіяхъ не удерживаетъ руки ахуды. Предъ нами ни Макбетъ или Гамлетъ съ возбужденной фантазіей, съ робкимъ воображеніемъ, съ нѣжнымъ настроениемъ сердца и съ возвышенной нравственной природой, ни дочери Лира, ни Эдмунъ, ни Кориwall, ни Освальдъ, даже умирая не чувствуютъ и тѣни угрызеній совѣсти. Благородныя натуры Лира и Глостера, претерпѣвая естественное наказаніе за свои проступки, впадаютъ въ отчаяніе: одинъ сходить съ ума, другой смотрѣть на людей, какъ на существа, созданныя для забавы боговъ. То-же говорить и Макбетъ, когда, впадая въ отчаяніе, переходить отъ вѣрованія въ преимущество будущей жизни надъ настоящей къ убѣждѣнію, что эта обѣтованная жизнь не болѣе, какъ вымыселъ, какъ тѣнь. Вся человѣческая натура въ этомъ поколѣніи состоитъ изъ крайностей. Доброта, прямодушіе, вѣриность, скромность, самообладаніе не знаютъ себѣ предѣловъ. Это—человѣчество, которое не имѣло еще за собой уходу, не созрѣло для закона и образования. Это—поколѣніе, въ которомъ человѣкъ не болѣе, какъ «голове двуногое животное», какъ существо грубое, только-что вышедшее изъ рукъ природы и не успѣвшее выйти изъ первобытнаго состоянія. Въ этомъ положеніи семейство предписывается первые законы. Кровныя связи вездѣ одержимы верхъ надъ своеокрыстыемъ, честолюбіемъ и эгоизмомъ. Но здѣсь разорваны даже эти священные узы природы. Вспыльчивый отецъ, намѣреваясь всемъ пожертвовать своимъ дѣтямъ, пожинаетъ мнимую и действительную неблагодарность. Въ яности онъ прославѣдаетъ правдивость и исполненіе долга и осыпаетъ благодѣяніями лесть и ложь, которая ему приготовляютъ страшный страданія. Кроткій отецъ воспитываетъ змѣю, незаконнаго сына, который стремится погубить его посредствомъ законнаго сына. Братъ идетъ противъ брата, дѣти—на родителей, родители—на дѣтей, супруги преслѣдуютъ другъ друга — вотъ странное

изображение въ высшей степени возбужденного человѣчества! Эти семейные раздоры составляютъ средоточіе трагедіи. Съ первого взгляда кажется, что дѣтская неблагодарность служить ей основаниемъ, но на дѣлѣ мысль этого произведения гораздо обширнѣе; семейныя распри составляютъ скорѣе форму, нежели сущность піесы. Онѣ только увеличиваютъ ужасъ содержанія; подобныя же отношенія между людьми, не соединенными родствомъ, не имѣли бы той силы. Это дѣйствіе, вложенное въ недра семействъ, по словамъ Шлегеля, «является, какъ возможтительный переворотъ въ нравственномъ мірѣ; изображеніе достигаетъ гигантскаго размахъ и наводить на странную мысль, что небесныя свѣтила вышли изъ предназначенаго имъ пути». Если справедливо, что изображеніе страсти, переступающей за предѣлы естественныхъ и нравственныхъ границъ человѣчества, составляетъ задачу трагедіи, то нигдѣ нельзѧ найти большаго подтвержденія этой мысли, какъ въ Лирѣ; въ немъ идея эта сдѣлана общей. Въ другихъ трагедіяхъ дѣйствуетъ одна страсть, здѣсь представлены всѣ страсти вообще, такъ что всякий болѣе или менѣе глубоко-мыслящій читатель найдетъ пропричнымъ называть трагедію жат' «Сохѣнъ». Нѣть другой піесы, въ которой-бы всѣ дѣйствующія лица были одинаково подвержены порывамъ сильныхъ чувствъ, душевнымъ волненіямъ и неотразимымъ побужденіямъ. Чтобы это ясно себѣ представить, стонѣть только разсмотрѣть главныя лица піесы. Есть-ли изображеніе ужаснѣе того, которое представляеть намъ Гонерилью, преисполненную постыднаго желаніемъ, когда она, въ присутствіи мужа, оспариваетъ Эдмунда у своей сестры вдовы, — Эдмунда, который, отдавъ у отца и брата ихъ имѣніе, ищетъ любви обѣихъ дочерей Лира, чтобы посредствомъ ея овладѣть достояніемъ ихъ мужей. Ничего нѣть подобнаго яости Корнвалья, когда онъ въ изступленіи вырывается глаза у человѣка, у кото-раго только-что искалъ убѣжища, и злости Реганы, подстрекающей его къ злодѣянію. А что можетъ быть оживленѣе картины основательнаго гибнва и негодованія Кента, разражают-

мущихся надъ несправедливыми словами и дѣлами, вопреки Лиру и вопреки низости хозяина дома? Или той картины, гдѣ невольная ярость охватываетъ слугу Корнвалья при видѣ его злодѣянія и побуждаетъ его къ убийству герцога? Ничто никогда не изображало такъ отчетливо страсть цѣлаго поколѣнія, какъ тѣ минуты въ пьесѣ, въ которыхъ неестественная и злая дѣла возбуждаются гнѣвъ въ кроткихъ и смиренныхъ натурахъ. Таковы минуты, гдѣ добрый Глостеръ въ пылу ищѣнія проклинаетъ Регану, выгнавшую отца въ бурю столь ужасную, когда, «слѣдовало бы и волка укрыть, еслибы онъ завыль у воротъ». Или гдѣ благородный Альбани боится дать волю рукамъ, чтобы не разорвать Гонерилю, за то, что она довѣла до сумасшествія отца, «котораго сѣдины самый медведь лизалъ бы съ ласкою». Но изъ всѣхъ этихъ личностей выдается личность Лира, давшаго трагедіи свое название.

Король Лиръ, въ преклонныхъ лѣтахъ и въ разстройствѣ умственныхъ силъ, не забываетъ того времени, когда онъ былъ «королемъ отъ головы до ногъ» и когда передъ мечемъ его враги обращались въ бѣгство; даже въ сумасшествіи проглядываютъ въ немъ лучи его могучаго и геройскаго духа. Величіе озаряетъ его чело, когда онъ спокоенъ; когда-же онъ сердится, глаза его мешутъ моліи и взглядъ заставляетъ трепетать подданныхъ. Если уже самый санъ его и положеніе не допускали противорѣчій, то ихъ еще менѣе сносить его темпераментъ. Онъ всегда былъ экспрессионистъ; онъ и въ староѣ время былъ горячъ не въ мѣру и всегда худо зналъ самого себя», говорятъ его дочери. Всѣ лучшія и самыя благоразумныя его дѣла были слѣдствіемъ исключительнаго и живаго характера. Таковъ былъ его нравъ; его развитію немало способствовали несущество и никогда не покидавшее его счастіе, которое отдало отъ него даже всякую мысль о горѣ. Такой отецъ, возвуждалъ въ дѣлахъ зомъ и лацемѣре, приготовлять себѣ въ никъ наказаніе; лесть, въ свою очередь, еще болѣе развивала раздражительность и упрямство. Брошенный

эгоизъ, хотя бы онъ былъ самаго привѣтливаго свойства, укореняясь, доходить до крайнихъ предѣловъ; у Лира онъ развивается вслѣдствіе притворнаго боготворенія его двухъ дочерей и особенно вслѣдствіеискренней и нѣжной привязанности Корделии. Эта неприступность короля, въ-отношении его подданныхъ и родственныхъ ему лицъ, была недостаткомъ природы, усилившимся отъ привычки; естественно, что отъ старости и сопровождающихъ ее слабости и чувствительности, упрямство это и вспышчивость развились еще болѣе. Представивъ себѣ такого человѣка, еще переполненнаго страсти и энергией, и представивъ себѣ его не только членомъ, но и вождемъ геройскаго времени, въ которое онъ живъ, мы легко поймемъ его поступокъ въ первой сценѣ, возбудившей столько различныхъ толковъ. Гѣте называлъ эту сцену нѣльной; намъ кажется, что она такъ-же правдива и естественна, какъ все, что написалъ Шекспиръ. Вопросъ лица о степени любви къ нему его дочерей быть для поэта фактъ, который онъ считалъ неприкосновеннымъ. Онъ не счелъ нужнымъ сдѣлать его правдоподобиѣ, изобразить иначе, чѣмъ онъ изложенъ въ древней драмѣ, а предоставилъ зрителю и самъ его воображенія изъяснить себѣ обычами и нравами того времени, равно-какъ и преклонными лѣтами короля, это странное вступленіе къ раздѣлу наслѣдства. Король хочетъ отдать свое государство и свой санъ во власть дочерямъ. При его характерѣ, это — настѣящее самоотверженіе и доказательство полнаго довѣрія и любви. Онъ хотѣлъ бы получить, хотя на словахъ, благодарность за свою жертву; эгоизмъ, скрывающейся даже въ его любви и самоотверженіи, рождаетъ въ немъ желаніе порадоваться выражениями любви и благодарности дочерей. Укоренившаяся привычка власти, говорить Кольриджъ, заставляетъ его выражать это желаніе определеннымъ требованіемъ. И вдругъ его любимое дитя, бывшамъ его старости, дочь, на заботы которой онъ преждевременно расчитывалъ, произноситъ въ многочисленномъ собраниі холодное «Начего». Стыдъ и разочарова-

ніє овладѣвать королемъ; вся его страстная, необузданная натура, невластная сдерживать волненія крови, вырывается наружу въ страшномъ потокѣ ярости. Онъ отдаеть всѣ свои владѣнія старшимъ дочерямъ, для того, поясняетъ древняя драма, чтобы закрыть себѣ всякую возможность къ примиренію. Онъ изгоняетъ върнаго Кента, который осмыливается ему противорѣчить, и отвергаетъ съ ненавистью нѣкогда любимое дитя. Онъ безъ труда удаляетъ герцога Бургундскаго, сватавшагося за Корделію; королю Французскому, другому ея жениху, совѣтуется покинуть ее, но, видя его безкорыстіе, отдаетъ ему дочь «съ приданнымъ гнѣва своего». На самого себя онъ призываетъ страшное проклятие, которое впослѣдствіи исполняется: «Да успокоюсь я только въ могилѣ, если не лишу ее родительской моей любви».

Онъ самъ впослѣдствіи прекрасно характеризуетъ гнѣвъ, который въ эту минуту кипитъ въ его душѣ: «Небольшая вина Корделіи сдвинула съ мѣста все зданіе моей природы и, извлекши изъ моего сердца всякую любовь, обратила его къ желчи». Жалкій приговоръ, которымъ онъ изгоняетъ Корделію, несолько не вредитъ этой сценѣ. Вспыльчивость въ томъ и состоитъ, что производить сильныя душевныя потрясенія безъ достаточныхъ къ тому прочихъ. Авторъ вполнѣ понималъ это, и потому противопоставилъ яростной вспышкѣ Лира основательный и справедливый гнѣвъ прямодушнаго Кента, который громко упрекаетъ короля въ несправедливости и на угрозы его отвѣчаетъ: «Убей врача и мерзкій свой недугъ считай здоровьемъ».

Этотъ недугъ вскорѣ поражаетъ престарѣлаго героя: наказаніе за проступки юности и за вспыльчивость, достигшую крайнихъ предѣловъ въ сценѣ раздѣла наслѣдства, начинаетъ его преслѣдоватъ. Долгое прятворство старшихъ дочерей, поддерживаемое властолюбиемъ отца, внезапно исчезаетъ. Онѣ отрекаются отъ дѣтской любви и замѣняютъ лесть черной неблагодарностью. Прежде онѣ льстили ему, какъ собаки, и согла-

шались съ каждымъ его словомъ; теперь онъ видитъ слишкомъ поздно, что это съ самого начало были злыя дѣла. Еще недавно ясныя лица омрачаются; получивъ отъ отца власть и могущество, дочери хотятъ лишить его послѣдняго достоянія; онъ унижаютъ его, съ презрѣніемъ упрекаютъ за старческія пріхоти и за умственное разслабленіе и безстыдно преслѣдуютъ его словами и дѣлами. Съ первого взгляда обѣ сестры могутъ показаться совершенно одинакового характера: онъ скожи между собой, какъ двѣ еловыя шишки, говорить шутъ (*) но, разсмотрѣвъ внимательно, мы находимъ между ними огромную разницу. Старшая, Гонерилья, съ волчьими глазами и съ мрачной повязкой угрюмости на чеъ, одарена самостоятельной, мужской натурой. Регана болѣе женственна, пассивна, зависима и дѣйствуетъ по внушению сестры. Необузданый (*unbordered*) нравъ Гонерильи дѣлаетъ ее истой дочерью этого страшного вѣка и проявляется въ жестокихъ замыслахъ, которые возникаютъ въ ея собственной головѣ. Злая натура Реганы, напротивъ, способна только чужія жестокости развивать и усиливать какъ тамъ, гдѣ сажаютъ Кента въ колодки или гдѣ осѣпляютъ Глостера. Худшая изъ нихъ за мужемъ за благороднымъ Альбани, котораго она считаетъ нравственнымъ дуракомъ, а на крѣость и спокойствіе котораго смотритъ, какъ на изнѣженность; впослѣдствіи однако онъ выказываетъ свою силу и мужество, и покоряетъ ее. Менѣе злая имѣть худшаго мужа съ раздражительнымъ характеромъ, не терпящимъ препятствій и возраженій. Гонерилья играетъ роль владычицы надъ Альбаномъ, который сознаетъ ея дальновидность и склоняется отъ споровъ, пока не узнаетъ ее вполнѣ. Она преслѣдуєтъ свою цѣль для себѧ, едва слушаетъ мужа, едва удостоиваетъ его отвѣтомъ. Регана-же вполнѣ послушна угрюому и вспыльчивому Корнваллю и покорна его твердой и непреложной волѣ. Уже въ первой сценѣ (I, 1) Гонерилья является зачинщицею, а Регана — ея от-

(*) Въ переводѣ Дружинина: «einъ одного поля ягодки».

голосомъ. Да же она мечтаетъ действовать противъ короля, обходитъ съ нимъ не такъ почтительно, какъ прежде, умѣшиваетъ до половины его свиту, тогда-какъ боязливая Регана сначала старается смягчить его. Но сестра виновата въ еще болѣе страху, чѣмъ отецъ, и она допускаетъ оскорбить лучше посланного Лира, нежели слугу Гонерильи. Послѣдней известна эта слабость, и потому она не довольствуется письмомъ, а самаѣдетъ, чтобы настроить сестру на известный образъ дѣйствій. Регана не умѣеть, подобно Гонерильѣ, торопливо защищать жестокими и обидными словами; взглядъ ея изъ-подъ лобъя не такъ пронзителенъ; она уговаривающе, мягче, скрытнѣе. Самъ Лиръ не вполнѣ ее понимаетъ, и въ судѣ, который онъ въ безуміи производитъ надъ дочерьми, онъ хочетъ анатомировать ея сердце. Она простодушно говоритъ отцу вещи аѣе Гонерильи и, не смотря на то, Лиръ удерживается отъ проклятія, которое дважды призываетъ на старшую дочь. Гонерилья стоитъ передъ нимъ холодная, какъ мраморъ; Регана же ужасъ боится навлечь на себя что-нибудь подобное. Но когда Гонерилья вполнѣ выказываетъ свое бесстыдство и жестокость, то и Регана дѣлается смѣлье и отсылаетъ всю свиту короля; его одного хочетъ она сдерживать. Желая, чтобы старикъ вкусили плоды своего управлѣнія и своей опрометчивости, Гонерилья приказываетъ Глостеру не удерживать его, не смотря на приближающуюся бурю; Регана, опять послушная волѣ сестры, подтверждаетъ ея слова. Затѣмъ начинаются тайные раздоры между обѣими сестрами и ихъ семействами. Гонерилья составляетъ обширные замыслы; дурное обращеніе съ отцемъ было только началомъ ея злодѣйствій. Она хочетъ овладѣть всѣмъ государствомъ, еще при жизни мужа влюбляется въ Эдмунда, радуется смерти Корделии, за одно съ Эдмундомъ приказываетъ умертвить Корделию и находецъ убиваетъ себя, когда Альбани приходитъ въ ужасъ отъ ея злодѣйствій и ея неестественнаго отреченія отъ своего рода и семейства. Регана гораздо простодушнѣе. Она облигается съ Эд-

мудромъ только вслѣ смерти Киривалы, довѣрчиво вручаетъ письмо къ нему подозрительному слугѣ Гонеральи и наконецъ умираетъ отъ яду, незапятнанная столь беззакемными дѣлами, каковы дѣла ся сестры. Вообще во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Регана является умѣреніе Гонеральи, замыслы которой не выйдутъ границъ. Жестокости этихъ дочерей обращенные на Лир, служить къ развитію его характера, отчего и составляютъ средоточіе трагедіи, не только по смыслу преданія, но и по идеи, которую авторъ въ нее влагаетъ. Страстная натура человѣка, стоящаго во главѣ своего вѣма, предстаетъ предъ нами въ страшной и вѣмитальной силѣ. И это изображено такими рѣзкими чертами, что почти не требуетъ поясненій. Мы обратимъ вниманіе только наѢкоторыя мѣста піесы, въ которыхъ особенно ярко проявляется въ нашемъ герое недостатокъ самообладанія и неувертимость страстей, возбуждающихъ въ немъ страданіе, и несвязность тѣхъ, которыя управляемъ его поступками. Въ началѣ, когда Лиръ примѣщаетъ первыя пренебреженія, онъ не хочетъ въ нихъ соаваться въ обвиняетъ себя въ подозрительности; но такъ-какъ и прислуга его замѣщаетъ то-же, то онъ дѣлается раздражителенъ. Дерзкій поступокъ дворецкаго, Освальда, окончательно раскрываетъ ему глаза, онъ выходитъ изъ себя и до того забываетъ, что бѣть его. Должно предполагать, что еслибы Лиру не смирился явно-оказывали пренебреженіе, то онъ многое смѣсь-бы молчалъ.

Какъ всегда, въ вспыльчивостью послѣдовала спокойствіе: старикъ молчалъ и задумчивъ. Онъ уже видѣть, какъ опротивично поступилъ, отдавъ все дочерамъ. Рассказаніе въ дурманѣ обращеніе съ Корделіей начинается его мучить и лжь овладѣваетъ непреодолимое желаніе снова увидѣть дочь, возлѣ которой онъ былъ-бы въ безопасности. Сѣданія дурмана объ изгнаніи Корделіи пробуждаютъ въ немъ этотъ первый лучъ рассказія, а шутки его гораздо болѣе наводятъ на мысль о важности проступка, нежели развлекаютъ короля. Но не долго длится это спокойствіе; его уничтожаетъ неблагодар-

ность дочерей. Гонериля внезапно сбрасывает съ себи ли-
чию и это мгновеніе потрясаетъ до основанія нравственную и
физическую силу короля.

Въ этой и въ первой сценѣ, гдѣ энергія Лира еще не раз-
бита и его кругому нраву не нанесенъ ударъ, актеръ долженъ
употребить въ дѣло всю свою силу. Его заблужденіе въ са-
момъ себѣ и въ дочери, странное истолкованіе ея словъ, во-
просъ о томъ, какъ ее зовутъ—все это предвозвѣстники позд-
нѣйшаго безумія. Гонериля еще ничего не сдѣлала; она толь-
ко просила его объ уменьшеніи свиты, и Альбани увѣряетъ въ
своей невинности, а Лиръ уже разразился надъ первородной
дочерью въ страшномъ проклятіи, которому нѣть равнаго ни
въ какой другой трагедіи, ни даже въ Эдипѣ. Потомъ, въ-при-
сутствіи Реганы, онъ повторяетъ это проклятіе съ новой си-
лой. Имъ овладѣваетъ ярость, смѣшанная со стыдомъ при мы-
сли, что неблагодарность дочери до слезъ потрасла его муже-
скую натуру. Воспоминаніе это преслѣдуетъ его даже въ бе-
зуміи. Въ немъ возникаетъ желаніе поссорить дочерей, силой
отнять у Гонерилии ея часть наслѣдства и, явясь ей въ образѣ
государя и мстителя, наполнить землю страшными дѣлами. Эта
необузданная ярость, овладѣвающая Лиромъ при первомъ
оскорблѣніи, прибавляетъ новую ошибку къ его прежнимъ про-
ступкамъ въ-отношениіи дочерей: будь въ Гонерилии еще искра
чувства, отецъ погасилъ бы ее своимъ безразсуднымъ прокля-
тиемъ. Лиръ пріѣзжаетъ къ замку Глостера и видѣтъ въ ко-
лоднахъ своего посланнаго, Кайоса; гдѣсь опять вачинаетъ
волновать его душу. Онъ ищетъ Регану, а она его избѣгаєтъ;
онъ требуетъ ея мужа, Глостеръ извиняетъ его отсутствие
иездоровьемъ и «вспыльчивымъ правомъ». Этотъ простой от-
вѣтъ вызываетъ новый порывъ ужасной ярости. Короля воз-
мущаетъ не столько неуваженіе дѣтей, сколько то, что въ его
присутствіи смѣютъ упоминать о горячемъ темпераментѣ Корн-
вalla. Это одно изъ самыхъ характеристическихъ есть въ
пьесѣ и прекрасно изображаетъ бурную натуру Лира. Въ этой

послѣдней вспышкѣ энергія его разбивается; броженіе крови и гибельные порывы улегаются. Ковалось-бы, что въ душѣ его происходит борьба разсудка и воли съ внушаемыми страстей, чо на дѣлѣ у него не хватаетъ силъ. Онъ страшится, что струны его сердца порвутся и ихъ нельзя болѣе напрягать. Онъ изнемогаетъ и не въ-состояніи проклясть Регану. Его смягченный гнѣвъ выражается въ сарказмахъ и онъ унижается до слезъ и просьбъ. Передъ Гонерильей онъ владѣлъ еще своими силами и стыдился слезъ; теперь онъ тщетно призываетъ «благородный гнѣвъ» и слезы невольно выступаютъ на глазахъ. Уже въ сценѣ съ Гонерильей онъ молитъ боговъ защитить его отъ безумія, которое въ старомъ человѣкѣ должно быть естественнымъ слѣдствіемъ напряженія силъ; теперь онъ чувствуетъ себя гораздо ближе къ тому состоянію, котораго такъ опасался. Передъ нами развертывается картина изумительного великолѣпія и грознаго величія: беззащитный, слабый старикъ, жертва своего упорства, изгнанъ неблагодарными дочерьми. Въ страшную бурю, не имѣя убѣжища, съ открытой головой блуждаетъ ницій король, брошенный судьбой изъ нѣдръ счастія подъ иго бѣдности, нужды и разъяренной природы. Буря, бушующая въ его сердцѣ, дѣлаетъ его нечувствительнымъ къ физическимъ страданіямъ. Драматическое искусство не производило ничего подобнаго сценамъ, въ которыхъ Лиръ бредитъ въ степи вмѣсть съ Эдгаромъ, выдающимъ себя за сумасшедшаго, и съ шутомъ, который съ сокрушившимъ сердцемъ старается выполнить еще свою должностъ. И эти сцены ничуть не рѣзки; онъ не возбуждается ни ужаса, ни отчаянія; впечатлѣніе, ими производимое, глубоко, но не мучительно. Надобно только, чтобы игра актеровъ была искусна и правильна, чтобы Эдгаровы рѣчи въ-сторону произносились ясно и чтобы мимика достаточно предуготовляла послѣднія слова шута, выражающія всю горечь души вѣрнаго слуги. Безуміе короля обнаруживается вполнѣ только при страшной встречѣ съ Эдгаромъ; и это такъ вѣрно природѣ, что не требуетъ подтвержденій, хотя опытъ

можетъ ихъ доставить. Поэты не приковалъ разстроенное воображение Лира къ одной идеи (*idée fixe*). Это легко можетъ показаться вначалѣ, когда король находится еще только на пути къ безумію и безпрестанно обращается къ мысли о неблагодарности дѣтей. Но теперь его мучить горечь ищѣніи и онъ упрекаетъ себя за то, что въ счастіи мало думалъ о бѣдныхъ, которые подобно ему скитаются подъ бурей безъ крова и одѣжды. Въ этой послѣдней мысли проявляется его безуміе: онъ рветъ съ себя одежду, чтобы походить на «голое двуногое животное» — Эдгара, который внезапно является ему въ ту самую минуту, когда онъ думалъ о несчастныхъ и беззащитныхъ. Еще преслѣдуетъ Лира мысль о ищѣніи; укоренившееся упорство и страсть не покидаютъ его и тутъ. Онъ желаетъ, чтобы «тысячи вѣхъ духовъ бросились на его дочерей съ калеными копьями, проня и угрожая»; онъ судить ихъ, призывая свидѣтелей, судій и солдатъ съ алебардами и мечами. Но поэты не останавливаетъ мыслей безумного короля на этомъ характеристическомъ изображеніи. Еслибы Лиру дана была возможность отмстить дочерямъ и удовлетворить такимъ образомъ влеченіе страсти, мысли его обратились бы на другой предметъ; но горькое чувство без силы заставляетъ его довольствоваться словами ищѣнія. Подвижность и раздражительность его темперамента не позволяютъ ему долго останавливаться на одномъ и томъ-же предметѣ; только созерцательныя, спокойныя натуры могутъ помышляться на одной идеи (*idée fixe*). Идея ищѣнія много занимаетъ Лира, но не овладѣваетъ имъ вполнѣ; у него бываютъ свѣтлыя минуты; здравый смыслъ и безуміе перемѣшаны въ его рѣчахъ. Иногда кажется, что сумасшествіе Лира, подобно мнимому помышленству Гамлета, употреблено Шекспиромъ для сатирическихъ видовъ. Тамъ напр., гдѣ онъ въ собакѣ видитъ власть и гдѣ говоритъ: «Закуй злодѣя въ золото, стальное конѣ закона сломится безвредно, одѣнь его въ лохмотья — и погибнетъ!» — и далѣе «Нѣть въ мірѣ виноватыхъ, я заступлюсь за всѣхъ!» Но это не болѣе, какъ порывъ

правственного отчаянія, который прекрасно характеризуетъ человѣка, разбитаго лѣтами и алюпоточіемъ,—человѣка, котораго могущество, сила и счастіе разрушены явленіями нравственнаго міра. Въ этомъ крайнемъ умственномъ физическомъ разстройствѣ авторъ выводить на сцену Лира вмѣстѣ съ Глостеромъ, который находитъ въ такомъ-же положеніе. Гибкій и кроткій нравъ Глостера склоняется подъ бременемъ лѣтъ и страданій; твердая, заняленная натура Лира, способная ко всякаго рода напряженіямъ, въ бѣдствіи и безумії пріобрѣтаетъ новую энергию, пока наконецъ вполнѣ не изнемогаетъ. Тогда за исцеленіемъ силъ сгѣдуетъ спокойствіе, а съ спокойствіемъ — выздоровленіе.

Кентъ и шутъ не покидаютъ Лира въ несчастіи; одинъ соединяетъ его съ Корделіей, другой старается отвлечь отъ грустныхъ мыслей и удерживать отъ помѣшательства. Оба отличные люди, но вполнѣ дѣти своего вѣка. Они составляютъ противоположность Эдмунду и подобныемъ ему дѣйствующимъ лицамъ; но не общему характеру изображаемаго положенія. Ихъ натура и природныя побужденія лучше, чѣмъ у другихъ; ихъ любовь и приверженность къ королю могла-бы устыдить его дочерей. Извиненный Кентъ забываетъ оскорблениѣ и продолжаетъ вѣрою служить своему господину. Шутъ награждаетъ его за то своимъ колпакомъ, а самъ между-тѣмъ продолжаетъ играть роль дурака и старается пѣснями и шутками заглушить тоску, которая терзаетъ его сердце. Но, не смотря даже на это самообладаніе, оба вѣрные слуги вполѣ привадживаютъ своему вѣку; необдуманными поступками и словами они расправляютъ душевныя раны Лира и увеличиваютъ его бѣдствія. Съ самого начала, меткія шутки дурака не развлекаютъ короля, а наводятъ на мучительныя мысли; даже во время изгнанія и въ бурную ночь онъ не прекращаетъ своихъ извѣтственныхъ выисканій. Эти шутки введены сюда Шекспиромъ съ эстетическою цѣлью отвлекать зрителей отъ горестныхъ чувствъ, возбуждаемыхъ умственнымъ разстройствомъ и несчастнымъ

и положениемъ Лира; онъ психологически задуманы и вполне соответствуютъ своему назначению. Таковы-же и дѣйствія премодушнаго Кента. Основательный гневъ его противъ Лира въ первой сценѣ выказываетъ въ немъ вѣрнаго и правдиваго слугу, но увеличиваетъ венчальчивость упрямаго короля. Низкопоклонный духъ дворецкаго Освальда, котораго ни грубость, ни дурное обращеніе не могутъ вывести изъ себя, возвышающій еще болѣе энергию правдивости и вѣрность Кента, но въ то-же время доказывающій въ немъ недостатокъ смыщенности. Его, хотя и справедливый гневъ, также неумѣстенъ, какъ Лиррова ярость, и поддерживаетъ дурныя отношенія короля къ дочерямъ. Дѣятельность его въ-отношениіи къ королю неутомима; онъ помогаетъ ему въ бѣдствіи, жертвуясь собой и наконецъ умираетъ отъ избытка преданности. Но, не смотря на всѣ эти многоразличныя заслуги, онъ ничего не дѣлаетъ для внутренняго успокоенія Лира, онъ вредить ему уже тѣмъ, что скрываетъ свое настоящее имя. Окончательное спасеніе бѣднаго безумнаго скитальца короля возлагается на Корделію. Но прежде, чѣмъ мы станемъ говорить объ этомъ, скажемъ, для большей ясности, нѣсколько словъ объ эпизодѣ Глостера.

Ссоры, разъединяющія семейство Глостера, очень схожи съ расприами Лира и его дочерей, хотя происходятъ отъ совершенно различныхъ характеровъ. Добрый, кроткій, суевѣрный, легкой нравственности и недальняго ума Глостеръ, какъ и Лиръ, служитъ самъ причиной своего несчастія. У него есть незаконный сынъ, который долженъ ему отмстить за нарушение супружескихъ клятвъ. Воспитаніе, данное этому сыну, и положеніе его въ семействѣ немало способствуютъ къ его ожесточенію. Внродолженіе девяти лѣтъ Глостеръ держалъ его вдали отъ своего дома, а теперь опять хочетъ удалить. Онъ стыдится Эдмунда и говорить это постороннимъ, не стѣсняясь его присутствиемъ. Тайные замыслы этого незаконнаго сына направлены сначала на Эдгара, законнаго и старшаго сына Глостера, а потомъ обращаются на самого отца, кото-

рый легкомысленно дѣлается игрушкой его. Шекспиръ воспроизвелъ въ Эдмундѣ главныя черты характера Ричарда III и Яго; это скорѣе легкій эскизъ, нежели вполнѣ обработанный и развитой характеръ. Онъ придалъ ему умышленную злобу и ожесточеніе Ричарда, съ тою разницею, что его ожесточаетъ ложное положеніе въ обществѣ и въ семействѣ, тогда-какъ Ричардъ озабоченъ своей некрасивой наружностью. Подобно ему, Эдмундъ стремится (но только никому о томъ не говоря) къ королевской власти. Для этого онъ вноситъ раздоръ сначала въ свое семейство, а потомъ въ семейства обѣихъ дочерей Лира, возбуждая ихъ любовь къ себѣ, и наконецъ онъ за одно съ Гонерильей приказываетъ умертвить Лира и Корделию. Съ этимъ не огромнымъ честолюбиемъ Эдмундъ соединяетъ холодный разсудокъ и своеокрыстную разсчетливость Яго, его материальный взглядъ на вещи, пронырливость, ловкость, съ которой онъ быстро достигаетъ цѣли, и наконецъ равнодушіе къ способамъ, лишь-бы они были ему полезны. Сначала онъ хочетъ обмануть отца посредствомъ разговора съ Эдгаромъ, но простодушіе послѣдняго внезапно наводитъ его на мысль лучше дать ему возможность услышать свой разговоръ съ отцемъ и онъ удаляетъ его подъ предлогомъ неожиданнаго пріѣзда Карнавалія. Такъ и далѣе вездѣ дѣйствуетъ онъ съ удивительнымъ искусствомъ, крѣпко держась своей цѣли и ловко управляемъ хитросплетенными замыслами. Желая избавиться отъ отца, онъ съ изумительнымъ хладнокровіемъ открываетъ Корнваллю его сношенія съ Францией. Какъ воинъ и шпіонъ, Эдмундъ оказывается Англія важныя заслуги и даже вызываетъ ими похвалы Альбани. Онъ вполнѣ предается воинской славѣ; отуманенный успѣхами, онъ забываетъ свою обычную осторожность, вступаетъ, вопреки истинѣ и справедливости, въ бой и падаетъ подъ ударами меча своего брата. Въ умирающемъ проглядываетъ лучъ чувства: «я былъ любимъ!» говорить онъ; въ немъ пробуждается сожалѣніе къ Лиру и Корделии, но пробуждается вѣшнимъ образомъ, посредствомъ воспоминанія и

то вопреки ему самому. Онъ умираетъ, какъ дочери Лира, ожесточенный и безъ раскаянія. Влиянию этого сына Глостеръ вполнѣ подчиняется; какъ Лиръ Корделю, онъ лишаетъ наследства благороднаго Эдгара и изгоняетъ его. Какъ Лиръ, онъ довѣрчиво отдается во власть неблагодарнаго дѣтинца, который постыдно измѣняетъ ему. Ослѣпленіе Глостера на сценѣ мы не беремся защищать, хотя Шекспиръ и выводитъ вслѣдъ за этимъ жестокимъ поступкомъ естественное ему наказаніе: простой неизвѣстный слуга отмщаетъ Кориваллю на самонѣть преступленія. Ослѣпленіе это Шекспиръ съ намѣреніемъ ввелъ въ свою піесу; но цѣль его была-бы и тогда достигнута, еслибы дѣйствіе проісходило за сценой. Самъ Глостеръ говоритъ: «и съ полнымъ зрѣніемъ я часто спотыкался», а Эдгаръ въ ослѣпленіи отца видѣть явное наказаніе за его обращеніе съ Эдмундомъ. Слѣдомъ и ницій Глостеръ скитаются съ отверженными сыномъ, который его водить, подобно тому, какъ Лира приводятъ къ отверженной дочери. Отчаяніе овладѣваетъ обоими, но проявляется въ различныхъ видахъ. Глостеръ, какъ и Лиръ, въ первый разъ вспоминаетъ о бѣдныхъ только когда самъ претерпѣваетъ нужду; онъ проповѣдуетъ коммунизмъ, о которомъ прежде и не помышлялъ, и умоляетъ богонь поразить несчастіемъ безчувственныхъ богачей, чтобы они, увидавъ нужду, дѣлались съ бѣдными своимъ избыткомъ; «тогда не будетъ нищеты!» восклицаетъ онъ. Равно-какъ и Лиромъ, имъ овладѣваетъ нравственное отчаяніе; король возвѣщаетъ торжество злобы и порока, а Глостеръ произноситъ страшныя слова:

«для боговъ.

Мы то-же, что для ребятишекъ мухи:
Насъ мучить — вимъ забава!»

Еще до потери зрѣнія, удрученный своимъ собственнымъ горемъ и страданіями Лира, онъ называетъ себя сумасшедшимъ; позже, при видѣ безумнаго короля, онъ завидуетъ его положенію: такъ тяготятъ его грустныя мысли! Но гибкая и мягкая натура не допускаетъ его до разстройства уи-

ственныхъ силъ. Менѣе упорный, онъ вполнѣ предается отчаянію и рѣшается на самоубийство, тогда-какъ подобная мысль ни разу не представляется воодушевленному жаждой мести Лира. Глостеръ надѣется такимъ-образомъ избавиться отъ судьбы и посыпаться надъ ея превратностями. Но его удерживаетъ отъ этого шага Эдгаръ, его гений-хранитель, сынъ, который для него то-же, что Корделия для Лира.

Теперь мы обратимся къ Эдгару, который составляетъ полную, но тѣмъ не менѣе правдоподобную противоположность изображаемаго нами страстнаго поколѣнія и который, такъ сказать, искупаетъ его жестокости. Эдгаръ, крестникъ Лира (авторъ забылъ, что дѣйствіе происходитъ въ языческомъ вѣкѣ), одаренъ беззаботной, простодушной натурой, и такъ чуждъ всякаго зла, что ни въ комъ не подозрѣваетъ его. Въ немъ не бушуютъ страсти, кровь его не волнуется и желанія умирѣны; онъ соединяетъ кротость своего отца съ болѣе обширнымъ умомъ. Несчастіе внезапно постигаетъ его, какъ Лира и Глостера. Онъ невиненъ, а отецъ его проклинаетъ и изгоняетъ; жизнь его въ опасности потому, что гавани заперты и повсюду разосланы его пріамѣты. Отдѣленный такимъ-образомъ отъ общества, онъ принужденъ взять на себѣ роль одного изъ нищихъ, которые въ то время, бродя по Англіи, выдавали себѣ за сумасшедшихъ. Не теряя присутствія духа, онъ съ удивительною ловкостью исполняетъ это. Когда онъ въ первый разъ является предъ нами въ видѣ помѣшанного, то разсказываетъ, какъ «злой духъ» гонялъ его по огню, по бродамъ и вучинамъ, по болоту и ямамъ, клялъ ему ножи вмѣсто подушекъ и кормилъ мышьякомъ; этимъ онъ кочетъ выражить, что его, какъ и отца, преслѣдовала мысль о самоубійствѣ. Это направленіе мніяго безумія Эдгара можетъ внушить мысль, что передъ нами личность въ родѣ Гамлѣтовой,—личность добродушная, болѣе способная переносить несправедливости, нежели истить за нихъ. Это—совершенно ложное понятіе; здравомыслящий юноша не видѣть ничего общаго съ болѣзникою и сентименталь-

нойатурой Гамлета. Едва увидѣть онъ страданія Лира, превосходящія его собственный бѣдствія, какъ поборяеть отчаяніе и рѣшается мужественно нести свое бремя. Подобно внимательному коричью, искусно управляющему рулемъ, онъ осторожно проходитъ чрезъ бурю, волнующую его время. Но ему готовится новый ударъ: едва успѣль онъ сказать, что находится на вершинѣ несчастія, что живетъ одной надеждой и не боится превратностей судьбы, страшныхъ только для счастливцевъ, какъ встрѣчаетъ страждущаго отца и узнаетъ объ измѣнѣ Эдмунда. Это мгновеніе не отнимаетъ у него бодрости, а напротивъ возбуждаетъ въ немъ новую энергию; изъ страждущаго несчастливца онъ превращается въ дѣятельного подвижника, хотя съ большимъ трудомъ удерживаетъ порывы горести. Онъ для своего отца то-же, что Кентъ, шутъ и Корделия для Лира. Какъ Кентъ, онъ скрываетъ свое имя и служить отцу, который его изгналъ; какъ шутъ, онъ въ гѣрѣ играетъ роль дурака, хотя дальновиднѣе его сознаеть, что это «дурное занятіе, которое себя и другикъ раздражаетъ»; наконецъ, какъ Корделия, онъ излечиваетъ отца отъ отчаянія. Среди этого одностороннаго и закоренѣлого въ грубыхъ нравахъ поколѣнія, Эдгаръ является, подобно Одиссеевскому гению, который составляетъ необходимую принадлежность всякаго героического времени; онъ въ одно и то-же время мученикъ и герой; онъ храбръ и въ высшей степени осмотрителъ; онъ растетъ съ каждымъ шагомъ. Его роль требуетъ «актера отъ головы до ногъ»; онъ вмѣщаетъ въ себѣ по-крайней-мѣрѣ шесть личностей. Сначала онъ Эдгаръ, потомъ бѣдный Томъ; заботы объ отцѣ нѣсколько выводятъ его изъ послѣдней ролї. Даѣте онъ описывать неизмѣримую глубину вымыщенной пропасти и говорить, что у него голова кружится отъ одного взгляда въ нее; когда Глостеръ бросается со скалы, онъ представляется приморскимъ жителемъ, а послѣ встрѣчи отца съ Лиромъ опять бѣднякомъ; въ сценѣ съ дворецкимъ онъ снова превращается въ поселанина; въ бою съ Эдмундомъ онъ неизвѣстный рыцарь

и наконецъ опять Эдгаръ. Во всѣхъ этихъ роляхъ онъ крайне остороженъ. Когда Глостеръ, при первой встречѣ своей съ бѣднымъ Томомъ, вспоминаетъ объ Эдгарѣ, синь еще тщательнѣе скрывается и дѣлаетъ это всякий разъ, когда ему угрожаетъ опасность быть узнаннымъ. Но это притворство не есть, какъ у Гамлета, слѣдствіе страха и раздражительности. Смерть отца, скорбь Кента, самыя сильныя ощущенія не уничтожаютъ Эдгара; онъ вступаетъ въ бой съ Эдмундомъ и побѣждаетъ его. Это самообладаніе среди столькихъ страній доказываетъ, что Эдгаръ скрывается только для того, чтобы оказывать услугу отцу; физически онъ охраняетъ его, нравственно спасаетъ. Слѣпой, въ отчаяніи хочетъ броситься съ высокой скалы; Эдгаръ ведетъ его на крутизну и «хитростью излечиваетъ отъ отчаянія». Онъ увѣряетъ Глостера, что чудо сохранило его, что злой духъ его искушалъ, но что его спасли боги, которыми «легко все, на что нѣтъ силъ у насъ!» Слова эти трогаютъ Глостера и онъ рѣшается «сносить все горе жизни, пока оно само ему не скажетъ: довольно, теперь умри». Видъ безумнаго Лира потрясаетъ его до такой степени, что онъ впадаетъ въ уныніе и молитъ боговъ лишить его жизни, пока онъ снова не поддался искушенію духа злобы. «Честна твоя молитва!» восклицаетъ Эдгаръ въ новой роли нищаго, который по его собственнымъ словамъ «смягчилъ свое сердце подъ бѣдствія бичемъ». Появляется дворецкій Гонерилъ и угрожаетъ Глостера смертью; старикъ привѣтствуетъ свой конецъ, какъ давно желанный даръ боговъ, но Эдгаръ защищаетъ его. Они приходятъ на поле битвы и узнаютъ, что Лиръ и Корделия въ пльни; Глостеръ еще разъ предается отчаянію и не хочетъ бѣжать. «Опять вредныя мысли», говорить ему благородный синь, «мы родимся въ свѣтъ на то, чтобы терпѣть». Глостеръ признаетъ справедливость этихъ словъ. Когда-же Эдгаръ открывается ему и проситъ благословенія, наболѣвшее сердце старика разрывается отъ борьбы горя съ радостью. Онъ умираетъ спокойно, съ улыбкой на устахъ. Видъ Глостерова трупа и

признаніе Эдгара «обрывають струны жизни» въ благородномъ Кентѣ; при разсказѣ объ этихъ печальныхъ событияхъ Альбапи съ трудомъ удерживается отъ горестныхъ порывовъ и лучъ чувства проникаетъ въ сердцѣ умирающаго Эдмунда. Мы, зрители и читатели, тоже чувствуемъ облегченіе, ясныя и тихія ощущенія овладѣваютъ душей. Такое настроеніе духа еще болѣе поддерживается въ насть личностью и судьбой Корделіи. Это одно изъ прелестнѣйшихъ созданій Шекспира, непонятное для разума, но весьма ясное для чувства. Актриса, которая не можетъ вполнѣ отучиться отъ декламаціи и эффектаціи, не въ-состояніи выполнить этой роли. Мистриссъ Барри, современница Гаррика, которою восхищался нашъ Лихтенбергъ, по словамъ этого строгаго критика, играла роль Корделіи въ совершенствѣ; она обладала неземной красотой и прекрасно изображала ея кротость, невинность и скромность. Умирающій Лиръ немногими словами превосходно и наглядно опредѣляетъ прекрасную женскую натуру Корделіи: «у неї былъ милый, тихій, нѣжный голосъ—большая прелесть въ женщинѣ», говорить онъ. Съ теплымъ сердцемъ, но молчаливая, она не обладаетъ гибкимъ и льстивымъ искусствомъ говорить о томъ, чего у нее нѣтъ въ сердцѣ; она скуча на слова и дѣйствуетъ болѣе, нежели говорить. Словоохотливая лесть сестеръ кажется ей излишнею тѣмъ болѣе, что ея правдивое сердце чуждо корыстолюбія и жадности, которыя дѣлаютъ краснорѣчивыми Регану и Гонерилю. Женская стыдливость и застѣнчивость связываютъ ее въ первой сценѣ и заставляютъ произнести роковое слово, которое решаетъ ея судьбу. Необыкновенная кротость въ рѣчи происходитъ отъ совершенно-естественной робости, какую она должна ощущать, видя себя въ необходимости говорить предъ многочисленными собраніемъ, а также отъ чувства правдивости, которое предписываетъ ей сохранить часть любви своей для мужа и наконецъ отъ презрѣнія къ сестрамъ. Въ молоко ея кроткаго нрава примишана капля желчи; этой тонкой чертой соединилъ ее Шекспиръ съ характеромъ ея семейства и вре-

мена. Неразсудительность и нѣкотораго рода упорство, хотя оно и основано на прекрасныхъ началахъ, высказываются съ первого ея появленія на сценѣ. Отецъ выставляетъ ее въ дурномъ свѣтѣ и затрагиваетъ ея честь, но король Французскій, знатокъ человѣческаго сердца, угадываетъ ея натуру; сердце ея раскрывается отъ этой живительной росы и она въ одно и то-же время приобрѣтаетъ любовь мужа и ненависть отца. Дальнѣйшій ходъ піесы доказываетъ, какое уваженіе она питаетъ къ исполненію долга и какъ сродно ей исполнять то, че-го она желаетъ прежде, нежели обѣ этомъ скажетъ. Предвидя дурные поступки сестеръ, она, тотчасъ по удаленіи своеимъ изъ Англіи, входить въ сношенія съ Кентомъ и содержитъ шпіоновъ при дворахъ Реганы и Гонерилии. Извѣстіе объ изгнаніи Лира вполнѣ раскрываетъ предъ нами ея прекрасную душу; «въ такую ночь, говоритъ она, собака врага моего, еслибы она даже укусила меня, стояла бы у огня моего»; подобны-ми-же чертами изображаетъ Шекспиръ благочестивую, святую Марину въ Периклѣ. Извѣстіе, дошедшее до Корделіи, извлекаетъ слезы изъ глазъ ея; она хочетъ преодолѣть свою печаль, но не въ-силахъ этого сдѣлать; она тронута, но въ сердцѣ ея, переполненномъ горестью, нѣтъ места для гнѣва. Улыбка, играющая на губахъ ея, кажется, не знаетъ, что слезы наполняютъ глаза; она предается вполнѣ, со всей безопасностью и правдивостью своей натуры, чувству, которое наполняетъ ея душу. Также поступаетъ она въ дѣлѣ освобожденія отца. Съ этой минуты у нее только одна мысль — спасеніе Лира. Чувство дѣтской любви, которое въ первой сценѣ, гдѣ надо было его выражать словами, казалось притупленнымъ, теперь проявляется съ необыкновенной живостью въ каждомъ изъ ея поступковъ. Но она дѣйствуетъ еще необдуманно, нежели говорить; сначала она страдала за свою правдивость, теперь дѣлается мученицей дѣтской любви. Простосердечiemъ и увлеченіемъ, съ которымъ предается своимъ чувствамъ, она похожа на Десдемону. Корделія не взвѣшиваетъ своихъ поступковъ; увѣренная въ

справедливости своихъ словъ, она вначалѣ не подозрѣваетъ, что дѣлаетъ слишкомъ мало для отца, отуманенного страстью, равно-какъ впослѣдствіи дѣлаетъ для него слишкомъ много, не замѣчая, что другие способы привели-бы ее къ болѣе удовлетворительной развязкѣ. Авторъ ясно доказываетъ справедливость смерти Корделія и рѣзко обозначаетъ, почему Эдгаръ, дѣлающій для своего отца то-же самое, что Корделія для Лира, достоинъ лучшей участіи; но это различіе въ ихъ судьбахъ и изъясняетъ намъ мысль поэта. Прелусмотрительность и мудро-обдуманные замыслы Эдгара составляютъ совершенную противоположность характеру Корделія. Его способы всегда соотвѣтствуютъ цѣли, тогда-какъ Корделія дѣйствуетъ иначе. Чтобы возстановить власть отца, она вступаетъ въ Англію съ Французскими силами. Вся отвѣтственность этого шага падаетъ на нее одну; она со слезами вымаливаетъ у мужа его войска, тогда-какъ самъ король Французскій не желаетъ войны; онъ даже не прѣѣзжаетъ съ Корделіемъ въ Англію (чего Стивенъ и Тикъ не хотѣли понять, не смотря на очевидность факта), а остается во Франціи, гдѣ его удерживаютъ другія государственные заботы. Мы знаемъ и вѣримъ, что нечестолюбивые замыслы принудили Корделію взяться за оружіе, но ей-бы следовало объявить свои намѣренія Альбани; волнуемая чувствомъ любви къ отцу, она забываетъ это сдѣлать. Карделія находитъ Лира въ Доверѣ и предоставляетъ маршалу начальство надъ войскомъ; этотъ послѣдній поступокъ еще яснѣе доказываетъ, что не для завоеваній прїѣхала она въ раздробленное и волнуемое междуособіями государство. Враждебные и столь несходжіе между собой зятья, благородной Альбани и жестокосердый Эдмундъ, соединенными силами приготовляются противустать опасности. Альбани выказываетъ гораздо предусмотрительнѣе Корделія. Со смерти Карнавалія, въ разладѣ съ Гонеральєй, онъ стремится къ единодержавію. Однако, побѣдивъ Лира и Корделію, онъ объявляетъ союзникамъ, что война съ Франціей и дѣло Лира даѣтъ вещи разныя. Война, по его словамъ, беспокойть

его только до-тѣхъ-поръ, пока Французы наполняютъ Англію, но онъ никакъ не желаетъ лишить власти старого короля; напротивъ, онъ хочетъ поступить съ прѣнниками такъ, какъ этого требуетъ ихъ сань и его *безопасность*. Подобное объясненіе между Корделіей и Альбани могло-бы отстранить войну и измѣнить развязку, но тогда Корделія измѣнила-бы своему характеру. Ея послѣдняя ошибка такова-же, какъ и первая: она не говоритъ о томъ, что само-собой разумѣется, а что сильно ее занимаетъ, того она не въ-силахъ выразить. Пока она жила и воевала, Альбани долженъ быть опасаться, чтобы все его государство не присоединилось къ Франціи. Патріотизмъ Шекспира не допускаль ни этой мысли, ни возможности побѣды надъ Британскими войсками въ ихъ собственной землѣ. Корделія, какъ и Дездемона, падаетъ жертвой судьбы и своей собственной природы; но событія, сопровождающія ея смерть, гораздо утѣшительнѣе. Она падаетъ въ бою, но прежде одерживаетъ побѣду, которой желаетъ: она исцѣляетъ физически и спасаетъ нравственно своего отца. Она прѣѣзжаетъ въ Англію съ безграничной благодарностью къ Кенту, охранявшему безуинаго короля, и съ обѣщаніемъ отдать всѣ свои сокровища врачу, который его исцѣлить. Заботы объ отцѣ не позволяютъ ей думать о своей собственной безопасности. Когда Лиръ узнаетъ о прибытіи Корделіи, то отъ глубокаго чувства стыда не хочетъ ее видѣть. Предъ спящимъ стоять его дочь, преисполненная нѣжныхъ ощущеній; король просыпается — радостный трепетъ объемлетъ ее и она снова не находитъ словъ для изліянія своихъ чувствованій. Лиръ говорить несвязно и безтолково, но рѣчи его соотвѣтствуютъ событіямъ и окружающимъ его предметамъ. Онъ страдаетъ отъ стыда передъ Корделіей, какъ въ мукахъ чистилища, и когда разсудокъ къ нему возвращается, имъ снова овладѣваетъ сомнѣніе; наконецъ въ полномъ разумѣ онъ узнаеть ее и преклоняеть передъ ней короля Нѣжное и мягкое настроеніе его душѣ насыщено глубоко трогать. Есть-ли въ драматическомъ искусствѣ, да и вообще въ дозѣи что-либо подобное этой потрясающей и радостной встречѣ? Лихтенбергъ говорить, что воспоминаніе объ этой разъ видѣнной имъ сценѣ покинеть его только съ жизнью.

Намъ кажется, что ея одвои достаточно для смягчения ужаснаго содержания всей трагедіи. Въ пѣну у Эдмунда, Корделія узнаетъ, что за лучшій свой поступокъ должно претерпѣть худшую участь; но она чувствуетъ въ себѣ достаточно силъ. Она спрашиваетъ отца, не желаетъ ли онъ видѣть ея сестеръ; это, быть можетъ, повело-бы къ его освобожденію, но Лиръ, еще не вполнѣ отрезвиившійся отъ радости свиданія, жаждетъ, какъ блаженства, уединенія темницы. Внутренняя жизнь пріобрѣтаетъ удивительную энергию въ этомъ человѣкѣ, который однако до конца не измѣнляетъ своей прежней натурѣ. Онъ продолжаетъ прокливатъ дочерей и далѣе, къ нему еще возвращаются на мгновеніе его угасшія силы и онъ убиваетъ налача Корделія. Еслибы онъ съ Корделіей побѣдилъ и остался живъ, мѣсть вновь воспламенила-бы его; онъ не пріобрѣль-бы тогда нашего участія и не достигъ-бы мира и внутренняго спокойствія, до которыхъ его доводитъ авторъ. Смерть дочери принуждаѣтъ его оставаться въ этомъ кроткомъ и тихомъ настроеніи духа, въ которомъ онъ переходитъ и въ лучшую жизнь. Его проклятие: «Да успокоюсь я только въ могилѣ, если не лишу ее моей родительской любви», исполняется теперь, когда онъ возвращается отверженной дочери свою нѣжность. Свиданіе съ Кентомъ, смерть Реганы и Гонерилии, возвращеніе къ власти — все это предъ трупомъ Корделія для него не болѣе, какъ безсмысленный звукъ. «Большая развалина» не доступна болѣе для житейской радости. Къ успокоенію Кента и, надо сказать, къ нашему облегченію, Лиръ сѣдуетъ за умершую дочерью и освобождается отъ мукъ земной жизни. Въ ясномъ и тихомъ своемъ настроеніи духа онъ говоритъ Корделію: «На жертвы эти сами боги сыплютъ єимиамъ!» Въ ней признается онъ мученичество я исцѣленіе — предозвѣстниковъ лучшихъ временъ. Шекспиръ такою и задумалъ ея смерть; если она, подобно Дездемонѣ, страдаетъ отъ собственной своей природы, то отчасти терпить, какъ Офелія, отъ ошибокъ своего времени,— ошибокъ, безъ которыхъ почти не существуетъ жертвъ. «У тебя есть дочь», говорится въ піесѣ королю, «которая избавляетъ свѣтъ отъ проклятия, вызванного двумя другими дочерьми». Для этихъ небесныхъ созданий Шекспира, этихъ чистыхъ, невинныхъ дѣ-

тей, силяющихся подъ ударами судьбы, смерть составляетъ только переходъ въ лучшую жизнь. Въ такомъ смыслѣ смерть Корделіи, искупающая отца и запечатлѣвающая кропью ея дѣтской любовь, не есть для нея несчастіе. Слова Кента о Корделіи оправдываются здѣсь ею, равно-какъ и имъ самимъ: «Ея жизнь есть залогъ безопасности отца и защиты его противъ враговъ. Она не боится потерять ее, если этого потребуетъ его спасеніе».

Такимъ-образомъ мы видимъ въ Лирѣ трагической исходъ цѣлой эпохи и цѣлаго жестокаго поколѣнія. Альбани говорить: «если боги не пошлютъ духовъ для страшнаго отмщенія за такія дѣла, тогда люди станутъ, какъ чудовища морскія, пожирать другъ друга». Но боги искать; мы это видимъ: цѣлое поколѣніе само себя терзаетъ и уничтожается. Корнвалль дѣлается жертвой своей собственной ярости; дочери Лира погибаютъ одна отъ руки сестры, другая—отъ самоубійства, Эдмундъ—отъ меча брата, а Глостеръ и Лиръ—вслѣдствіе своихъ собственныхъ ошибокъ. Когда свершается послѣдняя жертва и Лиръ выносить на рукахъ трупъ Корделіи, Кентъ и Эдгаръ въ ужасѣ спрашиваются: «не послѣдній-ли день міра насталъ?» Все поколѣніе, которое предъ нами жило и двигалось, исчезло; только Альбани и Эдгаръ, благородные обѣтователи лучшихъ временъ, переживаютъ эту страшную эпоху, юное поколѣніе которой, какъ говорится въ заключеніи піесы, никогда не увидитъ столькихъ ужасовъ и страданій. Нравственное исцѣленіе распространялось на всю эпоху. Могущество боговъ признано Глостеромъ; Лиръ, потерявшій въ нихъ вѣру, слова ее прорѣтастъ, видя поступки дочери, которые, подобно еїміаму, возятся къ небесамъ; Эдгаръ признаетъ правосудіе неба и исполняетъ его надъ отцемъ и братомъ; Кентъ съ радостью сбрасываетъ съ себя земную оболочку; въ душу Эдмунда проникаетъ лучъ чувства; Корделія, жертва судьбы, претерпѣваетъ мученическую смерть.

Давнопротекшія древнія и среднія вѣка представляютъ намъ образцы большихъ эпическихъ созданій, въ которыхъ также воспѣвается гибель дикихъ и жестокихъ поколѣній и появление новыхъ лучшихъ людей. Изъ страшныхъ, варварскихъ эпохъ,

возникаютъ, подобно Корделии, предвозвѣстницы лучшихъ времень, Ифигенія и Пенелопы. Только съ этими древними эпопеями можно сравнить эпическую трагедию Лира. Драма не имѣть достаточнаго пространства, чтобы заключить въ свои предѣлы борьбы цѣлыхъ поколѣй и народовъ; она должна довольствоваться тѣмъ, что подобныя событія вносятъ въ вѣдра семейства. Но и въ этой узкой рамѣ она можетъ изображать весьма многое. Въ Лирѣ поэтъ приближается къ обширнымъ изображеніямъ народныхъ эпическихъ стихотвореній. Еслибы Аристотель видѣлъ эту трагедию, то впервые отдалъ бы полную справедливость драмѣ, найдя, что она съ малыми способами достигаетъ великихъ цѣлей эпопеи. Шекспиръ, хотя и могъ въ то время читать Гомера, не имѣлъ однако никакого умысла соизграждаться съ его величавыми произведеніями. Ему вполнѣ удалось выполнить свою задачу и изобразить сильныя побужденія страстей. Онъ также мало помышлялъ объ этомъ смѣломъ сравненіи, какъ и томъ, что его Гамлетъ будетъ служить изображеніемъ позднѣйшихъ поколѣй. Ни въ какомъ другомъ произведеніи Шекспира не выразился непреложный инстинктъ его гenia съ такимъ яснымъ сознаніемъ и въ такой тѣсной связи съ разумомъ. Но чтобы вполнѣ понять изумительную и необыкновенную глубину инстинкта этого великаго трагического поэта, равно-какъ и то, какъ его драмы близко отстоятъ отъ эпической поэзіи, надо рассматривать Лира вмѣсть съ Цимбелиномъ. Замѣчательно, что въ древней Греціи и средневѣковой Германіи одно великое произведеніе вызываетъ вслѣдъ за собой подобное же ему другое; таковы Иліада и Одиссея, Нивелунги и Гудрунъ. Въ обѣихъ воспѣвается супружеская вѣрность, которая награждается послѣ многихъ испытаній. Еще удивительнѣе, что въ Цимбелинѣ выполнена подобная-же задача, и эта послѣдняя піеса какъ по содержанію, такъ и по формѣ находится въ такомъ-же отношеніи къ Лиру, какъ Одиссея къ Иліадѣ. Если отношение, существующее между этими произведеніями, не болѣе какъ случайная игра исторіи, то это одна изъ случайностей, скрывающихъ въ себѣ глубокій смыслъ и вполнѣ заслуживающихъ нашего вниманія.

ВВЕДЕНИЕ ВО ВСЕОБЩЕЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ.

В. ГУНДЕЛЬДА.

(Продолжение).

§ 20. Характер языков. Поэзия и проза.

Разсмотревъ грамматическое устройство и внешний составъ языка въ цѣломъ объемъ и въ самыхъ крупныхъ явленіяхъ, мы должны теперь сказать, что этимъ далеко еще не исчерпывается все существо его. Истинный характеръ языка собственно еще тоньше, скрытъ глубже и менѣе доступенъ для анализа. Но вышеупомянутое строеніе языковъ, которымъ мы преимущественно занимались доселѣ, все-же остается необходимою твердою почвой, на которой можетъ пустить свои корни уточнѣйшее и благородѣйшее развитіе языка. Чтобы сдѣлать это понятнѣе, надо би еще разъ бросить взглядъ на общий ходъ развиція языковъ. Въ эпоху образованія формъ народный духъ больше занять самимъ языкомъ, нежели его цѣлю, больше способомъ выражения, нежели тѣмъ, что выражается. Народъ усиливается создать для мысли выраженіе, и это усиленіе, при вдохновительномъ вліяніи созданного, вызываетъ и поддерживаетъ въ немъ силу творчества. Языкъ образуется, говоря сравнительно, какъ кристаллы въ физической природѣ. Образование происходитъ постепенно, но по одному закону. Свѣжее, животрепещущее созданіе духа, языкъ, естественно, долженъ овладѣвать направленіемъ умственныхъ силъ, и пре-

блажданіе этого направлениі дѣйствительно обнаруживается на языкахъ: чѣмъ они древнѣе, первобытнѣе, тѣмъ богаче и полнѣе ихъ формы. Эта полнота иногда видимо превышаетъ потребности мысли, и потому иногда въ языкахъ того-же племени, подъ влияніемъ болѣе зрѣлого умственнаго развитія, является умѣреніе. Когда эта кристаллизациія совершилась, построенія языка кончено. Теперь орудіе готово, и народному духу предстоитъ пользоваться имъ и воплощаться въ немъ. Это осуществляется на самомъ дѣлѣ, и отъ способа, какъ выражается въ языкѣ народный духъ, каждый языкъ получаетъ свой колоритъ и характеръ.

Было-бы, впрочемъ, очень ошибочно думать, что означенныя два направлениія въ развитіи языковъ и въ дѣйствительности такъ-же отдѣлены другъ отъ друга, какъ я съ намѣреніемъ здѣсь представилъ, чтобы показать ихъ различіе между собою. Позднѣйшее дѣйствіе духа въ употребленіи языка постоянно оказываетъ влияніе и на самое строеніе, на образованіе формъ въ собственномъ смыслѣ: только это влияніе утонченнѣе и отъ первого взгляда иногда ускользаетъ. Въ истории человѣчества или народа нѣть периода, которому-бы собственно и исключительно можно было приписывать одно строеніе языка. Языкъ образуется живымъ словомъ, рѣчью; а рѣчь есть выраженіе мысли или чувства. Слѣдовательно особенность мысли и чувства, которая, какъ я сказалъ, сообщаетъ языку колоритъ и характеръ, должна дѣйствовать на языкѣ съ первыхъ началь его образованія. Но вѣрно то, что чѣмъ больше дѣлаетъ успѣховъ грамматическое образованіе языка, тѣмъ рѣже въ немъ встрѣчаются случаи, которые представляли-бы народному духу новую задачу для решенія. Усилие создать для мысли способъ выраженія становится все слабѣе, и чѣмъ больше пользуется народъ готовымъ запасомъ языка, тѣмъ болѣе ослабѣваетъ въ немъ стремленіе къ творчеству и вѣстѣ творческая сила. Съ другой стороны, количество сформированного материала возрастаетъ, и эта вѣшняя масса, дѣй-

ствую въ свою очередь на духъ народа, заставляетъ его принимать свои собственные законы и тѣмъ стѣсняетъ свободное и самостоятельное дѣйствіе его разумности. Въ этихъ двухъ явленіяхъ обнаруживается то, что въ вышеуказанномъ различіи принадлежитъ не субъективному возврѣнію, а дѣйствительному положенію дѣла. Итакъ, чтобы усѣдѣть дѣйствія духа въ развитіи языка, всегда надобно отличать грамматический и лексикальный составъ его, какъ постоянный и вѣшній характеръ, отъ *характера внутреннаго*, который какъ душа оживляетъ его и дѣлаетъ каждый языкъ способнымъ давать нашему уму особенное настроеніе, какъ-скоро мы начинаемъ усвоивать его себѣ. Этимъ я отнюдь не думаю отрицать подобного свойства во вѣшнемъ строеніи языка. Собственная жизнь языка простирается по всѣмъ фибрамъ его и проникаетъ всѣ стихіи звука. Надобно только помнить, что область формъ отнюдь не единственная сфера для изслѣдованій филолога и что въ языкахъ есть нечто еще выше и первоначальнѣе, чѣмъ надобно постигать по крайней-мѣрѣ гаданіями ума, гдѣ нельзя постигнуть строгимъ разсудкомъ. Въ языкахъ плодовитаго короля, разростшихся на множество вѣтвей на широкомъ пространствѣ, можно найти въ подтвержденіе сказанного осозательно ясные примѣры. Языки Санскритскій, Греческій и Латинскій, по образованію словъ и словосочиненію, очень близки другъ къ другу и во многихъ случаяхъ одинаковы: тѣмъ не менѣе въ каждомъ изъ нихъ ощущительна индивидуальная особенность,—особенность характера не народовъ только, обнаруживающаяся посредствомъ языковъ видимо, но глубоко гнѣздящаяся въ самыхъ языкахъ и опредѣляющая ихъ особенное строеніе. Останавливаюсь здѣсь на этомъ различіи между началомъ, изъ котораго, какъ сказано, развивается *строение языка*, и между *характеромъ* его, ильшу себя увѣренностью, что это различіе не покажется слишкомъ рѣзкимъ и не будетъ сочтено за чисто-субъективное возврѣніе.

Чтобы точно изслѣдовать *характеръ* языка, какъ противо-

положность организму, надобно бросить взглядъ на положеніе дѣла по окончаніи его устройства. Радостное изумленіе самому языку, ощущаемое при его воспроизведеніи въ живой рѣчи по требованію каждого мгновенія, мало-по-малу уменьшается. Деятельность народа переходитъ больше на употребленіе языка и начинаетъ, вмѣстѣ съ народнымъ духомъ, новое поприще, на которомъ ни тѣго ни другаго дѣятеля нельзя назвать независимымъ другъ отъ друга, во гдѣ оба они взаимно имѣютъ нужду во взаимовѣтственной помощи. Удивленіе и радость переходить теперь къ отдѣльнымъ изреченіямъ. Пѣсни, молитвенные воззванія, изрѣченія, сказки, возбуждаютъ желаніе выѣхать ихъ изъ потока мимолетнаго разговора: они сберегаются, разнообразятся, дѣлаются предметомъ подражанія — и вотъ первые зачатки литературы. Это образованіе духа и языка мало-по-малу переходитъ отъ совокупности народа въ преиущественное обладаніе отдѣльныхъ лицъ: языкъ передается въ руки пѣвецовъ и учителей народа, который мало-по-малу привыкаетъ отдѣлять ихъ отъ своей массы. Чрезъ это языкъ получаетъ двоякій видъ, и покуда между обѣими сторонами наблюдается правильное отношеніе, эти два состоянія служатъ для него источниками силы и совершенства, которые взаимно восполняютъ другъ друга.

Кромѣ этихъ двухъ дѣятелей, образующихъ и оживляющихъ языкъ своимъ участіемъ, впослѣдствіи являются грамматики и довершаютъ образованіе его организма. Имъ не принадлежитъ собственно творчество; они не могутъ навязать народу ни флексіи, ни обычая сливать съ словами приставки въ концѣ или въ началѣ. Но они выбрасываютъ одно, обобщаютъ другое, сглаживаютъ неровности, пополняютъ пробѣлы. Имъ справедливо можно приписывать въ языкахъ флексивныхъ схему склоненій и спраженій: потому-что они первые сводятъ въ одно относящіеся сюда случаи и выставляютъ полную ихъ совокупность. Въ этой сфере они являются истинными законодателями, возсоздавая впрочемъ эти законы изъ безпредѣльного

запаса предлежащаго имъ языка. Когда они такимъ образомъ доводятъ до общаго сознанія понятія о такихъ схемахъ, тогда формы, потерявшія собственное значение въ устахъ народа, снова получаютъ значение по мѣсту, какое занимаютъ въ схемѣ. Въ-течение времени языкъ не разъ можетъ подвергаться такой обработкѣ; но чтобы онъ дѣлался языкомъ образованнѣмъ, оставалось въ то-же время народнымъ, надоно, чтобы онъ правильно и непрерывно переходилъ отъ народа въ руки писателей и грамматиковъ, а отъ нихъ обратно въ уста народа.

Покуда духъ народа продолжаетъ живо дѣйствовать своею особенностью въ самомъ себѣ и на языкѣ, до-тѣхъ-поръ языкъ постоянно получаетъ приращенія и усовершенствованія, которыя, обратно, и на духъ народа оказываютъ вдохновительное вліяніе. Но можетъ наставать и такое время, когда языкъ своимъ собственнымъ развитіемъ какъ-бы пересиливаетъ народный духъ, который, оставляя въ своемъ усыщеніи самобытное творчество, пускается въ пустую игру оборотами и формами, происшедшими первоначально изъ глубокомысленного употребленія. Это — вторая *дряхлость* языка, если первою почесть потерю силы создавать виѣшнее строеніе языка. Теперь цвѣть характера винетъ, но геній великихъ людей снова можетъ возбуждать къ жизни и языки и народы отъ этого усыщенія.

Языкъ пріобрѣтаетъ свой *характеръ* особенно въ периодъ *литературы* и въ предуготовляющія ее времена: ибо тогда онъ больше отдѣляется отъ повседневныхъ нуждъ материальной жизни и возвышается до чистаго развитія мыслей и свободнаго ихъ изображенія. Удивительно, какъ языки, кроме свойства, какое даѣтъ имъ виѣшнее строеніе, способны еще получать особенный характеръ отъ того, что отдѣльныя лица употребляютъ ихъ орудіемъ для выраженія своей духовной личности. Кроме различія по полу и возрасту, народъ совмѣшаетъ въ себѣ, можетъ быть, всѣ отг҃енки человѣческой природы. Даже держась одного направленія и занимаясь однимъ дѣломъ, люди

различаются между собою по способу, какъ берутся за языко и какъ оно на нихъ дѣйствуетъ. А въ-отношениі къ языку эти разности еще значительныѣ, потому-что онъ способенъ входить во всѣ изгибы человѣческаго ума и сердца. Каждый человѣкъ употребляетъ слово для выраженія своей особенной личности: оно всегда истекаетъ отъ отдѣльного лица и каждое лицо пользуется имъ прежде всего лишь для самого себя. На всѣхъ достаетъ его, потому-что оно, хотя всегда скучно, однако удовлетворяетъ желанію каждого выразить свой задушевныя чувства. И нельзя сказать, чтобы пропасти отсюда неровности сглаживались въ этомъ общемъ для всѣхъ органѣ. Въ языкѣ, конечно, есть переходы отъ одной особенности къ другой, и эти переходы дѣлаютъ возможнымъ взаимное разумѣніе между людьми; но самыя разности отъ этого скорѣе усиливаются, чѣмъ ослабляются: потому-что разысканіемъ и уточненіемъ понятій въ языкѣ тѣмъ яснѣе доводится до сознанія, какъ глубоко лежать корни этихъ разностей въ особенномъ умственномъ настроеніи отдѣльныхъ лицъ. Возможность служить органомъ для такого разнообразія умственныхъ личностей предполагаетъ въ языкѣ, повидимому, скорѣе всего безхарактерность, которой однакожъ языки отнюдь не допускаются въ себѣ. На самомъ-же дѣлѣ они совмѣщаются въ себѣ два противоположныя качества: каждый языкъ способенъ какъ-бы дѣлиться на бесконечное множество языковъ для отдѣльныхъ личностей въ одномъ и томъ-же народѣ, и все это множество языковъ, въ-сравненіи съ языками другихъ народовъ, является однимъ цѣльнымъ, которое рѣзко отличается своимъ характеромъ. Какъ различно понимается и употребляется отечественный языкъ отдѣльными лицами, довольно даетъ чувствовать даже ежедневный опытъ; но всего яснѣе это обнаруживается сравненіемъ лучшихъ писателей, изъ которыхъ каждый образуетъ себѣ свой языкъ. Различие-же по характеру между разными языками ощущительно при первомъ сравнительномъ взглядѣ на Санскритскій, Греческій и Латинскій.

Способность языка служить органомъ для такого разнообразія умственныхъ личностей заключается въ самомъ глубокомъ основаніи собственного существа его. Слово — будемъ говорить лишь объ этой стихіи языка, чтобы упростить дѣло— слово не есть, какъ какая нибудь вещь, что-либо вполнѣ законченное; оно даже не содержитъ въ себѣ готоваго, *закинутаго показанія*, а только побуждаетъ человѣка собственнымъ умомъ создавать понятіе, и создавать особеннымъ, опредѣленнымъ способомъ. Люди понимаютъ другъ друга не отъ того, чтобы действительно передавали другъ другу зваки вещей, и не отъ того, чтобы заставляли другъ друга воспроизводить въ себѣ совершиенно одно и то-же понятіе: они понимаютъ другъ друга собственно потому, что своими словами трогаютъ одинъ въ другомъ одинъ и тѣ-же кольца цѣпи умственныхъ представлений и произведеній мысли, попадаютъ въ одинъ и тотъ-же ладъ умственного инструмента, вслѣдствіе чего и происходитъ въ каждомъ соотвѣтствующемъ, но отнюдь не вполнѣ одинаковое понятіе. Только въ этихъ границахъ и съ этими различиями мы сходимся другъ съ другомъ въ словѣ. При названіи самого обыкновенного предмета, напр. лошади, все мы разумѣемъ одно и то-же животное; но каждый изъ насъ соединяетъ съ этимъ названіемъ свое особенное представление, болѣе чувственное или болѣе отвлеченнное, живое или бездушиное въ родѣ мертваго знака и т. д. Отсюда проиходитъ то, что въ нѣкоторыхъ языкахъ для одного предмета имѣется нѣсколько названій. Сколько этихъ имёнъ въ языкѣ, столько-же въ народномъ сознаніи представляется разныхъ свойствъ предмета, подъ образомъ которыхъ онъ разумѣется и которыхъ выраженіе ставится на его мястѣ. Но потрясеніе, производимое въ одномъ членѣ цѣпи, въ одной струнѣ инструмента, сообщается всей цѣпи, всѣмъ струнамъ, и всякое разумное изліяніе души имѣть сродство со всѣмъ, что на какомъ-бы то ни было разстояніи окружаетъ въ ней проприесенную при этомъ изліяніи часть внутренней жизни. Представленіе, побуждаемое словомъ въ разныхъ

лица, отпечатывается особенностью каждого лица, но всяких выражается однимъ и тѣмъ же звукомъ.

Но все разнообразіе умственныхъ личностей въ народѣ сливается въ одну общую, *национальную форму*, которую унѣстическая особенность одного народа отличается отъ подобной особенности всякаго другаго. Изъ этой общей формы народнаго духа и силу настроения, сообщаемаго особеною формой всякаго языка, развивается въ нихъ характеръ. Каждый языкъ получаетъ опредѣленную особенность отъ особенности资料 самого народа и въ свою очередь на нее дѣйствуетъ своимъ опредѣленнымъ характеромъ. Правда, национальный характеръ поддерживается, утверждается и въ иѣкоторой степени даже создается общую мѣстностью жилищъ и одинаковою виѣшнею дѣятельностью; но основаниемъ его служитъ собственно одинаковое *природное настроение*, которое объясняютъ обыкновенно единствою *промысловедія*. И дѣйствительно, здѣсь именно, въ народномъ происхожденіи скрыта непроницаемая тайна ты-сячекратно-различного соединенія тѣла съ духовною силой, составляющей существо каждой человѣческой личности. Мож-но только спрашивать: нѣть-ли еще какого способа объ-яснить одинаковость природнаго настроенія въ массѣ народа? Но при ея объясненіи ни въ какомъ случаѣ нельзя миновать языка. Замѣчательно, что соединеніе звука съ его значеніемъ точно такъ-же недоступно *ислѣдованію*, какъ то природное на-строеніе. Анализируй, сколько угодно, понятия; разлагай, сколь-ко возможно, слова: отъ этого никакъ не будетъ асѣѣ, какъ именно мысль совокупляется со звукомъ? Такимъ образомъ основа всякой національности и языкъ одинаковы другъ съ дру-гомъ по своимъ первоначальнымъ отношеніямъ къ существу умственной особенности. Но языкъ содѣйствуетъ къ ея обра-зованию очевиднѣе и сильнѣе: на немъ преимущественно и долж-но основывать понятіе о народѣ. Такъ-какъ развитие человѣ-ческой природы зависитъ отъ языка, то въ немъ намъ непо-

средствами дано понятие о народѣ, какъ о массѣ людей, образующихъ себѣ языкъ по своему особенному способу.

Но языкъ обладаетъ также силой — отчуждать и роднить: онъ самъ отъ себя сообщаетъ национальный характеръ народнымъ массамъ даже различного происхожденія. Этимъ именно полагается различіе между *племенемъ* и *народомъ*. Между членами первого есть фактически-ясное родство; и одно и то-же племя можетъ раздѣлиться въ два народа. Касательно же народовъ можетъ подлежать еще сомнѣнію, а касательно широко-распространившихся народовъ подлежитъ серьезному изслѣдованію: точно-ли всѣ, говорящіе одинаковыми языками, произошли отъ одного племени, или обязаны своею однородностью одинаковому природному настроенію въ самомъ начальѣ, развивавшемуся подъ вліяніемъ одинаково-дѣйствовавшихъ причинъ, при распространеніи на одной и той-же полосѣ земли? Но какъ-бы ни объяснялись эти первобытныя, недоступные нашему изслѣдованію-причины, вѣрно то, что лишь разнѣтіе языка переноситъ национальные различія въ болѣе свѣтлую область духа. Посредствомъ языка онъ входитъ въ область сознанія и получаютъ отъ него предметы, на которыхъ онъ необходимо должны отразиться,—предметы болѣе доступные для рассматриванія, на которыхъ притомъ и самыя различія развиваются тоньше и опредѣленѣе. Возводя человѣка на высшую, достичимую для него, степень разумности, языкъ все болѣе и болѣе высвобождается изъ темной области неразвитаго чувства. Служа орудiemъ умственного развитія человѣка, самъ языкъ получаетъ столь опредѣленный характеръ, что по немъ лучшее можно узнавать народы, чѣмъ по ихъ нравамъ, обычаямъ и дѣяніямъ. Отъ того народы, не имѣющіе литературы, у которыхъ мы не довольно глубоко вникаемъ въ употребленіе языка, кажутся намъ однообразнѣе, чѣмъ на самомъ дѣлѣ. Мы не замѣчаемъ характеристическихъ чертъ, отличающихъ ихъ другъ отъ друга, потому-что смотримъ на нихъ не чрезъ ту среду, которая дѣлаетъ эти черты для настѣ видимыми.

Въ отличие отъ сильнейшей формы, подъ которой и можно только представлять себѣ действительный языкъ, и въ противоположность ей, характеръ языкаъ состоитъ въ особенномъ способѣ соединенія мысли съ звуками. Въ этомъ смыслѣ характеръ есть какъ-бы духъ, который вдоворяется въ языкѣ и одушевляетъ его, какъ тѣло, изъ него-же самого образованное. Этотъ духъ есть естественное слѣдствіе продолженнаго вліянія умственной особенности народа на языкъ. Употребляя общія значенія словъ въ приложеніи къ однимъ и тѣмъ-же индивидуальныхъ явленіямъ, сопровождая ихъ однѣми и тѣми-же побочными идеями и чувствами, наблюдая одни и тѣ-же направления въ сочетаніи идей и пользуясь свободой словосочиненія въ однихъ и тѣхъ-же размѣрахъ, въ какихъ можетъ позволять себѣ умственную смѣльость безъ вреда для вразумительности рѣчи, народъ сообщаетъ языку этимъ своеобразнымъ употребленіемъ особенный колоритъ и особенный оттѣшокъ, и языкъ съ своей стороны упрочивается въ себѣ этотъ колоритъ и имъ-же обратно дѣйствуетъ на народъ. Поэтому изъ-каждаго языка можно дѣлать заключенія о народномъ характерѣ. Явленія этого рода встрѣчаются даже въ языкахъ народовъ грубыхъ и необразованныхъ и часто открываютъ нашему взору такія особенности ума, какихъ на такой низкой степени образования нельзѧ-бы, кажется, ожидать. Языки Американскихъ туземцевъ богаты подобными примѣрами; въ нихъ встрѣчаются смѣлые метафоры, неожиданные, но вѣрныя сближенія понятій, оживотворенія безжизненныхъ предметовъ силою фантазіи подъ вліяніемъ мыслящаго взгляда на существо ихъ, и т. д. Такъ эти языки, не имѣя грамматическихъ родовъ, дѣлаютъ различіе, и притомъ въ весьма обширномъ объемѣ, между одушевленными и неодушевленными предметами: этотъ взглядъ выходитъ у нихъ изъ грамматического распоряженія словами. Когда звезды они ставить въ грамматикѣ въ одинъ разрядъ съ людьми и животными, то, очевидно, они представляютъ ихъ движущимися собственою силой, и, вѣроятно, существами личными.

ми, которые свыше управляют судьбами людей. Пересматривать въ этомъ смыслѣ словари нарѣчій такихъ народовъ составляетъ особенное удовольствіе, которое наводитъ на разныя размышенія; а если приложимъ къ тому, что попытки настойчиваго разложенія формъ такихъ языковъ даютъ понять, какъ мы видѣли выше, умственную организацію, изъ которой возникло ихъ строеніе, то въ изученіи языковъ исчезаетъ все сухое и пошлое. Въ каждой части языка такое изученіе приводить къ тему внутреннему настроенію духа, которое во вѣкъ эпохи человѣческаго образованія служить горнalomъ глубочайшихъ воззрѣній, обильнейшей полноты мыслей и благородиѣйшихъ чувствъ.

Но объ этомъ внутреннемъ настроеніи духа рѣдко можно, или даже вовсе нельзя составить цѣломую концепцію, если особенность какого-либо народа мы можемъ изучать только изъ отдельныхъ стихій его языка. Такое изученіе вообще дѣло трудное, и дѣйствительно оно возможно только тамъ, где міросозерцаніе народа внесено въ болѣе или менѣе обширную литературу и наложено въ видѣ печати на составъ рѣчи въ ея течении. Такъ-какъ всѣхъ намековъ, дѣлаемыхъ движеніемъ рѣчи, на значеніе отдельныхъ стихій и отг҃виковъ словосочлененія нельзя прямо подвести подъ опредѣленныя грамматическія правила, то рѣчь содержитъ въ себѣ безпредѣльно много, чего никакъ нельзя найти въ тѣхъ-же самыхъ стихіяхъ, когда они берутся виѣ состава рѣчи порознь. Поляное значеніе слово получаетъ только въ составѣ рѣчи. Потому, для изслѣдованія языка со-стороны характера, требуется строгая критическая обработка его письменныхъ памятниковъ; мастерски-приготовленный материалъ этого рода найдется въ филологической обработкѣ *Греческихъ и Латинскихъ писателей*. Хотя высшую точку зреенія составляетъ здѣсь изученіе самого языка во всемъ объемѣ, все-же это изученіе основывается ближайшимъ образомъ на изученіи его памятниковъ, имѣть цѣллю восстановить и сохранить ихъ въ возможной чистотѣ и вѣрности и восполь-

ваться ими, какъ достовѣрными источниками для познанія древности. Какъ ни тѣсно связано съ обработкой памятниковъ языка разложеніе его состава, отысканіе его связи съ родственными языками и только этимъ путемъ достичимое объясненіе его строенія, все-же это два разныхъ направленія языковѣдованія, которые требуютъ не одинаковыхъ способностей и не одинаковые производятъ результаты. Можетъ-быть, не неумѣство было-бы отличить такимъ образомъ лингвистику отъ филологіи и предоставить исключительно послѣдней то тѣснѣйшее значеніе, которое обыкновенно придавалось ей до нашего времени и которое только въ послѣдніе годы, особенно во Франціи и Англіи, стали распространять на всякое занятіе какимъ-бы то ни было языкомъ. По меньшей мѣрѣ вѣрно то, что изученіе языковъ, о какомъ адѣль говорится, можетъ опираться только на истинно-филологической обработкѣ литературныхъ памятниковъ въ показанномъ нами смыслѣ. Тогда-какъ сильные умы, прославившіе эту область учености въ послѣднія столѣтія, съ неутомимою добросовѣстностью устанавливаютъ употребленіе языка, свойственное каждому писателю, до мельчайшихъ видоизмѣненій звука, языкъ постоянно оказывается подъ господствующимъ вліяніемъ умственной индивидуальности и раскрываетъ предъ нами эту связь настольную, что даетъ возможность отыскивать всѣ отдельные пункты, въ которыхъ она гнѣздится. Узнавъ въ одно время, что принадлежитъ и вѣни; и мѣту, и лицу, и какъ всѣ эти различы укладываются въ цѣломъ языкѣ. Познаніе этихъ частностей всегда сопровождается впечатлѣніемъ цѣлаго и явленіе насколько не теряетъ своей особенности отъ разложенія.

На языкѣ видимо дѣйствуетъ не только первоначальное встроеніе национальной особенности, но и всякая *перемѣна внутреннаго направления* съ течениемъ времени, всякое вышшее событие, возвышающее или подавляющее душу и умственный полетъ народа, и особенно вліяніе людей даровитыхъ. Какъ вѣчный посредникъ между духомъ и природой, языкъ преобразуетъ

ся съ каждойю новою степенью образованія духа; только следы этихъ преобразованій становятся все тоньше и неуловимѣе порознь, и фактъ дѣлается ощущительнымъ только въ общемъ впечатлѣніи. Никакой народъ не можетъ оживить и оплодотворить своюшъ собственнымъ духомъ языкъ другаго народа, не преобразовать его чрезъ то самое въ иной языкъ. Что-же выше сказано о всякой индивидуальности, то имѣть полную силу и здѣсь. Каждая изъ нихъ, идя однимъ извѣстнымъ путемъ, конечно, исключаетъ всякую другую; но они могутъ сходиться одинъ съ другими въ общей цѣли. Поэтому различие языковъ по характеру нѣтъ надобности представлять безусловнымъ преимуществомъ одного предъ другимъ. А чтобы понять возможность образования такого характера, надоно разматривать то состояніе, въ которомъ народу приходится подвергнуть языкъ тому внутреннему дѣйствію, которое даетъ ему особый отпечатокъ.

Еслибы языкъ употреблялся только для повседневныхъ нуждъ жизни исключительно, то слова были-бы просто знаками выражаемыхъ намѣреній и желаній, а о внутреннемъ воззрѣніи, съ возможностью его разнообразія, не могло-бы быть и рѣчи. На мѣсто слова тогда тотчасъ и непосредственно становился-бы въ представлениі разговаривающихъ дѣйствительный предметъ или дѣйствительное дѣйствіе. Но такого языка, къ-частію, не можетъ быть между людьми, какъ существами всегда мыслящими и чувствующими. Съ такимъ языкомъ можно по высшей мѣрѣ сравнивать ту смѣсь языковъ, какая образуется въ некоторыхъ мѣстахъ, особенно приморскихъ, отъ притока людей разныхъ націй и нарѣчій, какъ напр. lingua franca по берегамъ Средиземного моря. За исключеніемъ такого сброва словъ, во всѣхъ дѣйствительныхъ языкахъ повсюду удерживаютъ свои права личное *воззрѣніе* и индивидуальное *чувство*. Весьма вѣроятно даже, что первое употребленіе языка — еслиъ только можно было дойти до него — было просто выраженіе ощущенія. Выше (§ 9) я уже отозвался насчетъ

объяснения происхождения языка беспомощностью отдельного лица. Самое побуждение к общительности между живыми существами происходит отнюдь не отъ безнамощности. Сильнейший изъ евреевъ, слонъ, есть вмѣстѣ съ тѣмъ самое общительное существо. Жизнь и дѣятельность въ природѣ повсюду развивается изъ внутренней свободы, которой первоначального источника напрасно было бы искать въ области явленій. Что же касается до языковъ, то, конечно, въ каждомъ изъ нихъ, даже въ высшей степени образованномъ, встречаются отдельные случаи вышеупомянутаго употребленія словъ. Кто приказываетъ срубить дерево, тотъ, естественно, не разумѣеть ничего другаго, кроме известнаго ствола; но совсѣмъ иное дѣло, когда это-же слово, даже безъ всякаго эпитета и приложенія, является въ описаніи природы или въ стихотвореніи. Различіемъ возврѣнія по роду *настроекъ души* разнымъ образомъ повышается значение однихъ и тѣхъ-же словъ, и въ каждомъ выраженіи какъ-бы бываетъ черезъ край неумѣстимое въ немъ значение.

Это различіе состоитъ, очевидно, въ томъ, что языкъ то оживляется въ употреблениіи внутренними отношеніями къ цѣлой совокупности мыслей и чувствъ, то, вмѣстѣ съ какою-нибудь отдельною дѣятельностью души, односторонне употребляется для какой-нибудь ограниченной цѣли. Съ этой стороны онъ сильно ограничивается чисто ученымъ употребленіемъ, если оно не находится подъ господствующими влияніемъ высшихъ идей, и столько-же, обыденными потребностями жизни, и даже еще сильнѣе, такъ-какъ къ нимъ примѣшиваются чувство и страсть. Ни въ понятияхъ, ни въ самомъ языке, конечно, ничего не стоитъ порознь. Но совокуплениемъ только тогда истинно срастаются съ понятиями, когда душа въ своей внутренней дѣятельности сохраняетъ единство, когда зреяла *субъективность* освѣщающей собою полновѣсную *объективность*. Тогда не забывается ни одна сторона предмета, которую онъ можетъ дѣйствовать на душу, и каждое изъ этихъ дѣйствій оставляетъ лег-

кий следъ въ языкѣ. Когда въ душѣ истинно пробуждается чувство того, что языкъ не есть только средство для взаимнаго обмѣна мыслями, а есть настоящій міръ, который умъ напряженіемъ собственной силы долженъ ставить между собою и предметами, тогда открывается прямой путь къ тому, чтобы находить въ языкѣ все болѣе и болѣе и столько-же обогащать его.

Гдѣ живо поддерживается такое взаимное дѣйствіе между заключеннымъ въ опредѣленія звуки языккомъ и между внутреннимъ воззрѣніемъ, которое безпрестанно тянеть дальше въ глубь то самой своей природѣ, тамъ умъ не представляетъ себѣ языкъ замкнутымъ, а, соотвѣтственно дѣйствительной судьбѣ его быть вѣчно воспроизводимымъ, непрестанно стремится внести въ него что-нибудь новое, чтобы, воплотивъ въ него это новое, самому стать обратно подъ его влияніе. А это предполагаетъ въ душѣ двоякое дѣйствіе: сознаніе того, что есть нечто, чего языкъ не содержитъ въ себѣ непосредственно, но что, подъ его вдохновительнымъ влияніемъ, дополняется душою, и стремленіе слить съ звукомъ все, что почувствовано ею. То и другое происходитъ изъ живаго убѣжденія, что въ существѣ человѣка вложено предчувствіе области, неизмѣнной въ границы языка, которая сжимаютъ ее, и что языкъ въ то-же время все-таки есть единственное средство извѣдать и опровергнуть эту область и что онъ именно, своимъ техническимъ и чувственнымъ совершенствомъ, способенъ претворять въ себя все болѣе и болѣе изъ ея содержанія. Это душевное настроение есть основа для выраженія характера въ языкѣ, и чѣмъ живѣе оно дѣйствуетъ въ этомъ двоякому направлѣніи — въ-отношеніи къ чувственной формѣ и къ глубинѣ души, тѣмъ яснѣе и опредѣленіе выставляется въ языкѣ *особенность характера*. Языкъ становится какъ-бы все прозрачнѣе и даетъ видѣть внутренность говорящаго.

Просвѣчивающее такимъ образомъ сквозь языкъ не можетъ быть чѣмъ-то въ родѣ особыхъ стихій, порознь обозначаемыхъ объективно и качественно. Каждый языкъ могъ бы

все обозначить только тогда, когда говорящий имъ народъ про текъ-бы всѣ степени своего развитія. Но у каждого языка всегда остается часть, которая въ немъ еще таится, или и вѣчно остается затаеною, если онъ погибаетъ раньше ея развитія. Каждый языкъ, какъ и самъ человѣкъ, есть нечто *безпрерывное*, постепенно развивающееся во времени. То просвѣчиваніе есть только чисто-субъективная и больше квантиitative *модификація* всего обозначаемаго въ языкѣ. Оно является въ немъ не произведеніемъ дѣйствія, а самою *дѣйствующей смысловой* непосредственно и какъ-бы только обдаётъ своимъ дыханіемъ всѣ явленія языка какимъ-то особыннымъ, нелегко объяснимымъ образомъ. Человѣкъ представляетъ себѣ *миръ* всегда въ единству. Онъ понимаетъ предметы и обращается съ ними всегда въ одномъ и томъ-же направленіи, съ одной в тою-же цѣлью, при одинаковой мѣрѣ движения. На этомъ единствѣ основывается его *индивидуальность*. А въ этомъ единствѣ содержатся двѣ разныя стихіи, хотя онъ опредѣляютъ другъ друга, именно: свойство *дѣйствующей смыслы* и свойство *дѣятельности*, какъ въ вещественномъ мѣрѣ движущееся тѣло отличается отъ толчка, опредѣляющаго силу, скорость и продолжительность его движения. Мы имѣемъ въ виду первое, когда приписываемъ какому-либо народу особенную живость возврѣнія и творческую силу воображенія, особенную наклонность къ отвлеченнымъ идеямъ, или рѣшительность практическаго направлѣнія; и разумѣемъ второе, когда называемъ одинъ народъ горячѣе, измѣнчивѣе, быстрѣе другаго въ оборотѣ идей, постоянные въ своихъ чувствахъ. Такимъ-образомъ мы отличаемъ въ этихъ двухъ взглядахъ бытіе отъ *дѣятельности*, и первое, какъ не видимую первоначальную причину, противополагаемъ мысленію, чувству и дѣятельности, обнаруживающимся въ явленіяхъ. А подъ бытіемъ мы разумѣемъ здѣсь не отдѣльное существо того или другаго лица, а бытіе всеобщее, которому подчинено каждое отдѣльное лицо. *Изображеніе характера* въ какомъ-бы то ни было отношеніи тогда только можетъ исчерпывать свой

предметъ, когда будеть имѣть въ виду это бытіе, какъ конечный пунктъ своего изслѣдованія:

Если мы прослѣдимъ всю внутреннюю и вѣщнюю дѣятельность человѣка до этихъ послѣднихъ пунктовъ, до простѣйшихъ я зародышей, то найдемъ, что они состоять въ томъ или другомъ способѣ, какъ человѣкъ принимаетъ дѣйствительность за свой объекѣтъ, смотря по тому, связываетъ ли онъ ее съ собою, какъ вещество, которое онъ формируетъ, или прокладываетъ себѣ свой особенный путь независимо отъ нея. Какъ глубоко и какимъ путемъ человѣкъ вѣдряется въ дѣйствительность, это составляетъ первоначальный характеристическій признакъ его индивидуальности. Виды связывающихъ его съ нею отношеній могутъ быть безчисленны, смотря по тому, обнаруживаются ли съ той и съ другой стороны попытки отдѣлиться другъ отъ друга, хотя ни дѣйствительность, ни *внутренняя личность* человѣка не могутъ вовсе обойдти другъ безъ друга, или онъ вступаютъ между собою въ различные, по степени и направленію, связи.

Отнѣдь не должно думать, что этотъ масштабъ можетъ имѣть приложеніе только къ народамъ уже интеллигентально-образованнымъ. Даже въ выраженіяхъ радости въ толпѣ *дикарей* можно замѣтить, насколько она отличается отъ простаго удовлетворенія грубыхъ потребностей, и вырывается ли она изъ глубины души, какъ истинно-человѣческое чувство, какъ настоящая искра небеснаго огня, которой суждено вѣкогда разгорѣться въ яркое пламя пѣсни, поэзіи. Характеръ народа раскрывается, конечно, во всемъ, что составляетъ его истинную собственность, но въ языке — по преимуществу. Сливаясь со всѣми обнаруженіями души, языкъ уже отсюда большою частію выносить особый отпечатокъ, всегда равный самому себѣ. Но онъ связывается такими нѣжными и задушевными связями съ индивидуальностью еще и отъ того, что при передачѣ мыслей онъ всегда въ одинаковомъ видѣ долженъ вторгаться въ душу другаго, чтобы быть для него вполнѣ понятнымъ. Поэтому душа другаго передается вся особенность говорящаго, — конечно,

не для того, чтобы стеснить собственную личность другого, а чтобы изъ той и другой образовать новую плодотворную противоположность.

Не всякий народъ по своей национальной особенности съ одинаковою силой чувствует различие между *веществомъ*, которое душа принимаетъ въ себя или производить изъ себя самой, и между *силой*, которая даетъ ей движение и настроение въ этой двойкой дѣятельности, или, какъ выше было сказано, между *дѣйствіемъ* и *дѣйствующею силой*; не всякий правильно и соразмѣрно относительно обоихъ даетъ тому и другому значение, не всякий даже одинаково ясно чувствуетъ перевѣсь того или другаго въ своемъ сознаніи. Если мы будемъ глубже отыскивать источникъ этого различія между народами, то найдемъ его въ большей или меньшей мѣрѣ ощущенія необходимости связи между всѣми мыслями и чувствами *отдельного лица* во все продолженіе его бытія и такой-же связи во всемъ, что онъ чуетъ и предполагаетъ въ *природѣ*. Все, что производится дуною въ извѣстное мгновеніе, есть только частица чего-то, и чѣмъ подвижнѣе и живѣе ея дѣятельность, тѣмъ сильнѣе затрагивается все родственное въ какой-бы то ни было степени съ произведеніемъ. Такимъ образомъ каждая *отдельная частность*, при своемъ опредѣленномъ содержаніи, сверкаетъ еще чѣмъ-то, менѣе доступнымъ для выраженія, или, лучше, въ каждой частности есть какой-то намекъ на то, что въ ней не выказано непосредственно, потому требуетъ дальнѣйшаго развиція, и передаваясь другому лицу въ словѣ, вызываетъ его пополнить недосказанные собственными мыслію, но въ совершенной гармоніи съ высказаннымъ. Гдѣ живо понимается эта сторона выраженія, тамъ языкъ кажется бѣднымъ, недостаточнымъ для полнаго выраженія; въ и противоположный случаѣ едва ли догадываются, что въ словѣ можетъ недоставать чего-то сверхъ выражаемаго имъ прямо. Между этими двумя крайностями есть безчисленное множество среднихъ степеней; въ сами

крайности основываются, очевидно, на преобладаніи направлѣнія или въ глубину души или ко вышней дѣйствительности.

Самый поучительный примѣръ во всей области развитія характера, Греки, въ своей поэзіи вообще, и особенно въ лирической, соединяли съ словами пѣніе, инструментальную музыку, танцы и имімку. Они дѣлали это не для того, чтобы только умножить и уразнообразить чувственное впечатленіе: это видно изъ того, что всѣмъ этимъ дѣйствіямъ они придавали однородный характеръ. Музыка, танцы и діалектическая рѣчь должны были подчиняться одной и той-же искони національной особенности, быть въ Дорическомъ, Эолическомъ или въ иномъ тонѣ и нарѣчи. Такимъ образомъ Греки добивались того, что возбуждается и настраиваетъ душу, чтобы мыслямъ пѣсни дать особенного рода ходъ, и въ этотъ ходъ оживить и усилить ихъ особыніемъ возбужденіемъ души, которое по своему значенію отлично отъ идеи. Въ поэзіи, въ пѣсни первое мѣсто занимаютъ слова и ихъ идеальное содержаніе, а известное настроеніе и возбужденіе души только сопровождается имъ: въ музыкѣ наоборотъ. Душа только вдохновляется и восплеменяется ею къ мыслямъ, чувствамъ и дѣйствіямъ, которыхъ изъ вѣдръ этого одушевленія должны возникать сами собою, своимъ особыніемъ путемъ: звуки музыки опредѣляютъ ихъ лишь тѣмъ, что въ томъ родѣ настроения, какое даютъ они, могутъ развиваться только известнаго рода мысли и чувства. Но чувствовать возбуждающее и настраивающее душу, какъ это видно здѣсь на Грекахъ, всегда значитъ чувствовать присущую или предполагаемую индивидуальность: потому-что сила, овладѣвающая всею дѣятельностью души, непремѣнно должна быть опредѣленною силой, и дѣйствовать въ духѣ своей опредѣленности.

Итакъ если я выше находилъ что-то неизѣстимое въ словѣ, скучно имъ выражаемое, то этотъ избытокъ, очевидно, неизѣя представлять чѣмъ-то всѣе неопредѣленнѣй. Напротивъ, я разумѣю самое опредѣленное иѣ выражаемыи содержаніемъ: это

довершаетъ индивидуальность послѣдними чертами, чего не можетъ сдѣлать, само по себѣ, отдельное слово, всегда менѣе способное индивидуализировать содержаніе, по причинѣ своей зависимости отъ объекта, и по причинѣ требуемой отъ него общности значеній. И если дѣйствующее здѣсь чувство предполагаетъ вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе *внутреннее*, менѣе зависящее отъ предметовъ настроеніе души, и можетъ возникать только изъ этого настроенія, то оно не уводить поэтому отъ живаго воззрѣнія въ отвлеченное мышеніе. Напротивъ, исходя изъ собственной индивидуальности, оно пробуждаетъ требование самой рѣшительной индивидуализации *предмета*, которая достижима только посредствомъ вниканія во всѣ подробности чувственного воззрѣнія и посредствомъ самой живой наглядности изображенія. Это показываютъ намъ опять тѣ-же Греки. Ихъ смыслъ былъ заинтересованъ преимущественно тѣмъ, какъ существуютъ и какъ являются вещи сами по себѣ, не ограничиваясь одностороннимъ значеніемъ, какое давалъ имъ обычай дѣятельности. Ихъ направление было, такимъ образомъ, въ самомъ корнѣ *внутреннее и интеллектуальное*. Это доказывается вся ихъ частная и общественная жизнь, въ которой все или проникалось нравственными цѣлями, или сопровождалось искусствомъ, или, всего чаще, нравственные стихіи совмѣщались съ самымъ искусствомъ. Почти каждая вышняя форма жизнѣ у нихъ напоминаетъ внутреннюю, часто съ помѣхой или даже прямо со вредомъ для удобства въ практикѣ. По тому-же самому они во всякой дѣятельности духа имѣли въ виду понять и изобразить *характеръ*, всегда впрочемъ чувствуя, что понять и выразить его можно, только вполнѣ вникнувъ въ чувственное воззрѣніе, и что цѣльность духовной дѣятельности, хотя никогда вполнѣ невыразимая, можетъ являться въ изображеніи только при совокуплении подробностей, подъ руководствомъ вѣрного такта, прямо стремящагося къ ихъ единству. Это-то дѣлаетъ ихъ *поэзію*, особенно *древнѣйшую*, именно Гомерическую, такъ рѣшительно повсюду *изла-*

стническою. Природа выставляется, какъ она есть; дѣйствие, даже самое незначительное, напр. возложение на себя оружія, развивается постепенно, какъ оно происходитъ въ дѣйствительности, и изображеніе всегда имѣеть характеръ, не спускаясь до простаго пересказыванія бывшаго. Характеръ этотъ зависитъ не столько отъ выбора изображаемыхъ подробностей, сколько отъ того, что по всему изображенію разливается и передается слушателю могучая сила пѣвца, одушевленнаго чувствомъ индивидуальности и стремящагося къ индивидуализаціи. Благодаря этой особенности духа, интеллектуальность заставляла Грековъ входить во все разнообразіе жизни чувственного міра, а этотъ, вслѣдствіе того, что они все-таки искали въ немъ собственно принадлежащаго только идеѣ, опять возвращать ихъ къ интеллектуальности. Ихъ цѣлью всегда былъ характеръ, а не характерическая мелочь: чувствовать первый совсѣмъ не одно и то-же, что ловить послѣднія. Это направление къ истинному индивидуальному характеру вмѣстѣ вело ихъ за тѣмъ къ идеальности, такъ-какъ совокупность индивидуальностей ведетъ къ высшей степени пониманія,—къ стремленію уничтожить индивидуальное, какъ ограниченіе, и сохранить оное только въ качествѣ легкой границы извѣстнаго состоянія. Отсюда прошло совершенство Греческаго искусства — воспроизведеніе природы изъ центра живаго организма каждого предмета, удававшееся по причинѣ стремленія къ возможно-высшему единству идеала, при самомъ полномъ вниканіи въ дѣйствительность.

Между тѣмъ въ историческомъ развитіи Греческаго народа было также, что предрасполагало его по-преимуществу къ образованію характеристическихъ особенностей, именно: раздѣленіе народа на *племена*, различныя по нарѣчіямъ и умственному взгляду, и географическое *смыщеніе* ихъ вслѣдствіе многоразличныхъ странствованій и свойственной ихъ природѣ подвижности. Всѣ эти племена соединяли общій Греческій духъ и въ то-же время каждому давали особый отпечатокъ во всѣхъ обнаруженияхъ дѣятельности, отъ государственного устройства

до тоновъ игры на флейтѣ. Къ этому еще исторически присоединилось другое благопріятное обстоятельство: ни одно изъ этихъ племенъ не подавляло другое, но всѣ процвѣтали въ какомъ-то равенствѣ стремлений; ни одинъ изъ диалектовъ не былъ уничтоженъ до значенія простонароднаго нарѣчія, ни одинъ не былъ возведенъ въ достоинство всеобщаго образованнаго языка, и это одинаковое процвѣтаніе особенности каждого всего сильнѣй и рѣшительнѣй было именно въ періодъ самого живаго, самого могучаго развитія языка и народа. Отсюда-то образовался Греческій взглядъ, расположенный ожидать всего высокаго отъ самой рѣшительной индивидуальности, чего въ такой степени не видно ни у кого изъ другихъ народовъ. Греческій взглядъ признавалъ эти первоначальные народныи особенности за виды искусства, и такимъ образомъ ввелъ ихъ въ архитектуру, музыку, поэзію и въ благороднѣйшее употребленіе языка (*). Отъ простонароднаго онѣ были очищены; звуки и формы распределены по нарѣчіямъ и подчинены чувству изящества и благозвучія: облагороженные такимъ образомъ, они возвысились въ значеніе особыхъ характеровъ стиля и поэзіи, оставаясь способными идти другъ съ другомъ

(*) Тѣсную связь между народностью разныхъ Греческихъ племенъ и ихъ поэзіей, музыкой, танцами и мимикой и даже архитектурой въ ясномъ и полномъ свѣтѣ выставилъ *Бѣка* въ своихъ разсужденіяхъ при изданіи Пиндара, гдѣ читатель найдеть для изученія богатый запасъ разнородной и довольно большую частію никому недоступной учености, изложенный въ методическомъ порядкѣ. Авторъ не довольствуется изображеніемъ характера разныхъ Греческихъ тоновъ только въ общихъ выраженіяхъ, но входить въ музыкальныи и метрическіи подробности, въ которыхъ состояло различіе тоновъ, чего до сихъ-поръ никѣмъ еще не было схѣмировано такъ положительно-исторически и такъ строго-научнымъ образомъ. Чрезвычайно желательно, чтобы этотъ филологъ, совѣщающій въ себѣ обширнѣйшее знаніе языка въ необычайномъ прозрѣніемъ въ Греческую древность во всѣхъ ее частяхъ и во всѣхъ направленіяхъ, поскорѣе приступилъ къ исполненію своего намѣренія разсмотрѣть въ особомъ сочиненіи вліяніе характера и пра-вовъ разныхъ Греческихъ племенъ на ихъ музыку, поэзию и искусство, чтобы объяснить этотъ важный предметъ во всемъ его объемѣ. Отзывъ Бѣка объ этомъ намѣреніи въ его изданіи Пиндара том. I de metris Pindari p. 283 лѣт. 14, и особенно р. 279.

объ-руку въ своей противоположности и восполнять ею другъ друга. Едва-ли нужно объяснять, что я говорю здѣсь объ употреблениѣ разныхъ тоновъ и діалектовъ только въ лирической поэзіи и о различіи хоровъ оть діалоговъ въ трагедіи, въ отстравяю тѣ случаи, когда разныя нарѣчія влагаются въ уста дѣйствующихъ лицъ въ комедіи. Эти случаи ничего не имѣютъ съ тѣми общаго и, конечно, болѣе или менѣе встрѣчаются въ литературахъ всѣхъ народовъ.

У Римлянъ, какъ-бы они ни выражали свою народную особенность въ языкѣ и литературѣ, несравненно менѣе обнаруживается чувство надобности снабжать обнаруженія души непосредственнымъ вліяніемъ силы, дѣйствующей на ея настроение. Ихъ совершенство и величие развивалось инымъ путемъ, болѣе соотвѣтствующимъ тому характеру, какимъ они запечатлѣли свои виѣшнія судьбы. Напротивъ, въ Нѣмецкомъ духѣ вышеупомянутое чувство, можетъ быть, не менѣе сильно, чѣмъ у Грековъ: только послѣдніе одушевляютъ индивидуальностью виѣшнее *возгрыніе*, а первые больше внутреннее *чѣство*.

Чувство того, что все поражаемое *душою*, какъ изліяніе одной силы, составляетъ обширное цѣлое, и что каждая часть какъ-бы оть дыханія этой силы непрѣмѣнно получаетъ признакъ своей связи съ цѣлимъ, это чувство я рассматривалъ до сихъ-поръ больше въ его вліяніи на отдѣльные обнаруженія души. Но не менѣе значительное дѣйствіе оно оказывается еще на способѣ, какъ эта сила, первая виновница всѣхъ произведеній духа, достигаетъ до сознанія самой себя. Первоначальная сила человѣка можетъ являться ему только въ видѣ стремленія по опредѣленному пути: это предполагаетъ цѣль, которую можетъ быть только идеалъ человѣка. Въ этомъ-то зеркаль мы можемъ видѣть самосозерцаніе народовъ. Первѣйшимъ доказательствомъ ихъ высшей разумности и глубочайшей внутренней самостоятельности бываетъ то, когда они не ограничиваются этой идеалъ предѣлами годности для опредѣленныхъ цѣлей, а представляютъ его себѣ чѣмъ-то такимъ, что можетъ искать

себѣ цѣли только въ своемъ собственномъ осуществлѣніи и что постепенно возникаетъ къ нескончаемому развитію: такое представленіе идеала даетъ народу внутреннюю свободу и всеобъемлющую многосторонность. Но и при этомъ первомъ условіи и при постоянно одинаковой чистотѣ его, изъ индивидуального стремленія, по различію его направленія въ сферу чувственного *созерцанія*, внутренняго *чества* и отвлеченнаго *мышленія*, возникаютъ разныя явленія. Въ каждой изъ нихъ *миръ*, окружающій человѣка и воспринимаемый имъ другою стороною, отражается иначе. Во вѣшней природѣ — выставимъ здѣсь эту черту — все образуетъ непрерывные ряды, въ которыхъ въ одно время совершается развитіе разныхъ состояній другъ изъ друга. То-же самое бываетъ и въ пластическомъ искусствѣ. У Грековъ, умѣвшихъ извлекать самое полное и самое тонкое значеніе изъ виѣшняго, чувственного созерцанія, можетъ быть, самую характеристическую черту ихъ умственной дѣятельности составляетъ ихъ отвращеніе отъ всего преувеличенного, всего чрезмѣрного, и — при всей живости и свободѣ ихъ воображенія, при всей наружной необузданности чувства, при измѣнчивости душевныхъ настроеній, при подвижности воли отъ одного намѣренія къ другому, — ихъ врожденная наклонность держать въ границахъ равновѣсія и гармонія все, что у нихъ развивалось. Они обладали больше всякаго другаго народа тактомъ и вкусомъ, и вкусъ, обнаруживающійся въ ихъ твореніяхъ, попрвмуществу отличается еще тѣмъ, что оскорблѣніе деликатности чѣства никогда не избѣгалось съ ущербомъ для его силы или естественности. Внутреннее чувство, даже не уклоняясь отъ правильнаго пути развитія, допускаетъ болѣе сильныя противорѣчія, болѣе рѣзкіе переходы, раздвоенія души непроходимою бездной. Всѣ эти явленія обыкновены поэтому у новѣйшихъ народовъ, хотя начинаются уже у Римлянъ.

Различие народовъ по особенности духа представляетъ поле неизмѣримой обширности и неизслѣдимой глубины. Ходъ настоящихъ изслѣдованій не позволилъ мнѣ оставить его.

вовсе нетронутымъ; но можетъ показаться, что *характера народовъ* я слишкомъ много искалъ во внутреннемъ *настроенииъ души*, тогда-какъ оно, напротивъ, живо и наглядно раскрывается въ *дѣйствительности*. Кромѣ языка и словесныхъ произведеній, оно обнаруживается въ *физиономіи*, тѣлосложеніи, одѣждѣ, вѣрахъ, образѣ жизни, семейныхъ и гражданскихъ постановленіяхъ и всего прежде въ томъ духѣ, какимъ народы въ-течение вѣковъ обнаружеваютъ свои произведенія и дѣянія. Эта живая картина какъ-будто превращается въ какую-то тѣнь, какъ-скоро ищутъ образованія характера въ душевномъ настроеніи, лежащемъ въ основаніи тѣхъ живыхъ обнаружений. Но чтобы показать влияніе характера на языки, мнѣ казалось невозможнымъ обойтись безъ этого приема. Языкъ нельзя повсюду непосредственно связать съ тѣми фактическими обнаружениями характера. Надобно было найти нечто среднее, въ чёмъ-бы они сходились съ языкомъ, и выходя изъ одного источника, потомъ пролагали-бы себѣ особенные пути. Такимъ посредникомъ служить, очевидно, внутренняя глубина самого духа.

Столь-же трудно, какъ опредѣлить *особенность духа*, отвѣтить на вопросъ: какъ она внѣдряется въ языкъ? гдѣ скрывается въ языкахъ ихъ *характеръ*? Въ какихъ частихъ языка можно уловить его? Умственная особенность народовъ въ употреблении ихъ языковъ видима на всѣхъ стадіяхъ ихъ жизни. Ея *влияніе отталкиваетъ* и языки разнаго происхожденія, и языки одного и того-же корня, и нарѣчія одного языка, и наконецъ одно и то-же нарѣчіе, по различію вѣковъ и писателей. Въ послѣднѣмъ случаѣ характеръ языка примѣшивается къ *стилю*, но собственно принадлежитъ все-таки языку, потому что во всякомъ языке только некоторые роды стиля легки и естественны. Если будемъ наблюдать въ вышесчисленныхъ случаяхъ, различны-ли самые *звуки* въ словахъ и окончаніяхъ, какъ бываетъ въ разныхъ степеняхъ преобразованій того или другаго языка до нарѣчій, или влияніе умственной осо-

бенности ограничивается употреблениемъ слова въ синтаксическихъ оборотахъ, тогда-какъ *внѣшняя форма* остается вовсе, или, по крайней-мѣрѣ, въ сущности безъ перемѣны то увидимъ, что въ послѣднемъ случаѣ *влияне духа виднѣе*, но тоныше, такъ-какъ здѣсь языкъ достигаетъ уже высшаго интеллектуального развитія, а въ первомъ случаѣ оно сильнѣе, но менѣе замѣтно, потому-что связь звука съ душою можно опредѣленно узнавать и объяснять только въ немногихъ случаяхъ. Можно, впрочемъ, даже въ диалектахъ, мелкія преобразованія отдѣльныхъ гласныхъ, мало измѣняющія языкъ въ цѣломъ, не безъ основанія приводить въ связь съ душевными качествами народа, какъ замѣтили уже Греческие грамматики о мужественномъ дорическомъ а въ противоположность изнѣженному (*дреоне*)-Іоническому ае (*η*).

Въ эпоху первоначальнаго *образованія языка*, куда, соотвѣтственно нашей точкѣ зреінія, мы должны вознодить разноплеменные непроизводимые другъ отъ друга языки, преобладаетъ стремленіе выработать его строеніе истинно изъ самого духа, т. е. строеніе, наглядно имъ представляемое и живо понятное слушающему: при этой озабоченности души создать технику языка, влияние ея индивидуального настроенія вѣкоторымъ образомъ затемняется. Покойнѣе и яснѣе оно обнаруживается въ позднѣйшемъ употреблениіи языка; но все-же и этому всего сильнѣе и значительнѣе содѣйствуетъ, безъ сомнѣнія, первоначальное основаніе *народного характера*. Это содѣйствіе мы ясно видимъ на двухъ пунктахъ, которые, характеризуя интеллектуальное настроеніе въ цѣломъ, опредѣляютъ тѣмъ самимъ множество другихъ частностей. Вышеуказанные въ разныхъ языкахъ способы *соединенія стихій* въ *предложеніе* составляютъ самую важную часть ихъ техники. Здѣсь-то именно, во-первыхъ, развертывается ясность и опредѣленность логического порядка, который одинъ даетъ надежное основаніе для вольнаго полета мыслей и вмѣстѣ устанавливаетъ правильность и границы интеллектуальной дѣятельности; въ здѣсь-же, во-вторыхъ, болѣе или

менѣе замѣтно обнаруживается требование чувственного богатства и гармоніи, потребность души давать вѣнчаную оболочку звукомъ всему, что только понято и почувствовано ею внутри. Но въ этой технической формѣ языковъ, навѣрное, скрываются еще слѣды другихъ, болѣе специальныхъ особенностей народовъ, хотя ихъ нельзя съ такой-же увѣренностью выводить изъ самыkhъ явлений. Не ясно-ли, напримѣръ, что тонкое различие между множествомъ гласныхъ и ихъ положеній и умное употребленіе ихъ, притомъ недопускающее другаго способа словообразованія и сопровождающее отвращеніемъ отъ словосложенія, не ясно-ли, что эта тонкость звукового смысла обнаруживаеть и поддерживаеть въ народахъ семитического племени, особенно у Арабовъ, перевѣсь острого, замысловатаго разсудка? Этому, повидимому, противорѣчить картинность Арабскаго языка. Но, если не будетъ слишкомъ изысканною уточненностью, я готовъ сказать, что картинность даютъ ему только разъ когда-то въ немъ образовавшіяся слова, а самъ языкъ, въ-сравненіи съ Санскритскимъ и Греческимъ, гораздо менѣе имѣть средствъ давать вольный полетъ развитію всякаго рода поэзіи изъ самой себя. Миѣ кажется вѣрными по крайней мѣрѣ, что то состояніе языка, когда онъ, какъ вѣрный представитель своей эпохи, содержитъ въ себѣ много поэтически-образованныхъ частностей, надобно отличать отъ того состоянія, когда самый организмъ его, въ звукахъ, въ формахъ, въ оборотахъ и конструкції рѣчи, пред-оставляемыхъ свободному употребленію, усъянъ незаглушими ростками вѣчно дающей отрыски поэзіи. Въ первомъ изъ упомянутыхъ состояній разъ отгиснутыя формы мало-по-малу застываютъ и ихъ содержаніе чувствуется уже безъ вдохновительного вліянія. Въ послѣднемъ поэтическая форма языка можетъ усвоивать себѣ самъ-собою умножающейся матеріаль всѣ въ новой свѣжести, смотря по степени умственнаго образования каждого вѣка и по роду генія писателей. Сказанное выше по поводу флексивной системы и здѣсь находить себѣ под-

твржденіе. Истинное преимущество языковъ другъ передъ другомъ состоитъ въ мѣрѣ ихъ способности всѣмъ ходомъ своего развитія настраивать духъ къ дѣятельности по опредѣленнымъ законамъ и къ развитію каждой его способности, или, выражая вліяніе духа на языки, въ той мѣрѣ, въ какой они носятъ на себѣ печать дѣйствія чистой, вѣрной себѣ самой и живой силы духа.

Въ языкахъ одной системы *образованія*, какъ напр. въ Санскритскомъ, Греческомъ и Нѣмецкомъ, въ которыхъ во всѣхъ господствуетъ флексія, образуемая и измѣненіемъ буквъ и наращеніемъ, — первымъ, впрочемъ, рѣдко, а обыкновенно вторымъ, — и въ такихъ языкахъ могутъ быть, въ *примѣненіи* общей системы ихъ *образованія*, значительныя разницы, зависящія отъ особенности духа. Одну изъ самыхъ важныхъ разницъ составляетъ болѣе или менѣе очевидное господство правильныхъ и полныхъ по своему количеству *грамматическихъ понятий* съ распределеніемъ звуковыхъ формъ для ихъ выраженія. По мѣрѣ того, какъ это господство при высшей обработкѣ языка усиливается, народъ перестаетъ дорожить чувственою полноозвучностью и разнообразiemъ формъ и озабочивается опредѣленностью и строго-отчетливою тонкостью ихъ употребленія. Это можетъ встрѣчаться, стало быть, и въ одномъ языкѣ въ разныя времена. Такое тщательное распределеніе формъ по грамматическимъ понятиямъ рѣшительно обнаруживаетъ въ себѣ языкъ Греческій, а обращая вниманіе на разницы въ нѣкоторыхъ его діалектахъ, мы замѣчаемъ въ немъ вмѣстѣ наклонность избавиться отъ чрезмѣрного полноозвучія слишкомъ полновѣсныхъ формъ, наклонность сжимать ихъ, или замѣнять кратчайшими. Юношеская звонкость рѣчи въ ея *чувственномъ* явленіи больше сосредоточивается приоровленіемъ ея къ внутреннему *изображенію мысли*. Время содѣйствуетъ этому двоякимъ образомъ: съ одной стороны умъ, съ успѣхами своего развитія, все болѣе и болѣе склоняется къ внутренней дѣятельности; съ другой стороны, употребленіе языка съ теченіемъ времени урѣзываетъ и упрощаетъ тѣ формы, въ которыхъ умственная осо-

бенность народа не сохранила въ цѣлости всѣхъ искони знаменательныхъ звуковъ. Въ Греческомъ, въ-сравненіи съ Санскритскимъ, это направление уже очевидно, хотя не въ такой степени, чтобы оно одно могло служить достаточнымъ основаниемъ для объясненія всѣхъ явлений въ цѣломъ. Если въ Греческомъ употребленіи формъ дѣйствительно видно, какъ мнѣ кажется, болѣе зрѣлое интеллектуальное направление, то въ сущности оно происходитъ изъ врожденной способности народа быстро, тонко и мѣтко раздѣлять понятія при ихъ развитіи. У Нѣмцевъ высшее образованіе застало знаменательные звуки въ формахъ уже до такой степени истертыми и урѣзанными, что этимъ ихъ состояніемъ, вѣроятно, и надобно объяснять недостатокъ расположженія къ чувственной наглядности и преобладающую наклонность сосредоточиваться въ чувствѣ. Въ Римскомъ языкѣ звуковое образованіе никогда не было подъ вліяніемъ стремленія къ роскошной полнотѣ звуковъ и особенной свободы фантазіи: зрѣлый и серьѣзный смыслъ народа, наиболѣе расположенный къ дѣйствительности и къ болѣе цѣнной сторонѣ ея интеллектуального содержанія, не давалъ большой свободы звукамъ разрастаться до излишней роскоши. Въ грамматическихъ формахъ Греческаго языка, конечно, безошибочно можно признать предпочтительно предъ всѣми другими языками этого племени, особенную легкость, поэтичность и прелесть, какъ следствіе особенной живости воображенія и тонкости чувства изящнаго.

По различию особенности духа, одноплеменные народы не въ одинаковой также мѣрѣ пользуются *техническими* средствами своего языка. Напомину здѣсь только о состояніи словосложенія въ разныхъ языкахъ. Санскритскій пользуется словосложениемъ въ самомъ обширномъ размѣрѣ, какой только можетъ быть допущенъ въ какомъ-либо языкѣ; въ Греческомъ сложные слова употребляются умѣреннѣе и по различію діалектовъ и стиля различно. Въ Римской литературѣ они встрѣчаются въ большемъ количествѣ у самыхъ древнихъ писателей и съ успѣ-

хами обработки языка болѣе и болѣе выходить изъ употребления.

Только при строгомъ разборѣ, но зато определенно ясно, характеръ оказывается въ различномъ міросозерцаніи народовъ, какъ оно выражается оттѣнками значенія словъ. Выше (стр. 283, 289, 290) я объяснялъ, что едва-ли хотя одно слово разными лицами представляется одинаково; развѣ только оно употребляется въ извѣстную минуты въ видѣ вещественного знака своего понятія. Поэтому можно прямо утверждать, что въ каждомъ словѣ есть что-то невыразимое самыми звуками и что слова разныхъ языковъ, означающія, въ цѣломъ, одни и тѣ-же понятія, все-таки не настоящіе синонимы. Этихъ оттѣнковъ, судя строго и точно, нельзя уловить посредствомъ логического определенія, и часто можно только какъ-бы указывать мѣсто, занимаемое ими въ области, къ которой они принадлежать. Какъ это бываетъ въ названіяхъ даже *вещественныхъ предметовъ*, я объяснялъ уже выше. Настоящее-же мѣсто для разнообразія оттѣнковъ значенія собственно въ именахъ *умственныхъ понятий*. Здѣсь въ одномъ языкѣ слово рѣдко выражаетъ то-же самое, что въ другомъ, безъ того, чтобы не было между ними яснаго различія. Въ языкахъ грубыхъ и необразованныхъ народовъ, мы встрѣчаемъ, повидимому, противное, потому-что не понимаемъ тонкихъ оттѣнковъ значенія словъ. Но тщательное внимание въ другіе, высоко-образованные языки предостерегаетъ отъ этого опрометчиваго заключенія, я сравненіе однородныхъ выражений, синонимика нѣсколькихъ языковъ, какъ есть синонимика одного языка, можетъ привести къ значительнымъ результатамъ. При сильномъ умственномъ движеніи, эти разницы значеній, если разыскивать ихъ до тончайшихъ оттѣнковъ, какъ-бы текутъ въ языкѣ непрерывнымъ потокомъ. Каждый вѣкъ, каждый самостоятельный писатель невольно прибавляетъ или переначаиваетъ что-нибудь, потому-что не можетъ не коснуться языка своею индивидуальностью, а она требуетъ отъ него иного, своеобразнаго выраженія. Въ

такихъ случаяхъ было-бы поучительно предпринять двоякое сравненіе разнозычныхъ словъ, выражавшихъ въ цѣломъ одно и то-же понятіе, и словъ одного языка, относящихся къ одному кругу идей. Въ послѣднихъ умственная особенность выражается ихъ однородностью и единствомъ: во всѣхъ нихъ къ объективному содержанію понятія примѣшиваются одна и та-же субъективность. А первыя покажутъ, какъ одно и то-же понятіе, на пр. идея души, понимается разными народами съ разныхъ сторонъ, и такимъ образомъ дадутъ какъ-бы исторический очеркъ объема человѣческаго представлениія. Область послѣдняго можетъ получать расширение и въ отдѣльныхъ языкахъ, даже отъ отдѣльныхъ писателей. Въ обоихъ случаяхъ результатъ выходитъ частію отъ разнаго напряженія и различной совокупности умственныхъ силъ, частію-же изъ разнообразныхъ сочетаній, въ которыхъ умъ, ничего неоставляющей въ разрозненности, естественно, ставить понятія. Мы говоримъ здѣсь о выраженіи, вытекающемъ изъ полноты *умственной энзими*, а не объ *ученой* выработкѣ понятій, гдѣ они ограничиваются своими логически-необходимыми признаками. Изъ строго-систематического ученаго опредѣленія и установления понятій и ихъ выражений возникаетъ *научная терминология*, которая въ Санскрѣтскомъ языке разработана во всѣ эпохи философскаго мышленія и во всѣхъ областяхъ знанія: умъ Индійцевъ особенно расположень былъ заниматься опредѣленіемъ и перечисленіемъ понятій. Вышеупомянутымъ двоякимъ сравненіемъ уясняется въ сознаніи опредѣленная и тонкая разница между субъективными и объективными стихіями, и обнаружится, какъ эти два рода стихій беспрестанно дѣйствуютъ другъ на друга, и какъ возвышается и облагороживается дѣйствующая сила по-мѣрѣ-того, какъ познанія сводятся въ стройно-округленное цѣлое.

- Изложенный нами взглядъ на индивидуальные разницы значенія словъ не обнимаетъ собою случаевъ неправильного или недостаточного уразумѣнія понятій. Мы имѣли въ виду только

общее въ самомъ разнообразіи путей, правильное и змергическое стремлениe къ выражению понятій, при которомъ они представляются различно только по причинѣ отраженія ихъ безпредѣльно различными сторонами въ умственной индивидуальности. Но при отысканіи умственныхъ особенностей въ языкѣ всего прежде подлежитъ разсмотрѣнію *правильное разделеніе понятій* по ихъ различію. Если напр. въ какомъ-нибудь языкѣ два понятія, часто, но не необходимо соединяющіяся между собою, выражаются однимъ словомъ, то прямаго выраженія для каждого изъ нихъ порознь, можетъ быть, вовсе нѣтъ въ этомъ языкѣ. Примѣръ такого рода представляютъ въ некоторыхъ языкахъ слова, означающія *хотѣть*, *желать* и *быть*. О влияніи ума на выраженіе понятій по мѣрѣ сродства ихъ, требующаго одинаковыхъ звуковъ, и на происхожденіе метафоръ едва-ли нужно здѣсь распространяться особо.

Гораздо больше, чѣмъ на отдѣльныхъ словахъ, обнаруживается интеллектуальное различие народовъ въ *составѣ* рѣчи, въ объемѣ, какой они въ-состояніи давать *предложенія*, и въ разнообразіи, какого рѣчь достигаетъ въ границахъ этого объема. Здѣсь является подлинное выраженіе хода и *сцепленій мыслей*, которымъ рѣчь не можетъ вѣрно идти всѣдѣ, если языкъ не имѣетъ достаточнаго обилія средствъ для совокупленій рѣчи и не предоставляетъ вдохновительной свободы распоряжаться ими. Здѣсь отражается вся формальная сторона дѣятельности ума въ самомъ себѣ, и все это отраженіе опять дѣйствуетъ своею внутреннею формой на умъ. Степени различія здѣсь безчисленны, и значительные въ показанномъ смыслѣ частности не всегда можно точно и опредѣленно выразить словами. Но образуемыя ими особенности духа носятся легкимъ вѣяніемъ надъ цѣлымъ составомъ рѣчи.

До-сихъ-поръ я пересматривалъ отдѣльные пункты *взаимнаго влиянія* между *характерами народовъ* и *языками*. Но въ послѣднихъ есть два явленія, въ которыхъ не только самымъ рѣшительнымъ образомъ сходятся всѣ отдѣльные пункты, но гдѣ

и самая мысль объ отдельныхъ частностяхъ исчезаетъ подъ влияниемъ цѣлаго. Эти два явленія языка—поэзія и проза. Ихъ должно назвать *явленіями языка*, потому-что уже въ первоначальной закладкѣ его является предрасположеніе къ поэзіи или къ прозѣ предпочтительно или, въ-случаѣ истинно-высокаго достоинства формы языка, къ одинаковому развитію той и другой въ правильной соразмѣрности, и впродолженіе ихъ развитія не перестаетъ оказывать свое дѣйствіе на его успѣхи. На самомъ-же дѣлѣ поэзія и проза всего прежде—естественные *пути развиція человѣческой разумности* и необходимо должны развиться изъ нея, если только не тощи первоначальные сѣмена ея и имъ не суждено встрѣтить помѣхъ на пути своего развитія. Итакъ поэзія и проза заслуживають самаго тщательнаго изслѣдованія, и не только по своимъ *отношеніямъ другъ къ другу* вообще, но особенно по отношению ко времени ихъ происхожденія.

Если рассматривать поэзію и прозу въ одно время съ идеальной и съ конкретной стороны, въ высшей степени идеальной и конкретной, то въ нихъ обнаруживаются два разные пути къ одинаковой цѣли. Объ идти отъ дѣйствительности, но къ чему-то, ей не принадлежащему. Поэзія воспроизводить дѣйствительность въ ея *чувственномъ явленіи*, какъ оно понимается внѣшнимъ и внутреннимъ чувствомъ, не заботясь о томъ, отъ чего она есть дѣйствительность; поэзія даже съ намѣреніемъ отворачивается отъ этой стороны ея характера. Чувственное явленіе она со-вокупляетъ силу воображенія и ею-же возводить его въ художественно-идеальное цѣлое. Проза, напротивъ, ищетъ въ дѣйствительности именно корней, которыми она держится въ бытіи, иловить ити ея соединеній съ бытіемъ. Она смыкаеть носредствомъ строгаго мышленія фактъ съ фактомъ, понятіе съ понятіемъ, и добивается *объективной связи* въ идѣи. Таково различие между поэзіей и прозой по выражению истиннаго существа ихъ въ духѣ. Если-же смотрѣть только на то, какъ они могутъ выражаться языкомъ, и если въ языке брать въ разсчетъ

только частности, которые, хотя въ совокупности въ высшей степени значительны, но взятыя порознь почти безразличны; то, конечно, и прозаическое, по внутреннему свойству, направлению, можетъ выражаться и мѣрою рѣчью, и направление поэтическое — прозой, большею частію во вредъ тому и другому направленію, такъ-что поэтически-выраженный прозаизмъ, не достигая вполнѣ значенія поэзіи, не получитъ и настоящаго характера прозы, точно такъ-же, какъ и поэзія, переодѣтая въ прозу. Сила поэтическаго содержанія невольно влечетъ за собою и поэтическое выраженіе: бывали примѣры, что, подъ влияніемъ этой силы, поэтъ стихами оканчивалъ то, что началъ прозой. Но обѣимъ, если судить о той и другой по существу ихъ, однаково свойственно такое напряженіе душевныхъ силъ и такой размѣръ ихъ, какой нуженъ для того, чтобы полное прониканіе въ дѣйствительность сопровождалось достижениемъ идеальной связи безпредѣльного разнообразія; въ обѣихъ душа сосредоточиваетъ свои силы къ тому, чтобы послѣдовательно пройти опредѣленную дорогу. Но это сосредоточиваніе души на одномъ направлѣніи должно быть таково, чтобы имъ не исключалось свойственное духу народа противоположное направлѣніе, во чтобы, наоборотъ, облегчалось. Оба настроенія, какъ поэтическое, такъ и прозаическое, должны восполнять другъ друга въ своемъ содѣйствіи стремленію человѣка проложить для себя корни въ глубину дѣйствительности, но лишь для того, чтобы тѣмъ живѣѣ потомъ подниматься ему въ смыслѣ полетѣ въ болѣе вольную стихію. Поэзія народа не достигаетъ своей высшей степени, если она въ разнообразныхъ изгибахъ своего свободнаго полета не предвѣщаетъ выѣстѣ и возможності соотвѣтствующаго ей развитія въ прозѣ. Такъ-какъ духъ человѣка, при надлежащей силѣ и свободѣ, долженъ достигать развитія обѣихъ, поэзіи и прозы, то каждая изъ нихъ должна собою указывать на другую, какъ по обломку статуи узнаешь, что она составляла часть груши.

И прома не можетъ ограничиться только простымъ изобра-

женіемъ дѣйствительности и оставаться при однихъ чисто-смыслихъ цѣляхъ, служа только какъ-бы сообщеніемъ о дѣлахъ, безъ возбужденія ідей и ощущеній. Тогда она не отличается отъ обыкновенной разговорной рѣчи и недостигаетъ высоты собственного существа. Ее нельзя тогда называть путемъ умственнаго развитія въ ней иѣть тогда, кроме вещественнаго содержанія, никакихъ формальныхъ отношений къ умственному развитію. Если-же проза признаетъ высшій полетъ, то и средствъ для достиженія своей цѣли она ищетъ такихъ, которыя глубже затрагиваютъ душу, и она возвышается до той облагорожденной рѣчи, какую только и можно разумѣть, принимая прозу за спутницу поэзіи на умственномъ поприщѣ народовъ. Она требуетъ тогда пониманія своего предмета всею совокупностью душевныхъ силъ, и отъ этого возникаетъ въ то-же время такой способъ обработки его, при которой изъ предмета какъ-бы лучами разсыпаются во всѣ стороны всѣ дѣйствія, какія онъ можетъ оказывать. Здѣсь работаетъ не одинъ только аналитическій разсудокъ: всѣ прочія силы души участвуютъ въ дѣлѣ и образуютъ взглядъ, который съ усиленнымъ значеніемъ называются мыслящимъ. При этой совокупности силъ человѣческій духъ, кроме самой обработки предмета, кладетъ на рѣчь и печать своего собственнаго настроенія. Окрыленный полетомъ мысли, языкъ пользуется въ рѣчи своими собственными преимуществами, но подчиняя ихъ законодательно господствующей здѣсь цѣли. Ему сообщается нравственное настроеніе чувства и въ слогѣ свѣтится душа. Посредствомъ подчиненія и сочетанія предложеній, въ прозѣ совершенно особеннымъ образомъ развивается соответствующая развитію мыслей логическая звритмія, къ которой прозаическая рѣчь при общемъ возвышеніи своего полета настраиваетъ свою собственною цѣлью. Если этой звритміи слишкомъ предается поэтъ, то его поэзія становится похожею на риторическую прозу. Тогда-какъ все, сказанное здѣсь порознь, въ художественной прозѣ дѣйствуетъ совокупно, въ ней живо отра-

жается весь процессъ образования мысли и борьба ума съ предметомъ. Гдѣ только позволяетъ предметъ, мысль образуется свободно, какъ-бы непосредственнымъ наитіемъ вдохновенія, и въ области строгой истины она дышетъ самобытною красотою поэзіи.

Изо всего этого выходитъ, что *поэзія и проза*, со стороны *всеобщихъ требований*, подчинены однамъ и тѣмъ-же условіямъ. Въ обѣихъ духъ человѣка возбуждается и движется силою порыва, самобытно возникающаго изъ-внутри души. Во всемъ объемѣ своей особенности человѣкъ долженъ простираться мыслию и на виѣшній и на внутренній міръ, и постигая частности, долженъ оставлять въ цѣлости ихъ особенные формы, чтобы связать ихъ въ цѣлое. Но въ своемъ *направленіи* и въ *средствахъ* поэзія и проза отличны другъ отъ друга, и собственно никогда не могутъ слиться. По отношенію къ языку особенно надобно замѣтить, что *поэзія*, въ своемъ истинномъ существѣ, неразлучна отъ музыки, а проза, напротивъ, исключительно представлена языку. Всѣмъ известно, какъ строго было сочетаніе поэзіи съ инструментальною музыкой у Грековъ; то-же самое известно о лирической поэзіи у Евреевъ. О влияніи различныхъ тоновъ на поэзію было также упомянуто выше. Сколько-бы ни было поэзіи и въ мысли и въ языке, а все еще чувствуешь себя какъ-бы не въ самой области поэзіи, покуда неѣть въ ней музыкального элемента. Отсюда естественная связь между великими поэтами и композиторами, хотя музыка, по своей склонности къ самостоятельному развитію, безъ всякаго стѣсненія, иногда съ намѣреніемъ отстраняетъ отъ себя поэзію.

Судя строго, никакъ нельзя сказать, что проза *происходить изъ поэзіи*. Даже и тамъ, гдѣ онѣ являются въ такомъ видѣ на самомъ дѣлѣ исторически, какъ въ Греческой литературѣ (*),

(*) Обозрѣніе хода Греческой литературы со стороны склада рѣчи, изодѣ глубокой начитанности и изученія древнихъ, представляетъ *Бернгарди* во введеніи къ своему систематическому изложению синтаксиса Греческаго языка.

это явление, при правильномъ объясненіи, значить только, что проза возникла изъ недръ духа, въ-течение столѣтій развитаго чистѣйшою, разнообразнейшою поэзіей, и изъ обработаннаго такимъ образомъ языка. Но поэзія и проза существенно различны другъ оть друга. Сѣмѧ Греческой прозы, какъ и поэзіи, искона лежало въ Греческомъ духѣ, и благодаря его счастливой индивидуальности, обѣ стоять въ-уровень другъ другу въ своей особенности, безъ всякаго ущерба существу каждой. Уже Греческая поэзія обнаруживаетъ въ себѣ широкій и вольный полетъ ума и даетъ чувствовать потребность прозы. Обѣ совершенію естественно развились изъ общаго источника—изъ пробужденія разумности, которое благопріятствовало обѣимъ и только вѣшнимъ обстоятельствамъ могло-быть остановлено въ своемъ стремлениі къ полному ихъ образованію. Еще менѣе можно объяснять происхожденіе высшей прозы примѣсью поэтическихъ стихій, еще очень стѣсняемою опредѣленною цѣлію рѣчи и строгимъ вкусомъ. Разница поэзіи и прозы по существу ихъ, естественно, оказываетъ свое дѣйствіе и на языкѣ, и какъ въ прозѣ, такъ и въ поэзіи, языкъ дѣйствительно имѣеть свои особенности въ выборѣ выраженийъ, въ употребленіи грамматическихъ формъ и синтаксическихъ способовъ совокупленія словъ въ рѣчу. Но гораздо больше, чѣмъ въ этихъ частностяхъ, поэзія и проза расходятся между собою тономъ щылою, глубже основанномъ на существѣ ихъ. Какъ ни безпредѣльнъ и неистощимъ кругъ поэтическаго содержанія съ внутренней стороны, все-же онъ всякий разъ бываетъ замкнутъ, не все принимаетъ въ себя и принимаемое не оставляетъ въ первоначальномъ его свойствѣ; а мысль, не связанныя никакою вѣшнею формой, можетъ въ движениі своего развитія свободнѣе вдаваться во всѣ стороны, какъ въ пониманіи отдельныхъ явлений, такъ и въ совокупленіи ихъ общею идею. Потребность въ образованіи прозы предполагаетъ уже значительное богатство и свободу интеллектуальнаго развитія и свойственна народамъ только съ вѣкоторой опредѣленной поры умственного образо-

вания. Въ прозѣ есть еще другая сторона, которою она очаровывает и привлекает душу: это ея близость къ положеніямъ *обыкновенной жизни*, которая, при облагороженіи прозы, много можетъ выигрывать въ своемъ умственномъ значеніи и содержаніи, неисключительно не теряя отъ того своей истины и естественной простоты. Съ этой стороны даже *поэзія* можетъ принимать *прозаическую оболочку*, какъ-бы для того, чтобы представить чувство во всей чистотѣ его и истинѣ. Какъ самъ человѣкъ можетъ тяготиться языкомъ, находя его стѣснительнымъ для души и искажающимъ чистая ея обнаруженія, такъ онъ иногда же захочетъ-бы обойдтись въ своемъ чувствѣ и мысли безъ посредничества слова, такъ и въ самомъ высшемъ поэтическомъ настроеніи онъ, оставляя всѣ прикрасы слова, прибѣгаеть къ простотѣ прозы. *Поэзія*, по самому существу своему, всегда принимаетъ вѣшнюю *художественную форму*. А въ душѣ, въ противоположность *искусству*, можетъ господствовать наклонность къ *естественноти*, сохраняя впрочемъ въ ощущеніи дѣйствительности все идеальное ея содержаніе: это, какъ кажется, дѣйствительно составляетъ особеннѣсть *новѣвшихъ образованыхъ народовъ*. Вѣрно по-крайней-мѣрѣ, что таково именно умственное расположение *Нѣмецкаго духа*, и оно состоитъ въ-связи съ самымъ образованіемъ языка, которое, при одинаковой глубинѣ съ другими языками, менѣе ихъ чувственно. Поэтъ можетъ тогда съ намѣреніемъ держаться ближе къ дѣйствительной жизни, и, если у него достанетъ на то гenія, выполнять чисто-поэтическое созданіе въ прозаической обстановкѣ. Здѣсь стоять только напомнить *Гётеа* Вертера, который вся кому можетъ дать почувствовать, какъ необходимо связывать съ внутреннимъ содержаніемъ вѣшняя форма. Упоминаю впрочемъ объ этомъ лишь для того, чтобы показать, какъ изъ совершенно различныхъ настроеній души могутъ возникать сопоставительные положенія между *поэзіей* и *прозой* и сближенія между ними по внутреннему и вѣшнему существу, какъ такія явленія, которыя всѣ имѣютъ влияніе на *характеръ языка*; и въ

свою очередь еще очевидище испытываютъ на себѣ его *влияние*.

Впрочемъ, *поэзія и проза* получаютъ также и свой особый *колоритъ* каждая. Въ *Греческой поэзіи*, соразмѣрно съ общою особынностью духа, надъ всѣмъ господствовала *выпшия художественная форма*. Это происходило у нихъ между-прочимъ отъ живаго и постояннаго сочетанія поэзіи съ музыкой, а вмѣстѣ и особенно отъ тонкаго такта, съ какимъ народъ умелъ оцѣнивать и уравновѣшивать внутреннія дѣйствія на душу. Такъ *древняя комедія* облекалась въ богатѣйшій и разнообразнѣйшій ритмический уборъ. Чѣмъ глубже она спускалась иногда въ своихъ изображеніяхъ и выраженіяхъ къ обыденному, даже пошлому, тѣмъ живѣе чувствовалась потребность сохранить достойную осанку и походку выдержанностью внѣшней художественной формы. Высоко-поэтический тонъ, въ какомъ излагается въ полновѣсныхъ сценахъ совершенно-практическое, прадѣдовскіе здравомысліе, дорожащее простотою нравовъ и гражданскими доблестями, ставить душу, какъ это чувствуешь при чтеніи Аристофана, среди рѣшительныхъ противоположностей, которыя однако сходятся между собою въ дальнѣйшей глубинѣ своей. У Грековъ вовсе не было обычая примѣшивать къ поэзіи прозу, какъ видимъ у Индійцевъ и у Шекспира. Ощущая потребность сближенія сцены съ обыкновеннымъ разговоромъ и чувствуя, что самый длинный разсказъ въ устахъ дѣйствующаго лица драмы долженъ быть отличенъ отъ эпической декламаціи рапсода, какъ-бы живо впрочемъ онъ ни напоминалъ его другими своими сторонами, Греки избрали для этой части драмы особенный разиѣръ, занимающій какъ-бы средину между художественною формой поэзіи и естественною простотою прозы. И на прозу это общее направление оказалось свое дѣйствіе: оно сообщило болѣе художественности внѣшней ея формѣ. Въ критическомъ взгляде и оцѣнкѣ величайшихъ произведений особенно обнаруживается национальная особенность. Основаніе ихъ достоинствъ классические критики находятъ въ томъ, въ чёмъ

мы решительно разошлись съ ними, именно: въ тонкостяхъ ораторского ударения, въ искусствъхъ фигурахъ и во вѣшиностяхъ построения періодовъ. Объ общемъ дѣйствіи цѣлаго, о наглядности внутренняго развитія мысли, отъ котораго зависитъ самый слогъ, какъ его отраженіе, кажется, вовсе забываешь при чтеніи такихъ писателей, какъ *Диомесій Галликанасский* въ относящихся сюда частяхъ своего сочиненія. Между-тѣмъ, отстраняя то, что есть въ этого рода критикѣ односторонняго и мелочнаго, нельзя отрицать, что изящество тѣхъ великихъ образцовъ заключается вмѣстѣ и въ мелочахъ, и строжайшее изученіе этого взгляда дѣйствительно глубже вводить въ особенность Греческаго духа. Творенія генія оказываются свое дѣйствіе, конечно, тѣмъ самымъ путемъ и тѣмъ способомъ, какъ они понимаются народомъ, и вліяніе ихъ на языкъ, о которомъ здѣсь говорится, зависитъ именно отъ этого пониманія по-преимуществу.

Постепенный ходъ развитія *образованія* духа приводить его къ такой степени, на которой онъ, какъ-бы отказываясь отъ чаяній и гаданій, старается дать своимъ познаніямъ основательность и совокупить запасъ ихъ въ одно цѣлое. Это эпоха происхожденія *науки* и развивающейся изъ нея *учености*: этотъ моментъ въ высшей степени обиленъ своимъ вліяніемъ на языкъ. О терминологіи, образуемой въ школѣ науки, я уже говорилъ (стр. 307). Здѣсь кстати коснутся общаго вліянія этой эпохи, такъ-какъ наука требуетъ для себя одѣянія въ строгомъ смыслѣ *прозамческаго*, а поетическое достается ей только случайно. Вотъ въ этой области умъ имѣеть дѣло уже исключительно съ *объективными* содержаніемъ, а съ *субъективными* лишь по-мѣрѣ необходимости: онъ ищетъ *истину* и удаленія вся-
каго виѣшняго и внутренняго призрака. И только въ этой обра-
боткѣ языкъ получаетъ окончательную опредѣленность для отли-
чія и установленія *понятій* и самую чистую оцѣвку склада *пред-
ложеній* и ихъ частей по отношенію ихъ къ одной общей цѣли.
А научная форма совокупности познаній и установки отноше-

нія ихъ къ познающей способности надѣляетъ умъ чѣмъ-то новымъ, что по своей *возвышенности* превосходитъ всякую отдельную частность: это дѣйствуетъ вмѣстѣ и на языкъ, сообщаетъ ему характеръ благородной *строгости* и сопряженной съ наивысшою ясностью *силы*. Съ другой стороны употребленіе языка въ этой области пріучается къ *спокойствію* и *воздержности*, а въ синтаксической складѣ — къ избѣганію всякаго искусственного *сияння*, сколько-нибудь затрудняющаго прямое уразумѣніе и неужнаго для простаго изложенія самаго дѣла. Такимъ образомъ тонъ ученой прозы совсѣмъ иной, чѣмъ прозы, изображенной выше. Здѣсь языкъ, вмѣсто того, чтобы давать волю своей самостоятельности, сколько можно, долженъ приноситься къ мысли, вдти вслѣдъ за нею и представлять ее собою. Въ доступномъ нашему обозрѣнію ходѣ развитія человѣческаго духа, Аристотель справедливо можетъ быть названъ основателемъ науки и научнаго направлѣнія. Стремленіе къ тому, естественно, возникло уже раньше, и успѣхи его, конечно, были постепенны; но только у Аристотеля оно сомкнулось въ полноту понятія. Это понятіе какъ-бы внезапно раскрылось въ немъ въ небывалой до-тѣхъ-поръ ясности: по изложению и по методѣ изслѣдованія, между нимъ и его ближайшими предшественниками лежитъ рѣшительная пропасть, безъ всякаго перехода какой-либо постепенностью. Онъ разыскивалъ факты, собирая ихъ и старался возводить къ общимъ идеямъ. Онъ подвергалъ разбору построенные до него системы, показывая ихъ несостоятельность, и своей собственной системѣ старался дать основаніе, выведенное изъ глубочайшаго изслѣдованія познавательной способности въ человѣкѣ. Въ то-же время всѣ познанія, какими обладалъ его исполинскій умъ, онъ совокупилъ въ одно цѣлое, основанное въ своемъ построеніи на порядке понятій. Изъ этой пытливости, равно простиравшейся и въ глубину и въ ширину, изъ этого взгляда, съ одинаковой строгостью обращаемаго и на содержаніе и на форму познанія, изъ этой заботливости устранить всякое обольщеніе на-

ружностью при отыскиваниі истины, — словомъ, изъ самой методы мышленія и изслѣдованія у Аристотеля долженъ быть возникнуть языкъ, составляющій разительную противоположность языку непосредственнаго его предшественника и современника, Платона. На самомъ дѣлѣ ихъ нельзя помѣстить въ одинъ періодъ развитія: дикція Платона составляетъ верхъ зрѣлости уже не воскресавшей болѣе эпохи; Аристотелевская дикція начинаетъ новый періодъ. Въ этомъ разительно обнаруживается влияніе особенной методы философскаго мышленія на языкъ. Конечно, весьма ошибались тѣ, которые безукрашенный, лишенный прелести и часто, безспорно, суровый языкъ Аристотеля приписывали природной сухости и какъ-бы скучности его духа. Музыка и поэзія составляли значительную часть его занятій. Ихъ дѣйствіе, какъ видно уже изъ немногихъ сохранившихся сужденій его объ этомъ профиете, глубоко западало въ его душу, и только врожденная склонность могла привести его къ этой вѣтви литературы. У насъ есть еще его гимнъ, исполненный поэтическаго одушевленія; а если бы дошли до насъ его экзотерическая сочиненія, особенно разговоры, то наше сужденіе объ объемѣ его слога вышло-бы, вѣроятно, совсѣмъ иное. Да и въ дошедшихъ до насъ сочиненіяхъ, какъ напр. въ Этикѣ, нѣкоторыя мѣста достаточно показываютъ, какой высоты онъ могъ достигать въ способѣ выраженія. Истинно-глубокая отвлеченная философія имѣть свои особенные пути для достиженія возвышенности выраженія. Зрѣлость и самая замкнутость понятій, если ученіе исходить отъ истинно-творческаго ума, сообщаетъ и языку возвышенность, соответствующую глубинѣ мысли.

Совершенно особеннаго рода изяществомъ отличается философскій языкъ, образовавшійся въ изслѣдованіи отвлеченныхъ понятій въ сочиненіяхъ Фихте и Шеллинга, и, хотя только въ отдельныхъ частностяхъ, но за то поразительно, у Канта. Результаты изслѣдованій положительныхъ наукъ по-преимуществу способны не только облекаться въ готовую величе-

ственную прозу, развивающуюся изъ глубокаго всеобщаго взгляда на цѣлость природы; но такое ихъ изложеніе поощряетъ самыя взысканія, воспламеняя умъ, который только и можетъ повести къ великимъ открытиямъ. Если я упомяну здѣсь относящіяся къ такому роду литературы сочиненія *моего брата*, то, думаю, повторю только общее, часто высказывающее мнѣніе.

Область знанія можетъ сводомъ сходиться кверху со всѣхъ пунктовъ: этотъ подъемъ зданія къ общей вершинѣ состоить въ тѣснѣйшей связи съ самой строгой и полной обработкой всѣхъ вещественныхъ основъ зданія. Только въ томъ случаѣ, когда ученость и стремленіе къ ея расширению не проникнуты чистымъ умомъ, страдаетъ вмѣстѣ и языкъ: это одна изъ сторонъ, съ которыхъ прозѣ угрожаетъ тогда упадокъ, точно также какъ при упадкѣ образованнаго, обильнаго мыслями разговора до повседневной или условной болтовни. Словесныя произведенія достигаютъ зреѣости только тогда, когда ихъ влечеть къ тому за собою полетъ духа къ развитію и расширению своего собственнаго образования и къ совокупленію съ своимъ существомъ всего міра. Этотъ полетъ является въ безчисленныхъ степеняхъ и видахъ, но по своему природному влечению всегда стремится наконецъ достигнуть этого великаго совокупленія, хотя-бы даже человѣкъ не сознавалъ того въ каждомъ отдельномъ случаѣ. Гдѣ интеллектуальная особенность народа не довольно сильно влечеть его на эту высоту, или гдѣ языкъ, при интеллектуальномъ упадкѣ народа, покидается духомъ, которому онъ только и можетъ быть обязанъ своей силой и свѣжестью жизни, тамъ никакъ не возникнетъ высокая проза, и возникшая прежде упадетъ, если дѣятельность ума превратится въ ученое крохоборство.

Поззія принадлежитъ только некоторымъ моментамъ жизни и некоторымъ настроеніямъ духа; проза сопровождаетъ человѣка постоянно и во всѣхъ обнаруженіяхъ его умственной дѣятельности. Она прилагается къ каждой мысли и къ каж-

дому чувству, и когда, по определенности, ясности, гибкой живости, по благозвучию и стройности языка, достигает въ своей обработанности до способности предпринимать высшій полетъ съ каждого пункта, но вмѣстѣ съ тонкимъ тактомъ, строго различающимъ, гдѣ и сколько приличенъ такой полетъ въ каждомъ отдельномъ случаѣ, тогда она обнаруживаетъ въ себѣ и вмѣстѣ вызываетъ и облегчаетъ свободное, легкое, но всегда вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрительное движение духа въ ходѣ своего мышленія. Это высшая степень, которой языкъ можетъ достигать въ образованіи своего характера, и которая потому имѣеть надобность въ самыхъ широкихъ и самыхъ надежныхъ основаніяхъ, начиная съ самыхъ первыхъ зародышей вицѣней формы языка.

При такой разработкѣ прозы, поэзія не можетъ отстать отъ нея въ своемъ развитіи, ибо обѣ проис текаютъ изъ одного источника. Но она и одна можетъ достигать высокой степени, хотя бы проза съ своей стороны не достигала равной съ нею высоты. Окончательная же полнота развитія языка достигается всегда только успѣхами той и другой вмѣстѣ. Греческая литература представляетъ намъ ходъ языка въ этомъ отношеніи, хотя, къ-сожалѣнію, съ большими пробѣлами, но несравненно полнѣе, чѣмъ всякая другая литература. Безъ замѣтнаго вліянія чужихъ словесныхъ произведеній, хотя вліяніе чужихъ идей этимъ, конечно, не исключается, Греческий языкъ съ Гомера до Византійскихъ писателей, развивается по всѣмъ fazамъ своего поприща единственно изъ себя самого и изъ преобразованій национального духа вслѣдствіе внутреннихъ и внешнихъ историческихъ переворотовъ. Особенность Греческихъ племенъ составляла свойственная всему народу подвижность, добивавшаяся свободы и господства вмѣстѣ, хотя господство это предоставляло покореннымъ племенамъ болѣею частю только тѣнь свободы. Подобно волнамъ окружающего ихъ моря, со всѣхъ сторонъ замкнутаго, эта подвижность въ тѣсныхъ границахъ занимаемаго ими пространства, производила

безпрестанные перевороты, перемѣны житѣльства, смѣну величія и власти, и постоянно давала духу новую пищу и новые побужденія излиться въ каждомъ родѣ дѣятельности. Тотъ-же народный духъ господствовалъ у Грековъ, когда они дѣйствовали вдали отъ родины, въ основанныхъ ими колоніяхъ. Покуда продолжалось это состояніе, внутреннее народное начало проникало языкъ и словесныя произведенія. Въ этомъ periodѣ живо чувствуешь, какъ по всѣмъ произведеніямъ духа проходитъ общая внутренняя связь и какъ живо соприкасаются другъ къ другу поэзія и проза и всѣ роды ихъ. Но съ Александра великаго, когда Греческій языкъ распространенъ бытъ завоеваніемъ, и позднѣе, когда онъ, какъ языкъ побѣженного народа, связанъ бытъ съ господствующимъ языкомъ побѣдителей, хотя возникали еще отличные умы и поэтическіе таланты, но одушевляющее начало уже умерло, а съ нимъ и живое творчество духа изъ полноты собственной силы. Въ первый разъ тогда действительно открылась знанію огромная часть земнаго шара, и въ лицѣ и въ ученіи Аристотеля уяснилась для ума идея ученаго наблюденія и систематической обработки всей области знанія въ истинно-всемирно-исторической связи, въ какую могъ привести ее этотъ необыкновенный умъ, богатый и фактами и идеями. Миръ предметовъ сталъ теперь съ большими перевесомъ силы передъ субъективнымъ творчествомъ, а оно подавлялось еще больше прежней литературой, которая послѣ того, какъ исчезло въ ней одушевлявшее ее начало, вмѣстѣ съ свободой, изъ которой, оно пристекало, должна была казаться силой, съ которой не смотря на многоразличныя попытки подражанія, собственно нельзѧ уже было вступать въ настоящее соперничество. Съ этой эпохи начинается постепенный упадокъ языка и литературы. Ученая-же дѣятельность обратилась теперь къ обработкѣ языка и литературы въ томъ состояніи, въ какомъ они сохранились отъ цвѣтущаго своего состоянія, такъ-что до настѣ дошла какъ большая часть творений той великой эпохи, такъ и самыи способъ, какъ эти

творенія отражались въ изученіи, сознательно устремленномъ на нихъ позднѣйшими поколѣніями народа всегда себѣ равнаго, но угнетаемаго внѣшними судьбами.

О *Санскритскомъ* языке, при вынѣшнихъ нашихъ познаніяхъ въ его литературѣ, нельзя съ достовѣрностью судить, до какой степени и объема развилась въ ней, вмѣстѣ съ поэзіей, и *проза*. Впрочемъ, обстоятельства гражданской и общественной жизни едва-ли доставляли столько случаевъ къ развитию прозы, сколько поэзіи. Греческій духъ и характеръ, можетъ бытъ, больше, чѣмъ у всякаго другаго народа, уже самъ по себѣ побуждалъ людей къ такимъ собраніямъ, въ которыхъ разговоръ составлялъ если не единственную цѣль, то по-крайней-мѣрѣ главную приправу. Производство дѣлъ въ судебныхъ мѣстахъ и въ народныхъ собраніяхъ требовало краснорѣчія, дѣйствующаго на убѣжденія и на расположение души. Эти и другія подобныя условія могутъ быть причиною, если между остатками Индійской литературы и впредь не окажется ничего, что по слогу можно-бы было поставить въ сравненіе съ историками, ораторами и философами Греческихъ. Языкъ богатый, гибкій, снабженный всѣми средствами, которыя даютъ рѣчи зрѣлость, достоинство и прелестъ, хранить въ себѣ, очевидно, всѣ зародыши подобнаго развитія, и въ высшей прозаической обработкѣ онъ, конечно, развилъ-бы въ себѣ еще иные характеристическая особенности, отличныя отъ тѣхъ, какія мы знаемъ въ немъ нынѣ. Такъ заставляетъ уже думать тонъ рассказовъ *Гитопадеша*, тонъ простой, полный прелести, удивительно очаровывающій въ одно время вѣриностью и иѣжностью изображеній и совершенно особеннымъ остроуміемъ.

Римская проза стояла совсѣмъ въ иныхъ отношеніяхъ къ поэзіи, чѣмъ *Греческая*. На это съ одинаковой силой дѣйствовала какъ подражательность Римскихъ писателей Грекамъ, такъ и собственная ихъ, всюду просвѣчивающая оригинальность. На свой языкъ и слогъ Римляне видимо наложили печать своего внутренняго и внѣшняго политического развитія. Буду-

чи поставлены вмѣстѣ съ литературой совершенно въ иныхъ отпоменія по времени, они не могли уже получить искони-
еественнаго развитія, какое мы видимъ у Грековъ съ
Гомерического периода и подъ продолжающимся вліяніемъ
древнѣйшихъ пѣсенъ. Всѧкая, оригинальная Римская проза
возникла непосредственно изъ души и характера, создана му-
жественною сущностью, строгостью нравовъ и исключитель-
нымъ патріотизмомъ, всѣми этими качествами какъ положительно,
такъ и противоположностью ихъ позднѣйшему нравственному
растѣнію. Римская проза гораздо меньше имѣеть чисто-
интеллектуального колорита: по всѣмъ этимъ причинамъ вмѣстѣ
она не могла развить въ себѣ наивной прелести нѣкоторыхъ
Греческихъ писателей, которая у Римлянъ является только въ
поэтическомъ настроеніи, такъ какъ поэзія имѣеть силу прив-
одить душу во всякое состояніе. При всякомъ сравненіи вооб-
ще, въ какое только можно поставить Греческихъ писателей съ
Римскими, у первыхъ оказывается меньше торжественности,
больше простоты и естественности. Отсюда возникаетъ силь-
ное различіе между прозой обоихъ народовъ: трудно повѣрить,
чтобы такого писателя, какъ Тацитъ, дѣйствительно почувствово-
вали современные Греки. Такая проза иначе должна была
подѣйствовать и на языкъ, тѣмъ болѣе, что и ему данъ былъ
такой-же толчекъ тою-же самой национальной особенностью.
Изъ такой прозы не могло произойти той, какъ-бы безгра-
ничной гибкости языка, которая иовинуется каждой мысли, слѣ-
дуетъ за умомъ на всякомъ пути, и именно въ этой всесторон-
ности и ни отъ чего неубѣгающей подвижности находить свой
настоящій характеръ; такая проза точно также не могла быть
и произведеніемъ такой гибкости. Взглядъ на прозу у *новѣй-
шихъ народовъ* завелъ-бы въ соображенія еще болѣе запутан-
ныя: потому-что гдѣ новѣйшіе народы не были оригиналны, тамъ
они не могли не увлекаться Греками и Римлянами, и въ
то-же время совершенно новыя отношенія произвели у нихъ
до-тѣхъ-поръ невиданную оригинальность.

Со времени мастерскихъ изысканій Вольфа о происхожденіи Гомерическихъ пѣсней, конечно, всѣми признано, что народная поэзія по изобрѣтеніи письма долго еще можетъ оставаться не писанною, и что обѣ эпохи отнюдь не совпадаютъ одна съ другою непремѣнно. Будучи назначена служить украшеніемъ минутнаго настоящаго и содѣйствовать отправленію праздничныхъ обрядовъ, древнѣйшая поэзія такъ тѣсно была связана съ жизнью, и вмѣстѣ такъ свободно текла изъ головы поэта и изъ разумѣнія его слушателей, что ей должна была оставаться чуждою холодная разсчитанность, сопровождающая записываніе. Она лилась изъ устья поэта или школы пѣвцовъ, усвоившихъ себѣ его твореніе, живымъ речитативомъ, который сопровождался пѣніемъ и инструментальною музыкой. Словами составляли только часть этого речитатива и были неразлучно связаны съ нимъ. Весь этотъ речитативъ въ живой совокупности передавался слѣдующимъ временамъ и никому не могло приходить въ голову разрознить то, что такъ крѣпко и естественно связано. Судя по тому, какъ органически срошена была поэзія своими корнями съ умственнюю жизнью народовъ въ этотъ періодъ, тогда не могла возникнуть мысль предать поэзію письменности. Записываніе предполагаетъ разсудочное соображеніе, которое всегда развивается послѣ чисто-естественного употребленія въ теченіе времени, предполагаетъ большее развитіе отношеній гражданской жизни, которое находитъ на мысль разлагать сложную дѣятельность на стихіи и упрочивать на долго совокупность ея пріобрѣтений. Только тогда могла ослабнуть связь поэзіи съ изустнымъ ея употребленіемъ и съ обычаями жизни, при которыхъ она употреблялась. При необходимости поэтическаго расположения словъ и при метрѣ помошь письма была-бы по большей части излишнею для передаваемаго на память.

Совсѣмъ иное дѣло проза. Впрочемъ, главнаго затрудненія, рѣшаемаго здѣсь письменностью, отнюдь не должно искать, по моему убѣжденію, въ невозможности удерживать въ памяти

длинную неразмѣренную рѣчъ. У народовъ, какъ достовѣрно известно, есть просто-национальная проза, сохранляемая устнымъ преданіемъ, въ которой покрой и выраженіе, навѣрное, не случайны. У народовъ, вовсе не имѣющихъ письменности, мы находимъ въ сказаніяхъ особенный складъ языка, родъ стиля, судя по которому должно думать, что эти сказанія пороходятъ отъ одного лица другому лишь съ незначительными перемѣнами. Такъ точно дѣти при повтореніи слышанного разсказа обыкновенно совсѣмъ передаютъ самыя выраженія рассказчика. Изъ такихъ народныхъ сказаний я приведу напр. сказанія о *Такалое* на островѣ Тогѣ (*). У *Басковъ* донынѣ ходятъ такія неиспанныя сказки: въ переводѣ на Испанскій языкъ онѣ, по увѣренію туземцевъ, теряютъ всю свою прелестъ и естественную грацію — видимое доказательство, что при устной передачѣ соблюдается и внѣшняя ихъ форма, и даже она-то по-преиму-ществу и соблюдается. Народъ очень занятъ ими и онѣ дѣлятся по содержанію на разряды. Я самъ слушалъ одну изъ такихъ сказокъ, очень похожую на Нѣмецкую сагу о Гамельскомъ ловцѣ лягушекъ. Другія представляютъ, только съ разными перемѣнами, миѳъ о Геркулесѣ, а одна, совершенно мѣстная, на островѣ Изаро, въ бухтѣ Бермео, переносить исторію Геро и Леандра на монаха и его любовницу. При всемъ томъ письменность, о которой и не думаетъ древнѣйшая поэзія, необходимо и непосредственно имѣется въ виду первоначальною цѣлью прозы, еще прежде нежели она достигаетъ истинно-художественнаго образованія. Надобно изслѣдовывать или излагать факты, развивать и совокуплять понятія, стало быть, добиваться чего-то объективнаго. Настроеніе, которымъ это достигается, бываетъ холодно-обдуманное, расположенное къ изслѣдованію, къ отдѣленію истины отъ призраковъ и вѣряющее себя руководству разсудка. Всего прежде это настроеніе отвергаетъ въ рѣчи метръ, не потому собственно, чтобы его узы

(*) Mariner, Ч. II. стр. 377.

были тягостны, а потому, что въ немъ несть искаженіи въ свойствѣ самаго настроения; напротивъ, форма рѣчи, стѣсняюща языкъ настроениемъ извѣстнаго чувства, даже вовсе не соответствуетъ всесторонности всюду наслѣдующаго и все совокупляющаго разсудка. Для такой дѣятельности ума во всемъ ея ходѣ письменность совершенно кстати, даже необходима. Изслѣдуемое и самый ходъ изслѣдованія должны быть установлены твердо и опредѣленно. Самая цѣль дѣятельности есть совокупленіе всего, что можетъ быть совокуплено. Исторія должна удержать улетающее съ теченіемъ времени, ученіе для дальнѣйшаго развитія своего должно соединять одно помолчкіе съ другимъ. Провинческое же развитіе въ первый разъ выдвигаетъ изъ массы отдельныя лица поименно, потому-что изслѣдованіе требуетъ личнаго освѣдомленія, посвѣщенія чужихъ краевъ, ведетъ къ усовершенствованію методы отдельными лицами; а истина нуждается, особенно въ тѣ времена, когда другихъ доказательствъ мало, въ личномъ ручательствѣ, и историкъ для удостовѣренія читателя уже не можетъ, какъ поэзія, ссылаться на обитателей Олимпа. Поэтому прозамѣческое настроеніе, развиваясь въ народѣ, непремѣнно должно искать пособій письменности, и введеніе письменности можетъ вызывать народъ къ прозамѣческому настроению.

Въ развитіи поэзіи отъ введенія письменности, по естественному ходу образованія народовъ, возникаетъ два ея рода (*): поэзія какъ-бы по-преимуществу *естественная*, изливаемая вдохновенiemъ, безъ всякаго расчета на искусство и безъ сознанія его, и позднѣйшая — *искусственная*, хотя-бы не менѣе той обязанныя своимъ бытіемъ глубокому и чистѣйшему поэтическому чувству. Въ области прозы подобное явленіе можетъ возникать совсѣмъ инымъ путемъ и въ иную пору, чѣмъ въ поэзіи. Кегда у народа, счастливо организованнаго для поэзіи и прозы, образуются обстоятельства, при которыхъ жизнь требуетъ сво-

(*) О древнѣйшей поэзіи у Грековъ и Индійцевъ превосходно сказано въ предисловіи къ Рамаянѣ А. В. Шлегеля.

бодного потока *красноречія*, тогда и здесь, только инымъ образомъ, возникаетъ такая-же связь прозаической рѣчи съ жизнью, въ какой мы видѣли выше поэзію. Этой прозѣ, вызываемой минутными потребностями жизни, точно также противень мертвый и колодный актъ записыванія, покуда она употребляется безъ разсчетовъ на искусство. Такъ, безъ сомнѣнія, было въ великую эпоху Афинской жизни между Персидскою и Пелопоннескою воиною и не сколько позже. Фемистокль, Перикиль и Алкивиадъ, конечно, развили въ себѣ сильные ораторские таланты; о двухъ послѣднихъ говорится это прямо. Между тѣмъ отъ нихъ не дошло до насъ ни одной рѣчи: передаваемыи историками, разумѣется, принадлежать имъ самимъ, и сами древніе, какъ видно, не имѣли ни одного сочиненія, которое можно-было бы приписывать имъ достовѣрно. Правда, во времена Алкивиада бывали уже писанныи рѣчи, а иногда производились сочиненныи не самими ораторами; но, судя по всемъ обстоятельствамъ государственной жизни того времени, люди, бывшіе истинными вождями государства, не могли находить нужнымъ записывать свои рѣчи ни прежде, ни послѣ ихъ произнесеній. И при всей своей безыскусственности, это естественное краснорѣчіе, какъ соответствующая ей изустава поэзія, содѣжало въ себѣ не только зародышъ, но во многихъ своихъ явленіяхъ недосягаемый идеалъ для поздѣйшаго ораторскаго искусства. Говоря о влияніи этихъ двухъ родовъ красноречія на языкъ, нельзя было не войти въ ближайшее разсмотрѣніе отношеній между ними. Поздѣйшимъ ораторамъ послѣ того, какъ столько великаго и славнаго въ пластическомъ искусстве и поэзіи вдохновляло гений ихъ предшественниковъ и воспитало вкусъ народа, языкъ достался въ такой полнотѣ и уточненности образованія, какою прежніе ораторы, конечно, не могли-быть похвалиться. Такое-же влияніе на языкъ долженъ быть произвести живой разговоръ въ философскихъ школахъ.

Перев. съ Нѣм. И. БИЛБЕРГИ.

(Продолженіе спредѣ).

ПЕРВАЯ ЛЕКЦІЯ ПО АНАТОМІЇ (*).

(Посланість Т. А. Ванцетти).

Мм. гг.! Въ первый разъ приступаю я къ чтенію съ кафедры университетской, и приступаю къ чтенію науки столь обширной, столь важной, имѣющей такое глубокое значеніе въ сферѣ знаній медицинскихъ, что невольно придешь въ волненіе и не безъ сомнѣнія спросишь себя: буду-ли я въ-силахъ замѣнить отсутствующаго профессора, чтеніе за котораго разрѣшено мною начальствомъ, въ состояніи-ли буду раскрыть предъ вами все богатство свѣдѣній анатомическихъ и еще болѣе, — станетъ-ли меня, чтобы поднять и укрѣпить васъ въ этихъ свѣдѣніяхъ на той высотѣ, какая необходима для успѣха каждого медика, а съ тѣмъ вмѣстѣ и для пользы той среды человѣчества, въ которой суждено будетъ вращаться вамъ, какъ облегчителямъ и — дай Богъ, чтобы почаще — спасителемъ страждущихъ нашихъ братьевъ? При такомъ вопросѣ самому себѣ, при той недовѣрчивости къ силамъ своимъ, какую сознаю я въ себѣ, естественно, и отвѣтъ долженъ быть скорѣе всего отрицательный, — и меня не было-бы въ настоящую минуту на кафедрѣ, еслибы въ сознаніи моемъ не выступало въ то же время, съ одной стороны, чувство неподдѣльной любви къ анатомії, составляющей главный предметъ занятій моихъ въ-теченіе восьми лѣтъ, съ другой — полная увѣрен-

(*) Читанная въ Императорскомъ Харьковскомъ университѣтѣ, 2-го сентября 1858 года, прозекторомъ, докторомъ Исполитомъ Вилкомирскимъ, по случаю пребыванія за границею ординарного профессора анатоміи. Т. С. Никонова.

ность въ вашей готовности, первые мои слушатели, и въ вашемъ искреннемъ желаніи извѣдать тайны науки, которая справедливо должна называться центромъ остальныхъ наукъ медицинскихъ. Уверенность моя основана на слишкомъ прочныхъ началахъ, чтобы подчинять ее какому-либо подозрѣнію. Какъ ни довольно протекло времени съ-тѣхъ-поръ, какъ я оставилъ самъ студентскую скамью, но во мнѣ живо и свѣжо еще воспоминаніе о томъ рвениі, могу смѣло сказать, о жадности къ познаніямъ, съ какою сѣлъ я, подобно вамъ, за тѣ-же скамы. Я не имѣю ни малѣйшаго повода и основанія не перенести тог-же чувства, тѣхъ-же стремленій и на васъ въ настоящую минуту, какъ не имѣю права подозрѣвать, чтобы выборъ вамъ медицинского, а не иного факультета, не былъ дѣломъ долговременной обдуманности и сознательной рѣшимости; а рѣшимость, вслѣдствіе прочной обдуманности, есть наилучшій залогъ и необходимой энергіи въ дѣлѣ и безкорыстной расположенностіи къ нему. Такое-то убѣжденіе въ обоюдной любви къ занятіямъ и дало мнѣ смѣлость не отказаться отъ назначенія замѣнить профессора, какъ ни велика отвѣтственность, какую возлагаютъ на меня откровенно предложенные мною въ началѣ вопросы и какъ ни громко отзываются они до сей минуты въ душѣ моей. Это убѣжденіе не только освобождаетъ меня отъ опасеній, боязни, а напротивъ пробуждаетъ во мнѣ горячее чувство благодарности за возможность принести посильную пользу и на другомъ поприщѣ для врача, — на поприщѣ расширенія круга дѣятелей для блага страждущаго человѣчества. Тамъ, гдѣ есть свободный выборъ, сознательная рѣшимость и любовь, нельзя сомнѣваться въ пользѣ: они даютъ слишкомъ твердое основаніе, чтобы имѣть право ручаться за прочность цѣлаго зданія, за прочное изученіе всей нашей науки, какъ основанія медицины, положенной вами въ основу всей будущей жизни, разумѣя подъ неюзваніе врача-практика. И такъ, съ полною надеждою на успѣхъ обращаюсь я къ чтенію анатомії.

Но прежде, чёмъ перейду непосредственно къ самой анатоміи, считаю необходимымъ хотя коротко описать науки о тѣлахъ неорганическихъ и органическихъ, о ихъ явленіяхъ, чтобы тѣмъ уяснить положеніе самого высшаго звѣна существъ органическихъ — человѣка; да же, скажу несолько словъ о жизни тѣлъ органическихъ вообще и въ-частности о тѣлѣ человѣческомъ; наконецъ, обращусь къ опредѣленію слова *анатомія*, къ ея раздѣлению на установленія въ ней въ послѣднее время составныя части и на отношенія ея къ прочимъ наукамъ медицинскимъ. Въ-заключеніе, представлю анатомическую во-менклатуру.

При наблюденіи надъ природою прежде всего вниманіе наблюдателя останавливается на тѣлахъ и затѣмъ на обнаруживающихся въ нихъ явленіяхъ. Громаднѣйшее множество тѣлъ въ природѣ, ихъ изумительно-разнообразнѣйшія явленія, въ глазахъ существа разумнаго, не представляютъ изъ себя мертвенностї; они одарены полною міровою жизнью, которую такъ превосходно выразилъ бессмертный *Fichte* въ слѣдующихъ словахъ: *So spricht die Natur zu bekannten, verkannten, unbekannten, Sinnen, so spricht sie mit sich selbst und zu uns durch tausend Erscheinungen; dem Aufmerksamten bleibt sie nirgends losl, noch stumt.* Внимательно углубляясь въ тѣла, мы замѣчаемъ, что одни изъ нихъ состоятъ изъ однородной массы, какъ минералы, другія не представляютъ такого свойства, какъ растенія и животныя. Отламывая, напр., кусокъ отъ мѣла или каменнаго угля, мы получимъ все тотъ-же мѣль и уголь; различіе будетъ состоять лишь въ объемѣ куска. Но въ одномъ изъ этихъ тѣлъ мы не замѣчаемъ частички, которая-бы существенно отличалась отъ другой: поэтому мы и не можемъ допустить, чтобы для образованія мѣла или каменнаго угля какая-либо частица была необходимою другою, чтобы одна имѣла особенную цѣль или особое назначеніе сравнительно съ другою: мельчайшая пылинка мѣла, оставшаяся на одеждѣ, точно такой-же мѣль, какъ и мѣловая масса, наполняющая горныя породы. Совсѣмъ другое находимъ, подвергая наблю-

дению дерева, или хотя отдельную часть его, напр. листь; здесь ясно видимъ, что особенно-образованныя части имѣютъ въ различныя цѣли и назначенія. Отнимая у дерева, напр., корень, или кору, или листья, мы тѣмъ самымъ прекращаемъ и его существованіе. При пособіи увеличительного стекла, мы замѣчаемъ, что въ деревѣ присутствуютъ соки, которые восходять и исходятъ въ немъ. Подобные опыты даютъ намъ право утверждать, что дерево живетъ, хотя снаружи и не замѣчаемъ никакого движенія ни въ цѣломъ его видѣ, ни въ отдельныхъ частяхъ его. Но есть множество тѣлъ, которыхъ, при снабженіи особенно-устроенными частями для выполненія определенныхъ цѣлей, кромѣ-того, что живутъ, одарены въ способности произвольного движенія. Сюда относятся тѣла, измѣняющія свое мѣсто и отличающіяся болѣею совокупностю въ дѣятельности органовъ, которую называемъ мы жизнью. На этомъ основаніи, послѣдніе два разряда тѣлъ называются органическими, иль противоположность минераламъ, иакъ тѣламъ неорганическимъ.

Въ обоихъ разрядахъ тѣлъ—органическихъ и неорганическихъ, существуютъ различные явленія. Поднявши въверхъ и опуская, напр., каменный уголъ, мы видимъ, что онъ непремѣнно падаетъ, съ какой-бы высоты ни былъ опущенъ: явленіе паденія составляетъ необходимое условіе въ такомъ случаѣ. Подогревая, съ другой стороны, сѣру имѣстъ съ ртутью, также замѣчаемъ, что оба тѣла исчезаютъ для нашихъ глазъ совершенно, и на мѣсто желтой сѣры и удобоподвижной ртути встрѣчаемъ ярко-красную киноварь. Такую, независимую отъ человѣческаго производства, причину явленій въ тѣлахъ неорганическихъ, въ обоихъ случаяхъ, называемъ мы силою, въ первомъ—притяженіемъ, въ послѣднемъ—активическими средствами. Къ явленіямъ-же въ тѣлахъ органическихъ относятся возрастаніе ихъ (какъ растѣнія, такъ и животнаго), движеніе различныхъ жидкостей внутри ихъ, принятие и измѣненіе пищи и т. д. Для объясненія такихъ явленій допускаютъ тоже особую силу, называемую си-

лою жизнью. Но, допуская подобную силу, мы никако не разъясняемъ этимъ указанныхъ явлений, а потому весьма естественно, что умъ человѣческій не успокаивался въ дальнѣйшахъ изысканіяхъ, и въ послѣднее время, вслѣдствіе тщательнѣйшаго изученія органическихъ тѣлъ, дошелъ до положенія, что *сила жизни*, какъ причина явлений въ нихъ, стоитъ въ неразрывной связи съ совокупностію силъ въ неорганическихъ тѣлахъ, съ тѣми силами, какія указаны нами при паденіи каменного угла и при нагреваніи сѣры вмѣстѣ съ ртутью. Отсюда установилась мысль, что въ жизни органическаго тѣла дѣйствуютъ законы физические и химические.

Такимъ образомъ становится вполнѣ понятнымъ, что, для приступающаго къ изученію тѣла и явлений его въ человѣкѣ, необходимо быть знакомымъ съ науками о тѣлахъ неорганическихъ, что только подъ условиемъ надлежащаго запаса свѣдѣній по этимъ наукамъ возможно ручаться за всестороннее разъясненіе сложнѣйшей и труднѣйшей органической машины человѣка. Къ наукамъ, занимающимся наблюденіями и изслѣдованіями тѣлъ неорганическихъ, относятся физика и химія, тѣла-же органическія составляютъ предметъ изслѣдований анатоміи и фізіологии. Отсюда прямой выводъ, что для анатома, безпрестанно сталкивающагося съ физическими и химическими законами въ составѣ и устройствѣ человѣческаго тѣла, необходимо предварительное знаніе физики и химії.

Указавши на различіе тѣлъ въ природѣ и на существенные черты каждого изъ двухъ разрядовъ тѣлъ, равно представивши тѣсную связь между ними для успѣха анатоміи, перейду къ определенію главнѣйшихъ свойствъ въ органическихъ тѣлахъ и ихъ явленіяхъ.

Изъ предыдущаго очерка легко усмотрѣть, что подъ органическимъ тѣломъ понимается соединеніе въ одно недѣлимоѣ, тѣло большаго или меньшаго количества орудій или органовъ, какъ въ растеніи, животномъ и человѣкѣ. Первое, что поражаетъ наблюдателя надъ подобными тѣлами, заключается въ

поглощении жизни отдельного неделимого жизнью цѣлой вселенной; въ то время, какъ послѣдняя представляетъ жизнь въ необъятномъ размѣрѣ какъ относительно пространства, такъ и времени, каждое неделимое органическое подвержено не только уничтоженію явлений жизни, но и самаго тѣла. Отсюда мы выведемъ, что органическимъ существамъ назначено лишь ограниченное время для существованія, т.-е. время жизни. Всматриваясь внимательно въ жизнь органическихъ тѣлъ, мы замѣчаемъ, что они проходятъ опредѣленный рядъ и число образовательныхъ періодовъ, которые называются степенями развитія, періодами жизни или возрастами. Въ каждомъ органическомъ тѣлѣ ясно замѣчается его зарожденіе, возрастаніе и достиженіе той степени совершенства, которая извѣстна подъ именемъ зрѣлости. За такою степенью, тѣло остается нѣкоторое время въ неизмѣнномъ состояніи, потомъ начинаетъ лишаться своего совершенства и мало-по-малу разрушается. Въ періодъ своей зрѣлости, органическія тѣла производятъ себѣ подобныя, т.-е. расплачиваются. Это расложение совершается при посредствѣ сѣmeni, какъ въ растеніяхъ, или яйца, какъ у животныхъ. Относительно состава органическихъ тѣлъ замѣчаемъ, что каждое изъ нихъ составлено изъ весьма многосложныхъ химическихъ веществъ и образовано по яченстой теоріи. Каждая изъ составныхъ частей имѣеть свое опредѣленное, особое отъ другихъ назначеніе, но такъ, что въ дѣятельности своей все они стоятъ въ зависимости другъ отъ друга и въ совокупности служатъ къ поддерянію существованія цѣлаго организма. Во всякомъ органическомъ тѣлѣ, какъ въ цѣлости, такъ и въ малѣйшихъ его частицахъ, происходитъ безпрерывная иѣна органическихъ веществъ, т.-е. всѣ частицы веществъ, составляющіе тѣло органическое, постепенно уничтожаются, замѣняясь въ то-же самое время новыми, образующимися изъ окружающей ихъ питательной жидкости. Вслѣдствіе такого закона, во прошествіи извѣстнаго времени, органическое тѣло хотя по наружному своему виду и представлять еще прежнее цѣлое,

тѣмъ не менѣе, въ существѣ своемъ, состоять уже изъ иныхъ, совершенно новыхъ частей, хотя и подобныхъ извергнутымъ старымъ. Такое непрерывное возобновленіе и отживаніе органическихъ тѣлъ называется обмѣномъ матеріи; причина обмѣна матеріи заключается въ постоянныхъ вліяніяхъ извѣснѣ, одинакожъ при извѣстныхъ только условіяхъ, при такъ-называемыхъ условіяхъ жизни, какъ-то: теплоты, воздуха, свѣта, воды и пищи, обусловливающихъ всѣ жизненные проявленія. Доколѣ происходит обмѣнъ матеріи въ тѣлахъ органическихъ, ихъ называютъ живущими; съ прекращеніемъ-же его, наступаетъ смерть: органическое тѣло превращается въ трупъ и, по прошествію нѣкотораго времени, подвергается разложенію, т.-е. гниѣю, истлѣванію.

Въ мірѣ тѣлъ органическихъ, относительно строенія и соответствующей ему дѣятельности ихъ, видна та непрерывная цѣль созданій, въ которой низшее звѣнѣ образуется простѣйшими растеніями, а высшее — человѣкомъ. Въ этой цѣли неизмѣнно видѣются рѣзкой границы между растеніемъ и животнымъ, между животнымъ и человѣкомъ: встречаются только постепенные переходы отъ однихъ къ другимъ. Такъ бываютъ даже органическія тѣла, о которыхъ трудно съ положительной неизогрѣшимостью сказать, принадлежать-ли они къ растительному или животному царству, напр. гидры, звѣздчатка. Постепенность перехода простирается въ общемъ мірозданіи даже и далѣе, къ отношенію неорганическаго тѣла къ органическому: доказательствомъ тому можетъ служить кораллъ. Существенное различіе между животнымъ и растеніемъ состоитъ въ произвольномъ движеніи и ощущеніи, которыхъ лишено послѣднее; животное обязано этими способностями извѣстнымъ органамъ, не существующимъ въ растеніи, именно: мышечной и нервной системамъ. Степень развитія этихъ органовъ обусловливаетъ и развитіе самого животнаго: по-мѣрѣ-того, какъ эти органы въ низшихъ животныхъ все болѣе и болѣе упрощаются, дѣлаясь въ нѣкоторыхъ едва замѣтными, уменьшаются и ослабляютъ

ся и способность ощущения и движений, доводя простейшую животную до подобия растенийъ. На-оборотъ, чѣмъ сильнѣе развиты въ животныхъ мышечная и нервная системы, тѣмъ ближе подходитъ оно, по свойствамъ своимъ, къ человѣку. Въ человѣкѣ, обладающемъ совершеннейшимъ мозгомъ, нервная система достигаетъ, съ развитиемъ его организма, до высочайшаго совершенства, и потому онъ, какъ въ тѣлесномъ, такъ и въ духовномъ отношеніяхъ, далеко превосходитъ всѣ остальные роды животныхъ.

Каждое органическое тѣло, и тѣмъ болѣе, конечно, высшее вѣнто—человѣкъ, есть малый міръ, *microcosm*, по-отношению къ всеобщему живому организму, т.-е. всей вселенной, *macrocosm*. Въ этомъ-то мають міръ находимъ мы, въ періодъ его жизни, то, что встрѣчаемъ ежедневно отъ сотворенія міра, на каждомъ шагу, во всей природѣ, въ большомъ мірѣ. Въ природѣ всѣ вещества, существующія отъ сотворенія міра, не увеличиваются и не уменьшаются; они могутъ только переходить изъ одного тѣла въ другое, не прекращая своей дѣятельности: здѣсь неѣтъ смерти. Но и смерть малаго міра, *microcosm*, не есть конечное разрушение; и въ немъ есть, въ сущности, только преобразование того, чтѣ умираетъ, подобный-же переходъ изъ одного тѣла въ другое, съ тѣмъ только различіемъ, что жизнь *microcosm* поглощается здѣсь общею, вѣчною жизнью *macrocosm*: такимъ образомъ, смерть органическаго тѣла не должна приниматься за послѣдній, конечный процессъ его бытія; изъ кажущагося ничтожества, трупа или праха оно возвращается къ новой жизни. Справедливость этого заключенія нагляднѣйшимъ образомъ представляется въ самомъ поверхностномъ сравненіи того, чѣмъ былъ міръ за нѣсколько тысячъ лѣтъ, съ положеніемъ его въ наше время: изъ подобнаго сравненія сама собою вытекаетъ истина, что природа есть великий и безусловно-полный жизни организмъ. Куда-бы наблюдатель не устремилъ въ ней пытливый взоръ свой — на близкіе окружающіе предметы, или въ безпредѣльныя подъ-

облачныхъ пространства, или въ нѣдра земли, вездѣ встречаетъ онъ эту полноту жизни, отражающуюся въ безпрерывныхъ превращеніяхъ и движеніяхъ, въ соединеніи и разрѣшеніи. То же самое замѣчаемъ и въ частності, въ тѣлахъ органическихъ. Мы видѣли, что при жизни, въ тѣсномъ смыслѣ слова, растенія, животныя, а съ ними и человѣкъ, претерпѣваютъ цѣлый рядъ измѣненій; эти измѣненія не прекращаются въ по смерти; въ этомъ случаѣ смерть легко уподобить огню, который не истребляетъ горючаго материала, а только измѣняетъ, разлагаетъ его. Такъ точно и послѣ смерти, разрушение и уничтоженіе тѣла касается лишь виѣшней общей формы его и взаимнаго отношенія составныхъ его частей; между-тѣмъ-какъ сама матерія остается вѣчною и неистощимою, доставляя собою матеріалъ для новыхъ тѣлъ. Такъ, растенія и животныя, старая или истлѣвая, разлагаются на отдѣльные составные части; однѣ—воздухообразныя, улетучиваются, другія—твердыя, остаются въ видѣ золы. Эта-то разложившіеся элементы и составляютъ собою матеріалъ, изъ котораго живая природа, не допускающая въ себѣ бездѣйствія, требующая постоянного обращенія веществъ, въ ней находящихся, создаетъ новые образы. Отсюда, напр., дерево, которое цвѣло за нѣсколько тысячъ лѣтъ тому назадъ, добывается въ наше время изъ нѣдръ земли въ видѣ каменнаго угля. Мы сожигаемъ уголь, и вновь происходитъ только разложеніе, при которомъ опять не исчезаетъ даромъ ни одна пылинка: значительная часть его, уносясь въ воздухъ, служитъ пищею для новыхъ растеній, которые, въ свою очередь, питаются животныхъ и человѣка. Такъ, вещество, принадлежавшее въ предавнюю старину дереву, является составною частію животныхъ и человѣка, а по смерти послѣднихъ снова можетъ превратиться въ растеніе.

Наука явлений цѣлой природы, *macrocosm*, называется физиологіею; наука-же явлений въ какомъ-нибудь отдѣльномъ органическомъ тѣлѣ, во время его жизни, называется физиологіею этого органическаго тѣла. Къ явленіямъ въ органическихъ

тѣлахъ принадлежать: выростаніе, движеніе различныхъ жидкостей внутри ихъ, привыкніе и переработываніе различной пищи и т. п. Нѣть никакого сомнѣнія, что для точнаго уясненія подобныхъ явлений предстоитъ неизбѣжная необходимость знать внутреннее устройство органическихъ тѣлъ, предварительное знакомство съ органическими тканями: ячейками, волокнами, трубочками, перепонками, потому-что всѣ жизненные процессы растительнаго, животнаго и человѣческаго тѣлъ совершаются при посредствѣ упомянутыхъ снарядовъ, исключительно слѣдя физическимъ и химическимъ законамъ, т.-е. закону эндосмоса, капиллярности и взаимнаго сродства. Послѣ всего сказанного, нѣть надобности распространяться, что для определенія устройства органическихъ тѣлъ предстоитъ настоятельная необходимость разѣкать, разрѣзывать ихъ, съ каковою цѣлью и употребляется ножъ, какъ главное орудіе анатома, т.-е. человѣка, занимающагося разсѣченіемъ, вскрытиемъ тѣла. Слово *анатомія* происходитъ отъ Греческаго *ἀνατομία*, а это послѣднее отъ Греческаго глагола *ἀνατέργω*, что означаетъ разсѣкать, разрѣзывать, и опредѣляетъ собою въ обширномъ смыслѣ науку объ устройствѣ тѣлъ органическихъ. Она разлагаетъ органическія тѣла на составныя его части, рассматриваетъ искъ отношенія между-собою, изслѣдуетъ какъ наружныя, подлежащія чувствамъ, свойства, такъ и внутреннее устройство, словомъ,— на мертвомъ тѣлѣ изучаетъ она все то, что было въ жизни. Но органическія тѣла состоять изъ двухъ царствъ: растительнаго и животнаго, отсюда и *анатомія* распадается на *physiотомія* и *зоотомія*. Отдельную часть послѣдней составляетъ спедиальная наша наука, именно анатомія человѣка, отличающагося отъ остальныхъ млекопитающихъ животныхъ стройнѣйшимъ тѣлосложеніемъ, отвѣснымъ хожденіемъ, членораздѣльною рѣчью, вполнѣ свободнымъ движеніемъ рукъ, искусно-устроеною ручною кистью, равномернымъ развитіемъ всѣхъ чувствъ и способностью жить во всѣхъ частяхъ свѣта, но болѣе всего разумомъ и свободною волею.

Представивши главнѣйшія свойства тѣла органическихъ, указавши на способы изъ изученія и въ-частности на способъ изученія тѣла человѣческаго—предметъ нашихъ будущихъ занятій, скажемъ нѣсколько общихъ замѣчаній, въ-частности, о послѣднемъ.

Всѣ люди, населяющіе землю, сходствуютъ между-собою въ строеніи организма и составляютъ изъ себя особый родъ, который, относясь, по физическимъ своимъ свойствамъ, къ классу млекопитающихъ, наиболѣе приближается къ четверорукимъ животнымъ и образуетъ единственный отрядъ двурукихъ (*bimanes*). Древніе естествоиспытатели, замѣчая бросающеся на первый взглядъ сходство между человѣкомъ и особаго рода обезьянами, причисляли его къ породѣ послѣднихъ; но человѣкъ, какъ одаренный высочайшимъ и ему исключительно только на землѣ принадлежащимъ свойствомъ разума и свободной воли, слишкомъ рѣзко выдѣляется отъ всѣхъ животныхъ и не только не можетъ причисляться къ какой-бы то ни было породѣ послѣднихъ, но непремѣнно долженъ составлять собою особый родъ или царство, именно — царство человѣка. Какъ ни близки люди другъ къ другу, но и между ними, при взглядѣ на обитателей земного шара, представляется весьма явственное различіе: климатъ, географическое и физическое положеніе мѣстности, пища, и многія другія особенности не могли оставаться безъ сильнаго вліянія, какъ въ-течение нѣсколькихъ тысячелѣтій послѣднее не могло не отразиться въ рѣзности различія самыkhъ народовъ. На этомъ основаніи родъ человѣческій раздѣляется на нѣсколько племенъ. Племена эти представляютъ большое различіе не по одному наружному виду, но и по умственнымъ способностямъ, измѣняющимся немало и вслѣдствіе различныхъ нравовъ, привычекъ и воспитанія. По степени сходства въ тѣлостроеніи, естествоиспытатель Блюменбахъ раздѣляетъ весь родъ человѣческій на слѣдующія пять племенъ: Кавказское, Монгольское, Эвіопское, Американское и Малайское.

Для изучения устройства человѣческаго тѣла необходимо, замѣтили мы, разсѣкать его; отсюда понятно, что и изученіе все должно совершаться на мертвомъ тѣлѣ; въ немъ, со всею точностью и подробностию, изучаемъ мы составныя его части: кости, связки, мышцы, внутренности, сосуды, нервы, органы чувствъ, а потомъ, путемъ опыта и тщательныхъ наблюдений, опредѣляемъ и отправленіе въ жизни частей этихъ. Послѣднее принадлежитъ физиологии, первое составляетъ предметъ анатоміи. Полагаю, что нѣтъ нужды доказывать, что изученіе полнаго и вѣриаго устройства тѣлесной природы человѣка не можетъ быть ограничено чтеніемъ однихъ руководствъ, какъ-бы подробны и ясны по изложенію они ни были; необходимости упражненія надъ трупами представляется слишкомъ очевидною. Здѣсь не излишне сказать нѣсколько словъ объ историческомъ взглядѣ на подобныя занятія. Въ древнія, до-христіанскія времена, трупосвѣченія совершались крайне рѣдко, вслѣдствіе предразсудковъ и суевѣрій, въ силу которыхъ трупъ считался неприкосновеннымъ; эгоизмъ въ жизни, погруженнность въ исключительную свою личность продолжались въ ту эпоху и за смертю человѣка, и вотъ единственная и существеннѣйшая причина не развитости тогда анатоміи, а вслѣдъ за нею, какъ отъ неизбѣжной причины, и слабость всей медицины. Суевѣріе и предразсудки продолжались долгое время и въ періодъ христіанства, несмотря на то, что ученіе Спасителя не только не противорѣчило анатомическимъ занятіямъ, а напротивъ, принимая во вниманіе основное положеніе его—любить ближняго, какъ брата, помогать ему всѣми зависящими средствами въ нуждахъ и болѣзняхъ, скорѣѣ вызывало такія занятія. Даже въ началѣ XIV столѣтія, изъ устъ знаменитаго профессора Болонскаго университета Мондини мы слышимъ отголосокъ религиознаго суевѣрія; вотъ его слова: *osca anima alia, quae sunt infra basilare, non bene ad sensum apparent, nisi ossa illa decoquuntur, sed propter peccatum diuillere conseri.* Только съ распространеніемъ истиннаго гуманизма, а съ нимъ и истиннаго пониманія идеи и цѣлей ученія

Христова мало-по-малу разсѣялся невѣжественный и суевѣрный взглядъ на анатомію и она сдѣлалась необходимою наукой въ томъ кругѣ человѣческаго образования, которое направлено непосредственно на благосостояніе человѣчества. Неудивительно-ли, понятно-ли, послѣ этого, слышать о гоненіи на анатомію въ настоящее время, въ срединномъ государствѣ Европейскомъ, въ томъ его центрѣ, гдѣ такъ роскошно, съ такими обильными успѣхами, со столь живо-признанною всѣмъ образованнымъ міромъ пользою развивалась доселѣ эта наука? Я говорю объ интердиктѣ трупосѣченія, только-что изданнымъ Вѣнскимъ архіепископомъ,—объ интердиктѣ, такъ живо напоминающемъ намъ буллу папы Бонифація VIII (1300). Цѣль такого интердикта для насъ непонятна, причины его неизвѣстны; но какія-бы причины ни выскажаль архіепископъ, въ нашихъ глазахъ онъ постоянно будетъ служить свидѣтелемъ непостижимаго по неподѣдовательности возвращенія къ тому невѣжественному и полному предразсудковъ возврѣнію на анатомію, какое характеризуетъ языческое время древнихъ народовъ и необразованные до грубости вѣка средне-христіанскіе (*). Тамъ, гдѣ на мертвомъ дѣйствуетъ пытливый умъ разумнаго существа съ иключительною, безъ всякой посторонней примѣси, цѣлью доставить пользу, благодѣяніе живому обществу людей, не можетъ быть разумной и справедливой причины въ противодѣйствіи. Подобное запрещеніе, надѣемся, не постоянное и не долговременное, вызываетъ только насть на глубокою благодарность нашему отечественному правительству, которое не только не замедляетъ, а напротивъ содѣйствуетъ успѣхамъ анатоміи на всемъ громадномъ пространствѣ территоріи Русской. И мы смѣло продолжаемъ, что свѣдѣнія анатомическія, столь необходимы для блага всей медицины, могутъ пріобрѣтаться съ успѣхомъ только посредствомъ препаровокъ, въ секціонной залѣ, надъ трупами.

(*) Къ-счастію, извѣстіе о запрещеніи трупосѣченія, въ послѣдніе времена, передъ напечатаніемъ этой лекціи, оказалось, если не вполнѣ еще отвергнутымъ, то крайне сомнительнымъ.

Но, съ другой стороны, при отсутствіи элементарныхъ знаній устройства человѣческаго тѣла, естественно, нельзя приступить непосредственно къ препаровкамъ, съ этою цѣллю и назначены лекціи по анатоміи, какъ посредники, руководители. На лекціяхъ описываются кости, связки, мускулы, внутренности, сосуды, нервы и органы чувствъ, въ силу этого и наша анатомія называется *описательною*. И такъ, описательная анатомія имѣть предметомъ изученіе частей человѣческаго тѣла, но въ здоровомъ его состояніи, съ цѣллю примѣнить свѣдѣнія обизмѣненныхъ болѣзняхъ частяхъ къ явленіямъ жизни человѣка; на этомъ основаніи, она носить вмѣсть и название *физиологической анатоміи*.

На описаніи только упомянутыхъ частей человѣческаго тѣла не останавливается однако наша наука; она занимается и мельчайшими частицами, даже недоступными невооруженному глазу, т.-е., описаніемъ ячеекъ, трубочекъ, волоконъ и перепонокъ, образующихъ основу вышеприведенныхъ частей тѣла человѣческаго и развивающихся по одному и тому-же закону, по такъ-называемому общему закону ячеистаго образованія, и въ такомъ случаѣ анатомія называется *общою*, или, такъ-какъ имѣть дѣло съ тканями, *гистологію*. По орудію-же, которое употребляютъ для извѣданія этихъ тканей, общая анатомія, или гистологія, называется еще и *микроскопическою*.

Описаніе частей человѣческаго тѣла, измѣненныхъ болѣзнями, и развитіе ихъ составляетъ предметъ анатоміи *патологической*, безъ которой точно также не можетъ обойтись врачеваніе, какъ самая патологическая анатомія не можетъ существовать безъ физиологической. Таково значеніе нашей науки.

Огромный объемъ физиологической (описательной) анатоміи побудилъ врачей, наиболѣе занимающихся операциами, составить изъ нея выборъ тѣхъ частей, въ какихъ наимчаще они

нуждаются, и вслѣдствіе этого явилась анатомія *хирургическая*, подъ различными названіями. Такимъ-образомъ и здѣсь, при леченіи самыхъ опасныхъ болѣзнейныхъ случаевъ, требующихъ рокового инструмента, наша наука служить первымъ руководителемъ.

Всѣ приведенные подраздѣленія анатомія явились вслѣдствіе увеличенія объема нашей науки и трудности примѣнять ее ко всѣмъ частямъ медицины. Говоря строго, анатомія должна включить въ себя все то, что необходимо для практики, какъ медицинской, такъ и хирургической: потому-что существенный-шая цѣль анатоміи — изъ познаній устройства и отправленій человѣческаго тѣла сдѣлать прямое приложеніе къ болѣзнямъ человѣка.

Теперь остается намъ сказать нѣсколько словъ объ отношеніи анатоміи къ прочимъ наукамъ медицинскимъ и представить характеръ и значеніе номенклатуры анатомической, чтобы завершить общій обзоръ тѣхъ предметовъ, вопросы по которымъ предложены нами выше.

Вполнѣ справедливо называютъ анатомію царицею медицины. Дѣйствительно, послѣдняя не можетъ и существовать безъ первой; анатомія есть то средоточіе медицинскихъ свѣдѣній, откуда вытекаетъ прочность и основательность ихъ и гдѣ существенно заключенъ залогъ той пользы, какую имѣеть право ожидать человѣчество отъ каждого истиннаго врача. Будучи самостоятельной наукой сама-по- себѣ, анатомія является необходимымъ руководителемъ каждого врача въ его тяжелой практической дѣятельности. Исторія медицины доказываетъ такое значеніе анатоміи неопровергнутымъ фактамъ, предлагая намъ свѣдѣніе, что великие врачи, неутомимые и чувствительные къ прелестямъ науки врачеванія мыслители, въ то-же вре-

ма були знаноками і анатомією. Пріученість ихъ умственного гла́за къ красотѣ и гармоніи человѣческаго тѣла всегда служила наилучшимъ орудіемъ быстроты и правильности взгляда на всѣ уклоненія его отъ нормального вида, т.-е. орудіемъ опредѣленія болѣзней. Не упоминая объ иностранцахъ, въ примѣръ можемъ привести нѣкоторыхъ отечественныхъ врачей, исключительно посвятившихъ свои занятія анатомією: *Бульскую*, братьевъ *Нарановичей*, бывшаго у насъ профессора *Вакаетти*, но больше всего знаменитаго *Пирогова*, съ которымъ, въ настоящее время, по знаніямъ анатомическимъ едва-ли кто-нибудь можетъ сравняться. Нагляднѣйшее доказательство — въ его «Хирургической анатомії», — въ труде, подобного которому не встрѣчаемъ мы по этой части и на иностранныхъ языкахъ. Изъ него мы тоже видѣть, до какихъ высокихъ результатовъ можетъ довести человѣческій трудъ, соединенный сть разумною настойчивостію и глубокою любовью къ предмету. Съ настоящей минуты открывается и вамъ возможность сдѣлаться столь-же полезными людьми и, при будущемъ распоряженіи жизнью себѣ подобныхъ, отдать столь-же отрадный обществу отчетъ въ прочной анатомической приготовленности, къ которой вы теперь приступаете. Здѣсь, въ этомъ святилищѣ науки, должны вы запастись основаніями будущихъ на себя надеждъ общества, того высокаго значенія въ немъ, какое опредѣлительно отмѣчено и въ священномъ писаніи: *худоожество врача вознесетъ главу свою, и предъ величиями удивимъ будущего* (Книга премудрости Иисуса сына Сирахова, глава 38, стихъ 3). Правда, немаловажный предстоитъ трудъ вамъ, чтобы всецѣло осуществить высокое значеніе врача; но безъ труда нѣтъ нравственной жизни, къ какой призванъ въ міръ человѣкъ. Тотъ *dulce non temetis quis non dulcior amara*. Пропоминайте чаще изреченіе Овидія, хотя и поэта языческаго, но выражавшаго въ немъ общечеловѣческую истину: *dulcere nunc et in restringit mortis gemitus agere secundis*. Вы, молодое поколѣніе, сраженное силами, полное

стремлениі, чуждое житейскихъ разсчетовъ, не почувствуете труда въ изученіи основы медицины, поставленной вами цѣлію общественной жизни; вѣтъ стѣнъ университета крайне рѣдко, чаще вовсе не представляется врачу случая продолжать изученіе этой основы, т.-е. анатоміи. Тѣмъ большее, следовательно, вниманіе, тѣмъ сильнѣйшій трудъ долженъ быть приложенъ къ ней. Теперь. Безъ нея не въ-состояніи мы отчетливо опредѣлить сущности и свойствъ болѣзни, тѣмъ менѣе успѣшно сдѣлать операцию; другими словами, безъ нея неѣть истиннаго врача и еще больше — полезнаго хирурга. Такимъ образомъ, ваша будущая слава, ваше имя находится въ полной зависимости отъ степени свѣдѣній анатомическихъ. Какимъ образомъ поймете вы страданія печени, желудка и проч., если не будете знать положенія этихъ органовъ? Какимъ образомъ объясните себѣ звуки сердца, не зная положенія и устройства его? Какъ приступите къ страждущему съ вооруженною инструментомъ рукою, не изучивши изъ анатоміи путей къ закрытымъ источникамъ жизни? Безъ анатоміи не проникнете вы и въ нежиѣйшій органъ зреїнія — глазъ; не въ-состояніи будете устранить препятствія къ наслажденію природою родившимся съ катараクトою; не откроете фирмамента въ послѣднія минуты жизни старика.

Не будемъ однажды думать, чтобы анатомія должна была составлять исключительную принадлежность врачей-специалистовъ; подобно другимъ наукамъ, и она должна входить въ общество и составлять необходимую принадлежность всякаго образованнаго человѣка. Если мы изучаемъ макрокозмъ, и въ-цѣлости и въ-частности, если въ учебно-воспитательныхъ заведеніяхъ читаются лекціи по механикѣ, химії, технології, съ цѣлію расширить кругъ народнаго образованія, то какъ-же можемъ мы оставаться равнодушными къ своему микрокозму, не извѣдать устройства и направленія своего собственнаго тѣла. Знаніе устройства, свойствъ, законовъ и видоизмѣненій

человѣческаго организма составляетъ одно изъ первыхъ и необходиимѣшихъ условій не только истиннаго образованія, но и непосредственнаго нашего благополучія. Изучая, какъ устроена человѣкъ, способъ его развитія, какія вліянія обнаруживаются на него вышеупомянутой міръ, что полезно или вредно, и почему именно, какимъ-образомъ сохранять жизнь и здоровье, какъ совершенствовать нашъ организмъ, какъ возстановить его въ случаѣ болѣзни, мы можемъ упрочить образъ жизни, осчастливить будущее поколѣніе, воспитавъ его по законамъ человѣческой природы. Въ недугахъ часто и безъ врача прибегаютъ къ искусственнымъ лекарствамъ, отдавая имъ преимущество передъ естественными лечебными средствами — воздухомъ, температурою, діетою (т. е. употребленіемъ надлежащаго количества пищи), водою, покоемъ, движеніемъ и т. д. Проводя основательныя познанія о человѣкѣ въ общество, сколько можемъ мы принести пользы родителямъ, воспитателямъ и вообще всякому человѣку. Изучая разные процессы явленія организма въ отдѣльности, напр. пищеваренія, дыханія, кровообращенія и т. п., какъ часто могли-бы обращать въ пользу естественныя лекарства, какъ-то: температуру, діету, воду, покой, движеніе и др.; какъ часто удавалось-бы спасти отъ смерти человѣка, у которого ранена артерія, еслибы каждый зналъ, что сдавленіемъ выше раны онъ прекратилъ бы смертельное кровоточеніе; какъ успешно механики и физики, изучивъ анатомію вообще, могли-бы воспользоваться въ своей дѣятельности превосходными оригиналами природы.

Этого достаточно, чтобы убѣдиться въ важности и необходимости анатоміи не только для врача, но и для всякаго образованнаго человѣка. Въ наукахъ-же естественныхъ и особенно въ медицине она должна занимать первое мѣсто. Для изученія тайнъ послѣдней собственно достаточны анатомическій и клиническій институты. Лишь вслѣдствіе новыхъ открытій, при стремленіи облегчить способы изученія, къ этимъ институтамъ

присоединили то множество предметовъ, которые составляютъ теперь объемъ медицинскаго приготовленія; съ этимъ вмѣстѣ выдѣлили въ особую науку и нераздѣльную часть анатоміи — физіологію, и сдѣлали первую, такъ-сказать, мертвую наукой. Самъ знаменитый физіологъ Галлеръ признаетъ физіологію нераздѣльною отъ анатоміи; вотъ его слова: *qui physiologiam ab anatomia avellere studierunt, si certe mihi videntur cum mathematicis posse comparari qui machinæ alicuius vires et functiones calculo exprimentes suscipiunt, си же neque rotas cognitas habent, neque temperatas, neque materiam.* Такимъ образомъ, анатомія сведена на степень механическаго изученія мертваго тѣла, посредствомъ его разсѣченія, и ограничена изученіемъ, какъ лексикона, различныхъ анатомическихъ названій. Подобная ограниченность, впрочемъ, анатоміи нимало не ослабляетъ ея значенія по той цѣли, съ какою изучается мертвое тѣло: цѣль все-таки состоять въ примѣненіи развѣданнаго на мертвомъ къ живому существу.

Обращаясь къ разсѣченію трупа, до наступленія гніенія, мы должны предварительно ознакомиться и съ анатомическою терминологіею. Она представляетъ собою собраніе весьма разнообразныхъ выражений, нерѣдко не заключающихъ въ себѣ надлежащаго смысла и вообще довольно дурно придуманныхъ. Причина такого свойства терминологіи анатомической заключается въ томъ, что части человѣческаго тѣла узныы были въ то время, когда умъ наблюдателя не трудился еще понять ихъ отправленіе. Отсюда нимало не удивительно встрѣтить иногда смѣшные, еще болѣе не соответствующіе своему назначенію термины, преимущественно въ той части анатоміи, которая происходитъ отъ древнихъ временъ, такъ напр.: *arteria* означаетъ проходъ воздуха, между-тѣмъ-какъ въ ней текутъ кровь; *bronchus* означаетъ дорогу для питья, тогда-какъ въ *bronchii* проходитъ воздухъ и т. д. Средніе вѣка оставили въ

анатомія не багре удачные термины, какъ это видно изъ религіозныхъ названій, какъ-то: *rotulus Adami*, на щитообразномъ хрящѣ гортани; *morsus diaboli* s. *fimbriae* s. *laciniæ*, на наружномъ отверстіи Фалlopіевыхъ трубъ матки; *lyra Davidis* s. *psalterium*, въ мозгѣ и проч. Вообще, термины въ анатоміи взяты изъ медицины, какъ-то: *tendo-Achillis* *musculi gastrocnemii*, *mons Veneris* s. *pubis*, *Nymphae* s. *labia pudendi interna* s. *minora*, *cornu Ammonis* s. *pes hippocampi major* и т. д.; или изъ зоологии, какъ-то: *pes apertus* s. *plexus parotidens*, *vermis cerebelli* и т. д.; или изъ ботаники, какъ-то: *arbor vitae vermis cerebelli* и *uteri*, or *piniforme* s. *glandula*, на запястья и т. д.; или по сходству съ какимъ-либо тѣломъ, названіемъ этого послѣдняго, какъ-то: *maieolus*, *incus*, *stapes* (слуховая kostочка) и т. д.; или, наконецъ, въ терминахъ остались бессмертными имена тѣхъ анатомовъ, которые содѣствовали открытиямъ въ анатоміи, какъ-то: *Herophilus* (Александрия, 335—280 а. Ch., *torcular Herophili* s. *confluens sinistram*, возлѣ внутренняго затылочного бугорка); *Galenus* (131—203 р. Ch., *vena magna Galeni* въ мозгѣ и *vena cordis Galeni*); *Sylvius* (Jacques, Парижъ, 1478—1555, *caro quadrata Sylvii* на подошвѣ); *Bottalli* (докторъ Карла IX и Генриха III, 1508—1589, *ductus arteriosus Bottalli*, на дугѣ начальственной артеріи у зародыша); *Ingrassias* (Неаполь, 1510—1580, *alae parvae Ingrassiae* на основной кости); *Vesalius* (Падуа, Болонья и Пиза, докторъ Карла V и Филиппа II, 1514—1564, *glandulae Vesalianae* на вѣтвяхъ дыхательного горла); *Fallopia* (Падуа, 1523—1562, *canalis Falloppiae* на каменистой части височной кости, *ligamentum Falloppiae* на пахахъ, *tuba Falloppiae* на маткѣ и *valvula Falloppiae* при началѣ толстыхъ кишекъ); *Arantius* (Болонья, 1530—1589, *noduli Arantii* на полуулунныхъ заслоночкахъ сердца и *rentriculus Arantii* въ мозги); *Varoli* (Болонья, докторъ папы Григорія XIII, 1543—1575, *pons Varoli* въ мозгѣ); *Vidius* (Парижъ, докторъ Франциска I, + 1569, *canalis Vidianus* на основной кости); *Cassarius* (Падуа, 1544—1616, *musculus perforatus*

Casseri и *nervus perforans Casseri* на плечѣ); *Eustachius* (Римъ, докторъ папъ, +1574, *valvula Eustachii* въ правомъ предсердіи сердца и *tuba Eustachii* въ слуховомъ органѣ); *Bambinus* (Базель, 1550—1624, *valvula Bambinii* при переходѣ тонкихъ кишечекъ въ толстыя); *Riolanus* (Парижъ, докторъ королевы Маріи Медичи, 1577—1657, *arcus Riolani* между ободошными артеріями); *Spigel* (Падуа, 1578—1625, *lineae semilunares Spigelii* во длине прямаго брюшнаго мускула и *lobus Spigelii* на печени); *Wormius* (Копенгагенъ, докторъ Христіана IV, 1588—1654; *ossicula Wormiana* на швахъ черепа); *Tulpius* (Амстердамъ, 1593—1674, *valvula Tulpii* при переходѣ тонкихъ кишечекъ въ толстыя); *Glisson* (Англичанинъ, 1597—1677, *capsula Glissonii* на печень); *Wirsung* (Аугсбургъ, +1643, *ductus Wirsungianus* поджелудочной желѣзы); *Wharton* (Лондонъ, 1610—1673, *ductus Whartonianus* подчелюстной желѣзы); *Sylvius* (*Franz de le Boë*, Лейденъ, 1614—1672, *osseolum Sylvii* на слуховой kostochkѣ наковални, *fossa Sylvii* и *aquaeductus Sylvii* на мозгѣ); *Highmore* (Англичанинъ, 1613—1685, *antrum Highmorei* верхней челюсти и *cortex Highmorei* яичка); *Schneider* (Виттенбергъ, 1614—1680, *membrana Schneideriana* новой полости); *Folius* (Италианецъ, род. 1615, а умеръ около половины XVII столѣтія, *processus Folii* на слуховой kostochkѣ молоточка); *Willis* (Англичанинъ, 1622—1675, *circulus arteriosus Willisii* на основаніи мозга, *chordae Willisi* внутри пазухи черповидной верхней твердой мозговой оболочки и *nervus accessorius Willisii*); *Malpighi* (Болонья, Пиза и Мессина, докторъ папы Иннокентія XII, 1628—1694, *rete Malpighi* на кожѣ, *capsulae*, *cortexcula* и *sigillata Malpighii* въ селезенкѣ и *cortexcula Malpighii* въ почкахъ); *Glaser* (Базель, 1629—1675, *fissura Glaseri* на височной кости); *Lower* (Англичанинъ, 1631—1691, *tuberculum Loweri* въ сердцѣ); *Meibom* (Нѣмецъ, 1638—1700, *glandulas Meibomii* на вѣкахъ); *Ruysch* (Амстердамъ, 1638—1731, *membrana Ruyschii* на сосудистой оболочкѣ глаза); *Stenonis* (Копенгагенъ, 1638—

1686, *ductus Stenonianus* около ушной железы); *Vieussens* (Можелье, 1641—1715, *centrum semiovale Vieussensi* въ улитке слухового органа); *Graaf* (Голландецъ, 1641—1673, *vesiculae Graafianae* въ яичникахъ); *Bellini* (Пиза, 1643—1704, *tubuli Belliniani* въ почкахъ); *Duverney* (Парижъ, 1648—1730, *glandulae Duverneyi* въ нижней части рукава матки); *Tyson* (Лондонъ, род. 1651, *glandulae Tysonianae* на головкѣ мужского дѣтородного уда); *Rivinus* (Лейпцигъ, 1652—1723, *ductus Rivinianus* въ подъязычныхъ железахъ); *Peyer* (Швѣдъ, 1653—1712, *glandulae Peyeri* на точкахъ кишкахъ); *Brunner* (Гейдельбергъ, 1653—1727, *glandulae Brunneriana* на двѣнадцатиперстной кишкѣ); *Bartholinus* (Копенгагенъ, 1654—1704, *ductus Bartholinianus* въ подъязычныхъ железахъ и *glandulae Bartholinianae* въ нижней части рукава матки); *Lancisi* (Римъ, докторъ папъ, 1654—1720, *chorda longitudinalis Lancisi* на мозолистомъ тѣлѣ мозга); *Ravii* (Лейденъ, 1658—1719, *processus Ravii* на слуховой косточкѣ молоточка); *Littre* (Французъ, 1658—1725, *glandulae Littrei* въ мужскомъ мочеиспускательномъ каналѣ); *Petit* (Французъ, 1664—1741, *canalis Petri* на краю хрусталиковой сумочки); *Pacchioni* (Римъ, 1665—1726, *copriscula Pacchioni* твердой мозговой оболочки); *Valsalva* (Болонья, 1666—1723, *ligamentum Valsalvae* на спиральной перегородкѣ улитки слухового органа и *sinus Valsalvae* при полулуночныхъ заслоночкахъ аорты); *Winslow* (Парижъ, 1669—1760, *arcus Winslowii* между ободошными артериями и *foramen Winslowii* въ брюшинѣ); *Naboth* (Лейпцигъ, 1675—1721, *ovula Nabothi* на шейкѣ матки); *Douglas* (Англичанинъ, 1675—1742, *linea semicircularis Douglasii* на внутреннемъ брюшномъ мускульѣ и *plicae semilunales Douglasii* на передней сторонѣ прямой кишки); *Santorini* (Италиянецъ, 1681—1737, *musculus risorius Santorini* на лицѣ, *emissaria Santorini* т. е. вены, которая проходятъ чрезъ тѣмяные дырочки и соединяютъ серповидную верхнюю пазуху съ головными наружными венами, *plexus gan-*

gliosformis Santorisi на нервѣ нижнечелюстномъ пятой пары мозговыхъ нервовъ, *incisurae Santorinianae* на гортани); *Havers* (Лондонъ, жилъ во второй половинѣ XVII столѣтія, *glandulae Haversianae* въ составахъ и *canales ossei Haversiani*); *Morgagni* (Падуа, 1682—1771, *noduli Morgagnii* на полууловыхъ заслоночкахъ сердца, *ventriculus Morgagnii* въ гортани, *liquor Morgagnii* въ хрусталикѣ глаза и *lacuna Morgagnii* въ мочепускательномъ каналѣ), *Vater* (Биттенбергъ, 1684—1751, *diverticulum Vateri* въ двѣнадцатиперстной кишкѣ); *Kerckring* (Амстердамъ, 1693, *valvulae conniventes Kerckringii* въ тонкихъ кишкахъ); *Poupart* (Парижъ, + 1708, *ligamentum Poupartii* на пахахъ); *Cooper* (William, Лондонъ, + 1710, *glandulae Cooperi* возлѣ предстательной железы); *Ferrein* (Парижъ, 1693—1769, *rugamides Ferreini* въ почкахъ); *Mauchart* (Тюбингенъ, 1696—1751, *ligamenta alaria Maucharti* на зубномъ отросткѣ втораго шейнаго позвонка); *Ridley* (Лондонъ, жилъ въ концѣ XVII столѣтія, *sinus circularis Ridleyi* на турецкомъ сѣдлѣ основной кости); *Weibrachi* (С.-Петербургъ, 1702—1747, *lacertus medius Weibrachi* связка между затылочною костью и первымъ шейнымъ позвонкомъ), *Lieutaud* (докторъ Людовика XVI, 1703—1780, *trigonum vesicale Lieutaudii* на мочевомъ пузырѣ); *Thebesius* (Нѣмецъ, жилъ въ началѣ XVIII столѣтія, *valvula, foramina* и *venae Thebesii* въ сердце); *Haller* (Геттингенъ, 1708—1777, *tripus Halleri* утробной артеріи и *rete vasculorum Halleri* и *vasculum aberrans Halleri* на яичкѣ); *Lieberknehn* (Берлинъ, 1711—1756, *ampulla* и *cryptae Lieberknehnianae* на тонкихъ кишкахъ); *Berlin* (Французъ, 1712—1781, *ossicula Berlini* на основной кости и *columnae Berlini* въ ножкахъ); *Meckel* (Joh. Fried., Берлинъ, 1713—1774, *ganglion Meckelii* на верхнечелюстномъ нервѣ пятой пары мозговыхъ нервовъ и *eminentia collateralis Meckelii* въ боковыхъ желудочкахъ мозга); *Zinn* (Геттингенъ, 1726—1759, *zonula Zinnii* въ глазѣ); *Wachendorff* (Уtrechtъ, жилъ въ первой половинѣ XVIII столѣтія, *membrana Wachendorffiana* на зрачкѣ у зародыша);

Tarin (Парижъ, +1761, *fossa* и *talvulae Tarini* въ мозгѣ); *Hunter* (John, Англия, 1728—1793, *gubernaculum Hunteri* на яичкѣ у зародыша); *Fontana* (Пиза, 1730—1805, *canalis Fontanae* въ глазѣ рогатаго скота); *Andersch* (Carl Samuel, Кёнигсбергъ, 1732—1777, *ganglion Anderschii nervi glossopharyngei*); *Cotunnius* (Неаполь, 1736—1822, *aquaeductus* и *liquor Cotunni* въ улиткѣ слухового органа); *Wrisberg* (Геттингенъ, 1739—1808, *carilagines Wrisbergianae* на гортани); *Scarpa* (Модена, Павія, 1747—1832, *nervus nasopalatinus Scarpa* и *liquor Scarpa* въ лабиринтѣ слухового органа); *Demours* (Французъ, докторъ Людовика XV, +1795, *membrana Demoursii* въ передней камерѣ глаза); *Desemet* (Французъ, *membrana Desemetii* въ передней камерѣ глаза); *Blumenbach* (Геттингенъ, 1752—1841, *clivus Blumenbachii* на основной кости); *Gasser* (Вена, жилъ около середины XVIII столѣтія, *ganglion Gasseri* на пятой парѣ мозговыхъ нервовъ); *Joemmering* (Кассель, Майнцъ, Мюнхенъ, 1755—1830, *foramen centrale Joemmeringii* въ сѣтчатой (нервной) оболочкѣ глаза); *Meckel* (Phil. Fried., Галле, 1756—1803, *receptacula Meckeli* въ улиткѣ слухового органа); *Reit* (Галле, Берлинъ, 1758—1813, *insula, lemniscus, fissura horizontalis magna Reiti* въ мозгѣ); *Monro* (Alexander, Эдинбургъ, *foramen Monroi* между боковыми желудочками мозга); *Gimbernat* (Мадридъ, жилъ во второй половинѣ XVIII столѣтія, *ligamentum Gimbernati* на пахахъ); *Bichat* (Парижъ, 1771—1802, *canalis Bichati* въ паутинной оболочкѣ мозга); *Wilson* (James, Лондонъ, +1821, *musculus rubo-urethralis Wilsonii*); *Jacobson* (Копенгагенъ, 1783—1843, *nervus* и *anastomosis Jacobsonii* въ барабанной полости слухового органа); *Bell* (Лондонъ, +1843, *nervus respiratorius Bellii* s. *nervus thoracicus posterior*); *Horner* (Филадельфія, *musculus tensor tarsi Horneri* на глазѣ); *Baer* (Кёнигсбергъ, С.-Перербургъ, *vesicula Baeri* s. *ovulum humanum primitivum* въ развитіи зародыша); *Purkinje* (Бреславъ, *vesicula Purkinje* s. *vesicula germinativa* s. *prolifera* въ развитіи зародыша); *Arnold* (Фрайбургъ, *ganglion Arnolds* вблизи нижнечелюстна-

го нерва пятой пары мозговыхъ нервовъ); *Schlemm* (Берлинъ, *canalis Schlemmii* на краю роговой непрозрачной оболочки глаза); *Jacob* (Дублинъ, *membrana Jacobi* на сѣтчатой (нервной) оболочкѣ глаза); *Müller* (Берлинъ, *ganglion Muelleri nervi glossopharyngei*). Не увеличивая и безъ того уже длиннаго списка терминологическихъ именъ, въ заключеніе однакожь считаю долгомъ упомянуть о нашемъ *Пироюэль*, который блеститъ, какъ самая свѣтлая звѣзда, среди всѣхъ своихъ предшественниковъ въ наукѣ анатоміи.

Такимъ образомъ, анатомія, какъ наука самостоятельная, не нуждающаяся въ пособіи другихъ наукъ медицинскихъ, имѣть свой особый языкъ, которымъ обогащаетъ она и остальные науки медицинскія, требующія предварительного изученія анатоміи. Языкъ этотъ сухъ, названія придуманы, какъ видѣли, по произволу тѣми, которые старались раскрыть тайны машины человѣческаго тѣла; но онъ освященъ многими вѣками и настолько богатъ, чтобы не нуждаться въ пополненіяхъ и въ настоющее время. Не одна анатомія можетъ указать вамъ на устойчивость терминовъ, въ сущности не имѣющихъ часто никакого смысла; каждая наука, какъ напр., и изъ естественныхъ, которая для вѣсъ тоже необходимы, выставить цѣлый рядъ подобныхъ-же несоответственныхъ цѣли и назначенію выражений, которая однакожь, въ-силу усвоенія ихъ, не кажется вамъ чуждыми. Не одна анатомія, но и другія науки, для составленія своего словаря, брали слова изъ-вѣдъ, изъ другихъ наукъ, по той тѣсной между всѣми науками связи, при которой всѣ науки являются рождающимися одна изъ другой. Прежде чѣмъ подумать человѣкъ объ изученіи себя самого, онъ изслѣдовалъ окружающую природу, царство растительное, животное, словомъ весь міръ; поражаясь его великолѣпіемъ, дивною гармоніею, онъ не могъ не поставить и себя среди подобныхъ-же предметовъ. Отыскивая съ ними сходство въ своемъ тѣлѣ, естественно, что и названія для послѣдняго переносить онъ

оть первыхъ. Удивительно-ли, что въ изученіи устройства человѣка мы встрѣчаемъ названія, взятыя изъ всей вселенной, если припомнимъ, что человѣкъ есть микрокозмъ въ макрокозмѣ. Мы уже выше замѣтили, что все то, что поражаетъ насть въ макрокозмѣ, можемъ найти въ своемъ микрокозмѣ, а поэто-му и слова всѣхъ почти науки о существующемъ во вселенной приняты и едва-ли могутъ быть измѣнены въ нашей науки. Нѣтъ и быть не можетъ спора, что для насть все равно, како-ва-бы ни была терминология; намъ важно знать части, обозна-чаемыя извѣстными терминами, назначеніе и отправленіе ихъ въ человѣкѣ; признанный всѣми словарь необходимо долженъ быть изученъ для всей медицины, для ея пониманія и послѣдую-щаго усовершенствованія. Въ общежитіи каждый человѣкъ долженъ сообразоваться со всеобщими обычаями страны, въ которой пришлось жить ему; такъ точно и вы, желая сроднить-ся съ медициною, должны заранѣе ознакомиться съ органомъ языкомъ анатомическимъ.

На этомъ я останавливаюсь. Не могу однакожъ, въ заключеніе, не присоединить еще нѣсколько словъ о конечной цѣ-ли, какую постоянно долженъ имѣть въ виду изучающей анатомію на мертвомъ своемъ собратѣ, человѣкѣ; помните и знай-те, что эта конечная цѣль заключается въ той пользѣ, какую должны вы принести изъ изученія тѣла человѣческаго на трупѣ живому человѣку: *quicquid enim, говоритъ Ріоланъ, artificiosae corpora humana secare novit, eorumque singulas particulas diligenter inquirit, ex his latentium morborum causas et sedes facile intelliget, nec non accommodata remedia praescribet.* Такимъ образомъ *hic locus* (т. е. въ анатомическомъ театрѣ) *est, ubi mors* (т. е. трупъ) *gaudet succurrere vias.* Отчетливое и глубокое познаніе себя са-мого и ознакомленіе другихъ съ самими собою доставить наилучшее средство познать премудрость Творца въ наивысшемъ Его твореніи — человѣкѣ, какъ маломъ мірѣ (*microcosmus*), от-

ражаютемъ на себѣ всю вселенную (*macrocosmus*): *sacrum servonem*, говоритъ Галенъ, *quom ego Conditoris nostri verum hymnum compono, existimoque in hoc veram esse pietatem, non si tauronum hecatombas ei plurimas sacrificaverim, et casias aliaque sexcenta odoramenta ac unguenta suffumigaverim, sed si noverim ipso primus, deinde et aliis exposuerim quaeam sit ipsius sapientia, quae virtus, quae donitas.*

И. Зеленицкий.

III.

ИЗВѢСТИЯ

ОБЪ ОТЧЕСТВЕННЫХЪ УЧИМЫХЪ И УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНИХЪ.

ОТЧЕТЪ

II.-го ОТДѢЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ

за 1858 годъ (*).

Каждый разъ, когда мы являемся здѣсь передъ вами, милости-
вые государи, мы какъ-бы возобновляемъ недавно-прерванную бе-
сѣду объ одномъ и томъ-же предметѣ, объ однихъ и тѣхъ-же
продолжающихся событияхъ, интересъ коихъ состоять не въ томъ,
чтобы въ нихъ было что-нибудь громкое и чрезвычайное, а един-
ственно въ томъ, что они принадлежать наукѣ. Въ нашъ вѣкъ
этого интереса достаточно, безъ приманчиваго блеска, чтобы привлечь
вниманіе людей мыслящихъ. Наука, впрочемъ, и не думаетъ
изумлять, поражать умы чрезвычайностями; напротивъ, одно изъ
прекрасныхъ назначений состоять именно въ томъ, чтобы от-
нимать у явлений жизни и истории все чрезвычайное, приводя ихъ
къ простымъ и яснымъ законамъ. Оттого усилия ея осторожны и
неторопливы. Тихими, непрерывными шагами она приходить къ
результатамъ, которыхъ важность, большую частю, подобно по-
степенному и незамѣтному распространенію теплоты и свѣта въ

(*) Читанъ въ годичномъ собраниі академіи ординарнымъ академикомъ
А. В. Никитенко, 29 декабря 1858 г.

атмосферѣ, узнается только въ измѣнившемся и усовершенствованномъ общемъ ходѣ человѣческихъ понятій. II-е отдѣленіе академіи представляетъ вашему просвѣщенному вниманію, милостивые государи, изображеніе одного изъ подобныхъ скромныхъ воздѣльваній въ кругу науки за истекшій годъ. Имѣя цѣлую своею истинно-ученую обработку отечественного слова, оно преимущественно обращало свою дѣятельность на тѣ задачи и вопросы, рѣшеніе коихъ должно служить основаніемъ для полнаго и всестороннаго уразумѣнія нашего богатаго и великоклѣпнаго языка. Анализъ предшествуетъ въ наукѣ-тизезу; посвящая труды своимъ анализу, какъ на пути исторического развитія языка, такъ и въ настоящемъ его составѣ, мы думаемъ, что не ильемъ права оставлять безъ вниманія ни одного явленія въ немъ и должны преслѣдовать его нашими изысканіями тѣмъ настойчивѣе, чѣмъ незамѣтнѣе они для многицъ и чѣмъ менѣе можно ожидать подобныхъ изысканій отъ литературныхъ и филологическихъ дѣлъзантовъ.

Отдѣленіе въ настоящее время состоитъ изъ 16 ординарныхъ, двухъ экстра-ординарныхъ академиковъ, 17 внутреннихъ и 7 внѣшнихъ корреспондентовъ. Сверхъ-того къ нему причислены члены бывшей Россійской академіи съ наименованіемъ почетныхъ. Ихъ нынѣ осталось 7.

Изъ 16-ти дѣйствительныхъ членовъ, кѣкоторые постоянно живутъ въ Петербургѣ, выше, по принятіи ихъ въ члены, привязаны къ важнымъ занятіямъ по администраціи службѣ, и поэтому ли тѣ, ни другіе не могутъ принимать дѣятельнаго участія въ трудахъ академическихъ, которые такимъ образомъ падаютъ вслѣдствіемъ на восемь членовъ. Они суть: предсѣдательствующій И. И. Даудицковъ, П. А. Плетніевъ, А. Х. Востокова, К. И. Арсеньевъ, И. И. Срецневскій, А. В. Никитенко, Я. К. Гrottъ и Ш. Ш. Дубровскій. А. В. Никитенко также завѣдываетъ дѣлами отдѣленія.

Въ-течение сего года мы выѣхали приспорбѣ заниматься одного изъ усердныхъ и изезвѣстныхъ сочиненій. 18 января, послѣ пятнадцатидневной тажкой болѣзни, скончался ординарный академикъ, дѣйствительный статейный советникъ М. А. Коркуновъ на 58-мъ году отъ рождения.

Онъ родился въ Пензѣ 2 сентября 1806 года, начагъ образование свое въ тамошней семинаріи, а довершилъ его въ Москов-

скомъ университетѣ по филологическому отдѣленію, занимаясь преимущественно восточными языками. По окончаніи курса наукъ въ 1828 году, онъ сперва былъ опредѣленъ въ университетѣ преподавателемъ Арабскаго языка, а потомъ древній географіи; въ 1836 году перешелъ въ Санктпетербургъ, поступивъ въ археографическую комиссию. Въ члены академіи наукъ по отдѣленію Русскаго языка и словесности онъ былъ избранъ въ 1847 году, и съ того времени постоянно и равноточно участвовалъ въ трудахъ отдѣленія, какъ членъ и завѣдывающій дѣлами его, какъ одинъ изъ членовъ редакціи «Словаря церковно-Славянскаго языка» и редакторъ академическаго календаря. Этотъ послѣдній трудъ лежалъ на немъ продолженіе восьми лѣтъ. Въ то же время покойный Коркуновъ исполнялъ обязанности свои и по археографической комиссіи; III и IV томы: «Акты историческихъ» и шесть томовъ «Дополненій» изданы подъ его редакціей. Собственные сочиненія его, преимущественно по части отечественной археологии, напечатаны въ «Ізвѣстіакъ» нашего отдѣленія и въ другихъ ученыхъ periodическихъ изданіяхъ. Коркуновъ принадлежалъ къ той сферѣ науки, где собираются и подготавливаются ея материалы—и здѣсь онъ отличался неутомимымъ трудолюбиемъ и добросовѣщностью. Онъ оставилъ по себѣ неукоризненную память скромнаго, но полезнаго дѣятеля науки и въполнѣ смыслъ благороднаго человѣка.

Засѣданія отдѣленія постоянно происходили по два раза въ недѣлю. Въ нихъ читаны были сочиненія членами статьи и разсужденія, обсуживались разные предметы, до отечественнаго языка и языковедія относящіеся, также сочиненія, поступающія отъ стороннихъ членовъ и корреспондентовъ, рассматривались материалы для областнаго и общаго словарей Русскаго языка и решались вопросы, возникнудіе изъ переписки и соченій отдѣленія съ различными лицами.

Кромѣ сдѣланныхъ засѣданій, члены отдѣленія участвовали въ сужденіяхъ о присвоеніи наградъ за сочиненія, поступившія въ академію на Демидовскую и Уваровскую преміи. Такъ-какъ сочиненія, выываемые посыпаніемъ, касаются наиболѣе до Русской национальной словесности, и именно драматической поэзіи, то сужденія о нихъ, при участіи вѣниторыхъ литераторовъ, возложены преимущественно на членовъ II отдѣленія. Въ семь году поступило 6 трагедій и 3 комедіи. Результатъ рассматриванія этихъ пьесъ, къ сожалѣнію, не былъ благопріятенъ: ни одна изъ нихъ не признана достойною

награды. Такое явление, при нынешнем оживленном состоянии литературы, кажется страннымъ. Не были-ли судьи, произнесившие свой приговоръ, слишкомъ строги? Вопросъ этотъ весьма легко можетъ быть возбужденъ и послѣ будущихъ подобныхъ судебній, и потому налагаетъ на насъ долгъ объясняться о началахъ, которыми руководствовались члены отдѣления въ рассматриваніи драматическихъ произведеній. Достоинство художественныхъ созданій опредѣляется или понятіями и вкусомъ, господствующими въ данное время, или тѣми основными, вѣчными истинами, которые заключаются въ природѣ и законахъ искусства. Есть произведенія, пріобрѣтшія громкое одобрение литературной критики на основаніи этихъ господствующихъ понятій и вкуса. Такое одобрение не лишено своего рода правды. У всякой эпохи бываютъ стремленія и потребности, коихъ удовлетвореніе составляетъ, конечно, заслугу въ глазахъ ея. Но на литературѣ, кромѣ этого служения интересамъ времени, лежитъ еще долгъ болѣе великій и священный — долгъ согласоватьсь съ высшими понятіями и началами разума, которые охраняютъ искусство отъ односторонности и ложныхъ путей, а общество направляютъ къ непреложнымъ цѣлямъ вѣчного добра, истины и красоты. Въ сихъ-то началахъ и понятіяхъ надобно искать мѣрила для полной и вѣрной оцѣнки литературныхъ произведеній. Нѣть ничего невозможнаго въ соединеніи относительного ихъ достоинства, признаваемаго извѣстнымъ настроеніемъ умовъ, съ прочими красотами, опредѣляемыми наукой и разумомъ. Мы знаемъ много твореній, въ коихъ великій талантъ умѣлъ быть вѣрнымъ духу времени, не измѣнивъ высшіе требованиямъ искусства и человѣчества.. Но сколько произведеній, въ которыхъ, кромѣ летучаго интереса минуты, кромѣ стремленія удовлетворять самъ одного какого-нибудь направлѣнія, нѣть ничего, и въ которыхъ многими за хорошее признается не то, что хорошо и само по себѣ, и по-отношенію ко времени, а то, въ чёмъ ярко и рѣзко выказалось преобладающее стремленіе, не смотря на то, что оно превратилось въ крайность и исключительность, уничтожающія всѣ условія истинъ художественной и истинъ всеобщей. Если такія произведенія могутъ явиться въ литературѣ и быть терпимы за недостатокъ лучшихъ, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы критика, основанная на началахъ науки и искусства, ихъ одобряла. Многое изъ того, что пишутъ и печатаютъ, не составляетъ литературы въ прямомъ смыслѣ слова, хотя все

это и чествуютъ ея именемъ, и хотя въ возникающихъ такимъ образомъ болѣе или менѣе эфемерныхъ явленіяхъ мысли и слова можетъ заключаться своего рода польза. Литературѣ по-справедливости принадлежать только тѣ произведенія, въ которыхъ съ богатствомъ и значительностью содержанія соединяются духъ живаго постиженія истины и красоты и сила организующей мысли. Такихъ созданій можно ожидать только отъ специального литературнаго таланта въ одинъ они въ-состояніи выдержать испытаніе серьезной художественной критики. Подобными понятіями руководствовались члены отдѣленія при разсмотрѣваніи драматическихъ пьесъ, представленныхъ для соисканія Уваровской преміи,— и всѣ эти пьесы не могли стать въ-уровень со столь простыми и естественными литературными требованіями. Нѣкоторые изъ нихъ, важнаго исторического содержанія, оказались весьма слабыми не только въ-отношениі художественной обработки, но и со-стороны пониманія духа и значенія эпохъ, изъ которыхъ они заимствовали свои материалы. Другія, имѣвшія въ виду представить современныя нравы, при очевидномъ отсутствіи поэтической изобрѣтательности, обнаружили такія преувеличенія и крайности личныхъ авторскихъ возврѣній на жизнь и общество, которымъ неѣть мѣста въ области искусства.

Къ существеннѣйшимъ предметамъ дѣятельности отдѣленія принадлежать словари. Подъ наблюденіемъ академика А. Х. Востокова приготовлялись къ изданию дополненія къ «Областному словарю Великорусского языка»; они въ настоящемъ году разсмотрѣны отдѣленіемъ окончательно и уже отпечатаны. Все, что достигнуто до-сихъ-поръ въ этой области языкоznанія, конечно, не исчерпываетъ предмета. Языкъ нашъ надѣленъ великими производительными силами; готовый отвѣтить на всѣ умственные запросы, на всѣ требования многосторонне-развивающейся народности въ жизни, наукѣ, искусствѣ, онъ въ то-же время удовлетворяетъ самыи разнообразныи мѣстныи нуждамъ населеній въ предѣлахъ нашей обширной имперіи. Много еще предстоитъ сдѣлать наблюденій, собрать материаловъ, чтобы наконецъ мѣстныи отличія, эти живыя отрасли одной великой дѣйствующей силы языка, наука могла представить во всемъ ихъ обиліи и полнотѣ. Но отдѣленіе смигъ надѣяться, что, стремясь къ возможности выполнить одну изъ важнѣйшихъ задачъ своихъ въ ученої разработкѣ отечественного слова, оно тѣмъ, что сдѣлано уже досега, положи-

ло прочное основание къ составленію полнаго областнаго словаря.

Междутѣмъ отдѣленіе не теряло изъ виду другаго, еще болѣе обширнаго труда—общаго словаря отечественнаго языка. Не смотря на недостаточное число наличныхъ дѣятелей въ своемъ кругу, ограничивающемся, какъ сказано выше, восемью членами,—что, конечно, вы, милостивые государи, согласитесь, немнога для такого громаднаго дѣла, особенно если уdstоите припомнить, что и эти члены несутъ на себѣ, кроме академическихъ занатий, другие важные труды по службѣ,—несмотря на это, отдѣленіе не отступало отъ необходимости предварительныхъ работъ по общему словарю. За два года передъ синъ читано было въ отдѣленіи начальство сего словаря, именно слова на букву А, составленное предсѣдательствующимъ ординарнымъ академикомъ И. И. Давыдовымъ. Корректурные или пробныя листы были разосланы къ нѣкоторымъ известнымъ литераторамъ и ученымъ, съ просьбою о доказавленіи своихъ замѣчаній. Но два года прошли и никакихъ отзывовъ на это не послѣдовало. Тогда отдѣленіе опредѣлило искать напечатать въ «Извѣстіяхъ» своихъ, что и вызвало, между нѣкоторыми указанными на нѣкоторая неизбѣжная въ подобномъ дѣлѣ погрѣшности, нѣсколько основательныхъ и полезныхъ замѣчаній корреспондента академіи Н. И. Гречи и профессора Савича. Замѣчанія эти были приняты редакторомъ «Пробныхъ листовъ» съ благодарностью, а самые листы положено въ исправленіи видѣ вторично напечатать при «Извѣстіяхъ».

Междутѣмъ «Словарь», изданный II отдѣленіемъ въ 1847 году, разошелся весь, а требованія на него въ публикѣ не прекращаются. Потребность въ новомъ его изданіи становится настоятельной. Сперва отдѣленіе полагало отчасти удовлетворить этой потребности изданіемъ сокращеннаго ручнаго словаря; но, притѣзательнѣйшимъ обсужденіи дѣла, найдено гораздо полезнѣйшимъ предпринять новое изданіе «Словаря» 1847 года. Здѣсь представлялся вопросъ: должно ли это новое изданіе сопровождаться пересмотромъ «Словаря» и исправленіемъ, или слѣдуетъ ограничиться простою его перепечаткою? Отдѣленіе рѣшилось на первое и уже въ нѣсколькихъ засѣданіяхъ разсмотрѣна часть прежніго «Словаря», съѣдствіемъ чего были исключеніе нѣкоторыхъ словъ преимущественно церковно-Славянскихъ и безъ того понятныхъ или насильственно-составленныхъ, внесеніе въ «Словарь»

новыкъ словъ, которыя въ прежнемъ изданіи были опущены, и исправленіе разныхъ неточностей въ самомъ опредѣлѣніи въ объясненіи словъ. Понятно, что такое изданіе огромной книги, во всѣхъ отношеніяхъ исправленіе, потребуетъ отъ насъ еще немалой доли нашихъ усилій и времени. За то публика получить не преступу перепечатку «Словаря», а «Словарь» по-возможности улучшенній и способный удовлетворить ея потребностямъ до того времени, когда отдѣленіе въ-состояніи будетъ выполнить задуманное имъ общирное предпріятіе — составленіе «Словаря» совершенно новаго.

Затѣмъ нѣкоторые изъ сочинений нашихъ посвящали особенные труды разнымъ отраслямъ языкоznания и словесности. Ординарный академикъ, предсѣдовавший въ отдѣленіи И. И. Давыдовъ продолжалъ свои изслѣдованія и изысканія Русскихъ синонимъ, которыхъ разобрано имъ донынѣ и читано было въ засѣданіяхъ нашихъ болѣе 400 словъ. Трудъ этотъ далеко нельзя назвать окончательнымъ; еще значительная масса словъ подобнозначащихъ въ Русскомъ языкѣ ожидаетъ анализа и объясненій, и конечно къ объясненіямъ, уже сдѣланнымъ, могутъ быть присоединены новые въ видѣ дополненій, или опредѣлѣнія тончайшихъ, еще неусмотрѣнныхъ соотношеній и разностей въ словахъ. Мы, можно сказать, начинаемъ только этого рода разработку нашего языка, тогда-какъ литературы Французская, Англійская и Германскія обладаютъ уже превосходными сборниками и словарями синонимъ. Отдѣленію, и особенно академику И. И. Давыдову, принадлежитъ, по-справедливости, честь настоящаго ученаго приступа къ сеймъ дѣлу по методѣ болѣе строгой и основательной, чѣмъ вѣнчногія попытки нѣкоторыхъ изъ прежнихъ нашихъ ученыхъ и литераторовъ — Саларева, Калайдовича, Галича и другихъ.

А. Х. Востоковъ окончилъ и отпечаталъ первый томъ своего «Словаря церковно-Славянского языка» до буквы *O*. Мы увѣрены, что всякий филологъ, всакій любитељ общеславянской филологии не только у насъ, но и за границею, приметъ съ живѣшицъ участіемъ и благодарностью этотъ новый трудъ неутомимой ученої дѣятельности нашего маститаго и знаменитаго сочинена, которому отечественная наука столь многимъ уже обязана.

Ординарный академикъ И. И. Срезневскій съ обычною свою ревностію занимался, кроме изданія «Извѣстій» и «Записокъ» отдѣленія, изглѣдованіями о разныхъ вопросахъ Славяно-Русской

филологіи. Къ числу замѣчательнѣйшихъ трудовъ его въ этомъ родѣ въ истекшемъ году принадлежитъ разсужденіе его, читанное имъ въ нѣсколькоихъ изъ нашихъ засѣданій, о любопытномъ памятникѣ словесности XV вѣка, подъ заглавіемъ: *Задонщина селенаго князя господина Димитрия Иоанновича и брата Владимира Андреевича.* Въ Русской литературѣ давно уже было извѣстно поэданіе и сказание о побоищѣ селенаго князя Димитрия Иоанновича Донскаго, заключающее въ себѣ историко-эпический разсказъ о знаменитой побѣдѣ Русскихъ надъ Мамаемъ и привнесшее Рязанскому священнику Софонію или Софонію. Въ недавнее время г. Ундовъскій открылъ новое подобное произведеніе о томъ-же предметѣ,— произведеніе драгоценное какъ по отишевшему его во времени, такъ и по оживляющему его духу народности и языку. Другой списокъ этого памятника найденъ въ Кирилло-Бѣлозерскомъ монастырѣ архимандритомъ Варлаамомъ. Въ изслѣдованіи древнихъ письменныхъ произведеній первое мѣсто занимаетъ восстановленіе и правильное чтеніе текста, обыкновенно повреждаемаго переписчиками, и однимъ изъ важнейшихъ къ этому средствъ служить сличеніе нѣсколькоихъ или многихъ списковъ памятника, если они уцѣѣли. Извѣстно, какихъ усилий и филологическихъ соображеній требуетъ подобное ученое дѣло. Г. Срезневскій, владѣѧ всѣми этими пособіями, занялся имъ усердно. Онъ принялъ за основаніе текстъ Кирилло-Бѣлозерской рукописи, замѣстивъ изъ списка г. Ундовъскаго все, что казалось ему необходимымъ для пополненія и уясненія смысла. Такимъ-образомъ история отечественной литературы обогатилась новымъ очищеннымъ и критически-возстановленнымъ текстомъ, важнымъ въ ряду нашихъ эпико-историческихъ созданій. Возникшія въ недавнее время, по поводу сочиненія Шафарика, ученыя пренія о глаголитскихъ письменахъ,—времени ихъ изобрѣтенія и употребленія, послужили для г. Срезневскаго поводомъ къ новымъ изслѣдованіямъ по сему предмету, результаты которыхъ были въ свое время доведены до свѣдѣнія публики. Въ одной изъ своихъ записокъ, внесенныхъ имъ въ собраніе отдѣленія, онъ между-прочимъ говорить, что слѣды глаголицы найдены имъ въ древнихъ памятникахъ письменности нашей, именно въ памятникахъ X вѣка. Провѣряя хронологическія данные въ договорахъ съ Греками 944—945 годахъ великаго князя Игоря и въ обязательной грамотѣ великаго князя Святослава 972 года, и выикая какъ въ нихъ темныя мѣста, такъ и въ раз-

личіє написанія словъ, ученый академикъ нашелъ возможность отстригнити нѣкоторыя недоразумінія въ сихъ актахъ посредствомъ приложения глаголитскаго чтенія. Слѣды глаголицы, по замѣчанію его, выдаются рѣзко въ Татищевскомъ списѣ Игорева договора и не менѣе рѣзко въ грамотѣ Святослава, какъ въ обозначеніи года, такъ и въ имени царя Іоанна Цимисхія. Эти любопытные изысканія указываютъ на новую точку зренія, съ которой можетъ многое уясниться въ весьма-сложномъ вопросѣ о значеніи глаголицы и кириллицы въ древней-Славянской письменности. Въ числѣ различныхъ изысканій г. Срезневскаго мы должны упомянуть также о продолжавшихся и въ нынѣшнемъ году палеографическихъ изслѣдованіяхъ. Изъ нихъ оказывается, какъ много уже на этомъ поприщѣ сдѣлано трудами Тимковскаго, Востокова, Калайдовича, Кенина, Строева, Погодина, Сахарова, Черткова, Сѣнгирева, Горскаго и Новоструева. Мы къ этому прибавимъ, что во всѣхъ работахъ, служащихъ къ установлению нашей палеографіи на прочныхъ основаніяхъ, немалая доля успѣха икъ, особенно въ послѣднее время, должна быть отнесена къ дѣятельности самого г. Срезневскаго.

Независимо отъ этой ученой дѣятельности, почтенный сочленъ Машт., во время лѣтніхъ вакацій, совершилъ, по порученію отдѣленія и съ разрѣшеніемъ г. президента академіи, путешествіе въ Троице-Сергіевскую лавру и ближайшіе монастыри, для обозрѣнія тамошніхъ книгохранилищъ. Въ этихъ святыхъ убѣждающъ вѣры нашей, въ древнаго знанія, г. Срезневскій сдѣлалъ много цѣлесъвѣтныхъ изысканій и собралъ много данныхъ для будущихъ филологическихъ работъ. Великимъ пособіемъ въ трудахъ его прежде всего было покровительство высокопреосвященнаго митрополита Московскаго Филарета, а потомъ готовность содѣйствовать ему во всемъ профессора духовной академіи А. В. Горскаго, отца-іеромонаха Иларія, синодального ризничаго отца-архимандрита Саввы, профессора Новоструева, Новоіерусалимскаго архимандрита Амфилохія и В. Ундольскаго. Отдѣленіе считаетъ долгомъ торжественно засвидѣтельствовать свою благодарность, во-первыхъ, его высокопреосвященству, митрополиту Московскому Филарету, привнесшему всегда самое теплое участіе въ трудахъ нашихъ, а во-вторыхъ и вѣмъ вышеупомянутымъ лицамъ, столь дружественно помогавшимъ нашему сочлену выполнить возложенное на него дѣло.

Въ то время, какъ нѣкоторые изъ членовъ отдѣленія посвя-

щами труды свои рѣшеною разныемъ вопросовъ относительно исторіи нашей древней письменности, другіе занимались исследованіемъ настоящаго состоянія языка и литературы. Такъ ординарный академикъ Я. К. Гротъ объяснилъ весьма-важную часть языкоученія — законы словоударенія. До сихъ-поръ разсмотрѣно иль удареніе въ именительномъ падежѣ единственного числа, въ именахъ мужескаго, женскаго и средняго рода. Въ слѣдующихъ изысканіяхъ академикъ предполагаетъ разсмотрѣть переходъ удареній при склоненіи именъ существительныхъ. Но изъ изысканій уже изслѣдований вытекаетъ тотъ важный выводъ, что какъ-то прихотливо, новидимому, Русское словоудареніе, однакожъ въ самомъ разнообразіи просодіи своей чуждается безотчетного произвола или случайности, слѣдуетъ извѣстными начальми и стремит-ся подчиниться законности. Одніи изъ главныхъ предметовъ заботливости отдѣленія, какъ я уже искать честь изъяснить, были и есть словари отечественнаго языка. Для достижения возможнаго совершенства въ этомъ дѣлѣ необходимо принимать въ соображеніе подобные труды въ литературахъ иноzemныхъ. Академикъ Гротъ, занимаясь особенно всѣмъ, что имѣть связь съ филологическими видами отдѣленія въ литературахъ Нѣмецкой и Скандинавской, сперва представлялъ отдѣланію замѣчанія и выводы своимъ относительно составленія областныхъ словарей искоторыхъ Германскихъ народъ, равно и обще-Германского словаря, а потомъ вступить въ сношеніе съ непремѣннымъ секретаремъ Шведской академіи, гофиаршаломъ Бесковымъ, который сообщилъ ему несмѣнажная свѣдѣнія о ходѣ составленія словаря Шведскаго языка. Свѣдѣнія сіи были также сообщены г. Гротомъ отдѣленію. Затѣмъ онъ намѣренъ представить общій обзоръ лексикографическихъ трудовъ въ Европѣ. Изъ свѣдѣній, до-сихъ-поръ собранныхъ, между прочимъ оказывается, что работы лексикографическая вездѣ подвигались чрезвычайно медленно, несмотря на значительный разнаго рода пособія, которыми снабжались занимавшіеся ими. Доказательство того, съ какимъ трудомъ возводятся въ наукѣ вѣковые памятники прочаго, наиболѣе народнаго знанія. Г. Гротъ обратилъ также вниманіе на одно изъ замѣчательныхъ поэтическихъ произведеній современной нашей литературы — на стихотворную повѣсть г. Никитина: *Кулакъ*, заслуживающую по своемъ красотѣ серѣзнаго критического разбора. Академикъ представилъ о ней въ отдѣленіе записку, гдѣ онъ отдастъ справедливость

дарованію автора, который умѣть многія черты иправить нашего средняго сословія представить въ увлекательныхъ поэтическихъ картинахъ, не измѣня дѣйствительности ихъ и истины, притомъ стихами звучными, легкими, чуждыми всего неестественнаго и мысканаго. Записка г. Грота напечатана въ «Извѣстіяхъ» отдѣленія.

Экстраординарный академикъ Дубровскій представилъ печатный экземпляръ своей монографіи о жизни и твореніяхъ современаго намъ поэта Мицкевича. Авторъ, прослѣдивъ всю жизнь знаменитаго поэта и постепенное развитіе его таланта, въ живыхъ и точныхъ чертахъ представлялъ лучшія изъ его произведений, приводя вездѣ замѣтнѣйшия изъ нихъ мѣста въ прозаическомъ переводѣ, который если не даетъ полнаго понятія о поэтическихъ красотахъ твореній Мицкевича, то знакомить съ ихъ идеями и направлениемъ. Тутъ между прочимъ читатели найдутъ подробный обзоръ позднѣаго прекраснаго соединенія Мицкевича — *Панъ Тадеумъ*. На Русскомъ языке не было не только удовлетворительной, но почти никакой характеристики одного изъ первоклассныхъ поэтовъ, близкаго намъ и по времени и по кровной съ нами связи, не смотря на отчужденіе отъ насы, въ какое онъ поставилъ себя въ прошлые годы своей жизни. Г. Дубровскому первому принадлежитъ честь внести въ нашу литературу недостававшее ей столь важное и притомъ вѣрное и обстоятельное свѣдѣніе. Г. Дубровскій приготовилъ къ печати другую монографію — объ ученої дѣятельности знаменитаго Польскаго историка Лелевеля, написанную имъ по поводу недавно-изданной въ Познани автобиографіи этого писателя. Сверхъ-того, онъ-же представилъ въ отдѣленіе свои замѣтки о текущей Польской литературѣ и поправки и замѣчанія на статью корреспондента отдѣленія Лавровскаго: *Объ этнологическихъ особенности старинаго Польского языка*, напечатанную въ IV томѣ «Ученыхъ записокъ».

Изъ отсутствующихъ дѣйствительныхъ членовъ преосвященій эпископъ Тамбовскій Макарій доставилъ отдѣленію свое историческое *Изслѣдованіе о Русской митрополіи въ ея переходный періодъ*. Сочиненіе это важно не только въ-отношеніи къ церковной истории нашего отечества, но и въ-отношеніи къ познанію объ устремленіи состояній и образованіи его въ эту отдаленную эпоху времена. Преосвященныи также изданы два тома его словъ и рѣчей, произнесенныхъ въ Кіевѣ, С.-Петербургѣ и среди вѣрениной ему Тамбовской паствы.

Г. Шевыревъ напечаталъ третій томъ своей «Исторіи Русской словесности», обнимающей столѣтія XIII, XIV и начало XV.

Нѣкоторые изъ внутреннихъ корреспондентовъ отдѣленія привинили участіе въ трудахъ нашихъ: г. Лавровскій доставилъ разборъ свой *Милькій Сухемкало о полонизмахъ малопольскихъ*, найденныхъ въ Прагѣ Гѣфлеромъ. Г. Гильфердингъ представилъ любопытную находку, сдѣланную имъ во время путешествія его по Герцоговинѣ, въ монастырѣ Пирѣ: это рукопись, содержащая въ себѣ Славянскій переводъ бесѣдъ Иоанна Златоуста. Онъ принадлежитъ нѣкоему иконку Троицко-Сергіевской лавры и относится къ 1524 году. Въ памятникѣ семъ особенное вниманіе заслуживаетъ предисловіе переводчика, гдѣ, между прочимъ, сіть повѣтствуетъ о своемъ учениіи у премудрѣйшаго, по его словамъ, старца Михаила Грека, подъ руководствомъ котораго онъ трудился и въ переводѣ. Отдѣленіе, получивъ недавно отъ г. Гильфердинга рукопись, не успѣло еще воспользоваться ею для своихъ филологическихъ соображеній, чтѣ не преминеть сдѣлать оно въ будущемъ году. Корреспондентъ Майковъ, во волѣ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Константина Николаевича, назначень состоять при морской экспедиціи въ Греціи. Пользуясь сінь случаемъ, отдѣленіе возложило на г. Майкова заняться во время путешествія его по сей классической странѣ наблюденіемъ остатковъ и памятниковъ пребыванія тамъ Славянскихъ племенъ.

Сторонніе ученые и изыскатели по части отечественной филологии не переставали и въ истекающемъ году содѣйствовать отдѣленію въ его занятіяхъ доставленіемъ своихъ сочиненій и изслѣдований. Нѣкоторые изъ этихъ трудовъ пріобрѣли право на признательность отдѣленія и на напечатаніе ихъ въ «Ученыхъ запискахъ». Г. Коссаковъ доставилъ четыре съ половиною листа продолженія своего «Санскрито-Русскаго словаря»; кандидатъ Санкт-Петербургскаго университета Ламанскій — свое сочиненіе о колоніяхъ древнихъ Славянъ. Этотъ замѣчательный трудъ молодаго ученаго содержитъ въ себѣ какъ важныя самостоятельныя изслѣдованія о разселеніи Славянскихъ племенъ въ Малой-Азіи, Африкѣ и Испаніи, такъ и любопытныя данныя собственно въ филологическомъ отношеніи. Г. Дестумисъ представилъ продолженіе своихъ изысканій о слѣдахъ славянства въ Ново-Греческомъ языке. Отъ г. Кармова постоянно были получаемы материалы для «Областиаго словаря». Профессоръ Львовскаго университета Голосец-

кіи прислали собрание словъ, употребляемыхъ въ Галиціи, ком не вошли въ «Словарь Малорусского нарѣчія» Асанасьевъ; г. Фенаторскіи — загадки и поговорки, собранныя нынѣ въ Спаѣскомъ уѣзди Казанской губерніи. Учителъ Олонецкой гимназіи Петровъ доставилъ сборникъ простонародныхъ пѣсень Вытегорскаго уѣзда. Нѣкоторые изъ ревнителей отечественной филологии содѣйствовали отдѣленію доставленіемъ ему свѣдѣній о древнихъ любопытныхъ памятникахъ нашей словесности. Такъ отъ г. Курянова получено обозрѣніе пергаминныхъ рукописей Новгородской Софійской библіотеки, служащее дополненіемъ къ свѣдѣніямъ, лично собраннымъ академикомъ И. И. Срезневскимъ, во время командировки его въ Новгородъ въ 1856 году.

Между дѣйствіями постороннихъ лицъ, имѣющими важное значеніе вообще для науки, и въ-особенности для науки, составляющей предметъ усилій нашего отдѣленія, мы считаемъ долгомъ обратить вниманіе ваше, милостивые государи, на одно, которое никакое ученое общество, занимающееся возстановленіемъ древнихъ памятниковъ письменности, не должно пройти молчаніемъ въ исчислѣніи средствъ для своихъ успѣковъ. Это не есть какое-нибудь открытие, изысканіе въ области филологии, или въ области науки, имѣющее къ ней отношеніе; но это великая услуга, оказанная каждому изъ ихъ открытій и изысканій. Я разумѣю приложеніе фотографіи къ снимкамъ съ памятниковъ письменности, доведенное до изумительной степени совершенства нашими достопочтенными соотечественниками П. И. Свѣастрияновымъ. Очевидно, какъ важны для науки непогрѣшительно-точные копіи съ рукописей, извлекаемыхъ случаемъ или настойчивостью изыскателей изъ темныхъ хранилищъ прошедшаго, гдѣ они были погребены цѣлые вѣка, и какъ трудно возстановлять эти рукописи со всѣми особенностями, которые наложены на нихъ и процессомъ первоначальнаго ихъ составленія, и переворотами времени. Всѣ способы, какие до-сихъ-поръ были употребляемы для этой цѣли и о коихъ здѣсь не мѣсто распространяться, были неудовлетворительны, отчасти потому, что предоставили многое произволу трудящимся надъ этимъ дѣломъ, отчасти потому, что сопряжены были съ тяжкими усилиями, и наконецъ потому, что распространеніе ихъ между учеными въ значительномъ числѣ экземпляровъ, особенно по причинѣ послѣдняго обстоятельства, было крайне затруднительно. Г. Свѣастрияновъ рѣшился призвать солаце, которое какъ будто восхо-

тъло и на сей разъ благодатныиъ вліяніемъ своего свѣта содѣствовать столь-же благодатному свѣту знанія. Искусство г. Севастьянова, настойчивость и знаніе всѣхъ таинствъ фотографіи преодолѣли препятствія, какія естественное представлялись въ привнесіи употребленнаго имъ способа къ самыи точайшимъ подробностямъ и чертамъ переводимыхъ на бумагу письменъ. Первый разъ способъ свой приложилъ онъ къ дѣлу въ Аѳонскихъ монастыряхъ; результаты, добытые имъ тамъ и привезенные сперва въ Парижъ, привели въ восторгъ и изумленіе ученыхъ лица и общества Парижскія. Нынѣ доставилъ онъ въ нашу академію нѣсколько снимковъ съ Славянскихъ рукописей, найденныхъ на Аѳонѣ, и мы лично могли убѣдиться въ блестательномъ усѣѣ дѣла, задуманного и исполненнаго нашимъ соотечественникомъ. Точность воспроизведенія рукописей неводражаема, какъ точность всего, что производить природа вообще и природа, благоговѣйно и мудро призывающая къ участію въ своихъ видахъ наукой. Это, разумѣется, главное качествъ передаваемаго памятника для археолога и филолога; другое — возможность размножать снимки въ значительномъ количествѣ и такимъ-образомъ дѣлать ихъ доступными всякому ученыму, всякому любителю древностей, чего доселѣ были они лишены.

Я оканчиваю мое слово — и мнѣ остается только отъ лица всѣхъ выразить увѣренность, необходимую для нашего пониманія, что по-крайней-избрѣцѣ, къ которымъ мы стремимся въ нашей скромной ученой дѣятельности, не недостатны благороднаго, оживляющаго сочувствія нашего, милостивые государи. Сколь-бы ни были важны и велики вопросы, занимающіе умы нашего времени, мы полагаемъ, что задача науки вообще и науки, преимущественно изслѣдующей духъ, жизнь и слово народа, къ коему мы всеи имѣемъ счастіе принадлежать, не менѣе важны и велики какъ сами-по- себѣ, такъ и по связи своей со всѣми явленіями, занимающими умы самые положительные. Связь эта тѣсна, неожидаюше думаютъ. Въ царствѣ мысли, сообщающей всѣмъ человѣческимъ дѣйствіямъ начало и движение, находится много неизвѣданныхъ путей, на которыхъ встречаются идеи и начинанія самые разнородныя, самые повиданому противоположныя, и встреча эта служить всегда къ ихъ взаимному дополненію, утверждему и успеху въ общемъ ходѣ народнаго размножія и благоденствія.

V.

ІСТОРІЯ

ПРОСВІЩЕНІЯ И ГРАЖДАНСКАГО ОБРАЗОВАНІЯ.

МАЛЮСЬ.

(ПОСМЕРТНОЕ СОЧИНЕНІЕ АРАГО).

Рожденіе Малюса. Его литературное воспитаніе и поступление въ политехническую школу.

Этьен-Луи Малюсъ, сдѣлавшій незабвенное, бессмертное открытие въ наукахъ физическихъ, родился въ Парижѣ 23 іюля 1775 г.; отецъ его, Анна-Луи Малюсъ-дю-Митри, бывъ казначеемъ, а мать звали Луизою-Шарлотою Десбовъ.

Начавъ свое образованіе съ наукъ словесныхъ, Малюсъ глубоко изучилъ классическихъ писателей Греціи и Рима. До послѣднихъ своихъ дней, онъ читалъ наизусть большиіе отрывки изъ Иліады, Анакреона, Горація и Виргилія. Подобно всѣмъ даровитымъ ученикамъ, онъ легкомысленно посвящалъ свои таланты занятіямъ не по-силамъ, — тѣмъ занятіямъ, которыхъ одинъ изъ нашихъ великихъ поэтовъ называлъ *искушеніями сатаны*; несмотря на то, Малюсъ упорно доводилъ свои опыты до конца: въ его бумагахъ я нашелъ двѣ пѣсни эпической поэмы, подъ названіемъ «Основаніе Франціи или Темелія» и двѣ конченныя трагедіи: «Взятіе Утики и смерть Катона» и «Электра». Хотя въ нихъ встречаются хорошие стихи и занимательные положенія, однако же не

могу сказать, чтобы литература была призваниемъ Малюса. Впрочемъ, о начинающемъ писатель нельзя произносить рѣшительного суда: всѣмъ извѣстно разстояніе между «Братьями врагами» и «Андромахой» Расина. *

Вмѣстѣ съ литературой, Малюсъ занимался алгеброй и геометрией; въ 1793 г. онъ выдержалъ пріемный экзаменъ въ Мезьерскую инженерную школу, и въ томъ-же году причисленъ быть къ тѣмъ подпоручикамъ, которые назначались къ выпускѣ, и между которыми первое мѣсто занималъ генералъ Бертранъ. Но важные беспорядки въ этой школѣ заставили ее уничтожить, и Малюсъ, не могши воспользоваться своимъ назначеніемъ, вступилъ волонтеромъ въ 15 Парижскій батальонъ и отправился въ Дюнкеркъ, гдѣ, какъ простой землемѣръ, работалъ на полевыхъ укрѣпленіяхъ.

Леперъ, инженеръ путей сообщенія, завѣдывавшій частію постройки этой крѣпости, замѣтилъ особенное и неожиданное искусство въ производствѣ земляныхъ работъ, и захотѣлъ узнать тому причину. Ему указали на Малюса, который училъ солдатъ работать и скоро и съ меньшимъ трудомъ. Небольшой разговоръ съ Малюсомъ показалъ инженеру, что скромный землемѣръ 15 Парижскаго батальона есть человѣкъ съ высшими дарованіями. Леперъ послалъ Малюса въ основанную тогда политехническую школу.

И такъ Малюсъ принадлежалъ къ первымъ ученикамъ этого знаменитаго заведенія. Онъ скоро пріобрѣлъ тамъ дружбу Монжа, спасшую его отъ изгнанія за вмѣшательство въ политическія смуты, волновавшія столицу Франціи.

Вышедши изъ политехнической школы, Малюсъ, 20 февраля 1796 г., отправился въ Меѣ инженернымъ подпоручикомъ и по получении, 19 июня того-же года, чина инженернаго капитана быть посланъ въ армію Сambre и Maаса, гдѣ принималъ дѣятельное участіе и отличился въ сраженіяхъ, доставшихся на долю этой храброй арміи.

Въ семейныхъ бумагахъ недавно найдена переплетенная тетрадка, въ которой Малюсъ, будучи капитаномъ въ восточной арміи, ежедневно записывалъ всѣ происшествія, которыхъ онъ бытъ свидѣтелемъ или въ которыхъ участвовалъ непосредственно. Эти записки я читалъ съ великимъ любопытствомъ; онѣ заслуживаютъ подробнаго разбора. Я рѣшаюсь предложить здѣсь изъ нихъ выписки, въ доказательство, что глубокія знанія и геніальность въ наукѣ не ослабляютъ ни усердія, ни постоянства, ни му-

жества, ни предпримчивости, — необходимых достоинствъ всякаго хорошаго офицера. Однако я надѣюсь, что прочитавъ мои выписки, никто военныхъ заслугъ Малюса не сочтетъ выше его заслугъ въ настоящей его сферѣ, въ сферѣ наукъ.

Египетская кампания. Извѣщенія изъ записокъ Малюса.

Военные события привели Малюса на правый берегъ Рейна. Одиннадцать мѣсяцовъ онъ пробылъ въ гарнизонѣ ученаго города Гиссена, и готовъ былъ вступить въ бракъ со старшой дочерью канцлера университета, профессора Коха, какъ получилъ приказаніе немедленно явиться въ Тулонъ и вступить подъ команду Каффареля, въ правый флангъ экспедиціонной арміи, которой назначение никому не было известно.

Въ Тулонѣ, 27 февраля, онъ сѣлъ на 74-пушечный корабль «Аквилонъ», бывшій подъ командой Тевенара и принадлежавшій къ авангарду эскадры. 22 преріяля (10 июня 1798 г.) онъ участвовалъ въ атакѣ Мальты, которой защитники — по его словамъ — много шумѣли, и сдались, не сдѣлавъ Французамъ ни малѣйшаго вреда.

Послѣ краткаго пребыванія въ Мальтѣ, Малюсъ, по требованію генерала Дезе, командовавшаго дивизіей Чивита-Векской, пересѣлъ на корабль *Храбрый*, на которомъ находился самъ генераль. «Я — пишеть нашъ товарищъ — во всѣхъ отношеніяхъ обрадованъ этой перемѣнѣ!»

Флотъ оставилъ Мальту 3 мессидора, и 13 того-же мѣсяца Малюсъ проплавалъ всю ночь въ безпалубной шлюбкѣ, отыскивая главнокомандующаго для получения его приказаний относительно мѣста, въ которомъ должна выгрузиться дивизія Дезе. 17 Малюсъ былъ отряженъ въ авангардъ арміи; 21 онъ находился въ лагерѣ на дорогѣ въ Рамбаньехъ. Тогда инженерный корпусъ не имѣлъ ни материальныхъ средствъ, ни солдатъ; каждый инженерный офицеръ сѣдовалъ за арміей отдельно и нуждался въ самыхъ необходимыхъ вещахъ. «Не имѣя — пишеть Малюсъ — кола, къ которому можно было бы привязать мою лошадь, я привязывалъ ее «къ моей ногѣ и засыпалъ, мечтая объ удовольствіяхъ въ Европѣ.» 25 онъ участвовалъ въ славномъ сраженіи при Хебрейсѣ; 2 терийдора — въ сраженіи при пирамидахъ, гдѣ былъ въ батальонѣ-каре праваго фланга, подъ генерала Дезе. Утромъ 4, съ отрядомъ

карабинеровъ, онъ перешелъ на островъ Рауди, осмотрѣлъ правый берегъ Нила при Мекиасѣ и отослалъ на лѣвый суда, на которыхъ армія должна была переправиться чрезъ рѣку. Вечеромъ въ тотъ же день сопровождалъ Малюсъ генерала Дюпюи для переговоровъ о сдачѣ Каира. 15 термідора, онъ отправился съ авангардомъ арміи противъ Ибрагима-Бея, стоявшаго лагеремъ при Бельбейсѣ, и потомъ дѣятельно участвовалъ въ важнѣйшихъ сраженіяхъ кампаніи, означенованной многими военными ошибками.

Съ генераломъ Ренье, Малюсъ осматривалъ иѣстность для точнаго опредѣленія разстоянія Салхіеха отъ моря. Возвращаясь, онъ открылъ развалины весьма замѣчательнаго древняго города Саны или Тамиса. Въ то-же время онъ узналъ объ уничтоженіи нашего флота въ Абукирскомъ морскомъ сраженіи, и вѣхалъ въ Каиръ усталый, больной и съ глубокой горестью.

Тогда генераль Бонапартъ основалъ Египетскій институтъ; Малюсъ былъ однимъ изъ первыхъ его членовъ.

Чрезъ нѣсколько дней, Малюсъ получилъ приказаніе отправиться къ генералу Дезе, въ верхній Египетъ. По возвращеніи въ Каиръ съ дивизіей этого «правосуднаго султана», ему поручили приготовленія къ празднику I вандемьера на площади Эсбекіе. Такое занятіе—пишетъ онъ—было слабымъ развлечениемъ въ угнетавшей меня грусти.» 30 и въ слѣдующіе дни Малюсъ много содѣйствовалъ къ подавленію бунта въ Каирѣ. Схвативъ одного изъ бунтовщиковъ, онъ нашелъ у него вещи, принадлежавшія Каффарели, его другу и непосредственному начальнику; онъ подумалъ, что генераль убитъ; и только на другой день узналъ, что генераль оставилъ свой домъ прежде, нежели Турки разграбили его.

По утишеніи бунта, Малюсъ началъ строить фортъ на томъ мѣстѣ, съ котораго, во время возмущенія, стрѣляли изъ пушекъ въ большую мечеть; онъ долго занимался строеніемъ этого форта, названнаго именемъ Дюпюи. Потомъ онъ былъ начальникомъ отряда, осматривавшаго сообщенія Нила съ озеромъ Мензалахъ и съ Салхіехомъ. Въ эту экспедицію молодой капитанъ собралъ много свѣдѣній археологическихъ и географическихъ.

По возвращеніи въ Каиръ, Малюсъ нѣсколько времени отдыхалъ, и досугъ свой употребилъ на обозрѣніе Іосифова колодезя, который онъ называетъ дѣломъ великаго терпѣнія и искусства. Также посѣтилъ онъ, колоссальныя пирамиды Гизеха, вмѣстѣ съ

чъловѣкомъ, котораго можно назвать колоссомъ нашей арміи, по его росту и храбости, съ генераломъ Клерберомъ.

Когда армія пошла въ Сирію, тогда Малюсъ, занимавшійся осмотрѣніемъ Дельты, былъ прикомандированъ къ дивизіи Клербера. Мы не послѣдуемъ за арміею въ тяжкомъ ея пути, почти безъ провизіи и безъ воды; подробности обѣ этомъ походѣ въ запискахъ Малюса возбуждаютъ самыя горестныя размышенія; однако же скажемъ, что нашъ инженеръ отлично содѣствовалъ осадѣ Эль-Гариша. Онъ атаковалъ и занялъ постъ въ 80 метрахъ отъ крѣпости, вѣль траншеи и довелъ сапы до самой бреші; тогда непріятель рѣшился сдаться. Молодой капитанъ сильно вооружается противъ недобросовѣстности генераловъ относительно пленныхъ, которыхъ принудили стать въ ряды нашего войска.

Малюсъ говоритъ, что армія, на походѣ въ Сирію, захватила чуму въ Газѣ, оставленномъ непріятелемъ; однако дивизія ея достигла наконецъ Яффы и обложила этотъ городъ. Осада произвѣдилась не согласно съ правилами науки, образованной Вобаномъ. Молодой нашъ капитанъ разсказываетъ, что брешь-батарея, подкрѣпляемая весмьи малыми вооруженными платформами, была взята въ ночной вылазкѣ изъ города. Головы нашихъ солдатъ продавались въ Яффѣ на вѣсъ золота. Къ-счастію, головы нашего товарища не было между кровавыми трофеями, и только потому, что во время нападенія онъ спалъ въ углубленіи батареи.

Когда была сдѣлана брешь, тогда гарнизону предложили сдаться; но, не получивъ отвѣта, пошли на приступъ. Здѣсь, вмѣсто краткихъ извлечений, привожу собственные слова Малюса.

«Непріятель былъ сбитъ, напуганъ и послѣ живой перестрѣлки отступилъ въ дома и городскіе форты; тамъ онъ держался во многихъ мѣстахъ и отстрѣливался около часа. Въ это время, Французскіе солдаты, разсѣявшіеся по городу, рѣзали мужчинъ, женщинъ, дѣтей, стариокъ, христіанъ и турокъ; все, что имѣло образъ человѣка, было жертвой ихъ ярости.»

«Рѣзня, двери разбиты, дома, разрушаляемые огнемъ и холоднымъ оружіемъ, плачъ женщинъ, отцы и дѣти, лежащіе кучами, дочери, обезображенныя на трупахъ матерей, смрадъ отъ горящихъ труповъ, запахъ крови, стоны раненыхъ, ссоры побѣдителей за добычу, крики отчаянныхъ, поражаемыхъ разъяренными солдатами, наконецъ эти солдаты, насытившіеся кровью и золотомъ, и упав-

шие отъ усталости на трусы, — вотъ зрѣлище, которое представлялъ несчастный городъ до самой ночи.»

Этотъ отрывокъ изъ рукописи Малюса вѣрно изображаетъ происходящее во всякомъ городѣ, взятомъ штурмомъ даже войсками, принадлежащими цивилизованному и человѣколюбивому народу. Когда историки достигнутъ высшей сферы размышленій, и оставивъ рутину, будуть слѣдовать вѣчнымъ законамъ справедливости и человѣколюбія, тогда они, хваля непреодолимое мужество войска, строго повинующагося дисциплинѣ, не будутъ забывать людей, которые для сохраненія своей національности, рѣшаются подвергать себя рѣзни, описанной Малюсомъ; тогда ихъ осужденія обратятся на зачинщиковъ беззаконныхъ войнъ, въ удовлетвореніе только личному самолюбію и для приобрѣтенія ложной и временной славы.

Когда армія вступила въ походъ для осады С. Ж. Дакры, тогда Малюсъ получилъ приказаніе остаться въ Яффѣ съ генераломъ Грезѣ. Съ ними остались триста раненыхъ, четыреста зачумленыхъ и только 50 здоровыхъ солдатъ. Зачумленныхъ Малюсъ помѣстилъ въ Греческомъ монастырѣ и десять дней каждое утро проводилъ въ этой вѣстылицѣ нечистоты и смрада. Знаменитый нашъ живописецъ Гро не имѣлъ надобности въ своей картины помѣщать выдуманныя лица; лучше-бы нарисовалъ онъ нашего товарища среди мертвыхъ и умирающихъ.

На одиннадцатый день, Малюсъ захворалъ тою же страшною болѣзникою, которая свирѣпствовала въ нашемъ войскѣ. Опять оставляю изъвлеченіе и выписывая собственные слова нашего товарища.

«Горячка и страшная головные боли заставили меня остаться въ покой; къ нимъ присоединился кровавый поносъ, и мало-по-малу открывались признаки чумы. Около того-же времени умеръ генералъ Грезѣ; половина гарнизона также заболѣла; каждый день умирало по 30 солдатъ. Бригадье, начавшій вмѣсто меня заниматься устройствомъ лазарета, захворалъ на четвертый день и умеръ чрезъ 48 часовъ. До-сихъ-поръ, продолжительность моей болѣзни позволяла мнѣ надѣяться, что я еще не зачумленъ; но открывшійся нарывъ подъ правымъ пахомъ и увеличивавшаяся боль въ сердцѣ уничтожили мою надежду; тогда я принялъ свои мѣры: я отоспалъ къ Франциски, находившемуся при раненомъ генералѣ Дамасѣ, вещи, назначенные мною для родственниковъ и друзей.

Надобно замѣтить, что изъ всѣхъ товарищевъ только Франциски не оставлялъ меня, для поддержанія моей надежды, не боялся подходить ко мнѣ, и въ день своего отѣзда, онъ даже обнялъ меня, хотя мое зачумленіе не подлежало уже сомнѣнію. Изъ двѣнадцати человѣкъ онъ одинъ не зачумился. По моемъ возвращеніи въ Египетъ, Сентъ-Симонъ навѣстилъ меня и умеръ на другой день.

«Когда тянулась осада Дакры, больные прибывали въ Яффу и увеличивали число умирающихъ; чума была во всѣхъ жилыхъ домахъ; бѣглецы изъ Рамле, искашившіе въ Яффѣ нашего покровительства, почти всѣ погибли. Зараза проникла и въ Капуцинскій монастырь, занимаемый карантиномъ: умерла большая часть монаховъ, и погибли всѣ францискія семейства, кромѣ двухъ мужчинъ и одной женщины.

«Я не зналъ уже никого изъ жителей Яффы; мои друзья, знакомые и слуги всѣ померли одни за другими, кромѣ одного слуги, который усердно служилъ мнѣ въ болѣзни; но 24 жерминаля я потерялъ и его; я остался одинъ, безъ силъ, безъ помощи, безъ друзей; понось и поты до крайности ослабили мою голову; поначалу усиливалась лихорадка и доводила меня до бѣшенства. Два сапера принадлись-было ходить за мнѣ, но скоро умерли одинъ послѣ другаго.

Наконецъ, 2 флореала я сѣлъ на корабль *Этельду*, который отправлялся въ Египетъ, и котораго капитанъ былъ уже зачумленъ и умеръ въ день нашаго прїезда въ Дамьетту. Морской воздухъ сильно на меня подействовалъ; мнѣ казалось, что я освободился отъ удушья; съ первого дня я почувствовалъ позывъ на пищу, не смотря на мою крайнюю слабость. Противные вѣтры задерживали насъ въ морѣ и тѣмъ много способствовали поправленію моего здоровья; мои силы восстанавливались, кора съ нарыва спала и аппетитъ возвратился.

«7 флореала, мы бросили якорь у Дамьетты; 8 вошли въ Ниль, и корабль отвели въ карантинъ.»

Хотите ли знать, что бываетъ съ заведеніями, препорученными людямъ бездушнымъ? Вотъ вамъ терзающій разсказъ Малюса.

«10 жерминаля, я вышелъ на берегъ и меня отвели въ Лесбійскій лазаретъ, заваленный чумными изъ Дамьетты и Сирии. Вмѣстѣ со мной помѣстили много пѣшеходовъ, не имѣвшихъ ни малѣйшихъ признаковъ болѣзни, но получившихъ ее въ лазаретѣ;

они все погибли. Такое множество умершихъ замедлило мое освобождение. Изъ несчастныхъ, попавшихъ въ нашу тюрьму, рѣдкій выходилъ на Божій свѣтъ; тамъ едва помогали умирающимъ; я видалъ приходящихъ въ бѣшенство предъ смертью отъ того, что никто не хотѣлъ подать имъ воды: одни притворялись, что не слышатъ просьбы, а другие уже прямо говорили: «не стоять труда.» Жадные могильщики обирали умирающихъ прежде ихъ кончины; эти люди, эти служители «комиссіи здравія» были вмѣстѣ и лекаря и сторожа больныхъ; едва больной переставалъ двигать рукою, они хватали его, переносили за рѣку и бросали въ добычу собакамъ и хищнымъ птицамъ; трупы рѣдко покрывались тонкимъ слоемъ песку, да и тотъ всегда разносилъ вѣтеръ: это была настоящая живодерия, походившая на страшное поле сраженія.

«Одна несчастная, всѣми оставленная женщина, о которой я имѣлъ попеченіе, наканунѣ своей смерти, просила меня дать могильщикамъ піастръ за то, чтобы они не оставляли ее въ добычу шакаламъ; я исполнилъ ея просьбу и велѣлъ зарыть ее на Турецкомъ кладбищѣ, на концѣ долины Мертвыхъ.»

«Я пробылъ мѣсяцъ въ этой ужасной и отвратительной тюрьмѣ; тогда Казола выпросилъ для меня особое помѣщеніе. Оставивъ общество умирающихъ, я почувствовалъ всю сладость уединенія. Здѣсь я совершенно выздоровѣлъ, и въ первыхъ дняхъ мессидора получилъ полную свободу, съ пожертвованіемъ всѣхъ моихъ вещей.»

Мы должны поздравить себя съ чудеснымъ избавленіемъ Малюса отъ ужасной болѣзни, скосившей множество жертвъ! Если бы онъ умеръ, то прекрасная вѣтвь оптики не была бы посажена на почву науки и удивительныя ея успѣхи не прославили бы XIX столѣтіе.

Чрезъ нѣсколько времени, Малюсъ получилъ приказаніе отправиться въ Катіехъ; прелести этого поста, командуемаго генераломъ Леклеркомъ, съ любовью описаны избавившимся отъ болѣзни и отъ столько же страшного лазарета въ Лесбіехѣ. «Мы — пишетъ онъ — жили въ хижинахъ, сплетенныхъ изъ пальмовыхъ листьевъ; жили какъ Арабы; подлѣ моей хижинѣ было отгороженное мѣсто, въ которомъ находились мои лошади, верблюды и «ослы; птичникъ былъ наполненъ курами, гусями и утками; въ одной клѣткѣ жили два барана, а въ другой — кабанъ; тамъ же были гнѣзда для голубей, а коза бѣгала на свободѣ. Въ

«этотъ обществъ я провелъ съ удовольствіемъ всѣ послѣдніе три мѣсяца моего пребыванія въ Египтѣ. Совершенное спокойствіе, мирныя забавы и ожиданіе непріятеля, котораго мы надѣялись побѣдить, заставляли насъ забывать недостатокъ Европейскихъ «удобствъ жизни.»

Малюсъ не все разсказываетъ: въ Катиехѣ онъ написалъ разсужденіе о свѣтѣ, о которомъ будемъ говорить ниже. Если случайно оно попадетъ въ руки ученыхъ, то они найдутъ въ немъ много спорныхъ предметовъ; но надоѣло вспомнить, что оно состарѣлось полувицомъ, и сочинитель его былъ въ необыкновенномъ положеніи.

Въ запискахъ его нахожу, что въ одномъ обозрѣніи мѣстности съ отрядомъ на верблюдахъ, онъ встрѣтился съ караваномъ, напавъ на него и отбивъ много верблюдовъ и провизіи.

Малюсъ, возвратившись въ Каиръ, получилъ отъ Клебера (21 октября 1799) патентъ на чинъ батальоннаго начальника, справедливую награду за его дѣятельность и неустрашимость въ продолженіе всей кампаниіи. Малюсъ, въ новомъ своемъ чинѣ, получилъ извѣстіе о высадкѣ Турокъ близъ Дамьетты, и поспѣшилъ туда; пришедши 8 брюмера, нашелъ непріятеля уже укрѣпившимся. На другой день онъ, какъ простой солдатъ, присоединился къ войску, напавшему на Турокъ на штыкахъ, и сбросившему ихъ въ море.

20 фримера, Малюсъ получилъ начальство надъ Лесбіехомъ; уничтожилъ стѣны этой крѣпости, когда она была въ рукахъ Турокъ, и потомъ опять восстановилъ ихъ, когда она досталась Французамъ.

22 чума появилась около Лесбіеха, въ шести различныхъ мѣстахъ. Опытность его позволила ему удержать ея развитіе и распространеніе; однако до 28 плювіоза она успѣла поразить нѣсколько жертвъ; 29, Лесбіехъ былъ возвращенъ Туркамъ въ силу договора въ Эль-Гаришѣ. Въ Каиръ прибылъ Малюсъ 25 веинтоза, и 28 узналъ, что Лордъ Кейтъ уничтожилъ капитуляцію Эль-Гаришскую. Въ тотъ-же день, въ два часа по полудни, явилась прокламація Клебера, которая оканчивалась слѣдующимъ предсказаніемъ: «на этотъ безчестный поступокъ и на предложеніе положить оружіе, армія будетъ отвѣтчать новыми побѣдами.» Дѣйствительно, на другой день, армія выступила въ походъ и побила великаго визира. Малюсъ, находясь при дивизіи Фріана, участвовалъ въ зна-

менитомъ сраженіи при Геліополисѣ, гдѣ 11 тысячъ Французовъ разбили 60 тысячъ Турокъ.

На другой день побѣды, одинъ случай имѣлъ непріятныя слѣдствія. «30, въ два часа утра — пишетъ Малюсъ — армія пошла въ «Бельбейсъ», где надѣялись найти соединенную Турецкую армію. «Я былъ при дивизіи Фріана. Послѣ часового похода, я замѣтилъ, что ночью мы потеряли дорогу въ пустынѣ. Я скажу о томъ генералу, который сперва обратилъ вниманіе на мои слова; но другіе представляли свои причины съ такою увѣренностью, что генераль приказалъ продолжать походъ. Полтора часа мы шли прямо къ тому мѣсту, отъ которого начали походъ; это замѣтилъ я по полярной звѣздѣ, которую мы оставили позади събя. Въ этотъ разъ меня послушались, и я вывелъ дивизію на настоящую дорогу. Но ошибка заставила насъ опоздать и другія дивизіи дожидались насъ за лѣвъ отъ Бельбейса.»

Вотъ отъ какихъ случаевъ зависятъ важные военные события. Еслибы въ дивизіи Фріана былъ компасъ въ нѣсколько миллиметровъ, подобный тѣмъ, которая прицепляютъ къ часамъ съ другими привѣсками, или еслибы офицеры, слишкомъ полагавшіеся на свои знанія, послушались совѣтовъ Малюса, то дивизіи соединились бы во-время, и великий визирь подъ Бельбейсомъ потерпѣлъ бы новое пораженіе.

Малюсъ находился при дивизіи генерала Ренье во время той экспедиціи, въ которую, послѣ многихъ важныхъ дѣлъ, Турецкая армія была отброшена за пустынью. Потомъ онъ возвратился въ Каиръ, взбунтованный Мамелюками, пришедшими въ городъ въ день Геліополисской битвы. Нетрудно отгадать, что дѣлалъ инженерный офицеръ въ обширномъ Каирѣ, загроможденномъ баррикадами. По совершенномъ покореніи Каира, Малюсъ поселился въ Гизехѣ, когда 25 преріяя генераль Клеберь, въ саду, былъ зарѣзанъ Туркомъ, пришедшемъ изъ Сиріи.

Здѣсь оканчиваю наши извлечения изъ записокъ Малюса. Намъ трудно выписывать жесткія, хотя и справедливыя, его сужденія о генералѣ Мену. Одного замѣчанія достаточно для выраженія его мнѣнія о послѣднемъ начальникѣ восточной арміи: «Клеберь былъ зарѣзанъ 25 преріяя; но Мену убилъ его въ другой разъ, очернивъ честь умершаго генерала.»

Читая записки Малюса, я замѣтилъ, что онъ съ точностію означалъ время, когда получалъ письма отъ своего отца, сестры,

дяди, и проч. Что же касается до писемъ изъ Гиссена, то всякой отговариваетъ, кто ихъ писалъ; но Малюсъ не упоминаетъ о томъ, безъ сомнѣнія, изъ опасенія, чтобы его записки не попались въ не-скромныи руки друга или врага. Указываю на эту осторожность для тѣхъ неблагонамѣренныхъ людей, которые думаютъ, что чувство приличія не-совмѣстно съ знаніями геометріи.

Женитьба Малюса. Продолженіе его военной службы.

Малюсъ оставилъ Египетъ и перѣхалъ море на Англійскомъ транспортѣ «Касторъ» вслѣдствіе условій, заключенныхъ генераломъ Мену съ непріятельскими начальниками. По пріѣздѣ въ Марсель, 14 октября 1801 г., его тотчасъ посадили въ карантинъ, который показался ему раеиъ сравнительно съ лазаретами Яффы, Дамьетты и Лесбіеха. Получивъ свободу, онъ отправился въ Парижъ, и послѣ одного короткаго посѣщенія своихъ родныхъ, по-винуясь болѣе сердцу, нежели данному слову, поспѣшилъ въ Гиссенъ къ своей невѣстѣ Вильгельминѣ-Луизѣ Кохъ, и женился на ней безъ отлагательства. Этотъ союзъ составилъ счастіе нашего товарища. Скоро увидимъ рѣдкую приверженность супруги къ избранному ея сердцемъ, во время жестокой болѣзни, похитѣвшей его у ея любви и у наукъ.

Продолженіе военной службы Малюса можно очертить немногими строками:

Въ 1802—1803 г. онъ служилъ въ Лилль.

Въ 1804 г., въ Антверпенѣ, по требованію Наполеона, онъ составлялъ проекты для дополненія укрѣплений этого приморскаго города и для распространенія его стѣнъ.

Трудъ этотъ хранится въ фортификаціонномъ депо и содержитъ одиннадцать листовъ чертежей, и аналитическія изслѣдованія съ числовыми примѣрами о двухъ механическихъ вопросахъ, имѣвшихъ, по обстоятельствамъ и мѣстности, важное приложеніе, именно: 1) какую можно извлечь пользу изъ вѣса людей, ходящихъ въ колесѣ для приведенія въ движение черпальную машину или Архимедовъ винтъ? 2) какъ должно употреблять для той-же цѣли силу вѣтра, дѣйствующаго на мельницу съ горизонтальными крыльями, обращающимися всегда по одному направлению?

Въ 1805 г., Малюсъ былъ при сѣверной арміи.

Въ 1806—1808 г. онъ отправлялъ должность вице-директора Стразбургскихъ укрѣплений. Въ этомъ званіи онъ предсѣдатель-

ствовалъ въ комиссіи о перестройкѣ форта Келя, сдѣлалъ весьма основательныя замѣчанія о формѣ крѣпостныхъ одеждъ, и аналитически опредѣлилъ ихъ толщину.

Въ 1809 г. его вызвали въ Парижъ.

Въ 1810 г. онъ сдѣланъ былъ инженернымъ маюромъ. Архивъ военного комитета доказываетъ, что генеральныя инспекторы съѣтствовали съ нимъ о поручаемыхъ имъ работахъ.

Разсужденіе о свѣтѣ, написанное въ Египтѣ.

Теперь будемъ говорить о Малюсѣ, какъ о физикѣ и членѣ академіи наукъ. Не выходя изъ этихъ границъ, я могу сказать иѣсколько словъ о его оптическомъ разсужденіи, написанномъ въ хижинѣ, въ Катиехѣ.

Въ первой части авторъ ясно означаетъ предметъ своего сочиненія, котораго рукоопись лежитъ предъ моими глазами.

Авторъ желалъ доказать, что свѣтъ не есть тѣло простое, но состоитъ изъ теплотвора и кислорода въ особенномъ соединеніи. Для доказательства своей теоріи, онъ приводить много явлѣй, заимствуя ихъ у химіи, которую, кажется, онъ хорошо зналъ не въ однихъ общихъ основаніяхъ, но и въ подробностяхъ. Однако надоѣло сказать, что всѣ заключенія Малюса, самыя вѣроятныя для того времени, уничтожаются нынѣ однимъ словомъ: въ противность всѣмъ явленіямъ, упоминаемымъ нашимъ товарищемъ, достаточно указать на то, что свѣтъ рождается въ пустотѣ Вольтовъмъ токомъ по веществамъ простымъ, каковы суть уголь, пластина, и пр.

Во второй части своего разсужденія, Малюсъ старается доказать, что свѣтъ одного рода отличается отъ другого только большимъ или меньшимъ количествомъ теплорода. Красный свѣтъ есть теплѣйший, фioletовый—холоднѣйший, какъ показываютъ опыты. Потомъ авторъ утверждаетъ, что всѣ лучи, одаренные извѣстною напряженностью, должны производить ощущеніе бѣлаго цвѣта.

Третья часть Малюсова труда содержитъ механическія слѣдствія, выводимыя анализомъ изъ предположеній въ двухъ первыхъ частяхъ. Изъ этой третьей части извлекаютъ мнѣніе автора о скорости свѣта: онъ, какъ и всѣ послѣдователи гипотезы истеченія, думаетъ, что скорость свѣта въ водѣ должна быть болѣе, нежели

въ воздухѣ. Послѣ этого всякой пойметъ, что нѣть надобности въ подробномъ разборѣ сочиненія Малюса.

Разсужденіе свое Малюсъ назначалъ для Египетскаго института. Въ письмѣ его къ Ланкре я нахожу слѣдующее: «посылаю съ тебѣ, мой любезный Ланкре, трудъ, о которомъ я говорилъ съ тобою; укажи мнѣ на повторенія и на бесполезное. Если послѣ «такой очистки» въ трудѣ моемъ ничего не останется, то я отложу его въ сторону.»

Справедливость требуетъ сказать, что я не воздержался отъ критики, по-тому что биографъ есть другъ истины, а не панегиристъ; притомъ третья часть разсужденія была написана до изданія четвертаго тома «Небесной механики», гдѣ тотъ-же предметъ разсмотрѣнъ съ большимъ стараніемъ. Къ этому прибавлю, что ни одна армія не имѣла въ своихъ рядахъ офицера, который-бы на досугѣ аванпостной службы занимался глубокими и полными изслѣдованіями обѣ ученыхъ вопросахъ. Сила этого замѣчанія не ослабляется походомъ Александра. Правда, по желанію Аристотеля, ученые сопровождали великаго полководца, но они имѣли обязанность только собирать ученыхъ свѣдѣнія у народовъ побѣжденныхъ, а не двигать науки впередъ собственными трудами. Это различіе, думаю, достойно памяти, и преимущество всегда остается на сторонѣ Французской арміи.

Изъ одного письма Ланкре я вижу, что Малюсъ занимался важнымъ метеорологическимъ вопросомъ, именно: распространениемъ тепла въ разныхъ климатахъ. Но я не могъ открыть, чтѣ сдѣлалось съ его трудомъ.

Трактатъ обѣ аналитической оптикѣ.

20 апреля 1807 г., первому классу института Малюсъ представилъ трактатъ обѣ аналитической оптикѣ, въ которомъ онъ рассматриваетъ свѣтъ подъ тремя измѣреніями.

Выборъ академиковъ для разсмотрѣнія этого труда доказываетъ уже извѣстность автора. Эти академики были: Лагранжъ, Лапласъ, Монжъ и Лакруа. Донесеніе отъ лица комиссіи сдѣжалъ Лакруа 19 октября 1807. Авторъ трактата рассматриваетъ свойства и относительное положеніе плоскостей, образованныхъ прямыми линіями, слѣдующими одна за другой по опредѣленнымъ законамъ. Отсюда онъ выводятъ весьма замѣчательныя общія тео-

ремы и прикладываетъ ихъ къ движению свѣта отраженного и преломленного. Такимъ образомъ Малюсъ обобщаетъ теорію пас- сическихъ жгучихъ линій, начатую Чирнауゼномъ. Изъ любопытныхъ его выводовъ упомянемъ здѣсь о слѣдующемъ:

«Отражение и преломленіе даютъ иногда изображенія прямыхъ относительно одного изъ ихъ измѣреній и обратныя относительно другаго.»

Донесеніе, вмѣсто котораго не смѣю представить моего собственнаго мнѣнія, оканчивается слѣдующимъ заключеніемъ:

«Приложить безъ всякаго ограниченія вычисленіе къ явленіямъ, изъ одного общаго начала вывести всѣ рѣшенія, получаемыя частными пріемами, — значитъ составить истинную аналитическую оптику, которая, приводя науку подъ одну точку зрѣнія, будетъ способствовать къ расширенію ея владѣній.»

Высшее одобрение академіи состоится въ напечатаніи предста- вляемыхъ сочиненій въ сборникѣ трудовъ постороннихъ ученыхъ: сочиненіе Малюса было удостоено этой чести.

Разсужденіе о преломляющей силѣ непрозрачныхъ тѣлъ.

16 ноября 1807 г., Малюсъ представилъ академіи разсужденіе, въ которомъ касается весьма важнаго оптическаго вопроса, способнаго рѣшить споръ между двумя противоположными предположеніями о происхожденіи свѣта.

Знаменитый физикъ Волластонъ, за нѣсколько лѣтъ прежде, предложилъ способъ для опредѣленія преломляющей силы въ веществахъ прозрачныхъ и непрозрачныхъ. Этотъ способъ основывается на познаніи угла, подъ которымъ упомянутыя вещества, непосредственно приложенные къ одной изъ сторонъ стеклянной призмы, сквозь нее дѣлаются невидимыми. Но, согласно съ теоріею, находящуюся въ X книгѣ «Небесной механики» и основанной на гипотезѣ истеченія, формулы должны быть различныя для тѣлъ непрозрачныхъ и прозрачныхъ; слѣдственно Волластонъ ошибся. Малюсъ подвергнулъ явленіе рѣшительному опыту. Онъ выбралъ воскъ, въ которомъ преломленіе, по способу ВолLASTона, можетъ быть опредѣлено въ состояніи его прозрачности и непрозрачности. Приложивъ формулы «Небесной механики» къ вычислению угловъ, при которыхъ бываетъ видимъ и невидимъ прозрачный и непро- зрачный воскъ, Малюсъ нашелъ одинъ и тѣ-же преломляющія силы.

Такое тожество преломляющихъ силъ въ прозрачномъ и непрозрачномъ воскѣ Лапласу и всемъ геометрамъ и физикамъ, приведшимъ систему истечения, показалось математическимъ доказательствомъ истины Ньютона учения. Дѣйствительно, совершенное тожество преломляющихъ силъ, вычисленное по разнымъ угламъ видимости и невидимости предметовъ, и по разности формулъ, весьма замѣчательно. Но чѣмъ доказывается это тожество? Нежели переходъ твердаго тѣла въ жидкое состояніе не имѣть влиянія на его способность преломленія? Развѣ нельзѧ указать на случаи, въ которыхъ тепло перемѣняетъ преломляющую силу независимо отъ ихъ плотности? Температура воска и его плотность въ опыте Малюса были ли совершенно известны? Сверхъ-того, не позволительно ли предположить, что на предѣлахъ, на которыхъ начинается дѣйствіе тѣлъ на свѣтъ, нѣтъ веществъ совершенно прозрачныхъ?

Нынѣ система истечения испровергнута безъ возврата, и потому я старался указать на обстоятельства, которыя могли обмануть Малюса. Несмотря на это, разсужденіе Малюса представляло новое доказательство математическихъ способностей его ума и высокаго таланта въ производствѣ опытовъ. Надобно только сожалѣть, что въ заключеніи донесенія объ этомъ разсужденіи рѣшительно сказано, что оно вполнѣ утверждаетъ систему истечения, и сказано такими судьями, каковы были Лапласъ, Гайю и Гей-Люсакъ. Такое заключеніе могло удалить автора отъ опытнаго пути, на которомъ, чрезъ нѣсколько лѣтъ, Френель собралъ богатую жатву.

Малюсъ получаетъ академическую награду за математическую теорію двойного преломленія.

4 января 1808 года, академія, на премію для 1810 г., предложила слѣдующій вопросъ: «составить повѣренную опытами математическую теорію двойного преломленія свѣта въ различныхъ веществахъ кристаллическихъ.» Разсужденіе Малюса было увѣнчано.

Боясь, чтобы кто-нибудь изъ соискателей не предупредилъ его открытиемъ замѣченныхъ имъ свойствъ свѣта, Малюсъ существенные части своего разсужденія сообщилъ академіи 12 декабря 1808 г., не дожидаясь срока конкурса. И такъ къ концу 1808

года должно отнести бессмертное наблюдение, о которомъ сей часъ буду говорить. Комиссія для сужденія соискателей состояла изъ Лагранжа, Гайю, Гей-Люссака и Бю; донесеніе представилъ Лагранжъ, и потому ничего не доставало для утвержденія важнаго открытія Малюса.

Открытіе поляризациі чрезъ отраженіе.

Эразиъ Бартолинъ первый доказалъ существованіе двойнаго преломленія въ Исландскомъ кристалѣ, обыкновенно называемомъ извѣстковымъ или кислоугольною ромбоидальною извѣстью. Гюйгенсъ за ималъ этимъ явленіемъ и нашелъ весьма простой и наящній геометрический способъ для опредѣленія направленій *необыкновеннааго* луча при всѣхъ его положеніяхъ относительно луча, опредѣляемаго по закону Декарта, и называемаго *обыкновеннымъ*. Гюйгенсъ основалъ свой способъ на разсужденіяхъ, замѣщованныхъ изъ теоріи волнъ, и предварилъ о томъ своихъ читателей.

Разсужденіе Малюса отъ 12 декабря 1808 г. имѣло слѣдующее заглавіе: *Записка о свойствахъ съльта, отражаемаю прозрачными тѣлами*. Докладчикъ объясняетъ достоинства, Лагранжъ, хотѣлъ, чтобы строеніе Гюйгенса считалось слѣдствіемъ одного опыта. Но да будеть позволено мнѣ спросить: недоброжелательство къ теоріи не выходитъ ли изъ предѣловъ, когда оно внушаетъ притворство или уничтожаетъ откровенность?

Ньютона также пробывалъ замѣнить рѣшеніе Гюйгенса новыми правилами; но они оказались несообразными съ явленіями.

Изъ новыхъ наблюдателей, Волластонъ первый подтвердилъ истину оснований Голландскаго ученаго; для этой повѣрки, онъ употребилъ весьма остроумный способъ, посредствомъ котораго онъ напечаталъ показатель преломленія, наблюдала полное отраженіе. Кажется, въ 1808 г., академія наукъ не считала удовлетворительными все такія повѣрки, потому-что она сдѣлала вопросъ предметомъ конкурса. Какъ-бы то ни было, Малюсъ геометрическое строеніе Гюйгенса привелъ въ алгебраическую формулы; отклоненіе необыкновенныхъ лучей, выведенное изъ этихъ формулъ, онъ сравнивалъ съ числами, полученными изъ точнѣйшихъ опытовъ, и всегда видѣлъ совершенное согласіе. Такимъ образомъ геометрическое рѣшеніе Гюйгенса утверждено совершенно, хотя оно сперва было основано только на теоретическихъ соображеніяхъ.

Лучъ свѣта раздѣляется на два луча одинаковой силы, како-бы ии было положеніе Исландскаго кристала; но совсѣмъ бываетъ другое, когда лучи, вышедши изъ одного кристала, разлагаются другимъ, совершенно сходнымъ съ первымъ. Если второй кристалъ относительно первого имѣть такое положеніе, что одноименные ихъ стороны бываютъ параллельными; то обыкновенный лучъ претѣрпѣваетъ одно обыкновенное преломленіе, а необыкновенный остается и выходитъ лучемъ необыкновеннымъ. И такъ естественный лучъ, проходя первый кристалъ, перемѣняется въ своихъ свойствахъ. Дѣйствительно, если-бы естественный лучъ, раздвоившись, сохранялъ свои первоначальные свойства, то каждый изъ лучей, обыкновенный и необыкновенный, опять раздѣлялся бы на два луча, проходя чрезъ второй кристалъ, и послѣ этого втораго перехода получались-бы четыре изображенія одного и того же предмета. При этомъ явленіи, прежде всего приходитъ на умъ предположеніе, что естественный лучъ состоять изъ частей, изъ которыхъ одна способна для преломленія обыкновенного, а другая, равная первой, для преломленія необыкновенного; но это предположеніе уничтожается самымъ простымъ опытомъ: поверните второй кристалъ на четверть оборота, не перемѣняя его параллельности съ первымъ кристаломъ: увидите, что обыкновенный лучъ сдѣлается необыкновеннымъ, необыкновенный-же преломится по общему закону.

И такъ лучъ обыкновенный и лучъ необыкновенный выходятъ изъ первого кристала съ одинаковыми свойствами, и чтобы обнаружить въ нихъ эти свойства, надобно только одинъ изъ нихъ повернуть на 90° около его самого или около линіи его распространения. Такимъ образомъ двойное преломленіе открывается въ лучахъ свѣта стороны, имѣющія различныя свойства. Такимъ образомъ наблюденіе научило насъ, что необыкновенный лучъ, выходя изъ Исландскаго кристала, получаетъ свойство луча обыкновенного, если заставимъ его сдѣлать четверть оборота около него самого.

Если припомнимъ, что лучи свѣта такъ тонки, что сквозь скважину, сдѣланную концомъ иглы, проходятъ ихъ миллиарды, не мѣша одинъ другому; то всякой мыслящей не можетъ не удивляться описанному явленію, открытыму Гюйгенсомъ. Два пучка лучей, выходящихъ изъ Исландскаго кристала со сторонами различныхъ свойствъ, называются подгризанными, въ противоположности лучамъ естественнымъ, имѣющимъ одинаковые свойства на всѣхъ

своихъ сторонахъ, потому-что они всегда раздѣляются на двѣ части одной силы, какое-бы положеніе ни имѣлъ Исландскій кристаль.

Я объяснилъ, въ какомъ положеніи долженъ быть второй кристаль, чтобы обыкновенные и необыкновенные лучи, выходящіе изъ первого, сохраняли свои наименованія; во всѣхъ промежуточныхъ положеніяхъ втораго кристала, обыкновенные и необыкновенные лучи вообще раздѣляются на два луча, но уже весьма различныхъ силъ.

Таково было состояніе нашихъ знаній въ самой трудной части оптики, когда въ одинъ день, въ своемъ домѣ въ улицѣ Ан-фарь, Маюсь посмотрѣлъ сквозь кристаль съ двойнымъ преломленіемъ на солнечные лучи, отражаемые стеклами Люксембурга. Видѣсто двухъ равносильныхъ изображеній, онъ, перемѣня положеніе своего глаза, видѣлъ только одно—то обыкновенное, то необыкновенное. Это странное явленіе сильно поразило нашего товарища; онъ пытался объяснить его частными перемѣнами солнечного свѣта въ атмосфѣрѣ. Но съ наступленіемъ ночи, свѣтъ восковой свѣчи Маюсь направилъ на поверхность воды подъ угломъ въ 36° , и посредствомъ своего кристала увѣрился, что отраженный свѣтъ былъ поляризованъ также, какъ этии самыи кристаломъ. То же самое получилось онъ, когда свѣтъ падалъ на стеклянное зеркало подъ угломъ въ 35° . Съ этой минуты было доказано, что не одно двойное преломленіе можетъ поляризовать свѣтъ или не одно двойное преломленіе заставляетъ свѣтъ терять его способность постоянно раздѣляться на двѣ части, проходя чрезъ Исландскій кристаль. До-сихъ-поръ никто не подозрѣвалъ, чтобы отраженіе отъ прозрачныхъ тѣлъ имѣло свойства упомянутаго кристала. Но Маюсь не остановился при началѣ своего открытія: онъ въ одно время обыкновенный и необыкновенный лучи направилъ на поверхность воды и замѣтилъ, что при наклоненіи подъ угломъ въ 36° лучи эти не одинаково отражаются.

Когда часть обыкновенного луча отражается, тогда лучъ не-обыкновенный весь проходить чрезъ жидкость. И обратно: когда при извѣстномъ положеніи кристала относительно плоскости, въ которой происходитъ отраженіе, отражается часть луча необыкновенного, тогда уничтожается отраженіе луча обыкновенного.

Такимъ образомъ отраженіе сдѣвалось средствомъ отличать одинъ лучъ отъ другихъ, поляризованныхъ въ различныхъ направ-

илеміяхъ. Въ ту ночь, которая слѣдовала за случайнымъ наблюдениемъ надъ Люксембургскими окнами, Малюсъ положилъ основание одной изъ важнѣйшихъ частей новѣйшей оптики и заслужилъ неоспоримое право на бессмертную славу.

Я выпечь-бы изъ предѣловъ біографіи, еслибы помѣстилъ въ ней всѣ наблюденія нашего товарища надъ прямымъ и отражаемыми лучами, въ которыхъ является поляризaciя; но, чтобы приготовить читателя къ уразумѣнію весьма любопытнаго явленія, замѣченного Малюсомъ въ 1811 г., не могу не объяснить, что понимаютъ подъ лучемъ *частно-поляризованнымъ*.

Естественный лучъ свѣта всегда даетъ два равносильныхъ изображенія, какое-бы положеніе относительно его ни имѣла сторона кристала; но лучъ *сполнилъ* поляризованный даетъ только одно изображеніе въ двухъ особенныхъ ея положеніяхъ. Лучъ *частно-поляризованный* имѣть какъ-бы *среднія* свойства между лучемъ естественнымъ и лучемъ вполнѣ поляризованнымъ: онъ даетъ два изображенія, но сила ихъ *перемѣняется* съ положеніемъ разлагающаго кристала.

Лучи, отраженные отъ воды и отъ стекла подъ тѣми углами, которые менѣе или болѣе угла полной поляризaciи, поляризуются частно и тѣмъ болѣе, чѣмъ уголъ ихъ наклоненія къ отражающей поверхности болѣе приближается къ 35 или 36°.

Малюсу казалось, что отъ металловъ отражаются лучи неполяризованные, даже неполяризованные частно; но эта ошибка была впослѣдствiи исправлена.

Послѣ первыхъ своихъ изслѣдований, Малюсъ думалъ, что, послѣ двойного преломленія, отраженіе отъ нѣкоторыхъ веществъ прозрачныхъ и темныхъ есть единственное средство для поляризованія свѣта. Но въ концѣ 1809 г. его понятія объ этомъ предметѣ расширились; изъ опытовъ онъ узналъ, что въ свѣтѣ, проходившемъ чрезъ стекло подъ нѣкоторыми наклоненіями, обнаруживаются слѣды частной поляризaciи, и что свѣтъ, прошедшіи чрезъ многія сложенные столбомъ стекла, поляризуется вполнѣ. При этомъ онъ замѣтилъ, что поляризациѣ сквозь стекла обратно той, которая происходитъ при отраженіи: когда отраженіе даетъ лучъ, сходный съ обыкновеннымъ, производимымъ кристаломъ при извѣстномъ его положеніи, тогда поляризациѣ чрезъ стекла даетъ лучъ, сходный съ необыкновеннымъ отъ того-же самаго кристала.

Здѣсь я не могу входить въ подробности ли о весьма любопытныхъ сѣдѣствіяхъ, выведенныхъ Малюсомъ изъ его опытовъ, ни объ усовершенствованіи самыхъ опытовъ; скажу только, что если когда-нибудь найдутъ вещество, которое, при углѣ полной поляризациіи чрезъ отраженіе, отражаетъ половину упавшаго на него свѣта; то свѣтъ, пропущдій чрезъ одну его пластинку, также поляризуется вполнѣ. Итакъ, для полной поляризациіи чрезъ преломленіе нѣтъ надобности употреблять стеклянныи столбъ Малюса: одной пластинки для того достаточно.

Послѣ опытовъ Гюйгенса надъ двойнымъ преломленіемъ Исландскаго кристала и горнаго хрусталия, минералоги открыли въ природѣ множество кристалловъ, производящихъ двойное преломленіе; но прямо нельзя узнавать, что такой-то кристалъ принадлежитъ къ этой категоріи: надобно сперва сдѣлать изъ него призму и посмотрѣть чрезъ двѣ ея стороны на весьма малый предметъ, напримѣръ, на точку, сдѣланную иглою. Въ 1811 г., одинъ членъ нашей академіи (Араго) показалъ, что можно обходиться безъ этого иногда затруднительного опыта. Такимъ образомъ онъ доказалъ, что многія листочки слюды производятъ двойное преломленіе. Этими результатамъ, полученнымъ его другомъ, Малюсъ сообщилъ всеобщность въ сочиненіи подъ заглавиемъ: «Объ оси отраженія кристалловъ и веществъ органическихъ», читанномъ въ академіи 19 августа 1811 г.

Письмо Юнга къ Малюсу.

22 марта 1811 г., Томасъ Юнгъ, въ самыхъ вѣжливыхъ выраженіяхъ, увѣдомилъ Малюса, что совѣтъ королевскаго общества наукъ назначилъ ему медаль Румфорда.

Въ то время въ Англіи успѣхи новой теоріи были такъ слабы, что Юнгъ просіалъ Малюса увѣритъся, точно-ли лучъ, поляризованный чрезъ отраженіе отъ стекляннаго зеркала, не отражается уже отъ другого такого-же зеркала, при извѣстномъ его положеніи, какъ доказалъ это нашъ товарицъ.

Ученый секретарь королевскаго общества думалъ, что лучи, которые послѣ первого отраженія не отражаются въ другой разъ, должны быть поглощены или становиться недѣйствительными. Въ томъ-же письмѣ находимъ: «ваши опыты доказываютъ недостаточность моей теоріи (интерференцій), но не доказываютъ, что она ложная».

Малюсъ, явный и непоколебимый последователь гипотезы истечения, съ радостю принялъ увѣдомленіе Юнга о недостаточности теоріи интерференцій, и всегда мнѣніемъ ученаго Англичанина возражалъ тѣмъ, которые просили его изслѣдоватъ предположеніе, принимаемое Гюйгенсомъ и Эйлеромъ. Такое упорство Малюса означаетъ, что онъ не обратилъ вниманія на то, что хотя Юнгъ, въ 1811 г., признавалъ недостаточность своей теоріи, однако, даже послѣ открытия поляризациіи, не видѣлъ ни одного явленія, доказывающаго, что она ложна.

Изобрѣтеніе повторительного гоніометра.

Теоріи физическія и способы производить опыты находятся въ тѣсной связи между собою. Усовершенствованіе первыхъ неизменно ведеть за собою улучшеніе вторыхъ. По мѣрѣ того, какъ идея Гайю относительно кристалографіи распространялась и созрѣвали, ученые видѣли необходимость въ точномъ измѣреніи угловъ кристалловъ. Волластонъ удовлетворилъ этому желанію изобрѣтеніемъ отражательного гоніометра;* Малюсъ усовершенствовалъ этотъ снарядъ, сдѣлавъ его повторительнымъ. Онъ хотѣлъ чрезъ то уничтожить погрѣшности постепенного сканированія и ошибки въ дѣленіяхъ круга. Къ-сожалѣнію, весьма немного естественныхъ кристалловъ, способныхъ для повторительного измѣренія. Но отъ того способъ Малюса не теряетъ своего теоретического достоинства. Еще одно замѣчаніе: справедливость требуетъ сказать, что первая идея объ измѣреніи угловъ посредствомъ отраженія свѣта принадлежитъ знаменитому физику Ламберту.

Кандидатство Малюса въ академіи наукъ. Его смерть.

Кратко-описанные мною труды Малюса, выходящіе изъ ряда обыкновенныхъ физическихъ изслѣдованій, возбудили къ нему чисто-сердечное уваженіе и удивленіе ученыхъ всей Европы. Онъ былъ принятъ въ академическое общество, состоящее изъ малаго числа членовъ подъ покровительствомъ Лапласа и Бертолле (*).

(*) Членами Аркѣльскаго общества были: Лаплазъ, К. Л. Бертолле, Бю, Гей-Люссакъ, Гумбольдтъ, Тенаръ, де-Кандоль, Голле-Декотиль, А. Б. Бертолле, Малюсъ, Араго, Берарь, Шанталь, Дюлонъ, Пуассонъ.

Въ 1810 г., въ физическомъ отдѣлении института открылась ваканція смертью Монгольфьера; естественно, что Малюсъ былъ въ числѣ кандидатовъ на мѣсто заменяющаго физика. Между соискателями той же чести находился инженеръ путей сообщенія, участвовавшій въ Египетскомъ походѣ и имѣвшій связи со многими академиками, и потому всѣ думали, что выборъ не обойдется безъ горячихъ споровъ. Въ день избрания, 13 августа 1810 г., одинъ изъ друзей Малюса (Араго) далъ ему слово принести ему известіе о результатахъ балотировки тотчасъ по ея окончаніи; но, по обстоятельствамъ, избрание, при которомъ Малюсъ получилъ 31, а его соперникъ 22 голоса, запоздало, и хотя другъ, его не потерялъ ни одной минуты, однако непредвидимая отсрочка заставила великаго физика подумать, что онъ потерпѣлъ неудачу: эта мысль привела его въ отчаяніе; на него даже не дѣйствовали утѣшенія любящей его жены. Итакъ, безстрашный солдатъ арміи Самбры и Мааса, видѣвшій близко смерть въ сраженіяхъ при Хебрейсѣ, пирамидахъ, въ Каирѣ и въ незабвенный день на поляхъ Гелюполиса, переносившій великолѣпно страшную болѣзнь въ Яффѣ и Дамьеттѣ, упалъ духомъ отъ мнимой неудачи на академическомъ выборѣ. Съ благоговѣніемъ сохранимъ въ памяти этотъ случай! Кто осмѣится говорить о бесполезности академій, когда ученый, сдѣлавшій великія открытія, такъ высоко цѣнилъ титулъ академика? Кто не пойметъ, что соревнованіе молодыхъ ученыхъ, возбуждающее ихъ желаніемъ вступить въ академію, должно быть подкреплено беспристрастіемъ ея членовъ? Самое уваженіе общества сохранить академія только выборомъ достойнѣйшихъ.

5 декабря 1810 г. Малюсъ получилъ чинъ маюра, одновременно съ подполковникомъ; правительство часто поручало ему опредѣление достоинствъ артиллерійскихъ и инженерныхъ офицеровъ, выпускавшихъ изъ практической школы въ Мецѣ; потомъ онъ сдѣланъ былъ экзаменаторомъ учениковъ школы политехнической по начертательной геометріи и по зависящимъ отъ нея наукамъ.

14 вандеміера, изъ Бенисуфа, Малюсъ писалъ къ своему другу Ланкре: «я живу здѣсь какъ пустынникъ; безмолвно провожу цѣлые дни.» Кажется, что нашъ другъ часто увлекался своею юбовью къ молчанию: ученики школъ политехнической и Мецкой рассказываютъ, что, рассматривая ихъ чертежныя работы, онъ молча указывалъ на тѣ въ нихъ мѣста, которыхъ требовали объяс-

сненій. Этотъ способъ дѣлать вопросы, противоположный обычаямъ другихъ экзаменаторовъ, во многихъ возбуждалъ удивленіе, но не уменьшалъуваженія къ его просвѣщенному терпѣнію, проницательности и безпристрастію въ сужденіяхъ объ успѣхахъ экзаменующихся.

Въ 1811 г. Малюсъ временно исправлялъ должность директора преподававшій въ политехнической школѣ; для утвержденія его въ этой должности, дожидались только исполненія нѣкоторыхъ формальностей по уставу. Избранная имъ подруга въ Гиссенѣ, незабытая въ Египтѣ, дѣлала его совершенно счастливымъ; въ томъ помогали ей знаменитѣйшии Европейскіе академики. Его любили и почитали всѣ его знакомые; всѣ надѣялись на новые открытия его гения; словомъ, послѣ военныхъ трудовъ въ его молодости, онъ былъ окружены всѣмъ, что привязываетъ человѣка къ жизни — и въ это-то счастливое время жизнь его пресеклась, къ глубокому огорченію его родныхъ, друзей, наукъ и національной славы. Чахотка, которой первые признаки открылись въ 1811 г., шла быстро, можетъ быть отъ слѣдовъ, оставленныхъ чумой въ его слабомъ тѣлѣ.

Товарищъ нашъ не вѣрилъ опасности своего положенія; даже наканунѣ своей смерти просилъ одного изъ своихъ друзей пріѣхать чрезъ недѣлю въ Монтморансі, куда онъ собирался подышать деревенскимъ воздухомъ.

Но вотъ еще убѣдительнѣйшее доказательство того, что онъ совсѣмъ не понималъ опасности своего состоянія: возвратившись изъ Египта, онъ не сомнѣвался въ заразительности чахотки въ человѣкѣ, перенесшемъ чуму, а между тѣмъ позволялъ своей женѣ наклоняться къ его головѣ, слѣдовать за его малѣйшими движениями и дышать окружавшимъ его воздухомъ.

Впрочемъ, и эта превосходная женщина не вѣрила своему несчастію. Когда знаменитый ученый вздохнулъ въ послѣдній разъ, тогда надобно было силою отвлечь ее отъ его безздыханнаго тѣла. Г-жа Малюсъ послѣдовала за своимъ мужемъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ.

Малюсъ умеръ на тридцать-седьмомъ году своей жизни.

Характеръ Малюса.

Нашъ товарищъ былъ средняго роста и средней толщины; по наружности, онъ былъ холodenъ и не сообщителенъ, но душу

имѣлъ любящую. Превосходный сынъ, нѣжный и безукоризнен-
иujъ, другъ преданный, онъ оставилъ послѣ себя завидную па-
мять человѣка добродѣтельного. Его поступки въ самыхъ тру-
дныхъ обстоятельствахъ свободны отъ малѣшаго упрека; но они
происходили не отъ одной его природы: въ досугѣ на бивакахъ
онъ набрасывалъ на летучихъ листочкахъ мысли, которыхъ были
правилами его жизни. Упомяну о многихъ изъ нихъ, достойныхъ
занять мѣсто между мнѣніями знаменитѣйшихъ изъ нашихъ фи-
лософовъ.

«Вся наша жизнь должна стремиться къ совершенствованію
души и къ поддержанію общественнаго устройства.»

«Надежда есть источникъ счастія, которымъ недолжно прене-
брегать.»

•Я почерпаю мои наслажденія въ любви сердечной, въ мечтахъ
воображенія и въ созерцаніи природы.»

•Надобно упражняться въ терпѣніи, необходимомъ для счастія
нашего нравственнаго существованія.»

•Надобно желать умѣренности, потому-что она доступна.»

•Существованіе наше часто зависитъ отъ обстоятельствъ, ко-
торыми должно пользоваться, какъ непродолжительною весною,
хорошою погодою и свѣжестью розы.»

•Если нельзя сообщить дѣтямъ понятія о добрѣ, то надобно
ихъ пріучать къ нему.»

•Когда слабѣеть голосъ разсудка, тогда совѣсть, какъ вспомо-
гательное войско, удерживаетъ отъ заблужденій.»

•Я не люблю людей, которые взвѣшиваютъ благодѣянія..»

•Тотъ рабъ всѣхъ, кто оскорбляется и сокрушается отъ не-
справедливостей.»

Это послѣднее правило вполнѣ справедливо; но всегда-ли съ-
довалъ ему Малюсъ? Когда дѣло шло о первенствѣ въ наукахъ,
онъ становился рабомъ своихъ соперниковъ. Выслушайте меня и
судите сами.

Малюсъ заподозрилъ одного члена Египетскаго института въ
желаніи лишить его правъ на одно аналитическое вычисление, со-
общенное имъ этому ученому обществу, и такъ поддался своему
гнѣву, что письмо свое къ подозрѣваемому товарищу не кончилось
пошлой фразою: «съ глубочайшимъ почтеніемъ честь имѣю быть

вашимъ покорнѣйшимъ слугою.» Причина этого пропуска явно означена въ его письмѣ къ другу его Ланкре.

Одинъ великий геометръ провидѣлъ возможность согласить двойное преломленіе стъ началомъ, извѣстнымъ подъ именемъ *законъ дѣйствія*, и напечаталъ о томъ замѣченіе, которое всякой можетъ читать въ собраніи нашихъ «Записокъ.» Малюсъ вспомнилъ, что онъ первый усмотрѣлъ эту возможность и говорилъ о томъ публично еще до напечатанія замѣченія. Онъ не удовольствовался тѣмъ, что свои идеи сдѣлалъ извѣстными, не упомянувъ о предупредившемъ его замѣченіи, принадлежавшемъ человѣку, по справедливости знаменитому: онъ употребилъ выраженія, непріичныя его характеру и недостойныя его ученой славы.

Вотъ третій примѣръ. Одинъ академикъ считалъ себя въ правѣ оспоривать первенство одного открытия въ явленіи поляризаціи: Малюсъ былъ тогда въ Мецѣ, и раздраженіе свое обнаружилъ письмомъ, содержащимъ такія выраженія, которыя повторять считаю непріичнымъ. Претензію своего противника онъ считалъ неосновательною на дѣлѣ и несправедливою по праву, потому-что сдѣлало ему одному предоставить разработку открытаго имъ рудника. Но спрашиваю: можно-ли осуждать раздражительность Малюса? Если право собственности считается основнымъ камнемъ прочности новѣйшихъ обществъ, то надобно-ли удивляться тому, что онъ не могъ удержать себя въ приличныхъ предѣлахъ, защищая саму важнѣйшую собственность — открытія въ области ума? Не можно-ли думать, что знаменитый физикъ переносился мысленно къ тому времени, къ тѣмъ нашимъ торжественнымъ собраніямъ, въ которыхъ ученыя заслуги исчисляются и оцѣниваются безпристрастно предъ лицемъ публики просвѣщенной, непрічастной никакимъ интригамъ? Неужели такое мысленное переселеніе предъ судей неумытныхъ не могло возбуждать въ немъ желанія окружить себя наиболѣшимъ числомъ открытій несомнѣнныхъ и неоспоримыхъ? И такъ, неудивительно, что онъ забывалъ временно свои мудрыя и справедливыя правила. Но какъ-бы то ни было, честность и беспристрастіе Малюса никогда не подлежали сомнѣнію.

Въ собраніи его «мыслей» я прочиталъ еще: «немного людей оставляютъ слѣды своего существованія.»

Не имѣю надобности доказывать, что Малюсъ принадлежалъ къ этимъ избраннымъ. Его имя дойдетъ до отдаленного потомства

съ учеными трудами, важными по себѣ, но еще важнѣйшими по ихъ слѣдствіямъ, потому-что они открыли обширнѣйшее поле для изслѣдованій. Это имя навсегда соединено съ «поляризацію», подъ которой разумѣютъ нынѣ собраніе любопытнѣйшихъ оптическихъ явлений.

КОРНЕЛІЙ НЕПОТЪ

И ЕГО СОЧИНЕНИЯ.

Золотой вѣкъ Римской литературы богатъ именами писателей. Между ними мы встрѣчаемъ и имя Корнелия Непота. Имя это известно всякому, кто занимался изученіемъ Латинскаго языка, точно такъ-же, какъ имена Цицерона, Гораций, Виргилія, Т. Ливія и другихъ, и сдѣлалось едва-ли не нарицательнымъ на языкѣ учащагося юношества. Но личность самого Непота до-сихъ-поръ еще остается темною, частію отъ недостатка свѣдѣній о немъ, частію отъ безчисленныхъ разногласій, касательно Непота, учевыхъ любителей литературы и древностей Римскихъ, а особенно оттого, что большая часть Корнеліевыхъ сочиненій не сохранилась до нашего времени. Правда, оставшіеся отрывки его трудовъ уже много говорятъ въ пользу его, какъ писателя; но, на основаніи ихъ однихъ, нельзя еще составить полного очерстія его личности и приписать ему тѣхъ похвалъ, какими почтили его лучшіе изъ современныхъ и близкихъ къ нему по времени писателей Греческихъ и Римскихъ. Пліній, Плутархъ, Геллій, Лактанцій и другие знаменитые мужи древности часто цитируютъ его въ своихъ сочиненіяхъ, приводятъ его мнѣнія, въ случаѣхъ важныя, изъ чего уже видно, что онъ пользовался большимъ уваженіемъ въ древнемъ просвѣщенномъ мірѣ. Сверхъ-того, похвалы Катула, который посыпалъ ему свои мелкія стихотворенія, похвалы П. Аттика, который, какъ писатели, далъ ему первое жѣто чосль Цицерона, и наконецъ похвалы самого оратера; все это громко говорить въ его пользу и ставитъ его въ рядъ лучшихъ Латинскихъ писателей, на такую высоту, до которой далеко недосгаетъ онъ, если судить о немъ на основаніи единственнаго, изпѣтиаго намъ небольшаго его сочиненія. Съ другой сто-

роны, этого почтенного, по мнѣнію древнихъ, писателя ученые изыскатели древности часто лишали даже и тѣхъ достоинствъ, которыхъ неотъемлемо принадлежать ему, если даже судить о немъ только по дошедшему до настъ его труду. Одни упрекали его, какъ историка, въ недобросовѣстности, другіе находили у него темноту въ изложеніи мыслей, тогда-какъ онъ болѣе, чѣмъ другой какой-нибудь писатель, былъ чуждъ ея, иные прямо изобличали его въ невѣжествѣ, а нѣкоторые отнимали у него и послѣдній, сохранившійся до настъ, трудъ его. Различныхъ мнѣній о немъ pro и contra было такъ много, что едва-ли можно перечислить ихъ. Множество разнообразныхъ и часто совершенно противоположныхъ сужденій, касательно Непота и извѣстнаго намъ его сочиненія, долго оставляютъ читателя при одномъ только недоумѣніи, почти никакъ не проясня взгляда его на самое дѣло.

Но въ этой массѣ разнородныхъ сужденій должна-же быть гдѣ-нибудь истина. Отыскать ее, освободить отъ всякой посторонней примѣси и, по-возможности, представить личность рассматриваемаго писателя свободно отъ всего чуждаго ей, это составляетъ теперь нашу задачу. Начнемъ съ того, кто былъ Корнелій Непотъ.

Древніе писатели не оставили намъ подробныхъ свѣдѣній о жизни К. Непота. Поэтому, при изложеніи его біографіи, мы должны ограничиться только немногими догадками и соображеніями, на основаніи отрывочныхъ извѣстій о немъ, встрѣчающихся у различныхъ писателей, и уцѣлѣвшихъ его сочиненій.

Корнелій Непотъ (1) происходилъ изъ знаменитѣй Римской фамиліи Корнеліевъ (2). Кто были родители его, неизвѣстно. Из-

(1) *Praenomen* К. Непота намъ неизвѣстно. Но нѣтъ сомнѣнія, что Непотъ имѣть его, потому-что безъ него мы не встрѣчаемъ ни одного Римского имени. Весьма вѣроятно, что *praenomen* К. Непота былъ *Caius*. Будучи обозначеною одною буквою *C*, она легко могъ быть пропущена переписчиками, потому-что и имя Непота также начиналось съ буквы *C* (*Cornelius*) и часто, можетъ быть, означалось одною начальную буквою, какъ и *praenomen*. Этого мнѣнія не отвергали ни древніе, ни новѣйшіе писатели.

(2) Къ этой фамиліи принадлежали и патриции, и плебеи. Гельдъ причисляетъ Корнелія Непота къ плебеямъ. На чёмъ онъ основываетъ свое мнѣніе, неизвѣстно. И вообще трудно решить, патрициемъ или плебеемъ былъ К. Непотъ.

въѣстно только то, что онъ былъ женатъ на дочери Децима Брута, Гаї (3), и имѣлъ брата, который управлялъ домомъ Корнелія и распоряжался имѣніемъ, въ послѣднее время его жизни (4). Изъ письма Цицерона къ Аттику (5) мы видимъ, что Корнелій Непотъ имѣлъ сына, который умеръ очень рано: Цицеронъ называетъ его ршег и говоритъ, что вовсе не зналъ его. По свидѣтельству Плінія старшаго, Корнелій былъ *accola Padi* (6). Пліній младшій говоритъ, что К. Непотъ происходилъ изъ той-же самой муниципіи, въ которой родился Титъ Кацій (7). Эти два свидѣтельства не противорѣчатъ одно другому: Цицеронъ (8) называетъ этого Т. Кація Инесубромъ, а Инесубры, какъ извѣстно, жили въ нынѣшней Ломбардіи, между р.р. Тессиномъ или Тициномъ и Аддою, сѣверными притоками р. По. Но Фоссъ ищетъ родины Корнелія нѣсколько далѣе къ востоку. Онъ полагаетъ, что отечествомъ его была Гостилия, деревня въ округѣ Веронской, упоминаемая Тацитомъ и Плініемъ. А такъ-какъ Гостилия находилась въ Галліи Транспаданской (*Gallia citerior*), то отсюда произошло различие въ названіи К. Непота у Катулла и Авзонія: первый говоритъ, что Корнелій былъ Италіанецъ (9), а послѣдній называетъ его Галломъ (10). Пауфлеръ, отечество Непота отодвигаетъ еще далѣе на востокъ. На основаніи нѣкоторыхъ слѣдовъ патавинизма (*Patavinitas*), встрѣчающихся у К. Непота (11), Пауфлеръ полагаетъ, что Корнелій былъ соотечественникомъ Тита Ливія, который, какъ извѣстно, родился въ древней Патавіи (Падуя). Кроме этихъ инѣй, касательно мѣста рожденія К. Непота, были и другія, впрочемъ, менѣе достовѣрныя. Такъ напр. вѣкоторые полагали, что Непотъ родился въ самой Веронѣ, а Гельдъ старался доказать, что отечествомъ нашего писателя была Парма. Не позволяя себѣ

(3) Νέπως δὲ Κορνέλιος Βρούτου Σεριαμβύσσαντος ἀπὸ Λουσίτανῶν Συγατέρα γῆμαι Γάϊον. Plut. in Gracch. c. 21.

(4) Plut. in Lucull. extr. c. 48.

(5) *Male narras de Nepotis filio.... nescieram omnino esse istum puerum.* Ad. Atticum Ciceronis XVI. 14. 4.

(6) Hist. nat. III. 18, 127.

(7) Ep. IV, 28. 1.

(8) Ad fam. XV. 16, 1.

(9) Cartm. 1.

(10) Ep. XXIV.

(11) Такъ К. Непотъ соединяетъ иногда *fore* съ part. fut. act. на *rnis* (см. Dion. 8. 2; Att. 10. 1).

въ этомъ дѣлѣ рѣшительнаго приговора, мы не можемъ однокожъ не сознаться, что намъ кажется болѣе справедливымъ призвать К. Непота соотечественникомъ Тита Кація, что вполнѣ согласно съ показаніями обоихъ Плініевъ, авторитетъ которыхъ для насъ долженъ быть священнымъ въ дѣлѣ изслѣдованія древности.

Касательно времени рожденія К. Непота, древніе не оставили намъ никакихъ извѣстій. Этотъ вопросъ мы можемъ рѣшить, хотя приблизительно, только на основаніи нѣкоторыхъ свѣдѣній, переданныхъ намъ самимъ Корнеліемъ. Такъ изъ отрывка сочиненія Корнеліева «Exeplia», сохраненнаго Плініемъ (*Hist. nat.* IX, 39, 136), мы видимъ, что Непотъ былъ юнѣвіс, слѣдовательно имѣлъ около 20 лѣтъ отъ роду, въ то время, когда Лентулъ Спинтеръ сдѣланъ былъ курульнымъ эдиломъ; а Лентулъ Спинтеръ, какъ извѣстно, получилъ эту должностъ въ 691 г. отъ основанія Рима, въ 63 до Р. Хр. То-же подтверждается дружба Корнелія съ Помпіониемъ Аттикомъ, Цицерономъ и другими, которыхъ онъ, по его собственнымъ словамъ, пережилъ. Такъ въ XII гд. біографіи Аттика онъ говорить, что пережилъ Катулла, въ XVI — Цицерона, въ XIX — самого Аттика, при чёмъ выражается такъ: *pips quoniam fortuna nos superstites ei (Attico) esse voluit*, etc., чего онъ не сказалъ-бы, еслибы не былъ уже пожилой человѣкъ. Трудно повѣрить, чтобы юношѣ и вообще человѣку здоровому и еще цвѣтущему могло прийти на умъ что-нибудь подобное. А Аттикъ, какъ извѣстно, жилъ 77 лѣтъ и умеръ въ 722 г. отъ основанія Рима, въ 32 г. до Р. Хр. Если-же Непотъ былъ уже пожилой человѣкъ, когда умеръ Аттикъ, то, конечно, время рожденія К. Непота должно относить не только ко временамъ Юдія Цезаря, но еще къ болѣе отдаленной эпохѣ — ко временамъ Марія и Суллы и, весьма вѣроятно, къ 70 годамъ VII в. отъ основанія Рима, какъ полагаетъ Гельдъ.

Нѣсколько точнѣе можно опредѣлить время смерти Корнелія. Пліній (12) свидѣтельствуетъ, что Непотъ умеръ въ правленіе Октавіана Августа, и, если не принимать словъ Іеронима (13) за свидѣтельство о посмертной литературной извѣстности Непота, то не раньше 27 г. до Р. Хр.; во всякомъ-же случаѣ не раньше

(12) «Cornelius Nepos, qui divi Augusti principatu obiit» et cet. *Hist. nat.* X. 31. —

(13) Hier. in *Chron. Euseb.*

29—28 г., потому-что только въ это время, какъ полагаютъ, Непотъ окончилъ биографію Аттика (14). Поэтому несправедливо мати Шмидера, который говоритъ, что К. Непотъ умеръ прежде сраженія при Акціумѣ, и слѣдовательно не дожилъ до времени правленія Октавіана Августа. На основаніи всѣхъ этихъ соображеній, время жизни К. Непота приблизительно можно полагать около 85—25 гг. до Р. Хр. Такимъ образомъ, жизнь его должна обнимать отчасти времена Марія и Суллы, время Ю. Цезаря и частію времена Октавіана.

Изъ отрывка «Exemplorum», о которомъ мы упомянули выше, видно, что К. Непотъ вѣсколько времени безвѣздно жилъ въ Римѣ. Это было въ началѣ эдилства Лентула Спинтера и не-много раньше. Два года прежде, Непотъ, по собственному свидѣтельству, слушалъ Цицерона, защищавшаго К. Корнелія, бывшаго трибуна народнаго (Hier. ad Rant. II. 419). Да и вообще не безъ основанія можно предположить, что К. Непотъ, если не провелъ въ Римѣ большей части своей жизни, то по-крайней-мѣрѣ часто пріѣзжалъ туда. Этимъ-то частымъ посѣщеніямъ Рима онъ обязанъ знакомствомъ и дружбою съ знаменитыми Римскими писателями. Такъ мы знаемъ, что онъ былъ въ самыхъ короткихъ отношеніяхъ съ Аттикомъ. Корнелій самъ говоритъ (15), что онъ до такой степени былъ близокъ къ Аттику, что принималъ участіе во всѣхъ домашнихъ его дѣлахъ. И вся биографія Аттика есть не что иное, какъ прекрасный и самый твердый памятникъ, который воздвигъ ему Непотъ, чтобыувѣковѣчить ихъ взаимную дружбу. Качества душевныя, жизнь и дѣла Аттика обрисованы здѣсь такъ искусно и представлены въ такомъ пѣнительномъ свѣтѣ, что нельзя не узнать въ биографіи самого близкаго друга Аттика. Наконецъ, что показываетъ самое посвященіе Аттику Корнеліемъ труда его «de vitiis excellentium imperatorum»? Духъ и характеръ предисловія къ этому труду показываютъ, что посвященіе это не походить на тѣ льстивыя приложенія, которыя дѣлаются съ какою-нибудь разсчетливою цѣлію; это чистосердечное, дружеское посвященіе, совершенено чуждое всякихъ похвалъ лицу, принимающему его, а вмѣстѣ съ тѣмъ и всѣхъ корыстолюбивыхъ разсчетовъ.

(14) Nipperdey in der Einleitung zu seiner Ausgabe des C. N. a. XVII.

(15) Vita Attici c. XIII. 7.

Корнелій познакомился съ Аттикомъ, вѣроятно, уже по возвращеніи послѣдняго изъ Азії. Аттикъ былъ человѣкъ весьма дѣдовитый и ученый, и отличался прекрасными нравственными качествами. Его гуманность, симпатичность, обходительность и гостепріимство привлекали въ его домъ довольно многочисленное общество друзей. И по происхожденію, и по богатству, и по обширнымъ связямъ съ тогдашнею Римскою аристократіею, Аттикъ, безъ сомнѣнія, могъ-бы занять одно изъ почетнейшихъ мѣстъ въ республикѣ. Но онъ чуждался политической карьеры, довольноствовался однимъ почетнымъ титломъ префекта и принималъ только косвенное участіе въ дѣлахъ государственныхъ. Онъ былъ горячимъ приверженцемъ республики и не могъ безъ горести и тайной непріязни смотрѣть на прописки честолюбцевъ, стремившихся къ централизаціи государственной власти и введенію новыхъ формъ правленія. На квиринальскомъ холмѣ, въ домѣ Аттика, окруженному небольшою рощей, собирался кружокъ приверженцевъ консервативной партіи, и въ этомъ-то мирномъ уединеніи велись задушевныя, дружескія бесѣды обо всемъ, что касалось общихъ интересовъ кружка и затрагивало его убѣжденія. Здѣсь-же читались, по-временамъ, и литературные произведения. Вѣроятно, на этихъ-то собраніяхъ Корнелій и познакомился съ Цицерономъ, съ которымъ мало-по-малу такъ сблизился (16), что даже вѣль съ нимъ ученую и политико-литературную переписку (17). Что-же касается мнѣнія Шмидера (18), который говоритъ, что Непотъ вовсе не былъ другомъ Цицерону, и что въ письмѣ къ Аттику (19) Цицеронъ разумѣть не К. Непота, а кого-нибудь другаго, то это мнѣніе совершенно несправедливо, и доказательства, приводимыя Шмидеромъ, можно обратить и противъ него самого. Правда, самъ Непотъ въ сохранившемся до насъ его сочиненіи нигдѣ не упоминаетъ о дружбѣ своей съ Цицерономъ, а посѣщеніе двумя лицами одного дома можетъ и не поставлять ихъ въ дружескія отношения между собою, тѣмъ не менѣе знакомство, при частыхъ

(16) Gellii N. A. lib. XV. c. 28: qui (C. Nepos) maxime amicus familiarisque (M. Ciceronis) fuit.

(17) О письмахъ Корн. Неп. къ Цицерону упоминаетъ Лактанцій, а изъ писемъ Цицерона къ Корнелію приводятъ отрывки Макробій, Светоній, Присционъ и Амміанъ Марцеллінъ.

(18) Praef. edit. p. 19.

(19) I. XVI. 5.

встрѣчахъ неизбѣжно, а переписка Непота съ Цицерономъ и то чѣсто въ біографії Аттика, гдѣ Корнелій въ числѣ друзей своихъ, которыхъ онъ пережилъ, упоминаетъ и о Цицеронѣ, показываютъ, что знакомство это походило на дружбу. Отчего Непотъ говорить въ этомъ случаѣ именно объ этихъ трехъ мужахъ, а не о комъ-нибудь другомъ, если не оттого, что онъ былъ ихъ другомъ? Потеря послѣднаго изъ нихъ живо напоминала ему о невозвратной потерѣ первыхъ.

Кромѣ Цицерона, К. Непотъ познакомился у Аттика съ Катулломъ, Гортензіемъ, М. Теренціемъ Варрономъ и нѣкоторыми другими. Катулль, какъ мы уже видѣли, даже посвятилъ Непоту свои стихотворенія.

Корнелій Непотъ глубоко уважалъ Аттика и ставилъ его во всемъ образцемъ для себя. Такъ сохранилось извѣстіе, что Корнелій никогда не принималъ сенаторскаго достоинства (20). Изъ этого мы видимъ, что онъ, подобно Аттику, не искалъ почестей и предпочиталъ шумному форуму безвѣстную, тихую домашнюю жизнь. Этому-то удаленію отъ государственныхъ дѣлъ и обязанъ онъ тѣмъ, что оставилъ послѣ себя такъ много прекрасныхъ сочиненій. Изъ этого-же мы имѣемъ право заключить и о томъ, что Непотъ, если не былъ богатъ, то по-крайней-мѣрѣ имѣть достаточное родовое имущество, которое могло вполнѣ обеспечить его семейство, безъ всякой посторонней поддержки, потому-что литературная дѣятельность въ то время не соединялась еще съ материальными интересами.

Участіе Непота въ кружкѣ людей благородно-мыслящихъ и ученыхъ и любовь этого кружка къ Непоту ручаются уже за его прекрасныя нравственныя качества. Дошедшее до насъ его сочиненіе, въ-особенности біографія Аттика, служить новымъ тому ручательствомъ. Непотъ вездѣ съ горячимъ сочувствіемъ разсказываетъ о добрыхъ качествахъ и дѣйствіяхъ людскихъ и съ не-годованіемъ отзываются обо всемъ томъ, что обнаруживаетъ темную сторону человѣческаго характера. Эту-то чистоту и неиспорченность его души (*sanctitas suorum*) и хвалитъ Пліній младшій (21).

Къ прекраснымъ нравственнымъ качествамъ Непота надоѣно присоединить еще обширную его ученость, о которой свидѣтель-

(20) Plin. ep. V. 2.

(21) Plin. ep. V. 8. 6.

ствуютъ какъ обиліе и разнообразіе описанныхъ имъ проишествій, такъ въ-особенности чрезвычайное множество свѣдѣній, проглядывающаи въ сохранившихся отрывкахъ его сочиненій. Онъ былъ антикварій и географъ, историкъ и политикъ, грамматикъ и поэтъ. Одной только философіи не любилъ Непотъ (22). Въ этомъ онъ обнаружилъ свой чисто-Римскій характеръ. Римляне, какъ известно, были народъ болѣе политической и практической, чѣмъ философской. Они не любили пускаться въ умозрѣнія, подобно своимъ учителямъ, Грекамъ. Впрочемъ, Непотъ не любилъ, только отвлеченныхъ умствованій, неприложимыхъ къ практикѣ, какъ видно изъ письма его къ Цицерону.

Корнелій Непотъ дожилъ до старости и умеръ будто-бы отъ яда, который далъ ему одинъ изъ его отпущенниковъ, по имени Каллисеень (23). Но это известіе о немъ Плутархъ подлежать еще сомнѣнію.

Вотъ все, что можно сказать о жизни Корнелія Непота, на основаніи весьма скучныхъ о немъ свѣдѣній.

К. Непотъ оставилъ послѣ себя весьма много сочиненій; но изъ нихъ дошли до насъ только его «*Vitae excellentium imperatorum*». Читая это сочиненіе, нельзя не пожалѣть о тѣхъ, которыхъ не сохранились до нашего времени. Еслибы всѣ они вполнѣ дошли до насъ, тогда, можетъ быть, многое для насъ уяснилось бы, какъ въ Греческой, такъ и въ Римской древности. Отъ нѣкоторыхъ изъ потерянныхъ его сочиненій уцѣлились весьма небольшие отрывки, приводимые различными писателями; отъ нѣкоторыхъ дошли до насъ только одни заглавія, а нѣкоторыя, можетъ быть, и вовсе неизвѣстны намъ.

Изъ всѣхъ сочиненій К. Непота заслуживаютъ особенного вниманія его біографія «*vitælum illustrium*». (Объ этомъ сочиненіи мы

(22) Въ письмѣ къ Цицерону онъ говоритъ: «*tantum abest, ut ego magistrum esse putem vitae philosophiam beataeque vitae perfectricem, ut nullis magis existimet opus esse magistros vivendi quam plerisque, qui in ea disputanda versantur. Video enim magnam partem eorum, qui in schola de pudore et continentia praeципiant, argutissime eosdem in omni libidinum cupiditatibus vivere»* (Lact. inst. div. III. 15. 10). И Цицеронъ пишетъ къ Аттику: «*Nepotis epistolam exspecto. Cupidus ille meorum? qui ea quibus maxime curiosus legenda non potet»* (XVI 5, 5).

(23) Νέπως δε κορνέλιος φαρμάκοις ὑπό τινος τῶν ἀπελευθέρων καλλισθόνις διαφερέντα et cæt. Plut. in. Lucull. extr. c. 43.

еще будемъ имѣть случаѣ говоритьъ подробнѣ). Другой трудъ Корнелія, недошедшій до настѣ, былъ «Chronica» или «Chronicorum libri». Іорнандъ называетъ его «Annales» (24). Что существовалъ этотъ трудъ, объ этомъ свидѣтельствуетъ Геллій (25). Въ этой хроникѣ Непотъ, вѣроятно, изложилъ исторію Италіи отъ древнѣйшихъ временъ до времени Августа, при чемъ касался и другихъ народовъ. Катулъ одобряетъ это сочиненіе за краткость, которою отличаются и прочія сочиненія К. Непота, въ слѣдующемъ стихотвореніи (carm. 1):

....quum ausus es unus Italorum
Omne aevum tribus explicare chartis,
Doctis, Jupiter, et laboriosis!

Кажется, несправедливо мнѣніе, будто-бы *tribus chartis*, подобно тому, какъ *tribus verbis*, употреблено здѣсь вмѣсто *quam brevissime*. Вѣроятно, подъ *tribus chartis* Катулъ разумѣлъ три книги, которыя, какъ полагаетъ Дене (26), соотвѣтствовали тремъ временамъ или эпохамъ: времени неизвѣстному, темному, доисторическому въ самомъ обширномъ значеніи (ἀѣulos χρόνος), баснословной эпохѣ (μιջіхъς χρόνος) и наконецъ эпохѣ собственно исторической (Історіхъς χρόνος). Наперѣдъ полагаетъ, что К. Непотъ пользовался въ этомъ сочиненіи Греческой стихотворной хроникой Аполлодора (27). Корнелій написалъ свою хронику уже въ зрѣломъ возрастѣ, какъ видно изъ словъ Катулла:

...namque tu solebas
Meas esse aliquid putare nugas
Iam tum, quum ausus es unus Italorum cet.

Титце думаетъ, что «Chronicorum libri» написаны К. Непотомъ прежде всѣхъ другихъ его сочиненій (introduc. ed. p. 14).

Сочиненіе Непота «Exemplia» или «libri exemplorum» состояло по-крайней-мѣрѣ изъ 5-ти книгъ, потому-что Геллій изъ пятой книги сохранилъ отрывокъ (28). Кроме этого отрывка, мы встрѣчаемъ только два слова изъ этой книги у Сосинпатра Харизія (а

(24) Jornand. de reb. Gothic. c. 2.

(25) XVII. 21, 3.

(26) См. Einleitung zu seiner Ausgabe, 1890, с. XVII.

(27) См. Einleitung zu seiner Ausgabe, 1849, с. XVI.

(28) Gell. VII. 18, 11.

virgine vestale) (29). Эта бѣдность отрывковъ лишаетъ насъ возможности определить содержаніе цѣлаго труда. Но весьма вѣроятно, что Непотъ въ этомъ сочиненіи изложилъ кратко нѣкоторыя событія изъ исторіи Римскаго народа и другихъ, не въ хронологическомъ порядкѣ, а прямѣнительно къ цѣли рѣчи, при чёмъ коснулся нѣкоторыхъ замѣчательныхъ личностей, и назвалъ это сочиненіе «*Exempla*», такъ-какъ оно содержало въ себѣ прамѣры для подражанія. Біографія Катона, сохранившаяся до насъ, какъ мы увидимъ послѣ, составляла, вѣроятно, часть этого труда. Напердѣ (Einleit. zu seiner Ausgabe, 1849, S. XVI и XVII) полагаетъ, что «*Exempla*» написаны Корнеліемъ не раньше 45 г. до Р. Хр., и доказываетъ это словами Плінія (Hist. nat. XXXVI. 6. 48): «Primum Romae parietes crusta marmoris operuisse totos domus suae in Caelio monte Cornelius Nepos tradit Mamurram Formiis natum, equitem Romanum, praefectum fabrum C. Caesaris in Gallia. Adiicit idem Nepos eum primum totis aedibus nullam nisi e шагшоге columnam habuisse et omnes solidas e Carystio et Lunensi». Мамурра находился въ Галії съ Цезаремъ съ 58 г. до 49 г. А сочиненіе Непота, говорить Напердѣ, написано, вѣроятно, уже послѣ смерти Мамурры т. е. послѣ 45 г. до Р. Хр., какъ можно заключить изъ письма Цицерона къ Аттику (XIII. 52. 1).

По просьбѣ Аттика, Непотъ написалъ еще особую, *пространную біографію Катона* (Cat. 3. 5). Равнымъ образомъ, онъ оставилъ біографію Цицерона, которую, безъ сомнѣнія, написалъ послѣ смерти своего друга, т. е. послѣ 43 г. до Р. Хр. Біографія эта озаглавлена была «*de vita Ciceronis libri*», изъ чего можно заключить, что она состояла изъ нѣсколькихъ книгъ. Къ той-же мысли приводить насъ и Геллій (XV с. 28), который упоминаетъ о первой книжѣ этого сочиненія, давая тѣмъ замѣтить, что были и другія книги. Отрывки этой біографіи можно найти въ изданіи Бардилія (T. II. fragm. c. V). Кроме этихъ, мы имѣемъ еще два отрывка: одинъ изъ нихъ сохранилъ Геллій (1. 1.), а другой Иеронимъ (epist. LXXI ad Pamph. с. 4). Титулъ думается, что «*libri de vita Ciceronis*» вышли въ свѣтъ прежде біографіи Аттика (р. 18).

Корнелію Непоту принадлежитъ, еще *собраніе писемъ къ Цицерону*, о которыхъ упоминаетъ Лактанцій (div. inst. III. 15. 10), а сочиненіе подъ заглавіемъ «*quaenam distinctio sit inter literatum et*

(29) I. p. 119. Gramm. ed. Putsch.

eruditum. Послѣднее сочиненіе приписывается К. Непоту Светоній (Illustr. Gramm. с. 4); но Ранке сомнѣвается въ подлинности его свидѣтельства (30).

Многія мѣста, приводимыя писателями изъ Непота, показываютъ, что онъ написалъ также *географическое сочиненіе*. Здѣсь то, какъ полагаетъ Ниппердъ (31), онъ изложилъ события изъ про-консульства Кв. Метелла Целера въ Галліи, 59 г. до Р. Хр. Планий (Hist. nat. II. 67. 170) упрекаетъ Непота въ легковѣріи и недостаткѣ здравой критики (V. 1, 4), и указываетъ на его географическія ошибки, даже въ-отношениі къ знакомымъ ему мѣстностямъ (III. 8. 127).

По свидѣтельству Плінія младшаго (ср. 5. 3), Непотъ занимался также поэзіей; но изъ поэтическихъ его произведеній до насъ не дошло ни одного стиха.

Отрывки потерянныя сочиненій К. Непота собралъ А. Шоттъ. Много отрывковъ можно найти также въ изданіяхъ К. Непота—Бардилія, Дене и т. д.

Кромѣ ~~измененныхъ~~ сочиненій, Италиянскіе критики приписывали К. Непоту еще сочиненіе «De viris illustribus urbis Romae», на основаніи сходства его заглавія съ заглавіемъ извѣстнаго сочиненія Корнеліева «De viris illustribus» и неизвѣстности имени автора. Но теперь это сочиненіе всѣми учеными согласно приписывается Аврелію Виктору. Первый доказалъ это Шоттъ въ своемъ толкованіи на Аврелія Виктора.

Другой трудъ, который хотѣли приписать Корнелію Непоту, былъ переводъ съ Греческаго на Латинскій языкъ «Historiae Daretis Phrygii». Правда, въ древнихъ рукописяхъ этого перевода мы читаемъ имя какого-то Корнелія, но языкъ перевода никакъ не можетъ быть отнесенъ къ золотому вѣку и приписантъ К. Непоту. (По свидѣтельству Британскаго историка, Вильгельма Камдена, приведенному Шоттомъ, трудъ этотъ принадлежитъ Британцу Іосифу Искану, жившему въ первой половинѣ XIII в.).

Приписывали также К. Непоту переводъ на Латинскій языкъ «Dictys cretensis» и «Epistolae Alexandri M. ad. Aristotelem». Но теперь уже никто не вѣритъ этому.

(30) Daehne in der Einleil. zu seiner Ausgabe d. C. N. S. XX.

(31) Einl. v. Nipperdey s. XVII.

Отъ Корнелія Непота, какъ мы уже сказали, сохранилось до нашего времени только одно сочинение подъ заглавиемъ: «De vitiis excellentium imperatorum». Это сочинение долгое время приписывали какому-то Эмилію Пробу, жившему въ правление Феодосія, въ IV в. по Р. Хр., на слѣдующихъ основаніяхъ:

1) Въ заглавіи нѣкоторыхъ рукописныхъ кодексовъ поставлено имя Эмилія Проба, какъ автора сочиненія.

2) Въ одномъ манускрипти (именно въ codex Burgensis) находятся стишки, въ которыхъ Э. Пробъ будто бы прямо называетъ себя авторомъ рассматриваемаго сочиненія. Стишки эти слѣдующіе:

*Vade liber noster, fato meliore memento,
 Cum leget haec dominus, te sciat esse meum.
 Nec timeas fulvo strictos diademate crines,
 Ridentes blandum vel pietate oculos.
 Communis cunctis hominum sed regna tenere
 Se meminit, vincit hinc magis ille homines.
 Ornentur steriles: facilis tectura libelli,
 Theodosio et doctis carmina nuda placent:
 Si rogat auctorem, paullatim detege nostrum
 Tunc domino nomen; me sciat esse Probum.
 Corpore in hoc manus est genitricis, avique, meaque:
 Felices, domini quae meruere manus.*

На это мы можемъ отвѣтить слѣдующее:

1) Во всѣхъ кодексахъ имя Эмилія Проба писалось рядомъ съ именемъ Корнелія Непота. Одно имя Проба мы встрѣчаемъ только въ первыхъ изданіяхъ книги «De vitiis excellentium imperatorum» (32). И такъ, заглавія рукописныхъ кодексовъ еще ничего не представляютъ въ пользу защитниковъ Проба, и на нихъ равно могли бы сослаться и защитники Непота, еслибы имъ вздумалось прибѣгнуть къ подобнымъ доказательствамъ.

2) Стишки, на которые ссылаются защитники Э. Проба, также ничего не говорятъ въ пользу его, какъ автора рассматриваемой

(32) Изданія съ однимъ именемъ Э. Проба продолжались только до Ламбина. Ламбинъ къ имени Э. Проба присоединилъ имя К. Непота и надписалъ такъ: «Aemilii Probi seu Cornelii Nepotis vita» etc. Но это *зен* имѣло у него не иной смыслъ, какъ *зен probi*. Ламбину слѣдовали въ своихъ изданіяхъ Саваронъ, А. Шотть, Фоссъ и іѣк. др. Послѣ Фосса, всѣ изданія совершенно опускали имя Э. Проба.

книги: слова «vade liber noster», «te sciat esse meum», «si rogat auctorem, paullatim detege nostrum tunc domino пошеп: te sciat esse Probum» совершенно опровергаются предпоследнимъ стихомъ «согрое in hoc шапис est genitricis, avique, meaque». Этими стихами Пробъ скорѣе хотѣлъ показать, что онъ изъ готовыхъ уже трудовъ сдѣлалъ извлечениа, переписанныя его рукою, матери и дѣда.

Еслибы въ этихъ стихахъ Эмилий Пробъ и дѣйствительно называлъ себя авторомъ рассматриваемой книги, то и въ такомъ случаѣ кто изъ людей здравомыслящихъ и свѣдущихъ повѣрилъ бы ему въ этомъ. Сравнивая языкъ этихъ стишковъ съ языкомъ самой книги, нельзя не видѣть непрѣдѣльной разности между ними въ этомъ отношеніи. Въ самой книгѣ мы восхищаемся прелестью чистой, правильной, даже изящной Латинской рѣчи, неступающей языкку самого Цицерона; въ стихахъ же встрѣчаемъ такія слова и обороты, которые ясно обличаютъ собою эпоху искаженія и паденія Латинского языка. Только близорукіе могутъ не замѣтить этой огромной разницы, которая такъ прямо бросается въ глаза всяко-му, кто знакомъ сколько-нибудь со свойствомъ чистой, неиспорченной латыни. Притомъ, самый авторитетъ этихъ стишковъ не безъ причины былъ заподозрѣнъ, потому-что они находятся въ одномъ только Бургензіевомъ кодексѣ.

Наконецъ, въ самой книгѣ мы находимъ весьма многія и ясныя доказательства того, что писатель ея жилъ не въ правленіе Феодосія, а въ послѣднее время Римской республики и первые годы единодержавія Августа. Это показываютъ уже самыя первыя слова предисловія: «non dubito fore plerosque, Attice» etc. Что здѣсь разумѣется Помпій Аттикъ, жившій въ послѣднее время республики Римской, а не другой какой-нибудь, это мы видимъ изъ его біографіи, помѣщенной въ рассматриваемой книгѣ. Писатель, разсказывая о томъ, что Аттикъ былъ въ уваженіи у государственныхъ мужей его времени, прямо говоритъ, что Сулла постоянно имѣлъ при себѣ *Помпонія*, и полную біографію Катона пишеть, по просьбѣ *Помпонія Аттика*. Этотъ Аттикъ былъ въ дружбѣ съ Цезаремъ, Брутомъ и Цицерономъ. Изъ біографіи же Аттика мы узнаемъ въ то, что авторъ ея былъ его современникомъ и другомъ. Онъ прямо говоритъ, что пишетъ не слышаниос отъ другихъ, а видѣнное имъ самимъ. Даѣте, авторъ рассматриваемой книги весьма часто, разсказывая события другихъ государствъ,

обращается къ своему отечеству и сравниваетъ его состояніе съ состояніемъ другихъ земель. Изъ этихъ сравненій ясно видно, что онъ имѣлъ въ виду не другое какое-нибудь время, а именно послѣднее время республики Римской, когда она, раздираемая внутренними смутами, видимо клонилась къ упадку, и наконецъ поддала власти одного могущественнаго лица. Такъ въ бiографiи Мильтиада (гл. 6), говоря о древнiйшихъ Афинскихъ почестяхъ, которыхъ удостоивали только мужей, извѣстныхъ своими подвигами, и о послѣдующихъ, и сравнивая эти послѣднiя съ наградами, которыя въ его вѣкъ опредѣляли народъ, писатель даетъ замѣтить, что Римляне его времени были уже слишкомъ щедры на почести и рукооплесканiя и расточали ихъ часто людямъ недостойнымъ, умѣвшимъ хитростью привлечь къ себѣ массу народа. Но неужели это можно сказать о временахъ Феодосія, когда воля императора заступала мѣсто законовъ? Въ бiографiи Агезиала (гл. 4), сказавъ о послушанiи и покорности его въ-отношениi къ тѣмъ, которые тогда управляли государствомъ, писатель прибавляетъ: «*si quis exemplum utinam imperatores nostri sequi voluissent!*» Справедливо было бы, еслибы говорилъ объ этомъ писатель Феодосіева вѣка, когда все дѣжалось по мановенiю одного лица и когда никто другой не смѣлъ возвышать своего голоса; и въ то же время какъ приличны эти слова послѣднему времени республики Римской, когда своеволiе преступало всякия границы! Въ бiографiи Эвмена (гл. 3) писатель говоритъ, что Македонскiе солдаты временъ Александра Великаго были въ такой же славѣ, въ какой теперь Римскie. Но неужели это безъ лести можно сказать о временахъ Феодосія? Равнымъ образомъ, не ясно-ли намекаетъ писатель на времена Аттика и Цезаря, когда сравниваетъ наглость Македонскихъ солдатъ съ своею и дерзостью Римскихъ ветерановъ. Всѣмъ извѣстно, что рассказываютъ о нихъ Цицеронъ (*philipp.* II) и другие. Но излишне было бы приводить въ доказательство этого мнѣнія всѣ отдѣльныя мѣста изъ рассматриваемаго сочиненiя: довольно сказать, что ихъ весьма много въ бiографiяхъ Диона, Эвмена и Аттика. Притомъ, направление и характеръ цѣлаго сочиненiя таковы, что почти каждая страница ясно обличаетъ въ писателѣ современника золотаго вѣка, и преимущественно той эпохи, когда республика, достигнувъ апогея своего величiя, стала слабѣть и подать, всѣдствiе происковъ и усилий искателей единодержавной власти.

Не лишнимъ считаемъ присоединить къ этому, что писатель, при разныхъ случаяхъ упоминая весьма многихъ историковъ, никогда не касается тѣхъ, которые жили послѣ золотаго вѣка, хотя изъ числа ихъ нѣкоторые достойны были полнаго уваженія: писатель Феодосіева вѣка, вѣроятно, не пропустилъ бы ихъ, какъ ближайшихъ къ нему по времени и потому болѣе известныхъ; таковы напр. Діонъ Кассій, Шутархъ.

Итакъ, доказательства, приводимыя защитниками Эмілія Проба, и сами по себѣ слабыя, рѣшительно опровергаются самою книгою, которую они хотѣли прописать малоувѣдѣвшему переписчику. Поэтому-то дальновидѣйшие изъ защитниковъ Проба, постоянно встрѣчая противорѣчія своему мнѣнію и затрудняемые различными несообразностями, одумались и сознались, что объ этомъ дѣлѣ нельзѧ сказать ничего рѣшительнаго. Но болѣе упорные изъ нихъ, стараясь поправить дѣло, вдавались въ различные крайности, которые еще болѣе спутывали ихъ. Такъ, уже въ самыхъ первыхъ словахъ предисловія встрѣчая себѣ преткновеніе, Іеронимъ Магій (*Miscell. IV. 5*) намѣренно исказилъ смыслъ ихъ и виѣсто «*non dubito fore plerosque, Aliice etc.*», написалъ: «*qui Alicae hoc derit scripturae*», ссылаясь на какой-то рукописный кодексъ, котораго, впрочемъ, никто кромѣ его не видѣлъ. Но, поправивъ первыя слова предисловія, онъ еще не поправилъ своего дѣла, и, встрѣчая другія несообразности, сознался, что не имѣеть никакихъ свѣдѣній объ истинномъ авторѣ книги, и представилъ нѣсколько нѣвѣрныхъ предположеній, различно извращая истину, которая для всѣхъ здѣсь такъ очевидна. Онъ-то признавалъ Эмілія Проба писателемъ золотаго вѣка, а стишокъ приписывалъ другому Пробу; то говорилъ, что они принадлежатъ неученому переписчику, который намѣренно прописалъ ихъ Эмілію Пробу, писателю золотаго вѣка; то считалъ, наконецъ, Эмілія Проба современникомъ Феодосія, а Аттика, о которомъ онъ говорить въ своей книгѣ, не Т. Помпоніемъ Аттикомъ, а какимъ-то другимъ, который, по его уѣренію, жилъ 400 лѣть спустя послѣ Августа (34). Какъ странныи всѣ эти усилия защитниковъ Проба доказать свое мнѣніе, объ этомъ подробно разсуждаетъ Ламбинъ въ своемъ предисловіи къ изданию К. Непота. Онъ прекрасно разобралъ все дѣло и уничтож-

(34) Іер. Магій говоритъ, что слова «*Titi Rotropii*» прибавлены въ биографіи Катона (гл. 8) нѣвѣржественнымъ переписчикомъ.

жиль всякое сомнѣніе, касательно автора разбираемыхъ биографій. Трудъ его не остался безплоднымъ: послѣ него неѣшыя апологіи Эмилія Проба прекращаются; ученые начинаютъ приписывать разсматриваемыя сочиненія Корнелію Непоту.

Впрочемъ, и послѣ Ламбина нашлись люди, которые, попирая очевидную истину, старались защищать старое мнѣніе. Трудно поверить, чтобы, послѣ прекраснаго изслѣдованія Ламбина, они дѣлали это по заблужденію. Скорѣе стремленіе къ оригинальности руководило ими въ этомъ дѣлѣ и заставляло ихъ отвергать то, истинность чего они сами сознавали. Такъ, въ новѣйшее время, Ринкъ, усвояя К. Непоту одну биографію Аттика, всѣ прочія приписалъ Эмилію Пробу, не смотря на то, что биографія Аттика, по своему характеру, совершенно сходна со всѣми прочими. Онъ говоритъ, что во всѣхъ рукописяхъ сочиненіе «De vitiis excellentium imperatorum» согласно приписывается Э. Пробу, и что имя К. Непота Пробъ поставилъ наряду съ собственнымъ только для того, чтобы придать болѣе вѣса своему сочиненію. Притомъ, никто изъ писателей, жившихъ послѣ Непота, не приводитъ ни одного мѣста изъ его биографій, и вообще до XIII в. нигдѣ не упоминалось о К. Непотѣ, какъ писателѣ биографій знаменитыхъ полководцевъ, тогда-какъ Эмилія Проба считали авторомъ разсматриваемаго сочиненія даже въ XIV и XV в.

Отвѣчаемъ на это. — Если во всѣхъ рукописяхъ встрѣчается имя Э. Проба, то это показываетъ только то, что всѣ онѣ буквально переписаны съ той, которую Э. Пробъ издалъ подъ своимъ именемъ. Что-же касается того, будто Эмилій Пробъ поставленiemъ имени Корнелія наряду съ собственнымъ хотѣлъ только придать болѣе вѣса своему сочиненію, то согласиться съ этимъ намъ не позволяютъ всѣ вышеозначенные признаки, по которымъ писателя разсматриваемыхъ биографій должно искать не въ Ѹеодосіевомъ, а въ золотомъ вѣкѣ. Скорѣе можно принять то, что Эмилій Пробъ поставилъ свое имя рядомъ съ именемъ Корнелія, чтобы, такъ-сказать, заслонить авторитетъ послѣдняго. Объяснимъ это подробнѣе.

Читая биографіи Корнеліевы, не трудно догадаться, съ какою цѣлью взложилъ ихъ авторъ. Намъ известно, какую печальную картину представляла Римская республика во времена Корнелія. Покоривъ всѣхъ вицѣнныхъ враговъ, которые еще могли спорить о первенствѣ, и сдѣлавшись властителями земного шара, Римляне

обратили оружие на самихъ себя. Съ каждымъ днемъ умножалось число людей, которые жаждали новыхъ переворотовъ, надѣясь приготовить себѣ господство на развалинахъ ниспровергнутой свободы отечества. Приверженцы республиканского правленія старались поставить преграду ихъ честолюбію и прoisкамъ; но вмѣсто одного побѣжденаго честолюбца являлись многіе. Страсть къ пріобрѣтенію, такъ часто неразрывная съ честолюбіемъ, выступила и здѣсь на сцену во всей своей отвратительной наготѣ. Партия людей, желавшихъ поддержать свободу Рима, слабѣла и уменьшалась: послѣднему оплоту республики угрожало паденіе. Непотъ хорошо понималъ все это, и, какъ жаркій патріотъ и ревностный республиканецъ, глубоко сожалѣлъ о несчастіяхъ своего отечества. Не имѣя средствъ какимъ-нибудь другимъ образомъ помочь ему, онъ рѣшился разскажать о доблестяхъ величайшихъ въ древности мужей и представить ихъ жизнь въ назиданіе своимъ современникамъ. Онъ старался воспламенить въ приверженцахъ республики потухшую искру добра и воодушевить ихъ къ доблестнѣйшимъ подвигамъ за свободу отечества.... Это напѣреніе К. Непота вездѣ проглядываетъ въ сохранившемся до нась его труда. Кто читать внимательно бiографіи Павзанія и Пелопида, Тимоеса и Тразибуза, Диона и Датами, Эвмена и Агезиала, Тимолеона и Ганилькара, тотъ едва-ли усомнится въ этомъ. Изображая семейныя и гражданскія добродѣтели своихъ героевъ, ихъ великодушіе, безкорыстіе, патріотизмъ, представляя прекрасные примѣры иноземныхъ вождей, Корнелій изъ частныхъ чертъ, разсвяченныхъ по разнымъ бiографіямъ, какъ-бы слагаетъ идеалы — доброго гражданина и умнаго вождя и выводить ихъ предъ глаза своихъ современниковъ, въ оглыщеніи забывшихъ о своемъ долгѣ и обязанностяхъ къ отчизнѣ. Таково было напѣреніе Непота, вполнѣ достойное великаго человѣка и истиннаго патріота!

Этотъ республиканскій духъ и воззванія къ подвигамъ за свободу, разумѣется, не могли нравиться приверженцамъ монархіи. Тацитъ (35) сообщаетъ намъ, какъ строго было тогдашнее времѧ къ подобнымъ идеямъ. Онъ говоритъ, что тогда было распространено гоненіе не только на авторовъ, но и на самыя ихъ сочиненія, и что произведенія знаменитѣйшихъ умовъ нерѣдко, по приказанію трiумвировъ, сожигались въ коміціяхъ и на форумѣ.

(35) Agric. 2 срав. Annal. 4, 35, 4.

Этимъ огнемъ, замѣчаетъ Тацитъ, думали уничтожить и голосъ Римского народа, и свободу сената, и человѣческое самосознаніе.... Всѣ благомыслящіе люди, всѣ учителя мудрости удаляемы были изъ Рима въ изгнаніе, чтобы тамъ погребсти вмѣстѣ съ ними мысль о честности и свободѣ.... Тацитъ съ глубокимъ сожалѣніемъ вспоминаетъ о прежнихъ временахъ и тяготится оковами рабства, которые несъ онъ вмѣстѣ съ современниками. Не только проповѣдниковъ свободы, говорить онъ, но и слушателей ихъ вездѣ преслѣдовало тогда гоненіе. Понятно, что, при такомъ положеніи вещей, участъ Корнеліевыхъ сочиненій не могла быть счастливою. Если триумвиры опасались распространенія свободныхъ идей въ Римскомъ обществѣ, то тѣмъ болѣе не могли нравиться онѣ Августу и слѣдовавшимъ за нимъ жестокимъ императоромъ. Во все это время сочиненія Корнелія суждено было скрываться въ библіотекахъ и архивахъ. Отъ Траяна до Марка Аврелия было время болѣе благопріятное для свободы мысли и слова; но тогда занимали всѣхъ уже иные интересы, неразрывные съ измѣнившимися образою мыслей и новымъ порядкомъ вещей. О прежней свободѣ и старыхъ формахъ правлѣнія было забыто. Поэтому и сочиненія Корнелія, если не были преданы совершенному забвению, то по крайней-мѣрѣ не имѣли уже теперь такого интереса, какой имѣли они въ его время. Случай познакомилъ съ ними Э. Проба, но и Пробъ, какъ видно, не безъ боязни рѣшился вызвать на свѣтъ сочиненія Римскаго либерала. Слова «*vade liber noster, fato meliore timente....*» «*пес metuas*» etc. указываютъ на прежнюю несчастную судьбу сочиненія Корнеліева и обѣщаютъ ему лучшую участъ; а слова «*si rogit auctorem, paullatim detege nostrum tunc Dominus potest: me sciat esse Probum*» обнаруживаютъ опасеніе за имя Корнелія и стараніе Проба прикрыть имя автора своимъ собственнымъ. Итакъ, имя К. Непота поставлено было рядомъ съ именемъ Проба не для того, чтобы придать болѣе вѣса сочиненію послѣдняго; напротивъ, свое имя Пробъ поставилъ вмѣстѣ съ Корнеліевымъ для того, чтобы отнять у переписанного имъ сочиненія то значеніе, которое соединялось съ нимъ при имени древняго его автора. Этою-то судбою Корнеліевыхъ біографій объясняется и то, что писатели, жившіе послѣ Непота, не приводятъ изъ нихъ ни одного мѣста.

Мы нарочно остановились на этомъ обстоятельствѣ, потому что оно проливаетъ свѣтъ на многія темныя стороны разсмотрѣ-

ваемаго вопроса. Обратимся теперь къ другимъ возраженіямъ, которыя приводить Ринкъ въ защиту Эмилія Проба.

Въ разсматриваемыхъ біографіяхъ, говоритьъ Ринкъ, встрѣчается много историческихъ и хронологическихъ ошибокъ, которые заставляютъ сомнѣваться въ томъ, что эти біографіи вышли изъ-подъ пера Корнелія Непота. Такъ въ біографіи Мильтіада (гл. 1, 1) авторъ смѣшалъ этого полководца съ его дядей по отцу; въ біографіи Павзанія (1, 2) несправедливо назвалъ Мардонія зятемъ Ксеркса; въ біографіи Кимона (2, 2) говорится, что Финикиане и жители Кипра побѣждены были Кимономъ при Микале, тогда-какъ известно, что эта побѣда одержана была Кимономъ при Эвримедонѣ, а при Микале былъ дурной Аѳинскій полководецъ, Ксантиппъ; въ біографіи Діона (гл. 2) смѣшиваются Діонісій, Сицилійские тираны, а въ книгѣ «De regibus» (гл. 3) — Египетскіе Птоломеи; въ біографіи Агезилая (5, 2) послѣдній ошибочно названъ предводителемъ Спартанскаго войска, вместо Аристодема; въ біографіи Датама (2, 2) приписано Патроклу то, что, какъ известно, совершило Менелаемъ; въ біографіи Кимона (1, 1) авторъ оказывается несъдѣщимъ въ законахъ Аѳинскихъ и Спартанскихъ. Не менѣе можно указать и хронологическихъ ошибокъ (см. Lys' 3, 1. Dion. 2, 2. Chabr. 2, 3. Pel. 2, 4. Ag. 5, 2. и мн. др.). — У автора разсматриваемыхъ біографій, говорять противники Корнеліевы, недостаетъ здравой критики; онъ слишкомъ одностороненъ въ своихъ сужденіяхъ, относительно изображаемыхъ имъ личностей, небрежно пользовался источниками и проч.

Отвѣтъ на всѣ эти возраженія свидѣнія съ вопросомъ вообще объ исторической достовѣрности разсматриваемыхъ біографій. Но прежде, нежели мы обратимся къ этому вопросу, считаемъ нужно сказать нѣсколько словъ объ источникахъ, какими пользовался авторъ біографій знаменитыхъ полководцевъ.

Источники, изъ которыхъ почерпалъ свѣдѣнія авторъ разбираемыхъ біографій, онъ большою частію самъ указываетъ въ своемъ сочиненіи. Такъ въ біографіяхъ Фемистоцла (1, 9 и 10 гл.), Павзанія (гл. 2) и Алківіада (гл. 11) онъ ссылается на Фукидіда и весьма хвалить его, отдавая ему во многихъ случаяхъ справедливое предпочтеніе предъ всѣми другими Греческими историками. Въ біографіи Агезилая (1 гл.) указывается на Ксенофонта; въ біографіяхъ Алківіада (гл. 2) и Ифікрапа (гл. 3) — на Феопомпа и

Тимея; въ біографії Конона (гл. 5) ссылається на *Діокона*, отдавая ему предпочтение предъ всѣми историками, писавшими о дѣлахъ Персидскихъ. Касательно времени смерти Аннібала, авторъ приводить мнѣнія *Аттика*; *Цолібія* и *Сульпіція*, а относительно войвъ, веденныхъ Аннібаломъ, особенно вѣрить *Сілену* и *Созому* Лакедемонскому (Анніб. гл. 3). Кромъ историковъ Греческихъ и Римскихъ, Непотъ пользовался еще сочиненіями ораторовъ и поэтовъ Греческихъ. Такъ о любви Сократа къ Алківіаду онъ заинтересовалъ свѣдѣнія изъ сочиненія *Шатона* «*συμβόσις*» (Алк. 2 гл.); а въ біографії Датама (гл. 2) ссылается на *Оміра*. Сверхъ всѣхъ этихъ частныхъ указаний, въ біографіяхъ Алківіада (гл. 1) и Эпаміонда (гл. 4) авторъ говоритъ, что онъ имѣть у себя *много источниковъ*. Можетъ быть, къ числу ихъ относятся только вышеупомянутые писатели, а можетъ быть, кромъ ихъ, еще другіе, не названные авторомъ по имени. Такъ Вихерсь (36) полагаетъ, что, кромъ источниковъ, прямо упоминаемыхъ въ біографіяхъ знаменитыхъ полководцевъ, авторъ ихъ пользовался еще сочиненіями историковъ: Эфора, Іеронима Кардіанскаго, Дуриса самосскаго, Анаксиса и Діонісіодора; изъ ораторовъ сочиненіями: Адрокида, Лисія, Антифона, Демосеена и Эсхіна; изъ поэтовъ сочиненіями Эсхила. Сверхъ-того, говорить Вихерсь, авторъ разсматривае-ыхъ біографій, вѣроятно, имѣть подъ руками сочиненія Стесимбрата, Гераклида Понтійскаго, Клитарха, Тимонида, Діодора Періегета, Катона, Целія Антипатера и Исократа. А Ніппердъ (Einl. 1849. s. XXVII) прибавляетъ сюда еще сочиненія Неанта Кизикійскаго, ученика историка Філиста, о которомъ упоминается въ біографії Діона (гл. 3). Наконецъ, въ разсматриваемомъ сочиненіи мы встрѣчаемъ довольно часто слово «*dicitur*» (Aristid. 1, Paus. 5, Lis. 3, Alc. 2, et cet.). На устное-ли преданіе, которымъ пользовался авторъ, указывается это слово, или оно должно относиться къ письменнымъ источникамъ, извѣстнымъ или неизвѣстнымъ намъ, решить это трудно.

Удивительно, что Непотъ въ своемъ сочиненіи умаляиваетъ о Геродотѣ, этомъ отцѣ историковъ, упоминая о многихъ другихъ, гораздо менѣе извѣстныхъ. Еще болѣе удивительно то, что Кор-

(36) Daehne in der Einleitung zu seiner Ausgabe, 1830, s. XXIII, XXIV и XXV.

нелій въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительно отступаетъ отъ него. Мнѣнія ученыхъ, касательно этого предмета, были различны. Одни изъ нихъ думали, что К. Непотъ не хотѣлъ вѣрить Геродоту; другие полагали, что онъ отступалъ отъ Геродота, по слабости памяти; а нѣкоторые, наконецъ, не желая раздѣлять ни одного изъ этихъ мнѣній, утверждали, что Корнелію Геродотъ былъ вовсе неизвѣстенъ. Изъ этихъ трехъ мнѣній первое заслуживаетъ довѣріе, а два прочія, очевидно, невѣрны. Можно ли допустить, чтобы К. Непотъ, знакомый съ сочиненіями столь многихъ историковъ, не зналъ о Геродотѣ, труда которого, конечно, извѣстенъ былъ въ древности всикуму просвѣщенному человѣку? (37) Равнымъ образомъ, какъ допустить и то, чтобы Непотъ отступалъ отъ Геродота, по слабости памяти, чѣмъ неоправдываютъ себя даже и самые посредственные писатели? Сознаваться въ слабости памяти, для оправданія своихъ ошибокъ, не значитъ-ли сознаваться въ небрежности? Но не таковъ былъ Непотъ. И такъ, можетъ быть, Корнелій не всегда довѣрялъ Геродоту, когда находилъ достовѣрнѣшими извѣстія другихъ историковъ, которыхъ подъ руками онъ имѣлъ весьма много и изъ коихъ нѣкоторые, можетъ быть, намъ не извѣстны. По этой-же причинѣ онъ отступалъ и отъ другихъ историковъ, какъ напр. отъ Ксенофона (срав. біогр. Лизандра и Hellen. III, 4, 7—10).

Обратимся теперь къ вопросу объ исторической достовѣрности Корнеліева сочиненія.

Корнелій Непотъ, какъ мы уже видѣли, пользовался преимущественно Греческими писателями, сочиненія которыхъ большую частью или вовсе неизвѣстны намъ, вслѣдствіе давней утраты ихъ, или извѣстны только по небольшимъ, дошедшими до насть, отрывкамъ. Поэтому трудно опредѣлить, въ чемъ К. Непотъ сообразовался съ своими источниками и въ чемъ отступалъ отъ нихъ. Но, если вѣрить Гизею, который внимательно изслѣдовалъ вопросъ объ исторической достовѣрности Непота, разногласія эти весьма мезначительны, по-крайней-мѣрѣ, въ-отношеніи къ тѣмъ писате-

(37) Вихеръ говоритьъ, что Непотъ пользовался Геродотомъ въ біографіяхъ Аристида и Фемистокла; а въ книгѣ *De regibus* (1, 2) извѣстіе, что Киръ палъ въ сраженіи съ Массагетами, у него-же заимствовано. (Daehne in der Einleitung zu seiner Ausgabe, 1890, a. XXIII).

дяиъ сочиненія которыхъ намъ извѣстны. Притомъ, отступленіе отъ того или другого историка не только не подрываетъ исторической достовѣрности писателя, но еще болѣе увеличиваетъ ее. Какъ бытописатель добросовѣтный и ученый, Непотъ тщательно сличая разскажь историковъ и избиралъ изъ различныхъ инѣй ихъ то, которое казалось ему болѣе правдоподобнымъ и сообразнымъ сть самимъ существомъ дѣла (Фем. 9, 1. 10, 4. Аниб. 8, 2 Алк. 2, 1. Павл. 3, 5 и др.). Конечно, можетъ быть, Непотъ и погрѣшалъ иногда, но человѣку свойственно погрѣшать. И кто даже изъ ученыхъ представителей настоящаго времени можетъ сказать о себѣ, чтобы онъ былъ совершенно свободенъ отъ погрѣшостей? Увлечениа, недоразумѣнія, ошибки — удѣль всекаго. И если въ настоящее время это бываетъ извинительно, то тѣмъ менѣе оно должно быть выѣнаемо въ вину писателямъ древнимъ. Въ наше время нѣть уже тѣхъ трудностей, въ отношеніи къ пользованію источниками, какія встрѣчались въ древнія времена. Мы пользуемся уже готовымъ, разработаннымъ; истина легко достается намъ, тогда-какъ въ древности каждый писатель долженъ быть имѣть дѣло съ самородными, необдѣланными, грубыми материалами, который отъ него ожидали разработки, какъ будто для того только, чтобы потомъ опять сложиться въ беспорядочную массу... Такъ велико различіе въ этомъ отношеніи между нами и древними! Какого же труда стоило Непоту прослѣдить всѣ источники, которыхъ у него было такъ много, тщательно сравнить ихъ и изъ многаго достовѣрнаго, выбрать достовѣрнѣйшее? И какъ легко обступиться на такомъ трудномъ пути?

Другое дѣло, если К. Непотъ преднамѣренно извращалъ истину. Но мы видимъ, что онъ далекъ быть отъ этой мысли. Это показываетъ уже его разборчивое пользованіе источниками. Желая одной истины, онъ не полагался слишкомъ на авторитетъ историка, отдавая въ нѣкоторыхъ случаяхъ предпочтеніе худшему въ общемъ инѣйніи предъ лучшимъ, и изъ множества различныхъ свидѣтельствъ избиралъ не то, которое болѣе было сообразно съ его образомъ мыслей, но всегда то, которое болѣе заключало въ себѣ признаковъ истинаго свидѣтельства. Поэтому-то онъ довѣрялъ болѣе соотечественникамъ, современникамъ, приближеннымъ того или другого лица, которые лучше другихъ могли знать о немъ; предпочиталъ согласныя свидѣтельства разногласящими между

собою, въ особенности уважать мнѣнія тѣхъ писателей, которые, всѣхъ порицая, согласно хвалять между тѣмъ такое лицо, хвалить которое не было имъ никакого побужденія, кромѣ неотразимой очевидности самой истины (Фем. гл. IX. Акк. XI. Агез. 1.).

Далѣе, К. Непотъ судить объ изображаемыхъ личностяхъ и происшествіяхъ не по понятіямъ и обычаямъ своихъ современниковъ—Римлянъ; напротивъ-того, онъ совершенно отрѣшается отъ влиянія вѣка и народныхъ убѣждений и старается быть самостоятельнымъ судью дѣлъ человѣческихъ. Онъ самъ тщательно изслѣдываетъ причины различныхъ явлений нравственныхъ и политическихъ, обращаетъ вниманіе на свойства и характеръ этихъ явлений и на средства, при помощи которыхъ они совершились, вникаетъ въ условія жизни того или другаго народа, принимая во вниманіе существовавшія у него постановленія и обычай и вообще примѣняясь къ духу того времени, въ которое дѣйствовало описываемое лицо или совершилось то или другое событие. Этую мысль о самостоятельности своего взгляда и желаніе быть, повозможности, вѣрнымъ пѣнителемъ качествъ и поступковъ взятыхъ для изображенія личностей самъ Непотъ весьма ясно высказалъ въ своемъ предисловіи къ рассматриваемой книжѣ, и считалъ это дѣло столь важнымъ, что повторилъ то-же самое въ началѣ біографіи Эпаминонда, въ предупрежденіе нареканій отъ тѣхъ изъ своихъ соотечественниковъ, которые из древности Греческую привыкли смотрѣть съ Римской точки зрѣнія.

Наконецъ, Корнелій Непотъ воспроизводить избранныя имъ личности со всею вѣрностью добросовѣстнаго художника: выставлять прекрасныя черты ихъ и въ то-же время не скрывать отъ настъ и темной стороны ихъ характера, но старается тому и другому придать надлежащій вѣсъ и значеніе. Прославляя добродѣтель, онъ въ то-же время является и строгимъ судью пороковъ людскихъ, и, сопоставляя въ одной картинѣ темное съ свѣтлымъ, оскорбительное для нравственнаго чувства съ прекраснымъ, тѣмъ очевиднѣе обнаруживаетъ предъ читателями всю гнусность первого и прелесть послѣдняго. Кто внимательно читалъ біографіи Корнеліевы, тотъ вполнѣ согласится съ этимъ. Поэтому несправедливо мнѣніе Эразма, который говоритъ, будто бы К. Непотъ былъ не беспристрастный исторіографъ, а слишкомъ благосклонный, неразборчивый хвалитель (*candidus encomiasta*) избранныхъ имъ му-

жей. Непотъ до такой степени былъ безпредвѣстенъ, что для по-
тины не щадилъ даже своего отечества, не смотря на величайшую
любовь къ нему, и въ то же время отдавалъ справедливую честь
заклятымъ врагамъ его. Биографія Аннібала служить яснѣйшимъ
тому доказательствомъ. Можно ли послѣ этого думать, что Не-
потъ — историкъ пристрастный и что биографіи его не чтѣ иное,
какъ необдуманная, ни на чёмъ не основанная похвала мужамъ, да-
леко отстоящимъ другъ отъ друга въ нравственныхъ качествахъ,
какъ утверждаютъ противники Корнеліевы?

Вотъ все, что можно сказать объ исторической достовѣрности
К. Непота. Но уже и изъ этого Ринкъ и другіе апологисты Э. Проба,
кажется, достаточно могутъ убѣдиться въ томъ, что пригово-
ры ихъ, касательно рассматриваемыхъ биографій, слишкомъ строги
и что недостатки, встрѣчающіеся въ нихъ, еще не такъ велики,
чтобы, на основаніи ихъ, слѣдовало отнять эти биографіи у К. Не-
пота и приписать ихъ лицу менѣе просвѣщенному.

Самое изложеніе и развитіе рассматриваемыхъ биографій, про-
должаютъ защитники Проба, неудовлетворительны и представля-
ютъ какое-то странное явленіе. Биографіи замѣчательныхъ исто-
рическихъ дѣятелей ограничиваются часто одною выѣшию ха-
рактеристикою и бѣглымъ очеркомъ ихъ дѣяній; напротивъ-того,
биографіи менѣе замѣчательныхъ личностей излагаются весьма об-
стоятельно. Кроме-того, авторъ останавливается иногда на мелочахъ,
рассказываетъ анекдоты, вовсе опуская изъ вниманія собы-
тия важныя, имѣвшія великое историческое значеніе, или упоминая
о нихъ только вскользь, какъ о не стоящихъ большаго вниманія.
Наконецъ, вездѣ видна какая-то небрежность: при изложеніи от-
дѣльныхъ событий авторъ не держится строго исторической по-
следовательности, — что случилось прежде, то у него часто стоять
послѣ и наоборотъ; дважды разсказываетъ объ одномъ и томъ-
же событии; иногда даже противорѣчить самъ себѣ.

Но Корнелій Непотъ, при написаніи биографій, вовсе не хо-
тѣлъ принимать на себя роли историка. Намѣреніе его было, какъ
мы уже видѣли, указать своимъ современникамъ образцы для по-
дражанія и заставить ихъ вникнуть въ современное положеніе
Римскаго государства. Сообразно съ этой цѣлію, онъ не излагаетъ
подробно всѣхъ обстоятельствъ жизни того или другаго лица, но
останавливается преимущественно на томъ, что могло бы научить

его современниковъ и указать имъ путь, которому они должны слѣдоватъ для общаго блага. Когда онъ отступаетъ отъ этого намѣренія, онъ тотчасъ даетъ знать о томъ и тотчасъ же возвращается къ своему предмету. Поэтому не будемъ удивляться, если въ биографіи Этаминонда мы не находимъ подробнаго описанія битвы при Левкрахъ, если въ биографіи Лизандра авторъ только всколзъ коснулся блестательнаго подвига при Эгдѣ-Потамосѣ, положившаго конецъ Пелопоннесской войны. Все это несогласно было съ намѣреніемъ автора. Поэтому-же самому онъ останавливался иногда съ особыеннымъ вниманіемъ на личностяхъ, повидимому, не замѣчательныхъ, и бѣгло проходилъ жизнь лицъ, занявшихъ болѣе почетное мѣсто во всемирной исторіи: скромная жизнь человѣка, не имѣющаго притязаній на славу и суетный блескъ, часто заключаетъ въ себѣ гораздо болѣе назиданія, чѣмъ громкие подвиги героя, пользующіеся неувядаемою славою въ потомствѣ.... Намѣреніемъ автора объясняется и то, что у него нѣть иногда исторической послѣдовательности въ изложеніи отдѣльныхъ событий. Этими-же онъ вынужденъ быть дѣлать иногда, при разныxъ случаяхъ, повтореніе одного и того-же. Что-же касается противорѣчій, которые находять въ рассматриваемыхъ биографіяхъ, то онѣ только видимыя и кажущіяся. Одно и то-же событие, съ перемѣною обстановки, можетъ совершенно измѣнить свое значеніе; что хорошо бываетъ при однихъ обстоятельствахъ, то часто оказывается дурнымъ и вреднымъ при другихъ. А противорѣчія, указываемыя у К. Непота, большую частію именно такого рода. Дене въ своемъ изданіи К. Непота разбираетъ нѣкоторыя изъ этихъ кажущихся противорѣчій. (См. изд. 1830 г. стр. XXXIV).

Въ рассматриваемыхъ биографіяхъ, говорятъ Ринкъ и другіе защитники Э. Проба, нѣть правильности въ строѣ рѣчи, круглоты въ періодахъ, разнообразія въ подборѣ словъ, встрѣчаются ошибки противъ языка, грецизмы, архаизмы, солецизмы и проч. Трудно повѣрить, чтобы такое сочиненіе принадлежало К. Непоту.

И это возраженіе вовсе не имѣеть той силы, какую приписываютъ ему противники Корнейля. Правда, въ рассматриваемыхъ биографіяхъ, встрѣчаются иногда малоупотребительныя формы въ необдѣланнныя фразы, но эти уклоненія отъ правильности рѣчи, въ отношеніи къ объему цѣлаго сочиненія, то-же, чтѣдва замѣтные бугорки къ обширной равнинѣ. Притомъ, Непотъ-ли принадле-

жать эти небольшія погрѣшности, или это искаженія позднѣйшаго времени, — решить трудно. Мы вовсе не хотимъ навязывать ихъ Пробу и скорѣе готовы принять мнѣніе Шауфлера (*in ptaef. alt. ed. p. XVII*), который полагаетъ, что Непотъ написалъ свои биографіи нѣскоро, чтобы во-время подать своимъ соотечественникамъ спасительный совѣтъ, намѣреваясь послѣ внимательно пересмотрѣть и исправить свои сочиненія, но что онъ, по какимъ-нибудь обстоятельствамъ, не успѣлъ этого сдѣлать. Отъ этой-то поспѣшности и произошло то, что мы иногда встрѣчаемъ у него на концѣ періода односложныя слова, напр. *is*, нѣсколько родительныхъ падежей, зависящихъ одинъ отъ другаго, постоянныя оговорки, что это и безъ того понятно и т. п. Что-же касается въ частности словъ неупотребительныхъ у другихъ писателей Августова времени и встрѣчающихся только у Непота (ихъ весьма немного), то здѣсь нельзя быть слишкомъ строгимъ судью. Неужели одни только употребительнѣйшія слова имѣли право гражданства въ Римской литературѣ, а все болѣе рѣдкое не было терпимо въ ней и заслуживало изгнаніе? И ужели одинъ только Цицеронъ имѣлъ право вводить въ литературу новыя слова, а всѣ прочіе писатели совершенно лишены были этого права? Вотъ что говорить объ этомъ Гораций (*ad Pis. 53 sqq.*):

.... quid autem
Caecilio Plautoque dabit Romanus, ademtum,
Virgilio Varioque? ego cur acquiregere rapsa,
Si possum invideo? Cum lingua Catonis et Enni
Sermonem patrum ditaverit, et nova gerum
Nomina protulerit cet.

Почти такъ-же разсуждаетъ объ этомъ и самъ Цицеронъ (*de orat. I. XXXIV*). Но, кажется, нѣть нужды приводить словъ его. Одного Горациева свидѣтельства достаточно для того, чтобы показать противникамъ литературной новизны, какъ односторонни ихъ сужденія въ этомъ дѣлѣ. Ламбинъ говорить, что никто изъ жившихъ въ вѣкъ Феодосія не писалъ такъ по-Латыни, какъ писалъ авторъ биографій знаменитыхъ полководцевъ: рѣчь ихъ была цвѣтистая, напыщенная, уродливая. То-же подтверждается и Бардилій. Образчиками этой Латыни Феодосіева вѣка могутъ служить вышеприведенные стишки Эмилія Проба. Напротивъ того, въ биографіяхъ

знаменитыхъ полководцевъ мы не находимъ почти ничего варварскаго, ничего такого, что напоминало бы собою вѣкъ Феодосія. Бардилій говоритъ, что біографіи Корнеліевы написаны безукоризненно и отличаются какою-то величавостью и аттичностью. Гифаній называетъ Непота чистѣйшимъ писателемъ (*purissimus scriptor*); Рункенъ — вторымъ Цицерономъ. Подобнымъ-же образомъ отзываются о немъ Бартій, Виттенбахъ, Ламбинъ, Муретъ и некоторые другие. (См. Daehne *disput. de vit. excell. imprr.* p. 15) Дене приводить всѣ неправильности, подмѣченныя у Непота Ринкомъ и другими, и подробно разбираетъ ихъ (*ibid. p. p. 10—14*). Такимъ образомъ, и это возраженіе Ринка, направленное противъ К. Непота, не имѣеть достаточной силы для того, чтобы подорвать авторитетъ послѣдняго.

Вотъ все, что приводить Ринкъ въ защиту Эмilia Проба. Гельдъ (*Prolog. ad vitam Attici, quae vulgo C. Nepoti adscribitur*) пошелъ еще далѣ. Стараясь поправить ошибку Ринка, онъ въ біографію Аттика отнялъ у К. Непота, какъ недостойную такого великаго писателя. Онъ говоритъ, что всѣ эти біографіи, въ томъ числѣ и біографіи Аттика, жалкій безжизненный трудъ, испещренный всякой красоты и энергіи, тогда-какъ Корнелій Непотъ — пре-восходнѣйший писатель, который цвѣтами своего воображенія и силою ума украсилъ свои творенія. Конечно, вторая половина этого положенія отчасти справедлива, но первая обличаетъ въ Гельдѣ или большое безвкусіе, или чрезмѣрное равнодушіе къ истинѣ, по которому онъ, для защиты ложнаго мнѣнія, рѣшился попрать то, что ему внушали и здравый смыслъ и здравый вкусъ. Гельдъ говоритъ, что 1) не должно имѣть никакого довѣрія къ манускрипту, въ которыхъ всѣ разбираемыя біографіи приписаны К. Непоту; 2) если писатель былъ другъ Аттика, то слѣдовало бы ожи-дать отъ него самаго подробнаго жизнеописанія послѣдняго; между-тѣмъ-какъ авторъ ничего не говоритъ ни о днѣ рожденія Аттика, ни о его родителяхъ, наставникахъ, о причинѣ его поѣздки въ Грецію, отчего ему дано название Аттика и проч.; 3) авторъ біографіи Аттика подражаетъ Плутарху, а Плутархъ жилъ послѣ К. Непота. Наконецъ. 4) самое предисловіе къ біографіямъ знаменитыхъ полководцевъ обнаруживаетъ въ авторѣ какого-то безтолковаго компилиатора, что первыя строки этого предисловія отсвѣчивають какимъ-то воровскимъ колоритомъ, и, по всей вѣроятности,

украдены у Цицерона изъ его сочиненія «*De finibus bonorum et malorum*» (с. I), гдѣ читается: «*Non eram nescius, Brutoe, quum, quae summis ingeniis, exquisitaque doctrina philosophi Graeco sermone tractavissent, ea Latinis literis mandaremus, fore, ut his noster labor in varias reprehensiones incurreret. Nam quibusdam et iis quidem non admodum indoctis, totum hoc displicet philosophari. — Erunt etiam, et hi quidem eruditii Graecis literis, contempnentes Latinas, qui se dicant in Graecis legendis operam malle consumere. Postremo aliquos futuros superior, qui me ad alias literas vocent: genus hoc scribendi, etsi sit elegans, personae tamen et dignitatis esse negent.*»

Но 1) Гельдъ ничѣмъ не оправдываетъ своего недовѣрія къ манускрипту, а безъ этого кто согласится съ нимъ? 2) Судить о писателѣ такъ, какъ судить Гельдъ, значитъ присвоить себѣ излишнюю власть надъ нимъ. Ужели количество излагаемыхъ фактovъ можетъ обличать истиннаго или подложнаго писателя? И что препятствуетъ подложному писателю набрать множество свѣдѣй и наполнить ими свой трудъ? 3) Нѣть никакой првчины, заставляющей настъ думать, что авторъ бiографiи Аттика подражалъ Плутарху; скорѣе Плутархъ подражалъ сочинителю этихъ бiографiй— Корнелію Непоту. Что-же касается 4) предисловія къ разсмотриваемымъ бiографiямъ, то сходство его съ вышеприведеннымъ мѣстомъ изъ Цицерона вовсе не таково, чтобы на основаніи его можно было заподозрѣть имя К. Непота, и объясняется очень просто. Мы знаемъ, что литература Греческая пересажена была на Римскую почву. Въ вѣкѣ Непота всѣ толковали о ней и въ ученыхъ сочиненiяхъ, и въ дружескихъ бесѣдахъ, и въ семейномъ кругу, сравнивали ее съ Римскою, судили о ней вскось и прямо и т. п. Поэтому мы находимъ постоянныя толки о ней у Цицерона въ его предисловiяхъ преимущественно къ философическимъ сочиненiямъ (*Tusc. I. 1, 2. Off. I. 1. Orat. I. 4 al.*). Ничто не препятствовало и К. Непоту коснуться того-же вопроса, тѣмъ болѣе, что его сочиненiе относилось и къ Греческому и къ Римскому миру. Итакъ, не слѣдуетъ еще, основываясь на сходствѣ, совершенно случайномъ, подозрѣвать автора въ кражѣ и подлогѣ.

Сообразивъ все изложенное нами, мы приходимъ къ тому заключенiu, что автора разсмотриваемой книги нужно искать не въ Феодосievомъ вѣкѣ, а въ золотомъ, въ вѣкѣ Аттика и Цицерона. Кто- же этотъ писатель? Почти всѣ рукописи указываютъ на Кор-

незія Непота, а самая книга и всѣ постороннія извѣстія о немъ яснѣйшимъ образомъ подтверждаютъ это: онъ былъ писатель золотаго вѣка, современникъ и другъ Аттика. Что-же касается Эмиля Проба, то онъ былъ не болѣе, какъ переписчикъ разсматриваемой книги, и ему нужно приписать въ ней только весьма незначительныя измѣненія, о которыхъ мы скажемъ при разборѣ этой книги, къ которому теперь и переходимъ.

Книга «De vitis excellentium imperatorum» содержитъ въ себѣ биографіи знаменитыхъ мужей изъ различныхъ народовъ. Здѣсь мы находимъ одиннадцать Афинянъ, трехъ Спартанцевъ, двухъ Фиванцевъ, одного Сиракузянина, одного Коринеянина, четырехъ варваровъ и двухъ Римлянъ. Кромѣ этихъ 24 биографій, въ разсматриваемой книгѣ мы находимъ еще краткій разсказъ «De regibus». Всему этому предпослано небольшое введеніе.

Судя по заглавію, слѣдовало-бы ожидать, что въ этой книгѣ будутъ изложены биографіи однихъ только полководцевъ, означеніи которыхъ себя воинскими доблестями. Между-тѣмъ, мы встрѣчаемъ въ ней и биографію Аттика, который никогда не предводительствовалъ войскомъ, а отличался только гражданскими и семейными добродѣтелями. А что слово *imperator* въ заглавіи книги означаетъ именно полководца, вождя, это показываютъ слѣдующія слова, находящіяся въ концѣ биографіи Тимоѳея: «haec extrema fuit aetas *imperatorum* Atheniensium, Iphicratis, Chabriae, Timothei: neque post illorum obitum, quisquam *dux* in illa urbe fuit dignus memoria». Здѣсь *imperator* и *dux* употребляются въ одномъ и томъ же значеніи. Поэтому-то, приступая къ изложенію биографіи Фокиона, не оказавшаго особенныхъ доблестей воинскихъ и прославившагося только своею прекрасною жизнью, авторъ почувствовалъ, что онъ некстати примѣщиваетъ биографію этого человѣка къ биографіямъ excellentium imperatorum и потому нашелъ нужнымъ сдѣлать оговорку (*Phoc. init.*). Кроиѣ-того, самое оглавленіе книги въ нѣкоторыхъ рукописяхъ показываетъ, что К. Непотъ, объяснявъ изложеніе въ этой книгѣ биографіи excellentium imperatorum, имѣть въ виду только знаменитыхъ предводителей войска, а не кого-нибудь другаго. Кодексъ Даниила озаглавленъ такъ: «de excellentibus ducibus (imperatoribus) exterarum gentium». Такъ-же надписаны и многие другіе кодексы. Но всей вѣроятности, нынѣшнее заглавіе есть уже измѣненное: видя, что въ разсматриваемой книгѣ

содержатся біографії и Римлянъ, издатели уничтожили слова *exile gentium*; а такъ-какъ Аттикъ не былъ предводителемъ войска, то опущено было и слово *dux* и оставлено *imperator* — пови-тіе болѣе общее, чѣмъ *dux*, хотя, разумѣется, это измѣненіе еще не уничтожило несоответствія заглавія самому содержанію книги.

Еще болѣе странно, что авторъ разсматриваемой книги, изложивъ въ ней жизнь Аттика до самой его смерти, сказавъ даже о мѣстѣ его погребенія и проч., посвящаетъ свое сочиненіе тому-же самому Аттику. Неужели К. Непотъ почтилъ своимъ посвященіемъ уже умершаго своего друга? А если такъ, то зачѣмъ въ предисловіи своемъ онъ обращается къ нему, какъ къ живому лицу? Даѣшь, писатель нерѣдко говорить въ самой книгѣ, что онъ расположилъ біографії по націямъ, изъ которыхъ происходили его герои. Но теперь мы видимъ, что порядокъ этотъ во многомъ нарушенъ въ разсматриваемой книгѣ: виѣсть съ Аѳинянами здѣсь говорится и о Спартанцахъ. Все это приводить насъ къ мысли, что книга «*De vitiis excellentium imperatorum*» не есть цѣлый, особый трудъ К. Непота и дошла до насъ не въ такомъ видѣ, въ какомъ она вышла изъ-подъ пера писателя, а кѣмъ-нибудь измѣнена внослѣдствіи. Разсмотримъ это подробнѣе.

Въ концѣ предисловія авторъ говоритъ: «quare ad propositum veniemus et hoc exponemus libro de vita excellentium imperatorum»; и въ біографії Эваминонда (IV 6): «quoniam quo hoc volumine citas excellentium virorum (complurium) concludere constitimus». Слова: *hoc exponemus libro* и *quo hoc volumine* заставляютъ предполагать, что, кромѣ этой книги, авторъ написалъ еще одну или нѣсколько другихъ подобного содержанія, и что разсматриваемая книга составляетъ часть какого-нибудь болѣе обширного труда Корнеліева. Какой-же былъ этотъ трудъ?

По свидѣтельству Геллія (N. N. A. A. XI. 8), Сервія (ad 1. Аенеїд), Макробія (*Saturn. prooemio erit.*) и Харизія (I Coll. 113 и 114), Корнелію Непоту принадлежало сочиненіе «*De viris illustribus*». Оно состояло изъ многихъ книгъ: такъ Геллій и Макробій упоминаютъ о XIII книгѣ, а Харизій цитуетъ II, XV и XVI книги этого сочиненія. Въ этомъ огромномъ сочиненіи К. Непотъ изложилъ біографії людей знаменитыхъ въ какомъ-бы то ни было отношеніи. Онъ не ограничился однимъ какимъ-нибудь государствомъ, а описалъ знаменитыхъ мужей изъ всѣхъ государствъ. Здѣсь-же помѣ-

щены были и биографии знаменитыхъ полководцевъ *exterarum gentium* — Афинянъ, Спартанцевъ, послѣднихъ Грековъ и варваровъ. Биографіи эти составляли три книги. Но, повѣстивъ о славныхъ мужахъ изъ чужихъ земель, К. Непотъ, конечно, не умолялъ и о Римскихъ знаменитостяхъ. Въ концѣ биографіи Аннибала онъ самъ говорить, что намѣренъ теперь перейти къ Римскимъ полководцамъ: «*sed nunc tempus est hujus libri finem facere et Romanorum explicare imperatores, quo facilius collatis utrorumque factis, qui viri praeferendi sint, possit judicari*». Въ славномъ своемъ отечествѣ, гдѣ было такъ много великихъ мужей, изъ коихъ некоторые связаны были съ Корнеліемъ узами родства и дружбы, онъ находилъ прекрасный и обильный материалъ для своего труда. Весьмаѣвроятно, что эти биографіи, и по количеству и по объему своему, превосходили биографіи чужеземныхъ знаменитостей. Любовь къ отечеству, минувшая слава Рима, величие описываемыхъ личностей, — все это должно было воодушевлять писателя, а новость излагаемыхъ имъ происшествий, частію переданныхъ ему старѣйшими изъ его современниковъ, а частію имъ самимъ видѣнныхъ, доставляла ему все обиліе материаловъ для его труда. Вѣроятно, здѣсь-же изложено было и то, что Плутархъ приводитъ изъ Корнелія въ биографіяхъ Лукулла (с. 43), Гракха (с. 21), Марцелла (с. 30), въ-сравненіи его съ Пелопидомъ. Но отъ этихъ книгъ и осталось только то, что сохранилъ Плутархъ, и еще развѣ свѣдѣнія о частяхъ древняго Каѳаагена, переданныя намъ въ отрывкѣ, сохраненному Сервіемъ (*ad I. Aeneid. 368*), гдѣ цитуется книга К. Непота *«De viris illustribus»*.

Но этимъ не ограничивался еще огромный трудъ Корнеліевъ. Въ биографіи Діона (гл. 3) Корнелій Непотъ говоритъ: «*sed de his (Philisto) in eo meo libro plura sunt exposita, qui de historicis Graecis conscriptus est*». Всего приличнѣе относить эту книгу о Греческихъ историкахъ къ труду Непота *«de viris illustribus»*. Если-же онъ написалъ книгу о Греческихъ историкахъ, то несмѣа естественно предположить, что онъ посвятилъ сколько-нибудь времени повѣстиванію и о Римскихъ историкахъ. Слѣды этого мы находимъ въ отрывкѣ, сохранившемся у Геллія (XI. 28). Самое содержаніе и характеръ этого отрывка показываютъ, что онъ составлялъ частичку труда о Латинскихъ историкахъ, и заимствованъ изъ биографіи Катона, написанной Непотомъ, по просьбѣ Т. Помпонія

Аттика, и помещенной между книгами о Латинскихъ историкахъ, чтò и весьма прилично, потому-что Катонъ былъ замъчательный историкъ. Всехъ книгъ о знаменитыхъ писателяхъ Латинскихъ и Греческихъ у Харизія упоминается не менѣе 16-ти. Изъ числа ихъ двѣ о Латинскихъ историкахъ.

Весь этотъ трудъ, расположенный былъ, какъ можно полагать, по порядку времени и націй, къ которымъ принадлежали изображаемыя лица. Онъ начинался, вѣроятно, повѣстнованіемъ о древнійшихъ герояхъ Греческихъ и оканчивался біографіями современныхъ писателю знаменитыхъ Римлянъ. Трудъ этотъ былъ, съдѣдовательно, весьма обширенъ. Изъ этого-то обширнаго труда Э. Пробъ, по всей вѣроятности, заимствовалъ и передалъ намъ одну цѣлую книгу и отрывки другихъ. Эту цѣлую и, какъ можно полагать, первую книгу изъ числа трехъ книгъ: «De vitis excellestium imperatorum», принадлежащихъ къ огромному труду Корнеліеву, составляютъ біографіи Аѳинскихъ полководцевъ, заключающіяся въ разматриваемомъ сочиненіи. Изъ второй книги, повѣстновавшей о Спартанскихъ и другихъ полководцахъ, исключая варваровъ, сохранилось до насъ семь біографій: Павзанія, Лизандра, Агезиласа, Эпаминонда, Целопида, Диона и Тимолеона. Наконецъ, изъ третьей книги, излагавшей дѣла варварскихъ полководцевъ, мы имѣемъ отрывки въ Гамилькарѣ, Аннибалѣ, Эвренѣ и Датамѣ. Итакъ, большая часть разматриваемой книги заимствована Э. Пробомъ изъ труда Непота «De viris illustribus», и именно изъ книгъ, излагавшихъ жизнь и дѣла знаменитыхъ полководцевъ. Затѣмъ остаются отрывокъ «De regibus» и біографіи Катона и Аттика. Чтò можно сказать касательно ихъ? Можно ли ихъ считать заимствованными изъ этого обширнаго труда Корнеліева?

Книжка «De regibus», будучи по слогу (сколько возможно было сохранить его въ такомъ короткомъ труде) сходна со всѣми прочими трудами Корнелія, довольно рѣзко отличается отъ нихъ чрезмѣрию скжатостью изложенія и быстрыми переходами отъ одного предмета къ другому. Хотя К. Непотъ вездѣ старался о краткости, но, излагая кратко, онъ умѣлъ въ то-же время соблюсти и полноту: онъ изображалъ взятая имъ личности въ немногихъ, но самыхъ рѣзкихъ чертахъ, такъ-что на основанії его изображенія всегда можно составить вѣрную и полную характеристику того или другаго лица. Но краткость книжки «De regibus» со-

вершиенно язвенія этого свойства: здѣсь мы видимъ сухое перечисленіе Персидскихъ, Македонскихъ и Египетскихъ царей, слабые, безжизненные очерки, неискусный наборъ чертъ, никакъ не отвѣняющихъ изображаемыхъ личностей. Все это приводило ученыхъ въ недоумѣніе, касательно рассматриваемой книжки, которое еще болѣе увеличивалось отъ неопределенности замѣчаній, сдѣланныхъ авторомъ въ началѣ и концѣ ея. Весьма вѣроятно, что этой книжкой мы должныны Эмилію Пробу. Этимъ объясняется и отличіе ея, по изложению, отъ прочихъ сочиненій Корнелія, и неопределенность замѣчаній, сдѣланныхъ въ началѣ и концѣ книги. Чтобы облегчить трудъ списыванія Корнелія, Эмілій Пробъ удовольствовался здѣсь тѣмъ, что привелъ въ сокращеніи изложенное Римскимъ биографомъ подробно. Онъ заимствовалъ изъ сочиненія его нѣкоторыя мысли и выраженія и изъ нихъ составилъ эти три главы разсматриваемаго сочиненія. Гамилькара-же и Апиниала онъ, потому, можетъ быть, не пропустилъ, что считалъ ихъ достойнѣшими памяти потомства, и потому, что о нихъ не такъ много было писано. Итакъ, очень можетъ быть, что эти три главы «De regibus» заимствованы Э. Пробомъ изъ сочиненія Корнеліева «De viris illustribus», но онъ далеко не обнимаютъ всего изложенного о царяхъ Корнеліемъ и представляютъ только слабый, сухой очеркъ его сочиненія обѣ этомъ предметѣ.

Не такъ должно смотрѣть на биографію Катона. Что она принадлежитъ К. Непоту (38), это видно уже изъ словъ, находящихся въ концѣ ея: «Hiujus (Catonis) de vita et moribus plura in eo libro persecuti sumus, quem separatim de eo fecimus, rogatu T. Rompronii Attici». Но изъ этихъ-же словъ мы видимъ, что Корнелій написалъ еще пространную биографію Катона, которая, какъ мы уже имѣли случай замѣтить, вошла въ составъ труда Корнеліева «De viris illustribus». Если-же пространная биографія Катона помѣщена была въ этомъ большомъ сочиненіи Корнелія, то само собою очевидно, что разсматриваемаго теперь нами краткаго извѣстія о Катонѣ нельзя считать заимствованнымъ изъ него, потому-что странно было бы въ одномъ сочиненіи помѣщать двѣ биографіи одного и того-же лица — одну пространную, а другую краткую. Итакъ,

(38) Гельдъ отнялъ эту биографію у К. Непота и называлъ ее какою-то неизѣпюю компиляціею; впрочемъ, онъ ничѣмъ не оправдалъ своего приговора.

это небольшое извѣстіе о Катонѣ заимствовано не изъ книги «*De viris illustribus*», а изъ другаго какого-нибудь сочиненія Корнеліева, и, можетъ быть, изъ книги «*Exemplorum*», потому что Катонъ могъ служить прекраснымъ образцемъ для своихъ соотечественниковъ.

Что-же касается біографіи Аттика, то она, кажется, была окончена тогда, когда всѣ другія біографіи Корнеліевы были уже расположены по особымъ книгамъ, вслѣдствіе чего она была издана отдельно. Такимъ образомъ, ее нельзя считать заимствованной не только изъ книги «*De viris illustribus*», но и изъ какого-бы то ни было труда Корнеліева; а должно думать, что она въ цѣлости списана Э. Пробомъ съ отдельного сочиненія Непота.

Разматриваемымъ біографіямъ предислано предисловіе. Что предисловіе это принадлежитъ К. Непоту, въ этомъ нѣть, какъ мы уже замѣтили, никакого сомнѣнія. Самыя первыя слова этого предисловія показываютъ, что авторъ его жилъ въ золотой вѣкъ. При написаніи предисловія, К. Непотъ имѣлъ въ виду только одинъ отдѣльный своего большаго сочиненія, именно отдѣльный «*De vitiis excellentium imperatorum*», а не весь огромный трудъ «*De viris illustribus*». Это самъ онъ высказалъ въ словахъ: «Quare ad propositum veniemus et in hoc exponemus libro de vita excellentium imperatorum». Въ предисловіи Корнелій посвятилъ разматриваемыя біографіи другу своему Т. Помпонію Аттику. Можетъ быть, и къ другимъ книгамъ сдѣланы были Корнеліемъ подобныя же предисловія, въ которыхъ онъ посвятилъ ихъ другимъ своимъ друзьямъ. Такимъ образомъ, предисловіе это заимствовано Пробомъ изъ сочиненія К. Непота «*De viris illustribus*», и именно изъ той части этого труда, которая содержала въ себѣ біографіи знаменитыхъ полководцевъ.

Итакъ, разматриваемое нами сочиненіе есть не что иное, какъ собраніе частичекъ изъ различныхъ произведений Корнеліевыхъ, переписанныхъ. Пробомъ въ цѣлости, безъ всякаго измѣненія, исключая книги «*De regibus*», которую переписчикъ представилъ въ голомъ, сухомъ обзорѣ. Къ этой-же мысли приводить и слова самого Эмilia Проба, находящіяся въ приведенныхъ выше стишкахъ: «*Corpore in hoc manus est genitricis, avique, meaque*». Біографія Катона заимствована, по всей вѣроятности, изъ книги «*Exemplorum*»; біографія Аттика списана съ отдельно-изданного Непота.

томъ сочиненія; всѣ прочія біографіі взяты Пробомъ изъ книги Корнелія «De viris illustribus», но расположены не въ такомъ порядке, въ какомъ онѣ находились въ этомъ трудѣ Корнеліевомъ (39).

Что-же касается мнѣнія, будто-бы рассматриваемое сочиненіе, исключая біографіі Аттика, дошедшіе до насъ въ цѣлости, есть не что иное, какъ сокращеніе обширнаго труда Корнеліева, сдѣланнаго Эміліемъ Пробомъ, то мнѣніе это никакъ не можетъ быть принято. Еслибы Пробъ сократилъ Корнеліевы біографіі, то, при соединеніи прерванной связи предложеній, онѣ должны-бы быль прибавлять что-нибудь свое, въ чёмъ отразился-бы языкъ его времени. Притомъ, и самая краткость, которой отличается рассматриваемое сочиненіе, такого рода, что не позволяетъ подозревать никакого сокращенія. Бартій, представитель этого мнѣнія, позабылъ о томъ сужденіи, которое произнесъ Катулль въ своей эпиграммѣ на Корнеліеву хронику. Онъ оставилъ безъ вниманія и то обстоятельство, что К. Непотъ часто самъ упоминаетъ объ этой краткости, какъ преднарѣденной. Кроме другихъ весьма многихъ мѣстъ, здѣсь можно указать на конецъ предисловія, где авторъ говоритъ: «*sed plura persequi tum magnitudo voluminis prohibet, tum... set.*», — на вторую главу біографіі Лизандра, четвертую — Эпаминонда, вторую — Алкивиада, четвертую — Тимоѳея, на начало біографіі Пелопида, наконецъ на первую главу біографіі Датама, где авторъ замѣчаетъ: «*de quo hoc plura referemus*»; а вся біографія Датама состоитъ изъ одиннадцати главъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Непотъ до того сжать, что даже навлекъ на себя упрекъ въ темнотѣ, хотя и не совсѣмъ справедливый. Такимъ образомъ, краткость рассматриваемыхъ біографій не даетъ еще права думать, будто-бы Эмілій Пробъ сократилъ сочиненіе Корнелія Непота; а

(39) Это дѣло внимательно изслѣдовала Титце. Стараясь, по-возможности, восстановить порядокъ, данный этимъ біографіямъ Корнеліемъ, онѣ расположили ихъ въ своемъ изданіи по націямъ, къ которымъ принадлежать изображаемыя имъ лица, въ такомъ порядке: сперва помѣстилъ Аѳинянъ, потомъ Спартанцевъ, дающе Фиванцевъ, затѣмъ Сиракузянина Диона, Коринфянина Тимолеона, Кардіанца Эвмена, послѣ того три главы о царяхъ, Гамилькаре и Аннібала и, наконецъ, Датама. Такое расположеніе біографій у Титце одобряли Бардилій (р. СП) и Дене ргаef. edit. р. XI), удержавшіе, впрочемъ, обыкновенный порядокъ въ своихъ изданіяхъ.

кромѣ краткости, Бартій не имѣть никакого другаго основанія, которое могло бы поддержать его мнѣніе.

Вотъ все, что можно сказать о рассматриваемой книгѣ и ея судьбахъ. Въ-заключеніе сдѣлаемъ два общія замѣчанія, касательно нашего писателя, именно: что онъ первый изъ Римскихъ историковъ обратилъ вниманіе на историческую жизнь другихъ народовъ, и что уцѣлѣвшія его сочиненія должны быть драгоценны для современного историка, потому-что большая часть источниковъ, которыми пользовался Корней Непотъ, не сохранилась до нашего времени.

ПИСАТЬ МИХАЙЛОВСКИЙ.

ПЕРЕЧЕНЬ

ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ ПО УЧЕНОЙ И ГОСУДАРСТВЕННО-УЧЕНОЙ ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ВЪ ИМЕНИ, ЗА ПЕРВУЮ ПОЛОВИНУ XII ВѢКА.

Въ исторіи просвѣщенія человѣчества всегда стояли и стоятъ въ главѣ различныхъ отраслей человѣческихъ познаній дѣятели науки. Они, какъ труженики общечеловѣческаго дѣла, занимаясь воздѣлываніемъ ума человѣческаго, подчиняютъ ему остальную природу, какъ собственно человѣческую, такъ и окружающую человѣка. Проводя въ общую жизнь результаты своихъ ученыхъ изслѣдований, эти люди доставляютъ своимъ собратіямъ по человѣчеству то господство и торжество надъ природой, на которое благословилъ человѣка Творецъ всей твари. Если жизнь человѣка, какъ нравственно-разумного существа, состоять въ разумномъ и сознательномъ самоопредѣленіи къ дѣятельности: то тѣ, которые, углубляясь въ собственную природу человѣка и въ природу, его окружающую, изслѣдуютъ и изучаютъ законы общей жизни,—тѣ разливаютъ свѣтъ на жизнь людей. Какъ умъ и природа, такъ и познанія, какъ плодъ ума, составляютъ достояніе общечеловѣческое; а потому кто-бы ни были труженики наукъ, къ какой-бы отрасли человѣчества ни принадлежали, они всегда достойны уваженія и памяти мыслящихъ людей. Лица, нижеиздѣйшій перечень которыхъ здѣсь представляется, почти всѣ пользуются обще-Европейскою извѣстностію, какъ члены многихъ Европейскихъ ученыхъ обществъ, и намъ современны. Нѣкоторые изъ нихъ уже сошли съ поприща благородной общечеловѣческой дѣятельности, оставивъ по-томству результаты своего ученаго труда, какъ драгоценное наслѣдие; другіе, на закатѣ дней своихъ, хотя уже сопли съ официальна-го поприща дѣятельности, но, слѣдя за движениемъ наукъ въ тиши-

въ своей погасающей жизни, еще продолжаютъ открывать свои кабинеты для тѣхъ, кто хочетъ слышать бесѣды и советы многообразного опыта, науки и жизни; но большая часть нижеупомянутыхъ лицъ еще продолжаетъ занимать ученые и государственные должности. Трудно определить категории ученой дѣятельности, къ которымъ принадлежатъ упоминаемые лица, по важности и разнородности ихъ занятій. Ученое направление Швеціи вообще имѣть характеръ положительный, — примененіе ученыхъ изслѣдований къ потребностямъ практической жизни. А потому лица, которыхъ будуть ниже поименованы, какъ истинные представители умственного направления своей націи,—преимущественно естествоиспытатели. Для ясности представления мы дѣлимъ ихъ на три категории, какъ дѣятелей и тружениковъ: 1) по естественнымъ наукамъ вообще; 2) въ-частности — по медицинѣ, и ваконецъ 3) безъ определенія специальныхъ предметовъ занятій.

I. ПО ЕСТЕСТВЕННЫМЪ НАУКАМЪ ВООБЩЕ.

1) *Актерманъ* (Joachim Akerman), профессоръ химіи и директоръ горной школы въ Фалунѣ, членъ Стокгольмской академіи наукъ. Кромѣ нѣкоторыхъ немуаровъ, разсѣянныхъ по ученымъ сборникамъ, онъ издалъ въ 1831 году курсъ элементарной химіи, который въ 1834 году издалъ вторыи, пересмотрѣнныи и исправленныи изданіемъ. Въ 1832 году онъ издалъ еще, въ двухъ очень большихъ томахъ съ гравюрами, свои лекціи по химической технологии.

2) *Анкарсвердъ* (Auguste Anckarswaerd), генераль-адъютантъ, кавалеръ ордена штаги, членъ академіи наукъ и академіи землемѣрія. Специальное его занятіе — землемѣріе и горное искусство.

3) *Берцеліусъ* (Jean-Jacques Baron de Berzelius), родился въ 1779 году, не въ Линчепингѣ, какъ повторяютъ одинъ за другимъ большая часть биографовъ, но, вѣроятнѣе, въ Веверзундѣ, близъ Вадстены, въ Остроготіи. Титла и должности, которыя онъ имѣлъ, были: докторъ медицины и философіи, почетный профессоръ въ Каролинскомъ институтѣ, членъ Шведской академіи, бессийный секретарь академіи наукъ, членъ академіи военныхъ наукъ, академіи литературы, исторіи и древностей, Французского института и значительного числа иностраннѣхъ академій и ученыхъ об-

ществъ, кавалеръ многихъ отечественныхъ и иностранныхъ орденовъ. Предѣды статьи не позволяютъ намъ вполнѣ изобразить дѣятельность и заслуги этого знаменитаго ученаго мужа. Подробныя и болѣе точныя біографіи, которыя можно читать въ «Encyclopédie des gens du monde», и въ «Encyclopédie de la littérature Française contemporaine», могутъ доставить нужные и подробныя свѣдѣнія о Берцеліусѣ. Первое сочиненіе свое Берцеліусъ издалъ на Шведскомъ языке. Большая часть обширныхъ трудовъ, вышедшихъ изъ-подъ его пера, издана на Нѣмецкомъ языке. Съ Нѣмецкаго изданія въ съ неизданныхъ манускриптовъ его, Жюрданъ и Эслинже перевели на Французскій языкъ «Traité de Chimie». Владѣя нѣсколькими Европейскими языками и оказавъ неоспоримыя заслуги наукѣ, Берцеліусъ сдѣлался истиннымъ гражданиномъ всего ученаго міра. На закатѣ дней своихъ, въ 1842 году, Берцеліусъ былъ президентомъ ученаго конгресса, на которомъ присутствовали многие иностранные ученые. Въ первомъ засѣданіи этого конгресса онъ произнесъ рѣчь о пользѣ ученыхъ събраній и о выгодныхъ результатахъ, которые могутъ извлечь изъ нихъ наука и ученые. Въ общемъ собраниіи конгресса онъ читалъ мемуаръ о постепенномъ возвышении Скандинавскаго материка (*sol*). Авторъ началъ повѣствованіе о первоначальныхъ наблюденіяхъ, сдѣланныхъ по этому предмету Сведенборгомъ и Цельсіемъ; потомъ привелъ въ подтвержденіе наблюденія послѣдующихъ затѣмъ тридцати лѣтъ. Эти наблюденія онъ привелъ къ тому заключенію, что Скандинавскій материкъ на широтѣ Стокгольма возвышается на восемь футовъ въրодоложеніе одного столѣтія; что это возвышеніе увеличивается къ сѣверу и уменьшается къ югу, такъ-что оно совершенно превращается на юніи, проведенной между Сальваторгоисъ и Ландскроной; и что есть неоспоримыя доказательства, что есть другой стороны этой линіи почва понижается и море набѣгааетъ на южный берегъ Скандинавіи. На этой (южной) сторонѣ, на днѣ моря, на разстояніи трехсотъ и четыреста футовъ отъ берега, находить торфяныя ямы, наполненные корнями и стволами дубовъ, березъ, буковыхъ деревьевъ, также значительное количество орѣшика, — доказательство, что этотъ грунтъ, теперь затопленный, находился некогда на суши. Но Берцеліусу, вѣроятная причина измѣненія материка есть постепенное сужденіе земли, вслѣдствіе котораго твердая поверхность должна была скиматься, такъ-что этотъ феноменъ, столь

часто оспариваемый, вмѣсто-того, чтобы быть исключениемъ изъ общихъ правилъ или законовъ, бываетъ необходимымъ слѣдствиемъ ихъ, позволяя предсказывать себя *à priori*. Тѣ, которые желаютъ изучить феноменъ, о которомъ говорятъ Берцеліусъ, найдутъ важные данные въ отчётахъ Французской академіи наукъ за 1842 годъ (Rapport de M. Elie de Beaumont, sur la Mémoire de M. Bravais, professeur à la faculté des sciences de Lyon), и въ бюллетенѣ Французского геологического общества (Mémoire de M. Eugène Robert, tom. XIII). Во время того-же конгресса Берцеліусъ управлялъ двумя геологическими экскурсіями, въ которыхъ принимали участіе многие члены конгресса: первая была направлена къ мѣстечку Алькистанъ, съ цѣлью видѣть полисажъ и паралельные полосы, которыя характеризуютъ гранитныя горы Скандинавіи, и которая обнаруживаются въ этомъ мѣстѣ болѣе опредѣленнымъ образомъ, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ; вторая — въ Хестгольмъ, для изслѣдованія необыкновенныхъ углубленій значительной величины.

4) *Богеманъ* (Charles-Henri Boheman), членъ академіи земедѣлія, попечитель энтомологическихъ коллекцій и членъ академіи наукъ, сотрудникъ «Sociopumis insectorum», издававшейся въ Парижѣ подъ дирекціею Шенгера. Его ежегодные отчеты объ усилѣяхъ энтомологическихъ познаній и многие мемуары хранятся въ коллекціи академіи наукъ въ Стокгольмѣ. Богеманъ, при содѣствіи Вестринга, сообщилъ ученыму конгрессу 1842 года два замѣчанія: одно о препаратѣ—проводникѣ звуковъ наука; другое объ органахъ рожденія у нѣкоторыхъ насекомыхъ. Сверхъ-того онъ издалъ описание метода для храненія ларвъ (larves).

5) *Вальмарка* (Z. J. Wallmark), нотаріусъ, обратилъ на себя особенное вниманіе ученыхъ на конгрессѣ 1842 года, когда онъ читалъ длинный мемуаръ, извлеченный изъ обширного сочиненія объ отношеніи между формою кристалловъ и ихъ химическихъ составомъ.

6) *Вальмстедтъ* (L. P. Walmstedt), докторъ философіи, профессоръ химіи и минералогіи въ Упсальскомъ университѣтѣ, членъ академіи наукъ, кавалеръ полярныхъ звѣзды. Вальмстедтъ—одинъ изъ замѣчательныхъ минералоговъ; онъ составилъ въ Упсалѣ прекрасную коллекцію по своему предмету, которая доселе существуетъ тамъ же вадѣ. Его ученые мемуары высокаго достоинства помѣщены въ числѣ мемуаровъ Стокгольмской академіи наукъ.

7) *Вахтмейстер* (H. G. Wachtmeister, comte de Trolle), одинъ изъ велиможъ королевства, канцлеръ юстиціи, кавалеръ ордена Серафина, членъ академіи наукъ, почетный членъ академіи земледѣлія и ученаго общества въ Упсалѣ. Вахтмейстеръ, опредѣленный въ должность министра королемъ Карломъ XIV, отказался отъ этого важнаго поста, чтобы посвятить свою дѣятельность единственно ученымъ трудамъ. Владѣтель огромнаго имѣнія, онъ употреблялъ свои досуги и доходы на обработываніе наукъ, особенно зоологии. Онъ издалъ много мемуаровъ по предмету химіи, помѣщенныхъ въ изданіяхъ академіи наукъ. Путешествіе, которое онъ совершилъ въ преклонныхъ лѣтахъ, изъ постояннаго своего жительства — Шоніи въ Стокгольмъ, чтобы участвовать на ученомъ конгрессѣ 1842 г., немало свидѣтельствуетъ о его любви къ ученому образованію и о сочувствії къ движенію наукъ.

8) *Врихтъ* (G. de Wright), камеръ-юнкеръ. Какъ рисовальщикъ академіи наукъ, онъ рисуетъ гравюры по зоологіи и анатоміи съ значительнымъ совершенствомъ, сравнительно съ тѣмъ, что дѣлается лучшаго по этой части во Франціи. Онъ составилъ рисунки для общирнаго сочиненія Зундевала о Скандинавскихъ рыбахъ, рисунки для Шведской ботаники, изданной академіею наукъ, и прекрасную коллекцію рисунковъ, представляющихъ Шведскихъ птицъ. Рисунки его возбуждаютъ удивленіе знатоковъ. Врихтъ сообщає ученому обществу очень интересное замѣчаніе, что первое измѣненіе цвѣта обыкновеннаго тюленя (*rhusa vitulina*) имѣть мѣсто въ нѣдрахъ морей, между тѣмъ-какъ этого не бываетъ у другихъ тюленей. Впрочемъ, Врихтъ не только даровитый рисовальщикъ; его мемуары о переселеніи птицъ, хотя небольшаго объема, даютъ ему не послѣднее мѣсто между натуралистами.

9) *Кронстрандъ* (S. A. Cronstrand), докторъ философіи, профессоръ въ высшемъ училищѣ военныхъ наукъ въ Маріенбергѣ, членъ академіи военныхъ наукъ въ Стокгольмѣ. Будучи старшимъ профессоромъ астрономіи въ Стокгольмской обсерваторіи, Кронстрандъ потерялъ зрѣніе вслѣдствіе ревностныхъ занятій, а потому оставилъ постъ, который занималъ столь достойно. Онъ составилъ сферическую триангуляцію южной части Скандинавскаго полуострова, съ начала обхода берегомъ Балтики отъ Стокгольма до Агуса въ Шоніи; потомъ изъ Люнда онъ продолжалъ

свои труды на берегу Норвежского моря до Фридерикгальда; вакоенецъ посредствомъ новой линіи, проведенной чрезъ материкуъ и озера Венеръ и Веттеръ, онъ соединилъ сферические треугольники, вмъ определенные. Это не менѣе какъ треугольникъ пятой части Скандинавіи.

10) *Зеландеръ* (Selander), докторъ философіи, бывшій преподаватель астрономіи при Упсальскомъ университѣтѣ, почетный профессоръ, членъ и астрономъ академіи наукъ, бывшій никогда депутатомъ ея на сеймѣ. Зеландеръ, занимался астрономическими наблюденіями, издалъ отчеты объ успѣхахъ астрономіи.

11) *Зундеваль* (Ch. J. Sundewall, родился въ 1801 году), докторъ медицины и философіи, почетный профессоръ, хранитель коллекцій позвоночныхъ животныхъ въ академіи наукъ, членъ этой академіи и академіи земледѣлія, бывшій хранитель зоологическихъ коллекцій и адъюнктъ-профессоръ въ Лундскомъ университетѣ, членъ физиографического общества въ томъ-же университѣтѣ, членъ Французской комиссіи на сѣверѣ. Зундеваль издалъ много мемуаровъ, между которыми достойны особенного вниманія: «Conspectus aracnidum, 1833, Land»; «Система орнитогномії», написанная на Шведскомъ языке, въ мемуарахъ академіи наукъ, 1835 г.; «Замѣчанія о Бенгальскихъ птицахъ и международныхъ вѣтрахъ», сочиненіе, изданное всѣгдѣствіе путешествія по Индіи, написанное по-Шведски и помѣщенное въ мемуарахъ физиографического общества въ Лундѣ, въ 1837—38 гг., и много мемуаровъ о млекопитающихъ животныхъ (ib). Капитальная его сочиненія — «Отчетъ объ успѣхахъ зоологии съ 1836 до 1839 года» (на Шведскомъ языке, Стокгольмъ, 1841 года) и «Отчетъ» о томъ-же въ 1840—42 г. Зундеваль, вѣбѣсть ея ихтиологію Экстрѣма и Брикта (о которомъ упомянуто выше), продолжалъ изданіе обширнаго сочиненія о Скандинавскихъ рыбахъ, начатое его сотрудниками и Бенедиктомъ-Фридерикомъ Фрицомъ. На конгрессѣ 1842 г. онъ читалъ три мемуара: 1) о зубахъ *Proteles Latandi* на мысѣ Капъ; 2) о строеніи птичьихъ крыльевъ и ихъ различіи въ отдельныхъ классахъ; 3) о естественной классификаціи шашекъ (passerine).

12) *Лѣсекъ* (S. L. Lovéa), докторъ философіи, почетный профессоръ и хранитель коллекціи чревныхъ червей и зоофитовъ при академіи наукъ въ Стокгольмѣ и членъ академіи земледѣлія. Этотъ ученый посыпалъ главы зоологической коллекціи въ

Европѣ и совершилъ ученое путешествіе въ Ландандію и Спитцбергенъ, откуда вывезъ богатыя коллекціи по натуральной истории. Онъ издалъ мемуаръ о географическомъ раздѣленіи птицъ и много замѣчательныхъ трудовъ о зародышахъ низшихъ животныхъ. Лѣвенъ на конгрессѣ 1842 г., бывши однѣмъ изъ секретарей по зоологическому отдѣленію, читалъ мемуаръ «Sur la phosphorescence de l'ophiura». Не однѣ науки составляютъ занятіе Лѣвена; онъ также съ успѣхомъ занимается искусствами, именно музыкой и рисованіемъ.

13) *Лагерхельмъ* (P. de Lagerhielm), членъ академіи наукъ, академіи военныхъ наукъ, королевскаго общества въ Упсалѣ, членъ горной коллегіи. Въ 1818—22 г. онъ издалъ два тома о гидравлическихъ опытахъ; въ 1827 г.—еще два тома о плотности, однородности, упругости, тягучести и связности кованаго желѣза и желѣза листового. Эти два сочиненія переведены на Нѣмецкій языкъ. Въ 1832 г. онъ помѣстилъ въ мемуарахъ академіи наукъ (том. X): «Tentamen theoriae resistentiae fluidorum constitutio».

Этотъ даровитый физикъ читалъ на конгрессѣ 1842 г. мемуаръ о теченіи воздуха и воды въ проводной трубѣ и о значительномъ уменьшениѣ давленія отъ стѣнокъ на дно трубы, — явленіе, которое не можетъ быть опредѣлено по формуламъ, основаннымъ на интуїціи о параллелизмѣ сторонъ.

14) *Нильсонъ* (S. Nilson), докторъ философіи, профессоръ зоологии и главный хранитель зоологическихъ коллекцій въ Лундскомъ университѣтѣ, членъ академіи наукъ, членъ академіи землемѣрія, членъ и непремѣнныи секретарь физиографического общества въ Лундѣ, членъ академіи литературы, исторіи и древностей, и многихъ академій и ученыхъ обществъ иностраннѣхъ. Нильсонъ издалъ: «Ornithologia Svecica», 1816 г. въ Копенгагенѣ; Скандинавскую фауну съ раскрашенными рисунками; и другую фауну, которая содержитъ млекопитающихъ и птицъ, въ трехъ книгахъ, на Шведскомъ языкѣ. Онъ издалъ также два тома, заключающіе въ себѣ ихтиологію Скандинавіи и морей Швеции. Какъ хранитель коллекцій академіи наукъ, этотъ неутомимый ученый издалъ три годовые отчеты объ успѣхахъ зоологии. Коллекціи Стокгольмскихъ музеевъ обязаны его просвѣщенію попечению прекраснымъ расположениемъ, въ которомъ онъ теперь находится. Нильсонъ читалъ въ общемъ засѣданіи конгресса 1842 г. некоторые замѣчанія о развитіи рода человѣческаго, и при по-

моща открытій, сдѣланыхъ ииъ и другими по археології, по формѣ найденныхъ череповъ и костей какъ людей, такъ и животныхъ, онъ воспроизвелъ состояніе цивилизаціи аборигеновъ Скандинавіи. Одинъ уважаемый Шведскій ученый, разсмотривая вышеупомянутое сочиненіе Нильсона, дѣлаетъ такой взглядъ на предметъ его: «Если узинъ одинъ физической человѣкъ, то онъ внимательному наблюдателю долженъ открыть умственного человѣка. Самая главная форма костяного состава, его покровъ, объемъ и богатство мебели, оружія, инструментовъ, искусствъ, цвѣтъ матеріи и форма одежды — покажутъ цивилизацію и способности, качество и количество истребленной пищи, число и состояніе домашнихъ и дикихъ животныхъ, состояніе земледѣлія, водъ, климата. Не археологическая ли наука, столь могущественная для того, чтобы заставить ожить предъ нашими глазами угасшіе народы съ ихъ нравами, законами, науками, даже съ ихъ языкомъ, основана на познаніяхъ чисто-космологическихъ науки совершенно-зоологическую—исторію?» Нильсонъ развилъ эти идеи въ большомъ твореніи, подъ заглавиемъ: «Опытъ сравнительной этнографіи обѣ аборигенахъ Скандинавскаго сѣвера». Онъ еще прежде положилъ этому основныя начала въ своемъ введеніи ко второму изданію Скандинавской фауны. Нильсонъ читалъ на ученыхъ конгрессахъ многіе мемуары, и между-прочимъ одинъ обѣ исконаемыхъ животныхъ, которые находять въ торфяникахъ; онъ при этомъ показалъ рисунокъ полнаго скелета «*bos taigas ferus*», найденного въ одномъ изъ торфяникъ Скандинавіи. Этотъ скелетъ найденного животного открылъ особенію тѣ, что оно было ранено и излечено, и формою раны узкой, продолговатой, горизонтальной и проникающей двѣ хребтовыя кости, показалъ, что только рука человѣка могла такъ поразить его. Вообще геологія — главное занятіе Нильсона; и по всей справедливости можно сказать, что познаніе о понижениіи уровня Шоніи обязано его первоначальнымъ наблюденіемъ.

15) *Пальмстедтъ* (Ch. Palmstedt, родился 1794 г.), членъ академіи наукъ, академіи земледѣлія и значительного числа иностранныхъ ученыхъ обществъ, профессоръ технологіи, физики и химії въ приложеніи къ искусствамъ и мацуфактурамъ. Берцеліусъ уважалъ этого ученаго, и Пальмстедтъ занимался въ Германіи изданіемъ первыхъ химическихъ сочиненій своего друга; его же усердію Германія обязана многими мемуарами Берцеліуса. Пальм-

стедъ издашь много мемуаровъ о вопросахъ химіи и агрікультуры въ приложениі къ искусствамъ; ему также обязаны за описание нового галактометра. На конгрессѣ 1842 г. онъ читалъ мемуаръ объ опытахъ, сдѣланныхъ имъ въ Англіи, въ 1841 г., надъ «*sumpnotus electricus*». Пальмстедтъ былъ директоромъ одной фабрики, устроенной нѣкогда въ Гринегольмѣ, и потомъ превращенной въ пекель пожаромъ. Въ 1828 г. онъ основалъ технологический институтъ въ Готенбургѣ, гдѣ Карлъ XIV опредѣлилъ его директоромъ. Во время своихъ ученыхъ путешествий по Англіи, Германіи и Франції, онъ всегда почерпагъ новыя познанія, чтобы держать свое любимое учебное заведеніе въ уровень съ новыми открытиями. Въ 1844 г. Шведское правительство посыпало его въ Парижъ для изученія выставки промышленности.

16) *Розеншельдъ* (R. S. M. de Posenschoeld, родился въ 1805 г.), докторъ философіи, профессоръ химіи въ Лундскомъ университѣтѣ, членъ физіографического общества въ томъ же городѣ. Розеншельдъ издашь мемуаръ о температурѣ земли, и специально занимается электричествомъ, о которомъ издашь много мемуаровъ, напечатанныхъ въ разныхъ Шведскихъ и иностранныхъ журналахъ. На конгрессѣ 1842 г. онъ читалъ мемуаръ объ электричествѣ, происходящемъ при отдѣлении паровъ, и изслѣдовавъ отношеніе, которое оно имѣть къ электричеству отъ прикосновенія. Розеншельдъ не только занимается науками, но и музыка обработывается имъ съ большимъ успѣхомъ.

17) *Сефстрѣмъ* (Sefstroem), докторъ медицины, почетный профессоръ, членъ коллегіи горныхъ искусствъ и директоръ ея минералогическихъ коллекцій и комитета опытовъ, бывшій директоръ горной школы въ Фалунѣ, членъ академіи наукъ и академіи военныхъ наукъ и ученаго общества въ Упсалѣ. Сефстрѣмъ издашь много мемуаровъ по минералогіи и геологіи — главныхъ, постоянноенныхъ предметовъ его занятій. Въ 1836 г. онъ обратилъ вниманіе Европы на ясокъ горнокаменныхъ породъ Скандинавскихъ горъ и на причины этой собственности. При геологическихъ экскурсіяхъ, бывшихъ во время конгресса 1842 г., онъ вмѣстѣ съ Берцеліусомъ былъ однимъ изъ начальниковъ ученаго каравана.

18) *Сванбергъ* (Agolphe Svanberg), докторъ философіи, профессоръ физики въ Упсальскомъ университетѣ, членъ академіи наукъ въ Стокгольмѣ и общества наукъ въ Упсалѣ и физіографическаго общества въ Лундѣ, бывшій преподаватель въ высшемъ уни-

ящъ въ Маренбергъ. Главныя его сочинения, изданныя въ свѣтъ и помѣщенные въ мемуарахъ академіи наукъ, суть: сочиненіе о приложении интегралъметрическихъ серій, 1828 г.; анализъ цирамидъ, 1829 г.; точки замерзанія тройныхъ сочетаній солица, олова и цинка, 1830 г.; интеграція дифференціальныхъ уравненій втораго разряда при опредѣленныхъ различіяхъ, 1839 г.; о движениі жидкостей, 1840 г. Еще два мемуара Сванберга, внесенные въ «*Nova acta regia societatis scientiarum Upsaliensis*», суть: «*De integralibus definitis disquisitiones*» (vol. X); «*De seriebus periodicis adnotatiqnes*» (vol. XI). Сванбергъ внесъ въ физиографическое отдѣление конгресса свой мемуаръ о весьма выгодной конструкціи термо-электрическихъ аппаратовъ (*).

19) *Сванбергъ* (Lammet-Frédéric Svanberg), докторъ философіи, членъ академіи наукъ. Сванбергъ съ успѣхомъ занимается минералогіею и химіею; онъ изслѣдовалъ отношенія между жѣлезомъ и платиной въ рудѣ платины. Думаютъ, что имъ открыты сочетанія въ проворціяхъ опредѣленыкъ. Онъ обратилъ также вниманіе на минералъ, содержащийся въ гранітѣ. Сванебаргъ кромѣ того сообщалъ свои анализы лабрадорита, находившагося въ одномъ изъ округовъ Делакардіи, и анализъ одного минерала, найденного подъ Тунабергомъ въ Зудерманіи, — минерала, который представляется свойства пираргилита, описанного Нордешельдомъ (**).

20) *Сильвестрѣмъ* (P. A. Siljeström), докторъ философіи, директоръ технологического института въ Норчепингѣ, членъ Французской ученой комиссіи на сѣверѣ. Сильвестрѣмъ издалъ темъ, подъ заглавіемъ: «Замѣчанія и наблюденія, относящіяся къ Норвегіи, особенно къ самымъ сѣвернымъ частямъ этой страны» (по метеорологии, физикѣ въ статистикѣ); также много мемуаровъ о предметахъ физики и геологіи. Онъ читалъ на конгрессѣ 1842 г.

(*) Кромѣ достоинствъ ученаго человѣка, Сванбергъ считается однимъ изъ искуснѣйшихъ шахматныхъ игроковъ. На переходѣ, перевозившемъ членовъ ученаго конгресса 1842 года изъ Стокгольма въ Уппсалу, онъ сдѣлалъ партию въ шахматы, не глядя на шашки. Ему часто удавалось выигрывать вдругъ двѣ партии, не глядя на шашечную доску. Сынъ отца, также очень извѣстного по этой игрѣ, онъ уже на тринацдцатомъ году сдѣлалъ свою отцу шахъ-и-матъ.

(**) Оба Сванберга братья, дѣти Илана Сванберга, профессора — натуралиста.

мемуаръ объ опредѣленіи температуры земли по наблюденіямъ температуры, произведенныиъ надъ холодными источниками въ Швеціи и Норвегіи. Постоянно сгѣдя за ученымиъ движениемъ во Франціи, Сильвестръ очень хорошо понималъ всю выгоду Французской счетной системы (десятичной), а потому предложилъ членамъ конгресса употреблять въ своихъ ученыхъ трудахъ только десятичную систему вѣса и мѣры. Его предложеніе, важность котораго была оценена всѣми членами конгресса, было принято генеральнymъ комитетомъ.

21) **Фризъ** (E. Fries), профессоръ ботаники въ Упсальскомъ университѣтѣ, членъ академіи наукъ въ Стокгольмѣ и значительного числа иностраннныхъ ученыхъ обществъ. Его обширныя и многочисленныя сочиненія изданы на Латинскомъ языке. Фризъ на конгрессѣ 1842 г. держалъ диспутъ о системѣ своего «herbarium normale»; о ботанической географії; о растеніяхъ, которыхъ больше не находятъ, и о вліяніи воздѣльванія на растенія. Во время собрания членовъ конгресса 1842 года, въ Линнеенскомъ амфитеатрѣ въ Упсалѣ, онъ произнесъ рѣчь въ честь Линнея въ науки, имъ обрабатываемой:

II. По медицине:

1) **Бергъ** (F. Th. Berg), докторъ медицины и хирургіи, бывшій приват-доцентъ анатоміи въ Лундскомъ университѣтѣ, хирургъ военного госпиталя въ Стокгольмѣ и главный врачъ въ воспитательномъ домѣ. Этотъ добросовѣтный практикъ есть одинъ изъ неутомимѣшихъ анатомико-патологістовъ въ Швеціи; онъ первый ввелъ въ употребление въ Шведскихъ госпиталяхъ аускультацию — это могущественное средство изслѣдованія, столь блестательно возобновленное Леннекомъ, и пользу которого признавалъ самъ Иппократъ. Бергу было поручено правительству постыдить главные воспитательные дома въ Европѣ. По возвращеніи своемъ, онъ настоялъ принять тѣ улучшенія, которыя самъ замѣтилъ въ другихъ странахъ относительно этой важной отрасли гражданскихъ учрежденій. Будучи главнымъ докторомъ при военномъ госпиталѣ, онъ издалъ три отчета по своей медицинской службѣ. Его годовые отчеты по воспитательному дому, изданные

въ пользу кассы, основанной имъ на содержаніе кормилицъ этого дома, очень одобряются специальными учеными людьми.

2) *Бергстрандъ* (Ch. H. Bergstrand, родился въ 1800 году), докторъ медицины и хирургіи, профессоръ хирургіи и акушерства въ Упсальскомъ университѣтѣ. Онъ долгое время въ Стокгольмѣ былъ первымъ слушателемъ Экстремера. Онъ читалъ на ученомъ конгрессѣ 1842 года мемуаръ о стаейніахъ грыжи (*berniea*).

3) *Вальбергъ* (P. F. Wahlberg), докторъ медицины и философіи, профессоръ медицинскихъ предметовъ въ Каролинскомъ институтѣ, членъ академіи наукъ и академіи земледѣлія. Вальбергъ издалъ трактатъ по натуральной исторіи о фуражѣ (*fourrage*) и многие мемуары, внесенные въ собранія академіи науки. Онъ сообщалъ ученному конгрессу свѣдѣнія о паразитныхъ инфузоріяхъ, живущихъ въ личинкахъ и кризолідахъ другихъ животныхъ, и о пользѣ сдѣланного опыта уничтоженія этихъ животныхъ, которыхъ безъ того умножались бы въ ужасающемъ количествѣ. Этотъ замысловатый и импровизированный трудъ, какъ говорятъ знатоки, произвелъ огромнѣйшее впечатлѣніе на конгрессѣ, вслѣдоватѣ важности вопроса и серьезныхъ подробностей, представленныхъ авторомъ. Онъ представилъ также описание и рисунокъ двухъ новыхъ видовъ піявокъ: *s. alboruneta* въ Швеціи и *s. hypocloros* на о. Янѣ. Опытъ, сдѣянный надъ этими піявками, совершенно удался. Вальбергъ читалъ еще третій мемуаръ — о *libellula olympia*, найденной имъ въ большомъ количествѣ въ Остроготіи, и имѣющей обыкновеннымъ мѣсторожденіемъ ей служить Африка и прибрежья Средиземного моря.

4) *Вальквистъ* (E. Wallquist), докторъ философіи и медицины, профессоръ медицинской химіи въ Упсальскомъ университѣтѣ. Кроме вышеперечисленныхъ мемуаровъ, изданныхъ имъ въ ученыхъ сборникахъ, онъ принималъ участіе на конгрессѣ, въ опытахъ надъ верекисью серебра.

5) *Вистрандъ* (A. T. Wistrand), докторъ медицины и хирургіи, судебный врачъ въ Сигтунѣ, членъ общества судебныхъ врачей въ Бадѣ. Вистрандъ очень ревностенъ къ своей наукѣ; онъ издалъ: 1) Руководство къ судебнной медицинѣ, въ 1838 г.; 2) Рисунки медико-судебныхъ вскрытій тѣлъ; 3) Опытъ о медико-судебныхъ отношеніяхъ, при слѣдствіяхъ о разныхъ родахъ насильственной смерти; 4) Трактатъ о судебнной медицинѣ, въ 1842 г. После опытовъ, произведенныхъ имъ надъ утопленными животны-

ми, онъ изложилъ въ журналь медицины и фармація нѣсколько пунктовъ о легочной докимозіи, въ-отношениі къ судебной медицинѣ. Онъ писалъ также о самоубійствѣ въ помѣщательствѣ, о добровольномъ самосожжениі, о публичной гигіенѣ и о судебной медицинѣ въ Швеція. Вистрандъ читалъ на конгрессѣ 1842 г. мемуаръ о важности ранъ въ судебной медицинѣ, въ которомъ утверждаетъ, что раны должны быть признаваемы смертельными или несмертельными абсолютно, а не относительно. Нельзя, кажется, раздѣлять мнѣніе ученаго Шведа, который слишкомъ увлеченъ Французской судебной медициной, и, можетъ быть, хорошо не понять ея частнаго, мѣстнаго положенія, хочетъ ввести въ свою страну родъ неприменимыхъ къ ней постановленій, которыя даже во Франціи отспариваются очень многими учеными.

6) *Гвассеръ* (J. Hvasserg), профессоръ теоретической и практической медицины въ Упсалскомъ университѣтѣ. Идеи этого профессора обширны и возвышенны. Вирочемъ, онъ постоянно въ борьбѣ съ нападками свободной печати, но очень любитъ своихъ воспитанниковъ. Его образование обширно; уважение-же къ медицинѣ старца Коса простирается, можетъ быть, до крайности. Онъ читалъ нѣкогда на конгрессѣ мемуаръ о медицинской философіи, олицетворенной нъ его богъ—Эскулапѣ.

7) *Лёвенъ* (N. H. Loven), докторъ медицины, профессоръ теоретической медицины въ Лундскомъ университѣтѣ, членъ медицинского общества въ Стокгольмѣ и физіографического общества въ Лундѣ. Лёвенъ издалъ: мемуаръ о дыханіи рыбъ, амфібій и птицъ; руководство къ краткой хирургіи и ученые мемуары по физіологии, анатоміи и геологіи.

8) *Ліедбекъ* (Liedbeck), докторъ медицины и хирургіи, проекторъ медицинскаго факультета въ Упсалѣ. Онъ издалъ сочиненіе о легочной чахоткѣ и вѣстѣ, съ Жоржемъ, медицинскую гимнастику Линга. Онъ единственный практическій представитель гомеопатіи въ Швеціи.

9) *Лильевальхъ* (P. O. Liljewalch), докторъ медицины, хирургіи и философіи, бывшій приватъ-доцентъ акушерства при Лундскомъ университѣтѣ, хирургъ королевской гвардіи, хирургъ-акушеръ акушерскаго дома Pro Patria. Лильевальхъ въ 1839—41 г. издалъ два годовые отчета, одинъ о хирургіи, другой о сифилизмѣ. Статистическія таблицы, представленныя имъ конгрессу 1842 г., по приговору совѣта общества здравія, сообщены были всѣмъ

Шведскимъ врачамъ. Онъ обнимаютъ и представляютъ результаты наблюдений двадцатилѣтней практической службы. Лильевальхъ допускаетъ употребление яда, но признаетъ также, что надежное средство невсегда необходимо. Цѣль, которую онъ предположилъ себѣ, представляя свои подробныя статистическія таблицы, состояла въ томъ, чтобы показать, въ какихъ формахъ и въ какихъ запутанностяхъ болѣзни лечение специфическое предпочтительно предъ лечениемъ простымъ, съ точки зренія постояннаго лечения и продолженія болѣзни. Эти показанія чрезвычайно интересовали медицинскій отдѣлъ конгресса. Знатоки одобряютъ простые и полезныя средства, употребляемыя Лильевальхомъ. Онъ былъ посланъ правительствомъ въ Парижъ (въ сороковыхъ годахъ), для изученія тамошнихъ медицинскихъ учреждений и пріобрѣтенія новыхъ свѣдѣній для науки.

10) *Норлингъ* (S. A. Norling), директоръ и первый профессоръ ветеринарной школы въ Стокгольмѣ и членъ академіи земледѣлія. Норлингъ написалъ замѣчательные мемуары о ветеринарной науکѣ, и пользуется заслуженною репутациею умнаго и ученаго человека. Ветеринарное искусство обязано ему тѣмъ, что оно достигло въ Швеціи того состоянія, въ которомъ оно находится теперь, и занимаетъ място, которое оно заслужило своею несомненою пользую.

11) *Понтинъ* (M. M. Pontin), докторъ медицины и хирургіи, первый почетный королевскій врачъ, членъ совѣта Общества здравія, членъ академіи наукъ и академіи земледѣлія. Понтинъ издавалъ, вмѣстѣ съ Бергеліусомъ, журналъ химическій, физическій и минералогическій; потомъ онъ одинъ издалъ трактатъ о народной медицинѣ, который, какъ увѣряютъ анатоми, быть можетъ, не сдѣлалъ зла въ деревняхъ, но, вѣроятно, не могъ воспрепятствовать ходу эпидеміи. Понтинъ въ то же время былъ однимъ изъ лучшихъ садоводовъ въ Швеціи. Кроме-того онъ былъ отличнымъ литераторомъ, и подарилъ публикѣ драгоценное описание путешествія, совершенного имъ изъ Стокгольма въ Берлинъ, чрезъ Конингагенъ и Гамбургъ.

12) *Ретціусъ* (M. Retzius), докторъ медицины и хирургіи, почетный медикъ короля, главный хирургъ гвардіи, директоръ акушерскаго дома Pro Patria, членъ академіи наукъ и академіи военныхъ наукъ. Ретціусъ издалъ сочиненіе о военной гигіенѣ. Мемуары его обѣ акушерствѣ и другихъ частяхъ медицины, по-

извѣщенные въ разныхъ журналахъ, переведены на многіе языки. Онъ всегда слѣдилъ за движениемъ науки, и ничего замѣчательнаго изъ изданнаго въ Европѣ не осталось не принятымъ имъ къ свѣдѣнію. Ретціусъ, бывъ вице-президентомъ конгресса 1842 г., сообщалъ свое изслѣдованіе объ оболочкахъ итери. На томъ же конгрессѣ онъ читалъ очень интересный мемуаръ о предохранительной оспѣ въ Швеціи. Въ октябрѣ 1843 г. Парижская медицинская газета перепечатала большую часть этого сочиненія.

13) *Ретціусъ* (A. A. Retzis), докторъ медицины и хирургіи, профессоръ анатоміи и деканъ Каролинскаго института, профессоръ анатоміи въ академіи художествъ, членъ академіи наукъ, академіи военныхъ наукъ и академіи земледѣлія. Репутація ученаго, которою пользуется Ретціусъ на всемъ свѣтѣ, и слава его лекцій привлекаютъ огромное число воспитанниковъ въ Каролинскій институтѣ. Ревностное попечение его о коллекціяхъ заведенія достойно всякой похвалы. Какъ одинъ изъ секретарей конгресса, онъ читалъ въ общемъ засѣданіи мемуаръ о формѣ черепа обитателей сѣверной Европы, а въ зоологическомъ отдѣленіи онъ объяснялъ отправленія мускуловъ переднихъ окончностей птицъ. Онъ сообщалъ также изслѣдованія объ устройствѣ желудка рыбъ изъ породы сомовъ (*silurus*) и нѣкоторыхъ птицъ, и замѣчанія о внутренней оболочкѣ аортъ морскихъ черепахъ. Въ медицинскомъ отдѣленіи онъ показалъ нѣкоторые мускулы, неописанные прежними естествоиспытателями, на шей людей и млекопитающихъ, и представлять нѣкоторыя другія важныя соображенія.

14) *Сесъ* (S. F. Sæve), докторъ медицины и хирургіи, почетный врачъ короля, хирургъ флота, медикъ-инспекторъ минеральныхъ водъ въ Дыргорденѣ, врачъ при институтѣ слѣпыхъ и глухонѣмыхъ. За свою многостороннюю дѣятельность Сесъ получилъ отъ короля медаль съ надписью: «illis quicquid teneat labores». Этотъ докторъ специально занимается линотріею, и посвятилъ королю Карлу XIV, за мѣсяцъ до его смерти, трактать объ этомъ предметѣ. Онъ хотѣлъ читать на конгрессѣ, которому не доставало времени его выслушать, отрывокъ о врачебной силѣ электричества. Его замѣчанія были собраны впродолженіе осмидцати лѣтъ въ специальному институтѣ, учрежденномъ отъ правительства для произведенія опытовъ по этому предмету. Теперь это заведеніе болѣе не существуетъ.

15) *Хуссъ* (M. Huss), докторъ медицины и философії, главный врачъ и профессоръ клиники въ госпиталѣ Серафимовъ, членъ академіи наукъ. Онъ долгое время слѣдовалъ курсамъ Парижскаго факультета, и одаренъ удивительною способностію и любовию къ своему искусству. Онъ издалъ мемуаръ о вліянії, какое имѣть патологическая анатомія на терапію. Въ 1841 г. онъ издалъ въ свѣтъ очень обширный трудъ, подъ заглавіемъ: «Перечень клиническихъ наставлений и болѣзней въ королевскомъ госпиталѣ Серафимовъ». Послѣдній отдѣлъ этого труда заключаетъ въ себѣ 106 страницъ мелкаго шрифта въ 8-ю долю листа, и шесть рисунковъ патологической анатоміи, отлично литографированныхъ г. Петерсономъ. Докторъ Хуссъ къ этому отчету присоединилъ еще большой, очень интересный статистический очеркъ различныхъ болѣзней, которыхъ онъ встрѣчалъ въ госпиталѣ Серафимовъ. Если нельзя согласиться съ его носологическимъ раздѣленіемъ на возбужденія нервной системы, органовъ дыханія, аппаратовъ гастро-ческихъ, органовъ движения, наружныхъ покрововъ, пищеварительныхъ органовъ и на возбужденія умственныхъ, то во всякомъ случаѣ нельзя не признать пользы обнародованія отчетовъ клиническихъ профессоровъ о состояніи больныхъ, выѣренныхъ имъ попеченію. Хуссъ не первый выступилъ на этотъ путь; но немногіе изъ его собратовъ сдѣлали это въ столь обширномъ размѣрѣ. По-крайней-мѣрѣ ему принадлежитъ честь первоначальна-го учрежденія въ Швеціи истинно-медицинской клиники, и честь распространенія, посредствомъ его наставлений, практики аускультаціи. На конгрессѣ 1842 г. онъ читалъ отрывокъ изъ своего по-слѣдняго мемуара о тифѣ, и, какъ жаркій, можетъ быть, чрезмѣрный поборникъ патологической анатоміи, онъ былъ побѣженъ докторомъ Бангомъ.

16) *Экстрѣмеръ* (Ch. J. de Ekstroemeg, родился въ 1793 году), докторъ медицины и хирургіи, главный начальникъ гражданскихъ госпиталей въ Швеціи, совѣтникъ королевскаго общества здравія, главный хирургъ госпитала Серафимовъ, профессоръ хирургиче-ской клиники въ Каролинскомъ институтѣ, королевский хирургъ, членъ академіи наукъ и академіи земледѣлія. Съ двадцати осьми лѣтъ онъ былъ главнымъ хирургомъ госпитала Серафимовъ, где учредилъ первую хирургическую клинику въ Швеціи. Онъ сдѣ-лали это важное улучшеніе по возвращенію изъ путешествія, пред-принятаго имъ, по порученію правительства, во Францію, Англію

и Германію. Обнародованіе его ученаго путеписцтвіябросило большой блескъ на того, кто его совершилъ. Будучи секретаремъ общества медицины въ Стокгольмѣ впродолженіе десяти лѣтъ, Экстрѣмеръ каждогодно издавалъ отчетъ объ успѣхахъ медицинскихъ знаній. Какъ президентъ академії наукъ, онъ произнесъ на конгресѣ рѣчъ, предметомъ которой была исторія госпиталя Серафимовъ. Онъ издалъ также генеральную статистику о городскихъ госпиталяхъ въ Швеції, для обозрѣнія которыхъ онъ былъ командированъ въ 1838 и 1839 годахъ, и, благодаря его просвѣщенному попеченію, эти учрежденія въ Швеції стоять теперь на высокой степени совершенства. Экстрѣмеръ читалъ на конгрессѣ 1842 г. мемуаръ о сифилитическихъ болѣзняхъ въ Швеції, съ 1826 по 1845 годъ. Этотъ мемуаръ былъ обнародованъ еще прежде конгресса, а потому не помѣщены въ книгѣ, посвященной увѣковѣченію воспоминанія объ этомъ ученомъ собраніи.

17) Элліотъ (J. Elliot), докторъ медицины, хирургіи и філософіи, медикъ-акушеръ въ родильномъ домѣ въ Стокгольмѣ, профессоръ акушерства при Каролинскомъ институтѣ. Элліотъ преданъ болѣе практикѣ, чѣмъ теорії. Впрочемъ, онъ заставилъ сословіе медиковъ признать трактатъ Тріера объ аускультациі, и одинъ изъ первыхъ, или даже первый, обратилъ вниманіе на значеніе speculum uteri. Если подобныя открытія не заключаются въ себѣ особенной важности, то нельзя отказать имъ въ содѣйствіи движению науки.

III. Безъ определенія специальныхъ предметовъ занятія.

1) Акрель (Ch. d' Akrell), генераль-маиръ, бывшій начальникъ корпуса инженеровъ и военныхъ географовъ, членъ академіи наукъ, командоръ ордена шапки, составитель лучшихъ ландкартъ Швеціи.

2) Бесковъ (B. baron de Beskow), почетный докторъ філософіи, плодовитый образованный писатель, маршалъ двора, вице-канцлеръ ордена Серафима, родился въ 1795 г. Бесковъ — членъ королевской академіи исторіи, древностей и литературы, академіи наукъ, художествъ, музыки и многихъ иностраннѣхъ ученыхъ обществъ. Его трагедія «Эрикъ XIV» имѣла прекрасный успѣхъ и переведена на Нѣмецкій, Англійскій и Датскій языка. Его опера «Ryno», для которой музыка составлена принцемъ Оскаромъ (нынѣ король),

имѣла также не маловажный успѣхъ. Эленишегеръ перевелъ на Нѣмецкій и Датскій языки его трагедіи: *Torkel*, *Knuston*, *Birger* и *Gustave Adolphe*. Достаточно славы переводчика — еслибы это было нужно — чтобы показать важность оригинальныхъ произведеній; такой человѣкъ, какъ Эленишегеръ, не позволялъ бы въ свое время знакомиться своимъ соотечественникамъ съ посредственнымъ произведеніями. Увѣичанный лаврами отъ многихъ академій, Бесковъ издалъ нѣсколько поэмъ; его «Воспоминанія о путешествіи въ Данію, Германію, Францію и Италию» были дважды изданы въ два года (1832—33.).

3) *Бьернстѣрна* (M. C. de Bjernstjerna), одинъ изъ вельможъ Шведскаго королевства, генераль-лейтенантъ и кавалеръ. Со времени кампаніи 1813 и 1814 г., Бьернстѣрна, въ-теченіе триадцати лѣтъ, былъ военнымъ министромъ, и не переставалъ теоретически и практически заниматься представительными формами Швеціи, ея системою налоговъ, ея финансами и системою оборотовъ. Въ 1839 году онъ издалъ политический и статистический очеркъ Британской имперіи въ Индіи,—сочиненіе, которое вскорѣ было переведено на многіе иностранные языки. Бьернстѣрна на конгрессѣ 1842 к. читалъ отрывокъ изъ обширнаго своего сочиненія: «*Indus*», въ которомъ утверждалъ, что земной рай, если можно такъ выразиться, или колыбель рода человѣческаго должна быть въ Сибири. По его мнѣнію, полярныя арктическія страны первоначальне составляли обширный континентъ, и, прежде образованія Нордкапа, эти страны имѣли благорастворенную температуру. Мало-по-малу повиженіе температуры заставило народонаселеніе отойти къ югу, которое такимъ образомъ перешло на возвышенную плоскость Азіи, откуда, будто-бы, предания всѣхъ народовъ стали распространяться по всему земному шару. Не вводя въ сужденіе объ этой произвольной теоріи, нельзя однако не удивляться, что политический человѣкъ, такъ серьезно занятый, каковъ Бьернстѣрна, находилъ довольно времени для ученыхъ изслѣдований.

4) *Гильдебрандтъ* (B. E. Hildebrandt), хранитель древностей, медалей и королевскихъ музеевъ, исторіографъ ордена Серафима, докторъ философіи, бывшій приватъ-доцентъ цумазматики въ Лундскомъ университѣтѣ, бензмѣнныи секретарь и членъ академіи исторіи, древностей и литературы. Гильдебрандтъ издалъ мемуаръ объ Англо-Саксонскихъ монетахъ и составилъ описание медалей и разныхъ, остатковъ древности, открытыхъ въ Скандинавіи.

5) *Груббе* (S. de Grubbe), бывшій министръ народнаго просвѣщенія и командоръ ордена Цециліи Звѣзды. Въ первые годы своей службы онъ былъ профессоромъ философіи въ Упсальскомъ университетѣ и членомъ академіи наукъ. Какъ авторъ многихъ сочиненій по философіи и политикѣ, онъ почитается однимъ изъ лучшихъ Шведскихъ писателей.

6) *Кронстрандъ* (B. Cronstrand), капитанъ въ королевскомъ штабѣ и въ корпусѣ инженеровъ, членъ академіи наукъ. Въ моло-дости въ немъ замѣчали такую способность къ прикладнымъ ма-тематическимъ наукамъ, что онъ былъ уполномоченъ управлять работами большой цитадели Карльсборга на озере Веттеръ въ устрой-ствѣ дитаделя (въ триста пушекъ) Куигельменъ, при входѣ въ портъ Карскроны. Онъ пробылъ тамъ до 1833 года, когда былъ посланъ въ чужіе земли для изученія разныхъ системъ мостовъ, для прохода войскъ во время кампаній. Для достиженія цѣли своей поѣздки, онъ посѣтилъ многія государствâ Европы, по-томъ отправился въ Нубію, Аравію, Малую-Азію, Турцію, Гре-цію и Египетъ, гдѣ оставался два года съ половиной, и гдѣ былъ опять въ 1841 году. Кроме мемуаровъ о разныхъ пред-метахъ, особенно о средствахъ къ укрѣщенію Стокгольма, ко-торымъ Шведское правительство было занято, Кронстрандъ написалъ разсужденіе на Французскомъ языке о Европейскихъ военныхъ портахъ. Замѣчательно его огромное сочиненіе объ ар-хитектурѣ Фараоновъ. Съ удовольствіемъ можно видѣть болѣе трехсотъ рисунковъ, начертанныхъ имъ въ Египтѣ, въ виду древнихъ памятниковъ.

7) *Поппій* (B. Poppius), докторъ правъ, бывшій членъ государ-ственнаго совѣта, президентъ коллегіи коммерціи, президентъ-ди-ректоръ академіи агрикультуры, членъ академіи наукъ. Поппій отличный юрисконсультъ; онъ много и съ успѣхомъ занимается коммерціею, агрикультурою и способомъ усовершенствованія шер-сти разныхъ породъ овецъ.

8) *Сталъ* (Ch. Stal), инженерный полковникъ, начальникъ школы въ Карльбергѣ, преподаватель въ высшемъ артиллерійскомъ училищѣ въ Маріебергѣ, членъ академіи военныхъ наукъ. Онъ изда-далъ пройденные имъ курсы какъ въ Маріебергѣ, такъ и въ Карльбергѣ, по архитектурѣ, топографіи и фортификаціи. Въ сбор-никахъ академіи военныхъ наукъ онъ помѣщалъ мемуары объ успѣхахъ фортификаціонного искусства.

9) **Форзель** Ch. de Forzell), бывшій адъютантъ Карла XIV, членъ академіи агрикультуры въ статистическомъ ея отдѣлениі. Онъ издалъ замѣчательную статистику Швеціи, вышедшую уже третьимъ изданіемъ и переведенную на многие языки. Статистическіе труды относительно Швеціи и другихъ странъ — постоянный предметъ его занятій. Кромѣ-того, онъ составилъ очень хорошую ландкарту Швеціи.

10) **Фареусъ** (O. E. de Fahraeus), членъ академіи наукъ, сотрудникъ «Synopsis insectorum», издававшейся въ Парижѣ подъ дирекцією Шенгера. Съ-тѣхъ-поръ, какъ государственный занятія его по министерству внутреннихъ дѣлъ нѣсколько уменьшились, онъ принялъся за энтомологію, которая составляеть любимый предметъ его занятій.

СЛАВ. А. САВАЛОВЪ.

ОБОЗРѦНИЕ КНИГЪ И ЖУРНАЛОВЪ.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ.

Изслѣдованіе о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ, соч.
Ив. Аксакова. Изд. на иждивеніи С. Петербургскаго купечества.
Спб. 1858 г. in 4° стр. 383.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

Болѣе или менѣе значительное раздѣленіе труда обусловливаетъ собою развитіе мѣны и составляетъ непремѣнную ея принадлежность; это истина, давно признанная наукой, освященная вѣковымъ опытомъ и не требующая дальнѣйшихъ доказательствъ въ настоящее время. Мѣна, какъ порожденіе этого раздѣленія занятій, является одновременно съ его проявленіемъ, раздѣленіе-же занятій замѣчается только тогда, когда народъ достигаетъ нѣкоторой степени своего промышленаго развитія и, покидая патріархальныя формы производства, вступаетъ въ болѣе совершенные способы отправленія своихъ хозяйственныхъ дѣлъ. Тогда наступаетъ, какъ слѣдствіе этого раздѣленія труда, мѣна продуктовъ и появляется торговля какъ внутренняя, такъ и виѣшняя. Торговля внутренняя, позволяя каждому отдельному лицу предаваться исключительнымъ и специальнымъ занятіямъ, ничѣмъ ненарушимымъ, даетъ ему возможность направлять болѣе производительно трудъ свой. Различія климата, почвы, естественныхъ произведеній, опредѣляющія характеръ промышленаго движенія стра-

ны, дѣлаютъ каждого производителя болѣе приспособленыемъ къ извѣстному роду занятія. Польза, доставляемая внутреннею торговлею одной данной мѣстности, чрезъ виѣшнюю торговлю распространяетъ вліяніе свое на многія страны. Различныя страны производятъ каждая извѣстный продуктъ, или иѣсколько ихъ, и безъ пособія виѣшней торговли, онѣ лишены былибы всѣхъ тѣхъ продуктовъ, въ производствѣ которыхъ мѣстная естественныя условія отказали имъ. При ея-же содѣйствіи страны этого послѣдняго рода получаютъ не только продукты, необходимые для удовлетворенія собственныхъ ихъ нуждъ, но, вывозя сырья произведенія чуждыихъ странъ и обрабатывая ихъ, онѣ приносятъ пользу не только себѣ, но, посредствомъ обратнаго вывоза изготовленного материала, — и тѣмъ странамъ, откуда первоначально полученъ послѣдний. Такимъ образомъ открывается, что торговля какъ внутренняя, такъ и виѣшняя, взаимно дополняющія одна другую, суть обильные источники народнаго богатства.

Но относительное значеніе и важность этихъ двухъ родовъ торговли не всѣми одинаково сознаются. Начиная съ Ад. Смита, экономисты, стремившіеся разрушить заблужденія меркантилизма, впали въ крайность и въ своихъ разсужденіяхъ о значеніи виѣшняго торга уменьшали заслуги его, въ то-же время значительно увеличивая преимущества внутренней торговли.

Когда всѣ считали богатство исключительно въ обладаніи драгоценными металлами, и для обогащенія народа стремились привлечь къ себѣ большее количество металлическихъ денегъ, публиксты и государственные люди устремили все вниманіе свое на виѣшнюю торговлю, или, лучше сказать, на одну часть ея — вывозъ произведеній. Ад. Смитъ и послѣдователи его съ удивительнымъ искусствомъ доказали ничтожество подобной теоріи и зло такого направленія. Они возстановили значеніе внутренней торговли, мало-понимаемое и недостаточно-опѣненное прежде. Но, увлекаемые жаромъ преній, они впали, въ иѣкоторомъ смыслѣ, въ противуположную крайность и уничижили значеніе международной мѣны. Современные экономисты старались согласить оба противуположныхъ направленія и признали, что, если въ своей совокупности и по-отношенію къ количеству и разнообразію предметовъ, внутренняя торговля большой страны имѣеть преимущество передъ торговлей виѣшней, тѣмъ не менѣшимъ значеніемъ и важностію пользуется послѣдняя: не говоря уже о различныхъ продук-

такъ, которыми она надѣляетъ страну, лишенную ихъ, она имѣть еще и то неоцѣнное достоинство, что предупреждаетъ или разрушаетъ монополіи, которыя-бы неизбѣжно возникли въ странѣ, лишенной всѣхъ внѣшнихъ сношеній.

Но, признавая вполнѣ справедливымъ вообще мнѣніе относительно одинаковой важности какъ внѣшняго, такъ и внутренняго торга, нельзя не согласиться въ частности съ мнѣніемъ Смита о нѣкоторыхъ преимуществахъ внутренней мѣны—преимуществахъ, раздѣляемыхъ лучшими представителями современныхъ экономическихъ знаній, въ томъ числѣ Кареемъ.

Преимущества эти выражаются главнѣйше въ трехъ положеніяхъ: 1) внутренняя торговля питаетъ, такъ-сказать, большее количество национального труда; 2) она дѣлаетъ его болѣе производительнымъ, наконецъ 3) во внутренней торговлѣ народъ болѣе самостоятеленъ на рынкѣ. Промышленность можетъ быть вполнѣ обеспечена относительно сбыта во всѣхъ мѣстахъ, внутренняго потребленія, между тѣмъ-какъ, при внѣшней торговлѣ, она часто подвергается стѣсненіямъ въ затрудненіяхъ въ другихъ странахъ.

Обратимъ внимание на эти положенія:

I. Ад. Смитъ, въ книжѣ 2, главѣ 5 своего знаменитаго: «Изслѣдованія о богатствѣ народномъ», такъ опредѣляетъ важность и значеніе первого положенія:

«Во всякой странѣ одинъ и тотъ-же капиталъ приводить въ дѣйствіе болѣе или менѣе значительное количество производительнаго труда и придаетъ большую или меньшую цѣнность продуктамъ земли и труда, смотря по различію пропорціи, въ которой онъ употребленъ въ земледѣлии, мануфактурахъ и торговлѣ.

Различіе это тоже чрезвычайно ощутительно по отношенію къ торговлѣ оптовой или розничной.

Капиталъ, служащій для покупки произведеній национальной промышленности въ одномъ пункѣ страны, для перепродажи ихъ на другомъ, представляетъ собою во всѣхъ operaціяхъ подобнаго рода два различные капитала. Когда берутъ изъ складовъ торговца известную цѣнность въ произведеніяхъ, то обыкновенно взамѣнъ ихъ возвращаютъ цѣнность продуктами другого рода, по-крайней-мѣрѣ равную первымъ. Когда эти оба товара суть произведенія национальной промышленности, то капиталъ замыщается во всѣхъ operaціяхъ подобнаго рода два различные капитала: употреблен-

ные на уплату производительного труда и на поддержку его въ дѣйствіи. Капиталъ, на который куплены и посланы въ Лондонъ произведения Шотландской промышленности и привезены въ Единбургъ хлѣбъ и другія произведения Англійскія, занимаетъ въ этой операциі мѣсто двухъ Англійскихъ капиталовъ, употребленныхъ въ земледѣліи и мануфактурахъ Великобританіи.

Капиталъ, употребленный на покупку произведеній иностраннѣхъ для внутренняго потребленія, когда эта покупка сдѣлана продуктами національной промышленности, представляетъ также два различные капитала, но только одинъ изъ нихъ служить для поддержанія отечественной промышленности. Капиталъ, на который покупаются и посылаются въ Португалію Англійскія произведенія и возвращаются произведенія Португальскія въ Англію, представляетъ только одинъ Англійскій капиталъ, другой есть капиталъ Португальскій. Поэтому-то какъ-бы ни были обороты внѣшней торговли быстры сравнительно съ внутренней, они могутъ только вполовину покровительствовать національной промышленности и питать національный трудъ, въ чемъ и заключается важное преимущество внутренней торговли, сравнительно съ внѣшнею.

II. Второе положеніе, касающееся производительности самого труда, не менѣе основательно. Всѣ операциі труда, какъ извѣстно, ограничиваются главнѣйше производствомъ сырого матеріала и его переработкой. Слѣдовательно, если, какъ полагается, внутренняя торговля содѣлываетъ трудъ болѣе производительнымъ, то слѣдствіемъ ея должны быть или увеличеніе производства самого сырого матеріала, или обработка большаго количества веществъ изъ данной суммы сырого матеріала.

Вопросъ, слѣдовательно, можетъ быть приведенъ къ тому: какая система дѣлаетъ болѣе производительнымъ производство сырого матеріала—та-ли, которая имѣеть цѣлью извлечение матеріаловъ въ видахъ непосредственнаго ихъ потребленія въ сосѣдствѣ самого производства, или та, которая производить изъ впдоръ отдаленного потребленія за границей? Достаточно обозначить взіяніе сосѣдства или отдаленности потребителей на сельское хозяйство, чтобы понять преимущество внутренней торговли. Эта тѣсная зависимость успѣховъ хозяйства отъ близости или отдаленности потребителей приводить насъ къ указанію на препятствія, которыхъ обнаруживаютъ свое дѣйствіе на ея преуспѣяніе. Главнѣйшее изъ

нихъ — разстояніе, отдѣляющее производителя отъ потребителя и имѣюще слѣдствіемъ расходы на передвиженіе. Торговля въ цивилизованныхъ обществахъ производится главнѣйшимъ образомъ между жителями городовъ и обитателями сель. Городъ представляеть рынокъ для сельскихъ произведеній, составляющихъ избытокъ мѣстного потребленія, на который жители деревень въ свою очередь вымѣниваютъ произведенія, имъ необходимыя. Городъ обыкновенно отстоитъ отъ деревни на извѣстное разстояніе, слѣдовательно издержки передвиженія должны составлять немаловажный элементъ цѣны продуктовъ. Хлѣбъ, напр. произрастающій на разстояніи 100 верстъ отъ города, продается на рынкѣ по той же цѣнѣ, по какой и хлѣбъ, привезенный изъ мѣстностей, отстоящихъ на 25 верстъ. Слѣдовательно собственникъ и землемѣлецъ, живущіе въ окрестностяхъ города, выигрываютъ въ цѣнѣ, по которой они продаютъ хлѣбъ, съ одной стороны всю цѣнность провоза произведенія, привезенного изъ дальнихъ мѣстностей, съ другой — цѣнность обратнаго вывоза купленнаго ими товара. Слѣдовательно цѣнность этого провоза прямо падаетъ на землемѣльца, живущаго въ отдаленіи, и содѣлываетъ трудъ его менѣе производительнымъ: ибо за одно и то-же количество труда, или результатъ его,—произведенія,—онъ получаетъ столько-же, сколько и другое лицо, но съ тою разницей, что онъ обязанъ уплатить значительныя издержки провоза, отъ которыхъ освобожденъ производитель, находящійся въ болѣе благопріятныхъ отношеніяхъ относительно мѣстности. Даѣте, при операціи мѣны этого производительного труда, или его произведеній, на другой трудъ или произведенія, ясно, что все, что можно приобрѣсти на него, это такое-же количество труда или произведеній; а такъ-какъ, съ другой стороны, ясно и то, что напр. хлѣбъ съ перемѣнной мѣста не приобрѣтаетъ большей питательности, и работникъ, потребляющій его въ отдаленой отъ производства мѣстности и поддерживающей имъ свои силы, не можетъ произвести болѣе, чѣмъ сколько-бы онъ произвелъ, потребляя равное количество хлѣба въ мѣстахъ близкихъ къ его производству, то изъ количества вымѣненнаго труда должны быть исключены издержки провоза; и убыль труда, или его цѣнности, произшедшая отъ обращенія части его на эти издержки передвиженія, составляетъ чистый убытокъ, уменьшающій сумму и давая возможность приобрѣсти на нее менѣшее количество другихъ произведеній или другаго труда.

Такимъ образомъ, кажется, нѣть необходимости въ дальнѣйшихъ доказательствахъ, что виѣшняя торговля, отвлекая трудъ отъ производства и обращая его на переводъ произведеній, влечетъ за собою положительную потерю, въ-сравненіи съ внутренней торговлей. Чѣмъ мѣняющіяся стороны будутъ ближе одна къ другой, тѣмъ количество товаровъ, доставляемыхъ на рынокъ, будетъ болѣе, и слѣдовательно общая сумма цѣнностей мѣны будетъ значительне, а эта послѣдняя цѣль исчерпываетъ собою всякую торговлю.

III. Наконецъ третье положеніе, о которомъ мы упоминали, касается большей *самостоятельности* народа во внутренней торговлѣ. Народъ можетъ легко обеспечить свою національную промышленность въ ея сбытѣ на всѣхъ рынкахъ, открываемыхъ внутреннимъ потребленіемъ, между-тѣмъ-какъ на рынкахъ иноzemныхъ онъ не всегда гарантированъ въ постоянномъ сбытѣ, который можетъ встрѣтить многоразличныя препятствія отъ разнообразныхъ причинъ, и въ-особенности отъ соперничества и за-претительныхъ пошлинъ. Исторія торговли представляетъ намъ убѣдительные примѣры тѣхъ усилий, съ которыми соединено было для многихъ государствъ открытие новыхъ рынковъ въ чужихъ земляхъ; стремленіе къ распространенію сбыта, къ расширению торговли сопровождалось нерѣдко кровопролитными войнами, вѣковой враждой, которыя, вмѣсто-того, чтобы соединять народы, ожесточали и разъединили ихъ.

Изъ всего сказанного можно прийти къ заключенію, что внутренняя торговля, въ-сравненіи съ виѣшней, имѣеть нѣкоторое преимущество для страны; изъ этого-то преимущества прямо открывается огромное значеніе и важность наибольшаго ея развитія для благосостоянія страны.

Къ-сожалѣнію, развитіе это слѣдуетъ довольно медленнымъ шагомъ, и прежде чѣмъ торговля внутренняя достигнетъ нѣкото-раго преуспѣянія, она долго совершается въ формахъ, свидѣтельствующихъ объ ея младенчествѣ и пребываетъ въ нихъ до-тѣхъ-поръ, пока благопріятныя обстоятельства не выведутъ ея изъ нихъ и не направятъ на путь, по которому она можетъ шествовать уже къ конечному своему развитію.

Патріархальныя и младенческія формы внутренней торговли суть ярмарки.

Ярмарки возникаютъ и поддерживаютъ свое существованіе: а)

только при слабомъ развитіи торговыхъ дѣлъ въ странѣ, когда спросъ и потребленіе товаровъ въ извѣстной мѣстности относительно-незначительны, и сѣдовательно не можетъ вполнѣ обеспечить сбыта ихъ, что и препятствуетъ установлению и поддержанию постоянныхъ торговыхъ сношеній. б) Это обстоятельство есть прямое слѣдствіе слабой населенности края и отсутствія промышленныхъ и торговыхъ центровъ или городовъ. с) Но третья и главная причина возникновенія ярмарокъ и отсутствія постоянныхъ коммерческихъ связей между отдаленными мѣстностями данного государства, есть отсутствие исправныхъ путей сообщеній, которое препятствуетъ поддержанію правильной и постоянной торговли, обращая ее только во временный периодическій привозъ товаровъ въ эти мѣстности. Это обстоятельство чрезвычайно значительно: ибо всѣмъ извѣстно, и мы выше видѣли, какую существенную роль въ продажной цѣнѣ продукта играютъ издержки провоза.

Ярмарки во внутренней торговлѣ страны представляютъ значительные невыгоды и утраты: а) онѣ причиняютъ большую потерю времени для передвиженія товаровъ, идущихъ часто изъ отдаленныхъ мѣстностей; б) эта отдаленность мѣсть сбыта отъ центровъ потребления, не говоря уже объ издержкахъ провоза, затрудняетъ быстрое обращеніе капиталовъ, и сѣдовательно неминуемо должна имѣть слѣдствіемъ возвышение процента, который, составляя элементъ торговой цѣны, естественно возвышаетъ ее. с) Издержки купцовъ и сѣдовательно невыгоды потребителей, увеличиваются кромѣ-того отъ ненужного и совершенно бесполезного при другихъ обстоятельствахъ торговли, ныма помѣщеній для храненія значительного количества товаровъ, ныма людей, наблюдающихъ за ними, и другихъ, мало-производительныхъ затратъ. д) Относительно выгода потребителей должно замѣтить и то, что при системѣ ярмарокъ потребители часто принуждены терпѣть остановку или подвергаться медленности въ удовлетвореніи своихъ потребностей, отъ неправильного хода ярмарочной торговли; тому-же самому часто подвергаются и производители при сбытѣ своихъ товаровъ. с) Наконецъ ярмарки причиняютъ значительные расходы и государству, вызывая огромныя издержки на ихъ устройство и содержаніе.

Не смотря на всѣ эти невыгоды ярмарочного торга, въ напіемъ отечествѣ почти вся внутренняя торговля исключительно

ограничивается ярмарками, и потому ся изучение естественно должно начаться съ изслѣдованія объ ярмаркахъ.

Еще въ 1847 г. Петербургское купечество пожертвовало 5,000 р. сер. Императорскому Русскому географическому обществу для изслѣдованія внутренней торговли Россіи, и географическое общество, согласно съ мнѣніемъ отдѣленія статистики, положило, по особо-начертанной имъ программѣ, собрать и подвергнуть ученой обработкѣ свѣдѣнія о главныхъ отрасляхъ внутренней торговли Россіи и въ то-же время, если окажется возможнымъ, произвести мѣстныя изслѣдованія въ главныхъ центрахъ ярмарочного движенія. Отправивъ особую экспедицію для изслѣдованія Украинскихъ ярмарокъ въ 1853 г., оно поручило главное начальство надъ ней дѣйствительному члену своему Ивану Аксакову. Результатомъ его трудовъ явилось изслѣдованіе объ Украинскихъ ярмаркахъ.

Прежде чѣмъ мы приступимъ къ обозрѣнію главнѣйшихъ выводовъ этого изслѣдованія, считаемъ нужнымъ сказать о состояніи нашихъ статистическихъ свѣдѣній, чтобы тѣмъ съ большею справедливостію оцѣнить всю громадность труда, предпринятаго и блестательно исполненаго почтѣннымъ излѣдователемъ.

Извѣстно, что всѣ вообще жалуются на сомнительность и невѣрность статистическихъ данныхъ, касающихся Россіи, и жалобы эти вполнѣ справедливы: ибо зная, какъ составляются у насъ статистическія данными официальнымъ путемъ, нельзя ни одно изъ нихъ принять на-вѣру, не подвергнувъ строгой критикѣ. Посему, при настоящемъ положеніи дѣла, собственныея изслѣдованія частныхъ лицъ, непосредственно произведенныя ими на мѣстѣ, должны заслуживать гораздо большаго вѣроятія, чѣмъ данные, полученные официальнымъ путемъ,—что составляетъ прямое противорѣчіе съ положеніемъ подобнаго дѣла въ другихъ государствахъ, гдѣ официальные факты составляютъ главнѣйший материалъ для ученой обработки. На недостатки этихъ свѣдѣній справедливо жалуется авторъ изслѣдованія: «Говорить-ли о тѣхъ трудностяхъ, замѣчаетъ онъ, съ которыми намъ приходилось бороться, при исполненіи возложенной на насъ задачи. Работа наша окончена, и теперь, въ виду пробудившихся всюду благихъ стремленіяхъ, мы не хотѣли возбуждать непрѣятныхъ воспоминанія о томъ, что, дай Богъ, скоро исчезнетъ само собою. Отсутствіе гласности, необходимость лжи, опасность правды, духовная разобщенность народа съ сословиемъ такъ-называемыми образованными, весь этотъ печаль-

ный порядокъ вещей, естественно породившій въ торговомъ классѣ скрытность, невѣжество, подозрительность, недовѣрчивость къ лицамъ дворянскаго и чиновническаго сословія, полагали намъ неимовѣрныя преграды, заставили насть испытать много тяжкихъ ощущеній». Или въ другомъ мѣстѣ прибавляетъ тотъ-же авторъ: «Нельзя не пожалѣть о томъ, что вѣдомости, доставляемыя полицію или ярмарочными комитетами обѣ оборотахъ каждой ярмарки въ министерство внутреннихъ дѣлъ, составляются такъ небрежно, исполнены такихъ грубыхъ ошибокъ, въ каждомъ ярмарочномъ пунктѣ пишутъ ихъ на свой ладъ и образецъ и оттого почти невозможно имъ сдѣлать общаго свода. Въ иной вѣдомости показываются отдельно сукна, шелковые и шерстяные матеріи, въ другой всѣ эти три товара соединены въ одну категорію, въ третьей вовсе не упоминается иной крупный товаръ, а означены только мелкие, привозъ которыхъ не достигаетъ цифры и одной тысячи рублей. Въ иной годъ, по забывчивости, или, лучше сказать, по естественному равнодушію квартального надзирателя, вовсе пропущены и некоторые товары, тогда-какъ они были на ярмаркѣ, да и въ вѣдомостяхъ прежнихъ лѣтъ показывались, или-же въ нынѣшнемъ году вдругъ придетъ ему въ голову поправить ошибки прежнихъ лѣтъ и включить товары дѣйствительно привозимые, но въ прежнихъ вѣдомостяхъ пропущенные. Квартальный надзиратель забылъ или вспомнилъ, а статистики ломаютъ себѣ голову и выводятъ заключеніе, что возникло требование на товаръ, котораго прежде и не привозилось, или въ торговыѣ замѣчается упадокъ, и т. п. ошибочные выводы».

Профессоръ Бабстъ, въ прекрасной статьѣ своей объ изслѣдованіи Аксакова (*«Атеней» № 37 и 38*), приводить одинъ примѣръ, совершившійся у него предъ глазами: «Въ ...ой губерніи исправникъ, во всѣхъ отношеніяхъ почтенный человѣкъ, говорить онъ, обращался слѣдующимъ нецеремоннымъ образомъ со статистикою: «Присыплють, говорить онъ, мнѣ подтвержденіе о доставленіи статистическихъ свѣдѣній обѣ уѣздѣ. Подождуть, не къ спѣху, думаю я. Присыплютъ недѣли черезъ двѣ еще посланіе, да и съ выговоромъ. Экъ, пристали. Были у меня на дому и лежали гдѣ-то въ бумагахъ донесеніе и статистическое свѣдѣніе обѣ уѣздѣ смежномъ, гдѣ я былъ три года исправникомъ. Отыскаль, перемѣнилъ какъ на умъ забрело цифры, да и отослаль. Чтѣ-же—сопью? А вы думали иѣть; вѣдь это такъ только для проформы».

Съ такими-то цифрами, съ такими-то свѣдѣніями приходится бороться статистику и изъ нихъ дѣлать свои заключенія. Понятъ трудъ и тяжкія ощущенія добросовѣстнаго человѣка, вполнѣ уважающаго науку и честно служащаго ей. Съ другой стороны, изъ всего сказаннаго дѣлаются вполнѣ ясны различные выводы, какіе получаются изъ офиціальныхъ свѣдѣній и собственныхъ изысканій. Разницу эту относительно оборотовъ Украинскихъ ярмарокъ представляетъ и трудъ г. Аксакова. По офиціальнымъ свѣдѣніямъ въ 1854 году на 11 главныхъ Украинскихъ ярмарокъ было привезено товаровъ на 59,290,172 руб. сер., продано на 32,402,433 руб.; по исчисленію же г. Аксакова, основанному на личныхъ изысканіяхъ, въ томъ-же году всѣхъ товаровъ было привезено на 127,750,000 руб., продано на 80,750,000. И замѣтимъ, что такая значительная разница произошла не отъ введенія въ счетъ какихъ-нибудь другихъ товаровъ или ярмарокъ, небывшихъ прежде въ счету, но г. Аксаковъ именно считалъ только 11 оптовыхъ ярмарокъ, о которыхъ имѣются офиціальные свѣдѣнія. Объясненіе этой разницы очень просто.

Русское географическое общество, поручивъ почтенному члену своему изслѣдованіе Украинской ярмарочной торговли, нашло въ немъ, по замѣчанію профессора Бабста, всѣ необходимыя качества для совершенія такого труда: тонкую наблюдательность, обширное и глубокое историческое образованіе, знаніе Россіи и, главное, ту теплую любовь къ народу, то глубокое сочувствіе къ его потребностямъ, благодаря которымъ только и можно нарисовать столь живую, исполненную величайшаго интереса картину торгового движения Украины.

Вслѣдствіе этихъ-то неопытненныхъ для статистика качествъ, г. Аксаковъ собиралъ свѣдѣнія съ величайшимъ усердіемъ и добросовѣстностію и вполнѣ уважая науку и сочувствуя ей, старался по-возможности достигнуть истины, о которой составители офиціальныхъ свѣдѣній очень мало думали и заботились. Конечно, и данные, приведенные въ книгѣ г. Аксакова, какъ онъ самъ сознается, недостигаютъ еще желаннаго идеала полной вѣрности; его встрѣтило то-же нерасположеніе торгующаго класса, то-же недовѣріе народа, который препятствовалъ вѣрности офиціальныхъ показаній; но силою своего старанія и знанія дѣла, онъ успѣлъ въ значительной степени преодолѣть эти трудности, и цифры, приведенные имъ, представляютъ несравненно большую достовѣрность,

чѣмъ данныхя официаъльныя. Онъ нашелъ иѣсколько просвѣщен-
ыхъ и добросовѣстныхъ торговцевъ, которые сами собирали и
сообщали автору статистическія свѣдѣнія, уже неимѣющія того
характера официаъльности, который препятствовалъ имъ прибли-
жаться къ истинѣ. По всѣмъ этиимъ причинамъ, изслѣдованіе г.
Аксакова заслуживаетъ самого полнаго и совершенного вниманія
всѣхъ интересующихся отечественной торговлей, и потому мы
теперь намѣрены представить главиѣшія данныя, въ немъ заклю-
чающіяся.

Все изслѣдованіе г. Аксакова раздѣляется на три части: первую часть составляетъ введеніе, въ которомъ авторъ знакомить читателей съ общимъ видомъ Украинской ярмарочной мѣстности и всей той среды, где совершается описываемое торговое движение, съ характеромъ главныхъ дѣятелей и съ тѣми особенностями, которыя составляютъ существенное отличіе Украинскихъ ярма-
рокъ отъ Великороссийскихъ; 1-я часть заключаетъ въ себѣ описаніе каждого ярмарочного пункта и каждой ярмарки въ отдѣльности, и вторая представляетъ очеркъ торговли каждымъ значительнымъ товаромъ, такъ-сказать монографію товаровъ, ихъ тор-
говую судьбу и странствованія по всѣмъ ярмарочнымъ мытар-
ствамъ Украины.

Имѣя въ виду, что *введеніе* составляетъ важную часть труда почтеннаго автора, мы намѣрены посвятить настоящую статью исключительно обозрѣнію данныхъ, въ немъ заключающихся.

Подъ именемъ Украинскихъ ярмарокъ разумѣется цѣль гур-
товыхъ или оптовыхъ ярмарокъ на Украинѣ, смыкающихся одна
другую въ-течение года, принадлежащихъ къ одной системѣ и по-
сѣщаемыхъ, за немногими исключеніями, одними и тѣми-же торгов-
цами. Это ярмарки: Крещенская, Успенская и Покровская въ Харь-
ковѣ, Ильинская въ Полтавѣ, Маслянская и Вознесенская въ Ромнѣ,
Полтавской губерніи, Коренная въ Коренной пустынѣ Курской
губерніи, Крестовоздвиженская въ Кролевцѣ, Черниговской, Вве-
денская, въ Сумахъ, Харьковской, и Георгіевская въ Елисаветградѣ,
Херсонской губерніи. Къ Украинскимъ ярмаркамъ должно от-
нести, по связи съ ярмаркою Ильинскою, Троицкую шерстяную
ярмарку въ Харьковѣ:

Прежде всего г. Аксаковъ дѣлаетъ краткій очеркъ историче-
ской судьбы Малороссіи, дабы понять тѣ особенности, чрезвычай-
но характеристическія, которыя отличаютъ Украинскую торгов-

лю и ярмарки отъ торговли и ярмарокъ Великороссійскихъ. Малороссія, почти два вѣка сряду отбиваясь, то отъ набѣговъ Татарь, то отъ пошеченій Ляховъ, не имѣла времени заняться своимъ внутреннимъ устройствомъ и вся распалась на два сословія: на воителей и на пахарей, на казачество и на посольство.

Когда Хмельницкій окончательно расторгнулъ союзъ съ Польшой, опасность миновалаась, но съ нею окончилось и призвание къ самобытной исторической дѣятельности и славное казачество теряло всякий живой, практический смыслъ, всякое законное право на историческое существование; и какъ всегда бываетъ съ отжившимъ историческимъ явленіемъ, казачество подверглось внутреннему разложению, обратилось во вредъ родной странѣ и обагрило ее кровью.

Въ Малороссіи городского населенія почти не существовало. Не смотря на привилегіи Польскихъ королей, населеніе столпилось не въ города, а въ мѣстечки, которыя и теперь населеніе большей части городовъ, такъ-что въ Малороссіи городовой, самобытной дѣятельности не было, даже и нѣть въ настоящее время, такъ-что города въ Малороссії устроются и возникаютъ только теперь, населенные Великороссійскими купцами. Почему-же съ прекращеніемъ браней и промышленность и торговля не возникли въ Малороссії? Многіе объясняютъ эту безжизненность городовъ, это отсутствие дѣятельного посредствующаго сословія между производителемъ и потребителемъ Малороссійской земли, происходящую отъ условій мѣстности, почвы и климата. Нѣть сомнѣнія, что всѣ условия мѣстности отражаются и въ характерѣ народа; но тѣ-же аналогіческія условія почвы и климата дѣствуютъ и въ другихъ странахъ, однако жители ихъ не подвергаются упреку въ земли. Лѣнивъ или нѣть Малороссъ отъ природы, рѣшить трудно, но нѣть сомнѣнія, что онъ какъ-будто лѣнится, что онъ какъ-будто отдыхаетъ отъ совершенного подвига. Такъ-какъ мы сказали, что городовъ въ Малороссії не было, казачество разсыпалось по селамъ, хуторамъ, мѣстечкамъ, и предалось мирнымъ сельскимъ занятіямъ, то казакъ не сталъ купцомъ, торговля его ограничилась продажею сельскихъ произведеній,—добычи собственныхъ трудовъ, собственной жатвы, ручного домашняго ремесла. Понятно, что при такомъ положеніи дѣль, при такомъ слабомъ значеніи городовыхъ центровъ и купеческаго промысла, сельскія ярмарки должны были получить для народонаселенія особую важность. Дѣя-

ствительно, нигдѣ ихъ нѣтъ въ такомъ множествѣ, какъ въ Малороссіи. По официальнымъ даннымъ первыя два мѣста по числу ярмарокъ во всей Россіи принадлежать Харьковской и Полтавской губерніямъ, изъ которыхъ въ одной 425, а въ другой 372 ярмарки городскія и сельскія, тогда-какъ во Владимірской губерніи ихъ только 9. Но не только числомъ ярмарокъ разнится Малороссія отъ Великороссіи; самый характеръ ярмарокъ совершенно отличенъ. Малороссійская сельская ярмарка стоитъ на мѣстѣ цѣлую недѣлю или двѣ, и возобновляется на одномъ и томъ-же пункте до 6-ти разъ въ годъ, переходя въ промежуточное время въ другія мѣста, такъ-что ярмарки образуютъ тысячи маленькихъ ярмарочныхъ округовъ. Тотъ-же характеръ переносится и на оптовыя ярмарки, такъ напр. въ Харьковѣ 4 ярмарки и каждая изъ нихъ продолжается около мѣсяца.

Ярмарка, которая беретъ 4 или три мѣсяца въ году съ одними и тѣми-же купцами и товарами въ одномъ и томъ-же пунктахъ, не можетъ называться ярмаркою въ общепринятомъ смыслѣ: и сельскія и городскія ярмарки въ Украинѣ носятъ *характеръ подвижного ходячаго рынка*, вращающагося цѣлый годъ по своему округу. Разумѣется, подобное явленіе, которымъ воспользовались и Великорусские торговцы и Евреи, въ сильной степени способствовало развитію въ Малороссахъ привычки къ лѣни и медлениости, въ свою очередь поддерживающихъ это явленіе и доказывая.

Въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть удобнѣе: сидѣть дома, зная, что не замедлитъ появиться ярмарка съ купцами, которые, и привезутъ товары и купятъ товары. Между-тѣмъ Малороссія не нуждалась въ лѣсѣ, стеклѣ, желѣзныхъ орудіяхъ и въ другихъ предметахъ, которыхъ Малороссія не производила и которые, при отсутствіи фабрикъ и заводовъ, она могла получать только изъ Россіи и Польши. Съ другой стороны она сама была богата сырьевыми произведеніями, въ которыхъ нуждалась ея сосѣди. Но не приготовленный къ торговой суетливой дѣятельности, чуждый гражданского устройства съвера, Малороссіянинъ не только прежде, но даже и теперь неѣздить самъ съ товарами и за товарами въ Великую Русь, никогда не ходить на заработки въ съверные губерніи и если необходимость заставляетъ иногда его двинуться съ мѣста, то онъ идетъ только на югъ. Поэтому Великорусские промышленники не стали дожидаться требованій со стороны Мало-

росса, а самъ явились къ нему, такъ-сказать, на домъ, соблазняя его товароиъ, избавляя его отъ хлопотъ перевозки, навязывая ему товаръ въ безсрочный кредитъ. Поэтому тысячи Русскихъ ходебщиковъ, Владиворской, Орловской и Черниговской губерній, спустились на Украину и оживили ея сельскія ярмарки. Этотъ мирный промышленный набѣгъ, это постоянное вторженіе дѣятельной, живой, Великороссійской стихіи, не только продолжается и понынѣ, но еще усиливается, съ тою разницей, что бродячее Великороссійское племя наконецъ осѣдаетъ. Такимъ образомъ вездѣ въ Малороссіи ворочаютъ торговлею фундаментальною Великорусскими купцы, а мелочю—Евреи. Но, конечно, между этимъ огромнымъ числомъ Русскихъ купцовъ есть незначительная доля и Малороссійскихъ; потому не лишнимъ считаемъ привести мастерскую характеристику автора объ этихъ двухъ родахъ торговцевъ.

1) Въ Малороссіи нѣтъ такого рѣзкаго раздѣленія сословій по занятіямъ, какъ въ Россіи; тамъ небогатый панъ, казакъ-хуторянинъ, гильдейскій купецъ, мѣщанинъ — всѣ живутъ на одинъ ладъ, однимъ образомъ жизни, подходить подъ одинъ общий уровень образования. У насть быть купеческій, соприкасаясь съ высшими классами общества и въ то же время близкій народу, отлился въ особую, своеобразную форму, которой нѣтъ въ Малороссіи.

2) Великорусскій купецъ соединяетъ въ себѣ страннымъ образомъ любовь къ подвижности съ любовью къ осѣдлости. Доходы свои онъ пускаетъ въ обороты, напр. онъ охотникъ строить дома, преимущественно каменные, тогда-какъ Малороссы, даже получающіе хорошие доходы, довольствуются своими свѣтлыми хатами, домиками деревянными или слѣпленными изъ хвороста. Русскіе купцы, если только позволяютъ средства, стараются въ мѣстахъ торговли обзавестись каменными лавками или покрыть желѣзомъ деревянныя. Замѣчательное обстоятельство: въ г. Локвицѣ (Полт. губ.) стоитъ небольшой деревянный гостинный дворъ, который поражаетъ каждого проѣзжаго своею крышею; въ одинъ и томъ-же ряду нѣсколько лавокъ, принадлежащихъ Русскимъ торговцамъ, крыты желѣзомъ, лавки-же Малороссійскихъ купцевъ — крыты деревомъ, такъ-что желѣзо кажется заплатою на деревянной крыше. Всѣдѣствіе сего нѣтъ вичего печальнѣе вида настоящихъ Малороссійскихъ городовъ: Кролевецъ, въ которомъ 200 лѣтъ производится постоянный богатый ярмарочный торгъ, жалкая деревня въ-сравненіи съ какимъ-нибудь

Нѣжиномъ и Путивлемъ, отстоящими не далѣе 50 верстъ; но Путивль городъ Великороссійскій, а Нѣжинъ обстроенъ Греками.

3) Третье существенное различие между Великорусскимъ и Малороссійскимъ купцомъ заключается въ самомъ способѣ торговли. Малороссіянинъ никогда почти не торгуется, а держится при продажѣ одной опредѣлительной цѣны, тогда-какъ извѣстна страсть Русского купца запрашивать и торговаться. Малороссіянинъ никогда не кредитуетъ, кромѣ рѣдкихъ исключений, тогда-какъ вся Русская торговля основана на самомъ дерзкомъ, безумномъ кредитѣ, на самомъ отчаянномъ рискѣ.

Сдѣлавъ очеркъ характера Украинской торговли и познакомивъ читателей съ главными ея дѣятельными, который мы старались представить въ самыхъ главныхъ и крупныхъ чертахъ, опустивъ всѣ, въ высшей степени интересные подробности, авторъ переходитъ къ историческому обзору прежней ярмарочной системы и объясняетъ, какимъ образомъ перешла она въ систему настоящаго времени. Не имѣя возможности вполнѣ приводить изслѣдованіе, ограничившимся краткими указаніями на измѣненія, послѣдовавшія въ исторической судьбѣ Украины. Въ то время, когда Малороссія была дѣйствительной Украиной, т. е. пограничною страною, когда Россія не имѣла портовъ ни въ Балтійскомъ, ни въ Черномъ, ни въ Азовскомъ морѣ, вся торговля Россіи съ чужими краями производилась, кромѣ Архангельска, чрезъ Украину и чрезъ Польшу. Понятно, что вся торговая дѣятельность стекалась къ границамъ и пограничныя ярмарки имѣли особое значеніе. Этими ярмарками славились тогда Кролевецъ, Ромны и Нѣжинъ. Въ Нѣжинѣ были ярмарки: Всеядная и Покровская, въ Кролевѣ — Крестовоздвиженская, въ Ромнахъ — Вознесенская и Ильинская, въ Курскѣ — Коренная, въ Сумахъ — Сборная и Введенская.

Но съ послѣднимъ раздѣломъ Польши, а потомъ съ присоединенiemъ Бессарабіи Русская сухопутная граница отодвинулась: усиленіе Американской и Англійской мануфактурной дѣятельности и распространившееся употребленіе бумажныхъ тканей ослабила дѣятельность Германскихъ мануфактуръ; Петербургъ, Рига, Одесса перетянули всю внѣшнюю торговлю Россіи; Новороссійскій край населился, въ который переходило торговое Великорусское племя. Все это сильно подѣствовало на Украинскую ярмарочную торговлю: Малороссія перестала быть Украиной и сдѣлалась серединною землею между Великою и Новою Россіею; открылся новый рынокъ

для сбыта Русскихъ товаровъ, новый обильный рудникъ сырыхъ произведеній. Въ виду такого богатаго рынка, какимъ явился Но-вороцкій край, торговая ярмарочная дѣятельность должна бы-ла подвигаться ближе къ югу. Харьковъ стала усиливаться, Харь-ковскія ярмарки пересилили всѣ прочія. Кажется, въ это время По-кровская ярмарка въ Нѣжинѣ уничтожилась, и мѣсто ея заняла Покровская въ Харьковѣ. Несравненно больший еще переворотъ произвелъ тарифъ 1822 г. Этотъ знаменитый тарифъ произвелъ страшный переворотъ въ промышленномъ быту. Московская, Вла-димирская и Костромская губерніи образовали цѣлый мануфактур-ный округъ; пѣлое народонаселеніе получило иное фабричное на-правление, сотни тысячъ рукъ пришли въ движеніе и фабрики вы-брасывали ежегодно массы произведеній, требовавшихъ сбыта. Украина и Новороссийскій край представились готовыми обшир-нымъ рынкомъ, на него устремились взоры промышленниковъ и вся прежняя система Украинскихъ ярмарокъ замѣшалась. Значе-ніе ярмарочныхъ пунктовъ перестановилось. Города и ярмарки, нѣкогда сильные торговлею иностранными товарами (Курскъ, Нѣ-жинъ, Коренная, Всеядная) значительно упали; напротивъ того быстро усилились тѣ ярмарки, которыхъ были ближе къ новому рынку. Главными господствующими товарами стали красные или Русские мануфактурные товары. Они дали смыслъ, жизнь и на-правление всей ярмарочной торговлѣ: ярмарки получили значеніе не по отпуску мѣстныхъ сырыхъ произведеній, а по привозу то-варовъ съ сѣвера. Первостатейными ярмарками стали: заміяя Кре-щенская и лѣтняя Ильинская. Сбыть на всѣхъ этихъ ярмаркахъ Русскихъ мануфактурныхъ произведеній простирался на сумму 22 мільйоновъ, составляя около $\frac{1}{2}$, стоимости производства всѣхъ Русскихъ мануфактурныхъ произведеній и превышая вдвое сбыть красныхъ товаровъ на Нижегородской ярмаркѣ. Такой харак-теръ получили и имѣютъ въ настоящее время Украинскія ярмар-ки. Прослѣдимъ теперь за движениемъ каравановъ и торговцевъ, совершающихъ свой ежегодный круговой путь по ярмаркамъ.

Путь начинается съ Введенской ярмарки въ Сумахъ, отстоя-щей отъ Москвы въ 647, отъ Харькова въ 170 верстахъ. Офи-циальные сроки ярмарки отъ 21 ноября до 6 декабря. Товары, идущіе изъ Москвы, на Крещенскую ярмарку въ Харьковъ, за-ѣзжаютъ сюда по дорогѣ, но ярмарка эта постоянно падаетъ и, вѣроятно, скоро совсѣмъ исчезнетъ. Съ Введенской ярмарки това-

ры идутъ въ Харьковъ, на Крещенскую ярмарку, которая начинается 6 января и продолжается иѣсяцъ. Крещенская — самая сильная изъ всѣхъ ярмарокъ: до 100 тысячъ подводъ, фуръ, возъ, саней привозятъ разнообразные товары со всѣхъ концовъ Россіи. По окончаніи Крещенской ярмарки, товары снова укладываются и длинная вереница обозовъ выступаетъ по направлению къ Ромнамъ на Маслянскую ярмарку, официальные сроки которой съ 17 по 24 февраля. Отторговавъ на Маслянской, купцы разѣзжаются по домамъ, оставляя часть товаровъ въ Ромнахъ до Вознесенской ярмарки. Нѣкоторые посылаютъ товары заранѣе въ Елисаветградъ, для Георгіевской ярмарки (21 апрѣля). Эта послѣдняя ярмарка возникла лѣтъ 25 тому назадъ; она и теперь не имѣть большой важности и слабѣе всѣхъ прочихъ. Съ Елисаветградской ярмарки остатки товаровъ везутся частію въ Харьковъ, а частію въ Ромны, на Вознесенскую ярмарку, которая продолжается не болѣе 10 дней. Съ этой ярмарки купцы торопятся кто въ Курень на Коренную, кто въ Харьковъ на Троицкую. Троицкая ярмарка, не смотря на свое название, имѣть определенный срокъ 1 іюля. Эта ярмарка исключительно шерстяная. Коренная ярмарка начинается обыкновенно въ 9-ю пятницу послѣ пасхи и считается у купцовъ юрячею ярмаркою, т. е. разыгрывается въ нѣсколько дней. Со времени тарифа 1822 г. Коренная ярмарка потеряла свое значеніе и уступила мѣсто Харьковскимъ ярмаркамъ, какъ болѣе цѣннымъ, близкимъ къ Новороссійскому рынку. Съ Коренной ярмарки товары спѣшатъ на обширный торгъ — на Ильинскую ярмарку въ Полтавѣ, переведенную сюда въ 1852 г. изъ г. Ромны, съ цѣлью поднять, оживить губернскій городъ Полтаву. Она начинается 20 іюля и продолжается до 1 августа. Съ Ильинской ярмарки купцы идутъ въ Харьковъ на Успенскую. Срокъ Успенской ярмарки совпадаетъ съ послѣднимъ осеннимъ походомъ чумаковъ въ Крымъ за солью, куда они їдуть порожнякомъ и слѣдовательно берутъ товары за весьма дешевую цѣну для доставки въ Одессу, Бессарабію и проч. Отторговавъ на Успенской ярмаркѣ, купцы вновь нагружаютъ возы и отправляются въ Кролевецъ на Крестовоздвиженскую ярмарку. Кролевецъ — это крайній ярмарочный пунктъ на западѣ, граничащий съ другою съверозападною системою торговли. Послѣ Кролевской ярмарки товары свозятся снова въ Харьковъ на Покровскую ярмарку, которая, начинаясь нѣсколько позже 1 октября, стоитъ цѣлый иѣсяцъ.

Итакъ вотъ 11 или вѣрнѣе сказатьъ 10 ярмарокъ, составляющихъ одинъ кругъ, одинъ поясъ, обхватывающій Украину. Ярмарочные пункты, стоящіе на краю этого пояса: Кролевецъ, самый крайній сѣверозападный; Курскъ или Коренная — сѣверо-восточный; Харьковъ — юго-восточный; Полтава — южный. Такимъ образомъ Сумы и Ромны находятся внутри предѣловъ ярмарочнаго круга. Изъ этого краткаго обозрѣнія движенія Украинскаго рынка читатель видѣть всю невыгоду, все несовершенство ярмарочной системы торговли: сколько труда, сколько времени, сколько ломки, порчи товаровъ причиняетъ это годовое движеніе и сколько следовательно влечетъ оно за собой напрасныхъ тратъ и убытковъ. Одинъ перѣездъ отъ одного ярмарочнаго пункта до другаго въ-течение года составляетъ 2,405 верстъ. Выше мы замѣтили, что вся система Украинскихъ ярмарокъ можетъ правильнѣе называться подвижнымъ рынкомъ. Въ настоящемъ случаѣ представляются прямыя тому доказательства. Площадь, занимаемая ярмарочнымъ кругомъ, такъ тѣсна, что эти 10 ярмарокъ составляютъ какъ-бы одинъ непрерывный торгъ, обходящій поочереди 6 ярмарочныхъ рынковъ. Въ этой ярмарочной торговлѣ замѣчается стремленіе сократить по-возможности число переходовъ, стать въ нѣкоторомъ смыслѣ осѣдлою. Оттого и возникаетъ въ одномъ и томъ-же пунктѣ по нѣсколько ярмарокъ: въ Харьковѣ — три, и даже четыре, въ Ромнахъ двѣ, а было три, въ Сумахъ было двѣ.

Посмотримъ, да же на движеніе товаровъ изъ разныхъ пунктовъ обширной Россіи къ ярмарочнымъ пунктамъ. Это обозрѣніе поможетъ намъ оцѣнить то вліяніе, которое оказываютъ Украинскія торжища на производительность многихъ мѣстностей нашего отечества и на зависимость ихъ отъ движенія Малороссійскихъ ярмарокъ. Съ сѣвера и съ сѣверо-востока явлются главными вкладчиками Украинскихъ ярмарокъ Москва, Московская, Владимірская и Костромская губерніи, вообще мануфактурный округъ, присылающей сюда бумажныя, шелковыя, шерстяныя и льняныя издѣлія. Сверхъ-того изъ Москвы и чрезъ посредство Москвы привозятся: глиняная и фарфоровая посуда, мяча, золотыя и серебряныя вѣщи и проч., изъ Нижегородской губерніи жезло и желѣзныя издѣлія, изъ Курской губерніи выдѣланныя кожи, свѣчи, писчая бумага, ленъ, воскъ и проч., изъ Орловской губерніи — чугунныя издѣлія, стеклянная посуда, мочаль-

ный товаръ и др., съ сѣверо-запада: изъ Смоленской губерніи—стеклянная посуда, изъ Черниговской—фарфоръ, глиняная посуда, изъ Риги—ткани и сукна, изъ Царства Польскаго—сукна, шерстяныя матеріи и галантерейный товаръ; съ юго-запада—изъ Бессарабіи вина, слизы, орѣхъ, изъ Одессы—бакалейные товары, иностранныя вина, изъ Крыма—фрукты, изъ Таврической, Екатеринославской и Херсонской губерній—шкуры, шерсть и юшади; съ юго-востока: изъ Азовскаго поморья—рыба, съ Дону—тоже рыба, изъ Кизиляра и Моздока—вино и чихирь, изъ Астраханіи—рыбий клей и др.; съ востока изъ Воронежской губерніи—медь, воскъ, анись и проч.

Сама-же тѣсная площадь, на которой кружится ярмарочный торгъ, доставляетъ шпанскую шерсть, сырья кожи, сахаръ, са-харный песокъ, табакъ, воскъ, медь и проч.

Всѣ эти разнообразные товары, доставляемые изъ различныхъ мѣстъ Россіи, сбываются въ слѣдующіе пункты. Мѣстомъ главнаго сбыта товаровъ, привозимыхъ на Украину изъ Россіи, служатъ губерніи: Харьковская, Полтавская, Екатеринославская, Херсонская, Азовское прибрежье, даже до Кавказской линіи, вообще же южная часть Россіи; на востокъ сбыть ограничивается Дономъ и нѣкоторыми уѣздами Воронежской губерніи. Товары, идущіе съ юга и запада, отправляются съ Украинскихъ ярмарокъ въ Россію, большую частію на сѣверъ и въ Ригу, немногіе товары въ Москву и къ Нижнему-Новгороду.

Изъ этого обозрѣнія видно, какой правильный и согласный съ мѣстными требованіями обмѣнъ происходитъ посредствомъ ярмарокъ между отдаленными частями обширной Россіи, какъ естественно восполняются недостатки одного края избытками другаго, какая мѣна труда и услугъ происходитъ посредствомъ внутренней торговли, помощію которой, какъ замѣчено выше, только можетъ происходить правильное раздѣленіе занятій, обусловливающее собою большую степень производительности и взаимно содѣйствующее болѣе совершенному удовлетворенію потребностей.

Изъ этого краткаго перечня движенія Украинской торговли можно вывести слѣдующія положенія:

а) Привозъ товаровъ изъ Россіи на ярмарки превышаетъ вывозъ товаровъ съ ярмарокъ въ Россію.

б) Деятельность ярмарочная и сбытъ товаровъ преимущественно направлены къ югу и юго-западу, доходя до крайнихъ предѣ-

ловъ Бессарабіи и напротивъ почти вовсе не простираются на востокъ.

Изъ этихъ положеній слѣдуетъ, что Украинскія ярмарки имѣютъ особое значеніе, какъ было показано выше, для юга Россіи и служатъ посредницами между имѣемъ и сѣверомъ Россіи.

Сѣверъ посыпаетъ туда свои произведения и получаетъ оттуда южные продукты, хотя вѣ въ столь значительной степени, въ какой снабжаетъ полуденные края.

Надо удивляться, повторяемъ, этому правильному естественному течению торговыхъ дѣлъ, какъ-будто устроенному по самой строгой, напередъ обдуманной системѣ. Между-тѣмъ, все это совершилось путемъ естественнымъ, въ силу вѣчныхъ, неизмѣнныхъ законовъ, управляющихъ дѣйствіями человѣка. Эти-то неизмѣнныя, установленные самимъ Промысломъ законы и служатъ для выводовъ науки, для построенія теорій, которыя, какъ доказываетъ настоящій случай и много ему подобныхъ, по этому самому, если онъ основаны на дѣйствительныхъ фактахъ, и не могутъ быть ложны, не составляютъ порождения фантазіи мыслителей, а суть непосредственное выраженіе, вѣрная картина явлений, совершающихся въ природѣ. На этомъ основаніи статистика, сть такимъ рѣдкимъ искусствомъ представленная, какъ настоящій трудъ, можетъ служить самимъ лучшимъ и надежнѣйшимъ материаломъ для конечныхъ выводовъ политической экономіи. Повторяемъ, труды подобные тому, о которыхъ мы имѣемъ счастіе бесѣдовать съ читателями, вносятъ обильную дань въ сокровищницу науки и творцы ихъ заслуживаютъ самую полную, самую искреннюю признательность всѣхъ друзей ея.

Но будемъ продолжать наше изложеніе, и приведемъ прекрасные замѣчанія автора о продавцахъ и покупателяхъ.

Почти всѣ Московскіе купцы, а также заводчики, продающіе товаръ изъ первыхъ рукъ (объ этой особенности Украинской торговли мы скажемъ ниже), могутъ быть названы только продавцами въ томъ смыслѣ, что они ничего на ярмаркахъ не покупаютъ. Строго нельзя допустить и раздѣленія торговцевъ на фабрикантовъ или заводчиковъ и на купцовъ, на продающихъ товары изъ первыхъ или изъ вторыхъ рукъ. Точно также и оптовые торговцы доводятъ свою торговлю часто до такого ничтожества, что она совершенно обращается въ различную. При разсмотрѣніи официальныхъ данныхъ, должно всегда имѣть въ виду, что назва-

ніе города, къ которому принадлежить купецъ, часто не имѣть никакой связи съ его торговлею. Такъ напр. въ спискахъ официальныхъ значатся «Бердянские купцы, Ейские купцы»; а на дѣлѣ выходитъ, что ни Бердянскій, ни Ейскій купецъ никогда въ глаза не видали этихъ городовъ. Такъ-какъ Бердянскъ и Ейскъ привилегированные города, приписавшіеся къ которымъ скорѣе достигаютъ званія почетного гражданства, то многіе Великороссійские купцы увлекаются такою выгодою и приписываются къ нимъ. Названія, присвоенныя обычаемъ въкоторымъ товарамъ, также могутъ ввести въ заблужденія. Напр. на каждой ярмаркѣ видѣть рядъ якоиъ, подъ названіемъ Суздальскаго ряда. Почти всѣ Великоруссійские купцы, торгующіе бумажными товарами, называются Суздальскими; а въ частности это название присвоивается товарамъ Владимирской губерніи, между-тѣмъ-какъ изъ Суздаля врѣзжаютъ только 2 купца. Не есть-ли этотъ обычай отголосокъ дальней старины, когда весь край извѣстенъ былъ народу подъ именемъ славнаго «Суздая». Въ изслѣдованіи г. Аксакова приведено много подобныхъ тонкихъ замѣчаній о характерѣ и обычаяхъ Украинскаго торга, и обрисовываются живыми красками Малороссійские торговцы. Мы сожалѣемъ, что мѣсто не позволяетъ намъ долѣ останавливаться на этихъ интересныхъ частностяхъ, напр. на описаніи прасольского промысла, составляющаго замѣчательную черту Русской торговли.

Перейдемъ къ характеристикѣ покупателей.

1) *Городовой покупатель* (слово, принятое въ торговлѣ) означаетъ розничнаго купца городового, осѣдлого, мѣстнаго. Это покупатель фундаментальный, выражаются купцы, прочный, настоящій купецъ, владѣющій болѣею частію недвижимою собственностью, Великорусского происхожденія.

2) *Евреи*. Характеристика Еврея-торговца принадлежитъ къ превосходнымъ очеркамъ торгового люда, которые представилъ г. Аксаковъ. Евреи, говорить онъ, самые дѣятельные покупатели, особенно на мануфактурные, Русскіе товары, которые разносятъ по всему западному краю, даже по Бѣлоруссіи; они-же сильные покупатели и на многіе прасольские товары, которые отправляютъ за границу. Почти вся торговля иностранными товарами, привозимыми чрезъ сухопутную границу, производится Евреями, какъ Русскими подданными, такъ и Австрійскими. Евреямъ не вѣльно торговать ни на Корениной, ни на Харьковскихъ ярмаркахъ, хотя пра-

вило это и не соблюдается строго. На тѣхъ-же ярмаркахъ, на которыхъ Евреи пользуются свободнымъ правомъ купли и продажи, они придаютъ торговыѣ какое-то особое лихорадочное оживленіе, бѣгаютъ, суетятся, снуютъ, сопровождая каждое слово быстрыми тѣлодвиженіями, вездѣ раздается ихъ шипкій, горланный говорь, вездѣ на каждомъ шагу останавливаютъ они посѣтителя, съ предложеніемъ товаровъ. Евреевъ особенно много бываетъ на Ильинской ярмаркѣ; какъ саранча спускаются они на городъ, продавая товары изъ лавокъ и лавочекъ и изъ шалашей, и изъ-подъ навѣсовъ и изъ палатокъ, и оптомъ, и въ-раздробь и на столикахъ, и въ-разноску, и на дому у жителей. Но наступаетъ шабашъ, Евреи исчезаютъ, въ городѣ мертвая тишина, торговля производится медленнѣе, спокойнѣе и безъ шума. Около каждого оптоваго купца Еврея толпится много мелкихъ, бѣдныхъ Евреевъ, которые берутъ товаръ и продаютъ его въ-раздробь. Это оживленіе различной торговли усиливаетъ массу наличныхъ денегъ на ярмаркѣ: поэтому тѣ ярмарки, гдѣ торгуютъ Евреи, считаются денежными. Евреи всегда поддерживаютъ другъ друга, имѣютъ своихъ банковъ, подрядчиковъ, извозчиковъ. Съ Великорусскими купцами они въ большихъ ладахъ. Купцы не считаютъ ихъ опасными соперниками. Еврей часто продаетъ товаръ гораздо дешевле, чѣмъ купилъ; ему всегда нужны наличные деньги, оборотомъ которыхъ онъ надѣется пополнить понесенный убытокъ. Купцы говорятъ: пока у Русскаго обернется рубль два раза, у Еврея онъ обернется пять разъ. Таковы особенности Еврейскихъ торговцевъ.

3) *Обени.* Это другой, не менѣе замѣчательный классъ торговцевъ. Подъ этимъ именемъ известны ходебщики или разнощики-крестьяне Владимирской губерніи, Ковровскаго и отчасти Вязниковскаго уѣзда; они въ большомъ числѣ отправляются въ Украину, гдѣ занимаются развозкою и разноскою товаровъ преимущественно красныхъ, тоже галантерейныхъ, посуды, книгъ, по городамъ, хуторамъ, мѣстечкамъ. Ходебщики состоять обыкновенно при хозяевахъ. У иного хозяина бываетъ до 8 счетовъ съ прикащиками, съ которыми онъ заключаетъ такого рода условіе: онъ даетъ ему, положимъ, тысячу на пять товару, да право кредита на хозяйствкое имя на такую-же сумму; сверхъ-того прикащикъ имѣетъ своего капитала тысячи три, который присоединяется къ общей суммѣ; барышъ пополамъ, расходы общіе, но долги всѣ на одиго прикащика, т.-е. все, что онъ отпустилъ въ долгъ, остает-

ся на его ответственности. У прикащика есть помощникъ, называемый поднощикомъ, и при немъ ребята или молодцы. Годовой кругъ странствованія для Владимирца начинается обыкновенно съ Покровской ярмарки; здѣсь забираютъ они у краснорядцевъ товары и по-мѣрѣ распродажи приходятъ за новыми товарами на Введенскую, Крещенскую и Масляную ярмарки. Офени пользуются довѣріемъ и хорошей славою.

4) Слобожане. Такъ называются жители Великорусскихъ старообрядческихъ уѣздовъ Черниговской губерніи. Нѣкогда знаменитые своимъ упорствомъ въ расколѣ, они нынѣ не менѣе знамениты своею промышленностью и торговлею. Слобожане ходятъ, да лѣтъ оленей въ земли Азовскаго и Черноморскаго войска, даже до Кавказской линіи. Они называются коробочниками, потому-что неѣздятъ, а ходятъ и носятъ товаръ въ коробкахъ. У купца-хозяина бываетъ коробочниковъ до 400 человѣкъ, которые завѣдываются 10—20 прикащиками, такъ-называемыми счетчиками. Хозяинъ, распредѣляя между прикащиками округи дѣйствий, или странствованія, имѣеть въ каждомъ округѣ станціи или центральныя лавки. Изъ этихъ лавокъ прикащики снабжаются товаромъ по особому условію: хозяинъ отдаетъ имъ товаръ по оценкѣ, договариваясь заранѣе въ пользуѣ, которая не бываетъ ниже 10%, назначаетъ имъ срокъ и мѣсто для отчета; при отчетѣ онъ беретъ свою договорную прибыль, а непроданный товаръ беретъ назадъ безъ вычета.

5) Къ покупателямъ должно, кроме-того — отнести Русскихъ и Малороссийскихъ торговокъ, а также и Евреекъ. Ихъ раздается товаръ, уже вышедший изъ моды. Онъ распродается его тутъ-же на ярмаркахъ въ разницу, сидя на тротуарахъ, скамейкахъ, столбахъ, и приносятъ выручку купцамъ, удерживая извѣстный процентъ въ свою пользу.

Таковы особенности торга, производящагося еще на Руси. Читатель видѣть, сколько въ немъ еще остатковъ патріархальныхъ, сколько же слѣдовъ юладническаго состоянія торговли, заполняющихъ собою первобытныя иѣновыя сношенія народовъ. Эти въ высшей степени тоакія и характеристическія черты, представленные въ книгѣ г. Аксакова показываютъ, какъ далека еще наша торговля отъ того правильнаго и регулярнаго теченія, которому она слѣдуетъ въ другихъ мѣстностяхъ, опередившихъ Россію въ коммерческомъ отношеніи. Всѣ эти особенности, мелкія и ничтожныя сами по себѣ,

заключаютъ въ себѣ глубокій смыслъ: онъ непосредственно указываютъ на слабое вообще и малоразвитое еще общество, въ которомъ понятія даже самыя обыкновенныя и прямо относящіяся до личной пользы, стоять на такой слабой степени преуспѣянія. О Россіи — это старая истина — нельзя судить по большинству городамъ, по промышленнымъ центрамъ, принявшимъ форму и видъ Европейскихъ городовъ; надо взглянуть во внутрь ея, проникнуть въ самое ея нѣдро, и тамъ-то откроется Русь во всей ея наготѣ, со всѣми подробностями, незамѣчаемыми для близорукаго взгляда. Поэтому-то всякое добросовѣстное, всякое исполненное любви народа описание Русскаго быта должно быть съ ненасытными любопытствомъ встрѣчаемо каждымъ нечуждымъ интересомъ отечества, которые должны быть драгоценны для всякаго любящаго Россію.

Мы намѣрены упомянуть теперь еще обѣ одной особенностіи ярмарочнаго Украинскаго торга, — особенности, вѣющѣй въ глазахъ нашихъ важное значеніе, которое современемъ можетъ принести нашей торговлѣ несметныя выгоды, можетъ поднять ее на высокую степень совершенства — мы разумѣемъ громадное развитіе кредита между торговцами. Конечно, этотъ безумный, ничтожный не сдержанный кредитъ, въ настоящее время, не облеченный въ правильныя формы, ничтожъ необуздываемый въ своемъ дѣйствіи, можетъ-быть, приносить немаловажныя невыгоды; не вносядствіи, правильно организованный, облеченный въ разумныя формы, онъ, повторяю, не остается безъ замѣтнаго влиянія на нашу коммерцію. Важно то, что въ народѣ заключены сѣмена его, что народъ понимаетъ и сознаетъ его важность и пользу. Прослушаемъ, что говорить почтенный изслѣдователь обѣ этой особенности нашего торга. Мы сказали уже выше, что изъ 200 турговыхъ лавокъ съ красными товарами до 150 торгуютъ товаромъ изъ первыхъ рукъ. Это явленіе — ярмарочная гуртовая предѣла, производимая не чрезъ посредство купцовъ, а самими производителями, изъ первыхъ рукъ, перекочевывающими въ лицѣ своихъ прикащикниковъ съ ярмарки на ярмарку въ теченіе цѣлаго года. — явленіе въ высшей степени замѣтительное. Подъ влияніемъ тарифа 1822 г. фабрики умножились и производительность мануфактурная усиливалась день-ото-дни съ такою судорожною, лихорадочною дѣятельностью, что количество произведеній скоро сдѣлалось несоразмѣрныемъ требованію, чтѣ въ свою очередь понизило цѣны

до-нельзя, т.-е. если брать въ соображение издержки производства. При такой относительной дешевизнѣ товара фабриканты приходилось брать массою, т.-е. сбывать товары сколь можно большие, и эта необходимость заставила ихъ вы свободиться изъ-подъ зависимости и опаски купеческой, отклонить всякое лживое посредничество между производителемъ и потребителемъ. Но и этого было мало для усиливія сбыта товаровъ. Появленіе фабрикантовъ на ярмаркахъ, продажа товаровъ изъ первыхъ рукъ, совместничество производителей на безденежномъ Малороссійскомъ рынке, постоянно увеличивающаяся масса привоза, породили не только кредитъ, необуздываемый никакими банкротствами, но даже сопротивление въ кредитѣ. Каждая лавка, желая привлечь къ себѣ покупателей, соперничаетъ съ другою, не большимъ или меньшимъ достоинствомъ товара, не дешевизною, ибо цѣны уравнялись до низшей степени и у всѣхъ почти одинаковы, а больше или менѣе отважнымъ кредитомъ. Кто больше кредитуется, тотъ и товаровъ большую массу сбываетъ, и понятно, что при такомъ положеніи дѣлъ, Малороссъ, не рискующій и не кредитующій, совершилъ язвительть, такъ сказать, Русскимъ торговцамъ. Фабриканты признались г. Аксакову, что если покупатель два раза сразу забираетъ товаръ и за одинъ разъ заплатить сполна по кредитной цѣнѣ, а за другой и вонсе не заплатить, то они, конечно, не въ выгодѣ, но и не въ существенномъ убыткѣ. Такова необходимость въ подобномъ сбытѣ, что фабриканты, желая удержать за собой потребителя, не только облегчаютъ ему всѣ способы къ покупкѣ, но и берутъ уже на себя обязанности чисто-купеческія, именно, въ каждой лавкѣ вы найдете, сверхъ издѣлій самого фабриканта, товары чужie, купленные, которые онъ держать для своего покупателя; приоравливаясь къ его вкусу и требованію съ тѣмъ, чтобы онъ не имѣть уже надобности заходить въ другую лавку. Но какимъ же образомъ держится этотъ порядокъ вещей при такомъ отчаяніи, такъ сказать, наступательномъ кредитѣ, необеспечиваемомъ почти никакими обязательствами? Купецъ знаетъ, что настоящаго соответственнаго обеспеченія въ дѣлѣ торгового предмета быть не можетъ, что лучшее обезспеченіе «добрая слава», которою дрожитъ торговецъ, и взаимная выгода, что злоумышленный имѣтельщикъ лишится кредита, а безъ кредита недвигается никакая торговля. Мы разумѣемъ здѣсь «добрюю славу» не въ-отношеніи публикѣ, а въ-отношеніи купцовъ между собою. Конечно, слу-

чаются часто и банкротства и, кроме официального, бывают банкротства и негласные. Приходит срок расплаты; покупатель видит, что забрал товару не подъ силу. Дѣлать нечего, является къ главному изъ своихъ кредиторовъ и объясняетъ свои несчастные обстоятельства. Купцы большую частью отказываются отъ судебнаго преслѣдованія: возмутъ копеекъ по 30 или по полтинѣ за рубль, погранять и овать кредитуютъ, въ надеждѣ, что авось поправится. Росписки должниковъ или покупателей въ забранныхъ товарахъ дѣлаются или на простой бумагѣ, или въ видѣ векселей. Но весьма часто бываетъ, что и срокъ векселя прошелъ, а онъ продолжаетъ ходить, какъ денежная бумага, съ передаточными надписями, потерявъ уже всякую законную силу.

Въ такомъ-то положеніи находятся дѣла на ярмаркахъ, до та-
кнѣ-то чудовищныхъ размѣровъ развить кредитъ. Мы съ своей стороны повторяемъ, что это великий задатокъ будущаго преуспѣ-
нія торговли, хотя въ современной его формѣ безумный кредитъ
этотъ начинаетъ нынѣ уменьшаться и фабриканты начали умѣрять
пропорцію привоза товаровъ.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о способахъ перевозки товаровъ на Украинскія ярмарки, чтобы затѣмъ перейти къ выводамъ о цѣнности товаровъ, обращающихся на Малороссійскихъ яр-
маркахъ.

Способъ перевозки двоякій: извозчикъ или конный, и фурный, или воловій. Товары отправляются или чрезъ конторы транспор-
товъ, или чрезъ подрядчиковъ, или чрезъ самихъ извозчиковъ и
чумаковъ.

Конторъ транспортовъ существуетъ вообще не много. Отправ-
ка чрезъ конторы обходится дороже обыкновенного способа, ибо
отправляемые товары большую частью застраховываются. Безъ
застраховки онѣ менѣе представляются для купца обезпечения, чѣмъ
отдельное лицо подрядчика или давно-знакомый, испытанный изво-
зчикъ. Контора дѣйствуютъ по утвержденнымъ правиламъ и уста-
навливаютъ и есть уже мѣсто, такъ-сказать, официальное, съ которымъ
нельзя имѣть живаго дѣла, а надо наблюдать разныя формаль-
ности и въ случаѣ пропажи заводить цѣлую переписку. А купецъ
нашъ не охотникъ до официальныхъ тонкостей, и опять-таки, ска-
жемъ, вслѣдствіе того, что онъ хорошо знаетъ, какова эта офици-
альность. Между-тѣмъ, конторы транспортовъ есть дѣло очень
хорошее, и только отъ малой добросовѣстности, отъ излишнихъ

формальностей зависить то, что торговцы избѣгаютъ ихъ. Изво-
ничья доставка не всегда бываетъ вѣрна. Въ 1854 году напр.,
но-случаю бездорожья, извощики сложили товаръ въ разныхъ мѣс-
тахъ по деревнямъ и селамъ, а сами ушли.

Много силъ и времени пропадаетъ даромъ, прибавляетъ авторъ
изслѣдованія, въ этомъ промыслѣ; впрочемъ, такой порядокъ ве-
щей носить уже въ себѣ самоосужденіе и долженъ неминуемо ис-
чезнуть, но скоро-ли и когда — рѣшить трудно. Чумаккій промы-
сель чрезвычайно древенъ и издавна сроденъ съ Малороссією и
съ ея бытомъ. Любопытно внутреннее его устройство: Чумаки, от-
правляясь въ походъ, образуютъ изъ себя артели, избираютъ ата-
мана и на время похода обязуются имѣть все общее, отказываются
отъ-скажать, отъ всякой личной собственности и прибыли.
Огличія его отъ извозническаго промысла слѣдующія: извощикъ
ходитъ зимою и лѣтомъ, фурщикъ, или чумакъ только лѣтомъ, зи-
мою неѣть подножнаго корма, воловъ своихъ онъ не подковывается.
Извощикъ везетъ товаръ на срокъ, фурщикъ не можетъ обязаться
срокомъ, ибо въ-случаѣ ненастія волы везти не могутъ. Изво-
щикъ проходить верстъ по 50 въ сутки, волы не болѣе 30 верстъ,
а иногда 15 и 10. Фурщикъ рѣдко беретъ товаръ въ «Россію»,
предпочитая ей свои мѣста южныя; извощикъ отправляется хотя
на край свѣта, если только увѣренъ, что для обратнаго пути най-
деть себѣ работу. За то фурный промыслъ несравненно дешевле
коннаго, потому-что волы лѣтомъ питаются однимъ подножнымъ
кормомъ, да и самъ чумакъ несравненно умѣреннѣе въ образѣ
жизни.

Въ-заключеніе представимъ итоги ярмарочныхъ оборотовъ по
официальнымъ вѣдомостямъ за 1853 годъ и по собственнымъ
исчислѣніямъ автора, основаннымъ на личныхъ изысканіяхъ и
распросахъ.

По официальнымъ свѣдѣніямъ:

Правезено.		Продано.	
Ильинская.....	14,151,791 р.	Ильинская.....	8,247,936 р.
Крещенская....	13,652,411 «	Крещенская.....	9,790,563 «
Кролевецкая....	5,754,891 «	Кролевецкая.....	3,492,410 «
Коренная.....	5,085,806 «	Коренная.....	2,125,600 «
Успенская.....	5,338,770 «	Успенская.....	2,071,640 «
Масляная.....	4,526,680 «	Масляная.....	1,976,315 «
Покровская.....	4,375,338 «	Покровская.....	1,365,744 «

Вознесенская....	2,554,615 р.	Вознесенская....	1,155,845 р.
Троицкая.....	1,068,170 «	Троицкая..	920,470 «
Сумская.....	1,801,900 «	Сумская.....	696,340 «
Елисаветградская.	979,800 «	Елисаветградская.	558,800 «
Итого...	59,290,172 «	Итого...	32,402,433 «

Для сравнения приведемъ цифры оборотовъ 4 известныхъ ярмарокъ въ Россіи:

Нижегородской.....	60 миллионовъ рублей.
Ирбитской.....	35 « «
Ростовской (Ярославской губ.).....	6 « «
Урюпинской.....	6 « «

По собственному исчислению автора:

Привезено.	Продано.
Крещенская..... 40,000,000 р.	Крещенская..... 25,000,000 р.
Ильинская..... 30,000,000 «	Ильинская..... 18,000,000 «
Успенская..... 12,000,000 «	Успенская..... 8,000,000 «
Коренная..... 10,000,000 «	Коренная..... 7,000,000 «
Покровская..... 9,000,000 «	Покровская..... 6,000,000 «
Кролевская..... 7,500,000 «	Кролевецкая..... 5,000,000 «
Масляная..... 7,000,000 «	Масляная..... 4,000,000 «
Вознесенская.... 6,000,000 «	Вознесенская.... 3,000,000 «
Сумская..... 8,000,000 «	Сумская..... 2,000,000 «
Елисаветградская. 2,000,000 «	Елисаветградская. 1,500,000 «
Троицкая..... 1,250,000 «	Троицкая..... 1,250,000 «

Итого.... 127,750,000 « Итого.... 80,750,000 «

Эту значительную разницу въ цифрахъ г. Аксакова, по сравнению съ официальными, мы старались объяснить выше; кроме-того, такъ-какъ авторъ отлагаетъ объясненіе своихъ исчисленій до съѣдующихъ частей своего труда, то и мы въ своемъ мѣстѣ не говоримъ о нихъ впослѣдствіи.

Такимъ образомъ мы кончили изложеніе введенія замѣчательнаго труда г. Аксакова,—труда, который составитъ эпоху въ статистической литературѣ нашей. Преимущество заслуживаетъ вниманія введеніе, въ которомъ авторъ, излагая характеристическая особенности ярмарочного торга, представилъ живую картину торгового движения Украины.

Поэтому мы почли за нужное иѣсколько подробнѣе остановиться на этой мастерской монографіи и изложенію ея посвятить

особую статью. Нашъ очеркъ не могъ передать и вполовину всего интереснаго, всего занимательнаго, что заключается въ введеніи къ изслѣдованію, не могъ передать и тѣхъ истинно - замѣчательныхъ достоинствъ, съ которыми изложены многоразличные предметы, вошедши въ составъ его.

Имѣя въ виду не меныший интересъ, представляемый второю частью, гдѣ обозрѣна каждая ярмарка въ отдельности, и третьею, гдѣ приведены подробности о производствѣ, доставкѣ и характеристикѣ торговли каждой отраслью товаровъ, мы намѣрены изложить ихъ во второй статьѣ нашей.

Д. И.

ПОВРЕЖДЕННЫЯ ИЗДАНИЯ ВЪ РОССИИ

ВЪ 1859 ГОДУ.

Развитіе повременной литературы принимаетъ въ Россіи постепенно болѣе размѣры,—чemu служитъ доказательствомъ число появившихся новыхъ журналовъ и газетъ въ три послѣдніе года, вмѣстѣ съ наступившимъ 1859 годомъ. Такъ въ 1851 году появилось у насъ 12 новыхъ periodическихъ изданій, въ 1858—17, а въ 1859 году появилось уже и появится въ скоромъ времени 31. Замѣчательно разнообразіе предметовъ, которыми преимущественно или исключительно посвящены изданія послѣдняго года. Вотъ реестръ всѣхъ новыхъ изданій:

а) Газеты:

- 1) Русскій дневникъ, ежедневная (въ С. Петербургѣ).
- 2) Русскій міръ, еженедѣльная (въ С. Петербургѣ).
- 3) Русская газета, еженедѣльная (въ Москвѣ).
- 4) Московскій вѣстникъ, еженедѣльная, будетъ издаваться съ апрѣля мѣсяца (въ Москвѣ).
- 5) Остзейскій вѣстникъ, выходитъ три раза въ недѣлю (въ Ригѣ).
- 6) Кронштадтская газета, выходитъ два раза въ недѣлю.
- 7) Производитель и промышленникъ, еженедѣльная (въ С. Петербургѣ).

б) Журналы:

- 1) Русское слово, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).
- 2) Журналъ министерства юстиціи, будетъ выходить ежемѣсячно съ 1-го июля (въ С. Петербургѣ).

- 3) Архивъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, выходить въ два мѣсяца разъ (въ С. Петербургѣ).
- 4) Орелъ, будетъ выходить ежемѣсячно съ апрѣля (въ С. Петербургѣ).
- 5) Лѣтописи Русской литературы и древности, выходить въ два мѣсяца разъ (въ Москвѣ).
- 6) Московское обозрѣніе, критический журналъ, выходить въ два мѣсяца разъ (въ Москвѣ).
- 7) Южный сборникъ (въ Одессѣ).
- 8) Разсвѣтъ, журналъ для дѣвицъ, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).
- 9) Собесѣдникъ, журналъ для дѣтей, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).
- 10) Дѣтскій Журналъ (въ Москвѣ).
- 11) Химическій журналъ, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).
- 12) Гигея, журналъ для правильной и долгой жизни, будетъ выходить съ апрѣля, ежемѣсячно (въ С. Петербургѣ).
- 13) Журналъ избраннаго чтенія, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ, выходить два раза въ недѣлю (въ С. Петербургѣ).
- 14) Народное чтеніе, выходить въ два мѣсяца разъ (въ С. Петербургѣ).
- 15) Солдатская бесѣда, выходить въ два мѣсяца разъ (въ С. Петербургѣ).
- 16) Искра, сатирический, еженедѣльный (въ С. Петербургѣ).
- 17) Развлеченіе, журналъ легкаго и забавнаго чтенія, еженедѣльный (въ Москвѣ).
- 18) Арлекинъ, литературный и юмористический, еженедѣльный (въ С. Петербургѣ).
- 19) Гудокъ, юмористическо-сатирический, еженедѣльный (въ С. Петербургѣ).
- 20) Архитектурный вѣстникъ, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).
- 21) Библіотека естественныхъ и математическихъ наукъ, шесть книгъ въ годъ (въ Москвѣ).
- 22) Ласточка, дамскій журналъ, ежемѣсячный (въ С. Петербургѣ).
- 23) Меркурій модъ, выходить два раза въ мѣсяцъ (въ С. Петербургѣ).

Наконецъ къ числу современныхъ изданій мы присоединимъ

24) *Извѣстія комитета акклиматизаціи Императорскаго Московскаго Общества сельского хозяйства*, которыя ежегодно будутъ выходить (въ Москвѣ) выпусками и составлять одинъ томъ.

Съ содержаниемъ и порядкомъ выхода въ свѣтъ девяностыи изданій изъ показанныхъ здѣсь новыхъ периодическихъ изданій мы познакомили уже читателей (*); остается исполнить тоже въ отношеніи остальныхъ тридцати изданій.

1) *Московскій вѣстникъ*, еженедѣльная политическая и литературная газета, будетъ издаваться съ 1 апрѣля, подъ редакціею *Н. Воронцова-Вельяминова*, и заключать въ себѣ три отдѣла: I) Внутреннія извѣстія. II) Извѣстія иностранныя. III) Отдѣлъ литературный. Главная цѣль изданія заключается въ томъ, во-первыхъ, чтобы своевременно сообщать читателямъ Высочайшіе указы и болѣе общія распоряженія и постановленія правительства; во-вторыхъ, доставить имъ возможность за самую дешевую цѣну съѣдѣть за ходомъ историческихъ событий, или за тѣкущими новостями политикой; наконецъ, въ-третьихъ, доставить также удовольствіе читать промывденія Русскихъ авторовъ. Въ литературный отдѣлъ «Московскаго вѣстника» войдутъ новѣти, разсказы, стихотворенія, сценическія произведенія, критическія статьи, новѣти по части наукъ, искусства, промышленности и преч. Сверхъ того, къ газетѣ будутъ прилагаться переводы иностранныхъ романовъ, поэмы и рассказовъ (**).

2) Журналъ министерства юстиціи будетъ выходить въ С. Петербургѣ, съ 1 юля, ежемѣсячно, книжками отъ 10 до 12 листовъ. Цѣль его есть изложеніе, въ возможно-полномъ объемѣ, правительственныхъ распоряженій по вѣдомству министерства юстиціи, а равно и распространеніе въ наимѣнѣи отечествѣ практическихъ съѣдѣній по предметамъ, касающимся судебнаго вѣдомства, законодательства и вообще наука правовѣдѣнія. Журналъ будетъ раздѣленъ на часть официальную и часть неофициальную. Въ первой части будутъ помѣщены: Высочайшіе измененные указы и Вы-

(*) См. сентябрскую, октябрскую и ноябрскую книжки Ж. и. и. пр. на 1858 годъ.

(**) Цѣна: въ Москвѣ — безъ доставки на домъ 3 р.; въ Петербургѣ — безъ доставки 3 р. 50 к.; съ доставкою на домъ въ Москвѣ 4 р., съ пересыпкою во всѣ города имперіи 5 р.

сочайшія новизнія по предметамъ, относящимся собственно къ судебному вѣдомству и управлѣнію, равно Высочайше утвержденные мѣдіи государственного совѣта и положенія комитетовъ министровъ, Кавказскаго и Сибирскаго во дѣлахъ судебнѣхъ; правительственные распоряженія во сенату и во министерству юстиціи. Въ этомъ-же отдѣлѣ будуть помѣщаемы извлечениа изъ всевозможнѣйшихъ годовыхъ отчетовъ и статистическія свѣдѣнія о дѣлахъ въ разныхъ судебныхъ мѣстахъ, о личномъ составѣ по министерству и пр.—Въ неофиціальной части будутъ помѣщаемы: I. Обозрѣніе отечественнаго законодательства. Изложеніе рѣшений, которыми поясняется примѣненіе какихъ-либо законовъ. Обозрѣніе современаго развитія иностраннаго законодательства. II. Изложеніе рѣшений, вошедшихъ въ окончательную законную силу по дѣлахъ гражданскимъ, особенно важнымъ, безъ наименованія и есть въ лицѣ, къ которымъ они относятся. Изложеніе замѣчательныхъ рѣшений по дѣлахъ тажебныхъ и уголовныхъ въ иностраннѣхъ государствахъ.—III. Разсужденія по разнымъ частямъ законодательства. Библиографія юриспруденціи (*).

3) Орелъ, ученно-литературный иллюстрированный журналъ, будетъ издаваться въ С. Петербургѣ, съ аврѣля мѣсяца, подъ редакціею А. Балашевска ежемѣсячными книжками отъ 8 до 12 листовъ. Каждая книжка будетъ заключать въ себѣ два главные отдѣла: Отдѣлъ 1-й: 1) Ученые статьи по разнымъ отраслямъ наукъ, художествѣ и промышленности. При этомъ отдѣлѣ постоянно будутъ привлекаемы политици для специальныхъ статей и рисунки замѣчательныхъ предметовъ по части церковнаго и гражданскаго зодчества, изображенія древнихъ монетъ, надписей и прочихъ предметовъ по части археологии. 2) Стихотворенія, поэзіи, рассказы, физиологические очерки изъ современной жизни, путевые замѣтки, дневники и проч.; біографіи замѣчательныхъ артистовъ и ученыхъ, съ приложеніемъ портретовъ, а равно и оригинальныхъ музыкальныхъ произведеній. Отдѣлъ 2-й: 1) Юмористическіе очерки современныхъ нравовъ, иллюстрированные. 2) Фельетонъ: разныя новости столичныя и провинциальныя; взглядъ на современные события; обзоръ Русскаго театровъ и концертовъ. 3) Мелкія произведенія литературы, какъ-то: пѣсни, романсы, куплеты, анекдоты, эпиграммы; карикатуры

(*) Цѣна за годовое изданіе съ іюля 1859 по іюль 1860 года 6 р. сер.; съ пересыпкою же или доставкою 7 руб. 50 к. сер.

и шарады. 4) *Смѣсь: замѣтки о явленіяхъ въ природѣ и проч.; изложеніе искусствъ и художествъ; обзоръ столичной торговли, моды, некрологи и библиографія.* Указатель открытій по всемъ отраслямъ наукъ и художествъ (*).

4) Лѣтописи Русской литературы и древностей, изданіе которыхъ предпринялъ въ Москвѣ г. Тихонравовъ, посвящаютъся исключительно разработкѣ исторіи Русской словесности и отечественной древности. Въ объявлении объ изданіи этого журнала редакторъ его говорить съѣдущее: «Въ настоящее время исторія литературы заняла уже прочное мѣсто въ ряду наукъ историческихъ; она перестала быть сборникомъ эстетическихъ разборовъ немногихъ избранныхъ писателей, прославленныхъ классическими; ея служебная роль эстетикѣ кончилась, и, отрекшись отъ празднаго удивленія литературнымъ корифеямъ, она вышла на широкое поле положительного изученія всей массы словесныхъ произведеній, поставивъ себѣ задачею уяснить исторический ходъ литературы, уиственное и нравственное состояніе того общества, котораго послѣдняя была выраженіемъ, уловить въ произведеніяхъ слова постепенное развитіе народнаго сознанія, — развитіе, которое не знаетъ скачковъ и перерывовъ. Отдельное литературное произведеніе эта наука перестала рассматривать, какъ явленіе исключительное, вѣтъ всякой связи съ другими, перестала прилагать къ нему только чисто-эстетическая требованія. Съ измѣненіемъ задачи измѣнилось и значеніе историко-литературныхъ источниковъ и пособій. На первый планъ начали выдвигаться литературные произведенія, который даже не упоминались въ прежнихъ исторіяхъ литературы: вся исторія средневѣковой Европейской словесности создалась только въ послѣднія четыре десятилѣтія. Съ другой стороны, стараясь объяснить появленіе и значеніе извѣстнаго литературнаго произведенія въ длинной цѣпи другихъ, исторія литературы стала дорожить тѣми подробностями, которые содѣйствуютъ уясненію этого вопроса: отсюда любовь къ полнымъ изданіямъ писателей, къ собиранію биографическихъ даенныхъ, къ изданію рукописей, рѣдкихъ старопечатныхъ книгъ и т. п. Самое подробное и обстоятельное

(*) Цѣна за годовое изданіе съ портретами, рисунками и музыкальными приложеніями 8 руб. сер. безъ пересыски; съ пересыпакою и доставкою цѣломъ 10 р. сер., за полгода — 5 р. безъ пересыски, 6 р. съ пересыпакою.

изучение народного быта по литературным памятникамъ привело изслѣдователей къ необходимости сблизить литературные интересы эпохи со всеми прочими художественными ея проявлениями. Какъ древніе писцы и старинные типографщики были вмѣстѣ миниатюристами в граверами, такъ и исторія литературы и письменности естественно должна была въ своемъ обширномъ развитии сблизиться съ исторіею искусства. Одинъ и тотъ же духъ вѣтъ и въ литературѣ и въ искусствѣ,—и основательное изученіе литературныхъ идей невозможно виѣ полнаго пониманія всей области художественныхъ интересовъ эпохи: потому блестательная разработка искусства и вообще древности много способствовала объясненію и расширению исторіи литературы. Успѣхи языковѣдѣнія не остались въ свою очередь безъ вліянія на исторію литературы. Выростая на основѣ общихъ индо-Европейскихъ преданій, народныхъ вѣрованій, языка, словесность народная можетъ быть вполнѣ понимаема только въ связи съ изученіемъ мифологии, праздниковъ, повѣрій, обычаевъ и вообще всей обстановки народного быта, среди которой она возникаетъ. *Лѣтописи Русской литературы и древности* имѣютъ въ виду расширить возможности кругъ историко-литературныхъ и археологическихъ изслѣдований, знакомя съ такими памятниками нашей литературы и древности, которые до сихъ-поръ, несмотря на свое высокое значеніе, остаются неизданными, и составть которыхъ не подвергался тщательному изученію по трудности пользоваться сокровищами частныхъ и общественныхъ библиотекъ и древнехранилищъ. Строго держась сравнительно-исторического метода при изученіи литературы, журналъ помѣщаетъ на своихъ страницахъ: 1) изслѣдованія по исторіи Русской литературы и искусства; 2) изслѣдованія, относящіяся къ народнымъ преданіямъ, праздникамъ, языку, и т. п., насколько эти изслѣдованія содѣствуютъ уясненію памятниковъ народной литературы; 3) обозрѣніе древности и литературы иностраннѣхъ, насколько это необходимо для успѣшной разработки литературы отечественной. Такимъ образомъ журналъ будетъ состоять изъ слѣдующихъ отдѣловъ:

I. *Изслѣдованія по исторіи Русской литературы и отечественнымъ древностямъ.* Сюда входятъ и подробные критические разборы замѣчательнѣйшихъ изъ вновь выходящихъ сочиненій, Русскихъ и иностраннѣхъ, по исторіи словесности и древности.

II. *Материалы по исторіи литературы и древностямъ;* при нихъ,

если окажется нужнымъ, будуть помѣщаться объяснительныя замѣчанія и предисловія издателей.

III. *Библиографія и смѣсь.* Помѣщаемыя въ этомъ отдѣлѣ библиографической извѣстія въ сущности не иное что, какъ тѣ-же критические разборы, но въ сокращенномъ видѣ. Въ смѣсѣ входятъ небольшія библиографическія и литературныя замѣтки, неизданныя произведения и строфы поэтовъ, поправки и т. п.

Въ видѣ приложения редакція намѣрена помѣщать краткую лѣтопись о выходѣ замѣчательнѣйшихъ книгъ и подробный обзоръ пособій по истории литературы, а также критическихъ и библиографическихъ статей, разсѣянныхъ по журнальамъ и большую частію совершенно оставающихся неизвѣстными всѣмъ, кто специально не занимался библиографіею.

Въ «Лѣтописяхъ» принимаютъ участіе слѣдующіе писатели: А. Н. Аванасьевъ, Ф. И. Буслаевъ, Г. В. Вызинскій, К. К. Герцъ, А. В. Горскій, И. Е. Забѣгінъ, Д. И. Иловайскій, А. А. Котляревскій, П. П. Пекарскій, Н. А. Поповъ, А. Н. Пыпинъ, С. М. Соловьевъ.

Лѣтописи Русской литературы и древности будутъ выходить по одной книгѣ въ два мѣсяца, отъ 10—12 печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ (*).

5) Химическій журналъ, издаваемый въ С. Петербургѣ, ежемѣсячно, подъ редакціею *Н. Соколова* и *А. Энгельгардта*, будетъ включать въ себѣ слѣдующія статьи: 1) Оригинальные изслѣдованія Русскихъ химиковъ. 2) Переводы замѣчательнѣйшихъ химическихъ работъ, публикованныхъ на иностраннѣыхъ языкахъ, со вступленіемъ, содержащимъ краткія указанія на предшествовавшія работы, если это полезно для полнаго пониманія и оцѣнки работы. 3) Больѣя или менѣе краткія извлечения изъ всѣхъ осталънѣихъ химическихъ работъ, публикуемыхъ въ разныхъ ученыхъ журналахъ. 4) Разборы замѣчательнѣйшихъ химическихъ сочиненій на иностраннѣыхъ языкахъ и по-возможности всѣхъ, публикуемыхъ на Русскомъ языкѣ. 5) Различныя извѣстія интересныя съ химической точки зренія, какъ-то: отчеты о диспутахъ на ученыя степени, указанія на статьи нашихъ специальныхъ и неспециальныхъ журналовъ, касающіяся химическихъ вопросовъ, извѣстія о

(*) Цѣна за годовое изданіе въ Москвѣ 7 руб., съ пересыпкою въ другіе города 8 руб. 50 коп. сер.

вновь выходящихъ книгахъ, о цѣнахъ и достоинствахъ химическихъ приборовъ и материаловъ, получаемыхъ какъ изъ нашихъ, такъ и изъ иностраннныхъ источниковъ (*).

6) Гигиена, журналъ для правильной и долгой жизни, основанной на начальахъ естественныхъ наукъ и нравственной философіи, будетъ издаваться ежемѣсячно въ С. Петербургѣ подъ редакціею доктора А. Ильинской. Онъ будетъ заключать въ себѣ слѣдующія отдѣлы: 1) *Гигиена* (наука о сохраненіи здоровья) и *макробиотика* (наука долго жить). Сюда войдетъ приложеніе правилъ гигиены ко всѣмъ органамъ и отправленіямъ человѣка. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ подробнѣ разсматриваться питательныя вещества, и напитки по учению новѣйшей химіи, но съ новой точки зрения споспѣшить и слогомъ общепонятными. Здѣсь будутъ подробнѣ излагаться законы сохраненія здоровья и продленія жизни, а также въ вредныя условия для здоровья человѣка, сокращающія его жизнь. Этотъ отдѣлъ обратитъ особенное вниманіе на физическое образованіе дѣтей, какъ основу ихъ здоровья и, следовательно, долгой жизни. Наконецъ сюда будутъ присовокуплены: «*Наследенія относительно практической химіи*», по принятіемъ въ журналъ начальщика. Однимъ словомъ этотъ отдѣлъ заключить въ себѣ все, что, прямо или посредствомъ, можетъ относиться къ сохраненію здоровья и продленію жизни человѣка и, такимъ образомъ, составить полный химіческій и макробиотическій сборникъ. 2) *Полулярная физіология*. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены объясненія процессовъ жизни нашей, само собою разумѣется, общепонятнымъ способомъ и языкомъ...такъ...чтобы читатель, понимая ясно отправленія органической жизни, могъ самъ видѣть образность и несобразность нынѣшнихъ потребностей нашего быта. Главнымъ основаніемъ этого отдѣла будутъ естественные науки и по-преимуществу наскѣмая химія. 3-й отдѣлъ будетъ заниматься приложеніемъ гигиеническихъ правилъ къ нравственной и умственной жизни человѣка. Онъ занимается также изложеніемъ причинъ вынѣшнаго физически-богатырского состоянія рода человѣческаго, сколько требуетъ того новый взглядъ на нынѣшнія потребности жизни. Сюда войдутъ всѣ умственныя занятія, прохожденіе времени и удовольствія, изящныя искусства въ томъ значеніи, какое

(*) Цѣна 5 руб., съ доставкою на домъ въ Петербургѣ и Москвѣ 6 руб., съ пересылкою въ другіе 6 руб. 50 коп.

они имѣютъ по-отношению икъ къ умственному состоянію человѣка. Такъ-какъ основаніе благоденствія полагается къ дѣтствѣ и юности, то этотъ отдѣлъ обратитъ особенное вниманіе на *нравственное воспитаніе юношества*. Въ этомъ отдѣлѣ будутъ помѣщены какъ оригинальныя, такъ и переводныя статьи чисто нравственно-философскаго содержанія, сколько это необходимо для точнаго и вѣрнаго приложения правильнаго гигиены къ нравственному быту, безъ совершенства котораго невозможно благосостояніе человѣка. 4) *Библиографія и критика* по предметамъ журнала. 5) *Смѣсь*, въ обыкновенномъ журнальному значеніи (*).

7) Библіотека естественныхъ и математическихъ наукъ есть собственно сборникъ сочиненій по этиимъ наукамъ, а какъ появленіе въ свѣтѣ этого сборника будетъ периодическое, выпусками, то онъ можетъ быть причисленъ къ журналамъ. Изданіе этого сборника предпринято студентами Императорскаго Московскаго университета, которые публиковали о своемъ предпріятіи слѣдующее объявление:

«Въ объявлениіи не мѣсто говорить о значеніи естественныхъ наукъ. Появленіе сборника, назначеннаго преимущественно для этихъ наукъ, ясно говорить, что значеніе ихъ сознано если не большинствомъ, то значительной долей нашего общества. Интересующійся естественными науками очень хорошо самъ понимаетъ значеніе и важность ихъ, а не интересующагося не увлечетъ никакое объявление. Интересующемуся естественными науками хорошо также извѣстна и вся бѣдность нашей ученой литературы по этой части. Въ-самомъ-дѣлѣ, не говоря уже о специальныхъ трудахъ по части естественныхъ наукъ, мы не находимъ ни одного руководства, которое-бы сколько-нибудь удовлетворило своему назначению. Мало того, мы не находимъ почти и самыѣ руководства. Вспомнивъ сознавая столь ощутительный недостатокъ, мы рѣшились пополнить его. Но не страсть къ авторству, не жажда къ компилиаціи руководить вами въ этомъ дѣлѣ. Мы выбрали болѣе скромную, но, какъ кажется намъ, болѣе плодотворную дѣятельность. Цѣль нашего сборника — дать въ Русскомъ переводахъ иѣ-

(*) Цена: на годъ въ С. Петербургѣ безъ доставки на домъ 6 р., съ доставкою на домъ 7 р., съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи 7 р. 50 к.; на полгода: въ С. Петербургѣ безъ доставки на домъ 9 р., съ доставкою на домъ 8 р. 75 коп., съ пересылкою во всѣ города Россійской имперіи 4 руб. 50 коп.

сколько руководствъ и сочиненій по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ, не оставляя совершенно въ сторонѣ и наукъ математическихъ. Сообразно этой цѣли, сборникъ раздѣляется на семь отдѣловъ, изъ которыхъ каждымъ завѣдывается особый редакторъ — студентъ. Отдѣлы эти:

- 1) Физика, куда войдутъ и физическая географія и метеорология, редакторъ Н. Раевскій.
- 2) Зоологія, куда войдутъ и физіология и сравнительная анатомія, редакторъ Д. Соколовъ.
- 3) Ботаника, редакторъ С. Коашинъ-Самаринъ.
- 4) Химія, редакторъ Н. Альковскій.
- 5) Геологія и минералогія, редакторъ А. Иматовичъ.
- 6) Сельское хозяйство вмѣстѣ съ технологіей, редакторъ И. Покровскій.

7) Чистая математика, редакторъ Ф. Остроменцкій.

«Гр. профессоры физико-математического факультета, встрѣтившіе съ сочувствіемъ наше предпріятіе, изъявили свое согласіе соѣдѣствовать намъ словомъ и дѣломъ, и мы съ искреннею благодарностію заявляемъ объ этомъ предъ публикою. Всѣ сочиненія, которыя войдутъ въ напѣвъ сборника, назначены по ихъ указанію. Прилагаемъ спиекъ этихъ сочиненій:

По отдѣлу физики: Физика Гамо, 1848.

По отдѣлу зоологии: Зоологія Бурмейстера, 1856, часть 1-я. Введеніе въ общую зоологію Мильнь-Эдварса, 1858.

По отдѣлу ботаники: Ботаника Вилькома, 1-й томъ, 1856.

По отдѣлу химіи: Теоретическая химія Буффа, Конна и Цаммера, 1857.

По отдѣлу геологіи: Геологія Лейлла, 1858.

По отдѣлу сельского хозяйства: Сельское хозяйство Жир. де Брэя, обработанная Гаммою, 1854, томъ I, часть 1. — Техническая химія Пайдена, 1858.

По отдѣлу чистой математики: Популярная астрономія Бесселя.

«Такимъ образомъ, подписавшіеся на *Библіотеку естественныхъ наукъ* къ концу года получать восемь сочиненій по всѣмъ отраслямъ естественныхъ наукъ и одно по отдѣлу наукъ математическихъ. Кромѣ того, при каждомъ отдѣльѣ будутъ помѣщаемы мелкія статьи, представляющія современный интересъ. Это уже указываетъ на объемъ сборника. *Библіотека естественныхъ и*

математических наукъ будетъ выходить шесть разъ въ годъ сеюю тетрадями не менѣе 56 печатныхъ листовъ большаго формата въ общей сложности, такъ-что полное годовое изданіе будетъ заключать въ себѣ до 350 печатныхъ листовъ (*).

8) Весьма пріятное явленіе составляеть газета на Русскомъ языке въ Прибалтийскомъ краѣ—именіе Остзейскій вѣстникъ, предпринятый г. Иерсеномъ. Цѣль этого изданія—доставить образованной части жителей Остзейскихъ губерній Русскую газету, заключающую въ себѣ любопытное, разнообразное, пріятное и изыскательное чтеніе обо всемъ, что касается до Прибалтийского края и до Россіи вообще. Вотъ программа Остзейскаго вѣстника:

I. *Современникъ литеопись.* Высочайшия реескрипты, манифесты и свѣдѣнія о важнѣйшихъ законодательныхъ и правительственныхъ распоряженіяхъ, выбираемые изъ лучшихъ журналовъ, въ Имперіи выходящихъ. Высочайшия приказы о лицахъ, занимавшихъ важнѣйшія должности въ государствѣ. Высочайшия приказы о всѣхъ вообще чиновникахъ Остзейскихъ губерній.—II. *Новости политической заграничныя.* Оставаясь вѣрнымъ своей цѣли—знакомить читателей своихъ преимущественно съ Россіею, Вѣстникъ будетъ заключать въ себѣ однѣ лишь тѣ политическія заграничныя новости, которыя могутъ быть названы дѣйствительно важными происшествіями нашего времени.—III. *Литература.* Повѣсти, разсказы, анекдоты, юмористическая статьи, стихотворенія и проч. оригинальныя, а въ случаѣ недостатка иль, переведенные изъ иностраннѣхъ языковъ.—IV. *Смѣса.* Общеполезныя свѣдѣнія всякаго рода, относящіяся до современныхъ наукъ, искусствъ, промышленности, открытий, изобрѣтеній, ремесль, заводовъ, фабрикъ, навигаціи, путей сообщенія и проч. Новѣйшия необыкновенные происшествія въ Россіи, имѣющія какой-либо интересъ. Извѣстія о торжествахъ, народныхъ увеселеніяхъ и публичныхъ представлѣніяхъ всякаго рода и т. д.—V. *Корреспонденція.* Краткіе отвѣты на письма, адресуемыя къ редактору Вѣстника до дѣламъ, собственно до этой газеты относящимся.—VI. *Объявленія* всякаго рода, подаваемыя въ редакцію Вѣстника для публикаціи. Повременныя извѣстія о торговыхъ цѣ-

(*) Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ 42 тетрадей, въ Москвѣ и въ Петербургѣ 12 руб. 50 коп. сереб., съ пересыпкою и доставкою не дешѣ 14 руб. сереб.

шахъ, состоящихъ на провіантъ и фуражъ и прочие товары. сырые и громоздкие, въ главнѣйшихъ городахъ губерній Лифляндской, Эстляндской и Курляндской «Острзейскій вѣстникъ» выходитъ три раза въ недѣлю (*).

9) Съ февраля издается въ Кронштадтѣ газета, которая называется Кронштадтской газетой. Въ составъ ея входятъ: 1) Извлеченія изъ приказовъ морскаго, военно-сухопутнаго и гражданскаго вѣдомствъ о чинахъ флота и портона Балтійскаго моря, войскъ и гражданскаго учрежденій, въ Кронштадтѣ находящихся, и о тѣхъ чинахъ главныхъ управлений, которые имѣютъ въ Кронштадтѣ подвѣдоственныхъ имъ лицъ; 2) объявленія правительства и распоряженія, помѣщеніе которыхъ въ газетѣ призвано будетъ нужнымъ со стороны мѣстнаго начальства; 3) объявленія таксъ, установленныхъ на жизненные припасы и предметы въ Кронштадтѣ и окрестныхъ мѣстахъ; 4) объявленія гидрографическихъ свѣдѣній; 5) свѣдѣнія о приходѣ и отходѣ военныхъ и коммерческихъ судовъ, равно, по-возможности, извѣстія о сѣдованіи судовъ, отошедшихъ изъ Кронштадта или идущихъ туда изъ другихъ портовъ; 6) свѣдѣнія о привезенныхъ въ Кронштадтѣ или вывезенныхъ оттуда товарахъ, о цѣнахъ за фрахтъ, буксированіе судовъ и прочія мѣстныя торговые извѣстія; 7) историческая и статистическая свѣдѣнія о Кронштадтѣ, о флотѣ Балтійскаго моря и краткія указанія на новости по части мореплаванія, наукъ, искусствъ и промышленности; 8) мелкая статья для легкаго чтенія, преимущественно имѣющія мѣстный интересъ; 9) мѣстныя частныя объявленія. Газета выходитъ по средамъ и субботамъ.

10) Въ засѣданіи 27 мая, состоявшемъ при Императорскомъ Московскомъ обществѣ сельского хозяйства комитетъ акклиматизаціи опредѣлилъ: сообщать время-отъ-времени о ходѣ акклиматизаціи за границею особыми прибавленіями къ запискамъ комитета, подъ именемъ «Извѣстій комитета акклиматизаціи Императорского Московского общества сельского хозяйства». Редакцію этихъ «Извѣстій» комитетъ поручилъ директору орнитологического отдѣленія комитета, уполномоченному Парижскимъ обществомъ акклиматизаціи, профессору Калмыкову. Редакція «Извѣстій», увѣдомивъ объ этомъ новомъ расширеніи дѣ-

(*) Цѣна: съ доставкою по почтѣ 7 р. с., безъ доставки 5 р. с.

ятельности комитета иностранных обществ акклиматизации, съ просьбою о содѣйствіи, получила до сего времени статьи и обѣщанія постоянного сотрудничества: отъ Герена-Меневиля — секретаря совѣта Парижскаго общества акклиматизации, Эриста Кауфмана — вице-президента Прусскаго общества акклиматизации, барона Герье де-Дюмаса — генерального секретаря общества акклиматизации въ Нанси, Роберта Эттеля — президента Герлицкаго общества курородства и друг. По опредѣленію комитета, «Ізвѣстія» ежегодно будутъ выходить томомъ, раздѣленнымъ на нѣсколько выпусксовъ, и заключать въ себѣ: 1) Обозрѣніе дѣятельности иностранныхъ обществъ акклиматизации. 2) Обозрѣніе зоологическихъ садовъ. 3) Обозрѣніе иностранной сельскохозяйственной орнитологической литературы. 4) Смѣсь.— Въ то время, какъ записки комитета будутъ сообщать о трудахъ Русскихъ акклиматизаторовъ, «Ізвѣстія» будутъ дополнять ихъ указаніемъ на труды заграничныхъ дѣятелей на этомъ полезномъ поощрѣніи. Такимъ образомъ оба эти органа комитета будутъ служить необходимымъ пополненіемъ одинъ другому, доставляя членамъ комитета и всѣмъ заинтересованнымъ въ дѣлѣ акклиматизации возможность слѣдить за современными успѣхами ея какъ въ нашемъ отечествѣ, такъ и за границей.

11) Меркурій модъ, издание которого предпринялъ г. Шеваре, будетъ заключать въ себѣ съѣдующее: 1) Гравюры модъ мужскихъ, дамскихъ и дѣтскихъ, съ техническими объясненіями. 2) Выкройки (Patrons) натуральной величины для мужскихъ, дамскихъ и дѣтскихъ костюмовъ, съ техническими объясненіями. 3) Лѣтопись модъ; моды мужскія, дамскія и дѣтскія; внутрення и заграничная новости, по всѣмъ отраслямъ моды; открытія, усовершенствованія въ домашнемъ хозяйствѣ, убранствѣ домовъ и жилищъ и т. п. 4) Беллетристика; мелкая повѣсти, рассказы и стихотворенія; путешествія, біографіи и историческіе очерки; статьи объ изящныхъ искусствахъ; анекдоты. 5) Указатель модъ; цѣны разныхъ модныхъ вещей; адресы замѣчательныхъ магазиновъ, съ необходимыми свѣдѣніями объ ихъ торговлѣ и производительности; прейс-куранты разныхъ магазиновъ, портныхъ военныхъ и статскихъ, портныхъ дамскихъ и дѣтскихъ, золотошвейныхъ заведеній и проч. Журналъ будетъ выходить два раза въ мѣсяцъ (*).

(*) Цѣна: съ доставкою на домъ 10 р., съ пересыпкою 12 р. с.

12) Вотъ программа предпринятаго въ Месивѣ г. Залѣсскаго ежемѣсячнаго Дѣтскаго журнала: 1) *Измѣненія словесности*, гдѣ въ формѣ новѣстей и разсказовъ будуть помѣщены художественные произведения отечественнаго слова; также стихотворенія и памятники народной литературы — сказки, пѣсни, преданія и легенды. 2) *Наука*. Популярное, дѣтскому возрасту доступное изложеніе замѣчательнѣйшихъ явлений природы, событий всеобщей и Русской исторіи, также описанія дѣтства и воспитанія великихъ людей, извѣстныхъ какъ въ сферѣ мысли и литературы, такъ и на поприщѣ государственной дѣятельности; кроме того биографіи исторически-значенійныхъ женщинъ, особенно Русскихъ. 3) *Искусство*. Общедоступное описание художественныхъ произведений великихъ мастеровъ въ архитектурѣ, живописи и ваяніи, также ясное изложеніе различныхъ древностей; рукодѣлія и полезныя ремесла; описание дѣтства и воспитанія художниковъ. 4) *Чудо-вѣщество*, гдѣ будутъ описаны разнообразныя чудесности вообще всего земного шара и въ частности Русскія, также нравы и обычаи, вѣрованія и вѣшняя сторона жизни различныхъ племенъ, или этнографія и антропологія. 5) *Недаѣвника*. Здѣсь изложены будутъ общедоступно правила какъ физического, такъ и нравственного развитія дѣтей. 6) *Критика и библіографія* дѣтскихъ книгъ, руководствъ и различныхъ учебниковъ. 7) *Смѣсь*. Авекдоты о замѣчательныхъ лицахъ, новѣйшія ученые открытия и интересныя извѣстія (*).

13) Юмористическо-сатирический журналъ Гудокъ предполагаетъ помѣщать въ своихъ листахъ въ-особенности сатирическія размышленія о нравахъ, обычаяхъ, предразсудкахъ, порокахъ и проч. и посвятить особый отдѣлъ юмористическому обзору Русской журналистики (**).

Ознакомивъ съ новыми періодическими изданиями, укажемъ на перемѣны, послѣдовавшія въ составѣ или порядкѣ выхода въ свѣтъ прежнихъ изданій. а) Редакція Экономическаго указателя съ настоящаго года ввела въ составъ своего изданія *общее политическое обозрѣніе*, котораго недоставало ему для

(*) Цѣна: въ Москвѣ 6 р., въ С. Петербургѣ 7 р., съ перес. въ другое города Россійской имперіи 8 р. сер.

(**) Цѣна: для жителей С. Петербурга и Москвы — на три мѣсяца 1 р. 25 к., на годъ 4 р., для иностранныхъ за годъ — 5 р.

доставляя читателемъ полноту суждения о народно-хозяйственныхъ явленияхъ, и внутреннемъ изволствіи, заключающія въ себѣ рассказы объ отечественныхъ событияхъ разнаго рода, которые дадутъ болѣе возможности обсудить и вывести значеніе и дѣйствіе многихъ хозяйственныхъ мѣръ и распоряженій. Сверхъ-того, съ цѣлью дать возможность каждому открыть свои нужды и пріискать къ нимъ средства, въ-особенности ища въ виду промышленниковъ и молодежь, ищущую честнаго труда, пріимаются для напечатанія въ Указателѣ извѣщенія о разныхъ предметахъ запроса и сбыта въ области промышленности и торговли, и о воспитанникахъ промышленно-учебныхъ заведеній, предлагающихъ свои услуги, и т. п. Наконецъ, вмѣсто совершенно свободного размѣщенія статей, введены постоянные для нихъ отдѣлы, облегчающіе для читателя пріисканіе желаемаго. По поводу сихъ дополненій, съ настоящаго года журналъ получилъ наименіе — Указатель политico-экономической. — б) Экономистъ, который издается въ видѣ постоянного приложения къ Указателю, будетъ выходить въ числѣ шести книжекъ въ годъ. — в) Къ Вѣстнику естественныхъ наукъ прибавленъ новый отдѣлъ, въ которомъ будутъ помѣщены извѣстія о новѣйшихъ открытіяхъ и разборы замѣчательнѣйшихъ естественно-историческихъ сочиненій. Вмѣсть съ тѣмъ объемъ Вѣстника увеличился: вмѣсто двухъ номеровъ въ мѣсяцъ, сихъ будетъ издаваться ежемѣсячно книжками въ 8 печатныхъ листовъ, съ политикаами. — г) Для Москвы, до сего времени не имѣвшей ежедневной политической газеты, превращеніе съ настоящаго года Московскихъ (универс.) вѣдомостей въ ежедневную газету составляетъ событие замѣчательное. — д) Всѣдѣствие обилия материаловъ и нежеланія разбивать обширныя сочиненія на два года, редакція Русской бесѣды решилась издавать ону въ 1859 году не въ четырехъ, а въ шести томахъ. — е) Книжки Атенея, съ цѣлью устраненія по-возможности частаго перерыва статей, стали являться не еженедѣльно, а по два раза въ мѣсяцъ.

О продолженіи изданий журналовъ Общезанамѣтительный вѣстникъ и Мода, остановившихся далеко до истеченія 1858 года, объявленій не было, и потому оба эти изданія можно считать прекратившимися.

Затѣмъ слѣдовало бы вывести общий итогъ повременныхъ изданій, которыхъ выходятъ и имѣютъ выходить въ свѣтъ въ те-

кующемъ году; но мы прежде обратимся къ замѣчаніямъ на статью нашего журнала: «Повременныя изданія въ Россіи съ 1858 году», напечатаннымъ въ Библіографическомъ указателѣ за прошлый годъ (№ 15), съ полной благодарностью употребимъ эти замѣчанія въ дѣло и въ то-же время, въ исполненіе желанія составителя сихъ замѣчаній и съдѣдащаго за ними «Списка періодическихъ изданій (журналовъ и газетъ), выходящихъ въ Российской имперіи въ 1858 году», предложимъ свои замѣтки какъ на эти замѣчанія, такъ и на списокъ періодическихъ изданій.

Съ первого взгляда разница между числомъ періодическихъ изданій 1858 г. по списку Журнала и. и. пр. (204) и по списку Библіограф. записокъ (242), покажется весьма значительной, особенно если изъ нашего списка исключить еще нѣсколько изданій, о прекращеніи которыхъ редакція не имѣла срѣдствъ. Но эта разница весьма сократится, если изъ списка Библіогр. записокъ устраниТЬ тѣ изданія, которыя, по нашему мнѣнію, не могутъ быть почитаемы періодическими даже и не въ строгомъ смыслѣ этого слова. Намъ кажется, что сдѣли бы это правильно вносить въ такой списокъ, напр., отдельные изданія сочиненій Русскихъ или иностраннѣхъ писателей въ Русскомъ переводѣ, выдаваемыя по частямъ, хотя и подъ общимъ заглавіемъ. А между тѣмъ мы находимъ въ упомянутомъ спискѣ слѣдующія изданія: «Историки и публицисты новѣйшихъ временъ», изд. при *Отечественныхъ запискахъ*; «Историческая библиотека», изд. при *Союзнике*; «Русская сельско-хозяйственная библиотека», изд. А. Резника; «Библиотека для дачъ, пароходовъ и желѣзныхъ дорогъ», изд. Смирдина.

Далѣе въ нашемъ спискѣ не значится нѣсколькихъ изъ тѣхъ изданій ученыхъ и сельско-хозяйственныхъ обществъ, которые показаны въ спискѣ Библіогр. записокъ. Въ этомъ случаѣ, имѣя въ виду, что не всѣ общества издаютъ свои труды и записки непрѣмѣнно ежегодно, мы внесли въ нашъ списокъ только такія изъ сихъ изданій, на появленіе которыхъ въ теченіе года можно разсчитывать, на основаніи періодического появленія ихъ въ предшедшіе годы. Внесеніе въ списки періодическихъ изданій такихъ трудовъ ученыхъ обществъ, которые появляются не ежегодно, можетъ затруднить позднѣйшихъ библіографовъ: ибо, на основаніи сихъ списковъ, можетъ быть предполагаемо существованіе сихъ трудовъ и за тѣ годы, въ ко-

торые они вовсе не выходили въ свѣтъ, особенно если этиль трудами не ведется счета томами. Вотъ почему между прочими мы не внесли въ нашъ реестръ «Записокъ Одесского общества исторіи и древностей», которыхъ въ-течение десяти лѣть вышли только три тѣма и которая съ 1853 не появлялась. По такой-же причинѣ не показаны также «Nouveaux m moires de la societ  iшpr giale des naturaliste de Moscou», «Beitr ge zur Keantiaiss des Russische Reiche», «Этнографический» и «Статистический» Сборники Императорскаго Русскаго географическаго общества.

Шесть изданій Императорской академіи наукъ, которая выходити въ свѣтъ подъ названиемъ *M langes*, мы не сочли нужнымъ включать въ нашъ списокъ потому, что это суть не что иное, какъ сборники изъ особыхъ оттисковъ тѣхъ-же самыхъ статей, которые входяти въ составъ двукъ Бюллетеней академіи, показанныхъ въ нашемъ спискѣ подъ №№ 202 и 203.

Вотъ тѣ замѣчанія, которая относятся собственно до состава списка периодическихъ изданій за 1858 годъ, помѣщенаго въ Библіограф. запискахъ. Что-же касается библіографическихъ достоинствъ этого списка, то онъ отличается крайнею исправленностью (*), которая много способствовала намъ привести въ надлежащій порядокъ нижеслѣдующій нашъ списокъ изданій на 1859 годъ.

Вообще въ настоящемъ году въ Россіи, на Русскомъ и другихъ языкахъ, издается уже и будетъ издаваться: газетъ, вѣдомостей и листковъ 123, журналовъ и повременныхъ изданій ученыхъ обществъ 134.

НА РУССКОМЪ ЯЗИКѢ:

Въ С. Петербургѣ:

а) Газеты и вѣдомости.

- 1) С. Петербургскія сенатскія вѣдомости. Выходятъ еженощельно по вторникамъ и пятницамъ.

(*) Замѣтимъ только, что журналъ *Чтеніе для солдатъ* издавался въ 1858 году подъ редакціею не И. Чекмарева, а А. Гейрота. Въ заглавіи подъ № 74 (*Verhandl. der Russ. Kaiserl. Gesell.*), вѣроятно, есть типографскій пропускъ, и нужно разумѣть *Труды Имп. Рус. минералогического общества*, которыхъ въ спискѣ не значится.

- 2) С. Петербургскія сенатскія объявленія по судебнѣй и другимъ дѣламъ. Выходятъ еженедѣльно по понедѣльникамъ и четвергамъ.
- 3) С. Петербургскія сенатскія объявленія о запрещеніяхъ и разрѣшеніяхъ на недвижимыя имѣнія. Выходятъ еженедѣльно по средамъ и субботамъ.
- 4) Духовная беſѣда, издаваемая при С. Петербургской духовной семинарии. Еженедѣльное изданіе.
- 5) С. Петербургскія (академическая) вѣдомости. Газета политическая и литературная, — ежедневная. Редакторъ *А. Очаковъ*.
- 6) Русскій инвалидъ. Газета военная, — ежедневная. Редакторъ *Лебедевъ З.-й*.
- 7) Русскій дневникъ. Ежедневная газета. Редакторъ *П. Мельниковъ*.
- 8) Русскій міръ. Политическая, общественная и литературная газета. Выходитъ еженедѣльно подъ редакцією *В. Стокинна*. Издатель *Я. Писаревъ*.
- 9) Коммерческая газета. Выходитъ четыре раза въ недѣлю. Редакторъ *Небольсинъ*. При ней издается С. Петербургскій прѣсъ-курантъ.
- 10) Производитель и промышленникъ. Выходитъ два раза въ недѣлю. Редакторъ *Н. Лебедевъ*.
- 11) Вѣдомость главнымъ товарамъ, къ С. Петербургскому порту привозимымъ.
- 12) Земледѣльческая газета. Выходитъ два раза въ недѣлю. Редакторъ *Заблоцкій-Дедятовскій*.
- 13) Газета лѣсоводства и охоты. Еженедѣльная. Редакторъ *П. Коноплиновъ*.
- 14) Листокъ для всѣхъ. Газета реальныхъ знаній, промышленности, хозяйства, домоводства и общедоступной медицины. Редакторъ и издатель *В. Бурнашевъ*.
- 15) Посредникъ промышленности и торговли. Телеграфическая торговыя извѣстія изъ Лондона, Ливерпуля, Амстердама, Роттердама, Гамбурга, Берлина и пр. Выходитъ ежедневно, а иногда два раза въ день, утромъ и вечеромъ. Издатель и редакторъ *С. Усольевъ*.
- 16) С. Петербургскія губернскія вѣдомости. Еженедѣльные,

- 17) Вѣдомости С. Петербургской городской полиціи. Ежедневный. Редакторъ *Е. Сюродниковъ*.
- 18) Мѣсячная вѣдомость С. Петербургской городской распорядительной думы о справочныхъ цѣнамъ.
- 19) Недѣльная вѣдомость С. Петербургской городской думы о справочныхъ цѣнахъ.
- 20) Оѣверная пчела. Газета политическая и литературная, — ежедневная. Редакторы *Н. Гречъ и Булгаринъ*.
- 21) Русскій художественный листокъ. Выходитъ три раза въ мѣсяцъ. Издатель *В. Тимъ*.
- 22) Журналъ для акціонеровъ. Выходитъ еженедѣльно. Издатель-редакторъ *К. Трубниковъ*.
- 23) Золотое руно. Выходитъ еженедѣльно. Редакторъ *И. Бочаровъ*.
- 24) Иллюстрація. Всемирное обозрѣніе. Выходитъ еженедѣльно. Редакторъ *В. Зотовъ*, издаваемое при А. Бауманѣ.
- 25) Другъ здравія. Врачебная газета. Выходитъ еженедѣльно. Редакторъ *Пеликанъ*.
- 26) Протоколы засѣданій Общества Русскихъ врачей въ С. Петербургѣ. Выходятъ два раза въ мѣсяцъ, кроме гѣтихъ каникулярныхъ мѣсяцевъ, когда не бываетъ засѣданій.

б) Журналы и изданія ученыхъ обществъ.

- 27) Христіанскoe чтеніе, издаваемое при С. Петербургской духовной академіи. Ежемѣсячный.
- 28) Журналъ министерства народного просвѣщенія. Ежемѣсячный. Редакторъ *А. Никитенко*.
- 29) Журналъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Ежемѣсячный. Редакторъ *Варадино*.
- 30) Журналъ министерства государственныхъ имуществъ. Ежемѣсячный. Редакторъ *В. Безобразовъ*.
- 31) Журналъ министерства юстиціи. Ежемѣсячный. Редакторъ *А. Дромцкій*.
- 32) Ученые записки по II-му Отдѣленію Императорской академіи наукъ. Выходятъ безсрочно, выпусками. Редакторъ *И. Срезневскій*.
- 33) Извѣстія Императорской академіи наукъ по отдѣленію Русского языка и словесности. Выходятъ безсрочными выпусками подъ редакцією *И. Срезневскаго*.

- 34) Журналъ мануфактуръ и торговли, издаваемый отъ департамента мануфактуръ и наимѣннейшей торговли. Ежемѣсячный. Редакторъ *Москвитинъ*.
- 35) Военный журналъ, издаваемый военно-ученымъ комитетомъ. Выходитъ черезъ каждые два мѣсяца.
- 36) Журналъ главнаго управления путей сообщенія и публичныхъ зданій. Выходитъ чрезъ каждые два мѣсяца.
- 37) Горный журналъ или собраніе свѣдѣній о горномъ и соляномъ дѣлѣ, съ присовокупленіемъ новыхъ открытій по наукамъ, къ саму предмету относящимся. Ежемѣсячный.
- 38) Инженерный журналъ, издаваемый инженернымъ отдѣленіемъ военно-ученаго комитета. Выходитъ чрезъ каждые три мѣсяца. Редакторъ *Минута*.
- 39) Артиллерійскій журналъ. Выходитъ чрезъ каждые два мѣсяца.
- 40) Записки военно-топографическаго депо. Выходятъ безсрочно.
- 41) Морской сборникъ, издаваемый отъ морскаго ученаго комитета. Ежемѣсячный. Издатель *Зеленый*.
- 42) Военный сборникъ. Ежемѣсячный. Издаваемый по Высочайшему повелѣнію при штабѣ отдѣльного гвардейскаго корпуса. Редакторъ *Меньковъ*.
- 43) Вѣстникъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества, издаваемый подъ редакціемъ секретаря Общества *Н. Дамаско*. Ежемѣсячный.
- 44) Записки Императорскаго Русскаго географическаго Общества. Безсрочныя.
- 45) Записки Императорскаго археологическаго Общества. Безсрочныя.
- 46) Извѣстія Императорскаго археологическаго Общества. Выходятъ безсрочными выпусками.
- 47) Записки восточнаго отдѣленія Императорскаго археологическаго Общества. Выходитъ безсрочно. Редакторъ *П. Савельевъ*.
- 48) Извѣстія восточнаго отдѣленія Императорскаго археологическаго Общества. Выходитъ безсрочно, подъ редакціей *П. Савельева*.
- 49) Военно-медицинскій журналъ, издаваемый медицинскимъ департаментомъ военнаго министерства. Ежемѣсячный.

- 50) Журналъ для чтенія воспитанниковъ, военно-учебныхъ заведеній. Выходитъ книжками два раза въ мѣсяцъ.
- 51) Чтеніе для солдатъ. Выходитъ чрезъ каждые два мѣсяца. Редакторъ *Гекротъ*.
- 52) Народное чтеніе. Шесть книжекъ въ годъ. Редакторы *А. Оболомскій* и *Г. Щербачевъ*.
- 53) Солдатское чтеніе. Шесть книжекъ въ годъ. Редакторъ и издатель *А. Погоскій*.
- 54) Труды Императорскаго вольного экономического Общества. Выходятъ ежемѣсячно. При нихъ издаются въ видѣ особаго прибавления:
- 55) Экономическая Записки. Выходятъ еженедѣльно.
- 56) Журналъ коннозаводства и охоты. Ежемѣсячный. Редакторъ *Граевскій*.
- 57) Журналъ общеполезныхъ свѣдѣній. Вѣстникъ наукъ искусствъ, промышленности, ремесль, руководлій, домашняго хозяйства и всякаго рода полезныхъ знаній. Ежемѣсячный.
- 58) Городской и сельскій строитель, механикъ и технологъ. Ежемѣсячный. Издатель и редакторъ *А. Николаевъ*.
- 59) Архитектурный вѣстникъ. Журналъ архитектуры, искусствъ и строительной механики. Выходитъ ежемѣсячно. Редакторъ академикъ *А. Жуковскій*.
- 60) Рисовальщикъ. Журналъ рисунковъ-образцовъ по части техническихъ искусствъ и предметовъ домашняго быта, съ объяснительнымъ текстомъ. Выходитъ четыре раза въ годъ. Издатель *К. Шнейдеръ*.
- 61) Записки ветеринарной медицины. Практическій журналъ для ветеринаровъ, кавалеристовъ, коннозаводчиковъ и сельскихъ хозяевъ. Шесть книжекъ въ годъ. Редакторъ *А. Боссе*.
- 62) Библиотека медицинскихъ наукъ. Ежемѣсячно выходить пять выпусковъ. Издатель-редакторъ *М. Аланъ*.
- 63) Химический журналъ, ежемѣсячный. Редакторы *Н. Соколовъ* и *А. Энгельгардтъ*.
- 64) Гигея, журналъ для правильной и долгой жизни, основанный на началахъ естественныхъ наукъ и нравственной философіи. Редакторъ *А. Ильинскій*.
- 65) Архивъ историческихъ и юридическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи. Выходитъ въ два мѣсяца разъ. Редакторъ и издатель *Н. Калачевъ*.

- 66) Библиотека для чтенія. Журналъ словесности, наукъ, художествъ, промышленности, новостей и моды. Ежемѣсячный. Редакторы *A. Дружининъ* и *Ф. Писемскій*, издатель *Печатникъ*.
- 67) Современникъ. Литературный журналъ. Выходитъ ежемѣсячно. Издается *И. Накасымъ* и *Н. Некрасовыи*.
- 68) Отечественные записки. Учено-литературный журналъ. Ежемѣсячный. Редакторъ и издатель *А. Краевскій*.
- 69) Русское слово. Литературно-ученый журналъ издаваемый гравюрамъ *Гр. Кушелевымъ-Безбородко* подъ его же редакціею вмѣстѣ съ *Л. Шолонскимъ*.
- 70) Сынъ отечества. Журналъ политической, ученой и литературной. Еженедѣльный. Редакторъ *А. Старческій*.
- 71) Орелъ. Журналъ ученого-литературный, иллюстрированный. Будетъ выходить ежемѣсячно съ апрувомъ мѣсяца, подъ редакціею *А. Богуславича*.
- 72) Семейный кругъ. Журналъ литературы, искусствъ, технологии, промышленности, хозяйства и охоты. Ежемѣсячный.
- 73) Драматический сборникъ. Выходитъ чрезъ два мѣсяца.
- 74) Указатель политico-экономический. Статистический и промышленный журналъ, издаваемый подъ редакціею *И. Вернидубского*. При немъ издается, какъ постоянное приложение:
- 75) Экономистъ, шесть книгъ въ годъ.
- 76) Свѣтопись. Художественный журналъ. Ежемѣсячный. Издатель *Оже*.
- 77) Кавказцы, или подвиги и жизнь замѣчательныхъ лицъ, дѣйствовавшихъ на Кавказѣ. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Редакторъ и издатель *С. Новоселовъ*.
- 78) Живописный сборникъ. Ежемѣсячный. Издатели *А. Шлюшаръ* и *В. Генкель*.
- 79) Живописная Русская библиотека. Выходитъ еженедѣльно. Издатель и редакторъ *К. Полевои*.
- При ней издается прибавление, подъ заглавиемъ:
Современная иностранная литература.
- 80) Музикальный и театральный вѣстникъ. Еженедѣльный. При немъ издается ежемѣсячно, отдельными книжками:
Собрание театральныхъ піесъ и репертуаръ Русской сцены.
- 81) Собрание иностранныхъ романовъ, повѣстей и рассказовъ.

- зовъ въ переводѣ на Русскій языкъ. Ежемѣсячное. Редакцію завѣдуетъ *Ахматовъ*.
- 82) Шехеразада. Журналъ романовъ и повѣстей. Еженедѣльный. Редакторъ *А. Сомовъ*.
- 83) Звѣздочка. Журналъ для дѣтей, посвященный воспитанницамъ институтовъ Ея Императорскаго Величества. Ежемѣсячный. Издательница *А. Милюкова*.
- 84) Лучи. Журналъ для дѣвицъ. Ежемѣсячный. Издательница *А. Милюкова*.
- 85) Журналъ для дѣтей. Духовное, нравственное, историческое, естествоописательное и литературное чтеніе, посвященное Его Императорскому Высочеству Государю Наслѣднику Цесаревичу Николаю Александровичу. Выходитъ еженедѣльно. Редакторъ и издатель *М. Чистяковъ*.
- 86) Журналъ для воспитанія. Ежемѣсячный. Редакторъ и издатель *А. Чумиковъ*.
- 87) Русскій педагогическій вѣстникъ. Ежемѣсячный. Редакторъ *И. Гурьевъ*.
- 88) Часть досуга. Журналъ игрь, забавъ и увеселительного чтенія для Русскаго юношества, издаваемый Русскимъ дамами, подъ редакціемъ дѣвицы Эсбе. Выходитъ ежемѣсячно.
- 89) Подсѣжникъ. Журналъ для дѣтскаго и юношескаго возраста. Ежемѣсячный. Редакторъ *В. Майковъ*.
- 90) Художественный журналъ для юношества, издаваемый *Петрсономъ*. Ежемѣсячный.
- 91) Школа для юношества. Выходитъ безсрочно.
- 92) Разсвѣтъ. Ежемѣсячный журналъ для дѣвицъ отъ 14 лѣтъ. Редакторъ *Б. Кремпинъ*.
- 93) Собесѣдникъ. Ежемѣсячный журналъ для дѣтей обоего пола. Редакторъ *Н. Ушаковъ*.
- 94) Журналъ избраннаго чтенія (*Journal de lecture choisie*). Учено-литературный журналъ на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Редакторъ *П. Широковъ*.
- 95) Искра. Еженедѣльный сатирический журналъ съ карикатурами. Издатели-редакторы *П. Степановъ* и *В. Курочкинъ*.
- 96) Арлекинъ. Еженедѣльный журналъ легкаго и забавнаго чтенія съ иллюстраціями.

- 97) Гудокъ. Юмористическо-сатирический журналъ. Издатель и редакторъ *Г. Блокъ*.
- 98) Лицтокъ знакомыиъ. Журналъ карикатуръ съ литературы, турнировъ, премий, драмавеніями. Выходитъ безсрочно. Издатель *А. Бенроузъ*.
- 99) Весельчакъ. Еженедѣльный журналъ всякихъ разныхъ странностей свѣтскихъ, литературныхъ, художественныхъ и иныхъ. Редакторъ *Н. Лысовъ*. Издатель *А. Плюшаръ*.
- 100) Русскій библіографическій листокъ. Изд. *А. Смирдунъ* и *В. Генкелевъ*. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ.
- 101) Ласточка. Дамскій журналъ, посвященный литературѣ, знаніямъ, изящнымъ искусствамъ, домашней медицинѣ, женскому хозяйству и модамъ. Ежемѣсячный.
- 102) Меркурій модъ. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ. Редакторъ и издатель *П. Шеваръ*.
- 103) Музикальный свѣтъ. Музикальный журналъ съ литературными прибавленіями. Выходитъ ежемѣсячно. Редакторъ *В. Фракманъ*.
- 104) Нувеллистъ. Музикальный журналъ, съ Литературными прибавленіями. Ежемѣсячный. Издатель *Бернардъ*.
- 105) Ваза. Журналъ шитья и вышиванья, дамской экономіи, сельского и городскаго хозяйства. Еженедѣльный.
- 106) Гирлянда. Журналъ новѣйшихъ образцовъ для шитья, вышиванья по канвѣ и въ тамбуръ, выкроекъ, узоровъ и послѣднихъ Петербургскихъ и Парижскихъ модъ. Ежемѣсячный, на Русскомъ и Французскомъ языкахъ. Издатель *А. Плюшаръ*.
- 107) Сѣверный цвѣтокъ. Еженедѣльный. Редакторъ *А. Станкевичъ*, издательница *М. Станкевичъ*.

Въ Москву:

а) Газеты:

- 108) Московскія сенатскія объявленія по судебнѣмъ и другимъ дѣламъ. Выходятъ два раза въ недѣлю.
- 109) Московскія (университетскія) вѣдомости. Газета педагогическая и литературная. Выходитъ ежедневно. Редакторъ *В. Коришъ*.

- 110) Русская газета, политическая, экономическая и литературная. Выходит еженедельно. Редакторъ *С. Полев.*
- 111) Промышленный листокъ. Газета промышленности и торговли. Выходит два раза въ недѣлю. Редакторъ *М. Киттари.*
- 112) Московская медицинская газета. Еженедельная. Редакторы профессоръ *Ф. Икоземцевъ* и докторъ *С. Смирновъ.*
- 113) Московскія губернскія вѣдомости. Еженедельные.
- 114) Вѣдомости Московской городской полиціи. Ежедневные. Редакторъ *М. Захаровъ.*
- 115) Московскій вѣстникъ. Выходитъ еженедельно.

б) Журналы и издания ученыхъ обществъ:

- 116) Творенія св. отцевъ въ Русскомъ переводахъ, съ Прибавлениями духовнаго содержанія, издаваемыя при Московской духовной академіи. Четыре книги въ годъ.
- 117) Чтенія въ Императорскомъ Московскомъ Обществѣ истории и древностей Россійскихъ. Четыре книжки въ годъ. Издаются подъ редакціею секретаря Общества *О. Бодянского.*
- 118) Библіотека математическихъ и естественныхъ наукъ. Сборникъ, издаваемый студентами Императорскаго Московскаго университета. 6 книгъ въ годъ.
- 119) Извѣстія комитета акклиматизаціи Императорскаго Общества сельскаго хозяйства. Одинъ томъ въ годъ. Редакторъ *Я. Калмыковъ.*
- 120) Вѣстникъ естественныхъ наукъ, издаваемый Императорскимъ Московскимъ Обществомъ испытателей природы. Ежемѣсячный.
- 121) Журналъ землевладѣльцевъ. Выходитъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ. Издатель *А. Желтухинъ.*
- 122) Русскій вѣстникъ. Учено-литературный журналъ. Выходитъ книжками два раза въ мѣсяцъ, подъ редакціею *И. Камкова.*
- 123) Атенеум. Журналъ критики, современной истории и литературы. Выходитъ два раза въ мѣсяцъ, подъ редакціею *Е. Корши.*
- 124) Русская бесѣда. Выходитъ черезъ два мѣсяца. Издатель *А. Кошелевъ.* При ней особый отдельный, издаваемый въ видѣ отдельного журнала, подъ названіемъ:

- 125) Сельское благоустройство. Выходитъ ежемѣсячно.
- 126) Московское обозрѣніе, критический журналъ, издав. А. Лаксомъ. Выходитъ чрезъ каждые два мѣсяца.
- 127) Лѣтописи Русской литературы и древности. Выходятъ чрезъ каждые два мѣсяца. Редакторъ Н. Тихонравовъ.
- 128) Дѣтскій журналъ, издаваемый Б. Залльскимъ. Ежемѣсячный.
- 129) Развлеченіе. Литературный и юмористический журналъ съ политическими, еженедѣльнымъ. Редакторъ и издаатель О. Миллеръ.
- 130) Библіографическая записки. Выходятъ два раза въ мѣсяцъ. Издатель Щепкинъ.
- 131) Журналъ сельского хозяйства, издаваемый отъ Императорскаго Московскаго Общества сельского хозяйства, подъ редакцію С. Маслова и М. Кимтары. Ежемѣсячный.
- 132) Московскій врачебный журналъ. Выходитъ чрезъ каждые два мѣсяца, подъ редакцію В. Полунина.
- 133) Журналъ садоводства, издаваемый Россійскимъ Обществомъ любителей садоводства. Выходитъ ежемѣсячно, подъ редакцію П. Пикулина.
- 134) Журналъ охоты. Ежемѣсячный. Издатель и редакторъ Георгий Минз.
- 135) Школа рисованія. Еженедѣльная газета. Редакторъ-издатель Д. Струковъ.
- 136) Магазинъ модъ и рукодѣлья.
- 137) Сандрильона. Журналъ шитья, вышиванья и разныхъ работъ. Ежемѣсячный.

Въ Вильне:

- 138) Записки Виленской археологической комиссіи, на Русскомъ и Польскомъ языкахъ. Выходятъ безсрочно. Редакторы А. Киркоръ и Н. Малиновскій.
- 139) Виленскій вѣстникъ. Официальная газета, выходитъ два раза въ недѣлю, на Русскомъ и Польскомъ языкахъ.
- 140) Виленскія губернскія вѣдомости.

Въ Иркутскъ:

- 141) Записки Сибирского отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго Общества. Выходять безсрочно.
 142) Иркутскія губернскія вѣдомости.

Въ Казани:

- 143) Православный собесѣдникъ, издаваемый при Казанской духовной академіи. Ежемѣсячный журналъ.
 144) Ученыя записки Императорскаго Казанскаго университета. Четыре книжки въ годъ, безсрочныя.
 145) Записки Императорскаго Казанскаго экономического Общества. Издаются ежемѣсячно. Редакторъ А. Чунимовъ.
 146) Казанскія губернскія вѣдомости.

Въ Киевѣ:

- 147) Воскресное чтеніе, издаваемое при Киевской духовной академіи. Еженедѣльная газета. Издание начинается съ Свѣтлого Христова воскресенія.
 148) Киевскія губернскія вѣдомости.

Въ Одессѣ:

- 149) Одесскій вѣстникъ. Газета, выходитъ три раза въ недѣлю. Редакторъ Н. Сокольскій.
 150) Записки Императорскаго Общества сельскаго хозяйства южной Россіи. Выходятъ ежемѣсячно. Редакторъ Палимпестовъ.
 151) Южный сборникъ, учено-литературный журналъ, издаваемый Н. Максимовыми.

Въ Ригѣ:

- 152) Училище благочестія, издаваемое при Рижской духовной семинарии. Выходитъ чрезъ каждые три мѣсяца.
 153) Остзейскій вѣстникъ. Газета новостей, общеполезныхъ свѣдѣній, литературы, торговли и промышленности. Выходитъ три раза въ недѣлю. Редакторъ и издатель А. Иерсевъ.

Въ Тифлисѣ:

- 154) Кавказъ. Газета политическая и литературная. Выходитъ два раза въ недѣлю Редакторъ О. Бобылевъ. При ней издается казенное еженедѣльное прибавление, подъ названиемъ: Закавказскій вѣстникъ.
- 155) Записки Кавказскаго Общества сельского хозяйства. Ежемѣсячныя. Редакторъ В. Неннинерь.
- 156) Записки Кавказскаго отдѣла Императорскаго географическаго Общества. Выходятъ безсрочно.

Въ Кронштадтѣ:

- 157) Кронштадтская газета. Издается два раза въ мѣсяцъ.
- 158) Листокъ привознымъ товарамъ. Издается безсрочно во время навигации.
- 159—206) Сверхъ того издаются на Русскомъ языкѣ Губернскія вѣдомости въ Архангельскѣ, Астраханіи, Витебскѣ, Влади-мирѣ, Вологдѣ, Воронежѣ, Вяткѣ, Гроднѣ, Екатеринославлѣ, Житомирѣ, Калугѣ, Каменцѣ-Подольскомъ, Кишиневѣ (Бессарабской области), Костромѣ, Ковнѣ, Курскѣ, Минскѣ, Митавѣ, Могилевѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Новочеркасскѣ (войсковыя), Новгородѣ, Орлѣ, Пензѣ, Перми, Петрозаводскѣ, Полтавѣ, Псковѣ, Ревелѣ, Ригѣ, Рязани, Самарѣ, Саратовѣ, Симбирскѣ, Симферополѣ, Смоленскѣ, Ставрополѣ, Тамбовѣ, Твери, Тобольскѣ, Томскѣ, Тулѣ, Уфѣ, Харьковѣ, Херсонѣ, Черниговѣ и Ярославлѣ,—итого 47 (*).

*На французскомъ языке:**Въ С. Петербургѣ:*

- 207) Mémoires de l'Académie Impériale des sciences de St. Petersbourg. Выходятъ выпусками, безсрочно.

(*) Губернскія вѣдомости выходятъ однажды въ недѣлю, и раздѣляются на два отдѣла: 1) на общий, статьи которого предназначаются для всеобщаго по государству свѣдѣнія, и 2) на местный, въ которомъ печатаются статьи къ свѣдѣнію по одной только своей губерніи. Первый отдѣлъ весь официальный; второй-же состоять изъ двухъ частей—официальной и неофициальной. Губернскія вѣдомости Эстляндскія, Лифляндскія и Курляндскія издаются на Русскомъ и Нѣмецкомъ языкахъ.

- 208) Mémoires présentés à l'académie Impériale de St. Pétersbourg par divers savans. Выходить безсрочно.
- 209) Bulletin de la classe physico-matématique de l'académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg. Выходить безсрочно (*).
- 210) Bulletin de la classe des sciences historiques, philologiques et politiques de l'Académie Impériale des sciences de St. Pétersbourg. Выходить безсрочно (**).
- 211) Journal de St. Pétersbourg. Ежедневная газета.
- 212) Revue étrangère de la littérature, des sciences et des arts. Choix d'articles extraits des meilleurs ouvrages et recueils périodiques publiés en Europe. Выходить три раза въ мѣсяцъ, въ 1, 10 и 20 числа.
- 213) Le Dimanche. Journal hebdomadaire. Litterature, beaux-arts théâtres, causeries, nouvelles du monde etc. Редакторъ К. Сенкевичъ.

Въ Москве:

- 214) Bulletin de la Société Impériale des naturalistes de Moscou. Четыре книжки въ годъ, безсрочныя. Идаются подъ редакціею секретаря Общества Ремара.

Въ Одессѣ:

- 215) Journal d'Odessa. Выходить еженедѣльно два раза, подъ редакціею де Рибаса. При ней издается прибавление (см. № 245).

*На комицкомъ языке:**Въ С. Петербургѣ:*

- 216) St. Petersburgische evangelisches Sonntagsblatt. Еженедѣльная газета. Редакторъ Р. Зеебергъ.

(*) Изъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ Bulletin, составляются особые сборники, которые издаются ежегодно подъ заглавиемъ:

Mélanges physiques et chimiques	tirés du bulletin physico-mathématique.
Mélanges biologiques	
Mélanges mathématiques et astronomique	

(**) Изъ статей, помѣщенныхъ въ этомъ Bulletin, составляются особые сборники, которые ежегодно издаются подъ заглавиемъ:

Mélanges asiatiques	tirés du bulletin historico-philologique.
Mélanges gréco-romains	
Mélanges russes	

- 217) St. Petersburger Zeitung. Ежедневная газета. Редакторъ *К. Мейеръ*.
- 218) St. Petersburgische Handels-Zeitung. Выходитъ четыре раза въ недѣлю. При ней издаются:
- 219) St. Petersburger Preis-Courant, ausgegeben vom Departement des auswrtigen Handels, alle Dienstage und Freitage, wrend der Schiffahrt und nach Beendigung derselben nur Freitags.
- 220) Verzeichniss der vorzglichsten in St. Petersburg eingefuhrten Waaren.
- 221) Mittheilungen der Kaiserlichen Freen Oekonomischen Gesellschaft zu St. Petersburg. Шесть книжекъ въ годъ.
- 222) Medicinische Zeitung Russlands. Выходитъ еженедѣльно. Издаётся подъ редакціею *М. Гейне, Р. Кребеля и Тильмана*.
- 223) Memorabilien der Veterinaer-Medicin in Russland. Выходятъ безсрочно.

Въ Дерпти:

- 224) Drptsche Zeitung. Выходятъ три раза въ недѣлю.
- 225) Das Inland. Eine Wochenschrift fr Liv-, Ehst- und Kurlands Geschichte, Geographie, Statistik und Literatur. Газета — выходитъ еженедѣльно.
- 226) Livlndische Jahrbucher der Landwirthschaft. Выходитъ выпусками, безсрочно.
- 227) Verhandlungen der gelehrten Ehstnischen Gesellschaft zu Dorpat. Выходятъ выпусками, безсрочно, на Нѣмецкомъ и Эстскомъ языкахъ.
- 228) Archiv fr die Naturkunde Liv- Esth- und Kurlands. Выходитъ безсрочно.

Въ Ригѣ:

- Livlndische Gouvernements-Zeitung. Выходятъ два раза въ недѣлю.
- 229) Riga sche Zeitung. Ежедневная газета.
- 230) Riga sche Stadtbltter. Выходитъ разъ въ недѣлю.
- 231) Mittheilungen und Nachrichten fr die evangelische Geistlichkeit-Russlands, herausgegeben unter Mitwirkung mehrerer

evangelischen Geistlichen Russlands durch Dr. Carl Christian Ullmann. Выходитъ безсрочно.

- 232) Mittheilungen aus dem Gebiete der Geschichte Liv-, Ehst- und Kurland's, herausgegeben von der Gesellschaft für Geschichte und Alterthumskunde der Russischen Ostsee-Provinzen. Выходятъ безсрочными выпусками.
- 233) Correspondenzblatt des Naturforschenden Vereins zu Riga. Выходитъ листками, безсрочно.
- 234) Beitrage zur Heilkunde. Выходитъ безсрочно.

Въ Митавѣ:

Kurländische Gouvernements-Zeitung. Выходятъ два раза въ недѣлю.

- 235) Kurländische landwirtschaftliche Mittheilungen. Издаются выпусками два раза въ мѣсяцъ.
- 236) Magazin herausgegeben von der lettischer Literatur- Gesellschaft. Выходитъ безсрочно.

Въ Ревельѣ:

- 237) Archiv für Liv- Ehst- und Kurländische Geschichte. Выходятъ безсрочными выпусками.

Ehstländische Gouvernements-Zeitung. Выходятъ два раза въ недѣлю.

Въ Одессѣ:

- 238) Unterhaltungsblatt für deutsche Ansiedler im südlichen Russland. Выходитъ ежемѣсячно, листками. Редакторъ Штальберг.

Въ Кронштадтѣ:

- 239) Liste der importirten Waaren. То-же, что на Русскомъ языке.
- 240) Schiffs-Liste. Выходитъ безсрочно.

Въ Либавѣ:

- 241) Libausche Zeitung. Выходитъ два раза въ недѣлю. Редакторъ Г. Мейеръ.

Въ Перносе:

242) *Pernausches Wochenblatt.* Еженедѣльная газета.

на Актаійскомъ языке:*Въ С. Петербургъ:*

243) List of the principal goods imported into St. Petersburg.

244) List of goods cleared for exportations at the St. Petersburg Customhouse.

на Итальянскомъ языке:

245) *Revista commerciale.* Еженедѣльная газета подъ редакціею *de Рибаса*, въ видѣ прибавленія къ *Journal d'Odessa*.

на Польскомъ языке:*Въ С. Петербургъ:*

246) *Tygodnik Petersburski.* Gazeta urzędowa Królestwa Polskiego.
Выходитъ два раза въ недѣлю. Редакторъ *O. Пршечлавскій*.

247) *Słowo. Czasopismo.* Состоитъ изъ газеты, выходящей два раза въ недѣлю, и изъ ежемѣсячныхъ прибавленій. Редакторъ *I. Орзыко*.

Въ Вильнѣ:

Kuryer Wilenski. Gazeta urzędowa (то-же, что на Русскомъ).
См. выше № 139.

248) *Teka Wilenska.* Выходитъ бессрочно четыре книжки въ годъ. Редакторъ *A. Киркоръ*.

на Латышскомъ языке:*Въ Ригѣ:*

249) *Ta skahla tahs deewabihjaschanas etc.* (то-же, что на Русскомъ и Эстскомъ языкахъ, см. №№ 152 и 253).

250) *Tallorahwa pastimees.* Еженедѣльная газета.

Въ Митавѣ:

- 251) Latweeschu Awises. Еженедѣльная газета.

Въ Перновѣ:

- 252) Perno postimees ehk N ddalilecht. Еженедѣльная газета.

НА ЗАТОСКОМЪ ЯЗЫКѢ:*Въ Ригѣ:*

- 253) Jummala Kartusse Kool. etc. (то-же, что на Русскомъ,
см. № 152).

НА ГРУЗИНСКОМЪ ЯЗЫКѢ:*Въ Тифлисѣ:*

- 254) Литературный журналъ, — еженедѣльный.
255) Заря. Журналъ. Двѣнадцать книжекъ въ годъ.

НА АРМЯНСКОМЪ ЯЗЫКѢ:*Въ Москве:*

- 256) Голубь Масиса. Ежемѣсячный журналъ.

Въ Тифлисѣ:

- 257) Пчела Армени. Еженедѣльная газета.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ.

Изслѣдованіе объ Украинскихъ ярмаркахъ, соч. Ив. Аксакова.

СТАТЬЯ ВТОРАЯ.

Въ первой статьѣ нашей объ изслѣдованіи г. Аксакова, пріобрѣтшемъ такую почетную извѣстность въ юной статистической литературѣ нашей, мы представили читателямъ замѣчательнѣйшія мѣста изъ введенія къ этому изслѣдованію, въ которомъ ученый авторъ сдѣлалъ мастерской очеркъ особенностей Украинскаго торга и нарисовалъ исполненную живѣйшаго интереса картину торгового движения Малороссійскихъ ярмарокъ. Введеніе это заключало въ себѣ, такъ сказать, сводъ, совокупность всего, что за-ключается въ замѣчательномъ труде г. Аксакова.

Теперь предстоитъ наиль обозрѣть самыя частности изслѣдованія, остановить вниманіе любителей статистической науки на отдельныхъ очеркахъ какъ главнѣйшихъ пунктовъ ярмарочнаго движения, такъ въ каждой группѣ товаровъ, привозимыхъ на Малороссійскія торжища. Здѣсь мы должны замѣтить предварительно, что въ этой части труда г. Аксакова проявилась вся изумительная дѣятельность автора, все рѣдкое искусство подмѣщать и собирать характеристическія частности, живо обрисовывающія состояніе торговли въ той или другой мѣстности, и представлять ихъ въ стройной и живой картинѣ. Мы уже имѣли случай упоминать о значительныхъ трудностяхъ, которыя представлялись изслѣдователю на пути его многостороннихъ изысканій о торговлѣ въ

странѣ малоразвитой, между населеніемъ мало-понимающимъ и мало-сочувствующимъ интересамъ науки. Но трудъ, проникнутый живымъ сознаніемъ пользы приобрѣтаемыхъ свѣдѣній и освѣщенный свѣтомъ обширныхъ и глубокихъ знаній, дозволилъ автору побѣдить эти преграды и богатить Русскую статистическую науку въ высшей степени интересными данными. Первую часть изслѣдований, какъ мы упоминали, авторъ посвятилъ обозрѣнію торговыхъ пунктовъ, где главныйшимъ образомъ разыгрывается Украинская торговая дѣятельность. Въ этой части труда своего, г. Аксаковъ представляетъ свѣдѣнія объ исторіи и современномъ состояніи главнѣйшихъ городовъ, въ которыхъ существуютъ ярмарки. Эти свѣдѣнія тѣмъ болѣе важны и поучительны, что, во-первыхъ, они хотя отчасти восполняютъ важный пробѣлъ въ вашей статистикѣ, — статистикѣ городовъ, состояніе которыхъ почти совершенно не изслѣдовано, и, во-вторыхъ, разсмотрѣніе городовъ въ-связи съ движениемъ внутренней торговли, въ нихъ производящейся, позволяетъ опредѣлить влияніе сей послѣдней на постепенное развитіе благосостоянія городскихъ поселеній, которое въ значительной степени зависитъ отъ большаго или меньшаго количества торговыхъ дѣлъ, имѣющихъ мѣсто въ средѣ города. Эта же статистика городовъ, съ другой стороны, указываетъ и на значеніе самого населенія въ нихъ; она показываетъ, какъ, подъ влияніемъ различія торговыхъ дѣлъ и приобрѣтенія городомъ характера промышленной и коммерческой мѣстности, развивается въ немъ болѣе производительное населеніе, усиливается число торговыхъ лицъ, увеличивается количество капиталовъ, завязанныхъ въ торговлю, и вслѣдствіе всѣхъ этихъ благопріятныхъ для городского благосостоянія обстоятельствъ, городъ получаетъ истинный характеръ торгового и промышленного центра, а отъ этого въ свою очередь зависитъ и развитіе его въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ, выражющееся въ числѣ училищъ, церквей и другихъ учрежденій, способствующихъ всестороннему развитію его населенія, которое, при пособіи всѣхъ этихъ способовъ просвѣщенія, выходитъ уже изъ среды патріархального и малоразвитаго класса и вступаетъ въ число болѣе образованныхъ, просвѣщенныхъ и слѣдовательно производительныхъ классовъ народа.

Приведемъ главнѣйшия черты изслѣдованія г. Аксакова о различныхъ городахъ, служащихъ мѣстомъ Украинской торговой дѣятельности.

Г. Аксаковъ начинаетъ съ самого главнаго пункта торговли — Харькова. Благосостояніе Харькова постоянно возрастаетъ, тогдакакъ прочіе ярмарочные города не представляютъ никакихъ улучшений въ своемъ бытѣ. Объясненіе такого процвѣтанія Харькова авторъ находитъ въ причинахъ историческихъ и географическихъ. Въ началѣ XVII столѣтія, при Михаилѣ Федоровичѣ, началось первое переселеніе Малороссіанъ въ Русскую Україну, именно въ верхнюю часть нынѣшней Харьковской губерніи. Число выходцевъ постоянно возрастило, они селились слободами, и при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ получили особенную организацію подъ названіемъ Слободскихъ полковъ. Въ одно время съ переселеніемъ возникли и города, именами которыхъ и назывались полки. Но, несмотря на Малороссійское происхожденіе, Слободские казаки рѣзко отличались отъ своихъ Украинскихъ братій. Оторвавшись отъ родной почвы, Слободские казаки не участвовали въ дальнѣйшей жизни Малороссіи и такъ-какъ казачество въ Слободской Українѣ не опиралось, подобно Малороссійскому, на преданія славы, на историческое свое значеніе, на привычку къ вольности, то и допускало всякия перемѣны въ своемъ внутреннемъ устройствѣ. Само по себѣ казачество не могло создать городовой жизни, поэтому города Слободской Україны сдѣлались легко доступными вторженію начальства Великорусской, не только народной, но и правительственної стихіи. Харьковъ сдѣлялся однимъ изъ лучшихъ пунктовъ опоры Русского правительства на югѣ: сверхъ своего географического удобства, онъ представлялъ ту выгоду, что правительству въ немъ было болѣе простора и свободы для дѣйствій: ему не приходилось бороться съ упрямымъ духомъ коренного народонаселенія, какъ въ Малороссіи, побѣждать крѣпкій, самостоятельный бытъ, сражаться съ призраками славы и вольности. Еще въ 1727 году, когда Харьковъ былъ только полковымъ городомъ своего полка, заведено въ немъ высшее духовное училище подъ названіемъ Славяно-Греко-Латинскаго коллегіума для молодыхъ людей духовнаго и свѣтскаго званія. Въ 1765 г. основана Слободско-Украинская губернія и Харьковъ назначенъ губернскими городомъ, въ 1780 г. губернія переименована въ намѣстничество, въ 1800 снова въ Слободско-Украинскую, а въ 1835 — въ Харьковскую губернію. Такимъ образомъ центральное положеніе Харькова въ странѣ новой, притягивающей отсюду народонаселеніе, значеніе его, какъ административного пункта, а затѣмъ пріобрѣтеніе земель Русскими дворянами

ми, которые не замедлили перевести сюда крестьянъ изъ своихъ Великорусскихъ вотчинъ, заведеніе училищъ — все это способствовало къ усиленію его материальнаго благосостоянія. Само собою разумѣется, что съ учрежденіемъ университета значеніе города еще сильнѣе возвысилось; множество дворянскихъ семействъ перѣхало на постоянное жительство въ Харьковъ, число обывателей умножилось, различная торговля оживилась, и должна была имѣть непосредственное вліяніе на оптовую ярмарочную торговлю. Но пока Новороссійскій край еще не вполнѣ организовался, Харьковъ имѣлъ значеніе скорѣе пограничнаго склада, чѣмъ центральнаго пункта. Послѣднєе же значеніе Харьковъ получилъ съ развитіемъ торговой и промышленной дѣятельности въ Новороссійскомъ краѣ. Охранительный тарифъ 1822 г. совершенно измѣнилъ торговую систему Украины Ярмарки, сильныя прежде торговлею иностраннныхъ товаровъ, упали и Украина сдѣлалась однимъ изъ главныхъ рынковъ для сбыта Русскихъ мануфактурныхъ произведеній. Здѣсь авторъ приводитъ интересное сравненіе между прежнимъ и настоящимъ положеніемъ Харькова, которое указываетъ, въ какой пропорціи возрастаю благосостояніе этого важнаго ярмарочнаго пункта. Въ 1781 г. въ Харьковѣ было 1,700 обывательскихъ домовъ и 6,000 жит. мужскаго пола. Въ 1837 г. жителей было 23,147 мужскаго и женскаго пола, домовъ 4,339; въ 1854 году жителей 54,198, домовъ (въ 1853 г.) 4,844; учебныхъ заведеній въ 1837 г. 10 (изъ нихъ 6 казенныхъ и 4 частныхъ), учащихся 1,908, а въ 1853 г. заведеній 26 (13 казенныхъ и 13 частныхъ), учащихся 3,401; въ 1887 г. лавокъ 276, городскихъ доходовъ 40,000 р. с., расходовъ 32,000; въ 1854 г. лавокъ 463, доходовъ 118,000 р., расходовъ 114,000 р. Въ 1837 г. общій оборотъ на Харьковскихъ ярмаркахъ равнялся 19,000,000 р., а въ 1854 г. привозъ товаровъ на Харьковскія ярмарки простирался до 24,894,689 р., а продажа до 14,063,387.

Впрочемъ, что касается до торговли Харькова, то онъ самъ по себѣ не есть торговый городъ, а складъ товаровъ, гостинный дворъ, передаточное мѣсто между сѣверомъ и югомъ. По исчисленію профессора Рославскаго-Петровскаго участіе Харькова въ его собственной торговлѣ не превышаетъ $\frac{1}{50}$ общаго оборота ея, чѣмъ ярмарочнаго. Однако въ настоящее время это положеніе дѣла начинать приводить къ инымъ результатамъ: Харьковскія ярмарки едва ли могутъ называться ярмарками въ смыслѣ Ирбитской и Нижегород-

ской: какъ-же это ярмарки, которыя продолжаются 4 мѣсяца въ году въ одномъ пунктѣ? Большая часть пріѣзжихъ купцовъ имѣютъ въ городѣ постоянные склады и помѣщевія и многіе внесли капиталя въ Харьковскую думу, чтобы имѣть право держать свои лавки отпрытыми въ-течение года. Все это означаетъ, что ярмарочная торговля въ Харьковѣ стремится стать осѣдлою, что Харьковъ получаетъ смыслъ не временнаго дешо, а постояннаго склада, и что современемъ, особенно съ устройствомъ желѣзныхъ доротъ, ярмарочная торговля, которая производится теперь пріѣзжими купцами, будетъ производиться мѣстными Харьковскими, или, вѣрнѣѣ сказать, тѣми-же пріѣзжими купцами, сдѣлавшимися купцами города Харькова. Число гильдейскихъ капиталовъ въ-течение 25 лѣтъ увеличилось болѣе, чѣмъ вдвое, а число иногородныхъ болѣе, чѣмъ въ 8 разъ; въ неярмарочное время постоянно торгуютъ въ Харьковѣ 256 лавокъ. Такъ-какъ Харьковскія ярмарки, вмѣстѣ взятыя, важнѣе прочихъ Украинскихъ яриарокъ, то ярмарочные купцы большую частію имѣютъ здѣсь главныя квартиры и склады, откуда товары отправляются по всему ярмарочному округу: таковыхъ складовъ считается 150. Но почему-же именно въ Харьковѣ ярмарки приходить къ такому результату, тогда-какъ въ Ромнѣ и другихъ ярмарочныхъ пунктахъ онѣ не имѣли подобныхъ послѣдствій? Почтенный авторъ приводить этому слѣдующія причины: 1) Преобладаніе въ Ромнѣ и другихъ пунктахъ Малороссіи элемента, вовсе неспособнаго къ торговой дѣятельности, тогда-какъ Харьковъ, хотя и не можетъ называться Великорусскимъ городомъ, однако заключаетъ въ себѣ преобладаніе Великорусской стихіи; 2) Благопріятныя условія для развитія розничной торговли въ Харьковѣ, — именно значеніе его, какъ административнаго пункта, какъ центра просвѣщенія, какъ лучшаго города во всемъ Малороссійскомъ и Новороссійскомъ краѣ; и 3) большая близость Харькова къ Россійскому краю и южнымъ портамъ, чѣмъ Роменъ. За тѣмъ авторъ обращается къ разсмотрѣнію самыхъ ярмарокъ въ Харьковѣ: Крещенской, Троицкой, Успенской и Покровской, между которыми первое мѣсто принадлежитъ Крещенской, такъ-какъ ея обороты составляютъ половину всѣхъ ярмарочныхъ оборотовъ Харькова. Не имѣя возможности по объему рецензія указать читателямъ выводовъ, къ коимъ здѣсь пришелъ г. Аксаковъ, скажемъ только, что разсмотрѣніе оборотовъ помянутыхъ ярмарокъ отличается строгимъ статистическимъ тактомъ, характеризующимъ все

сочинение уважаемаго автора и проливаетъ истинный свѣтъ на настоящее ихъ состояніе.

Затѣмъ авторъ говоритьъ о городѣ Ромнѣ и его ярмаркахъ. Въ Ромнѣ въ прошедшемъ столѣтіи было 4 ярмарки: 1) на Сырной недѣлѣ, 2) въ праздникъ Вознесенія Господня, 3) въ Ильинъ день и 4) въ Михайловъ день, 8 Ноября; изъ нихъ оптовыми ярмарками были двѣ: Вознесенская и Ильинская. Въ то-же время существовали: Всеѣдная въ Нѣжинѣ и Сборная въ Сумахъ. Современемъ получила значеніе оптовой ярмарки ярмарка Маслянская. Не находя особенной выгоды раздроблять силу торговли на двѣ ярмарки, Сумскую и Нѣжинскую, которая обѣ были только вспомогательными, Московскіе купцы, вынужденные имѣть въ г. Ромнѣ постоянные склады для Вознесенской и Ильинской ярмарокъ, признали за лучшее сократить разѣзды и перевозку товаровъ учрежденiemъ вмѣсто двухъ ярмарокъ одной, въ Ромнѣ, какъ центральномъ пункти между Сумами и Нѣжиномъ. Жители г. Ромна просили начальство только продлить срокъ Маслянской ярмарки вмѣсто трехъ на десять дней; разрѣшеніе было дано въ 1844 г. Въ 1845 г. Нѣжинъ и Сумы почуяли опасность и стали хлопотать обѣ уничтоженіи новаго соперника, но успѣли исходатайствовать только то, что срокъ Маслянской ярмарки сокращался на 1 недѣлю и назначенъ не подвижной, а опредѣленный, — съ 17 по 24 февраля. Но эта мѣра не помогла: ярмарки были окончательно убиты и въ 1848 году совершенно прекратились. Между-тѣмъ-какъ Роменъ, отивъ ярмарку у сосѣдей, предлагалъ въ спокойствии пользоваться доходами, доставляемыми тремя оптовыми ярмарками, высшее мѣстное начальство задумывало планъ перенесенія Ильинской ярмарки изъ Ромна въ Полтаву. Цѣлью здѣсь было оживить г. Полтаву, доставить ему доходы, которые-бы дали возможность ему обстроиться, тогда-какъ Роменцы не извлекали изъ своихъ ярмарокъ никакихъ прочныхъ выгодъ. Слухъ обѣ этомъ встревожилъ Роменскихъ жителей, весь уѣздъ и ярмарочное купечество. Поднялись протесты, поданы были просьбы, побѣхали депутаты; купцы говорили, что не пойдутъ на Полтавскую ярмарку, однакожъ побѣхали. Въ 1852 году была первая ярмарка въ Полтавѣ и не только удалась, но съ первого же раза заявила свое право на существованіе. Дѣло въ томъ, что южный покупатель, для большей части товаровъ, важнѣе покупателя западнаго, что торговля издавна стремится на югъ, чего не сознавали сами купцы,

и что безъ этихъ внутреннихъ причинъ успѣха никогда-бы не удалась насильственная мѣра перевода ярмарки. Такимъ образомъ въ Ромнѣ двѣ ярмарки: Маслянская, начинающаяся официально 17 и кончивающаяся 24 февраля, и Вознесенская, начинающаяся официально около праздника Вознесенія, но по большей части во 2-й половинѣ мая. При этомъ достойно замѣчанія, что Ромень не только не привилъ къ себѣ, не упрочилъ за собою никакой торговли, но даже не обстроился, не воспользовался тѣми богатыми средствами, которыя представляло для его преуспѣянія двукратное, а потомъ и троекратное въ году многолюдное стеченіе купечества. Въ 1786 г. въ Ромнѣ каменныхъ домовъ не было, деревянныхъ 520, лавокъ и амбаровъ деревянныхъ 346; жителей жужского пола 2,143, купцовъ 71, капиталовъ второй гильдіи 6, третьей 17. Въ 1853 году домовъ было 621 деревянныхъ и 13 каменныхъ, жителей мужскаго пола 2,798. Что касается капиталовъ, то въ 1830 году было по первой гильдіи 1, по третьей 21, иногородныхъ по третьей гильдіи 1, всего 23, — то-же количество, что и въ 1786 г. Но въ послѣдовавшее затѣмъ 25-лѣтіе число капиталовъ утроилось: въ 1854 г. было уже 76 капиталовъ, изъ коихъ 14 объявлены Евреями. Лавокъ съ неярмарочною торговлею было 65; но всѣ онѣ производить самую мелочную торговлю. Послѣ этой общей характеристики г. Ромна авторъ приводить данныя относительно Маслянской и Вознесенской ярмарокъ, которыя, по объясненію г. Аксакова, въ настоящемъ своемъ видѣ, имѣютъ полезное значеніе вспомогательныхъ ярмарокъ. Такъ зимняя Крещенская ярмарка, направляя свою дѣятельность преимущественно къ югу, восполняетъ ее торговлею съ западомъ и съ торговымъ Европейскимъ племенемъ на Маслянской. Въ промежутокъ времени отъ Маслянской до Кролевецкой ярмарки торговый западный край тоже не забывается торговцами, которые сами навѣщають своихъ западныхъ покупателей на ярмаркѣ Вознесенской, имѣющей притомъ характеръ весенней ярмарки. Эти ярмарки имѣютъ слѣдующія характеристическія особенности: 1) участіе Евреевъ, которымъ не дозволено торговать ни на Харьковскихъ, ни на Сумскихъ, ни на Корениной ярмаркахъ, между-тѣмъ-какъ они, по утвержденію Русскихъ купцоў, весьма полезны, ибо гдѣ Евреи, говорять купцы, тамъ и наличная монета; 2) Маслянская ярмарка особенно важна для мягкой рухляди, т.-е. для сырого шкуроваго товара, привозимаго сюда Слобожанами, Роменцами, Евреями и разными прасо

зами; 3) косной торгъ также сдѣлался однимъ изъ самыхъ капитальныхъ товаровъ на Маслянскай ярмаркѣ; 4) Вознесенская ярмарка важна въ-особенности для нѣкоторыхъ товаровъ, для сбыта сахарныхъ песковъ, садовыхъ ножей и т. п. товаровъ, нужныхъ для лѣта. Сбыть товара на Маслянскай ярмаркѣ, по вычиненію автора, доходитъ до 4,000,000 р. сер., а приходъ до 7,000,000 р. сер. оборотъ же Вознесенской ярмарки слѣдующій: привозъ на 6,000,000 р. сер., продажа на 3,000,000 р. сер.

Далѣе, послѣ подробнаго разсмотрѣнія оборотовъ обѣихъ ярмарокъ, авторъ переходитъ къ г. Полтавѣ и Ильинской ярмаркѣ. Выше было уже упомянуто о значеніи перевода Ильинской ярмарки въ Полтаву. Мѣра эта не увѣличалась бы такимъ блестательнымъ успѣхомъ, еслибы въ торговлѣ не было внутренней потребности перейти на югъ; но къ успѣху ярмарки служила много и увѣренность купечества, что эта ярмарка въ-особенности покровительствуетъ мѣстнымъ начальствомъ, которое изыскивало всѣ возможные способы, чтобы доставить торговлѣ просторъ и удобство. Общую цифру сбыта на Ильинской ярмаркѣ авторъ опредѣляетъ въ 18,000,000 р. сер., а цифру привоза въ 30,000,000 р. сер. Главныя характеристическія особенности этой ярмарки заключаются въ слѣдующемъ: 1) это самая крупная лѣтняя ярмарка, послѣ Нижегородской, и имѣть особенную важность для сбыта суконъ и шерстяныхъ тканей; 2) особенность Ильинской ярмарки составляютъ Евреи, усиливающіе обращеніе наличной монеты; 3) вмѣстѣ съ появленіемъ Евреевъ на ярмаркѣ появляются, кромѣ суконъ западнаго края, иностранныя шелковые и камвольные матеріи, Голландское полотно и Вѣнскій галантерейный товаръ; 4) но одну изъ самыхъ капитальныхъ статей ярмарочной торговли составляетъ шпанская шерсть, для покупки которой являются Австрійские и Прусскіе торговцы, комиссіонеры иностранныхъ домовъ изъ Москвы и Евреи изъ Бродъ, кромѣ Русскихъ покупателей; 5) съ переводомъ Ильинской ярмарки въ Полтаву, усилился приводъ табунныхъ лошадей съ Дону, такъ-что табунные Донскія лошади составляютъ теперь особенность Полтавской ярмарки; 6) Ильинская ярмарка чрезвычайно важна по торговлѣ черными крестьянскимъ товаромъ, котораго одна Одесса закупаетъ почти на 1,000,000 р. сер.; 7) на Ильинскую ярмарку прѣѣзжаетъ Харьковская шерстяная акціонерная компанія и Харьковское отдѣленіе конторы коммерческаго банка, и наконецъ

8) особенность Ильинской ярмарки заключается въ связи ея съ Нижегородскою по переводу денегъ. Сильнымъ свидѣтельствомъ въ пользу ярмарки служитъ видимое замѣтное улучшеніе вѣнчаной торговли города и многочисленность вновь заведенныхъ построекъ. Съ 1852 по 1855 г. вновь построено каменныхъ домовъ 31, флигелей каменныхъ 6, домовъ деревянныхъ 134, каменныхъ изъѣмочныхъ лавокъ при домахъ и дворахъ 14, деревянныхъ 6. Доходы города съ 19,000 р. сер. поднялись до 30,000 р. с. Число капиталовъ съ 1830 г. по 1855 возрасло отъ 41 до 55, лавокъ съ постоянной различной торговлею 80. Въ Полтавѣ находится Петровскій кадетскій корпусъ. Разсмотрѣвъ Ильинскую ярмарку, почтенный авторъ переходитъ къ изслѣдованию Кореннай ярмарки. Началомъ этой ярмарки послужило ежегодное стеченіе въ Курскъ десятковъ тысячъ народа для присутствованія при крестномъ ходѣ изъ Курского монастыря въ Коренную пустынь, лежащую почти въ 30 верстахъ отъ Курска. Всѣдѣствіе этого явилась сперва ярмарка мелочная, розничная, которая постепенно приняла размѣры оптовой торговли и получила громкую извѣстность по всей Россіи. Въ то время, когда Харьковская губернія не была заселена какъ нынѣ, Новороссійский край былъ еще пустынею, Малороссія составляла какъ-бы отдельную область, — выгодное центральное положеніе Курска относительно пограничныхъ пунктовъ Малороссіи дѣлало его самымъ удобнымъ пунктомъ для торговли между Малороссіею и Великою Русью, между восточными и западными, нѣкогда еще принадлежавшими Польшѣ губерніями. Уже въ 1780 г. купечества въ Курскѣ считалось болѣе 1000 душъ мужского пола, домовъ 2,340 деревянныхъ и 14 каменныхъ; въ началѣ нынѣшняго столѣтія въ Курскѣ было до 700 купеческихъ капиталовъ. Усиленіе торговли въ сѣверныхъ портахъ и возникновеніе южныхъ, нанесли первый ударъ сухопутной заграничной торговлѣ, а вмѣстѣ съ нею и тѣмъ торговымъ пунктамъ, которые обязаны были ей своимъ значеніемъ. Открытие нового обширного рынка для сбыта Русскихъ товаровъ лишило Курскъ прежняго значенія, какъ пограничного пункта; торговля искала другаго пункта, ближе къ Новороссійскому краю, къ своему рынку, и нашла его въ Харьковѣ. Между тѣмъ усиленіе малыхъ городовыхъ центровъ въ Курской губерніи ослабляло значеніе Курска, какъ мѣстнаго рынка. Наконецъ тарифъ 1822 г. измѣнилъ прежнюю торговую систему Малороссіи: она сдѣлалась главнымъ рынкомъ

комъ для сбыта Русскихъ мануфактурныхъ произведеній и самымъ ничтожнымъ для сбыта заграничныхъ товаровъ. Горячая лихорадочная дѣятельность фабрикъ, выпускавшая товары сныше явной потребности, заставила фабрикантовъ и купцовъ заботиться объ усиленіи потребленія, не ожидать покупателей сидя дома, а отыскивать ихъ въ мѣстахъ новыхъ, — и торговля, постоянно напирая къ югу, перешла въ Харьковъ, затѣмъ и въ Полтаву и Елисаветградъ. Всѣ эти обстоятельства и банкротство многихъ капиталистовъ заставили двинуться изъ Московскаго, Владимірскаго и Костромскаго промышленаго округа цѣлый полкъ фабрикантовъ и мастеровъ, желающихъ устраниТЬ купеческое посредничество. Появление на ярмаркахъ самихъ фабрикантовъ было окончательнымъ ударомъ Курскому купцамъ. Вследствіе всего этого благосостояніе Курска, усилившееся не отъ прямыхъ причинъ, не отъ условій мѣстности, а отъ благопріятнаго стечения обстоятельствъ, быстро клонилось къ упаду, и изъ 673 капиталовъ, бывшихъ 40 лѣтъ тому назадъ, въ настоящее время осталось только 190. Само собою разумѣется, что ярмарочная торговля находилась въ соотношеніи съ благосостояніемъ и торговымъ значеніемъ Курска. Съ перенесеніемъ главнаго пункта ярмарочной дѣятельности на югъ, Коренная ярмарка стала быстро клониться къ упадку и съ-тѣхъ-поръ постоянно слабѣть. Кроме-того она имѣть въ себѣ нѣкоторыя неудобства: 1) подвижность ярмарочнаго срока; 2) то, что она теперь, когда главнымъ регуляторомъ ярмарочной Украинской торговли являются мануфактурные Русскіе товары, — не весенняя, ни лѣтняя: для этихъ товаровъ необходимы двѣ главныя ярмарки — лѣтняя и зимняя; на Коренной-же ярмаркѣ лѣтніе товары закупать уже поздно, ибо весна прошла, а зимніе рано, и 3) неудобство помѣщенія. Эта ярмарка въ прежнее время была знаменита торговлею сало *будущимъ*, т.-е. покупаемаго впередъ и могущаго быть готовымъ только въ октябрѣ. Заторжка на сало простиралась до 300,000 пудовъ и болѣе; хотя и теперь бываетъ заторжка, но въ слабой, сравнительно прежней, степени. Цифра сбыта на этой ярмаркѣ не менѣе 7,000,000 р. с., а привоза — 10,000,000 р. с.

Далѣе слѣдуетъ Кролевецъ и Крестовоздвиженская ярмарки. Ярмарка эта, учрежденная еще въ половинѣ XVII вѣка, пережила въ два столѣтія много эпохъ и превратностей торговыхъ, и не

только не падаетъ, но въ послѣднее время даже усилилась, особенно съ перѣводомъ Ильинской ярмарки въ Полтаву.

Кролевецкая ярмарка важна по ввозу въ нее Русскихъ мануфактурныхъ товаровъ, важна для внутренней торговли Черниговской, западной и Бѣлорусскихъ губерній, какъ сборный срединный пунктъ между Московскими фабриками и западными потребителями и на-оборотъ. Главные особенности этой ярмарки слѣдующія: 1) въ эту ярмарку начинаютъ свой торговый годъ, свое бродяжничество слободские прасолы, или Слобожане, являющіеся здѣсь главными покупателями на мануфактурные товары; 2) сюда привозится Евреями чрезвычайно много суконъ и шерстяныхъ матерій съ фабрикъ западнаго края, и производится имъ сильный торгъ галантерейнымъ иностраннымъ, преимущественно Вѣнскимъ товаромъ, Голландскими полотнами и заграничными матеріями; 3) эта ярмарка есть послѣдняя оптовая Українская ярмарка для Евреевъ: послѣ нея слѣдуютъ Покровская, Введенская и Крестенская, гдѣ Евреи не имѣютъ права свободной торговли; поэтому ярмарка очень оживлена наплывомъ Еврейского племени, приносящимъ съ собой много наличной монеты, и 4) она замѣчательна обилиемъ щепного товара. Не смотря на значительный доходъ, получаемый жителями Кролевца отъ ярмарки, городъ этотъ представляетъ самый жалкій видъ и не усвоилъ себѣ ни торговли, ни промышленности. Въ 1787 г. считалось въ городѣ: 2,348 жителей мужескаго пола, домовъ жилыхъ 778, ярмарочныхъ лавокъ 99; въ 1813 г. жителей было 2,946 мужескаго пола, каменныхъ домовъ ни одного, деревянныхъ 749, лавокъ ярмарочныхъ постоянныхъ ни одной; лавокъ для розничной торговли 10. Число капиталовъ въ 1830 г. было: 3-й гильдіи 3, въ 1850—5, въ 1854—12; изъ числа этихъ 12-ти четыре Европейскихъ капитала, изъ остальныхъ 8-ми одинъ не производитъ никакой торговли, а только числится купцомъ, двое содержать постоянные дворы. Привозъ товаровъ на Кролевецкую ярмарку авторъ цѣнитъ въ 7,500,000 р., сбыть въ 5,000,000 р. сер.

Затѣмъ изслѣдованы авторомъ г. Сумы и Введенская ярмарка. При заселеніи Слободской Україны городъ этотъ имѣлъ первенство предъ всѣми Слободскими городами и оптовая ярмарки его Сборная и Введенская въ XVIII вѣкѣ превышали по своимъ оборотамъ ярмарки г. Харькова. Но съ устроениемъ торговли на югъ и западъ и съ утратою для города

значенія пограничнаго съ Малороссією пункта ярмарки въ г. Сумахъ стали слабѣть постепенно: Сборная ярмарка, какъ выше было замѣчено, пала, — и паденіе ея было чрезвычайно быстро: въ 1845 г. привозъ на ярмарку былъ 3,285,490 р., сбыть 1,607,962 р., а въ 1847 г. привозъ равнялся 38,000 р., сбыть 3,207 р. Введенская ярмарка еще существуетъ, но и онаклонится къ упадку, ибо становится совершенно ненужною: всакій предпочитаетъ переждать мѣсяцъ иѣхать на Крещенскую въ Харьковъ, и Введенская ярмарка держится только обычаемъ и съѣздомъ мелкихъ окрестныхъ покупателей, пользующихся случаемъ, чтобы не отправляться на Крещенскую ярмарку. Между тѣмъ кѣстная розничная торговля усиливается, значеніе Сумъ, какъ городского торгового центра, возвышается, — и, по убѣждѣнію автора, чрезъ нѣсколько лѣтъ уничтожится сама собою и послѣдняя ярмарка въ Сумахъ.

Сумы, какъ городъ, заселенный подъ воздействиемъ Русскаго элемента, представляетъ рѣзкое отличие отъ Малороссійскихъ ярмарочныхъ пунктовъ; купцы здѣсь почти всѣ Великорусскаго происхожденія, слѣдовательно получаемые ими доходы не запираютъ въ сундуки, а употребляютъ или на усиленіе своей торговли, или на приобрѣтеніе разныхъ удобствъ для жизни. Въ 1787 г. было въ Сумахъ жителей мужескаго пола 5,802, домовъ каменныхъ 2, деревянныхъ 1,237, лавокъ 40; и въ 1853 г. было жителей 5,174, домовъ каменныхъ 97, деревянныхъ 2,035, лавокъ занятыхъ постоянно мясной торговлею 61, лавокъ ярмарочныхъ 365, капиталовъ: 1-й гильдіи — 1, 3-й гильдіи — 53, временныхъ гостей 2, иногородныхъ 13, всего 69. Привозъ Сумской ярмарки равняется 3,000,000 р., сбыть 2,000,000.

Наконецъ почтенный авторъ говорить о г. Елисаветградѣ. Въ этомъ городѣ три ярмарки: Георгіевская, Петровская и Семенская. Всѣ онѣ были мелочными, розничными ярмарками, но Московскіе фабриканты, отыскивая новые рынки для сбыта товаровъ, стали посѣщать Георгіевскую ярмарку и наконецъ учредилась, лѣтъ уже 20 тому назадъ, оптовая ярмарка. Она, впрочемъ, слабѣе всѣхъ вышеразсмотрѣнныхъ ярмарокъ, ио замѣчательна тѣмъ, что выражаетъ стремленіе торговли къ югу, къ Новороссійскому краю. Главнѣйшия особенности этой ярмарки слѣдующія: 1) она сильна торговлею рогатаго скота и черныхъ крестьянскихъ товаровъ, преимущественно Малороссійскихъ, холста, одежды

хрестьянской и т. п.; 2) за этой ярмаркѣ принимаютъ дѣятельное участіе Евреи; 3) въ ней сильна розничная торговля, и 4) она служить сборнымъ пунктомъ прикащикамъ, посылаемымъ Московскими мануфактурными торговцами въ объездъ за деньгами. Въ 1854 г. въ Елисаветградѣ было 147 купеческихъ капиталовъ, изъ которыхъ 2 второй гильдіи и 145 третьей. На ярмаркѣ, по мнѣнію автора, въ привозѣ бываетъ на 2,000,000 р., въ продажѣ на 1,500,000 р. сер.

Таково въ главѣйшихъ чертахъ содержаніе первой части разсмотриваемаго труда г. Аксакова. Мы сочли обязанностію изложить эту часть съ подробностию, чтобы сколько возможно ближе познакомить читателей съ прекраснымъ изслѣдованіемъ почтенаго автора. Конечно, не смотря и на подробный обзоръ первой части изслѣдованія, мы не могли вполнѣ передать достоинствъ, здѣсь заключающихся; такъ напр. мы не могли, по самому объему рецензіи, представить читателямъ многихъ, весьма интересныхъ частностей о каждой ярмаркѣ и примѣра того критического такта и той добросовѣстности, съ которыми авторъ оцѣниваетъ официальные данные объ оборотахъ Украинскихъ ярмарокъ и выводить наружу какъ недостатки этихъ данныхъ, такъ и истинную цифру оборотовъ.

Намъ остается еще разсмотрѣть вторую, послѣднюю часть сочиненія г. Аксакова, представляющую собою монографію товаровъ, привозимыхъ на Украинскія ярмарки. Самый характеръ этого отдѣла препятствуетъ намъ въ подробности ознакомить читателей съ весьма интересными данными, въ немъ заключающимися; потому мы ограничимся только краткими указаніями главѣйшихъ выводовъ, къ которымъ привело почтенаго автора добросовѣстное изученіе предмета.

Изслѣдованіе свое авторъ начинаетъ мануфактурными произведеніями, или «красными товарами», подъ которыми разумѣются бумажныя, шерстяныя, шелковыя, суконныя, льняныя и пеньковыя матеріи Русскихъ фабрикъ.

Бумажныя ткани, продающіяся на Украинскіхъ ярмаркахъ, суть произведенія Московской, Владимірской, Костромской и Рязанской губерній. Эти произведенія продаются на ярмаркахъ изъ первыхъ рукъ, т.-е. самими фабрикантами, или ихъ прикащиками, и изъ вторыхъ рукъ, т.-е. чреезъ посредство купцовъ. Фабрикантовъ является на ярмарки до 100 человѣкъ, купцовъ 35 т.-е. число бу-

мажныхъ фабрикантовъ, выѣзжающихъ на Украинскія ярмарки, относится къ общему числу бумажныхъ фабрикантовъ въ Россіи, какъ 1 къ 4. Размѣръ продажи бумажныхъ товаровъ на всѣхъ Украинскихъ ярмаркахъ авторъ опредѣляетъ въ 13,250,000 р. сер. Наибольшую торговлю бумажными тканями производить Крещенская ярмарка, гдѣ цифра сбыта равняется 3,145,000 р. с. Сумма цѣнности всѣхъ Русскихъ мануфактурныхъ бумажныхъ издѣлій составляетъ въ годъ по однимъ исчисленіямъ 40,000,000 р. с., по другимъ 56,000,000, слѣдовательно сбыть ихъ на Украинскихъ ярмаркахъ составляетъ среднимъ числомъ $\frac{1}{4}$ часть всего бумажного производства въ Россіи. На Нижегородской ярмаркѣ, по офиціальнымъ вѣдомостямъ, продано бумажного товара въ 1854 г., на 6,111,975 р. сер.; слѣдовательно обороты Украинскихъ ярмарокъ превышаютъ слишкомъ вдвое обороты Нижегородской. Русскія шелковые матеріи, продающіяся на Украинскихъ ярмаркахъ, суть произведенія г. Москвы и Богородского уѣзда Московской губерніи. Сбыть ихъ равняется 2,175,000 р. с.; и наибольшую торговлю производить Крещенская ярмарка, на сумму 500,000 р. сер. Производство всѣхъ шелковыхъ издѣлій въ Россіи оцѣнивается въ 8½ миллионовъ р. сер., слѣдовательно относительно шелковыхъ товаровъ Украинскій ярмарочный сбытъ, также какъ и относительно бумажныхъ, составляетъ $\frac{1}{4}$ производства всѣхъ шелковыхъ тканей. На Нижегородскую ярмарку въ 1854 г. шелковыхъ товаровъ привезено на 2,599,750 р. с., продано на 1,940,300 р., слѣдовательно не много менѣе всѣхъ Украинскихъ ярмарочныхъ оборотовъ по этой торговлѣ. Здѣсь должно еще замѣтить, что бумажные Русскія матеріи не встрѣчаются на Украинскихъ ярмаркахъ соперничества иностраннѣхъ бумажныхъ издѣлій; но шелковые ткани иностраннныя находять себѣ довольно выгодный сбытъ на Украинѣ. Главнѣйшие производители этого торга Ереи. Цѣнность оборотовъ ярмарочной торговли иностраннными шелковыми товарами можно оцѣнить въ 450,000 р. с., изъ коихъ 200,000 р. должно отложить на долю товаровъ, доставляемыхъ чрезъ Петербургскій портъ, и 250,000 р. на долю товаровъ, привозимыхъ Ереями.

Сукна, продающіяся на Украинскихъ ярмаркахъ, суть произведенія фабрикъ: 1) Москвы и Петербурга, 2) Риги, 3) Царства Польскаго, 4) Гродненской и Киевской губерній и вообще западнаго края и 5) Черниговской губерніи и нѣкоторыхъ окрестныхъ помѣщиковъ Харьковской, Курской и Полтавской губерній. Годичныи

итогъ ярмарочной суконной торговли составляетъ 2,376,000 р. с., важиѣйшая изъ ярмарокъ для сбыта сукотъ есть Ильинская, где цифра сбыта равняется 900,000 р. сер.

Общее производство суконъ въ Россіи оцѣнивается отъ 12 до 13 миллионовъ; съдѣвательно Украинскій ярмарочный сбытъ равняется $\frac{1}{4}$ всего производства. Иностранныхъ суконъ въ продажѣ почти вовсе не имѣется.

Шерстяные ткани, продающіяся на Украинскихъ ярмаркахъ, являются изъ Московской губерніи, Риги и западнаго края. Сумма сбыта ихъ равняется 2,800,000 р. сер., наименьшую торговлю производить Ильинская ярмарка, на сумму 750,000 р. сер.

На Нижегородскую ярмарку въ 1854 г. привезено шерстяныхъ издѣлій вмѣстѣ съ сукномъ на 4,165,400 р., предано на 3,410,000 р. Производство всѣхъ шерстяныхъ издѣлій въ Россіи въ 1852 г. простирилось до 25,000,000 р. сер. Иностранныхъ шерстяныхъ издѣлій продается на Украинскихъ ярмаркахъ за сумму около 300,000 р. сер., льнянныя и шелковыя матеріи сбываются на Украинскихъ ярмаркахъ на сумму 1,200,000 р.; замѣчательнѣйшую ярмаркову здѣсь является Крешенская, на которой сбытъ льняныхъ издѣлій равняется 300,000 р. сер. Показать отношеніе ярмарочнаго сбыта къ производству льняныхъ и пеньковыхъ тканей въ Россіи трудно: ибо эта промышленность находится большою частію въ рукахъ крестьянъ; иѣкоторые полагаютъ эту цифру въ 5 или 6 миллионовъ. На Нижегородскую ярмарку въ 1852 г. привезено было льняныхъ и пеньконыхъ издѣлій на 1,100,000 р., продано на 1,000,000 р.

Такимъ образомъ въ-течение ярмарочнаго года сбытъ мануфактурныхъ издѣлій простирался:

бумажныхъ на	13,250,000 р.
шелковыхъ.	2,300,000 "
шерстяныхъ	2,800,000 "
суконныхъ.	2,400,000 "
льняныхъ	1,200,000 "
<hr/>	
Всего на	21,850,000 р. сер.

Иностранныхъ издѣлій продается на 1,050,000; съдѣвательно участіе иностранныхъ фабрикъ въ ярмарочной торговли составляетъ менѣе $\frac{1}{2}$, части стоимости Русскаго мануфактурныхъ произведеній.

Затѣмъ важную статью Украинской ярмарочной торговли составляетъ торговля шерстью. Ни одна отрасль сельского хозяйства въ Россіи, замѣчаешьъ авторъ, не достигла въ такое короткое время столь быстраго развитія, какъ тонкорунное овцеводство, ни одна статья заграничнаго отпуска не усилилась въ такой пропорції, какъ овечья шерсть. До 1814 г. шерсти вывозилось за границу не болѣе 20,000 пудовъ, теперь же ежегодный отпускъ ея, постоянно увеличиваясь, возростъ въ 1844 г. свыше 800,000 пудовъ, а среднимъ количествомъ составляетъ 567,000 пудовъ. На Украинскихъ ярмаркахъ главный торгъ производится такъ-называемою шпанской шерстью, простая-же продается въ самомъ начтожномъ размѣрѣ, поэтому авторъ говорить преимущественно о шерсти первого рода, «улучшенной, или тонкорунной». Главнѣйшимъ рынкомъ шерстяной торговли является Троицкая ярмарка въ Харьковѣ. Ярмарка эта существуетъ издавна, но никогда не имѣла значенія для оптовой торговли, а служила мѣстомъ розничного сбыта и закупки разныхъ сельскихъ произведеній, скота, простой шерсти, домашней утвари, земледѣльческихъ орудій и другихъ нужныхъ для хозяйства предметовъ. По мѣру введенія тонкорунного овцеводства въ Харьковской губерніи, стали вмѣстѣ съ простую шерстью появляться небольшія партии шленской и Испанской шерсти, въ количествѣ не болѣе 1,500 пудовъ. Начало этой торговли на Троицкой ярмаркѣ полагаютъ съ 1817 г. До 1825 г. она не обращала на себя особенного вниманія правительства; но со-времени измѣненія тарифныхъ постановленій о шерсти, при усиленіи требованій на нее за границу и при распространеніи овцеводства почти по всей Харьковской, Полтавской и Новороссійскимъ губерніямъ, значеніе Троицкаго торга быстро возрасло до той степени, на какой продолжаетъ находиться нынѣ. Такъ-какъ Троицкая ярмарка можетъ считаться исключительно шерстяною, почти безъ значенія для прочихъ предметовъ оптовой торговли, и такъ-какъ производители этого товара большую частію одни помѣщики, то, какъ ихъ величаютъ въ Украинѣ, то въ Троицкая ярмарка называется *манскомъ*. Главные вкладчики шерстяного рынка въ Харьковѣ — овцеводы губерній Харьковской и Екатеринославской; общими чертами этого участія можно опредѣлить такъ, что вѣсколько болѣе $\frac{1}{2}$, принадлежитъ помѣщикамъ Харьковской, одна часть Екатеринославской, а остальное губерніямъ Полтавской, Воронежской, Курской и Таврической. Не останавливаясь на частностахъ, приводимыхъ авторомъ

о Троицкой шерстяной торговлѣ, укажемъ на денежные обороты Троицкаго шерстяного торга: по официальнымъ свѣдѣніямъ привезено шерсти:

въ 1850 г. на	1,587,620 р.
» 1851 "	1,362,427 "
» 1852 "	1,317,432 "
» 1853 "	1,668,988 "
» 1854 "	922,688 "

Впрочемъ, 1854 годъ представляетъ совершенное исключение по особеннымъ политическимъ обстоятельствамъ и не можетъ никакъ быть принять въ соображеніе.

Второе мѣсто, послѣ Троицкой, принадлежитъ Ильинской ярмаркѣ. Она важна тѣмъ, что, кромѣ шерстяного, она соединяетъ въ себѣ торги вслѣдующаго рода; это главнѣйшая лѣтняя ярмарка въ Украинѣ. Переводъ этой ярмарки въ Полтаву былъ благопріятенъ для шерстяной торговли, ибо ярмарка приблизилась къ самому центру овцеводства — къ Екатеринославской губерніи и вообще къ степному краю, изобилующему обширными стадами мериносовъ, такъ что шерстяной торгъ въ Полтавѣ, по количеству правозимной шерсти, немного уступаетъ Троицкому.

Что касается до цѣнъ на разные виды шерсти, то онѣ зависятъ отъ достоинства шерстей, отъ мокки, отъ уборки, отъ количества привоза, отъ спроса за границу и т. п. Сверхъ-того три обстоятельства оказываютъ постоянное дѣйствіе на цѣнность товара, именно: 1) участіе Харьковской акціонерной компаніи. Эта компанія учреждена съ цѣллю соглашенія выгодъ мѣстныхъ овцеводовъ и фабрикантовъ въ распространеніи правильной торговли тонкою шерстью внутри и въ Россіи. Для этого она устроила пакгаузы и принимаетъ шерсть отъ хозяевъ или на сохраненіе, за что получаетъ по 1 р. сер. съ пуда въ годъ, или на коммиссію для продажи, за что, въ случаѣ продажи, при разсчетѣ, получаетъ 4%, обазываясь съ своей стороны страховать шерсть, во-время ея храненія въ пакгаузахъ; или же она принимаетъ шерсть для храненія и для продажи и выдаетъ владѣльцамъ, по желанію ихъ, ссуды, по предварительной оцѣнкѣ шерсти правленіемъ компаніи, получая за это 6%. 2) Второе обстоятельство, отъ которого вообще многое зависитъ цѣнность Русской шерсти, — есть то, что половина товара продается прямо изъ рукъ производителя въ руки потребителя,

безъ посредства купцовъ, и наконецъ 3) послѣдняя причина за-ключается въ томъ, что классъ производителей принадлежитъ преимущественно къ сословію дворянскому, не торговому, нуждающе-муся въ деньгахъ для прожитія, ибо шерсть составляетъ здѣсь главный источникъ его доходовъ. Общая сумма по торговлѣ шер-стью простирается по меньшей мѣрѣ до 4,000,000 р. сер.

Желѣзный и мѣдный товарь, составляющій предметъ торга на Украинскихъ ярмаркахъ, можетъ быть раздѣленъ на двѣ главныя категоріи: къ первой относится желѣзо, мѣдь, чугунъ, сталь, обра-ботанные въ видѣ матеріала, а не въ видѣ какого-либо издѣлія, ио второй принадлежать издѣлія изъ этихъ металловъ.

Что касается желѣза не въ дѣлѣ, то изъ всѣхъ ярмарочныхъ пунктовъ ярмарочной системы самые значительные по этой тор-говлѣ: Харьковъ, затѣмъ Коренная Пустынь и Полтава; изъ всѣхъ 11 оптовыхъ яриарокъ — Крещенская и Успенская въ Харьковѣ, посль никъ Коренная въ Ильинской; всѣ-же остальные довольно ничтожны. Желѣзо, продаваемое на Украинскихъ ярмаркахъ, боль-шую частію вырабатывается на заводахъ Пермской, частію Нижегородской и Вятской губерній, а также въ Рязанской и Тамбов-ской губерніяхъ. Определить въ точности количество привозимаго желѣза трудно; количество желѣза, привозимаго въ Харьковъ, до-ходитъ впрочемъ иногда до 200,000 пудовъ. Средняя цѣнность его равняется 2 р. сер. за пудъ. Общая-же цѣнность неиздѣль-наго желѣза, продающагося на Украинскихъ ярмаркахъ, соста-вляетъ не менѣе 550,000 р. сер. Чугунъ, мѣдь и сталь, въ видѣ матеріала, продаются на ярмаркахъ въ самомъ незначительномъ количествѣ. Что касается до издѣлій изъ сихъ металловъ, то пространство сбыта ихъ гораздо обширнѣе сбыта металловъ не въ дѣлѣ; всѣ-же капиталъ, обращающійся по торговлѣ же-лѣзныхъ, чугунныхъ и мѣдныхъ товарою, на Украинскихъ ярмаркахъ, простирается въ привозѣ отъ $2\frac{1}{2}$ до 8 миллионовъ. На Нижегородской ярмаркѣ въ 1864 г. по офиціальнымъ вѣдо-мостямъ было: въ привозѣ — на 7,318,925 р. сер., въ продажѣ — на 5,871,815 р. сер.

Не останавливалось на дальнѣйшемъ разсмотрѣніи изслѣдований автора о торговлѣ желѣзныхъ и мѣдныхъ товарою, сообщить иѣкоторыя давніяя о торговлѣ кожами.

Кожа на Украинскихъ ярмаркахъ является во всѣхъ своихъ видоизмененіяхъ. Въ первообытномъ своемъ видѣ, т.-е. едва снятая

съ животного и въсомъю просуммюя, она занимаетъ весьма чистое мѣсто въ числѣ ярмарочныхъ товаровъ и называется сырьемъ не вовсе лишено значенія, и ярмарочная торговля воюетъ выдѣланнымъ. Сверхъ-того выдѣланныя кожа участвуетъ въ ярмарочной торговлѣ подъ видомъ кожевенныхъ издѣй, т. е. кожеваго шитаго и шорнаго товара.

Сырыя кожи привозится всего болѣе изъ Харьковской, Екатеринославской, Полтавской и Черниговской губерній, частію-же и изъ Курской. Кожъ этикъ продается въ годъ на всѣхъ Украинскихъ ярмаркахъ на 1,200,000 р. сер., въ томъ числѣ однѣ Шпаны (т. е. кожи шпанскихъ овцѣвъ) на 800,000 р. с.; на долю Крещенской ярмарки, значительнейшей по торговлѣ кожами, приходится 997,000 р. сер. Въ иностранныя государства отпускается Русскихъ невыдѣланныхъ кожъ на 1 $\frac{1}{2}$ миллиона р. сер.; но самый главный отпускъ идетъ чрезъ сухопутную границу, и для заграницкой торговли Украинскія ярмарки не имѣютъ особенной важности. Стоимость-же проданаго кожеваго товара, во всѣхъ его видахъ, на Украинскихъ ярмаркахъ оцѣняется въ 2,160,000 р. сер., именно: сырыхъ кожъ на 1,200,000 р., выдѣланныхъ на 750,000, издѣй на 150,000, шорнаго товара на 200,000 р. На Нижегородской ярмаркѣ продажа кожъ и кожевенныхъ издѣй простиралась въ 1854 г. на 1,897,820 р. сер. Для торговли коскотильными и бакалейными товарами важнѣе прочихъ ярмарокъ Крещенская; обороты-же всѣхъ ярмарокъ имѣстъ равняются 2,158,560 р. сер.; изъ этой суммы на долю иностранныхъ товаровъ приходится 1,493,560 р. на долю Русскихъ 660,000 р. Для чайной торговли Крещенская ярмарка также важнѣе другихъ; на ней въ 1854 г. продано чая на 225,000 р., на всѣхъ-же ярмаркахъ продано на 892,000 р. сер. Рано и обороты торговли съѣстныхъ или овощныхъ товаровъ въ наиболѣе обширныхъ размѣрахъ производятся на Крещенской ярмаркѣ, около 180,000 р. сер.

Обратимся къ конной торговлѣ. Лошади составляютъ одну изъ главнѣйшихъ статей Украинской ярмарочной торговли; началу каждой краснорядской ярмарки предшествуетъ ярмарка конная. Украинскія ярмарки имѣютъ связи съ конными ярмарками Тамбовскими, Лебедянскими въ Воронежскихъ, а потому авторъ упоминаетъ и обѣ нихъ, представивъ общій очеркъ всего годичнаго круговаго движенія конноярмарочной торговли на Украинѣ. Первое мѣсто принадлежитъ Троицкой Лебедянской ярмаркѣ, на ко-

торую приводится до 10,000 лошадей, на сумму 1,500,000 р. сер., за нею слѣдуетъ Крещенская, въ Харьковѣ, куда лошадей приводится также до 10,000, ио не столь дорогихъ, какъ на Лебединскую, именно на сумму до 1,000,000 р. сер., весь-же оборотъ Украинскихъ ярмарокъ разнится 3,225,000 р. сер.

По торговыѣ стеклянныиъ, хрустальныиъ, глинянныиъ, фарфоровыиъ и фаянсовыиъ товаромъ главнѣйшою ярмаркою является Крещенская, на которой этого товара продается на 155,000 р. сер., второе мѣсто принадлежитъ Успенской ярмаркѣ, ве многимъ уступающей Крещенской; сумма-же всѣхъ ярмарочныхъ оборотовъ простирается до 550,000 р. сер.

Торговыя винами на Украинскіиъ ярмаркахъ сосредоточена въ рукахъ Харьковскихъ торговцевъ. На долю четырехъ Харьковскихъ ярмарокъ должно положить, по-крайней-мѣрѣ, 300,000 р. сер., изъ коихъ 150,000 — на Крещенскую, а на всѣ Украинскіи ярмарки — слишкомъ 600,000 р. сер.

Табаку, разводимаго въ Малороссіи, на ярмаркахъ продается на 110,000 р. сер., что-же касается до табаку Турецкаго и вообще до табаку, обдѣланного на фабрикахъ для куренія и нюханія, до сигаръ и папироcъ, то этотъ товаръ не составляетъ принадлежности ярмарочной торговли.

Что касается до торговли рыбой, то она, какъ предметъ не-обходиmой потребности, истекающей изъ самого быта народнаго, не есть собственно ярмарочный товаръ. Торговля эта такъ развита, такъ давно установилась и усвоилась народу, что почти всѣ городские центры выписываютъ товаръ прямо съ мѣста. Сношениія съ Дономъ и Азовскимъ поморьемъ съ древнихъ временъ вошли въ привычку Малороссійскаго племени и покоды чумаковъ «за силью и рыбью» воспѣваются въ народныхъ пѣсняхъ. Тѣмъ не менѣе капитальнѣе торговцы, имѣя возможность получить товаръ и дешевле и лучше, снабжаютъ имъ слабѣйшихъ торговцевъ, которые и являются за товарами на ярмарки. Изъ Украинскихъ ярмарокъ первое мѣсто по этой торговыѣ принадлежитъ, по количеству рыбы, Коренной ярмаркѣ, а по цѣнности товара — Крещенской, всѣ остальные сравнительно ничтожны. Сумму оборотовъ Крещенской ярмарки авторъ оцѣниаетъ въ 400,000 р., Коренной — въ 300,000 р., всѣхъ-же вообще — до 1,000,000 р. сер. Впрочемъ, эта цифра вовсе не выражаетъ количества рыбы, потребляемаго Украиной. Рыба привозная, преимущественно бѣлая, составляетъ саму

обыкновенную пищу Малороссіи; но, какъ мы сейчасъ замѣтили, рыба правозится и развозится безъ посредства оптовыхъ ярмарокъ, рыбная торговля давно усвоилась Малороссіи и имѣя повсюду осѣдлые центры, захватывая въ кругъ своей дѣятельности всѣ подвижныя ярмарочные сельскіе рынки, относится къ оптовымъ ярмаркамъ, только какъ къ вспомогательнымъ рынкамъ. Цѣнность же произведеній рыболовства Азовскаго и Донскаго авторъ опредѣляетъ приблизительно въ 10,000,000 р. сер. На Нижегородской ярмаркѣ въ 1854 г. было продано на 691,675 р. сер.

Приведемъ далѣе нѣсколько данныхъ относительно торговли сахаромъ и сахарнымъ пескомъ. Учрежденіе свеклосахарныхъ заводовъ и возникновеніе новой свеклосахарной промышленности совершило измѣненія характеръ прежней торговли этимъ товаромъ на Украинскихъ ярмаркахъ: въ прошнее время сахаръ былъ товаромъ заграничнымъ, а не туземнымъ, купеческимъ, а не фабрикантскимъ, денежнымъ, а не кредитнымъ. Такъ-какъ главный разсадникомъ этой промышленности служатъ югозападныя губернія, то Украинскія ярмарки имѣютъ довольно важное значеніе для успѣшнаго сбыта произведеній тамошнихъ свеклосахарныхъ заводовъ. Сахаръ на Украинскихъ ярмаркахъ является въ двухъ видахъ: рафинированный и въ лескѣ. Рафинированный сахаръ есть произведеніе заводовъ Кіевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Черниговской, Харьковской и отчасти Курской губерній. Въ 1852 г. число заводовъ въ этихъ губерніяхъ было слѣдующее:

въ Кіевской губерніи	72	завода.
» Волынской "	7	"
» Подольской "	26	"
» Черниговской "	52	"
» Полтавской "	21	"
» Харьковской "	20	"
» Курской "	20	"

Итого... 227 заводовъ.

Заводчики торгуютъ на ярмаркахъ только оптомъ, а не върозницу; покупатели у нихъ, по выражению торгующихъ, не публика, а купцы. Крупными партіями торгуютъ преимущественно на Крещенской (въ которую подвозится сахару 45,000 пуд.), Ильинской (до 37,500 пуд.), Коренной (до 30,000 пуд.) и Успенской (до

27,000 пуд.); на остальныхъ—болье медными цартиами и чрезъ посредство Евреевъ; все же количество сквозивичного сахара, предающагося на Украинскѣй ярмаркахъ, составляетъ 305,000 пуд. на сумму 1,537,500 р. сер. Что касается сахарного песку, то количество его, являющееся на ярмарки, составляетъ 62,000 пуд. на сумму 310,000 р. сер. На Нижегородскую ярмарку привезено было въ 1854 г. сахару 187,000 пудъ.

Затѣмъ авторъ говоритьъ о торговлѣ дорогими пушными товарамъ, выдѣланными тулурами, кожухами, смушкой и преч. Но что всѣ шитыя мѣхѣ привозятся на Україну съ двумъ противоположныхъ сторонъ—съ востока и съ запада, съ Ирбитской и съ Нижегородской ярмарокъ, изъ Польши и съ Австрійской границы. Такъ какъ мѣхѣ нужны для зимы, а не для лѣта, то для мѣховой торговли важны лѣтнія ярмарки. Первое мѣсто по сбыту пушнаго товара принадлежитъ Ильинской ярмаркѣ, на которой продается мѣховъ, не считая зайчихъ, овчинъ, тулововъ и мягкой рухляди, составляющихъ весьма значительную сумму, на 350,000 р., за нею слѣдуетъ Успенская, торгующая на 150,000, затѣмъ Кролевецкая, торгующая на 125,000; а всего на ярмаркахъ про-дается на 880,000 р. сер. Кроме-того на ярмаркахъ сбываются: 1) заячьи мѣхѣ, которые главнѣйше привозятся на Коренную, Ильинскую и Успенскую ярмарки, въ количествѣ до 30,000 мѣховъ на сумму 75,000 р.; 2) Калмыцкія овчины и мерлушка, Бунарскія мерлушка и тулуры изъ нихъ, на 50,000 р. с.; 3) Крымскія и Бурдюкскія овчины — до 12,000 штукъ; 4) овчинные тулы, называемые иначе платинами. Платинъ изъ Калмыцкихъ мерлушекъ, Крымскихъ овчинъ и мерлушекъ приготовляется очень немного, и, говоря о торговлѣ овчинными платинами, авторъ разумѣеть шитыя изъ овчинъ простыхъ, Русскихъ и Малороссійскихъ, Калмыцкихъ и Бурдюкскихъ. Что касается до платинъ Русской издѣлія, тулуровъ и полушибуковъ, то главнѣйше онъ изготавливаются въ Харьковѣ, въ количествѣ до 10,000 штукъ въ годъ на сумму 50,000 р. сер. Лучшая ярмарка для этой торговли есть Кролевецкая, а затѣмъ Ильинская и Елисаветградская. Платины Малороссійскому издѣлію, кожухи и юпки, сбываются главнѣйшимъ образомъ на Ильинской ярмаркѣ, куда привозится изъ до 40,000 штукъ, т.-е. на сумму до 240,000 р. сер.; 5) смушки, т.-е. шкурки, снимаемыя съ пяти и шести-дневнаго ягненка, доставляемыя Полтавскою губерніею. Авторъ не могъ узнать, сколько ску-

шки продается на каждой ярмарке, но приводить свѣдѣнія объ общемъ ходѣ этой торговли; изъ Полтавской губерніи (гдѣ замѣчательнейшее по этой промышленности является Рѣшетиловка, приготовляющая смушки до 70,000 штукъ) смушекъ выходитъ до 264,000 штукъ, на сумму 204,600 р. сер., изъ которыхъ около половины закупаютъ Бродскія конторы, для отправки за границу.

Далѣе авторъ сообщаетъ свѣдѣнія о галантерейномъ товарѣ (подъ которымъ разумѣются разные мелкие предметы, употребляемые въ быту дворянскомъ и купеческомъ, служащіе для украшенія, для удовольствія, но не составляющіе существенной потребности въ жизни, напр. зонтики, перчатки, ленты, гребни, кошельки и т. п.) и количествѣ товаровъ (къ которому относятся тѣ же товары, только дешеваго, простаго изданія, для быта мѣщанскаго и крестьянскаго; но существенную принадлежность игольного товара составляютъ: пуговицы мѣдныя и оловянныя, мѣдные кресты, наперстки, стеклярусь, иглы, булавки, крючки, тесьма). Галантерейный товаръ бываетъ Русскій, Польскій и загражданский. По офиціальнымъ вѣдомостямъ, привозъ Русскаго товара на Украникія ярмарку въ 1854 г. показанъ на 984,100 р. сер., иностраннаго — на 218,000 р., сбытъ Русскаго на 388,660 р., иностраннаго — на 95,700 р. сер. Игольный товаръ распродается на сумму не менѣе 1,000,000 р. сер. и значительнейшими ярмарками являются Крещенская и Ильинская, продающія на 300,000 р. сер. каждая.

Затѣмъ находимъ у автора свѣдѣнія о косметическомъ товарѣ (продающемся на 150,000 р. с.), о торговлѣ золотыми и серебряными вещами (на 450,000 р. сер.), писчей бумагою (на 415,000 р. сер.) и коврами. Не останавливалась на разсмотрѣніи данныхъ, представленныхъ авторомъ объ этихъ предметахъ, сообщимъ въ главнейшихъ чертакъ изслѣдованія автора о торговлѣ прасольскимъ товаромъ, къ которому принадлежать слѣдующіе предметы: сырой пушной или шкуровой товаръ, щетина, перо, пухъ, майка, грива, косица, роговые концы, аянись и канареечное сѣмя, конопляное масло, сало, пенька, медь, воскъ, холстъ и подсолнечное масло. Скажемъ нѣсколько словъ о каждомъ изъ этихъ товаровъ. Для пушнаго товара главными ярмарками являются Ильинская, на которую привозится рухляди на 150,950 р. сер., Маслянская, торгующая на 145,925 р. сер., Крещенская — на 104,650 р. сер.; общую же цѣнность всей ярмарочной торговли звѣровымъ шкурнымъ товаромъ авторъ опредѣляетъ въ 547,105 р., въ томъ числѣ одного

зайца на 241,750 руб. Щетина, кроме внутреннего употребления, идетъ за границу, а потому и цѣны находятся въ тѣсной связи съ заграничнымъ спросомъ. Крещенская, Ильинская, Маслянская, Вознесенская и Коренная ярмарки, самыя лучшія для торговли щетиной; прочія весьма не важны: количество всего привоза щетины на Украинскія ярмарки составляетъ до 23,000 пудовъ, на сумму до 450,000 р. сер., изъ которой на долю Крещенской приходится 112,000 р. Пере привозится на Украинскія ярмарки въ количествѣ до 15,000 пуд., въ годъ (весчаго до 3,000 и мягкаго до 12,000) на сумму 45,000 р. сер.; изъ этого количества на долю Крещенской ярмарки приходится 7,000 пуд. (1,000 пуд. писчаго и 6,000 мягкаго). Пуху бываетъ въ продажѣ слишкомъ 4,300 пуд., на сумму 40,000 р.; почти половина этого количества приходится на долю Крещенской ярмарки. Майка (т.-е. шпанская муха, называемая майкою на Украинѣ потому, что она появляется преимущественно въ маѣ мѣсяцѣ) въ самомъ большомъ количествѣ привозится на Ильинскую ярмарку, на которой въ продажѣ въ 1864 г. было до 1,500 пуд. на сумму 75,000 р. сер.; на всѣхъ же ярмаркахъ количество майки развѣяется 2,000 пуд. на 100,000 руб. сер. Гриба, подъ которою разумѣется волосъ конской гривы и коровыи хвосты, является на Украинскія ярмарки въ числѣ 4,500 пуд. на сумму 15,375 р.; косица, употребляемая на сultаны для касокъ, доходитъ до 6,000 пуд. на сумму 30,000 р. сер.; роговые концы, т.-е. концы роговъ бычачьихъ и коровыихъ, продаются на 6,000 руб.; анисъ является главнѣйше на двухъ ярмаркахъ: Покровской—до 6,000 пудовъ, и Крещенской—не болѣе 100 пуд.; по цѣнѣ 1 р. 15 коп. за пудъ; канареочнаго сѣмени бываетъ на этихъ же ярмаркахъ не болѣе 800 пуд., по цѣнѣ, на мѣстѣ, 1 р. сер. за пудъ. По продажѣ конопляного масла важнѣе другихъ Харьковскія ярмарки; но вообще ни конопляное ни подсолнечное масло не входятъ въ разрядъ собственно оптовой ярмарочной торговли, ибо составляя предметъ необходимой потребности, продаются всюду, во всѣхъ городахъ, у осѣдлыхъ торговцевъ. Тѣмъ не менѣе на Крещенскую ярмарку привозится коноплянаго масла 1,000 бочекъ, или отъ 20 до 25 тысячъ пудовъ, по цѣнѣ 1 р. 80 коп. за пудъ; всего же привозится масла на ярмарку 65,000 пуд. на 117,000 р. сер. Сало бываетъ говяжье, баранье и свиное; но свиное сало не входитъ въ категорію того товара, который въ торговли именуется вообще саломъ; оно даже почти не составляетъ предмета оптовой тор-

говли въ Малороссіи, ибо принадлежитъ къ произведеніямъ домашнаго хозяйства и употребляется всею Малороссіею въ пищу. Въ прежнее время сало шло съ юго-восточной стороны Россіи въ Харьковъ и на Коренную ярмарку, т.-е. не самый товаръ требовался въ эти мѣста, но купля и продажа совершились въ Харьковѣ; или чрезъ Харьковъ, или при главномъ посредничествѣ Коренной ярмарки, которая занимала прежде по этой торговлѣ весь значительное мѣсто. Теперь и значение Коренной ярмарки и ярмарочная торговля саломъ много упали, вслѣдствіе разныхъ обстоятельствъ, а именно: 1) торговля саломъ Ростова и всего южнаго побережья обратилась въ порты Азовскіе и Черноморскіе, тѣ Таганрогъ и Одессы; 2) Евреи, закупая сало въ Екатеринославѣ, Бахмутѣ, Славянскѣ и вообще въ сѣверныхъ уѣздахъ Екатеринославской и Херсонской губерній, также направляютъ его въ Одессу и другие южные порты; 3) въ послѣднее время Кременчугъ сдѣлался средоточiemъ по торговлѣ саломъ для всѣхъ окрестныхъ мѣстъ, и 4) Донъ, восточная часть Воронежской губерніи, Тамбовъ и вся эта сторона торгуетъ саломъ мимо Украины, не смотря на то, что торговыя системы граничатъ между собою. Касательно самаго сбыта сала должно замѣтить, что такъ-какъ скотину бывать преимущественно въ сентябрѣ и октябрѣ, то и сборъ сала производится въ концѣ октября, въ ноябрѣ, декабрѣ и январѣ. Поэтому на ярмаркахъ, предшествующихъ бой скота, закупается сало будущее, впередъ, на зимнихъ-же ярмаркахъ покупается сало *каличное*. Общее количество сала, являющееся на ярмарки, составляетъ 165,000 пуд. на сумму 470,000 р. сер., главный сбытъ его въ Петербургскій портъ. Пенькой не торгуютъ ни на одной Украинской ярмаркѣ, кроме Коренной. Медь въ наибольшемъ количествѣ является на Успенскую ярмарку, до 40,000 пудовъ, на сумму 103,000 р. сер.; итогъ-же торговли медомъ на всѣхъ ярмаркахъ составить 271,500 р., — кроме Коренной, Кролевецкой, Ильинской и Сумской ярмарокъ, на которыхъ меда почти не бываетъ. Воску продается до 38,000 пуд. на 550,000 руб. сер. Холщеваго товара крестьянскаго продается на 385,000 р. сер. и наконецъ подсолнечнаго масла до 75,000 пудовъ на 135,000 р. сер.

Далѣе авторъ говорить о такъ-называемомъ черномъ товарѣ, къ которому относить крестьянское сукно (продаваемое на 125,000 р. с.), войлоки и разныя крестьянскія шерстяныя издѣлія, крестьянское шитое платье, овчины, тулуны (о которыхъ было говорено выше)

съѣстной крестьянскій товаръ (клюку, грибы, грушу, сливу), мочалный товаръ, бывшій шорный товаръ, бичеву и нить, ленъ и щепной товаръ. По разсмотрѣніи этого товара, почтенный авторъ заключаетъ свое описание данными о нѣкоторыхъ товарахъ, не вошедшихъ въ исчисленія выше категоріи, именно: о книжномъ товарѣ, ватѣ, пряденой бумагѣ, мылѣ, обояхъ и гардинахъ.

Вотъ въ главѣйшихъ чертахъ содержаніе изслѣдованія г. Аксакова о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ. Оканчивая обзоръ нашъ, считаемъ пріятнымъ долгомъ повторить, что трудъ г. Аксакова составляетъ драгоценное приобрѣтеніе для нашей статистической литературы.

Д. Н.

НОВЫЯ КНИГИ,

ИЗДАННЫЯ ВЪ РОССИИ.

—***—

Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, издаваемый статистическимъ отдѣленіемъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества. Книжка III, изданная подъ редакцію *Безобразова*, дѣйствительного члена географическаго Общества. С. Петербургъ, 1858.

Русское географическое Общество дѣлится на 4 отдѣленія: статистическое, этнографическое, географія физической и географія математической. Отдѣленія географіи описательной нѣть. До сихъ поръ являлись записки географическаго Общества и сборники по статистикѣ и этнографіи. Отдѣленія же физической и математической географіи ничего не издали. Чему приписать это молчаніе? Недостатку ли материаловъ, или слабости средствъ?

Изданій въ прошломъ году статистической сборникъ состоитъ изъ пяти отдѣльныхъ статей, а именно:

- 1) Движеніе виѣшней торговыи Россіи съ 1853 по 1856 годъ. *Ф. А. Тернера*.
- 2) Результаты народныхъ переписей въ Ардатовскомъ уѣздѣ Самарской губерніи. *В. В. Трубниковъ*.
- 3) Движеніе народонаселенія въ Россіи съ 1848 по 1852 г. *Е. И. Каѣтша*.
- 4) Историческое и статистическое обозрѣніе неурожаевъ въ Россіи. Священника *Словцова*.
- 5) Материалы для географіи и статистики Нижегородской губерніи. Архимандрита *Макарія*.

Въ первой статьѣ авторъ обозрѣваетъ Европейскую торговлю въ періодъ отъ 1846 по 1856 годъ. Онъ приписываетъ замѣшательство въ торговлѣ за это время неурожаю 1846 года, политическимъ смутамъ 1848 и необыкновенному развитію предпріятій для постройки желѣзныхъ дорогъ, превратившихъ обращающіеся капиталы въ основные. Перевороты эти имѣли неважное вліяніе на торговлю Россіи, потому-что она не успѣла еще сдѣлаться дѣйствующимъ лицемъ во всемирной торговлѣ, но занимается развитіемъ собственныхъ силъ. Изъ этого открывается, какъ близки къ паденію государства чисто-коммерческія. Наполеонъ I зналъ, что благосостояніе Англіи зависитъ отъ ея повсемѣстной торговли и сталъ поражать Британію не пушками, а континентальною системою. Не затѣявъ онъ войны съ Россіею, Англія упала-бы до третьестепенной державы. То государство прочно и надежно, которое существуетъ внутренними средствами. Уже давно мы слышимъ укоризну отечеству нашему за то, что оно государство землемѣльческое. Хлѣбъ есть первая, одежда — вторая потребность каждого человѣка. Богата Россія этими средствами и можетъ существовать безъ вѣшней торговли въ случаѣ крайности. Европа и новый свѣтъ пострадали отъ банкротства, Россія осталась тою-же, какою была.

Сдѣлать краткое обозрѣніе Европейской торговли, авторъ обращается ко вѣшней торговлѣ Россіи. Онъ говоритъ, что торговля наша не переставала возрастать съ 1824 года, кромѣ годовъ послѣдней войны. Съ 1824 по 1828 годъ она составляла 107 миллионовъ рублей, а съ 1849 по 1853 годъ она простиралась уже на 230 миллионовъ. Столь быстрое развитіе авторъ приписываетъ, во-первыхъ, тарифу 1853 года, во-вторыхъ, уничтоженію таможенной линіи между Россіею и Польшею и, въ-третьихъ, сильному увеличенію торгового движенія драгоценныхъ металловъ. Война въ 1854 году понизила нашу торговлю на 67 миллионовъ.

Авторъ дѣлить нацу торговлю на Европейскую и Азіатскую; для первой цвѣтущимъ годомъ былъ 1853; итогъ ея простирался на 226 миллионовъ; вторая въ 1852 году доходила до 27 миллионовъ.

Касательно привоза и вывоза товаровъ авторъ замѣчаетъ, что съ 1842 по 1852 было сильное притяженіе въ привозѣ. Въ 1853 году привозъ простирался до 101 миллиона руб., вывозъ же въ этомъ году былъ на 145 мил.; за то въ 1854 году вывозъ упалъ до 63 миллионовъ. За исключеніемъ годовъ 1854 и 1855, отпускъ вездѣ

играет преобладающую роль. Однако же авторъ называетъ результатъ этой кажущимся, хотя доказательствъ на то не приводить.

Движеніе драгоценныхъ металловъ оказывается тоже въ нашу пользу. Огромный привозъ къ намъ металловъ былъ въ 1853 году и превышалъ вывозъ на 19 миллионовъ руб., по причинѣ сильнаго спроса нашего хлѣба за границу.

Нашъ отпускъ преимущественно состоитъ изъ земледѣльческихъ произведеній: хлѣба, льна, сала, пеньки, масличныхъ сѣменъ, шерсти, кожи, лѣса и разныхъ издѣлій.

Окундные урожаи, слѣдовавшіе одинъ за другимъ съ 1853 года, произвели отсутствіе Русскаго хлѣба на иностраннѣхъ рынкахъ, гдѣ цѣны поднялись до неслыханной высоты, несмотря на привозъ хлѣба изъ сѣверной Америки. Это возвышеніе доказало, что Америка не въ-силахъ довольствовать хлѣбомъ Европу, и что она не можетъ еще вытѣснить Русскій хлѣбъ съ Европейскихъ рынковъ. Два года (1853 и 1854) усиленнаго отпуска до того истощили запасы этой страны, что цѣны въ Нью-Йоркѣ поднялись на ту-же высоту, на которой стояли въ Лондонѣ.

Вотъ какъ изображаетъ авторъ движеніе нашей торговли хлѣбомъ: съ 1790 по 1805 годъ отпускъ хлѣба съ 400,000 четв. возросъ до 2 миллионовъ четв.; съ 1806 по 1816 годъ, вслѣдствіе континентальной системы, онъ упалъ до 500,000 четвертей; въ періодъ съ 1820 по 1845 годъ Русская отпускная торговля хлѣбомъ подверглась большими колебаніямъ отъ Англійской тарифной системы. За всѣмъ тѣмъ отпускъ нашъ сталъ возрастать съ 1842 года и въ 1853 году возросъ до 10,438,669 четвертей, цѣною въ 54,612,121 руб. сер. 1853 годъ не есть максимумъ нашего отпуска. Въ 1847 году вывезено его на 70,772,381 руб. Тогда было веурожай въ Европѣ, и парламентъ установилъ пошлину по 25 коп. съ четверти; за то въ 1855 году вывезено хлѣба только 650,000 четвертей, по причинѣ блокады нашихъ портовъ и запрещенія отпускать хлѣбъ за границу.

Пшеница и рожь занимаютъ первое мѣсто въ нашей торговлѣ, за ними слѣдуютъ овесъ, ячмень, кукуруза. Главный отпускъ производится изъ портовъ Чернаго и Азовскаго морей. Отпускъ ржи и овса преимущественно производится изъ сѣверныхъ портовъ: Риги, Петербурга и Архангельска; ячмень - же отпускается преимущественно изъ Риги и Любавы. Кукуруза сѣется на поляхъ южной

России. Съ 1850 года отпускъ ея простирался до 51 тыс. четвертей. Неурожай 1847 года заставилъ Англичанъ обратить внимание на кукурузу и скоро она сдѣлалась пищею народа. Съ тѣхъ-поръ стала она предметомъ торговли. Въ 1853 году отпущено кукурузы изъ Черноморскихъ портовъ 574,847 четверт. на 2,372,273 руб.

Хлѣбъ нашъ отпускается за границу преимущественно въ зернѣ, что весьма не выгодно для насъ, между тѣмъ-какъ сѣверная Америка продаетъ около половины своего хлѣба въ муцѣ. Авторъ говоритъ, что наша мука хуже иностранной, потому-что въ Америкѣ приготовляется она на огромныхъ механическихъ мельницахъ, движимыхъ парами. Съ этимъ согласиться нельзя. Наша мука исклучительно не хуже иностранной, а можетъ быть и лучше, но дѣло въ томъ, что Американцы сохраняютъ свою муку въ боченкахъ, плотно закупоренныхъ, а наша мука продается въ рогоженныхъ куляхъ. Авторъ, сдѣлавъ общему заблужденію, охуждаетъ и наше земледѣліе, но стоитъ ему лишь вспомнить, что наша земледѣльческая промышленность вся въ рукахъ помѣщиковъ. Многіе изъ нихъ бывали за границею, изучили тамошнее земледѣліе, пробовали ввести его у себя, и тѣжкій опытъ доказалъ, что оно не годится для Россіи.

Послѣ того авторъ изображаетъ колебаніе цѣнъ на хлѣбъ внутри Имперіи, для чего беретъ губернія: Смоленскую, Калужскую, Тамбовскую, Орловскую, Могилевскую. Главный хлѣбный нашъ рынокъ образовался въ городѣ Рыбинскѣ. Городъ этотъ стоитъ на рѣкѣ Волгѣ, — артеріи движения хлѣбной торговли. Здѣсь производится перегрузка изъ глубокихъ судовъ въ плоскодонныя. Но какъ упадокъ воды происходитъ во вторую половину лѣта, то значительное количество грузовъ принуждено зимовать въ Рыбинскѣ. Теперь хлѣбные обороты этого города опредѣляются круглымъ числомъ въ 30 мил. руб. ежегодно.

Изъ этихъ изображеній видно, что хлѣбные цѣны во время периода дорожевизны на внутреннихъ рынкахъ были слабѣе, нежели въ портовыхъ городахъ.

Послѣ обозрѣнія нашей хлѣбной торговли авторъ обращается къ торговлѣ этимъ произведеніемъ за границею. Видно, что г. Тернеръ много читалъ и соображалъ. Если съ выводами его о хлѣбной торговлѣ не каждый согласится, за то рѣдкій не воздастъ похвалы его трудолюбію.

Второю статью нашего отпуска за границу служатъ масличные сѣмена. Съ 1842 по 1846 годъ средний годовой отпускъ льняного и

кононьяного съемъ простирается до 8.298,000. Въ 1853 году отпущено на 11,798,000, за то въ 1855 г. только на 2.186,000 руб. Главный отпускъ принадлежитъ портамъ Чернаго и Азовскаго морей, откуда съима идетъ на маслобойни. Съима, отпускаемое изъ Балтийскихъ портовъ, идетъ на посыпь. Конопляное съима отпускается въ ничтожномъ количествѣ. Кроме того вывозятся изъ Россіи съимена подсолнечниковъ, сурепицы и другія.

Шерсть мериносовая и простая, а также и козий пухъ составляютъ немаловажную статью нашего отпуска за границу, особенно съ-тѣхъ-поръ, какъ разведеніе меринсовъ усилилось въ южной Россіи.

Овечьей шерсти отпущено изъ Россіи въ 1852 и 1853 годахъ среднимъ числомъ:

изъ южныхъ портовъ на	5.006,549	руб. сер.
чрезъ сухопутную границу на	2.810,578	" "
изъ Балтийскихъ портовъ на	1.132,742	" "
		·
	8.949,969	руб. сер.

Козыаго пуха отпущено на 256,748 руб. сер.

Отпускъ шерсти изъ Россіи распредѣляется слѣдующимъ порядкомъ между иностранными-государствами:

въ Англію....	на 3.469,100	руб. сер.
» Пруссію.....	» 1.823,500	" "
» Австрію.....	» 1.214,300	" "
» Францію.....	» 607,800	" "
» Турцію.....	« 484,200	" "
» Италію.....	« 158,000	" "
» Бельгію.....	» 125,000	" "
» Нидерланды.....	» 115,000	" "
» прочіе страны....	» 89,200	" "

Авторъ замѣчаетъ, что за простую Русскую шерсть, отпускаемую за границу, мы получаемъ болѣе выгодъ, нежели за мериносовую, а потому совѣтуетъ овцеводамъ обратить вниманіе на выборъ племениыхъ барановъ, приспособившихся къ нашему климату и мѣстности.

Въ отпускѣ за границу животныхъ продуктою главное мѣсто занимаетъ сало. По свѣдѣніямъ за 1851 годъ, считалось въ Россіи

рогатаго скота 20 мил. головъ и до 36 мил. овецъ, между тѣмъ какъ за границею по послѣднимъ свѣдѣніямъ считается:

	Рогатаго скота.	Овецъ.
въ Англіи	10.000,000 головъ	32.000,000
» Пруссія.....	5.500,000 »	16.250,000
» Франція	12.000,000 »	35.000,000
» Австрія.....	11.500,000 »	33.750,000
» Швеція и Норвегія	1.623,000 »	1.464,000

Не смотря на превосходное по количеству наше скотоводство, въ 1852 году было всего 770 свѣчныхъ и мылонареныхъ заводъ, на которыхъ приготовлено 2 мил. пудовъ произведений. Въ Англіи-же и Шотландіи сдѣлано въ 1840 году одного мыла болѣе 5 мил. пудовъ.

Съ 1828 по 1838 годъ отпускалось за границу сала постоянно среднимъ числомъ болѣе 4 миллионовъ пудовъ, но въ 1851 и 1852 годахъ отпускъ не составлялъ и 3 миллиона пудовъ. Бузносъ-Айресь въ южной Америкѣ развелъ огромное скотоводство и соперничаетъ съ нами. Хотя развитіе пароходства усилило потребленіе сала, но оно замѣнено кокосовымъ и пальмовымъ маслами. Сверхъ-того цѣны на сало поднимаются у насъ ежегодно. Авторъ изобразилъ колебаніе ихъ въ Петербургѣ и въ Москвѣ, судя по разнымъ причинамъ. Главный отпускъ сала производится изъ С. Петербургскаго порта. Великобританія всегда играла главную роль въ торговлѣ нашимъ саломъ. Она передавала даже наше сало Франціи.

Авторъ говоритъ, что въ южныхъ губерніяхъ нашихъ скотина убивается часто для сала и шкуры, мясо-же не идетъ ни на какое употребленіе. Жаль, что авторъ не показать, изъ какихъ источниковъ заимствовалъ онъ это свѣдѣніе. Можно-ли думать, чтобы тамошніе помѣщики не умѣли приготовлять солонины, которой однажды въ самый худой годъ отпущено на 7,328 руб.; неужели никто не слыхалъ тамъ о дороживаніи мяса въ Англіи, неужели Новороссіине бросаютъ мясо собакамъ, вытопивши изъ него сало?

Вывозъ сальныхъ свѣчъ изъ Россіи, простиравшійся до 53 тыс. пуд., упалъ до 20 тыс. пуд. За то съ 1840 года начался отпускъ стеарина и олеина. Отпускъ стеариновыхъ свѣчъ въ 1853 году составлялъ 19,039 пуд. Можно полагать, что торговля наша стеариномъ не остановится на этой степени, но, увеличиваясь постепенно,

пополнить упадки прочихъ статей. Дешевизна стеарина внутри государства произойдетъ неизменно, потому-что стеариновые заводы учреждаются на главныхъ мѣстахъ покупки сала, напр. въ Казани и Екатеринбургѣ. Тамъ представляется возможность приготовляти сѣрию кислоту; работникъ и топливо тамъ дешевы. Опасаться надобно только монополіи, а соперничество пока невозможнo.

Воздѣлываніе льна и пеньки въ Россіи успиваетъ лишь скотоводству и воздѣлыванію зерноваго хлѣба. Валовая цѣнность этого произведенія простирается до 55½ мил. Съ первыхъ временъ существованія нашей заграничной торговли пенька и ленъ считались главными предметами. Отпускъ ихъ возрастилъ съ 1820 года и въ 1853 году простирался до 8.986,809 пуд. Война разстроила эту торговлю, такъ-что въ 1855 году отпущено только 2.905,402 пуда. И здѣсь главная покупщица у насъ Англія, за нею слѣдуютъ про-чія государства и даже сѣверная Америка. Главный отпускъ производится изъ портовъ Балтійского моря, затѣмъ слѣдуетъ Бѣлое море и сухопутная западная торговля. Бѣлое море играетъ значительную роль только по отпуску льна и льняной пакли. Вологодская и Вятская губерніи производятъ волокнистые льны, а рѣка Двина представляетъ удобный путь къ Архангельску. Этими же путемъ идетъ ленъ изъ Олонецкой, Ярославской и Владимірской губерній. Первую роль между портами Балтійского моря играетъ Рига.

Кромѣ льна и пеньки, отпускается за границу и пряжа изъ этихъ произведеній. Количество пряжи не простиралось выше 228,701 пуда. Главную роль играетъ здѣсь Юрбургъ.

Торговля лѣсомъ издавна принадлежала Россіи. Не смотря на то, что лѣса сильно уменьшились отъ безразсудной порубки, съ Россіею соперничаютъ въ этомъ товарѣ только Швеція и Норвегія. Въ 1845 году отпущено лѣса за границу на 3.745,856 руб. с. а въ 1853 г. — на 5.019,783 р. с. Итогъ увеличился отъ предстоявшей войны. Отпускомъ лѣса за границу могутъ заниматься только сѣверная и западная губернія наши. Отпускъ изъ портовъ Балтійского моря занимаетъ первое мѣсто, потомъ слѣдуетъ западная сухопутная граница, за нею Бѣлое море, а наконецъ моря Черное и Азовское.

Затѣмъ авторъ изображаетъ отпускъ нашихъ не важныхъ статей торговли, какъ-то: штетины и конскаго волоса, металловъ не въ дѣлѣ. Достойно примѣчанія колебаніе торговли нашей жалѣ-

зомъ. Отпускъ въ Европу уменьшается съ каждымъ годомъ, за то отпускъ въ Азію увеличивается. Отпускъ мѣди въ Европу стала увеличиваться, вѣроятно, потому, что наши мѣдные деньги вздорожали.

Торговля мягкою рухлядью съ Европою уменьшается почти ежегодно, за то въ Азіи она если не возрастаетъ, то по-крайней-мѣрѣ держится въ одномъ положеніи, измѣняясь только спросомъ то одного, то другаго сорта. Не умолчимъ однакожъ, что статья о торговлѣ мягкою рухлядью менѣе прочихъ обработана авторомъ.

Отпускъ льняныхъ и пеньковыхъ произведеній за границу простирается свыше 2 мил. руб. сер. Къ льнянымъ издѣліямъ принадлежать полотна, равентухъ и холстъ, къ пеньковымъ — канаты и веревки. До 1846 года главную роль играли издѣлія льняные, а съ 1850 года первенство перешло къ канатамъ и веревкамъ. Война уронила ту и другую статью. Теперь открылся новый сбыть нашего хращеваго холста въ Америку на мѣшки.

Кожи наши отпускаются за границу въ трехъ видахъ: юфти, выдѣланныхъ и сырыхъ. Юфть идетъ въ Италію; Австрія и Пруссія получаютъ наши кожи выдѣланныя и сырья; за ними слѣдуютъ прочія государства. Южная Россія, такъ богатая дешевыимъ скотомъ, вѣ-состоянія была-бы снабжать всю Европу кожами, но видно, что не пришла еще пора. Торговля выдѣланными кожами съ Китаемъ и Среднею Азію хотя и медленно, а все-таки увеличивается.

Отпускъ поташа, доходившій съ 1827 по 1831 годъ до 600 тыс. пуд., упалъ въ 1846 году до 295,180 пуд., но съ-тѣхъ-поръ стала возвышаться.

Исчисляя такимъ образомъ всѣ статьи нашей отпускной торговли, авторъ говоритъ, что первая торговка съ нами есть Англія. Однакожъ зависимость ея отъ Россіи не такъ велика, сколько полагаютъ нѣкоторые. Выродженіе войны 1854 — 55 годовъ привозъ въ Англію шерсти, льнянаго сѣмени, льна, пеньки и проч. превзошелъ количество мирныхъ годовъ, но этому способствовала непомѣрная дороговизна. Всѣ находили болѣе выгодныимъ продать Русскіе товары въ Англіи, нежели дома. Продлилась война еще два года, и Англія почувствовала-бы, что не выгодно воевать съ Россіею.

Авторъ статьи о движеніи внѣшней торговли нашей, какъ видно, посвятилъ себя изученію торговли, не смотря на то, что весь-

ма еще молодъ, обнаруживаетъ трудолюбіе и терпѣніе, свойственныя зрѣлымъ лѣтамъ. Предоставляемъ специалистамъ подробное сужденіе о трудахъ его. Скажемъ безъ лести, что онъ подаетъ большія надежды въ будущемъ, если обстоятельства не перестанутъ ему благопріятствовать. Императорскіе Русское географическое Общество наградило его золотою медалью.

Вторая статья въ Сборникѣ составлена дѣйствительнымъ членомъ Трубниковымъ и содержитъ въ себѣ результаты народныхъ переписей въ Ардатовскомъ уѣздѣ Симбирской губерніи. Статья эта есть отрывокъ изъ обширнаго статистического изслѣдованія, производимаго авторомъ въ Симбирской губерніи. Изъ отрывка однакожь видно, что авторъ взялся за дѣло съ умѣньемъ. Желательно, чтобы трудъ его увѣличился полнымъ успѣхомъ. Статистика вдается иногда въ такія подробности, которыя, утомляя вниманіе, ни къ чему не приводятъ. Много словъ, цифръ и выводовъ, а толку мало. Надѣемся, что г. Трубниковъ, хорошо понимающій дѣло, убѣжденъ въ безпомощности математическихъ измѣненій величинъ и представить намъ чистую статистику.

Третья статья есть: «Движеніе народонаселенія въ Россіи съ 1848 по 1852 годъ». Составлена дѣйствительнымъ членомъ Е. И. Кайшемъ.

Авторъ сожалѣть, что въ нашихъ метрическихъ книгахъ не означаются ни младенцы мертворожденные, ни матери, умершія отъ родовъ, между-тѣмъ-какъ въ другихъ государствахъ ведется имъ счетъ. Самое большое количество мертворожденныхъ падаетъ на Саксонію, а меньшее — на Баварію. Въ Парижѣ умираетъ отъ родовъ одна женщина изъ 585 и въ публичныхъ заведеніяхъ умираетъ въ 7 разъ болѣе родильницъ, нежели въ частныхъ домахъ. Значитъ не у насъ-же однихъ иные врачи лечуть небрежно въ больницахъ.

Обращая вниманіе на число рождающихся въ Россіи авторъ находитъ, что съ каждымъ пятилѣтіемъ число рождающихся у насъ увеличивается, однакожь не постоянно, а черезъ годъ, т.-е. въ одинъ годъ рождается больше, въ другой меньше, потомъ опять больше первого года и т. д.

Число умершихъ тоже колеблется, но въ общемъ итогъ жизни побѣждаетъ смерть. Въ числѣ родившихся болѣе мальчиковъ, нежели дѣвушекъ, но изъ первыхъ умираетъ болѣе, нежели изъ послѣднихъ. По ревизіямъ и отчетамъ видно, что у часть женской поль превышаетъ мужской 3-мя процентами.

По 9-й ревизіи 1851 года было:

мужскаго пола.....	32.222,561
женскаго	32.948,037
	разность 725,476.

Не должно выпускать изъ вида и того, что ревизія женскаго пола, особенно у инородцевъ, производится небрежно.

Ежегодное приращеніе по одному православному вѣроисповѣданію авторъ опредѣляетъ въ 518,906 душъ. Если принять всю населенность Россіи въ 65 миллионовъ, то чрезъ 100 лѣтъ она возрастетъ до ужаснаго количества болѣе 100 миллионовъ.

Авторъ дѣлить наше народонаселеніе на три периода жизни: *приютовитѣльный*, *зрѣлый* и *преклонный*. Къ первому относитъ онъ жизнь до 20-лѣтнаго возраста, ко второму — отъ 21 до 60, къ третьему, жизнь выше 60 лѣтъ. Жителей зрѣлаго возраста, способныхъ работать, полагаетъ онъ 17 мил. душъ.

Статья г. Кайша обнимаетъ лишь одно пятилѣтіе, по которому нельзя сдѣлать *правильнаго заключенія о движении народонаселенія*.

Географическое Общество публикуетъ ежегодно задачи, касающіяся этнографіи и статистики. Одна изъ этихъ задачъ состояла въ томъ, чтобы описать неурожай, бывшіе въ Россіи. Предлагать очень трудный. Въ Англіи напр. неурожай бывалъ новоселѣніе, или поражалъ большую часть государства; у насъ же общий неурожай не возможенъ. Россія такъ длинна и широка, что въ одной губерніи засуха, въ другой хлѣбъ вымокъ отъ дождей, въ одной полости градъ побилъ земель, въ другой она растеть превосходно. Въ южныхъ губерніяхъ истребляетъ хлѣбъ саранча, въ сѣверныхъ-же только слыхали про нее. Поэтому исторію неурожаевъ можно составить лишь для каждой губерніи порознь. Не смотря на трудность задачи, взялся за нее спасѣнникъ Слюсаревъ и обработалъ ее хотя не вполнѣ удовлетворительно, какъ было предложено въ задачѣ, однако же географическое Общество наградило его половиною премію.

Авторъ исчисляетъ сперва хронологически неурожаи, бывшіе въ Россіи, о которыхъ говоритьъ исторія или документы. Первый неурожай, попавшій въ исторію Каракзина, былъ въ 1024 году. Онъ свирѣпствовалъ въ Судаильской области. Въ 1070 году неурожай былъ въ Ростовской области и на Волыни. Такимъ порядкомъ исчисляетъ авторъ всѣ известныя неурожаи по 1854 годъ.

Причины неурожаевъ привлекаются въ древности колдовству старыхъ бабъ, однажды не всѣ вѣрали этому и въ то же время объясняли ихъ физически; напр. о неурожаѣ 1092 года сказали въ лѣтописи: «Ведро баше, яко изгараше земля во многихъ областахъ и мнози борове взгарахуса сами в болота». Всѣхъ засухъ до 1848 года исчисляетъ авторъ четырнадцать. Число это, безъ сомнѣнія, должно удесятерить и тогда только истину будетъ близка.

17 неурожаевъ насчитываетъ авторъ отъ несвоевременныхъ морозовъ; напр. 1128 г. «уби морозъ рожь всю и озимую». 1419 г. «снѣгъ паде на Никитинъ день и иде 3 дня и 3 нощи; паде его на 4 пяди, а потомъ сойде, и мало кое что сѣветъ». Никитинъ день должно разумѣть или 28 мая или 9 сентября.

Проливные дожди губили также много разъ хлѣбъ. Въ 1454 г. «дождь бысть умноженъ и ржей не сѣяли». Въ 1782 году Якутская провинція потерпѣла неурожай отъ проливныхъ дождей. Тутъ нужно объясненіе. Подъ именемъ Якутской провинціи едва ли не разумѣли тогда уѣзды Киренскій и Ильмскій, где постоянно занимаются земледѣліемъ. Въ самомъ же Якутскѣ земледѣліе — охота.

О градобитіяхъ молчатъ наши лѣтописи, за то о саранчѣ упоминается въ первый разъ въ 1094 г. Авторъ исчисляетъ восемь появлений саранчи.

«Въ 1309 году бысть казнь отъ Бога: мышь поѣла рожь, и овесь, и щеницу всякое жито, отъ того бысть велика меженина ала...»

Послѣ того исчисляетъ авторъ какое жито пострадало преимущественно и какое осталось цѣлымъ. Слѣдствіемъ неурожая были высокія цѣны на хлѣбъ, а по временемъ и голодъ, отсюда нищенство, бродяжничество, разбои, переселенія, болѣзни и смертность. Въ 1602 году голодъ довелъ людей до того, что они поѣдали другъ друга. Матери пожирали дѣтей, а дѣти грызли матерей. Неурожаи производили и скотскіе падежи.

Принимало-ли тогдашнее правительство мѣры на случай неуро-

жаевъ — авторъ не говорить, но въ 1720 году Петръ I ученикъ экокомику генеральную, чтобы вездѣ запасный кіфбъ быть.

Исчисливъ неурожай, ихъ причины и слѣдствія, авторъ переходить за границу и считаетъ неурожай, начиная съ 1084 по 1846 годъ. Всѣхъ иностранныхъ неурожаевъ по исчислению оказалось 49, Русскихъ же за то время 81. Показаніе это авторъ считаетъ не вѣрнымъ, по недостатку опредѣлительныхъ данныхъ.

Священникъ Словцовъ самъ признаетъ свой трудъ неоконченнымъ, во-первыхъ, по короткому сроку, ему предложенному; во-вторыхъ, по недостатку материаловъ, и что онъ извѣся за него только для пользы общей. Съ своей стороны мы находимъ трудъ священника Словцова похвальный и желаюмъ, чтобы онъ обратилъ вищее вниманіе на этотъ предметъ, который многимъ покажется неблагодарнымъ.

Больше другихъ оказалъ услугу Обществу архимандритъ Макарій. Этотъ ученый, набожный, трудолюбивый исконъ есть одинъ изъ дѣятельнѣйшихъ членовъ географического Общества. Его статьи найдутся во всѣхъ сборникахъ, во многихъ номерахъ «Географическаго вѣстника». Архимандритъ Макарій — этнографъ, археологъ, статистикъ и географъ. Въ разбираемомъ теперь сборникѣ впечатана статья его подъ заглавіемъ: «Материалы для географіи и статистики Нижегородской губерніи». Въ предисловіи авторъ говоритъ: «Предлагаемые материалы для географіи и статистики Нижегородской губерніи собраны мною частію на мѣстѣ, частію извлечены изъ губернскихъ вѣдомостей, а частію изъ рукописей, доставленныхъ въ географическое Общество. Чтобы все это не пропало для науки, я рѣшился собрать все въ одно цѣлое, раздѣливъ мой трудъ на двѣ части. Къ первой отнесь материалы для географіи и статистики, а ко второй будуть отнесены материалы для этнографіи. Отецъ-архимандритъ скромно говоритъ, что трудъ его есть собраніе материаловъ для географіи и статистики Нижегородской губерніи, а потому критика безгласна предъ такимъ признаніемъ. Намъ остается лишь просить любознательного икона не ослабѣвать на избранномъ поприщѣ.

Описаніе войны между Россіею и Швеціею, въ Финляндіи; въ 1741, 1742 и 1743 годахъ, составл. Н. Шпилевской. С. Пб. 1859.

Описание это было помещено въ «Военномъ журналь»; нынѣ оно вышло отдельными оттисками и мы спѣшили обратить внимание нашихъ читателей на это весьма интересное сочиненіе. Мы съ предубѣждениемъ принялись за чтеніе «Описанія» и наше предубѣжденіе было извинительно: авторъ *военного* сочиненія, помѣщеннаго въ *военномъ* журналь — женщина; тѣмъ пріятнѣе было намъ замѣтить, по прочтепіи первыхъ-же главъ «Описанія», что мы были не правы.

Сочиненіе госпожа Шпилевской составлено по многимъ, вообще мало известнымъ источникамъ, составлено добросовѣстно, отчетливо, безъ грубыхъ промаховъ и ошибокъ, и даетъ довольно хорошее понятіе о нашей трехлѣтней войнѣ съ Швеціей.

Война эта известна Русскимъ читателямъ по запискамъ Манштейна, напечатаннымъ въ переводѣ на Русскій языкъ въ 1810 и 1823 годахъ (оба изданія нынѣ довольно рѣдки), и по сочиненіямъ Вейдемайера: «Обзоръ событий въ Россіи съ кончины Петра I до Елизаветы Петровны» и «Царствованіе Елизаветы Петровны». Та и другая книга выдержали три изданія и при всемъ томъ давно уже признаны весьма неудовлетворительными; тѣмъ-болѣе благодарны мы г-жѣ Шпилевской за то, что она взяла себѣ задачей описать события мало-известныя.

Но не надобно смотрѣть на книгу г-жи Шпилевской, какъ на *описаніе* войны 1741—1743 годовъ; въ строгомъ смыслѣ это есть не *описаніе*, но сборникъ извѣстій и материаловъ, относящихся къ военнымъ дѣйствіямъ Русскихъ и Шведскихъ войскъ въ Финляндіи,— извѣстій, собранныхъ изъ Шведскихъ и Французскихъ сочиненій, преимущественно современныхъ, да изъ Петербургскихъ вѣдомостей того времени; болѣе половины книги занято буквальными выписками изъ напечатанныхъ въ то время реляцій и писемъ фельдмаршала Ласси, генерала Кейта и другихъ.

Выписавъ изъ вѣдомостей все, что относилось къ военнымъ дѣйствіямъ, г-жа Шпилевская, къ-сожалѣнію, смѣшкомъ мало пользовалась иностранными источниками. Это тѣмъ-болѣе жаль, что небольшой, но весьма обстоятельный списокъ этихъ сочиненій

помѣщенный г. Куникомъ въ «Ученыхъ запискахъ академіи наукъ по I и III отдѣл.» былъ извѣстенъ составительницѣ книги; а судя по немногимъ цитатамъ, и самыя сочиненія были ею прочитаны.

Итакъ, еслибы г. Шипилевская обратила болѣе вниманія на сочиненія Лагу, Топеліуса, и въ-особенности на дневникъ Тибуриуса—драгоцѣнныи матеріалъ для описанія этой войны, то ея сочиненіе было-бы несравненно занимательнѣе, въ немъ не было бы той сухости, отрывчатости въ разсказѣ, пробѣловъ въ изложеніи событий, какіе мы теперь находимъ. Не понимаемъ, къ чему было такъ тщательно перепечатывать вѣдомости того времени, строго сохраняя весь безобразный ихъ Нѣмецко-Русскій слогъ, и въ то же время такъ мало заимствовать подробностей изъ иностраннѣхъ источниковъ?

«Я намѣрена, говорить составительница, собрать здѣсь, помимо нѣкоторыхъ свѣдѣнія, почерпнутыя мною преимущественно изъ Шведскихъ источниковъ (вѣрѣе было-бы сказать изъ Петербургскихъ вѣдомостей), и надѣюсь, что они будутъ не безъ интереса и пользы» (стр. 3). Въ другомъ мѣстѣ (188 стр.) она говоритъ, что «цѣль ея труда собрать только матеріалы для исторіи этой войны, предоставивъ другимъ, болѣе искуснымъ, самое описание». Мы-же думаемъ, что это сочиненіе, которое, по собственному сознанію автора, не есть описание войны, а только сборникъ матеріаловъ, могъ-бы представить намъ вполнѣ обстоятельную картину кампаніи 1741—1743 годовъ: стоило-бы только столь-же тщательно заняться иностраннѣхъ источниками, какъ тщательно занялась г-жа Шипилевская извлечениями изъ вѣдомостей. Замѣтимъ тутъ-же, что самое изложеніе, слогъ книги не вездѣ удовлетворителенъ и даже не вездѣ правильенъ.

Въ первомъ томѣ «Финского вѣстника» на 1845 годъ помѣщены «Очеркъ войны въ Финляндію въ 1741—1742 годахъ. Изъ Шведскихъ источниковъ». Жаль, что составительница «Описания» упустила изъ виду этотъ живой, занимательный, хотя и не совсѣмъ полный историческій разсказъ; онъ-бы пригодился не только для нѣкоторыхъ подробностей описанія, но и какъ образчикъ того, что и *военно-историческія описания* могутъ быть написаны языкомъ легкимъ.

При всѣхъ недостаткахъ, о которыхъ мы упомянемъ еще позже, сочиненіе г-жи Шипилевской вполнѣ заслуживаетъ вниманія;

постараемся же ближе познакомить нашихъ читателей съ интересами и мыслями страницами «Описания войны 1741—1743 годовъ».

Первая глава довольно обстоятельно знакомить насъ съ причинами войны.

«Со временем Ниннэтского мира Швеція не могла простить Россіи за громадныя, столь славныхъ завоеваний. Недостатокъ единодушія, разстройство финансовыхъ, крайние беспорядки въ государственномъ управлении — вотъ причины, препятствовавшія Швеціи въ теченіе 20 лѣтъ, послѣ безславнаго мира, затѣять новую брань съ Россіей. Въ спорахъ и враждебныхъ дѣйствіяхъ двухъ партій: колпаковъ и шапокъ,—одной, желавшей войны, и другой, желавшей мира, Стокгольмское правительство теряло время, и время самое удобное для открытия военныхъ дѣйствій. Съ 1736 по 1739 годъ Россія вела славную, но крайне изнурительную и совершенно бесполезную войну съ Крымомъ и Турцией. Всѣ главные силы Русской арміи подъ начальствомъ знаменитѣйшихъ военачальниковъ были стянуты на югъ; вотъ когда Швеція могла подняться на Россію, почти беззащитную со стороны Финляндіи.

Но въ пустыхъ толкахъ, крикахъ и спорахъ государственные члены Швеціи проволочили время до 1738 года. Только теперь, на шумномъ трехибочномъ сеймѣ, Шведскимъ государственнымъ совѣтникомъ Спарре было предложено государственному совѣту усилить войска, расположенные въ Финляндіи, подкрупивъ ихъ 6,000 пѣхоты, 3,000 кавалеріи и нѣсколькоими орудіями. Спарре доказывалъ, что Россія, занятая войною съ Турцией, не въ силахъ будетъ вести борьбу съ Швеціей, и потому одними приготовленіями къ войнѣ можно принудить Русскихъ уступить Выборгъ, Ингерманландію и С. Петербургъ. Тщетно говорили немногіе люди изъ партіи умѣренной противъ мечтательныхъ, слишкомъ безразсудныхъ плановъ. Государственные чины были столь исполнены самоувѣренностию, общество было такъ возбуждено противъ Россіи, что предложеніе Спарре было принято. Чернь волновалась, всюду раздавались голоса въ пользу военныхъ дѣйствій; чиновники камѣть Русского посольства нанесены были обиды, наконецъ въ ночь съ 9 на 10 декабря 1739 года Стокгольмская чернь выбила каменьями окна Русскаго посольского дома.

Одно совершенно непредвидѣнное обстоятельство еще болѣе озлобило Шведовъ. Въ іюнѣ 1739 года получено было извѣстіе, что маюре Малькомъ Цинклеръ, посланный изъ Стокгольма съ

важный поручениемъ въ Константинополь, убить иъ возвратить пути двумя офицерами близь Христианштата въ Оизеві, въ деревне находившейся при немъ, отняты. Подробнее описание сего события было напечатано; въ немъ положительно утверждали, что убийцы Цинклера были подосланы Русскимъ правительстvомъ. Какъ известно, Анна Ивановна протестовала противъ этого обвинения, но раздраженные умы не были успокоены оправdаниемъ Петербургскаго кабинета.

Ни славная победа Ставучанская, ни взятие Хотина, ни известие о мирѣ, заключенномъ между Россіей и Турцией, ни сомнѣніе короля Шведского въ успѣхѣ предпріятія, ничто не могло остановить рѣшеніе государственного совѣта. Заблужденіе его было такъ велико, увѣренность въ успѣхѣ такъ сильна, что даже не предполагали, чтобы дѣло могло дойти до кровопролитія; такимъ образомъ отправили войска въ Финляндію безъ провіанта, безъ боевыхъ запасовъ, безъ предварительныхъ приказаний, не начертавъ даже плана военныхъ дѣйствій.

На сеймахъ толковали о войнѣ, а отъ самого короля старались скрыть настоящее положеніе дѣлъ. Такъ напримѣръ первый министръ, графъ Карлъ Гилленборгъ, въ письмѣ отъ 7 ноября 1740 года подтверждалъ Будденброку, командовавшему войсками въ Финляндіи, чтобы онъ отнюдь не посыпалъ, кому-бы то ни было, донесеній обо всемъ, что относится къ предполагаемой войнѣ, но адресовалъ-бы все бумаги прямо на его имя.

Рассказывая объ обстоятельствахъ, ускорившихъ со стороны Швеціи объявление войны Россіи, г-жа Шпилевская мало говорить объ убийствѣ Цинклера. Событие это, самъ по себѣ не слишкомъ важное, важно потому, что Стокгольмское правительство искусно умѣло имъ воспользоваться для окончательного ожесточенія умовъ въ объявлении объ этомъ злодѣйствѣ победила все сомнѣнія тѣхъ, которые еще колебались въ выборѣ между войной и миромъ. Кромѣ записокъ Манштейна, пользуясь Шведскими источниками, авторъ могъ-бы разъяснить причины сего события, а не пройти его вскользь, какъ это сдѣлано въ «Описаніи».

28 іюля 1741 года, при звукѣ трубъ и лантаръ, въ Стокгольмѣ объявлено было о войнѣ съ Россіей.

Партия, которой удалось вовлечь Швецію въ войну, дошла теперь до такого изступленія, что позволила себѣ такого рода вы-

радиозіи: «теперь, пусть только Господь Божъ оставетънейтральными, такъ въ успѣхъ сомнѣваться нечего!».

Въ пріимѣръ того, какими воинственнымъ энтузіазомъ обхвачены были въ то время Швеція, г-жа Шинкевская приводитъ слѣдующій фактъ: «Самыя женщины, говорить она, были имъ заряжены; они принимали дѣятельное участіе въ политическихъ дѣлахъ. Головами женскихъ партій были двѣ дѣвицы избѣглыхъ въ Швеціи фамилій, Ливенъ и Бунде; первая стояла за войну, вторая же за миръ».

Въ изложѣсть Шведскаго правительства сказано было, между прочимъ, слѣдующее:

«Что его королевское величество ни объ чёмъ столько не старался, какъ о сохраненіи мира, это ясно доказывается какъ мирный договоръ, заключенный имъ при восшествіи на престолъ, такъ и всѣмъ его дѣйствія съ тѣхъ-поръ.

«Его королевское величество тѣмъ-болѣе могъ надѣяться, что и Россія съ своей стороны будетъ свято и вполнѣ соблюдать заключенный въ 1721 году Ништатскій миръ, что Швеція, изнуренная продолжительною, кровопролитною войною, должна была для достиженія его не только уступить Россіи лучшія провинціи, но и служащія оплотомъ государству земли и чрезъ то пожертвовать безопасностью своихъ границъ (*).

«Но Русскій кабинетъ, выѣсто того не только нарушилъ мирный договоръ, но и противъ всякому народному праву выѣшалъ во внутрення дѣла Швеціи и посягнулъ на права, и привилегія государственныхъ чиновъ, выѣшалъ даже въ вопросъ о престолонаслѣдії, что совершенно противно VII пункту поминутаго мирнаго договора.

«Сверхъ-того, кабинетъ сей въ разныхъ случаяхъ позволялъ себѣ употреблять противъ Швеціи угрозы, а также неприличныя противъ высокихъ властей выраженія.

«Шведскіе подданные были лицены права искать защиты и удовлетворенія чрезъ Русскія судебныя мѣста, что между тѣмъ было дозволено всѣмъ другимъ націямъ.

«Дозволенный нашимъ подданнымъ VI пунктомъ Ништатскаго мира свободный вывозъ лѣба былъ несправедливо

(*) Г-жа Шинкевская перевела этотъ любопытный и почти неизвѣстный у насъ документъ съ Нѣмецкаго издания 1741 года.

запрещенъ, тогда какъ другія націи пользовалисьъ симъ право-
вомъ.

«Столь важныя и дерзкія нарушения договоровъ и первыхъ трактатовъ, а также естественныхъ и народныхъ правъ, которыхъ будуть еще подобающе наложены, достаточно убѣдитьъ весь беспристрастный свѣтъ, что Русскимъ дворомъ имѣется къ королевскому величеству и Шведскому государству почти безъ обидъ и притѣснений, чѣмъ чрезъ открытую войну.

«Его королевское величество, какъ и есть достославные его предшественники на Шведскомъ престолѣ, всегда гнушился войною, которая есть бичъ небесный и всегда нераздѣльна съ кровопролитіемъ, съ разореніемъ и опустошениемъ страны.

«Что желаніе завладѣть чужими государствами никогда не побуждало Шведскую корону браться за оружіе, ясно доказывается всѣ ея дѣйствія и поступки.

«Но честь и безопасность Шведского государства, а также разновѣсие на сѣверѣ, не позволяютъ его королевскому величеству долѣ терпѣть всѣ сія нарушения мирныхъ договоровъ, и очевидныя несправедливости вынуждаютъ его величество, взг҃дѣяя столь важныхъ и справедливыхъ причинъ, употребить тѣ средства, которыя даны Всеблагимъ Богомъ его королевскому величеству и взяться за оружіе, чтобы оградить себя и свое государство отъ несправедливостей и доставить Швецію полную безопасность. Его королевское величество имѣеть твердое упованіе на защиту и помощь Всеблагаго Бога, который всегда помогаетъ въ праѣмъ дѣлѣ, и полную надежду, что Господь такъ благословитъ Шведское оружіе, что война эта, къ славѣ святаго его имени и чести Шведского оружія, окончится прочнымъ миромъ».

Какъ самоуѣбренно и опрометчиво поступало Шведское правительство, такъ напротивъ спокойно и съ сознаніемъ праваго дѣла, неторопливо готовилась Россія къ войнѣ. Въ Финляндію были посланы войска, по берегу Балтійскаго моря разставлены отряды на случай высадки непріятельской, и только флотъ нашъ, состоявшій изъ 14 линейныхъ кораблей, 2 фрегатовъ и 6 мелкихъ судовъ, былъ въ такомъ дурномъ состояніи, что не могъ въ этотъ годъ выйти въ открытое море (*).

(*) Августа 18 было обнародовано въ Петербургѣ манифестъ о войнѣ съ Швеціей и о причинахъ къ ней. Любопытно, что въ Лондонѣ заключенъ

«Главнокомандующимъ съ нашей стороны бытъ фельдмаршалъ Ласси, а съ непріятельской — Левенгауптъ, человѣкъ, заявившій свою храбрость и военные способности во многихъ битвахъ прежней войны. По словамъ г-жи Шпицерской: «тактику онъ зналъ въ совершенствѣ и въ кавалеріи изучилъ наилѣпшія подробности» (?). Въ это время Левенгауптъ бытъ самый популярный человѣкъ въ Швеціи; друзья называли его лучшимъ гражданиномъ въ Швеціи, льстцы — Карломъ XIII, а враги въ парламентахъ своимъ обвиняли его, будто онъ протягиваетъ руку къ Шведской коронѣ и хочетъ, вымѣдѣвъ Финляндію, сдѣлать изъ нея отдаленное для себя герцогство съ главнымъ городомъ Петербургомъ.

Ни денегъ, ни провіанта не было приготовлено въ достаточномъ количествѣ для предстоящей войны; все это имѣло гибельное влияніе на ходъ военныхъ дѣйствій, — а они не начались. Почти годъ Шведскія войска бездѣйствовали въ Финляндіи, странѣ бѣдной, скучной, едва могущей обеспечивать пропитаніе своего собственного населенія. Шведы требовали для себя значительного количества провіанта и, не имѣя запасныхъ походныхъ магазиновъ съ сѣстными припасами, отнимали у несчастныхъ Финновъ послѣднюю краюху хлѣба, послѣднюю чарку вина, тянули со двора корову, единственное богатство, средство прокормленія бѣдныхъ жителей. Отягощенные налогами пришадовъ, Финляндцы начали роптать и жаловаться на своею волю войскъ, доведшихъ жителей до крайней нищеты. Никто не внималъ этимъ жалобамъ.

Отправка войскъ изъ Швеціи продолжалась, но шла медленно и вяло. Три мѣсяца прошло съ того времени, какъ полкамъ приказано готовиться къ походу; но когда дѣло дошло до выступленія, то многое оказалось въ неисправности: многие офицеры, принадлежавшіе къ мирной партии колпаковъ, выходили въ отставку; рожь и пшеница воиновали полки; при перевозкѣ на суда лейб-полка, одна изъ лошадей какъ-то упала въ воду. «Чертъ ее побери, сказалъ подполковникъ Унгернъ-Фонъ-Штернбергъ, войну начали противъ нашего желанія, такъ пусть всетонетъ, пусть погибаетъ!».

Финскіе поселенные полки собирались столь же медленно; большая часть ихъ прибыли въ армію только къ концу августа, хотя гдѣ перепечатанъ этотъ манифестъ изъ вѣдомостей 1741, вѣдь вѣсто именемъ Ломиза III поставлено «Россійское правительство».

генераломъ Будденброкомъ уже четыре лѣса да отдано было приказаніе, чтобы они немедлено выступали.

Во 2-й главѣ: «Вредныя дѣйствія въ 1741 году привели нѣсколько любопытныхъ писемъ или донесений Будденброка къ королю; изъ этихъ донесеній мы узнаемъ, въ какомъ членѣ положеніи находилась армія предъ начатіемъ войны, какъ мало было заготовлено фуражу и провіанту; то и другое, разумѣется, требовалось и отбиралось у бѣдныхъ Финляндцевъ. Разоренная уже до начала войны почти двухлѣтнимъ содеряніемъ значительного корпуса Шведскихъ войскъ, вся страна при окончаніи войны дошла до такой страшной нищеты, что въ мѣс. почты не осталось лошадей; крестьяне воду-неволю должны были давать ихъ для доставки провіанта арміи, причемъ лошадей эти были гоняли нерѣдко за 40 и болѣе миль. Нельзя не удивляться, замѣчаетъ г-жа Шпилевская, и нельзя не уважать Финляндцевъ: за то, что они, при всѣхъ страшныхъ притѣсненіяхъ, остались вѣрии долгу и чести, и не вняли обольстительнымъ предложениямъ Русскихъ.

Приступая къ описанію битвъ и военныхъ передвиженій, г-жа Шпилевская не сообщаетъ намъ свѣдѣній о составѣ армій какъ Шведской, такъ и Русской; а между тѣмъ всякой пойметъ, что въ подробномъ и обстоятельномъ описаніи войны подобныя свѣдѣнія рѣшительно необходимы. Положимъ, что, не имѣя доступа въ Русскіе архивы, г-жа Шпилевская не могла сообщить подробнѣстей о нашей арміи; но что-же помѣшало ей передать свѣдѣнія о Шведскихъ войскахъ, тѣмъ болѣе, что документы, относящіеся къ этой войнѣ, извлечены изъ Шведскаго государственного архива и обнародованы?

Августа 22-го генераль Врангель съ троихтысячнымъ своимъ отрядомъ, не дождавшись пока соединится съ нимъ большой отрядъ генерала Будденброка, быстро подошелъ къничтожной крѣпости Вильманстранду на встрѣчу фельдмаршала Ласси, почти въ одно время съ непріятелемъ пришедшему къ тому-же пункту съ арміей болѣе нежели изъ 10000.

Ночь прошла совершенно тихо. Настало утро 23 августа 1741 года: прогремѣла заревая пушка, пробили зорю, и потомъ все снова смолкнуло; только небольшие отряды кавалеріи, высылаемые съ той и съ другой стороны для рекогносцировки, показывались временемъ. Прошло нѣсколько часовъ; Русскіе оставались на сво-

ицѣ мѣщане, изъ видно было приготовленій къ бою; Врагъ вѣ-
звалъ уже надѣяться, что Русскіе и въ этотъ день ничего не
предпримутъ. Но къ воздвию Ласси, чрезъ расторопныхъ своихъ
шпионовъ (*), узналъ о дѣйствительной силѣ отряда Брангеля; тог-
да же рѣшено было немедля атаковать Шведовъ.

Довольно живо и обстоятельно описываетъ г-жа Шпилев-
ская ходъ дѣла; сдѣду при этомъ разсказу очевидца Тибурціуса.
Сраженіе началось сильнou канонадою съ обѣихъ сторонъ. Швед-
ская артиллерія дѣйствовала искусно, между тѣмъ Русская артил-
лерія не могла дѣйствовать столь успѣшно: батареи наши стояли
на мѣстѣ невыгодномъ (**). Замѣтивъ это, Ласси отрядилъ значи-
тельный отрядъ grenadierъ на непріятельскую батарею. Атакующіе
были встрѣчены картечью и двинулись назадъ; Шведы, вопреки
приказанію, бросились за отступавшими и тѣмъ помѣшили своей
артиллеріи дѣйствовать. Смѣло устремились на насть Шведскіе
войска, склонивши первыя двѣ линіи Русскихъ; овладѣли
ихъ пушками, но не умѣли ни употребить въ свою пользу, ни за-
клепать ихъ. Это былъ моментъ, когда Шведы могли одержать
побѣду полную. Но подполковникъ Бранденбургъ, вместо того,
чтобы тогда-же ударить съ своими драгунами на бѣгущихъ, остал-
ся на мѣстѣ; Русскіе успѣли оправиться, построиться, бросились
на Шведовъ и окружили ихъ правое крыло. Въ это-же время
аттака на лѣвое крыло увѣячалась полуѣшьшимъ успѣхомъ: Русскіе
на разстояніи 150 шаговъ открыли убийственный огонь; при треть-
емъ залпѣ непріятель повернулся налево-кругомъ и бросился бѣ-

(*) Шпионы и переметчики доставляли намъ самыя подробныя свѣдѣнія о Шведскомъ войскѣ: лучшими шпионами были Выборгскіе мѣщане, у которыхъ были родственники и связи во всей Финляндіи. Вообще Русскіе в предложеніе всей кампаніи постоянно получали самыя вѣрныя свѣдѣнія о дѣйствіяхъ и планахъ Шведовъ; Шведы-же, напротивъ, рѣдко что-нибудь узнавали о насть.

(**) Г-жа Шпилевская почти ничего не говорить о порядкѣ, въ которомъ расположились предъ началомъ боя обѣ арміи. Въ этомъ отношеніи гораздо обстоятельнѣе очерки битвы при Вильманстрандѣ, напечатанные Маркевичемъ въ X томѣ «Энц. лексик.» изд. 1837 г. (стр. 234) и въ «Военному энц. лексиконѣ» 1839 г. (ч. 9 стр. 338—340). Г-жа Шпилевская напечатала въ приложенияхъ два плана мѣстности и расположенія мѣстъ подъ Вильманстрандемъ. Верочемъ, одинъ изъ этихъ плановъ былъ уже изданъ военно-топографич. депо, а подробная реляція Ласси была уже перепечатана изъ современ-
ныхъ вѣдомостей 1741 года въ журналѣ «Славянинъ», 1827 г. № 50.

жать въ страшнѣйшемъ безнадѣї. Напрасно офицеры силились удержать бѣгущихъ: они были обѣты какимъ-то паническимъ страхомъ, не слушались никакой команды, не обращали ни малѣйшаго вниманія на своихъ командировъ; большая часть изъ была сбита съ ногъ и передавлена своими солдатами.

Отъ постыднаго бѣгства Финскихъ полковъ въ Шведской землѣ произошелъ большой промежутокъ. Еще храбрый Вестерботнійскій полкъ безстрашно отражалъ атаки вдеснитро сильнѣшаго непріятеля; онъ еще могъ-бы исправить дѣло, еслибы Хорельскій драгунскій полкъ атаковалъ непріятеля, но онъ всѣдѣлъ за бѣгущими послѣднѣмъ къ Вильманстранду. Вестерботніцы были окружены со всѣхъ сторонъ: съ фронту, съ фланговъ — отовсюду тѣснили ихъ Русскіе. Шведы дрались, какъ истинные герои; они разстрѣляли всѣ патроны, разстрѣляли патроны убитыхъ и раненыхъ своихъ товарищѣй; потеряли въ бою всѣхъ до единаго офицеровъ, сожнулись въ каре и съ распушченными знаменами, подъ убѣйственнымъ огнемъ, пробились сквозь непріятельскіе полки, подобравъ по дорогѣ знамена другихъ полковъ.

Вестерботніцы счастливо отступили къ Фридрихсгаму. Вероятно, по сандѣтельству Майштейна, они были много обязаны своимъ спасеніемъ генералу Кейту. Дивясь безстрашію и отвагѣ Вестерботнійцевъ, Кейтъ удержанъ однѣго изъ своихъ товарищѣй, готоваго вновь двинуться въ атаку; онъ сказаълъ: «Оставьте ихъ; жаль, если эта горсть храбрыхъ Шведовъ погибнетъ подъ ударами многочисленнаго непріятеля!» Замѣтилъ кстати, что этотъ поступокъ былъ въ духѣ благороднаго Кейта. Еще въ 1737 году Минихъ въ донесеніи своемъ императрицѣ о свойствахъ и характерахъ генераловъ вѣрренной ему арміи, писаълъ: «Кейтъ такой генералъ, котораго поступки и поведеніе одушевлены вѣрностью къ престолу, храбростью и благородствомъ; нельзя ни въ чёмъ попрекнуть его характера» (*).

Сраженіе было проиграно; Брангель, спѣша къ лѣвому флангу, былъ жестоко раненъ пулею въ руку. Русскіе овладѣли батарею и повернули пушки противъ крѣпости. Въ пять часовъ пополудни дѣло дошло и до нея.

Русскіе почти на плечахъ непріятельскихъ ворвались за палисады. Драгуны съ отчаяніемъ храбростью выдерживали приступъ;

(*) Сѣвер. архивъ. 1822 г. № 3, стр. 207.

ко такъ-намъ пушки, еще прежде снятыхъ съ орудій и поставленныхъ на позицію, были уже взяты, то Шведы скоро были доведены до крайности. Вильебрандъ, комендантъ крѣпости, извѣстилъ Бранденбургъ о бѣдствіи своемъ своеизъ положеніи, и получивъ отъ него приказание просить капитулациіи. Русскіе начали входить на валы: защищаться, дающе было рѣшительно невозможно; бѣлое знамя развивалось на валу, но въ общемъ замѣшательствѣ посты не были разосланы приказаниемъ о прекращеніи боя. Русскіе были очесочены: барабанщикъ, посланный отъ графа Ласси съ предложениемъ о сдачѣ, былъ убитъ; наші генералъ Искуль и полковникъ Ломанъ вѣжали на валу и, желая отвратить напрасное кровопролитіе, старались вразумить Шведское войско (по Шведска), что начальство его просить капитулациіи. Они были подняты на штыки. Членъ штаба за смерть начальниковъ, Русскіе стремительно бросились къ валамъ, въ одну минуту вѣжали нашикъ, спорканули непріятеля и начали безъ разбера бить и рѣзать. Шведы защищались отчаянно. Всѣ баракахъ и въ каркальномъ домѣ дрались, не прося и не давая попады. Кровопролитіе было страшное, защита безидеала; груды тѣлъ покрывали улицы. Въ 7 часовъ Вильманстрандъ былъ во власти Русскихъ, а на слѣдующій день сожженъ.

Наступила ночь 23 августа; поле сраженія было усыпано убитыми и ранеными, но никто не заботился о нихъ, и многіе, которыхъ можно было бы спасти, сдѣлались добычей смерти. Двѣ недѣли лежали несчастные мелогребенныши и заражали воздухъ. Страшно, что ни Русскіе, ни мѣстное начальство и пасторы не принесли нужныхъ мѣръ къ погребенію убитыхъ.

Г-жа Шпилевская заканчиваетъ описание этого боя шотландской и сициліанской ціфрою убитыхъ съ той и другой стороны. Та и другая сторона лгала въ своихъ релатіяхъ. Вѣрно то, что Шведы потеряли подъ Вильманстрандомъ убитыми, ранеными и пѣнными не болѣе 900 человѣкъ; гораздо значительнѣе была потеря побѣдителей. «И ежели разсудить, пишетъ Маштейнъ (*), о твер-

(*) Стр. 138. Выписываемъ эти строки изъ любопытнаго современнаго перевода записокъ Маштейна, доставленнаго намъ гравюромъ Г. А. Кушевицъ-Безбородко. Подлинникъ записокъ Маштейна изданъ на Французскомъ языкѣ въ 1771 году; одновременно съ nimъ вышло Нѣмецкое издание; переводъ этотъ дѣланъ былъ съ оригиналъной рукописи. Имѣющіяся у

дости занятою Шведами мѣста, невыгодность, из-за которой Ру-
сияне стояли, то весьма удивительно, какъ Шведовы разбили при-
самъ же признаться должно, что учтивенная имъ ошибка: многое из
сему ихъ несчастію содѣйствовала, какъ они сознавали выгоднее
положеніе; производимое ими сопротивление было чрезвычайно
уворно, что также не мало служило къ ихъ пораженію, ибо ватъ-
стѣ баталіи легло имъ болѣе 3,300 (цифра невѣрна). Огнѣ, про-
изводившійся съ разною съ обѣихъ сторонъ жестокостію, продол-
жался болѣе четырехъ часовъ».

Послѣ нѣсколькоихъ страницъ живаго описания Вильмистранд-
скаго боя, г-жа Шипилевская наполняетъ цѣлые страницы то-
пами всѣхъ реляцій Ласом, Кейта и друг. генераловъ. Не отрица-
емъ того, что всѣ онѣ имѣютъ интересъ, но, по нашему мнѣнію,
въ текстѣ слѣдовало бы привести только мѣста интереснѣйшия,
самая-же реляціи было-бы гораздо лучше помѣстить въ прилож-
женіяхъ, тогда-бы они не вредили общему тону разсказа, не вы-
трудили читателя, не дѣлали-бы его утомительнымъ.

Въ Петербургѣ торжественно праздновали побѣду. «Въ тор-
жественной одѣ, изображеній отъ всеподданѣйшаго раба Михаила
Ломоносова», въ 230-ти, самыя напыщенныя стихахъ, бы-
ли воспѣты: «первые трофеи его величества Иоанна III императора
и самодержца Всероссійскаго чреать прославленную надъ Шведами
побѣду, августа 23 дня 1741 года въ Финляндіи».

Напрасно г-жа Шипилевская не привела хотя отрывковъ въ
этой интересной одѣ (*); равно было-бы любопытно прочесть
описаніе торжествъ, устроенныхъ по сему случаю въ Петербургѣ.
Вообще, довольно обстоятельно описывая ходъ дѣйствій на театрѣ
войны, г-жа Шипилевская никако не знакомить насъ съ современ-
ными состояніемъ дѣль при Стокгольмскомъ и еще болѣе при Пе-
тербургскомъ дворахъ.

Закосчивость и безразсудная храбрость Врангеля, рѣшившагося
вступить въ бой съ непрѣятелемъ несрѣдственно сильнѣйшимъ, были
главною причиной Вильмистрандскаго пораженія. Не вѣнное по
числу убитыхъ, сно, тѣмъ не менѣе, произвело самое неблагопрі-
ятное впечатлѣніе въ Швеціи. «Были, правда, толки, говорить Ти-

Русскій переводъ сдѣланъ отнюдь не позже 1775 года; неизвѣстно отчего
онъ не былъ изданъ. Рукопись, въ листъ, писана полууставомъ, листовъ 100.

(*) Она была только разъ перепечатана въ «Ученыхъ запискахъ» академіи
наукъ во I и III отдѣл. 1866 г., стр. 278.

Барціусъ (стр. 12), что это дѣло послужило болѣе въ пользу, чѣмъ во вредъ Швеціи, потому что она относительно потеряла чѣмъ-то мнѣніе людей, тогда-какъ уронъ Русскихъ быть такъ значителѣйъ, что они въ этомъ году не въ-силы были предпринять что-либо противъ Шведовъ, войско которыхъ, кромѣ-того, свою стойкость и усердныиъ исполненіемъ обязанностей, внушило страхъ Русскимъ, таинъ-что это пораженіе доставило болѣе уваженія Шведскому оружію, чѣмъ покрыло его стыдомъ. Но всѣ такіе доводы имѣютъ мало значенія, если взять въ соображеніе, что: 1) Шведы потеряли чрезъ это пораженіе укрѣпленіе иѣсто, которое, находясь въ 5-ти миляхъ отъ главной непріятельской крѣпости, доставляло удобство не только прикрывать эту край собственныхъ владѣній, но и вторгаться въ Русскую Карелію и безнаконъ враговъ во всякое время, чemu далеко не представлялись такихъ удобствъ Фридрихсгамъ, находящійся въ разстояніи добрыхъ 11-ти миль отъ Выборга.

2) Разстроились намѣренія Шведовъ взять подъ свое помѣрвительство цесаревну Елизавету и поддержать ея приверженцевъ въ Россіи, въ чѣмъ и состояла сущность предпріятія.

3) Шведы потеряли драгоцѣнное время, такъ-что, прежде чѣмъ успѣли они оправиться отъ пощечины (отбл) и что-либо предпринять, настала осенняя непогода, интриганы успѣли пустить въ ходъ свои планы, подорвали планы Шведовъ и даже образовали партии въ самой арміи.

4) Наконецъ Швеція потеряла въ этомъ дѣлѣ многихъ храбрыхъ офицеровъ, которые никакъ не подали-бы голоса къ отступленію и разрушенію собственныхъ крѣпостей».

Кампанія 1741 года кончилась незначительными стычками небольшихъ отрядовъ. Перевѣсъ почти всегда оставался на сторонѣ Русскихъ войскъ, ловко управляемыхъ, послѣ отѣзда Ласси въ Петербургъ дѣятельныиъ Кейтомъ. Левенгауптъ, прибывши на конецъ къ арміи, сдѣлалъ вторженіе въ Русские предѣлы, неознаменовавъ себя ничѣмъ особенно важнымъ. Имъ изданы были въ это время два воззванія къ Русскому народу. Въ первомъ онъ возвѣщалъ: «что Шведская королевская армія пришла въ предѣлы Россіи не съ какою иною цѣлью, какъ чтобы доставить Шведской коронѣ удовлетвореніе за всѣ многочисленныя обиды и несправедливости, нанесенныя ей министрами-иностраницами, которые въ эти послѣдніе годы управляли Россіею и т. д.»

Рѣшительно не понимаемъ этого: въ такъ далъ? Почему бы не привести и окончание этого любопытнаго и неизвѣстнаго у насъ документа, начало котораго г-жа Шицлевская перевела на Ти-бурдуса: «Historia om Finska Kriget åren 1741 och 1742» (стр. 46)?

Въ то время, какъ въ Финляндіи продолжались неизничтож-
ные стычки, въ Петербургѣ произошелъ переворотъ, вслѣд-
ствіе котораго цесаревна Елизавета вступила на престолъ. Г-жа Шицлевская говорить объ этомъ вскользь. Здѣсь не место раз-
сказывать объ этомъ любопытномъ событии; оно описано нами
со всѣми подробностями въ особой статьѣ: «Елизавета Петровна
до восшествія своего на престолъ» (*). Упомянемъ только объ
одномъ интересномъ фактѣ: въ три часа пополуночи на 25 ноября
1741 г., въ спальню фельдмаршала Ласси вѣжали Лестокъ,
посланный отъ новой императрицы. Ласси, всегда чуждый при-
дворныхъ интригъ, сильно смущался, когда лекарь Французъ, раз-
будивъ его, спросилъ: «къ какой онъ принадлежитъ партии?». По-
думавъ и боясь ошибиться, фельдмаршалъ отвѣчалъ: «Я принад-
лежу къ царствующей партии!» (**).

Вообще, всѣ единогласно хвалиятъ Ласси: опытный, неустра-
шимый полководецъ, онъ отличался быстротою на ратномъ полѣ,
съ просвѣщеннымъ умомъ соединялъ доброе сердце, возвышен-
ные чувства, пользовался общепрѣзреніемъ любовью и уваженіемъ; быть
рѣшителенъ въ военныхъ предприятияхъ, остороженъ въ мирное
время, не зналъ придворныхъ интригъ, и потому сохранилъ свое
званіе среди разныхъ государственныхъ переворотовъ. Любопыт-
но, что Россія обязана сплы славнымъ военачальникомъ гердо-
гу Де-Кроа, виновнику Нарвскаго пораженія; онъ представилъ его
Петру I-му (***)�

27 ноября Левенгауптъ получилъ чрезъ капитана Дридона из-
вѣстіе о вступлении на престолъ Елизаветы. Уѣряютъ, что им-
ператрица чрезъ Шведскаго-же капитана Дридона, освобожден-
ного изъ плена по ея повелѣнію, предлагала Швеціи миръ съ до-

(*) «Русское Слово». 1859 г., № 2, стр. 1—72.

(**) См. о немъ *Oeuvres militaires du prince de Ligne*. VI, стр. 20—84. *Histoire du Nord. Misc.* стр. 231.

(***) Магазинъ Генеля. *Mémoires Manstein, Duc de Lihria, Diplom. сношено-
вія нашего двора съ Европ. Каменскаго, Обзоръ Вейделейера, Словарь дост.
под. Малюсіко, т. 8, 1866 г.*

цежными възмаграждениемъ за военные издержки; но Шведское правительство высокомѣро отказалось. Какъ бы то ни было, но до марта изъоца было заключено перемирие. Переговоры о мирѣ, на, успѣшное окончаніе которыхъ весьма разсчитывалъ Левенгауптъ, не довели ни къ чему. Время проходило. Ряды Шведскихъ войскъ съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе рѣдѣли: солдаты умирали отъ холода, голодя, повальныхъ болѣзней, сквернаго номѣнія въ сырыхъ землянкахъ. Среди всеобщаго негодованія и ожесточенія, возбужденаго злополучіями бѣдственной войны и всевозможными притѣсненіями и насилиями, явился надѣлавший въ то время стольно шума манифестъ императрицы Елизаветы, отъ 18 марта 1742 года.

Этотъ интересный документъ «съ величайшимъ трудомъ» отыскалъ г-жею Шпилемовской. Онъ былъ напечатанъ на Шведскомъ и Финскомъ языкахъ. Нѣмецкій экземпляръ, напечатанный въ Москвѣ въ 1742 году, подъ заглавиемъ: «Manifest an das Herzogthum Finnland» находится въ Императорской публичной библиотекѣ; г-жа Шпилемовская впервые напечатала его въ Русскомъ перевѣодѣ (стр. 104 — 109):

«Наши войска, объявлены между прочимъ Елизавета, вновь посланы въ Финляндію не для того, чтобы завоевывать или занимать что-либо, о чёмъ и объявляемъ съмъ Нашимъ манифестомъ и декларацией всѣмъ государственнымъ чинамъ и жителямъ княжества Финляндскаго. А также, доброжелательно представивъ всѣмъ и каждому изъ нихъ собственную пользу и пользу ихъ отечества, твердо и иерушило обѣщаемъ, что если Финляндцы во время настоящей войны будуть держать себя мирно и покойно, не будутъ принимать никакого участія въ военныхъ операцияхъ и во-всѣхъ до сего касающихся предпріятіяхъ, не позволять употреблять себя для враждебныхъ дѣйствій противу насть и нашихъ войскъ, а также не будутъ помогать чѣмъ-бы то не было Шведской арміи, не свое наикреине жить съ нами, какъ съ добрыми со-сѣдами, въ дружбѣ и согласіи на дѣлѣ ясно докажутъ, то въ такомъ случаѣ на государственнымъ чинамъ, ни жителямъ княжества Финляндскаго съ нашей стороны не будетъ причинено ни малѣйшаго вреда, и что всякий не только вполнѣ будетъ продолжать покойно владѣть своимъ движимымъ и недвижимымъ имуществомъ, не будетъ терпѣть притѣсненій; кромѣ-того, будетъ всячески пользоваться нашей протекціей, покровительствомъ и защи-

той, но мы, сверхъ того, по нашему накрепкому расположению, и можемъ не именъ ни наѣднаго желания и намѣренія привѣтствовать себѣ даже шага твоей земли, огненно дозволить въ Россіи содѣйствовать будеши, чтобы княжество Финляндское въ го-
дотичь своей цѣли, буде пожеластъ освободиться отъ владычества Швеціи, чтобы ему и впередъ, какъ и въ настоящее время, фра-
зомистические сюды ильсколькихъ лордъ не подвергаться опаснованіи
губительной войны и первымъ бѣдствіемъ оной. И если оно за-
хочетъ, какъ свободное и ни отъ кого не зависящее государство, быть подъ собственными, избранными самимъ Финляндцамъ привѣ-
деніемъ, пользуясь всѣми къ тому относящимся правами, привил-
егіями и льготами, которыя, для ихъ собственной пользы и заслу-
даго основавшія ихъ независимости, будуть имъ признаны: честны-
ми и молезными, то мы имъ, для защиты и охраненія таковыхъ
учреждений, во всѣхъ случаяхъ, и когда только встрѣтится нуж-
да, нашимъ войскамъ усердно помагать будемъ, посылая имъ его,
когда и сколько потребуется; а также и въ прочихъ иль прославить,
относящимъ до всего могущаго содѣйствовать таковыхъ ихъ на-
мѣреніямъ, и съ которыми они найдутъ нужнымъ обратиться къ
намъ, обѣщаемъ охотно помагать и содѣйствовать.

«Танийъ образъ Финляндіи, имѣя свои законы и свой
образъ правления, сдѣлается преградою между Шведскимъ и Рус-
скимъ границами, чрезъ что и умножатся все безнокойства и опас-
енія, которая причиняетъ Швеціи близкое сосѣдство Россіаго го-
сударства; почему и Стокгольмское правительство, по-сраведли-
вости, если оно дѣйствительно желаетъ впередъ сохранять дружбу
и добре соглаſие съ Россіею, не можетъ найти ничего дурнаго
въ ономъ предложеніи. Впрочемъ, мы, съ нашей стороны, для боль-
шаго удостовѣренія государственныхъ чиновъ княжества Фин-
ляндскаго въ томъ, что наше обѣщаніе свято соблюдено и исполнено
будеть, готовы завѣрить его самыми формальными удосто-
вѣреніями и положительными доказательствами, какія они только
сами пожелаютъ».

Въ случаѣ дальнѣйшаго упрямства Финляндцевъ, императоры
ца объявила, въ томъ-же манифестѣ, что она прикажетъ разорвать
всю ихъ страну огнемъ и мечемъ.

Г-жа Шипилевская превозносить Финляндцевъ за то, что они,
вѣрные своему характеру (?), не виляли обольстительными обѣща-
ніями Россіи и пребыли вѣрными Шведскому правительству. «Не

добровольно вступила въ братство съ Шведцій, говоритьъ даље Финляндія устами г-жи Шипилевской, добровольно хочу я оставитьъ ей вѣрнouю! Союзъ, запечатленный мою кровью, не нарушу да-же и для собственныхъ выгодъ! Пусть я буду продолжать страдать, пусть льется кровь моя; Финскую (?) вѣрность, святое на-скдіе, оставленное мной моими предками, я передамъ незапятнан-номъ своимъ потомкамъ? Финляндцы, до-сихъ-поръ никогда неизѣ-нявшие своей прислѣгъ, не измѣнятъ ей никогда и впредъ».

Подобная мѣрческія отступленія, смѣемъ замѣтить, рѣши-
тельно неумѣстны въ трудѣ серьезномъ, по богатству фактовъ
всесе несуждающемся въ пустыхъ фразахъ; къ чести г-жи Шипи-
левской должно сказать, что она весьма рѣдко дозволяетъ себѣ такія
отступленія. Притомъ надоѣло сказать, что въ семъ монологѣ нѣть
правды. Не Финские-ли полки позже всѣхъ другихъ явились
на сборный пунктъ? Не Финляндцы-ли съ самаго начала кампаниіи жа-
довались и роцами на Шведовъ? Не Финны-ли толпами переходили
на нашу сторону, не они-ли служили Русскимъ въ качествѣ
засутчиковъ и инвюковъ, не отъ нихъ-ли Шведы не могли добить-
ся сейдѣйшій о движеніяхъ Русскихъ войскъ? Не Финляндскіе-ли
полки первые обратились въ бѣгство въ сраженіи подъ Вильман-
страндомъ и тѣмъ погубили Шведовъ? Не тѣ-же-ли Финляндцы
писали унизительный письма къ Ласси, прося принять ихъ въ
Русское подданство и т. д.? Г-жа Шипилевская въ своей-же книжѣ
найдеть положительный отвѣтъ на наши вопросы. Если ма-
нифестъ Елизаветы не произвелъ желаемаго дѣйствія, то вся
причина этого заключалась въ томъ, что Финляндцы страшились
Шведовъ. Они еще не знали, чѣмъ кончится война; вѣра въ спо-
собности Левенгаупта, въ храбрость Шведскихъ войскъ была
еще сильна; а съ другой стороны Русский главнокомандующій
дѣйствовалъ далеко не такъ рѣшительно, какъ-бы этого можно
было ожидать послѣ его побѣдъ съ арміею многочисленною.

Г-жа Шипилевская не приводить отвѣтovъ короля Шведскаго
на воззваніе императрицы; равно не находимъ у нея мнѣній со-
временниковъ объ этомъ любопытномъ документѣ. Нечего и гово-
рить, что все это было-бы очень интересно.

Но обращаемся къ разсказу г-жи Шипилевской. Бѣдствія и смерт-
ность увеличивались въ Фридрихсгамѣ; заболѣвало такъ много,
что гарнізонъ сменялся каждыя днѣ недѣли. Неудовольствіе
изъ арміи возрастало; всякое уваженіе къ начальству исчезло; офи-

щеры, веселились въ трактирахъ, и, подгузать, позолочи, себѣ самыя дерзкія рѣчи и поступки: такъ напр. они отправили даже деспатацію къ самому Левенгаупту съ извиненіемъ, что они теперь пьютъ за здоровье короля Карла XIII (такъ называли они принца Гольштійскаго Карла Петра Ульриха, племянника Елизаветы Петровны, бывшаго въ числѣ предполагаемыхъ наслѣдниковъ Шведскаго престола).

Кампанія 1742 года открылась цѣлымъ рядомъ стычекъ и битвами незначительныхъ отрядовъ. Множество деревень было выжжено, множество скота истреблено; поля, сады, огороды опустошены, жители перебиты, разогнаны по лѣсамъ и трущобамъ. Несчастная Финляндія испытала войны того времени, когда вся страна огнемъ и мечемъ обращалась въ пустыню.

Съ наступленіемъ весны положеніе Шведской арміи значительно улучшилось. Суда съ провіантомъ и войскомъ стали приходить изъ Швеціи, и къ концу мая Левенгауптъ снова имѣлъ 15,000 войска.

Странное дѣло: главными виновниками всѣхъ неудачъ этой несчастной для Шведовъ кампаніи были бездарные, трусивые, рѣшительно ни на что неспособные военачальники. Такъ замѣта неприступна Мендолакскаго дѣфиле была вѣрена полковнику Фребергу. При одномъ извѣстіи о приближеніи Шведовъ, онъ оставилъ безъ боя свой важный постъ, несравненно важнѣйший самой Фридрихсгамской крѣпости. Поступокъ труса полковника чрезвычайно ободрилъ Русскихъ и распространилъ страхъ и уныніе въ рядахъ Шведского войска. Панический страхъ овладѣлъ всѣми отъ Левенгаупта до послѣдняго рядового. Военный советъ рѣшилъ бросить защиту Фридрихсгамской крѣпости и Левенгауптъ не задумался привести въ исполненіе рѣшеніе трусивыхъ и бездарныхъ генераловъ.

28 июня 1742 года Шведы потянулись назадъ, зажегши городъ, хлѣбные магазины, взорвавъ на воздухъ большіе запасы пороха. Страшную картину представляла Фридрихсгамъ въ 11 часовъ веч. Высокими столбами взвивалось пламя, бомбы и гранаты съ оглушительнымъ трескомъ лопались въ цейхгаузѣ, на валахъ разрывало пушки, все падало и разрушалось. Шведская армія не отступала, а бѣжала въ страшномъ беспорядкѣ, оставляя непріятелю крѣпость, объянутую пламенемъ, до полутораста пушекъ и много болѣнныхъ, плененныхъ Русскими.

— въ Швеціи было посыпано почтовое, дома найдена была куча писемъ, адресованныхъ въ Швецію и писанныхъ офицерами арміи и флота и ихъ друзьями и родными. Письма эти передали Русскимъ много важныхъ съведеній о состояніи Шведской арміи. Извлечеіе изъ нихъ было тогда же напечатано въ С. Петербургскихъ вѣдомостяхъ.

«Въ скверное и жалкое время живемъ мы, писалъ маіоръ Лагеркранцъ, у насъ плохие, бездарные генералы; головы глупые, они убиваютъ всѣхъ порядочныхъ и храбрыхъ людей, производить матчики въ офицеры, не думаютъ о защите страны, но при приближеніи непріятеля всегда отступаютъ, бѣгутъ и вѣрою побѣдить до самого Гельсингфорса, а оттуда на судахъ уйдутъ въ Швецію».

Всѣ эти письма, вмѣстѣ съ другими документами, проявляютъ яркій свѣтъ на безотрадное состояніе Шведской арміи. Авторъ умѣчаваѣтъ о состояніи Русского войска. Можно подумать, что тамъ были строгій порядокъ и дисциплина, а на самомъ дѣлѣ этого совсѣмъ не было. Только виновниками беспорядковъ у насъ были не генералы, а саміи солдаты. Еще въ лагерѣ подъ Выборгомъ гвардейцы, негодуя на иноземныхъ начальниковъ, гордые и самоувѣренные всѣдѣтые малостей, излишнихъ на нихъ и ихъ товарищей лейбъ-кампанцевъ, предались всякаго рода разгулу, и наконецъ рѣшительные взбунтовались. Манштейнъ, И. А. Остерманъ и друг. современники подробнѣ разказываютъ объ этихъ событияхъ, интересныхъ уже потому, что они знакомятъ насъ съ современнымъ состояніемъ Русской арміи, съ духомъ тогдашняго нашего войска. Дѣятельными, хладнокровными распоряженіями Кейта, мятежъ потушенъ въ самомъ начаѣ. Вотъ что замѣчаетъ по этому случаю сынъ знаменитаго Остермана: «Негодуя на беспорядки и упущенія, оказавшіяся въ войскахъ, предводимыхъ фельдмаршаломъ Ласси, генераль Кейтъ, въ присутствіи многихъ офицеровъ арміи, сказалъ: «Очень и очень замѣтно, что не Минихъ предводительствуетъ сими войсками. Хорошо бы-бы, еслибы достопочтенный фельдмаршаль хотя на одни сутки явился предъ нашими рядами. Съ его появленіемъ, нѣтъ сомнѣнія, все-бы приняло другой видъ» (*).

Ретира да отъ Фридрихсгама скорѣе походила на бѣгство, чѣмъ

(*) Отечеств. Записки 1825 г., ч. 21, стр. 59. Примѣч. на Записки Манштейна.

на отступлениа,—съ такою послѣшностью и беспорядкомъ ода была произведена. У Гельфорса сожгли постоянный домъ съ разными нехodившиимъ тамъ снарядами, которые легко можно было бы съ сжечь. Прекрасная пильная мельница тоже была сожжена, и нѣсколько тысяч бревенъ спущено по рѣкѣ въ море; наконецъ сожгли мостъ на рѣкѣ Кюменѣ, и такимъ образомъ Швеція менѣе чѣмъ въ сутки понесла безъ всякой пользы и нужды потерю въ нѣсколько миллионовъ.

Г-жа Шпилевская подробно и обстоятельно описываетъ цѣлый рядъ велико-трусливыхъ распоражений Шведскихъ военныхъ-чайниковъ. На новомъ совѣщаніи всѣ при мнѣнию трусливаго до наизнѣкъ полковника Палена: «Вступая въ бой съ Русскими, сказъть онъ, мы не можемъ надѣяться на побѣду. Дѣло рискованное—драться съ ними. Лучше и полезнѣе для безопасности Швеціи сохранить армію и флотъ».

Рѣшено было отступать и отступать. А еслибы Шведы, совершиенно сираедливо замѣчасть г-жа Шпилевская, хотя разъ показали видъ, что напрѣзы сопротивляться, то, нѣть сомнѣнія, кампания кончилася бы иначе. Въ самомъ дѣлѣ, 2 іюля Ласси получилъ отъ своего правительства приказъ окончить войну, лишь только выйтѣснить Шведовъ за Кюмень. Но наша армія уже стояла за рѣкѡю, когда прискакалъ курьеръ съ этимъ приказаниемъ. Собрались военный совѣтъ: Русские генералы требовали исполненія приказа, иностранные настаивали на томъ, чтобы неутомимо гнать враговъ до Гельсингфорса, овладѣть имъ и тогда уже окончить кампанию (*).

«Странная война», замѣчаетъ авторъ. Выродолженіе ея начальники обѣихъ армій поступали совершиенно противно приказаніямъ своихъ правительствъ. Одному было приказано сражаться, а онъ не сражался; другому велико прекратить военные дѣйствія, а онъ продолжалъ сражаться. Одинъ хотѣлъ противъ приказанія сокрушимъ армію, и съ нею собственную жизнь, но погубилъ армію и поплатился за нее жизнью; другой, вопреки приказаній, рисковалъ ар-

(*) По словамъ фельдмаршала Миниха, Елизавета была очень человѣко-любива, проливала обильныя слезы при чтеніи списковъ убитыхъ и раненыхъ, постоянно считала грѣхомъ и ужаснымъ несчастіемъ покупать славу кровью своихъ подданныхъ. Особенно часто говорила она это во время сенатской войны. *Étanché pour donner une idée de la forme du gouvernement de l'empire de Russie. 1774.* Стр. 121.

жено и собственюю головою, сберегъ то и другое, и завоевалъ цѣлую страну».

5 июля бѣглецы остановились на берегу Малаго Абборфера. Шведы простояли здѣсь шесть дней, и продолженіе всего этого времени не подверглось нападенію Русскихъ, но очень страдали отъ недостатка въ продовольствіи и соли. Здѣсь, говорить Тибурціусъ, негодованіе противъ главнокомандующаго сдѣлалось общимъ, мнѣніе о немъ было самое невыгодное. Полковые командиры не оказывали ему ни малѣйшаго уваженія и повиновенія; всѣ требовали отпуска въ Стокгольмъ; не получая оваго, многіе самовольно и безнаказанно оставляли вѣрнныя имъ команды.

Какъ ни быстро дѣйствовалъ Ласси, но нельзя не замѣтить, что при большей рѣшимостиъ съ его стороны компания была бы кончена гораздо скорѣе и результаты ея были бы блестящѣ. Но я нашъ военачальникъ видимо стѣсненъ былъ предписаніями отъ двора; онъ не зналъ еще, какъ смотрѣть на его подвиги: вмѣсто милости, не подвергнутъ ли его оканѣ за излишнее усердіе.

Шведы продолжали отступать къ Гельсингфорсу. Какъ велико было уныніе и какъ упалъ нравственный духъ въ арміи Левенгаупта, можно видѣть изъ слѣдующаго Шведскаго письма отъ 12 июля 1742 года, помѣщенаго въ «Описаніи»:

«Я-бы почелъ долгомъ побѣнѣть обрадовать вѣсть, милостивый государь, извѣстіемъ о нашемъ успѣхахъ, еслибы не были вновь увѣренъ, что слухъ о нашихъ славныхъ подвигахъ не только уже долетѣлъ до Швеціи, но успѣлъ распространиться по всему миру. Кто теперь не узнаетъ въ наше достойныхъ потомковъ храбрыхъ Свевовъ и Готеовъ? Подумайте, мы въ нѣсколько чаша сожгли въ виду непріятеля Фридрихсгамъ, не потерявъ при этомъ важнѣйшаго подвига ни единаго человѣка! Воображаю, какъ Русскіе были изумлены, когда увидѣли, что мы смѣли у нихъ передъ носомъ сжечь нѣсколько 1,000 центнеровъ пороху, прекрасный цейхгаузъ, наполненный провіантами, магазинъ и т. д. Вамъ не возможно себѣ представить, какая удивительная была плюминиція, когда въ цейхгаузѣ лопались 1,000 бомбъ и гранатъ, и множество 24-фунтовыхъ пушекъ разрывало между Шведскою и Русскою арміями! Послѣ блестящей плюминиціи, мы въ блестающей порядкѣ добѣжали до реки Кюмени, гдѣ начали зажигать новыи плюминиціи селами и пальными мельницами. Когда Русскіе съ трудомъ догнали наше, у Кюмени, на радостяхъ, наши сожгена была

третья штурмация мостами и всѣмъ язычи помазе, ни одной собачьей буды не уѣльше; немудрено, самъ генераль-лейтенантъ предлагалъ всѣ старанія, чтобы сдѣлать самимъ себѣ какъ можно болѣе зреда. Затѣмъ мы ретировались черезъ другую рѣку въ деревень Саттуй. Бѣдныи Рускии снять пришлось потрудиться, доколя насть, потому что мы, какъ неутомимые герои, снова перебѣжали черезъ двѣ рѣки; на слѣдующій день черезъ третью. Мости вездѣ ягли, такъ-что Рускии то и дѣло приходилось строить новые. Нельзя не подивиться осторожности нашихъ генераловъ, которые сдѣлали все это безъ малѣшаго красавородства, не смотря на то, что солдаты были избѣщены; осыпало прохожими трусовъ начальниковъ и готовы были плакать отъ смеха, что имъ не позволяютъ драсться. Если мы будемъ еще продолжать свое бытство, то я надѣюсь скоро увидѣться съ ними въ деревнѣ въ Стокгольмѣ, да такъ скоро, чѣмъ вранъ-ли успѣхъ окончить триумфальная ворота къ нашему прибытию.

Нельзя же поблагодарить г-жу Шинлевскую за обличающіе столъ интересныхъ документовъ. Выписанное нами: письмо ее облито горечью и злостью. На этомъ ягучемъ сарказмѣ такъ и слышится голосъ не одного человѣка, а всѣхъ Шведовъ, национальная гордость которыхъ была глубоко оскорблена виновитѣльнымъ поведеніемъ Левенгаупта. А между тѣмъ, для окончательного приговора надъ несчастными главнокомандующими мы имѣемъ еще слишкомъ мало данныхъ. Трудъ г-жи Шинлевской въ этомъ отношеніи далеко не полонъ. Много вопросовъ насчетъ причинъ соалумитѣюю посадамъ Левенгаупта остаются неразрѣшеными; сомнѣваемся и въ его трусости, тѣмъ болѣе, что личная храбрость и распорядительность Левенгаупта доказаны многими предыдущими пѣбѣдами. Не понимаю его странной осторожности. Остается ждать новыхъ материаловъ; такъ напр. было-бы любопытно прочесть его корреспонденцію эти эпизодовъ для него время, обнародованыхъ реалий слишкомъ недостаточно.

Съ каждымъ днемъ война въ Финляндіи принимала для Русскаго видъ забавы. Благодаря необыкновенной трусости Нѣжескихъ генераловъ, вся кампія обратилась въ игру на коняхъ и мыши. Мыши приходилось все хуже и хуже. Житсанъ Бергманнаго, Нюландскаго и Тавастъ-Густокаго уѣздовъ присыпали просыпѣи въ Ласси о принятіи ихъ въ Русское подданство.

го 10 июля Русская армія стала на вылазки противъ Шведской арміи, расположившейся на позиціи у деревни Ставальфю.¹¹ Письмо г-жи «Когда я вечеромъ, пишетъ пасторъ Гибуриусъ, читая вечеромъ поди ту королевской лейбъ-гвардіи, то замѣтилъ, что офицеры, стоявшіе на колѣнѣхъ у своихъ барабановъ, постоянно поклонявши на гору, находившуюся по другому сторону рѣки, въ разстояніи отъ 200 до 300 шаговъ позади меня. Это сильно вообудило мое любопытство, почему я, какъ скре окончилъ молитву и въ свою запѣю исаломъ, оглянулся и увидѣлъ тогда на горѣ весь Русский генералитетъ, стоящий съ обнаженными головами и издавающей выѣстѣ съ нами; воздухъ былъ такъ чистъ (тихъ?), что Русскимъ можно было слышать каждое слово».

Такого рода подробности чрезвычайно оживили бы разсказъ и мы сочли бы, что г-жа Шипилевская поспѣшила на нихъ.

На другой день, рано утромъ, прокрытамъ туманомъ, Шведская армія потянулась назадъ. Лишь только туманъ разступилъ, завязалась злкое дѣло. Какъ успѣши отстрѣливались опытные, хорошие киузиенные Шведские артиллеристы, такъ, напротивъ того, крайне неудачно дѣйствовали Русскія пушки. Наші ядра и бомбы, выпущенные неискусно, не долетая, съ трескомъ падали въ белого, где тетка гасли. Вообще, кстати замѣтимъ, кампанія эта показала, какъ еще плохо устроена была наша артиллерія.

Въ самомъ реагарѣ боя Шведской главнокомандующій, въ большомъ плащѣ, сидя на лошади, въ печальномъ раздумъ стоялъ на темъ мѣстѣ, куда чаще всего падали ядра. Онъ искалъ смерти, но ни одно ядро, ни одна пуля не коснулась его: они щадили жизнь несчастнаго фельдмаршала, которому не суждено было пастъ съ честію на полѣ брані, а назначено окончить жизнь на плахѣ.

Въ августѣ 1742 года были взяты Нейшлотъ и Тавастпутская крѣость. Пышная реляція Ласси обѣ этихъ побѣдахъ, равно-какъ и доказанія о всѣхъ малѣйшихъ передвиженіяхъ нашей арміи, помѣщены въ книжѣ г-жи Шипилевской.

11 августа обѣ арміи прибыли къ Гельсингфорсу. Шведы были обойдены. Воинный совѣтъ уже вступалъ въ переговоры съ Русскимъ военачальникомъ о заключеніи капитулациі. Еще совѣтъ и переговоры таузились, какъ вдругъ, 19 числа, прибыли изъ Швеціи вице-адмираль Риддерстольпе и полковникъ Каульбарсъ съ довѣріемъ отъ короля, чтобы графъ Левенгауптъ и генераль-лейтенантъ Будденброкъ немедленно явились въ Стокгольмъ от-

дугъ отчагъ государственному сейму въ своихъ дѣйствіяхъ поро-
долженіе кампаніи. Начальство надъ армію было передано гене-
ралъ-майору Бускету, и 20 числа, вечеромъ, Левенгауптъ и Буд-
денбронъ уѣхали изъ Гельсингфорса, а 24 августа заключена бы-
ла капитуляція на слѣдующихъ условіяхъ:

Вся Шведская пѣхота, офицеры и солдаты, а также находи-
вшіеся при арміи гражданскіе чиновники, со всѣмъ ихъ богадель-
и, оружиемъ, амуниципою, знаменами, штандартами и т. д. будутъ по-
сажены на суда въ Гельсингфорсъ, чтобы оттуда безпрепятственно
отплыть въ Швецію. Кавалерія пойдетъ безъ замедленія и пре-
пятствія къ Торнео, чтобы возвратиться сухими путемъ въ Шве-
цію. Имущество и личная безопасность всякаго будутъ ограждены.
Весь провіантъ и припасы, находящіеся на судахъ при заклю-
ченіи капитуляціи, будутъ оставлены Шведамъ. Они-же могутъ
взять изъ Гельсингфорскихъ магазиновъ столько провіанта, сколь-
ко нужно для продовольствія войскъ во время проѣзда въ Шве-
цію. Десяти Финскимъ полкамъ предоставлено будетъ или отора-
виться съ Шведскою арміею въ Швецію, или, положивъ оружіе и
сдавъ его знамена, лошадей и обозъ Русскимъ комиссарамъ, ра-
зойтись по своимъ домамъ и т. д.

Финскія войска избрали послѣдніе. 26 числа, сданъ оружіе и
амуниципою, они разошлись по домамъ.

Всѣ документы, относящіеся къ капитуляціи 24 августа, собра-
ны въ книжѣ г-жи Шипилевской, къ которой и отсылаемъ нашихъ
читателей.

Лишь только кампанія была окончена, Русское правительство
усердно привялось за внутреннее устройство Финляндіи, и въ де-
кабрѣ гражданскій губернаторъ Бальтазаръ фонъ-Кампенгаузенъ
былъ для этого посланъ въ Або.

Въ четвертой и послѣдней главѣ г-жа Шипилевская разсказываетъ
о военныхъ дѣйствіяхъ въ 1743 году.

На этотъ разъ кампанія на сушѣ состояла изъ нѣважныхъ сты-
чекъ, грабежей и опустошеній на непріятельской землѣ; настала
очередь дѣйствовать флоту. Въ маѣ начались эти дѣйствія, далеко
не столь удачныя, какъ этого можно было бы надѣяться. Ногода,
дурное состояніе кораблей, команды, крайне неопытныя и не-
приученные къ морскимъ эволюціямъ, все это было причиной, что
мы не одержали никакихъ блестящихъ победъ надъ Шведами,
которые вели себя съ тою же исполнитною робостью и нерѣшитель-

ищенью, какъ въ наступившій подъ начальствомъ заслуженного Левашова.

Послѣднія передвиженія съ той и другой стороны; 20 мая 1743 года Русскіе и Шведскіе корабли и другія суда встрѣтились у Карго. Два часа продолжалась самая зарядная канонада; она прекратилась въ 7 часовъ вечера. Шведскій флотъ стоялъ пародчными урономъ людей и довольно важными поврежденіями долженъ былъ отступить. Преслѣдовати непріятеля не было никакой возможности; втѣрь дулъ прямо въ гавань, почему и нельзя было выйти изъ нея. Русскіе въ этомъ дѣлѣ потеряли убитыми и ранеными 25 человѣкъ.

28 мая представился случай другой эскадрѣ Русскаго флота сражаться съ непріятелемъ. Но адмираль Головинъ, такъ разсказывается Мыштейнъ, несмотря на частыя подтверждѣнія графа Ласси испрѣбѣнно атаковать непріятеля, всегда находилъ отговорки не исполнить приказанія. Трусливый адмираль даже сославшись николацъ на морской регламентъ Петра Великаго, которымъ Русскому флоту приказывалось не иначе вступать въ бой со Шведскими, какъ только тогда, когда у него будетъ 8 корабля противъ 2 Шведскихъ. А какъ у графа Головина было всего 17 кораблей противъ 12 Шведскихъ, т.-е., недоставало одного, то онъ и не считалъ себя въ-правѣ рѣзаться на подобный подвигъ (*).

15 июня 1743 года Шведскій флотъ снялся съ якоря и ушелъ прямо въ Стокгольмъ, куда прибыть очень кстати для подавленія мятежа Далекарлійцевъ. 18-го Ласси получилъ увѣдомленіе отъ нашихъ полномочныхъ министровъ въ Або, что миръ заключенъ.

Въ силу нового договора, Швеція уступила Россіи всѣ земли, оставшіяся за ней по Ништатскому миру, кромѣ того часть

(*) Этимъ походомъ графъ Николай Федоровичъ Головинъ обратилъ на себя впослѣдствіи справедливое неудовольствіе императрицы: холодный приемъ и охажденіе царедворцевъ заставили его сказать больными и испросить отставку въ 1744 году. Онъ поѣхалъ въ чужіе краи, избралъ мѣстопребываніемъ своимъ Гамбургъ и тамъ скончался 16 июля 1746 года, стъ именемъ единовѣка трудолюбиваго, сострадательнаго, и имѣть адмирала слишкомъ неспособнаго, но умѣвшаго пользоваться обстоятельствами. Графъ Головинъ завѣщалъ все свое движимое имѣніе одной Шведкѣ и двумъ прижившимъ съ нею дѣти: но государыня именнымъ указомъ утвердила сюе за его супругу гето и дочерью, принцессою Голстенбекскою. (Жизнеоп. перв. Рос. адмираловъ, соч. г. Берка, ч. 2. Словарь Бантышъ-Каменского, 1896 г., ч. 2.)

всего княжества Финляндского, пренебреже Нюменгерусским, находящимся въ ней крѣпостями Фридрихегамомъ и Вильгельмомъ-домъ, и «перѣтъ ту часть кирхишия Пютики, по ту сторону» и «въ Востоку» по сѣдѣнію рѣки Юлеми и въ Кемти, «и стоящую, которой рукавъ между Большой и Малыи Абборна, сомъ течеть, а изъ Савонской провинціи городъ по прибрѣзти Нейштадтъ съ дистриктомъ» и т. д.

Въ двадцати пунктахъ первого договора подробно изложены были все условия о размѣрѣ пѣнныхъ, о торговлѣ, о военныхъ и торговыхъ судахъ, о содержаніи пословъ, о выдачѣ крестоносцевъ, о дозволеніи Швеціи вывозить беспошлинно изъ Русскихъ портовъ хлѣба на 50,000 руб. и проч.

Прѣтѣль бѣдственныхъ обстоятельствъ, въ которыхъ Швеція была вовлечена этой неблагоразумной войной, миръ неизвѣданный было считать довольно спокойнымъ: тѣль не менѣе и члены оного были оторваны значительный участокъ земли,—а это для Швеціи было тѣль чувствительное, что войска стоили 50,000 членъ вѣнцъ войска и 79 бочонковъ золота, не считая тѣхъ 28, которыхъ она получила отъ Франціи.

Но бѣдствія Швеція еще не кончились; недовольные результатами войны, начатой противъ ихъ земель, и беспредѣльными рекрутскими наборами, Далекарлійцы начали восставать, взяли за оружіе и пошли прямо въ Стокгольмъ, вызвавши и остаты не родонаученію Швеціи присоединиться къ нимъ.

Г-жа Шиллевская опускаетъ разоказъ объ этомъ событии, а мы дутѣль оно крайнѣ интересно и подробный разоказъ о внутреннихъ волненіяхъ Швеціи въ это время бытъ бы далеко не извѣдѣть въ описаніи военныхъ событий 1741—1743 годовъ.

Пользуясь разоказомъ Манштейна и очеркомъ войны 1741—1742 годовъ, составленнымъ по Шведскимъ источникамъ и дополненнымъ въ 1 томѣ «Финскаго вѣстника» 1845 года, мы разберемъ здѣсь вкратцѣ о возстаніи Далекарлійцевъ (*).

Шведы, увлеченные сначала увѣреніями правительства въ несправедливомъ успѣхѣ войны противъ Русскаго, узнать о неочаканномъ окончаніи ея, начали тревожно роптать и склонять на свою сторону, требуя наказанія виновниковъ этой нечастной войны.

(*) *Mémoires sur la Russie par le général de Mantein.* Leipzig. 1771. Situation des affaires en Suède, стр. 508—512. Так же см. 1845 г. т. I. «Финский вѣстникъ», стр. 49—57.

цога нациі доимъ краиной степени; правительство создало сеймъ Мариналь при этомъ сеймъ выбралъ быть ландтагомъ подполковника Унгернъ-Штернбергъ, политическая и мнѣнія которого были совершенно противоположны понятіямъ виновниковъ войны. Засѣданіе сейма было весьма шумно. Настойчиво требовалось произвести отсрочное разысканіе о дѣйствіяхъ военной комиссіи и наказанія виновныхъ. Гласно требовали головъ Левенгаупта и Будденброка. Шумъ превратился въ неистовство и главные виновники войны, видя угрожающую имъ опасность, приняли сторону націи и подтвердили ея мнѣніе, что Швеція могла обойтись безъ этой гибельной войны и что виновники ея должны погибнуть. Спасая себя, они свалили всю вину свою на Левенгаупта и Будденброка. Видя, что смятеніе не утихнетъ отъ казни этихъ несчастныхъ, не умѣвшихъ удержать за собой Финляндію, государственные советники вздумали отвлечь общее вниманіе отъ настоящаго дѣла, представивъ цемедленно на разрѣшеніе сейма вопросъ: кто долженъ наследовать престолъ Швеціи въ случаѣ смерти Карла XIII, котораго боязнь и старость заставили думать о преемникѣ? Важный вопросъ занялъ умы всѣхъ членовъ сейма, и пока цѣлая была достигнута: Финляндія на время забыта.

Ульрика-Элеонора скончалась, 21 ноября 1741 года, бездѣтною. Старый король не имѣлъ наследника; слѣдственно, вопросъ о престолонаслѣдіи не могъ рѣшиться скоро, тѣмъ-болѣе, что между Шведами не было единомыслия и мнѣнія раздѣлились на партии. Сеймъ обратилъ внимание на герцога Голштейн-Готторпскаго Карла-Петра Ульриха. Большая часть сейма знала, что герцогъ принадлежитъ православную вѣру, что съ именемъ Петра III онъ объявленъ наследникомъ Россійскаго престола, занятаго ея теткой Елизаветой Петровной. Тѣмъ не менѣе, желая пріобрѣсть расположение Петербургскаго кабинета и доставить государству миръ на выгодныхъ условіяхъ, сеймъ выбралъ герцога наследнымъ пріемникомъ Шведскаго престола, 28 октября 1742 года. 14 января 1743 посланы въ Петербургъ депутаты, отъ имени націи, съ предложениемъ герцогу принять Шведскую корону. Депутаты снабжены были предварительными условіями мира. Петъ III отказался отъ предложенія Швеціи; Петербургскій кабинетъ совѣтовалъ избрать другаго пріемника императрицы, принца Голштейнскаго Адольфа Фридриха. На счетъ условій мира Русское правительство откладывало это дѣло до имѣющихъ быть особыхъ переговоровъ.

При общемъ крикѣ негодованиія возвратились въ Стокгольмъ депутаты; Шведы требовали немедленного выбора наследнаго принца. Сопокателями были: сынъ Датскаго короля Фридрихъ, пфальц-графъ Цвейбрюкскій и Любскій епископъ герцогъ Георгиевскій Адольфъ Фридрихъ.

Первый имѣлъ большую партию приверженцевъ и Францію на своей сторонѣ. Адольфа Фридриха, потомка Густавы Вазы, поддержала могущественная Россія. При выборѣ возникли сильные споры и распри; наконецъ пфальц-графъ оставилъ свое искательство, объ немъ перестали говорить. Оставались два претендента. Между тѣмъ 16 июня 1743 въ Або былъ заключенъ миръ съ Россіей, безславный для Швеціи, о которомъ мы уже говорили выше.

Ночью 20 июня прибыль въ Стокгольмъ подполковникъ фонъ-Лингентъ, одинъ изъ полномочныхъ Швеціи, съ извѣстіемъ о заключеніи миръ. На слѣдующее утро объявлены были всенародно мирные условия, а 23-го июня принцъ Адольфъ Фридрихъ выбранъ наследнымъ принцемъ Шведскаго престола.

При этомъ выборѣ въ-особенности Далекарліцы оказали явное негодованіе: они не хотѣли слышать о другомъ наследнику престола, кроме принца Фридриха. Чтобы возвести его на тронъ и отистить тѣмъ, которые были причиной несчастной войны, Далекарліцы, незадолго до заключенія мира, приѣхали къ отчаянному средству: привались за оружіе и осадили Стокгольмъ, надѣясь тѣмъ дать государственнымъ дѣланъ другое направление и поставить на своемъ.

Еще во время мирныхъ переговоровъ въ Або, которые шли несметно и сомнительпо, Швеція полагала, что обстоятельства заставятъ продолжать войну съ Россіей, и потому вооруженъ былъ Шведскій флотъ и высланъ въ море. Въ апрѣль мѣсяцѣ онъ былъ у Гавгута, чтобы воспрепятствовать Русской эскадрѣ войти въ Або и сдѣлать высадку на Аландъ; галерныя же суда расположились у Дегербю. Но когда пронесся слухъ, что генералъ Кейтъ съ 2,000 войска и съ множествомъ казаковъ намѣренъ сѣсть на галеры и сдѣлать высадку въ Швеціи, линейныя корабли приказано отступить въ Сандгамосъ, а галеры къ Ваксгальму. Сухопутному войску также было предписано выступить и тотчасъ приступить къ пополненію полковъ рекрутами. Полагая, что Русские имѣли намѣреніе напасть на Вестерботнію, Далекарлійскій полкъ получилъ приказаніе немедленно туда выступить.

Ландсгевдингъ Вениерстедтъ, ѿхавшій въ Далекарлію для выполненія этого приказанія, на дорогѣ у Брунбекка встрѣчены были членомъ сейма, крестьяниномъ Андерссономъ съ нѣсколькими депутатами отъ кирхшиль Далекарліи. Они требовали съ настойчивостью, чтобы всѣ Далекарлійцы были призваны къ общему собранію, на что Вениерстедтъ принужденъ былъ согласиться. Определено было собраться Далекарлійцамъ 4 апрѣля 1743 года, у дома пробста въ кирхшиль Лекландѣ. Не смотря на приказаніе Ландсгевдинга, чтобы къ этому собранію явилось только по четырѣ депутата отъ каждого кирхшиля, въ назначенный день прибыли въ Лександу почти всѣ крестьяне Далекарліи. Лишь только Вениерстедтъ успѣлъ имъ прочитать повѣдѣніе правительства о выступленіи Далекарлійскаго полка, какъ раздался общий крикъ, что ни одинъ человѣкъ не сойдетъ съ мѣста, пока виновники бѣдственной войны не будутъ казнены, требуя при томъ, чтобы наследникъ престола выбранъ былъ по ихъ желанію. Вениерстедтъ началъ было ихъ уговаривать, наконецъ угрожать; все было тщетно. Шумъ превратился въ буйство.

Извѣстясь о беспокойствахъ въ Далекарліи, король отдалъ Далекарлійскому полку вторичный приказъ о немедленномъ выступленіи въ Вестерботнію. Но, вместо усмиренія возстанія, оно разлилось по всѣмъ окрестностямъ; неистовство дошло до невѣроятія. Ландсгевдингъ Вениерстедтъ и нѣкоторыя другія извѣстныя лица принуждены были подписать просьбу Далекарлійцевъ о возведеніи на престолъ Датскаго принца. Это сдѣлало ихъ еще болѣе дерзкими и настойчивыми. Далекарлійцы двинулись къ Стокгольму. Толпы ихъ увеличивались болѣе и болѣе; они захватили кассу губернскаго казначейства, взяли изъ магазиновъ всѣ находившіеся тамъ съѣстные припасы и разграбили аптеку для своего походнаго госпиталя, грабя по дорогѣ казенные имущество. Далекарлійцы быстро приближались къ Стокгольму. Извѣстіе объ этомъ событіи возводило общее смятеніе; отъ короля и отъ сейма посланы были къnimъ депутаты съ обѣщаніемъ прощенія виновнымъ, если они добровольно возвратятся въ свои дома; но когда депутаты прибыли въ Салу, они былидержаны Вестманландцами, которые также собирались по призыву Далекарлійцевъ. Вскорѣ послѣ этого, беспорядочныя толпы вступили въ Салу съ знаменами, барабаннымъ боемъ, вооруженнымъ ружьями, дубинами, вилами и проч. Здѣсь имъ прочтено было письмо короля, въ которомъ онъ уѣ-

незадолго иль смирились, напоминая о несчастномъ состояніи Швеции и обещаючи назначить выборъ по себѣ преемника къ 21 июня. Это казалось; нѣсколько успокойло тревожныя головы Далекарлійцевъ, которые обѣщали остановиться при Стексе; но старания депутатовъ заставили ихъ возвратиться въ дому бывшия безуспѣшны. Депутаты возвратились 17 июня въ Стокгольмъ. Бывшии губернаторъ въ Далекарліи, президентъ Ландкрайцъ, начальникъ управлять толпы инсургентовъ, оставилъ пагубное предпринятіе пребраться въ Стокгольмъ; но, несмотря на это, вопреки обѣщанію, данному ими королю, черезъ нѣсколько дней они перешли востъ при Стексе.

Король приказалъ Далекарлійцамъ остановиться при Ярвѣ и не смыть приближаться къ столицѣ; при всемъ томъ они 20 июня были уже у сѣверной заставы Стокгольма. Огорченный король выѣхалъ къ нимъ въ сопровождениі государственного советника Охергельма и нѣкоторыхъ другихъ лицъ, и, лично отдавъ имъ строгое повелѣніе не двигаться ни на шагъ впередъ, требовалъ, чтобы они выслали депутатовъ для предъявленія своихъ просьбъ и желаній. Далекарлійцы смирились; но потомъ, когда король удалился, они построились полуночницами и вторглись въ Стокгольмъ. Три полка, стоявшіе у заставы, не имѣя приказанія дѣйствовать противъ инсургентовъ въ случаѣ ихъ вторженія, должны были отступить. Главнымъ мѣстомъ сбора Далекарлійцевъ было доиль, окруженнѣй заборомъ, куда они свезли захваченные ими орудія и боевые припасы, состоявшіе изъ пороха и 11,000 ядеръ.

Правительство, не желая проливать крови, по необходимости рѣшилось дѣйствовать оружиемъ и полкамъ приказано было готовиться къ бою. Инсургенты показывали длинный списокъ известныхъ лицъ, обреченныхъ ими на ужасную смерть. Ужасъ распространился по Стокгольму.

Въ главѣ инсургентовъ стоялъ Шединъ, бывший солдатъ Прусской службы; мятежники сузили ему званіе оберъ-статтхьтера въ Стокгольмѣ. 22 июня король публично объявилъ, чтоѣ изъ инсургентовъ, которые до 5 часовъ пополудни выйдутъ изъ города, оставя оружіе, получать прощеніе, съ прочими будетъ поступлено по всей строгости законовъ. Мятежники не утихали. Наконецъ 8,000 войска расположились внутри и вънъ города. Государственные советники Розенъ и Адлерфельдъ объявили Далекарлійцамъ волю короля немедленно открыть огонь. Они отвѣтали

пальбѣ. Многихъ ранены въ положеніи на мѣстѣ пыткѣ съ смертельной раны Адлерфельда. Заливъ въ другъ орудій былъ открытымъ. До 50 изсургентовъ легло на мѣстѣ, остальные, бросивъ ружья, стащили проезжіе конницы и отдались въ руки правительства.

Далекарлійцы были разсажены по всѣмъ тюрьмамъ; за недостаткомъ мѣста, ихъ содержали подъ строгимъ карауломъ на дворѣ арсенала и на кладбищѣ. Послѣ первого розыска, ихъ отвели на военные суда и галеры, гдѣ отъ возникшей заразы изъ 12,000 человѣкъ болѣе половины перемерло. Главные виновники восстанія, вмѣстѣ съ Шединомъ, погибли на эшафотѣ, другіе наказаны кнутомъ и сосланы въ крѣпостную работу, менѣе виновныя прощены.

Событие, здѣсь разсказанное, тѣмъ-болѣе для насъ важно, что оно ускорило участіе генераловъ Левенгаупта и Будденброка, противъ которыхъ восстало почти вся Швеція. Покровители Левенгаупта и Будденброка употребляли всѣ силы, чтобы спасти ихъ, особенно первого; но усилия ихъ были тщетны: Будденброка казнили 18. июля 1743 года. Друзья Левенгаупта думали, что казнью его удовольствуются ожесточенные, и надѣясь на это, доставили Левенгаупту средства бѣжать. Когда вѣсть эта разнеслась по городу, ненависть Шведовъ къ виновнику несчастія войны дошла до изступленія. Правительство принуждено было обѣщать 20,000 талеровъ за его голову.

Обѣщаніе прельстило шкипера, который взялся-было отвезти Левенгаупта, и онъ предаѣлъ несчастливца въ руки правительства: 22. июля 1743 года Левенгауптъ лишился головы, при общемъ проклятіи Шведовъ, можетъ быть справедливо негодовавшихъ на поступки его во время несчастной войны.

Вышеприведенные выписки наши достаточно знакомятъ съ интересною книгою г-жи Шпилевской. При всѣхъ недостаткахъ, далеко впрочемъ не важныхъ, и на которые мы упираемся указать въ разныхъ мѣстахъ этой статьи, трудъ г-жи Шпилевской заслуживаетъ познаго одобренія. Не представляя намъ полнаго описанія войны 1741—1743, онъ тѣмъ не менѣе сообщаетъ много данныхъ, много материаловъ для описанія этихъ доселѣ малоизвѣстныхъ событий.

Желательно, чтобы современемъ г-жа Шанцевская, выправивъ, дополнивъ и исправивъ, издала-бы свой трудъ съ подробнымъ оглавлениемъ и хорошою картой той части Финляндіи, которая послужила театромъ войны 1741—1743 годовъ.

Михаилъ Симеоновъ.

VII.

НОВОСТИ И СМѢСЬ.

L

НОВОСТИ ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

о золотыхъ тонахъ.—Возможно ли дѣлать золото? Еще нѣсколько лѣтъ назадъ химики отвѣчали-бы на такой вопросъ отрицательно съ совершенной увѣренностью. Было время, когда алхимія считалась однимъ изъ нелѣпѣйшихъ заблуждений человѣчества, когда алхимиковъ осыпали насмѣшками и наравни съ астрологами и прославленными вѣдѣмъ и колдуновъ. Убѣжденіе было такъ твердо, что считалось однимъ изъ величайшихъ побѣдъ науки. Въ одномъ романѣ Александра Дюма разсказывается, что Калостро (въ прошлой вѣкѣ) допрашиваетъ свою ясновидящую о тайнахъ природы и та сообщаетъ ему, какъ глубочайшее познаніе, что золота не-льзя дѣлать, потому-что оно есть *чѣмъ-то простое*, но что можно дѣлать алмазы, именно изъ угля:

Съ нѣкотораго времени однакоже дѣло принимаетъ совершен-но другой оборотъ. Химики все больше и больше освояиваются съ мыслью, что нѣть никакихъ достаточныхъ аргументъ считать хи-мические элементы веществами абсолютно-простыми. Постепенно укрѣпляется даже именно мнѣніе алхимиковъ, т.-е. мысль, что простыя вещества могутъ переходить одно въ другое, что они не суть вещества, не имѣющія ничего общаго между собою. Мы видѣли, какія прекрасныя соображенія представлялъ по этому поводу Дюма, не романістъ, а знаменитый химикъ.

Нельзя не порадоваться такому развитию химическихъ понятій. На самомъ дѣлѣ простота химическихъ элементовъ есть одно изъ тѣхъ положеній, которыя обыкновенно выдаются за послѣдній, неразрѣшимый фактъ, за коренное явленіе, на которое сводятся многія другія, но которое само ни на что не сводится. Такихъ мнимыхъ истинъ, составляющихъ мнимый предѣлъ изслѣдований, найдется немало въ естественныхъ наукахъ и потому, когда хоть одно изъ такихъ положеній начинаетъ колебаться, это составляетъ уже важный шагъ впередъ. Натуралісты, обыкновенно упускаютъ изъ виду, какъ доскорбительны въ этомъ случаѣ ихъ мнѣнія для науки и для разума человѣческаго вообще, забываютъ, что каковы бы ни была граница, какъ-бы она далека и широка ни была, она во вскомъ случаѣ противна природѣ разума, потому-что предполагаетъ остановку, конецъ движенію, конецъ мышленію.

Возьмемъ напримѣръ настоящій вопросъ. Въ химіи считаются 62 простыхъ вещества, т.е. 62 вещества, которыхъ до сихъ-поръ не успѣли разложить. Положимъ, что эти вещества дѣйствительно простыя, т.-е., что ихъ не только теперь, но и никогда, никакими средствами невозможно разложить. Если будемъ такое предположеніе, въ хорошенько разсмотрѣть его, то мы сейчасъ-же должны будемъ отъ него отказатьсѧ.

На самой-дѣлѣ, сейчасъ-же намъ представляется следующіе вопросы: отчего зависятъ свойства этихъ тѣлъ, физическія, химическія и всякия другія? Отчего некоторые изъ нихъ очень походны между собою, другие различны? Отчего ихъ столько, а не больше и не меньше? Однимъ словомъ, мы должны въсегда дѣлать точные тщательныя въ-всякихъ другихъ тѣла, мы должны искать причинъ въ законахъ, во которымъ они являются. Намъ такъ, а не какъ-нибудь иначе. Здѣсь нельзя ссылаться и на атомы, потому-что въ относительно атомовъ мы должны предложить себѣ тѣ же самые вопросы.

Какимъ-же образомъ мы можемъ разрѣшить ихъ? Какой путь и какое цѣль указывается самими вопросами?

Если мы ищемъ причину разнообразія предметовъ, то при этомъ всегда заразите предполагаемъ ихъ единство или тождество въ извѣстномъ отношеніи. Вы находите разницу между характерами людей, между свойствами цѣлыхъ народовъ; какъ вы объясняете ее себѣ? Вы говорите: существенная основа у всѣхъ людей, у всѣхъ народовъ *одна и та-же*, но они развивали тѣа при раз-

личныхъ обстоятельствахъ и оттого получають различные свойства. Такъ точно и здѣсь. Всѣ многоразличныя свойства тѣль вообще, ихъ вкусы, цветы, кристаллизацио и пр. можно объяснить изъ ихъ химического состава, изъ свойствъ немногихъ простыхъ тѣль, а чѣмъ объяснить свойства самыи простыхъ веществъ? Очевидно, искать ихъ мы считаемъ однородными между собою и въ томъ смыслѣ, что всѣ они представляютъ вещество, т.е. чѣго, занимающее пространство. Съ понятіемъ вещества мы ничего больше и не соединяемъ и наше именно и любопытно знать, почему-ли, при ихъ одинаковой вещественной природѣ, простыи тѣла имѣютъ различные свойства? Слѣдовательно унь нашъ будеть совершенно удовлетворенъ только въ томъ случаѣ, если мы предположимъ, что вещество всѣхъ простыхъ тѣль *одно и то-же* и если ужѣ мы, какъ-бы то ни было образомъ, изъ этого одного вещества построимъ разнообразіе химическихъ элементовъ. Никакое другое рѣшеніе невозможно, а это рѣшеніе требуетъ необходимости.

Если-же такъ, то каковы-бы ни были причины, вслѣдствіе которыхъ одно и то-же вещество является въ различныхъ видахъ, безу-сомнѣнія, сопровождаемыя этими причинами и будемъ придавать веществу толькъ или другой видъ по произволу. слѣдовательно во пранозу будемъ превращать металлы, будемъ дѣлать золото. Но втомъ столь-же мало удивительного или чудеснаго, какъ-и въ томъ, что мы во пранозу можемъ превращать воду въ ледь и ледь въ воду, или можемъ, какъ это дѣлается въ профессиумъ юнгаль Плато, придать массѣ масла видъ сферода, тогдѣ видъ, который постоянно привилъ землю, когда еще неслѣдѣлъ пространствѣ жидкую расплавленную массою.

Совершенно подобныхъ разсужденій лежали и на основаніи остро-умныхъ выскакий Дюма. Онъ поставилъ себѣ задачу — найти, какія отношенія существуютъ между атомическими вѣсами тѣль; но искать отношеній между этими числами значить предполагать, что иначе пѣнто общее и иначе-своро изъ этого общаго мы уѣдемъ составлять различныя числа, принадлежащи частичамъ тѣль; то выйдетъ съ тѣмъ мы разнообразіе атомического вѣса подчинили некоторымъ законамъ, слѣдовательно приближились къ объясненію этого разнообразія. Нельзя же наружнаго уѣзда искажить такого рода.

Приведемъ адѣсь соображенія, высказанныя недавно Гер-

шлемъ въ засѣданіи Британскаго общества споегшествованія наукъ (1).

«Недалеко время, говорилъ онъ, когда, зная семейство, къ которому принадлежитъ какой-нибудь химический элементъ, и мѣсто его въ этомъ семействѣ, мы въ состояніи будемъ съ увѣренностью предсказать систему соединеній, въ которыхъ онъ можетъ вступить, и роль, которую онъ будетъ играть въ этихъ соединеніяхъ. Въ недавнее время сдѣланъ важный шагъ въ этомъ направлениі г. Кукоомъ (Sooke), профессоромъ Гервардскаго университета въ Соединенныхъ Штатахъ. Въ своей запискѣ, помѣщенной въ 5-мъ томѣ Мемуаровъ Американской академіи наукъ и искусствъ, онъ старался изучить и развить классификацію химическихъ элементовъ по семействамъ,—такого рода классификацію, о которой первая мысль или скорѣе первый зачатокъ мысли бытъ представлена нашему Обществу г. Дюма. Система эта основывается на начальномъ расположеніи тѣлъ въ ряды; элементы, принадлежащіе къ каждому ряду, составляютъ ариѳметическую прогрессію и разность прогрессії въ каждомъ ряду составляетъ атомическій вѣсъ водорода, взятый 3, 4, 5, 6, 8 или 9 разъ. Такимъ образомъ получается шесть группъ, которыхъ можно разсмотривать, какъ естественные семейства, такъ-какъ каждая изъ нихъ представляетъ итъ высшей степени характеристическая общія свойства и, что всего замѣчательнѣе, начальное число каждой группы принадлежитъ тѣлу, обладающему въ высочайшей степени характеристическимъ свойствомъ группы, тогда-какъ другія тѣла представляютъ это свойство все въ меньшей и меньшей степени по порядку прогрессіи, т.-е. вмѣстѣ съ увеличеніемъ числа, выражающаго ихъ атомический вѣсъ.»

«Вообще говоря, я мало расположень довѣрять численнымъ обобщеніямъ такого рода, такъ-какъ замѣчено, что авторы такихъ обобщеній слишкомъ свободно обращаются съ самими числами, или же допускаютъ въ приложении своихъ началь болѣе общирные предѣлы ошибокъ, чѣмъ это согласно съ точностію опытныхъ данныхъ, а потому и результатъ не имѣтъ того строгаго согласія съ явленіями природы, въ которомъ заключается вся разница между шаткою аналогію и дѣйствительными физическими законами. Но въ настоящемъ случаѣ ясно видно, что не только группы, уста-

(1) 48-я сесіон въ Leeds en sept. 1858. L'Institut 1858, p. 387.

новленный Кукомъ, замѣчательнымъ образомъ согласуются въ своемъ теоретическихъ числахъ съ числами, найденными изъ опыта самыми уважительными авторитетами, но также и то, что труда было принять другія; болѣе характеристическая дѣянія, если бы мы стали дѣлить элементы только по свойствамъ ихъ самимъ, не принесли никакимъ въ разсчетъ ихъ атомическіхъ чиселъ. На-самомъ-дѣлъ передъ нами является дѣйствительный законъ, плодотворное обобщеніе, когда мы видимъ, что въ одной группѣ соединены кислородъ, фторъ, хлоръ, бромъ и юдъ, расположенные именно въ этомъ порядке; въ другой—азотъ, фосфоръ, мышьякъ, антиモンий и висмутъ; что къ одной группѣ принадлежать всѣ самые дѣятельные и наиболѣе растворимые электроноположительные элементы—водородъ, лантанъ, натрій и калій, а къ другой всѣ наименѣе дѣятельные и наименѣе растворимые—кальций, стронцій, барій и свинецъ, и притомъ все это безъ нарушенія какой-либо другой системы свойствъ. Прибавлю, что соображенія этого рода, кажется, должны привести насъ ко взгляду несогласному съ предположеніемъ, что всѣ члены каждого семейства составляютъ только аллотропическое измѣненіе главнаго члена. Общія разности между членами каждой прогрессіи атомическихъ чиселъ не бываютъ ни равны, ни во всѣхъ случаяхъ сонзѣрвирны съ атомическимъ вѣсомъ первого члена прогрессіи. Напримѣръ, въ группѣ хлора первый членъ есть 8, а общая разность 9. Безъ-сомнѣнія, отношенія такого рода указываютъ на нечто другое, совершение отличное отъ аллотропизма. Скорѣе всего они указываютъ на постепенное ослабленіе энергіи главнаго элемента вслѣдствіе повторяющихся прибавлений количествъ другаго, видозмѣняющаго элемента; это выказывается тѣмъ поразительнѣе, что кислородъ составляетъ первый членъ въ всѣхъ различныхъ группахъ, которая въ известномъ отношеніи представляютъ тѣсное сходство, а къ другимъ весьма различна. Всѣ эти соображенія однакоже предполагаютъ, что совершение доказанъ фактъ, съ которымъ, признается, никакихъ легкаго согласия не имѣли, именно, что всѣ атомическія числа суть кратныя атомическаго вѣса водорода. Должны-порѣ числа эти не опредѣлены съ точностью, которая могла бы сравниться съ точностью определенія элементовъ планетныхъ орбитъ, такъ-что если сравнить, то ошибки, считаемыя незначительными въ числахъ наилучше изслѣдованныхъ простыхъ тѣль въ-отношении къ планетамъ окажутся совершенно невозможными

А по месиу майнію, толькъ по достиженіи такой точности можетъ быть разрѣшень вопрося. Если подумать только, какія громадныя послѣдствія влечеть за собою этотъ вопросъ, если принять въ сознаніе, что на этомъ началь должна быть основана вся система природы, то нельзѧ не признать, что ничто не lessаже влечетъ полной очевидности не доказуя быть принимаемо за достовѣрное, какъ-бы соблазнительна ни казалась теорія.»

Нельзя не согласиться съ Гершеманомъ, что законъ Проута доказательне не доказанъ еще вполнѣ и совершенно строго; но адѣль главное въ томъ, что вопросъ признанъ и что рѣшеніе его, наложено-бы оно ви было, будѣтъ похоже на рѣшеніе Проута. Всего лучше здѣсь, безъ сомнѣнія, путь, избранный Денре; очевидно, классификація Кука подходитъ, какъ частный случай, подъ общія положенія знаменитаго Французскаго химика.

При такомъ состояніи вопроса очень странно появление довольно-былой статьи физика Денре (2), въ которой онъ, по его собственнымъ словамъ, доказываетъ опытомъ слѣдующія положенія:

1) Каждый металъ состоитъ изъ особеннаго, алементарнаго вещества, неразрушимаго въ своей внутренней сущности.

2) Кислородъ, азотъ и металлы не состоятъ ни изъ водорода, ни изъ какого-нибудь болѣе легкаго газа, сущеннаго въ равнинной степени.

3) Изъ лѣкоторыхъ опытовъ видно, что нельзѧ считать замѣнѣбуть два металла за одно и то же вещество въ различныхъ молекулярныхъ состояніяхъ.

4) Число опытовъ Денре достаточно для того, чтобы распространить эти заключенія на всѣ тѣла металлическія и не металлическія.

Уже изъ самыихъ положеній можно видѣть, что Денре ошибся. Такихъ положеній невозможно доказать опытомъ; и на самомъ дѣлѣ, сущность всей статьи учеваго физика можетъ быть выражена слѣдующимъ образомъ: онъ старался какъ-нибудь разрушить металлы, найти въ нихъ какъ-нибудь разнородныхъ частей, но его опыты ни къ чему не привели, ничего не открыли. Само собою разумѣется, что отсюда ровно ничего не слѣдуетъ.

Въ начальѣ своего испытания Денре указываетъ на то, что никаки не убѣждены твердо въ простотѣ химическіхъ элементовъ.

(2) *Comptes rendus.* 1868. 15 nov. p. 346. *L'Académie* 1868. p. 393.

Дени Дендр. думалъ, что металлы и горючія твердныя началь состоять изъ особенного, неизвѣстнаго основанія и изъ того-же вещества, которое входить въ составъ водорода. (Леон Вакерене, 1807; Альбера де химіе, к. LXX p. 240). Навѣрно подобный методъ и другие химики, напр. Проута, Дюма и пр.

Такая мысль мнѣй относительно простоты элементовъ внушила Денре уже въ 1849 году мысль сдѣлать измѣненіе опыты.

«Убѣдившись, говорить о myself, въ 1849 году, что самыя огнеподорванныя тѣла плавятся и улетучиваются въ электрическому огнѣ сильной гальванической цепи, или же въ фокусѣ, въ которомъ соединены электрическая и солнечная теплота и теплота гарѣнія, я засмыслилъ, что склонны гѣда, напр. ложевые штаны, сплавляются отѣдѣлюясь изъ себя наиболѣе летучія части (3), и естественное приведеніе было къ мысли — попробовать, не раздѣляться ли также металлы на свои предполагаемые элементы, если ихъ подвергнуть такому-же энергическому дѣйствию теплоты».

Самые опыты, наречемъ, начались съ мая лѣсняка 1857 г. Основаніе ихъ было сдѣлано:

«Предположимъ за минуту, что металлы суть ложные сущности; тогда для составныхъ частей каждого металла необходимо должны быть различны по своимъ свойствамъ; они должны быть исключительно летучи, не однаково отѣдѣляться дѣйствіемъ пальническаго столба, или болѣе энергическихъ металловъ и вообще никакъ-нибудь химическихъ реагировать».

«Если обрабатывать бѣльеваниемъ ткань, или цинкомъ, или сѣристымъ водородомъ, или углекислымъ патремъ съѣхъ солей, свинца и мѣди, или свинца и кадмія, мѣди и кадмія и др. и собирать отѣдѣльно послѣдовательно осаждающіяся части, то оказывается, что состоятъ осадки различны и тѣмъ различне, чѣмъ различне время ихъ образованія».

Подобные-же опыты Денре сдѣлалъ сть отдѣльными металлами. Напр. онъ бралъ мѣдный купоросъ, пропускалъ черезъ него ткань и собирая послѣдовательные осадки мѣди. Число ихъ было 8. Оказалось, что все осадки состоять изъ чистой мѣди. Каждый осадокъ Денре превращалъ въ тонкія мѣдныя соли, азотъ-дихомисль, уксусномисль и пр. Соли кристаллизовались и оказы-

(3) Annibes rendus к. LXVII et LXIX.

лось, что все осадки дали одинаковые кристаллы одинаковых селей.

Такихъ и подобныхъ опытовъ Депре сдѣлалъ и описалъ 17. Хотя для изслѣдованія кристалловъ онъ приглашалъ даже известнаго минералога Делафосса, но и при его помощи ничего не нашель. Кристалы всегда были одинаковы и следовательно опыты были совершенно бесплодны.

Но, основываясь на нихъ, Депре считаетъ доказанными тѣ положенія, которыя мы привели выше. Всего страннѣе то, что въ концѣ мемуара онъ самъ-же говорить слѣдующее:

«Распространеніе этихъ выводовъ на всѣ престыя тѣла не уклоняется отъ осторожности, требуемой опытными изслѣдованіями. Мы убѣждены, что еслибы было разложенъ хотя одинъ металлъ, то легко было бы разложить и всѣ остальные. Исторія химіи представляетъ намъ замѣчательный примѣръ такого рода въ началѣ нашего столѣтія. Разложение одной щелочи повело тотчасъ къ разложению другихъ щелочей и даже земель.»

Странно, какимъ образомъ отсюда слѣдуетъ, что если г. Депре не удалось разложить мѣди, свинца, цинка и кадмія, то не удастся разложить и другихъ металловъ, и что вообще всѣ металлы неразложимы никакими средствами, не только для Депре, но и ни для кого другаго?

Наконецъ, говоря о гипотезѣ Проута, онъ дѣлаетъ возраженіе такого рода:

«При этомъ предположеніи, всѣ тѣла, изъ которыхъ состоять земли, были-бы не что иное, какъ сгущенный газъ. Луна, которой плотность немного менѣе плотности земли, вѣроятно, имѣла-бы такой-же составъ. Страннѣе результаты!»

Невозможно понять, въ чёмъ-же состоитъ странность этихъ результатовъ. По-крайней-мѣрѣ луна и ея плотность никако не уясняютъ дѣла.

Безъ-сомнѣнія, всякий, кто прочитаетъ мемуаръ Депре, соглашается съ тѣмъ, что рѣдко встрѣчается подобная слабость и несостоятельность заключеній. Между-тѣмъ не столь явно тѣтъ-же недостатокъ обнаруживается новсемѣтно въ естественныхъ наукахъ; иѣть ничего обыкновеннѣе, какъ заключеніе, превышающее военаки, выводъ изъ опыта того, чего опытъ вовсе не даетъ. Опытъ, фактъ, конечно, всегда драгоценны, но этого мало: нужно вывести заключеніе изъ опыта, и въ этомъ случаѣ логика са-

мая глубокая не только полезна, но совершенно необходима. На однихъ фактахъ и опытахъ остановиться нельзя, и вотъ почему вся область естествознанія наполнена предразсудками и слабыми выводами, которые между тѣмъ составляютъ часто единственныя убѣжденія натуралістовъ.

II. СТРАХОВЪ.

Движеніе соковъ въ растеніяхъ. Исследованія Гарднера (4).—Извѣстный своими трудами по яроводству и растительной физиологии Гарднеръ уже въ 1887 г. изложилъ свое мнѣніе о движениіи соковъ въ деревьяхъ. Въ существенныхъ чертахъ его мнѣніе состояло въ слѣдующемъ:

Сырой сокъ, принятый корнями изъ почвы, поднимается по настоящимъ древесиннымъ волокнамъ къ листьямъ, какъ во всѣхъ частяхъ, подвергнныхъ дѣйствію свѣта, превращается въ первичный образовательный сокъ, который опускается внизъ и отлагаетъ изъ себя запасные вещества (крахмаль и пр.), остающіеся всю зиму безъ измѣненія. На слѣдующій годъ они растворяются въ новомъ сырьемъ сокѣ и производятъ вторичный образовательный сокъ, изъ которого образуются побѣги, листья, древесина и лубъ. Поэтому деревья ежегодно скапливаютъ извѣстное количество запасныхъ веществъ, идущихъ на приростъ древесины въ слѣдующемъ году.

Можно-бы думать, что первичный образовательный сокъ, приготовленный въ листьяхъ, опускается какъ по лубу, такъ и по древесинѣ: потому-что запасные вещества находятся въ большомъ количествѣ въ сердцевинныхъ лучахъ, въ кілѣтчатыхъ волокнахъ и отчасти въ настоящихъ древесинныхъ волокнахъ. Но если на деревѣ сдѣлать кольцеобразную вырезку, то образование запасныхъ веществъ подъ кольцемъ безусловно прекращается. Слѣдовательно, обратное теченіе первичного сока совершается не по древесинѣ и сердцевинѣ, а только по рѣшетчатой ткани (*Siebfasergewebe, Gitterfasergewebe*) лубового слоя, и запасные вещества этихъ частей дерева должны проходить изъ сока, приходящаго къ нимъ горизонтально изъ луба.

Прежде Гарднеръ думалъ, что подобно тому, какъ первичный сокъ можетъ перекодить изъ луба въ древесину и сердцевинные

(4) *Berl. Zeit.* № 44, 45, 46, 1888.

дущи, такъ въ вторичный образовательный сокъ можно доказать изъ стихъ частей ить хамбильный сокъ, и что образование древесины изъ вторичного сока возможно и изъ тѣхъ случаекъ, когда прервало кольцеобразными вырѣзками соединеніе частей, содержащихъ въ себѣ запасныя вещества, съ высшими частями дерева, на которыхъ сидятъ листья:

Основаніемъ такому мнѣнію были слѣдующія наблюденія:

1) Приростъ древесины, продолжавшійся частіи 40—60 лѣтъ на пихтахъ срубленныхъ пихты и лиственицы.

Это есть одно изъ самыя странныя жизненные явленія. Оно никогда не встрѣчается у лиственныхъ деревъ, а только у хвойныхъ, и то не у всѣхъ, а только у пихты и лиственицы. Рождается, что это явленіе происходитъ отъ сростанія или сворачивания корнями съ корнями сосѣдняго новорожденного дерева. Это объясненіе и принадлежитъ большинствомъ, потому-что не иначе какъ суща-
щъ доказано такое сростаніе корней. Но Гарникъ возражаетъ про-
тивъ такого объясненія, потому-что онъ наблюдалъ приростъ дро-
весины продолженіе 12 лѣтъ на пихтѣ лиственицы, которая росла
на буковомъ лѣсу, где же было другіе хвойные деревья, дрогой Juniperus virginiana, росшій на расстояніи 100 ф. отъ этого пихты. Само-собою-разумѣется, что здѣсь не могло произойти сращенія корней, потому-что привирки возможны только между видами
одного рода, а Juniperus и Larix принадлежать не только къ раз-
нымъ родамъ, но даже и къ различнымъ семействамъ.

Сростаніе корней встрѣчается у лиственныхъ деревъ на пих-
тахъ или очень каменистой почвѣ также часто, какъ у пихтъ и
лиственицы, а между-тѣмъ пихта никогда не образуетъ кор-
ней слоею древесины.

Приватная вѣтвь находится въ гораздо благоприятѣйшихъ ус-
ловіяхъ къ нитающему ее дичку, нежели если бы она изъ ствола
другой пихты черезъ сростаніе корней, а между-тѣмъ эта вѣтвь
умираетъ; если ее лишить всѣхъ почекъ и листьевъ.

Еще разительнѣе слѣдующій привѣрка. Если на стволѣ дерева
удѣлать кольцеобразную вырѣзку вѣсколько дѣлжеъ выше вѣт-
ви, покрытой листьями, то на кускѣ ствола между вырѣзкою и
вѣтвию не образуется новыхъ слоевъ древесины, нечего и говорить,
что здѣсь условіе еще болѣе благоприятное для образования новыхъ сло-
евъ, а они не происходятъ!

Поэтому должно согласиться съ Гарникомъ, что слои на пихтахъ

срубленыхъ листъ и листьевидъ образуются изъ запасныхъ веществъ, отложенныхъ въ кору, — что согласно и съ вытекающимъ смолы изъ шией сосны въ течениѣ многихъ лѣтъ.

2) Образованіе коры, луба и древесины подъ стекающимъ за-вязками на ранахъ, промышедшихъ отъ снятия коры.

3) Новые побѣги изъ прибавочныхъ почекъ.

4) Восхожденіе древеснаго сока даже тогда, когда прервано прямолинейное его движение посредствомъ многихъ вырѣзокъ съ противоположныхъ сторонъ, доходящихъ до сердцевины, — восхожденіе, доказывающее боковое движеніе сока.

5) Фактъ, доказанный анатомически, что первичный образовательный сокъ можетъ переходить изъ лубового слоя въ древесину, изъ чего можно вывести заключеніе, что въ другой періодъ растительности вторичный образовательный сокъ можетъ переходить въ противоположномъ направленіи изъ древесины въ камбій.

6) Если срубить дерево или сдѣлать на немъ кольцеобразную вырѣзку, то образованіе древесины несовершенно прекращается; въ такихъ случаяхъ образуется зачатокъ нового слоя, который достигаетъ толщины $\frac{1}{2}$, или $\frac{1}{3}$ предыдущаго слоя, рѣдко болѣе, и оканчивается только тонкостѣнными древесинными клѣточками.

Теперь Гартманъ перемѣнилъ мнѣніе на счетъ движенія вторичного образовательного сока. Онъ полагаетъ, что этотъ сокъ, также какъ и первичный, поднимается вверхъ и петелью опускается по рѣшетчатой ткани луба для того, чтобы переходить въ камбій. Основаніемъ такому мнѣнію служатъ слѣдующіе факты и наблюденія:

I. Изъ изслѣдованія Гартмана черезъ 14 дней стеблей 4 различныхъ древесинъ породъ (дуба, клена, листьевиды и еосмы), которыхъ росли при одинаковыхъ условіяхъ на одинакѣхъ местностяхъ, оказалось, что

1) раствореніе запасныхъ веществъ начинается:

у клена — въ половинѣ февраля.

у дуба — " " марта.

у хвойныхъ — въ началѣ апрѣля.

Оно начинается въ самыхъ верхнихъ побѣгахъ дерева и потиху же медленно опускается къ корнямъ, такъ что въ боковыхъ корняхъ оно замѣчается только въ началѣ мая, а у сосны даже въ концѣ июня.

Періодъ растворенія крахмала въ каждой части дерева продолжается около 2 мѣсяцевъ; въ корѣ короче, нежели въ стеблѣ и вѣтвяхъ.

2) Новое скопленіе запасныхъ веществъ начинается:

въ корняхъ клена — въ маѣ
» » лиственнницы — въ іюнѣ
» » дуба — въ іюлѣ
» » сосны — въ сентябрѣ

и продолжается медленно вверхъ, такъ-что доходитъ до послѣднихъ побѣговъ вершины:

у клена — въ началѣ августа
у дуба — въ половинѣ сентября
у лиственнницы — въ началѣ октября
у сосны — въ половинѣ октября.

Образование крахмала продолжается во всѣхъ частяхъ дуба и сосны 2 мѣсяца, лиственнницы и клена 3 мѣсяца. Оно происходитъ дольше въ подземныхъ, нежели въ надземныхъ частяхъ дерева.

3) Образованіе древесины начинается въ верхнихъ частяхъ дерева въ началѣ мая и спускается внизъ весьма медленно, такъ-что въ боковыхъ корняхъ толщиной въ полдюйма оно начинается:

у клена — въ половинѣ іюня
у сосны и лиственнницы — въ началѣ іюля
у дуба — въ началѣ августа.

Въ тонкихъ мочковатыхъ корняхъ оно начинается еще позже, у лиственныхъ деревъ — 4-6 недѣлями, у хвойныхъ 2 мѣсяцами.

Періодъ образованія древесины въ верхнихъ побѣгахъ продолжается около 5 мѣсяцевъ (отъ мая до сентября), въ боковыхъ корняхъ, около 2 мѣсяцевъ — отъ августа до сентября.

II. Для изслѣдованія соченыя деревьевъ въ соку, Гарриксъ изучилъ содержаніе сырости въ 30 различныхъ древесныхъ породахъ отъ января до ноября. Такъ-какъ матеріалъ для изслѣдованія не могъ быть взятъ отъ одного и того-же дерева, и для каждого вида, въ каждомъ мѣсяцѣ, должно было рубить новыя деревья, то при вычисленіи сырости были приняты въ разсчетъ все обстоятельства, которые только можно было принять, такъ-что можно предполагать, что былъ изслѣдованъ одинъ и тотъ-же кусокъ того-же самаго дерева. Гарриксъ бралъ деревья, одновременно посаженные за 16 лѣтъ, и выбиралъ по-возможности де-

ревъя равной вышины, силы, листвы и здоровья; изъ каждого вынималъ на высотѣ 4 ф. надъ поверхностью почвы кусокъ въ 2 ф. длиною, очищалъ отъ коры, вкладывалъ его въ стеклянныи ксилометръ, въ которомъ ошибка наблюденія не превышаетъ 0,0001 куб. ф. и взвѣшивалъ его; потомъ высушивалъ его и вторично взвѣшивалъ. Всъ въ сухомъ состояніи дасть количество твердой массы дерева, а разность вѣса въ первомъ и второмъ случаѣ—количество сырости въ живомъ состояніи дерева. Результаты опытъ показаны на особой таблицѣ, изъ разсмотрівания которой слѣдуетъ, что наибольшее содержаніе сырости въ деревьяхъ бываетъ въ январѣ и февралѣ, потому что среднее число изъ содержанія сырости всѣхъ древесныхъ въ этихъ мѣсяцахъ = 32,4 фунт. на кубич. футъ. Мѣсяцы видимаго наибольшаго содержанія сырости, когда деревья бываютъ въ соку,—мартъ и апрѣль, даютъ только 29,6 фунт., слѣдовательно 2,8 фунт. менѣе. Отдельные группы деревьевъ, т. е. твердыхъ лиственныхъ, мягкихъ лиственныхъ и хвойныхъ даютъ то же отношеніе, что и среднее изъ нихъ. Бездѣ содержаніе воды въ январѣ и февралѣ больше, чѣмъ въ марта и апрѣля; у хвойныхъ въ эти мѣсяцы содержаніе воды менѣе, чѣмъ во всякое другое время года. Въ группѣ твердыхъ лиственныхъ деревьевъ, между которыми находятся такія, которыхъ бываютъ въ соку (*Fagus, Carpinus, Betula, Acer*), содержаніе воды въ мартѣ и апрѣль существенно не больше, чѣмъ въ сентябрѣ и ноябрѣ. Только въ мягкихъ деревьяхъ, у которыхъ нѣть настоящаго соченья, содержаніе воды весною, хотя менѣе, чѣмъ въ январѣ и февралѣ, но больше, чѣмъ во всякое другое время года.

Еще разительнѣе тотъ результатъ, что хвойные деревья, которыхъ никогда не бываютъ въ соку, содержать самое большое количество сырости и даже мелкія лиственные деревья превосходить въ этомъ отношеніи твердые.

Изъ этого Гартманъ заключаетъ, что не можетъ быть и рѣчи «о наполненіи соками» деревъ въ мартѣ и апрѣль, когда деревья сочатся, «о стремлениі соковъ вверхъ» въ это время. По его мнѣнію, соченье основывается на возбужденіи стремлениі клѣточекъ къ взаимному размѣну соковъ, которое остается безъ дѣйствія на восхожденіе соковъ, пока не разовьются листья и не будетъ большаго испаренія. Только съ появленiemъ листьевъ и начинается движеніе сока, соченье же безлистныхъ растеній есть следствіе насильственнаго изогревающаго и истинаго усугубленія

препятствий въ размѣру соковъ между листочками. Еслибы это было неправедливо, то сокъ находился бы въ безпрерываніи движений въ непораненыхъ безлистныхъ деревьяхъ, тогда мы должны были бы въ необходимости допустить кругообразованіе этого сока, потому-что безъ этого въ верхнихъ частяхъ дерева не доставляло бы иѣста для притекающихъ безпрерывно сокомъ (Bot. Zeit. 1853, стр. 911, 478, 617; 1855, стр. 911).

Въ іюнѣ и юлѣ въ отрѣзанныхъ стволахъ совсѣмъ не было запасныхъ веществъ: они были растворены и уничтожены въ верхнія части дерева. Если сложимъ среднія числа вѣса въ сухаго состояніи отъ января до мая, и потомъ отъ сентября до ноября, то получимъ средній вѣсъ для этихъ изысканій:

для твердыхъ лиственныхъ деревъ	42,9 ф.
— мягкихъ	" " " 28,6 "
— хвойныхъ деревъ	..... 26,1 ф.

Напротивъ-того средній вѣсъ іюня и юля, когда нѣть запасныхъ веществъ въ деревѣ, будеть:

для твердыхъ лиственныхъ деревъ	39,3 ф.
— мягкихъ	" " " 26,5 "
— хвойныхъ деревъ	..... 25,5 ф.

Слѣдовательно вѣсъ твердаго остатка, вычисленный на куб. футы, будетъ:

для твердыхъ лиственныхъ деревъ	3 ф. = 7% сухаго иѣса
— мягкихъ	" " " 2,35 ф. = 8% " " "
— хвойныхъ деревъ	..... 0,85 ф. = 3% " " "

Отношеніе этихъ чиселъ вполнѣ согласно съ микроскопическими исслѣдованіями количества крахмала. Твердые лиственные деревья содержать наибольшее количество крахмала, хвойные — наименьшее. Напротивъ-того абсолютная величина этихъ чиселъ кажется слишкомъ большою. Причина этого заключается въ томъ, что кроме крахмала тутъ находятся еще другія выгнившія вещества, которые сообщаютъ дереву болѣйший удѣльный вѣсъ. Должно заѣти, что части, избранные для смысла, содержать наименьшее количество крахмала. По прежнимъ опредѣленіямъ Германа количество крахмала въ коринкѣ буна доходить до 26%.

III. Для исслѣдованія, въ какой степени листва деревъ оказываетъ влияніе на величину ежегоднаго ихъ прироста, Германъ обрѣзывалъ весной передъ началомъ растительности листа дер-

реже, кроме вершинного побега. Въ слѣдующее за тѣмъ лѣто приростъ древесины нисколько не уменьшается ни на стеблѣ, ни на корѣ; онъ даже увеличивается, вѣроятно, потому, что запасные вещества, которыя назначены были для роста вѣтвей, были употреблены для образования кѣточекъ стебля. Только черезъ годъ послѣ отнятія вѣтвей обнаруживается влияніе недостатка листьевъ на величину прироста, потому что онъ имѣетъ микроскопическую толщину, но образованъ правильно. Начиная отсюда ширинка годичныхъ слоевъ увеличивается центрѣ разнотія числа листьевъ и вѣтвей, и лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть годичное кольцо древесины получаетъ ту же величину, какую имѣло передъ обрѣзываніемъ вѣтвей. За три года Гартии повторилъ эти опыты въ большомъ видѣ и получилъ тѣ же самые результаты.

Изъ этого слѣдуетъ, что годовой приростъ происходитъ изъ запасныхъ веществъ, образовавшихся за годъ передъ тѣмъ. Необыкновенно малый приростъ во 2-мъ году послѣ отнятія вѣтвей есть слѣдствіе недостатка запасныхъ веществъ, для образования которыхъ не было листьевъ. Это наблюденіе есть одно изъ самыхъ разительныхъ опровергній теоріи Шлейдена, отвергающей переработку сырыхъ и питательныхъ веществъ въ частяхъ растенія, подверженныхъ дѣйствію свѣта.

Богатая листва, превосходящая нормальную потребность, не увеличиваетъ чувствительно прироста; доказательствомъ этому служатъ молодыя сосны, которыя покрыты листьями почти до основания стеблей; у нихъ приростъ такой-же величины, какъ у сосенъ того-же возраста, имѣющихъ листву только на вершинѣ.

IV. Отъ начала апрѣля до половины сентября 1857 г. черезъ каждые 8 дней Гартии дѣялъ на корѣ молодыхъ дубовъ вольщеобразныя вырѣзки въ 2 дюйма шириной въ 4 фут. надъ поверхностью почвы, безъ всякихъ перевязокъ. Какъ обыкновенно, тѣкія раны не разрушали нормального хода образованій во всѣхъ частяхъ, лежавшихъ надъ раною, кроме непримѣнно на верхнемъ краю раны. Эти части раньше или позже, но непремѣнно умрываютъ, когда прекратится способность обнаженного цилиндра проводить соки, что происходитъ отъ его высыпанія, идущаго спаужи внутрь.

Всѣ результаты, которые получалъ Гартии изъ такихъ опытовъ.

А. Въ-отношениі растворенія и скопленія запасныхъ веществъ подъ раною.

а) Во всѣхъ деревьяхъ, на которыхъ были сдѣланы кольчатыя вырѣзки передъ 30 іюня, богатое содержаніе крахмала въ корнѣ и нижнихъ частяхъ стебля совершенно исчезло. Нового крахмала вprodоженіе лѣта нисколько не образовалось. Такъ - какъ корни и стволы деревъ, срубленныхъ въ то же время, не потеряли крахмала, запасенного на зиму, то отсюда слѣдуетъ, что въ деревьяхъ съ кольчатыми надрѣзами запасные вещества растворяются въ восходящемъ соку и уносятся вмѣстѣ съ нимъ съ нимъ въ верхнія части дерева, гдѣ и употребляются на ихъ прасть.

б) Во всѣхъ деревьяхъ, подвергенныхъ опыту послѣ 30 іюня, крахмалъ находился въ нижнихъ частяхъ тѣмъ въ большемъ количествѣ и тѣмъ совершенно образованъ, чѣмъ позже сдѣланы надрѣзы; деревья 10-го августа и позже надрѣзанныя содержали полное количество крахмала.

Эти явленія ясно доказываютъ, что отъ кольчатой вырѣзки крахмалъ останавливается на той степени развитія, на которой находился во время надрѣзыванія, что этотъ крахмалъ не есть остатокъ отъ зимиаго запаса, а что онъ образовался послѣ растворенія зимиаго крахмала, но прежде надрѣза. Здѣсь кітточки сердцевинныхъ лучей и кітччатыя волокна, въ которыхъ крахмалъ остановился на ранней степени развитія, доказываютъ весьма ясно, что образованію крахмала въ деревѣ предшествуетъ образование ядра кітточки, изъ котораго происходитъ ядровая масса крахмалики.

У деревьевъ, на которыхъ кольчатыя вырѣзки были сдѣланы послѣ 30 іюня 1857, Гартманъ изслѣдовалъ корни весною 1858 г. и въ нихъ нашелъ запахъ крахмала; при изслѣдованіи же ихъ осенью 1858 г. въ нихъ крахмала не оказалось; это также доказываетъ, что крахмалъ, находившійся весною 1858 г. въ корняхъ, образовался передъ надрѣзомъ 1857 г. Весною 1858 г. запасные вещества были растворены въ сырому соку и перенесены имъ въ верхнія части дерева въ такомъ-же количествѣ, какъ въ 1857 г. передъ 30 іюня.

Изъ этого можно заключить, что раствореніе запасныхъ веществъ въ сырому соку и перенесеніе ихъ этимъ сокомъ въ вер-

нія части дерева имѣть мѣсто и въ неповрежденныхъ деревьяхъ и принадлежать къ числу нормальныхъ явлений.

Изъ обстоятельства, что послѣ кольцеобразной раны образование запасныхъ веществъ не только прекращается, но и останавливается на той степени развитія, на которой оно было во время нанесенія раны, ясно видно, что *только по любой части исчезаетъ первичный образовательный сокъ, изъ которого образуются запасные вещества*; что ниспускающейся сокъ необходимо долженъ имѣть возможность переходить изъ луба въ кору, древесину, сердцевину, потому что въ этихъ частяхъ образуются запасные вещества; что съ другой стороны оять лишенъ способности опускаться внизъ съ того момента, когда онъ перешелъ изъ луба въ древесину. Еслибы первичный образовательный сокъ могъ нисходить также по древесинѣ, то кольцеобразная рана не могла бы безусловно прекращать образование запасныхъ веществъ.

Противорѣчіе, которое, повидимому, заключается въ томъ, что вторичный образовательный сокъ можетъ подниматься по древесинѣ, между-тѣмъ-какъ первичный образовательный сокъ, который по составу существенно не отличается отъ первого, не можетъ по ней опускаться, объясняется тѣмъ, что въ древесинѣ *только* древесинные волокна служатъ для проведения соковъ въ восходящемъ направлениі, что они заняты этимъ отправленіемъ впродолженіе всего периода растительности и что они одновременно не могутъ проводить сока по разнымъ направлениямъ.

В) Въ-отношенніи образования древесины подъ кольцеобразную раною.

а) Во всѣхъ деревьяхъ, въ которыхъ кольцеобразный надрѣзъ былъ сдѣланъ послѣ начала образования древесины, послѣдняя остановилась на той степени развитія, на которой она была во время операции; напослѣдокъ образовавшейся древесинные волокна остаются съ такими-же тонкими стѣнками, какъ самыя молодыя, только-что образовавшейся волокна. Посредствомъ операциіи образование древесины прекращается внезапно, какъ еслибы дерево, начавшее рости, было срублено и высушено.

б) Если сдѣлать кольцеобразную вырѣзку на деревѣ передъ началомъ образования древесины, то подъ раною происходитъ зачатокъ нового годичного слоя, который имѣть $\frac{1}{10}$ или $\frac{1}{5}$ ширину предыдущаго слоя и оканчивается несовершенными тонкостѣнными волокнами, какъ будто образованіе прервано недостат-

комъ питательныхъ веществъ. Гартміз объясняетъ образование этихъ веществъ запасными веществами, находящимися въ корѣ.

с) Во всѣхъ деревьяхъ, въ которыхъ сдѣланъ кольцеобразный надрѣзъ, послѣ образования годичного слоя, подъ раною образовался зародышъ нового слоя, какъ-будто надрѣзъ былъ сдѣланъ передъ началомъ образования древесины.

д) Если подъ кольцеобразною раною развиваются прибавочные почки и изъ нихъ побѣги, то образование древесины имѣть мѣсто.

Не смотря одножъ на это, можно утверждительно сказать, что посредствомъ кольцеобразныхъ вырывокъ прекращается прѣрость древесины и отложение запасныхъ веществъ въ частяхъ дерева, лежащихъ подъ раною.

V. Если сдѣлать спирально-извитую вырѣзку изъ коры и луба, то на нижнемъ краѣ вырѣзки древесина прекращаетъ образоваться, а на верхнемъ образуется въ большемъ количествѣ, производя спиральный напыль. Образованіе-же запасныхъ веществъ не прекращается и подъ раною. Изъ этого должно заключить, что спиральная рана не препятствуетъ выхожденію первичного образовательного сока.

VI. Если на одной изъ двухъ вилообразныхъ вѣтвей сдѣлаемъ кольцеобразную вырѣзку, то въ части между развѣтвленіемъ и раною не будетъ образоваться древесина, но запасные вещества отлагаются нормально. По наблюденіямъ, изложеннымъ въ IV, это можетъ случиться не иначе, какъ изъ первичного сока, опускающагося изъ неповрежденной вѣтви. Здѣсь опять вторичный образовательный сокъ не переходитъ изъ внутреннихъ частей дерева въ наружныя, въ камбій.

Вотъ основанія, по которымъ Гартміз допускаетъ, что вторичный образовательный сокъ, произшедшій изъ запасныхъ веществъ, долженъ подниматься въ вершинныя части дерева, чтобы перейти въ лубовой слой, и уже изъ него питать камбій. Необходимость такого возврата вторичного образовательного сока въ рѣшетчатую ткань луба находится въ связи съ измѣненіями, которымъ подверженъ этотъ самый сокъ. Нѣть никакого сомнѣнія, что привитой облагороженный сукъ растеть весною изъ вторичнаго образовательного сока дичка; сокъ этотъ превращается въ немъ не въ дичковыя, а въ облагороженные клѣточки, междуѣмъ-какъ, выходя изъ сука въ дичекъ, онъ образуетъ дичковыя

клѣточки; лучше всего это видно въ прививкѣ красильного дуба на обыкновенномъ (*Querc. tinctoria* на *Querc. pedunculata*). Посему вторичный образовательный сокъ передъ своимъ обращенiemъ въ клѣтчатку претерпѣваетъ измѣненія, которыя происходятъ не въ древесинѣ, а въ рѣшетчатой ткани луба. Камбіальный слой, т.-е. маточная клѣточка для образования клѣточекъ древесины и луба, вмѣстѣ съ неготовыми клѣточками послѣднихъ, противостоять не посредственному перѣходу этого сока изъ древесины въ лубъ. Отсюда ясно видна необходимость восхожденія вторичного образовательного сока въ вершинныхъ частяхъ дерева.

Уже доказано, что вторичный образовательный сокъ не можетъ опускаться ни по корѣ, ни по древесинѣ, ни по сердцевинѣ; слѣдовательно онъ можетъ идти внизъ или по камбію, или по лубу. За первое предположеніе есть иѣкоторыя явленія возрастанія. Но известно, что въ неповрежденныхъ деревьяхъ образование нового кольца древесины начинается снизу; по этому нельзя допустить, что вторичный сокъ опускается по камбію; слѣдовательно намъ остается принять, что рѣшетчатыя клѣточки лубового слоя служатъ для восхожденія вторичного образовательного сока.

Д. МИХАЙЛОВЪ.

II.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТИЯ.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСѢДАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИИ НАУКЪ.—29 декабря, Императорская академія наукъ имѣла торжественное засѣданіе подъ предсѣдательствомъ своего президента, дѣйств. тайн. сов. гр. Д. Н. Блудова. Это засѣданіе удостоили своимъ присутствіемъ высокопреосвященный Григорій, митрополитъ С.-Петербургскій, высокопреосвященный Филаретъ, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій, духовникъ Ихъ Императорскихъ Величествъ протопресвитеръ В. Б. Бажановъ, гг. министры: народнаго просвѣщенія—тайн. сов. Е. П. Ковалевскій, внутренніхъ дѣлъ—дѣйств. тайн. сов. С. С. Ламской, государственныхъ имуществъ—ген. отъ инф. М. Н. Муравьевъ, финансъ—тайн. сов. А. М. Княжевичъ, Переидскій посланникъ со свитою и другіе почетные посытители. По открытіи засѣданія, г. академикъ А. В. Никитенко прочиталъ «Отчетъ о занятіяхъ отдѣленія Русскаго языка и словесности за 1858 годъ», а исправляющій должность непремѣнного секретаря академикъ К. С. Веселовскій—«Отчетъ по физико-математическому и историко-филологическому отдѣленіямъ академіи». По окончаніи этихъ чтеній, провозглашены были имена слѣдующихъ лицъ, вновь избранныхъ академіею въ почетные члены и корреспонденты. Въ почетные члены: 1) генераль-губернаторъ восточной Сибири, ген.-ад. гр. Н. Н. Муравьевъ-Амурскій; 2) генераль-губернаторъ западной Сибири, ген. отъ инф. Г. Х. Гасфордъ; 3) Оренбургскій и Самарскій ген.-губер., ген.-ад. А. А. Катенинъ; 4) предсѣдатель археологического общества въ Вильнѣ гр. Е. П. Тышкевичъ; 5) чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Мюнхенѣ, дѣйств. тайн. сов. Д. П. Серверинъ; 6) чрезвычайный посланникъ и полномочный министръ въ Лондонѣ, дѣйств. тайн. сов. баронъ Ф. И. Бруниовъ; 7) инженеръ-ген.-маJORъ П. П. Мельниковъ; 8) инженеръ-ген.-маJORъ С. В. Кербедзъ, и 9) Людовикъ-Луціанъ Бонарпартъ. Въ корреспонденты: по физико-математическому отдѣленію: Байеръ въ Берлинѣ, графъ А. А. Кейзерлингъ, Данъ въ Нью-Гавнѣ, Келликъръ въ Вюрцбургѣ, Декандоль въ Женевѣ, Монтанъ въ Парижѣ; по историко-фил-

логическому отдѣлению: членъ археографической комиссіи Н. В. Калачовъ, юрдъ Томасъ Бабингтонъ баронъ Маколей, въ Лондонѣ; Ритчель въ Боннѣ; Руле въ Гентѣ, и профессоръ Императорскаго С.-Петербургскаго университета Д. А. Хольсонъ.

ОБЩЕЕ СОБРАНИЕ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.— Императорское Русское географическое общество имѣю 3-го декабря третье послѣ лѣтнихъ вакацій общее собраніе, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ вице-предсѣдателя общества, почетнаго члена Ф. П. Листка, присутствовало 98 дѣйствительныхъ членовъ, членовъ-сотрудниковъ и постороннихъ лицъ. Въ началѣ засѣданія секретарь общества сообщилъ краткія извѣстія о занятіяхъ Хорассанской экспедиціи. Начальникъ ея, дѣйствительный членъ Н. В. Ханыковъ, въ письмѣ изъ Герата, отъ 23 сентября, на имя вице-предсѣдателя, уведомляетъ, что, по желанію шаха, онъ отправился 8 апрѣля изъ Астррабада на Шахрудъ и оттуда черезъ Дамганъ прибылъ въ столицу Персіи 22 апрѣля. Его величество шахъ и первые министры приняли живое участіе въ экспедиціи. Г. Ханыковъ снабженъ былъ здѣсь рекомендациими ко всѣмъ Хорассанскимъ властямъ и обставилъ экспедицію самыми благопріятными условіями для изученія страны, куда ей предстояло отправиться. Во все время пребыванія г. Ханыкова въ Тегеранѣ, прочие члены экспедиціи дѣлали поѣздки въ Астррабадскомъ окружѣ, и не смотря на тревожное положеніе края, всѣдѣствіе безпрерывныхъ вторженій Туркменовъ, успѣли осмотрѣть значительную часть этого интереснаго берега Каспійскаго моря. Въ концѣ мая всѣ члены соединились въ Шахрудѣ и въ началѣ іюня отправились на Мезинанъ, Себзеваръ и далѣѣ черезъ бирюзовыя и соляные рудники достигли Нишапура, откуда по гористой и чрезвычайно живописной дорогѣ прибыли 24 іюня въ Мешхедъ. Дорога эта въ общихъ чертахъ мѣстности, по которой она проходитъ, довольно извѣстна: по ней ѿхали Фрезерь, Конолли, Берисъ, Леміль и Бзарамбергъ; но тѣмъ не менѣе изъ совокупныхъ дѣйствій экспедиціи можно ожидать, объ этой мѣстности, много такихъ новыхъ подробностей, которыхъ недоступны одиночному путешественнику. Въ Мешхедѣ экспедиція пробыла семь недѣль, которымъ употреблены были на болѣе или менѣе значительныя поѣздки въ окрестности, на осмотръ памятниковъ и раеборъ интереснѣйшихъ рукописей богатаго книгохранилища имама Ризы,

которое открыто было начальнику экспедиции. Г. Гебель совершил въ это время поездку черезъ Турбети-Хейдари на Турмизъ, Кухимшы Себзеваръ, Кучанъ или Кабушанъ. Оставивъ 14 августа Мешхедъ, экспедиція отправилась далѣе и 3 сентября прибыла въ Гератъ. Отлагая подробности путешествія до другаго времени, г. Ханыковъ препроводилъ донесенія своихъ спутниковъ и сообщаю слѣдующіе результаты экспедиціи: г. Бунге собралъ до 1,300 видовъ растеній, г. Гебель — до 13 большихъ ящиковъ оленѣйостей; г. Ленце опредѣлилъ астрономическія координаты 29 пунктовъ и магнитныхъ 9; гг. графъ Кейзерлингъ и Бинертъ собрали богатыя коллекціи змѣй, пауковъ, насекомыхъ и иѣсколько чучелъ животныхъ высшаго образованія. Наконецъ самъ начальникъ экспедиціи осмотрѣлъ до 25 памятниковъ, болѣе или менѣе нѣвѣрно описанныхъ его предшественниками, собралъ замѣчанія о дialectахъ Персидскаго языка, на протяженіи пройденного пути, равно-какъ и свѣдѣнія обѣ особенности племенъ, обитающихъ въ этой сѣверной части Хорассана. Во все время путешествія производились постоянныя метеорологическія наблюденія и наконецъ произведена съемка пространства до 27,000 квадратныхъ верстъ. Затѣмъ сообщены были въ это-же собраніе краткія извлечения изъ отчета г. Бунге о характерѣ растительности и ботанической физіономіи сѣверо-восточной части Персіи, и донесеніе г. Гебеля о совершенныхъ имъ трехъ экспедиціяхъ въ горы, лежащія на югъ отъ Астрабада. Всѣ эти отчеты, равно-какъ предварительныя замѣчанія гг. Ленца и графа Кейзерлинга, будутъ напечатаны въ непродолжительномъ времени въ «Вѣстникѣ» общества. Слѣдѣтъ за симъ главный астрономъ Сибирской экспедиціи, действительный членъ Л. Э. Шварцъ, представилъ собранію краткій отчетъ о дѣйствіяхъ ея въ-течение 1857 года. Объяснявъ занятія каждого изъ членовъ и указавъ на значеніе мѣстностей, въ которыхъ произведены были астрономическія опредѣленія, г. Шварцъ сдѣлалъ общій обзоръ добытыхъ экспедицію результатовъ и привелъ примѣры, насколько полученные опредѣленія должны измѣнить конфигурацію страны сравнительно съ тѣмъ, какъ она обозначается понынѣ на лучшихъ картахъ восточной Сибири. Главные материалы нынѣ оконченной экспедиціи заключаются преимущественно въ опредѣленіяхъ географическаго положенія мѣсть, число которыхъ простирается до 254 пунктовъ, и въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, которые были произведены всѣми членами.

вами экспедиції. Кроме сего ими же составлены маршруты, оби-
мающіе 15,500 верстъ, съ подробнымъ описаніемъ пройденныхъ
мѣстъ и около 50 разспросныхъ картъ прилегающихъ странъ. Мар-
шруты эти пролегаютъ черезъ такія страны восточной Сибири,
которая до прибытія экспедиціи не были посѣщены и безъ тру-
довъ ея оставались бы еще долгое время или совершенными про-
блѣмами, или болѣе или менѣе гадательными изображеніями на кар-
тахъ. Дѣйствительный членъ Д. И. Романовъ прочелъ въ томъ-же
засѣданіи записку объ изслѣдованіяхъ своихъ мѣстности между
заливомъ де-Кастри и мысомъ Джай, на Амурѣ. По распоряженію
начальства, г. Романовъ командированъ былъ въ 1857 г. для вы-
бора наивыгоднѣйшаго направленія дороги между Амуромъ и упо-
мянутымъ заливомъ. Описаніе произведенныхъ имъ работъ, труд-
ностей рекогносцировки, отъ естественныхъ препятствій въ изѣ-
стахъ почти непроходимыхъ, и нѣкоторыя указанія на природу
осмотрѣннаго пространства, составляли предметъ сообщеній г.
Романовыимъ записки. По окончаніи чтенія, объявлено было при-
сутствующимъ о результатахъ балотировки, произведенной въ на-
чалѣ засѣданія. Большинствомъ голосовъ оказались избранными:
иъ должность члена совѣта — Д. П. Хрущевъ, въ дѣйствительные
члены — А. Т. Жуковскій, Л. Суходольскій и П. И. Найдардтъ. Въ-
заключеніе засѣданія, прибывшій изъ-за границы дѣйствительный
членъ П. И. Севастьяновъ представилъ вниманію собранія foto-
графические труды свои по снимкамъ рукописей, хранящихся въ
монастыряхъ Аeonской горы. Особенный интересъ возбудила, по
преимуществу, снятая фотографически полная рукопись Птоломе-
вой географіи, считающаяся древнѣйшимъ и полнѣйшимъ спискомъ
этого творенія. Присутствующіе съ любопытствомъ разматривали
многочисленныя труды г. Севастьянова, положившия начало ново-
му приложенію фотографіи, и выразили ему затѣмъ искреннюю
благодарность за его любопытное сообщеніе.

ОТВѢРГНІИ ДУХОВНОЙ СЕМИНАРІИ ВЪ ТОМСКѢ. — Высочайше утвер-
жденнымъ 21-го октября 1857 года постановленіемъ святѣйшаго
сѵнода разрѣшено было открыть въ городѣ Томскѣ, съ на-
чала 1857, учебнаго года, духовную семинарію въ полномъ си
составѣ, съ причисленіемъ оной къ Казанскому духовно-учеб-
ному округу. Открытие сего заведенія совершилось 21-го сен-
тября 1858, года, въ день св. Дмитрія Ростовскаго. Накану-

нъ означенаго дна ректоромъ семинаріи, архимандритомъ Веніаминомъ, совершено было въ кафедральномъ соборѣ, въ присутствіи всѣхъ семинарскихъ воспитанниковъ, всенощное бдѣніе святителю Димитрію Ростовскому и святителю Иннокентію Иркутскому, просвѣтителю восточной Сибири. Утромъ 21 сентября преосвященнымъ Пароеніемъ, епископомъ Томскимъ, въ сослуженіи ректора и инспектора вновь открываемой семинаріи и въ присутствіи г. управляющаго губерніею, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ и почетнѣйшихъ гражданъ города Томска, совершина была божественная літургія, во время которой на экстеніяхъ присовокупляемы были моленія о благодатномъ преосвѣщенніи пятицѣвъ новаго заведенія. Старшіе воспитанники семинаріи пра се мѣль случаѣ были посвящены въ стихарь и пріобщены св. таинъ. Ректоръ семинаріи, архимандритъ Веніаминъ, произнесъ наизидательное слово на текстъ: «жатва многа, дѣлателъ же мало: молитесь убо господину жатвы, яко да изведеть дѣлатели на жатву свою». Показавъ всю важность для страны новооткрываемаго заведенія, проповѣдникъ приглашалъ всѣхъ къ молитвѣ о преиспѣяніи его, и даваль назидательный наставленія воспитанникамъ семинаріи. По окончаніи літургіи, совершено было благодарственное молебствіе, на которомъ провозглашено многолѣтіе Его Императорскому Величеству и всему царствующему Дому, святѣйшему правительствуопцему Всероссійскому синоду, преосвященному Пароенію, епископу Томскому, начальствующимъ, учащимъ и учащимся во вновь открываемой семинаріи. Послѣ молебствія, въ преднесеніи чудотворной иконы Божіей Матери, нарочно принесенной для сего торжества въ кафедральный соборъ, и иконы святителя Иннокентія Иркутскаго, которою преосвященный Пароеній благословилъ новую семинарію, въ сопровожденіи многочисленнаго народа, воспитанниковъ и начальниковъ семинаріи, почетныхъ гражданъ и знатѣйшаго духовенства города Томска, совершенъ быль крестный ходъ чрезъ главную улицу города, въ зданіе, въ которомъ помѣщается духовная семинарія. По иѣрѣ пшествія крестнаго хода, толпы народа умножались: всякий хотѣлъ приять молитвенное участіе въ дѣлѣ, касающемся цѣлой епархіи; повсюду видно было усердіе, благоговѣніе и живое сочувсгіе молящихся. Стройное пѣніе архиерейскаго хора, умилительныя пѣсни церковныя къ Матері Божіей, ряды духовенства, облаченаго въ свѣтлыя ризы, идущаго съ крестами и

иконами, въ сопровождениі своего архивастыря, густые ряды воспитанниковъ, множество народа, мысль, что торжество сіе даровано Самимъ Богомъ, что въ лицѣ многочисленныхъ духовныхъ воспитанниковъ Господь представляетъ настырей церкви и просвѣтителей небѣдущихъ истиннаго Бога, — все сіе умияло сердце и вызывало умъ къ благоговѣйному созерцанію судебъ Божиихъ о просвѣщениі вѣрою Христовою отдаленныхъ странъ нашего отечества. По окончаніи крестнаго хода, въ залѣ семинаріи совершено было преосвященнымъ Параенiemъ водоосвященіе. Послѣ окропленія святою водою зданія и молящихся, совершенъ быль актъ открытія семинаріи. Инспекторъ семинаріи, іеромонахъ *Владимиръ*, произнесъ рѣчь, въ которой раскрыта мысль, что благочестіе служить основаніемъ общественнаго благосостоянія. Затѣмъ секретарь семинарскаго правленія прочиталъ историческую записку объ открытіи Томской духовной семинаріи и о первыхъ дѣйствіяхъ семинарскаго начальства въ приготовленіи всего нужнаго къ открытію семинаріи. Торжество открытія Томской семинаріи сопровождалось разными, пожертвованіями въ пользу сего заведенія и возбудило живѣйшее участіе въ житѣляхъ города Томска всѣхъ сословій.

(*Духов. бессѣда*).

ОТКРЫТИЕ ВЪ ФЕОДОСІІ ХАЛИБОВСКАГО АРМЯНСКАГО УЧИЛІЩА. — На какомъ бы концѣ нашего общирнаго отечества ни возникало новое учебное заведеніе, для какой-бы національности оно ни предназначалось, событие это не можетъ не радовать сердца каждого, сочувствующаго святому дѣлу образованія народнаго. Свидѣтельницею такого радостнаго события была Феодосія 12 октября 1858 года, — день, въ который совершилось освященіе и открытие, съ Высочайшаго сановнаго, Халибовскаго Армянскаго училища, учрежденаго съ цѣлью доставить молодымъ людямъ изъ Арміи общее гимназическое и въ то же время національное образованіе. Къ участію въ торжествѣ при открытии нового училища приглашены были всѣ служащіе, всѣ почетныя лица въ городѣ, духовныя и свѣтскія, иностранные консулы, Французскіе инженеры-строители Московско-Феодосійской желѣзной дороги, родители принятыхъ въ заведеніе дѣтей, равно-какъ и другіе почетные члены Армянскаго общества Феодосіи и прочихъ городовъ Нахичеванской и Бессарабской Армяно-Григоріанской епархіи. Къ слушанію обѣдни всѣ Армяне собрались въ здѣшней Армянской, во имя св.

Архангеловъ, церкви. Литургія заключена была приличнымъ празднуетому событию словомъ архимандрита Гавриила Айвазовскаго, сказаннымъ по-Армянски на текстъ изъ евангелія: «Иисусъ же рече имъ: оставите дѣтей и не возбраняйте имъ прійти ко Мнѣ: таковыхъ бо есть царство небесное» (Мат. 19, 14.). Проповѣдникъ, въ выраженіяхъ, исполненныхъ живаго краснорѣчія, раскрылъ предъ слушателями весь глубокій смыслъ этихъ дивныхъ словъ Спасителя, сказалъ о томъ, что и дѣти, какъ по ихъ чистотѣ и непорочности сердечной, такъ и по праву членовъ грядущихъ поколѣній человѣчества, призваны къ полному участію во всѣхъ благахъ духовнаго совершенствованія обществъ христіанскихъ; по томъ указалъ на иѣкоторые примѣры изъ народной исторіи со временемъ святаго Григорія, просвѣтителя Арmenіи, заведшаго въ ней первую школы для дѣтей, гдѣ преподавались языки Армянскій, Греческій и Сирійскій; потомъ перешель къ нынѣшнему положенію Армянъ въ Россіи особенно, сказалъ о прizятельности ихъ къ нашему правительству, о заслугахъ Лазаревскаго института въ образованіи Армянъ, наконецъ о цѣли вновь заводимаго училища, обѣ отношеніяхъ къ нему народа, о благородномъ пощертованіи въ пользу училища г. Халибова, имя которого оно носить, обѣ обязанностяхъ воспитателей и проч. По выслушаніи затѣмъ благодарственнаго молебна о здравіи и многолѣтіи Государя Императора и всего Его Августѣшаго Дома, Армяне, равно-какъ и прочие приглашенные посѣтители, собрались въ главную залу училища, гдѣ выставленъ былъ портретъ Его Императорскаго Величества, украшенный зеленью и цветами. Въ начальѣ торжества архимандритъ Гавриилъ сказалъ по-Руски эти краткія слова, дышація чувствомъ теплой благодарности къ Царю:

«Послѣ испрошения благословенія Божія на полагаемое нынѣ начало училищу нашему, послѣ принесенія молитвъ предъ алтаремъ Всевышняго о здравіи, благоденствіи и многолѣтіи Государя Императора и всего Его Августѣшаго Дома, къ кому мы, любезные братія, обратимъ благодарныя сердца наши, если не къ Тому, кто даровалъ намъ право на сооруженіе въ стѣнахъ нашего города этого новаго свѣтильника просвѣщенія для нашего народа? Если не къ государственнымъ сподвижникамъ Его, съ такими благоволеніемъ и такъ милостиво способствовавшимъ нашему смиренному начинанію? Отъ глубины сердцъ нашихъ благодаримъ Тебя, возлюбленнѣйшій Монархъ! Дарованное намъ Высо-

чайшее соизволеніе Твое и правила для училища нашего, Армяне будутъ вѣчно хранить, какъ драгоцѣнную святыню, и съ чувствами вѣриоподданнической любви и преданности къ Престолу Русскому завѣщають ихъ отдаленнымъ потомкамъ своимъ».

За симъ послѣдовало чтеніе отзывовъ г. министра внутреннихъ дѣлъ о Высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе училища и на наименование его Халибовскімъ, равно-какъ и чтеніе Высочайше одобренныхъ для него правилъ, заключающихся, главнымъ образомъ, въ слѣдующемъ: училище должно быть заведеніемъ частнымъ, предназначеннымъ для образования молодыхъ людей изъ Армянъ, безъ различія мѣста ихъ родины и происхожденія, и должно состоять подъ личнымъ руководствомъ и надзоромъ учредителя своего, архимандрита Гавріила Айвазовскаго. Въ училищѣ преподаются всѣ науки, входящія въ составъ общаго гимназического образованія или нужные для посвящающихъ себя торговлѣ, равно-какъ и языки Русскій, Французскій, Армянскій и Турецкій. Весь курсъ ученія дѣлится на шесть классовъ. Дозволяется училищу завести типографію и издавать особый журналъ на Армянскомъ, Французскомъ и Русскомъ языкахъ.

Всѣдѣ за симъ чтеніемъ, хоръ пѣвчихъ, при звукахъ музыки, пропѣлъ народный гимнъ: *Боже, Царя храни!* Потомъ однимъ изъ служащихъ при г. управляющемъ Нахичеванскою и Бессарабскою Армяно-Григоріанской епархію, Г. Гр. К. прочтена была рѣчь о значеніи и важности открываемаго училища для образования молодыхъ Армянъ; рѣчь эта вызвала общее одобрение присутствовавшихъ. Торжество заключилось роскошнымъ обѣдомъ, къ которому приглашены были всѣ присутствовавшіе, т.-е. около ста двадцати особъ. За обѣдомъ провозглашены были тосты: первый — за здравіе Его Императорскаго Величества Государя Императора, сопровождавшіяся троекратнымъ продолжительнымъ *ура!* какъ громкимъ выраженіемъ глубокой любви и преданности къ Верховному Покровителю наукъ и просвѣщенія въ Россіи, второй — за здравіе гг. министровъ внутреннихъ дѣлъ и народного просвѣщенія, Новороссійского и Бессарабскаго генераль-губернатора, Эчміадзинскаго патріарха, католикоса всѣхъ Армянъ, попечителя Одесскаго учебнаго округа и начальника Таврической губерніи, а въ-заключеніе тосты за здоровіе благодѣтеля училища г. Халибова, главнаго виновника его основанія — архимандрита Гавріила, и послѣдній за прощаніе

училища. Громкое сочувствіе встрѣтило эти тосты во всѣхъ присутствовавшихъ,— сочувствіе, выражившееся оглушительнымъ, неумолкаемымъ крикомъ ура!— Вечеромъ зданіе училища было прекрасно иллюминировано.

Такъ отпраздновала Феодосія 12-е октября, день весьма памятный для всего Армянского населения нашего края, встрѣтившаго открытие Халибовскаго училища съ живѣйшею радостю и участіемъ, такъ-что до октября мѣсяца поступило уже въ училище около пятидесяти учениковъ. Явленіе это замѣчательно еще потому, что Феодосійское Халибовское училище, равняясь по кругу преподаваемыхъ въ немъ предметовъ съ гимназіями, не обѣщаетъ между тѣмъ сообщать, въ настоящее время, выпускляемымъ изъ него воспитанникамъ тѣхъ права и преимущества, какими пользуются обыкновенно окончившіе курсъ въ нашихъ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ. Значить, родители, выѣршившіе воспитаніе своихъ дѣтей Халибовскому училищу, ищутъ для нихъ одного образования, а не различныхъ льготъ и привилегій,— образования, основанного на твердыхъ началахъ религіи и нравственности, этихъ источникахъ всякаго блага и общественнаго и частнаго.

Многіе изъ достаточныхъ Армянъ на востокѣ давно привыкли посыпать дѣтей своихъ въ Парижъ, Лондонъ, Венецію и другіе города, гдѣ существуютъ Армянскія школы. Почему не стануть они теперь присыпать ихъ для воспитанія въ Халибовское училище, къ намъ, въ Феодосію, которая издревле славилась населеніемъ въ ней богатыхъ Армянскихъ семействъ, занимавшихъ еще во время Генуэзцевъ обширную часть города въ Кафѣ, и имѣвшихъ здѣсь своего отдельнаго архиепископа до того богатаго, что онъ былъ въ-состояніи устроить на собственный счетъ одинъ изъ главныхъ городскихъ водопроводовъ.

Рѣчь, произнесенная Г. Гр. К. 12-го октября 1858 года, по случаю открытия въ Феодосіи Армянского Халибовскаго училища.

«Настоящій, весьма знаменательный день, милостивые государи, будь отмѣченъ свѣтыми чертами въ исторіи просвѣщенія нашего края.

«Открываемос нынѣ въ Феодосіи, съ воли Державнаго Покровителя просвѣщенія въ Россіи, Армянское Халибовское училище, и

по идѣю своего возникновенія и по тѣмъ богатымъ послѣдствіямъ, какія оно можетъ принести въ недалекомъ будущемъ, достойно особенного вниманія всѣхъ людей мыслящихъ, всѣхъ ревнителей просвѣщенія и друзей человѣчества. Это въ высшей степени религіозно-нравственное предпріятіе, признаваемое таковымъ и правительство и церковью, послужить новымъ орудіемъ для умственнаго развитія и цивилизациіи Армянъ, и притомъ не только тѣхъ изъ нихъ, которые съ-давнихъ-поръ нацели себѣ твердое убѣжище подъ щекровомъ Россіи, но и для цѣлой массы населенія Армянскаго, разсѣяннаго по всему востоку и преимущественно въ тѣхъ странахъ, которыхъ находятся въ близкому соприкосновеніи съ южными предѣлами нашего отечества. Ибо, какъ вы сейчасть слышали, милостивые государи, Халибовское Армянское училище предназначается для образования молодыхъ людей изъ Армянъ—безъ различія иѣста ихъ родины и происхожденія.

«Нужно-ли говорить здѣсь о томъ, какъ важно устройство образовательныхъ заведеній для юношества вообще! Нужно-ли припомнить, что заведенія эти суть важнѣйшіе источники для просвѣщенія народнаго, что стремленіе къ распространенію свѣта образования есть одно изъ главнѣйшихъ началь жизни народной, что просвѣщеніе, въ наше время, составляетъ необходимое условіе могущества для государства и сознательно нравственной жизни для отдѣльного лица? Эти вѣчно-памятныя слова Высочайшаго манифеста нынѣ благополучно царствующаго Государя: «Да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности» —лучше всего говорить о великой важности просвѣщенія народнаго въ жизни государственной. А послѣдовавшій за этимъ манифестомъ особый именной указъ, который гласить: «Признавая одною изъ самыхъ важныхъ государственныхъ заботъ Нашихъ образованіе народное, какъ залогъ будущаго благоденствія Нашей возлюбленной Россіи, Мы желаемъ, чтобы учебныя заведенія вѣдомства министерства народнаго просвѣщенія находились подъ ближайшимъ Нашимъ наблюденіемъ», и рядъ другихъ законодательныхъ мѣръ по части образования свидѣтельствуютъ о той неусыпной заботливости возлюбленнаго Монарха, съ какою Онъ печется о просвѣщеніи своего народа. — И не на однихъ собственно Русскихъ простираются милости въ заботы царскія. Какъ въ семѣ обще-христіанской не должно быть различія, по высокому выраженію словъ евангельскихъ,

между Еликомъ, Ереемъ и язычникомъ, такъ въ глазахъ каждого просвѣщенаго правительства должны быть равны всѣ его подданные, не взирая ни на ихъ религіозныя вѣрованія, ни на различіе ихъ народностей!

«Правительство Русское всегда было проникнуто этими благими началами вѣротерпимости и истинной любви ближняго. Новое доказательство этому мы видимъ въ Высочайшемъ соизволеніи на учрежденіе въ Феодосія, на такихъ широкихъ и благодѣтельныхъ основаніяхъ, Армяно-Халибовскаго училища, торжественное освященіе котораго мы празднуемъ сегодня.

«Племя Армянское, сохранившее на себѣ глубокіе слѣды древне-Персидской цивилизациі, этой, можно сказать, классической цивилизациі древняго Востока, еще такъ мало разгаданной въ наши дни, достойно, поистинѣ, стать предметомъ серіозныхъ соображеній и мужа государственного, и каждого мыслящаго человѣка. Народъ, утратавшій свою политическую самостоятельность и разсѣянный теперь по всѣмъ угламъ земного шара, не стыдившій, чрезъ длинный рядъ вѣковъ и переворотовъ, сохранить свой языкъ, свои религіозныя вѣрованія, свой первобытный характеръ, свои преданія о минувшемъ и надежды на будущее, — народъ этотъ, говоримъ, имѣетъ, следствіено, много задатковъ для своего гражданскаго и нравственнаго существованія, способенъ, следствіено, въ высокой степени для развитія въ немъ современной цивилизациі. Въ этомъ, какъ нельзя болѣе, убѣдять каждого и минувшага историческая судьба Армянъ, и ихъ нынѣшнее общественное положеніе въ тѣхъ государствахъ, гдѣ они пользуются покровительствомъ и защитой.

«Обширная долина Аракса, это сердце Великой Армении, считавшася въ прежнія времена обильнейшимъ и богатейшимъ краемъ на Востокѣ. Она усына была цветущими и многолюдными городами Армянскими. Путешественники всѣхъ временъ и народовъ: Марко Поло, Константина, Шарденъ, Турнефоръ — всѣ восхищались прелестями долины Аракса, и ея многолюдствомъ, а Таверніе, въ 1655 году, говорилъ съ удивленіемъ о богатствахъ собора Эчміадзинскаго. Общежитіе и городская жизнь, съ древнейшихъ временъ, развили въ Армянахъ гражданственность, промыслы, торговлю и любовь къ наукамъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ и страсть къ искусствамъ, роскоши и ко всѣмъ утонченностямъ цивилизованной жизни. Великолѣпные храмы и дворцы древніхъ правителей Ар-

мени отычались изяществомъ и богатствомъ отдељки. Памятники Армянской архитектуры доказываютъ, что искусство это достигло у нихъ самостоятельного развитія. Литература Армянская съ IV и V вѣковъ, а потомъ съ IX и по XIII, богата особенно историческими сочиненіями, указываетъ на высокую степень умственной дѣятельности этого народа. О стремлении Армянского юношества къ просвѣщению упоминаютъ многие писатели древности. Страшные опустошения и бѣдствія народныхъ, постигшія Арmenію въ послѣдующихъ вѣкахъ, останавливаютъ въ ней всѣ эти благородныя стремленія. Но, не смотря на то, Армяне весьма скоро поняли всю важность книгопечатанія, и были однимъ изъ первыхъ народовъ, заведшихъ у себя типографію во многихъ городахъ Азіи и Европы.

«И теперь, въ наше время, Ариане, по ихъ природнымъ способностямъ, дѣятельности и по стремлению къ просвѣщению, считаются полезнейшими членами тѣхъ обществъ, къ которымъ принадлежать.

«Ариане—это вѣчные и дѣятельные труженики Востока.

«Одаренные въ высокой степени духомъ предпріимчивости и склонностью къ торговымъ оборотамъ, они съ незапамятныхъ временъ владѣютъ всѣю торговлею Турціи, Персіи и нашихъ Закавказскихъ провинцій. Ихъ-же предпріимчивой дѣятельности обязаны и города Крымскіе тѣмъ значительнымъ торговымъ движениемъ, которое въ нихъ замѣчается нынѣ.

«Но, для полнаго и всесторонняго развитія этихъ природныхъ свойствъ Армянского племени, для сообщенія имъ разумного и правильного направленія,—въ массѣ народа Армянекаго чувствуется еще большой недостатокъ въ умственномъ и нравственномъ образованіи. Любовь, съ какою юношество Армянское стремится къ просвѣщению, не находитъ себѣ достаточного удовлетворенія въ существующихъ для него учебныхъ заведеніяхъ ни на Востокѣ, ни въ западныхъ странахъ. У насъ, въ Россіи, для образования преимущественно молодыхъ людей изъ Армянъ, существуетъ одновысшее учебное заведеніе, учрежденное въ Москвѣ фамиліею Лазаревыхъ—«Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ». Извѣстить этотъ, какъ единственное учебное заведеніе, въ которомъ юношество Армянское получаетъ высшее образованіе, достопрѣмъ высокихъ похвалъ и глубокой признательности со стороны Арманъ къ его благороднымъ учредителямъ. Виродженіе сорока лѣтнаго своего существованія, заведеніе это успѣло подарить Армянскому

обществу въ Россіи почти всѣхъ образованныхъ и полезнѣйшихъ его членовъ; большую часть наставниковъ и воспитателей открываемаго нынѣ въ Феодосіи училища будутъ составлять бывшіе воспитанники Лазаревскаго института. Такимъ образомъ, Лазаревскій институтъ восточныхъ языковъ служить высшимъ учебнымъ заведеніемъ для молодыхъ Армянъ, и въ этомъ отношеніи достойнымъ образомъ выполняетъ свое назначение, но, по кругу преподаваемыхъ въ немъ наукъ, онъ можетъ дать образованіе только незначительному числу воспитанниковъ сравнительно съ массою народонаселенія Армянского въ Имперіи, простирающагося до 357,538 душъ.

«Изъ среднихъ-же и низшихъ учебныхъ заведеній для Армянъ, у насъ существуютъ только двѣ семинаріи, предназначенные собственно для дѣтей духовнаго званія, и девятнадцать приходскихъ и другихъ первоначальныхъ школъ. Правда, двери нашихъ гимназій и университетовъ широко открыты и для Армянъ, равно какъ и для всѣхъ прочихъ подданныхъ Россіи; но Армянскій языкъ и законъ Божій, по правиламъ церкви Армяно-Григоріанскої, преподаются у насъ только въ нѣкоторыхъ Закавказскихъ гимназіяхъ, а изъ университетовъ только въ одномъ С. Петербургскомъ читаются лекціи Армянскаго языка и литературы, природный-же языкъ и догматы вѣры, которые Армяне пронесли нетронутыми съ первыхъ вѣковъ христіанства, для нихъ весьма дороги и въ настоящее время. Слѣдственно для Армянъ чувствуется настоятельная потребность въ устройствѣ такихъ учебныхъ заведеній, которыя стояли-бы ближе къ народу, въ которыя могли-бы поступать дѣти всѣхъ классовъ и состояній; и, это главное, въ сколь только возможно большемъ числѣ; такихъ заведеній, въ которыхъ юношество Армянское могло-бы получать общее, но вполнѣ современное и основательное образованіе религиозное по правиламъ своей церкви, и вмѣстѣ строго-нравственное, заведеній, изъ которыхъ оно могло-бы выносить запасъ разнообразныхъ научныхъ и практическихъ свѣдѣній, необходимыхъ въ жизни для каждого гражданина, къ какому-бы званію или состоянію онъ ни принадлежалъ.

«Архимандритъ Гаврілъ Айвазовскій, извѣстный давно, какъ усердный дѣятель на поприщѣ просвѣщенія народа Армянского проникнутый горячою любовию къ своимъ единовѣрцамъ, умѣль угадать желаніе народное, умѣль огнѣнить этотъ порывъ юношес-

ства Армянского къ образованію, и по его представительству предъ величодушныиъ Монархомъ основывается чынъ Феодосійское Халибовское училище, какъ среднее учебное заведеніе для Армянскаго юношества. Армяне вправѣ повторить теперь прекрасныя слова, которыми начинаетъ и оканчиваетъ одно изъ послѣдній своихъ сочиненій покойный профессоръ Московскаго университета Руліе: «Шли мы долго, и вотъ не въ дальнемъ краю, гдѣ на эгнѣ видать, начали прорѣзываться два-три луча солнца, катившагося по небесному своду; и выкатило солнце передній край свой. Свѣтаетъ.... въ путь иора».

«Правительство наше, созиная всю важность учреждаемаго училища, и имѣя въ виду единственную цѣль — просвѣщеніе народное, встрѣтило мысль учредителя съ полнымъ благоволеніемъ, и въ высокомъ довѣріи къ его опытности и ученымъ трудамъ, даровало училищу такія правила и преимущества, которыя ставятъ его въ разрядъ заведеній вполнѣ самостоятельныхъ и заключающихъ въ себѣ всѣ элементы для стройнаго дальнѣйшаго своего развитія.

«Государь Императоръ, оцѣнивая по достоинству благодѣтельное похертованіе, сдѣланное въ пользу Феодосійского Армянского училища Артеміемъ Павловичемъ Халибовыиъ, Высочайше соизволили на наименование этого училища Халибовскимъ. Съ тѣмъ вмѣстѣ Его Императорскому Величеству благоугодно было повелѣть объявить Халибову, за его похертованіе, Монаршее благоволеніе. Отныне благодарная память о жертвователѣ и слава о его щедромъ приношеніи на пользу пресвѣщенія своихъ единоплеменниковъ будутъ предаваться отъ поколѣнія къ поколѣнію, и перейдутъ къ отдалениѣйшимъ потомствамъ.

«Прочтенія предъ этимъ правилами Халибовского училища указываютъ милостивые государи, яко на ту цѣль, съ которой оно созидается. Заведеніе это имѣть характеръ общеобразовательный; молодое поколѣніе Армянъ будетъ получать въ немъ образованіе религиозное и нравственное, возможно-полное и основательное. Воспитаніемъ будугь пользоваться, въ возможно-широкихъ размѣрахъ, дѣти не только богатыхъ и достаточныхъ, но и бѣдныхъ и неимущихъ родителей.

«Ибо цѣль училища, опять повторяемъ, заключается въ томъ, чтобы какъ можно шире разширить свѣтлѣйшее образованіе въ массѣ на-

родной, чтобы свѣтъ этотъ проникалъ и въ лавку торговца, и въ скромную квартиру ремесленника, и въ бѣдную книжину селянина. Съ этомъ-же высокую цѣлью дозволено училищу завести типографію и издавать на Армянскомъ, Французскомъ и Русскомъ языкахъ особый журналъ, какъ единъ изъ могучихъ органовъ просвѣщенія народнаго въ наше время.

«Этотъ новый знакъ милости Монархіи къ Ариянамъ долженъ вызвать любовь и преданность ихъ къ Царю, и вызвать чувство искренней благодарности къ Русскому правительству.

«Остается пожелать теперь, милостивые государи, чтобы этотъ вновь заводимый разсадникъ просвѣщенія въ нашемъ краю пропагнать и благоденствовать подъ єдину Россія, чтобы это вновь насаждаемое дерево расло, укоренялось, крѣпало и дало зреілые и добрые плоды».

(Слв. я.)

ЕЩЕСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ У МЕНОНИСТСТВЪ. — Въ Одесск. вѣсти. напечатано описание находящихся въ Херсонской губерніи менонитскихъ колоній. Г. Пальмосский, авторъ этого описания, объ общественномъ образованіи менонистовъ сообщаетъ слѣдующее:

«Въ тѣсной связи съ религіознымъ устройствомъ менонистовъ находится ихъ общественное образование, на которое проповѣдники также имѣютъ влияніе, раздѣляемое ими съ мѣстнымъ начальствомъ колоній и комиссию сельского хозяйства. Въ устройствѣ школъ, которая какъ по наружному ихъ виду, такъ раздо и по состоянію учебной части, во многихъ отношеніяхъ можно назвать образцовыми, Хортицкій округъ, наравнѣ съ Молочанскимъ, занимаетъ первое мѣсто между колоніями южнаго края Россія, что слѣдуетъ приписать бдительному надзору иѣстнаго начальства, а также и тому, что ученіе въ школахъ тщѣ продолжается дѣлѣ и самое посѣщеніе ихъ учениками производится исправнѣ. Сверхъ-сего успѣшному ходу ученія немало способствуетъ и то обстоятельство, что таможнія колоніи менониты, и съдовательно число учащихся не чрезмѣрно велико, что даетъ возможность наставникамъ имѣть болѣе старательное наблюденіе за занятіями учащихся и способствовать болѣе успѣшному приобрѣтенію имъ познаній, соотвѣтственно способностямъ каждого изъ нихъ. Въ сельскихъ приходскихъ школахъ, находящихся по одной въ каж-

дей колонії, е исправное посыщение которыхъ нальено въ непрѣмѣнную обязанность, лежащую на отвѣтственности родителей и родственниковъ учащихся, получаютъ образование мальчики и девочки отъ 6 до 14 лѣтъ. Ихъ тамъ учать чтенію и письму на Нѣмецкомъ языке, катехизису, священной исторіи, начальныхъ привычкамъ арифметики и Нѣмецкой грамматикѣ, краткой общей географіи и пѣмъ по цифрамъ, введенному въ употребленіе при богослуженіи. Содержаніе общественныхъ домовъ, въ которыхъ появляются школы, и плата наставникамъ, большей частию довольно свѣдущимъ и опытнымъ въ дѣлѣ преподаванія, производится изъ суммъ, собираемыхъ отъ мѣрского сбора, обязательного для всѣхъ членовъ общества колоніи; платы-же съ учениковъ въ ученица не взимается никакой. Ежегодно изъ школъ выходить окончившихъ курсъ ученин болѣе 100 человѣкъ обоего пола и съ каждымъ годомъ число учащихся возрастаетъ въ замѣтной прогрессіи. Потребность распространенія между поселенцами Русскаго языка и болѣе многостороннихъ свѣдѣній подала поводъ къ основанію въ колоніи Хортицѣ въ 1844 году, незадолго отъ существующей тамъ элементарной школы, главнаго центральнаго училища, которое въ настоящее время служитъ разсадникомъ высшаго образования въ округѣ. Въ сельскихъ школахъ воспитываются только вольноприходящіе; въ центральномъ-же училищѣ, кроме сихъ послѣдніхъ, есть и такие ученики, которые живутъ, подъ надзоромъ наставника, въ самомъ училищномъ домѣ, гдѣ они безплатно пользуются пищею, одѣждою и учебными пособіями. Число ихъ ограничено 8. (всѣ мальчики); издержки на содержаніе ихъ и училища и на жалованье учителю покрываются опредѣленною суммою, ежегодно отдѣляемою изъ общественныхъ доходовъ. Для поступленія въ училище на общественное жажденіе избираются премиумъ-стевенно-сироты или же дѣти бѣднѣшихъ членовъ общины, и при этомъ принимаются во внимание какъ ихъ возрастъ, такъ равно и степень познаній въ первоначальныхъ предметахъ, преподаваемыхъ въ школахъ, въ которыхъ они должны предварительно окончить съ успѣхомъ полный курсъ учения. Возрастъ для принятія въ члены общественныхъ воспитанниковъ опредѣляется 14—15 годами, но не болѣе. Это условіе поставлено для того, чтобы лѣта воспитанниковъ, не выходя изъ училища, въ которомъ обученіе продолжается 6 лѣтъ, дозволили имъ быть наставниками въ сельскихъ

школахъ, что составляетъ главную цѣль икъ воспитанія. Въ объемъ преподаванія, замѣчательного основательности и практичности методы, входятъ слѣдующіе предметы: законъ Божій, библейская и церковная исторія, Русскій и Нѣмецкій языки, всеобщая исторія, географія, высшая часть ариѳметики, алгебра, геометрія, физика, чистописаніе, скорописаніе, рисованіе и церковное коровное пѣніе. Всѣ они преподаются на Нѣмецкомъ языкѣ и изученіе ихъ равно обязательно, какъ для внутреннихъ, такъ и для вольнонаемныхъ учениковъ. Число сихъ послѣднихъ, платящихъ за посѣщеніе училища, каждый не болѣе 1 руб. сер. въ годъ, было въ 1856 году 33, въ томъ-же числѣ 28 мальчиковъ и 10 девоочекъ. Ежегодно, предъ наступленіемъ вакацій, которыя бывають въ лѣтніе мѣсяцы, всѣмъ учащимся производится публичное испытаніе въ пройденномъ, а внутреннимъ воспитанникамъ, по окончавши шестилѣтнаго курса,—выпускной экзаменъ, причемъ, оказавшіе удовлетворительные успѣхи и одобренные въ поведеніи получаютъ аттестаты, дающіе право на занятіе въ округѣ общественныхъ должностей. Затѣмъ они, смотря по степени познаній, размѣщаются въ колоніяхъ на должности сельскихъ наставниковъ и писарей, и въ этихъ должностяхъ обязаны безпрекословно проработать столько времени, сколько были содержаны въ училищѣ на общественный счетъ, или-же внести обратно ту сумму, которая была употреблена на ихъ воспитаніе. По истеченіи шести лѣтъ службы, они могутъ ее оставить или-же продолжать, по своему произволу. — Не много лѣтъ прошло со времени основанія центрального училища, а между тѣмъ польза, принесенная имъ, огромна. Теперь всѣ почти учительскія и иконографія общественные должности въ округѣ заняты его питомцами, которые своимъ образованіемъ и нравственностью дѣлаютъ честь воспитавшему ихъ заведенію. Вмѣстѣ съ этимъ Русскій языкъ, на основательное изученіе котораго обращается въ училищѣ особенное вниманіе, постепенно входить въ употребленіе, что способствуетъ болѣе тѣсному сближенію поселенцевъ съ окрестными жителями, равно полезному и необходимому для тѣхъ и другихъ. Въ 1856 году въ училищѣ и 18 школахъ было 837 учениковъ и 744 ученицы. Въ общей сложности учащихся приходится по одному на каждые 6 человѣкъ обоего пола всего населенія округа,—цифра весьма утилитарная, много говорящая въ пользу умственнаго развитія по-

селенцевъ. Изъ совокупнаго вліянія резигті и образованія, вспомоществуемыхъ благими мѣрами правительства, вытекаетъ то пріимѣрное состояніе нравственности, въ-отношениія котораго, какъ и вообще во многихъ другихъ отношеніяхъ, Хортицкіе менонисты могутъ служить образцомъ для всѣхъ поселянъ. Въ ихъ колоніяхъ господствуютъ повсюду благочиніе; пьянство и другія безчинства тамъ не существуютъ и, въ случаѣ обнаруженія гдѣ-либо, строго преслѣдуются не только мѣстнымъ начальствомъ, но и самою общиной, заботливо охраняюще чистоту нравовъ. Добросовѣтное исполненіе обязанностей и примѣрная честность и аккуратность,— вотъ девизъ менониста, руководящій всѣми его поступками. Оттого преступленія тамъ весьма рѣдки и если иногда случаются, то, при недѣйствительности другихъ мѣръ, община спѣшить освободиться отъ присутствія сочлена, запятнавшаго себя порочною жизнью и не подающаго надежды къ исправленію, исключеніемъ его навсегда изъ своей среды, послѣ чего удаленный передается начальству, для высылки, на основаніи колоніальныхъ узаконеній, за границу. Если малочисленность споровъ и тяжбъ между менонистами даетъ весьма выгодное понятіе о свойствѣ взаимныхъ ихъ отношеній, которыя основаны болѣею частію на согласіи и довѣріи другъ къ другу, соединяющихъ членовъ общины въ одну нераздѣльную семью, то еще въ болѣе благопріятномъ съѣтѣ представляется ихъ частный семейный бытъ. Здѣсь вполнѣ проявляется патріархальное начало. Отецъ и мать семейства имѣютъ священное значеніе въ кругу своихъ дѣтей, отношенія которыхъ къ нимъ, какъ въ прочія семейныя отношенія, запечатлены уваженіемъ и любовью. Разумѣется, бываютъ исключенія; но гдѣ же ихъ нѣть? Говорю о большинствѣ, при которомъ не могутъ имѣть значенія немногіе частные случаи, всегда строго осуждаемые общественнымъ мнѣніемъ.»

•

ЗАДАЧА, ПРЕДЛАГАННАЯ НА СОКРАШЕНИЕ КРИТИКИ ГАРЕЛІННА И БАРАНОВА ЗА ОСТАВЛЕНИЕ ИСТОРИИ ВЕЛИКАГО КНІЖЕСТВА ВЛАДИМИРСКАГО. — Въ ознаменование бывшаго, 4 іюля 1857 года, празднества семисотлѣтія города Владимира, почетные граждане Я. П. Гарелінъ и Н. И. Барановъ, желая содѣйствовать составленію исторіи великаго княжества Владимирскаго, изъявили намѣреніе учредить для сего особую премію, на

пожертвованыя ими для сего девиза. По всеподданнейшему до-
кладу о семъ г. министра народнаго просвѣщенія, Государь Им-
ператоръ Высочайше соизволилъ на принятіе академію наукъ
есть означеныхъ лицъ, по 500 р. отъ каждого назначаемыхъ въ
награжденіе автору «Исторіи великаго княжества Владимірскаго» и
на изданіе сей исторіи, съ тѣмъ-чтобы для написанія оной быть
объявленъ конкурсъ, и чтобы премія, которая будетъ выдана за
лучшее сочиненіе, называлась *Гирляндка и Баранова*. Доводъ о семъ
до всеобщаго свѣдѣнія, Императорская академія наукъ пригла-
шаетъ всѣхъ доказателей отечественной исторіи заняться составле-
ніемъ *Исторіи великаго княжества Владимірскаго* на означеной преміи.

Отъ сонскателей требуется: 1) Описать землю Сузальскую до
начала Владимірскаго княжества. 2) Изложить исторію Владимір-
скаго княжества, съ подробнымъ жизнеописаніемъ основателя его,
великаго князя Андрея Юрьевича Боголюбскаго и его преемни-
ковъ, до утвержденія велиокняжескаго сана за князьями Москов-
скими и постепеннаго затѣмъ прекращенія отдѣльного, такъ ска-
зать, существованія княжества Владимірскаго, не только въ поли-
тическомъ, но и въ административномъ отношеніи. 3) Показать
значеніе Владимірскаго княжества въ образованіи сѣверо-восточ-
ной Руси.

Сочиненію, которое будетъ признано лучшимъ и удовлетворяю-
щимъ необходимыи условіямъ основательнаго историческаго со-
чиненія, будетъ присуждена премія въ 1,000 р. сер., а второму за
тѣмъ сочиненію—сумма, какая составится изъ процентовъ съ озва-
ченныхъ денегъ, внесенныхъ въ одно изъ кредитныхъ учрежденій,
до дня окончательнаго разсмотрѣнія конкурсныхъ сочиненій, съ
присоединеніемъ къ тому еще 100 р. съ процентами, пожертвованы-
хъ для сего почетнымъ гражданиномъ Н. И. Барановыи; сія «второстепенная» премія составить около 200 р. Сочиненія будутъ
разматриваться Императорской академію наукъ. Срокъ
представліенія сочиненій назначается 4-е июля 1861 года. Со-
искательныя сочиненія должны быть представлены въ академію
наукъ, безъ объявленія именъ авторовъ; которое должно заклю-
чаться въ приложенной запечатанной запискѣ, носящей на себѣ
девизъ, коимъ снабжено самое сочиненіе.

ПОЖЕРТВОВАНИЕ НА УСТРОЙСТВО УЧИЛИЩА ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ДѢВИЦЪ. — Въ Вятск. губ. въ д. наше чатамо: «Въ собраниі своемъ, съмешемъ въ концѣ октября, Котельническое купеческое и мѣщанское общество выразили, что къ открытію школы для образованія дѣвицъ средняго сословія не только изъявляютъ полное согласіе, но даже стремятся ходатайствовать о скорѣйшемъ учрежденіи въ г. Котельничѣ подобнаго училища, для поиѣщенія коего имѣется свободный общественный домъ; на содержаніе же училища обязались вносить ежегодно, при объявлениіи гильдейскихъ капиталовъ: купцы 1-й гильдіи—по 20 р., 2-й гильдіи—по 10 р. и 3-й гильдіи—по 1 р. сер.; сверхъ-того, при совершенніи браковъ съ женника и невѣсты, съ купцовъ 1-й гильдіи—86 р., 2-й гильдіи—19 р., 3-й гильдіи—5 р., а съ мѣщанъ—80 коп., и при крещеніи новорожденныхъ—сына или дочери—взыскивать: съ купцовъ—1-й гил. 5 р., 2-й гил.—3 руб. и 3-й гил.—1 р. сер. Если-же всѣхъ этихъ сборовъ на покрытие расходовъ по училищу будетъ недостаточно, то употребить на этотъ предметъ, сть разрешенія начальства, часть городскихъ доходовъ, такъ-какъ доходы г. Котельнича въ довольно-хорошемъ положеніи и изъ нихъ можетъ быть выдѣлена часть на содержаніе училища. Таково рѣшеніе Котельническаго купеческаго и мѣщанскаго общества для устройства въ г. Котельничѣ женскаго училища. Но пожертвованія въ Котельничѣ этимъ еще не кончились. Тамошній градской глава, купецъ 1-й гильдіи М. И. Кардаковъ, ревнуя столь великому дѣлу—образованію дѣвицъ, и желая, чтобы открытие училища для дѣвицъ воспользовало скорѣе, объявилъ, что, до формального учрежденія такого училища, онъ вызывается и принимаетъ открыть его на свой счетъ, и съ этой цѣлію жертвуетъ подъ училище безвозвратно собственный свой домъ, и все расходы во училищу въ первый годъ его открытия принимаетъ на себя; сверхъ-того, если онъ будетъ удостоенъ званія попечителя училища, то обязывается вносить ежегодно, доколѣ будетъ попечителемъ, по 100 руб. сер. Пожертвование купца М. И. Кардакова заслуживаетъ величайшей признательности и дѣлаетъ честь благороднымъ его стремленіямъ ио иѣрѣ силъ своихъ способствовать благимъ начинаніямъ правительства—образованію у насъ женщинъ, имѣющихъ неотъемлемое влияніе на улучшеніе гражданственности. Дай Богъ, чтобы благотворительный примѣръ Кардакова напечь достойныхъ соревнователей!»

АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА. — Въ маѣ мѣсяцѣ настоящаго года, въ Ордубатскомъ уѣздѣ, Эриванской губерніи, найдены крестьянами въ землѣ 500 серебряныхъ старинныхъ монетъ и представлены Эриванскому военному губернатору князю-намѣстнику. Монеты оказались весьма рѣдкія и замѣчательныя; одѣ вѣ безъ исключенія принадлежали династіи Джелаліридовъ, чеканенны въ разныхъ городахъ Аравіи, Сиріи, Персіи, Арmenіи и Закавказскаго края, въ 762—779 годахъ хиджры, т.-е. 1361—1380 нашего лѣточисленія, въ смутную эпоху, до Тамерланова нашествія, о которой весьма мало историческихъ сведѣній; монеты эти представляютъ имена хановъ Шейхъ-Овейса, Шахъ-Шаджа (имя, едва-ли не на первый разъ встрѣчающееся въ нумизматикѣ) и Джелаль-Эддинъ-Хуссейнъ-Хана. Онѣ раздѣлены на двѣ коллекціи, изъ коихъ одна состоитъ изъ всѣхъ разнообразныхъ видовъ съ приложеніемъ и дублетовъ, всего 849 штукъ, а другая изъ 151 монеты,— повтореніе тѣхъ-же варіантовъ. Первая пріобрѣнна къ музеуму Кавказскаго отдѣла Императорскаго Русскаго географическаго общества; а вторую предположено представить въ даръ въ эрмитажный музей-кабинетъ.

(Ж. м. сн. д.).

Индійская медицина. — Корреспондентъ Сѣв. ич. сообщаетъ изъ Дауріи слѣдующія любопытныя извѣстія о медицинской практикѣ ламъ: «Лучшіе годы моей жизни я провелъ между Бурятами по двѣ-змѣнъ торговыхъ, изучилъ ихъ языки, нравы, религію и даже медицину. Здѣсь нѣть ни академій, ни медицинскихъ школъ, но практика и книги замѣняютъ все. Медицина ламъ перешла сюда изъ Индіи, вмѣстѣ съ ученіемъ Будды, на языкѣ Тибетскому, на который переведена она съ Санскритскаго. Наши ориенталисты углублялись въ этотъ языкъ лишь со стороны поэзіи, медицина же не тронута ими. Переводъ этихъ книгъ невозможенъ, потому что состоитъ изъ терминовъ. Чтобы понимать ихъ, надо бно первона-чально сдѣлаться Индійскимъ медикомъ, подъ руководствомъ учи-наго ламы. Индійская медицина усовершалась въ-течение тысячелѣтія; каждое столѣтіе обогащало ее новыми открытиями, по большей части изъ царства растительного. Сколько-же терминовъ вакопила она? Важность Индійской медицины доказана исцѣленія-

ми такихъ недуговъ, которые приводили въ тупикъ Европейскую медицину. Говорю не на-обумъ, не шутя, но какъ врачъ и свидѣтель невѣроятныхъ успѣховъ ламскаго лечения. Къ сожалѣнію, медицину Буддийскую многіе почитаютъ шарлатанствомъ и фокусъ-покусами, потому только, что ламы наши не учились анатоміи, и еще потому болѣе, что дивные успѣхи лечения ихъ известны одному только уголку обширнаго Русскаго царства. Позвѣрять ли наши медики, что антиохъ огонь и ракъ не считаются у насъ болѣзнями неизлечимыми? Ихъ уничтожаютъ безъ операций одни-ми внутренними средствами. Средства эти столь просты и неизысканны, что надобно удивляться, какъ не нападаетъ на нихъ Европейская медицина. Гумбольдтъ говоритъ: «Мы дивимся зодчеству древнихъ храмовъ Индіи, подземнымъ работамъ въ Эллорѣ: неужели возможно заключать, что одно зодчество было развито въ древней Индіи, а другое науки были незвестны или почли глубокими сномъ?» Нѣтъ, медицина въ числѣ первыхъ потребностей человѣка. Возьмите любое племя въ полуудиомъ состояніи: оно лишено самыхъ необходимыхъ познаній, но медицина у него существуетъ. Можно ли послѣ этого допустить мѣйнѣ, чтобы въ древней Индіи, существующей нѣсколько тысячъ лѣтъ до нашей эры, медицина не была развита. Наука эта перешла въ Тибетъ, а оттуда разилась по всей восточной Азіи между ламайскими духовенствомъ. Близъ крѣпости Акши, на Китайской границѣ, жилъ недавно знаменитый медикъ лама, дивный цѣлитъ всѣхъ недуговъ душевныхъ и тѣлесныхъ. За Байкаломъ путешествовалъ натуралистъ докторъ Зальбергъ. При спускѣ съ одной горы, лошади разбѣжались, опрокинули тарантасъ, докторъ сильно ударился грудью о перила и кое-какъ довезли его до крѣпости Акши; здѣсь открылся у него сильный кашель съ кровохарканіемъ и сильнымъ колотьемъ въ груди. Сперва докторъ лечилъ самъ себя кой-какими средствами; но болѣзнь усилилась до того, что Зальбергъ думалъ уже, что уснетъ въ Акшѣ непробудимъ сномъ. Хозяинъ дома нѣсколько разъ предлагалъ ему обратиться къ извѣстному ламѣ, но докторъ и слушать не хотѣлъ о степномъ лекарѣ. Между тѣмъ болѣзнь усиливалась, и докторъ потерялъ вѣру въ свои лекарства. Умереть, думалъ онъ, все равно, отъ болѣзни или отъ лекарства, по-крайней-мѣрѣ, я испытала эти лекарства. Послали нарочного, за пятнадцать верстъ, въ кумирню, близъ кото-

вой жилъ знаменитый медикъ-лама Мураевъ. Онъ прѣбывалъ съ меди-
каментами, разспросилъ болнаго чрезъ пренощника, ощупалъ грудь,
пульсъ, и далъ больному порошокъ, вечеромъ другой, а наутро въ
третій, потомъ четвертый, а вечеромъ въ пятый. Больной выздоровѣлъ.
Онъ самъ разказывалъ, что послѣ приема первого порошка уняла
жаръ въ груди и дыханіе сдѣжалось свободнѣе. Потомъ стало умень-
шаться кашель и кровохарканіе. Все это совершилось очень скоро и
примѣтно. Само-собою-разумѣется, что докторъ понималъ свою бо-
льнину, и смотрѣлъ на исходъ ея безъ предубѣжденія, и, отнінувъ
честолюбіе, торжественно говорилъ, что Индійская медицина въ-
вратила ему жизнь. Вотъ другой примѣръ. Къ ламѣ и медику Мураеву
явился крестьянинъ съ ужаснымъ ракомъ на верхней губѣ. Зубы
и десна были открыты, язва приближалась къ носу. Отвратительно
было смотрѣть на обезображенаго мужичка. Лама далъ ему чо-
рошши для внутренняго употребленія, и мазь для наружнаго. Дней
чрезъ пятнадцать является къ нему крестьянинъ, и чубураль въ
моги. «Спасибо тебѣ, отецъ родной! Поставилъ меня на ноги!»
Рана у больнаго зажила, только на губѣ остались рубцы и меболь-
шая щербина. Такова медицина Индійская, дѣйствующая скоро
и сильно. Много-бы можно привести примѣровъ чуднаго исцѣле-
нія, но мало найдется вѣрующихъ. При посольствѣ графа Го-
ловина въ Китай былъ докторъ Реманъ. Живучи за Байкаломъ,
онъ познакомился съ одицѣ ламою, человѣкомъ любознательнѣмъ,
молодымъ и отличнымъ практикомъ. Усмотрѣвъ необыкновенные
медицинскія способности въ молодомъ ламѣ, Реманъ захотѣлъ ус-
овѣщемствовать илл.; увезъ его съ собою въ Петербургъ, и запи-
салъ въ медико-хирургическую академію въ качествѣ студента и
практика. Лама удивлялъ всѣхъ практикою свою, но, къ-сожалѣ-
нію, умеръ чрезъ два года. Городъ Иркутскъ не бѣденъ лекари-
ми: тамъ появляются иногда и знатоки своего дѣла, но сколько
больныхъ отправляется за Байкалъ, пользоваться лекарствами на-
шихъ ламъ, и сколько изъ нихъ возвращаются здоровыми, какъ ни
ни чѣмъ не бывало! У ламъ есть медицинскія книги, по которымъ
они учатся и практикуютъ. Книги эти:

- Шаджотъ — анатомія.
- Джаджотъ — патологія.
- Макъ-а-джотъ — физіологія.
- Лхинтос-чимбо — терапія.

«Имена чутъ-ли не Санскритскія. Къ сожалѣнію, книги эти до сихъ-поръ неизвѣстны Европейской медицинѣ. Въ человѣкѣ находять соединеніе всѣхъ началь, всѣхъ силъ природы, а потому называютъ его сосудомъ вселенной. Въ человѣкѣ считаются пять главныхъ внутреннихъ частей, т.-е. сердце, печень, легкія, почку и селезенку. Триста шестьдесятъ сухихъ и кровоносныхъ жилъ, которыя соединяются въ узлы у горла, пупка и крестца. Главнымъ дѣятелемъ жизни признается желудокъ, а потому наполнять его пищею должно только до двухъ третей; остальная часть нужна для правильного обращенія соковъ, переходженія ихъ въ жилы и обращенія въ кровь. Болѣзней считается 404 главныхъ и 1,250 частныхъ. Изъ главныхъ 101 происходятъ отъ дѣйствія звѣздъ духовъ, 101 исцеляются одною діетою, безъ медицинскихъ пособій, 101 болѣзни вылечиваются лекарствами и наконецъ 101 признаются рѣшительно неизлечимыми. По этому легкому, едва примѣтному очерку трудно судить о медицинѣ ламайской. Кто однажды не замѣтитъ, что тутъ смысль дѣльного съ мечтательнымъ, какъ и во всей Азіатской философіи! И сквозь суетѣrie проглядываетъ истина. Въ Нерчинскѣ живеть почетный гражданинъ М. А. Зинзиновъ, природный медикъ, ботаникъ, агрономъ и литераторъ. Двадцать пять лѣтъ изучаетъ онъ ламайскую медицину, и перевѣзъ вѣкоторыя книги на Русскій языкъ, научилъ терапевтическому лекарству, имѣть большой запасъ иль, и пользуется та-кою медицинскою извѣстностью, что многие изъ ламъ прѣѣзжаютъ къ нему за советами. Не пріѣдетъ-ли какому-нибудь любознательному медику охота войти въ сношенія съ г. Зинзиновымъ, чтобы познакомиться съ древнею медициною Индіи, про которую въ Сибири говорять столь много чудеснаго? Кто знаетъ, что въ ней лѣтъ и половины того, въ чёмъ подозрѣваетъ ее медицина Европы, т.-е. парлатанства и фокусовъ. Г. Зинзиновъ давно жаждетъ войти въ сношенія съ какимъ-нибудь умнымъ медикомъ; но уголъ, въ которомъ онъ живетъ, въ 7,000 верстахъ отъ Петербурга, въ которомъ все пронитано Европою. Нѣсколько разъ взглаждалъ г. Зинзиновъ о Тибетской медицинѣ, и гласть его волняла въ пустынѣ. Почему-бы не выписать изъ Забайкальской области самого искуснаго въ медицинѣ ламы и не испытать его леченія въ какомъ-нибудь лазаретѣ? Всѣ лекарства были въ началь своемъ простонародныи. Наука испытала ихъ и усвоила. Ученые общества забо-

тятся о собраніи народной медицины, а ламайская имъ рѣшительно чужда. Пора уже разрабатывать общественные рудники. Довольно и послужили Европѣ».

ПРИМІРНИЙ УСТАВЪ НОВАГО ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ОБЩЕСТВА ПЕРЕВОДЧИКОВЪ^(*).— Между причинами образованія народовъ должно почитать дѣйствительнѣйшою сношенія ихъ между собою посредствомъ торговли и словесности. Основаніе, такъ-называемой, республики ученыхъ, собратство всѣхъ писателей, занимающихся умственными предметами, и переписка какъ частныхъ людей, такъ и академій, сдѣлали между Европейцами иѣкоторую нравственную связь, по которой всѣ частныя изобрѣтенія, все движение умовъ, игновенно переходятъ отъ народа къ народу, отъ человѣка къ человѣку, и служить первѣйшимъ побужденіемъ къ общему усовершенствованію. Такимъ образомъ лучъ просвѣщенія озаряетъ почти въ одно мгновеніе всѣ народы Европейскіе, и иѣть открытія,

(*) Статья эта писана Андреемъ Кайсаровыемъ, во время бытности его профессоромъ Русской словесности въ Дерптскомъ университѣтѣ, около 1812 года, и, не смотря на разстояніе слишкомъ въ сорокъ лѣтъ, она не потеряла еще для насъ совершенно свѣжести въ большей части своей. Есть, стало-быть, въ ея содержаніи что-то существенное, не прекращающее, и потому время-отъ-времени всплывающее на поверхность, коль-скоро представится тому благопріятное мгновеніе. Такъ, съ небольшимъ годъ минуло, какъ г. В. Ламанскій въ одномъ изъ нашихъ журналовъ, въ прекрасной и основательной статьѣ своей: «О распространеніи знаний въ Россіи», вышедшей послѣ и отдельно (С. Петербургъ, 1857 г., въ 4-ку, 48 стр.), то-же въ полномъ смыслѣ слова предлагаетъ намъ, что и Кайсаровъ за сорокъ пять лѣтъ предъ симъ. Еслибы Кайсаровъ дожилъ до нашего времени, онъ неизначе-бы выразился обѣ этомъ. Стало-быть, мысль того и другаго дѣйствительно стоять того, чтобы осуществленіемъ ея занялись люди, какъ можно менѣе разсчитывающіе на недальновидность не ближняго, смотрящіе на читающихъ, какъ на простыхъ потребителей поставляемаго подрядчиками; «чтобы любители наукъ и истинные патріоты», — по выражению Ломоносова, — «въ пользу и славу Россіи къ сему достохвальнѣйшему дѣлу труды свои обратили». Къ осуществленію этой мысли, надо признаться, существуетъ всегда и вездѣ одно и то-же, и притомъ единственное средство — соединенный усилиемъ людей по призванію, другими словами: «Общество переводчиковъ», какъ называлъ его Кайсаровъ, или-же «Общество распространенія знаний», какъ выразился г. Ламанскій.

полезного для одного, которое бы не сдѣжалось полезнымъ и для другихъ.

Науки и изобрѣтенія передаются словомъ и сочиненіемъ. Они тогда могутъ называться принадлежностью какого-либо народа, когда излагаются на языкѣ онаго посредствомъ подлиннаго сочиненія, или перевода. Собрание подлинныхъ сочиненій и переводовъ составляетъ нравственное сокровище народа. Хотя Россія, вступившая, со временемъ Петра Великаго, въ число Европейскихъ державъ, и много сихъ пріобрѣла общихъ и частныхъ выгодъ, однако же все еще не достигла той образованности, которая есть у другихъ. Сие произошло отъ разныхъ причинъ, изъ которыхъ двѣ важнѣйшия суть: недавность нашего существованія, и слишкомъ сильное стремленіе къ употреблению иностраннаго языка. Первая причина изгладится временемъ, вторая требуетъ искотораго объясненія.

При первомъ взглядѣ кажется, что не только обученіе иностраннаго языка не есть препятствіе къ образованію народному, но содѣйствуетъ къ возстановленію тѣснѣйшаго союза между людьми,—союза, который мы представили основаніемъ общаго просвѣщенія, конечно, сколь долго сіе обученіе заключается въ должностной соразмѣрности. Но ежели мы начнемъ и писать, и говорить, и думать на чужихъ языкахъ, сіе не будетъ ли ужаснѣйшимъ злоупотребленіемъ?

Мы видимъ изъ примѣра Франціи, Германіи и другихъ народовъ, что они не имѣли отечественной словесности до-тѣхъ-поръ, пока всѣ ихъ ученые говорили и писали на Латинскомъ языке. То-же явленіе предстоитъ и намъ. Французскій и Нѣмецкій языки занимаютъ у насъ мѣсто Латинскаго, не только въ воспитаніи, но и въ самомъ обращеніи жизни. Мы разсуждаемъ по-Нѣмецки, мы шутимъ по-Французски, а по-Русски только молимся Богу, или бракимъ нашихъ служителей. Здѣсь, въ Лифляндіи, Нѣмецкій языкъ такую имѣть употребительность, что, послѣ столѣтняго приобрѣтенія сего края, нѣтъ ни одного человѣка, который бы умѣлъ сказать слово по-Русски безъ чужеземнаго ударенія. Тамъ, въ нашихъ столицахъ, Французы такъ завладѣль обычаями, что едва-ли найдемъ одну женщину дворянскаго званія, которая бы умѣла связать десять словъ Русскихъ правильно и безъ ошибки. Сие было бы только странно и смѣшино, ежели-бы не имѣло дру-

гихъ пагубныхъ посльствий. Я отдаю должную справедливость молодымъ людямъ XIX столѣтія: они болѣе чувствуютъ необходимость заниматься отечественнымъ языкомъ, чо и они не совсѣмъ еще освободились отъ влиянія чужестранной словесности. Они изображаютъ мысли свои по-Русски и чувствуетъ какъ Русскіе, но учатся и приобрѣтаютъ познанія по чужестранному и на чужестранныхъ языкахъ. Изъ сего слѣдуетъ, что, для достиженія одной цѣли, имъ надобно иметь сложное орудіе. Во Франціи каждый Французъ можетъ однимъ Французскимъ языкомъ образовать себѣ совершенно. А у васъ посредствомъ одного Русскаго языка почти никакого образования получить не можно. У насъ *нельзя словесности, отъ тою, кѣль отечественнало воспитанія, а нельзя воспитанія отъ тою, чо еслъ мы болѣе или менѣе поддержемъ вліянію чужестранной словесности.*

Обращаясь въ семь порочномъ кругу дѣйствія, Россіяне раздѣляются на два, весьма отличные, разряда. Первый, принадлежащий къ новому состоянію Россіи, прачастенъ общему образованію Европы. Другой, напротивъ-того, оставшійся въ прежнемъ невѣжествѣ, не имѣть никакихъ средствъ къ дальнѣйшему образованію. Какъ соединить сіи два разныхъ народа въ Русскомъ народѣ? Какъ сдѣлать, чтобы образованіе одинъ могло служить къ просвѣщенію другихъ? Для разрѣшенія этой задачи предлагаю учредить *общество переводчиковъ.*

Первая мысль о таковомъ учрежденіи подана мнѣ была приятѣмъ Екатерины, которая сама, съ нѣкоторыми особами своего двора, предпринимала переводъ разныхъ полезныхъ книгъ, а именно: Велисарія и т. д. Сія первая мысль утвердилаась, когда я прочиталъ на Русскомъ языке непонятный переводъ сочиненій г. Жомини. Наконецъ она дошла до очевидной достовѣрности, когда, разбирая каталоги нашихъ книгопродавцевъ, я нашелъ, что большая часть переводчиковъ посвятили свои труды на преложеніе дурныхъ романовъ, чѣмъ испортили и вкусъ и понятіе нашей публики.

Прибавимъ къ сему, что Россія, вступая на полянѣ словесности весьма поздно, едва успѣвъ подлинными сочиненіями сражиться съ громадою полезныхъ книгъ, сооруженіемъ въ другихъ

землякъ рукою времени и неусыпными трудами многочисленныхъ писателей. Сие общество будетъ, такъ сказать, необходиимо ступеню для окончательнаго нашего образованія. Оно познакомить самыи выгоднѣйшии образъ весь народъ Россійскій съ просвѣщеніемъ другихъ народовъ. Оно, такъ сказать, дасть право гражданства въ Россіи всѣмъ чужестраннымъ писателямъ. Оно переведеть къ себѣ въ обращеніе величайшій нравственный капиталъ. Оно дасть самой нашей словесности нѣкоторый превосходный ходъ; и мы услышимъ *Русскаго разсуждающаго по-Руски о наукахъ и вещахъ*, конкъ имена сдва-ли теперь извѣстны. Наконецъ оно, помужи переводы частныхъ лицъ, не принадлежащихъ обществу, дасть всѣмъ, чрезъ побудительную причину личной выгода, охоту, желаніе и средства посвятить труды свои полезнымъ упражненіямъ.

Для достиженія этой сложной цѣли вотъ правила, на которыхъ должно основать, по моему мнѣнію, это общество.

1) Общество это должно быть вольно, составленое изъ членовъ вольно записавшихся.

Примѣчаніе. Не должно быть пышнаго имени академіи, или другаго какого-нибудь, сему подобнаго. Лучшимъ нашимъ украшеніемъ будѣтъ извлеченнная польза.

2) Представить этотъ уставъ на одобрение и утвержденіе правительства.

Примѣчаніе. При этомъ можно извѣстить правительство; что общество возьметъ на свою职责, съ удовольствіемъ на себя обязанность переводить чѣмнѣгіи, которымъ ему будетъ угодно издать.

3) Испросить у правительства постоянное положеніе, чтобы можно было безъ дальнѣйшаго сопротивленія цензуры переводить и печатать на Русскомъ языкѣ всѣ книги чужестранныя, коихъ впускъ въ Россію свободенъ, и чтобы дѣйствіе цензоровъ было ограничено единственно наблюденіемъ, чтобы въ переводѣ не было ничего прибавляемо предосудительнаго.

Приложение. Сие непременно нужно для покупки переводовъ отъ частныхъ людей и для распределенія работъ членамъ Общества. Ибо безъ сего положенія не будетъ въ работахъ нашихъ никакой увѣренности, когда *капризъ цензора* можетъ остановить изданіе труда, часто долговременнаго.

4) Испросить еще у правительства право переписываться съ ректорами университетовъ, дабы студентовъ пригласить къ сотрудничеству.

Приложение. Извѣстно, что часто студенты переводятъ романы и продаютъ ихъ по листамъ книгопродавцамъ за весьма умѣренную плату. Общество своимъ содѣйствіемъ прекратить сie неумѣстное употребление времени.

5) Общество принимаетъ въ сочлены свои особь всякаго званія, желающихъ посвятить труды свои на переводы.

Приложение. Каждый будетъ заниматься по своимъ способностямъ.

6) Члены раздѣляются на *простые и правительствующіе*.

7) *Правительствующіе* члены суть тѣ, которые, кроме своихъ трудовъ, принесутъ еще въ даръ обществу, для составленія капитала, 1000 рублей единовременно пожертвованія.

8) Общество раздѣляется на *три отдѣленія* и составляетъ изъ членовъ своихъ *три комиссіи*.

9) *Первое отдѣленіе* занимается переводами съ *древнихъ языковъ*.

10) *Второе отдѣленія* занимается переводами съ *Азіатскихъ языковъ*.

11) *Третье отдѣленіе* занимается переводами съ *Европейскихъ языковъ*.

12) *Первая комиссія* или цензурия занимается разборомъ *переводовъ и сличеніемъ* онъкъ съ *подлинниками*.

Приложение. Изъ занятій этой комиссіи видно, что она должна составиться изъ членовъ всѣхъ отдѣленій; присутствующихъ въ томъ городѣ, гдѣ находится будетъ управление общества.

13) *Вторая комиссія* или казначейская будетъ *занѣдовывать капиталомъ* общества.

14) *Третья комиссія* или типографическая будетъ заниматься изданіемъ *переводовъ* и устроеніемъ типографіи и книжной лавки.

Примѣчаніе. Сіи двѣ комиссіи составляются изъ правительствующихъ членовъ Общества; ибо кому преворучить употребление суммъ, какъ не тѣмъ самимъ, кои ими жертвуютъ?

15) Общее собраніе членовъ выбираетъ правительствующій комитетъ Общества, составленный изъ правительствующихъ членовъ, кои одни могутъ быть выбираемы.

46) При общемъ собраніи, производящемся ежегодно, комитетъ даетъ отчетъ въ занятіяхъ Общества, именуя каждого переводчика и каждую переведенную книгу, съ краткимъ описаніемъ оной такимъ образомъ, чтобы собраніе всѣхъ отчетовъ содѣжалось библиографическимъ описаніемъ трудовъ Общества по порядку времени.

17) Каждый членъ, коего переводъ одобренъ будетъ цензурной комиссией, представлять оный въ комитетъ, который опредѣляетъ рукопись по числу печатныхъ страницъ и приказываетъ казначайской комиссіи уплатить половину оцѣнки переводчику, а рукопись поступаетъ въ полное владѣніе Общества.

18) Рукопись, представляемая въ комитетъ, должна быть переплетена и подписана переводчикомъ, который тою-же самою подписью отречется отъ своего права на сей переводъ.

19) Переводы, получаемые отъ частныхъ лицъ, могутъ быть или куплены по договору, или пожертвованы. Впрочемъ, они подвержены тому-же самому ходу, какъ и труды сочиненій.

20) Казначайская комиссія будетъ вести два, совершенно особливые, счета для денегъ, полученныхъ отъ правительствующихъ членовъ единовременно, и для получаемыхъ постепенно отъ продажи переводовъ.

21) По истеченіи трехъ лѣтъ каждый правительствующій членъ можетъ, когда заблагоразсудить, взять свои 1000 рублей, но съ тѣмъ самимъ онъ лишается своихъ правъ и всякое приращеніе отъ 1000 рублей остается въ пользу Общества.

22) Правительство можетъ опредѣлить отъ себя, сколько хочетъ, правительствующихъ членовъ въ Общество, внеся за каждое лицо по 1000 рублей.

23) Всѣ дѣла въ комиссіяхъ и комитетѣ решаются по большинству голосовъ.

24) Въ случаѣ равенства голосовъ, голосъ президента комиссіи, или комитета, считается за два.

26) Тѣ члены, ком находятся въ отсутствіи, получаютъ каждый свое занятіе; а буде, по особенной довѣренности, нозволено будетъ которому-нибудь изъ членовъ самому выбрать свои занятія, то оставляется на его попеченіе трудиться надъ переводомъ позволенной книги.

(Чт. И и п. Моск. Общ. ист. и др.)

L

И О В О С Т И

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

РУЛЬ ОУЭНА. — Британское общество открыло свое послѣднее засѣданіе 22 сентября 1858 года въ городѣ Лидсѣ (Leeds), подъ предсѣдательствомъ сэра Ричарда Оуэна. *Оуэнъ*, безъ сомнѣнія, первый анатомъ и палеонтологъ настоящаго времени, открылъ засѣданіе рѣчью весьма большою и весьма замѣчательною. Мы приведемъ здѣсь извлеченіе изъ нея, такъ-какъ она имѣеть не минутный интересъ, но касается существенныхъ вопросовъ, которые долгое время составляли и долгое время будутъ составлять важнейшій предметъ науки. Замѣтимъ, что начала, которыхъ держитъся Оуэнъ, давно уже утверждены незыблемо, но что до сихъ-поръ они не проникли въ массу натуралистовъ и въ массу книгъ, такъ-что эти начала, составляющія сущность науки, нѣкоторые ученые считаютъ почти постороннимъ дѣломъ.

Оуэнъ говоритъ:

«Главная цѣль, къ которой, послѣ Жюссье, стремились ботаники, состояла въ усовершеніи естественной системы. Со временемъ появленія сочиненій Кювье, зоологи старались открыть подобныя же отношенія между животными. Великая заслуга Кювье состоитъ въ томъ, что онъ занялся анатомическими изслѣдованіями и привложилъ ихъ къ открытію истинной системы животнаго царства; онъ снова замѣгъ свѣточъ науки, погасшій, казалось, со временеми Аристотеля, и который послѣ Кювье вѣль зоологии по вѣрной дорогѣ быстрыхъ успѣховъ. Не только стали изслѣдовывать устройство животнаго, даже въ мельчайшемъ строеніи его тканей, но изслѣ-

довали также способъ развитія каждого органа, составляющаго его тѣло, начиная отъ зачатка, отъ почки или яйца, и до полной зрѣлости и разрушенія. Такимъ образомъ, съ разсмотрѣніемъ вышеуказанныхъ признаковъ нынѣ соединяютъ изслѣдованіе внутренней организаціи и тѣхъ перемѣнъ, которымъ подвержены органы въ своемъ развитіи; зоология, гистологія и эмбриологія соединяютъ свои результаты и доставляютъ широкую и твердую опору для зоологическихъ обобщеній, для аксіомъ самаго высокаго разряда, если можно такъ выразиться. Нынѣ принимаютъ три главныя основныя начала, которыя могутъ служить намъ руководствомъ и, кажется, лежать въ основаніи устройства животныхъ: *единство яблака, растительное постороннѣе и приспособленіе къ цѣлымъ*. Совершенно независимый рядъ изысканій, вслѣдствіе котораго ученые, изучавши суставчатыхъ животныхъ, видятъ въ органахъ, исполняющихъ отправление челюстей и весьма разнообразныхъ косточекъ, тѣ-же самые элементы, другими словами, гомологическія части, принадлежащія тождественнымъ между собою сегментамъ, составляющимъ все тѣло; и другой рядъ изслѣдованій, вслѣдствіе которыхъ ученые, изучавши позвоночныхъ животныхъ, пришли къ заключенію, что верхнечелюстныя, нижнечелюстныя, язычные, яичистыя, реберныя и тазовая дуги, вмѣстѣ со своими привавками, образующими весьма различные члены, суть видоизмененные элементы существенно сходныя между собою позвоночныхъ сегментовъ, — оба эти ряда взаимно подтверждаютъ одинъ заключенія другаго. Не возможно предполагать, чтобы начало, вѣрное для суставчатыхъ, было-бы можно въ-отношеніи къ позвоночнымъ, и это тѣмъ менѣе вѣроятно, что опредѣленіе гомологическихъ частей становится тѣмъ легче и тѣмъ вѣрѣ, чѣмъ выше организация.

Затѣмъ Оуэнъ объясняетъ важное различіе между *томономией* и *аналогией* органовъ, и потому продолжаетъ:

«Изученіе гомологическихъ частей въ одной системѣ органовъ, въ костяхъ, дало блестательный результатъ, именно привело къ познанію плана, или архетипа высшей группы животныхъ, т.-е. группы позвоночныхъ. Главный успѣхъ, который послѣдуетъ за этимъ, будетъ состоять въ опредѣленіи гомологическихъ частей въ нервной системѣ, въ системѣ мускуловъ, въ дыхательной и сосудистой системахъ, въ пищеварительныхъ, отдѣлительныхъ и половыхъ органахъ той-же группы животныхъ. По моему мнѣнію, несравненно

важиѣ показать гомологію частей въ группѣ животныхъ, устроенныхъ потому-же плану, чѣмъ пускаться въ разысканія отношеній между частями животныхъ, устроенныхъ по очевидно-различнымъ планамъ. То, что сдѣлано и что привято въ основаніе при изученіи гомологическихъ частей позвоночныхъ, должно послужить образцомъ для изслѣдованія членистыхъ и моллюсковъ. Въ-отношеніи къ наружному скелету и его прибавкамъ у членистыхъ, гомологическая отношенія были опредѣлены и изучены съ тщательностю, достойной всякихъ похвалъ. Такого-же рода изслѣдованіе съ успѣхомъ производится относительно моллюсковъ, но основанія для установления видовыхъ гомологій въ этой группѣ менѣе тверды. При настоящемъ состояніи гомологіи въ-отношеніи къ членистымъ, можно полагать достаточно доказаннымъ, что сегментъ наружного скелета не есть полный гомологъ сегмента внутренняго скелета позвоночного животнаго. Точно также нѣтъ взаимной гомологіи между частями и прибавками сегментовъ позвоночныхъ и сегментами членистыхъ. Части, называемыя у насѣкомыхъ и ракообразныхъ-членистыми, ногами, крыльями, плавниками, представляютъ только аналогію съ частями, имѣющими то-же название у позвоночныхъ. Передъ гомологистомъ открывается обширное поле реформы въ-отношеніи къ номенклатурѣ, которая должна выражать его сужденіе о различныхъ степеняхъ сходства органовъ. Вопросы, къ которымъ неизбѣжно приводить философа-наблюдателя путь гомологіи, принадлежать къ числу труднѣйшихъ и отвлеченѣйшихъ. Таковы напримѣръ слѣдующіе вопросы: системы органовъ нервныхъ, мускульныхъ, пищеварительныхъ и половыхъ, имѣютъ ли какое-нибудь сходство, кроме сходства отправленій, въ главныхъ группахъ животнаго царства? Должно ли судить о гомологіяхъ цѣлыхъ системъ по плану въ ходу ихъ развитія въ зародышѣ? Можно сомнѣваться въ томъ, что эмбриология можетъ сама-по-себѣ решить, существуетъ ли гомологія между пищеварительными казацами главныхъ группъ животныхъ. Замѣчательный фактъ, указывающій на слабость эмбриологическихъ признаковъ, представляетъ то обстоятельство, что большія, главныя отдѣленія животнаго царства, основанныя Киеве на сравнительной анатоміи, были въ точности подтверждены недавними изысканіями Бэрса надъ развитиемъ животныхъ. То-же самое случилось въ-отношеніи къ некоторымъ легкимъ видозмѣненіямъ дѣленій Киеве; настоящее иѣсто усоногихъ было найдено Страусь-Дюркгеймомъ и Макле-

емъ (Macleay) посредствомъ сравнительной анатоміи прежде, не-жели Томсонъ открылъ ихъ превращенія. Но если эмбріологіи придавали слишкомъ много значения въ открытіи гомеологій, то, съ другой стороны, изученіе развитія животныхъ привело къ самыи страннымъ и любопытнымъ фактамъ; я хочу особенно указать на тѣ, которые разумѣются подъ общими выраженіями *перемѣнныхъ поколеній*, *партоногенезиса*, *метагенезиса* и пр. Джонъ Гунтеръ первый высказалъ общее предположеніе, «что размноженіе растеній зависитъ отъ двухъ началь: во-первыхъ, каждая изъ частей растенія образуетъ цѣлое, такъ что растеніе способно дать столько новыхъ растеній, на сколько отдѣльныхъ частей его можно раздѣлить; во-вторыхъ, некоторые изъ этихъ частей становятся воспроизводительными органами и производятъ плодородныя сѣмена». Гунтеръ замѣтилъ также, «что первое начало прилагается и ко многимъ животнымъ, размножающимся посредствомъ почекъ или черенковъ, но что, господствуя у животныхъ только самыхъ несовершенныхъ отрядовъ, это начало дѣйствуетъ у растеній на всѣхъ степеняхъ совершенства». Опыты Трамблея надъ прѣсноводными полипами, опыты Спалланцаніи надъ наядами и опыты Боннета надъ травянымившами, указали такія явленія размноженія дѣлевіемъ и внутренними и виѣнными почками у животныхъ, на которыхъ намекаетъ Гунтеръ. Дальнѣйшія изслѣдованія показали, въ какой степени первое Гунтерово начало размноженія органическихъ существъ господствуетъ въ животномъ царствѣ».

Въ числѣ самыхъ блистательныхъ открытій такого рода, безъ сомнѣнія, должно поставить результаты, найденные Кюхемейстеромъ и Зибольдомъ. Указавъ на нихъ, Оуэнъ продолжаетъ:

«Съ-того-времени, когда въ первый разъ было открыто, что растенія и животные могутъ размножаться двумя способами и что животное, развившееся изъ почки, можетъ произвести сѣмена или ячки, изъ которыхъ снова выходитъ животное, размножающееся почками, съ-тѣхъ-поръ, какъ это попереимѣнное размноженіе было наблюдено Шамиссо и Сарсомъ въ такихъ случаяхъ, когда почкородное недѣлимое было по формѣ очень различно отъ яйцероднаго, съ-тѣхъ-поръ предметъ этотъ былъ приведенъ въ систему, обобщенъ, его старались объяснить и онъ вдругъ принялъ весьма любопытное и въ высшей степени важное развитіе вслѣдствіе сочиненія Зибольда подъ заглавіемъ «Настоящій пертоногенезисъ у жутильковъ и пчелъ», — сочиненія, въ которомъ авторъ доказалъ

дѣйственное рожденіе самца у пчелъ. Зибольдъ подвергъ самому строгому микроскопическому изслѣдованию результаты искуснаго пчеловода Цирсона, который нашелъ причину, почему пчелины матки со складчатыми крыльями производили рой, состоящій исключительно изъ однихъ самцовъ. Зибольдъ доказалъ, что самецъ происходит изъ яйца, не подвергающагося никакому влиянию, кроме влияния материального организма, между-тѣмъ-какъ, если яйцо оплодотворено, то изъ него выходитъ самка или рабочая пчела. Подобный, хорошо изслѣдованный явленія партеногенезиса у гидръ показываютъ, что такъ же, какъ въ подобномъ случаѣ у внутренностныхъ червей, животная столь различной формы, что изъ нихъ составляли два различные отряда или класса, въ дѣйствительности суть только два крайніе члена въ циклѣ метагенетическихъ превращеній; акалефа медуза есть только подвижная половая форма бесполого полипа, прикрѣпленного на ножкѣ и производящаго почки, совершенно также, какъ тесемовидная тенія есть половая форма пузырчатой гидатиды. У гидровыхъ полиповъ дѣтины, какъ у растеній, рождаются изъ почекъ и, какъ у большинства растеній, въ видѣ зачатковъ или сѣмянъ; эти зачатки содержатся въ мѣшкахъ, выдающихся снаружи — другая аналогія съ цвѣтеніемъ растеній. Первая свѣдѣнія обѣ этихъ чудесахъ породили надежду, что можно будетъ проникнуть въ тайну происхожденія различныхъ видовъ животныхъ, но до настоящаго времени, во-крайней-мѣрѣ насколько простираются наблюденія, циклъ измѣненій всегда заключенъ; такъ-какъ сѣмя, или оплодотворенное яйцо всегда составляетъ существенный членъ ряда, то аксиома Гарвея *omne vivum ab ovo*, если только относить всѣ матагенетические фазы къ одному и тому-же недѣлиму, примѣняется ко всѣмъ организмамъ, ко всѣмъ существамъ, имѣющимъ несомнѣнныя признаки животныхъ или растеній. Самыя тщательныя наблюденія, сдѣланные надъ существами того и другаго царства, наиболѣе удобными для изслѣдованія первыхъ степеней развитія, представляютъ множество доказательствъ, что первый существенный шагъ зависитъ отъ протоплазматического вещества зародышной клѣточки, или оплодотворяющей клѣточки; первая является въ видѣ ядра или протопласта, вторая — въ видѣ зернистой жидкости. Въ растеніяхъ съ цвѣтами это вещество переносится въ пыльниковой трубочкѣ; у животныхъ и у многихъ безцвѣтковыхъ растеній — посредствомъ подвижныхъ животныхъ. Перемѣны въ формѣ, которымъ подвер-

гається представитель какого-нибудь вида при последовательномъ бесполомъ размноженіи недѣлмыхъ, называются *метагенезисомъ* этого вида. Перемѣны въ формѣ, которыя представитель какого-нибудь вида испытываетъ въ одномъ и томъ-же недѣлмомъ, называются *метаморфозою*. Но въ практикѣ этотъ терминъ применяется только къ тѣмъ случаямъ, когда недѣлмое, во время известныхъ фазъ своихъ перемѣнъ, свободно и дѣятельно, какъ напр. личинка жука, или головастикъ лягушки. Въ-отношениі къ иѣкоторымъ существеннымъ различіямъ въ метаморфозахъ насѣкомыхъ было утверждаемо, что состоянія, соотвѣтствующія безногимъ и безголовымъ личинкамъ двукрылыхъ, шестиногой личинкѣ жужелицъ, шестиногой и усатой личинкѣ Meloe, постепенно являются также у прямокрылыхъ въ то время, когда они еще заключены въ яйцѣ. Альдрю Муррей (Murray) недавно представилъ иѣсколько фактовъ, которые подтверждаютъ такое мнѣніе. Онъ получилъ изъ Африки деревянного идола, за ухомъ котораго тараканъ свѣль свое гнѣздо и который потомъ былъ грубо раскрашенъ туземцами, такъ-что гнѣздо съ яйцами было покрыто краскою. Ни одно изъ насѣкомыхъ не могло выйти не разорвавши гнѣзда и слоя краски; между тѣмъ и то и другое было цѣло. Въ гнѣздѣ нашли: 1) червя, похожаго на личинку въ яйцѣ; 2) коконъ въ яйцѣ, содержащий безкрылое, несовершенно развитое насѣкомое, сбросившее коконъ и готовое вылупиться».

«Весьма любопытно приложеніе микроскопа къ изслѣдованию частицъ вещества, висящихъ въ атмосферѣ; продолжая систематически эти наблюденія помошью задвижныхъ стеколъ, могущихъ захватывать и задерживать атомы атмосферы, можно надѣваться достичнуть важныхъ результатовъ. Мы знаемъ уже, что такъ-называемый красный снѣгъ Арктическихъ и Альпійскихъ странъ есть микроскопический организмъ, состоящій изъ одной клѣточки и растущій на снѣгу. Облачная или туманная пыль, затѣмъвающая атмосферу обширныхъ Сѣверо-Американскихъ лѣсовъ и переносимая далеко черезъ моря, какъ доказано, есть не что иное, какъ плодотворная пыль растений; отъ нее происходятъ пыльные дожди. Дарресть, изслѣдовавъ микроскопически пыль такого рода, упавшую изъ облака въ Шангаѣ, нашелъ, что она состояла изъ споръ нитчатко-циодобнаго растенія, вѣроятно, Trichodesmium erithrocystis, которое растетъ въ Китайскихъ моряхъ и сообщаетъ, имъ особенный цветъ. Вблизи отъ Зеленаго мыса палубы кораблей покрылись од-

нажды тощайшую пылью, въ которой микроскопъ Эренберга открылъ маленькие организмы, преимущественно двураздѣлковыхъ (Diatomeae). Образчикъ, взятый на кораблѣ въ 500 миляхъ отъ береговъ Африки, представилъ Эренбергу многочисленныя виды двухраздѣлковыхъ пресноводныхъ и морскихъ, чрезвычайно сходныхъ съ формами этихъ организмовъ, встрѣчающимися въ южной Африкѣ; известны иногдѣ другіе примѣры такого-же рода. Но здѣсь, какъ и въ другихъ скопленіяхъ наблюдений этого неутомимаго микроскописта, его заключенія не въ той степени удовлетворительны, въ какой хороши самыя наблюденія. Эренбергъ разбираетъ вопросъ, не вѣроятны ли организмы способности заражаться въ атмосфѣрѣ. Онъ думаетъ, что невозможно приписать пыльные дожди ни минеральнымъ веществамъ земной поверхности, ни массамъ пыли, носящимися въ небесномъ пространствѣ, въ полагаетъ, что здѣсь обнаруживается общій законъ, связанный съ составомъ нашей атмосферы,—законъ, по которому въ средѣ воздуха совершается произвольное зарожденіе живыхъ организмовъ, имѣющихъ, во его догадкамъ, нѣкоторую связь съ метеоролитами или периодическими аэролитами. Приверженцы послѣдовательного развитія могутъ рассматривать это, какъ первый шагъ въ ряду восходящихъ превращеній; но беспристрастный наблюдатель увидитъ въ смѣлой гипотезѣ Берлинскаго ученаго только побужденіе къ болѣе тщательному и правильному наблюденію атмосферныхъ организмовъ. Нѣкоторыя недавнія наблюденія ясно показали, что по-крайней-мѣрѣ нѣкоторые изъ этихъ пыльныхъ дождей имѣютъ происхожденіе несогласное со взглядами Эренберга. Вспомнимъ извѣстіе Муррая (Англійскаго посланника въ Персіи), который подробно описалъ облако тощайшей красной пыли, помрачившее атмосферу Багдада и наполнившее ужасомъ этотъ городъ. Образчикъ этой пыли, привезенный Мурраемъ, былъ изслѣдованъ Кеккетомъ, который нашелъ въ немъ только неорганическія частицы, напр. мелкій кварцевый песокъ безъ малѣйшаго слѣда двухраздѣлковыхъ или какого-нибудь другаго органическаго вещества. Ноусонъ получалъ такой-же результатъ при изслѣдованіи вещества изъ дождя мокрой пыли или грязи, упавшаго въ Корфу въ мартѣ 1857 г. Пыль состояла по большей части изъ мелкихъ и угловатыхъ частицъ кварцеваго песка. Вотъ поприще для микроскопистовъ, на которомъ, вѣроятно, самые любопытныя результаты будутъ наградою настойчивыхъ изслѣдований».

Затѣмъ Оуэнъ коснулся ботанической географіи и снова переходитъ къ зоологии.

«Органическая жизнь въ моряхъ гораздо болѣе развита и бо-
льшѣ разнообразна въ животной, чѣмъ въ растительной формѣ.
Наблюденія надъ морскими животными и ихъ мѣстонахожде-
ніемъ повели къ попыткамъ обобщенія результатовъ, и формы,
въ которыхъ выразились эти обобщенія или законы географиче-
ского распространенія, совершенно подобны тѣмъ, которые упо-
требляются въ-отношеніи къ растительному царству, столь-же раз-
нообразному на сушѣ, какъ животное царство въ морѣ. Самая лю-
бопытная форма распределенія морской жизни та, которая подобна
распределенію растеній по высотѣ. Э. Форбесъ выразилъ ее, раз-
граничивъ пять батометрическихъ поясовъ или областей глубины;
эти поясы суть: 1) береговой, 2) близбереговой, 3) срединный, 4)
подсрединный, 5) глубочайший. Формы жизни измѣняются въ этихъ
пяти слояхъ смотря по свойству морского дна, и видоизмѣняются
по тѣмъ первоначальнымъ и творческимъ законамъ, которыми созда-
ны соотвѣтствующіе виды въ дальнихъ мѣстностяхъ при одинако-
выхъ физическихъ условіяхъ, виды близкіе по своей аналогіи. Нату-
ралистамъ остается еще много наблюдать и изучать въ разныхъ
частяхъ земного шара, прежде чѣмъ они построить полную теорію;
но при послѣдовательномъ приближеніи къ этому результату, на-
блюденіе неизрѣдько будутъ часто представлять большой практи-
ческій интересъ. Какая-нибудь раковина, или морская трава, из-
слѣдованная съ точностью въ-отношеніи къ глубинѣ, можетъ пред-
ставить полезныя указанія и драгоценныя свѣдѣнія для мореплава-
теля. Что касается до геолога, то распределеніе жизни въ мо-
ряхъ по поясамъ глубины даетъ ему точку исхода для опредѣле-
нія глубины морей, на которой отложились известныя формациі.

«Еслибы всѣ сухопутныя животные, какія существуютъ въ на-
стоящее время, произошли изъ одного общаго центра въ ограни-
ченный периодъ, всѣхъкихъ тысячъ лѣтъ, то можно-бы было
предполагать, что удаленіе ихъ настоящихъ мѣстонахожденій отъ
этого идеального центра находится въ извѣстной зависимости отъ
различной способности ихъ къ перемѣщенію. Что касается до клас-
са птицъ, то можно-бы думать, что тѣ изъ нихъ, которые лишены
способности летать, или тѣ, которыхъ должны питаться раститель-
ностью извѣстной теплой или умеренной страны, должны быть
найдены въ мѣстностяхъ болѣе или менѣе близкихъ къ первоа-

чальному центру разсѣянія въ этихъ широтахъ. Но что же? не только птицы, но и всѣ другіе классы животныхъ исколко не подчиняются такому правилу. Четырерукія представляютъ три главные отдѣла: узконосыхъ и плосконосыхъ обезьянъ и полуобезьянъ; первое семейство свойственно старому свѣту, второе — южной Америкѣ, а что касается до третьаго, то большинство его видовъ и главный его родъ (*Lemur*) исключительно водятся на Мадагаскарѣ. Изъ двадцати-шести извѣстныхъ видовъ лемурныхъ, только шесть видовъ Азиатскихъ и три Африканскіе».

«Говоря о географическомъ распределеніи четырерукихъ, я напомню, какъ ограничено въ-особенности распространеніе орангъ-утановъ и шимпанзе, сравнительно съ космополитическою способностью человѣческаго рода. Два вида орангъ-утана (*Pithecius*) ограничены островами Борнео и Суматра, два вида шимпанзе (*Troglodytes*) — между тропическимъ поясомъ западной части Африки; они неизмѣнно удерживаются въ этихъ предѣлахъ, кажется, влияниями климата, обусловливающими соединеніе извѣстныхъ растений и спѣланіе извѣстныхъ плодовъ. Климатъ строго опредѣляетъ мѣстообитанія четырерукія по широтѣ. Творческія и географическія причины ограничиваютъ его по долготѣ. Отдѣльные роды замѣняютъ взаимно другъ друга въ одинаковыхъ широтахъ стараго и новаго свѣта и также въ весьма значительной степени въ Африкѣ и Азіи. Но превращеніе орангъ-утана въ шимпанзе и обратно, говоря физиологически, есть вещь невозможна».

«Отрядъ двукопытныхъ преимущественно находится въ старомъ свѣтѣ, где представляется сто-шестьдесятъ-два хорошо определенные вида, тогда-какъ въ новомъ свѣтѣ найдено только двадцать-четыре вида, и нѣть ни одного вида въ Австралии, Новой-Гвинеѣ, Новой-Зеландіи и на островахъ Полинезіи. Жирафа въ настоящее время принадлежитъ только Африкѣ, кабарга — только Африкѣ и Азіи, и изъ пятидесяти опредѣленныхъ видовъ антилопъ изгѣбствиа только одна въ Америкѣ и нѣть ни одной въ центральныхъ и южныхъ странахъ нового свѣта. Палеонтологія расширила наши свѣдѣнія относительно мѣстообитанія жирафы; она показала, что животныя этого рода блуждали по Азіи и Европѣ въ міоценовую и плюценовую эпохи. Геологія указываетъ также на несравненно-большее пространство прежняго обитанія родовъ лошади и слона, чѣмъ-то, которое въ настоящее время занимаютъ живущіе виды. Живущіе нынѣ лошади и слоновыя животныя,

собственно говоря, ведутся только въ старомъ свѣтѣ и слоны только въ Африкѣ и въ Азіи, причемъ виды той и другой части свѣта совершенно различны. Лошадь, какъ это замѣчается Бюффономъ, произвела ужасъ въ туземцахъ Америки, но существовалъ видъ лошади современный мегатерію и мегалониксу, и, вѣроятно, исчезнувшій выѣхѣть съ нами предъ наступлениемъ человѣческаго периода. Слоны питаются преимущественно листьями деревъ; одинъ изъ видовъ находитъ всѣ условия для своего существования въ богатыхъ лѣсахъ тропической Азіи, другой—въ лѣсахъ тропической Африки. Почему же какой-нибудь третій видъ не могъ бы жить на счетъ растительности еще болѣе пышной, орошающей Оренбуго, Эссеквибо, Амазонскую рѣку и Лаплату въ тропической Америкѣ? Геология показываетъ намъ, что по-крайней-мѣрѣ два вида слоновъ: *Mastodon Aadium* и *M. Humboldtii*, почерпали нѣкогда свою пищу изъ этого обильнаго источника выѣхѣть съ большими мегатеріевыми звѣрями. Изъ этого можно заключить, что общее развитіе большихъ лѣсовъ и отсутствіе страшныхъ враговъ составили главныя условия дреанаго существованія слоновыхъ на всѣхъ точкахъ земного шара. Въ этомъ приложеніи результатовъ палеонтологіи къ семейству слоновъ мы видимъ самыя плодотворныя доказательства того, какъ важна палеонтологія для направленій и расширенія познаній, выводимыхъ изъ современной зоологии относительно географическихъ предѣловъ животныхъ формъ».

«Такія соображенія, обращенные къ минувшимъ эпохамъ, подтверждаютъ во многихъ частныхъ случаяхъ выводы зоологовъ, относительно ограниченности и исходной точки обитавія иѣкоторыхъ формъ млекопитающихъ. Совокупность данныхъ, представляемыхъ ископаемымъ Австралійскимъ міромъ, показываетъ, что млекопитающее населеніе этого материка было совершенно таково-же, если не въ пліоценовую, то въ плейстоценовую эпоху, каково оно въ настоящее время, и что оно представляло тельно, подобно беззубымъ млекопитающимъ южной Америки, болѣе многочисленные роды и виды гораздо болѣе гигантскихъ размѣровъ, чѣмъ существующіе нынѣ».

«Но геология открыла еще факты болѣе важные и неожиданные относительно типа сумчатыхъ млекопитающихъ. Въ міоценовыхъ и эоценовыхъ третичныхъ пластахъ нашли сумчатыхъ ископаемыхъ, изъ Американскаго рода *Didelphys*, названы ихъ во Франціи и въ Англіи и притомъ выѣхѣть съ тапирами, подобными

Американскому тапибу. Въ бояже древній геологіческій періодъ въ верхнемъ оолітѣ острова Пурбека нашли остатки сумчатыхъ, изъ нихъ одинъ наскомоидный, *Spiracotherium* и *Trisodontodon*, другія съ зубами, подобными переднимъ кореннымъ Австралійского рода *Hyracotherium*. Въ нижнемъ оолітѣ Стоунесфильда, въ Оксфордшайру, найдены остатки сумчатыхъ, которые изъ живущихъ родовъ сходны съ Австралійскими *Mugilogobius* и *Dasyurus*. Все это доказываетъ, что чѣмъ глубже мы проникаемъ въ землю, или другими словами, чѣмъ раньше беремъ время, тѣмъ бояже удаляемся отъ настоящихъ законовъ географического распространенія. Если сравнить ископаемыхъ млекопитающихъ, найденныхъ въ плеистоценовыхъ и плеюценовыхъ пластахъ Великобританіи, то окажется, что часто нужно обратиться къ Азіи и къ Африкѣ, чтобы найти гомологическія формы. Въ міоценовыхъ и въ эоценовыхъ пластахъ встрѣчаются иѣкоторыя ископаемыя, которыхъ заставляютъ искать своихъ представителей даже въ Америкѣ. Чтобы найти животныхъ, соответствующихъ известнымъ ископаемымъ остаткамъ оолітовыхъ формаций Англіи, нужно перейти къ антиподамъ. Вотъ факты, которые, безъ сомнѣнія, наводятъ на многія размыслинія. Если настоящіе законы географического распределенія находятся въ большой зависимости отъ настоящей формы и настоящаго положенія материковъ и острововъ, то каково должно быть полное измѣненіе географического характера земной поверхности, съ тѣхъ-поръ, какъ сланцы Стоунесфильда отложились въ мѣстѣ, называемомъ нынѣ Оксфордшайромъ!»

«Такія и подобныя соображенія относительно географического распределенія особенныхъ формъ, или отдѣльныхъ группъ животныхъ, должны привести насъ къ мысли, что явленія, касающіяся нынѣшнаго распределенія суши и морей, недостаточны для того, чтобы привести насъ къ опредѣленію первичныхъ онтологическихъ дѣленій земной поверхности. Послѣднія попытки, сдѣланыя въ этой любопытной области естественной исторіи, имѣли цѣлью опредѣлить, было-ли иѣсколько послѣдовательныхъ твореній животныхъ и растеній, и если иѣсколько, то сколько именно. Но я позволю себѣ заявить, что открытие двухъ отдѣловъ земного шара, имѣющихъ совершенно различные формы и фазисы, ни въ какомъ случаѣ не представляетъ достаточнаго основанія, по которому можно заключить о двухъ отдѣльныхъ актахъ творенія. Такое заключеніе, быть можетъ, безоснательно соединено съ пред-

стремлениемъ известного исторического времени творческихъ актовъ; оно предполагаетъ, что отды земли, столь тщательно раскопанный ботаниками и зоологами, составляетъ иѣкоторое отдыное и первичное твореніе и что его географическая границы и главныя черты вообще остались тѣ же, какими они были, когда раздалось творческое: *да будетъ*. Но геология показала, что это вовсе не вѣрно въ отношеніи къ частямъ обсохшей земли, называемыхъ нынѣ материками и островами. Безчисленные картины прошлыхъ временъ, озаренные этой наукой, представляютъ намъ послѣдовательные периоды, въ теченіе которыхъ относительныя положенія земель и морей постоянно измѣнялись. Въ настоящее время направления и до иѣкоторой степени формы потопленныхъ земель, соединявшихъ иѣкогда вынѣшний островъ съ материками и даже соединявшихъ нынѣ раздѣленные материки, должны быть обозначаемы на географическихъ картахъ, представляющихъ на глядь эти послѣдовательные измѣненія и превращенія земной поверхности. Эти явленія не позволяютъ намъ оставаться въ убѣждѣніи, что напр. Apteryx Новой-Зеландіи и Tetrao Scoticus Англіи суть отдыны творенія, назначенный именно для этихъ острововъ. Всегда должно помнить, что подъ словомъ *творение* зоологъ понимаетъ «дѣйствие, для него совершенно неизвѣстное». Наука еще не опредѣлила второстепенныхъ причинъ которыхъ дѣйствовали, когда земля была покрыта только травами, приносящими свое, и когда воды изводили всякую породу живыхъ существъ. Если даже предположить, что фактъ произвольного зарожденія былъ бы научнымъ образомъ доказанъ для плодового дерева или для какой-нибудь рыбы, то и тогда мы все-таки упорно сохраняли бы мысль, господствующую въ представленияхъ о твореніи, то есть, что все это явленіе вполнѣ зависитъ только отъ первой Причины, которой мудрости и всемогуществу мы удивляемся. Такимъ образомъ, если зоологъ указываетъ на особенное отношеніе между Tetrao scoticus и Англіею или Ирландіею (я привожу этотъ примеръ, какъ одинъ изъ самыхъ общихъ въ географической зоологии), чтобы показать, что эта птица особенно создана на этихъ островахъ и для этихъ острововъ, то зоологъ этимъ выражаетъ только ту мысль, что онъ не знаетъ, какимъ образомъ эта птица очутилась здѣсь и только здѣсь, а вѣсть съ тѣмъ, по своему способу выражения, указываетъ на свое убѣждѣніе, что, какъ-бы то ни было, эта птица и эти острова произошли отъ одной перво-

начальной творческой причины. Такой анализъ дѣйствительного значенія этой фразы—«отдѣльное твореніе» привелъ меня къ мысли, что если мы пытаемся найти разграничение первичныхъ зоологическихъ группъ земного шара, то мы не должны касаться той области знаній, которая превосходитъ настоящія наши способности, не должны, по мнѣнію Бакона, искать *иѣмъзъ началь семечкъ*.

«Въ немногихъ случаяхъ, когда мнѣ приходилось представить замѣчанія о вѣроятной причинѣ исчезненія вида, я давалъ особенный вѣсъ тѣмъ постепенному изїянію въ условіяхъ страны, отъ которыхъ зависитъ достаточное и сообразное съ природою обиліе пищи. Равнымъ образомъ, въ самыхъ животныхъ я указывалъ на свойства, по которымъ они сильнѣе подвергаются такимъ разрушительнымъ вліяніямъ. Въ одномъ случаѣ я приложилъ эти замѣчанія къ изѣясненію того, что вымерло такое множество большихъ видовъ разныхъ группъ, тогда-какъ маленькие виды, столь-же древніе, остались. Отъ самого объема и отъ массы тѣла зависитъ трудность борьбы, которую каждое органическое цѣлое должно выдержать противъ вицѣнныхъ дѣятелей, постоянно стремящихся разрѣшить жизненный узель, покорить живое вещество и подвергнуть его дѣйствію обыкновенныхъ физическихъ и химическихъ силъ. Слѣдовательно всякая перемѣна въ этихъ вицѣнныхъ дѣятелахъ, сообразно съ которыми первоначально было устроенъ организмъ данного вида, должна непремѣнно въ соответственной степени угрожать существованію этого вида и можетъ быть въ геометрической прогрессіи виѣтъ съ увеличеніемъ массы животнаго. Если сухое время года постепенно становится длиннѣе и длиннѣе, то большое млекопитающее будетъ страдать отъ сухости больше. Если это изїяніе въ климатѣ имѣть вліяніе на количество растительной пищи, то травоядное животное большого роста первое почувствуетъ недостаточность питания; если являются новые враги, то самыя большія и самыя замѣчательныя млекопитающія и птицы станутъ первыя ихъ жертвою, тогда-какъ маленькие виды могутъ укрыться и избѣгнуть вреда. Животные маленькаго роста обыкновенно болѣе плодовиты, чѣмъ тѣ, которыхъ размѣры значительны. Нынѣшнее присутствіе маленькихъ видовъ животныхъ въ странахъ, гдѣ прежде существовали большие виды того-же семейства, не показываетъ по этому какого-нибудь послѣдовательнаго уменьшенія ихъ роста, а есть результатъ

обстоятельствъ, напоминающихъ басню *Лубъ и трость*: маленькие виды согнулись и приспособились къ перемѣнамъ, истребившимъ большие виды. Безъ всякаго сомнѣнія, типическая форма всякаго вида та, которая наиболѣе приспособлена къ условіямъ, при которыхъ этотъ видъ существуетъ въ данный моментъ; до тѣхъ-поръ, пока эти условия остаются неизмѣнными, типъ также остается неизмѣнно тѣмъ-же, такъ-какъ разновидности того-же типа въ той-же степени хуже приспособлены къ окружающимъ условиямъ существования. Но если эти условия измѣняются, то форма, составляющая разновидность при прежнемъ состояніи вещей; становится въ свою очередь типической формою вида при новомъ измѣненномъ состояніи. Наблюденіе животныхъ въ ихъ естественномъ состояніи поэтому необходимо для рѣшенія вопроса объ ихъ пластичности или о томъ, до какой степени могутъ вдти разновидности. Такимъ образомъ можно найти основанія, чтобы судить о вѣроятности того напр., что упругія связки и членистое строеніе кошачьей лапы присоединились съ теченіемъ времени къ болѣе простому устройству лапы безъ выпущенныхъ когтей, сообразно съ нача-ломъ послѣдовательныхъ разновидностей, развивавшихся въ-тече-ніе времени».

«Изученіе ископаемыхъ остатковъ разнымъ образомъ необходимо для того, чтобы найти антетипы, въ которыхъ могли-бы появиться разновидности, подобныя тѣмъ, какія представляютъ намъ живущіе виды, а отъ которыхъ наконецъ происходятъ столь крайнія формы, какъ напр. жирафа. Законы географическаго распределенія растеній и животныхъ были видимѣнны въ древнія времена геологическими и сопутствующими имъ климатическими перемѣнами, но они несравненно болѣе нарушаются съ-тѣхъ-поръ, какъ появился на землѣ человѣкъ. Полезныя растенія и животные, перенесенные имъ съ собою при его переселеніяхъ, стали цвѣсти и размножаться въ странахъ наиболѣе удаленныхъ отъ первона-чального мѣстообитанія вида. Человѣкъ составляетъ также раз-умную и самую могущественную причину исчезанія видовъ въ ис-торическая времена. Одинъ только онъ, выѣхавъ съ животными, которое онъ сдѣлалъ домашнимъ, именно собакою, можетъ жить вездѣ. Человѣческий родъ представляетъ небольшое число рѣз-кихъ разновидностей и есть нѣкоторое соответство между мѣст-ностями, въ которыхъ они обитаютъ, и общими зоологическими об-ластиами. Но, что касается до минимаго соответствія между геогра-

фическими распределениемъ человѣка и животныхъ, которое было проводимо систематически и которое Агасіесъ въ сочиненіи Гайдона и Ногга о *племенахъ человѣческаго рода* положилъ въ основаніе выводовъ о происхожденіи и различіи этихъ племенъ, то можно указать на многіе факты, противорѣчашіе такому абсолютному соотвѣтствію, въ-особенности между низшими животными и растеніями. Впрочемъ, нѣть ничего удивительнаго, что инстинкты переселенія въ человѣческомъ родѣ были причиной перемѣнъ въ географическомъ распределеніи животныхъ, но что низшія формы жизни избѣжали этого вліянія».

II. СТРАВЪ.

В КРАХМАЛѢ. *Исследованія Треколя* (1). — Съ того времени, какъ юдъ былъ указанъ реагитомъ для крахмала, *Мейенъ*, *Шлейденъ*, *Цайенъ* и *Моль* болѣе точнымъ образомъ изучили химіческій составъ растительныхъ перепонокъ. Мейенъ первый открылъ, что стѣники клѣточекъ Исландскаго лишая окрашиваются юдомъ также, какъ и крахмалъ, въ синій цвѣтъ. Шлейденъ нашелъ тоже са-
мое для клѣточекъ зародышей растеній: *Schotia latifolia*, *speciosa*, *Nutmegia courbaril*, *Micuna urens* и *Tamarindus indica*. Это заста-
вило его, вмѣстѣ съ *Фогелемъ*, принять для стѣнокъ этихъ клѣточекъ новый составъ, который они назвали амиломѣ (лихенинъ), тамъ-что въ группѣ крахмальныхъ веществъ различны по-край-
ней-мѣрѣ три вида: крахмалъ, лихенинъ и клѣтичника или же синь
нѣкоторыхъ Нѣмецкихъ ученыхъ.

Но если, въ пространномъ сочиненіи своемъ о крахмалѣ, вышедшемъ недавно, разсматривается крахмалъ съ двухъ точекъ зренія: во-первыхъ, смотря по тому, какъ это вещество относится къ юду, и въ этомъ случаѣ онъ различается: амилакдъ, мезамилинъ и дима-
лиллинъ; во-вторыхъ, разбухаетъ оно или растворяется въ водѣ, вислотахъ и щелочахъ, и въ этомъ случаѣ онъ принимаетъ геллину,
ядерулину и личинку.

Треколь старается доказать, что нельзя допустить такихъ видовъ крахмала, и что переходы отъ настоящаго крахмала къ клѣточкамъ, даже проникнутой посторонними веществами, совершенно не захватны. По его мнѣнію, нельзя точнымъ образомъ опредѣ-

(1) *Comptes rendus* 2 ноября 1868. стр. 635.

лить крахмаль, допуская два, три или больше вида его: потому что нельзя сказать, что крахмаль есть бывшее зернистое вещество, содержащееся въ растительныхъ клѣточкахъ и окрашивающееся въ синій цветъ при прикосновеніи съ юдомъ: ибо 1) крахмаль не всегда зернистъ; 2) оболочки нѣкоторыхъ клѣточекъ синѣютъ отъ дѣйствія юда; 3) крахмаль выдѣляется нѣкоторыми животными, особенно насѣкомыми, въ такомъ-же видѣ, какъ и растеніями.

1) Крахмаль не всегда зернистъ. *Шлейденъ* первый открылъ безформенный крахмаль въ клѣточкахъ бѣлыка *Cardomum tinctum*, корня Ямайской сальсапарели, и корневища песчаной осоки (*Sarex arenaria*). Въ 1857 году *Саніо* и *Шенкъ* открыли крахмаль въ жидкому состояніи въ клѣточкахъ кожицы *Gagea lutea* и различныхъ видовъ *Ornithogalum*; *Трекюль* наблюдалъ подобныя же явленія въ клѣточкахъ коры корня *Aristolochia*. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ крахмальные зерна были довольно велики и отдѣльны другъ отъ друга, въ другихъ зерна были скучены, сдавливали другъ друга и образовали какъ будто одну массу или, лучше сказать, образовались изъ этой массы; въ иныхъ изъ этихъ масс зеренъ было мало и они были окружены слоемъ слизистаго вода, который окрашивается юдомъ въ синій или фиолетовый цветъ, наконецъ въ сосѣднихъ клѣточкахъ находилось только это слизистое вещество, окрашивающееся юдомъ въ синій цветъ.

2) Перепонки нѣкоторыхъ клѣточекъ синѣютъ, какъ крахмаль, отъ дѣйствія одного юда. Уже *Мейенъ* и *Шлейденъ* доказали это. Аморфный крахмаль иногда принимаетъ видъ зеренъ, но эти зерна суть клѣточки, по устройству ихъ стѣнокъ, по ихъ возрастанию, ихъ размноженію и т. д.; поэтому нерационально отличать особыеннымъ названіемъ (амилоидъ) вещества этихъ клѣточекъ, которое синѣеть отъ дѣйствія юда. Притомъ эта способность синѣть наблюдается на всѣхъ степеняхъ растеній: *Трекюль* наблюдалъ ее въ слабѣйшей степени, чѣмъ у *Cetraria islandica*, у многихъ явино-бранныхъ, именно у *Ornithogalum pyrenaicum*, *narbonense*, *longibracteatum*, *Scilla autumnalis*, *Jris pseudo-Acorus*, *sibirica* и пр., *Tulipa sylvestris*, *Moraea iridoides*, *Agrophis campanulata* и пр., *Huacinthus orientalis*, *Uropetalum serotinum*, *Gladiolus psittacinus*, *Muscari racemosum*, *Cypella plumbea*, *Scilla amoenula* и пр. *Bellevallia gorana*, *Polygonatum latifolium* и пр. *Asparagus amarus*, *Libertia paniculata* и пр. Клѣточки зародыша *Нуненса Cousbaril* не синѣютъ.

нѣть отъ реактива. Клѣточки зѣлаго зародыша Miniposera Kamtschel не синѣютъ отъ непосредственнаго дѣйствія юда; ихъ должно сперва вскипятить въ водѣ, тогда онѣ сначала зеленѣютъ, а пѣтомъ и синѣютъ въ прикосновеніи съ юдомъ. Но въ большей части растеній недостаточно и этого предварительного кипяченія; необходимо дѣйствіе сѣрной кислоты, которая разрыхляетъ вещества клѣточекъ, раздувая ихъ. Въ этомъ случаѣ можно различить нѣсколько степеней. Въ первомъ возрастѣ перепонки клѣточки совсѣмъ не синѣютъ; разбухая, онѣ остаются безцвѣтными, потому-что въ нихъ не развилась еще клѣтчатка; но нѣсколько позже юдъ и слабая сѣрная кислота сообщаютъ имъ болѣе или менѣе темный индиговый цвѣтъ. Если кислота крѣпка, то перепонки дѣлаются бурыми, прежде нежели посинѣютъ. Чѣмъ старше становятся клѣточки, тѣмъ крѣпче должна быть употреблена сѣрная кислота. Наконецъ въ клѣточкахъ очень старыхъ, или проникнутыхъ посторонними веществами, надо бояться растворы щѣкихъ щелочей. Здѣсь также есть различія: для иныхъ нуженъ слабый растворъ, а для другихъ крѣпкій и долгое кипяченіе. Старое бѣлье изъ конопли или хлопчатой бумаги, равно-какъ писчая бумага, послѣ многихъ промываній, синѣютъ отъ дѣйствія юда также хорошо, какъ и зернистый крахмалъ. Изъ этого видно, что нѣть рѣзкой границы между аморфнымъ крахмаломъ и клѣтчаткою.

3) Крахмалъ приготавляется нѣкоторыми насѣкомыми. Этотъ фактъ былъ указанъ впервые въ 1850 Добсономъ, въ Королевскомъ обществѣ Фандименовой земли. Вещество имѣеть видъ кокона, только составленаго не изъ шелку, а изъ крахмала. Коконъ имѣеть полуцишарообразную форму и бѣлый или желтый цвѣтъ, смотря по видамъ Psylla, которые его выдѣляютъ на нижней сторонѣ листьевъ Eucalyptus. Вещество, которое его составляетъ, содержитъ въ себѣ нѣсколько сахару и имѣеть видъ червеобразныхъ ниточекъ, сплетенныхъ очень красиво. Крѣпкій водяной растворъ юда окрашиваетъ его съ такою силой, что онъ кажется чернымъ, но микроскопическое изслѣдованіе открываетъ въ немъ прекрасный синій цвѣтъ.

«Мнѣ кажется, что изъ этихъ фактовъ, говорить г. Трекюль, слѣдуетъ, что крахмалъ растительного или животнаго происхожденія, аморфный или зернистый, что лихенинъ, амилонъ, мезамилинъ, дизамилинъ и клѣтчатка составляютъ одинъ и тотъ-же

химический видъ. Быть можетъ, выѣsto этихъ видовъ можно допустить нѣсколько разновидностей, смотря по формѣ, въ которыхъ встречается крахмаль въ природѣ.

Справедливо ли мнѣніе Трекуля, которое мы изложили почти его собственными словами, чтобы насы не упрекнули въ искаженіи смысла его рѣчи? Мы не можемъ согласиться съ нимъ. Во-первыхъ, въ химії нѣтъ такихъ родовъ и видовъ, какъ въ зоологии и ботаникѣ; слѣдовательно, нечего и спорить, будуть ли крахмаль и кѣтчатка виды или разновидности одного и того-же состава, а почти въ этомъ только и состоитъ мнѣніе Трекуля. Поэтому, между безформеннымъ крахмаломъ, зернистымъ крахмаломъ и кѣтчаткою есть различія, о которыхъ не упомянулъ г. Трекуль. Наконецъ, что между этими степенями одного и того-же химического состава есть переходы, въ этомъ никто и не сомнѣвался, точно также, какъ между различными видами другого органическаго состава.

Намъ кажется, что напрасно думаетъ г. Трекуль, будто нельзя опредѣлить точнымъ образомъ крахмаль, допуская нѣсколько видовъ въ группѣ веществъ, куда принадлежитъ и крахмаль. Определеніе, которое онъ опровергаетъ, относится только къ крахмалу въ видѣ зеренъ, а не къ кѣтчаткѣ, и не къ аморфному веществу, которое сходно съ крахмаломъ въ томъ, что синѣетъ отъ дѣйствія іода, но отлично отъ него тѣмъ, что теряетъ синій цвѣтъ отъ дѣйствія воды. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ Незели, крахмаль въ видѣ зеренъ состоитъ изъ кѣтчатки и безформенного крахмала или зернистаго вещества (*granulöse*): если держать зерно крахмала довольно долго въ слонѣ, то оно теряетъ слои, дѣлается безцвѣтнымъ и не синѣеть отъ дѣйствія іода. Слѣдовательно крахмаль въ видѣ зеренъ есть переходная степень изъ безформенного жидкаго вещества въ кѣтчатку.

Что крахмаль выдѣляется не только растеніями, но и животными, нѣсколько не служитъ доказательствомъ, что крахмаль и кѣтчатка разновидности, а не виды одного и того-же состава.

Далѣе Трекуль представлялъ наслѣдованіе о развитіи крахмала въ видѣ зеренъ (2), которые доказываютъ, что это вещество образуется или 1) въ протоплазмѣ, или 2) на поверхности ядра, или 3) внутри ядра кѣтточки.

(2) *Savptes readus 15 ноября 1858 стр. 782.*

Первый случай встречается чаще всего и предстаает въ-которыхъ видозмѣненія, изъ которыхъ онъ излагаетъ главныя. У нѣкоторыхъ растеній слой протоплазмы довольно толстъ; онъ ра-стеть и дѣлается еще толще, при чёмъ почти весь превращается въ мелкія зерна, которые вскорѣ послѣ своего появленія начи-наютъ симѣть отъ дѣятствія іода (бѣлокъ *Mirabilis Jalappa*, Мел-са *altissima* и пр.). Когда этотъ слой менѣе развитъ, онъ произво-дить зерна, которые рано упадаютъ въ полость клѣточки и тамъ растутъ (бѣлокъ *Scirpus sylvestris*, *Bletia Galeottiana*, молодые клубни картофеля). У язычковъ растеній слой протоплазмы бываетъ до того тонокъ, что, кажется, находится только первичный иѣ-шечекъ; тогда этотъ слой растетъ замѣтнымъ образомъ. Онъ утолщается въ извѣстныхъ иѣстахъ, на которыхъ происходятъ возвышенія буроватаго, желтаго или зеленаго цвѣта. Одна изъ за-мѣчательныхъ формъ развитія наблюдается у маревыхъ, амаран-товыхъ, гвоздичныхъ, портулаковыхъ и пр. Вокругъ полости клѣ-точки на ея внутреннихъ стѣнкахъ вырастаютъ массы мягкаго вещества, которая покрываютъ или всю внутреннюю поверхность клѣточки, или только часть ея. Если растительность дѣятельна, то образующіяся возвышенія бываютъ значительного объема, или занимаютъ большія пространства и составляютъ толстые слои. Вещество, изъ которого образуются эти нарости, какова-бы вѣ-была ихъ величина, сначала безцвѣтно и однообразно; но вскорѣ оно дѣлается буроватымъ и образуетъ зерна. Если возвышенія не занимаютъ большаго пространства, то они, выростая, дѣлаются шарообразными и отдѣляются отъ стѣнокъ клѣточки (*Phytolacca esculenta*, *Silene fimbriata*, *Rivina laevis*, *Blitum capitatum*, *Beta vul-garis* и пр.). Когда-же это вещество, не прерываясь, занимаетъ значительное пространство, то оно раздѣляется на различное чи-сло частей, которые дѣлаются свободными шариками въ полости клѣточки (*Amaranthus sylvestris*, *graecisans*, *Obione sibirica*, *Portu-laca oleracea* и пр.). Въ другой разъ, когда образовавшаяся массы не такъ велики, они отдѣляются отъ стѣнокъ, не раздѣляясь, и разрываются уже въ полости клѣточки на тѣла шарообразной, яйцевидной, веретенообразной или цилиндрической формы. Эти послѣднія вначалѣ состоять изъ слизи, но вскорѣ, даже почти въ моментъ ихъ освобожденія, можно замѣтить, что они дѣлаются мелкозернистыми; и хотя на нихъ нѣтъ оболочки, однако же кру-шники не распадаются и производятъ сложные или сборные зерна

часто большого объема. Въ зрѣости плода такія сложные зерна обыкновенно бываютъ смѣшаны съ отдѣльными зернышками, ко-торыя или произошли отъ распаденія сложныхъ зеренъ, или въ большей части случаевъ, напр. у злаковъ, образовались непосред-ственно изъ слоя протоплазмы. У некоторыхъ растеній этого се-мейства, какъ напр. у *Festuca unioloides*, изъ этого слоя сборные зерна происходятъ вмѣстѣ съ простыми. Но не у всѣхъ растеній этого семейства сложные зерна происходятъ изъ слоя протоплазмы, у многихъ овѣи образуются впослѣдствии, образовавшись про-стыми и размножаясь на-подобіе клѣточекъ, напр. у *Avena*, *Agge-natherum* и пр.).

Въ зародыши *Phaseolus vulgaris*, *Vicia pisiformis*, въ околовла-дникѣ *Cytisus Laburnum* и пр. простыя зерна зачинаются также въ протоплазматическомъ слоѣ маленькими возвышеніями, имѣю-щими видъ ячменного зерна, но окрашенными въ зеленый цвѣтъ. Эти зеленые зерна отдѣляются отъ стѣнокъ и продолжаютъ раз-виваться внутри клѣточекъ; въ очень молодомъ состояніи они одѣ-ты перепонкою, которая не окрашивается отъ дѣйствія йода, меж-ду-тѣмъ-какъ ихъ содержаніе принимаетъ прекрасный синій цвѣтъ. Это явленіе въ-особенности хорошо видно у *Phaseolus vul-garis* и *Vicioa pisiformis*. У *Lathyrus ensifolius* эти пузырьки напол-нены крахмальнымъ веществомъ совершенно, а у другихъ расте-ній въ нихъ находилась одна или двѣ крахмалинки, занимавшія очень небольшую часть полости этихъ пузырьковъ. Этотъ фактъ, по мнѣнію Трекюля, доказываетъ, что эти пузырьки имѣютъ при-роду хлорофилла. То-же явленіе встрѣчается въ молодыхъ корневи-щахъ *Turpha*, въ плодахъ *Cucurbita Pepo var. coloquinella*. Въ этихъ плодахъ, въ моментъ появленія крахмала, подъ желтою частію пу-зырьки заключали по одной или по двѣ мелкие кручинки крах-мала, а подъ зеленою частью они были такъ наполнены крахма-ломъ, что на нихъ нельзя замѣтить оболочки.

Производя зерна крахмала на поверхности клѣточки, прото-плазма простирается иногда и внутрь ея полости, гдѣ она распы-вается; тогда шарики крахмала появляются свободными внутри полости клѣточки.

Въ клѣточкахъ бѣлка *Emex spinosus* протоплазма имѣеть видъ лучей, идущихъ отъ ядра къ поверхности; какъ въ этихъ лучахъ, такъ и въ протоплазмѣ, окружающей ядро, развиваются многоча-сленные шарики крахмала. У другихъ растеній крахмалъ обра-

зуется преимущественно или исключительно около ядра, которое, повидимому, способствуетъ его питанию (сложные зерна въ бѣлѣ *Tradescantia subaspera*, и др., *Agaп italicum, vulgare*, въ стеблѣ *Vanilla planifolia*, поворотъ простыхъ зеренъ *Zea Mais*, въ клубняхъ *Orchis latifolia* и пр., во внутренней оболочкѣ съменъ *Ricinus communis* и пр.) начинаютъ образоваться обыкновенно вокругъ ядра. У нѣкоторыхъ растеній этой группы развитіе начинается сначала въ небольшомъ количествѣ протоплазмы, окружающей ядро (*Agaп, Orchis*); у другихъ оно кажется выдѣленіемъ ядра. *Мюллеръ* и *Кесекетъ* (Quekett) допускаютъ, первый, что крахмаль, а второй, что крахмаль и хлорофиль происходятъ всегда изъ ядра. При того-же мнѣніи о хлорофилѣ. Вотъ, что происходитъ въ стеблѣ *Vanilla planifolia*, по наблюденіямъ Треко.гл. Когда ядро принимаетъ видъ пузырька, то на окружности его появляется множество зернышекъ, которые кажутся выходящими изъ него. Позже можно убѣдиться, что они дѣйствительно выходятъ оттуда: потому-что внутренняя поверхность перепонки ядра покрыта маленькими зернышками полупарообразной формы, а въ другихъ ядрахъ и цѣльными шариками. Поэтому эти шарикъ выступаютъ какъ съ внутренней, такъ и съ наружной поверхности пузырька. Такъ-какъ они прозрачны, то и похожи на капли, проходящія сквозь оболочку пузырька. Послѣ того съ внутренней поверхности, гдѣ были шарикъ, остается пустое пространство, а шарикъ являются вполнѣ на наружной поверхности и потомъ оставляютъ ее и плаваютъ свободно въ полости клѣточки. Наконецъ на ядрахъ, болѣе старыхъ, замѣчаются шарикъ, которые окрашены въ зеленый цветъ въ клѣточкахъ, лежащихъ-близъ наружной поверхности стебля, и безцвѣтные — въ клѣточкахъ, ближайшихъ къ центру его. Эти зерна, въ начальнѣ простыхъ, дѣлаются вслѣдствія сложными и только тогда отдѣгаются отъ ядра. И зеленые и безцвѣтные зерна синѣютъ отъ дѣйствія іода.

Во многихъ другихъ растеніяхъ замѣчается то-же самое. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи омелы (*Viscum album*). Въ клѣточкахъ ея молодыхъ вѣтвей ядро окружено зернышками изъ мягкаго вещества, шарообразной, продолговатой или вилообразной формы. Тѣ, которые еще приложены къ поверхности ядра, кажутся выходящими изъ него; они кромѣ-того замѣчательны по своему возрастанію, обнаруживающемся дѣленіемъ продолговатыхъ зернышекъ. Подобныя-же зернышки развиваются и изъ перифериче-

ской протоплазмы. Тѣ въ другіе безцвѣты или блѣдно-желтаго цвѣта и не синѣютъ отъ дѣйствія ѹода въ начальѣ своего развитія; но позже онѣ окрашиваются ѹодомъ въ фиолетовый, а потомъ и въ синій цвѣтъ. Подобное же полужидкое вещества *Treckolia* наблюдалъ и въ изродыши *Lathyrus latifolius* и пр.

Всѣ эти факты, по мнѣнію *Treckolia*, доказываютъ, что зерна крахмала въ начальѣ своего развитія бывають жидкіи или по-крайней-мѣрѣ состоять изъ мягкаго вещества.

Аморфный крахмаль, являющійся въ растворѣ въ кѣтточкахъ кожицы *Ornithogalum* и проч., по мнѣнію *Treckolia*, состоитъ изъ слизистаго вещества, подобнаго предыдущему, и сохраняетъ эту форму, не обращаясь въ зерна. Въ корняхъ *Aristolochia* этотъ аморфный слой утолщается въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, отчего проходятъ полуширообразныя возвышенія, соединенные своими основаніями, которыя, разъединяясь, получаютъ шаровидную форму, послѣ чего не остается слѣда первоначальнаго слизистаго слоя крахмала.

Самые лучшіе примѣры ядра, наполненнаго крахмаломъ, находятся въ окоплюдникахъ *Tradescantia subaspera* и въ бѣлѣ Ешех зриновіе. Въ окоплюдникахъ традесканціи, ядра наполнены зернышками, большая часть которыхъ окрашивается ѹодомъ въ желтый цвѣтъ, но нѣкоторыя также и въ синій. Въ бѣлѣ Ешех зернышки, заключенные въ ядрѣ, синѣютъ, начиная съ поверхности, т. е. наружная синѣютъ отъ ѹода, между тѣмъ-какъ внутреннія еще желтѣютъ.

Не знаемъ, въ какой мѣрѣ наблюденія *Treckolia* согласны съ наблюденіями *Несали*; изложенными въ его классическомъ сочиненіи о крахмалѣ; сочиненія этого намъ еще не удалось прочесть. Но мы вскорѣ надѣемся познакомить съ вами нашихъ читателей.

ИЗЪНИ РУБРИКТА ОБЪ ОПЫТАХЪ РИГГА ОТНОСИТЕЛЬНО КАРТИНГОЛИНА РАСТИЙ (3). — Мы говорили объ опытахъ г. *Riggi* надъ спицатомъ и полѣсмой (4); теперь г. *Riggi* представилъ въ Императорскую С. Петербургскую академію наукъ мемуаръ о своихъ опытахъ надъ коноплемъ, на основаніи которыхъ онъ от-

(3) *Bullet. de la cl. ph.-math. de l'acad. impér. des sc. de St. Pétersbourg.* Tome XVII № 26.

(4) Ж. м. и. пр. декабрь 1858, отд. VII, статья: *Мнѣніе Ригга о паренхиматѣ растеній.*

веряетъ партеногенезис въ этомъ растеніи. Г. Ру́нгардтъ въ своемъ донесеніи академіи объ этомъ мемуарѣ, хотя и не защищаетъ партеногенезиса, приводя примѣры различного рода оплодотвореній во всемъ растительномъ мірѣ, но весьма спра-ведливо замѣчаетъ, что опыты г. Ревеля недостаточны для убѣждения защитниковъ этого явленія потому: 1) что при этихъ опытахъ растенія находились въ неестественныхъ условіяхъ, что они были слишкомъ сильно обрѣзывались, и потому не могли образо-вать сѣменъ посредствомъ партеногенезиса; 2) что при против-номъ опыте, т. е. когда конопля не была обрѣзана и росла на от-крытомъ окнѣ, получалось немного сѣмени, которыя, можетъ быть, не содержатъ въ себѣ зародыша и не могутъ проростать; 3) образование сѣмени безъ оплодотворенія осталось возможнымъ, если бы взято было болѣе значительное число экземпляровъ для опыта; 4) наконецъ, что другіе экспериментаторы получили удов-летворительные доказательства существованія партеногенезиса въ тѣхъ же растеніяхъ; 5) г. Ревель устраняетъ и не рассматриваетъ, правда, во многихъ обстоятельствахъ еще необъясненныя явленія партеногенезиса у Цѣлобогини и Богосеа; 6) наконецъ, допустивъ, что въ случаяхъ, исключенныхъ Ревелемъ, партеногенезисъ не существуетъ, мы можемъ сказать, что десять отрицательныхъ ре-зультатовъ ничего незначать противъ одного вѣрного положи-тельного результата, полученного со всемъ предусмотрительностью, что его опыты доказываютъ только рѣдкость партеногенезиса. Поэтому, для решенія этого современнаго вопроса, необходимы многочисленные опыты въ противоположномъ направлении.

Въ заключеніе приведемъ факты, говорящіе противъ парто-генезиса и находящіеся въ донесеніи ученаго академика: 1) въ са-момъ лучшемъ случаѣ, приводимомъ для доказательства партеноге-незиса, именно у цѣлобогини, многое существенное, именно мо-ментъ оплодотворенія и цветеніе не были наблюданы (мы уже говорили о пыльцахъ цветка, которую видѣлъ А. Браунъ на рыль-цахъ цѣлобогини). 2) У сравнительно бесконечно-большаго числа явнообразныхъ растеній *необходимость оплодотворенія цѣлью* для образованія зародыша не только вѣроятна, но и доказана се-ными точными опытами. Даже это имѣсть място и для морскихъ явнообразныхъ растеній, у которыхъ цветеніе имѣть строеніе, уклоняющееся отъ обыкновенного, какъ напр. у *Zosteraceae*: это доказываетъ случай, описанный и изображеный на рисункѣ до-

стопочтенный академикъ у Philadelphie, гдѣ лѣды отдѣльны и гдѣ безъ оплодотворенія хотя и образуются съмени и въ нихъ балокъ, но зародышъ не развивается. То-же самое происходитъ и въ цикадовыхъ нашихъ оранжерей, какъ это описалъ Раэль въ своей Gartenflora, въ 1857 году, и какъ это было известно уже давно многимъ изъ здѣшнихъ ботаниковъ. 3) Даже у высшихъ тихнобрачныхъ, у которыхъ зародышъ происходитъ въ яичнике (Archegonium), гдѣ отправление пыльника имѣеть совсѣмъ другой органъ, оплодотвореніе есть *извѣстное условіе* для образования зародыша, какъ это доказано не только для двудомныхъ иковъ (именно Encalypta strobocarpa), но также и для Selaginella и Marsilia Гофмейстеромъ. Еще болѣе: у Physaceae оплодотвореніе *аклерозомами* необходимо для способности проростанія большихъ неподвижныхъ споръ Fucus и близкихъ родовъ, какъ это доказалъ Тюре.

Гониди грибовъ. Изслѣдованія Цабелья (5). — Число различныхъ органовъ размноженія грибовъ увеличено Байлемъ (Flora 1857, стр. 447): онъ къ спорамъ, стилоспорамъ, сперматиямъ и конидиямъ присоединилъ еще гонидія. Послѣднія образуются свободно въ нитяхъ плѣсени и найдены имъ въ родѣ Mucor. Молодой нашъ ученый г. Цабель, начало дѣятельности котораго на поприщѣ знанія мы привѣтствуемъ отъ всей души, занялся изслѣдованіемъ этихъ органовъ въ плѣсени Mucor mucedo и нашелъ, что они какъ въ формѣ, такъ и въ расположеніи въ гифахъ, не представляютъ никакой правильности. Они имѣютъ по большей части овальную форму, но часто также круглую и даже неправильную, и бываютъ расположены въ нитяхъ или поодинакѣ въ различныхъ расстояніяхъ другъ отъ друга, или такъ сближены, что почти касаются одна другой и тогда весьма похожи на органы грибка *Grapium penicilloides* Cord., изображенные Унгеромъ и названные имъ *выходными клѣточками* (Bot. Zeit. 1847 г., стр. 249). Иной разъ ихъ до того много къ гифамъ, что нить въ томъ мѣстѣ, гдѣ они лежать, бываетъ раздута. Цабель уже наблюдалъ отчасти развитіе этихъ гонидій: онъ видѣлъ, какъ онѣ прорастаютъ и образуютъ ростки, похожіе на *Hormiscium*, и какъ нити, происходящія при проростаніи, сбрасывали съ себя кожу, какъ-бы линзы. Г. Цабель

(5) Bullet. de l'ac. impér. de St. Petersbourg. Tome XVII. № 28.

заставлять проростать эти гонидії сначала въ чистой водѣ на предметномъ стеклѣ. Онѣ хотя развивались, но слабо, по недостатку органической пищи: онѣ представляли въ этомъ случаѣ нити съ весьма тонкими развѣтвленіями, наполненные водянистымъ содержаніемъ. Но, зная изъ опыта, что растворъ сахара значительно способствуетъ развитію плѣсени, г. Цабель заставлялъ ихъ рости въ сахарномъ сиропѣ и достигъ своей цѣли.

При прорастаніи въ такомъ сиропѣ, гонидії по большей части увеличивались въ объемѣ, принимали часто шарообразную форму и разрывали одѣвающія ихъ нити грибка; но иногда не перемѣняли при этомъ ни своей формы, ни своей величины. Хотя г. Цабель не наблюдалъ ихъ линянія, какъ Бааль, но видѣлъ явленіе, нѣсколько похожее на то. Гонидії, значительно увеличившіяся въ объемѣ, но не пустившія еще ростковъ, образуютъ подъ своею оболочкою новую; наружная оболочка отстаетъ отъ внутренней и лопается, послѣ чего гонидія или совсѣмъ или отчасти выходить изъ нея. Результатъ первой степени развитія есть свѣтлая разорванная оболочка, изъ которой выходитъ вторая оболочка, разрывающаяся отъ подобнаго-же процесса второй степени развитія; изъ нея выходитъ третья подобная-же оболочка, гдѣ лежитъ уже гонидія, а все вмѣстѣ представляетъ видъ, очень похожій на иногокамерную раковину головоногихъ.

Но это явленіе, кажется, есть слѣдствіе недостаточнаго питания, потому-что вначалѣ гонидії проростали безъ сбрасыванія наружной оболочки, начали-же сбрасывать ее послѣ того, какъ развитіе нѣкоторыхъ изъ нихъ совершилось, слѣдовательно послѣ того, какъ питательные вещества уже были отчасти истреблены. Назначеніе гонидії состоять въ томъ, чтобы образовать головки споръ, слѣдовательно онѣ служатъ испосредственно для размноженія грибковъ, потому-что нити, развившіяся при проростаніи, достигаютъ до того, что въ нихъ образуются споры. Такъ-какъ питаніе грибка сахарнымъ сиропомъ недостаточно, то и все развитіе нельзѧ было назвать сильнымъ: нити грибка были тонки и бѣдны зернистымъ содержаніемъ; головки споръ малы и заключали въ себѣ немного споры; но споры были нормальной величины и не зависѣли отъ малости сумочекъ.

По причинѣ свободного образованія споръ и по ихъ физіологической роли, ихъ можно сравнить съ подвижными кручинками водорослей; но гонидії лишены всякаго движенія; они выходятъ

въ оболочку чисто-механический образомъ. *Micog mucedo* при-
надлежитъ къ тѣмъ грибкамъ, которые отъ дѣйствія юда и вед-
ной сѣрной кислоты окрашиваются, какъ и *Peronopeltis* въ яично-
красный цвѣтъ и, следовательно, обнаруживаются въ своемъ со-
ставѣ клѣтчатку.

Что касается до видовъ *Micog*, установленныхъ Фреанкусомъ
(Beiträge zur Mycologie. 1853) и основанныхъ на способѣ ихъ раз-
вѣтвленія, то, во наблюденіи г. Цабелья, признаки эти не могутъ
быть приняты для различенія видовъ: потому-что этотъ грибокъ,
какъ и всякая другая пѣгасень, не избѣгъ ни опредѣленной тол-
щины, ни опредѣленной длины листей, ни опредѣленного развѣт-
вленія, ни постояннаго присутствія, или отсутствія въ пяткахъ ае-
рерогородокъ; а напротивъ, представляетъ въ этомъ отношеніи всѣ
переходныя степени; даже величина сумочекъ и ихъ черный цвѣтъ
непостоянны, а зависятъ отъ рода пищи, потому-что плоды, про-
исшедшіе отъ развитія гонидій въ сахарномъ сырцѣ, были без-
цвѣтны и прозрачны, хотя гонидіи были взяты отъ настоящаго ти-
ническаго *Micog Mucedo*.

Основываясь на способѣ развѣтвленія, г. Цабель могъ бы от-
дѣлить новый видъ *Micog unibellatus*, потому-что вѣтви въ немъ
выходятъ въ видѣ зонтика, и плоды его совершенно чернаго цвѣ-
та; но это не будетъ видъ, потому-что онъ многими переходными
формами примыкаетъ къ *Micog mucedo*. Эту форму г. Цабель на-
блидалъ на гниломъ персикѣ; она интересна еще въ томъ отно-
шении, что та-же нить, которая, конически расширяясь, на расши-
ренномъ концѣ давала изъ себя вѣтви съ плодами въ видѣ зонти-
ка, почти непосредственно надъ этими вѣтвями переходила въ
большее число тонкихъ нитей, которыя, неправильно развѣтвляясь
и переплетаясь между собою, образовали рыхлый клубокъ, окру-
женный вѣрвами, приносящими плоды. Здѣсь излишекъ питанія
произвелъ не только сильное развитіе во всѣхъ частяхъ гриба,
но и образование излишнихъ растительныхъ частей.

А. ШИЛЛЕРЪ.

Д.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ.

ТЮРЖИТАНИЙ АКТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО МОСКОВСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — 12 января Императорский Московский университетъ праздновалъ 104-ю годовщину своего существования. На этотъ праздникъ собрались, сначала въ церковь университета, потомъ въ актовую залу, кромѣ начальствующихъ лицъ, членовъ университета и студентовъ, многихъ почетныхъ особы и многочисленные любители науки. Актъ начался рѣчью, произнесеною профессоромъ Ф. И. Буслаевымъ: «О народной поэзіи въ древне-Русской литературѣ». Затѣмъ профессоръ А. С. Ершовъ прочелъ рѣчь: «О значеніи механическаго искусства и о состояніи его въ Россіи». Актъ заключенъ чтеніемъ краткаго отчета о состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета за истекшій 1858 годъ, раздачею золотыхъ и серебряныхъ медалей студентамъ за лучшія сочиненія на заданныя темы. Сообщаемъ извлеченіе изъ отчета о состояніи и дѣйствіяхъ Московскаго университета за 1858 годъ. Разрѣщено Московскому университету приобрѣсти отъ орд. проф. д. с. с. Овера анатомико-патологический кабинетъ, содержащий въ себѣ 526 препаратовъ, за 12 тысячъ руб., изъ процентовъ-же съ означеннаго капитала, согласно желанію профессора Овера, учредить при Московскому университетѣ три равныя стипендіи, съ наименованіемъ двухъ изъ нихъ стипендіями профессора Овера, и одной—стипендию Мудрова, съ предоставлениемъ права назначенія на оныя стипендіаторъ медицинскому факультету Московскаго университета. Изъ 327 человѣкъ, допущенныхъ къ испытанию въ студенты, 162 признаны способными слушать профессорскія лекціи. Безъ экзамена принято: учениковъ гимназій Московскаго учебнаго округа 123, воспитанниковъ высшихъ и среднихъ заведеній другихъ округовъ 112; сверхъ-того, допущено къ посѣщенію лекцій: сторонникъ слушателей 32, вольныхъ слушателей медицинскаго факультета 7, аптекарскихъ помощниковъ 79 и студентовъ Александровскаго Филлипинскаго университета 2. Вообще въ 1858 году находилось

въ университетѣ: профессоровъ и преподавателей 67; учащихся: а) студентовъ 1760, именно: въ историко-филологическомъ факультетѣ 67, въ физико-математическомъ факультете 258, въ юридическомъ факультете 442 и въ медицинскомъ факультете 993; б) стороннихъ слушателей 32; в) вольныхъ слушателей медицинского факультета 7; г) аптекарскихъ помощниковъ 79 и д) студентовъ Александровскаго Финляндскаго университета 2, всего 1880. Въ университѣ преподаются всѣ учебные предметы, входящіе въ составъ каждого факультета, кромѣ архитектуры, за неимѣніемъ преподавателя. Учреждены въ историко-филологическомъ факультетѣ двѣ стипендіи В. А. Жуковскаго, составленныя изъ остатковъ отъ добровольныхъ приношеній на сооруженіе ему надгробнаго памятника. Разрѣшено испр. долж. з. ординарного профессора Петрову, согласно изъявленной имъ готовности, преподавать безмездно Еврейскій, Арабскій и Персидскій языки, для тѣхъ студентовъ, которые пожелаютъ заниматься сими языками. На иждивеніи университета отправленъ за границу, на 2 года, для полнаго приготовленія къ профессорскому званію по каѳедрѣ физіологии и сравнительной анатоміи, докторъ медицины Эйнбротъ. Оставлены при университѣ, для дальнѣйшаго усовершенствованія въ наукахъ и приготовленія къ профессорскому званію: кандидаты — И. Жигаю, В. Герье, А. Веселовскій, М. Вольскій, В. Цингер, М. Хандріковъ, С. и И. Лукьянновы, и лекаря — И. Кудрявцевъ и А. Понятовскій. Казенномокштные студенты и пансионеры разныхъ вѣдомствъ перемѣщены на вольныя квартиры съ производствомъ, въ видѣ стипендій, отпускаемыхъ на ихъ содержаніе суммъ. Дозволено студентамъ переводить и печатать сочиненія лучшихъ Англійскихъ, Нѣмецкихъ и Французскихъ ученыхъ и издавать «Сборникъ» статей по всѣмъ отраслямъ наукъ, подг. редакцію студентовъ, выбранныхъ по два отъ каждого факультета, по предварительномъ разсмотрѣніи и одобрѣніи профессора или адъюнкта, по принадлежности предмета. По удостоенію факультетовъ, утверждены: въ степени доктора естественныхъ наукъ — А. Бекетова, въ степени магистра гражданскаго права — И. Бѣллева, политической экономіи и статистики — С. Муравьевъ, зоологии — А. Бойдановъ, фармаціи — провизоръ Поржезинскій; въ степени доктора медицины — И. Маркузовъ, А. Макьевъ, А. Фрезе, К. Филипповичъ, А. Чижовъ, Н. Тольскій и К. Соколовъ. Учебныя пособія находились въ слѣдующемъ состояніи: 1) въ библіотекѣ 63,624 сочиненія въ 98,685

томахъ; 2) въ физическомъ кабинетѣ 465 инструментовъ и снаря-
довъ и 7 технологическихъ моделей; 3) въ зоологическомъ каби-
нетѣ всѣхъ животныхъ и ихъ частей 67,871 экземпляръ; 4) въ ка-
бинетѣ сравнительной анатоміи препаратовъ 1,818; 5) въ астроно-
мической обсерваторіи инструментовъ и снарядовъ 51; 6) въ пато-
логическомъ кабинетѣ препаратовъ, атласовъ, книгъ и рисунковъ
766; инструментовъ и другихъ учебныхъ пособій 407; банокъ изъ
толстаго стекла съ пришлифованными крышками 409; 7) въ ана-
томическомъ кабинетѣ препаратовъ 3,563, анатомическихъ инстру-
ментовъ и разныхъ вещей 414 и моделей 22; 8) въ десмургиче-
скомъ кабинетѣ инструментовъ и другихъ вещей 369; 9) въ сель-
ско-хозяйственномъ кабинетѣ 1,970 инструментовъ, растений, об-
разцовъ различныхъ почвъ и другихъ предметовъ. Сверхъ-того,
при университѣтѣ находятся особыя библиотеки: студентская би-
блиотека состоитъ изъ 3,118 сочиненій въ 6,106 томахъ и 30 періо-
дическихъ изданій и библиотека Русской словесности, учрежден-
ная для первого курса историко-филологического и юридического
факультетовъ на добровольныя пожертвованія студентовъ, изъ
800 томовъ. Въ терапевтическомъ отдѣлѣніи факультетской кли-
ники состояло больныхъ 435; изъ нихъ вызд. 338, ум. 41, осталось
56, приходящихъ за совѣтами больныхъ обоего пола было
4,359 человѣкъ. Въ хирургическомъ отдѣлѣніи больныхъ находи-
лось 234, изъ нихъ вызд. 70, ум. 14, остал. 50; приходящихъ за
совѣтами было 2,266 человѣкъ. Всѣхъ операций сдѣлано 233. Въ
акушерскомъ отдѣлѣніи было 739 беременныхъ, больныхъ жен-
скими болѣзнями 36. Изъ числа 691 родовъ 647 было правиль-
ныхъ, а 44 представляли значительныя уклоненія, соответственно
которымъ были произведены различныя акушерскія операціи. Изъ
вышеизложенного числа родовъ, двойничныхъ было 19, такъ-что
на 691 родовъ родилось дѣтей 710. Изъ числа роженицъ, забо-
льшихъ было 233, изъ коихъ 205 выздоровѣло, 27 умерло и 1
остается болѣюю. Студенты 4-го класса участвовали въ пранатѣ
младенцевъ при родахъ и при производствахъ операций, а сверхъ-
того упражнялись въ акушерскихъ операціяхъ на фантомахъ. Въ
терапевтическомъ отдѣлѣніи госпитальной клиники къ началу 1858
года состояло больныхъ 98 человѣкъ; въ-течение года прибыло
1,135 челов. Изъ нихъ вызд. 906, умерло 228, осталось на излече-
ніи 99 человѣкъ. Въ хирургическомъ отдѣлѣніи къ началу 1858
года больныхъ состояло 100 человѣкъ, въ-течение года прибыло

701 человѣкъ: изъ нихъ вызд. 636, ум. 59, осталось 103 человѣка. Всѣхъ операций, за исключеніемъ относящихся къ малой хирургіи, произведено 102. Слѣдующіе студенты награждены медалями за лучшія сочиненія на заданныя имъ отъ факультетовъ темы — золотыми: въ историко-филологическомъ факультетѣ — студентъ 4-го курса И. Некрасовъ, въ физико-математическомъ факультетѣ — кандидатъ К. Рачинскій, въ юридическомъ факультете — студентъ 4-го курса В. Цирульниковъ, въ медицинскомъ факультете — студентъ 5-го курса А. Бабукинъ. Кроме того, студентъ историко-филологического факультета 4-го курса князь Н. Голицынъ представилъ сочиненіе, которое признано достойнымъ награжденія золотою медалью, но за неимѣніемъ таковой по штату награжденіе свидѣтельствомъ на эту медаль. Темы для сочиненій назначены были: въ историко-филологическомъ факультете — «Исторія княжества Псковскаго», въ физико-математическомъ факультете — «Математическая теорія колебанія струны», въ юридическомъ факультете — «О судахъ церковныхъ въ Россіи до Петра Великаго», въ медицинскомъ факультете — «De strycinis et veratris».

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С. ПЕТЕРБУРГСКАГО УНИВЕРСИТЕТА. — Императорскій С. Петербургскій университетъ, 8 февраля, въ присутствіи гг. министра народного просвѣщенія Е. П. Ковалевскаго, товарища его Н. А. Муханова, попечителя С. Петербургскаго учебнаго округа И. Д. Делякова и помощника его князя П. П. Влазского, праздновалъ сороковую годовщину существованія своего торжественнымъ публичнымъ актомъ при собраніи университетскаго совѣта и почетныхъ членовъ университета: графа С. Г. Строганова, барона М. А. Корфа, барона Ф. П. фонѣ Врангеля и К. И. Арсеньева. Изъ членовъ главнаго правленія училищъ присутствовали П. И. Гасекскій, И. И. Давыдовъ и Н. В. Исаковъ. Въ числѣ любителей просвѣщенія, посѣтившихъ университетскій актъ, были: преосвященный Филаретъ, архіепископъ Харьковскій и Ахтырскій; г. товарищъ министра юстиціи Д. Н. Замятникъ; сенаторы: Н. М. Гамалья, А. В. Веневитиновъ, Г. К. Рильскій, И. И. Лажанская; генерал-адъютантъ Ф. И. Тотлебенъ; генерал-лейтенанты Г. Ф. Стефановъ и А. П. Языковъ; почетный оценщикъ Г. С. Половцовъ; гофмайстеръ князь В. Ф. Одоевскій; дѣйствительные статские советники Н. И. Гречъ, Д. Топчубашевъ, и мн. др. Актъ былъ открытъ

въ честь полудни, духовною вѣснію: «Днесъ благодать святою Духа насть собра». Затѣмъ ректоръ университета, тайный советникъ П. А. Шлетнегъ прочиталъ «Отчетъ о состояніи университета и дѣятельности ученаго его сословія въ 1858 году». Послѣ сего экстраординарный профессоръ, коллежскій советникъ М. М. Стасюлевичъ прочелъ написанное имъ для сего слушая разсужденіе, подъ заглавиемъ «О руководствахъ (*Manuale scholarium*) студенческой жизни въ средніе вѣка». Въ заключеніе прочитаны были назначенные студентамъ на 1859 годъ задачи для соисканія наградъ медалями и краткіе разборы диссертаций, представленныхъ ими на темы, данные въ прошедшемъ году, причемъ за отличившія изъ этихъ сочиненій разданы медали: золотыя — студентамъ Георгію Ампакину, Александру Ильину, Александру Петерсу, Петру Вильямсу, и серебряные: Павлу Раслову, Маріану Красновскому и Августу Пореау. Актъ окончился пѣніемъ народнаго гимна «Боже, Царь храню».

ПЕТРОГРАДСКИЙ С.-АНДРЕЕВСКИЙ ДУХОВНОЙ АКАДЕМИИ. — 17 февраля, въ С.-Петербургской духовной академіи происходило торжественное собраніе по случаю совершившагося въ тотъ день ея пятидесятилѣтія. Въ 10 часовъ утра въ академической церкви началась божественная літургія, которую совершилъ высокопреосвященнѣйший Григорій, митрополитъ Новгородскій и С.-Петербургскій, присутствовавшій при самоѣ открытиї академіи въ 1809 году. Слово на літургіи было произнесено ректоромъ академіи архимандритомъ Федораномъ. По окончаніи літургіи, отправлено было благодарственное Господу Богу молебствие, въ которомъ привѣти участіе преосвященные архиепископы: Казанскій — Анастасій, Харьковскій — Филиппъ, Тверской епископъ Филовей, протопресвитеры В. Б. Бажановъ и В. И. Куткевичъ. Послѣ многолѣтія Державному Покровителю духовнаго просвѣщенія Государю Императору Александру Николаевичу и всему Августѣйшему Дому, возглашена была вѣчная память въ Богъ почившимъ Государямъ Александру I и Николаю I, цедъ покровительствовъ которыхъ академія начала и совершила большую часть своего пятидесятилѣтія. Затѣмъ возглашено было многолѣтіе св. правительствующему синоду и высокопреосвященнѣйшему митрополиту Григорію, а почившимъ архиепископамъ, преосвященнымъ митрополитамъ Аввросію, Михаилу, Серафиму,

Антонію и Никанору и всѣмъ почившимъ начальникамъ, наставникамъ и воспитанникамъ академіи—вѣчная память. Наконецъ возглашено многолѣтіе С.-Петербургской духовной академіи и всѣмъ бывшимъ и настоящимъ ея наставникамъ и воспитанникамъ. Послѣ литургіи всѣ присутствующіе перешли въ залу собрания. Когда воспитанники прогѣли: *Днесъ благодать св. Духа на съсобѣ, секретарь конференціи орд. профессоръ Ловлинъ прочелъ слѣдующій указъ св. синода, на имя высокопреосвященнѣйшаго митрополита Григорія:*

«Его Императорское Величество, Государь Императоръ, по всеподданѣйшему докладу его сіятельства, г. оберъ-прокурора святѣйшаго правительствующаго синода, Высочайшия утвердивъ опредѣленіе святѣйшаго синода о совершеніи въ С.-Петербургской духовной академіи торжества по случаю пятидесятилѣтняго ея юбилея, съ тѣмъ вмѣстѣ, согласно ходатайству святѣйшаго синода, Всмилостивѣйшкъ соизволилъ наградить: ректора академіи архимандита *Феофана*—орденомъ св. Владимира 3-й степени; ординарного профессора, статского совѣтника *Карпова*—чиномъ дѣйствительного статского совѣтника; ординарныхъ профессоровъ: статского совѣтника *Лучинскаго* и магистра *Долоцкаго*—орденомъ св. Анны 2-й степени; ординарного профессора магистра *Ловлина*—орденомъ св. Анны 3-й степени; ординарного профессора, коллежскаго совѣтника *Голубева*—орденомъ св. Станислава 3-й степени; ординарного профессора *Минина*—подаркомъ изъ духовно-учебныхъ капиталовъ въ 400 руб.; баккалавра *Гларинтова*—подаркомъ въ 300 руб. сер.; баккалавра, соборнаго іеромонаха *Діодора*—наперсный крестомъ, выдаваемымъ отъ святѣйшаго синода; членовъ академической конференціи: ректора С.-Петербургской семинаріи архимандита *Нектарія* и протоіереевъ *Богословскаго*, *Рождественскаго*, *Дебольскаго*, *Колоколова* и *Райковскаго*—изъявленіемъ Монаршаго Его Императорскаго Величества благоволеніе. Кроме-того святѣйшій правительствующій синодъ, въ ознаменованіе настоящаго дня, удостоилъ: экстраординарного профессора академіи *Чистовича*—званія ординарного профессора; баккалавра *Чельцова*—званія экстраординарного профессора; баккалавровъ: *Пречистенскаго*, *Шалбетова* и *Койловича*—единовременной выдачи каждому половины баккалаврскаго жалованья изъ духовно-учебныхъ капиталовъ; инспектора академіи, архимандрита *Епифанія*, баккалавра, архимандрита *Григорія*, баккалавровъ: *Осипина*, *Нильскаго* и *Пар-*

сона, членовъ академической конференціи: протоієрея Яхонтова и священника Доброравича и духовника академіи, игумена Пафнутия — благословенія святѣшаго синода; преподавателей: Еврейскаго языка — Хеольсона и Англійскаго — Бишопа и врача академіи Лебединскаго — признательности святѣшаго синода.

По прочтениі указа, хоръ его высокопреосвященства пропѣлъ церковную пѣснь: *Спаси, Господи, люди Твои*, по окончаніі которой секретарь конференціи прочиталъ слѣдующее письмо высокопреосвященнаго Филарета, митрополита Московскаго, къ его высокопреосвященству Григорію, митрополиту Новгородскому и С.-Петербургскому:

«Не заслужилъ я такого вниманія, какое ваше высокопреосвященство благоволили оказать мнѣ, и собственнымъ вашимъ словомъ и чрезъ посланника, приглашая меня къ участію въ празднику пятидесятилѣтія вашей академіи.

«Чѣмъ болѣе сіе обязательно, тѣмъ болѣе прискорбно мнѣ, что не могу соотвѣтствовать столь благосклонному призванію.

«Состояніе моего здоровья еще прежде сдѣлало меня неспособнымъ къ дальнему и скорому путешествію, и особенно такому, которое предлежало бы теперь въ зимнее время; съ праздника-же Рождества Христова рѣдко позволяло мнѣ выходить изъ дома, для исполненія необходимыхъ обязанностей.

«Впрочемъ, отсутствіе мое не будетъ недостаткомъ на празднику академіи, который присутствіемъ своимъ наполните вы, — еще въ первыхъ лѣтахъ ея наставникъ и руководитель, исполнившій ее благотворныи вліяніемъ.

«Привѣтную академію, совершившую полвѣка подъ покровительствомъ державной и священной власти, принесшую добрые плоды церкви и отечеству. Господь да продлить лѣта ея въ благодати и мирѣ, да умножатся плоды ея, — плоды любви къ истинѣ, яже по благочестію, къ премудрости не мѣра сего, но Божіей, къ ученію не только знанія, но наипаче къ ученію жизни, наконецъ плоды ревности подвизаться за Православіе и служить спасенію душъ.

«Съ сими мыслями вручаю о. инспектору С.-Петербургской академіи икону Божіей Матери, которую прошу поставить въ академической церкви или въ одной изъ аудиторій.»

Послѣ того ордин. профессоръ Чистовичъ прочиталъ отчетъ о трудахъ академіи въ прошедшее пятидесятилѣтіе, а ордин. профессоръ Карпovъ — рѣчь о направленіи и цѣляхъ духовнаго образова-

ния и обѣ участіи, какое принимаетъ въ немъ С. Петербургская духовная академія. Торжественный праздникъ академіи удостоили своимъ присутствіемъ: Его Императорскаго Высочество Принцъ Петръ Георгіевичъ Ольденбургскій; г. министръ народнаго просвѣщенія Е. И. Ковалевскій; г. оберъ-прокуроръ святѣшнаго синода, генераль-лейтенантъ графъ А. И. Толстой; г. Киевскій генераль-губернаторъ, князь И. И. Васильчиковъ; попечители учебныхъ округовъ: С. Петербургскаго — тайный совѣтникъ И. Д. Деляковъ и Московскаго — синты Е. И. В. генераль-маіоръ Н. В. Исаковъ; ректоръ Императорскаго С. Петербургскаго университета, тайный совѣтникъ П. А. Плетневъ, лейбъ-медикъ Двора Е. И. В., тайный совѣтникъ И. В. Енокумъ и другія знатныя особы. Послѣ акта посѣтители приглашены были къ завтраку, который приготовленъ былъ въ жилыхъ студенческихъ комнатахъ, напомнившихъ бывшимъ воспитанникамъ академіи драгоцѣнное время ихъ образованія. Судьбы ихъ раздѣлились. Промыслъ указалъ каждому свой путь и свой жребій; но общія чувства признательности къ воспитавшей ихъ академіи соединили всѣхъ въ одну семью. Пріятно было видѣть старцевъ, которые еще воспитанниками находились при открытии академіи и которыхъ Промыслъ сохранилъ до ея цатидесятилѣтія. Молодыя поколѣнія спорили между собою въ выраженіи единодушнагоуваженія къ своимъ бывшимъ наставникамъ; старшіе радовались, смотря на младшихъ воспитанниковъ, какъ на залогъ просвѣщенія и свидѣтельство трудовъ своихъ. Сколько возбуждено было воспоминаній свѣтлыхъ и пріятныхъ! Сколько выражено надеждъ, отрадныхъ и утѣшительныхъ! Въ эти минуты особенно живо чувствовались и тѣ блага, которыми каждый обязанъ академіи, и то духовное родство, которое соединяетъ неразрывнымъ союзомъ всѣхъ бывшихъ воспитанниковъ академіи, несмотря на различіе ихъ вѣнчанаго положенія. Желая означеновать свой праздникъ ученымъ изданіемъ, академія предприняла издать сборникъ статей по разнымъ предметамъ академического образования, съ тѣмъ чтобы сумма, какая будетъ вырученна отъ продажи его сборника, вмѣстѣ съ суммою, жертвуюю до предложеній подписанной бывшими воспитанниками академіи, обращена была въ капиталъ на преміи воспитанникамъ академіи при окончаніи курса за отличные сочиненія по какой-либо отрасли богословскихъ наукъ, или на приращеніе академической библіотеки, или, наконецъ, если капиталъ со-

ставится очень значительный, на преміи за ученія и особливо за учебные сочиненія по разнымъ предметамъ академического образованія, написанныя лицами духовнаго вѣдомства и, преимущественно, наставниками академіи. Подъ благотворнымъ охраненіемъ мудрого правительства цвѣты высшій духовный садъ новою славою и плодоприноси св. церкви вѣрныхъ служителей, отечеству—преданныхъ сыновъ, престолу—вѣрныхъ подданныхъ. Да будетъ у тебя всегда крѣпкій союзъ православія съ просвѣщеніемъ! Да обрѣтаетъ у тебя всегда наука — надежный пріютъ, ученая доблесть — награду, трудолюбіе — поощреніе и руководство, дарование и заслуга — достойное отличіе!

(*Дух. беспѣда.*)

ЗАСЕДАНИЯ ОБЩЕСТВА ДЛЯ БЪДІІННІЇ РОССІЙСКОЇ СЛОВІСТІ ПРИ ИМПЕРАТОРСКІМЪ МОСКОВСКІМЪ УНІВЕРСІТІТЕ. — 21 января 1859 года, подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова и въ присутствіи дѣйствительныхъ членовъ И. М. Снегирева, М. П. Погодина, П. М. Строева, А. Ф. Томашевскаго, Н. Ф. Павлова, М. А. Максимовича, А. Ф. Вельтмана, К. С. Аксакова, П. А. Безсонова, Н. П. Глаголова-Шлатонова, М. Н. Локтионова, Ф. Б. Миллера, С. Д. Полторацкаго, С. А. Соболевскаго, Н. В. Сушкина и В. М. Ундовольскаю, Общество имѣло свое обыкновенное засѣданіе, въ которомъ происходило слѣдующее:

- 1) Прочтень и подписанъ протоколъ втораго засѣданія Общества, бывшаго 10 ноября 1858 года. 2) Д. членъ М. Н. Локтионовъ произнесъ рѣчъ, въ которой, выразивъ свою признательность Обществу за избрание его въ члены, онъ изложилъ свои мысли о значеніи и пользѣ разысканій, касающихся до исторіи Русской литературы въ настоящее время. Положено: рѣчь сию, принятую съ живѣйшимъ удовольствіемъ, напечатать въ будущемъ изданіи Общества и въ *Московскихъ вѣдомостяхъ*. 3) Прочтено письмо д. члена А. В. Горскаго, которымъ онъ выражаетъ свою признательность Обществу за избрание его въ члены. Положено: принять къ свѣдѣнію. 4) Д. членъ А. Ф. Вельтманъ представилъ Обществу составленную имъ таблицу Глаголитской азбуки, подробно изъясняющую составъ ея. Положено: поручить д. члену П. А. Безсонову разсмотрѣть ее и представить Обществу съ своимъ заключеніемъ. 5) По предложенію г. предсѣдателя, прочтень уставъ Общества для руководства и соображенія гг. членовъ при ихъ дальнѣйшихъ занятіяхъ и дѣйствіяхъ по Обществу. 6) На основаніи §§ 24, 19

и 23 Устава, произведено избрание въ тѣ должности, которых оставались еще не замѣщеными, и избраны: казначеемъ и библиотекаремъ Общества — С. А. Соболевскій, временнымъ предсѣдателемъ — М. П. Погодинъ, временнымъ секретаремъ — М. Н. Лонгиновъ, членами приготовительного собрания — Н. Ф. Павловъ и Н. П. Гиляровъ-Платоновъ. 7) На основаніи §§ 5' и 8 Устава, избраны въ дѣйствительные члены Общества, по предложению г. предсѣдателя: *Федоръ Исааковичъ Тютчевъ* и *Сергѣй Михайловичъ Соловьевъ*. Положено: внести имена новоизбранныхъ въ общий списокъ членовъ Общества и изготовить для нихъ дипломы. 8) Д. членъ М. Н. Лонгиновъ представилъ въ даръ Обществу книгу资料а сочиненія: «Новикъ и Шварцъ» и еще три брошюры, касающіяся до исторіи Русской литературы нового времени. Положено: принять съ признательностью и передать въ библиотеку Общества. 9) Секретарь М. А. Максимовичъ представилъ въ даръ Обществу отъ Д. Ф. Самарина 27 книгъ, относящихся къ изученію народъ Финновъ и другихъ народовъ, населяющихъ восточную часть государства Россійскаго. Положено: книги сіи, означенныя въ особомъ спискѣ, передать въ библиотеку Общества, а г. Самарину изъять признательность Общества за сіе приношеніе.

28 января 1859 года, подъ предсѣдательствомъ А. С. Хомякова и въ присутствіи гг. дѣйствительныхъ членовъ: И. М. Снегирева, С. А. Маслова, М. П. Погодина, С. П. Шевырева, Н. Ф. Павлова, М. А. Максимовича, А. Ф. Вельтмана, К. С. Аксакова, И. С. Аксакова, П. А. Безсонова, Н. П. Гилярова-Платонова, М. Н. Катковъ, М. Н. Лонгинова, Ф. Б. Миллера, С. Д. Полторацкаго, С. А. Соболевскаго, Н. В. Сушкина и В. М. Ундовольскаго, Общество имѣло свое обыкновенное засѣданіе, въ которомъ происходило слѣдующее: 1) Прочтенье и подписаніе протокола третьаго засѣданія Общества, бывшаго 21 января 1859 года. 2) Д. членъ С. П. Шевыревъ представилъ хранившіяся у него, какъ бывшаго секретаря Общества съ 1837 года: а) дѣла печати Общества, б) дѣла онаго за прежнее время и в) билетъ Московской сохранной казны на имя Общества, отъ 22 августа 1858 г. за № 88,420, на сумму въ 160 р. сер., оставшуюся отъ прежняго времени и нарасшую процентами вдвое. Положено: изъявивъ г. Шевыреву признательность Общества, сдать г. секретарю дѣла, которая и поручить ему привести въ порядокъ, и печати, а г. казначею — билетъ сохранной казны на храненіе. 3) Г. предсѣдатель предложилъ Обществу, для

усиленія денежныхъ средствъ оного, открыть между гг. членами подписку для единовременныхъ пожертвованій. Положено: открыть подписной листъ у г. секретаря съ тѣмъ, чтобы получаемыя имъ деньги, по мѣрѣ ихъ поступленія, передаваемы имъ были г. казначею. 4) При разсужденіи о выдачѣ, на основаніи § 6 Устава, вновь избраннымъ членамъ дипломовъ и о необходимости имѣть бланки для корреспонденціи Общества, положено: а) поручить г. секретарю озабочиться заготовленіемъ дипломовъ и бланковъ и б) плату задипломъ установить, впредъ съ каждого члена по 10 р. серебр. 5) При разсужденіи о приведеніи въ извѣстность имущества Общества, постановлено: А) Г. предсѣдателю войти въ сношеніе съ г. ректоромъ Императорскаго Московскаго университета, прося его: а) увѣдомить, какую сумму составляетъ нынѣ учрежденная Обществомъ въ 1821 году стипендія для содержания недостаточныхъ студентовъ, оказывающихъ значительные успѣхи въ словесности; б) сообщить, какая сумма требуется въ настоящее время ежегодно для содержанія одного студента, и в) доставить свѣдѣніе о томъ, кто изъ бывшихъ или нынѣ состоявшихъ въ университетѣ студентовъ, со времени учрежденія означенной стипендіи, ею пользовался или пользуется, присовокупя къ тому, что въ случаѣ, если въ настоящее время на счетъ упомянутой стипендіи содержится кто-либо изъ студентовъ, то, по выбытіи его изъ университета, ея вспомоществованіе будетъ назначаемо тѣмъ изъ студентовъ, которые будутъ избраны Обществомъ, какъ то было постановлено при учрежденіи стипендіи, въ засѣданіи Общества 29 октября 1821 года. Б) Казначею и библиотекарю С. А. Соболевскому привести въ извѣстность и порядокъ принадлежащія Обществу вещи и книги, составивъ тѣмъ и другимъ описи, а для успѣшнаго исполненія сего порученія войти въ сношеніе съ тѣми изъ служащихъ въ университетѣ лицъ, въ вѣдѣніи коихъ вещи и книги въ настоящее время могутъ находиться. 6) При разсужденіи о возобновленіи въ засѣданіяхъ Общества чтеній, положено: а) чтобы гг. присутствующіе члены заявили Обществу, какія имѣютъ они въ виду произведенія свои для чтеній, и б) чтобы г. предсѣдатель отнесся къ гг. отсутствующимъ членамъ съ просьбою о доставленіи какихъ-либо изъ новыхъ ихъ произведеній, для содѣйствія успѣхамъ Общества. 7) Д. членъ М. П. Породникъ прочелъ записку, въ которой вкратцѣ изложилъ нѣсколько мыслей своихъ о предстоящимъ Обществу задачахъ, разработкою которыхъ оно

можетъ принести пользу своимъ членамъ, публикѣ и литературѣ. Положено: а) изъявивъ г. Погодину удовольствіе Общества за сообщеніе сихъ замѣчаній; просить его, согласно собственному его вызову, приготовить къ будущему засѣданію подробное развитіе выраженныхъ имъ мыслей, и б) въ будущее-же засѣданіе заняться разсмотрѣніемъ предположеній, которыя будутъ представлены желающими изъ гг. членовъ, касательно точнаго опредѣленія сущности и характера занятій Общества, сообразно съ современными требованіями науки и литературы. 8) Д. членъ К. С. Аксаковъ прочелъ записку, въ которой предлагается, въ объясненіе § 5 Устава Общества, точное опредѣленіе тѣхъ условій, которыми члены, при предложеніи кандидатовъ, могли бы руководствоваться. Положено: принять къ свѣдѣнію. 9) На основаніи §§ 5 и 8 Устава Общества, избраны въ дѣйствительные члены онаго: И. И. Срезневскій, М. А. Максимовичъ П. И. Бартеневъ, Ф. И. Буслаевъ, А. И. Кошелевъ, Г. Е. Шуровскій, Н. Ф. фонъ-Крузе, графъ Л. Н. Толстой, И. С. Тургеневъ, И. В. Селивановъ, и М. А. Джигуревъ.

ТОРЖЕСТВЕННЫЙ АКТЪ КАЛУЖСКОЙ ГИМНАЗІИ. — 21 декабря 1858 года. Калужская гимназія праздновала торжественный актъ. Въ 12½ часовъ по-полудни всѣ воспитанники гимназіи и благородного при ней пансиона собраны были въ актовомъ залѣ. По прибытии въ залъ ёго преосвященства Григорія, епископа Калужскаго и Боровскаго, въ присутствіи начальника губерніи, Калужскаго губернскаго предводителя дворянства, почетнаго попечителя гимназіи и многочисленнаго собранія почетныхъ военныхъ и гражданскихъ лицъ, родителей и родственниковъ учащихся, актъ начался пѣніемъ воспитанниками пансиона молитвы: «Царю небесному». Затѣмъ старшій учитель Латинскаго языка г. Шереметевскій прочиталъ разсужденіе: «О развитіи нравственнаго начала въ дѣтяхъ», выслушанное съ большимъ вниманіемъ, возбужденнымъ важностью предмета, столь близкаго къ общезанимателному вопросу о воспитаніи въ нашемъ отечествѣ. По прочтеніи рѣчи, воспитанники благородного пансиона пропѣли канть: *Храни Господь для насъ Отечество Отца,* и затѣмъ на судъ публики явились, одинъ за другимъ, тринадцать учениковъ съ своими посильными трудами: они читали какъ собственный

сочинения, такъ и произведенія извѣстнѣйшихъ писателей. На прошлого днемъ актъ посѣтители съ удовольствіемъ слушали весьма удачное переложеніе въ стихи отрывка изъ Слова о Полку Игоревѣ: *Плач Ярославы* (ученика 7 класса *И. Толмачева*); въ этомъ году съ не меньшимъ удовольствіемъ были выслушаны: сочиненіе ученика VI класса А. Блюдо на тему: *Нужно ли читать писателей для того, чтобы образовать собственный слогъ*, и пансионера VII класса И. Дедерева — разборъ *Юрия Милославскаго, какъ героя въ историческомъ романѣ Загоскина*. Актъ былъ заключенъ народнымъ гимномъ «Воже, Царя храни», пропѣтымъ воспитанниками пансиона. Всѣдѣ за тѣмъ посѣтители осматривали библіотеку, физический кабинетъ, классы, спальню и столовую, гдѣ въ то время уже объѣдали воспитанники благороднаго пансиона.

Стѣны актоваго зала были украшены работами учениковъ: картинами, географическими картами и множествомъ засушенныхъ растений, наклеенныхъ на бумагѣ. Особеннаго вниманія публики удостоилась копія съ фотографическаго снимка съ извѣстной картины Иванова: *Явленіе Христа народу*. Эту мастерскую копію сдѣлалъ тушью воспитанникъ благороднаго пансиона *А. Тутолминъ*; съ первого взгляда почти невозможно отличить ее отъ фотографическаго подлинника. Послѣ осмотра заведенія, посѣтители, начальство гимназіи и преподаватели были приглашены г. почетнымъ попечителемъ гимназіи къ обѣденному столу, за которымъ провозглашенъ былъ тостъ за здравіе Государя Императора; тостъ этотъ былъ принятъ единодушно и актовый залъ огласился восторженнымъ «ура». Затѣмъ предложено было еще два тоста: одинъ за процвѣтаніе гимназіи, а другой — за здоровье всѣхъ содѣйствующихъ и покровительствующихъ образованію юношества. Такъ кончилось годичное празднество гимназіи; многочисленность посѣтителей его доказываетъ, что общество сочувствуетъ дѣлу воспитанія юношества, и тѣмъ поддерживаетъ живую связь съ главнымъ учебнымъ заведеніемъ въ губерніи.

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ЗАСѢДАНІЕ МОСКОВСКОЙ ПРАКТИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ. — 17 декабря 1858 года было годичное торжественное засѣданіе Московской практической академіи коммерческихъ наукъ. Собрание открыто рѣчью преподавателя *А. П. Толмына* о значеніи географіи и о преподаваніи ея въ коммерческой академіи. Въ рѣчи этой г.

Тельгинъ весьма справедливо замѣтилъ, что ни одна наука не представляетъ такого печального явленія въ Россіи, какъ географія. Не принятая въ университетахъ, не доведенная до полнаго развитія въ гимназіяхъ, она остановилась на одиѣхъ частностяхъ и осуждаетъ воспитанника заучивать множество предметовъ, не принадлежащихъ къ ея области. Въ то-же время, не охраняемая собственою идеою, она открываетъ широкія ворота для вторженія въ нее другимъ наукамъ и является сборникомъ мертвыхъ фактъ изъ астрономіи, физики, естественныхъ наукъ, политической исторіи и статистики, смотря по тому, какими наиболѣе свѣдѣніями владѣеть самъ преподаватель: потому-что преподавателей, собственно для нея подготовленныхъ, неѣтъ въ Россіи. Представляя взглядъ свой на истинное значеніе географіи, авторъ рѣчи приходитъ къ заключенію, что, понимая географію, какъ науку о законахъ устройства земной поверхности, о законахъ вліянія ея на развитие рода человѣческаго, можно, хотя въ общихъ чертахъ, насколько это доступно пониманію воспитанниковъ, показать это вліяніе; а въ среднихъ и низшихъ классахъ это новое воззрѣніе на географію будетъ имѣть также благотворное вліяніе на употребленіе и распределеніе географическаго материала. Тогда само собою отпадетъ многое изъ старой географіи, какъ ненужное, какъ не имѣющее никакого вліянія на историческое развитіе народовъ. Въ - заключеніе г. Тельгина объясняется, въ какомъ смыслѣ, объемъ и послѣдовательности читается имъ географія въ коммерческой академіи. Нельзя не пожалѣть, что, при всемъ богатствѣ географической литературы на Западѣ, особенно въ Германіи, при всѣхъ открытіяхъ Гумбольдта и Риттера, наконецъ при всемъ содѣйствіи Императорскаго Русскаго географическаго Общества, неутомимо трудящагося надъ собраніемъ необходимыхъ материаловъ для разработки географіи въ Россіи въ томъ значеніи, какъ понимаетъ ее Риттеръ, а за нимъ и всѣ современные ученые, — географія преподается въ большей части нашихъ среднихъ и низшихъ учебныхъ заведеній въ ея старомъ, отжившемъ значеніи, — въ томъ значеніи, которое было современно и хорошо во времена Екатерининскія, во времена учрежденія народныхъ школъ, но которое весьма странно для сколько-нибудь мыслящихъ людей второй половины XIX вѣка. Торжественное собраніе коммерческой академіи заключено было рѣчью инспектора заведенія, профессора М. Л. Киттары, известного нашего технолога. Онъ говорилъ о воспитаніи, въ короткихъ чер-

такъ высказать взглядъ свой на то, что должно лежать въ основѣ нравственного воспитанія, и изложилъ тѣ средства, которыя приняты въ этомъ отношеніи коммерческой академіей. «Не одно умственное образование — задача нашего заведенія, говорилъ г. Киттары. Академія принимаетъ въ свои стѣны дѣтей самого раннаго возраста и выпускаетъ ихъ уже зрѣлыми юношами; следовательно, на ея долгъ лежать еще двѣ статьи воспитанія — физическое и нравственное. Послѣднее составляетъ первую и главную заботу заведенія; въ этомъ случаѣ, цѣль воспитанія — сознательно развить два святыхъ чувства человѣческаго сердца: любовь къ Богу и любовь къ ближнимъ. Религиозно-нравственное направленіе безусловно проводится по всѣмъ классамъ. Основываясь на годичномъ знакомствѣ моемъ съ академіей, я смѣю могу засвидѣтельствовать, что, благодаря усердію преподавателя закона Божія, наши воспитанники обѣщаютъ быть добрыми христіанами, не по наружу только. Не менѣе обращается вниманіе и на развитіе любви къ ближнему: оно, какъ источникъ честности, нужно каждому, а купцу въ особенности; говорю — въ-особенности, потому-что сношенія его съ ближнимъ болѣе тѣсны, болѣе часты: на каждомъ товарѣ, на каждомъ аршинѣ или фунтѣ этого товара отражается въ жизни большая или меньшая степень развитія сказанного чувства. Изъ любви къ ближнему вытекаетъ и другое проявленіе человѣческой природы — нѣжность сердца, выражаящаяся впечатлительностью внутри, деликатностію извнѣ. Можно быть честнымъ человѣкомъ и въ то-же время грубымъ и мало-воспріимчивымъ. Этотъ разладъ чувствъ въ одномъ и томъ-же сердцѣ отнимаетъ много изъ достоинствъ честнаго человѣка. Недостатокъ впечатлительности не даетъ мѣста состраданію — лучшему христіанскому чувству въ-отношеніи ближняго, а жесткость виѣшихъ формъ, гонимая въ каждомъ образованномъ обществѣ, какъ отталкивающая, устраиваетъ и поводы къ проявленію этого чувства. Наконецъ, въ сердцѣ человѣка всегда остается уголокъ для любви личной; этотъ-то уголокъ, по-обыкновенію довольно-большой и въ дѣтскомъ возрастѣ, часто въ жизни, и очень часто, расширяется до того, что тѣснить всѣ другія чувства, а нерѣдко и изгонять ихъ совершенно или подчинять своему вліянію. Помѣшать сдѣлаться себѧлюбцемъ, этоистомъ — одна изъ столь-же важныхъ задачъ воспитанія. Но было-бы непростительной ошибкой подавлять, уничтожать совершенно чувство любви личной; наоборотъ, сообразно вѣку, его должно

развить, но до изысканныхъ предѣловъ — до уваженія къ самому себѣ, до сознанія чести. Безъ этого чувства нравственное воспитаніе не будетъ вполнѣмъ».

КОНКУРС МЕЖДУ ВОСПИТАНИКАМИ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГИМНАЗІИ. — По-повору ежегодно бывающаго въ Ставропольской гимназіи конкурса между воспитанниками, г. Ф. Юхомыковъ поспѣстилъ въ газетѣ «Кавказъ» весьма любопытную статью о Горцахъ, обучающихся въ гимназіи. «Ставропольская гимназія», говорить онъ, ежегодно празднуя въ день 18 октября годовщину своего открытия покойнымъ Государемъ Императоромъ, почтила и въ настоящемъ году этотъ незабываемый день посвященнымъ торжествомъ — торжествомъ успѣховъ своихъ питомцевъ: мы говоримъ о конкурсе между воспитанниками Ставропольской гимназіи. Семь лѣтъ уже, какъ это благодѣтельное учрежденіе приводится въ исполненіе и, не смотря на постепенно-усиливающіяся требования отъ обучающагося въ нашихъ заведеніяхъ юношества, оно годъ-отъ-году обнаруживается очевидными успѣхами. Если правительство, общественное мѣдіе и литература въ настоящее время только и ждутъ лучшей Россіи въ будущемъ отъ поколѣнія, сидящаго на скамьяхъ гимназій и университетовъ, то мы были бы не правы и неблагодарны предъ этой заботливостью, еслибы не отдавали отчета о каждомъ, выдающемся явлении его жизни. Мы сказали, что настоящій конкурсъ уже седьмой, и прибавимъ, что газета «Кавказъ» въ свое время сообщала о немъ; подо-сихъ-поръ всѣ отчеты объ этомъ учрежденіи были таковы, какъ и всѣ вообще извѣстія объ актахъ и тому подобныхъ торжествахъ учебныхъ заведеній: въ каждомъ изъ нихъ было и есть нового только что названія читанныхъ сочиненій, да имена читающихъ. Не о такомъ учебномъ торжествѣ мы хотимъ поговорить въ настоящее время. Предметъ такъ важенъ самъ по себѣ, какъ это увидишь послѣ, что мы позволяемъ себѣ маленькое отступление и рѣшаемся кратко прослѣдить тѣ мѣры, какія до-сихъ-поръ были принесены къ образованію дѣтей Горцевъ, и позволимъ это себѣ потому, что на долю Ставропольской гимназіи въ этомъ дѣлѣ выпала не совсѣмъ маловажная роль, а тѣмъ болѣе потому, что воспитанники ея изъ Горцевъ являются не на послѣднемъ планѣ среди описываемаго нами торжества. Мысль о просвѣщеніи Горцевъ никогда не покидала нашего правительства. На первый разъ, въ царствованіе по-

койнаго Императора Николая Павловича, предоставлено было почетнѣйшимъ изъ дѣтей ихъ, т.-е. сыновьямъ султановъ, князей и узденей, право поступать въ кадетскіе корпуса; но и здѣсь главная цѣль достигалась только отчасти. Удаленные отъ родины на тысячи верстъ, перенесенные изъ южнаго климата въ суровый климатъ сѣвера, они большою частію дѣлались жертвами климатическаго вліянія и, разумѣется, не приносили желаемой пользы. Были, есть и теперЬ многиѣ изъ нихъ, которые стоять во главѣ мирныхъ Горцевъ и по своему вліянію много способствуютъ къ развитію въ своихъ соотчичахъ мысли о прекращеніи враждебныхъ отношеній къ Россіи, а также способствуютъ и къ покоренію еще непокорившися племенъ; но ихъ очень немного; къ большинству же этой сѣрѣ, впечатлительной натуры привилось то жалкое полуобразованіе, которое, какъ языка, стоитъ ниже совершенного необразованія. Такимъ-образомъ и эта мѣра (воспитаніе Горцевъ въ кадетскихъ корпусахъ), удовлетворяя цѣли только отчасти, въ настоящее время признана недѣйствительна; а вслѣдъ за тѣмъ, указомъ отъ 7 іюня 1857 года, дано Горцамъ право вступать исключительно въ гимназію Ставропольскую и Екатеринодарскую. Новымъ-же указомъ отъ 11 октября 1858 года, «въ сдахахъ усиленія мѣстныхъ на Кавказѣ способовъ къ образованію дѣтей Горцевъ», пріемъ икъ въ кадетскіе корпуса прекращенъ. Исключеніе сдѣлано только для тѣхъ дѣтей Горцевъ, изъ почетнѣйшихъ и владѣтельныx фамилій, коимъ, по особымъ уваженіямъ и въ видѣ изъятія, главное Кавказское начальство признаетъ нужнымъ и полезнымъ предоставить это воспитаніе и то не иначе, какъ по особому каждый разъ Высочайшему повелѣнію. Здѣсь уже и другая, болѣе высшая цѣль: сдѣлать изъ нихъ не однихъ образованныхъ воиновъ, еслибы они послѣ и пожелали этого, но и образованныхъ людей, предоставивъ имъ право, поступая въ гимназію, поступать и въ университеты. Такимъ путемъ желаемые результаты, безъ сомнѣнія, достигнутся скорѣ. Наука, вѣроятно, скоро увидитъ въ лицѣ ихъ и ученыхъ филологовъ, которые откроютъ безизвѣстный ключъ къ безчисленнымъ языкамъ и нарѣчіямъ Кавказа, и они-же послужатъ вѣрными проводниками къ мирному сближенію съ дикими, непокорными досегъ горными племенами. Это покуда еще надежды; но надежды, для которыхъ уже есть основаніе. Лѣтъ семь или восемь тому назадъ сдѣланы были первыя попытки къ опредѣленію Горцевъ въ Ставропольскую гимназію. Отцы, на

дою которыхъ впервые выпалъ жребій послать туда дѣтей своихъ, разумѣется, по настоянію Русскихъ начальниковъ или по соѣту образованныхъ Горцевъ, искренно намѣть преданныхъ, отпускали ихъ не только съ полнымъ недовѣріемъ къ сохраненію религіи, но и съ совершенной безнадежностью на возвратъ, а нѣкоторые опасались даже и за самую жизнь ихъ. Многіе отцы, отдавши дѣтей и считая ихъ навѣки погибшими, а себя вполнѣ осиротѣвшими, хотѣли бѣжать въ горы, а это означало месть и сильнѣйшую вражду къ Русскимъ. Объ этомъ рассказываютъ сами Горцы, дѣти тѣхъ отцовъ. Но вотъ они ежегодно являются домой на каникулы — и отцы покойны: сыновья ихъ по-прежнему мусульмане, по-прежнему для нихъ дорога родная сакля съ ея обитателями, и еще отрадиѣ, еще веселѣе они переступаютъ порогъ я послѣ долгой разлуки. Но скоро пролетѣли каникулы, наступила срокъ возврата въ гимназію и отцы, если и съ грустью, то уже не съ прежнимъ недовѣріемъ отпускаютъ дѣтей своихъ, въ полной надеждѣ на новое свиданіе и въ будущемъ году. Тонкое ожиданіе возврата заставило родителя составить себѣ и примѣту, по которой онъ узнаетъ время, когда наступаетъ вождѣлійный срокъ послыдать коня за сыномъ. Начинаютъ саклю Горца одолѣвать муки — и пора посыпать за нимъ. Да и откуда Горцу знать число отпуска, когда онъ и съ такою примѣтою почти никогда не ошибается. Прошло пять-шесть лѣтъ и изъ 20 Горцевъ, учениковъ гимназіи, большинство не только начало соперничать съ Русскими, но и замѣтило выдаватьсь впередъ. На Горцевъ посыпались награды и поощрения. Они являлись въ родной ауль съ новыми познаніями и на родномъ языкѣ, который, разумѣется, въ устахъ ихъ стала краснорѣчивѣе, слушали ихъ отцы о вещахъ дотолѣ имъ невѣдомыхъ, и вѣрили имъ, ибо религія здѣсь не была затронута, обряды ея исполнялись съ большою точностію и усердіемъ. Изъ разсказовъ сыновей о жизни, отцамъ невѣдомой, но лучшей, послѣдніе вполнѣ убѣждались въ мысли о превосходствѣ образования и давняя ихъ пословица о Русскихъ, что они все могутъ сдѣлать, только души не вложатъ въ мертваго, вполнѣ оправдывалась и повторялась вновь. Кто сознаетъ надѣть собою превосходство другихъ, тотъ подаетъ большія надежды, для того есть будущее. Большинство изъ Горцевъ, служащихъ въ рядахъ Русскихъ, въ свою очередь, видѣло преимущество образования и спѣшило поощрять юныхъ соотечѣй. Поощрения высказывались въ

сожалѣніи, что имъ самимъ не удалось, какъ-бы теперь нужно, образоваться и что они уже ждутъ отъ нихъ всего лучшаго для Кавказа. Все заговорило о видомой пользѣ образования въ гимназіи и просьбы о принятіи Горцевъ въ число ея воспитанниковъ, чрезъ военное начальство, посыпались къ директору. Были даже такие, которые желали отдать дѣтей и на свой счетъ. Приходя къ директору, говорили они, какъ умѣли по-Русски: «Я знаю, ты хорошо учишь: возьми деньги и учи моего сына». Къ чести Горцевъ, занимающихъ почетныя мѣста въ Русской службѣ, должно отнести и то, что многіе изъ нихъ, прѣѣзжая въ Ставрополь и не имѣя даже, среди воспитывающихся юношой родственниковъ, постоянно и всѣхъ своихъ призывали къ себѣ и ласками иувѣщаніями поощряли ихъ къ новымъ успѣхамъ. Слабый по успѣхамъ (а ихъ почти вѣтъ) или провинившійся въ чёмъ-либо противъ гимназическаго начальства (что очень рѣдко) боялись явиться къ нимъ. Не страхъ наказанія заставлялъ избѣгать этой встречи, но стыдъ. «Какъ ты въ горы покажешься?» говорили обыкновенно такимъ. Замѣчательно, что здѣсь къ почетному Горцу являлся и Осетинъ и Абазинъ и юнопса-Горецъ иного племени; и для всѣхъ были одни ласки, одни слова, и всѣ какъ члены одной семьи, все принимали къ сердцу. Явленіе замѣчательное и поучительное и не для Горцевъ! Не могу не упомянуть съ уваженіемъ обѣ этихъ немногихъ людяхъ, истинно-понимающихъ благо просвѣщенія для своей родины. Имена ихъ: султаны Адыль-Гирей и Казы-Гирей и князь Магометъ-Люовъ. Къ 15 казенными воспитанниками изъ Горцевъ, находящимися въ настоящее время въ гимназіи, разрѣшено присоединить еще 50, и гимназія ждетъ ихъ, приготовивъ все къ ихъ принятію. При ходѣ послѣдніхъ событий, будущее для Кавказа и его юныхъ обитателей представляется еще свѣтлѣе и отраднѣе. Представивъ во-возможности краткій отчетъ о мѣбрахъ къ просвѣщенію сыновъ Кавказа, обратимся къ конкурсу, гдѣ наши надежды на будущее являются въ самомъ привлекательномъ видѣ. Учрежденіе конкурса для воспитанниковъ Ставропольской гимназіи есть посильная и притомъ только и возможная въ дѣтяхъ благодарность Державному ея основателю. Но съ-тѣхъ-поръ, какъ не стало главнаго виновника торжества, благодарная гимназія въ канунъ своего открытия чтитъ память его панихидою, совершаемою въ гимназической церкви. Такъ было и въ нынѣшнемъ году 17 октября; 18-го-же (настоящій день открытия), послѣ литургіи и молебствія съ

многолѣтіемъ Царствующему Дому, присутствовавшіе отиравались въ рекреаціонный залъ гимназіи, откуда послѣ завтрака перешли въ комнаты, назначенные для конкурса. Послѣ обычной молитвы «Царю небесному», произѣтой гимназическими пѣвчими, конкурсъ былъ открытъ краткю рѣчью директора гимназіи Я. М. Невѣровъ, въ которой онъ, указавъ на привилегіи Ставропольской гимназіи предъ другими одноименными ей заведеніями и въ томъ числѣ на учрежденіе конкурса, предложилъ посѣтителямъ повѣрить тѣ отзывы, которые по прочтеніи воспитанникамъ конкурсныхъ сочиненій будутъ изложены въ протоколѣ педагогического совѣта гимназіи. Затѣмъ началось чтеніе сочиненій. Для состязанія дали были четыре темы: двѣ по предмету Русской словесности и двѣ по исторіи. На каждую тему прочтено было по одному сочиненію. Чтеніе было открыто ученикомъ VI класса изъ почетныхъ Горцевъ, Осетиномъ Иналуко-Тхостовымъ, на тему «Кавказъ по Марлинскому, Пушкину и Лермонтову». Всѣдѣ затѣмъ ученикъ VII класса, также изъ почетныхъ горцевъ, Абазинецъ Адиль-Гирей Кешевъ, особенно выразительно прочелъ сочиненіе «О сатирическомъ направленіи Русской литературы при Петре, Екатеринѣ и въ настоящее время». Потомъ слѣдовали сочиненія на историческая темы: Григорьева, «О демократіи въ Римѣ и причинахъ ее политического паденія», и Черкесо-Армянина Кусикова — «О Владимира Мономахѣ». Въ предложенномъ затѣмъ вниманію публикѣ чтеніи протокола повѣрялось по прочтенному конкурсантами. На конкурсъ представлено было всего учениками VI, VII и специального классовъ, 36 сочиненій, въ числѣ которыхъ пять сочиненій принадлежали Горцамъ. Первая награда (полное собраніе сочиненій Гоголя, изд. Кулиша) единогласно присуждена воспитаннику изъ Горцевъ Адиль-Гирею Кешеву, а вторая (Исторія царства Петра Великаго. Соч. Устрялова) — Осетину Тхостову. Сверхъ-того, не говоря уже о сочиненіяхъ Григорьева и Кусикова, которымъ уже самое чтеніе передъ публикой вмѣнено въ награду, еще удостоились почетнаго отзыва сочиненія Карабутова и Авдакова, и вообще всѣмъ участвовавшимъ въ настоящемъ конкурсе отдана полная признательность за трудъ и значительный успѣхъ, сравнимо съ предшедшими годами. По окончаніи чтенія, разданы были денежныя пособія бѣднѣйшимъ изъ вольноприходящихъ учениковъ гимназіи, въ количествѣ 70 рублей. Но какъ и прежде къ ассигнуемой на этотъ случай суммѣ постоянно присоединялись по-

жертвованія постороннихъ яздъ, точно также случилось и теперь: среди самого конкурса, на мгновеніе вниманіе публики было отвлечено письмомъ, поданнымъ директору. Письмо было прислано управляющимъ гражданской частію Ставропольской губерніи А. А. Болоцкимъ со вложеніемъ 25 рублей, въ награду бѣднѣйшему и отличнейшему изъ учениковъ гимназіи. Народный гимнъ: «*Боже, Царь храни*» заключилъ торжество.

ВѢДИРИКА ИЗЪ «РУССКОГО ДНЕВНИКА».— Въ одномъ изъ нумеровъ газеты Русскій дневникъ напечатано слѣдующее разсужденіе объ отечественныхъ университетахъ: «Никто изъ людей истинно-образованныхъ, никто изъ людей, свѣтлая сторона которыхъ не потускла подъ вліяніемъ консерватизма, не сомнѣвается, что никто и ничто не оказало Россіи такихъ великихъ заслугъ, какъ ея университеты. Русскіе университеты—жизненная артерія Россіи, посредствомъ которой разносятся по всѣму тѣлу государственному и свѣтъ и добро и правда. Все мыслящее, все развитое, все способное къ истинно-полезной государственной дѣятельности поколѣніе Русскихъ людей создано подъ вліяніемъ университетовъ, которые и прежде давали и теперь даютъ отечеству самыхъ полезныхъ дѣятелей. Литература, это благороднейшее проявленіе дѣятельности ума человѣческаго, создалась и развивалась въ Россіи подъ вліяніемъ университетовъ. За весьма немногими исключеніями, всѣ болѣе или менѣе замѣчательные Русскіе литераторы или сошли со скамьї университетскихъ аудиторій, или, получивъ образованіе въ другихъ заведеніяхъ, потомъ находились подъ вліяніемъ университетовъ. Университеты создаютъ честность въ Русскомъ обществѣ. На скамьяхъ аудиторій возбуждается въ молодыхъ людяхъ стремленіе къ добру и правдѣ и отвращеніе отъ всякаго насилія, отъ неуваженія личности, отъ взяточничества, казнокрадства,— словомъ отъ всей темной стороны нашего общества, которая, къ сожалѣнію, еще не въ конецъ истреблена на Русской землѣ. Университетскіе воспитанники честно и свято сокращаютъ прекрасныя начала, пріобрѣтаемыя ими въ аудиторіяхъ; руководимые ими, они, за весьма немногими исключеніями, твердо и бодро вступаютъ въ борьбу на жизненномъ пути и никогда не измѣняютъ добру и правдѣ. Приведемъ въ свидѣтельство слова главнаго начальника трехъ Литовскихъ губерній *В. И. Назимова*, сказанныя имъ на

объѣдь 12 января 1859 года: «Съ постоянной и зоркой любовью слѣда за университетскими воспитанниками, мнѣ особенно пріятно здѣсь засвидѣтельствовать, что они всегда честно выполняли свой долгъ къ Государю и отечеству и никогда ничѣмъ недостойнымъ не запятнали себя». Велика заслуга Русскихъ университетовъ, уже совершенная ими, велика заслуга этихъ создателей Русской чести и самостоятельности Русского ума; но несравненно болѣе заслуги предстоитъ оказать имъ въ будущемъ.... Имъ представлена судьбою прекрасная доля создать истинное величие Россіи, истинное величие, краѣугольный камень котораго — общечеловѣческое просвѣщеніе. Предполагая невозможное возможныи, допустимъ, что наши университеты вдругъ заперли бы двери своихъ аудиторій. Разомъ отодвинулась бы тогда Россія, по-меньшей-мѣрѣ, на два столѣтія назадъ. Ни въ чемъ отечество наше такъ не нуждается, какъ въ благородныхъ поборникахъ свѣта, добра и правды. А откуда-же они выходятъ, какъ не изъ университетскихъ аудиторій? Россіи всего болѣе необходимо общечеловѣческое просвѣщеніе; а откуда-же оно изливается самой обильной, самой чистой струей, какъ не изъ университетовъ? Сознавая громадность заслуги Русскихъ университетовъ и ихъ великое значеніе въ государствѣ, мы не можемъ допустить даже мимолетной мысли, чтобы могли когда-нибудь существовать въ Россіи обществѣ враги университетовъ; развѣ только между людьми отсталыми, погрязшими во тьмѣ, невѣжествѣ, продажности и злѣбѣ могутъ найтись такие люди. Да во области ирака не мудрено отыскать людей, которые недоброжелательно и даже съ чувствомъ ненависти смотрятъ на университеты. Чувство ихъ понятно: блескъ правды, блескъ добра, обильно выходящій изъ университетовъ, изъ этихъ сокровищъ чести и истины, непривычно и болѣзненно поражаетъ ихъ привыкшіе къ потемкамъ очи. Имъ больно и они кричатъ. Но между людьми честными, между людьми свѣтыми не можетъ быть враговъ университетовъ. Враги университетовъ — враги Россіи, враги ея прекрасного будущаго». Статья Русск. дневн. заключена слѣдующими словами: «Россія вся въ будущемъ. Тысячелѣтнее политическое ея существование не болѣе, какъ прологъ къ великой драмѣ, которая совершиится грядущими поколѣніями. Наше поколѣніе завершасть тысячелѣтій прологъ. Свѣтъ уже пробивается; яркими, блестящими полосами пронизывается онъ сплошную массу ирака. Нашему поколѣнію судьбами историческими предоставлена прекрасная до-

ля больше и больше разрывать эту завѣсу, за которой сидятъ свѣтъ, добро и правда. Наше поколѣніе твердо уповаеть, что оно исполнить свое назначеніе — сниметъ эту завѣсу и грядущимъ дѣятелямъ откроетъ область свѣта. Гдѣ же эти дѣятели? Гдѣ же эти свѣтоносные сыны Россіи? Они теперь въ аудиторіяхъ Русскихъ университетовъ и на гимназическихъ скамьяхъ. Привѣтъ тебѣ, юное поколѣніе! Привѣтъ тебѣ, прекрасная надежда Россіи! Бодро иди, неуклонно иди путемъ свѣта, добра и правды! Иди, иди, юное поколѣніе, иди смѣнить насъ, когда и мы, по общему удѣлу человѣческому, одряхлѣмъ и не будемъ болѣе способны дѣйствовать съ той энергией, съ какой дѣйствуемъ теперь! Безъ чернаго чувства зависти, безъ неразумныхъ попытокъ остановить потокъ неудержимаго времени, передадимъ мы тебѣ, юное поколѣніе, честно исполненное нами дѣло усовершенствованія отчизны, передадимъ его съ твердымъ завѣтомъ, во имя общей нашей матери — Россіи — честно продолжать наше дѣло.... Впередъ-же, юное поколѣніе, впередъ, впередъ! Миръ и тихий покой — прошедшему! Жизни, свѣта, бодрости — грядущему!»

РДЪ ОРГАНИЧЕСКИ-СВЯЗАННЫХЪ МНДУ СЕЗОН РУКОВОДЕТЬ ИЗЪ ВСѢХЪ НАДЦІЕСКИХЪ НАУКАМЪ. — Объ этомъ весьма полезномъ учено-медицинскомъ предприятіи г. Розенблата напечаталъ въ Моск. медиц. газ. слѣдующее извѣстіе: «Среди огромной массы вновь появляющихся сочинений въ области медицинской литературы Германіи, мы не можемъ не остановиться съ особеннымъ вниманіемъ на изданіи, подъ заглавиемъ: *Cyclus organisch verbundener Lehrbücher sämtlicher medicinischen Wissenschaften, herausgegeben von Dr. C. H. Schauenburg. Jahr. 1858.* Оно предпринято извѣстнымъ офтальмологомъ Шаузбургомъ, при содѣйствіи многихъ изъ извѣстѣйшихъ ученыхъ Германіи, и не представляетъ одного изъ тѣхъ многочисленныхъ спекулятивныхъ явленій, которыя въ такомъ огромномъ количествѣ вызываются страшною авторской и книгопродавческой конкуренціею въ медицинскихъ литературахъ западной Европы и особенно Германіи. Въ основѣ этого предприятія лежитъ мысль современная, — мысль, дѣйствительно вызванная потребностями жизни. Цѣль изданія — представить возможножатый сводъ всего современного медицинскаго знанія въ видѣ

руководствъ, органически связанныхъ между собою общими направлениемъ, общими научными основами. Эту общую основу составляетъ точный, естественно-научный методъ изслѣдованія, стоящій виѣ отдельныхъ медицинскихъ школъ и одностороннихъ направлений. Все отжившее, существующее въ современной медицинѣ лишь по преданию, должно уступить мѣсто новымъ элементамъ науки. Изъ этой картины науки не все старое исключается потому, что оно старо, но устраняется то изъ старой медицины, что составляетъ почтенный балластъ, который пора сдать въ архивъ исторіи. Этотъ балластъ не только лишаетъ медицину стройного вида естественныхъ наукъ, но главное—гнететъ надъ учащимися, затрудняя собою изученіе науки. Учащіеся находятся между двумъ огнemъ: между старыми понятіями, старымъ направлениемъ съ одной стороны и между безпрерывно-возрастающими данными новой, возрожденной медицины. Преподаваніе въ большинствѣ случаевъ объясняетъ всѣ явленія здороваго и больнаго организма разнообразными жизненными силами, и т. д.; оно громитъ микроскопъ, химію; увѣряетъ, что въ живомъ организмѣ механическіе законы общихъ силъ природы не имѣютъ никакого значенія, и т. д. А новые дѣятели науки, а новые книги и журналы представляютъ ежедневно учащемуся доказательства ложности этого преподаванія, этого старого, отжившаго направления. Еще хуже, если на старыхъ ризахъ являются новые, разноцвѣтныя заплаты. Почтенный балластъ теряетъ тогда свою почтеннность и является маскараднымъ плащемъ, спѣтымъ изъ лоскутьевъ. Все это путаетъ, сбиваетъ съ толку учащихся и или навсегда лишаетъ ихъ возможности стройного усвоенія науки или вызываетъ въ нихъ борьбу, на которую напрасно тратится много свѣжихъ силъ. И счастливы тѣ, которые выходятъ изъ этой борьбы цѣльныи и невредимыи! Исходъ изъ Египетскаго гнета прежней медицины, говорить Вирковъ въ одной изъ превосходныхъ руководящихъ статей своихъ въ издаваемомъ имъ «Архивѣ патологической анатоміи и физиологии», поглотилъ много силъ у того поколѣнія, которому суждено было жить въ это переходное время. На поколѣніи, содѣйствовавшемъ и совершившемъ этотъ исходъ, лежитъ обязанность избавить послѣдующія поколѣнія отъ лишнаго труда, отъ новой борьбы и новой потери силъ. Вотъ тѣ побудительныя причины, которыхъ вызвали предпріятія Шаузбурга. Сочувствіе, съ которымъ оно встрѣчено въ Германіи

нія, Франція и Бельгія, показываетъ, что этимъ изданиемъ удовлетворяется дѣйствительная потребность. Обработываніе отдельныхъ отраслей медицины для этого изданія взали на себя специалисты съ современнымъ, строго-научнымъ направленіемъ, между которыми встрѣчаемъ всѣмъ известныя имена: Фогеля, Шиффа, Гарлеса, Фика, Бенеке, Лейкарта, Дунна, Ламбля, Рейла, Шаузенбурга, Буля и другихъ. Все изданіе будетъ состоять изъ 41 тома, распределенныхъ слѣдующимъ образомъ: 1) Энциклопедія и методология медицины. 2) Ботаника. 3) Минералогія. 4) Зоологія. 5) Физика (2 тома). 6) Химія (2 т.). 7) Общая и частная анатомія. 8) Общая и частная гистологія. 9) Физіологія (2 т.). 10) Анатомія и физіология органовъ чувствъ. 11) Антропологія. 12) Физіологія и патологія рожденія. 13) Общая патологія и терапія. 14) Патологическая анатомія. 15) Хирургическая анатомія. 16) Диагностика. 17) Фармакогнозія. 18) Фармакодинамика и рецептура. 19 — 25) Частная патологія и терапія. 26) Общая и частная хирургія (2 т.). 27) Оперативная хирургія. 28) Походная медицина. 29) Женскія болѣзни. 30) Акушерство. 31) Офтальміатрика. 32) Частная патологія и терапія органовъ слуха и рѣчи. 33) Болѣзни зубовъ. 34) Ортопедія. 35) Гигіена и медицинская полиція. 36) Бальнеологія. 37) Медицинская химія. 38) Токсикологія. 39) Географическая патологія. 40) Судебная медицина. 41) Исторія медицины и медицинской литературы. Программа изданія, какъ видно, чрезвычайно полная и обнимаетъ всю область медицины. «Циклъ» Шаузенбурга составить энциклопедію медицины, которая по полнотѣ, научному достоинству и современности превзойдетъ всѣ подобныя Французскія изданія, известныя подъ названіемъ: *Dictionnaires* или *Encyclopédies des sciences médicales*. До-сихъ-поръ вышло: Акушерство Шпигельберга (въ одномъ томѣ, въ 376 стр. съ 80 политипажами), Офтальміатрика Шаузенбурга (1 т. въ 271 стр. съ политипажами и 2 табл.), Общая хирургія Ломейера (1 т.), Физика Штаммера (1-й т. въ 279 стр. съ 176 политипажами) и Физіологія Шиффа (2 выпуска). Что касается до достоинства вышедшихъ томовъ «Цикла», то мы можемъ сказать, что всѣ вышедшія руководства отличаются яснымъ, скжатымъ изложеніемъ, при замѣчательной полнотѣ содержанія. Въ нихъ опущено все лишнее, все обременяющее память или имѣющее лишь историческій интересъ. Эти свойства и необыкновенная тонкость и отчетливость въ разработкѣ

огромного материала дѣлаютъ эти руководства вполнѣ полезными для учащихся, которые должны въ одинаковой полнотѣ овладѣть научнымъ материаломъ медицины, прежде чѣмъ могутъ посвятить свои занятія исключительно одному предмету. Особенно замѣчательна «Офтальміатрика» Шаузенбурга. Она, при сжатости изложе-
ния, отличается такой полнотой, ясностью, отчетливостью и совре-
менностью, что производить на читателя впечатлѣніе художествен-
ного произведения, вполнѣ гармонического во всѣхъ своихъ ча-
стяхъ. Книга Шаузенбурга, являемая въ «Циклѣ» вторымъ по-
полненнѣемъ изданіемъ, имѣла еще въ первомъ изданіи, вышед-
шемъ отдельно въ 1856 г., блестательный успѣхъ. «Физіологія»
Шиффа вышло пока только 2 выпуска. Въ первомъ авторъ изла-
гаетъ всѣ явленія мышечной дѣятельности и потомъ переходитъ
къ явленіямъ дѣятельности нервной. Изложеніе такъ-же ясно, скжато
и отчетливо, какъ въ другихъ частяхъ «Цикла». Изданіе чрезвычай-
но изящно; подписанная цѣна весьма умѣренна: покупающіе 8 то-
мовъ «Цикла», получаютъ даромъ 1 томъ, покупающіе 14—2 тома,
покупающіе 20 томовъ даромъ получаютъ 4 тома. Быстрый, хоро-
шій и дешевый переводъ «Цикла» Шаузенбурга соединенными си-
лами многихъ оказалъ-бы существенную услугу учащимся. Будемъ
надѣяться, что его не постигнетъ та-же участъ, которая у насъ
выпала Рокитанскому и Канштадту. «Патологическая анатомія»
перваго окончена была въ Русскомъ переводѣ тогда, когда яви-
лось новое, совершенно переработанное, въ-сущности измѣненное
изданіе подлинника. А патология и терапія Канштадта, въ перево-
дѣ г. Реми, тянулась въ-течение 10. слишкомъ лѣтъ и окончилась,
окончненія въ 1858 г., представляетъ явленіе безобразное спа-
ружи и совершенно неудовлетворительное по внутреннимъ своимъ
свойствамъ.

ВОСПОМИНАНИЕ ОБЪ А. О. ВАЛИЦКОМЪ. — М. де-Пулс, одинъ изъ слуша-
телей этого достойнаго профессора, почтилъ память о немъ слѣ-
дующею прекрасною статьею, напечатанною въ Моск. Вѣд. (№
3). — «Въ первыхъ числахъ октября 1858 года, скончался въ Харь-
ковѣ ординарный профессоръ Греческой литературы при тамош-
немъ университѣтѣ, Альфонсъ Осиповичъ Валицкій. Посвящая нѣ-
сколько строкъ памяти покойнаго, мы надѣемся возбудить воспо-

мнанія о немъ въ многочисленныхъ ученикахъ его и вызвать ихъ сообщить о бывшемъ любимомъ учителѣ все то, что намъ было недоступно. Мы знали Валицкаго, какъ профессора, въ періодъ времени отъ 1842 до 1847 года; но ни предъидущая, частная жизнь его, ни послѣдующая профессорская дѣятельность намъ неизвѣстны. А. О. Валицкій принадлежалъ къ тѣмъ немногочисленнымъ у насъ избраннымъ, которые имѣютъ рѣшительное вліяніе не на одно поколѣніе, — къ тому разряду профессоровъ, памяти которыхъ Московскій университетъ первый началъ воздавать достойную честь. Если справедливо мнѣніе, что Грановскій былъ бы въ Парижѣ Европейской знаменитостью, а послѣдняя — въ Москѣ Грановскимъ, то, не обинуясь можно сказать, что Валицкій, еслибы былъ профессоромъ Московскаго университета, то игралъ бы ту же роль, какую играли Грановскій и Кудрявцевъ точно такъ-же какъ послѣдніе, находясь въ Харьковѣ, сдѣлались бы Валицкими. Это сближеніе заставляетъ насъ сказать нѣсколько словъ о Харьковскомъ университѣтѣ въ то время, въ которое мы находились въ числѣ его студентовъ. Харьковскій университетъ имѣть огромное вліяніе какъ на цѣлый южный край Россіи, такъ и на самый городъ. Вліяніе его на Харьковъ, болѣе намъ знакомое, поразительно: послѣ Петербурга и Одессы, едва-ли можно найти городъ, въ которомъ-бы какъ частная, такъ и общественная, даже уличная жизнь, была до такой степени образована; нѣть ничего страннаго, угловатаго, ветхостариннаго, что такъ непріятно бросается въ глаза каждому образованному человѣку при бѣгломъ даже взгляде на наши города. Конечно, преобладающій Малороссійскій элементъ городского населения помогаетъ университету имѣть такое благотворное вліяніе на умственное развитіе города; но не забудемъ, что живой и свободный духъ колоссальной (относительно народонаселенія города) торговли, что, такъ сказать, спокойствие городской жизни способствуютъ этому вліянію. Не смотря однакожъ на то, Харьковскій университетъ есть университетъ провинциальный, слѣдовательно, и въ свою очередь не избѣгнувшій обще-провинциального вліянія. Кто не знаетъ этого вліянія, — этой общественной и умственной инерціи? Грустно это вліяніе вообще, но едва-ли не грустнѣе всего его дѣйствіе на университетъ. Если не совершенное отсутствіе, то самое недостаточное развитіе литературной дѣятельности, если не отсутствіе, то недостаточность

дѣятельности ученой, общественное равнодушіе къ той и другой дѣйствуютъ на провинціальный университетъ самыи неблагопріятныи образомъ. Одинъ въ полѣ не воинъ, говорить пословица, а противъ всего враждебнаго университету надобно воевать. Не вымирала никогда, къ счастію провинціальныхъ университетовъ, до одного немногочисленной семьи этихъ отважныхъ бойцовъ, этихъ сильныхъ подвижниковъ гуманности и науки. Велико, но тяжело ихъ назначеніе: какое-то злое *fatum* или преждевременно гонить ихъ въ могилу, или кладеть на нихъ особенную печать свою. Къ числу такихъ подвижниковъ принадлежитъ Валицкій. При поступлении нашемъ въ Харьковскій университетъ въ 1842 году, 1-е отдѣленіе философскаго факультета гордилось именами Валицкаго и Лунина. Еще на гимназической скамейкѣ тѣ изъ нась, которые намѣревались идти въ Харьковскій университетъ, уже знали и уважали эти имена; а потому понятно было наше нетерпѣніе услышать знаменитыхъ профессоровъ, когда мы сдѣвались студентами словеснаго факультета; понятно было наше высокое уваженіе не только къ каждому профессору, но и къ студентамъ высшихъ курсовъ; думалось и въ тѣхъ и другихъ найти что-то необыкновенное, идеальное, чего не представлялъ гимназический городъ; но что такъ любить создавать фантазія юноши, поступающаго въ университетъ съ горячою любовью ко всему прекрасному. Лунинъ читалъ со 2-го курса; Валицкаго слушаль весь факультетъ. Какъ нарочно, дни два или три мы не имѣли возможности услышать послѣдняго. Къ-несчастію, дѣйствительность успѣла уже подрѣзать крылья фантазіи; мы ходили съ самыми печальными лицами: услышали то, что знали и, слѣдовательно, чего-бы не хотѣли слушать; опять пришла на память гимназія съ безконечнымъ рядомъ уроковъ. Но это первое невыгодное впечатлѣніе изгладилось впослѣдствіи чтеніями Валицкаго, Лунина и И. И. Срезневскаго, открывшаго въ слѣдующемъ году свои лекціи о Славянскихъ нарѣчіяхъ. А. О. Валицкій обладалъ всѣми средствами, необходимыми для отличного профессора. Не говоря объ обширной эрудиціи и отличномъ знаніи древнихъ языковъ, онъ имѣлъ много чисто вѣтвистыхъ условій, такъ важныхъ для профессора и оратора. При небольшомъ, даже очень небольшомъ ростѣ, заставлявшемъ его читать свои лекціи стоя, онъ имѣлъ самую счастливую, привлекательную наружность, въ которой особенно замѣчательны бы-

ли: выражение его взора, необыкновенно-умнаго, глубокаго и вѣйстѣ съ тѣмъ веселаго и открытаго, и устройство лба, который въ самомъ многочисленномъ собраніи обратилъ-бы на себя вниманіе френолога; лицо его было въ буквальномъ смыслѣ зеркаломъ души. Но кроме рѣдкой и завидной наружности, онъ владѣлъ чуднымъ даромъ: могучимъ голосомъ, потрясавшимъ слушателей. Голосъ Валицкаго былъ сильный баритонъ, то нѣжный, ласкающій слухъ, то гремяющій и хватающій за душу. — Профессоръ Валицкій ничѣмъ не извѣстенъ въ нашей литературѣ; онъ ничего не печаталъ; онъ не только не образовалъ школы, но, если не ошибаемся, не-много образовалъ и дѣятелей по своему предмету. Положеніе его, какъ профессора, было весьма печально; намъ даже казалось, что эта живая, свѣтлая натура постоянно носила на себѣ отпечатокъ чего-то грустнаго: причины заключались какъ въ немъ самомъ, такъ и вѣй его. Валицкій былъ Полякъ, очень хорошо знавшій какъ нашъ разговорный и отчасти народный языкъ, но постоянно затруднявшійся въ употребленіи языка литературнаго до такой степени, что предпочиталъ чтеніе своихъ лекцій на языкѣ Латинскомъ. Почему онъ не могъ усвоить себѣ нашъ литературный языкъ, — мы объяснить не можемъ; думаемъ, впрочемъ, что одной изъ причинъ была недостаточность (если только не отсутствіе) литературнаго движения въ Харьковѣ. Что-же касается до того, что Валицкій, какъ профессоръ, мало сдѣлалъ по своему предмету, то причину этого явленія опять-таки надобно искать отчасти въ немъ самомъ, отчасти вѣй его. Студенты поступали въ 1-е отдѣленіе философскаго факультета не только съ самыми жалкими свѣдѣніями въ Греческомъ языкѣ, но даже и безъ всякихъ свѣденій; такъ, по-крайней-мѣрѣ, было въ то время, когда мы знали Харьковскій университетъ, т. е. въ 1842—1847 годахъ. При множествѣ факультетскихъ предметовъ, молодымъ людямъ не было никакой возможности, если не изучить основательно, то, по-крайней-мѣрѣ, знать Греческій языкъ настолько, насколько въ то время знали Харьковскіе студенты языкъ Латинскій. Спрашивается: при такомъ положеніи предмета, что могъ сдѣлать профессоръ? можно-ли было требовать отъ студентовъ специальности? Не говоря о томъ, что Валицкій былъ глубоко-доброе существо, болѣе чѣмъ любимое студентами,—существо, которое принимало въ каждомъ самое теплое, самое человѣческое участіе; что онъ, пони-

мая невыгодное положение своего предмета, быть слишкомъ снисходителенъ: было еще другое обстоятельство, мѣшавшее процвѣтанию Греческаго языка въ Харьковскомъ университете — это значение Валицкаго, какъ профессора-художника: въ этомъ была его сила и слабость; этимъ увлекались студенты; этимъ и только одниъ этимъ имѣть онъ на послѣднихъ огромное влияніе.— А. О. Валицкій дѣйствительно былъ профессоръ-художникъ; лекціи его имѣли художественное значеніе. Онѣ служили превосходною школой для эстетической критики, для эстетического и гуманного образования. Покойный профессоръ особенно любилъ Гомера и Софокла; чтенія его объ этихъ поэтахъ были неподражаемы. Кто слушалъ ихъ, эти чтенія, тотъ никогда не забудеть ни герояевъ Гомера, ни свѣтлыхъ образовъ Софокловыхъ женщинъ; и тѣ и другія, какъ живые, проходили передъ слушателями Валицкаго. Разобравъ и объяснивъ текстъ подвижника въ грамматическомъ и лексическомъ отношеніяхъ, Валицкій тотчасъ же приступалъ къ переводу. И онъ являлся не сухимъ переводчикомъ, а художникомъ и великимъ актеромъ: онъ поэтически умѣлъ восплотить и величавый, суровый образъ Ахилла, и глубоко-женственную натуру Антигоны. Послѣ этого, надѣемся, будетъ понятно то благотворное, неотразимое влияніе, какое имѣть А. О. Валицкій на многочисленныхъ своихъ слушателей. Не давай спать мысли этотъ благородный подвижникъ добра и прекраснаго. Голосъ его не былъ голосомъ воющаго въ пустынѣ; для тѣхъ, кто его слушалъ, этотъ голосъ принадлежалъ къ числу зовущихъ, никогда не умолкающихъ. Нерѣдко потомъ, въ жизни, когда, вмѣсть съ опытностью, начинаетъ долеть умственная драма, вдругъ раздается одинъ изъ этихъ зовущихъ голосовъ, которымъ-такъ жадно внималъ въ золотой юности, — и раздается не напрасно: воспринять и освѣжится человѣкъ, бодрѣе и пріимѣ пойдетъ по избранному пути жизни. При имени Валицкаго невольно встаешь въ воспоминаніи другой образъ, образъ печальный и грустный, образъ Лунина, профессора всеобщей исторіи. Имена ихъ должны быть неразлучны въ исторіи Харьковскаго университета, какъ неразлучны они въ воспоминаніи учениковъ. Нѣтъ надобности разъяснять тайну ихъ влиянія на послѣдникъ: они оба не давали спать мысли, оба будили дремлющія силы, оба мужественно боролись противъ всего враждебнаго истинѣ, добру и прекрасному.

Лушигъ рано изнемогъ и отъ этой тяжелой борьбы.... Невольно приходить намъ на память слова Иннокентія, архієпископа Харьковскаго, сказанныя имъ 23 ноября 1844 года въ университетской церкви, при погребеніи профессора Бутковскаго: «Ахъ, я вижу тамъ—вдали—еще свѣжую могилу собрата нашего, который не имѣлъ и того утѣшения, чтобы вѣжды его были сокищуты рукою нечуждою, и чтобы на могилу его упала хотя одна слеза изъ очей тѣхъ, для коихъ столько гѣть было чистое въ благородное сердце его». Невольно рисуется въ воспоминаніи знакомая, милая картина прошлаго, обширная зала аудиторія № 1-го, постоянно полна многочисленными слушателями. Наѣво изъ оконъ представляется слѣдующій видъ: въ нѣсколькоихъ шагахъ возвышается колоссальное зданіе соборной колокольни и далѣе тянется узкою лентой университетская улица съ гостинымъ рядомъ по одной и съ книжными лавками по другой сторонѣ; прямо изъ оконъ въ окна виднѣется другое университетское зданіе—клинический корпусъ; направо двери, ведущія въ аудиторію. Лучи солнца или освѣщаютъ густыми потоками свѣта всю залу, если это случалось утромъ, или, если бывало вечеромъ, играютъ разнообразными переливами на окнахъ клиники. Слушатели полны глубокаго, напряженного вниманія; раздается только одинъ: то—или мощный голосъ, вызывающій къ жизни поэтическихъ гороевъ древности, голосъ жизни и страсти, или—слабый, болѣзnenый голосъ, съ эпическимъ спокойствиемъ повѣстующій о прошлой судьбѣ народовъ, но, тѣмъ не менѣе, владѣющій необыкновеннымъ искусствомъ художественного представленія этой судьбы. Дорогое время! Знакомые, дорогіе голоса!—Голоса эти принадлежали Валицкому и Лушину».

УЧИЛИЩА ДЛЯ ОБРАЗОВАНИЯ ДѢВІЦЪ ВЪ ВАТСКѢ ГУБ. въд. напечатано: Съ каждой почтой получаются новыя извѣстія относительно устройства училищъ для образования дѣвицъ. Мысль правительства пригласить общество участвовать въ устройствѣ этихъ училищъ встрѣтила живое сочувствіе въ городскомъ сословіи, которое дасть средства не только къ устройству училищъ, но и къ содержанію ихъ на будущее время. Такъ въ послѣднее время получены съѣдѣнія изъ г. Сарапуля и Елабуги. Въ первомъ

изъ нихъ городское общество, предположить устроить и содер-
жать училище для дѣвицъ, всѣ нужные на сей предметъ издер-
жки принялъ на себя и съ этой цѣлью обязалось ежегоднымъ взно-
сомъ съ купцовъ 2 гильдіи по 4 р. и 3 гильдіи—по 3 р., а съ мѣ-
щанъ—по 18 к. сер. съ души; если-же необходимыя по училищу
издержки будутъ превышать предложенную къ сбору сумму, то
общество пополнитъ ону изъ другихъ источниковъ по своему
усмотрѣнію. Въ Елабугѣ же тамошній 1-й гильдіи купецъ К. Я.
Ушковъ изъявилъ готовность построить на собственный счетъ и
пожертвовать навсегда двухъэтажный домъ, для помѣщенія
уѣзданаго училища для мальчиковъ, отдѣленія для обучения дѣ-
вочекъ, кватиры смотрителя училища, законоучителя и наста-
вницы, и сверхъ-того въ этомъ-же домѣ будетъ помѣщеніе для
домовой церкви; первоначальное-же обзаведеніе и содержаніе
отдѣленія для дѣвицъ общество отнесло на счетъ той суммы, ка-
кая составится взносами за обученіе дѣтей, а недостатокъ оной
предположило пополнить изъ городскихъ доходовъ или доброволь-
ными складками, такъ-что ни въ Сарапулѣ, ни въ Елабугѣ не по-
требуется никакихъ со стороны казны расходовъ на устройство
женскихъ училищъ. Такимъ образомъ, въ короткое время пять
городовъ Вятской губерніи (Вятка, Котельничъ, Слободской, Са-
рапуль и Елабуга) откликнулись на зовъ правительства и изъявили
полную готовность содѣствовать общей пользѣ въ дѣлѣ образо-
ванія дѣвицъ. Общества тѣкъ городовъ приняли на себя почти
всѣ расходы по устройству и содержанію училищъ; при этомъ не
пожалѣли принести на пользу образования свою ленту и частныя
лица. Имена М. И. Кардакова, Н. Д. Кардаковой и К. Я. Ушкова
не будутъ забыты въ лѣтописи просвѣщенія Вятского края».

РАЗВИТИЕ РУССКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ПОСРЕДСТВОМЪ АКЦИОНЕРНЫХЪ КОМПАНИЙ.—
Въ Жури, для акціонеровъ въ этомъ по направлению своему
прекрасномъ органѣ торговой и промышленной дѣятельности въ Рос-
сии, о развитіи промышленности посредствомъ акціонерныхъ компа-
ний сообщено слѣдующее: «Въ истекшемъ году образовалось 34
акціонерныхъ компаний—цифра ничтожная по громадному размѣру
экономического развитія въ промышленныхъ государствахъ запад-
ной Европы и въ Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатахъ,

но весьма многозначительная у насть, гдѣ самыя наименованія: *акція, облигація, премія, дивидендъ и т. п.* еще очень недавно были совершенной чужды для огромнаго большинства публики. Въ теченіе почти полу столѣтія, съ 1799 по 1855 годъ, продолжали свои дѣйствія только 34 товарищества по участкамъ (первая изъ акціонерныхъ компаний — Российско-Американская, учреждена въ 1799 году). Съ новою, столь многообѣщающею эпохой Русскаго общественнаго быта начинается и замѣчательная дѣятельность по образованію акціонерныхъ предпріятій, что такъ рѣшительно свидѣтельствуетъ о разумномъ направлѣніи общественнаго мынія къ экономическимъ интересамъ. Въ 1856 году учреждено шесть акціонерныхъ компаний, и въ числѣ ихъ *Русское общество пароходства и торговли*, которое въ третій только годъ его дѣйствій обращаеть уже на себя пытливые взоры всего коммерческаго міра. Въ 1857 году основалось 16 акціонерныхъ обществъ; между ними первенствуетъ *Главное общество Российскихъ желѣзныхъ дѣръ*, съ капиталомъ въ 275 миллионовъ рублей и съ участіемъ высшихъ финансовыхъ фирмъ Европы. Съ учрежденіемъ сего общества, Русскія акціи впервые возымѣли право гражданственности на Европейскихъ биржахъ. Нынѣ находится у насть въ дѣйствіи около двадцати акціонерныхъ обществъ; изъ нихъ болѣе трети учреждены въ 1858 году. И такъ, минувшій годъ отмѣтится въ исторіи развитія отечественной промышленности посредствомъ акціонерныхъ компаний, какъ весьма благопріятный. По свойству компанійскихъ дѣйствій, *тринадцать* изъ новоучредившихся компаний основаны для промысловъ заводскихъ, *девять* предназначены для устройства путей сообщенія, *пять* товариществъ имѣютъ преимущественно коммерческій характеръ и такое-же число компаний пре-*сльдуетъ* мыстная общеполезныя цѣли. По важности предпріятія обратили на себя особенное вниманіе общества: Рижско-Динабургской желѣзной дороги, Волжско-Донской желѣзной дороги и пароходства «Кавказъ»; компаний: Амурская, Бѣломорская, страховые отъ огня общества: Московское и С. Петербургское; общество сточичного освѣщенія газомъ и общество С. Петербургскихъ водопроводовъ. Съ особеннымъ удовольствиемъ указываемъ на примѣнение у насъ акціонернаго принципа къ высокимъ филантропическими цѣлямъ, что впервые осуществилось въ учрежденіи общества для улучшенія въ С. Петербургѣ помѣщений рабочаго и нуж-

дающаго ея населенія. Образованною публикою съ большимъ интересомъ принято было извѣстіе о двухъ проектированныхъ литературныхъ акціонерныхъ компанияхъ. Впрочемъ, къ учрежденію этихъ обществъ встрѣтились, говорятъ, нѣкоторыя препятствія; мы искренно желаемъ скорѣйшаго ихъ окончанія. 30 апрѣля посыпѣдало учрѣженіе акціонернаго общества, подъ названіемъ Закаспійское торговое товарищество. По уставу своему, это общество есть, въ-сущности, торговое товарищество на вѣрѣ, но съ опредѣленнымъ капиталомъ, раздѣленнымъ на равные пай или акции. Подобная компания представляетъ у насъ новое, весьма замѣчательное юридическое явленіе».

L

Н О В О С Т И

ЕСТЕСТВЕННЫХЪ НАУКЪ.

Физиологіи замѣдленія. — Между явленіями, совершающимися въ органическихъ тѣлахъ, есть цѣлый рядъ такихъ, которыя, не смотря на всѣ успѣхи физіологии, остаются покрытыми глубочайшимъ мракомъ. Сюда принадлежать именно всѣ явленія такъ-называемаго *размноженія*, — явленія, которые составляютъ отличительную черту организмовъ. Организмъ — заражается, обыкновенно, при помощи взаимодѣйствія, потомъ растетъ, расчленяется на многообразные органы, претерпѣваетъ превращенія, часто удивительныя по рѣзкости и быстрому переходу формъ, достигаетъ зрѣлости, самъ порождаетъ новые организмы и наконецъ неизбѣжно, неизрѣдѣно — умираетъ. Какъ ни подробно мы знаемъ различныя явленія, которые происходятъ при всѣхъ этихъ перемѣнахъ, мы знаемъ однозначно только явленія, а о причинахъ, о сущности этихъ явленій физіология не имѣеть никакого понятія. Чтобы яснѣе видѣть все безсиліе физіологии въ этой области, возьмемъ другую область, именно явленія, происходящія въ организмѣ на какой-нибудь одной степени развитія, въ организмѣ такъ сказать постоянномъ, неразвивающемся. Въ объясненіи этихъ явленій физіология сдѣлала исполнительскіе успѣхи, совершила блестательныя открытия. Какъ разясняемъ процессъ дыханія, — таинственный процессъ, съ которымъ связываются представленія о душѣ и жизни! Какими быстрыми шагами идетъ впередъ объясненіе процесса пищеваренія! Какъ яснѣтъ для насъ весь механическій процессъ движения! Между тѣмъ въ развитіи нѣтъ ни

одного объясненного явления; даже простейший случай — распадение одной клеточки на две — основное и самое простое явление развития, не иметь не только положительного объяснения, но даже объясняющей гипотезы.

Такое положение наука, нам кажется, выражается очень хорошо теорией развития, господствовавшую в прошлом веке, и которой, по-крайней-мере в первое время, держался и величайший натуралист нашего века — Кювье. Теория эта называлась собственно теорией развития (*theoria evolutionis*) и состояла главным образом в томъ, что предполагала предсуществование зародышей и происхождение ихъ приписывала прямо творческой силѣ. Зародышъ-же, по этой теоріи, былъ ни что иное, какъ цѣлый организмъ въ миниатюрѣ, такъ-что все развитіе состояло въ постепенномъ увеличеніи частей, въ постепенномъ раскрытии того, что уже въ немъ существуетъ. Совершенно понятно, что физиология такимъ образомъ избѣгала многихъ трудностей. Непонятныя явленія были отнесены къ самому акту созданія зародыша, и следовательно оставалось объяснять только явленія уже построеннаго, уже готоваго организма, — что, какъ мы видѣли, несравненно легче.

Новая физиология разрушила такія сладкія ишты. Оказалось, что эти явленія, первѣко относимыя старой теоріей къ самому началу созданія міра, что эти чудеса совершаются теперь, у насъ передъ глазами и что следовательно неизбѣжно предстоитъ трудъ искать ихъ объясненія. Оказалось, что зародышъ не существуетъ прежде известнаго времени, что сначала онъ имѣть простейшее органическое строеніе, что части въ немъ являются постепенно и пр. Въ этикѣ открытій состоитъ одинъ изъ величайшихъ успѣховъ человѣческаго знанія; но замѣтительно, что тѣлько не менѣе самыя явленія остаются таинственными, непонятными.

Еще недавно вся Германія и также другія ученыя страны шумѣли споромъ объ одномъ изъ предметовъ, относившихся сюда, именно объ оплодотвореніи растений. Какой-же результатъ столь многихъ ученыхъ трудовъ? Справно сказать: результатъ тотъ, что таинственное явленіе, загадка, действительно признана загадкою. На самомъ дѣлѣ, подобно тому, какъ теорія прошлаго вѣка объясняла развитіе тѣмъ, что отрицала развитіе, то есть полагала, что въ зародышѣ есть все части зрѣлаго организма, такъ точно остроумный Шлейденъ хотѣлъ объяснить оплодотвореніе растений тѣмъ, что отрицалъ оплодотвореніе. Оплодотвореніе, какъ извест-

но, представляетъ напонятіе взаимодѣйствіе двухъ различныkhъ органическихъ частей, вслѣдствіе котораго явается зародышъ. Шлейденъ отрицалъ такое необходимое и вмѣстѣ совершенно неизвѣстное почему нужное взаимодѣйствіе: по его мнѣнію, съмненная почка была не что иное, какъ почва, на которой всего удобнѣе изъ пыльника вырастаетъ зародышъ; въ другихъ случаяхъ та же пыльника, спора, можетъ вырости и на простой землѣ. Длинный споръ, какъ я сказаъ, опровергъ эту остроумную гипотезу, которая, вслѣдствіе трудности наблюдений, сперва была поддерживаема многими наблюдателями. Такъ-какъ явлеъе совершенно темно, то очевидно и невозможна была другая гипотеза кромѣ такой, которая отвергала самое явлеъе. Всякая гипотеза уже разъясняетъ дѣло, уже приближается болѣе или менѣе къ истинѣ; здѣсь-же мы, повидимому, лишены и самой *возможности объясненія*.

Иногда говорятъ, что оплодотворяющій элементъ дѣйствуетъ на оплодотворяемый, какъ ферментъ, какъ закваска; но не нужно забывать, что это есть только простое сравненіе, а не подведеніе одного явлеъя подъ другое. На самомъ дѣлѣ дѣйствіе фермента состоить въ извѣстныхъ химическихъ явлеъяхъ, между-тѣмъ-какъ дѣйствіе оплодотворенія обнаруживается въ извѣстныхъ органическихъ перемѣнахъ, въ размноженіи клѣточекъ, въ распаденіи ихъ на различные группы и т. п. Очевидно, въ некоторыхъ отношеніяхъ то и другое дѣйствіе сходны, но, вообще говоря, существенно они различны.

Не меньшая темнота господствуетъ и въ другомъ вопросѣ, бывшемъ также предметомъ безковачныхъ споровъ и опытовъ, именно въ вопросѣ о произвольномъ зарожденіи. Подъ именемъ *произвольное зарожденіе* собственно разумѣютъ происхожденіе организмовъ безъ всякаго участія другихъ организмовъ. Прежде, когда принимали существование такъ-называемой *органической матеріи*, или думали, что органическія вещества не могутъ происходить витъ организмовъ, различали еще произвольное зарожденіе изъ неорганическихъ веществъ и такое-же зарожденіе при участіи органического вещества. Но теперь, когда эти мнѣнія пали, вопросъ сталъ опредѣлительный и состоять въ томъ, могутъ ли вообще происходить организмы сами по себѣ безъ всякаго участія другихъ, прежде существующихъ организмовъ.

Замѣтимъ, что подъ этимъ *происхожденіемъ* мы разумѣемъ явлеъе совершенно неизвѣстное и неопредѣленное. На этомъ осново-

вания мы никакъ не можемъ сказать, что оно невозможно; между тѣмъ есть причины думать, что оно если не совершается теперь, то непремѣнно совершалось прежде. Геологическія изслѣдованія показываютъ, что была эпоха, когда на землѣ не было организмовъ, что потому они постепенно появлялись и исчезали. Если послѣдующіе организмы и можно производить отъ предыдущихъ, то первые организмы очевидно должны были произойти безъ участія другихъ, съдовательно зародиться произвольно. При этомъ весьма справедливо замѣчаетъ Оуэнъ (1), что каковы-бы ни были процессы, которые мы предположимъ, мы всегда сохранимъ мысль о *теоремѣ*, т. е. всегда найдемъ, что явленія всепрѣло совершаются по законамъ Высочайшаго Разума.

И такъ необходимо допустить происхожденіе однихъ организмовъ безъ участія другихъ.

Но мы не имѣемъ никакого понятія объ этомъ явленіи, и потому не можемъ судить и объ условіяхъ, при которыхъ оно совершается. Отсюда можно вывести двоякое слѣдствіе. Во-первыхъ, никакой опытъ не можетъ доказать, что произвольное зарожденіе не существуетъ: потому-что каковы-бы ни были условия опыта, мы всегда можемъ предположить, что произвольное зарожденіе требуетъ какихъ-нибудь другихъ условій. Во-вторыхъ, никакой опытъ, при которомъ *изначально откуда* появлялись организмы, не можетъ несомнѣнно доказать произвольное зарожденіе; всегда можно предположить ошибку, всегда можно сказать, что здѣсь действительно было зарожденіе, но не произвольное зарожденіе. Такое сомнѣніе всегда будетъ основательно, пока мы не узнаемъ самаго явленія и не будемъ въ состояніи опредѣлить связь его съ условіями. Всѣ опыты, которые были сдѣланы для разясненія этого предмета, до-сихъ-поръ суть только неопределенные попытки и до-сихъ-поръ онѣ не дали никакого результата.

Въ послѣднее время такія попытки были сдѣланы Пуше и Гузо (2).

Занимаясь этимъ вопросомъ, Пуше повторилъ всѣ замѣчательные опыты, которые были сдѣланы до него многими учеными, и наконецъ дошелъ до опытовъ Шульца и Шванна, которые вѣдьми противниками произвольного зарожденія считаются самыми силь-

(1) См. Ж. м. н. пр. февр. кн. отд. VII.

(2) Comptes rendus 1858 20 dÃ©cembre.

ными доказательствами противъ этой гипотезы. Пуше утверждаетъ, что, сдѣдуя точно тѣмъ-же приемамъ, даже разнообразия ихъ и доведя ихъ до большей строгости, онъ все-таки *получилъ положительный результатъ*. Микроскопическія животныя и растенія появлялись въ колбахъ, въ которыхъ предварительно были уничтожены всѣ органическіе зародыши и куда воздухъ проникалъ только черезъ сгущенную сѣрную кислоту или черезъ лабиринтъ фарфоровыхъ кусковъ и горнаго льна, нагрѣтыхъ до краснаго каленія.

Но, кромѣ-того, Пуше пробовалъ вмѣсто обыкновенного воздуха употреблять искусственный. Прекрасные опыты Реньо и Рейзэ, говорить онъ, заранѣе давали мнѣ причину думать, что низшіе животныя могутъ развиваться въ такомъ воздухѣ, такъ-какъ въ немъ могли жить даже позвоночныя. Микроскопическіе организмы появлялись въ водѣ, бывшей въ прикосновеніи только со смѣсью 21 части кислорода и 79 частей азота и даже съ однимъ чистымъ кислородомъ.

Опытъ, сдѣланный Пуше, состоять въ сдѣдующемъ:

Флаконъ, наполненный кипящимъ водой, былъ герметически закупоренъ и опрокинутъ въ ртутную ванну; по охлажденіи, его откупорили и подъ ртутью ввели въ него кислородъ и ключекъ сѣна, который въ особомъ флаконѣ былъ нагрѣваемъ въ-течение 30 минутъ до 100°. Потомъ первый флаконъ былъ закрытъ стеклянною пробкою, плотно притертой, и наконецъ отверстіе залѣплено лакомъ.

Чрезъ восемь дней вода была желтоватаго цвѣта и на нѣкоторыхъ изъ кусочковъ сѣна видны были бѣловато-желтые шарики, величиною и видомъ похожіе на сѣмена бѣлаго крыжовника. Оказалось, что эти шарики состояли изъ пльсени Aspergillus и г. Монтанъ призналъ ее за особый, еще неописанный видъ — Aspergillus Pouchetii.

Другой, совершенно подобный опытъ произведенъ Пуше вмѣстѣ съ Гузо. Только вмѣсто кислорода въ этомъ случаѣ они употребили искусственный воздухъ — смѣсь кислорода и азота въ пропорціи, находимой въ воздухѣ.

На восьмой день вода стала мутной; на краю появился сѣровато-зеленый островокъ около трехъ миллиметровъ въ диаметрѣ.

Черезъ мѣсяцъ, когда былъ открытъ флаконъ, въ немъ нашлось четыре такіе островка и оказалось, что они состоять изъ

Penicillium glaucum Link. Кроме того на дне были шарики *Aspergillus*.

Наконецъ оказалось довольно много животныхъ, именно *Proteus diffluens* Mall., *Trachelius trichophorus* Ehrb., *Trachelius globifer* Ehr., *Morbas elongata* Duj., *Vibrio lineola* Mull., *Vibro regula* Mull.

Эти опыты возбудили многія замѣчанія со стороны Французскихъ академиковъ (1), которыхъ весьма справедливо указываютъ на недостаточную строгость опытовъ.

Мильнъ Эдвардъ замѣтилъ, что температура 100°, при которой съюно оставалось только 30 минутъ, недостаточна для уничтоженія жизненности зародышей, которые могли въ немъ заключаться; что въ столь короткое время съюно не могло даже принять во всѣхъ частяхъ температуры 100°. Кроме того известно, что иѣ-которые животныя, именно *Tardigrada*, могутъ сохранить жизнь послѣ-того, какъ они иѣсколько часовъ пробыли въ температурѣ 120°, даже 140°. Что возможно для столь сложныхъ животныхъ, то тѣмъ-болѣе возможно для зародышей инфузорій. Наконецъ, смерть-всего этого, Мильнъ Эдвардъ убѣдился многократнымъ опытомъ, что какъ-скоро всѣ органические зародыши уничтожены, никогда не появляются инфузоріи въ настоящихъ. Напримеръ, если въ дѣвъ трубочки налить воды и примишьшать органическихъ веществъ, если запаять одну изъ трубокъ до двухъ третей наполненную воздухомъ, а другую трубку оставить открытою и потомъ погрузить ихъ въ кипящую воду на такое время, чтобы они могли принять ея температуру, то послѣ иѣсколькихъ дней окажутся инфузоріи въ той трубкѣ, которая въ сообщеніи съ воздухомъ, и никогда ни одной инфузоріи не появляется въ той, которая запаяна. Подобные опыты Мильнъ Эдвардъ постоянно дѣлали во время своихъ курсовъ, на которыхъ постоянно отвергали ученіе о произвольномъ зарожденіи. Онъ рассматриваетъ жизнь, какъ проявленіе особенной силы, данной органическимъ тѣламъ.

Замѣтилъ, что словомъ *сила* уже давно и много злоупотребляютъ и что оно наконецъ утратило всякое опредѣленное значеніе. Что такое сила? Я вижу иѣкоторое явленіе и говорю: оно происходитъ *отъ иѣкоморой силы*. Очевидно, это мало помогаетъ пониманію явленія. Что же значитъ сила — *датала и передающаяся?*

(7) L'Institut, 1859, p. 11.

Панер приводит фактъ, что иногда нужна очень высокая температура для того, чтобы уничтожить совершенно жизненность микроскопическихъ растений. Въ 1843 году, изслѣдуя съ Марбелемъ причину порчи хлѣба отъ плѣсени, онъ старался опредѣлить, какъ высока температура, при которой споры *Oidium aurantiacum* теряютъ способность прорастать. При 120° они нисколько не измѣнялись и только при 140° , подверженны этой температурѣ цѣлый часъ, они измѣняли цветъ и теряли способность расти.

Катрфажъ замѣтилъ, что непремѣнно нужно допустить присутствіе въ воздухѣ значительного числа растительныхъ и животныхъ зародышей. Изслѣдуя пыль, которая оставалась на цѣдилѣ, при анализахъ дождей съ грозою, дѣланыхъ Буссенго, Катрфажъ убѣдился, что между тѣмъ-какъ въ сухомъ состояніи эта пыль представляла странное смыщеніе неопределенныхъ частицъ, въ прикосновеніи съ водою черезъ нѣсколько часовъ она представляла множество споръ, инфузорій въ видѣ кисть, коловратокъ, монадъ и пр. Подобныхъ-же животныхъ содержится и пыль, которая садится въ верхнихъ частяхъ высокихъ комнатъ.

Затѣмъ Катрфажъ указываетъ на новыя открытія въ размноженіи глистовъ, которыхъ нѣкогда тоже считали произвольно-зарражающимися. Вездѣ, даже по открытію Бальбіани, у инфузорій, оплодотворенное яйцо — необходимый членъ размноженія.

Клодъ Бернаръ со своей стороны разсказываетъ опытъ, который онъ сдѣлалъ. Въ два одинаковые стеклянные баллона налили въ одно время растворъ желатины въ водѣ, съ примѣсью нѣсколькихъ тысячныхъ сахара. Оба баллона были нагрѣты, до кипѣнія. По охлажденіи, одинъ изъ нихъ наполнился обыкновеннымъ воздухомъ и былъ потомъ запаянъ; въ другой-же воздухъ проходилъ черезъ фарфоровые куски, нагрѣтые до краснаго каленія, и потомъ баллонъ былъ также запаянъ. И тотъ и другой были потомъ оставлены въ совершенно одинаковыхъ обстоятельствахъ, на свѣтѣ, и при обыкновенной температурѣ. Черезъ 12 дней баллонъ съ обыкновеннымъ воздухомъ уже содержалъ въ себѣ множество плѣсени. Черезъ шесть мѣсяцевъ оказалось, что кислородъ былъ поглощещъ въ томъ и другомъ баллонѣ и образовалась углекислота. Въ баллонѣ съ обыкновеннымъ воздухомъ Мантанъ нашелъ плесень *Penicillium glaucum*, а въ другомъ не было ни животныхъ, ни растеній.

Дюма также припомнилъ свои опыты, уже давно сдѣянные,

въ которыхъ органическія тѣла, нагрѣтыя до 180° въ прикосновеніи съ искусственnoю водою и съ искусственнымъ воздухомъ, не производили инфузорій; какъ только давали доступъ обыкновенному воздуху, они тотчасъ-же появлялись.

Истинный узелъ (1).—Дѣло идеть о спинномъ мозгѣ. Приводимъ здѣсь вполнѣ статью *Флуранса*, въ которой онъ, какъ всегда, употребляетъ свое особенное средство быть краткимъ, именно—быть яснымъ.

«Въ 1760 году Лорри написалъ слѣдующія замѣчательныя слова: разрѣзъ или сжиманіе спиннаго мозга въ извѣстномъ мѣстѣ производить мгновенную смерть; если-же разрѣзать ниже этого мѣста, то произойдетъ параличъ; тоже будетъ, если разрѣзать выше (2).»

«Даѣте: мѣсто это находится у маленькихъ животныхъ между вторымъ и третьимъ, между третьимъ и четвѣртымъ позвонками, для животныхъ болѣе значительного объема—между первымъ и вторымъ, между вторымъ и третьимъ позвонками шеи (3).»

«Въ 1812 году Легаллуа еще точнѣе опредѣлилъ мѣсто, указанное Лори, говоря: не отъ цѣлого мозга зависитъ дыханіе, а отъ опредѣленного мѣста продолговатаго мозга, которое находится на маломъ разстояніи отъ затылочнаго отверстія, около начала нервовъ восьмой пары, или легочно-брюшныхъ (4).»

«Въ 1827 году я сдѣлалъ новый и болѣе значительный шагъ къ точнѣйшему опредѣленію искомаго мѣста; въ моемъ мемуарѣ я говорилъ: верхній предѣлъ центральной и перво-двигательной (*premier-moteur*) точки нервной системы находится непосредственно надъ началомъ восьмой пары, а нижній предѣлъ — на три линіи ниже этого начала (5).»

«Наконецъ въ 1851 году я сдѣлалъ еще шагъ, который смѣю считать послѣднимъ; именно я сказалъ: верхняя граница проходить черезъ *слѣпое отверстіе*, нижняя черезъ точку соединенія

(1) *Comptes rendus* 1858. 22 Nov.

(2) *Mémoires de l'ac. des sc. savants etrangers*, t. III, p. 968.

(3) *Ibid.* p. 967.

(4) *Experiences sur le principe de la vie*, p. 87.

(5) *Recherches experim.* p. 204.

заднихъ пирамидъ; между этими двумя предъями находится эмбриональная мозговая, а расстояние между ними не больше дюйма (1).»

«Я дѣлаю свой опытъ различнымъ образомъ (2): во-первыхъ—перерѣзываю весь спинной мозгъ поперекъ.»

«Если разрѣзъ сдѣланъ передъ слѣпымъ отверстиемъ, то дыхательные движения груди продолжаются.»

«Если разрѣзъ сдѣланъ сзади соединенія заднихъ пирамидъ, то дыхательные движения лица (движение щекъ и зѣвота) продолжаются.»

«Если разрѣзъ сдѣланъ по срединѣ V спраго вещества, то дыхательные движения груди и лица прекращаются мгновенно, и тѣ и другія вмѣстѣ.»

«Во-вторыхъ, я произвожу опытъ помощьюъ emporte-pièce, кото-
рого отверстіе имѣть три миллиметра въ диаметрѣ.»

«Если разрѣзъ или, точнѣе, разрушение мозга, производимое инструментомъ, проходитъ передъ слѣпымъ отверстиемъ, дыхательные движения груди продолжаются; если разрѣзъ проходитъ сзади точки соединенія заднихъ пирамидъ, то дыхательные движе-
нія лица продолжаются; если разрѣзъ проходитъ по срединѣ V сп-
раго вещества, то всѣ дыхательные движения груди и лица уничто-
жаются разомъ.»

«Наконецъ я произвожу опытъ еще третьимъ способомъ.»

«Я употребляю обоюдо-острый ск鋑цель съ очень тупою вер-
шинкою, кото-
рого пластилка имѣть пять миллиметровъ въ ши-
рина (3).»

«Посредствомъ такого ск鋑целя я произвожу поперечное сѣче-
ніе средней части продолговатаго мозга.»

«Нѣтъ нужды повторить, что точно такъ-же, какъ въ предъи-
дущихъ опытахъ, если сѣченіе сдѣлано слишкомъ далеко впереди,
движения груди остаются; если-же оно сдѣлано слишкомъ позади,
то остаются личныхъ движений.»

«Если сѣченіе проходитъ въ точности черезъ середину спраго
вещества, то исчезаютъ разомъ дыхательные движения туловища
и лица.»

(1) Comptes rendus XXXIII, p. 437.

(2) Всѣ мои опыты, о которыхъ буду говорить, сдѣланы надъ кроликами.

(3) Такие размѣры всего удобнѣе для кроликовъ. Для большихъ животныхъ,
напр. для собакъ, размѣры должны быть больше.

«Но вотъ въ чёмъ состоитъ новая и основная истина, открываемая этимъ новымъ способомъ. Жизненный узель—двойной⁽¹⁾, т.-е. состоять изъ двухъ частей или половинъ, соединенныхъ посерединѣ; каждая половина можетъ замѣнить недостатокъ другой.»

«Можно разрѣзать правую половину жизненного узла и жизнь не прекратится; точно также можно разрѣзать и лѣвую половину. Для прекращенія жизни необходимо разрѣзать обѣ половины въ обѣ на томъ-же протяженіи, на протяженіи двухъ съ половиною миллиметровъ, всего на пять миллиметрахъ.»

«И такъ разрѣзъ въ пять миллиметровъ въ избѣжной точкѣ продолговатаго мозга—вотъ чего достаточно для уничтоженія жизни.»

Лонже въ своемъ трактатѣ физиологии (Т. II, р. 206) говорить: «Я разрѣзываю, разрушаю на этой высотѣ (на высотѣ, указанной Флуромъ) пирамиды и шнуровидныя тѣла и однакожъ дыханіе не прекращалось; напротивъ, егдальное разрушение среднаго пучка въ томъ-же мѣстѣ производило мгновенную остановку дыханія.»

«Все это совершенно вѣрю. Жизненный узель лежитъ между задними пирамидами, и сбѣдовательно въ эти пирамиды, ни тѣмъ болѣе шнуровидныя тѣла не имѣютъ къ нему никакого отношенія.»

«Въ замѣткѣ, которую въ 1851 году я читалъ въ академіи, я говорилъ: «Физиологи часто просили меня указать какимъ-нибудь анатомическимъ терминомъ точное мѣсто точки, которую я называю жизненной точкой.»

«Отвѣщаю имъ: мѣсто жизненной точки обозначается *У сэрсюе общества.*»

«Я думалъ, что, говоря такимъ образомъ, оказываю нѣкоторое несобѣ физиологамъ. Они требовали отъ меня наружнаго указания, значка жизненного узла, и я указалъ имъ его; но я никакъ не думалъ, что они зайдутъ принять за самый предметъ, значок жизненного узла за самій узель.»

«Между-тѣмъ, кажется, нѣкоторые впали въ такую ошибку; они

(1) Точно такъ, какъ и все въ первыхъ центрахъ двойное: продолговатый мозгъ, спинной мозгъ, лопасти или полушарія мозга и пр. Можно отнять одну лопасть мозга, оставшаяся замѣняетъ ее. См. *Recherches experiment. sur les propriétés et les fonctions du système nerveux*, pag. 31 et suiv. (2-de edition).

снимали: «У сърдца существа и удивляясь, что животное продолжало жить. Между темъ удивительно было бы, еслибы оно умерло. У сърдца существа не можетъ никакого отношения къ жизненному узлу.»

«Можно снять У сърдца существа и животное нисколько не потерпить (1).»

«Можно сдѣлать болѣе: можно прорѣзать насквозь продолговатый мозгъ, вдоль между половинами жизненного узла. Если только половинки не повреждены, или повреждены незначительно, то животное нисколько не потерпитъ.»

«Я сказаъ уже: для прекращенія жизни необходимо, чтобы обѣ половинки жизненного узла были разрѣзаны, разрушены и обѣ на одинаковомъ протяженіи, каждая на двухъ съ половиною миллиметрахъ; вотъ прямое выраженіе опыта.»

способъ опредѣлить удельный вѣсъ (2).— А: Мейеръ предложилъ самый легкій и изящный способъ опредѣлить удельный вѣсъ тѣла; онъ, конечно, не можетъ равняться съ другими по точности, но достаточно для приблизительного и быстрого опредѣленія.

Такъ-какъ вѣсъ состоять въ томъ, чтобы узнать, какъ велико количество воды, занимающее объемъ, равный объему испытываемаго тѣла, то задача разрѣшается чрезвычайно просто съдующимъ способомъ: наполнить водой какой-нибудь сосудъ, въ него опускаютъ длинное колѣно сифона, наполненного также водой. Нѣсколько времени изъ короткаго колѣна вытекаетъ вода и наконецъ останавливается. Тогда опускаютъ въ сосудъ испытываемое тѣло и вода снова начинаетъ течь изъ сифона; если собрать всю воду, которая вытечетъ въ этоѣ случаѣ, то она представитъ какъ объемъ въ точности равный объему взятаго тѣла. А. Мейеръ повторилъ этимъ способомъ множество чиселъ удельного вѣса, найденныхъ помощью прежнихъ способовъ, и нашелъ полное согласіе. Онь полагаетъ, что его способъ можетъ быть съ пользою употребляемъ при опредѣленіи удельного вѣса минераловъ, и вообще такихъ тѣлъ, которыхъ объемъ не позволяетъ прибѣгнуть къ гидростатическимъ вѣсамъ. .

(1) Можно также перерѣзать легочно-брюшные нервы. Явленія отъ того нисколько не измѣняются.

(2) Comptes rendus 1858, 20 decembre, p. 999.

новий родъ членикъ (*). — Въ прошлое лѣто Костъ представилъ Парижской академіи замѣтку о превращеніяхъ омаровъ. Ванъ-Бенеденъ, котораго наблюденія были не согласны съ показаніями Коста, снова отправился въ Остенде, чтобы убѣдиться, дѣйствительно ли молодые омары имѣютъ фирму Zoe, то есть имѣютъ на своей скорлупѣ уродливыя колючки, отличающія личинки крабовъ. Новые наблюденія подтвердили однакожъ прежнія; Ванъ-Бенеденъ нашелъ, что омары никогда не имѣютъ фирмы Zoe, и что все превращеніе, которому они подвергаются, состоитъ въ перемѣнѣ наружныхъ жаберъ на внутреннія, покрытыя скорлупою.

При этомъ Ванъ-Бенеденъ нашелъ новое, чрезвычайно странное животное изъ класса червей: оно встрѣчается въ изобилии между яицами омара.

Едва-ли можно найти другое животное болѣе странное. Тѣло его длинно и узко, какъ вообще у червей; голова, ясно-отдѣльная, вооружена многими магнитными и прямыми прибавками; на заднемъ же концѣ тѣла находятся двѣ ноги, назначенные для хожденія. Эти ноги сгибаются, выпрямляются, вытягиваются, какъ заднія ноги лягушки или млекопитающаго. Животное дѣйствительно ходить на этихъ ногахъ между яицами омара; такому хожденію способствуютъ двѣ присоски, занимающія мѣсто ступней. Присоски представляютъ небольшое видоизмѣненіе кожи, которая здѣсь подвижна, можетъ расширяться въ видѣ перепончатаго кружка, или сжимается и принимаетъ форму ступни слона.

Безъ сомнѣнія, это самое удивительное изъ всѣхъ животныхъ, открытыхъ въ послѣдніе годы; можно безъ преувеличенія назвать его двуногимъ червемъ, видя, какъ онъ перемѣщается на стеклѣ или другомъ какомъ гладкомъ тѣлѣ. Представьте себѣ клоуна съ костями, вывихнутыми до послѣдней степени, даже вовсе безъ костей, и пусть онъ эквилибрируетъ на грудѣ чудовищныхъ ядеръ, становясь одной ногой на одно ядро, другой на другое, качасть свое туловище, выется и выпрямляется, какъ пиденица; все это будетъ только несовершенный образъ всѣхъ тѣхъ странныхъ положеній, которыхъ принимаетъ нашъ червакъ въ-течение нѣсколько секундъ.

Невозможно передать зрѣлище, которое представляютъ десятка два такихъ червячковъ, ворочающихся на часовомъ стеклѣ между нѣсколькими яицами.

(*) L'Institut 1858 p. 492.

Вань-Бенеденъ назвалъ этого замѣчательнаго черва *Histriobdella*. Хотя онъ очень обыкновененъ на омарѣ береговъ Франціи и Норвегіи, но ни одинъ натуралистъ еще не описалъ его. Вань-Бенеденъ самъ видѣлъ его уже давно, но принималъ сперва за личинку черва, именно изъ рода серпуль.

Голова *Histriobdella* шириной въ 0,35 миллиметра; ширина ея почти равна длиѣ; она сплюснута и впереди и въ серединѣ имѣеть перепончатую прибавку, нѣсколько похожую на хоботокъ. Съ каждой стороны на наружныхъ углахъ находится по двѣ другіе перепончатыя прибавки, расположенные одна надъ другою. Эти пять прибавокъ на головѣ мягки и отчасти упруги, но не могутъ ни вытягиваться, ни прятаться. Нѣкоторыя кольчатыя, напр. *Nerilla* и *Syllis*, также имѣютъ прибавки на головѣ, но совершенно другого рода. Дальше назадъ по бокамъ находятся два другіе перепончатые органы, очень подвижные, которые могутъ расширяться и сжиматься, втягиваться и выставляться; они действуютъ, какъ кажется, подобно присоскамъ и могутъ укрѣплять животное; въ анатомическомъ и физиологическомъ отношеніи это суть головные ноги, совершенно подобныя тѣмъ, которыми оканчивается тѣло. Червь можетъ ходить на этихъ четырехъ ногахъ подобно гусеницамъ. Во внутренности головы можно легко видѣть мускульные волокна, которые идутъ къ основанию головныхъ ногъ.

Тѣло гистриобделя удлиненное и неправильно кольчатое. Оно попеременно расширяется и съуживается, за исключеніемъ головной части. Не видно нигдѣ никакихъ щетинъ. Въ началѣ послѣдней трети длины тѣла оно быстро раздувается во время появленія половыхъ органовъ и, вслѣдствіе присутствія яичекъ, эта часть тѣла становится бѣлою. По этому обстоятельству можно тотчасъ различить полы.

На заднихъ ногахъ, о которыхъ мы уже сказали, посрединѣ той части, которую можно сравнить съ бедромъ, находятся сзади съ обѣихъ сторонъ перепончатыя прибавки, которыя въ анатомическомъ отношеніи представляютъ полную аналогію съ пятью прибавками головы, такъ-что одинаковые органы расположены на противоположныхъ концахъ тѣла.

Ни въ какомъ кольчатомъ червѣ не встрѣчается подобное устройство; Вань-Бенеденъ думаетъ одинакожъ, что можно привести Гистриобделя къ обыкновенному тѣлу піявочныхъ червей.

На самомъ дѣлѣ всѣ піявочные, за исключеніемъ рода *Peri-*

pates, имѣютъ заднюю присоску; у животнаго же, о которомъ мы говоримъ, не одна, а двѣ такія присоски, и при томъ не сидача, а стебельчатыя; вотъ значеніе ихъ заднихъ ногъ. Такъ у иѣкото-рыхъ Trematoda единственная присоска рода Tristoma, становится множественною и даже являются болѣе или менѣе подвижныя ножки, на которыхъ сидятъ присоски, напр. въ родѣ Polystoma; такое устройство многоприсосковыхъ Trematoda повторяется между плавками въ родѣ Histiobdella. Вѣроятно, что вносятъ въ доказательство и другіе примѣры для пополненія этого параллельного ряда.

Если подобное толкованіе вѣрно, то въ родѣ, открытомъ Ванъ-Бенеденомъ, иѣть ничего аномального; при всѣмъ томъ онъ представляеть намъ очень странную форму плавки, хотя и весьма простой организаціи.

II. СПРАВОКЪ.

II.

РАЗНЫЕ ИЗВЕСТИЯ.

УЧРЕДЕНІЯ ИМПЕРАТРИЦЫ МАРИИ, СОСТОЯЩІЕ ПОДЪ ПІВНОСРДІСТВІЕМЪ ИХЪ ИМПЕРАТОРСКІХЪ ВЛАДЕЧСТВЪ ВѢРОПРОДѢСТВІОМЪ. — Списокъ сихъ учрежденій намечатанъ въ Журн. и. ви. д. Такъ-какъ въ семъ спискѣ главное мѣсто занимаютъ учебныя и воспитательныя заведенія, то мы сочли неизлишнимъ занести этотъ списокъ на страницы нашего журнала.

I. Главный советъ женскихъ учебныхъ заведеній. — Московское отдѣленіе этого совета. *Женскія учебныя заведенія* 1 разряда: Воспитательное общество благородныхъ дѣвицъ, училище ордена св. Екатерины и патріотический институтъ комитета 18 августа 1814 года — въ С.-Петербургѣ, и училище ордена св. Екатерины — въ Москвѣ. — Губернскіе институты благородныхъ дѣвицъ: Харьковскій, Одесскій, Кіевскій, Казанскій-Родіоновскій, Бѣлостокскій, Закавказскій, Полтавскій, Александровскій въ Тамбовѣ, Александровскій въ Новой-Александровѣ, Нижегородскій-Маріинскій, Донской-Маріинской въ Новочеркасскѣ, Могилевскій, Саратовскій-Маріинскій, Сибирскій-Маріинскій въ Томскѣ. Орловскій-Александровскій, Виленскій, Владамірскій, Костромской - Романовскій (послѣдніе 5 по открытию). — *Женскія учебныя заведенія* 2 разряда: Павловскій институтъ, Александровское и Елизаветинское училища — въ С.-Петербургѣ, Александровское и Елизаветинское училища — въ Москвѣ, пансионъ при Гатчинскомъ сиротскомъ институтѣ, Астраханскій институтъ, институтъ восточной Сибири, Керчинскій Кушниковскій институтъ Симбирское, Елизаветинское училище, Оренбургское училище, Кіевское училище графини Левашевой, высшее отдѣленіе Тобольской Маріинской школы, Севастопольское училище для дочерей офицеровъ Черноморского флота (по открытию). — *Женскія учебныя заведенія* 3 разряда: Училище Александровскаго сиротскаго дома, два училища солдатскихъ дочерей полковъ лейб-гвардіи № 1 и 2, Одесское городское училище, Николаевское и Севастопольское училища для

дочерей нижнихъ чиновъ Черноморского флота, низшее отдѣленіе Тобольской Маріинской школы. — Женскія учебныя заведенія 4 разряда (специальные): Евангелическое Александринское заведеніе для бѣдныхъ дѣтей женскаго пола въ С.-Петербургѣ, сиротскій домъ для воспитанія бѣдныхъ женскаго пола въ Кронштадтѣ, сиропитательный домъ Медвѣдниковой въ Иркутскѣ. — Прочія специальные женскія учебныя заведенія показаны при тѣхъ учрежденіяхъ, къ составу или вѣдомству коихъ они принадлежать.

II. Опекунскіе совѣты. А. С.-Петербургскій опекунскій совѣтъ: Сохрания казна, ссудная казна, сберегательная касса, экспедиція карточлаго сбора, сиротскій институтъ, Гатчинскій сиротскій институтъ, отдѣленіе малолѣтныхъ Александринскаго сиротскаго дома, училище глухо-нѣмыхъ, воспитательный домъ — грудный отдѣленія, деревенское управление и богадѣльня, родо-вспомогательное заведеніе — родильный госпиталь и повивальное училище, Маріинская больница и фельдшерская при ней школа, женская больница въ память Великой Княгини Александры Николаевны, больница всѣхъ скорбящихъ, вдовій домъ, домъ призрѣнія бѣдныхъ дѣвицъ благороднаго званія. — Б. Московскій опекунскій совѣтъ: Сохрания казна, ссудная казна, сберегательная касса, сиротскій институтъ, воспитательный домъ — грудный отдѣленія и деревенское управление, родильный госпиталь и повивальное училище, ремесленное учебное заведеніе, вдовій домъ, Павловская больница, Маріинская больница, дѣтская больница, малолѣтное отдѣленіе и богадѣльня воспитательного дома, фельдшерская школа, домъ призрѣнія штабъ и обер-офицеровъ благотворительницы Шереметевой.

III. Попечительный совѣтъ заведений общественнаго призыва въ С.-Петербургѣ. Обуховская больница, мужская и женская, съ состоящимъ при ней фельдшерскою школою, Каланкинская больница, исправительное заведеніе, городская богадѣльня, больница св. Маріи Магдалины, Петропавловская больница, больница св. Ольги, Волковскія бѣгадѣльни.

IV. С.-Петербургское женское патріотическое общество. Часовыя школы: Михайловская, 2 адмиралтейская и особое при ней отдѣленіе; Выборгская и особое при ней отдѣленіе, Петербургская, Литейная, Московская, 4 Адмиралтейская, Васильевская и особое при ней отдѣленіе, Сухаревская, Голицынская, Нарвская (гофмаршала Ласунскаго), Рождественская.

V. Комитетъ главнаго попечительства детскихъ притоны.
С.-Петербургскія пріюты: Образцовый (барона Штиглица), св. Андrea съ ночнымъ отдѣленіемъ, Жуковскій, Александринскій съ сиротскимъ отдѣленіемъ, Лавальскій, Введенскій, св. Владимира, княгини Бѣлосельской - Бѣлозерской, Благовѣщенскій, Воскресенскій, Александро-Маріинскій, Охтенскій (Штутта), Серебряный, Царскосельскій съ ночнымъ отдѣленіемъ, Великой Княгини Ольги Николаевны, Платона Голубкова (въ Петергофѣ) съ Лихардовскимъ ночнымъ отдѣленіемъ. — *Московскіе пріюты:* Александринскій, Николаевскій, Ольгинскій, Александро-Маріинскій, Маріинскій, Прѣсненскій, Яузскій, Српуховскій, Княжны Маріи Максимилиановны. — *Губернскіе и городскіе пріюты:* Архангельскій, Константиновскій въ Архангельскѣ, Александринскій и Николаевскій въ Астрахани, Виленскій 1, Виленскій 2, Вятскій, Александринскій во Владимірѣ, Маріинскій въ Гавриловскомъ посадѣ (Сузdalского уѣзда), Александринскій въ Вологдѣ, Александринскій въ Воронежѣ, Екатеринославскій, Ростовскій на Дону, Александринскій въ Иркутскѣ, Николаевскій, Александринскій и Мусульманскій въ Казани, Казужскій, Бальша въ Кышиневѣ, Александровскій въ Киевѣ, Киевскій 2, Ковенскій, Маріинскій въ Костромѣ, Владимірскій въ Красноярскѣ, Минскій, Могилевскій, графа Потоцкаго въ мѣстечкѣ Немировѣ (Подольской губерніи), Нижегородскій 1, Нижегородскій 2, Алексѣевскій въ Новочеркасскѣ; Александровскій въ Одессѣ, Александринскій въ Пензѣ, Пермскій, Пименовскій въ Петрозаводскѣ, Александринскій въ Полтавѣ, св. Ольги въ Псковѣ, Александринскій въ Рязани, Алексѣевскій въ Самарѣ (еще не открыты), Саратовскій, Смоленскій, Николаевскій въ Таганрогѣ, Маріинскій въ Тамбовѣ, Тверской, Маріинскій въ Томскѣ, Николаевскій въ Троицко-Сасалскѣ, Николаевскій въ Тулѣ, Уфимскій, Харьковскій, Старобѣльскій, Николаевскій въ Херсонѣ, Черниговскій, Ольгинскій въ Ярославлѣ, Николаевскій въ Угличѣ, Вятскій, Александринскій въ Елабугѣ, Николаевскій въ Ярославлѣ, Нурова въ Екатеринбургѣ, Раненбургскій, Рязанской губерніи, Великой Княгини Ольги Федоровны въ Торопцѣ, Якутскій, графини Адлербергъ въ Симферополѣ.

VI. Благотворительное общество 1837 г. въ Москве. *Школы:*

Часть СІ. Отд. VII.

10

Басманий, Арбатская, Николаевская, Симоновская, Титовская, Срътенская, Якиманская, Сущевская, Голицинская, Мясницкая, Прѣсненская, Яузская, Пищальниковская, Талызинская.

VII. Александровский лицей.

VIII. Коммерческие училища С.-Петербургского и Московского.

IX. Александровская мануфактура и комитет главного ее управления.

X. Банки: Александрийский въ Туѣ, общественный Сибирской въ Томскѣ и банкъ при сиропитательномъ домѣ Медвѣдниковой въ Иркутскѣ.

XI. Попечительства о бѣдныхъ. 1. Въ Москве. Отдѣленія попечительства: Арбатское 1, Арбатское 2, Басмание, Городское, Лефортовское, Мясницкое, Мѣщанско 1, Мѣщанско 2, Мѣщанско 3, Пречистенское, Прѣсненское, Пятницкое, Рогожское, Серпуховское, Сущевское, Срѣтенское, Тверское 1, Тверское 2, Хамовническое, Якиманское, Яузское. — 2. Въ Пензѣ. Отдѣленія попечительства: Никольское, Архангельское, Казанское, Петропавловское, Покровское, Черкасское, Рождественское, Боголюбское, Преображенское. 3. Кіевское общество для ясночи бѣдныхъ. 4. Сибирское общество христіанского милосердія.

XII. Домы трудолюбія: Демидовскій домъ прізрѣнія трудящихся и состоящая при немъ школа бѣдныхъ дѣтей; Рязанскій домъ трудолюбія; училище трудолюбія въ Пензѣ.

XIII. Больницы и богадѣльни, основому управлению вваркныи: Въ С.-Петербургѣ — дѣтская больница и глазная лечебница; въ Москвѣ — городская и Голицынская больницы; Тульскій домъ прізрѣнія бѣдныхъ, Бѣлевскій вдовій домъ, страннопріимный домъ Таранова-Вѣлозерова въ Симферополѣ, страннопріимный домъ Дешальды въ Таганрогѣ, Сунгуро-богадѣльня въ Магмыжѣ.

XIV. Общество садоводства: Омѣть, училище садоводства, Собственная Ея Императорскаго Величества дача Студенець.

XV. Частные учрежденія: Училище для дѣтей бѣдныхъ иностранцевъ въ С.-Петербургѣ; заведеніе для бѣдныхъ, пристыдно-пренебреженныхъ дѣтей въ Нароѣ; община кнѧгини Варягиной; общество снабженія бѣдныхъ теплою одеждой.

XVI. Училища для приходящихъ дѣвицъ въ С.-Петербургѣ: Маріинское въ Московской части; въ Коломенѣ; на Васильевскомъ островѣ.

О ПОСЛАНИИ К УЛУЧШЕНИЮ ВОЕННО-МЕДИЦИНСКОЙ ЧАСТИ. — Г. военный министр циркуляром объявилъ по вѣдомству ему вѣдомству следующее Высочайшее повѣлѣніе: «Государь Императоръ, въ видѣахъ улучшения военно-медицинской части и доведенія ея до той степени благоустройства, которая бы, согласно волѣ Его Величества, соотвѣтствовала современному состоянію врачебной науки и пользамъ службы, въ 29 день января 1859 года, Высочайше повелѣть соизволилъ: 1) При назначеніи на высшія военно-медицинскія должности, какъ-то: корпусныхъ штабъ-докторовъ, дивизіонныхъ докторовъ, главныхъ докторовъ госпиталей и ихъ помощниковъ, руководствоваться не старшинствомъ по службѣ, но преимущественно учеными достоинствами и, на семь основаній, пренять за непремѣнное правило, чтобы опредѣляемые на санационныя должности врачи имѣли высшую ученую степень: доктора медицины или доктора медицины и хирургіи, и извѣстны были какъ по ихъ глубокимъ теоретическимъ и практическимъ познаніямъ во врачебной наукѣ, такъ и по способности и опытности въ администраціи. 2) Для доставленія военнымъ врачамъ по-возможности средствъ и способій къ достижению высшаго ученаго образованія: а) Предоставить медицинскому департаменту военного министерства, согласно съ Высочайшимъ повелѣніемъ, послѣдовавшимъ въ 1847 году, избирать, изъ числа полковыхъ и госпитальныхъ врачей, способѣйшихъ и посыпать ихъ въ ближайшіе къ мѣсту ихъ служенія университеты или въ Императорскую С.-Петербургскую медико-хирургическую академію, для усовершенствованія, подъ руководствомъ клиническихъ профессоровъ, въ теоретическихъ и преимущественно практическихъ врачебныхъ познаніяхъ, въ-особенности-же по иѣкоторымъ специальнымъ медицинскимъ предметамъ. Тѣмъ изъ числа сихъ врачей, у которыхъ замѣчены будутъ особенно пріимѣчательныя отъ природы дарованія и которые окажутъ при томъ отличайшіе предъ прочими товарищами успѣхи въ ученыхъ занятіяхъ, въ трудахъ, предоставить болѣе обширный кругъ для наблюдений и опытовъ. Съ этимъ цѣлью посыпать ихъ на два года за границу, выродолженіе которыхъ обязать ихъ не только посыпать извѣстнѣйшіе въ Европѣ клиники и госпитали, но и вполнѣ изучить организацію Европейскихъ армій въ гигіиническомъ и врачебномъ отношеніяхъ, по предмету размѣщенія войскъ въ казармахъ и лагеряхъ, продовольствія ихъ, формы одежды и амуниціи, рода занятій, віянія кли-

мата и мѣстности на развитіе болѣзней, устройства военныхъ госпиталей и лазаретовъ со всѣми подробностями икъ администраціи и проч. 6) Госпитальная медицинскія библіотеки оставать на прежнемъ положеніи, но корпусныя библіотеки, какъ оказавшіяся не соотвѣтствующими цѣлямъ, закрыть и вмѣсто послѣдніхъ или учредить медицинскія библіотеки при полковыхъ штабахъ, небольшихъ и съ строгою разборчивостію составленные изъ необходимѣйшихъ классическихъ сочиненій по разнымъ отраслямъ медицины и хирургіи, и лучшихъ періодическихъ изданій: Русскихъ и иностраннѣхъ, или изыскать способы доставить каждому врачу, въ какой бы онъ отдаленной мѣстности ни находился, возможность имѣть у себя таковыя книги и в) Постоянные военные госпитали высшихъ классовъ, где встрѣчается наиболѣе случаевъ къ производству наблюденій, изслѣдованій и опытовъ, снабдить всѣми снаряженіемъ, инструментами и пособіями, которые признаются для того необходимыми по нынѣшнему состоянію врачебныхъ и естественныхъ наукъ. 3) Для приведенія въ исполненіе всего вышесказанаго, отпускать въ вѣдѣніе медицинскаго департамента воинаго министерства ежегодно по 12,000 руб., съ тѣмъ, чтобы проездѣствіи, на основаніи трехгодичнаго опыта, можно было указать настоящую цифру, потребную къ ежегодному отпуску для поманутой цѣли. О таковомъ Высочайшемъ повелѣніи объявляю по военному вѣдомству, для свѣдѣнія и надлежащаго руководства».

ПРОГРАММА ИСТОРИЧЕСКИХЪ ЗАДАЧЪ, ПРЕДЛОЖЕННАЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМИЕЙ НАУКЪ ВЪ КУЛЬЧЕРНОМЪ ЗАСЕДАНІИ 29 ДЕКАБРЯ 1852 ГОДА.

1. Первобытная история Грузинского племени.

При настоящемъ состояніи нашихъ познаній, история Грузіи представляеть еще два проблѣа, восполненіе которыхъ было бы весьма желательно. Одинъ изъ нихъ относится къ древнимъ временамъ и составляетъ слѣдующую задачу: сдѣлать разысканіе, главлѣюще за классическихъ писателей, Греческихъ и Латинскихъ, съ тѣмъ чтобы собрать сюда всѣ имеющіяся на лицѣ свидѣтельствъ о происхожденіи и сродствѣ Иверіїцы, Месхета (Мосхов) и обитателей дреинѣ Колхида (т. е. нынѣшней Мингрелии, Иверетии, Гуріи и Лазистана), разно и обно отмѣнялъ иль къ другимъ народамъ, а вмѣсть съ тѣмъ критически разобрать и расположить эти свидѣтельства и прозѣрѣть ихъ, при посредствѣ, съ одной

стороны, уже известныхъ народныхъ преданій, а съ другой—тѣль восточныхъ текстовъ, которые сдѣлались доступными критикѣ.

Словомъ—собратъ, систематически расположить и критически оцѣнить все, что содержится у древнихъ писателей о географіи и топографіи; этнографіи, религіозной и политической исторіи Иверіи, Мехім, Колхиды и Лазистана, въ самой глубокой древности до введенія христіанства Грузіи,—таковъ объемъ первой задачи.

II. О Грузіи съ XIII-го по XV-й вѣкъ.

Второй изъ пробѣловъ надаетъ на средніе вѣка. *Со временемъ начинавшагося Монголію, въ XIII вѣкѣ, да подвластнія Туровъ на Черномъ морѣ (подъ исходѣ XV столѣтія), не довольно известно, каковы были союзники Грузинцевъ въ Европою. Извѣстно, правда, что Грузинцы имѣли въ некоторыя союзники съ Трапезундской имперіей, съ Цареградомъ, съ пашами, съ Филиппомъ Добрѣмъ, герцогомъ Бургундскимъ; известно также, что они имѣли своихъ представителей на Флорентійскомъ соборѣ; но мы не знаемъ вѣнчадности, какое участіе народы Грузинского племени, въ Мингрелии, Абхазіи и собственно въ Лазистанѣ, принимали въ торговлѣ Генуецаевъ и Венецианцевъ.*

Посему необходимо собрать воедино указания относительно этихъ странъ, оспаривающихся преимущественно у Италійскихъ писателей, и, можетъ статься, въ коммерческихъ архивахъ Генуи и Венеции. Тогда удобно-бы начертать сколь возможно полную политическую картину и прослѣдить ходъ торговли на сѣверѣ Чернаго моря въ означенный періодъ, именно—въ-отношеніи къ народамъ Грузинского племени.

Академія, конечно, не требуетъ, чтобы обѣ задачи были обработаны единѣмъ и тѣмъ-же авторомъ; напротивъ, она предоставляетъ себѣ увѣнчать и такія сочиненія, въ которыхъ къ полно-му ее удовлетворенію будетъ изложенъ только одинъ изъ сказанныхъ вопросовъ. Каждая награда опредѣлена въ 500 р. сер.

Соискательные сочиненія могутъ быть написаны на Русскомъ, Латинскомъ, Французскомъ, Нѣмецкомъ или Италіянскомъ языкахъ; они должны быть представлены къ августу 1862 г., и адресованы въ Императорскую академію наукъ въ С.-Петербургъ, безъуменно, но съ девизомъ. Въ приложенной запечатанной запискѣ съ тѣмъ же девизомъ, какъ и самыя сочиненія, должны заключаться имена и адресъ автора. Увѣнчанные сочиненія будутъ изданы Акаде-

мію, съ предоставленіемъ авторамъ по пятидесяти экземпляровъ. Записки неувѣнчанныхъ сочиненій будутъ сожжены, а самыя рукописи переданы для храненія въ архивъ Академіи.

СЪІДІ СОБРАНІЕ ИМПЕРАТОРСКОГО РУССКОГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. — 4 февраля Императорское Русское географическое Общество имѣло общее собраніе, въ которомъ, подъ предсѣдательствомъ адмирала Ф. П. Литке, присутствовало 50 членовъ и иѣсколько постороннихъ посѣтителей. Засѣданіе было открыто балотировкою двухъ кандидатовъ, предложенныхъ въ дѣйствительные члены: гг. *Спасоевича* и *Калиновского*, которые оба были признаны въ этомъ званіи. Затѣмъ секретарь Общества, Е. И. Жемчужій, сообщилъ краткія свѣдѣнія о послѣднѣхъ распоряженіяхъ совета Общества. Эти распоряженія главныйшымъ образомъ состоять въ отправлениіи двухъ новыхъ экспедицій въ Сибирь. Первая, служаща продолженіемъ астрономической экспедиціи, дѣйствовавшей въ восточной Сибири и кончившей въ наѣдѣніи году свои работы, должна состоять изъ двухъ геологовъ: гг. Шмидта (магистра Дерптскаго университета) и Майделя, къ которымъ присоединится еще натуралистъ Радде, оставшійся въ Забайкальской области для продолженія своихъ наблюденій. Гг. Шмидтъ и Майдель, вмѣстѣ съ толографомъ, отправятся на 3 или 4 года отъ Нерчинска на юго-востокъ до устья Амура и далѣе на Сахалинъ. Область ихъ изслѣдованій будетъ Забайкалье и весь яковъ присоединенный При-Амурскій край. Вторая экспедиція отправляется въ Заилийскій и Семирѣченскій края, для опредѣленія астрономическихъ пунктовъ на Алтай и въ Киргизской степи, гдѣ до сихъ поръ имѣлось только 4 опредѣленія. Картографія юго-западной Сибири, конечно, много выиграстъ отъ новѣрки этихъ старыхъ данныхъ и точнѣшаго опредѣленія новыхъ основныхъ пунктовъ. Въ-заключеніе дѣйствительный членъ Э. П. Энгельгардтъ прочиталъ собранію весьма любопытное описание памятниковъ древняго Чудскаго быта, найденныхъ въ такъ-называемыхъ Чудскихъ могилахъ, въ могилахъ, курганахъ и проч. и свидѣтельствующихъ о древнемъ разселеніи Чуди, о степени совершенства промышенности у безъязычныхъ народовъ Геродотова времени, называемыхъ иначе Скифами, и о торговой дѣятельности, иъ-особенности сѣверной Чуди. Указать на важность собиранія и сохраненія подобныхъ древнихъ памятниковъ вообще, служащихъ лучшимъ, если не единственнымъ, источникомъ для изученія этого интереснаго народа.

ственными, средствомъ къ объясненію исторіи исчезнувшихъ и исчезающихъ народовъ, не оставившихъ письменныхъ свидѣтельствъ о своемъ существованіи и о своей судьбѣ, г. Эйхвальдъ остановился на необходимости подобныхъ коллекцій для Россіи, въ которой доживаютъ свой вѣкъ множество племенъ, вѣкогда сидѣніи и могущественныи, а нынѣ все болѣе и болѣе уступающіе преимуществу Славянскаго элемента и сливающихся съ окружющимъ ихъ Русскимъ населеніемъ^(*)). Говоря о предметахъ, найденныхъ въ курганѣ и курганахъ, особенно на Уралѣ и на Алтѣ, г. Эйхвальдъ показалъ рисунки каменныхъ орудій, хранимыхъ въ Барнаулѣ и въ Москвѣ. Замѣчательны каменные оконечности стрѣлъ, найденные близъ Нерехты (Костромск. губ.), на мѣстахъ жительства древней Мери, и сдѣланныя изъ Московскаго и Калужскаго роговника; ручные жернова съ Алтая; мѣдные пуговицы и бляхи, съ изображеніемъ сѣвернаго оленя, найденные въ Керченскихъ могилахъ; подобныя же бляхи съ изображеніемъ сидящей женщины съ зеркаломъ; изъ Керчи и Алтая — изображенія грифовъ, золотые статуэтки всадниковъ, преслѣдующихъ зайца и пр. и пр. Въ новѣйшихъ курганахъ найдены желѣзныя вещи, конья, наковечники стрѣлъ, удила, стремена и пр. Всѣ эти вещи Чудской фабрикаціи, одинаковыя въ Сибири и Крыму, свидѣтельствуютъ о большомъ географическомъ распространеніи Чудо-Скиѳовъ, жившихъ на Саланирскихъ горахъ, на Яїлѣ и на берегу Балтики, или занимавшихъ почти всю нынѣшнюю Россію. Особенную важность г. Эйхвальдъ придаетъ каменнымъ бабамъ, служившимъ украшеніемъ на Чудскихъ могилахъ. Бабы эти, выѣченныя изъ гранита и дiorита, съ лицемъ, всегда обращеннымъ къ востоку, держать въ рукахъ сосудъ и украшены усѣченною конусообразною шапкою, какую мы до-сихъ-поръ видимъ еще у Остяковъ и Богуловъ. Рубрукинъ, описывая ихъ, приводить тѣ-же примѣты. Особенно часто встрѣчаются они на Алтѣ и на югѣ, въ губерніяхъ Екатеринославской (420), Таврической (44), Харьковской (до 50), въ Таганрогѣ, въ Крыму и дроч. Г. Эйхвальдъ предполагаетъ, что эти бабы служили надгробными памятниками Чудскихъ купцовъ, умирающихъ во время пути, и выводить это изъ того, что курганы съ бабами преимущественно встрѣчаются по

^(*) Многія этнографическія достовѣрнѣчности, неизвѣстныя въ Россіи, хранятся въ Лондонскомъ и Парижскомъ этнографическихъ музеяхъ.

торговыми путями древнихъ, напр. по Камъ вверхъ, по Волоку, по Печорѣ и Северѣ и далѣе на сѣверъ до древняго Холграда, гдѣ въ курганахъ найдено множество Чудскихъ мѣдныхъ изображений. По этому поводу г. Эйхвальдъ распространялся о торговыхъ путяхъ древнихъ вообще и Чудскихъ племенъ въ особенности. По выслушаніи любопытнаго чтенія г. Эйхвальда, гг. члены обратились къ разсмотрѣнію гальванопластическихъ снимковъ Индійскихъ типовъ, снятыхъ братьями Шлагингтвейтъ, во время путешествія ихъ въ Индостанѣ и на Гималаѣ. Почетный членъ академіи К. М. Бэръ далъ нѣсколько словесныхъ объясненій, которыя были выслушаны съ живѣйшимъ вниманіемъ.

ЗАСЕДАНІЕ ВОСТОЧНОГО ОТДѢЛЕНИЯ ИМПЕРАТОРСКАГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА. — 26 февраля происходило засѣданіе восточного отдѣленія Императорскаго археологическаго Общества. Доказаны были слѣдующія сообщенія: 1) дѣйств. чл. Общества, управляющаго главныемъ Московскимъ архивомъ министерства иностраннѣхъ дѣлъ, князя М. А. Оболенской «О Монгольскихъ помѣтахъ нѣкоторыхъ княжескихъ жалованныхъ и духовныхъ грамотъ» — любопытное открытие, свидѣтельствующее, что грамоты эти, въ Монгольскій періодъ, утверждались въ ханской канцеляріи. 2) Окружнаго начальника Минусинскаго округа, князя Кострова: «О надгробныхъ надписяхъ на камняхъ, встрѣчаемыхъ въ этомъ округѣ», съ точными снимками ихъ. 3) Чл.-основ. генерала И. А. Бартоломея, изъ Тегерана: «О монетахъ съ именемъ Алушъ-бека, битыхъ въ Тифлисѣ». 4) Иностранныхъ чл.-корр. г. Сорѣ, изъ Женевы: «О послѣднихъ открытияхъ П. С. Савельева въ области Джучидской нумизматики». Всѣ эти статьи не замедлять быть издаными въ «Извѣстияхъ» Общества. Почетный чл. Общества, преосвященный Нилъ, архиепископъ Ярославскій, доставилъ подлинныя записки, касающіяся Китая и россійской духовной миссіи въ Пекинѣ. Разсмотрѣніе ихъ возложено на члена Общества, профессора Китайской литературы В. И. Васильева. 6) Генер.-губернатора восточной Сибири, графа Н. Н. Муравьев-Амурскаго, извѣщающая о получении VI части «Трудовъ отдѣленія», изъявивъ свою благодарность замѣ г. Гамбоегу за переводъ Монгольской лѣтописи «Алтанъ-Топчи», помещенной въ этой части. Въ-заключеніе, завѣдывающей дѣлами отдѣленія со временемъ его основанія, П. С. Савельевъ, извѣстилъ гг. членовъ, что, по болѣз-

ни в скорому своему отъезду изъ Петербурга, синь не можетъ продолжать этихъ занятій и просить сложить съ него это званіе. Всѣдѣстіе сего, избраны на 1859 годъ: въ управляющіе отдѣленіе — М. И. Броосе, а въ секретари — В. В. Вельяминовъ-Зерновъ.

ОБРАЗЦЫ ПРИ ГЛАВАТЕЛЬНЫХЪ ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ИМУЩЕСТВЪ РАЗНЫХЪ ПРЕДМЕТОВЪ ЛѢСНОГО ХОЗЯЙСТВА. — Признавая полезнымъ образовать, при лѣсныхъ отдѣленіяхъ палатъ государственныхъ имуществъ, музеумы разныхъ предметовъ лѣсного хозяйства, по особой, наложенной инструкціи, поручено управляющимъ палатами и въ-особенности губернскимъ лѣсничимъ принять, къ достиженію сего, двѣтъльныя мѣры. Что же касается до расходовъ на этотъ предметъ, то онъ, въ случаѣ надобности, могутъ быть отнесены на остатки отъ штатныхъ суммъ лѣсного управления.

Инструкція палатамъ государственныхъ имуществъ, для заведенія при окнъ музеумовъ разныхъ предметовъ лѣсного хозяйства.

1. Музеумы эти устроиваются съ тою главною цѣллю, чтобы представить по каждой губерніи образцы лѣсныхъ произведений и вырабатываемыхъ изъ нихъ издѣлій и продуктовъ, равно-какъ показать и употребляемые въ лѣсномъ дѣлѣ машины, приборы, орудія и инструменты.

2. На этомъ основаніи, въ составъ каждого музеума входятъ только предметы, принадлежащіе къ числу лѣсныхъ; произведенія-же чуждыхъ губерніи, или орудія и машины, въ ней неупотребляемыя, не должны быть помѣщаемы въ эти собранія.

3. Музеумы должны содержать въ себѣ слѣдующее:

А. По отдельу естественныхъ предметовъ лѣсного хозяйства.

а) Образцы всѣхъ встрѣчаемыхъ въ губерніи родовъ лѣсныхъ почвъ и торфяныхъ слоевъ. б) Образцы древесины произрастающихъ въ губерніи лѣсныхъ деревъ и кустарниковъ, отдѣляемые преимущественно выше корневой части ихъ, и притомъ отъ деревъ и кустарниковъ разнаго возраста и произрастающихъ на разныхъ родахъ почвъ, съ обозначеніемъ на тѣхъ образцахъ возраста и почвы, на которой они произрастили. в) Древесные и кустарные сѣмена, а также шишки хвойныхъ породъ, если только эти послѣднія входятъ въ составъ губернской флоры. г) Коллекціи засушливыхъ образцовъ древесныхъ и травянистыхъ растеній, ку-

ствъ и полукустовъ, съ перечнемъ ихъ по названіямъ научныхъ и мѣстныхъ. д) Собрание ветрѣчающихсяъ въ губерніи полезныхъ и вредныхъ для лѣсовъ насѣкомыхъ.

Б. По отдельну механической обработки древесины. а) Образцы выдѣльваемыхъ разныхъ сортовъ брусьевъ, бревенъ, валовъ, коры, шнагъ (спицлеровъ), клепокъ, теса, гвоздя, водопроводныхъ трубъ и проч. б) Модели строящихся въ каждой губерніи всѣхъ рѣчныхъ и мореходныхъ судовъ и разныхъ частей ихъ. в) Модели плотовъ егroeаго и дровяного лѣса, по привыктымъ, на мѣстныхъ водныхъ системахъ, способамъ сплачиванія. г) Образцы щепленаго товара мѣстной крестьянской или базарной промышленности, равно-какъ и образцы отправляемыхъ за предѣлы губерніи различныхъ лѣсныхъ издѣлій механической отдынки.

В. По отдельну химической обработки деревъ. Образцы древесныхъ продуктовъ, получаемыхъ при различныхъ лѣсотехническихъ производствахъ, какъ-то: угля, дегтя, смолы, скпицидара, гарпіуса, поташа, сажи и проч.

Г. По отдельну орудій, инструментовъ, приборовъ и машинъ. а) Образцы орудій, употребляемыхъ для обработки почвы подъ посѣвъ и посадку древесныхъ сѣяній, для самыхъ посѣвовъ и посадокъ, для вырыванія саженцевъ изъ земли, сбора сѣяній, рубки и распилки деревъ, валка лѣса, съ корнями, вырѣзки торфа и проч. б) Модели машинъ: для корчеванія пней, связки сучьевъ, и проч. в) Модели лѣсопильныхъ заводовъ и приводныхъ машинъ для пилки на заводахъ дровъ. г) Модели приборовъ, употребляемыхъ для добыванія въ той губерніи продуктовъ и издѣлій, какъ напр. модели смологонныхъ и дегтиарныхъ печей и корчагъ, равно-какъ и самые заводы; модели приборовъ, служащихъ для добыванія древесного спирта, газа, уксуса, сажи, скпицидара и проч. Сюда-же должны быть отнесены и модели угольныхъ костровъ.

4. Каждое изъ четырехъ отдѣленій должно содержать въ себѣ, по-возможности, полное собраніе свойственныхъ губерніи и относящихся до лѣснаго хозяйства предметовъ; особенное же стараніе должно быть приложено къ приобрѣтенію въ музеумы образцовъ тѣхъ произведеній, издѣлій, орудій или машинъ, которые составляютъ исключительную принадлежность губерніи, и въ другихъ губерніяхъ или вовсе не встрѣчаются, или-же встрѣчаются очень рѣдко.

5. Образцы означавшихъ выше предметовъ могутъ быть собраны посредствомъ окружныхъ начальниковъ, лѣсныхъ реин-

зоровъ и лѣсничихъ, или собственнымъ каждого изъ этихъ лицъ выживаниемъ, или же указанными въ циркулярномъ предисловіи средствами.

6. При каждомъ музеумѣ должна находиться подробная и точная опись всѣхъ предметовъ въ немъ помѣщенныхъ. На каждомъ изъ такихъ предметовъ должна быть особая этикета, съ означениемъ его названія, употребленія, кѣста, изъ которого полученъ, и лица, которымъ доставленъ.

7. При размѣщеніи и храненіи предметовъ, входящихъ въ составъ музеума, соблюдаются слѣдующія правила: а) Образцы древесныхъ породъ должны быть расположены въ плотныхъ кускахъ, съ сохраненіемъ коры, въ видѣ книжекъ въ $1\frac{1}{2}$ вершка шириной и 6 вершковъ длиною; обѣ стороны и юноны таковой книжки должны быть полированы, одна сторона и одинъ конецъ, сверхъ-того, покрыты лакомъ. б) При размѣщеніи лѣсныхъ плодовъ и растений, ядовитыхъ и вредныхъ должны быть отдѣлены отъ другихъ и помѣщаемы на особыхъ полкахъ. в) Образцы почвъ земли помѣщаются въ небольшихъ четырехугольныхъ стеклянныхъ ящикахъ, съ стеклянными покрышками, такъ-чтобы: а) можно было, при первои взглядинѣ и не открывая ящика, обозрѣть породы почвъ; б) чтобы они были защищены отъ сильнаго вліянія воздуха, вслѣдствіе котораго происходятъ въ нихъ химическая перемѣна, измѣняющія и самое свойство ихъ; в) чтобы въ потребныхъ случаяхъ ихъ можно было смачивать въ самыхъ ящикахъ для лучшаго обсужденія, ибо многія свойства почвъ не иначе узнаются, какъ въ влажномъ состояніи, и г) образцы растений должны быть хранены въ папкахъ и горизонтальномъ положеніи.
(Жур. мин. юс. и.к.).

УЧЕБНО-ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПРЕДПРИЯТИЯ СТУДЕНТОВЪ И ИМПЕРАТОРСКАГО КАЗАНСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.—Редакторъ Русскаго дневника получилъ слѣдующее письмо отъ студентовъ медицинскаго факультета Императорскаго Казанскаго университета: «Всякий, занимающійся участью медициною, долженъ сознаться, что Русская ученая литература обладаетъ весьма ограниченнымъ числомъ полезныхъ сочиненій по части медицины вообще и физіологии въ-особенности. Для Русскихъ студентовъ, которые, при значительномъ количествѣ обязательныхъ предметовъ, не могутъ имѣть достаточнаго времени для чтенія руководствъ на иностраннѣхъ языкахъ, и вообще для людей, не владе-

дѣнцікъ языками вспелъ, было-бы чрезвычайно удобно иметь подъ руками лучшія иностранныя сочиненія по своей части, хотя въ переводаѣ. Сочувствуя этой необходимости, студенты университета ср. Владимира уже представили на судъ ученой и учащейся публики 1 томъ «Физиологии» Функа, которая найдетъ, вѣроятно, и у насъ хороший приемъ, заслуженный ею въ Германіи. Казанскіе студенты медицинскаго факультета, въ свою очередь, желая трудами своими быть, по-возможности, полезными изучающимъ медицину, занялись переводомъ «Физиологии» Ф. Дондерса (профессора въ Уtrechtскомъ университѣтѣ), съ Нѣмецкаго изданія Ф. Тейле, исправленаго и дополненнаго сравнительно съ Голландскимъ текстомъ (F. C. Donders, ord. prof. der Medicin an der Universität Utrecht, Physiologie des Menschen, Deutsche Originalausgabe, vom Verfasser revidirt und vervollständigt und aus dem Holländischen übersetzt von Fr. Wilh. Theile. Erster Band; die Ernährung. Verfasst unter Mitwirkung von A. F. Bauduin. Leipzig. 1856). Это сочиненіе, признанное современными учеными за одно изъ лучшихъ руководствъ, отличается сжатостью въ изложеніи, столь важною для руководства, и въ то-же время представляеть всѣ основанія науки, подтвержденныя важными опытами, въ возможно-полней обработкѣ. Довольно многочисленные факты изъ описательной, сравнительной и особенно микроскопической анатоміи, равно-какъ и изъ химіи, сопровождаются изложеніемъ каждого отпра-вленія и поясняютъ его. О выходѣ въ свѣтъ 1-го тома Русскаго перевода, заключающаго въ себѣ питаніе вообще (т. е. кровообра-щеніе, кровотвореніе и отдѣленія) и въ настоящее время почти уже оконченаго, будетъ объявлено своевременно въ газетахъ. Обращаемся къ вамъ, г. редакторъ, какъ къ нашему родному, Казанскому студенту: дайте первую гласность нашему посильному труду. Младшии братя по университету просятъ своихъ, старшихъ братьевъ — не откажите же имъ».

**В ПОРЯДКЕ ИЗДАНИЯ ЭТНОГРАФИЧЕСКОГО СБОРНИКА ИМПЕРАТОРСКАГО КУЛ-
СКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА.** — Въ отчетѣ этого Общества за 1858 г. мы нашли слѣдующее предположеніе объ изданіи «Этнографи-
ческаго сборника» въ улучшеннѣи вадѣ. По выходѣ въ свѣтъ
III и IV томовъ «Этнографического сборника», составленного изъ
статьей, разсмотрѣнныи еще покойнымъ академикомъ М. А. Кор-
куловскимъ, этнографическое отдѣленіе, озабочиваясь продолже-

пісмъ издания, просяю гг. дд. чч. П. С. Савельеву и Э. И. Эхвальда принять на себя редакцію Сборника. Всаждество сего членъ совета П. С. Савельевъ представилъ отдѣлению соображенія свои, что полезно было бы впредь издавать Сборникъ на слѣдующихъ измѣненныхъ основаніяхъ: 1) Этнографический сборничъ составлять отдѣльное изданіе, посвященное обнародованію доставляемыхъ въ Общество этнографическихъ наблюдений надъ Русскимъ и инородческимъ населеніемъ Россіи. 2) Этнографическая статьи печатаются въ «Сборнике» или въ видѣ сырого материала, или въ ученой обработкѣ, если кто изъ гг. членовъ приметъ на себя трудъ иль обдѣлать. 3) Статьи о Русскомъ народонаселеніи, заключающія въ себѣ частыя повторенія одного и того-же, представляются въ сводѣ, по однороднымъ и однообычнымъ мѣстностямъ, статьи обв. инородцахъ—по народностямъ. 4) Къ «Сборнику», какъ справочной этнографической книгѣ, долженъ прилагаться, если не къ каждому тому, то къ каждымъ пяти томамъ, подробный аналитический указатель этнографическихъ предметовъ. 5) До приступа къ печатанію новыхъ книжекъ «Сборника» надлежитъ: а) привести въ извѣстность весь этнографический материалъ, доставленный въ Общество въ-течение 13 лѣтъ, для чего составить списокъ этихъ статей по протоколамъ совета, общихъ собраний и засѣданій отдѣлениія; б) по приведеніи въ извѣстность собранія этого материала, группировать его по мѣстностямъ и народностямъ; в) затѣмъ раздѣлить трудъ разсмотрѣнія и свода этихъ статей между членами отдѣлениія, и наконецъ г) обработанныя такими образомъ статьи передать редактору «Оборника» для систематического распределенія ихъ въ «Сборникъ». Отдѣление, находя эту программу соотвѣтствующемъ цѣли «этнографического сборника», прошло П. С. Савельева принять на себя изданіе Сборника на изложеныхъ имъ началахъ. Но, принимая въ соображеніе, что, согласно этому плану, необходимо предварительно разобрать хранящіеся въ архивѣ этнографические материалы и что подобный разборъ можетъ значительно замедлить выходъ слѣдующей книжки «Сборника», отдѣление выразило желаніе, чтобы предложенный П. С. Савельевымъ планъ принять быль уже при изданіи 6-го тома Сборника и чтобы для 5-го тома эта программа не считалась обязательной. При этомъ д. ч. Э. И. Эхвальдъ вызвался редактировать 5 томъ Сборника; а д. члены В. И. Фуксъ въ О. А. Барыковъ изъявили готовность разобрать архивъ отдѣлениія и составить до-

полнительную систематическую роспись материала, такъ, какъ съ начала Общества и до 1852 года подобная роспись составлена д. ч. А. Г. Яновскимъ. Отдѣленіе, принявъ съ признателностию вызовъ гг. членовъ Э. И. Эйхвальда, В. Я. Фукса и Ф. Л. Барыкова, прошло ихъ приступить къ этимъ занятіямъ въ скорѣшнѣй по-возможности времени. Такимъ образомъ на этихъ основаніяхъ, одобренныхъ отдѣленіемъ, «Этнографический сборникъ» его привноситъ новый видъ и обѣщаетъ, безъ сомнѣнія, въ этой программѣ болѣе пользы для науки. Всѣдѣствіе необходимой для сего обработки статей, на которую изъявили желанія посвятить свои труды члены отдѣленія весьма богатаго рукописями, изъ которыхъ многія не представляютъ въ-отдѣльности особой цѣны для этнографіи, измѣненное изданіе укажетъ трудолюбивымъ изслѣдователямъ на богатыя сокровища для изученія Русскаго народнаго быта и инородческой этнографіи, оставшихся безъ употребленія.

Россійское біблейское общество. — Россійское біблейское Общество существовало всего тринадцать съ половиною лѣтъ именно, съ 6 декабря 1814 г. — со дня Высочайше утвержденнаго доклада главноуправляющаго духовными дѣлами иностранныхъ исповѣданій, объ образованіи сего Общества, по 15 июня 1826 г., т. е. по день, въ который состоялся Высочайший реескриптъ на имя преосвященнаго Серафима, митрополита Новгородскаго и С.-Петербургскаго, о передачѣ всего имущества Общества въ вѣденіе св. супрада. Главная и единственная цѣль Россійскаго біблейскаго Общества состояла «въ способствованіи къ приведенію въ Россіи въ большее употребление біблія, или книги священнаго писания ветхаго и новаго завѣта, безъ всякихъ на омы приимальній и полемікѣ». Понечеи, заботы Общества главнымъ образомъ были обращены на то, «чтобы обывателямъ Россійскаго государства доставлять біблію на разныхъ языкахъ за самыя умѣренныя цѣны, а бѣднымъ и безъ всякой платы.» Матеріальные средства Общества составлялись изъ суммъ, собираемыхъ чрезъ подписки и добровольныхъ приношевія, а также изъ ежегодныхъ взносовъ членовъ и благотворителей Общества. Дѣлами Общества управляла комитетъ, который находился въ С.-Петербургѣ. Общество имѣло ежегодныя генеральныя собрания; въ нужныхъ случаяхъ комитетъ созывалъ чрезвычайныя генеральныя собрания Общества. Въ раз-

ныхъ иѣстахъ Россіи были частные отдѣлки Общества и въ нихъ комитеты. Такъ въ 1819 г. всѣхъ такихъ иѣстъ въ Россіи было 196. Комитеты эти собирались ежемѣсячно.

Всѣ должностныя лица въ Обществѣ служили безъ жалованья, и никто изъ получавшихъ отъ Общества какое-либо жалованье не могъ быть членомъ комитета Общества и не имѣлъ никакого голоса при собраніи ихъ.

Изданія Общества печатались въ С. Петербургѣ, Москвѣ, Казани, Астраханіи и Митавѣ.

Языки и нарѣчія, на коихъ Общество переводило и печатало книги св. писания, слѣдующіе: церковно-Славянскій, Русскій, Польскій, Сербскій, Латинскій, Французскій, Нѣмецкій, Англійскій, Голландскій, Датскій, Шведскій, Испанскій, Итальянскій, Лапландскій, Португалъскій, Еврѣйскій, Татарскій, Греческій (новый и старый), Чувашскій, Черемисскій, Остяцкій, Вогульскій, Корельскій, Зырянскій, Монгольскій, Калмыцкій, Молдавскій, Монголо-Буратскій, Латышскій, Эстскій (Ревельское и Дерптское нарѣчія), Армянскій, Персидскій, Арабскій, Финскій, Литовско-Самогитскій.

Въ-теченіе 1819 года доставлено въ Петербургскій комитетъ отъ комитетовъ отдѣлений и отъ корреспондентовъ Общества: а) 196,531 р. 61 к. асс., б) 18,423 р. 61 к. сер., в) 21 имперіал., г) 1275 полуимпер. и д.) 76 червон.

Въ томъ-же 1819 г. на изданія Общества употреблено бумаги 11,381 стопа—суммою на 168,116 р. 75 к., а за переплетъ экземпляровъ заплачено 125,401 р. 81 коп.

Съ учрежденія Россійскаго біблейскаго Общества, трудами его и иждивеніемъ, въ-теченіе семи лѣтъ (со включеніемъ 1819 года) существованія его:

Отпечатано 71 изданіе на 22 языкахъ, въ числѣ 315,600 экз.
Нечаталось въ 1820 году: 8 изданій на 6 языкахъ, въ числѣ 38,000 экз.

Предпринято: въ 1820 г.: 12 изданій на 10 языкахъ въ числѣ 57,500 экз.

Всего-же вообще изготовлено и готовилось: 41 изданіе на 26 языкахъ, въ числѣ 411,100 экземпляровъ.

Въ 1819 г. разослано для продажи и продано въ С. Петербургѣ 66,287 экз. книгъ св. писания на 32 языкахъ, на сумму 345,313 р. 20 к.; раздано и разослано безденежно на разныхъ языкахъ 2,252 экз. на сумму 10,242 р. 35 к.

Въ-течение семи лѣтъ существованія комитета Россійскаго библейскаго Общества приходъ составлять	1,747,861 р. 74 к.
Расходъ	1,712,042 р. 81 к.

Остатокъ къ 1820 г. 35,819 р. 95 к.

Вотъ счетъ экземпляровъ книгъ св. писанія по книгохранилищу комитета Россійскаго библейскаго Общества:

Отъ 1818 года оставалось:

Въ переплѣтѣ 21,640 экз. на	110,329 р. 70 к.
Безъ переплѣта 11,870 — — — —	55,067 р. 50 к.
Итого 33,510 — — — —	165,397 р. 20 к.

Въ 1819 году получено вновь:

Въ переплѣтѣ 69,649 экз. на	381,382 р. 30 к.
Безъ переплѣта 106,961 — — — —	137,697 р. 90 к.
Итого 176,610 — — — —	519,080 р. 20 к.

Въ продажу поступило въ 1819 г.:

Въ переплѣтѣ 63,775 экз. на	339,101 р. 20 к.
Безъ переплѣта 2,512 — — — —	6,212 р. —
Итого 66,287 — — — —	345,313 р. 20 к.

Роздано безденежно въ 1819 г.:

Въ переплѣтѣ 2,277 экз. на . . . . . 10,811 р. 95 к.

Количество бумаги, употребленной на изданіе книгъ св. писанія:

Отъ 1818 г. оставалось 1,777 стопъ на 29,901 р. 50 к.

Въ 1819 г. куплено 12,348 — — 182,715 р. —

Въ 1819 г. употреблено

на печатаніе 11,381 — — 168,116 р. 75 к.

Къ 1820 г. осталось 2,744 — — 44,499 р. 75 к.

Вообще приведено въ употребленіе экземпляровъ книгъ св. писанія сначала учрежденія:

въ продажу:	даромъ:	итого:
-------------	---------	--------

Въ первые 6-ть лѣтъ 109,428 —	10,677 —	120,105
-------------------------------	----------	---------

Въ 1819 годъ	66,287 —	2,252 —	68,539
------------------------	----------	---------	--------

175,715	12,929	188,644
---------	--------	---------

Если-же присовокупить къ сему числу тѣ экземпляры, которые напечатаны комитетами отдѣлений и которые нижеслѣдующимъ приводятся:

дилось въ употреблениѣ, то составить вообще всего—близе 275,000 экземпляровъ (*).

Всѣ эти сїдѣнія заимствованы изъ седьмаго отчета комитета Россійскаго библейскаго Общества за 1819 годъ, изданного въ С. Петербургѣ въ 1820 году (печ. въ тип. Н. Греча).

Всѣдѣствіе рескрипта Государя Императора Николая Павловича отъ 15 июля 1826 г. на имя преосвященнаго Серафима, митрополита Новгородскаго и Петербургскаго; наличное имущество Россійскаго библейскаго Общества поступило въ вѣдѣніе и распоряженіе св. синода. Имущество это, оцѣненное до 2 миллионовъ р. асс., замѣчалось:

а) въ наличныхъ деньгахъ: асс. 104,381 р. 99 к.

сереб. 1,025 р. —

б) въ бумагѣ на . . . . . 57,053 р. 50 к. асс.

в) въ книгахъ св. писанія на 612,954 р. 53½ —

(Въ томъ числѣ подмоченныхъ въ наводненіѣ, бывшее въ С.-Петербургѣ въ 1824 г., на 63,441 р. 40 к.)

г) въ матрицахъ, стереотипныхъ доскахъ и книгопечатныхъ станкахъ съ принадлежностями по цѣнамъ, заплаченнымъ во время приобрѣтенія ихъ, на 226,407 р. 53 к. асс.

д) въ книгахъ, находившихся въ библиотекѣ Общества, на 4,750 р. асс.

(Книги эти переданы въ вѣдѣніе С.-Петербургскіхъ дух. академіи и семинарія).

е) въ домѣ въ С. Петербургѣ;

и ж) въ домѣ въ Москвѣ.

Въ 1 д. марта 1841 г. Государь Высочайше повѣдѣть соизволилъ: 1) отпечатанныя (тогда уже бывшия) Россійскимъ библейскимъ Обществомъ книги св. писанія присоединить къ прочноѣ книжныи запасамъ духовнаго вѣдомства, въ полное распоряженіе св. синода; 2) типографскіе материалы и другія вещи

(*) За первые шесть лѣтъ комитетами отдѣленій отпечатано 75,000 экз. Къ этому нужно прибавить отпечатанные въ 1819 году:

въ Москвѣ — Библии Славянской въ 4 д. л. . . . . 5,000 экз.

въ Астрахани — Книги Бытия на Еврейско-Татарскомъ

нарѣчіи: . . . . . 2,000 —

Нового завѣта на Оренбургско-Татарскомъ нарѣчіи: 5,000 —

итого 87,000 экз.

Общества передать въ судодельные типографии, по усмотрѣнію ср. судоуди, и 3) библейскія суммы, причислить къ типографскому капиталу св. судоуди съ тѣмъ, чтобы въ составъ оныхъ доставляли деньги, вырученныя за книги. Поэтому поступившіе въ Россійскаго библейскаго Общества въличныя деньги и тѣ, которыхъ не ручались отъ продажи переданныхъ изъ оного книгъ св. писаній, причислены къ типографскому капиталу въ количествѣ 105,666 р. 34 к. сер., и засимъ нераспроданныхъ книгъ св. писаній, доставившихъ изъ Россійскаго библейскаго Общества, къ 1 января 1858 г. осталось въ судодельныхъ книжныхъ запасахъ на 69,881 р. 40 к. сер.

(Библіозр. заміски).

ПРЕДВОЛІНІІ О НЕДОСТАТОКЕ СПЕЧЕСТВЕННЫХЪ ДАРОВАНІЙ. — Въ сімдесятъ изъ послѣдніхъ собраній Императорскаго Казанскаго экономического Общества читана была записка члена-сотрудника Общества, учителя С. Петербургскаго Рождественскаго уѣзда Евентьевъ А. Г. Евентьевъ, обращающаго вниманіе общества на пользу и необходимость учрежденія въ Россіи, по примѣру Общества поощренія художниковъ, общества покровительства и поощренія отечественныхъ дарований. «Извѣстно мнѣ изъ опыта, пишетъ г. Евентьевъ, что въ глупи провинціальной жизни, преимущественно въ малообразованномъ и бѣдномъ классѣ народа, немало явлется людей съ отличными дарованиями. Въ безплодной борѣѣ съ гнетущей нуждой и людскою несправедливостью, они скоро растрачиваютъ свои физическія и умственныя силы, и переходятъ въ разрядъ обывательскихъ людей, или преждевременно склоняются въ могилу. Для каждого честнаго человѣка и образованнаго гражданина — доводить о такихъ даровитыхъ людяхъ до всеобщаго свѣдѣнія, посредствомъ органовъ гласности, т.-е. газетъ и журналовъ, и особенно извѣщать о нихъ ученую публику и правительство. Но, сколько извѣстно мнѣ, рѣдко это исполняется, и потому настойчивѣющая необходимость учрежденія въ Россіи въ обѣихъ столицахъ, съ отдѣленіями во всѣхъ губернскихъ и уѣзденыхъ городахъ и многолюднѣйшихъ селеніяхъ, по примѣру Общества поощренія художниковъ, — Общества покровительства и поощренія отечественныхъ дарований, въ какомъ-бы родѣ эти дарования ни были, — такъ чтобы каждый талантъ находилъ въ означеннѣ обществъ покровительство и сочувstie и, при просвѣщенномъ его содѣйствіемъ,

развития и совершенствование своих способности для благородной страны. Нашлась возможность къ учреждению въ Россіи рѣзкъ бѣлье или менѣе специальныхъ ученыхъ обществъ, найдутся средства и къ основанию общества покровительства и поощрения отечественныхъ дарований во всѣхъ родахъ». Приведемъ мысль г. Евлеиньева въознѣ достойною вниманія и современію, но не имѣя средствъ къ возможному осуществленію ея съ своей стороны, Императорское Казанское экономическое Общество постановило: «сообщить копіи съ записки г. Евлеиньева Обществамъ С.-Петербургскому вольному экономическому и Московскому сельскаго хозяйства, на ихъ благосмотрѣніе и заключеніе, присовокупивъ вѣдѣть съ тѣмъ, что, при осуществленіи этого предположенія, Казанское экономическое Общество не откажется содействовать достижению цѣли, по мѣрѣ возможности».

— Помоное съ...
— Это съ...
— Это съ...

Академикъ Богородскій. — Въ «Отчетѣ» Императорскаго университета св. Владимира за 1858 годъ мы нашли слѣдующее извѣстіе о бывшемъ профессорѣ этого университета Богородскому. 26 ноября 1857 года скончался ординарный профессоръ законовъ уголовныхъ и законовъ благочинія, статскій советникъ Савва Осиповичъ Богородскій. Онъ былъ изъ тѣхъ воспитанниковъ духовныхъ академій, которые, назадъ тому тридцать лѣтъ, по мысли графа Сперанского, призваны II-мъ отдѣленіемъ Собственной Его Императорскаго Величества канцелярии — обновить сословіе нашихъ ученыхъ юристовъ и дать жизнь ученому Русскому законодательству. Кромѣ того онъ принадлежитъ къ числу профессоровъ, которые впервые открыли преподаваніе юридическихъ наукъ въ университетѣ св. Владимира. С. О. Богородскій родился въ 1804 году, Ярославской губерніи, Мологскаго уѣзда, въ с. Стадновѣ, гдѣ отецъ его былъ церковнымъ дьячкомъ. Первоначальное образованіе получилъ онъ въ Ярославской духовной семинаріи, гдѣ своими отличными способностями и успѣхами въ наукахъ обратилъ на себя внимание Ярославскаго архиепископа Авраама. По окончаніи курса семинаріи, онъ отправленъ былъ для дальнѣйшаго образованія въ С.-Петербургскую духовную академію и здѣсь, въ-течение академического курса, вполнѣ оправдалъ выборъ начальства, отправившаго его въ академію. Между тѣмъ, съ восшествіемъ на престолъ Государя Николая Павловича, началось дѣло приведенія въ лора-

докъ Рускихъ законовъ. Въ то самое время, какъ производились работы по составленію Свода, Сперанскій началъ помышлять о распространеніи въ Имперіи преподаванія Русскаго законодательства и образованіи учёныхъ Русскихъ законовѣдовъ. Для этой цѣли положено было вызвать лучшихъ студентовъ изъ духовныхъ академій, съ тѣмъ чтобы они при II отдѣленіи Собственной Его Императорскаго Величества канцеляріи занялись исключительно изученіемъ законовѣданія. На первый разъ, въ 1828 году, вызвано шесть молодыхъ людей изъ столичныхъ духовныхъ академій, по три изъ каждой. Это были — Благовѣщенскій, Знаменскій и Неволинъ изъ Московской духовной академіи; Шенкенбергъ, Ориатскій и Богородскій изъ С. Петербургской. Всѣ они прикомандированы были ко II-му отдѣленію и здесь, подъ ближайшимъ надзоромъ Сперанскаго и управлявшаго отдѣленіемъ Балугтансаго, сообщены имъ были теоретическія основанія законовѣданія. Главными преподавателями были: Кунинъ, Писовъ и Клоковъ, трудившіеся въ то время во II отдѣленії Арефьевъ излагать имъ исторію. Сверхъ-того молодые люди посѣщали лекціи профессоровъ С. Петербургскаго университета: Шнейдера — по Римскому праву и Графе — по древней филологіи, и занимались изученіемъ новѣйшихъ языковъ: Французскаго, Нѣмецкаго и Англійскаго. Въ слѣдующемъ 1829 году они были отправлены въ Берлинъ для окончательного усовершенствованія въ юридическихъ наукахъ подъ руководствомъ знаменитаго Савинъ. Около 3 лѣтъ пробыли они въ Берлинскому университетѣ, употребляя свободное отъ лекцій время на путешествія по другимъ городамъ Германіи, и въ 1832 году возвратились въ С. Петербургъ. Слѣдующій заѣмъ годъ проведенъ былъ ими въ занятіяхъ при II отдѣленіи и въ приготовленіи къ испытанію на степень доктора законовѣданія. Для производства этого испытанія учрежденъ былъ при С. Петербургскомъ университете особый комитетъ и составлены были программы. Между-тѣмъ, такъ-какъ въ тогдашнихъ университетахъ нашихъ кругъ юридического преподаванія былъ весьма ограниченъ, то, въ виду распросстраненія юридического образованія, въ 1833 году предполагалось учредить особую юридическую академію. Курсъ ученія въ этомъ заведеніи полагалось ограничить двумя годами. Въ преподавателя пред назначались молодые юристы, возвратившіеся изъ-за границы. Объ этомъ сообщили имъ самъ Сперанскій и предоставилъ каждому изъ нихъ выбрать для себя пред-

могъ по собственному желанію. Неволинъ избралъ учрежденія и академію законовѣдѣнія, Орнатскій—гражданскіе законы, Знаменскій—законы благоустройства, а Богородскій—законы уголовные. Предположеніе объ учрежденіи юридической академіи однажды не состоялось. Но въ 1834 году открыть вновь университетъ св. Владимира, и здѣсь въ первый разъ преподаванію законовѣдѣнія даны были нынѣшніе его предѣлы. Сюда предположено было опредѣлить профессорами и юристами, возвратившихся изъ чужихъ краевъ. Впрочемъ, изъ шести молодыхъ людей первогозыва въ это время оставались въ живыхъ только трое: Пѣшколовъ умеръ еще за границею, Знаменскій и Благовѣщенскій — въ Петербургѣ, вскорѣ по выдержаніи докторскаго испытанія. Двое изъ оставшихся, Неволинъ и Орнатскій, заняли уже въ 1834 году каѳедры въ университѣтѣ св. Владимира. Но Богородскому болѣзнь помѣщала держать докторское испытаніе вмѣстѣ съ товарищами, и потому онъ остался въ Петербургѣ еще около года. Почти цѣлый годъ употребленъ имъ былъ для экзамена и обработки докторскаго разсужденія «О философіи уголовныхъ законовъ у древнихъ и новыхъ народовъ». Въ то-же время написанъ имъ некрологъ покойнаго его товарища Знаменскаго и напечатанъ въ видѣ предисловія при докторскомъ разсужденіи сего послѣдняго. Между тѣмъ каѳедру уголовныхъ законовъ,—предметъ, которымъ по-преимуществу занимался Богородскій, въ университѣтѣ св. Владимира занялъ профессоръ Даниловичъ. Но въ то-же время, вслѣдствіе вновь состоявшагося устава университетовъ С. Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго, юридические факультеты и въ этихъ университетахъ также были расширены, какъ и въ университетѣ св. Владимира. Богородскій просилъ объ опредѣленіи его профессоромъ уголовныхъ законовъ въ Московскій университетъ, но желаніе его не исполнилось, и 6 июля 1835 года онъ назначенъ исправляющимъ должность ординарного профессора законовъ государственного благоустройства и благочинія въ университѣтѣ св. Владимира. Въ 1836 году онъ утвержденъ былъ ординарнымъ профессоромъ по соединеннымъ каѳедрамъ законовъ благоустройства и благочинія и законовъ о финансахъ. Въ 1839 году профессоръ Даниловичъ переведенъ былъ въ Москву, а вмѣсто его занялъ каѳедру уголовныхъ законовъ Богородскій, и такимъ-образомъ имѣлъ утѣшніе сдѣлаться преподавателемъ предмета, который любилъ преимущественно предъ прочими частями законовъ.

дѣнія и который обрабатывалъ до самой кончины своей. Въ личеніе профессорской службы своей онъ исправлялъ и разные другія должности. Нѣсколько разъ былъ деканомъ юридического факультета; три раза былъ избираемъ въ должность проректора университета и по этому званію исправлялъ нѣсколько разъ должность ректора университета и однажды управлялъ Киевскимъ учебнымъ округомъ (въ 1837 году); почти два года (съ 26 декабря 1837 по 22 ноября 1839 года) былъ цензоромъ Киевскаго цензурного комитета; слишкомъ 9 лѣтъ (съ 22 ноября 1839 по 7 декабря 1848 года) управлялъ дирекціею Киевской 2-й гимназіи и училищъ Киевской губерніи, а при послѣдніхъ выборахъ изъ ректоры университета св. Владимира былъ избранъ вторымъ кандидатомъ на эту должность. Дѣятельнымъ участіемъ своимъ онъ немало содѣйствовалъ къ установленію того внутренняго порядка, который нынѣ существуетъ въ университетѣ св. Владимира и Киевскомъ учебномъ округѣ. Онъ составилъ проектъ объ устройствѣ юридического факультета въ университѣтѣ св. Владимира, который внесенъ былъ въ общий составъ проекта устава университета св. Владимира, Высочайше утвержденаго 9 іюля 1842 года. Кромѣ того составилъ проекты объ устройствѣ механической школы и земледѣльческихъ хуторовъ, объ отмѣнѣ семестровъ въ университѣтѣ, о введеніи преподаванія сельскаго хозяйства въ гимназіяхъ. Принималъ дѣятельное участіе въ комиссіяхъ, составлявшихся по распоряженію начальства для разныхъ предметовъ, а именно: въ 1837 году предсѣдательствовалъ въ комитетѣ для составленія программъ испытанія учениковъ гимназій и уѣздныхъ училищъ; въ 1838 году, въ качествѣ предсѣдателя, участвовалъ въ комитетѣ, составленномъ для соображенія и исчисленія издержекъ на учрежденіе при университѣтѣ св. Владимира практическій и земледѣльческихъ хуторовъ и для обсужденія мѣръ къ открытию при университѣтѣ публичныхъ практическихъ лекцій механики, химіи и торговаго счетоводства; въ качествѣ члена участвовалъ въ комитетахъ: для составленія правилъ испытанія на званіе старшихъ и младшихъ учителей гимназій, для составленія общей инструкціи библіотекарю университета, для опредѣленія количества дровъ на отопленіе университетскихъ зданій, для приведенія въ лучшее состояніе университетской типографіи. Въ 1854 году, по выслугѣ 25 лѣтъ по учебной части министерства народнаго просвѣщенія, онъ вышелъ въ отставку. Но вносились, когда

объявленный университетомъ конкурсъ на каѳедру уголовныхъ законовъ остался безъ усівха, юридический факультетъ университета, желаю въспользоватися общирными познаніями, опытностью и отличнымъ преподаваніемъ г. Богбродскаго, ходатайствовалъ обѣмѣрданіи его ordinariymъ профессоромъ уголовныхъ законовъ. Затѣмъ 30 апраля 1857 года онъ снова занялъ каѳедру законовъ уголовныхъ и законовъ благочинія, но, къ сожалѣнію, не надолго. Дней за 10 до смерти онъ представилъ въ юридический факультетъ сочиненіе свое, подъ заглавиемъ: «Очеркъ исторіи уголовного законодательства въ Европѣ съ начала XVIII вѣка», и ходатайствовалъ о напечатаніи его на счетъ университета. Сочиненіе это, по мнѣнію юридического факультета, есть важное пріобрѣтеніе для юридическихъ наукъ. Въ немъ сть обширною ученостю, поинтою въ глубокую основательностію изложено постепенное развиціе и настоящее состояніе уголовного законодательства въ Европѣ; объясненное самостоятельнымъ взглядомъ автора и теоретическими изслѣдованіями важнѣйшихъ криминалистовъ Германіи, Франціи, Англіи и Италии. Это сочиненіе нетолько важно въ ученомъ отношеніи, но можетъ быть весьма полезнымъ для государственныхъ самовніковъ, участвующихъ законосовѣщательно въ образованіи нашего уголовного законодательства. Сочиненіе это предположено было, согласно желанію автора и ходатайству юридического факультета, напечатать на счетъ университета; но осуществленіе этого предположенія пріостановилось по случаю смерти автора и неизвѣстности университету намѣреній его наследниковъ относительно рукописи этого сочиненія.

ЧТЕНИЯ ВИДАВУЩИМИ ПРИ ГУЗДНЫХЪ УЧИЛИЩАХЪ СТАВРОПОЛЬСКОЙ ГУБЕРНИИ. — Въ Русскомъ педагогическомъ Вѣстникѣ сообщены подробныя свѣдѣнія объ устройствѣ публичныхъ библиотекъ при уѣздныхъ училищахъ Ставропольской губерніи. Въ то время, какъ въ газетахъ и журналахъ прошлаго года шли томки о распространеніи чтеній въ народѣ, посредствомъ устройства по городамъ публичныхъ библиотекъ, въ то время, когда дѣялись громкія объявленія объ учрежденіи на этотъ предметъ даже особыхъ компаний на акціяхъ, въ Ставропольской губерніи мысль эта производилась безъ всякаго шума и рекламы, безъ всякихъ особыхъ сборовъ, одними училищными средствами.

Директоръ Ставропольской гимназіи Я. М. Невѣровъ дѣскелько лѣтъ тому назадъ вмѣнилъ смотрителямъ уѣздныхъ училищъ въ обязанность назначать два раза въ недѣлю, въ послѣбѣднее время, особые часы, въ которые желающіе изъ училищъ собирались бы въ училище для чтенія книгъ, подъ надзоромъ самого смотрителя или кого-либо изъ учителей. Въ концѣ прошедшаго года Я. М. Невѣровъ испросилъ у высшаго начальства дозволеніе открыть училищныя библіотеки для всѣхъ желающихъ. Развѣніе вскорѣ послѣдовало, и нынѣ библіотеки училищъ Моздокскаго, Кизлярскаго, Георгіевскаго и Пятигорскаго (*) открыты для мѣстной публики на самыхъ умѣренныхъ условіяхъ. Каждый желающій брать книги на дому платить въ годъ 3 руб. сер. за право брать одну или двѣ книги за одинъ разъ, 4 руб.—за три книги и 5 руб. за четыре или пять книгъ за одинъ разъ. Лица, служащія или имѣющія свои дома въ городѣ, не представляютъ никакого обезспеченія; прочія же вносятъ залогъ, равный суммѣ аборонента. Газеты и журналы читаются въ самой библіотекѣ, а выдаются на дому только по полученію новыхъ номеровъ того-же изданія, при чемъ вносится въ библіотеку еще 1 руб., сверхъ платы за чтеніе книгъ. Можно абонироваться на чтеніе газетъ и журналовъ отдельно: въ такомъ случаѣ платится 2 руб. въ годъ за право чтенія въ самой библіотекѣ и 3 руб. за право получения на дому. Каждый абонентъ, платящій 3 руб., можетъ назначить къ выпискѣ одно сочиненіе въ годъ, платящій 4 руб.—два сочиненія, а платящій 5 руб.—три. Желанія эти исполняются по истеченіи года, смотря по мѣрѣ средствъ библіотеки. Бѣдные ученики пользуются книгами бесплатно, но не иначе, какъ въ самой библіотекѣ, въ опредѣленные часы, два раза въ недѣлю. Не дѣаемъ большихъ извѣщений изъ библіотечныхъ правъ и заключень нашу замѣтку желаніемъ, чтобы примиѣръ Ставропольской дирекціи училищъ нашелъ себя какъ можно болѣе подражателей. Тогда, Богъ дастъ, распроstrarится въ народѣ скова къ чтенію и безъ помощи акціонерныхъ обществъ.

(Русск. Диал.)

(*) Такъ-какъ Пятигорская библіотека менѣе другихъ, а въ этотъ городъ лѣтомъ стѣжается на тамошнія минеральныя воды много посѣтителей, которыхъ негдѣ прочесть простой газеты, то испрошено употреблять ежегодно до 100 руб. сер. изъ экономическихъ суммъ училища, чтобы иметь возможность, кроме книгъ, пріобрѣсть еще два-три журнала.

СТАВКА УЗДДАГО УЧИЛИЩА ВЪ СЕВАСТОПОЛЕ. — Въ Одесскомъ вѣстѣ напечатано: «По просьбѣ гражданъ города Севастополя, при участіи г. Севастопольскаго военнаго губернатора, г. директоръ училищъ Таврической губерніи исходатайствовалъ у г. попечителя Одесскаго учебнаго округа разрѣшеніе открыть въ Севастополѣ (закрытыя съ 1854 года, по случаю войны) уздуное и приходское училища. При усердномъ содѣйствіи въ этомъ благомъ дѣлѣ всего городскаго общества, 20-го января Севастопольскіе граждане праздновали открытие училищъ. Нельзя не порадоваться живому сочувствію къ дѣлу народнаго образования, выраженному Севастопольскимъ купеческимъ обществомъ, при общемъ стараніи котораго, въ самое короткое время, на его собственный счетъ, несмотря на бѣдственное положеніе многихъ купцовъ по случаю бывшей войны, изготовлена необходимая для училищъ мебель и нанята на счетъ городскихъ доходовъ очень удобный двухъ-этажный домъ».

ОТКРЫТИЕ ДНЕВНОГО УЧИЛИЩА ВЪ Г. РЫЛЬСКѢ. — Въ Русскомъ дневнике напечатано: Въ 1848 году въ г. Рыльскѣ основано было женское начальное училище, преимущественно для бѣднаго класса жителей. Основатель этого училища, Рыльскій купецъ В. И. Аристарховъ, взносилъ ежегодно въ пользу училища по 325 р. и, кроме того, доставлялъ всѣ необходимыя пособія ученицамъ. Пользуясь этимъ благодѣяніемъ, болѣе ста девицъ обучалось въ этомъ училищѣ закону Божію, ариѳметикѣ, чтенію, письму и рукодѣлію, и некоторые изъ нихъ, уже вслѣдствіе своей образованности, вышли замужъ за зажиточныхъ торговцевъ и живутъ благословляя имя своего благодѣтеля. Это благотворное дѣло, къ несчастію, имѣло печальный исходъ. В. И. Аристарховъ, къ простотѣ благороднаго сердца, довѣрилъ свой капиталъ людямъ, недостойныи этого довѣрія, и, вслѣдствіе этого, его торговыя дѣла разстроились, а вскорѣ затѣмъ онъ долженъ былъ вовсе прекратить торговлю. Несмотря на то, онъ болѣе двухъ лѣтъ по прекращеніи торговли съ любовью поддерживалъ начатое имъ съятое дѣло, и только въ началѣ прошлаго года обстоятельства принудили его прекратить благодѣяніе. Трогательно было прощаніе отца-блого дѣтеля съ дѣтьми: всѣ они болѣе или менѣе сознавали свою утрату, и эта скорбь души отражалась на

и въ лицахъ. Быть-можеть, такъ начали и окончилось бы существование женского училища въ Рыльскѣ, еслибы не нашелъ новый благодѣтель — И. К. Шелеховъ, и еслибы не принялъ г. директоръ училища дѣятельного участія къ возобновленію этого святаго дѣла. Признавая прежде взносимую сумму недостаточную для поддержанія училища, г. Шелеховъ обѣзлся взносить ежегодно во 400 р. и сверхъ-того дасть въ свое мѣсто помѣщеніе училищу. Правительство возложило на него обязанность почетнаго блюстителя. 13 февраля посгѣдовало открытие училища, въ-присутствіи всѣхъ почетныхъ лицъ города. По совершеніи мѣлбствія, новый почетный блюститель, раздавъ дѣтямъ нѣсколько фунтовъ конфетъ, пригласилъ всѣхъ бывшихъ при открытии на обѣдь, причемъ учитель уѣзднаго училища *Постоевъ* произнесъ слѣдующую рѣчь: «Ми. гг. Позвольте мнѣ, при настоящемъ торжествѣ во имя общественнаго образования, сказать и вѣроятно искреннихъ словъ. Не подумайте, что я, какъ членъ педагогической семьи, хочу говорить о пользѣ общественнаго образования. Нѣть, цитаты на эту тему, еще такъ недавно остававшіяся гласомъ воющаго, нынѣ излишнее многословіе: теплое слово Державнаго Отца освѣтило, какъ лучъ, теплые закоулки нашего обширнаго отечества и показало необходимость образования. Вотъ почему нынѣ приходится не доказывать давнюю доказанную пользу просвѣщенія, но пересмотрѣть въ старину нерѣшеннія, полуза забытыя вѣковыя задачи, какъ достичь этой цѣли. Много было сказано о средствахъ, болѣе или менѣе дѣйствительныхъ, къ достижению этой цѣли: каждый предлагалъ свою мысль о преобразованіи школъ, обѣ увеличеніи ихъ и о многомъ другомъ; но — странное дѣло! — всѣ эти преобразованія и улучшенія касались только мужскихъ школъ, а о воспитаніи женщины говорили немногіе и говорѣли ихъ оставался безответнымъ, до той поры; пока вѣткая Монархія не обратила своихъ милостивыхъ взоровъ на образованіе женщины. На этотъ краткій призывъ Матери отклинулась вся Россія: нынѣ женскія училища открываются везде, гдѣ представляется возможность. И нельзя было ожидать иначе. Кому неизвестно, какую важную роль играеть матъ въ воспитаніи дѣтей? Съ молокомъ матери дитя всасываетъ или ея добродѣтели, или ея пороки; съ самаго ранняго возраста вліяніе ея религіозно-нравственныхъ убѣжденій дѣйствуетъ на дитя или живительно, или губительно, и отъ этого вліянія итъ-исхода. Какъ послѣ этого

не благоговѣть предъ мудрою заботливостію Державы? Мачини приготовить для будущаго неколѣнія разумныхъ мастерей и разумныхъ хозяекъ? Къ части города Рыльска, мысль о воспитаніи женщины, осуществлялась въ немъ гораздо раньше многихъ городовъ. Достойный представитель Русскаго купечества В. П. простеръ свою щадрую руку на бѣдныи классъ жителей Рыльска и съ полнымъ самоотверженіемъ осуществилъ свою мысль. Но, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, его святое дѣло не принесло бы желаемыхъ плодовъ, еслибы не нашелся другой благодѣтель Иванъ Кузьмичъ. Понтификъ, Рыльскъ справедливо можетъ гордиться этими благородными, безкорыстными личностями, не жалѣющими ни трудовъ, ни издержекъ для блага своихъ невѣшнихъ братьевъ. Отъ лица всѣхъ моихъ товарищъ поздравляю васъ, благодѣтельный Иванъ Кузьмичъ, на новомъ для васъ попрѣцѣ педагогической дѣятельности, искренно желаю, чтобы усилія ваши на пользу ближнаго увѣличались полнымъ успѣхомъ. Мы увѣрены, что и товарищи наши, которымъ предстоитъ завидная доля действовать на открытомъ вами разсадникѣ образованія, не пожалѣютъ своихъ усилий для исполненія святой обязанности. Послѣ этого провозглашены были тосты за здоровье Государя ИМПЕРАТОРА и Государыни ИМПЕРАТРИЦЫ, сопровождаемые громкими «ура» Радушный хозяинъ предложилъ потомъ тосты за здоровье г. министра народнаго просвѣщенія Е. П. Ковалевской, г. попечителя Харьковскаго университета П. В. Зимовьева, г. директора училищъ Д. Г. Жаворонкова, бывшаго почетнаго блюстителя В. И. Аристархова. Потомъ всѣ гости единодушно провозгласили тостъ за здоровье благотворитея И. К. Шелехова.

Дѣятія Дерптскаго комитета евангелическаго библейскаго общества.— Дерптскій комитетъ евангелическаго библейскаго Общества имѣлъ 14-го января свое годичное собраніе. Въ отчетѣ Общества сказано, что оно раздало въ прошломъ году 40 біблій на Нѣмецкомъ языке и 347 на Эстскомъ, 94 книги Нового Завѣта на Нѣмецкомъ и 1,672 на Эстскомъ, съ псалмами, и 130 псалтирей на Дерптско-Эстскомъ нарѣчіи; сверхъ-того оно продало 920 біблій на Эстскомъ языкѣ комитетамъ Перново-Феллинисому, Аренсбургскому, Ревельскому и С.-Петербургскому. Дохода Общество получило въ году 328 р. 61 коп. отъ пожертвованій и 2,231 р. 84 коп. отъ про-

даны книгу; всего 2,555 р. 45 коп. Израсходовано на печатание и покупку духовныхъ книгъ 1,783 р. 70 коп., на переплеть 276 р. 50 коп., на пересыпку и другія мелкія издержки 37 р. 11 к., всего 2,097 р. 31 коп.

ШИРОКЪ: Э. Х. Траутфеттеръ, О. Киницъ, Р. Коллонгъ.—Ученый и учебный миръ Пршибалтійского края нашлся въ-течение недѣлъ трехъ значительныхъ и просвѣщенныхъ дѣятелей: 14 января скончался въ Митавѣ бывшій старшій учитель Митавской гимназіи Эрикъ Христіанъ Траутфеттеръ, 17 числа числа умеръ въ Дератѣ редакторъ газеты «Inland» Оскаръ Киницъ, и 19 того-же мѣсяца въ Митавѣ учитель естественныхъ наукъ при Митавскомъ реальнемъ училищѣ Робертъ Коллонгъ.—Эрикъ Траутфеттеръ, отецъ нынѣшняго ректора университета св. Владимира, въ Киевѣ, достигъ глубокой старости и до послѣднихъ дней своей жизни отличался необыкновеннымъ и замѣднымъ для его преклонныхъ лѣтъ здоровьемъ, бодростью духа, свѣжестю умственныхъ силъ и постояннымъ сочувствіемъ современному развитію и движенію наукъ. Онъ родился въ Саксоніи, первоначальное воспитаніе получивъ въ Майнингенскомъ лицѣ, а потомъ обучался въ университетахъ Геттингенскомъ въ Іенскомъ богословію и философіи. Вступленіе его въ домъ графа Медема, владѣльца имѣнія Гросъ-Ауцъ, къ Курляндіи, въ качествѣ домашнаго учителя, рѣшило его судьбу и открыло ему то попраше дѣятельности, на которомъ онъ такъ долго и съ такою честію подвизался. Въ 1808 году онъ удостоился отъ Іенскаго университета степени доктора философіи и былъ избранъ въ профессоры Латинскаго языка и литературы при Митавской высшей гимназіи (*gymnasium illustre*), но съ измѣненіемъ въ слѣдующемъ-же году штата этого учебнаго заведенія, быть утвержденъ въ званіи старшаго учителя и служить до 1838 года. Кроме обширныхъ свѣдѣній и многихъ сочиненій по главному предмету своихъ занятій, онъ славился большими познаніями по части естественныхъ наукъ и занимался ими съ особыніемъ пристрастіемъ. Траутфеттеръ былъ одинъ изъ основателей Курляндскаго Общества литературы и искусства и завѣдывалъ его библіотекою; его неутомимая дѣятельность по разнымъ отраслямъ человѣческаго знанія доставила ему такую известность, что онъ принадлежалъ къ числу членовъ ученыхъ обществъ въ Констан-

гемъ; Берлинѣ, Ригѣ, Москве и былъ членомъ-корреспондентомъ Императорскаго Русскаго географическаго Общества. Привлѣкательность, заснованное обращеніе и скромность составляли отличительныя черты его характера.— Оскаръ Киницъ родился въ Курляндіи, былъ сыномъ пастора въ имѣніи Грезенъ, обучался въ Дерптскомъ университѣтѣ богословскими наукамъ, пріобрѣлъ степень кандидата, былъ нѣсколько времени домашнимъ учителемъ, еодержателемъ частнаго пансіона въ Лемзаль и наконецъ редакторомъ газеты «Inland». Онъ былъ не только весьма разносторонне и основательно образованный человѣкъ, но и обладалъ замѣчательнымъ даромъ литературнаго творчества. Кроме критическихъ статей съ отрицательнымъ направленіемъ, въ которыхъ онъ для истины и достоинства науки не стѣснялся авторитетами извѣстныхъ въ Прибалтийскомъ краѣ лицъ, и поэтому нажилъ себѣ многихъ недоброжелателей, онъ издалъ одинъ томъ исторіи Лифляндіи, написалъ драму «Коринская невѣста» и сочинилъ романъ «Константинополь и Аени», въ которомъ поражаетъ тщательное и вѣрное описание мѣстностей до такой степени, что въ критическихъ разборахъ этого сочиненія за границею было высказано мнѣніе, будто бы сочинитель нѣсколько лѣтъ прожилъ на Востокѣ, между тѣмъ-какъ онъ дальше Дерпта никогда не былъ. Киницъ скончался 43 лѣтъ отъ роду.— Робертъ Коллонгъ, сынъ Рижскаго гражданина, обучался въ Рижской гимназіи и по окончаніи курса наукъ отправился за границу слушать лекціи естественныхъ наукъ въ Гейдельбергъ, которыми онъ любилъ заниматься предпочтительно уже во время посѣщенія гимназіи. По возвращеніи изъ-за границы, онъ нѣсколько лѣтъ былъ домашнимъ учителемъ въ Одессѣ, въ Малороссіи и въ Курляндіи, и наконецъ былъ опредѣленъ въ 1856 году учителемъ естественныхъ наукъ въ Рижское уѣздное Екатерининское училище, а оттуда перемѣщенъ, въ началѣ прошлаго года, въ Митавское реальное училище. Здѣсь суждено было ему посвятить себя тому роду занятій, къ которому онъ такъ долго и съ такою любовью готовился. На Коллонгѣ лежала обязанность положить въ первомъ реальному училищѣ Прибалтийскаго края прочное начало тѣмъ наукамъ, потребность въ которыхъ ощущается теперь все болѣе и болѣе и на введеніе которыхъ мѣстные ученые, нечего грѣха таить, посматриваютъ искона, не довѣряя ихъ пользѣ и вліянію на развитіе умственныхъ способностей настолько, сколько привыкли ожидать этого отъ изученія древ-

никъ языковъ. Коллонгъ вносиъ сознавалъ эти обязанности и съ особеннымъ усердiemъ и рвениемъ старался внушить обучаемому имъ юношеству охоту къ приобрѣтенію познаній въ естественныхъ наукахъ, которымъ было преданъ всею душою. На 40 году жизни прервалась его дѣятельность, исполненная большихъ надеждъ и основательныхъ ожиданий. Въ «Inland» помѣщено нѣсколько статей его изъ области естествознанія, а послѣднее небольшое разсужденіе о реальныхъ училищахъ напечатано въ Рижской Нѣмецкой газетѣ.

(Остан. съст.)

КОНЕЦЪ СІ ЧАСТИ.

СОДЕРЖАНИЕ

СТО ПЕРВОЙ ЧАСТИ

ЖУРНАЛА

МИНИСТЕРСТВА НАРОДНАГО ПРОСВѦЩЕНИЯ.

ОТДѢЛЕНИЕ I.

Дѣйствія правительства.

Высочайшія повелѣнія за ноябрь и декабрь 1858 и за
январь 1859 года.

Стран.

35. (3 ноября) О дозволеніи принимать въ пансионъ состоящій при Ришельевскомъ лицѣ гимназіи дѣтей иностранцевъ.....	3
36. (3 ноября) О назначеніи разъездныхъ денегъ директору Ришельевского лицѣя.....	—
37. (15 ноября) Объ упраздненіи главнаго педагогическаго института и объ устройствѣ въ замѣнѣ оного педагогическихъ курсовъ.....	4
38. (15 ноября) Объ учрежденіи при Устьыссольскомъ женскомъ училищѣ должности почетнаго блюстителя.....	5
39. (17 ноября) Объ учрежденіи въ Поневѣжскомъ уѣздѣ должности втораго почетнаго смотрителя училищъ....	—
40. (17 ноября) О возведеніи класса должности и жалованья архитектора Виленскаго учебнаго округа.....	—
41. (25 ноября) О порученіи инженеръ-подполковнику Стуарту преподаванія строительнаго искусства въ Варшавской художественной школѣ.....	6

42. (29 декабря) Объ открытии при лѣсномъ и межевомъ институтѣ и Лисинскомъ учебномъ лѣсничествѣ специальныхъ курсовъ лѣсоводства для студентовъ университетовъ.....	25
43. (29 декабря) Положение о специальномъ курсѣ лѣсоводства для студентовъ, окончившихъ университетскій курсъ по отдѣленію естественныхъ наукъ.....	—
44. (24 декабря) Объ усиленіи способовъ внутренней цензуры.....	27
45. (24 декабря) О введеніи преподаванія естественныхъ наукъ въ Новочеркасской гимназіи и прѣбавкѣ штатнаго учителя въ Новочеркасское приходское училище.....	28
1. (6 января) Объ опредѣленіи врачей при женскихъ училищахъ министерства народнаго просвѣщенія.....	39
2. (17 января) О наименованіи Осташковскихъ приходскихъ училищъ «Воронинскими».....	—
Высочайшіе приказы за 1858 годъ № 3 и 4.....	7
» » за 1859 годъ № 1, 2 и 3.....	48

Министерскія распоряженія за ноябрь и декабрь 1858 и за январь 1859 года.

22. (14 ноября) Положение о пансионѣ Таганрогской гимназіи съ приготовительнымъ при немъ отдѣленіемъ.....	8
23. (12 декабря) О наблюденіи за занятіемъ врачей, допущенныхъ къ слушанію университетскихъ лекцій въ медицинскомъ факультетѣ	30
24. (12 декабря) Циркулярное предложеніе о вознагражденіи учителей за исправленіе вакантныхъ должностей полными окладами жалованья по ихъ должностямъ	31
25. (12 декабря) Объ увеличеніи содержанія хранителя музея Императорскаго Московскаго университета.....	32
26. (20 декабря) Циркулярное предложеніе о сообщеніи въ придворную Его Императорскаго Величества контору свѣдѣній о перемѣнахъ по службѣ чиновниковъ, имѣющихъ званія камергеровъ и камер-юнкеровъ... .	33
1. (14 января) Объ учрежденіи стипендіи для одного изъ студентовъ Императорскаго Дарптскаго университета.....	51

2. (16 января) О раздѣленіи 3-го класса пятой С. Петербургской гимназіи на два отдѣленія и объ опредѣленіи сверхштатнаго учителя исторіи.....	51
3. (16 января) Объ учрежденіи при восточномъ факультетѣ Императорскаго С. Петербургскаго университета Санскрито-Персидскаго отдѣленія.....	52
4. (28 января) Объ опредѣленіи сверхштатныхъ учителей въ Дерптскую гимназію.....	—
5. (28 января) О новомъ устройствѣ въ Императорскомъ Харьковскомъ университѣтѣ каѳедры врачебнаго веществовслова.....	—
Приказы министра нар. просв. за 1858 годъ № 5, 6, 7, 8, 9, 10.	17
" " " " " за 1859 годъ № 1, 2, 3 и 4.	54

О книгахъ и журналахъ, одобренныхъ для употребленія въ учебныхъ заведеніяхъ.

Livre de lecture et de traductions du fran�ais en russe, сост. Данилевскимъ.....	21
Миръ Божій, сост. Разинъ	23
Подснѣжникъ, журналъ для дѣтскаго чтенія, издаваемый В. Майковымъ.....	38

ОТДѢЛЕНИЕ II.

Словесность, науки и художества.

Эдипъ въ Колонѣ. Трагедія Софокла. Перев. съ Греч. В. И. Водовозова.....	1
Право собственности по Русскому праву. (Изъ лекцій Д. И. Мейера).	101 и 157
Король Лиръ. (Изъ Геренниуса).	241
Введеніе во всеобщее языкознаніе. В. Гумбольдта. Перев. П. С. Билларскаю (продолженіе).....	277
Первая лекція по анатоміи. И. О. Вилькомирскаго.....	328

ОТДѢЛЕНИЕ III.

Изгѣстїя объ отечественныхъ ученыхъ и учебныхъ заведеніяхъ.

Отчетъ II отдѣленія Императорской академіи наукъ за 1858 годъ.....	1
--	---

ОТДѢЛЕНИЕ V.

Історія просвѣщенія и гражданскаго образованія.

Малюѣтъ. Посмертное сочиненіе Арао.....	1
Корнелій Непотъ и его сочиненія. Н. Михайловская.....	27
Перечень замѣчательныхъ людей по ученой и государственно-ученой дѣятельности въ Швеціи, за первую половину XIX вѣка. Священ. А. Соколова.....	63

ОТДѢЛЕНИЕ VI.

Обозрѣніе книгъ и журналовъ.

Книги, изданная въ Россіи:

Изслѣдование о торговлѣ на Украинскихъ ярмаркахъ, соч. И. Аксакова (ред. Д. М.).....	1 и 63
Сборникъ статистическихъ свѣдѣній о Россіи, издаваемый Императорскимъ Русскимъ географическимъ Обществомъ. Томъ третій, изданный подъ редакціею Безобразова. Статья вторая (ред. Н. Ш.).....	89
Описаніе войны между Россіею и Швеціею, въ Финляндіи, въ 1741, 1742 и 1743 годахъ, составленіемъ Н. Шипилевской (ред. М. Семёновская).	101
Повременные изданія въ Россіи въ 1859 году.....	30

ОТДѢЛЕНИЕ VII.

Новости и Съльсъ.

I. Новости естественныхъ наукъ.

О простыхъ тѣлахъ.....	1
Движеніе соковъ въ растеніяхъ	9

Рѣчь Оуэна.....	51
О крахмалѣ.....	65
Мнѣніе Рупредта объ опытахъ Регеля относительно партеногенезиса растеній.....	72
Гоноди грибовъ.....	74
Произвольное зарожденіе.....	111
Жизненный узелъ.....	118
Способъ опредѣлять удѣльный вѣсъ.....	121
Новый родъ червей.....	122

II. Разныя известія.

Торжественное засѣданіе Императорской академіи наукъ.....	20
Общія собранія Императорскаго Русскаго географическаго Общества.....	21 и 32
Открытие духовной семинаріи въ Томскѣ.....	28
Открытие въ Феодосіи Халибовскаго Армянскаго училища.....	25
Общественное образованіе у Менонитовъ.....	34
Задача, предлагаемая на съисканіе преміи Гаредини и Баранова за составленіе исторіи великаго княжества Владимиrскаго.....	37
Пожертвованія на учрежденіе въ Котельничѣ училища для образованія дѣвицъ.....	39
Ламайская медицина.....	40
Примѣрный уставъ новаго предполагаемаго Общества переводчиковъ.....	44
Торжественный актъ Императорскаго Московскаго университета.....	77
Торжественный актъ Императорскаго С.-Петербургскаго университета.....	80
Пятидесятилѣtie С.-Петербургской духовной академіи.....	81
Засѣданія Общества любителей Россійской словесности при Императорскомъ Московскому университѣтѣ.....	85
Торжественный актъ Калужской гимназіи.....	88
Торжественное засѣданіе Московской практической академіи.	89
Конкурсъ между воспитанниками Ставропольской гимназіи..	92
Выдержка изъ «Русскаго дневника».....	97
Рядъ органически-связанныхъ между собою руководствъ по всѣмъ медицинскимъ наукамъ.....	99

Воспоминание об А. О. Валицкомъ.....	102
Училища для образования дѣвицъ въ Вятской губерніи.....	107
Развитіе Русской промышленности посредствомъ акціонерныхъ компаний.....	108
Учрежденія Императрицы Маріи, состоящія подъ непосредственнымъ Ихъ Императорскихъ Величествъ по- кровительствомъ.....	125
О изѣрахъ къ улучшению военно-медицинской части.....	129
Программа историческихъ задачъ, предложенныхъ Импера- торскою академіею наукъ въ публичномъ засѣданіи 29 декабря 1858 года	130
Засѣданіе восточного отдѣленія Императорскаго археоло- гического Общества	134
О заведеніи при палатахъ государственныхъ имуществъ му- зеумовъ разныхъ предметовъ лѣснаго хозяйства.....	135
Учено-литературное предприятіе студентовъ Императорска- го Казанского университета	137
О порядкѣ изданія этнографического сборника Император- скаго Русскаго географическаго Общества.....	138
Российское библейское Общество.....	140
Предположеніе о покровительствѣ отечественныхъ дарованій.	144
Савва Осиповичъ Богородскій.....	145
Публичныя библиотеки при уѣздныхъ училищахъ Ставрополь- ской губерніи.....	149
Открытие уѣзда училища въ Севастополѣ.....	150
Открытие женского училища въ г. Рыльскѣ.....	151
Дѣйствія Дерптскаго комитета евангелическаго библейскаго Общества.....	153
Некрологъ: Э. Х. Траутфесттеръ. О. Киницъ. Р. Коллонъ...	154

ПОПРАВКИ:

	<i>Напечатано:</i>	<i>Должно читать:</i>
Отд. VI, стр. 30, строка 8 (снизу):	юридическихъ	практическихъ
48 » 1 (сверху):	чтение	бесѣда
	14 (снизу): юридическихъ	практическихъ
49 » 8 (сверху): Выходитъ черезъ	два мѣсяца.	Еженедѣльный.

На стр. 55, между городами, въ которыхъ издаются губернскія вѣдомости, слѣдуетъ прибавить г. Красноярскъ.

На стр. 56 и 59 слѣдуетъ исключить Le Dimanche, Tygodnik Petersburski и Teka Wilenska, которые въ 1869 году не явились.

Издание газеты (стр. 59) Słowo прекратилось.

Вместо Магазина модъ и рукодѣлья издается Сандрильона г-жею Кошелевской-же.